

Сергей Михайлович Соловьев
История России с древнейших времен. Книга III. 1463–1584

История России с древнейших времен – 3

Аннотация

Третья книга сочинений С. М. Соловьева включает пятый и шестой тома «Истории России с древнейших времен». Пятый том освещает события периода княжений Ивана III и Василия III; центральное место в шестом томе отведено царствованию Ивана Грозного.

Сергей Михайлович Соловьев
«История России с древнейших времен»
Книга III. 1463–1584

Пятый том

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Новгород Великий

Значение Иоанна III и характер его. – Состояние Новгорода Великого. – Литовская сторона. – Борецкие. – Столкновения с великим князем. – Осторожное поведение великого князя и митрополита. – Избрание владыки. – Вечевая усобица. – Договор с Казимиром литовским. – Война Новгорода с Москвою. – Мир по старине. – Посвящение владыки Феофила. – Новгородское

безнарядье; обиженные обращаются к суду великокняжескому. – Мирный приезд Иоанна в Новгород для упрáva. Суд. – Жалобщики едут в Москву. – Государь и господин. – Иоанн хочет быть государем в Новгороде. – Новая война. – Приравнение Новгорода к Москве. – Движения в Новгороде в пользу старины. – Казни и переселения. – Присоединение Вятки. – Ссоры псковичей с наместниками великокняжескими. – Московский великий князь распоряжается в Рязани. – Присоединение Твери к Москве; окончательное присоединение Ярославля и Ростова.

Иногда видим мы, как целые поколения в продолжение многих и многих лет тяжелыми трудами накаплиют большие богатства: сын прибавляет к тому, что было накоплено отцом, внук увеличивает собранное отцом и дедом; тихо, медленно, незаметно действуют они, подвергаются лишениям, живут бедно; и вот наконец накопленные средства достигают обширных размеров, и вот наконец счастливый наследник трудолюбивых и бережливых предков начинает пользоваться доставшимся ему богатством. Он не расточает его, напротив, увеличивает; но при этом способ его действий по самой обширности средств отличается уже большими размерами, становится громок, виден, обращает на себя всеобщее внимание, ибо имеет влияние на судьбу, на благосостояние многих. Честь и слава человеку, который так благоразумно умел воспользоваться доставшимся ему средствами; но при этом должны ли быть забыты скромные предки, которые своими трудами, бережливостью, лишениями доставили ему эти средства?

Счастливый потомок целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков, Иоанн III вступил на московский престол, когда дело собирания Северо-Восточной Руси могло почитаться уже оконченным; старое здание было совершенно расшатано в своих основаниях, и нужен был последний, уже легкий удар, чтоб дорухнуть его. Отношения всех частей народонаселения ко власти княжеской издавна уже определялись в пользу последней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться преданиями, доставшимися в наследство от Византийской империи, чтоб выказать яснее эти отношения, дать им точнейшее определение. Новгород, Тверь, уделы княжества Московского ждали не последнего удара, но, можно сказать, только первого движения со стороны Москвы, чтоб присоединиться, приравняться к ней. Орда падала сама собою от разделения, усобиц, и стоило только воспользоваться этим разделением и усобицами, чтоб так называемое татарское иго исчезло без больших усилий со стороны Москвы. На западе король польский и великий князь литовский занят внутри разделением между Польшею и Литвою, разделением, господствующим под видом соединения; сильно занят извне отношениями к Пруссии, Богемии, Венгрии, не может мешать Москве в ее усилении, не может бороться с нею и уступает ей целые области. Спокойный, единовластный внутри, московский князь пользуется своими средствами, пользуется собранием Северо-Восточной Руси, совершенным его предками, пользуется счастливыми внешними обстоятельствами, затруднительным положением соседей, чтоб начать наступательное движение на восток, на племена финские, на царства татарские, относительно же юго-запада припоминает, что Киев, Смоленск, Витебск и Полоцк

издавна его предков отчины. С прекращением внутреннего движения для собрания земли, с утверждением единовластия и с началом внешних движений замкнутость, отчужденность Северо-Восточной Руси необходимо начинает прекращаться: державы Западной Европы узнают, что на северо-востоке существует обширное, самостоятельное Русское государство кроме той Руси, которая подчинена польским королям, и начинают отправлять в Москву послов, чтоб познакомиться с новым государством и попытаться, нельзя ли употребить его средства для общих европейских целей. Первым необходимым следствием начавшихся сношений с западными государствами было появление западных художников в Москве, которая таким образом начинает пользоваться плодами европейской цивилизации. Понятно, что все это были только начатки, начатки слабые: сношения с западными державами не шли далее Италии, Дании, Германской империи; сношения с последнею скоро должны были прекратиться, по недостатку общих интересов; как и прежде, татарские орды на востоке и юге, Литва и Швеция на западе ограничивали политический горизонт Московского государства.

Таковы были следствия собрания Русской земли около Москвы, следствия, необходимо обнаружившиеся во второй половине XV века, в княжение Иоанна III, который, пользуясь полученными от предков средствами, пользуясь счастливым положением своим относительно соседних государств, доканчивает старое и вместе с тем необходимо начинает новое. Это новое не есть следствие его одной деятельности; но Иоанну III принадлежит почетное место среди собирателей Русской земли, среди образователей Московского государства; Иоанну III принадлежит честь за то, что он умел пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, в которых находился во все продолжение жизни. При пользовании своими средствами и своим положением Иоанн явился истым потомком Всеволода III и Калиты, истым князем Северной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращение от мер решительных, которыми было можно много выиграть, но и потерять, и при этом стойкость в доведении до конца раз начатого, хладнокровие – вот отличительные черты деятельности Иоанна III. Благодаря известиям венецианца Контарини мы можем иметь некоторое понятие и о физических свойствах Иоанна: он был высокий, худощавый, красивый мужчина; из прозвища Горбатый, которое встречается в некоторых летописях, должно заключать, что он при высоком росте был сутуловат.

Мы видели, что только увещания новгородского архиепископа Ионы, пользовавшегося особенным уважением в Москве, и последовавшая вскоре смерть великого князя отвратили от Новгорода последний удар, который хотел нанести ему Василий Темный, жаловавшийся, что новгородцы не чтут его как следует. Действительно, особый быт Новгорода давно уже поддерживался только усобицами княжескими, и необходимым следствием их прекращения было приравнение Новгорода к другим городам Северной Руси, полное подчинение его князьям московским; Василий Темный, как скоро избавился от опасных или беспокойных князей, так начал тяготиться, что Новгород не воздает ему достойной чести, ему, который держит в руках всех князей: понятно, что если сам Василий не успел освободить себя от таких неприятных для него отношений, то сын его должен был об этом позаботиться. Новгородцы не могли не понимать всей опасности своего положения, не могли не видеть, что против сына Василиева не

будет им помощи ни от кого из князей Северной Руси, и потому должны были искать помощи в другой стороне. Кроме великого князя московского, теперь сильного, спокойного, замышлявшего нанести последний удар Новгороду, был еще великий князь литовский, который назывался также и русским; к этому князю отъезжали из Северо-Восточной Руси все князья недовольные, лишенные отчин, угрожаемые князем московским; к нему обратились и новгородцы в последний, решительный час. Но великий князь литовский и вместе король польский был католик; отложиться от московского князя и поддаться литовскому, отложиться от московского митрополита и признать свою зависимость от митрополита киевского, митрополита подозрительного по своему поставлению, ученика Исидорова, в глазах многих, в глазах большинства в Новгороде, в глазах всего северного русского народонаселения значило изменить православие, приложиться к латинству или по крайней мере подвергнуть древнее благочестие сильной опасности. Таким образом, мысль о подданстве великому князю литовскому встречала сопротивление в господствующем чувстве большинства в Новгороде, в привязанности к вере предков; таким образом, Москва в окончательной борьбе своей с Новгородом имела могущественного нравственного союзника, обещавшего верную победу; этот союзник было православие.

И прежде не раз великие князья литовские предлагали свое покровительство Новгороду; их предложения были отвергаемы; и нельзя не заметить, что главным побуждением к тому было иноверство Гедиминовичей, хотя, с другой стороны, и от Москвы не было еще тогда такой опасности, которая бы заставила новгородцев быть внимательнее к предложениям из Литвы. Но мысль, что рано или поздно придется просить помощи у Литвы, эта мысль не могла уже быть чуждою в Новгороде, и здесь нашлись люди, которые не разделяли мнения большинства относительно препятствий к соединению с Литвою. Заметно было уже и прежде раздвоение между гражданами новгородскими, между лучшими и меньшими людьми; теперь, в решительную минуту, это разделение повело к разномыслию относительно самого важного шага, а это разномыслие в свою очередь усиливало вражду между сторонами. Есть известие, что будто бы еще в тридцатых годах столетия была в Новгороде смута от желания знатных людей присоединиться к Литве. В решительную минуту борьбы Новгород был разделен; в Москве не могли не знать о существовании литовской стороны, которая, разумеется, должна была утверждать, что соединение с Литвою вовсе не опасно для православия, что в старом Киеве такой же православный митрополит, как и в Москве. Для ослабления литовской стороны надобно было возражать на это, надобно было удержать прежде всего владыку новгородского от признания киевского митрополита Григория православным, законным, и вот Иоанн III посылает к владыке Ионе с такими речами: «Тебе известно, откуда пришел этот Григорий и от кого поставлен: пришел он из Рима, от папы, и поставлен в Риме же бывшим цареградским патриархом Григорием, который повинился папе с осьмого собора. Ты знаешь также, за сколько лет отделилась греческая церковь от латинской, и святыми отцами утверждено, чтоб не соединяться с латинством. Ты должен хорошо помнить, какой обет дал ты Ионе-митрополиту, когда приезжал к нам в Москву: ты обещал не приступать к Григорию, не отступать от Ионы – митрополита всея Руси – и от его преемников; такой же обет повторил и митрополиту Феодосию, и нынешнему Филиппу... Так если тот Григорий начнет

подсылать к тебе или к новгородцам с какими-нибудь речами или письмами, то ты, богомолец наш, поберегись и своим детям внуши, чтоб Григорьеву посланию не верили, речей его не слушали и даров не принимали; да помни, отец, свой обет, который ты дал на своем поставлении отцу нашему, Ионе-митрополиту, и всем его преемникам».

В челе стороны литовской стояли Борецкие, дети умершего посадника Исака Борецкого. Мы видели, какое важное значение в семействах княжеских получали матери по смерти отцов; так было и в семьях частных: вдова Исака Борецкого, Марфа, имела сильную власть над детьми по обычаю и по личному характеру и посредством этой власти пользовалась могущественным влиянием на дела родного города. Существование сильной стороны, Москве враждебной, ожесточение, так резко обнаружившееся в некоторых новгородцах после похода Василия Темного, не могли не повести к враждебным столкновениям Новгорода с Москвою в княжение преемника Василиева: в Новгороде стали утаивать великокняжеские пошрины; стали заводить опять за себя земли и воды, уступленные прежде по суду Москве; с большого веча шумная толпа людей являлась на великокняжеский двор, на Городище, бранили, бесчестили наместников, посла Иоаннова; по одному из условий договора Васильева московские подданные, тяжущиеся с новгородцами, судились новгородским боярином вместе с московским на Городище; новгородцы, забыв об этом условии, схватили на Городище каких-то двух князей, за отказом в имени великого князя, людей их взяли, били, свели в город и мучили; наконец, новгородские порубежники нападали на волости московские. Великий князь во все это время был занят войною казанскою; с другой стороны, по природной осторожности своей он мог бояться решительными, строгими требованиями усилить, увеличить число приверженцев литовских и заставить Новгород поддаться Казимиру. Несколько раз отправлял он в Новгород послов с требованием, чтобы отчина его исправилась, жила по старине. Теперь это слово «старина» в устах великокняжеских получала особое значение: до сих пор в отношении к великим князьям новгородцы имели важное преимущество действовать во имя старины; теперь, замышляя подданство литовское, они теряли это преимущество, переходившее на сторону великого князя; сперва новгородцы не требовали от князей ничего более, кроме исполнения старинных условий; теперь великий князь требует от новгородцев сохранения старины.

И митрополит московский держался также старины: мы видели, что псковичи постоянно тяготились зависимостью своей от владыки новгородского, который, в их глазах, не исполнял своих обязанностей в отношении к ним, как следует, отчего происходили сильные неурядица в псковской церкви. В конце 1463 года псковичи отправили к великому князю гонца с двумя грамотами: в одной написана была благодарность от всего Пскова за то, что Иоанн прислал воеводу своего оборонять Псков от немцев, причем прибавлено: «Хотели мы слать к тебе, своему государю, людей честных, посадников и бояр, да затем не послали, что не пропустит Великий Новгород». Великий князь с удивлением сказал гонцу: «Как это вы побоялись моей отчины, Великого Новгорода? Как новгородцам не пропустить ваших послов ко мне, когда они у меня в крестном целовании?» Другая грамота объясняла дело: в ней псковичи просили, чтобы великий князь велел митрополиту поставить особого владыку во Псков, их же брата, псковитина.

Иоанн отвечал: «Это дело великое: хотим о нем с отцом своим, митрополитом, крепко подумать; отец наш пошлет за архиепископами и епископами, и если они все согласятся, то мы вам дадим знать». В начале следующего года псковичи возобновили просьбу через знатных послов, которые привезли великому князю в подарок 50 рублей; но успеха не было: Иоанн, подумавши с митрополитом, объявил, что нельзя быть во Пскове особому владыке, потому что с самого начала не бывал и нет стола во Пскове. Псковичи принуждены были возвратить новгородскому владыке воды, земли и все оброки, которые было захватили в надежде, что Москва исполнит их желание. В конце 1468 года они попытались было опять ввести новизну в своем церковном управлении, и опять неудачно: все монахи и священники псковские, все пять соборов, благословивши посадников и весь Псков на вече, сказали: «Хотим, дети, между собою, по правилам св. апостол и св. отец, во всем священстве крепость положить, как нам управляться и жить по Номоканону; а вы нам, дети, будьте поборники, потому что здесь правителя над нами нет и нам самим между собою крепости удержать нельзя, да и вы иногда вступаетесь миром в церковные дела не по правилам: так мы хотим и на вас такую же крепость положить». Псков им отвечал: «То ведаете вы, все божие священство; и мы вам поборники на всякий добрый совет». Тогда все пять соборов и все священство написали грамоту из Номоканона о своих священнических крепостях и о церковных делах и положили грамоту в ларь, а для исполнения грамоты правителями над собой на вече перед всем Псковом посадили двоих священников. Но скоро клеветники встали на одного из этих правителей, и он убежал в Новгород к владыке. Владыка, узнавши о новизне, приехал в начале 1469 года во Псков и спросил: «Кто это так сделал без моего ведома? Я сам хочу здесь судить, и вы бы грамоту вынули и подрали». Все божие священство, посадники и весь Псков, подумавши, отвечали: «Сам, господин, знаешь, что тебе здесь недолго быть и нашего дела тебе скоро нельзя управить, потому что в это последнее время в церквах между священниками смущение сильное, так что всего и сказать нельзя, сами они хорошо об этом знают; так вот, грамоту из Номоканона выписали и в ларь положили по вашему же слову; сам ты, господин, и прежние владыки благословляли пять соборов управлять всякими делами священническими по Номоканону вместе с своим наместником». Владыка сказал: «Доложу об этом митрополиту и дам вам знать, как он прикажет». Митрополит благословил, а великий князь приказал, чтоб псковичи все управление священническое положили на архиепископе новгородском, потому что так искони предано, и весь Псков митрополичье благословение и государя своего, великого князя, слово принял, вынул грамоту из ларя и подрал.

Между тем в Москву приехал из Новгорода посол, посадник Василий Ананьин, правил посольство о своих делах земских новгородских, относительно же великокняжеских жалоб не сказал ни слова и, когда бояре напомнили ему о них, отвечал: «Великий Новгород об этом не мне приказал». Великого князя раздосадовала такая грубость, что новгородцы о своих земских делах к нему посылают и челом бьют, а в чем ему грубят, то забывают; он велел Ананьину сказать новгородцам: «Исправьтесь, отчина моя, сознайтесь, в земли и воды мои не вступайтесь, имя мое держите честно и грозно по старине, ко мне посылайте бить челом по dokonчанию, а я вас, свою отчину, жаловать хочу и в старине держу». Отправивши такое умеренное требование, без всяких угроз, Иоанн,

однако, не очень надеялся на удовлетворительный для себя ответ со стороны Новгорода и стал думать о походе, послал сказать псковичам: «Если Великий Новгород не добьет мне челом о моих старинах, то отчина моя Псков послужил бы мне, великому князю, на Великий Новгород за мои старины».

В таком положении находились дела, когда в ноябре 1470 года умер новгородский владыка Иона, а чрез два дня после его смерти приехал в Новгород брат киевского князя – наместника Семена, Михаиле Александрович или Олелькович, выпрошенный Новгородом у короля Казимира, приехал в сопровождении многочисленной толпы и был принят с честью. Принимать с честью князей литовских и давать им кормление на пригородах не было новостью для Новгорода, и подобные приемы прежде не вели к разрыву с московскими князьями, которые продолжали держать в Новгороде своих наместников. Так и теперь новгородцы, принявши Олельковича, не показали пути наместникам Иоанновым; но теперь обстоятельства были уже другие; теперь пробил решительный час, теперь громко и ясно был высказан вопрос: оставаться ли за Москвою или просить покровительства у короля литовского? И при решении этого вопроса город разделился на две стороны. Олельковича выпросили у Казимира не для защиты от шведов или немцев, выпросила его сторона литовская для усиления себя, для угрозы Москве.

Через десять дней после смерти Ионы посадники, тысяцкие и весь Великий Новгород, поставя вече у св. Софии, положили три жребия на престоле: жребий Варсонофия, духовника, Пимена, ключника, и Феофила, ризничьего архиепископских; вынул жребий Феофилов; избранного по старине ввели честно во владычней двор, на сени, и по старине отправили посла в Москву бить челом великому князю, просить опасной грамоты для приезда Феофила и посвящения его в архиепископы у гроба чудотворца Петра. Но сторона литовская, Борецкие с Олельковичем действовали: говорят, что князь Михаил указывал Марфе жениха в одном из панов литовских, в будущем наместнике новгородском, с которым она станет правительницею родного города. Ключник владычней Пимен, потерявши надежду стать архиепископом по жребию, думал получить свое желание при новом порядке вещей, тем более что Феофил был за старину, требовал, чтоб его отправили непременно на поставление в Москву; Пимен, напротив, стал объявлять: «Хотя на Киев меня пошлите, я и туда на свое постановление поеду»; хозяин богатой казны архиепископской, Пимен передал много денег Марфе для подкупа людей на свою сторону. Но такое поведение Пимена, разграбление казны владычней и желание идти наперекор священному древнему обычаю, по которому был избран Феофил, возбудили сильное негодование в Новгороде: Пимена схватили, мучили, казну его разграбили и, кроме того, взыскали 1000 рублей. Пришел и ответ из Москвы на просьбу о позволении приехать Феофилу; великий князь велел сказать: «Отчина моя Великий Новгород прислал ко мне бить челом, и я его жалую, нареченному владыке Феофилу велю быть у себя и у митрополита для поставленья без всяких зацепок, по прежнему обычаю, как было при отце моем, деде и прадедах».

Люди, не хотевшие разрывать с Москвою, и в том числе Феофил, обрадовались дружелюбному ответу Иоаннову; но в это самое время явились послы псковские с такой речью: «Нас великий князь, а наш государь поднимает на вас; от вас же, своей отчины, челобитья хочет. Если вам будет надобно, то мы за

вас, свою братью, ради отправить посла к великому князю, бить челом о миродокончальной с вами грамоте: так вы бы послам нашим дали путь по своей вотчине к великому князю». Это посольство доставило приверженцам литовским предлог к восстанию; на вече раздалось голоса: «Не хотим за великого князя московского, не хотим называться его отчиною, мы люди вольные; не хотим терпеть обиды от Москвы, хотим за короля Казимира! Московский князь присылает опасную грамоту нареченному владыке, а между тем поднимает на нас псковичей и сам хочет идти!» В ответ слышались крики стороны противной: «Хотим, по старине, к Москве! Нельзя нам отдаться за короля и поставить владыку у себя от митрополита-латинца». Вечевая усобица должна была решить вопрос о том, за кем быть Новгороду – за литовским или московским князем, как прежде она решала, какого князя принять – киевского, черниговского или суздальского? Природа веча давала стороне богатейшей возможность осилить противников менее богатых наймом людей, которые продавали не только свои голоса на вече, но и свои руки, когда дело доходило до схватки: по словам летописца, приверженцы Литвы стали нанимать худых мужиков вечников, которые готовы стать за всякого, по своему обычаю; вечники начали звонить в колокола, кричать: «Хотим за короля!» – и бросать камнями в тех, которые хотели оставаться за московским князем. Наконец литовская сторона осилила: отправили посла с поминками и с челобитьем к королю, и король заключил договор со всем Великим Новгородом, мужами вольными: обязался держать на Городище наместника веры греческой, православного христианства; наместник, дворецкий и тиуны королевские, живя на Городище, не могли иметь при себе более пятидесяти человек. Пойдет великий князь московский на Великий Новгород, или сын его, или брат или которую землю поднимет на Великий Новгород, королю садиться на коня за Новгород со всею Радою литовскою; если же король, не помилив Новгорода с московским князем, поедет в Польскую землю или Немецкую и без него пойдет Москва на Новгород, то Рада литовская садится на коня и обороняет Новгород. Король не отнимает у новгородцев их веры греческой православной, и где будет любо Великому Новгороду, тут и поставит себе владыку; римских церквей король не ставит ни в Новгороде, ни в пригородах, ни по всей земле Новгородской. Что в Пскове суд, печать и земли Великого Новгорода, то к Великому Новгороду по старине. Если король помирит Новгород с московским князем, то возьмет черный бор по новгородским волостям, один раз, по старым грамотам, а в иные годы черного бору ему не надобно. Король держит Новгород в воле мужей вольных, по их старине и по крестной грамоте; целует крест ко всему Великому Новгороду за все свое княжество и за всю Раду литовскую. Между этими условиями с Казимиром не встречаем условия о праве короля раздавать волости, грамоты вместе с посадником, не лишать волостей без вины; нет условия о праве короля брать дар со всех волостей новгородских, о праве охотиться в известных местах, посылать своего осетреника и медовара; о праве посылать своего мужа за Волок; замечательно в договоре с Казимиром выражение «вольные люди», которое повторяют новгородцы, говоря о себе, чего не находим в прежних договорах с князьями Рюриковичами; наконец, должно заметить, что новгородцы требуют от Казимира присяги за Раду литовскую, о Польше не упоминается ни слова.

Отправивши послов в Литву, послали сказать псковичам: «Вашего посла к великому князю не хотим поднимать, и сами ему челом бить не хотим; а вы бы за нас против великого князя на коня сели, по своему с нами миродокончанию». Псков дал на это такой ответ: «Как вам князь великий отошлет складную грамоту, то объявите нам, мы тогда, подумавши, ответим». Но псковичи недолго думали и объявили московскому послу, что будут помогать великому князю.

Последний, узнав о победе литовской стороны, хотел испытать еще мирные средства и отправил в Новгород посла с жалованием и добрыми речами, «чтобы отчина его, новгородцы, от православия не отступали, лихую мысль из сердца выкинули, к латинству не приставали и ему бы, великому князю, челом били, да исправились, а он, великий государь, жалует их и в старине держит». Митрополит Филипп также послал увещательные грамоты: «Сами знаете, дети, с какого времени господари православные, великие князья русские начались; начались они с великого князя Владимира, продолжаются до нынешнего Иоанна Васильевича; они господари христианские русские и ваши господа, отчичи и дедичи, а вы их отчина из старины мужи вольные. Господин и сын мой князь великий сказывает, что жаловал вас и в старине держал и вперед жаловать хочет, а вы, сказывает, своих обещаний ему не исполняете... Ваши лиходеи наговаривают вам на великого князя: „Опасную-то грамоту он владыке нареченному дал, а между тем псковичей на нас поднимает и сам хочет на нас идти“. Дети! Такие мысли враг дьявол вкладывает людям: князь великий еще до смерти владыки и до вашего челобитья об опасной грамоте послал сказать псковичам, чтобы они были готовы идти на вас, если вы не исправитесь; а когда вы прислали челобитье, так и его жалованье к вам тотчас пошло. И о том, дети, подумайте: царствующий град Константинополь до тех пор непоколебимо стоял, пока соблюдал православие; а когда оставил истину, то и впал в руки поганых. Сколько лет ваши прадеды своей старины держались неотступно; а вы при конце последнего времени, когда человеку нужно душу свою спасти в православии, вы теперь, оставя старину, хотите за латинского господаря закладываться! Много у вас людей молодых, которые еще не навыкли доброй старине, как стоять и побороть по благочестии, а иные, оставшись по смерти отцов ненаказанными, как жить в благочестии, собираются в сонмы и поощряют на земское неустроение. А вы, сыны православные, старые посадники новгородские и тысяцкие, и бояре, и купцы, и весь Великий Новгород, сами остерегитесь, старые молодых понаучите, лихих удержите от злого начинания, чтоб не было у вас латинские похвалы на веру православных людей».

Все эти увещания не помогли, надобно было садиться на коня. В мае 1471 года великий князь созывает на думу братьев своих, митрополита, архиереев, бояр и воевод, объявляет, что необходимо выступить в поход на новгородцев за их отступление, но спрашивает, выступать ли немедленно или ждать зимы, потому что земля Новгородская наполнена большими озерами, реками, болотами непроходимыми; прежние великие князья летом на Новгород не хаживали, а кто ходил, тот много людей терял. Решили выступить немедленно, и великий князь занялся распоряжениями к походу: беречь Москву и управлять Русскою землею во время отсутствия своего оставил сына Иоанна, при котором приказал быть брату Андрею Васильевичу Старшему вместе с служилым татарским царевичем Муртозою. С собою в поход брал великий князь братьев – Юрия, Андрея

Меньшого и Бориса, князя Михаила Андреевича Верейского с сыном и другого татарского служилого царевича – Даньяра; выпросил с собою в поход у матери дьяка ее, Степана Бородатого, знавшего хорошо летописи, умевшего приискать в них, что нужно к делу: на случай если придут новгородские послы, то Степан напомнит ему, что говорить о их старых изменах, как они изменяли в давние времена отцам его, дедам и прадедам. В Новгород отправлен был посол с разметными грамотами, в Тверь – с просьбою о помощи, во Псков и Вятку – с приказом идти на новгородские владения. И прежде в летописях отражается нерасположение северо-восточного народонаселения к Новгороду: но теперь, при описании похода 1471 года, замечаем сильное ожесточение. «Неверные, – говорит летописец, – изначала не знают бога; а эти новгородцы столько лет были в христианстве и под конец начали отступать к латинству; великий князь пошел на них не как на христиан, но как на иноязычников и на отступников от православия; отступили они не только от своего государя – и от самого господа бога; как прежде прадед его, великий князь Димитрий, вооружился на безбожного Мамаю, так и благоверный великий князь Иоанн пошел на этих отступников».

Первый отряд под начальством князя Даниила Дмитриевича Холмского и боярина Феодора Давыдовича в числе 10000 выступил в начале июня к Русе; за ним пошел отряд под начальством князя Оболенского-Стриги вместе с Даньяровыми татарами к Вышнему Волочку и потом по Мсте; трое братьев великокняжеских и князь Верейский двинулись с полками каждый из своей отчины. Все эти войска вступили разными дорогами в Новгородскую землю и начали страшно опустошать ее: воеводам велено было распустить ратников по многим местам – жечь, пленить и казнить без милости жителей за их неисправление к своему государю, великому князю. Сам Иоанн выступил 20 июня с главными силами и царевичем Даньяром. 23 пришел в Волок, 29 остановился в Торжке, куда явились к нему воеводы тверские со многими людьми, явились и послы псковские с объявлением, что Псков сложил крестное целование к Новгороду.

К московскому князю приходила помощь с разных сторон; Великому Новгороду не было помощи ниоткуда; король Казимир не трогался; даже князь Михаил Олелькович, услышав о смерти брата своего, Семена, в Киеве, еще 15 марта уехал из Новгорода да на дороге пограбил Русу и от нее все места до самой границы; другого служилого князя своего, Рюриковича, князя Василия Шуйского-Гребенку, новгородцы отправили на защиту Заволочья; они послали просить помощи у Ордена, и магистр ливонский писал к Великому, что Орден должен помочь Новгороду, ибо если московский князь овладеет последним, то немцам будет грозить большая опасность. Но пока магистры пересылались, московский князь уже успел совершить опасное для них дело: передовые полки его под начальством князя Холмского сожгли Русу 23 июня и на берегу Ильменя, у Коростыни, побили отряд новгородцев, которые, приплыв озером, хотели нечаянно напасть на москвичей; но сзади, на реке Поле, явилась другая новгородская рать; московские воеводы побили и эту, возвратясь от Русы. Легко поверить новгородскому летописцу, что причиной неуспеха его земляков было раздвоение, господствовавшее в их городе: конная рать не пошла к пешей в срок на помощь, потому что полк владычней не хотел ударить на великокняжескую

рать, говорил: «Владыка нам не велел на великого князя рук поднимать, он послал нас только на псковичей».

К псковичам в половине июня приехал московский посол понуждать их к немедленному походу. Они отослали складные грамоты в Новгород, а послу сказали: «Как только услышим великого князя в Новгородской земле, так и сядем на коней за своего государя». В Петров день приехал из Русы московский боярин Зиновьев и начал каждый день твердить псковичам: «Садитесь сейчас же со мною на коней, я к вам отпущен от великого князя, воеводой приехал». Зиновьев привел с собою сто человек дружины, и Пскову был большой убыток: много выходило корму на людей и на лошадей. И вот псковичи 10 июля тронулись в поход всем городом и пригородами под начальством сына своего князя-наместника, Василия Федоровича Шуйского, и четырнадцати посадников. Новгородцы, услышав об этом и безопасные со стороны Холмского, отвлеченного к реке Поле, решили выступить против псковичей и стали собирать огромное войско. Но уже из самого способа, каким набиралось это войско, можно было предвидеть неудачу: приверженцы Литвы, затеявшие войну, силой выгнали в поход плотников, гончаров и других ремесленников, которые отроду и на лошадь не саживались; кто не хотел идти, тех грабили, били, бросали в Волхов. Таким образом набралось тысяч сорок войска и пошло под начальством степенного посадника Димитрия Борецкого по левому берегу Шелони навстречу псковичам; но не с ними оно встретилось. Великий князь 9 июля стоял у озера Коломны, недалеко от Вышнего Волочка, когда Холмской дал ему знать о битве на Поле и о своем движении к Демону; Иоанн немедленно же велел ему идти назад, к Шелони, для соединения с псковичами, а у Демона приказал стоять князю Верейскому. Холмской двинулся назад и 14 июля завидел полки новгородские, шедшие по той стороне Шелони; московские воеводы, несмотря на огромную разницу в числе войска (у них было немного более 4000, а у новгородцев – до 40000), решились вступить в битву: ратники их переправились через реку и ударили на новгородцев, которые не выдержали натиска и побежали; по новгородским же известиям, новгородцы прогнали москвичей за Шелонь, но западная рать татарская внезапно ударила на них и решила дело в пользу войск великокняжеских. Как бы то ни было, новгородцы потерпели страшное поражение, потеряли, по их счету, двенадцать тысяч убитыми и тысячу семьсот взятых в плен; в числе последних находился степенный посадник Борецкий вместе с другими воеводами; в обозе победители нашли и договорную грамоту новгородцев с Казимиром и отослали ее к великому князю.

С другой стороны, псковичи, узнавши, что новгородцы жгут их пограничные волости, выезжая из Вышгорода, осадили это место, начали бить пушками, стрелами стрелять, примет приметывать. Первый день новгородцы крепко оборонялись, но на другой день, видя, что у них нет ни запасов, ни воды, вышли со крестами на заборало и начали говорить осаждающим: «В чем вы изобижены, то ведает государь наш и ваш, князь великий, и Великий Новгород; а вы бы над нами свое милосердие показали, мы же вам животворящий крест целуем», – и отдали весь псковский полон, даже стрелы, собравши их на городе или кругом заборал. Псковичи челобитье их приняли, кровь их пощадили, отступили от городка и занялись опустошением пограничных мест верст на 50 и больше. Не так был счастлив другой полуторатысячный отряд псковичей, собранный из охочих

людей, которые отправились на север: за рекой Лютой, притоком Плюсы, ударили на них врасплох новгородцы и разбили наголову; но скоро весть о Шелонском поражении заставила победителей бежать с места победы.

Великий князь получил весть о победе, когда стоял в Яжолбицах, в 120 верстах от Новгорода; отсюда он двинулся к югу и стал против Демона, который сдался князю Верейскому, заплативши сто рублей окупа; от Демона Иоанн пошел к Русе и вступил в нее 24 июля; он ждал послов новгородских с челобитьем, потому что еще из-под Демона отпустил в Новгород гонца, иррезжавшего за опасной грамотой, но вместо того получил весть, что Новгород волнуется по-прежнему. Несмотря на Шелонское поражение, несмотря на то, что здесь литовская сторона лишилась предводителей своих, взятых в плен, несмотря на то, что гонец, посланный к Казимиру для понуждения его садиться поскорее на коня за Новгород, возвратился с печальной вестью, что магистр ливонский не пропустил его через свою землю (если магистру не нравилось господство московского князя над Новгородом, то еще более должно было не нравиться господство литовского князя по тогдашним отношениям обоих орденов к Казимиру), несмотря на все это, когда в Новгороде узнали, что Иоанн в Русе, то встал сильный мятеж, сторожа заняли стены и башни, переменяясь день и ночь, а люди по-прежнему разделились: одни хотели за Москву, а другие – за Литву. Узнав об этом, Иоанн сильно рассердился и велел казнить Борецкого с тремя другими знатнейшими пленниками. «Вы за короля задаваться хотели», – сказал он им. Новгородцы приготовились защищаться, пожегши все посады около города, казнили переветника Упадыша, который с своими единомышленниками пять пушек железом заколачивал; но скоро увидали, что сопротивление не может быть продолжительно: хлеб вздорожал, рожь исчезла на торгу, можно было найти пшеничный хлеб, да и того мало. Тогда потребители ржаного хлеба поднялись на потребителей пшеничного, укоряя их за то, что они привели великого князя на Новгород; это значило, что московская сторона взяла верх, и вот нареченный владыка Феофил с старыми посадниками и житыми людьми поехал бить челом великому князю, который стоял уже при устье Шелони, на Коростыне. Феофил сначала обратился с челобитьем к князьям, боярам и воеводам, чтоб просили за Новгород братьев великокняжеских, а чтоб эти просили уже самого великого князя; митрополит из Москвы также писал, что если новгородцы придут с челобитьем, то чтоб великий князь утолил свой гнев. Иоанн принял новгородское челобитье, велел перестать жечь и пленить и дал мир Новгороду по старине; но за новгородскую проступку взял 15000 рублей деньгами в отчет, а серебром в отвес, кроме того, что передано было братьям великокняжеским, князьям, боярам, воеводам московским за ходатайство. В договоре, заключенном по старине, новгородцы обязались: «За короля и за великого князя литовского, кто на Литве ни будет, от вас великих князей (Иоанна и сына его) нам, вашей отчине Великому Новгороду, мужам вольным, не отдаться никакою хитростью и быть нам от вас неотступными ни к кому; князей нам у великого князя литовского на пригороды не просить и не принимать князей из Литвы в Великий Новгород. А на владычество нам выбирать по своей старине; ставиться же нашему владыке у гроба св. Петра-чудотворца в Москве у вас, великих князей, и у вашего отца митрополита, какой митрополит у вас в Москве ни будет; а в другом месте, кроме Москвы, нам владыки нигде не ставить».

Новгородцы начали переговоры с великим князем, еще не зная о другом своем несчастье: в Двинской области воевода их, князь Василий Шуйский, имея двенадцатитысячный отряд войска, встретился на берегах Двины с устюжским великокняжеским воеводою Образцом и вятчанами, у которых было менее 4000 войска: жаркая битва продолжалась целый день, секлись, схватывая друг друга за руки; двинский знаменщик был убит, знамя подхватил другой, убит был и этот, подхватил и третий, наконец убили и третьего, знамя перешло в руки москвичей, и двиняне дрогнули; князь Шуйский спасся бегством, раненый; новгородский летописец складывает вину поражения на двинян, говорит, что они не тянули по князе Шуйском. С другой стороны, вологодский воевода князя Андрея Васильевича Меньшого повоевал Кокшенгу. Заключая договор по старине, Иоанн возвратил Новгороду его заволоцкие владения, но при этом был сделан строгий перебор, и новгородцы должны были отдать все волости великокняжеские и ростовских князей, захваченные ими прежде и в последнюю войну. Таким образом, многие волости разделались пополам между Москвою и Новгородом, например Емец, Матигоры, Кур-остров, Чухчелема, Ухть-остров, Лисичь-остров; другие, которые прежде мы видели за Новгородом, отошли все к Москве без раздела, например Колмогоры, Ненокса, Уна и проч. Вся земля Новгородская, говорит летописец, до самого моря была пожжена и поплена, потому что опустошали ее не одни те войска, которые были с великим князем или его братьями, но изо всех земель московских ходили толпы за добычею в новгородские волости. Беды не прекратились и по отходе великокняжеских войск: жители Русы, бежавшие в Новгород во время войны, теперь отправились домой по Ильменю; но поднялась страшная буря и потопила их: погибло 90 учанов и 60 малых судов, в одном месте нашли 120 трупов. И не тут только природа объявила себя против Новгорода, за Москву; опасения, что трудно будет идти под Новгород летом по причине многих вод и болот, на этот раз не оправдались; как нарочно, лето было знойное, от мая до сентября не упало ни капли дождя; не было нигде преграды московским ратникам, которые гнали скот по болотам и местам, прежде непроходимым.

1 сентября возвратился Иоанн в Москву: того же 1471 года в декабре приехал туда нареченный владыка новгородский Феофил и был посвящен; Феофил просил свободы новгородским пленникам, и великий князь исполнил его просьбу; отправил и наместников своих в Новгород по-прежнему. Казалось, что все уладилось, но так могло казаться только: долговременное отсутствие великих князей, долговременная невозможность для них заниматься внутренними делами Новгорода ослабили, привели в забвение, но не уничтожили прав их здесь; теперь же великий князь московский получил возможность дать силу этим правам. При ослаблении власти княжеской вследствие постоянной борьбы многих князей-соперников образовались стороны, также постоянно боровшиеся между собою; богатый боярин, имевший средства платить многочисленным вечникам, мог отважиться на все, мог отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбления; иногда целые улицы, целые концы враждовали друг с другом, стоя за то или другое лицо, за того или другого чиновника гражданского; сила решала спор; предводитель восторжествовавшей стороны достигал должности посадника и в этом звании позволял себе мстить тем гражданам, тем улицам, тем концам, которые были против него. Что оставалось побежденным и слабым? Молчать и

ждать благоприятных обстоятельств, ждать усиления своей стороны, которое подаст им возможность собраться на вече, низложить соперников и поступить с ними по их же примеру. В таком состоянии находились дела, когда великий князь был далеко, а наместников мало слушались. Но теперь, когда великий князь хотел и мог восстановить свое старинное значение верховного судьи, теперь стороне угнетенной не нужно было долго дожидаться удобного случая к низложению врагов своих: она могла отдать свое дело на решение великого князя. Посадник степенный Василий Ананьин с 18 другими боярами своей стороны, наехавши с многочисленным отрядом на две улицы, Славкову и Никитину, людей переграбил и перебил, многих даже до смерти, имения взял на тысячу рублей. В то же время староста Федоровской улицы Памфил вместе с двумя боярами, которые участвовали и в нападении на две упомянутые улицы, ударил на двор двух братьев, бояр Полинарьиных, людей у них перебил, имения пограбил на 500 рублей. Любопытно, что между виновниками этих насилий встречаем имена известных врагов Москвы: это обстоятельство может навести на мысль, что здесь действовали также и причины политические, что на эту борьбу должно смотреть как на продолжение борьбы двух сторон – литовской и московской. В нападении на Славкову и Никитину улицы участвовали: Селезневые – Матвей и Яков, которых брат Василий был казнен вместе с Димитрием Борецким; Андрей Телятев и Моисей Федоров; Павел Телятев и Яков Федоров были также схвачены в Шелонской битве и отосланы в Коломну; Афанасьевы, которых Иоанн, как увидим впоследствии, считал самыми жаркими приверженцами Литвы; наконец, в числе вельмож, на которых были поданы жалобы и которые были обвинены Иоанном, видим Федора Исакова Борецкого. Но если сообщники степенного посадника Ананьина были приверженцами Литвы, то можно заключить, что и сам посадник не был доброжелателем Москвы. Как бы то ни было, обиженные посадником и его товарищами послали жаловаться на них в Москву. Псковский летописец говорит, что житые и младшие люди сами призвали великого князя, потому что обижали их посадник и великие бояре, не знавшие над собою суда; но мы не можем принять этого известия без ограничения: кроме борьбы сословий тут мы видим и борьбу сторон, ибо между врагами Ананьина и товарищей его встречаем не одних житых и младших граждан, но также бояр Полинарьиных.

22 октября 1475 года Иоанн выехал из Москвы в Новгород, миром, но со многими людьми; в Вышнем Волочке встретил его посол от владыки Феофила с дарами, но тут же встретили его и жалобщики, какой-то Кузьма Яковлев с товарищами; отсюда до самого Новгорода по всем станциям встречали его новгородские чиновники с подарками, начиная от подвойского до посадников, и между ними опять жалобники многие. За 90 верст до города встретил князя владыка Феофил, воевода новгородский, князь Василий Васильевич Шуйский и посадник степенный Ананьин со многими другими духовными, боярами и житыми людьми: владыка поднес две бочки вина, все остальные – по меху вина, и все были угощены обедом. Проведя месяц в дороге, 21 ноября Иоанн въехал в Новгород, встреченный посадниками, житыми людьми, множеством народа, и стал на Городище; владыка прислал двух чиновников своих распоряжаться доставкой съестных припасов ко двору великокняжескому; но великий князь не велел брать от них кормов и осердился на владыку, зачем прислал людей непригожих к делу, незначительных; владыка просил прощения чрез бояр, велел

отпускать припасы наместнику своему, и тогда великий князь нелюбье отложил и пожаловал, велел брать кормы; владыка в день приезда бил челом Иоанну, звал его к себе обедать; но великий князь не пожаловал, не поехал и на другой день позвал к себе на обед владыку, посадника степенного, старых посадников, тысяцких и многих знатных людей; в тот же день нашло к нему множество жалобников, новгородцев и уездных людей; одни пришли просить приставов, чтобы не быть ограбленными от ратников, пришедших с великим князем, другие пришли с жалобами на свою же братию, новгородцев. «Потому что, – говорит летописец, – земля эта давно уже в своей воле жила, о великих князьях небрегла и не слушала их, и много зла было в ней: убийства, грабежи, домам разорение напрасное; кто кого мог, тот того и обижал».

23 ноября въехал Иоанн в город (крепость), где был встречен владыкою со всем духовенством, как приказал сам великий князь. В этот день он слушал обедню у св. Софии и обедал у владыки, причем получил дары: три постава сукон, 100 корабельников (червонцев), зуб рыбий да на проводях две бочки вина. На другой день пошли к великому князю с челобитьем, дарами и жалобами разные люди, а на третий явились главные жалобщики – две улицы, Славкова и Никитина, да братья Полинарьины – и жаловались в присутствии владыки, старых посадников, других бояр и житых людей. Иоанн сказал владыке и посадникам: «Ты, богомолец наш, и вы, посадники, объявите отчине нашей, Великому Новгороду, чтобы дали на этих обидчиков своих приставов, как я дал на них своих, потому что я хочу дело рассмотреть; и ты бы, богомолец мой, и вы, посадники, тогда у меня были: хочется мне обиженным управу дать». Новгородцы дали своих приставов, и в воскресенье 26 ноября обидчики и обиженные все стали перед великим князем на Городище в присутствии Феофила и старых посадников; начался суд, и было решено, что жалобы справедливы. Тогда великий князь велел взять обвиненных, главных посадить за приставами, товарищей их отдать на поруку крепкую, в 1500 рублях; архиепископ взял их на поруку. В то же время Иоанн выслал от себя вон и велел схватить Ивана Афанасьева с сыном за то, что советовали Новгороду отдаться за короля.

Прошел день, другой; на третий явился на Городище владыка и посадники бить великому князю челом от Великого Новгорода, чтобы пожаловал, смиловался, велел освободить посаженных бояр и отдать их на поруку. Великий князь челобитья не принял и сказал: «Известно тебе, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчине нашей, сколько от этих бояр и прежде зла было, а нынче, что ни есть дурного в нашей отчине, все от них; так как же мне их за это дурное жаловать?» В тот же день посадник Ананьин с тремя главными товарищами скованные были отправлены в Москву. Спустя несколько времени пришел опять Феофил с посадниками и многими другими людьми бить челом о помиловании тех товарищей Ананьиных, которые даны были на поруку; это челобитье великий князь принял, велел только взыскать с виноватых 1500 рублей истцовых убытков да свои судные пошлины (свою вину). По окончании этих дел, с 4 декабря, начались пиры у знатнейших новгородцев для великого князя и продолжались до 19 января: каждый хозяин дарил гостя ковшами золотыми, деньгами, мехами, рыбьими зубьями, сукнами, ловчими птицами, вином, лошадьми. Те посадники и тысяцкие, которые не успели дать пиров для великого князя, подносили ему дары, какими хотели дарить на пирах; из купцов и житых людей не остался ни один,

который бы не пришел с дарами, даже и молодые (незначительные) люди многие были у него с дарами и челобитьем; новоизбранный степенный посадник Фома Андреевич Курятник вместе с тысяцким поднесли ему 1000 рублей от всего Великого Новгорода. Во время пиров приехал шведский посол с просьбою о продолжении перемирия; великий князь пожаловал, велел владыке и Новгороду заключить с шведами перемирие по старине и с честью отпустил посла. При всех этих распоряжениях Иоанновых ни один из старых обычаев, ни одно из старых условий не были нарушены: перемирие с соседним государством было заключено владыкою и Новгородом, но с ведома и по приказанию князя; по жалобе новгородцев Иоанн судил, сменил и наказал посадника, ибо имел право верховного суда над всеми, имел право сменять чиновников, объявив только их вину; при этом Иоанн выполнил в точности старинный обычай: давши на обличенных своих приставов, требовал, чтобы Новгород дал также и своих; он заточил осужденного посадника и его товарищей в Москву, но и это была старина: Владимир Мономах, Святослав Ольгович заточали на юг бояр новгородских, и после в договорах это право не было отнято у князей. Иоанн не нарушил ни в чем старины, но давно уже новгородцы отвыкли от нее, ибо в продолжение многих веков великие князья не пользовались своими правами, а новгородцы, пользуясь настоящим, забыли и о прошедшем и о будущем.

Месяц ехал великий князь из Москвы в Новгород; гораздо скорее возвратился из Новгорода в Москву, ибо не был задерживаем на пути: 26 января выехал он из Новгорода, 8 февраля был уже в Москве. И здесь соблюдено было условие старинных договоров: «Когда, князь, поедешь в Новгород, тогда тебе дары брать по постояниям (станциям); когда же поедешь из Новгорода, тогда дара тебе не надобно». В марте приехал в Москву владыка Феофил с боярами просить об освобождении заточенных новгородцев; Иоанн угостил владыку, но из заточенных не отпустил ни одного. Между тем многим понравилось искать защиты от обид на суде великокняжеском; ждать Иоанна, когда он опять приедет в Новгород, было долго, и вот забыли старинное условие: «На Низу новгородца не судить»; стали брать приставов и являться в назначенный срок в Москву на суд. В начале 1477 года приехал посадник Захар Овинов за приставом великокняжеским со многими новгородцами – одним отвечать, на других искать. Вслед за Овиновым приехали другие бояре и многие житые люди, также поселяне, монахи, вдовы и все обиженные, многое множество, искать удовлетворения в обидах и отвечать на жалобы других. «Этого не бывало от начала, – говорит летописец, – как земля их стала и как великие князья пошли от Рюрика на Киеве и на Владимире; один только великий князь Иван Васильевич довел их до этого».

Два шага было сделано; оставалось сделать третий, последний. Все было приготовлено: литовская сторона, пораженная бездействием Казимира, безмолвствовала без глав своих; народ начал смотреть на московского князя как на верховного судью; мало того, были в Новгороде люди, которых летописец называет приятелями князя московского; вече молчало. Но оно могло заговорить при первом удобном случае, при первой победе хана Золотой или Казанской Орды, и посадник все еще сидел в суде подле московского наместника; надобно было освободиться и от веча, и от посадника. Приехали двое послов новгородских, Назар Подвойский и Захар, вечевой дьяк, которые в челобитье назвали Иоанна государем, тогда как прежде, «с тех пор как земля их стала, –

говорит летописец, – того не бывало, ни одного великого князя государем не называли, а только господином». Летописи не сообщают ясных подробностей, кем собственно и как устроено было это дело. В следующем же месяце (апреля 24) отправились послы из Москвы спросить владыку и весь Великий Новгород: «Какого они хотят государства? Хотят ли, чтоб в Новгороде был один суд государя, чтобы тиуны его сидели по всем улицам, хотят ли двор Ярославов очистить для великого князя?» В некоторых летописях говорится, что послы назвали Иоанна государем по решению владыки, бояр, посадников, но без ведома Великого Новгорода; в других говорится, что новгородцы, услышав запрос посла московского, пограбили этих посадников и бояр, дворы, доспехи и всю ратную приправу у них отняли; известный нам Захар Овин оговорил другого боярина, Василия Никифорова, будто бы тот во время поездки своей в Москву присягнул там служить великому князю против Новгорода. 31 мая встал мятеж, собралось вече, пришли на Василия Никифорова, взяли его и привели перед народ, который закричал ему: «Переветник! Был ты у великого князя и целовал ему крест на нас!» Василий отвечал: «Целовал я крест великому князю в том, что буду служить ему правдою и добра ему хотеть, а не целовал я креста на государя своего, Великий Новгород, и на вас, своих господ и братьев». Его убили без милости, иссекли топорами на части; но потом убили и Захара Овина вместе с братом у владыки на дворе, сына Кузьмина замертво оставили, схватили и двоих других бояр. Луку Федорова и Феофилакта Захарьина, но, приведши на вече, пожаловали, взявши с них присягу, что будут хотеть добра Новгороду. С этого времени новгородцы взбесновались, как пьяные, по выражению летописца, посредничество псковитян отвергли, всякий начал толковать свое, и к королю опять захотели; но послов московских держали шесть недель с честью, с честью и отпустили, давши такой ответ великим князьям: «Вам, своим господам, челом бьем, но государями вас не зовем; суд вашим наместникам на Городище по старине, а тиунам вашим у нас не быть, и двора Ярославова не даем; хотим с вами жить, как договорились в последний раз на Коростыни; кто же взялся без нашего ведома иначе сделать, тех казните, как сами знаете, и мы здесь будем их также казнить, кого поймаем; а вам, своим господам, челом бьем, чтоб держали нас в старине, по крестному целованию». Послы и преданные великому князю посадники отправились в Москву и объявили здесь о новгородских событиях. Иоанн пришел к митрополиту с вестью о клятвопреступлении новгородцев: «Я не хотел у них государства, сами присылали, а теперь запираются и на нас ложь положили». Тоже объявил матери, братьям, боярам, воеводам и по общему благословению и совету вооружился на отступников и крестного целования преступников новгородцев.

Услышав об этих вооружениях, новгородцы послали старосту одной из своих улиц в Москву бить челом об опасной грамоте для своих послов; но великий князь велел опасника задержать в Торжке и, несмотря на осеннее время, спешил двинуть отовсюду многочисленные полки к Новгороду: 30 сентября послал он туда складную грамоту, а 9 октября выехал сам из Москвы, оставя здесь по-прежнему сына. Через десять дней великий князь стоял в Торжке; здесь ждали его два посланца новгородских с челобитьем об опасных грамотах, ждали его и два боярина новгородских, братья Клементьевы, с челобитьем о принятии в службу – верное предвещание для успеха! Пробыв четыре дня в Торжке, Иоанн выступил далее на Вышний Волочек, а отсюда пошел между Мстою и Яжелбицкою

дорогою, и в то же время по разным другим дорогам двигались сильные полки московские, тверские, татарские. Прежде, когда Иоанн ходил в Новгород миром, на станциях являлись к нему знатные новгородцы с подарками; теперь они являлись к нему с челобитьем о принятии в службу; так, приехали к нему посадник Тучин, житый человек Савельев. Опасчиков, найденных в Торжке, великий князь велел вести с собою и, только будучи уже во 125 верстах от Новгорода, у Спаса на Еглине, велел им явиться пред себя и дал опасную грамоту. Но если великий князь спешил походом, то новгородцы спешили миром и, не дожидаясь прежних двух опасчиков, выслали третьего; Иоанн объявил ему, что опас уже дан, а сам уже между тем на Полинах, в 120 верстах от Новгорода, урядил полки, как быть в большом полку или в великокняжеском, как в передовом, как в правой и левой руке, и отпустил войска к Новгороду с приказанием занять Городище и монастыри, чтоб новгородцы не сожгли их. Находясь в 50 верстах от Новгорода, у Николы в Тухоле, Иоанн послал приказ псковичам идти на Новгород ратью с пушками, пищальями, самострелами, со всею приправою, с чем к городу приступить, стать на устье Шелони и дожидаться дальнейших приказаний. В 30 верстах от Новгорода, на Сытине, 23 ноября явились к Иоанну владыка Феофил с посадниками и житыми людьми и стали бить челом: «Господин государь князь великий Иван Васильевич всея России! Ты положил гнев свой на отчину свою, на Великий Новгород, меч твой и огонь ходят по Новгородской земле, кровь христианская льется, смилуйся над отчиною своею, меч уйми, огонь утоли, чтобы кровь христианская не лилась: господин государь, пожалуй! Да положил ты опалу на бояр новгородских и на Москву свел их в свой первый приезд: смилуйся, отпусти их в свою отчину, в Новгород Великий». Великий князь не отвечал послам ни слова, но позвал их обедать. На другой день ходили они к брату великокняжескому Андрею Меньшому с подарками, чтоб просил брата за Новгород, и потом пришли к великому князю с просьбою, чтоб пожаловал, велел с боярами поговорить; великий князь выслал к ним троих бояр на говорку. Послы предложили им такие условия, чтоб великий князь ездил в Новгород на четвертый год и брал по 1000 рублей; велел бы суд судить наместнику своему и посаднику в городе, а чего они не управят, тому бы сам князь великий управу чинил, когда приедет на четвертый год, а чтоб позволен на Москву не было; чтоб князь великий не велел своим наместникам владычных судов судить и посадничьих; чтоб великокняжеские подданные в тяжбах своих с новгородцами судились пред наместником и посадником в городе, а не на Городище.

Вместо ответа великий князь велел воеводам своим придвинуться к Новгороду, занять Городище и подгородные монастыри и, получив весть, что приказание его исполнено, велел сказать послам: «Сами вы знаете, что посылали к нам Назара Подвойского и Захара, вечевое дьяка, и назвали нас, великих князей, себе государями; мы, великие князья, по вашей присылке и челобитью послали бояр спросить вас: Какого нашего государства хотите? И вы заперлись, что послов с тем не посылавали, и говорили, что мы вас притесняем. Но кроме того, что вы объявили нас лжецами, много и других ваших к нам неисправлений и нечести. Мы сперва поудержались, ожидая вашего обращения, посылали к вам с увещаниями; но вы не послушались и потому стали нам как чужие. Вы теперь поставили речь о боярах новгородских, на которых я положил опалу, просили, чтоб я их пожаловал,

отпустил; но вы хорошо знаете, что на них бил мне челом весь Великий Новгород как на грабителей, проливавших кровь христианскую. Я, обыскавши владыкою, посадниками и всем Новгородом, нашел, что много зла делается от них нашей отчине, и хотел их казнить; но ты же, владыка, и вы, наша отчина, просили меня за них, и я их помиловал, казнить не велел, а теперь вы о тех же виноватых речь вставляете, чего вам делать не годилось, и после того как нам вас жаловать? Князь великий вам говорит: „Захочет Великий Новгород бить нам челом, и он знает, как ему нам, великим князьям, челом бить“.

Послы отправились назад, в Новгород, а следом за ними двинулся туда и великий князь Ильменем по льду; 27 ноября стал он под городом; в тот же и следующие дни подошли и все другие полки; 30 ноября Иоанн велел воеводам отпустить половину войска за кормами, с тем чтоб через десять дней все были в сборе под Новгородом, послал торопить и псковскую рать. Новгородцам стало очень тяжело, потому что неприятель расположился в их посадах и монастырях, обхвативши город с обеих сторон. Несмотря на то, они сначала сели все в осаде, устроивши себе по обе стороны Волхова и через самую реку на судах стену деревянную. Иоанн видел, что они укрепились хорошо, что если пойти под стену, то с обеих сторон головы станут падать, и потому не хотел брать города приступом, а решился стоять под ним до тех пор, пока голод и теснота заставят осажденных покориться. Чтоб в собственных полках при этом не было ни в чем недостатка, он приказал псковичам прислать муки пшеничной, рыбы, меду, выслать купцов своих со всяким другим товаром, что и было исполнено. В Новгороде между тем народ стал волноваться: одни хотели биться с великим князем, а другие покориться ему, и последних оказалось больше, чем первых. Вследствие этого 4 декабря явился в московском стане опять владыка Феофил с посадниками и житыми; послы били челом, чтоб государь пожаловал, указал своей отчине, как бог положит ему на сердце свою отчину жаловать. Ответ был прежний: «Захочет наша отчина бить нам челом, и она знает, как бить челом». Послы отправились назад, в город, и на другой день возвратились с повинною, что действительно Новгород посылал в Москву Назара да Захара называть великого князя государем и потом заперся. «Если так, – велел отвечать им Иоанн, – если ты, владыка, и вся наша отчина, Великий Новгород, сказались перед нами виноватыми и спрашиваете, как нашему государству быть в нашей отчине, Новгороде, то объявляем, что хотим такого же государства и в Новгороде, какое в Москве». Послы просили, чтоб великий князь отпустил их в город подумать, и дано им два дня на размышление. 7 декабря послы возвратились с новыми просьбами, с новыми уступками: чтоб великий князь велел своему наместнику судить с посадником; чтоб брал каждый год дань со всех волостей новгородских по полугривне с сохи; чтоб держал пригороды новгородские своими наместниками, а суд был бы по старине; чтоб не было вывода и позвов из Новгородской земли; чтоб государь не вступался в боярские земли; чтоб новгородцам не было службы в Низовую землю, чтоб защищали они только свои рубежи. Великий князь велел отвечать им: «Сказано вам, что хотим государства в Великом Новгороде такого же, какое у нас государство в Низовой земле на Москве; а вы теперь сами мне указываете, как нашему государству у вас быть: какое же после этого будет мое государство?» Послы отвечали: «Мы не указываем и государству великих князей урока не кладем; но пожаловали бы государи свою

отчину, объявили Великому Новгороду, как их государству в нем быть, потому что Великий Новгород низовского обычая не знает, не знает, как наши государи великие князья держат свое государство в Низовской земле». «Государство наше таково, – был ответ, – вечевому колоколу в Новгороде не быть; посаднику не быть, а государство все нам держать; волостями, селами нам владеть, как владеем в Низовой земле, чтоб было на чем нам быть в нашей отчине, а которые земли наши за вами, и вы их нам отдайте; вывода не бойтесь, в боярские вотчины не вступаемся, а суду быть по старине, как в земле суд стоит».

Шесть дней думали новгородцы об этом государстве; наконец 14 декабря владыка с посадниками явился и объявил, что вечевой колокол и посадника новгородцы отложили, только бы государь не выводил их, в вотчины их, земли, воды и в имущества не вступался, позвы отложил и службы им в Низовую землю не наряджал. Великий князь всем этим их пожаловал. Тогда они стали бить челом, чтоб государь дал крепость своей отчине, Великому Новгороду, крест бы целовал, и получили в ответ: «Не быть моему целованию»; просили, чтоб бояре целовали крест, – и в том получили отказ; просили, чтоб по крайней мере будущий наместник присягнул, – отказано и в этом; наконец, просили, чтоб великий князь позволил им возвратиться в город и опять подумать, – и этого позволения не дано. Прошло тринадцать дней, прошел праздник Рождества Христова, владыка с посадниками все жил в стане московском, а между тем последний служивый князь новгородский, Василий Васильевич Шуйский, сложил к новгородцам крестное целование на имя великого князя; и новгородцы из страха перед последним не смели ни слова молвить Шуйскому, который безопасно оставался у них после того два дня. Наконец 29 декабря владыка и другие послы сказали боярам московским: «Если государь не жалует, креста не целует и опасной грамоты нам не дает, то пусть сам объявит нам свое жалованье, без боярских высылков». Иоанн велел им войти к себе и сказал: «Просили вы, чтоб вывода, позва на суд и службы в Низовую землю не было, чтоб я в имения и отчины людские не вступался и чтоб суд был по старине, всем этим я вас, свою отчину, жалую». Послы поклонились и вышли. Но скоро нагнали их бояре и начали говорить: «Великий князь велел вам сказать: Великий Новгород должен дать нам волости и села, без того нам нельзя держать государства своего в Великом Новгороде». Послы отвечали: «Скажем об этом Новгороду». Новгород предложил две волости: Луки Великие и Ржеву Пустую; великий князь не взял; предложили десять волостей – не взяли и их; тогда послы сказали, чтоб сам великий князь назначил, сколько ему надобно, волостей; Иоанн назначил половину волостей владычных и монастырских и все новоторжские, чьи бы ни были. Новгородцы согласились, но просили, чтоб половина монастырских волостей была взята только у шести богатых монастырей, у остальных же, бедных, малоземельных, не брать. Великий князь исполнил их просьбу; пожаловал и владыку: вместо половины волостей взял у него только десять. Затем начались переговоры о дани: сначала великий князь хотел брать по полугривне с обжи: новгородскую обжу составлял один человек, пашущий на одной лошади; три обжи составляли соху; пашущий на трех лошадях и сам-третьей составлял также соху. Но владыка от всего города стал бить челом, чтоб великий князь смиловался, брал бы по семи денег с трех обжей один раз в год; Иоанн согласился брать, однажды в год по полугривне с сохи со всех волостей новгородских, на Двине и в Заволочье, на

всяком, кто пашет землю, на ключниках, старостах и холопях одерноватых. Владыка просил также, чтобы великий князь не посылал по новгородским волостям своих писцов и даньщиков, потому что это тяжело будет христианству: положил бы государь это дело на новгородскую душу; новгородцы скажут сами, сколько у кого будет сох, сами соберут дань и отдадут по крестному целованию, без хитрости тому, кому великие князья прикажут; а кто утаит хотя одну обжу и будет уличен, того пришлют к государям на казнь. Иоанн исполнил и эту просьбу, после чего велел очистить для себя двор Ярославов и объявить новгородцам присяжную запись, на которой они должны были целовать ему крест. 13 января 1478 года пришел к великому князю владыка со многими боярами, житыми, купцами и принес присяжную запись; писал ее дьяк владычней, подписал владыка собственной рукою и печать свою приложил, приложили по печати и со всех пяти концов. В тот же день в стане целовали крест на этой записи многие бояре, житые и купцы перед боярами великокняжескими, которые заставили их также обещаться на словах не мстить псковичам за помощь их Москве, не мстить тем боярам и женам их и детям, которые служат великому князю, отказаться от пригородов, Двинской области и Заволочья. Присягнувши, новгородцы просили бояр, чтобы Иоанн сказал им всем вслух свое милостивое слово, и слово это было им сказано: «Даст бог, вперед тебя, своего богомольца, и отчину нашу, Великий Новгород, хотим жаловать». 15 января приехал в Новгород князь Иван Юрьевич Патрикеев с четырьмя другими московскими боярами и созвал весь Новгород в палату, а не на площадь, потому что с этого дня вече уже не было более в Новгороде; Патрикеев начал говорить: «Князь великий Иван Васильевич всея Руси, государь наш, тебе, своему богомольцу владыке, и своей отчине, Великому Новгороду, говорит так: ты, наш богомолец, и вся паша отчина, Великий Новгород, били челом нашим братьям, чтобы я пожаловал, смиловался, нелюбие с сердца отложил; и я, князь великий для братьев своих, пожаловал вас, нелюбие отложил. И ты бы, богомолец наш, и отчина наша, на чем добились нам челом, и грамоту записали, и крест целовали, то бы все исполняли; а мы вас вперед хотим жаловать по вашему исправлению к нам». После этой речи московские бояре стали приводить лучших новгородцев к присяге на владычном дворе, а по концам посланы были для этого дети боярские и дьяки; целовали крест все, не исключая жен и людей боярских; тут, при крестном целовании, взята была и грамота, которую новгородцы написали и укрепили между собою за 58 печатями. 18 января били челом великому князю в службу бояре новгородские и все дети боярские и житые люди. 20 января отправлена была в Москву грамота, что великий князь отчину свою, Великий Новгород, привел во всю свою волю и учинился на нем государем, как и на Москве. Наместниками в Новгороде были назначены князь Иван Васильевич Стрига да брат его, Ярослав, Оболенские, а через несколько дней приданы были к ним еще двое наместников. Оболенские поместились на дворе Ярославовом, сам же великий князь продолжал жить в стане и два раза только въезжал в Новгород для слушания обедни у св. Софии, потому что в городе был мор. Перед отъездом Иоанн велел схватить старосту купеческого Марка Панфилова, боярыню Марфу Борецкую со внуком ее Василием Федоровым, еще пятерых новгородцев и отвезти их в Москву, имение отписать на себя; забраны были и все договоры, когда-либо заключенные новгородцами с князьями литовскими. 17 февраля тронулся Иоанн из стана, 5 марта приехал в Москву; за

ним привезли из Новгорода вечевой колокол и подняли на колокольню на площади кремлевской звонить вместе с другими колоколами.

Но не вдруг мог забыть Новгород свой прежний быт, и противная Москве сторона ждала только первого удобного случая, чтоб снова подняться. Этот удобный случай не замедлил представиться, когда в 1477 году хан Золотой Орды в союзе с Казимиром литовским начал грозить Москве нашествием и когда братья великого князя хотели также воспользоваться этим случаем для возвращения себе старых удельных прав. Иоанну дали тайно знать, что многие новгородцы пересылаются с Казимиром, зовут его к себе, пересылаются и с немцами, король обещал явиться с полками и послал, с одной стороны, к хану Золотой Орды звать его на Москву, а с другой – к папе с просьбою о денежном вспоможении для успеха в деле, которое неминуемо повлечет за собою присоединение важной области к римской церкви. Папа назначил на военные издержки сбор со всех церковью польских и литовских. Иоанн хотел предупредить Казимира и заставить врасплох новгородцев: взяв с собою только тысячу человек, он отправился 26 октября к Новгороду миром, а между тем под предлогом войны с немцами велел сыну набирать войска и спешить за собою следом; заставы были расставлены повсюду, дабы в Новгороде не узнали о наборе и приближении многочисленной рати. Несмотря на то, в Бронницах он получил весть, что новгородцы затворились и не намерены пускать его миром. Тогда Иоанн дождался полков своих и приступил к городу, в котором по-прежнему имел многочисленных приверженцев: они не хотели биться и перебежали к москвичам; архиепископ послал за опасною грамотою, но Иоанн отвечал: «Я сам опас для невинных и государь ваш; отворите ворота: когда войду в город, невинных ничем не оскорблю». А между тем разрушительная стрельба из пушек не прекращалась. Наконец ворота отворились, и владыка, посадник, тысяцкий (ибо новгородцы поспешили восстановить свои древние формы правления), старосты пяти концов, бояре и народ вышли навстречу к великому князю, пали ниц и просили прощения. Иоанн благословился у архиепископа и сказал во всеуслышание: «Я, государь ваш, даю мир всем невинным, не бойтесь ничего!» – и отправился по обычаю к св. Софии, а потом в дом Ефима Медведева, нового посадника, где и остановился. В тот же день 50 человек главных врагов Москвы были захвачены и пытаны. Тут только великий князь узнал об участии владыки в заговоре и о сношениях братьев своих с новгородцами. Феофил был взят и отослан в московский Чудов монастырь под стражу, богатство его отобрано в казну; 100 главных заговорщиков подверглись смертной казни. 100 семей детей боярских и купцов разсланы по низовым городам. Но и этим дело не кончилось: в 1481 году схвачены были четверо новгородских бояр; вражда сторон продолжалась, и следствием было то, что в 1484 году сами же новгородцы прислали донос в Москву, что некоторые из их сограждан пересылались с королем; по этому доносу человек тридцать больших и житых людей было схвачено, дома их разграблены, сами подвергнуты пытке; когда их приговорили к смертной казни, то перед виселицею стали они прощаться друг с другом и каяться, что напрасно клепали друг друга на пытке. Услышав об этом, великий князь не велел их вешать, но велел сковать и посадить в тюрьму, а жен и детей их послать в заточение. В то же время была схвачена и разграблена Настасья, славная и богатая, по выражению летописца, взят и пограблен был также Иван Кузьмин, который во время новгородского взятия с тридцатью

слугами убежал в Литву, но король не оказал ему никакой милости, слуги отстали от него, и он сам-третей прибежал назад, в Новгород, где и был схвачен. В том же 1484 году принужден был по болезни оставить архиепископию владыка Сергей, посвященный в Новгород на место Феофила из старцев Троицкого Сергиева монастыря. Московские летописцы говорят, что новгородцы не хотели покориться Сергию, ибо он не по их мысли ходил; не могли ничего сделать над ним явно, они волшебством отняли у него ум, говоря, что Иоанн-чудотворец наказал его. Новгородские же и псковские летописцы рассказывают, будто бы Сергей стал притеснять игумнов и священников, ввел новые пошлины, будто бы, захав на дороге в Сквородский Михайловский монастырь, от гордости, потому что приехал из Москвы к гражданам плененным, не захотел вскрыть гроб похороненного тут новгородского владыки Моисея и будто бы с этих пор нашло на него изумление: иногда видали, как он сидел на Евфимьевской паперти в одной ряске без мантии, а иногда видали его в полдень сидящим в том же виде у св. Софии. По другому рассказу, новгородские владыки начали являться Сергию то во сне, то наяву с укором, как он смел принять святительское поставление при жизни своего предшественника, не уличенного в ереси, но изгнанного неправдою; когда же он презрел этими укорами, то невидимая сила поразила его и на некоторое время лишила употребления языка. В 1487 году переведено из Новгорода во Владимир 50 семей лучших купцов. Тогда же выехала из Новгорода и московская ратная сила, стоявшая здесь 17 недель. В 1488 году привели из Новгорода в Москву больше семи тысяч житых людей за то, что хотели убить наместника великокняжеского Якова Захарыча; некоторых Яков казнил еще в Новгороде, других казнили в Москве, остальных отправили на житье в Нижний, Владимир, Муром, Переяславль, Юрьев, Ростов, Кострому и другие города; на их место посланы в Новгород из Москвы и других городов низовых дети боярские и купцы.

В одно время с окончательным прекращением новгородских смут через вывод лучших граждан окончательно усмирена и древняя колония новгородская – Вятка, и тем же самым средством. Еще в 1466 году вятчане ратью прошли мимо Устюга на Кокшенгу, утаившись от городских сторожей; шли по Сухоне-реке вверх, воевали Кокшенгу, а назад шли Вагою вниз. Наместник устюжский Сабуров послал гонца в Москву с вестью об этом, и великий князь велел перехватить вятчан; Сабуров действительно перенял их под Гледеном; но вятчане дали ему хорошие подарки и, простоявши три дня, спокойно отправились домой. В 1469 году, во время похода на Казань, московские воеводы требовали от вятчан, чтоб шли с ними вместе, и получили ответ: «Казанский хан неволею заставил нас поклясться, что не будем помогать ни ему на великого князя, ни великому князю на него»; на второе же требование воевод вятчане отвечали, что, когда пойдут в поход братья великого князя, тогда пойдут и они. Не знаем, какое следствие имело для вятчан такое поведение их; знаем только, что, не помогши против Казани, они помогли Москве против Новгорода. В 1485 году повторилось прежнее явление: во время похода на Казань вятчане, по словам летописца, отступили от великого князя, который послал на них воеводу Юрия Кутузова с большою силою; тот помирился с ними, и они опять возвратились в московское подданство; но под следующим годом другой летописец рассказывает, что вятчане приходили на Устюг и стояли под городом Осиновцем, но что воевода их Костя начальствовал ими поневоле и, воспользовавшись случаем, ушел в Осиновец, а оттуда – в

Москву. Митрополит два раза писал к вятчанам увещательные грамоты. «Называетесь вы именем христианским, – писал он, – а живете хуже нечестивых: святую церковь обижаете, законы церковные старые разоряете, государю великому князю грубите и пристаёте к его недругам издавна, с поганством соединяетесь, да и одни, сами собою, отчину великого князя воюете беспрестанно, христианство губите, церкви разоряете, а челом государю за свою грубость не бьёте. Великий князь вас жаловал, слушаясь нашего смирения, потому что я молил его о вас со многими слезами; но от вас нет никакого исправления. И я теперь уже в последний раз послал к вам: „Бейте челом великому князю за свою грубость, пограбленное все отдайте, пленных отпустите. Если же не послушаете нас, то кровь христианская вам отольётся; священники ваши церкви божии затворят и пойдут вон из земли; если же так не сделают, то будут и сами от нас прокляты“. Увещания митрополита не помогли, и в 1489 году, подчинивши себе Казань, великий князь послал на вятчан шестидесятичетырёхтысячную рать под начальством двух главных воевод – князя Даниила Щени и Григория Морозова. 16 августа воеводы подступили под Хлынов, а на другой день вятчане, большие люди, вышли бить им челом, чтоб рать земли Вятской не воевала, „а мы великому князю челом бьём, покоряемся на всей его воле, дань даем и службу служим“. Воеводы отвечали: „Целуйте же крест великому князю от мала до велика, а изменников и крамольников выдайте головами: Ивана Аникиева, Пахомья Лазарева, Палку Богодайщикова“. Вятчане сказали на это: „Дайте нам, господа, сроку до завтра, мы это ваше слово скажем всей земле Вятской“. Срок им дали, вятчане думали два дня, но на третий отказали воеводам, что не выдадут тех трех человек. Тогда воеводы велели всей силе своей готовиться к приступу: ставить по городу плетень, запастись смолою и берестою; но вятчане, видя свою погибель, добились челом на всей воле великого князя и выдали изменников. Воеводы развели всю Вятку, взяли лучших людей, купцов и отправили их с женами и детьми в Москву. Великий князь велел Аникиева, Лазарева и Богодайщикова бить кнутом и повесить, а других вятчан пожаловал, дал им поместья в Боровске, Алексине и Кременце, и написались они в слуги великому князю, купцов же поселили в Дмитрове. Вместе с вятчанами привезены были в Москву и туземные вотякские, или арские, князья; но великий князь отпустил их на родину.

Псков удержал на время свою старину благодаря постоянному старанию угодить великому князю, покорностью утишать гнев его. Еще Василий Темный незадолго до кончины своей прислал во Псков наместником князя Владимира Андреевича не по псковскому прошению, не по старине; псковичи, однако, приняли его с честью и посадили на княжение. Но в следующий год – год вступления на престол Иоанна III – они выгнали князя Владимира, потому что приехал не по старине, псковичами не позван и на народ не благ. Столкнувшись со ступени на вече, с бесчестием поехал Владимир в Москву жаловаться великому князю, поехали за ним и псковские послы оправдываться. Три дня Иоанн не пускал их к себе на глаза, наконец принял их челобитье и велел сказать Пскову: «Какого князя псковичи захотят, и я им его дам, пусть пришлют ко мне грамоту с боярином». Псковичи выпросили себе князя Ивана Александровича Звенигородского, потом князя Федора Юрьевича, которому дали держать наместников на двенадцати пригородах, тогда как прежде княжие наместники

бывали только на семи пригородах. Мы видели, как беспрекословно принимали псковичи решения великого князя и митрополита касательно отношений своих к новгородскому владыке, как потом беспрекословно ходили на Новгород вместе с полками московскими. Иоанн твердил псковским послам: «Какой мой князь будет вам надобен в наместники, того я к вам отпущу, только не бесчестите тех наместников, которые будут дурно с вами поступать: мое дело – их наказывать, а я вас, свою отчину, жалую». Помня этот наказ, псковичи в 1472 году послали к великому князю просить к себе в наместники князя Ивана Стригу-Оболенского, потому что князь Федор Юрьевич начал дурно вести себя во Пскове и сам стал засылать грамоты к великому князю. Узнавши, что псковичи послали в Москву жаловаться на него и просить себе другого князя, Федор на другой же день вышел на вече, сложил с себя крестное целование и выехал из города. Псковичи, чтоб оправдать себя вполне в глазах Иоанна, послали посадника, детей боярских и сотских провожать с честью князя Федора до рубежа, с хлебом, вином, медом; но как скоро Федор подъехал к границе, то силою завел за нее псковских провожатых, отнял лошадей, самих ограбил и чуть-чуть не нагих отпустил во Псков. Иоанн дал псковичам брата Стригина, князя Ярослава Васильевича Оболенского, потому что Стрига ему самому был нужен. В 1474 году, оказав Пскову деятельную помощь против немцев, Иоанн ждал больших послов с благодарностью, но вместо них приехал гонец. Гонец этот возвратился во Псков с вестью, что великий князь сильно сердит, тогда псковичи послали к своему государю в Москву князя-наместника Ярослава Васильевича, троих посадников, бояр изо всех концов и поминку 100 рублей; но Иоанн сослал их с подворья, на глаза к себе не пустил, дара не принял, и послы, простоявши пять дней шатром на поле, без ответа приехали назад, во Псков. Вслед за ними приехал посол великокняжеский с приказом Пскову сейчас же отправлять новых послов в Москву, и поехали трое других посадников, повезли 150 рублей в подарок; этих послов Иоанн принял и дал такой ответ: «Рад свою отчину по старине держать, если мне положите прежних великих князей грамоты пошлинные».

Это было в конце лета, а в конце осени приехал во Псков из Москвы наместник князь Ярослав и начал просить у Пскова суд держать не по псковской старине; псковичи отправили в Москву послов со старыми грамотами, но великий князь, посмотревши в грамоты, сказал: «Это грамоты не самих князей великих, и вы бы исполнили все то, чего князь Ярослав просит». Псковичи отвечали: «Нам нельзя так жить, как теперь просит князь Ярослав, не по нашим старинам». Иоанн обещал прислать во Псков своего посла для решения дела, которое тянулось уже целый год. В конце 1475 года великий князь приехал в Новгород на суд и на управу; в то время как он осудил новгородских посадников и бояр, явилось к нему четверо посадников псковских с 50 рублями дара и с челобитьем, чтоб держал Псков по старине. Иоанн велел послам дожидаться их князя Ярослава, которому псковичи дали 20 рублей, чтоб просил за них великого князя; но Ярослав, приехавши в Новгород, стал жаловаться Иоанну на посадников и на Псков, вследствие чего вместе с ним приехали во Псков послы великокняжеские и объявили вече: «Просите прощения у князя Ярослава, в чем пред ним провинились, и дайте ему все суды и пошлины, которых он просит; если же не сделаете так, то будете ведаться с государем вашим, великим князем. Он дал нам

только пять дней срока приехать и отъехать». Псковичи исполнили требование великого князя и дали на вече Ярославу 130 рублей, за все сполна.

Ярослав начал пользоваться псковскими уступками, и в половине 1476 года бояре из всех концов поехали в Москву с грамотою жалобною бить челом с плачем великому князю, чтоб сослал с своей отчины князя Ярослава, а дал бы ей князя Ивана Александровича Звенигородского, потому что князь Ярослав притесняет весь Псков, а наместники его то же делают по пригородам и волостям. Великий князь обещал прислать своего посла разобрать дело, но псковичи боялись, что на этом суде будет больше обращаться внимания на донесения князя Ярослава, чем на их старины. Между тем во Пскове вследствие всеобщего озлобления на князя Ярослава вспыхнуло волнение, какого, по словам летописца, никогда не бывало, ни при одном князе: вез какой-то пскович с огорода капусту через торг, мимо княжеского двора; один из княжеских слуг схватил кочан и дал княжому барану, и за это началась ссора у псковичей с княжескими слугами, от ссоры дело дошло до драки: слуги наместничьи стали колотиться ножами, псковичи – отбиваться камнями; княжеские слуги пошли на весь мир с ножами на торг, а иные с луками и начали стрелять, другие – ножами колотиться, псковичи оборонялись кто камнем, кто деревом и убили княжеского повара; сам князь Ярослав, пьяный, в панцире, выскочил и начал стрелять. Весть о побоище пронеслась по всему городу, и вот пошли на торг посадники, бояре, житые люди с оружием, но уже время было к вечеру, и князь с своими слугами пошел на сени, укрощенный добрыми людьми; разошлись и псковичи, из которых многие умерли от ран. Ночью, однако, вооруженные посадники и житые люди всем Псковом держали стражу на торгу, слыша от княжих слуг угрозу, что зажгут город и во время пожара будут бить псковичей. На другое утро псковичи поставили вече и отреклись князю Ярославу, стали провожать его из Пскова, а к великому князю послали грамоту, прописав в ней все, что случилось; но Ярослав из Пскова не едет, дожидается посла от великого князя, и псковичи ждут того же; Ярославу ничего не делают, не мстят ему за его насилия. Наконец явились из Москвы два боярина с такими речами: «Псковичи на князя Ярослава жаловались, а прежде, как великий князь был в Новгороде, они на него не жаловались; тогда как князь Ярослав и тогда на Псков жаловался, и прежде, и теперь опять жалуется; если псковичи не выдадут людей, осужденных по пригородам, то великий князь, моля бога и пречистую его мать, сам все исправит; а Ярослава князь великий оставляет на столе во Пскове». Две недели бояре толковали со Псковом, выпрашивали тех людей, которых наместники Ярославовы без суда поковали, а Псков расковал, и тех, которые князю какое слово молвили; псковичи не выдали их и дали такой ответ: «Которых людей вы у нас головами выпрашиваете, тех не можем выдать по старине и пошлине, как бывало при прежних государях, то люди правые, а что вы князя Ярослава у нас на столе сажаете, то ведает государь наш князь великий, а мы с Ярославом быть не можем, если он так же будет насильничать, как и прежде; шлем еще послов бить челом нашим государям о старинах». Старшему послу, Ивану Товаркову, псковичи дали 15 рублей, дьяку – 5 рублей, младшему послу Юрию Шестаку – 10 рублей; но Юрий десяти рублей не принял. И все это псковское добро их не тронуло, говорит летописец: приехавши на рубеж, всех провожатых ограбили, лошадей и платье отняли, самих прибили да и деньги отняли; давно в Пскове не бывало таких послов: ничем их нельзя было

удобрить, в две недели стоили они 60 рублей, кроме даров. Мы видели, что псковичи обещали отправить новых послов к Иоанну бить челом о сохранении старины; великий князь заставил этих послов дожидаться четыре недели и наконец дал такой ответ: «Если псковичи на двор нашего наместника, а своего князя нападали, то сами из старины выступили, а не я, князь великий». В феврале 1477 года князь Ярослав получил из Москвы грамоту, в которой приказывалось ему ехать туда со всем двором, а в Пскове не оставлять никого. Псковичи со страхом ожидали, что из этого будет. И хотя такого злосердного князя еще у них не было, однако высылали ему на всякий стан корм из города с честью; а он нарочно на сорока верстах ночевал пять ночей, чтоб побольше изубыточить Псковскую волость, на последнем же стане схватил и отвел 18 человек приставов, которые возили к нему съестные припасы и чествовали его. Псковичи, впрочем, боялись напрасно: Иоанн собирался в это время покончить с Новгородом, потому принял милостиво псковских послов, привезших ему в дар 100 рублей, и сказал им, что пришлет во Псков своих бояр, которые устроят все дела; захваченных Ярославом людей всех отпустил, а самого Ярослава не пустил к себе на глаза во все то время, как псковские послы были в Москве. Наместником во Псков назначен был князь Василий Васильевич Шуйский.

В награду за помощь против Новгорода великий князь прислал во Псков поклон и позолоченный кубок; посол его, Василий Китай, объявил от его имени на вече: «Я, князь великий, хочу держать вас, свою отчину, в старине, а вы бы также слово наше и жалованье держали честно: знайте это и помните...» Псковичи отправили к нему своих послов бить челом за жалованье и за подарок и вместе жаловаться на послов, что по дороге, по станам и по подворью в городе обижают жителей, подарков просят не по псковской силе, с гневом и со враждою, а что им Псков с челобитьем начнет на вече давать, того не принимают, с вече бегают и в сердцах много причиняют христианам убытков и истомы. Но великий князь за эту жалобу только рассердился на Псков, потому что бояре сказали ему совсем другое. Псковичи немного выиграла от перемены наместника: Василий Шуйский, по словам летописца, был князь невоинственный и грубый, только и знал, что пил да грабил, и много всей земле грубости наделал. Неизвестно, каким образом сменил Шуйский и на его место прислан опять князь Ярослав Васильевич Оболенский, при котором с 1483 года начались опять сильные волнения: псковичи посекали дворы у шести посадников и у многих других; в следующем году сельские жители, смерды, отказались исполнять свои обычные работы для города; псковичи посадили троих из них в тюрьму и тогда же закликали посадников и написали на них мертвую грамоту, т.е. объявили осужденными на смертную казнь, за то, что они вместе с князем Ярославом написали новую грамоту и положили ее в ларь без псковского ведома; одного из посадников, Гаврилу, убили на вече всем Псковом. Опять, следовательно, псковичи накликali на себя гнев великокняжеский, и когда в конце 1484 года послы их приехали в Москву с челобитьем, чтоб их держали в старине, то Иоанн с сердцем приказал смердов отпустить, посадников откликать, имение их отпечатать и у князя Ярослава просить прощения. «Тогда только можете мне бить челом, тогда я о вашем добре стану думать», – сказал великий князь. Послы возвратились и объявили на вече приказ Иоаннов, но черные люди не поверили и отправили в Москву новых послов, которые приехали с прежним ответом. Черные люди и этим не поверили,

говоря, что послы согласились объявлять все одно и то же челобитью посадников, сбежавших в Москву, потворствуют им; видно, что и во Пскове, как в Новгороде, было разделение на две стороны: сторону лучших и сторону меньших людей. Встал сильный мятеж, началась брань между лучшими людьми – посадниками, боярами, житыми – и чернью; первые хотели исполнить требование великого князя, отпустить смердов, откликать посадников, выкинуть из ларя мертвую грамоту и бить челом князю Ярославу, чтоб ходатайствовал за них в Москве; боялись они от великого князя казни, потому что без повеления перед его послом смерда казнили и посадника Гаврилу убили. Но черные люди молодые говорили им: «Мы во всем правы, и не погубит нас за это князь великий, а вам не верим, и князю Ярославу не за что нам челом бить». После долгих споров отправили в Москву двоих гонцов из молодых (незначительных) людей с такими речами: «Как нам, господарь, укажешь, и мы все по твоей воле сделаем с смердами и посадниками, а потом наши большие послы будут с челобитьем». Все это черные люди сделали наперекор посадникам и житым, послали, не исполнивши ничего, что приказывал великий князь. Но двое гонцов их были убиты в Тверской земле разбойниками, тогда весною 1485 года псковичи послали в Москву посадников и бояр, на челобитье которых великий князь отвечал с большим гневом: «Если моя вотчина приказ мой исполнит и потом станет просить прощения, то я буду вас жаловать как должно». На этот раз псковичи послушались, отпустили смердов, мертвую грамоту из ларя выкинули, имение и дворы отпечатали. Осенью отправились опять в Москву посадники и бояре вместе с князем Ярославом и повезли 150 рублей; великий князь пожаловал, объявил им, что отчину свою будет держать в старине. Это уже четвертые послы, говорит летописец, да пятых разбойники тверские убили, а все это слали псковичи по делу о смердах и много убытка потерпели, рублей 1000 издержали, да вся земля мялась два года. Но и этим дело не кончилось; спустя немного времени случилось одному священнику разбирать грамоты у наровских смердов, и нашел он ту грамоту, в которой говорилось, как смердам из веков вечных князю и Пскову дань давать и всякие работы урочные отправлять; от этой-то грамоты и произошла вся беда, потому что смерды, утаивши ее, не пошли на работу; псковичи не знали, как бывало в старину, а смерды обманули великого князя, насажали ему все не так. Смерд, увидавши грамоту в руках священника, вырвал ее у него; священник объявил об этом, и псковичи посадили смерда под стражу; с тех пор начали являться к посадникам и ко всему Пскову из города, пригородов и волостей челобитчики на самого князя Ярослава и на его наместников. Посадники и весь Псков набрали бесчисленное множество жалоб, написали грамоты и отправили летом 1486 года послов в Москву, посадников, бояр да обиженных по два человека с пригорода. Послы приехали бить челом великому князю и объявили о смерде, что грамоту утаил: «Мы теперь его под стражею держим, и как нам, господарь, укажешь?» Великий князь, взглянув на них ярым оком, сказал: «Давно ли я вам простил за дело о смердах, а теперь вы опять начинаете?» – и не принял ни одной жалобы на Ярослава. Это было последнее занесенное в летопись посольство из Пскова в Москву по делам внутреннего управления.

И Рязань сохранила свою самостоятельность по имени только, потому что на самом деле беспрекословно подчинялась распоряжениям великого князя московского. Мы видели, что это подчинение началось еще при Василии Темном,

который взял к себе на воспитание малолетнего рязанского князя Василия, а для управления Рязанью назначил своих наместников. В 1464 году Иоанн III отпустил молодого князя в Рязань, но Василий скоро возвратился в Москву для того, чтоб жениться здесь на сестре великокняжеской, Анне. В 1483 году он умер, оставя двоих сыновей, Ивана и Феодора, и в том же году первый, как великий князь рязанский, заключил договор с Иоанном московским и его родственниками: великий князь рязанский обязывается считать себя младшим братом Иоанна III и сына его и приравняется к удельному московскому князю, Андрею Васильевичу; обязывается быть заодно на всех врагов Москвы и не сноситься с лиходеями ее князя; с великими князьями литовскими не заключать договоров, не ссылаться на лихо Москве; не отдаваться с землею к ним в зависимость. Теперь в договорах наших князей место ордынских отношений заступают отношения к служебным татарским царевичам, появившимся, как мы видели, со времен Темного. Великий князь рязанский обязывается, по примеру деда и отца, давать известное количество денег на содержание царевичей, но не должен заключать с ними договоров, ссылаться с ними ко вреду московского князя, должен жить с ними по договору последнего. Следовательно, татарские царевичи находятся в службе одного московского великого князя как князя всея Руси, его одного знают, с ним одним заключают договоры. Относительно князей мещерских рязанский князь обязывается не только не принимать их к себе, но даже отыскивать их без хитрости, если они побегут от Иоанна, и, отыскавши, выдать ему. В этом договоре встречаем новое определение границ Московского и Рязанского княжеств; как трудно было с точностью определить границы в придонских странах, видно из того, что Елец объявлен за Москвою, а места по реке Мече – в общем владении.

Мы видели, что у великого князя рязанского, Ивана, был младший брат, удельный князь Феодор; старший брат по благословению отцовскому получил Переяславль Рязанский, Ростиславль и Пронск; младший – Перевитск и Старую Рязань. В 1496 году оба брата заключили между собою договор, из которого мы видим, что в одно и то же время во всех русских княжествах отношения между князьями определялись точно так же, как и в Московском княжестве. Великий князь рязанский, который в договоре с Иоанном III приравнен к удельному московскому, в договоре со своим удельным, со своим младшим братом, требует, чтоб тот «его великое княжение держал честно и грозно без обиды», а сам обещается: «Мне, великому князю, тебя жаловать и заботиться мне (печаловаться) о тебе и о твоей отчине. И тебе подо мною великого княжения не хотеть, ни твоим детям под моими детьми». Доказательством, как ослабели родовые понятия и как, наоборот, усилились понятия об отдельной собственности, о произволе владельца распоряжаться своею собственностью, служит то, что рязанские князья считают необходимым внести в свой договор следующее условие: «Не будет у меня детей, и мне, великому князю, великим княжением благословить тебя, своего брата; а не будет у тебя детей, и тебе, моему брату, своей отчины не отдать никакую хитростью мимо меня, великого князя». В условии не было сказано, чтоб Феодору не отдавать своей отчины мимо детей старшего брата, и Феодор, переживши последнего и умирая бездетным, счел себя вправе отказать свой удел мимо племянника великому князю московскому. Старший брат, великий князь Иван, умер в 1500 году, оставя пятилетнего сына, именем также Ивана, под опекою матери и бабки. Каковы были тогдашние отношения Рязани к Москве в то время,

видно из следующего наказа, данного Иоанном III Якову Телешову, который провожал через рязанские владения кафинского посла. Телешов должен был поклониться великой княгине рязанской Агриппине и сказать ей от великого князя московского: «Твоим людям служивым, боярам и детям боярским и сельским быть всем на моей службе; а торговым людям, лучшим, средним и черным, быть у тебя в городе; если же кто ослушается и пойдет на Дон, таких ты велела бы казнить, а не станешь казнить, так я велю их казнить и продавать».

Рязань, т.е. волости Переяславская, Ростиславльская и Пронская, благодаря родственным связям, малолетству князей и опеке княгини, беспрекословно исполнявших приказы из Москвы, не была еще присоединена к Московскому княжеству при Иоанне III, который удовольствовался только присоединением Перевитска и Старой Рязани. Но в другом положении находилась Тверь: здесь был князь взрослый, привыкший к самостоятельности, ибо после Димитрия Донского тверские князья постоянно сохраняли равенство положения с московским; мы видели, в каких тесных родственных связях находился Иоанн III с тверскими князьями. В начале своего правления он заключил договор с шурином своим, князем Михаилом Борисовичем тверским, и в этом договоре нет ничего особенного против прежних; подобно отцу своему, Михаил обязался быть на Орду, немцев, поляков и Литву заодно с московским князем; мы видели, что он ревностно помогал ему даже и против Новгорода, несмотря на то что еще под 1476 годом встречаем известие об отъезде из Твери в Москву целой толпы бояр и детей боярских; конечно, по договору они имели право отъехать, но все же этого явления, занесенного по своей важности в летопись, мы не должны оставлять без внимания. Как бы то ни было, разрыва между Москвою и Тверью не видим до конца 1484 года; в это время в Москве узнали, что тверской князь начал держать дружбу с Казимиром литовским и женился на внуке последнего. Договор, заключенный между Михаилом и Казимиром, дошел до нас; в нем говорится, что Казимир будет помогать Михаилу везде, где тому понадобится, а Михаил обязывается, где будет близко, сам идти со всею силою на помощь королю и стоять с ним заодно против всех сторон, не исключая ни одной. Эти обязательства были явным нарушением обязательств, заключенных с московским князем, и потому последний объявил Михаилу войну. Москвичи попленили Тверскую область, взяли и сожгли города; Тверь не могла воевать одна с Москвою и при Димитрии Донском; понятно, почему она не могла выставить ей сопротивления при Иоанне III; литовская помощь не являлась, и Михаил принужден был отправить в Москву епископа с боярами бить челом о мире; Иоанн дал мир, потому что не любил ничего делать с одного раза, а приготавливал верный успех исподволь. Новый договор, заключенный между двумя великими князьями, сильно рознился от прежнего; в нем Михаил, подобно рязанскому князю, обязался иметь московского князя и сына его старшими братьями и приравнивался к удельному Андрею Васильевичу; обязался сложить крестное целование к Казимиру торжественно перед послом московским; вперед ни с Казимиром и ни с кем из его преемников не заключать мира и союза, не отправлять к ним послов без ведома и думы князей московских; если великий князь литовский пришлет с чем-нибудь к тверскому, то последний обязан дать знать об этом в Москву, обязан быть всегда на литовского князя заодно с московским; наконец, Иоанн вытребовал у Михаила следующее обязательство: «Если тебе надобно будет отправить послов

в Орду, то послать тебе туда по думе с нами, великими князьями; а без нашей думы тебе в Орду не посылать».

Нарушение первого договора и обнаружение беспомощной слабости при заключении второго не могли заставить победителя уважать права побежденного, если мы даже и не предположим в Иоанне обдуманного намерения мало-помалу обессилить Тверь и привести ее к необходимости покориться. В тот же год (1485), говорит летописец, приехали из Твери служить великому князю московскому князь Андрей Микулинский и князь Осип Дорогобужский: Микулинскому Иоанн дал Дмитров, а Дорогобужскому – Ярославль. Тогда же приехали и бояре тверские служить к великому князю на Москву, не могли сносить обид от него, потому что много было обид им от великого князя, от бояр его и детей боярских при спорах о землях; если там, где межи сошлись с межами, обидят московские дети боярские, то пропало; а если тверичи обидят, то князь великий с бранью и с угрозами посылает к тверскому, ответам его веры не дает, суду быть не позволяет. В таких обстоятельствах Михаил опять завел сношения с Литвою; но гонец его был перехвачен, грамота доставлена в Москву, откуда скоро пришли в Тверь грозные, укорительные речи. Испуганный Михаил отправил владыку бить челом Иоанну, но тот не принял челобитья; приехал князь Михаил Холмской с челобитьем – этого Иоанн не пустил и на глаза и стал собирать войско. В августе выступил он на Тверь с сыном Иоанном, с братьями Андреем и Борисом, с князем Федором Бельским, с итальянским мастером Аристотелем, с пушками, тюфяками и пищалями. 8 сентября московское войско обступило Тверь, 10-го зажжены посады, 11-го приехали из Твери к великому князю в стан князя и бояре тверские, крамольники, как выражается летописец, и били челом в службу; Михаил Борисович ночью убежал в Литву, видя свое изнеможение, а Тверь присягнула Иоанну, который посадил в ней сына своего. В некоторых летописях прямо сказано, что Иоанн взял Тверь изменою боярскою; в других же находим известие, что главным крамольником был князь Михаил Холмской, которого после Иоанн сослал в заточение в Вологду за то, что, поцеловавши крест своему князю Михаилу, Холмской отступил от него. «Нехорошо верить тому, кто богу лжет», – сказал Иоанн при этом случае. Из семейства великокняжеского взята была в Твери мать Михайлова, у которой Иоанн допытывался, где казна сына ее; старая княгиня отвечала, что Михаил увез все с собою в Литву, но после служившие у нее женщины донесли, что она хочет отослать казну к сыну, и действительно нашли у нее много дорогих вещей, золота и серебра, за что великий князь заточил ее в Переяславль. О дальнейшей судьбе князя Михаила мы знаем, что он сначала оставался в Литве не более года и куда-то уезжал: в сентябре 1486 года посол Казимиров говорил Иоанну: «Тебе хорошо известно, что союзник наш, великий князь Михаил Борисович тверской, приехал к нам и мы его приняли. Бил он челом, чтоб мы ему помогли; мы хотели, чтоб он возвратил себе отчину без кровопролития, для чего и отправляли к тебе посла, как сам знаешь; но, посмотревши в договор, заключенный нами с отцом твоим, мы ему на вас помощи не дали, в хлебе же и соли не отказали: жил он у нас до тех пор, пока сам хотел, и, как в нашу землю добровольно приехал, так добровольно же мы его и отпустили». Но потом, через несколько лет, видим опять Михаила в Кракове; в 1505 году при пожаловании князю Василию Львовичу Глинскому имения Лососиной в Слонимском повете говорится, что это имение вместе с двумя другими селами –

Белавичами и Гощовым – находилось прежде во владении князя Михаила Борисовича тверского; знаем также, что Михаил владел еще имением Печи-Хвосты на Волыни, в Луцком повете. В Несвижском замке показывают портрет молодой женщины в русском платье; предание говорит, что это – дочь изгнанника, князя тверского, вышедшая замуж за одного из Радзивиллов.

Кроме Твери при Иоанне III окончательно были присоединены княжества Ярославское и Ростовское; в 1463 году ярославские князья, сохранявшие до сих пор права владетельных, уступили свою отчину великому князю московскому; это дело уладил московский дьяк Алексей Полуехтович; в 1474 году два ростовских князя продали Иоанну III и остальную половину своего города.

Глава вторая

София Палеолог

Присоединение удела Верейского к Москве. – Отношение Иоанна III к родным братьям. – Второй брак Иоанна на Софии Палеолог. – Значение Софии. – Борьба между сыном и внуком Иоанновыми. – Судьба главных вельмож.

Мы видели, что один только Михаил Андреевич Верейский успел сохранить свой удел при Василии Темном. В начале княжения своего Иоанн III возобновил с ним договор на прежних основаниях; но в 1465 году видим уже другой договор, по которому Михаил должен был возвратить великому князю несколько волостей, пожалование Темного. И этим не удовольствовались: в том же году встречаем еще договор, в котором Верейский князь обязывается считать себя моложе всех братьев великокняжеских, даже самых младших. В 1482 году новый договор: Верейский князь уступает по смерти своей великому князю свою отчину Белоозеро. На все эти требования Михаил соглашался и не давал никакого предлога к присоединению Верейского удела. Скоро, однако, предлог отыскался – не со стороны самого Михаила, но со стороны сына его, Василия. Этот Василий был женат на греческой княжне, племяннице великой княгини Софии. София дала в приданое за нею вещи, принадлежавшие первой жене Иоанна III, Марии тверской; великий князь по случаю рождения внука Димитрия хотел подарить этими вещами невестку Елену и, узнав, что они переданы Верейскому князю, послал забрать у него все женино приданое, причем грозился посадить его в заключение вместе с женою; Василий, оскорбленный и напуганный, уехал в Литву. Тогда Иоанн отобрал у старика Михаила отчину его Верею за вину сына и в виде уже пожалования отдал ее опять, обязав Михаила следующим договором: «С сыном своим, князем Василием, не ссылатся тебе никакою хитростию; если прийдет к тебе он с какими речами, объявить их мне вправду по крестному целованию да выдать мне и того человека, кого прийдет. Что я, князь великий, пожаловал тебя своею отчиною Верею, которую взял за вину у сына твоего, то держать тебе ее за собою до самой смерти; а после твоей смерти эта отчина отходит ко мне; мне же, великому князю, и моему сыну, которому дам эту твою отчину, поминать нам твою душу».

В 1485 году умер несчастный старик Михаил Верейский; в своей духовной он говорит: «Что моя отчина, чем меня благословил отец мой и я благословил, дал эту свою отчину господину и государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». Здесь в первый раз удельный князь называет великого государем. Не смея думать о сыне, не смея отказать волостей замужней дочери, несчастный Михаил умоляет в духовной: «Чтоб господин мой князь великий пожаловал, после моей смерти судов моих не посудил. А что мои люди, кого я пожаловал жалованием и деревнями: и государь бы мой, князь великий, после моей смерти жалования моего не порушил, чтоб мои люди после меня не заплакали и меня бы государь мой, князь великий, во всем том не положил, потому что тебе, государю моему, великому князю, приказано душу поминать и долги платить».

Когда дело было кончено, Верейский удел присоединен к Москве, великий князь позволил себе склониться на просьбы жены и сына и согласился принять бежавшего Василия Михайловича опять в Московское государство, но только на службу, в качестве служебного князя, не более; сын великого князя, Василий, писал к изгнаннику в 1493 году, что «отец наш князь великий тебя жалует, хочет твоей службы; и ты бы к отцу нашему поехал». Василий не поехал на такой зов, но, как видно, послал новую просьбу, выговаривая себе какое-то пожалование и обещаясь отдать все, что было дано его жене из казны великокняжеской; в 1495 году отправился в Литву грек Петр, который должен был сказать Василию от имени великого князя: «Присылал ты и твоя княгиня к моей великой княгине, к моим детям и к моим боярам бить челом, чтоб мне тебя пожаловать, нелюбье с сердца сложить и к себе тебя принять, а вы хотите отдать нам нашу казну, что у твоей княгини: так ты бы прислал ко мне список вещам, которые нам теперь хочешь отдать, и мы, посмотря по вашему исправлению, и жаловать вас хотим». Чем дело кончилось, неизвестно.

Но известна нам судьба родных братьев Иоанна III. Он жил с ними в мире до 1472 года, когда умер старший из них, Юрий, князь дмитровский, бездетным; в духовной он приказывает душу государыне матери своей, великой княгине да господину своему великому князю; он делит по родственникам, церквам, монастырям села, движимое имущество совершенно как частный человек, не говоря ничего об уделе своем – Дмитрове, Можайске, Серпухове. Причина такого молчания понятна: благословить поровну всех братьев значило разгневать великого князя; отказать все великому князю значило обидеть остальных братьев – и Юрий промолчал. Великий князь взял удел себе; братья рассердились; на этот раз дело кончилось, однако, перемирием: Иоанн отдал Борису Вышгород, взятый перед тем у Михаила Верейского, и Шопкову слободу; Андрею Меньшому вологодскому дал Тарусу; одному Андрею Большому не дал ничего сам; уже мать его, Мария, очень любившая Андрея, дала ему свою куплю, Романов-городок на Волге. После этого с двумя братьями – Андреем Углицким и Борисом Волоцким – заключены были договоры, в которых они обязались иметь не только самого Иоанна III, но и сына его, Иоанна Молодого, старшими братьями, держать Иоанна Молодого, так же как и отца его, по смерти последнего; не искать великого княжения ни под кем из детей Иоанна III; татарского царевича Даниара или какой другой царевич будет на его месте удельные князья обязываются содержать заодно с великим, и если последний захочет принять другого царевича в свою землю для своего и христианского дела, то удельные обязаны содержать и этого царевича;

наконец, оба младших брата обязались не думать о выморочном уделе Юрия. Понятно, что эта сделка была не в пользу удельных: выморочная волость осталась за великим князем; они лишались твоего права, подтвердив клятвою обязательство не вступаться в нее, и, таким образом, давали старшему брату право на все выморочные области, какие будут вперед, ибо в договорах не сказано, что младшие братья получили известные волости вместо полостей Юрьевых, да и сами после, как увидим, объявили, что обюкены великим князем, который не поделился с ними уделом Юрия.

Так нарушено было одно право, которое считали за собою удельные; скоро было нарушено и другое. Право бояр, детей боярских и слуг вольных отъезжать от одного князя к другому подтверждалось еще во всех договорах между князьями, но оно могло оставаться ненарушимым только тогда, когда существовало несколько более или менее независимых княжеств; когда же все княжества поникли пред Московским, то переход бояр мог продолжаться только из первых в последнее. Каким образом младший брат, удельный, подчиненный князь, мог принять к себе боярина, навлекшего гнев великого князя, сохраняя по-прежнему свои родственные отношения, не возбуждая опасной вражды могущественного старшего брата? Опираясь на это несвоевременное уже теперь право, Андрей Углицкий и Борис Волоцкий снова вооружились против Иоанна III. В 1479 году великий князь отнял Великолуцкое наместничество у князя Ивана Оболенского-Лыка по жалобе жителей, обвинявших его в притеснениях: когда Иоанн привел окончательно Новгород в свою волю, то Лыко наехал на Луки и Ржеву, начал судить и рядить, брать пошрины и грабить, что хотел, то делал, владыке новгородскому и боярам не дал брать пошлин, все брал на себя, слуги его делали то же самое, и жители от таких грабежей разбежались по заграничью. Иоанн нарядил суд, и Оболенский должен был выплатить гражданам все, что взял у них неправдою, а иное, что великий князь и без суда велел ему платить; лучане обрадовались, видя, что великий князь взял их сторону, и стали уже прилыгать: где Оболенский взял мало, там они показывали много; Лыко вышел из терпения и отъехал от великого князя к брату его, Борису Волоцкому. Тогда Иоанн решился впервые торжественно нарушить старинное право отъезда: он послал на Волок одного из своих слуг с приказом схватить Оболенского среди двора княжеского, но Борис не допустил до этого; Иоанн вторично послал к брату с требованием выдачи отъезжика головою; Борис отвечал, что не выдаст, а кому до Оболенского дело, тому на него суд да исправа. Между тем Иоанн услышал о смуте в Новгороде и поспешил туда; по некоторым известиям, из Новгорода уже он прислал приказ боровскому наместнику своему, Образцу, схватить тайно князя Ивана Лыко, где его ни отыщет, потому что село у него было в Боровской волости; действительно, Образец нашел его в этом селе, нечаянно напал на него, схватил и в оковах отвез в Москву. Князь Борис Васильевич, услышав об этом, послал к брату Андрею Углицкому с жалобою на старшего брата: «Вот как он с нами поступает: нельзя уже никому отъехать к нам! Мы ему все молчали: брат Юрий умер – князю великому вся отчина его досталась, а нам подела не дал из нее; Новгород Великий с нами взял – ему все досталось, а нам жребия не дал из него; теперь, кто отъедет от него к нам, берет без суда, считает братью свою ниже бояр, а духовную отца своего забыл, как в ней приказано нам жить; забыл и договоры, заключенные с

нами после смерти отцовской». Братья посоветовались и решили защищать свои права вооруженною рукою.

Но мы видели по другим известиям, что Андрей и Борис находились в тайных сношениях с новгородцами, замышлявшими восстание, что не могло быть после выступления Иоанна в Новгород; следовательно, принимая это известие, мы не можем согласиться, чтоб Иоанн послал уже из Новгорода грамоту к Образцу с приказом схватить Оболенского и что вследствие этого поступка оба брата переслались и вооружились против великого князя. Или сношения удельных князей, вообще недовольных старшим братом и преимущественно раздраженных попыткою Иоанна схватить Оболенского среди двора Борисова и потом требованием его выдачи, – или эти сношения происходили гораздо прежде и были в связи с приготовлением всеобщего движения против Москвы и со стороны Литвы, и со стороны татар, и захвачение Оболенского Образцом по приказу от великого князя из Новгорода служило для удельных только окончательным побуждением и предлогом к начатию неприязненных движений, причем очень может быть, что приказ об этом захвачении был прислан Иоанном из Новгорода уже тогда, когда он узнал о сношениях братьев с восставшими новгородцами, или если мы примем, что окончательное захвачение Оболенского только заставило впервые удельных князей вооружиться против старшего брата, и если при этом мы захотим держаться также известия о сношениях их с новгородцами, то должны будем предположить, что приказ о захвачении Оболенского был дан не из Новгорода, но перед отправлением великого князя туда. Как бы то ни было, великий князь, узнавши в начале 1480 года о неприязненных движениях братьев, поспешил из Новгорода в Москву. Приезд его очень обрадовал жителей, потому что сильный страх напал на всех, когда узнали о приготовлении удельных к усобице; все города были в осадах, и многие люди, бегая по лесам, мерзли от стужи. Между тем князь Борис Васильевич выехал из Волока к брату Андрею в Углич, и отсюда вместе двинулись ко Ржеву через Тверскую область. Великий князь послал к ним туда боярина уговаривать их не начинать усобицы; но братья не послушались и вышли из Ржева с княгинями, детьми, боярами, лучшими детьми боярскими, направляя путь вверх по Волге к новгородским волостям; всего народу около них было тысяч двадцать. Великий князь опять послал уговаривать их, на этот раз уже духовное лицо, известного своей начитанностью, красноречием и энергиею владыку Вассиана Ростовского; Вассиан уже нашел князей в новгородских волостях, в Молвятицком погосте, на реке Поле, в 180 верстах от Новгорода. Владыке удалось уговорить их послать к великому князю бояр своих для переговоров, и они отправили в Москву двоих князей Оболенских, после чего, неизвестно, по какой причине, переменили путь, пошли к литовскому рубежу и остановились в Луках; тяжело было жителям тех областей, по которым двигались их толпы; многие плакали и рыдали, потому что все волости лежали пусты, ратники княжеские везде грабили и пленили, только мечами не секли. Ставши на Луках, Андрей и Борис послали к королю бить челом, чтоб их управил в обидах с великим князем и помогал; но Казимир отказал в помощи, только женам их дал Витебск на прожитие. Между тем в Москве шли переговоры: великий князь очень досадовал на мать, думая, что она заодно с младшими сыновьями по сильной привязанности своей к князю Андрею Васильевичу; нужно было прежде отвлечь от восстания этого любимца старой великой княгини, и вот

Иоанн опять отправил к братьям Вассиана с двумя боярами сказать им: «Ступайте назад в свою отчину, а я вас во всем хочу жаловать»; но Андрею послы должны были предложить отдельно Калугу и Алексин; Андрей не согласился. Скоро, однако, бездействие Казимира и возвращение татарского отряда от русских границ без важных действий побудили князей снова начать переговоры с старшим братом; они послали к нему дьяков своих, мать также стала просить за них Иоанна, но теперь уже он отверг их просьбы.

В таком положении находились дела, когда псковичи, притесненные немцами и не видя помощи с востока, где великий князь был занят ближайшими делами, послали в Луки к князьям Андрею и Борису, чтоб оборонили город Псков. Третьего сентября приехали князья в Псков и пробыли здесь десять дней. Долго упрашивали их псковичи, чтоб отомстили поганым немцам за кровь христианскую, но князья отвечали: «Как нам пойти с вами в землю иноверную, когда у нас самих жены, дети, имение покинуты в чужой земле? Если согласитесь, чтоб наши жены жили здесь у вас, то мы ради оборонять ваш город». Псковичи были в большой печали, не зная, что делать: боялись они великого князя, потому что, кто хранит царского врага, тот враг царю; так и эти хотя братья ему, но супостаты. Долго думавши таким образом, псковичи наконец отказались принять жен Андрея и Бориса. «Сами, господари великие князья, знаете, – сказали они им, – не может один раб двум господарям работать, по евангельскому слову; так и мы не хотим двоим работать, но хотим одного господаря держаться, великого князя Ивана Васильевича, старшего брата вашего, а вам челом бьем: „Сами о своем добре и о нашем думайте, как бы нашему городу до конца не погибнуть“». Князья рассердились, выехали из Пскова и, ставши на Мелетове, распустили людей своих воевать по всем псковским волостям, и те повоевали все, как неверные, дома божии пограбили, жен и девиц посквернили и попленили, в дворах не оставили ни цыпленка, только огнем не жгли да оружием не секли, потому что никто им не противился. Псковичи после долгих просьб дали им 200 рублей да с околиц 15, чтоб только вышли от них в Новгородскую землю.

Между тем в Москве обстоятельства переменились, нашествие хана Золотой Орды Ахмата навело большой страх на великого князя, и младшие братья, воспользовавшись случаем, прислали сказать ему: «Если исправиться к нам, притеснять нас больше не будешь, а станешь держать нас как братьев, то мы придем к тебе на помощь». Иоанн обещал исполнить все их требования, и братья явились к нему с войсками на Угрю, где он стоял против татар. Андрей получил Можайск, т.е. значительную часть выморочного удела Юриева; Борису даны были села, бывшие прежде за Василием Ярославичем Серпуховским. Великой княгине – матери, митрополиту Геронтию, владыкам – Вассиану Ростовскому и Филофею Пермскому, троицкому игумену Паисию и князю Михаилу Андреевичу Верейскому приписывается примирение братьев.

В ноябре 1480 ушел Ахмат, в феврале 1481 Иоанн заключил договор с братом Андреем Большим на прежних условиях; о Можайске говорится, что великий князь пожаловал его Андрею с волостями и селами, в отчину и удел, кроме тех сел и деревень, которые уже розданы боярам и детям боярским; впрочем, Андрей удерживает право суда и дани на этих селах по земле. Любопытна также новая форма старого условия об отношениях татарских: «Орды ведать и знать нам, великим князьям, а тебе Орд не знать; а если я в Орды не дам, и мне у тебя не

взять». Вместо единственного: Орда, теперь уже является множественное: Орды. Тогда же заключен договор и с Борисом Волоцким на тех же условиях; только в этом договоре не упоминается ни слова ни о каких новых пожалованиях великого князя, даже и о селах, о которых говорит летопись. Прежде, слыша о негодовании братьев, Иоанн дал волости Борису и Андрею Меньшому, не давши ничего Андрею Большому; теперь же дает Можайск последнему, не давая ничего Борису: братья были опасны в союзе друг с другом; когда же один, удовлетворенный, отставал от союза, то другой один переставал быть опасным, и потому не нужно было тратить для него волостей. Но легко понять также, был ли Иоанн благодарен Андрею за то, что последний, воспользовавшись тяжелыми обстоятельствами, успел получить от него часть удела Юриева?

Через несколько месяцев умер бездетным четвертый брат – Андрей Меньшой, остававшийся на стороне старшего брата во время восстания средних; задолжав великому князю 30000 рублей за ордынские выходы, Андрей отказал ему весь свой удел, остальным же двум братьям дал только по селу. На этот раз Андрей Большой и Борис не могли выставить никаких требований; завещание собственника должно было иметь полную силу.

Гораздо больше влияния на отношения между старшим и младшими братьями имела смерть матери их, последовавшая в 1484 году, ибо этим событием разрывался самый крепкий узел между князьями: мы знаем, какую сильную защитницу имел Андрей Большой в матери, горячо его любившей. В 1486 году великий князь уже счел нужным заключить с братьями новые договоры, в которых они обязались не вступаться в принадлежавшие великому князю волости умерших братьев – Юрия и Андрея Меньшого, ни в удел Верейский, ни в области Новгородскую и Псковскую, ни в примысл великого князя – Тверь и Кашин; также не сноситься ни с Казимиром, ни с изгнанным великим князем тверским, ни с князьями или панами литовскими, ни с Новгородом, ни с Псковом. Обстоятельства заставляли предугадывать печальную развязку: Андрей боялся и видел в бегстве единственное средство спасения. В 1488 году боярин Андреев Образец объявил своему князю, бывшему тогда в Москве, что старший брат хочет схватить его. Андрей испугался, хотел уже тайно бежать из Москвы, но потом одумался и послал к могущественному тогда вельможе, князю Ивану Юрьевичу Патрикееву, с просьбой, чтоб тот доведася у великого князя, за что он хочет схватить его. Но Патрикеев отказался от этого опасного поручения; тогда Андрей сам пошел к старшему брату и рассказал ему все; Иоанн поклялся ему небом и землею и богом сильным, творцом всея твари, что у него и в мыслях не бывало ничего подобного. Начали искать, откуда пошел слух; оказалось, что великокняжеский сын боярский, Мунт Татищев, в шутку сказал об этом Образцу, а тот поверил и сказал князю Андрею, желая прислужиться, потому что прежде князь держал его в немилости. Татищеву Иоанн велел дать торговую казнь, хотел велеть даже отрезать ему язык, но митрополит упросил не делать этого. Для нас любопытно, впрочем, здесь то, что подобное известие уже могло быть тогда содержанием шутки и шутку могли принимать за правду. Года через два после этого (1491) Иоанн, узнав, что на союзника его, крымского хана Менгли-Гирея, идут татары с востока, выслал свои полки к нему на помощь; велел и братьям отправить также своих воевод, на что имел полное право по договорным грамотам. Борис послал свои полки вместе с великокняжескими, но Андрей не

послал. Это было в мае, в сентябре Андрей приехал в Москву и был принят вечером очень почетно и ласково старшим братом. На другой день явился к нему посол с приглашением на обед к великому князю; Андрей поехал немедленно, чтоб ударить челом за честь; Иоанн принял его в комнате, называвшейся западной, посидел с ним, поговорил немного и вышел в другую комнату, повалушу, приказавши Андрею подождать, а боярам его идти в столовую гридню, но как скоро вошли туда, так были схвачены и разведены по разным местам. В то же время в западную к Андрею вошел князь Семен Ряполовский с многими другими князьями и боярами и, обливаясь слезами, едва мог промолвить Андрею: «Государь князь Андрей Васильевич! Пойман ты богом да государем великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, братом твоим старшим». Андрей встал и отвечал: «Волен бог да государь, брат мой старший, князь великий Иван Васильевич; а суд мне с ним перед богом, что берет меня неповинно». С первого часа дня до вечерен сидел Андрей во дворце; потом свели его на казенный двор и приставили стражу из многих князей и бояр. В то же время послали в Углич схватить сыновей Андреевых, Ивана и Дмитрия, которых посадили в железных в Перемыславе, дочерей не тронули.

Есть известие, что Иоанн так отвечал митрополиту, когда тот просил его об освобождении Андрея: «Жаль мне очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрек; но освободить его не могу, потому что не раз замышлял он на меня зло; потом каялся, а теперь опять начал зло замышлять и людей моих к себе притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то он будет искать великого княжения под внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и пленить и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и все мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татар». Андрей умер в конце 1494 года; есть известие, что Иоанн, узнав о смерти брата, приносил слезное покаяние духовенству, которое не скоро простило его, но это известие заподозривается тем, что сыновья Андреевы оставались в заключении, следовательно, Иоанн не раскаивался в своей мере.

Бориса Волоцкого не тронули, он также скоро умер, оставя удел двоим сыновьям – Феодору и Ивану. В 1497 году они били челом великому князю чрез митрополита Симона о вымене их сел, рассеянных в областях великокняжеских и доставшихся их отцу от прабабушки Марии Голтыевой, на тверские волости, ближайшия к их уделу, именно Буйгород и Колпь. В конце 1503 года меньшей из волоцких князей, Иван, умер; в духовной своей он завещает брату несколько сел, а удел свой – Рузу и половину Ржева, равно как служивую рухлядь, доспехи и коней, передает великому князю, которого называет Государем.

Так восстания удельных князей, имевшие следствием кровавые явления в правление Темного, при сыне его благодаря окончательным распоряжениям отца кончились одним страхом для московского народонаселения и грабежом некоторых пограничных волостей. Истощенная Орда, не могший справиться с собственными или ближайшими, по его мнению, делами на западе Казимир, трепетавший в предсмертных движениях Новгород не могли дать удельным князьям продолжительной опоры; страх, и то страх мнимый, пред могуществом Ахмата заставил Иоанна уступить Андрею Можайск, но эта уступка была последняя и ненадолго. Не знаем, на сколько мы должны верить приведенному

выше известно, будто Иоанн оправдывал заключение брата опасением, что Андрей по смерти его станет ссорить внука его и сыновей: действительно, отношения в самой семье великокняжеской, как они были одно время, могли подать удельным князьям надежду более крепкую, чем подавали им прежде Орда, Литва и Новгород.

Мы видели, что Иоанн еще в очень молодых годах, при жизни отцовской, по обстоятельствам политическим женился на Марии Борисовне, дочери великого князя тверского. Иоанн недолго жил с ней: в 1467 году Мария скончалась; тело ее так распухло, что покров, который прежде был велик, висел по краям, теперь уже не мог прикрывать покойницы; начали толковать, что княгиня была отравлена; дознались, что одна из женщин ее, Наталья, жена Алексея Полуехтова, посылала пояс к ворожее; великий князь рассердился и на мужа, и на жену и шесть лет потом не пускал Полуехтова к себе на глаза. От этой первой жены Иоанн имел сына, именем также Иоанна, для отличия называемого Молодым, которого по примеру отцовскому назвал великим князем, чтоб отнять у братьев предлог к предъявлению старых прав старшинства пред племянником, и вследствие этого мы видели, что грамоты писались от имени двоих великих князей, посольства отправлялись также к двоим, и ответ на них давали от двоих. Но не прошло еще двух лет по смерти Марии, как началось знаменитое сватовство великого князя на царевне греческой. После падения Византии брат павшего на ее стенах императора Константина, Фома Палеолог, нашел с семейством убежище в Риме; после него осталось здесь двое сыновей и дочь София; эту-то дочь папа Павел II через известного кардинала Виссариона, одного из греческих митрополитов, подписавших Флорентийское соединение, и предложил в супружество московскому великому князю, без сомнения желая воспользоваться случаем завязать сношения с Москвою и утвердить здесь свою власть посредством Софии, которую по самому воспитанию ее не мог подозревать в отчуждении от католицизма. В феврале 1469 года грек Юрий приехал к великому князю с письмом от Виссариона, в котором кардинал предлагал Иоанну руку греческой царевны, отказавшей будто бы из преданности к отцовской вере двум женихам – королю французскому и герцогу медиоланскому. Великий князь взял эти слова в мысль, говорит летописец, и, подумавши с митрополитом, матерью, боярами, в следующем же месяце отправил в Рим своего посла, выезджего италианца, монетного мастера Ивана Фрязина. Фрязин возвратился с портретом царевны и с пропускными (опасными) грамотами от папы для проезда послов московских с Софией по всем землям католическим. Тот же Фрязин отправился опять в Рим представлять лицо жениха при обручении. Папе хотелось выдать Софию за московского князя, восстановить Флорентийское соединение, приобрести могущественного союзника против страшных турок, и потому ему легко и приятно было верить всему, что ни говорил посол московский; а Фрязин, отказавшийся от латинства в Москве, но равнодушный к различию исповеданий, рассказывал то, чего не было, обещал то, чего быть не могло, лишь бы уладить поскорее дело, желанное и в Москве не менее, чем в Риме.

Дело уладилось: в июне 1472 года София выехала из Рима в сопровождении кардинала Антония и многих греков, а 1 октября пригнал во Псков гонцом Николай Лях от моря, из Ревеля, и объявил на вече: «Царевна переехала море, едет в Москву, дочь Фомы, князя морейского, племянница Константина, царя

цареградского, внука Иоанна Палеолога, зятя великого князя Василия Дмитриевича, зовут ее София, она будет вам государыня, а великому князю Ивану Васильевичу жена, и вы бы ее встретили да приняли честно». Объявив это псковичам, гонец в тот же день поскакал к Новгороду Великому, а оттуда в Москву. Псковичи тотчас начали мед сытить и корм собирать; посадники и бояре из концов отправились навстречу к царевне в Изборск, жили уже здесь целую неделю, как приехал из Дерпта гонец с приказом, чтоб ехали встречать ее на Немецкий берег; в шести насадах и со множеством лодок поехали посадники и бояре и встретили Софию в устье Эмбаха, вышли из судов и, наливши кубки и позолоченные роги вином и медом, били ей челом; она приняла это от них в честь и любовь великую о объявила, что сейчас же хочет ехать с ними дальше, чтоб поскорее покинуть немцев; посадник принял ее, всех приятелей ее и казну в свои насады, и поплыли к Русскому берегу. Перед Псковом была ей также честь большая: вышли к ней навстречу священники с крестами и посадники; принявши благословение от священников, челобитье от посадников и всего Пскова, София пошла в Троицкий собор с приятелями своими. «Был с нею, – говорит летописец, – и владыка свой (кардинал), не по нашему обычаю одетый весь в красное, в перчатках, которых никогда не снимает и благословляет в них, и несут перед ним распятие литое, высоко взоткнутое на древке; к иконам не подходит и не крестится, в Троицком соборе приложился только к Пречистой, и то по приказанию царевны». Из Троицкого собора царевна пошла на княжий двор, где опять посадники, бояре и весь Псков потчивали ее вином, медом, всякими кушаньями и всех приятелей ее и слуг, кормили и коней; потом все посадники, бояре и купцы дарили ее, чем кто мог, а от всего Пскова поднесли 50 рублей деньгами, да Ивану Фрязину дали 10 рублей. Царевна, видя такую почесть, сказала посадникам, боярам и всему Пскову: «Теперь хочу ехать в дорогу к моему и вашему государю в Москву; и на вашем почетном приеме, на вашем хлебе, вине и меду кланяюсь; когда, бог даст, буду в Москве и когда вам будет там какая нужда, то буду усердно стараться за вас». Сказавши это, поклонилась посадникам и всему Пскову, села в повозку и выехала из города; посадники и бояре с вином, медом и хлебом провожали ее до новгородского рубежа. В Новгороде была ей оказана такая же честь в приеме и в дарах.

София подъезжала к Москве, а здесь между тем шло совещание: думал князь великий с матерью, боярами и братьями, как сделать. Везде, где ни останавливалась до сих пор София, папский посол, кардинал Антоний, шел перед нею, а вперед несли крест латинский. Одни на совете говорили, что ничего, можно позволить это и в Москве; другие же возражали, что никогда этого не бывало в нашей земле, чтоб латинской вере почесть оказывали; сделал это один раз Исидор, но за то он и погиб. Великий князь послал спросить митрополита Филиппа, тот велел отвечать: «Нельзя послу не только войти в город с крестом, но и подъехать близко; если же ты позволишь ему это сделать, желая почтить его, то он в одни ворота в город, а я, отец твой, другими воротами из города; неприлично нам и слышать об этом, не только что видеть, потому что, кто возлюбит и похвалит веру чужую, тот своей поругался». Тогда великий князь послал боярина отобрать у легата крест и спрятать его в снях; Антоний сначала было воспротивился, но потом скоро уступил; больше противился московский посол, Иван Фрязин-денежник: хотелось ему оказать честь папе, послу его и всей земле их,

потому что ему самому оказали там большую почесть; будучи в Риме, он исполнял все латинские обычаи, скрывши, что принял в Москве православную веру. 12 ноября 1472 года въехала София в Москву и в тот же день обвенчана была с Иоанном, а на другой день легат правил посольство и поднес дары от папы. Разумеется, кардинал должен был немедленно же обратиться к делу о соединении церквей; но скоро он испугался, говорит летописец, потому что митрополит выставил против него на спор книжника Никиту Поповича: иное, спросивши у Никиты, сам митрополит говорил легату, о другом заставлял спорить Никиту; кардинал не нашелся, что отвечать, и кончил спор, сказавши: «Нет книг со мною!» Так неудачно кончилась попытка римского двора восстановить Флорентийское соединение посредством брака князя московского на Софии Палеолог. Но брак этот имел другие важные следствия.

До сих пор главною заботою московских князей было собирание Русской земли, примыслы, прибитки; вместо вождей дружины, какими князья являлись на юге, мы видим на севере князей-собственников, хозяев. Мы видели, как все отношения – отношения духовенства, дружины, остального народонаселения – клонились к утверждению в Москве крепкого самодержавия; в половине XV века все уже было приготовлено к тому, чтоб новое государство приняло именно эту форму; но от старого порядка вещей оставались еще некоторые предания, обычаи, приемы, от которых нужно было освободиться. Великий князь московский на деле был сильнейшим из князей Северной Руси, которому никто не мог противиться; но он продолжал еще носить название великого князя, что означало только старшего в роде княжеском; он еще недавно кланялся в Орде не только хану, но и вельможам его; князья-родичи еще не переставали требовать родственного, равного обхождения; члены дружины еще сохраняли старое право отъезда, а это отсутствие прочности в служебных отношениях, хотя на деле и пришедшее к концу, давало им повод думать о старине, когда дружинник при первом неудовольствии отъезжал от одного князя к другому и считал себя вправе знать все думы княжеские; при дворе московском явилась толпа служилых князей, которые не забыли о своем происхождении от одного родоначальника с московским великим князем и выделялись из дружины московской, становясь выше ее, следовательно, имея еще более притязаний; церковь, содействуя московским князьям в утверждении единовластия, давно уже старалась дать им высшее значение относительно других князей; но для успешнейшего достижения цели нужна была помощь преданий Империи; эти-то предания и были принесены в Москву Софиею Палеолог. Современники заметили, что Иоанн после брака на племяннице императора византийского явился грозным государем на московском великокняжеском столе; он первый получил название Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим заслушание, возвысился до царственной недостигаемой высоты, перед которою боярин, князь, потомок Рюрика и Гедимина должны были благоговейно преклониться наравне с последним из подданных; по первому мановению Грозного Иоанна головы крамольных князей и бояр лежали на плахе. Современники и ближайшие потомки приписали эту перемену внушениям Софии, и мы не имеем никакого права отвергать их свидетельство. Князь Курбский, защитник старины, старых прав княжеских и боярских, говорит, что перемена в поведении князей московских произошла от внушения жен иноплеменных. Нет

преступления, в котором бы ожесточенный потомок князей ярославских не обвинил Иоанна III и Софию. Какой дух принесли служебные князья ко двору московскому, какие чувства питали они к московским князьям, как смотрели на соби́рание земли, видно из следующих слов Курбского: «Обычай у московских князей издавна желать братий своих крови и губить их, убогих, ради окаянных отчин, несытства ради своего».

Но кроме Курбского до нас дошел еще другой боярский отзыв о новом порядке вещей, принесенном Софиею. Уже в княжение сына ее, Василия, опальный боярин Берсень так говорил Максиму Греку: «Как пришли сюда греки, так наша земля и замешалась; а до тех пор земля наша Русская жила в тишине и в миру. Как пришла сюда мать великого князя, великая княгиня София, с вашими греками, так наша земля и замешалась, и пришли нестроения великие, как и у вас в Цареграде при ваших царях». Максим заметил на это: «Господин! Мать великого князя, великая княгиня София, с обеих сторон была рода великого: по отце царского рода константинопольского, а по матери происходила от великого герцога феррарского Итальянской страны». Берсень отвечал: «Господин, какова бы она ни была, да к нашему нестроению пришла. Которая земля переставляет обычаи свои, та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи великий князь переменял; так какого добра от нас ждать?» В чем же, по мнению Берсеня, состояла эта перестановка обычаев? «Лучше, – говорит он, – старых обычаев держаться и людей жаловать, и старых почитать; а теперь государь наш, запершись сам-третей у постели, всякие дела делает». Итак, перестановка обычаев состояла в том, что великий князь, отстранив прежнее влияние дружины, начал думать особо свою думу, с кем хотел, и теперь уже дружина не могла сказать ему по-прежнему: «Ты, князь, сам собою это замыслил, так не едем за тобой, мы об этом ничего не знали»; не смела она сказать теперь этого, потому что московские князья уничтожили отдельные волости и боярам некуда уже стало более отъехать. Но не одни недовольные князья и бояре оставили нам свидетельства о важном влиянии Софии на перестановку обычаев в Русской земле; есть свидетельства более беспристрастные: Герберштейн, бывший в Москве в княжение сына Софии, говорит об ней: «Это была женщина необыкновенно хитрая; по ее внушению великий князь сделал многое», Наконец, летописцы подтверждают это, говоря, например, что по внушениям Софии Иоанн окончательно разорвал с Ордою.

26 марта 1479 года родился у Софии первый сын Василий-Гавриил; в 1490 году старший сын Иоаннов, молодой великий князь Иоанн, разболелся ломотою в ногах («камчюгом»); в это время был в Москве лекарь, мистр Леон, жид, вызванный русскими послами из Венеции; Леон объявил отцу больного: «Я вылечу сына твоего; а не вылечу, вели меня казнить смертною казнью». Великий князь велел лечить; Леон стал давать больному лекарство внутрь, а к телу прикладывать стклянки с горячею водою; но от этого лечения Иоанну стало хуже, и он умер 32-х лет. Старый великий князь велел схватить лекаря, и, как минуло покойнику сорок дней, Леона казнили смертью. Эти подробности важны для нас потому, что, как мы видели, люди, недовольные Иоанном III и Софиею, упрекали их в отраве Иоанна Молодого. Но последний оставил малолетнего сына Димитрия от брака своего на Елене, дочери Стефана, господаря молдавского, и потому теперь рождался вопрос, кому наследовать великое княжение – сыну или внуку.

Если бы Иоанн III захотел обратить внимание на старый обычай, если бы справился с летописями, то нашел бы, что внук не мог получить великого княжения не по отчине. Но мы видели, что отец Дмитрия, Иоанн, был при жизни своего отца уже великим князем, равным отцу, и потому, даже по прежним родовым счетам, преждевременная смерть Иоанна Молодого не лишала сына его прав на старшинство; притом же московскому государю не было теперь нужды до старых родовых счетов; все предки его шли наперекор им, отдавая преимущество племяннику перед дядею; Иоанн III, верный преданию, должен был также отдать преимущество внуку Дмитрию перед сыном Василием. Но последний имел за собою также важные преимущества: он был сын Софии Палеолог, от царского корня; ему, разумеется, а уже никак не Дмитрию принадлежал герб Римской империи, и София была способна внушить мужу и сыну высокое мнение о своем происхождении, своих правах, была способна поддержать эти права. Начались происки, двор разделился на две стороны.

Если князья и бояре и по смерти Софии дурно отзывались о ней, представляли ее виновницею перемены, перемены к худшему, по их мнению, то ясно, что они не могли быть расположены к ней при жизни ее и потому поддерживали Елену, вдову Иоанна Молодого, и сына ее Дмитрия; на стороне же Софии и сына ее Василия мы видим только детей боярских и дьяков. Дьяк Федор Стромилов известил Василия, что отец хочет пожаловать великим княжением внука Дмитрия, и вместе с Афанасьем Яропкиным, Поярком, Руновым братом, и другими детьми боярскими начал советовать молодому князю выехать из Москвы, захватить казну в Вологде и на Белоозере и погубить Дмитрия; главные заговорщики набрали себе и других соумышленников, привели их тайно к крестному целованию. Но заговор был открыт в декабре 1497 года; Иоанн велел держать сына на его же дворе под стражею, а приверженцев его велел казнить; шестерых казнили на Москве-реке: Яропкину отсекали руки, ноги и голову, Пояркову – руки и голову; двум дьякам – Стромилову и Гусеву – да двум детям боярским – князю Палецкому-Хрулю и Щевью-Стравину – отсекали головы, многих других детей боярских пометали в тюрьмы. В то же время рассердился великий князь и на жену свою, великую княгиню Софию, за то, что к ней приходили ворожеи с зельем; этих лихих баб обыскали и утопили в Москве-реке ночью, после чего Иоанн стал остерегаться жены.

Желание бояр исполнилось. Но, удалившись от Софии, Иоанн не удалился от мыслей, внушенных ею; отстранив сына ее от великого княжения, он спешил совершить царское венчание над соперником его, внуком Дмитрием, и бояре, не любившие Софию за принесение новых понятий, пользуются, однако, ими и называют Дмитрия-внука боговенчанным в укор Василию и сыну его. 4 февраля 1498 года в Успенском соборе, среди церкви, приготовили место большое там, где святителей ставят; на этом месте поставили три стула: великому князю, внуку его, Дмитрию, и митрополиту; на налое лежала шапка Мономахова и бармы. Когда великий князь с внуком вошли в церковь, митрополит со всем собором начал служить молебен богородице и Петру-чудотворцу, после чего митрополит и великий князь сели на своих местах, а князь Дмитрий стал у мест перед ними, у верхней ступени. Иоанн, обратясь к митрополиту, начал говорить: «Отец митрополит! Божьим изволением, от наших прародителей, великих князей, старина наша оттоле и до сих мест: отцы наши, великие князья, сыновьям своим

старшим давали великое княжение; и я было сына своего первого, Ивана, при себе благословил великим княжением; но божьею волею сын мой Иван умер, у него остался сын первый, Димитрий, и я его теперь благословляю при себе и после себя великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским; и ты бы его, отец, на великое княжение благословил». После этой речи митрополит велел Димитрию стать на его место и, вставши, благословил его крестом, потом Димитрий преклонил голову, и митрополит, положивши на нее руку, прочел громко молитву, чтоб господь бог дал поставляемому скипетр царства, посадил его на престол правды и проч. Два архимандрита поднесли сперва бармы, потом шапку; митрополит брал их, передавал великому князю, а тот возлагал на внука. За этим обрядом следовали ектенья, молитва богородице и многолетие, после которого духовенство поздравило обоих великих князей; митрополит сказал Иоанну: «Божьею милостию радуйся и здравствуй, преславный царь Иван, великий князь всея Руси, самодержец, и с внуком своим, великим князем Димитрием Ивановичем всея Руси, на многая лета»; Димитрию сказал: «Божьею милостию здравствуй, господин сын мой, князь великий Димитрий Иванович всея Руси, с государем своим, дедом, великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, на многая лета». Потом поздравляли обоих великих князей дети Иоанновы, бояре и все люди. Митрополит произнес Димитрию следующее поучение: «Господин сын, князь великий Димитрий Иванович! Божьим изволением дед твой, князь великий, пожаловал тебя, благословил великим княжеством; и ты, господин сын, имей страх божий в сердце, люби правду и милость и суд праведный, будь послушен своему государю и деду, великому князю, и попечение имей от всего сердца о всем православном христианстве, а мы тебя, своего господина и сына, благословляем и бога молим о вашем здоровье». После митрополита Иоанн повторил то же наставление: «Внук князь Димитрий! Пожаловал я тебя и благословил великим княжением; и ты имей страх в сердце, люби правду и милость и суд праведный и попечение имей от всего сердца о всем православном христианстве». Так кончился обряд, великие князья отслушали после литургию, и Димитрий вышел из церкви в шапке и бармах; в дверях осыпал его трижды деньгами золотыми и серебряными дядя Юрий Иванович (Василий содержался под стражею); то же повторено было перед Архангельским и Благовещенским соборами.

Но торжество бояр не было продолжительно. Не прошло еще году после царского венчания Димитриева, как в январе 1499 страшная опала постигла два знатнейших боярских семейства – князей Патрикеевых и князей Ряполовских. Мы видели, что при деде и отце Иоанна первое место между служилыми князьями и боярами принадлежало литовским выходцам, князьям Гедиминова рода, Патрикеевым, которые породнились и с великими князьями московскими, ибо князь Юрий Патрикеевич женился на дочери великого князя Василия Дмитриевича. Сын Юрия, Иван, первый боярин при Василии Темном, продолжал первенствовать и при Иоанне III, к нему послы иностранные обращались с важными предложениями, к нему, как мы видели, обратился и брат великокняжеский, Андрей, с просьбою о посредничестве. Князь Иван породнился с другим знаменитым семейством боярским, ведшим свой род от Ивана, сына Всеволода III, и возвысившимся в Москве при Василии Темном через важные услуги, оказанные семейству последнего: Патрикеев выдал дочь за князя Семена

Ряполовского-Стародубского. И вот, несмотря на важное значение, родство, заслуги отцовские, Иоанн велел схватить князя Ивана Юрьевича с двумя сыновьями, зятя его, князя Семена Ряполовского, испытал подробно все крамолы, нашел измену бояр и приговорил их к смертной казни: 5 февраля Семену Ряполовскому отрубили голову на Москве-реке; просьбы духовенства спасли жизнь Патрикеевым: отец со старшим сыном должны были постричься в монахи – первый у Троицы, другой в Кириллове Белозерском монастыре, младший сын остался под стражей в доме. Неизвестно, отобрано ли было имение у Патрикеевых, из духовной князя Ивана Юрьевича, написанной прежде опалы, знаем, что у него было около пятидесяти вотчин, сел, селец и деревень, поименованных в духовной, кроме таких селец и деревень, которые не названы по имени, а причислены к селам.

Летописцы говорят глухо, не объявляют, в чем состояли крамолы, измена Патрикеевых и Ряполовского, но нет сомнения, что эта измена и крамолы состояли в действиях их против Софии и ее сына, в пользу Елены и Димитрия-внука; это ясно видно из приведенных выше слов Курбского и Берсеня, ясно и из того, что за опалю Патрикеевых и Ряполовского немедленно последовала опала Елены и Димитрия, торжество Софии и Василия. Здесь мы не можем не привести одного любопытного известия, из которого видно, что поведение Патрикеевых и Ряполовского, поступавших еще по старой княжеской и боярской привычке, не нравилось Иоанну, требовавшему новых отношений князей служилых и бояр к великому князю, государю; давая наставление послам, отправлявшимся к польскому королю, Иоанн говорит: «Чтоб во всем между вас было гладко, пили бы бережно, не допьяна, чтобы вашим небреженьем нашему имени бесчестья не было; ведь что сделаете не попригожу, так нам бесчестье и вам тоже; и вы бы во всем себя берегли, а не так бы делали, как князь Семен Ряполовский высокоумничал с князем Васильем, сыном Ивана Юрьевича».

После опалы боярской Иоанн начал нерадеть о внуке, по выражению летописцев, и объявил сына Василия великим князем Новгорода и Пскова. В Новгороде после выводов старых жителей было тихо, оттуда не раздалось никакого возражения, но псковичи еще жили по старине: узнавши об этой новости и не зная, в чем дело, они отправили в Москву троих посадников и по три боярина с конца бить челом великим князьям Иоанну Васильевичу и внуку его, Димитрию Иоанновичу, чтоб держали отчину свою в старине и, который великий князь будет на Москве, тот был бы и во Пскове. Услыхав от послов такую просьбу, великий князь рассердился. «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? – сказал он. – Кому хочу, тому и дам княжество». Один посадник с боярами были отпущены, двое других задержаны и посажены в тюрьму. В это время приехал во Псков из Новгорода владыка Геннадий и хотел соборовать, но посадники и псковичи, подумав, соборовать владыке не дали: «Ты хочешь молить бога за великого князя Василия, а наши посадники затем поехали к великому князю, что мы не верим, будто князь Василий будет великим князем новгородским и псковским, подожди: когда приедут наши посадники и бояре, тогда и служи». Послы приехали, но не все, приехали с опалю, без поклона, с одним ответом: «Разве не волен я, князь великий, в своих детях и в своем княжении?» Псковичи поспешили послать других бояр бить челом великим князьям – Иоанну Васильевичу и Василию Иоанновичу новгородскому и псковскому, «чтоб государи наши держали отчину

свою в старине, а посадников бы отпустили». Посадники были отпущены, и вслед за ними приехал боярин из Москвы с объявлением, что великий князь отчину свою держит в старине.

Псковичи напрасно беспокоились: Иоанн не хотел делить великого княжения, не хотел раздирать его усобицами, которые могли кончиться только гибелью одного из соперников, и предупредил борьбу, пожертвовав сыну внуком. 11 апреля 1502 года великий князь положил опалу на внука своего, великого князя Дмитрия, и на мать его Елену, посадил их под стражу и с того дня не велел поминать их в ектеньях и литиях, не велел называть Дмитрия великим князем, а 14 апреля пожаловал сына своего Василия, благословил и посадил на великое княжение Владимирское и Московское всея Руси самодержцем по благословению Симона-митрополита. С этих пор имя великого князя Василия является в грамотах подле отцовского, причем Иоанн называется в отличие великим князем большим. Отпуская послов в Литву, Иоанн дал им такой наказ: если дочь великого князя (Елена) или кто другой спросит: «Как великий князь пожаловал сына своего Василия великим княжеством?» – то послам отвечать: «Пожаловал государь наш сына своего, учинил государем так: как сам он государь на государствах своих, так и сын его с ним на всех тех государствах государь». Если же спросит: «А ведь прежде государь пожаловал великим княжеством внука своего; и он взял ли у внука великое княжество?» – то на это послы должны были отвечать: «Который сын отцу служит и норовит, того отец больше и жалует; а который сын родителям не служит и не норовит, того за что жаловать?» Если же дочь великого князя Елена спросит: «Где теперь внук и сноха?» – то послы должны отвечать: «Внук и сноха живут теперь у великого князя, так же как и прежде жили». Посол, отправленный в Крым, должен был на те же вопросы отвечать так: «Внука своего государь наш было пожаловал, а он стал государю нашему грубить; но ведь жалует всякий того, кто служит и норовит, а который грубит, того за что жаловать?»

Глава третья

Восток

Подчинение Казани. – Завоевание Перми. – Югорские князья платят дань в Москву; утверждение русских на Печоре; переход за Уральские горы. – Нашествия хана Золотой Орды Ахмата. – Поведение Иоанна во время второго нашего нашествия Ахмата. – Послание к нему Вассиана, архиепископа Ростовского. – Отступление Ахмата от Угры. – Гибель Ахмата в степях. – Крымская орда. – Союз Иоанна с крымским ханом Менгли-Гиреем; крымцы дорушивают Золотую Орду. – Первые сношения России с Турцией. – Сношения с тюменцами, ногаями, Хоросаном и Грузией.

Последний поход Василия Темного был на Казань, первый поход московской рати в княжение сына его был также на Казань. В 1467 году служилый московский царевич Касим получил из Казани весть, что там хотят видеть его ханом и чтоб он

спешил туда с войском; Касим обрадовался, дал знать об этом великому князю, и тот послал к нему сильную рать под начальством князя Ивана Васильевича Оболенского-Стриги. Но когда Касим подошел к Волге, то на другом берегу уже стоял казанский хан Ибрагим со всеми князьями и не допустил его до перевоза. Обманутый Касим в холодную и дождливую осень должен был возвращаться назад, оказался недостаток в съестных припасах, так что многие из ратников Оболенского в постные дни принуждены были есть мясо, а лошади мерли с голоду; много доспехов было побросано на дороге, но люди все возвратились домой благополучно. Казанцы спешили отомстить и немедленно явились под Галичем, но получили скудную добычу, ибо все окружные жители сидели, запершись в городе; городов же брать не могли, потому что великий князь успел разослать заставы в Муром, Нижний, Кострому и Галич. Счастливее были московские дети боярские, которые зимою 6 декабря выступили из Галича в землю Черемисскую. Целый месяц в сильную стужу, без дороги шли они лесами. 6 января 1468 года вошли к черемисам и выжгли всю землю их дотла, людей перебили, других взяли в плен, иных сожгли, имение все побрали, скот, которого нельзя было с собой увести, перебили; за один день пути только не дошли до Казани и возвратились к великому князю все поздорову; в то же время муромцы и нижегородцы воевали по Волге. Казанцы отомстили нападением на верховья реки Юга, где сожгли городок Кичменгу; потом повоевали две костромские волости; князь Оболенский-Стрига не мог догнать их; счастливее был князь Данило Холмской, которому удалось разбить татар, разорвавших Муромскую волость.

Весною новый поход: воеводы собрались на Вятке, под Котельничем, повоевали по Вятке черемис, выплыли в Каму, воевали до Тамлуга и Перевоза Татарского, побили многих купцов и товару у них отняли много; входили воевать и в Белую-Воложку; на берегах Камы разбили отряд татар из двухсот человек, потерявши на бою двух человек убитыми, наконец, через Великую Пермь и Устюг возвратились в Москву. С другой стороны, князь Хрипун-Ряполовский с нижегородскою заставою разбил татарский отряд, состоявший из дворян ханских. Но в то время как русские воевали по Каме, казанцы с большою силою пришли к Вятке и заставили ее жителей передаться хану Ибрагиму.

В 1469 году, весною же, великий князь задумал поход в более обширных размерах: пошла под Казань судовая рать, в которой были дети боярские из всех городов, под начальством воеводы Константина Александровича Беззубцева; пошла и московская городовая рать, сурожане, суконники, купцы и прочие москвичи, которым было можно по их силе, с воеводою князем Петром Васильевичем Оболенским-Нагим; суда шли к Нижнему из Москвы Москвою-рекою и Окою, коломничи и муромцы – Окою, владимирцы и суздальцы – Клязьмою, дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, ростовцы, костромичи и все другие поволжане – прямо Волгою, и все сошлись к Нижнему в один срок. Другая рать, под начальством князя Данилы Ярославского, из Вологды и Устюга пришла к Вятке и повестила вятчанам, чтоб шли вместе на казанского царя, но мы видели уже, что вятчане отказались воевать против Ибрагима. В это время на Вятке был казанский посол, который и дал знать своим, что идет от Вятки рать московская судовая, но небольшая. Между тем Беззубцев с главною ратью стоял в Нижнем, куда пришла к нему великокняжеская грамота с приказом: самому стоять в Нижнем, на казанские места отпустить охотников. Беззубцев созвал всех князей

и воевод и объявил им: «Прислал великий князь грамоту и велел всем вам сказать: кто из вас хочет идти воевать казанские места по обе стороны Волги, тот ступай, только к городу Казани не ходите». Рать отвечала: «Все хотим на окаянных татар, за святые церкви, за своего государя, великого князя Ивана, и за православное христианство!» – и пошли все, а Беззубцев один остался в Нижнем. Ратники выплыли из Оки под Нижний Новгород Старый, вышли из судов к церкви, велели священникам служить молебен за великого князя и за воинов его и милостыню раздали каждый по силе, потом собрались и стали думать, кого поставить воеводою, чтоб одного всем слушать, долго думавши, выбрали себе по своей воле Ивана Руна. В тот же день отплыли они от Нижнего, два раза ночевали на дороге и на третьи сутки на ранней заре, 21 мая, пришли под Казань, забрались в посады, велели трубить в трубы и бросились сечь сонных татар, грабить, брать в плен, освободили христианских пленников, московских, рязанских, литовских, вятских, устюжских, пермских, и зажгли посады со всех сторон; татары, не хотя отдаться в руки христианам и больше жалея о богатстве своем, запирались со всем добром, с женами и детьми в мечетях и там сгорали. Когда посады погорели, русская рать, истомившись, отступила от города, села на суда и отплыла на остров Коровнич, где стояла семь дней. На осьмой прибежал из Казани пленный коломятин и объявил: «Собрался на вас царь казанский Ибрагим со всею землею, Камскою, Сыплинскою, Костяцкою, Беловоложскою, Вотяцкою, Башкирскою, и быть ему на вас на ранней заре с судовою ратью и конною». Услыхавши эту весть, воеводы и ратники начали отсылать от себя молодых людей с большими судами, а сами остались назади, на берегу, оборонять их. Они приказали молодым стать на Ирыхове-острове, а на узкое место не ходить; но те не послушались, пошли в узкое место на больших судах, и тут пришли на них конные татары, начали стрелять, стараясь их выбить; но русские отстреливались удачно и отбились от неприятеля. Между тем судовая рать татарская, лучшие князья и люди пошли на главный отряд, собираясь пожрать его, потому что был невелик; но русские не испугались, пошли против татар и прогнали их до самого города. Возвратившись с погони, вся рать стала на Ирыхове-острове, и тут пришел к ней воевода Беззубцев, который, простоявши еще семь недель в ожидании вятчан и отряда князя ярославского и видя, что в войске оказывается недостаток в съестных припасах, двинулся со всею ратью к Нижнему; на другой день встретили они ханшу, мать Ибрагимову, плывшую из Москвы, которая объявила им, что войны больше не будет. «Князь великий, – говорила она, – отпустил меня к сыну со всем добром и с честью; больше уже не будет никакого лиха между ними, по все только добро будет». Вероятно, прибытие этой ханши в Москву и заставило великого князя отложить поход Беззубцева из Нижнего. Воевода продолжал путь Волгою вверх и, остановившись в воскресенье на Звениче-острове, велел священникам служить обедню; отслушав обедню, хотели уже садиться обедать, а в некоторых церквах не успели еще и обеден отслужить, как вдруг показались татары в судах на реке и на конях по берегу. Русские бросились на суда, схватились с неприятелем и прогнали его, но стрельба конницы заставила их отплыть к своему берегу; тогда судовые татары погнались опять за ними, русские снова оборотились и прогнали татар; так бились целый день и разошлись ночевать, татары на своем берегу, русские на своем. Как на другой день они разошлись, летописи не говорят.

Но есть известие о судьбе другого отряда, находившегося под начальством князя Ярославского, который, как мы видели, шел Вяткою и Камою. Получивши весть от одного татарина, что войско Беззубцева было под Казанью и ушло, заключивши мир с ханом, князь Ярославский решился выйти из Камы в Волгу и мимо Казани плыть к Нижнему; но когда он поровнялся с Казанью, то нашел, что Волга загорожена татарскими судами; несмотря на неравенство сил, русские должны были вступить в битву, чтоб проложить себе дорогу; битва была ожесточенная, секлись, схватываясь руками; несколько воевод полегло на месте, особенное мужество оказал князь Василий Ухтомский, который скакал по связанным судам татарским и бил ослопом неприятеля; русские потеряли 430 человек убитыми и взятыми в плен, много было побито, потоплено и татар; наконец князю Ухтомскому и устюжанам удалось пробиться и приплыть к Нижнему; откуда послали к великому князю бить челом о жалованьи. Иоанн дважды посылал к ним по золотой деньге; но они обе эти деньги отдали священнику, который был с ним под Казанью, пусть бога молит о государе и о всем его воинстве; в третий раз Иоанн послал им запас: 700 четвертей муки, 300 пудов масла, 300 луков, 6000 стрел, 300 шуб бараньих, 300 однорядок из иностранного сукна и 300 сермяг – с приказом идти в новый поход на Казань.

В четыре описанных похода ничего не было сделано: весь успех ограничивался опустошением неприятельских областей, за что казанцы также не оставались в долгу; сожжение казанских посадов Руном не могло вознаградить за потери, понесенные отрядом князя Ярославского; мало того, выгода была явно на стороне казанцев, потому что им удалось подчинить себе Вятку. Летописи не говорят нам о числе войск, отправлявшихся до сих пор на Казань; но из их рассказа ясно, что неуспех главным образом зависел от недостатка единства в движениях, от недостатка подчиненности; один воевода не мог ничего сделать, потому что не мог дожидаться другого, приказ великокняжеский и воеводский не был исполнен. Руно пошел на Казань, когда ему прямо сказано было не ходить; под Казанью молодые не слушались старших. И вот для получения чего-нибудь решительного летом же 1469 года Иоанн послал под Казань двоих братьев своих, Юрия и Андрея Большого, вместе с молодым Верейским князем Василием Михайловичем, со всею силою московскою и устюжскою, конною и судовою. 1 сентября князь Юрий подошел к Казани; татары выехали навстречу, но, побившись немного, побежали в город и затворились; а русские обвели острог и отняли воду. Тогда Ибрагим, видя себя в большой беде, начал посылать с просьбою о мире и добил челом на всей воле великого князя и воеводской. Мы не знаем, в чем состояла эта воля; знаем только, что хан выдал всех пленников, взятых за 40 лет.

Очень быть может, что никаких других условий и не было; могли желать покончить скорее с Казанью, потому что внимание отвлекалось другими важнейшими отношениями: с новгородцами дела не ладились, Казимир литовский пересылался с Ахматом, ханом Золотой Орды. В продолжение следующих восьми лет, когда Иоанн был занят делами новгородскими, о Казани не было слышно; и как нарочно, хан казанский нарушил мир в то самое время, когда Иоанн привел Новгород окончательно в свою волю и мог обратить оружие на восток. В начале 1478 года, когда еще великий князь был в Новгороде, пришла в Казань весть, что он потерпел поражение от новгородцев и сам-четверт убежал раненый. Хан

поспешил воспользоваться благоприятным случаем и вооружился, но относительно похода казанцев в летописях встречаем разные показания: в некоторых говорится, что сам Ибрагим напал на Вятку, взял много пленных по селам, но города не взял ни одного и под Вяткою потерял много своих татар, стоявши под городом с масляницы до четвертой недели поста; в иных прибавлено, что и некоторые города передались хану; в других сказано, что хан пошел было и на Устюг, но задержан был разлившеною рекою. Но в некоторых летописях говорится, что Ибрагим не пошел сам, а послал на Вятку войско, и когда пришла к нему справедливая весть, что великий князь покорил Новгород, то он отдал войску приказ возвратиться немедленно; войско повиновалось так ревностно, что побежало, бросивши даже кушанье, которое варилось в котлах. Мы не можем видеть несогласимого противоречия в том, что хан сам пошел в поход или только отправил войско с воеводами: народная молва и самые летописцы легко могли приписать поход самому хану, хотя бы его и не было при войске; легко могло явиться выражение «приходил царь казанский» вместо «приходили татары казанские» или «приходил царевич казанский». Что же касается до известия о быстром отступлении вследствие приказа из Казани, то оно не противоречит известию об опустошении Вятской области и четырехнедельном стоянии под городом, ибо приказ возвратиться именно мог прийти после этого четырехнедельного стояния; наконец, относительно известия о походе к Устюгу легко можно допустить здесь отдельный отряд татарский.

Как бы то ни было, великий князь не хотел оставлять без внимания нарушение мира со стороны Ибрагимовой, и весною московские воеводы Образец и другие поплыли Волгою из Нижнего к Казани, опустошили волости и подплыли к городу; но сильная буря и дождь помешали приступу и заставили московское войско отступить; с другой стороны, вятчане и устюжане вошли Камою в казанские владения и также опустошили их; Ибрагим послал с челобитьем к великому князю и заключил мир на всей его воле; воля эта опять остается неизвестною.

До сих пор война с Казанью ограничивалась местию, опустошениями за опустошения; из мирных договоров, заключавшихся на воле великого князя московского, знаем только об обязательстве хана отпустить пленников; но скоро смерть Ибрагима и внутренние смуты, последовавшие за нею в Казани, дали московскому князю возможность утвердить здесь решительно свое влияние, впервые привести в зависимость татарское царство. После Ибрагима осталось двое сыновей от разных жен – старший Алегам (Али-хан) и младший Магмет-Аминь; около каждого из них образовалась своя сторона; Алегам с помощью ногаев осилил и сел на отцовском столе; но волнения не прекратились и подавали повод московскому князю вооруженною рукою вмешиваться в казанские дела, наконец молодой Магмет-Аминь явился в Москву бить челом великому князю, назвал его себе отцом и просил у него силы на брата Алегама. Иоанн обещал: ему тем более выгодно было видеть ханом в Казани Магмет-Аминя, что мать последнего, Нурсалтан, вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея, верного союзника Москвы, и скоро пришла весть из Казани, обещавшая удачу в предприятии; казанские вельможи прислали сказать великому князю: «Мы отпустили к тебе Магмет-Аминя для того, что если в случае Алегам станет с нами поступать дурно, то ты опять отпустишь к нам Магмет-Аминя; узнавши об этом,

Алегам зазвал нас к себе на пир и хотел перерезать, мы убежали в степь; а он, укрепивши город, выступил за нами». Иоанн не стал более медлить и в апреле 1487 года послал на Казань большую рать под начальством князей Данилы Холмского, Александра Оболенского, Семена Ряполовского и Семена Ярославского, вслед за которыми отправил и Магмет-Аминя; войска, по обычаю, плыли на судах, лошадей гнали берегом. Алегам выехал против них со всею силою, но, побившись немного, убежал в город и заперся здесь. Казань была осаждена, обведена была острогом; осада продолжалась три недели, и каждый день Алегам делал вылазки; с другой стороны, много вреда русскому войску причинял князь Алгазый, оставшийся вне города; наконец воеводам удалось прогнать Алгазья за Каму, в степь; после этого изнемог и Алегам, сам выехал из города и отдался в руки воеводам 9 июля. На его место послан был Магмет-Аминь как подручник великого князя московского; крамольные князья и уланы казнены смертью; Алегам с женою сосланы в заточение в Вологду, мать его, братья и сестры – на Белоозеро в Карголом. Подручнические отношения Магмет-Аминя к московскому великому князю не выражаются нисколько в формах их грамот; письма ханские начинаются так: «Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, брату моему, Магмет-Аминь, царь, челом бьет»; письма Иоанновы начинаются так же: «Магмет-Аминю, царю, брату моему, князь великий Иван челом бьет». Но, несмотря на равенство в формах, письма Иоанновы к Магмет-Аминю заключают в себе приказания; так, например, муромские наместники поймали однажды казанского татарина, который ехал с товарами через Мордву, а Новгород-Нижний и Муром объехал, избывая пошлин. Узнав об этом, Иоанн писал Магмет-Аминю: «Ты бы в Казани и во всей своей земле заповедал всем своим людям, чтоб из Казани через Мордву и Черемису на Муром и Мещеру не ездил никто; а ездили бы из Казани все Волгою на Новгород-Нижний». Желая жениться на дочери ногайского хана, Магмет-Аминь испрашивал на то согласия великого князя; наконец, видим, что на казанские волости наложена была известная подать, шедшая в московскую казну и собираемая московскими чиновниками; так, Магмет-Аминь жаловался великому князю, что какой-то Федор Киселев притесняет цивильских жителей, берет лишние пошрины.

Но сам Магмет-Аминь возбудил против себя негодование вельмож казанских разного рода насилиями. В мае 1496 года он известил великого князя, что идет на него шибанский царь Мамук с большою силою, а внутри Казани измена: сносятся с неприятелем князь Калимет, Урак, Садырь и Агиш. Иоанн велел идти к нему на помощь воеводе своему, князю Семену Ряполовскому, с детьми боярскими московского двора и понизовых городов; когда Калимет с товарищами узнали о приближении московского войска, то выбежали из Казани к Мамуку, который также испугался и ушел домой. Но только что московское войско успело возвратиться, как недовольные казанцы дали об этом знать Мамуку, и тот явился под Казанью с большою силою ногайскою и князьями казанскими; Магмет-Аминь, боясь измены, выбежал из Казани с женою и верными князьями и приехал в Москву, где великий князь держал его в чести. Мамук вошел в Казань без сопротивления, но начал царствование тем, что схватил своих старых доброжелателей, Калимета с товарищами, ограбил купцов и всех земских людей. Князей он скоро выпустил и пошел с ними осаждать Арский город; но арские князья города своего ему не сдали и бились крепко; в то же время и князья

казанские убежали из его стана в Казань, укрепили город, не пустили в него Мамука и послали в Москву бить челом великому князю, чтоб простил их за измену и пожаловал, не присылал бы к ним прежнего хана Магмет-Аминя, потому что от него большое насилие и бесчестие женам их. Великий князь исполнил их просьбу и вместо Магмет-Аминя послал в Казань младшего брата его, также сына Ибрагимова от Нурсалтан, Абдыл-Летифа, недавно приехавшего служить ему из Крыма и получившего в кормление Звенигород со всеми пошлинами. Князя Семен Холмской и Федор Палецкий посадили Летифа на царство и привели к присяге (шерти) за великого князя всех князей казанских, уланов и земских людей по их вере. Магмет-Аминю вместо Казани дали Каширу, Серпухов, Хотунь со всеми пошлинами; но он и здесь нрава своего не переменил, жил с насильством и алчно ко многим, по словам летописца.

Летиф недолго царствовал. Как видно, тот же самый князь Калимет, который был во главе недовольных Магмет-Аминем, потом оказался опасен Мамуку и был им схвачен, теперь не мог ужиться и с Летифом и действовал против него обвинениями в Москве; в январе 1502 года великий князь отправил в Казань князя Василия Ноздреватого и Ивана Телешова с приказом схватить Летифа за его неправду; Летиф был схвачен, привезен в Москву и сослан в заточенье на Белоозеро. По другим же известиям, Летиф был схвачен Калиметом, приехавшим для того из Москвы. Московский посол в Крыму объявил Менгли-Гирею о винах Летифа в неопределенных выражениях: «Великий князь его пожаловал, посадил на Казани, а он ему начал лгать, ни в каких делах управы не чинил, да и до земли Казанской стал быть лих». На место Летифа посажен был опять Магмет-Аминь, который не забыл, что Калимет был главным виновником его прежнего изгнания из Казани; может быть, Калимет своим поведением и своими отношениями к Москве убедил хана, что им двоим нельзя быть вместе в Казани. Магмет-Аминь убил Калимета, «держа гнев на великого князя», по словам летописца. По другим известиям, этот гнев еще более был воспламенен новою женою Магмет-Аминя, вдовою прежнего, царя казанского, Алегама, на которой великий князь позволил жениться: будучи научаема вельможами, она день и ночь шептала хану, чтоб отложился от Москвы. Весною 1505 года Магмет-Аминь прислал в Москву одного из своих князей с грамотою о каких-то делах; как видно, грамота заключала в себе жалобы, потому что великий князь отправил в Казань своего посла сказать хану, чтобы он всем тем речам не потакал. Этот отказ в удовлетворении жалоб послужил Магмет-Аминю поводом к отложению от Москвы: посол великокняжеский был схвачен вместе с русскими купцами, приехавшими на ярмарку 24 июня, некоторые из них были убиты, другие ограблены и отосланы к ногаям, после чего Магмет-Аминь подходил к Нижнему Новгороду, который был спасен искусством и храбростью пленных стрельцов литовских, взятых на Ведроше и сосланных в Нижний. Скоро последовавшая за тем смерть великого князя дала хану возможность наслаждаться своим торжеством безнаказанно.

Прочнее, чем на низовьях Камы, утвердилось русское владычество в верхних ее частях. Мы видели, что еще в княжение Дмитрия Донского св. Стефан крестил часть народонаселения Пермской земли, именно зырян; из описаний этого события видно, что последние еще прежде были подчинены великим князьям московским: св. Стефан является ходатаем за новообращенных перед правительством; дело Стефана в Перми довершено было одним из преемников

его: под 1462 годом встречаем известие, что епископ пермский Иона крестил Великую Пермь и князя ее, поставил церкви, игуменов и священников. В каком отношении находилась эта Великая Пермь и князь ее к Москве, мы не знаем; новгородцы даже в Шелонском договоре включили Пермь в число своих владений, но тотчас по заключении этого договора, в 1472 году, великий князь послал воеводу князя Федора Пестрого на пермяков за их неисправление; 26 июня пришла в Москву весть, что Пестрый завоевал Пермскую землю; с устья Черной реки воевода плыл на плотах с лошадьми до городка Анфаловского; здесь сошел с плотов и отправился на лошадях в верхнюю землю, к городку Искору, отпустивши отряд под начальством Нелидова в нижнюю землю, на Урос, Чердынь и Почку, где владел князь Михаил. Не доходя до Искора, на реке Колве, Пестрый встретил пермскую рать, разбил ее, взял в плен воеводу Качаима. Отсюда русские пошли к Искору, взяли его, взяли и другие городки и пожгли; Нелидов делал то же в нижней земле. Пришедши на место, где река Почка впадает в Колву, Пестрый сождался со всеми своими отрядами, срубил городок, сел в нем и привел всю землю за великого князя, к которому отправил пленного князя Михаила с воеводами его и добычу – шестнадцать сороков соболей, шубу соболью, двадцать девять с половиною поставов сукна, три панциря, шлем и две сабли булатные. После, впрочем, во все продолжение княжения Иоаннова в Перми оставались туземные князья; последним из них был Матвей Михайлович, вероятно сын упомянутого выше Михаила; этого Матвея великий князь свел с Великой Перми в 1505 году и послал туда первого русского наместника, князя Василия Ковра.

Новгородцы и Югру причисляли к своим волостям; но мы видели, как непрочным было там их владычество. В 1465 году Иоанн велел устюжанину Василию Скрябе воевать Югорскую землю; с ним пошли охочие люди, пошел также князь Василий Ермолаич Вымский с вымичами и вычегжанами. Выведши много полона, они привели Югорскую землю за великого князя, двоих князей доставили в Москву, где великий князь пожаловал их опять югорским княжением и отпустил домой, наложивши дань. Давно уже вогуличи нападали на русские владения в Перми; мы видели, что епископ Питирим, один из преемников св. Стефана, пал их жертвою. В 1467 году 120 человек вятчан вместе с пермяками воевали вогуличей и взяли в плен князя их Асыку. В 1481 году вогуличи напали на Великую Пермь, проникли до Чердыни, но здесь настигли их устюжане под начальством Андрея Мишнева и побиили. Асыка каким-то образом успел освободиться из плена, и в 1483 году великий князь послал на него воевод – князя Федора Курбского Черного и Салтыка Травина с устюжанами, вологжанами, вычегжанами, вымичами, сысоличами, пермяками. На устье Полыми встретили они вогуличей и разбили с потерей только семи человек своих, отсюда пошли вниз по Тавде, мимо Тюмени в Сибирскую землю, дорогою воевали, добра и пленных взяли много; от Сибири пошли вниз по Иртышу, с Иртыша на Обь, в Югорскую землю, где взяли в плен большого ее князя Молдана и других, и возвратились в Устюг 1 октября, вышедши оттуда 9 мая. В 1485 году по старанию пермского епископа Филофея князья югорские, кодские – Молдан, отпущенный из плена с детьми, да трое других – заключили мир под владычным городом Усть-Вымским с князьями вымскими – Петром и Федором, с вычеггодским сотником и с владычным слугою, клялись лиха не мыслить и не нападать на пермских людей, а пред великим князем вести себя исправно; для подкрепления

клятвы пили воду с золота, по своему обычаю. В последний год XV века был последний поход на Югорскую землю, на вогуличей, ходили воеводы: князь Семен Курбский, Петр Ушатый и Заболоцкий-Бражник с 5000 устюжан, двинян, вятчан; разными реками и волоками достигли Печоры, построили на берегу крепость и отсюда отправились за Уральские горы, которые перешли с большим трудом.

Так утверждение русского владычества на Каме, в Перми имело необходимым следствием подчинение и отдаленнейших стран северо-восточных, переход через Уральские горы, потому что дикие жители этих стран нападали на Пермь и тем самым вызывали на себя русское оружие. Но, вдаваясь все более и более на северо-восток по искони принятому направлению, распространяясь легко на счет диких финских племен, редко разбросанных по огромным пространствам, русские владения не могли с такою же легкостью распространяться на юго-восток, ибо там еще стояли своими вежами татары, ослабленные разделением на несколько орд, потерявшие для Руси прежнее значение безусловных повелителей, но в первую половину княжения Иоаннова еще не отказывавшиеся от притязаний на дань и долго после опасные, как разбойники неукротимые. Казань благодаря усобице между детьми Ибрагимовыми была приведена в волю великого князя московского, но отложились перед смертью Иоанна и после долгих усилий окончательно была покорена только при внуке его. Золотая Орда рассыпалась окончательно при Иоанне III, но перед падением своим привела в сильный страх Московское государство, не оставляя своих притязаний на господство над ним. Увлекаемый новгородцами в борьбу с московским князем и не имея досуга и средств к этой борьбе, Казимир литовский хотел остановить Иоанна посредством татар. В 1471 году он послал в Золотую Орду к хану Ахмату татарина Кирея Кривого, холопа Иоаннова, бежавшего от своего господина в Литву. Приехавши к Ахмату, Кирей начал говорить ему от короля на московского князя многие речи лживые и обговоры, поднес богатые дары хану и всем вельможам его и бил челом, чтоб вольный царь пожаловал, пошел на московского князя со всею Ордою, а король с другой стороны пойдет на Москву со всею своею землею; вельможи были за короля, но хану в это время был недосуг; целый год продержал он у себя Кирея, не имея с чем отпустить его, а между тем вятчане, приплывши Волгою, овладели Сараем во время отсутствия хана, разграбили город, взяли пленных множество.

Не успевши вовремя отвлечь Иоанна от Новгорода, Ахмат пришел к московским границам только летом 1472 года, когда новгородский поход был уже кончен и великий князь мог направить все свои силы в одну сторону. Узнавши, что хан под Алексином, Иоанн велел идти к Оке братьям своим и воеводам и сам немедленно поехал в Коломну, а оттуда в Ростиславль, куда велел следовать за собою и сыну Иоанну. В Алексине было мало ратных людей, не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов, никакого городского пристрою, и потому великий князь велел воеводе алексинскому Беклемишеву оставить город по невозможности держаться в нем, но воевода не хотел выйти из города, не взявши посула с жителей; те давали ему пять рублей, но он требовал шестого для жены, и, в то время как происходила эта торговля, татары повели приступ. Воевода бросился с женою и слугами на другой берег, татары кинулись также в Оку догонять его, но поймать не могли, потому что в это время приспел на берег князь Василий

Михайлович Верецкий и не дал им переправиться. В тот же день пришли к Оке двое братьев Иоанновых, Юрий из Серпухова и Борис с Козлова Броду, да воевода Петр Челяднин с двором великого князя. Хан велел своим взять Алексин, но граждане храбро оборонялись и побили много татар. Скоро, однако, нечем стало более обороняться, не осталось ни стрелы, ни копья; татары зажгли город, и он сторел с людьми и добром их; кто же выбежал из огня, те попались в руки татарам. Князь Юрий Васильевич и воеводы стояли на другом берегу и плакали, но помочь не могли по глубине Оки в этом месте. После хан спросил одного пленника: «Куда девались алексинцы? Сгорело их мало и в плен попало также мало?» Пленник, которому посулили свободу за открытие, объявил, что более тысячи человек со всем добром убежали в тайник, выведенный к реке; татары взяли тайник, и тут уже ни один алексинец не ушел от них. Истреблением Алексина, впрочем, и ограничились все успехи Ахмата; слыша, что сам великий князь стоит в Ростиславле, царевич Даньяр Касимович с татарами и русскими – в Коломне, брат великого князя Андрей Васильевич – в Серпухове, видя перед собою многочисленные полки князя Юрия, как море колеблющиеся в светлом вооружении, хан двинулся назад, в свои улусы. По некоторым же известиям, Ахмат принужден был отступить вследствие моровой язвы, открывшейся в его войске; впрочем, страх Ахматов будет понятен и без моровой язвы, если справедливо известие одного летописца, что у русских было 180000 войска, стоявшего в разных местах на пространстве 150 верст.

После этого, как видно, заключен был мир между Ахматом и великим князем; под 1474 годом встречаем известие о приходе из Орды Никифора Басенка с Ахматовым послом Кара-Кучуком, который привел с собою 600 татар, принадлежавших к посольству, получавших поэтому пищу от великого князя, кроме 3200 купцов, приведших на продажу более 40000 лошадей. В 1476 году приехал в Москву новый посол от Ахмата звать великого князя в Орду; Иоанн отправил с ним к хану своего посла Бестужева, неизвестно с какими речами. Известно только то, что эти речи не понравились; есть известие, впрочем сильно подозрительное, что когда хан отправил в Москву новых послов с требованием дани, то Иоанн взял басму (или ханское изображение), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами, велел умертвить послов, кроме одного, и сказал ему: «Ступай объяви хану: что случилось с его басмою и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое». Гораздо вероятнее другое известие, что великую княгиню Софию оскорбляла зависимость ее мужа от степных варваров, зависимость, выражавшаяся платежом дани, и что племянница византийского императора так уговаривала Иоанна прервать эту зависимость: «Отец мой и я захотели лучше отчины лишиться, чем дань давать; я отказала в руке своей богатым, сильным князьям и королям для веры, вышла за тебя, а ты теперь хочешь меня и детей моих сделать данниками; разве у тебя мало войска? Зачем слушаешься рабов своих и не хочешь стоять за честь свою и за веру святую?» К этому известию прибавляют, будто по старанию Софии у послов и купцов татарских взято было Кремлевское подворье, будто София уговорила Иоанна не выходить пешком навстречу к послам ордынским, привозившим басму, будто древние князья кланялись при этом послам, подносили кубок с кумысом и выслушивали ханскую грамоту, стоя на коленях; будто Иоанн для избежания этих унижительных обрядов сказывался больным при въезде послов ханских; но можно

ли допустить, чтоб отец и дед Иоаннов подвергались этим обрядам, если даже допустим, что иностранцы, свидетельствующие о них, и сказали полную правду?

Как бы то ни было, вероятно, что Ахмат не был доволен поведением Иоанна и в 1480 году, услышав о восстании братьев великого князя и согласившись опять действовать заодно с Казимиром литовским, выступил на Москву; летописцы говорят, что и на этот раз король был главным подстрекателем. Получивши весть о движении Ахмата, великий князь начал отпускать воевод на берега Оки: брата, Андрея Меньшого, отправил в Тарусу, сына, Иоанна, – в Серпухов и, получивши весть, что хан приближается к Дону, отправился сам в Коломну 23 июля. Но хан, видя, что по Оке расставлены сильные полки, взял направление к западу, к Литовской земле, чтоб проникнуть в московские владения чрез Угру; тогда Иоанн велел сыну и брату спешить туда; князья исполнили приказ, пришли к Угре прежде татар, отняли броды и перевозки.

В Москве сели в осаде: мать великого князя инокиня Марфа, князь Михаил Андреевич Верейский, митрополит Геронтий, ростовский владыка Вассиан, наместник московский князь Иван Юрьевич Патрикеев с дьяком Василием Мамыревым; а жену свою, великую княгиню Софию (римлянку, как выражаются летописцы), Иоанн послал вместе с казною на Белоозеро, давши наказ ехать далее к морю и океану, если хан перейдет Оку и Москва будет взята. Касательно самого великого князя мнения разделились: одни, приводя непостоянства военного счастья, указывая на пример великого князя Василия Васильевича, взятого в плен казанскими татарами в Суздальском бою, указывая на бедствия, бывшие следствием этого плена, думали, что Иоанн не должен выводить войска против татар, но должен удалиться на север, в места безопасные; другие же, особенно духовенство, и из духовных преимущественно Вассиан, архиепископ ростовский, по талантам, грамотности и энергии выдававшийся на первый план, думали, что великий князь должен оставаться с войском на границах; летописец, оставивший нам подробнейший рассказ о событии, держался того же мнения и сильно вооружался против людей, настаивавших на удалении великого князя от границ, именно против двоих приближенных бояр, Ивана Васильевича Ощеры и Григория Андреевича Мамона. По его словам, эти богатые люди думали только о богатстве своем, о женах, о детях, хотели укрыть их и самих себя в безопасных местах и припоминали Иоанну Суздальский бой, как отца его взяли татары в плен и били; припоминали, что когда Тохтамыш приходил, то великий князь Дмитрий бежал в Кострому, а не бился с ханом. Но должно заметить, что летописец, равно как и Вассиан в послании своем, удивительным для нас образом смешивают две вещи: удаление великого князя от войска и бегство целого войска, покинутые государства на жертву татарам, что, по их словам, Ощера и Мамонов именно советовали. Великий князь, оставя войско на берегу Оки и приказавши сжечь городок Каширу, поехал в Москву, чтоб посоветоваться с матерью, митрополитом и боярами, а князю Даниилу Холмскому дал приказ – по первой присылке от него из Москвы ехать туда же вместе с молодым великим князем Иоанном. 30 сентября, когда москвичи перебирались из посадов в Кремль на осадное сиденье, вдруг увидели они великого князя, который въезжал в город вместе с князем Федором Палецким; народ подумал, что все кончено, что татары идут по следам Иоанна; в толпах слышались жалобы: «Когда ты, государь великий князь, над нами княжишь в кротости и тихости, тогда нас много в безлепце продаешь; а

теперь сам разгневал царя, не платя ему выхода, да нас выдаешь царю и татарам». В Кремле встретили Иоанна митрополит и Вассиан; ростовский владыка, называя его бегуном, сказал ему: «Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними; зачем боишься смерти? Не бессмертный ты человек, смертный; а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войско в руки, увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами!» Великий князь, опасаясь граждан, не поехал на свой кремлевский двор, а жил в Красном сельце; к сыну послал грамоту, чтоб немедленно ехал в Москву, но тот решил лучше навлечь на себя гнев отцовский, чем отъехать от берега. Видя, что грамоты сын не слушает, Иоанн послал приказание Холмскому: схвативши силою молодого великого князя, привезти в Москву; но Холмской не решился употребить силы, а стал уговаривать Иоанна, чтоб ехал к отцу; тот отвечал ему: «Умру здесь, а к отцу не пойду». Он устерег движение татар, хотевших тайно переправиться через Угру и внезапно броситься на Москву: их отбили от русского берега с большим уроном.

В Москве мнение Вассиана превозмогло: проживши две недели в Красном сельце, приказавши Патрикееву сжечь московский посад и распорядившись переводом дмитровцев в Переяславль для осады, а москвичей в Дмитров, великий князь отправился к войску. Перед отъездом митрополит со всем духовенством благословил его крестом и сказал: «Бог да сохранит царство твое силою честного креста и даст тебе победу на врагов; только мужайся и крепись, сын духовный! Не как наемник, но как пастырь добрый, полагающий душу свою за овцы, потщись избавить врученное тебе словесное стадо Христовых овец от грядущего ныне волка; и господь бог укрепит тебя и поможет тебе и всему твоему христоролюбивому воинству». Все духовенство в один голос сказало: «Аминь, буди тако. Господу ти помогающе!» Иоанн отправился, но стал не на Угре, в виду татар, а в Кременце, на реке Луже, в тридцати верстах от Медыни, где теперь село Кременецкое. Здесь опять Ощера и Мамон начали советовать ему удалиться; на этот раз, впрочем, Иоанн не поехал в Москву, но попытался, нельзя ли кончить дело миром, и отправил к хану Ивана Товаркова с челобитьем и дарами, прося жалованья, чтоб отступил прочь, а улусу своего не велел воевать. Хан отвечал: «Жалую Ивана; пусть сам приедет бить челом, как отцы его к нашим отцам ездили в Орду». Но великий князь не поехал; слыша, что Иоанн сам ехать не хочет, хан прислал сказать ему: «Сам не хочешь ехать, так сына пришли или брата». Не получивши ответа, Ахмат послал в третий раз: «Сына и брата не пришлешь, так пришли Никифора Басенкова». Никифор этот был уже раз в Орде и много даров давал от себя татарам, за что и любили его хан и все князья. Но Иоанн не послал и Басенкова: говорят, к этому решению побудило его послание Вассиана, который, узнавши о переговорах, писал так великому князю: «Благоверному и христоролюбивому, благородному и богом венчанному и богом утвержденному, в благочестии всей вселенной в концы воссиявшему, в царях пресветлейшему, преславному государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси богомолец твой, архиепископ Вассиан Ростовский, благословляю и челом бью. Молю величество твое, благолюбивый государь! Не прогневайся на мое смирение, что прежде дерзнул устами к устам говорить твоему величеству твоего ради спасения: потому что наше дело напоминать вам, а ваше слушать нас; теперь же дерзнул я написать к твоему благородству, хочу напомнить тебе немного от св.

Писания, сколько бог вразумит меня, на крепость и утверждение твоей державе». Напомнив Иоанну, как он приезжал в Москву, как, повинувшись общему молению и доброй думе, обещал бороться с Ахматом и не слушать людей, отвлекающих его от этой борьбы, Вассиан продолжает: «Ныне слышим, что бусурманин Ахмат уже приближается и христианство губит; ты пред ним смиряешься, молишь о мире, посылаешь к нему, а он гневом дышит, твоего моления не слушает, хочет до конца разорить христианство. Не унывай, но возверзи на господя печаль твою, и той ты пропитаешь. Дошел до нас слух, что прежние твои развратники не перестают шептать тебе в ухо льстивые слова, советуют не противиться супостатам, но отступить и предать на расхищение волкам словесное стадо Христовых овец. Молюсь твоей державе, не слушай их советов! Что они советуют тебе, эти льстецы лжеименитые, которые думают, будто они христиане? Советуют бросить щиты и, не сопротивляясь нимало окаянными этим сыроядцам, предать христианство, свое отечество и, подобно беглецам, скитаться по чужим странам. Помысли, великомудрый государь! От какой славы в какое бесчестие сведут они твое величество, когда народ тьмами погибнет, а церкви божи разорятся и осквернятся. Кто каменносердечный не всплачется об этой гибели? Убойся же и ты, пастырь! Не от твоих ли рук взыщет бог эту кровь? Не слушай, государь, этих людей, хотящих честь твою преложить в бесчестие и славу твою в беславие, хотящих, чтоб ты сделался беглецом и назывался предателем христианским; выйди навстречу безбожному языку агарянскому, поревнуй прародителям твоим, великим князьям, которые не только Русскую землю обороняли от поганых, но и чужие страны брали под себя: говорю об Игоре, Святославе, Владимире, бравших дань на царях греческих, о Владимире Мономахе, который бился с окаянными половцами за Русскую землю, и о других многих, о которых ты лучше моего знаешь. А достохвальный великий князь Димитрий, твой прародитель, какое мужество и храбрость показал за Доном над теми же сыроядцами окаянными! Сам наперед бился, не пощадил живота своего для избавления христианского, не испугался множества татар, не сказал сам себе: „У меня жена и дети и богатства много, если и землю мою возьмут, то в другом месте поселюсь“, но, не сомневаясь нимало, воспрянул на подвиг, наперед выехал и в лицо стал против окаянного разумного волка Мамаю, желая похитить из уст его словесное стадо Христовых овец. За это и бог послал ему на помощь ангелов и мучеников святых; за это и до сих пор восхваляется Димитрий и славится не только людьми, но и богом. Так и ты поревнуй своему прародителю, и бог сохранит тебя; если же вместе с воинством своим и до смерти постраждешь за православную веру и святые церкви, то блаженны будете в вечном наследии. Но, быть может, ты опять скажешь, что мы находимся под клятвою прародительскою не поднимать рук на хана, то послушай: если клятва дана по нужде, то нам повелено разрешать от нее, и мы прощаем и разрешаем, благословляем тебя идти на Ахмата не как на царя, но как на разбойника, хищника, богоборца; лучше, солгавши, получить жизнь, чем, соблюдая клятву, погибнуть, т.е. пустить татар в землю на разрушение и истребление всему христианству, на запустение и осквернение святых церквей и уподобиться окаянному Ироду, который погиб, не желая преступить клятвы. Какой пророк, какой апостол или святитель научил тебя, великого русских стран христианского царя, повиноваться этому богостыдному, оскверненному, самозваному царю? Не столько за грехи и неисправление к богу, сколько за

недостаток упования на бога бог попустил на прародителей твоих и на всю землю нашу окаянного Батыя, который разбойнически попленил всю землю нашу, и поработил, и воцарился над нами, не будучи царем и не от царского рода. Тогда мы прогневали бога, и он на нас разгневался, как чадолюбивый отец; а теперь, государь, если каешься от всего сердца и прибегаешь под крепкую руку его, то помилует нас милосердный господь».

Ахмат, не пускаемый за Угру полками московскими, все лето хвалился: «Даст бог зиму на вас: когда все реки станут, то много дорог будет на Русь». Опасаясь исполнения этой угрозы, Иоанн, как только стала Угра 26 октября, велел сыну, брату Андрею Меньшому и воеводам со всеми полками отступить к себе на Кременец, чтоб биться соединенными силами; этот приказ нагнал ужас на ратных людей, которые бросились бежать к Кременцу, думая, что татары перешли уже через реку и гонятся за ними; но Иоанн не довольствовался отступлением к Кременцу: он дал приказ отступить еще от Кременца к Боровску, обещая дать битву татарам в окрестностях этого города. Летописцы опять говорят, что он продолжал слушаться злых людей, сребролюбцев, богатых и тучных предателей христианских, потаковников бусурманских. По Ахмат не думал пользоваться отступлением русских войск; простоявши на Угре до 11 ноября, он пошел назад через литовские волости, Серенскую и Мценскую, опустошая земли союзника своего Казимира, который, будучи занят домашними делами и отвлечен набегом крымского хана на Подолию, опять не исполнил своего обещания. Один из сыновей Ахматовых вошел было в московские волости, но был прогнан вестью о близости великого князя, хотя за ним в погоню пошли только братья великокняжеские. О причинах отступления Ахматова в летописях говорится разно: говорится, что когда русские начали отступать от Угры, то неприятель, подумав, что они уступают ему берег и хотят биться, в страхе побежал в противную сторону. Но положим, что татары подумали, будто русские отступают для завлечения их в битву; все же они отступали, а не нападали; следовательно, татарам не для чего было бежать; потом великий князь дал приказание своим войскам отступить от Угры, когда эта река стала, она стала 26 октября; положим, что между установлением ее и приказанием великого князя протекло несколько дней, но все же не пятнадцать, ибо хан пошел от Угры только 11 ноября; следовательно, если мы даже и допустим, что татары побежали, видя отступление русских, то должны будем допустить, что они потом остановились и, подождав еще до 11 ноября, тогда уже выступили окончательно в обратный поход. Другие летописцы говорят правдоподобнее, что с Дмитриева дня (26 октября) стала зима и реки все стали, начались лютые морозы, так что нельзя было смотреть; татары были наги, босы, ободрались; тогда Ахмат испугался и побежал прочь 11 ноября. В некоторых летописях находим известие, что Ахмат бежал, испугавшись примирения великого князя с братьями. Все эти причины можно принять вместе: Казимир не приходил на помощь, лютые морозы мешают даже смотреть, и в такое-то время года надобно идти вперед, на север, с нагим и босым войском и прежде всего выдержать битву с многочисленным врагом, с которым после Мамаея татары не осмеливались вступать в открытые битвы; наконец, обстоятельство, главным образом побудившее Ахмата напасть на Иоанна, именно уособица последнего с братьями, теперь более не существовало.

Ахмат возвращался в степь с добычей, награбленной им в областях литовских. На отнимку этой добычи отправился хан Шибанской, или Тюменской, орды Ивак, соединившись с ногаями. Ахмат, не подозревая опасности, разделился с своими султанами и с малым числом войска, без всякой осторожности стал зимовать на устьях Донца. Здесь 6 января 1481 года напал на него Ивак и собственноручно убил сонного, после чего отправил к великому князю посла объявить, что супостата его уже нет больше; Иоанн принял посла с честью, дарил и отпустил с дарами для Ивака. Таким образом, последний грозный для Москвы хан Золотой Орды погиб от одного из потомков Чингисхановых; у него остались сыновья, которым также суждено было погибнуть от татарского оружия. Еще в княжение Василия Темного стала известной Крымская орда, составленная Едигеем из улусов черноморских; но сыновья Едигеевы погибли в усобицах, и родоначальником знаменитых в нашей истории Гиреев крымских был Ази-Гирей, сохранявший во все продолжение своей жизни дружбу с Казимиром литовским. Но сын Ази-Гиреев Менгли-Гирей вследствие жестокой наследственной вражды с ханами Золотой Орды почел за лучшее сблизиться с великим князем московским, чтоб вместе действовать против общих врагов; еще в 1474 году началось это сближение. Как дорожил Иоанн союзом Менгли-Гиреевым, имея в виду не одного Ахмата, но также и Литву, и как еще не отвыкли в описываемое время от уважения к ханам или царям татарским, видно из тона посольств и грамот Иоанна к Менгли-Гирею: посол московский, боярин Никита Беклемишев, должен был говорить хану от имени своего государя: «Князь великий Иван челом бьет: посол твой Ази-Баба говорил мне, что хочешь меня жаловать, в братстве, дружбе и любви держать, точно так, как ты с королем Казимиром в братстве, дружбе и любви. И я, слышав твое жалованье и видев твой ярлык, послал к тебе бить челом боярина своего Никиту, чтоб ты пожаловал, как начал меня жаловать, так бы и до конца жаловал». Но, соблюдая такие учтивости в речах посольских, Иоанн не хотел, однако, чтоб хан на этом основании позволил себе слишком повелительный тон в своих грамотах: по великокняжескому наказу Беклемишев должен был отговаривать, чтоб в договорной грамоте не было слов: «Я, Менгли-Гирей, царь, пожаловал, заключил с своим братом» и проч. Но если такова будет форма договорных грамот между Менгли-Гиреем и королем, то посол мог допустить выражение: пожаловал, если Беклемишев успеет отговориться от этого пожалования, то очень будет хорошо, если же не успеет, то делать нечего, пусть впишут в ярлык. Заключая союз с врагом Ахмата, чтоб удобнее при случае бороться с последним, Иоанн, однако, не хотел первый начинать этой борьбы и потому наказал своему послу отговаривать, чтоб в ярлыке не было сказано быть заодно именно на Ахмата, но чтоб было сказано вообще: «Быть на всех недругов заодно»; если же посол не успеет отговорить, то должен требовать внесения в ярлык следующего условия: «Если Ахмат или Казимир пойдут на Москву, то Менгли-Гирей сам должен идти на них или брата послать»; Беклемишев никак не должен был соглашаться на условие прервать сношения с Ахматом, не отправлять к нему послов, на требование этого условия Беклемишев должен был отвечать: «Послы между Москвою и Ордою не могут не ходить, потому что господаря отчина с Ахматом на одном поле». Если царь станет требовать поминков, какие шлет ему король, то посол должен был отговаривать и ярлыка не брать; если же царь захочет написать в ярлык: «Поминки ко мне слать и их не умаливать», то

посол должен был отговаривать и это условие, но в случае нужды мог согласиться на него.

Беклемишеву удалось отговориться от поминков, но он должен был согласиться вписать в ярлык пожалование; грамота была написана так: «Вышнего бога волею я, Менгли-Гирей, царь, пожаловал с братом своим, великим князем Иваном, взял любовь, братство и вечный мир от детей на внучат. Быть нам везде заодно, другу другом быть, а недругу недругом. Мне, Менгли-Гирею царю, твоей земли и тех князей, которые на тебя смотрят, не воевать, ни моим уланам, ни князьям, ни козакам; если же без нашего ведома люди наши твоих людей повоюют и придут к нам, то нам их казнить и взятое отдать и головы людские без окупа выдать. Если мой посол от меня пойдет к тебе, то мне его к тебе послать без пошлин и без пошлинных людей, когда же твой посол ко мне придет, то он идет прямо ко мне. Пошлинам даражским (дарага, или дорога, – сборщик податей) и никаким другим пошлинам не быть. На всем на этом, как писано в ярлыке, я, Менгли-Гирей царь, с своими уланами и князьями тебе, брату своему, великому князю Ивану, молвя крепкое слово, шерть (клятву) дал: жить нам с тобою по этому ярлыку». После форма грамот Иоанновых к Менгли-Гирею была такая: «Государь еси великой, справедливой и премудрой, межи бессерменскими государи прехвальной государь, брат мой Менгли-Гирей, царь. Бог бы государство твое свыше учинил. Иоанн божьею милостью, един правой государь всея Руси, отчич и дедич и иным многим землям от севера и до востока государь. Величеству твоему брата твоего слово наше то. Приказывал еси к нам» и проч.

Послами в Крым обыкновенно отправлялись люди знатные, бояре; однажды случилось послать человека незначительного (паробка), и великий князь спешил извиниться, писал к хану: «На Литву проезду нет, а полем пути истомны». Важность, которую великий князь придавал крымским отношениям по поводу дел ордынских и литовских, заставляла его распоряжаться так, что в Крыму был постоянно русский посол; так Иоанн наказывал послу своему Шеину не уезжать из Крыма ни весною, ни летом и хлопотать, чтоб царь шел или на Орду, или на короля, а великого князя обсыпать обо всем; послы получали также наказ не уезжать до приезда других. Князь Семен Ромодановский, отправляясь послом в Крым, получил такой наказ: «Если от каких-нибудь других государей будут послы у царя Менгли-Гирея, от турецкого или от иных, то ему, Ромодановскому, ни под которым послом у царя не садиться и остатков у него после них не брать».

Несмотря на то что в договоре именно было внесено условие не требовать пошлин, алчность татар заставляла великого князя постоянно наказывать послам своим: «Станет царь посла своего отправлять к великому князю, то говорить: „Как пожаловал царь великого князя, братом и другом себе учинил и правду (клятву) на том дал, потому бы и жаловал, посла своего послал бы без пошлин“. Татары любили также отправлять с послами множество лишних людей, которые в Москве кормились на счет великого князя и брали у него подарки, что было отяготительно, особенно для бережливого Иоанна; поэтому он наказывал послам своим говорить царю, чтоб с крымскими послами лишних людей не было. В договоре не упомянуто было о поминках; несмотря на то, хан постоянно их требовал, писал: „Ныне братству примета то, ныне тот запрос: кречеты, соболи, рыбий зуб“. Вельможи Менгли-Гирея подражали своему хану, привязывались ко всякому случаю, чтоб выманить подарки; так, царевич Ямгурчей прислал сказать:

„Я нынче женился и сына женил; так бы князь великий пожаловал, прислал шубу соболью, да шубу горностаевую, да шубу рысью. Да великий князь пожаловал, прислал мне третьего года панцирь; я ходил на недругов и панцирь истерял; так великий князь пожаловал бы, новый панцирь прислал“. Менгли-Гирей объявил требование на дань с одоевских князей, писал великому князю: „Исстарины одоевских городов князья давали нам ежегодно тысячу алтын ясаку, а дарагам другую тысячу давали, по тому обычаю я и послал дарагу их Бахшеиша“. Иоанн отвечал: „Одоевских князей больших не стало, отчина их пуста, а другие князья Одоевские нам служат, мы их кормим и жалуем своим жалованием, а иных князей Одоевских жребии за нами. Что они тебе давали и твоему человеку, тем я их жаловал, и им нечего давать, отчина их пуста, и теперь твоего человека я же жаловал, а им нечего давать. Так ты бы Одоевским князьям вперед свою пошлину отложил, да и дараг их к ним не посылал за своею пошлиною для меня“.

Менгли-Гирея, его царевичей, уланов и князей еще удерживало от требований то обстоятельство, что они имели нужду в великом князе московском: между царевичами происходили усобицы, один изгонял другого; изгнанники находили убежище и кормление в московских владениях: в 1476 году Менгли-Гирей был изгнан Ахматом, и место его получил Зенебек, но последний не считал себя прочным в Крыму и потому просил Иоанна, чтоб в случае изгнания дал ему у себя убежище; великий князь отвечал: «Прислал ты ко мне своего человека, который говорил, что если по грехам придет на тебя истома, то мне бы дать тебе опочив в своей земле. Я и прежде твоего добра смотрел, когда еще ты был козаком; ты и тогда ко мне также приказывал, что если конь твой будет потен, то мне бы тебе в своей земле опочив дать. Я и тогда тебе опочив в своей земле давал; и нынче добру твоему рад везде; каковы твои дела будут после и захочешь у меня опочива; то я тебе опочив в своей земле дам и истому твою подниму». Предчувствие Зенебека сбылось: он был изгнан Менгли-Гиреем; Иоанн принял его и еще двоих братьев Менгли-Гиреевых: Нордоулата и Айдара. Извещая хана о принятии этих царевичей, великий князь писал: «Держу их у себя, истому своей земле и своим людям чиню для тебя».

Но и сам Менгли-Гирей просил Иоанна, чтоб тот принял его в случае беды; великий князь велел ему отвечать, что поднимет его истому на своей голове, и дал ему крепкую грамоту с золотою печатью: «Дай господи, чтоб тебе лиха не было, брату моему, Менгли-Гирею, царю, а если что станется, какое дело о юрте отца твоего, и приедешь ко мне; то от меня, от сына моего, братьев, от великих князей и от добрых бояр тебе, царю, братьям и детям твоим, великим князьям и добрым слугам лиха никакого не будет: добровольно прийдешь, добровольно прочь пойдешь, нам тебя не держать. А сколько силы моей станет, буду стараться достать тебе отцовское место». В 1475 году Крым был завоеван турками; Менгли-Гирей остался ханом в качестве подручника султана; сначала Менгли-Гирей не жаловался на турок, но под конец писал к Иоанну: «Султан посадил в Кафе сына своего: он теперь молод и моего слова слушается, а как вырастет, то слушаться перестанет, я также не стану слушаться, и пойдет между нами лихо: две бараньих головы в один котел не лезут». Иоанн отвечал, что будет стоять на той крепкой своей грамоте, которую уже раз дал ему.

Кроме того, как было уже сказано, союз Крыма с Москвою скреплялся враждою Менгли-Гирея к Ахмату, а потом к его сыновьям. Мы видели, что Иоанн

и Менгли-Гирей обязались в договорной грамоте иметь одних врагов и друзей, не означая именно кого, но в грамоте своей 1475 года Менгли-Гирей говорит, что, присягая исполнить договор, он выговорил Иоаннова недруга, короля, великий же князь, присягая перед послом крымским, выговорил Менгли-Гиреева недруга, Ахмата, и потому он, Менгли-Гирей, готов на всякого недруга Иоаннова, даже и на короля; зато и великий князь обязан выслать своих служилых татарских царевичей против Ахмата, если последний пойдет на Крым. По смерти Ахмата вследствие требования султана турецкого, который не мог с удовольствием смотреть на усобицы магометанских владельцев, сыновья Ахматовы помирились с Менгли-Гиреем; но когда в 1485 году один из них, Муртоза, выгнанный голодом из своих обычных кочевьев, пришел зимовать в Крым, то Менгли-Гирей схватил его и отослал в Кафу, потом отправил на Темиров улус брата своего, который разогнал и остаток Орды; но другой Ахматов сын, Махмуд, соединившись с князем Темиром, напал на Крым, освободил Муртозу, а Менгли-Гирей едва успел спастись тайным бегством с бою. Великий князь отрядил войско на улусы Ахматовых сыновей, и оно успело освободить многих крымских пленников, которых отослали к Менгли-Гирею. Муртоза после этого вздумал посадить в Крыму вместо Менгли-Гирея брата его, Нордоулата; но так как последний находился на службе у Иоанна, то сын Ахматов прислал московскому князю такую грамоту: «Муртозино слово Ивану: ведомо тебе будь, что Нордоулат, царь, с отцом моим и со мною был в любви, помирились мы с Менгли-Гиреем, но он своей клятвы не сдержал, за что и был наказан. Теперь Менгли-Гирей нам недруг и на его место надеемся посадить царем Нордоулата, отпусти его к нам, а жен и детей его оставь у себя. Когда бог помилует, даст ему тот юрт, тогда он возьмет их у тебя добром. Менгли-Гирей, царь, тебе другом был, но ведь и Нордоулат, царь, тебе друг же, нам он пригож, и ты его к нам отпусти». Понятно, что Иоанн не отпустил Нордоулата к Ахматовым сыновьям, не отпустил его и к самому Менгли-Гирею, когда тот, обеспокоенный сношениями Нордоулата с врагами, просил прислать его в Крым, обещая поделиться с ним властью. Вражда Ахматовых сыновей с Менгли-Гиреем продолжалась: Иоанн помогал Менгли-Гирею, отсюда, естественно, сын Ахматов, Шиг-Ахмет, сменивший Муртозу, помогал Литве в войне ее с Москвою. Но Литва не могла помочь ни самой себе, ни союзникам своим; видя это, Шиг-Ахмет завел было мирные переговоры с великим князем, который соглашался на союз с ним под условием союза его с Менгли-Гиреем, что было невозможно для Ахматова сына. Менгли-Гирей в 1502 году решил дело, напавши на Шиг-Ахмета и нанеши Орде его тяжелый, окончательный удар. Шиг-Ахмет убежал к погаям. Но Иоанн не хотел его окончательной гибели, он хотел доставить ему Астрахань под условием воевать с Литвою и быть в мире с Менгли-Гиреем. Но Шиг-Ахмет отправился в Турцию; султан не принял его, как врага Менгли-Гиреева; тогда он обратился к старому союзнику своему, королю польскому, но тот заключил его в неволю, желая иметь в руках узника, освобождением которого мог постоянно стращать Менгли-Гирея. Так прекратилось существование знаменитой Золотой Орды!

Крым избавил Москву окончательно от потомков Батыевых: чрез его посредство завелись первые сношения у нее с Турциею. Русский посол, дьяк Федор Курицын, ездивший к венгерскому королю Матвею Корвину, был задержан на возвратном пути турками в Белгороде, освобожден по стараниям Матвея и

Менгли-Гирея и, приехавши в Москву, известил великого князя, что турецкие паши в Белгороде намекали ему, почему бы его государю не вступить в дружественные сношения с их падишахом. Иоанн на этом основании написал Менгли-Гирею: «Как мой человек Федор был в руках у салтана турецкого, то ему говорили паши большие господаря своего словом, что салтан турецкий хочет со мною дружбы, и ты бы для меня поотведал, какой дружбы со мною хочет турецкий?» Менгли-Гирей справился в Константинополе и переслал к Иоанну ответ султанов: «Если государь московский тебе, Менгли-Гирею, брат, то будет и мне брат». Такой ответ еще не мог повести к сношениям, повели к ним притеснения, которым русские купцы стали подвергаться от турок в Азове и Кафе и вследствие которых должна была прерваться торговля, издавна столь деятельная и выгодная для русских областей. В 1492 году Менгли-Гирей получил от Иоанна грамоту для отсылки ее к султану Баязету II; грамота была написана так: «Султану, великому царю: между бусурманскими государями ты великий государь, над турецкими и азияскими государями ты волен, ты польский (сухопутный) и морской государь, султан Баязет! Иоанн, божиею милостию единый правый господь всея России, отчич и дедич и иным многим землям от севера и до востока государь, величеству твоему слово наше таково: между нами наши люди не езжали нашего здоровья видеть, только наши гости из наших земель в твои земли ездят. Нашим и вашим людям от этого большие выгоды были; но гости наши били нам челом и сказывали, что они в твоих землях от твоих людей великие насилия терпят. Мы их речей не слушали, в Азов и Кафу ежегодно гостей отпускали. Но теперь эти гости били нам челом и сказывали, что в нынешнем году в Азове твой паша велел им ров копать и камень возить на городское строение, также в Азове, Кафе и других твоих городах; оценив, их товары возмут, а потом отдадут только половину цены. Если между нашими гостями, живущими по пяти и по шести человек вместе, при одном хозяйстве (в одном котле), один разболится, то еще при жизни его отсылают от него всех товарищей, товар их печатают, и когда больной умрет, то этот товар у всех у них берут, называя его товаром одного умершего человека; если же больной выздоровеет, то отдадут только половину товара. Разболится русский купец и станет товар отдавать брату, или племяннику, или с товарищем станет отсылать его к жене и детям, то у него еще у живого товар отнимают и товарищей к нему не пускают. Да и других много насилий терпят наши купцы, почему нынешнюю весною мы их и не отпустили ни в Азов, ни в Кафу и ни в какие другие твои города. Прежде наши гости платили одну тамгу, и насилий никаких над ними не было, а теперь при тебе недавно начались насилия: известно ли это твоему величеству или неизвестно? Если твои люди поступали так с нашими людьми по твоему приказу, то мы вперед своих гостей в твои земли отпускать не будем. Еще одно слово: Отец твой славный и великий был господарь; сказывают, хотел он, чтобы наши люди между нами ездили здоровье наше видеть, и послал было к нам своих людей, но, по божьей воле, дело не сделалось; почему же теперь между нами наши люди не ездят здоровье наше видеть? Обо всех этих делах написавши грамоту, прислал бы ты ее к нам, чтоб нам ведомо было».

Султан, получивши грамоту, отправил посла в Москву, но в литовских владениях посол этот был остановлен по приказанию великого князя Александра и возвращен назад. Тогда Иоанн в 1497 году отправил в Турцию своего посла Михаила Плещеева, которому дан был наказ править поклон султану и сыну его,

кафинскому наместнику, стоя, а не на коленях, не уступать места никакому другому послу и сказать посольские речи только султану, а не пашам. Плещеев на основании этого наказа не захотел иметь с пашами никакого дела, не поехал к ним обедать, не взял их подарков. Султан в письме к Менгли-Гирею жаловался на Плещеева как на невежду и объявил, что не отправит своего посла в Москву, боясь, чтоб он не потерпел там оскорбления; но с Плещеевым отправил грамоту, в которой, называя себя государем Анатолийской и Румской земли, Белого (Мраморного) и Черного морей, Караманской земли, Меньшего Рима и иных многих земель, а Иоанна – князем всея Руси, Восточной, Польской и иных многих земель, писал, что приложил его грамоту к своему сердцу, изъявил желание, чтоб послы между ними ходили часто, чтоб великий князь отпускал в Турцию своих гостей, которые увидят его правду к себе; относительно же обид прежним купцам прислана была другая грамота, в которой Баязет писал, что приказал сыну своему Магомету, кафинскому наместнику, и дядьке его, чтоб с этих пор давали русским купцам за их товары настоящую цену, не оставляли ничего за собою, не брали бы купцов, не заставляли их камень носить и землю копать, писал, что с этих пор наследникам умерших в Турции русских купцов стоит только прийти к кадию, поставить свидетелей и присягнуть, что они действительно наследники, – и товары будут им отданы. Если же кто из русских умрет, а наследников у него при нем не будет, то кадий положит его имущество на год у доброго человека в крепком месте, и когда наследник явится, получит имение вышеозначенным порядком. Русский человек, заболевши, пусть пишет духовную перед добрыми людьми, и когда наследник приедет, получит имение по обыску и присяге. Если кто из русских будет долго болен, то зауморщики вместе с кадием опишут его имение, чтоб не истерялось. Лгут те, которые говорят, будто в Турции больных русских из комнат выкидывают и имение их берут на султана; кто из русских умрет и не будет у него родных, то начальство города берет имение его на сохранение, а самого хоронит и поминки правит, как будет приказано в духовной; если же умерший будет кому-нибудь должен, то заимодавец приходит к кадию и присягает в справедливости своего требования, и кадий по обыску отдает ему долг из имущества покойного. «Гостей своих в мою землю на их промысл отпускай, – заключает султан свою грамоту, – из нашей заповеди никто не смеет выступить. Как свои двери отворены видишь перед собою, так и мои двери перед тобою отворены всегда. О чем какое дело будет, что тебе на мысль придет, с любовью, без зазрения напиши ко мне: все перед тобою готово. Тебе великий поклон, и кто тебя любит и меня любит, и тому великий поклон».

Торговля возобновилась; продолжались сношения с Константинополем, но преимущественно с кафинским султаном-наместником; отправляя к последнему посла Андрея Кутузова в 1501 году, Иоанн дал ему такой наказ: «Если кто-нибудь ему в Кафе скажет: „Почему государь твой к отцу нашего государя пишет в грамоте свое имя наперед?“, то он должен отвечать: „Когда государь наш писал первую грамоту к султану Баязету, то почтил его, написал его имя прежде своего; но Баязет-султан вместо того, чтобы точно так же почтить его, написал свое имя прежде имени государя нашего; после этого государю нашему для чего писать его имя прежде своего?“ Жалобы русских купцов на турецкое правосудие и разного рода притеснения возобновились; когда в 1501 году приехал в Москву кафинский посол Алакозь, то великий князь велел сказать ему: „Били мне челом наши гости,

говорят, что им сила чинится в суде и в иных делах в Кафе: чего станет искать русин на бусурманине, или кто из русских умрет, и если при этом у русских не будет свидетеля-бусурманина, то, сколько бы ни было свидетелей русских, судьи им не верят и русинов обвиняют в суде и в зауморках (в иске имущества, остававшегося после умерших). Если же чего станет искать бусурманин на русине и пошлется на русина, то тут и русак – свидетель. Потом новые притеснения: берут пошлину с оружия, которое русские купцы на себе привозят, с платья, с пистолей, с корму; заставляют русских купцов на султановом дворе дрова носить из корабля“. Алакозь отвечал, что относительно пошлин с оружия и прочего купцы обманывают: в таможене скажут, что оружие привезли для собственного употребления, но только что выйдут из таможни, то начнут продавать; дрова же заставили их возить без султана в ведома, и вперед того не будет. Иоанн посылал также к султану жаловаться на разбои азовских козаков, от которых сильно страдали наши послы и купцы.

Этим ограничивались сношения с Турциею. Из других восточных народов московское правительство при Иоанне сносилось с ордою Тюменскою и союзными ей ногаями. Предметом сношений были дела казанские, ордынские, торговые. Так, тюменский владелец, известный уже нам Ибрагим-Ивак, просил великого князя выпустить из неволи родственника его, бывшего царя казанского Алегамы, но Иоанн не исполнил этой просьбы; один из ногайских владельцев просил согласия Иоаннова на брак своей дочери с другим царем казанским, Магмет-Амином. Московское правительство имело в виду возбуждать ногаев против сыновей Ахматовых; ногайские послы приводили лошадей для продажи; вследствие этого им велено было ездить в Московское государство всегда чрез Казань и Нижний, а не Мордовскую землю, чтоб нижегородского мыта не объезжали. Есть известие о посольстве Марка Руфа из Москвы в Персию, к царю Узун-Гассану, но цель этого посольства и подробности неизвестны. Под 1490 годом встречаем известие о посольстве от хорасанского или чагатайского владельца Гуссеина, праправнука Тамерлана, а под 1462 годом – известие о посольстве от грузинского князя Александра который в грамоте называет себя меньшим холопом Иоанна и посылает ему низкое челобитье.

Глава четвертая

Литва

Выгодное положение московского великого князя относительно князя литовского. – Враждебность Казимира литовского к Иоанну. – Иоанн в союзе с крымским ханом против Литвы. – Переход мелких пограничных князей из литовского подданства в московское. – Смерть короля Казимира. – Наступательное движение со стороны Москвы на Литву. – Сватовство сына Казимира, великого князя Александра, на Елене, дочери Иоанновой. – Мир и брак. – Неприятности по поводу Елены. – Переход князей Бельского, Черниговского и Северского от Александра к Иоанну. – Возобновление войны. – Победы русских на Ведроше и под Мстиславлем. – Александр ищет мира. – Посредничество короля венгерского. – Перемирие. – Сношения Елены с отцом. –

Войны с ливонскими немцами. – Война со шведами в союзе с Даниею. – Сношения с австрийским двором, с Венециею.

В 1470 году Казимир, король польский и великий князь литовский, приехал на сейм, созванный в Петркове, где требовал денежного вспоможения. Малополяне сказали ему на это, что великополян на сейме нет, а без них они не могут ни на что согласиться, и прибавили: «Ты нам о денежном вспоможении и не говори до тех пор, пока не выдашь нам подтверждения прав и не означишь верно в грамоте, какие области принадлежат Польше и какие Литве». Король подписал подтверждение всех прав и тогда только получил деньги. Мог ли король, зависевший во всем от сеймов, успешно бороться с великим князем московским, который по произволу располагал силами своего государства? Но кроме внутреннего бессилия Казимир не имел возможности остановить успехи Иоанна еще и потому, что все внимание его было обращено на отношения к западным соседям. Мы видели, что Казимир, принявши Новгород в свое покровительство, не защитил его от Иоанна, ибо в том самом 1471 году умер чешский король Юрий Подебрад; избирательный сейм разделился: одни, державшиеся гусизма, хотели видеть преемником Юрия, сына его, другие – Владислава, сына короля польского Казимира, третьи – Матвея, короля венгерского, четвертые – императора Фридриха, иные – короля французского. Владислав польский был наконец избран; но Матвей венгерский не хотел отстать от своих притязаний; с другой стороны, маркграф мейсенский пустошил чешские владения, и Владислав, отправляясь в Прагу, должен был взять у отца значительный отряд войска. Мало этого: в то время как король Матвей старался добыть чешский престол, часть его собственных подданных – венгров восстала против него и прислала к Казимиру польскому просить у него себе в короли другого сына Казимира, угрожая в случае отказа передаться туркам. Казимир отправил сына в Венгрию с значительным войском; это предприятие не удалось, но тем не менее внимание и силы Казимира были отвлечены на запад, а на востоке между тем новгородцы потерпели поражение от Иоанна и принуждены были отдаться в его волю. Не имея возможности бороться сам с Москвою, Казимир возбуждал против нее Орду обещанием действовать вместе; в 1472 году Ахмат явился в московских пределах; но Казимир не мог оказать ему никакой помощи, потому что должен был опять посылать помощь сыну, Владиславу чешскому, против венгерского короля Матвея, должен был сам готовиться в поход в Пруссию. В 1477 году Иоанн окончательно подчинил себе Новгород, а Казимир не мог оказать последнему никакой помощи, потому что Матвей венгерский не давал ему покоя, возбуждал против него Пруссию, Стефана, воеводу молдавского, самих поляков, а шляхта не хотела давать денег на сейме; наконец, в 1480 году, когда надобно было действовать опять вместе с Ахматом, Менгли-Гирей крымский напал на Подолию, а мор опустошал Польшу.

Не имея средств вести открытую войну с Москвою, Казимир, однако, в сношениях с Новгородом, Ордой обнаруживал явную вражду к Иоанну и тем заставлял последнего принимать свои меры, искать везде союзников против Литвы. В сношениях своих с крымским ханом Менгли-Гиреем Иоанн постоянно называет Казимира своим недругом. Посылая в 1482 году в Крым Михаила

Кутузова, великий князь дал ему наказ: «Говорить царю накрепко, чтобы пожаловал, правил великому князю по своему крепкому слову и по ярлыкам, королю шерть сложил, да и рать свою на него послал бы; а как станет царь посылать рать свою на Литовскую землю, то Михайло должен говорить царю о том, чтоб пожаловал царь, послал рать свою на Подольскую землю или на киевские места». Менгли-Гирей послушался, овладел Киевом, увел в плен жителей, другие задохнулись в пещерах, Печерскую церковь и монастырь разграбил и из добычи прислал в Москву великому князю золотой дискос и потир из Софийского собора. Князь Ноздреватый, отправляясь в Крым в 1484 году, получил наказ: «Беречь накрепко, чтоб царь с королем не канчивал (не заключал мирного договора)». Тот же наказ получил и боярин Семен Борисович в 1486 году с следующей прибавкою: «Если царь скажет: „Князь великий с королем пересылается“, то отвечать ему так: „Послы между ними ездят о мелких делах, порубежных, а гладкости никакой и мира господарю нашему, великому князю, с королем нет“. Затем боярин должен был говорить хану: „Пожаловал бы ты, послал своих людей на королеву землю, потому что король тебе недруг и господарю моему недруг, так недруг ваш, чем бы больше истомился, тем бы лучше, а великого князя люди беспрестанно берут королеву землю“. Если Менгли-Гирей спросит: „Я иду на короля, великий князь идет ли?“ – то отвечать: „Захочешь свое дело делать, пойдешь на короля, сделаешь доброе дело; когда дашь об этом знать господарю моему, то он с тобой один человек на короля; и твое дело и свое делает, как ему бог поможет“». Из этого уклончивого ответа видно, что Иоанн, возбуждая хана на Казимира, сам не хотел вступать с последним в открытую войну, не хотел первый начинать ее; это видно также из следующего наказа боярину Семену: „Захочет царь сам идти на Литовскую землю и Семена захочет с собой взять, то Семену отговариваться, но если царь отложит поход потому только, что Семен отговорился с ним идти, то Семену больше не отговариваться, идти с царем; если же король пойдет на великого князя, то Семену говорить царю, чтобы царь сам сел на коня и шел воевать Литовскую землю, и самому Семену тогда не отговариваться, идти вместе с царем в поход. Если захочет царь послать воевать Литовскую землю или сам пойти и захочет идти к Путивлю или на Северскую землю, то Семену говорить, чтоб царь послал воевать или сам пошел бы не туда, но на Подолье или на киевские места“. Такие же наказы давались и следующим послам. Менгли-Гирей заключил Казимира посла; по этому случаю Иоанн дал своему послу Шеину такой наказ: если царь скажет: „Королевский посол сидит у меня в неволе, и князь великий что мне о нем приказал?“ – то Шеину отвечать: „Король как тебе недруг, так и моему господарю недруг, но чем недругу досаднее, тем лучше“».

Казимир возбуждал против Москвы Ахмата, Иоанн возбуждал против Польши Менгли-Гирея; но открытой войны не было; Казимир не имел для этого средств и времени, Иоанн не любил предприятий, войн, не обещавших верного успеха. Понятно, однако, что при вражде, хотя и не превратившейся в явную войну между двумя соседними государствами, дело не могло обойтись без неприязненных столкновений. Этих столкновений было много между Москвою и Литвою, и они подавали повод к частым пересылкам между Иоанном и Казимиром. Мы видели, как московский государь определил характер этих сношений, приказывая объявить Менгли-Гирею, что литовские послы ездят в

Москву по поводу дел мелких, порубежных, в другой раз он велел сказать тому же хану: «Послы ездят за тем, что господаря нашего люди берут королевскую землю со всех сторон». Повод к неприязненным столкновениям подавали, во-первых, мелкие пограничные князья, большею частью потомки черниговских, из которых одни находились в зависимости от Москвы, другие – от Литвы; продолжая старые родовые усобицы, они беспрестанно ссорились между собою, переходили из литовского подданства в московское. Так, посол Казимиров жаловался, что князья Одоевские, находившиеся в подданстве московском, нападают на князей Мезецких (Мещовских), Глинских, Крошенских, Мосальских; что князь Иван Михайлович Воротынский служит королю, который его из присяги и записи не выпустил, а между тем его люди нападают на литовские владения. Послу отвечали, что князья Мезецкие первые начали, Одоевские только мстили им за нападение, что вражда началась с тех пор, как литовские пограничные князья убили князя Семена Одоевского. Что же касается до князя Ивана Михайловича Воротынского, то он бил челом в службу к великому князю, который посылал к королю от него с отказом, и сам князь Иван посылал к королю своего человека и присягу с себя сложил. «И потому не ведаем, – велел сказать Иоанн Казимиру, – каким обычаем король к нам так приказывает, что нашего слугу своим зовет; а ведомо королю, что и прежде нашему отцу и нашим предкам те князья служили с своими отчинами».

Подобно Ивану Воротынскому, поступили князья – Иван Васильевич Белевский и Дмитрий Федорович Воротынский. Иоанн известил Казимира о переходе Воротынского так: «Что служил тебе князь Дмитрий Федорович Воротынский, и он нынче нам бил челом служить, и тебе бы то ведомо было». Послу Григорию Путятину, отправлявшемуся с этим известием, великий князь наказал: «Как будешь близко того места, где король, то наперед отпусти человека князя Воротынского, который поехал для того, чтоб за своего господина сложить присягу королю». Казимир отвечал, что не выпускает из подданства ни князя Дмитрия Воротынского, ни князя Ивана, ни князя Ивана Белевского, которые перешли к Москве с отчинами и пожалованиями; что князь Дмитрий Воротынский перешел с дольницею (уделом) брата своего, князя Семена, всю казну последнего себе взял, бояр всех и слуг захватил и насильно привел к присяге служить себе. Иоанн отвечал на это: «Ведомо королю самому, что нашим предкам, великим князьям, князья Одоевские и Воротынские на обе стороны служили с отчинами, а теперь эти наши слуги старые к нам приехали служить с своими отчинами: так они наши слуги». Потом король прислал новую жалобу: бил ему челом князь Федор Иванович Одоевский, что во время отсутствия его из Одоева другие Одоевские князья, Семеновичи, служащие Москве, схватили его мать и засели отчину его, половину города Одоева. Жаловался также князь Андрей Васильевич Белевский, что в его отсутствие брат его, Иван Васильевич, перешедший от Литвы к Москве, напал на третьего брата, князя Василия, схватил и заставил его насильно целовать крест, что не будет служить королю, князя же Андрея вотчину за себя взял. Иоанн отвечал: «Князь Иван с братьею, Одоевские, сказывают, что они брату своему Федору не делали ничего такого, на что он жалуется; идет у них с ним спор о вотчине, о большом княжении по роду, по старейшинству: говорят, что пригоже быть на большом княжении нашему слуге, князю Ивану Семеновичу; они и посылали, сказывают, к брату своему, князю

Федору, чтоб с ними о большом княжении урядился, а он с ними не рядится. Так король бы велел князю Федору урядиться (молву учинить), кому пригоже быть на большом княжении и кому на уделе; согласятся – хорошо, а не согласятся, то великий князь пошлет разобрать их своего боярина, а король пусть пошлет своего пана». Неизвестно, чем дело кончилось. Менее хлопотал Казимир о князе Бельском, который без отчины перебежал из Литвы в Москву: в 1482 году, говорит летописец, был мятеж в Литовской земле, захотели отчичи – Олшанский, Олелькович и князь Федор Бельский – передаться великому князю московскому, отсесть от Литвы по реку Березыню, намерение их было открыто; король казнил Олшанского и Олельковича; Бельский успел бежать в Москву, покинувши молодую жену на другой день после свадьбы; великий князь много раз посылал к королю с требованием выдачи жены Бельского, но тот не согласился.

Кроме смут между пограничными князьями предметом сношений между Москвою и Литвою при Иоанне III были жалобы с обеих сторон на пограничные разбои, опустошения, забрание волостей. В 1473 году неизвестно по какому поводу великий князь послал рать свою к Любутску; рать возвратилась, повоевавши волости и ничего не сделавши городу, жители Любутской области немедленно отомстили: напали нечаянно на князя Семена Одоевского и убили его на бою, о чем Иоанн упоминал как о причине вражды между Одоевскими и пограничными литовскими князьями. Казимир жаловался, что русские люди заняли некоторые литовские волости – Тешиново и другие, что брат великого князя, Андрей Васильевич Можайский, взял у Вяземского князя волость Ореховскую. В Москве отвечали, что князь Андрей никаких вяземских волостей не брал, что Тешиново и другие упоминаемые королем волости издавна тянут к Можайску, что, напротив, князь Андрей жалуется на королевских людей, которые наносят много вреда его владениям. Казимир жаловался, что из Тверской области, где княжил Иоанн Молодой, приходил князь Оболенский и разграбил вяземский город Хлепень и другие волости; ему отвечали жалобой, что из Любутска приехали литовские люди на серпуховскую дорогу к Лопастне; разбойники жили на Дугне и были люди князя Трубецкого; один из них был пойман и представлен послу, который его и допрашивал. Король жаловался на опустошение русскими торопецких, дмитровских и других волостей – ему отвечали жалобами на опустошение литовскими людьми калужских, медыньских и новгородских волостей. Король жаловался, что князь Димитрий Воротынский, отъезжая в Москву, захватил город Серенск и три другие литовские волости; требовал, чтоб Иоанн не вступался в Козельск, на который есть особая грамота. Иоанн велел отвечать, что Козельск во всех грамотах записан за Москвою, велел показать послу и ту особую грамоту, о которой говорил король. «Свои убытки (шкгоды) поминаешь, – велел сказать Иоанн королю, – а о наших забыл, сколько наших именистых людей твои люди побии. Ездили наши люди на поле оберегать христианство от бусурманства, а твои люди на них напали из Мценска, Брянска и других мест; из Мценска же наезжики перебили сторожей наших на Донце, ограбили сторожей алексинских, сторожей на Шати, из Любутска нападали на Алексин».

Мы видели, что на южных границах своей области новгородцы имели смежные владения с великими князьями литовскими, как, например, Великие Луки, Ржеву и некоторые другие; дань с них шла в казну великого князя

литовского; в некоторых ржевских волостях последний имел также право суда; с некоторых ржевских волостей дань шла и в Новгород, и в Литву, и в Москву. Когда Новгород окончательно подчинился Иоанну со всеми своими владениями, то московские наместники не стали обращать внимания на прежние отношения Ржева и других волостей к Литве и выгнали чиновников Казимировых. Король, лишившись доходов, начал посылать с жалобами в Москву; Иоанн отвечал: «Луки Великие и Ржева – вотчина наша, Новгородская земля, и мы того не ведаем, каким обычаем король наши волости, вотчину нашу, зовет своими волостями; король в наши волости, в Луки Великие и Ржеву и в иные места новгородские, в нашу отчину, не вступался бы». Кроме того, со стороны великого князя были постоянные жалобы на притеснения и грабежи, претерпеваемые московскими купцами в литовских областях; Казимир также жаловался, что недалеко от Москвы побиты купцы смоленские и товары их пограблены; на это дьяк великокняжеский отвечал литовскому послу, что разбойники сысканы и казнены, пограбленные товары ими потеряны, но великий князь не хочет, чтоб эти вещи пропали: пусть жены, дети или кто-нибудь из рода убитых приедет в Москву и получит вознаграждение. «Недавно, – продолжал дьяк, – взяли русские люди у татар пленников – христианские головы; оказалось, что эти пленники из Литовской земли, и великий князь их отпускает в Литву; вот они пред тобою, возьми их, как и прежде делывалось».

Казимиру вздумалось вовлечь Иоанна в войну с турками и тем порвать необходимый для Москвы союз с Менгли-Гиреем; в 1486 году он прислал объявить московскому великому князю, что султан громит землю Стефана, воеводы молдавского, взял у него Килию и Белгород; приводя обязательство договора, заключенного между им, Казимиром, и отцом Иоанновым, обязательство стоять заодно против всякого недруга, король требовал, чтоб великий князь вооружился с ним заодно против неприятеля всего христианства; Иоанн отвечал: «Если б нам было не так далеко и было бы можно, то мы бы сердечно хотели то дело делать и стоять за христианство. Стефан, воевода, и к нам присылал с просьбою, чтоб мы уговаривали тебя помогать ему: которым христианским государям близко и можно то дело делать, то всякому господарю христианскому должно того дела оберегать и за христианство стоять».

Псков, сохраняя особый быт, должен был отдельно сношаться с литовским великим князем. Казимир ласкал псковичей, отпускал послов их с честью и с великими дарами; но в 1470 году псковские послы на съезде с литовскими панами толковали четыре дня и разъехались, ни на чем не согласившись. Весною следующего года Казимир объявил псковским послам, что так как паны не могли с ними уладиться, то он сам приедет на границы и своими глазами осмотрит спорные места. Когда послы сказали об этом на вече, то псковичам стало нелюбо, потому что ни один великий князь, ни король, сколько их ни бывало в Литве, сам не приезжал на границы улаживаться, а все обыкновенно присылали панов. Псковичи беспокоились, как видно, понапрасну, потому что до 1480 года не встречаем более известий о сношениях их с Казимиром; в этом году король прислал к ним с жалобою на обиды, которые терпят в Пскове купцы виленские и полоцкие, также на обиды, претерпеваемые от псковичей пограничными литовскими жителями. Псковичи отвечали жалобою на луцкого воеводу, пограбившего их купцов, на воевод и мещан других городов, которые их купцам с

немцами торговать не дают, послы должны были сказать также королю: «И о том тебе, своему господину, честному великому королю, челом бьем и жалуемся, что немцы, князь местер, пришедши на миру и на крестном целовании на землю св. Троицы, на отчину великих князей, два пригорода взяли, волости пожгли, христианство пересекли и в полон свели. А теперь слышали мы, что князь местер тебе бьет челом на нас, просит у тебя силы в помочь на Псков, сам будучи виноват перед Псковом, и ты бы силы князю местеру в помочь не давал на Псков. Да и о том челом бьем, что князь местер наших псковичей полонил, и они чрез твою Литовскую землю бегают ко Пскову из Немецкой земли, а Литва их ко Пскову не пускает: и ты бы пожаловал, не велел своим их задерживать». При этом послы поднесли королю в дар от Пскова пять рублей да от себя полтора рубля, королевичам – по полтине, королеве от Пскова – рубль, старший посол от себя – полтину, младший – золотой венгерский. Король обещал во всем дать управу. В 1492 году Казимир прислал во Псков с требованием выдачи беглых литовцев и боярских людей, ушедших из Полоцкой области.

В том же году умер Казимир; Польша и Литва разделились между его сыновьями: Яну Альбрехту досталась Польша, Александру – Литва. Посылая в Крым Константина Заболоцкого, Иоанн велел ему сказать Менгли-Гирею, что король умер, остались у него дети, такие же Москве и Крыму недруги, как и отец; чтоб хан с ними не мирился, чтоб шел на Литву, великий князь также хочет сам сесть на коня. При Казимире Иоанн не хотел начинать явной войны, позволял послам своим соглашаться провожать хана в поход на Литву только в крайности, теперь же дает такой наказ Заболоцкому: «Пойдет хан на Литву и велит ему идти с собою, то ему идти, не отговариваться; говорить царю накрепко, чтоб непременно пошел на Литовскую землю; если царь пойдет, чтоб шел на Киев». Заболоцкий отвечал, что по его настоянию хан велел схватить литовского посла князя Ивана Глинского и хочет идти сам на Литву. Крымцы воевали между Киевом и Черниговом, но это были ничтожные отряды. Иоанн был недоволен и писал Заболотскому: «Пишет мне царь, что беспрестанно его люди Литовскую землю воюют, а мы здесь слышали, что мало их приходило на Литовскую землю и не брали ничего; нынче он сына послал и с ним пятьсот человек; но пятьюстами человек какая война Литовской земле?» При этом послан был наказ послу: «Если хан спросит: а зачем князь великий сам не сел на коня?» – то отвечать: «Не знаю, будут другие послы, те скажут зачем». Поехал другой посол; ему дан был наказ: «Если спросит хан, зачем князь великий сам не сел на коня?» – отвечать: «За нарядом тяжелым».

Иоанн сам не хотел садиться на коня, но воевода его, князь Федор Оболенский, напал на Мценск и Любутск, сжег их, вывел в плен наместников, бояр и многих других людей; другой московский отряд захватил два города – Хлепень и Рогачев. Литве было трудно отбиваться от Иоанна и от Менгли-Гирея вместе; начали думать о мире с Москвою и, чтоб склонить Иоанна к уступкам, решили предложить ему брачный союз одной из дочерей его с великим князем Александром. Пан Ян Заберезский, наместник полоцкий, прислал в Новгород к тамошнему воеводе Якову, Захарьичу писаря своего Лаврина под предлогом покупки разных вещей в Новгороде, а в самом деле с предложением о сватовстве. Яков Захарьич, услышав это предложение, сам поехал в Москву объявить о нем великому князю. Иоанн сначала приговорил было с боярами, что Якову не следует

посылать к Заберезскому своего человека с ответом на его предложение, но потом, когда Яков уехал уже в Новгород, великий князь передумал и послал ему приказ отправить своего человека к Заберезскому, не прекращая, впрочем, военных действий, «потому что и между государями пересылка бывает, хотя бы и полки сходились»; велел писать вежливо, потому что Заберезский писал вежливо; посланный должен был изведать все тамошние дела: как Александр живет с панами, как у них дела в земле, какие слухи про Александровых братьев. В Москве поняли, зачем в Литве хотят прежде начать дело о сватовстве, и потому посланец Якова Захарыча должен был сказать Заберезскому, что до мира нельзя толковать о браке.

Но литовские паны продолжали настаивать на сватовстве: тот же Заберезский писал в Москву к тамошнему первому боярину, князю Ивану Юрьевичу Патрикееву: «Дознайся у своего государя, великого князя, захочет ли он отдать дочку свою за нашего господаря, великого князя Александра? А мы здесь с дядьми и братьями нашими (т.е. с старшими и равными панами) хотим в том деле постоять». Наконец, в ноябре 1492 года явился в Москву посол от Александра, пан Станислав Глебович, который начал дело жалобами на прежние обиды Литве от Москвы при Казимире и новые при Александре, на сожжение Мценска и Любутска, взятие Хлепenea и Рогачева, сожжение Масальска, взятие Негомири и Бывалицы – волостей князя Бывалецкого-Вяземского, Тешинова – волости князей Крошинских. Отправивши посольство, Станислав обедал у великого князя, который, по обычаю, отпустил после обеда на посольское подворье князя Ноздреватого с медом поить Глебовича. Во время угощения, уже в нетрезвом виде, Станислав начал говорить Ноздреватому о сватовстве и заключении мира, объявил, что должен говорить об этом с князем Патрикеевым, и действительно на пиру у последнего начал речь о сватовстве; но Патрикеев на этот раз ничего не отвечал, потому что время и положение Глебовича было неприличное, на другой день уже по приказу великого князя он спросил у посла о деле, и тот отвечал, что говорил от себя, а не по приказу своего великого князя, и просил, чтоб Патрикеев выведал у Иоанна, хочет ли он выдать дочь свою за Александра. Князь Иван Юрьевич отвечал вопросом: «По-вашему, какому делу надобно быть прежде: миру или сватовству?» Посол отвечал, что когда великие литовские люди приедут, то они об этом поговорят с великими московскими людьми. Этим пока покончились речи о сватовстве; на жалобы же посла великий князь отвечал через казначея своего Дмитрия Владимировича, что Литва обижает Москву, а не наоборот, что жители Мценска и Любутска беспрестанно нападали на московские области и на сторожей, что наши, не могли более терпеть этого, ходили на Мценск и Любутск за своими женами, детьми и имением, что Хлепень в старых договорах приписан к Московскому княжеству, а Рогачев исстари принадлежит Твери, что о сожжении Масальска в Москве еще не получено известия. Князь Патрикеев сказал от себя послу, что, когда будет мир, для заключения которого литовские послы должны приехать в Москву, тогда и дело о сватовстве начнет делаться, чего московские бояре желают. А потом князь Иван Юрьевич говорил, между прочим, в разговоре, чтоб при деле лишних речей не было: как прежде приезжал от короля Казимира посол для заключения мира, то много было лишних речей, отчего дело и не состоялось. К Заберезскому Патрикеев отправил своего человека с грамотою, где писал то же самое, т.е. что прежде надобно мир заключить и чтоб паны этим

делом не медлили, что же касается условия, чтоб оба государства держали те земли, которые издавна им принадлежали, то великий князь Иоанн земель Литовского государства не держит – держит свои земли.

Таким образом, в Москве прямо объявили, что не хотят слышать о сватовстве до заключения мира, который потому Литва должна заключить на всей воле московского князя, т.е. уступить ему все его недавние примыслы, ибо он прямо объявил, что все, чем он владеет, – его собственность. И эта собственность увеличивалась беспрестанно на счет Литвы: в начале 1493 года приехали служить к великому князю московскому князь Семен Федорович Воротынский с племянником, князем Иваном Михайловичем, оба с отчинами; мало того, дорогою князь Семен овладел двумя литовскими городами – Серпейском и Мещовском. За Воротынскими погнались воевода смоленский пан Юрий Глебович да сын известного московского беглеца, князь Семен Иванович Можайский, и взяли назад Серпейск и Мещовск. По Иоанн не хотел отдавать раз взятое; он послал против них племянника своего, князя Федора Васильевича Рязанского да еще несколько воевод с большим войском, которому Глебович и Можайский не осмелились противиться, укрепили города заставами (гарнизонами), а сами побежали к Смоленску. Сила московская пришла под Мещовск и взяла город без сопротивления, заставу литовскую отослали в Москву, земских и черных людей привели к присяге Иоанну; Серпейск сопротивлялся, был взят с бою, разграблен и сожжен, сожжен был также Опаков; повсюду земские и черные люди приведены к присяге за Москву, ратные люди, сидевшие в осаде по городам, и большие городские люди числом 530 разосланы в заточение по московским городам. В то же время двое других воевод, князь Данило Щеня и князь Василий Иванович Патрикеев, сын Ивана Юрьевича, взяли Вязьму, князей вяземских и панов привели в Москву; великий князь пожаловал их прежнюю отчиною Вязьмою и приказал им себе служить. Тогда же приехал служить в Москву князь Михайла Романович Мезецкий и привел пленными двух родных братьев, которых сослали в Ярославль. Из Литвы в Москву приезжали князья с отчинами, из Москвы в Литву перебежал один какой-то Юшка Елизаров, и скоро потом гнездо литовских доброжелателей было окончательно истреблено в Москве: в январе 1493 года на Москве-реке в клетке были сожжены князь Иван Лукомский да Матвей Поляк, толмач латинский; послал князя Лукомского в Москву еще король Казимир, взявши с него клятву, что или убьет великого князя Иоанна, или ядом окормит, и яд свой к нему прислал, который был вынут и послужил уликою; Лукомский оговорил и князя Федора Бельского, что хотел бежать в Литву; Бельского схватили и сослали в заточение в Галич; схвачены были и двое братьев Селевиных, родом из Смоленска, которые посылали человека своего с грамотами и вестями к литовскому великому князю Александру, одного брата засекли кнутом до смерти, другому отрубили голову. Так говорил летописец; по всем вероятностям, упомянутые люди, живя в Москве, служили князю литовскому, но, как видно, не было ясных доказательств относительно участия Казимира в намерении погубить Иоанна, потому что последний в сношениях с Литвою ни разу не упоминает об этом; после, уже в княжение Василия Иоанновича, московские бояре, вычисляя пред литовскими послами все неприязненные поступки Казимира и Александра, ни слова не упомянули о деле Лукомского.

Между тем пересылки не прекращались: посланец Патрикеева, ездивший от него с письмом к Заберезскому, привез от последнего новое письмо; Заберезский уведомлял, что он говорил с князем епископом и панами Радою, которые все желают мира и родственного союза между государями, хочет этого и сам великий князь Александр и отправляет послов в Москву; но до их отъезда хотелось бы получить ручательство в успехе посольства, пойдет ли дело вперед к доброму концу? «Как вы своего государя чести стережете, – писал Заберезский, – так и мы: если великие послы вернутся без доброго конца, то к чему доброму то дело пойдет вперед?»

С ответом отправился в Литву к Александру дворянин Загряжский, который прежде всего удивил новою формою: до сих пор в верующих грамотах Казимиру Иоанн писал так: «От великого князя Ивана Васильевича Казимиру, королю польскому и великому князю литовскому, послали есмо» и проч. Теперь же грамота начиналась: «Иоанн, божьею милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и югорский, и болгарский, и иных, великому князю Александру литовскому». Первая речь посольская была: «Служил тебе князь Семен Федорович Воротынский, и он нынче нам бил челом служить. Служили тебе князь Андрей да князь Василий Васильевичи Белевские, да князь Михайла Романович Мезецкий, да князь Андрей Юрьевич Вяземский, и они нынче нам били челом служить и с вотчинами, и тебе бы то было ведомо». Потом посол требовал, чтоб всем этим князьям не было никаких обид от литовских подданных. Относительно титула Загряжскому был дан такой наказ: «Если спросят его: для чего князь великий назвался государем всея Руси; прежде ни отец его, ни он сам к отцу государя нашего так не приказывали? То послу отвечать: государь мой со мной так приказал, а кто хочет знать зачем, тот пусть едет в Москву, там ему про то скажут». Князь Патрикеев послал Заберезскому письмо в ответ на опасения его относительно неверного успеха великих литовских послов. «Сам поразумей, – писал Патрикеев. – Когда между государями великие люди ездят, тогда божьею волею между ними и доброе дело делается». Между тем Заберезский опять прислал в Новгород к Якову Захарьичу просить позволения купить двух кречетов; Яков послал сказать об этом великому князю, и тот отвечал, что дело не в кречетах, а, верно, прислано затем, чтоб высмотреть, или задираючи для прежнего дела; что надобно Якову послать к Заберезскому своего человека с кречетами и с грамотою о прежнем деле: «Возьмутся за то дело, то дай бог; а не возьмутся, то нам низости в этом нет никакой». Иоанн приказывал, чтоб Яков послал в Полоцк с кречетами и грамотою человека умного, который бы мог посмотреть тамошнее дело и расспрашивать вежливо; а с человеком Заберезского послать до рубежа пристава, который бы смотрел, чтоб с ним никто не говорил, и вперед так поступать, если кто снова приедет из Литвы.

Заберезский отвечал, что поруха доброму делу от Москвы, которая забирает города и причиняет вред Литве, если этот вред загладится, то и дело пойдет вперед. Посол от Александра приехал с объявлением, что литовский великий князь не освобождает от присяги отъехавших князей, с требованием, чтоб Иоанн не принимал их, и с жалобами на взятие и сожжение городов. Посол должен был повторить эти жалобы и пред князем Патрикеевым от имени епископа виленского и всех панов радных с прибавкою о титуле: «Господарь ваш к его милости нашему

господарю имя себе высоко написал, не по старине, не так, как издавна обычай бывал. Сам того, князь, посмотри, хорошо ли это делается? Старину оставляете и в новые дела вступаете». Великий князь велел отвечать, что князья Воротынские и Белевские – старые слуги московских князей и только в невзгоду отца его, великого князя Василия, были у Казимира, короля; что взятие и сожжение городов было следствием нападения князя Можайского на отъехавших князей. Князь Патрикеев отвечал насчет титула, что государь его высокого ничего не писал и новизны никакой не вставлял, писал он то, что ему бог даровал от дедов и прадедов, от начала, ибо он правый, урожденный государь всея Руси и, которые земли ему бог даровал, те он и писал.

Видя, что подобными пересылками нельзя ничего достигнуть, Александр прислал просить опасной грамоты для больших послов, которые и явились в Москву в январе 1494 года. То были: Петр Белый Янович, воевода троцкий, и Станислав Гаштольд Янович, староста жомоитский. Послы объявили, что государь их хочет мира с московским государем на тех самых условиях, на каких он был заключен между отцом Александровым, Казимиром, и отцом Иоанновым, Василием, и для укрепления вечной приязни хочет, чтоб Иоанн выдал за него дочь свою, дабы жить с ним в таком же союзе, в каком находился дед его, Витовт, с дедом Иоанновым, Василием. Иоанн велел им отвечать, что теперь нельзя уже заключить такого договора, какой был заключен между Казимиром и Василием, и если Александр вспоминает предков, то он, Иоанн, хочет, чтоб все было так, как было при великих князьях Симеоне Иоанновиче, Иоанне Иоанновиче и Олгерде. Когда литовские послы спросили, почему Иоанн не хочет заключить мира на условиях Казимирова договора, то бояре отвечали, что этот договор заключен был вследствие невзгоды московских государей, деда и отца Иоанновых; тогда послы начали отговариваться от договора Симеонова стариною и невзгодою литовских князей Олгерда и Кейстута. Начались переговоры о волостях: послы представили список смоленских пригородов с волостями; бояре возразили, что в этом списке писаны волости боровские, медыньские и можайские, и указали именно какие, тогда послы уступили эти волости в московскую сторону. В договоре Казимира с Василием Темным Козельск был написан на обыск, т.е. после заключения мира должно было обыскать, кому он прежде принадлежал, тому и отдать; литовские послы точно так же хотели написать и о Вязме или вовсе о ней не упоминать, оставя ее на деле за Москвою, но бояре не согласились, и послы уступили; уступили весь Серенск, которого одна половина, по Олгердову договору, принадлежала Литве, а другая – Москве; князья Новосильские все, Одоевские, Воротынские и Белевские отошли к Москве с отчинами и податью, которую давали великим князьям литовским; о Мезецке решили так: которые князья Мезецкие служат Литве, те ведают свои дольницы, а которые служат Москве, те ведают свои дольницы; которые князья в плену в Москве, тех выпустить, и пусть служат кому хотят. В договорной грамоте Иоанн был написан государем всея Руси, великим князем владимирским, московским, новгородским, псковским, тверским, югорским, пермским, болгарским и иных. Оба государя обязались, по обычаю, быть везде заодно, иметь одних друзей и врагов, обязались князей служебных с отчинами не принимать; Александр обязался не отпускать никуда ко вреду Иоанна детей его изменников – Шемячича, Можайского, Ярославича Верейского, также тверского князя; если выйдут они из Литовской земли, опять их

не принимать, но быть на них заодно с Иоанном. В договоре Казимира с Василием Темным было условлено, что если великий князь рязанский сгрубит королю, то последний должен дать об этом знать Василию; тот должен удержать рязанского князя от грубости, но если последний не исправится, то Казимир может его показнить, и московский великий князь уже не должен вступаться; также было условлено, что рязанский князь может вступить в службу к королю и Василий не должен сердиться и мстить ему за это. Но в настоящем договоре между Иоанном и Александром о рязанских князьях сказано: «Великий князь рязанский Иван Васильевич с братом, детьми и землею в твоей стороне, великого князя Ивана, а мне, великому князю Александру, их не обижать и в земли их не вступаться; если же они мне сгрубят, то я должен дать об этом знать тебе, великому князю Ивану, и ты мне должен дать удовлетворение». Таким образом, и Рязань признана в полной зависимости от Москвы.

Еще прежде начала переговоров о волостях послы были у великой княгини Софии и перед тем спрашивали, будут ли при ней дочери. Им отвечали, что дочерей не будет. По окончании переговоров Иоанн объявил, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, как говорили послы и ручались головою, неволи ей в вере не будет. На другой день послы отправились к великой княгине и увидели тут невесту, старшую княжну Елену, после чего в тот же день было и обручение: кресты с цепями и перстни меняли; место жениха занимал пан Станислав, а, старшего, пана Петра, отстранили потому, что он был женат на другой жене. Иоанн требовал, чтоб Александр дал ему относительно веры Елениной утвержденную грамоту в такой форме: «Нам его дочери не нудить к римскому закону, держит она свой греческий закон». Для получения этой грамоты и для взятия с Александра клятвы в соблюдении мирного договора отправились в Литву послами князья Ряполовские – Василий и Семен Ивановичи. Любопытно, что Ряполовские должны были править поклоны Александру от всех сыновей Иоанновых, начиная с Василия, и потом уже от внука Димитрия – знак, что в 1494 году последний считался ниже всех своих дядей и Василий являлся наследником великого княжения. Ряполовские получили такой наказ: «Говорить накрепко, чтоб Александр дал грамоту о вере Елениной по списку слово в слово, если же он не захочет никак дать грамоты, то укрепить его на словах, пусть крепкое свое слово молвит, что не будет ей принуждения в греческом законе». Александр не отказался дать грамоту, но велел написать ее по другой форме, а именно вставлено было новое обстоятельство: «Александр не станет принуждать жены к перемене закона, но если она сама захочет принять римский закон, то ее воля». Ряполовские отказались принять эту грамоту, и когда приехал в Москву посол от Александра, Лютавор Хребтович, то Иоанн спросил у него, зачем изменена форма грамоты. Хребтович отвечал, что он не может отвечать на этот вопрос, не имея наказа; тогда Иоанн объявил, что если Александр не даст грамоты по прежней форме, то он не выдаст за него дочери. Александр уступил, прислал грамоту, какой требовал Иоанн, и тот назначил срок приезжать за Еленою – Рождество Христово, «чтобы нашей дочери быть у великого князя Александра за неделю до нашего великого заговенья мясного».

В январе 1495 года приехали в Москву за Еленою литовские послы: воевода виленский князь Александр Юрьевич, известный уже нам наместник полоцкий Ян Заберезский и наместник брацлавский пан Юрий. Иоанн сказал им: «Скажите от

нас брату и зятю вашему, великому князю Александру: на чем он нам молвил и лист свой дал, на том бы и стоял, чтоб нашей дочери никаким образом к римскому закону не нудил; если бы даже наша дочь и захотела сама приступить к римскому закону, то мы ей на то воли не даем, и князь бы великий Александр на то ей воли не давал же, чтоб между нами про то любовь и прочная дружба не порушилась. Да скажите великому князю Александру: как, даст бог, наша дочь будет за ним, то он бы нашу дочь, а свою великую княгиню жаловал, держал бы ее так, как бог указал мужьям жен держать, а мы, слыша его к нашей дочери жалованье, радовались бы тому. Да чтоб сделал для нас, велел бы нашей дочери поставить церковь нашего греческого закона на переходах у своего двора, у ее хором, чтоб ей близко было к церкви ходить, а нам бы его жалованье к нашей дочери приятно было слышать. Да скажите от нас епископу и панам вашей братье, всей Раде, да и сами поберегите, чтоб брат наш и зять нашу дочь жаловал и между ними братство и любовь и прочная дружба не порушились бы».

13 генваря Иоанн, отслушав обедню в Успенском соборе со всем семейством и боярами, подозвал литовских послов к дверям и передал им дочь. Елена остановилась в Дорогомилове и жила два дня: брат ее Василий угощал здесь послов обедом, мать ночевала с нею, сам великий князь приезжал два раза; он наказал дочери, чтоб она во всех городах, через которые будет проезжать, была в соборных церквах и служила молебны; в Витебске мост городской худ, и если можно будет ей проехать к соборной церкви, то она поехала бы, а будет нельзя, то она бы не ездила; наказал, как поступить, когда какие-нибудь паньи встретят ее; если кто-нибудь из панов даст обед Елене, то жене его быть на обеде, а самому ему не быть; князей, отъехавших из Москвы, Шемячича и других, не допускать к себе; если бы даже и потом, в Вильне, они захотели ударить ей челом, то чтобы Александр не велел им и княгиням их к ней ходить. Если встретит Елену сам великий князь Александр, то ей из тапканы (экипажа) выйти и челом ударить и быть ей в это время в наряде; если позовет ее к руке, то ей к руке идти и руку дать; если велит ей идти в свою повозку, но там не будет его матери, то ей в его повозку не ходить, ехать ей в своей тапкане. В латинскую божницу не ходить, а ходить в свою церковь; захочет посмотреть латинскую божницу или монастырь латинский, то может посмотреть один раз или дважды. Если будет в Вильне королева, мать Александра, ее свекровь, и если пойдет в свою божницу, а ей велит идти с собою, то Елене провожать королеву до божницы и потом вежливо отпроситься в свою церковь, а в божницу не ходить.

Александр, как доносили наши послы, встретил великую княжну за три версты от Вильны: он сидел верхом на лошади, от его коня до тапканы Елениной постлали красное сукно, а у тапканы постлали по сукну камку с золотом; Елена вышла из тапканы на камку, за нею вышли и боярыни. Александр в то же время сошел с лошади, подошел к Елене, дал ей руку, принял ее к себе, спросил о здоровье и велел опять пойти в тапкану; потом, дав также руку боярыням, сел на коня, и все вместе въехали в город. В тот же день происходило венчание: латинский епископ и сам Александр крепко настаивали, чтоб русский священник Фома, приехавший с Еленою, не говорил молитв и княгиня Марья Ряполовская не держала венца; но князь Семен Ряполовский, главный из бояр, провожавших Елену, настоял на том, чтоб был исполнен приказ Иоаннов: священник Фома говорил молитвы и княгиня Марья держала венец.

Отпуская бояр, провожавших Елену, князя Семена Ряполовского и Михайла Русалку, Александр сказал: «Вы говорили от великого князя Ивана Васильевича, чтоб мы дочери его, а нашей великой княгине поставили церковь греческого закона на переходах, подле ее хором; но князья наши и паны, вся земля имеют право и записи от предков наших, отца нашего и нас самих, а в правах написано, что церковью греческого закона больше не прибавлять – так нам этих прав рушить не годится. А княгине нашей церковь греческого закона в городе есть близко, если ее милость захочет в церковь, то мы ей не мешаем. Брат и тесть наш хочет также, чтоб мы дали ему грамоту на пергамене относительно греческого закона его дочери; но мы дали ему грамоту точно такую, какой он сам от нас хотел; эта грамота теперь у него с нашею печатью». В мае приехал от Александра посол Станислав Петряшкович изъяснить Иоанну благодарность за присылку Елены и объявить, что воевода молдавский Стефан напал на литовские владения; относительно Елены Александр велел Петряшковичу сказать следующее тестю: «Ты хотел, чтоб мы оставили несколько твоих бояр и детей боярских при твоей дочери, пока попривыкнет к чужой стороне, и мы для тебя велели им остаться при ней некоторое время, но теперь пора уже им выехать от нас: ведь у нас, слава богу, слуг много, есть кому служить нашей великой княгине, какая будет ее воля, кому что прикажет, и они будут по ее приказу делать все, что только ни захочет». Наконец, Петряшкович жаловался на московских послов, князя Ряполовского и Михайла Русалку, которые будто бы на возвратном пути из Вильны грабили жителей на две мили по обе стороны дороги, грабили и купцов, им встречавшихся. Иоанну сильно не нравилось и то, что зять перестал называть его государем всея Руси, и то, что не хотел построить церкви для Елены, когда он именно просил его сделать это для него, и то, что Александр отсылал из Вильны бояр московских, которых Иоанну хотелось непременно удержать при дочери. Он отвечал Петряшковичу насчет церкви: «Наш брат, князь великий, сам знает, с кем там его предки и он сам утвердил те права, что новых церковью греческого закона не строить, нам до тех его прав дела нет никакого; а с нами брат наш, князь великий, да и его Рада договаривались на том, чтобы нашей дочери держать свой греческий закон, и, что нам брат наш и его Рада обещали, все теперь делается не так». Относительно послов был ответ, что они не грабили, а, напротив, терпели дорогою во всем недостаток; с Стефаном молдавским Иоанн обещал помирить зятя.

В Вильну отправился из Москвы гонец Михайла Погожев с грамотою, в которой отец писал Елене: «Сказывали мне, что ты нездорова, и я послал навестить тебя Михаила Погожего, ты бы ко мне с ним отписала, чем неможешь и как тебя нынче бог милует». Но наедине гонец должен был сказать Елене от Иоанна: «Эту грамоту о твоей болезни я нарочно прислал к тебе для того, чтоб не догадались, зачем я отправил Погожего». Погожев был прислан с приказом, чтоб Елена не держала при себе людей латинской веры и не отпускала бояр московских. Главному из них, князю Ромодановскому, Иоанн велел сказать чрез Погожего: «Что ко мне дочь моя пишет, и что вы пишете, и что с вами дочь моя говорит – все это и робята у вас знают: пригоже ли так делаете?»

В Литве разнеслась весть о движениях Менгли-Гирея крымского; Александр и Елена уведомили об этом Иоанна и просили помощи по договору; Иоанн отвечал Александру: «Ты бы нас уведомил, Менгли-Гирей, царь, из Перекопи

вышел ли и к каким украинам твоим идет? Объяви, как нам тебе помощь подать?» Александр уведомил, что еще хан до Днепра не дошел, а какие слухи будут, то он даст об них знать в Москву. Но хан не двигался, помощи подавать было не нужно, а между тем неудовольствия между тестем и зятем росли все более и более: Иоанн не переставал требовать, чтоб Александр построил жене церковь греческого закона, не давал ей слуг латинской веры, не принуждал ее носить польское платье, писал титул московского государя, как он написан в последнем договоре, не запрещал вывозить серебра из Литвы в московские владения, отпустил жену князя Бельского. Иоанн отозвал из Вильны князя Ромодановского с товарищами, оставив при Елене только священника Фому с двумя крестовыми дьяками или певчими и несколько поваров, но Александр не хотел исполнить ни одного его требования, отговариваясь по-прежнему, что законы запрещают увеличивать число православных церквей в Литве; относительно прислуги Елениной из католиков отвечал: «Кого из панов, паней и других служебных людей мы заблагорассудили приставить к нашей великой княгине, кто годился, тех и приставили; ведь в этом греческому закону ее помехи нет никакой». Иоанн требовал также, чтоб князьям Вяземским и Мезецким отдано было их имущество, оставшееся в Смоленске и в разных других местах; Александр отвечал, и в этом ответе высказалась досада, которая не могла также не досадить и московскому великому князю. «Князья Вяземские и Мезецкие были нашими слугами, – велел сказать Александр тестю, – изменивши нам, они убежали в твою землю как лихие люди, а если бы не убежали от нас, то не того бы и заслужили, чего изменники заслуживают». На границах начались опять неприязненные столкновения между подданными обоих государств; Александр постоянно жаловался, что московские люди захватывают земли у литовских и причиняют им разные другие обиды.

У Иоанна также не было недостатка в жалобах: Александр не пропустил турецкого посла, ехавшего в Москву чрез его владения, отговариваясь тем, что посол этот будет высматривать его государство. Иоанн велел ему сказать: «И к Казимиру королю от турецкого многие послы бывали, и гости многие ходили в вашу и нашу землю без зацепки, и теперь из Турции в Литву и из Литвы в Турцию гости ходят; мы с тобой в любви, в мирном докончании, в крестном целовании и в свойстве, а ты ко мне послов и гостей не пропускаешь». Надеюсь иметь чрез Елену и детей ее влияние на Литовскую Русь, не желая, чтоб Киев находился под непосредственным управлением католика, Иоанн с неудовольствием услышал от послов своих, что Александр и паны думают, хотят брату Александрову, Спигизмунду, дать в Литовском княжестве Киев и другие города; по этому случаю он велел сказать Елене: «Слыхал я, дочь, каково было нестроение в Литовской земле, когда было там государей много; да и в нашей земле, слыхала ты, какое было нестроение при моем отце, слыхала, какие и после были дела между мной и братьями, а иное и сама помнишь. Так если Сигизмунд будет в Литовской земле, то вашему какому добру быть? Я об этом приказываю к тебе для того, что ты наше дитя, что если ваше дело пойдет нехорошо, то мне жаль. А захочешь об этом поговорить с великим князем, то говори с ним от себя, а не моею речью, да и мне обо всем дай знать, как ваши дела». Александру Иоанн дал знать, что Стефан молдавский и Менгли-Гирей крымский не прочь от мира с Литвою; тот отвечал, что тесть все говорит только о своих делах, а молчит о том, какие обиды литовские люди терпят от московских, что если тесть хочет, чтоб он был в мире с

Крымом и Молдавиєю, то пусть Стефан и Менгли-Гирей вознаградят его за все прежние обиды.

Иоанн послал уговаривать Александра, чтоб не выступал в поход против молдавского господаря. Александр отвечал: «Мы надеемся, что брат наш, великий князь, больше желает добра нам, зятю своему, чем Стефану воеводе». Но родство было только на словах: и зять и тесть в сношениях; своих с иностранными владетелями действовали явно друг против друга. Посылая к Елене с жалобами, что муж ее возбуждает против него Швецию и татар, Иоанн наказал послу: если Елена скажет, что Александр посылал в Орду и в Швецию по своим делам, а не для того, чтоб возбуждать их против Москвы, то отвечать ей, что он именно посылал в Орду наводить Ахматовых сыновей на Иоанна и Менгли-Гирея, с чем посылал в Швецию, и то в Москве известно; если она хочет, то отец пришлет ей грамоты ордынские, да и о том объявит, с чем муж ее посылал к шведскому правителю Стену Стуру. Александр с своей стороны упрекал Иоанна за сношения с Менгли-Гиреем, клонившиеся ко вреду Литве. Помирившись с Александром и выдавши за него дочь, Иоанн объявил об этом Менгли-Гирею, прибавив: «А я, в чем тебе дал слово, что в наших грамотах записано, на том и теперь стою; другу твоему я друг, а недругу недруг». Менгли-Гирей сначала подивился такой перемене в отношениях Москвы к Литве, — перемене, происшедшей без его ведома, но кончил просьбою: «Прошенье мое такое: мисюрский султан прислал шатер писаный и шитый, узорчатый, даст бог, в вешние дни буду в нем есть и пить, так надобны серебряные чары в два ведра хорошей работы да наливки серебряные: прошу их у тебя. Чтоб наливка не мала была, смотря по чаре, доброй бы работы наливка была; твоя, брата моего, любовь ночью и днем с сердца не сойдет; серебряную чашу меду за твою, брата моего, любовь всегда полную пьем; у нас такой чары сделать мастера доброго не добудешь, а у тебя мастера есть». Иоанн послал сказать хану: «Мы говорили литовским послам, чтоб и с тобою князь их был в мире; а не известили тебя о нашем союзе с Литвою потому, что была зима. Если помиришься с литовским, то очень хорошо, а если он с тобою не помирится или, помирившись с нами и с тобою, друг станет опять нам недругом, тогда мы с тобою перешлемся и будем делать по совету, как нам будет пригоже». С другим послом Иоанн велел сказать хану еще яснее: «Если теперь Александр с тобою помирится, то ты дай нам знать; если и не помирится, то ты также дай нам знать, а мы с тобою, своим братом, и теперь на него заодно».

Между тем частые сношения между Москвою и Литвою не прерывались: Александр все требовал, чтоб отданы были земли, захваченные Иоанновыми подданными у Литвы по заключении уже мира, требовал высылки общих судей для решения споров между пограничниками, требовал, чтоб тесть, по договору, помирил его с Менгли-Гиреем и Стефаном, которые, толкуя о мире, опустошают его волости. Иоанн отвечал: «Мы посылали к зятю говорить о том, что он имя наше пишет не так, как следует по мирному договору, о церкви, которой он не строит для жены своей, о панах и панях греческого закона, которых он к ней не приставляет, а он в ответах своих обо всех этих начальных, больших делах ничего нам не говорит, он требует, чтоб мы, по договору, помирили его с Менгли-Гиреем и Стефаном молдавским, а сам договора не соблюдает. Но мы, памятуя наше свойство, что наша дочь за ним, посылаем к Менгли-Гирею и Стефану, чтоб помирились с Литвою, хотя бы нам и непригоже было посылать, когда он из

крестного целования выступает. Александр просит о съезде бояр на границах и срок назначает; мы этого сами давно хотим, чтоб нашим боярам, с его панами съехавшись, обидным делам на обе стороны управу учинить и грамоты написать; но боярам нашим как в грамотах писать наше имя, когда брат наш и зять не хочет писать его как следует по мирному договору? Когда он начальные дела нам по докончанию исправит, тогда мы и пошлем бояр на съезд».

Таким образом, для Иоанна большими, начальными делами был титул государя всея Руси и построение для Елены церкви греческого закона. В ноябре 1497 года Иоанн послал в Литву Микулу Ангелова, который должен был сказать от него Елене: «Я тебе приказывал, чтоб просила мужа о церкви, о панах и паньях греческого закона, и ты просила ли его об этом? Приказывал я к тебе о попе да о боярыне старой, и ты мне отвечала ни то ни се. Тамошних панов и паней греческого закона тебе не дают, а наших у тебя нет: хорошо ли это?» Ангелову дан был наказ – дознаться: когда идет у великой княгини Елены служба, то она на службе стоит ли? Елена отвечала Ангелову: «О церкви я била челом великому князю, но он и мне отвечает то же, что московским послам; поп Фома не по мне, а другой поп со мной есть из Вильны очень хороший. А боярыню как ко мне из Москвы прислать, как ее держать, как ей с здешними сидеть? Ведь мне не дал князь великий еще ничего, чем кого жаловать; двух-трех пожаловал, а иных я сама жалую. Если бы батюшка хотел, то тогда же боярыню со мною послал; а попов мне кого знать? Сам знаешь, что я на Москве не видала никого. А что батюшка приказывает, будто я наказ его забываю, так бы он себе и на сердце не держал, что мне наказ его забыть: когда меня в животе не будет, тогда отцовский наказ забуду. А князь великий меня жалует, о чем ему бью челом, и он жалует, о ком помяну. А вот которая у меня посажена панья, и теперь она уже тишает». В грамоте к отцу Елена писала, что муж не дает следующих ей волостей потому, что тесть побрал у него много земель после заключения мира.

Понятно, что Александр не хотел построить для жены православной церкви, не хотел окружать ее людьми православного исповедания, ибо понятно, как духовенство католическое и паны литовские латинского исповедания должны были смотреть на то, что их великая княгиня была греческой веры. Александр, давая знать римскому двору о браке своем с Еленой, обманул его насчет грамоты о вере, данной Иоанну, писал, что он обещал тестю не принуждать жены к принятию католицизма, если она сама не захочет принять его, следовательно, указывал на свою прежнюю грамоту, которая была отвергнута Иоанном. Но что значила для папы присяга, данная не католику? И Александр VI отвечал литовскому князю, что совесть его останется совершенно чиста, если он употребит все возможные средства для склонения Елены к католицизму; только в 1505 году папа Юлий II позволил Александру жить с иноверною женою в ожидании смерти отца ее, который уже очень стар, или в ожидании какого-нибудь другого обстоятельства. Поэтому неудивительно, что в 1499 году подьячий Шестаков прислал к вяземскому наместнику, князю Оболенскому, письмо следующего содержания: «Здесь у нас произошла смута большая между латинами и нашим христианством: в нашего владыку смоленского дьявол вселился, да в Сапегу еще, встали на православную веру. Князь великий неволил государыню нашу, великую княгиню Елену, в латинскую проклятую веру, но государыню нашу бог научил, да помнила науку государя отца своего, и она отказала мужу так:

вспомни, что ты обещал государю отцу моему, а я без воли государя отца моего не могу этого сделать, обошлось, как меня научит? Да и все наше православное христианство хотят окрестить; от этого наша Русь с Литвою в большой вражде. Этот списочек послал бы ты к государю, а государю самому не узнать. Больше не смею писать, если бы можно было с кем на словах пересказать».

Иоанн, получив записку Шестакова, послал в Литву Ивана Мамонова с приказом от себя и от жены к Елене, чтоб пострадала до крови и до смерти, а веры греческого закона не оставляла. Решившись начать войну, Иоанн хотел узнать средства противника и потому наказал Мамонову: «Пытать, был ли у Александра Стефанов посол и заключен ли мир между Молдавию и Литвою. Польский и венгерский короли в мире ли с Стефаном? Турский и перекопский мирны ли с польским, литовским и молдавским?» Об отношениях Литвы к Молдавии сам Александр уведомил тестя чрез посла своего Станислава Глебовича, который объявил о мире между Стефаном и Александром и от имени последнего приглашал Иоанна помочь Молдавии против турок. «Сам можешь разуместь, – велел сказать Александр, – что Стефана-воеводы панство есть ворота всех христианских земель нашего острова; не дай бог, если турки им овладеют!» Глебович жаловался, что наместник козельский захватил села карачевские и хотимльские, что бояре, живущие на новгородских границах, отняли торопецкие земли; относительно титула Иоаннова Александр велел объявить следующее: «В окончательной записи вписаны были все земли и места и волости литовские, кроме замка Киева и пригородов, теперь впиши Киев либо особый лист нам дай на него, тогда и будем тебя писать, как написано в договоре». Иоанн велел отвечать, что подаст помощь Стефану, когда тот сам пришлет просить ее, что земли, отнятые наместником козельским, исстари принадлежат к его городу, что Александр выступил из договора, принуждая Елену принять латинство; относительно Киева и титула ответ был такой: «Князь бы великий сам положил на своем разуме, гораздо ли так к нам приказывает? Мимо нашего с ним договора и крестного целования не хочет нам править по окончанию да такие нелепицы к нам и приказывает мимо дела».

Скоро после этого Менгли-Гирей прислал в Москву условия, на которых хотел помириться с Литвою: он требовал ежегодной дани с 13 литовских городов, между которыми были Киев, Канев, Черкассы, Путивль. «По тем городкам, – писал хан, – дараги были и ясаки брали». С этими условиями Иоанн отправил в Литву опять Мамонова, который должен был требовать, чтоб Александр дал ответ, пока Менгли-Гиреевы послы в Москве; Елене Мамонов должен был сказать упрек, зачем она таится от отца касательно принуждению к перемене веры, и новое увещание быть твердою в православии. Александр отвечал с Мамоновым: «Пусть великий князь сам посмотрит и совет нам свой даст о Киеве и других городах наших – пристойные ли то речи? Менгли-Гирей хочет от нас того, чего его предки от наших предков никогда не хотели. Поговорим с папами Радою и пришлем с ответом своего посла, а великий князь до тех пор пусть Менгли-Гиреева посла позадержит». Иоанн послал сказать Менгли-Гирею: «Мы по твоему слову посла своего посылали к великому князю Александру и то ему сказали, какого ты с ним мира хочешь. Он нам велел сказать с нашим послом, что его люди при отце его и деде к вашей Орде данщиками никогда не бывали, и обещал нам для этих дел выслать своих послов, приказавши, чтоб мы от себя твоих послов не отпускали до

тех пор, пока будут у нас его послы, и мы затем твоих послов у себя и держали, ждали к себе от него послов, но он к нам послов не присылывал. И если князь великий Александр послов своих к нам не прислал, так он с тобою мира не хочет; с нашими недругами, с Ахматовыми детьми, ссылается, наводит их на нас, а которые послы Ахматовых детей теперь у него, и он тех послов в Орду отпускает да и своих послов туда шлет и в своем слове не стоит, что приказывал нам, будто мира с тобою хочет. И если он с тобою, нашим братом, мира не хочет, то и я с ним мира не хочу для тебя, хочу с тобою, своим братом, по своей правде на него быть заодно, и если прийдет к тебе князь великий Александр за миром, то ты бы с ним не мирился без нашего ведома; как даст бог нам с литовским свое дело делать и на него наступить, то мы с тобою сошлемся». Послу было наказано: «Беречь накрепко, чтоб Менгли-Гирей с великим князем литовским не мирился, не канчивал. Если Менгли-Гирей спросит, в мире ли великий князь с литовским или нет, то послу отвечать: „Александр хотел прислать послов с ответом насчет мира с тобою и не прислал; с тех пор государь наш для тебя с ним в размирье“. Если хан спросит: „В чем у них размирье?“ – отвечать: „Приехал князь Бельский с вотчиною, и великий князь его принял“.

Действительно, прислал в Москву князь Семен Иванович Бельский бить челом великому князю, чтоб пожаловал, принял его в службу и с отчиною: терпят они в Литве большую нужду за греческий закон; великий князь Александр посылал к своей великой княгине Елене отметника православной вере, Иосифа, владыку смоленского, да епископа своего виленского и монахов бернардинских, чтоб приступила к римскому закону; посылал и к князьям русским, и к виленским мещанам, и ко всей Руси, которая держит греческий закон, принуждает ее приступить к римскому закону, а смоленскому владыке великий князь обещал за то Киевскую митрополию. Иоанн принял Бельского и послал сказать Александру: «Князь Бельский бил челом в службу; и хотя в мирном договоре написано, что князей с вотчинами не принимать, но так как от тебя такого притеснения в вере и прежде от твоих предков такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли в службу с отчиною». Бельский также послал Александру грамоту, в которой слагал с себя присягу по причине принуждения к перемене веры. За Бельским перешли с богатыми волостями князья, до сих пор бывшие заклятыми врагами великого князя московского: князь Василий Иванович, внук Шемяки, и сын приятеля Шемякина, Ивана Андреевича Можайского, князь Семен Иванович; князь Семен поддался с Черниговом, Стародубом, Гомелем, Любичем; Шемячич – с Рыльском и Новгородом Северским; поддались другие князья, менее значительные, – Мосальские, Хотетовские, все по причине гонения за веру. Иоанн послал объявить Александру, что принял в службу Можайского с Шемячичем, и в то же время послал складную грамоту, или объявление войны.

Московские войска выступили в поле под начальством хана Магмет-Аминя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина, заняли города: Мценск, Серпейск, Мосальск, Брянск, Путивль; князья северские – Можайский и Шемячич – были приведены к присяге; другая рать, под начальством боярина Юрия Захарьевича Кошкина, взяла Дорогобуж. Вслед за ним великий князь отправил тверскую рать под начальством князя Даниила Щени, который должен был начальствовать большим полком, а боярин Юрий – сторожевым; Юрий обиделся и писал в Москву, что ему в сторожевом полку быть нельзя: «То мне стеречь князя Данила!»

Великий князь велел отвечать ему: «Гораздо ль так делаешь? Говоришь, что тебе непригоже стеречь князя Данила: ты будешь стеречь не его, но меня и моего дела; каковы воеводы в большом полку, таковы и в сторожевом: так не позор это для тебя». Юрий успокоился. Между тем литовское войско под начальством гетмана князя Константина Острожского приближалось к Дорогобужу и 14 июля 1500 года, в годовщину Шелонской битвы, встретилось с московским на Митькове поле, на речке Ведроше. Благодаря тайной засаде, решившей дело, московские воеводы одержали совершенную победу: гетман князь Острожский и другие литовские воеводы попались в плен. 17 июля получил великий князь весть о победе, и была радость большая в Москве, говорят летописцы. Победителей великий князь послал спросить о здоровье; пленники привезены в Москву и отсюда разсланы по городам: князь Константин Острожский отправлен в Вологду в оковах; держали его крепко, но поили и кормили довольно; прочим князьям и панам давали по полуденьге на день, а Константину – по четыре алтына; скоро, впрочем, он присягнул служить великому князю московскому, получил свободу и земли.

Войска новгородские, псковские и великолукские под начальством племянников великокняжеских, Ивана и Федора Борисовичей, и боярина Андрея Челяднина взяли Торопец; новые подданные московские, князья северские – Можайский и Шемячич – вместе с боярами – князем Ростовским и Семеном Воронцовым, одержали победу над литовцами под Мстиславлем, положив тысяч семь неприятелей на месте. Этим окончились значительные действия московских войск в областях литовских; сын великого князя, Димитрий Иоаннович, посланный под Смоленск, не мог взять этого города и ограничился взятием Орши и опустошением литовских областей, которое было потом повторено князьями северскими. Военные действия шли медленно. Деятельнее шли сношения обоих государей, московского и литовского, с соседними владельцами, у которых они искали помощи друг против друга. Мы видели, как Иоанн с самого начала хотел вооружить против Литвы Менгли-Гирея, стараясь уверить его, что мир с Александром разорван вследствие нежелания последнего помириться с Крымом. Это уверение повторено было с новым послом, который должен был уговаривать хана, чтоб шел на литовские владения, именно к Слуцку, Турову, Пинску, Минску. Менгли-Гирей остался верен союзу с Москвою, и сыновья его не раз принимались опустошать литовские и польские владения, хотя Александр и старался склонить хана на свою сторону; через киевского воеводу, князя Димитрия Путятича, он велел напомнить Менгли-Гирею о давней приязни, бывшей между их отцами – Ази-Гиреем и Казимиром: «Когда же ты по смерти отцовской нарушил приязнь с Литвою, то сам посмотри, что из этого вышло: честь твоя царская не по-прежнему стоит, понизилась, пошлины все от твоего царства отошли и столу твоему никто не кланяется, как прежде кланивались; кто перед твоим отцом холопом писывался, тот теперь тебе уже братом называется. Сам можешь знать, какую высокую мысль держит князь московский, если он зятю своему клятвы не сдержал, то сдержит ли он ее тебе? А что он родным братьям своим поделал, также нарушивши клятву? Если ему удастся захватить украинские города литовские и стать тебе близким соседом, можешь ли сидеть спокойно на своем царстве? Если же будешь заодно с великим князем литовским, то он велит с каждого человека в земле Киевской, Волынской и Подольской давать тебе ежегодно по три деньги». Но крымцы не

соблазнились этим предложением: они предпочитали брать деньги вместе с людьми в областях литовских.

Легче было Александру убедить Стефана молдавского разорвать союз с Иоанном, потому что последний в это время возложил опалу на дочь Стефанову, Елену, лишил наследства сына ее, Димитрия. Александр дал знать об этом Стефану; московский посол в Крыму, Заболоцкий, писал к своему князю: «Менгли-Гиреев человек, посланный с твоими грамотами к Стефану воеводе, нашел его в Польской земле под Галичем; Стефан, прочтя грамоты, хотел отпустить твоих послов, как пришла ему грамота от Александра, который пишет: „Ты меня воюешь в одно время с недругом моим, великим князем московским; но он и тебе теперь недруг же: дочь твою и внука посадил в темницу и великое княжение у внука твоего отнял да отдал сыну“. И Стефан воевода сейчас же прислал к царю Менгли-Гирею своего человека доброго с грамотою и речами, пишет: „Разыщи мне подробно, правду ли мне Александр писал; и если он солгал, то я московских послов к тебе отпущу сейчас же“. И царь меня пытал накрепко наедине да и к присяге меня хотел привести; но я царю говорил: „Все это, государь, ложь, неправда, все это Александр от себя затеял, недруг на недруга чего не взведет, что хочет, то затеет“. И царь Стефану о том отписал». Но правда не могла утаиться от воеводы; впрочем, кроме кратковременной задержки послов и художников, ехавших в Москву через Молдавию, неудовольствие Стефана не имело других важнейших следствий. Союз Александра с Ахматовыми сыновьями причинил немного более вреда Московскому государству; гораздо важнее был союз его с магистром ливонским, отвлекшим московские силы к псковским границам, о чем будет речь в своем месте.

На престолах польском, чешском и венгерском сидели естественные союзники Александра – родные братья. До нас дошли посольские речи Александра к брату его, Владиславу, королю венгерскому, в которых всего любопытнее указание на религиозные движения в Литве. «Вы должны, – говорил литовский посол Владиславу, – подать помощь нашему государю не только по родству кровному, но и для святой веры христианской, которая утверждена в Литовской земле трудами деда вашего, короля Владислава (Ягайла). С тех пор до последнего времени Русь покушается ее уничтожить, не только Москва, но и подданные княжата литовские; на отца вашего, короля Казимира, они вставали по причине веры, по той же причине встают теперь и на вас, сыновей его. Брат ваш, Александр, некоторых из них за это казнил, а другие убежали к московскому князю, который вместе с ними и поднял войну, ибо до него дошли слухи, что некоторые князья и подданные нашего государя, будучи русской веры, принуждены были принять римскую». Братья могли только обещать Александру ходатайствовать за него пред тестем. Но еще не дожидаясь этого ходатайства, сам Александр в начале 1500 года прислал в Москву смоленского наместника Станислава Кишку жаловаться на начатие неприятельских действий со стороны Иоанна и оправдаться в обвинениях, которые последний взводил на него. «Мы поудержались писать тебя великим князем всея Руси, – велел сказать Александр, – потому что по заключении мира тотчас же начались нам от тебя обиды большие; ты нам объявил, что обиды прекратятся, когда мы напишем твое имя как следует, и вот мы его теперь написали сполна. Ты велел нам сказать, что принял князя Бельского с отчиною, потому что мы посылали к нему епископа виленского и

митрополита приводить его к римскому закону, но он не мог тебе правды сказать, как лихой человек и наш изменник: мы его уже третий год и в глаза не видали. Слава богу, в нашей отчине, Великом княжестве Литовском, княжат и панят греческого закона много и получше его, этого нашего изменника, да никогда силою и нуждою предки наши и мы к римскому закону их не приводили и не приводим. В Орду Заволжскую мы посылали по нашим делам украинским, а не на твое лихо. Великую княгиню нашу к римскому закону не принуждаем и дивимся тому, что ты веришь больше лихим людям, которые, забывши честь и души свои и наше жалованье, изменили нам и убежали к тебе, чем нам, брату своему. Что же касается церкви, которую надобно построить на сенях, да панов и паней греческого закона, то об этом между нами и речи не было, мы об этом ничего не знаем; папы наши, которые были у тебя, нам об этом ничего не сказали».

Иоанн велел отвечать: «Мы к брату своему Александру не об одном нашем имени приказывали, а теперь он только одно наше имя в своей грамоте как следует по dokonчанью написал. Говорит, что никого не принуждает к римскому закону; так ли это он не принуждает? К дочери нашей, к русским князьям, панам и ко всей Руси посылает, чтоб приступили к римскому закону! Сколько велел поставить римских божниц в русских городах, в Полоцке и в других местах? Жен от мужей и детей от отцов с имением отнимают да сами крестят в римский закон; так-то зять наш не принуждает Русь к римскому закону? О князе же Семене Бельском известно, что он приехал к нам служить, не желая быть отступником от греческого закона и не хотя своей головы потерять; так какая же его тут измена?»

В январе 1501 года приехал в Москву посол от Владислава, короля венгерского и богемского. Это был не первый посол венгерский в Москве при Иоанне III: сношения с Венгриєю начались еще с 1482 года, когда король Матвей Корвин, имея нужду в союзниках против Казимира польского, прислал к московскому великому князю с предложением действовать вместе против общего врага. Разумеется, предложение было принято, и начались пересылки между двумя дворами, причем Иоанн старался побуждать Матвея к решительной войне с Польшею, уверяя, что он с своей стороны действует против Казимира, взял Тверь, где княжил друг и свойственник польского короля, кроме того, взял города и волости литовские, что хотя он и пересылается с Казимиром, но единственно о порубежных обидных делах, мира же между ними нет. Отношения переменялись, когда вместо Матвея, врага Казимира, королем венгерским стал сын Казимиров, Владислав, который теперь прислал в Москву ходатайствовать за брата своего, Александра, вместе с третьим Казимировичем, Яном Альбрехтом, королем польским. Короли уговаривали Иоанна помириться с зятем, ибо война их причиняет большой вред всему христианству, развлекая силы христианских государей, которые должны быть все заодно против турок; в случае если Иоанн не примет их ходатайства, Казимировичи грозилась помогать брату и княжеству Литовскому, из которого все они вышли, просили также отпустить на поруку пленников, взятых в Литве. Иоанн отвечал изложением известных уже причин, заставивших его начать войну с зятем: «Мы зятю своему ни в чем не выступили, он нам ни в чем не исправил: так если король Владислав хочет брату своему неправому помогать, то мы, уповая на бога, по своей правде против своего недруга хотим стоять, сколько нам бог поможет: у нас бог помощник и наша правда». Относительно пленных бояре отвечали: «В землях нашего государя пет

такого обычая, чтоб пленников отпускать на присяге или поруче, а нужды им нет никакой, всего довольно – и еды, и питья, и платья». Наконец, Иоанн велел объявить, что если зять пришлет за миром, то он с ним миру хочет, как будет пригоже.

Александр прислал пана Станислава Нарбутовича с теми же речами, с какими приезжал и прежний посол, Станислав Кишка, и получил тот же ответ с некоторыми новыми жалобами: «Как наша дочь к нему приехала и он в то время ни одному владыке не велел у себя в Вильне быть, а нареченному митрополиту Макарию не велел венчать нашей дочери, которую дочь княжескую или боярскую греческого закона она возьмет к себе и он ту силою велит окрестить в латинство. Он говорит, что не принуждал русских к латинству, но это делалось не тайно, а явно, ведомо это и в наших землях, и вашей всей Руси и Латыне; которые его люди у нас в плену и те то же сказывают. Он хочет, чтоб мы в его отчину не вступались, отдали ему те города и волости, которые люди наши взяли; но все эти города и волости, также земли князей и бояр, которые приехали нам служить, – все это истари наша отчина». Иоанн повторил, что если Александр пришлет великих послов, панов радных, то он охотно заключит мир на условиях, какие сочтет приличными; то же писали и бояре московские радным панам литовским, которые просили их стараться о мире. Паны отвечали, что отправление великих послов задержано было смертью польского короля Яна Альбрехта, наследником которого провозглашен был Александр. Опять Литва соединилась с Польшею, но чрез это соединение, как и прежде, силы ее не увеличились. Александр по-прежнему желал прекращения войны с Москвою; явился новый ходатай: папа Александр VI писал к Иоанну, что немилостивый род турецкий не перестает наступать на христианство и вводить его в крайнюю пагубу, что турки взяли уже два венецианских города – Модон и Корон в Морее, а теперь покушаются напасть на Италию, что в таких обстоятельствах всем христианским правителям надобно быть в согласных мыслях.

Эту грамоту привез новый венгерский посол, который от имени своего короля говорил, что общий поход христианских государей против турок задерживается единственно войною Иоанна с Александром. Иоанн отвечал: «Мы с божьею волею, как наперед того за христианство, против поганства стояли, так и теперь стоим и вперед, если даст бог, хотим, уповая на бога, за христианство, против поганства стоять, как нам бог поможет; и просим у бога того, чтоб христианская рука высока была над поганством. А что у нас с зятем война случилась, тому мы не ради, началась война не от нас, а от него. Короли Владислав и Александр объявляют, что хотят против нас, за свою отчину стоять; но короли что называют своею отчиною? Не те ли города и волости, с которыми князья русские и бояре приехали к нам служить и которые наши люди взяли у Литвы? Папе, надеемся, хорошо известно, что короли Владислав и Александр – отчичи Польского королевства да Литовской земли от своих предков; а Русская земля – от наших предков, из старины, наша отчина. Когда мы заключили договор с великим князем Александром, то для свойства уступили ему эти свои вотчины, но когда зять наш не стал соблюдать договора, то нам зачем свою отчину покидать и за нее не стоять? Папа положил бы то на своем разуме, гораздо ли то короли делают, что не за свою отчину хотят с нами воевать?»

Венгерский посол просил опасной грамоты для больших польских и литовских послов, которые должны приехать для мирных переговоров, грамота была дана, и послы явились; то были: воевода ленчицкий Петр Мешковский и наместник полоцкий Станислав Глебович; Елена прислала от себя канцлера своего, Ивана Сапежича, который привез Иоанну такое письмо от дочери: «Господин и государь батюшка! Вспомни, что я служебница и девка твоя, а отдал ты меня за такого же брата своего, каков ты сам; знаешь, что ты ему за мною дал и что я ему с собой принесла; но государь муж мой, нисколько на это не жалуясь, взял меня от тебя с доброю волею и держал меня во все это время в чести и в жаловании и в той любви, какую добрый муж обязан оказывать подружью, половине своей. Свободно держу я веру христианскую греческого обычая: по церквам святым хожу, священников, дьяконов, певцов на своем дворе имею, литургию и всякую иную службу божью совершают передо мною везде, и в Литовской земле, и в Короне Польской. Государь мой король, его мать, братья-короли, зятя и сестры, и паны радные, и вся земля – все надеялись, что со мною из Москвы в Литву пришло все доброе: вечный мир, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а теперь видят все, что со мною одно лихо к ним вышло: война, рать, взятие и сожжение городов и волостей, разлитие крови христианской, жены вдовами, дети сиротами, полон, крик, плач, вопль! Таково жалование и любовь твоя ко мне! По всему свету поганство радуется, а христианские государи не могут надивиться и тяжко жалуются: от века, говорят, не слыхано, чтоб отец своим детям беды причинял. Если, государь батюшка, бог тебе не положил на сердце меня, дочь свою, жаловать, то зачем меня из земли своей выпустил и за такого брата своего выдавал? Тогда и люди бы из-за меня не гибли, и кровь христианская не лилась. Лучше бы мне под ногами твоими в твоей земле умереть, нежели такую славу о себе слышать, все одно только и говорят: для того он отдал дочь свою в Литву, чтоб тем удобнее землю и людей высмотреть. Писала бы к тебе и больше, да с великой кручины ума не приложу, только с горькими и великими слезами и плачем тебе, государю и отцу своему, низко челом бью: помяни, бога ради, меня, служебницу свою и кровь свою, оставь гнев несправедный и нежитье с сыном и братом своим и первую любовь и дружбу свою к нему соблюди, чтоб кровь христианская больше не лилась, поганство бы не смеялось, а изменники ваши не радовались бы, которых отцы предкам нашим изменили там, на Москве, а дети их тут, в Литве. А другого чего мне нельзя к тебе и писать. Дай им бог, изменникам, того, что родителю нашему от их отцов было. Они между вами, государями, замутили, да другой еще, Семен Бельский Иуда, с ними, который, будучи здесь, в Литве, братию свою, князя Михайла и князя Ивана, переел, а князя Федора на чужую сторону прогнал; так, государь, сам посмотри, можно ли таким людям верить, которые государям своим изменили и братию свою перерезали и теперь по шею в крови ходят, вторые Каины, да между вами, государями, мутят? Смилуйся, возьми по-старому любовь и дружбу с братом и зятем своим! Если же надо мною не смилуешься, прочною дружбою с моим государем не свяжешься, тогда уже сама уразумею, что удержишь гнев не на него, а на меня, не хочешь, чтоб я была в любви у мужа, в чести у братьев его, в милости у свекрови и чтоб подданные наши мне служили. Вся вселенная ни на кого другого, только на меня вопиет, что кровопролитие случилось от моего в Литву прихода, будто я к тебе пишу, привожу тебя на войну: если бы, говорят, она хотела,

то никогда бы такого лиха не было; мило отцу дитя, какой на свете отец враг детям своим? И сама разумею, и по миру вижу, что всякий заботится о детках своих и о добре их промышляет; только одну меня, по грехам, бог забыл. Слуги наши не по силе, и трудно поверить, какую казну за дочерьми своими дают, и не только что тогда дают, но и потом каждый месяц обсыпают, дарят и тешат; и не одни паны, но и все деток своих тешат; только на одну меня господь бог разгневался, что пришло твое нежалованье; а я пред тобою ни в чем не выступила. С плачем тебе челом бью: смилуйся надо мною, убогою девкою своею, не дай недругам моим радоваться обиде моей и веселиться о плаче моем. Если увидят твое жалование на мне, служебнице твоей, то всем буду честна, всем грозна; если же не будет на мне твоей ласки, то сам можешь разуметь, что покинут меня все родные государя моего и все подданные его». В том же смысле Елена писала к матери и двоим братьям – Василию и Юрию.

Отпуская послов договариваться о мире, Александр наказал им не соглашаться на то, чтоб Иоанн писался государем всея Руси; если не будут в состоянии этого вытребовать, то должны по крайней мере настоять, чтоб Иоанн не писался государем всея Руси, посылая грамоты к Александру в королевство Польское. Если московский скажет, что прежде писали его государем всея Руси, то отвечать, что тогда был мир и Александр еще не был выбран королем польским, был только великим князем литовским; а теперь, когда он уже королем, то нельзя Иоанну писаться государем всея Руси, потому что под королевством Польским большая часть Руси. На построение греческой церкви для Елены и на выбор слуг для нее только из православных послы не должны были соглашаться. Если великий князь московский скажет о принуждении Елены к римскому закону, то отвечать, что принуждения нет, но папа требует, чтоб Елена была послушна римской церкви, причем вовсе не нужно, чтоб она и остальные русские снова крестились, пусть только находятся в послушании престолу апостольскому по приговору Флорентийского собора, а жить могут по прежнему своему греческому обычаю. Но если мир за этим одним остановится то объявить, что дело будет отложено до новых переговоров с папою. Если скажут, что король принуждает Русь к римскому закону и строит церкви римские по местам русским, то отвечать, что король держит своих подданных, как держал их отец его, Казимир: кто в каком законе хочет жить, тот в том и живет, кто какие церкви хочет строить, тот такие и строит. Прежде нельзя было строить русских церквей, а теперь позволено. Королю нет дела, как московский держит своих подданных относительно веры, так пусть и московский не вмешивается, как держит король своих подданных. Если московский умер, то приступить к старым записям, Витовтовым либо Казимировым, чтоб тех земель поступились, которые забраны. Если же станут говорить о записях, которые были прежде Витовта, о записи Олгердовой, в которой тот записал земли великому князю московскому, то отвечать, что Олгерд был взят в плен и потому принужден был на все согласиться, как пленный. В сущности мир должен быть заключен на тех самых условиях, на каких был заключен последний мир; если же в Москве не захотят отдать всех земель, взятых после того, то заключить перемирие на три года.

Но как скоро послы объявили, что им велено заключить мир на условиях прежнего, то бояре сказали решительно: «Тому нельзя стать, как вы говорите, чтоб по старому dokonчанию быть любви и братству, то уж миновало. Если

государь ваш хочет с нашим государем любви и братства, то он бы государю нашему отчины его, Русской земли, поступился». Венгерский посол вмешался в дело, и при его посредничестве заключено было перемирие на шесть лет, от 25 марта 1503 до 25 марта 1509 года. Перемирная грамота написана от имени великого князя Иоанна, государя всея Руси, сына его, великого князя Василия, и остальных детей. Александр обязался не трогать земель московских, новгородских, псковских, рязанских, пронских, уступил землю князя Семена Стародубского (Можайского), Василия Шемячича, князя Семена Бельского, князей Трубецких и Мосальских, города: Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белую, Торопец, Острей, всего 19 городов, 70 волостей, 22 городища, 13 сел.

После скрепления договора крестным целованием Иоанн снова потребовал у послов, чтоб Александр не принуждал Елены к римскому закону, поставил у нее на сених греческую церковь, приставил слуг и служанок православных: «А начнет брат наш дочь нашу принуждать к римскому закону, то пусть знает: мы этого ему не спустим, будем за это стоять, сколько нам бог пособит». Послы, поговорив между собою, отвечали, что папа два раза присылал к Александру, требует, чтоб Елена была послушна апостольскому престолу и ходила в латинскую церковь; он хочет не того, чтоб Елена вторично крестилась и свой греческий закон оставила он хочет только, чтоб она и все русские были в соединении с Римом по решению Флорентийского собора. Так как теперь папский посол в Москве, то не угодно ли будет великому князю приказать что-нибудь к папе об этом деле или отправить в Рим своего посла, с которым бы вместе великий князь Александр отправил и своего. Иоанн сказал на это: «Нам о своей дочери, о том деле, зачем к папе посылать своего посла? О том деле, о своей дочери, нам к папе не посылать, а скажите брату и зятю, чтоб, как нам обещал, на том бы и стоял, чтоб за то между нами нежитья не было». Еленина посла Ивана Сапегу Иоанн отправил с такими словами: «Ивашка! Привез ты к нам грамоту от нашей дочери, да и словами нам от нее говорил, но в грамоте иное, не дело написано, и непригоже ей было о том к нам писать. Пишет, будто ей о вере от мужа никакой присылки не было; но мы наверно знаем, что муж ее, Александр, король, посылал к ней, чтоб приступила к римскому закону и ни к одной к ней, а ко всей Руси. Скажи от нас нашей дочери: „Дочка, памятью бога, да наше родство, да наш наказ, держи свой греческий закон во всем крепко, а к римскому закону не приступай ни которым делом; церкви римской и папе ни в чем послушна не будь, в церковь римскую не ходи, душой никому не норови, мне и всему нашему роду бесчестья не учини, а только по грехам, что станется, то нам и тебе, и всему нашему роду будет великое бесчестье и закону нашему греческому укоризна. И хотя бы тебе пришлось за веру и до крови пострадать, и ты бы пострадала. А только дочка поползнешься, приступишь к римскому закону, волею или неволею, то ты от бога душою погибнешь, а от нас будешь в неблагословенье; я тебя за это не благословлю, и мать не благословит, а зятю своему мы того не спустим: будет у нас с ним за то беспрестанно рать“.

Для взятия присяги с Александра в соблюдении договора отправились в Литву послы Петр Плещеев и Константин Заболоцкий; эти послы должны были сказать Елене от отца: «Писала ты к нам, что люди в Литве надеялись всякого добра от твоего приходу, а вместо того к ним с тобою пришло всякое лихо. Но это

дело, дочка, случилось не тобою; случилось оно неисправлением брата нашего и зятя, а твоего мужа. Я надеялся, что, как ты к нему придешь, так тобою всей Руси, греческому закону скрепление будет; а вместо того, как ты к нему пришла, так он начал тебя принуждать к римскому закону, а из-за тебя и всю Русь начал принуждать к тому же. Ты ко мне пишешь, что к тебе от мужа о перемене веры никакой присылки не было, а послы твоего мужа нам от него говорили, что папа к нему не раз присылал, чтоб он привел тебя в послушание римской церкви; но если к твоему мужу папа за этим не раз присылал, то это все равно, что и тебе приказывает. Я думал, дочка, то ты для своей души, для нашего имени и родства и для своего имени будешь к нам обо всем писать правду, и ты, дочка, гораздо ли так делаешь, что к нам неправду приказываешь, будто к тебе о вере никакой посылки не было?»

Это были явные речи в ответ на явные же речи и письма Елены, но послы получили от Иоанна наказ: «Если спросит канцлер королевин Ивашка Сапега: есть ли к королеве ответ от отца на те речи, что я от нее говорил, то скажите Сапеге тихо, что ответ есть и к нему есть грамота от великого князя». Этот ответ послы должны были сказать Елене наедине; он состоял в следующем: «Говорил мне от тебя канцлер твой Ивашка Сапега, что ты еще по нашему наказу в законе греческом непоколебима и от мужа в том тебе принуждения мало, а много тебе за греческий закон укоризны от архиепископа краковского, от епископа виленского и от панов литовских; говорят они тебе, будто ты не крещена, и иные речи недобрые на укор нашего закона греческого тебе говорят; да и к папе они же приказывали, чтоб папа к мужу твоему послал и велел тебя привести в послушание римской церкви; говорил он от тебя, что, пока твой муж здоров, до тех пор ты не ждешь никакого притеснения в греческом законе; опасаясь одного, что, если муж твой умрет, тогда архиепископ, епископы и паны станут тебя притеснять за греческий закон, и потому просишь, чтоб мы взяли у твоего мужа новую утвержденную грамоту о греческом законе, к которой бы архиепископ краковский и епископ виленский печати свои приложили и руку б епископ виленский на той грамоте дал нашим боярам, что тебе держать свой греческий закон. Это ты, дочка, делаешь гораздо, что душу и имя свое бережешь, наш наказ помнишь и наше имя бережешь, а я к твоему мужу теперь с своими боярами о грамоте приказал. Да говорил мне от тебя Сапега, что свекровь твоя уже стара, а которые города за нею в Польше, те города всегда бывают за королевами: так чтоб я приказал твоему мужу, если свекрови не станет, то он эти города отдал бы тебе. Дай бог, дочка, чтоб я здоров был, да мой сын, князь великий Василий, и мои дети, твои братья, да твой муж и ты: как будет нам пригоже о том приказать к твоему мужу, и мы ему о том прикажем».

Послы должны были также передать Елене от отца поручение: «Сын мой Василий и дети мои Юрий и Димитрий, твои братья, уже до того доросли, что их следует женить, и я хочу их женить, где будет пригоже; так ты бы, дочка, разузнала, у каких государей греческого закона или римского закона будут дочери, на которых бы было пригоже мне сына Василия женить?» Послы получили наказ насчет того же дела: «Были у венгерского короля Матвея дети Степана, сербского деспота, Юрий да Иван; Иван постригся еще во время Матвея-короля, а Георгий женился и детей прижил, так послаам разведывать накрепко: Юрий-деспот в Венгрии жив ли еще и есть ли у него дети, сыновья или дочери, женаты ли, а

дочери замужем ли? Если королева Елена укажет государей, у которых дочери есть, то спросить, каких лет дочери, да о матерях их и о них самих не было ли какой дурной молвы». Елена отвечала: «Разведывала я про детей деспота сербского, но ничего не могла допытаться. У маркграфа бранденбургского, говорят, пять дочерей: большая осьмнадцати лет, хрома, нехороша; под большею четырнадцати лет, из себя хороша (парсуною ее поведают хорошу). Есть дочери у баварского князя, каких лет – не знают, матери у них нет; у стетинского князя есть дочери, слава про мать и про них добра. У французского короля сестра, обручена была за Альбрехта, короля польского, собою хороша, да хрома и теперь на себя чепец положила, пошла в монастырь. У датского короля его милость батюшка лучше меня знает, что дочь есть». Когда посол сказал Елене, чтоб она послала в Венгрию разведать о деспотовых дочерях и к маркграфу бранденбургскому, и к другим государям, то она отвечала: «Что ты мне говоришь, как мне посылать? Если бы отец мой был с королем в мире, то я послала бы. Отец мой лучше меня сам может разведать. За такого великого государя кто бы не захотел выдать дочь? Да у них, в Латыни, так крепко, что без папина ведома никак не отдадут в греческий закон; нас укоряют беспрестанно, зовут нас нехристями. Ты государю моему скажи: если пошлет к маркграфу, то велел бы от старой королевы таиться, потому что она больше всех греческий закон укоряет». Елена давала отцу также своего рода поручения; однажды московский посол должен был сказать ей от отца: «Приказывала ты ко мне о горностаях и о белках, и я к тебе послал 500 горностаев да 1500 подпалей, приказывала ты еще, чтоб прислать тебе соболя черного с ногами передними и задними и с когтями; но смерды, которые соболей ловят, ноги у них отрезают; мы им приказали соболей черных добывать, и, как нам их привезут, мы к тебе пошлем сейчас же. А что ты приказывала о кречетах, то теперь их нельзя было к тебе послать: путь не установился, а как путь установится, то я к тебе кречетов пришлю сейчас же».

С мужем Елениным у Иоанна происходили непрерывные сношения, предметом которых по-прежнему были ссоры между пограничными жителями, не перестававшими нападать друг на друга. Однажды Александр прислал сказать тестю, что уже пора ему возратить Литве взятые у нее по перемирному договору волости, что ему, Александру, жаль своей отчины. Иоанн велел отвечать, что и ему также жаль своей отчины, Русской земли, которая за Литвою, – Киева, Смоленска и других городов. В другой раз Александр прислал жаловаться, что его наместник кричевский, Евстафий Дашкович, изменил ему, убежал вместе с другими кричевскими дворянами в Москву, пограбивши пограничных литовских жителей. Иоанн отвечал: «В наших перемирных грамотах написано так: вора, беглеца, холопа, рабу, должника по исправе выдать; Евстафий же Дашкович у короля человек был знатный, воеводою бывал во многих местах на Украине, а лихого имени про него мы не слышали никакого; держал он от короля большие города, а к нам приехал служить добровольно и рассказывает, что никому никакого вреда не сделал. И прежде, при нас, и при наших предках, и при Королевых предках, на обе стороны люди ездили без отказов; так и Дашкович к нам приехал теперь, и потому он наш слуга».

Как Иоанн смотрел на перемирие с Литвою, видно из наказов послам, отправлявшимся в Крым: «Если Менгли-Гирей захочет идти на Литовскую землю, то не отговаривать, только нейти самому с татарским войском. Если приедут

литовские послы в Крым за перемирием, то говорить Менгли-Гирею, чтоб он не мирился, а если он скажет, что великий князь перемирье взял, то отвечать: „Великому князю с литовским прочного миру нет; литовский хочет у великого князя тех городов и земель, что у него взяты, а князь великий хочет у него своей отчины, всей Русской земли; взял же с ним теперь перемирье для того, чтоб люди поотдохнули да чтоб взятые города за собою укрепить: которые были пожжены, те он снова оградил, иные детям своим отдал, в других воевод посадил, а которые люди были недобры, тех он вывел да все города насадил своими людьми... С кем Александру стоять? Ведома нам литовская сила!““ Детей ханских посол должен был уговаривать, чтоб не давали отцу мириться с Литвою: „Ведь вам тогда не воевать: так у вас весь прибыток отойдет“.

Иоанн имел право говорить: «С кем Александру стоять?», ибо королю было мало надежды и на помощь самого деятельного союзника своего, магистра ливонского. Мы видели, что в 1460 году с немцами ливонскими было заключено перемирие на пять лет, но еще не дошло двух лет до перемирного сроку, как начались опять ссоры у псковичей с немцами: в Дерпте посадили в тюрьму посла и гостя псковского, псковичи посадили в тюрьму немецкого гостя, и вслед за тем зимою явилась немецкая рать к Новому Городку и начала бить пушками в его стены. Получивши весть, что немцы под Новым Городком, псковичи собрались наспех с двумя посадниками в небольшом числе и поехали туда, а немцы, услышав, что идет псковская сила, отбежали от города и запас свой кинули. Но скоро опять пришла весть, что немцы воюют псковские села; тогда псковичи, собравшись с пригорожанами, пошли к Городку, но немцев уже не нашли: те убежали в свою землю. Посадники и псковичи стали думать: куда бы пойти за ними? И решили идти к Воронью камню. Когда вся псковская сила была уже на озере, пришел доброхот из-за рубежа, чужин, и сказал, что сила немецкая собралась и хочет в ночь ударить на Колпино; псковичи возвратились, пошли к Колпину и, подошедши к нему на рассвете, увидали, что немцы жгут и воюют по волости, церковь колпинскую зажгли и добычи много набрали. Псковичи, не медля нимало, ударили на немцев, обратили их в бегство и гнали 15 верст по двум дорогам. «Не дивно ли и не достойно ли памяти, – говорит летописец, – что в такой страшной сече из псковской рати не был убит ни один человек, тогда как немецкие трупы лежали мостом». В то же время другая псковская рать – охочие люди ходили также воевать Немецкую волость и возвратились с большим полоном, а воеводою у них был Ивашко-дьяк; изборяне с своей стороны пожгли и попленили около Нового Городка немецкого. В старину этим и кончилось бы дело, опять до нового набега немцев; но теперь немцы начали войну уже не с одним Псковом; Псков находился теперь под властью великого князя московского, брал наместника от его руки, и вот по челобитью псковичей явился к ним московский воевода Федор Юрьевич с полками и пошел с ними за Великую реку, к Новому Городку немецкому. До сих пор немцы приходили осаждать Псков и его пригороды, псковичи довольствовались обыкновенно опустошением сел; но теперь псковичи с московским войском осадили немецкий город, стали бить его стены пушками. Осада была неудачна: простоявши четверо суток, псковичи выстрелили из большой пушки в стену – и пушку разорвало, после этого приключения отошла вся сила от Городка, потому что был он крепок, замечает летописец.

Но в то время как главная псковская рать была с московским воеводою под Городком, в Пскове вспомнили старый обычай и отпустили охочих людей с посадником Дорофеем Елевферьичем в лодках воевать Немецкую землю; кроме своих охочих людей набралось много пришлых: в то время удальцы, почуяв рать, возможность добычи, собирались из разных мест. Соединившись с псковскими охочими людьми, эти прихожие люди много воевали Немецкую землю и, узнав, что главная сила отступила от Городка, возвратились назад с большою добычею. Потом, услышав, что немцы напали на берега Наровы, псковичи собрались было ехать туда, как явился гонец от Ордена с просьбою, чтоб немецким послам вольно было приехать в Псков на поговорку (переговоры о мире) и опять отъехать; псковичи дали ему на том руку, что вольно будет послам приехать и отъехать. И по той руке прислал магистр послов своих, честных людей и немцев добрых, бить челом воеводе великого князя, и наместнику, и всему Пскову, чтоб не воевать более с юрьевцами (жителями Дерпта) и не гибли бы головы с обеих сторон. Перемирие было заключено на 9 лет: епископ дерптский обязался давать дань великому князю по старине, Русский конец в своем городе и русские церкви также держать по старине, по старым грамотам, а не обижать. Воевода московский, князь Федор Юрьевич, сказал псковичам на вече: «Мужи псковичи, отчина великого князя, добровольные люди! Бог жаловал и святая живоначальная троица князя великого здоровьем, с немцами управу взяли вы по своей воле, а теперь на вашей чести вам челом бью», – и поехал в Москву; псковичи проводили его с большою честью и на прощанье дали тридцать рублей да боярам, которые при нем были, дали всем пятьдесят рублей.

Еще не вышел срок перемирию, как немцы в 1469 году пришли ратью на Псковскую землю, побили у псковичей 26 человек и хоромы пожгли; привели их свои переветники – какой-то Иван Подкурский да Иван Торгоша; псковичи сначала никак не могли подозревать этих людей в измене, потому что сам Торгоша и весть привез в город о нападении немцев, за что получил деньги; только через полтора года открылось, что эти люди, живя на рубеже, передавали немцам обо всем, что делается в Псковской области; когда измена их открылась, то Подкурского замучили на бревне, а Торгошу за лытки на льду повесили. Набег немцев не имел, впрочем, никаких следствий; в 1471 году приехал в Псков посол от магистра и объявил на вече, что князь местер хочет устроить себе стол в Вельяде (Феллине), переехать туда из Риги; хочет держать с псковичами мир крепкий, но требует, чтоб они уступили ему некоторые земли и воды. Псковичи дали ответ: «Волен князь местер – где хочет, там и живет, и княжение держит, город ему свой, а что он там о земле и воде говорит, то земля и вода святой Троицы, псковская вотчина, добыта трудом великих князей всея Руси, там у нас теперь и города стоят, а мир мы хотим держать до срока». В 1473 году был съезд послам ливонским и псковским в Нарве, но не могли ни в чем согласиться и разъехались без мира. Тогда псковичи отрядили послов в Москву бить челом великому князю, чтоб оборонил их и на коня сел за дом святые Троицы, как и прежде его прародители стояли против немцев; вследствие этого челобитья в конце того же года знаменитый воевода московский, князь Данило Димитриевич Холмской, явился в Псков с большим войском, какого никогда еще не видывали псковичи. Сначала было от него Пскову тяжко, ратники начали было делать разные насилия, грабить, потому что с москвичами приехало много татар, но

потом воеводы и ратные люди стали брать у посадников все кормы по уговору. Убытки псковичей были вознаграждены тем, что немцы испугались московской силы и прислали просить мира на всей воле псковичей. Князь местер велел объявить, что отступается от земли и воды св. Троицы и псковичей, своих соседей, обязывается из своей волости тайно пива и меду не пускать, путь псковским послам и гостям давать чистый, колоду (заставу) отложить по всей своей державе. Заключили договор на тридцать лет; договор этот дошел до нас. «Государи наши, – говорится в грамоте, – благоверные великие князья русские и цари, Иван Васильевич и сын его Иван Иванович, прислали воеводу своего, князя Данила Димитриевича, со многими князьями и боярами в дом св. Троицы, в свою отчину, Великий Новгород и Псков, оборонять свою отчину, обид своих поискать на немцах, на юрьевцах, своих даней и старых даней, своих залогов (недоимок) и новгородских старин и псковских обид и старин. И прислали честной бискуп юрьевский, и посадники, и все юрьевцы послов своих, и прикончали мир на тридцать лет таков: святые божьи церкви в Юрьеве, в Русском конце, и Русский конец держать им честно по старине и по крестному целованью, а не обижать. Дани благоверных великих князей, русских царей, старые залогов честному бискупу юрьевскому за восемь лет отдать тотчас же, по крестному целованью, а от этого времени благоверным великим князьям, русским царям на честном бискупе юрьевском дань свою брать по старине, по тому крестному целованью. А новгородскому послу и гостю по Юрьевской земле путь чист на Юрьев со всяким товаром, водою и горою (сухим путем), между Псковом и Юрьевом земли и воды по старый рубеж» и проч.

Тридцатилетнее перемирие не продержалось и шести лет; начались скоро несогласия: в немецких городах задерживали псковских купцов, отнимали у них товары, но открытого разрыва еще не было, как вдруг 1 января 1480 года немцы явились нечаянно перед Вышгородком, взяли его, сожгли, жителей перебили. Ночью приехал гонец в Псков: «Господа псковичи! Городок немцы взяли!», и в ту же ночь посадники дважды собрали вече, где решили выступить немедленно; но, как часто и прежде бывало, псковичи уже не нашли немцев в Вышгородке. В ту же зиму немецкая рать явилась под Гдовом, оступила городок, начала бить пушками, пожгла посад. Псковичи послали гонца к великому князю в Новгород просить силы на немцев; Иоанн прислал воеводу, который соединился с псковскою ратью, пошел на Юрьевскую волость и взял приступом замок немецкий; много добра вывезли из него псковичи: и пушек, и зелья пушечного, а немцы сами дались руками, увидавши свое изнеможение. Сожегши замок, русские пошли под Юрьев, города не взяли, но страшно опустошили окрестности: воевода московский и его сила много добра повезли в Москву с собою, чуди и чудок и ребят головами повели многое множество без числа, говорит летописец; псковичи также возвратились с большою добычею. Но немцы ждали только ухода московской рати, чтобы отплатить псковичам: магистр Бернгард фон дер Борх пришел под Изборск; не могли взять города, немцы пошли палить окрестности; псковичи, увидав дым и огонь, выступили из города, встретились с немцами у озера и после стычки сторожевых полков главная рать, и немецкая, и псковская разошлись по домам без боя. Летом немцы пришли опять и начали жечь псковские городки: в городке Кобыльем погребло в пламени без малого 4000 душ; в августе месяце пришел магистр со всею землею под Изборск, но, простояв понапрасну два дня у

города, осадил Псков. Немцы били в стены пушками, подъезжали к ним в лодках, но также ни в чем не успели: псковичи обратили их в бегство и отняли лодки; по свидетельству немецкого летописца, магистр приводил под Псков сто тысяч войска. На этот раз мстили не одни псковичи ничтожным пограничным набегом: в пределах Ливонии явилась двадцатитысячная московская рать, которая вместе с новгородцами и псковичами гостила четыре недели в Немецкой земле; без встречи с неприятелем в поле взяли два города – Феллин и Тарваст – и много золота и серебра вынесли из этих городов, а другого добра и счесть нельзя; в плен взяли также бесчисленное множество немцев и немок, чуди и чудок и детей малых. Немецкий летописец в тех же чертах описывает это впадение русских войск в Ливонию; он говорит: «Сбылось на магистре фон дер Борхе слово Соломоново: человек и конь готовятся к битве, но победа исходит от господя; собрал магистр против русских силу, какой прежде него никто не собирал, – и что же он с нею сделал?»

Немцы заключили десятилетнее перемирие в 1482 году; когда срок приблизился к концу, в 1492 году, Иоанн велел заложить на границе против Нарвы каменную крепость с высокими башнями и назвал ее по своему имени Иван-городом. Немцы, однако, предложили возобновить перемирие еще на десять лет, и договор был заключен в 1493 году; грамота дошла до нас: в ней говорится, что по божьей воле и повелению великого государя, царя русского, приехали в Великий Новгород к великому князю, наместникам, боярам, житым, купцам и ко всему Великому Новгороду (старинная форма еще сохранилась!) послы немецкие, добились челом великокняжеским наместникам и заключили с ними перемирие за всю Новгородскую державу. Земле и воде Великого Новгорода с князем мистром старый рубеж: из Чудского озера стержнем Наровы-реки в Соленое море; церкви русские в мистрове державе, в архиепископской державе и в бискупских державах – повсюду держать по старине, а не обижать; если немчин у новгородца бороду выдерет и по суду, по исправе немчин окажется виноватым, то отсечь ему руку за бороду и проч. Но в том же году начались неприятности: по немецким известиям, в Ревеле сожгли одного русского, уличенного в гнусном преступлении, а когда другие русские жаловались на это, то ревельцы отвечали им: «Мы сожгли бы вашего князя, если бы он у нас сделал то же». Эти слона были перенесены Иоанну и сильно раздражали его против немцев. Русский летописец говорит, что ревельцы купцам новгородским многие обиды чинили и поругания, некоторых живых в котлах варили без обсылки с великим князем и без обыску; также было поругание и послам великокняжеским, которые ходили в Рим и Немецкую землю; да и старым купцам новгородским много было обид и разбоев на море. Иоанн требовал, чтоб ливонское правительство выдало ему ревельский магистрат, и получил отказ; в то же время Иоанн заключил союз с королем датским, врагом Ганзы, который, предлагая помощь в войне против Швеции, уступая Москве важную часть Финляндии, требовал, чтоб Иоанн за это действовал против ганзейских купцов в Новгороде. Вслед за известием о возвращении русских послов из Копенгагена вместе с датским послом и о привезении ими окончательных грамот встречаем известие, что великий князь в 1495 году под предлогом неисправления ревельцев велел схватить в Новгороде всех немцев-купцов, которых было там 40 человек из 13 городов, посадить их в

тюрьмы, гостиные дворы и божницу отнять, товары переписать и отвезти в Москву.

Московский великий князь только что заключил тогда выгодный мир и союз, политический и родственный, с великим князем литовским, с Данией был также в союзе, и потому Орден не осмелился вооруженной рукой мстить ему за купцов своих, он только чрез послов своих упрашивал о их освобождении вместе с послами городов ганзейских и великого князя литовского; Иоанн велел освободить купцов, но товаров им не отдали. Орден молчал, хотя видел страшную опасность, которой грозила ему Москва; кенигсбергский командор писал к своему магистру: «Старый государь русский вместе с внуком своим управляет один всеми землями, а сыновей своих не допускает до правления, не дает им уделов; это для магистра ливонского и Ордена очень вредно: они не могут устоять пред такою силою, сосредоточенною в одних руках». Вследствие этого сознания своей слабости Орден не мог ничего предпринять до самого того времени, когда новый разрыв между Литвою и Москвою дал ему надежду на возможность успеха в войне с последней. В 1501 году магистр Вальтер фон Плеттенберг заключил союз с Александром литовским и объявил московскому государю войну тем, что задержал в своих владениях псковских купцов; псковичи послали гонца в Москву с этим известием, и великий князь выслал к ним на помощь воевод — князей Василия Шуйского и Данила Пенко. В 10 верстах за Изборском встретились русские воеводы с Плеттенбергом; псковичи первые схватились с неприятелем и первые побежали, потерявши посадника; немцы, говорит летописец, напустили ветер на русскую силу и пыль из пушек и пищалей; когда после бегства псковичей немцы обратили пушки и пищали на московскую силу, то была туча велика, грозна и страшна от стуку пушечного и пищального, что заставило и москвичей обратиться также в бегство. Из этого рассказа ясно видно, что дело было решено немецкою артиллериею, с которой тогдашний русский наряд не мог соперничать.

На другой день немцы пошли к Изборску, но изборяне сами сожгли свой посад и отбились; счастливее был Плеттенберг под Островом: ему удалось взять и сжечь город, причем погибло 4000 русских. От Острова немцы возвратились к Изборску, ночевали под ним одну ночь и отступили, оставив засаду. Когда на другой день изборяне пришли в неприятельский стан и рассеялись по нем, немцы выскочили из засады и перебили их или перехватили. Но Плеттенберг не мог воспользоваться этою удачею: он поспешил назад, потому что в полках его открылся кровавый понос, от которого занемог и сам магистр. Сильно загоревали ливонцы, когда узнали о возвращении больного магистра с больною ратью: они боялись мести от Москвы, и не напрасно. Великий князь выслал новую рать с князем Александром Оболенским и отряд татарский; под городом Гелмедом встретилось московское войско с немцами, и, несмотря на то, что в первой схватке убит был воевода Оболенский, русские остались победителями и десять верст гнали немцев; по словам псковского летописца, из неприятельской рати не осталось даже и вестоноши (вестника), который бы дал знать магистру об этом несчастье; ожесточенный пскович пишет, что москвичи и татары секли врагов не саблями светлыми, но били, как свиней, шестоперами. По словам немецкого летописца, потеря русских в этом сражении простиралась до 1500 человек, но он же говорит, что тогда Ливония лишилась 40000 жителей, убитых и взятых в плен русскими.

Между тем Плеттенберг оправился и в том же году явился с пятнадцатитысячным войском под Изборском; немцы приступили к городу усердно, но, простояв под ним только одну ночь, отошли и осадили Псков; псковичи сами зажгли предместья и отбивались до тех пор, пока Плеттенберг, заслышав о приближении московских воевод, князей Данилы Щени и Василия Шуйского, отступил от города. На берегах озера Смолина настигли его эти воеводы и принудили к битве; битва была одна из самых кровопролитных и ожесточенных: небольшой в сравнении с русскими войсками отряд немцев бился отчаянно и устоял на месте.

Со славою отступил Плеттенберг к своим границам, но со славою бесполезною: Орден, могший бороться со Псковом, не мог теперь бороться с Московским государством, даже и в союзе с Польшею и Литвою, который оказался бесполезным. Великий магистр прусский писал к папе, что русские хотят или покорить всю Ливонию, или если не смогут этого по причине крепостей, то хотят вконец опустошить ее, перебивши или отведши в плен всех сельских жителей, что они уже проникли до половины страны, что магистр ливонский не в состоянии противиться таким силам, от соседей же плохая помощь; что христианство в опасности и потому святой отец должен провозгласить или крестовый поход, или юбилей. Александр литовский должен был просить мира у тестя, но, по договору, он не мог мириться без Ливонии, и в январе 1503 года Иоанн дал опасный лист немецким послам в такой форме: «Иоанн, божьею милостию царь и государь всея Руси и великий князь (следует обычный титул), и сын его, князь великий Василий Иванович, царь всея Руси, магистру Ливонской земли, архиепископу и епископу юрьевскому и иным епископам и всей земле Ливонской. Присылали вы бить челом к брату нашему и зятю, Александру, королю польскому и великому князю литовскому, о том, что хотите к нам слать бить челом своих послов. И мы вам на то лист свой опасный дали». Послы немецкие приехали вместе с литовскими и ждали до тех пор, пока кончились переговоры с последними насчет шестилетнего перемирия. Когда грамоты были написаны, канцлер Сапега сказал дьякам, чтоб князь великий велел теперь говорить с немцами, потому что до тех пор литовским послам нельзя будет запечатать грамот, пока не будет разговора с немцами о перемирье. На другой день великий князь велел немецким послам быть у себя на дворе и выслал к ним бояр и дьяков для переговоров; на третий день после этих переговоров посол венгерский подал Иоанну следующую записку: «Послы князя мистра ливонского были вчера у меня и объявили, что бояре вашей милости, разговаривая с ними, господаря их и их самих позорили и многие неприличные слова говорили; я, государь, очень удивляюсь, если это случилось с позволения твоей милости? Прошу, пресветлый великий князь, положить конец всем этим делам, которые мешают действиям христианских государей против неверных, потому что послам королевским нельзя ни на что решиться без ливонских».

Иоанн велел отвечать послам венгерскому и польскому: «Вы говорили, чтоб мы велели с лифляндскими немцами взять перемирие на шесть лет, мы у немецких послов речи выслушали и для свойства с зятем своим, Александром королем, велели наместникам своим, новгородскому и псковскому, и отчинам своим, Великому Новгороду и Пскову, взять с Ливонскою землею перемирие на шесть лет по старине, как было прежде. А немцы говорили, что этого прежде не

было, да и теперь нельзя быть; вы послушайте их речи, что они говорили! Они говорили, что приехали не бить челом нам о перемирье, но будто просил магистра Александр король, чтоб он с нами перемирие взял; и они хотят с нами перемирие взять, а не с нашими наместниками и отчинами. А вот вам грамоты перемирные, как прежде магистр и вся Ливонская земля присылали к нашим наместникам и нашим отчинам бить челом о перемирье; и вы сами посмотрите, гораздо ли они так говорили?» Грамоты были принесены, послы прочли их и объявили, что немцы вчера говорили не гораздо: грамотам пригоже быть таким, какие в старину бывали, и заключать им перемирье в Новгороде; при этом послы венгерские и польские сказали, чтоб дали им список, каким быть перемирным грамотам; желание их было исполнено, и тогда они объявили, что дело немецкое кончено.

Мы упоминали уже о союзе Иоанна московского с Иоанном, королем датским, целью которого было общее действие против шведских правителей Стуров. Датский король искал шведского престола; неизвестно, чем возбуждена была неприязнь к Швеции московского государя, только в 1496 году, по заключении союза с Даниею, он отправил троих воевод осаждать Выборг; русские опустошили окрестную страну, но не могли взять города, который осаждали три месяца, употребляя при этом огромные пушки, в 24 фута длиною. В следующем году новое русское войско вторгнулось в Финляндию, опустошило ее до Тавастгуса и поразило шведское войско, истребив в нем 7000 человек вместе с начальником, тогда как полки, составленные из устюжан, двинян, онежан и важан, отправились из устьев Двины морем в Каянию, на десять рек, повоевали берега осьми рек, а жителей берегов Лименги привели в русское подданство. Шведы отомстили в том же году: Свант Стур явился на семидесяти бусах в устье Наровы и осадил новопостроенный Иван-город, где начальствовал князь Юрий Бабич; этот воевода, видя, что дома начинают гореть от действия шведских пушек, испугался и бежал из города, который был занят и разграблен неприятелем; двое других русских воевод стояли близко, но не оказали никакой помощи. Шведы, впрочем, скоро сами покинули свое завоевание. Война кончилась, когда король датский достиг своей цели, сделался королем шведским; что выиграл от этого союзник его, неизвестно.

Известнее нам подробности сношений московского двора с австрийским, начавшихся в княжение Иоанна III. Можно сказать, что Северо-Восточная Россия, или Московское государство, для западных европейских держав была открыта в одно время с Америкою. При императорском дворе знали, что Русь подвластна королю польскому и великому князю литовскому, но не знали, что на северо-востоке есть еще самостоятельное Русское государство, до тех пор, пока в 1486 году не приехал в Москву рыцарь Николай Поппель, посещавший из любопытства отдаленные страны и имевший при себе свидетельство от императора Фридриха III. Этому свидетельству в Москве дурно верили, подозревали, не подослан ли Поппель от польского короля с каким-нибудь дурным умыслом против великого князя, однако отпустили его без задержки. Возвратясь в Германию, Поппель объявил императору, что московский великий князь вовсе не подвластен польскому королю, что владения его гораздо пространнее владений последнего, что он сильнее и богаче его. Эти рассказы имели следствием то, что в 1489 году Поппель явился в Москву уже в виде посла императорского и требовал, чтоб великий князь говорил с ним наедине, без бояр; Иоанн отказал, и Поппель

говорил великому князю перед боярами такие речи: «Хочет ли твоя милость выдать дочь свою за князя маркграфа баденского, племянника императорского? Если хочет, то царь римский берется устроить дело; если же не хочет, то не говори об этом ни одному человеку: многие государи но будут рады, когда узнают, что твоя милость в знакомстве и в приятельстве с царем римским». Иоанн велел отвечать, что хочет с цесарем любви и дружбы и посылает к нему своего человека. Но Поппель продолжал прежнюю речь: «Если тебе любо отдать дочь за того князя, о котором я тебе говорил, то ты вели нам свою дочь показать». На это ему был ответ: «У нас в земле нет обычая, чтоб прежде дела показывать дочерей». Тогда Поппель опять начал просить, чтоб позволено ему было поговорить с великим князем наедине. Иоанн велел ему быть у себя и говорил с ним в набережной горнице, поотступив от бояр, а дьяк Федор Курицын записывал посольские речи. Поппель начал: «Просим твою милость, чтоб никто не знал о том, что буду говорить: если неприятели твои, ляхи, чехи и другие, узнают, то будет мне дурно, придется и головою поплатиться. Дело вот в чем: мы слышали, что ты посылал к римскому папе просить у него королевского титула и что королю польскому это очень не понравилось, посылал он к папе с большими дарами, чтоб папа не соглашался. Скажу твоей милости, что папа в этом деле никакой власти не имеет; папа имеет власть в духовенстве; а в светских делах возводит в короли, в князья, в рыцари имеет власть только наш государь, царь римский. Так если твоей милости угодно быть королем в своей земле и передать этот титул своим детям, то я буду верным слугою твоей милости у царя римского, буду хлопотать, чтоб твое желание исполнилось; только ради бога просим твое величество, чтоб ты ни одному человеку об этом не объявлял. Если король польский узнает, то днем и ночью будет посылать к цесарю с великими дарами, чтоб помешать делу. Ляхи сильно боятся, что когда ты будешь королем, то вся Русская земля, которая теперь под королем польским, отступит от него и подчинится тебе». Великий князь велел отвечать: «Сказываешь, что нам служил, что и вперед служить хочешь; за это мы тебя здесь жалуем, да и там, в твоей земле, тебя жаловать хотим. А что ты нам говорил о королевстве, то мы божьею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога как наши прародители, так и мы; просим бога, чтоб нам и детям нашим всегда дал так быть как мы теперь государи на своей земле, а постановления, как прежде мы не хотели ни от кого, так и теперь не хотим». Этот ответ, как видно, смутил Поппеля, и он, не говоря ни слова о королевском титуле, стал предлагать выгоднейших женихов для дочерей великокняжеских. «У великого князя две дочери, – говорил он, – если не захочет он выдать одной из них за маркграфа баденского, то не захочет ли выдать за князя курфюрста саксонского Иоанна, а другую – за маркграфа бранденбургского?»

Устного ответа не было, но в том же 1489 году великий князь отправил своего посла, грека Юрия Траханиота, к императору Фридриху и сыну его, Максимилиану, с объявлением, что хочет быть с ними в дружбе. В грамотах Иоанн называет себя великим государем всея России, Фридриха – светлейшим и наияснейшим римским цесарем и королем австрийским, Максимилиана – благородным и наияснейшим римским королем и князем бургундским (бергонским). Траханиоту был дан наказ: «Если спросят его: „Цесарь спрашивал у вашего государя, хочет ли он отдать дочь за племянника императорского,

маркграфа баденского; есть ли с тобою об этом какой-нибудь приказ?“ – то отвечать: „За этого маркграфа государю нашему отдать дочь неприлично, потому что государь наш многим землям государь великий, но где будет прилично, то государь наш с божьею волею хочет это дело делать“. Если начнут выставлять маркграфа владетелем сильным, скажут: „Отчего неприлично вашему государю выдать за него дочь?“ – то отвечать: „Во всех землях известно, надеемся, и вам ведомо, что государь наш – великий государь, урожденный изначала, от своих прародителей; от давних лет прародители его были в приятельстве и любви с прежними римскими царями, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии; отец нашего государя до конца был с ними в братстве и приятельстве до зятя своего Иоанна Палеолога, так как же такому великому государю выдать дочь свою за маркграфа?“ Если же станут говорить, чтоб великому князю выдать дочь за императорова сына Максимилиана, то послу не отговаривать, а сказать так: „Захочет этого цесарь, то послал бы к нашему государю своего человека“. Если же станут говорить об этом деле накрепко: „Что цесарь пошлет своего человека и посол возьмет ли его с собою?“ – то отвечать: „Со мною об этом приказа нет, потому что цесарский посол говорил, что Максимилиан уже женат; но государь наш ищет выдать дочь свою за кого прилично: цесарь и сын его Максимилиан – государи великие, наш государь также великий государь; так если цесарь пошлет к нашему государю за этим своего человека, то я надеюсь, что государь наш не откажет“.

В июле 1490 года Траханиот возвратился вместе с послом Максимилиановым, Юрием Делатором, и сказал, что от цесаря и от Максимилиана честь ему была большая. Иоанн велел оказывать такую же честь Делатору, который объявил, что Максимилиан хочет союза с Иоанном против короля польского, мешающего ему овладеть Венгерским королевством, и спрашивал, пошлет ли Иоанн войско в Германию и на какое время, также в Фландрию и в другие западные земли против изменников Максимилиановых и помощников их, короля французского и других? Потом Делатор начал речь о сватовстве, говорил, чтоб ему позволили видеть дочь великого князя, и спрашивал, сколько за ней приданого? Ему отвечали, что великий князь согласен выдать дочь за Максимилиана, но если дело сделается, то Максимилиан даст ли утвержденную грамоту, что жена его останется в греческом законе, будет иметь греческую церковь и священников постоянно до самой смерти своей? Посол отвечал, что об этом ему не дано наказа, что доложит своему государю, и тот даст ответ с особыми послами. Относительно позволения видеть великую княжну и относительно ее приданого Делатору сказали: «У государя нашего нет такого обычая; непригоже тебе прежде дела дочь его видеть. Государь наш – государь великий; а мы не слыхивали, чтобы между великими государями были ряды о приданом. Если дочь нашего государя будет за твоим государем, королем Максимилианом, то государь наш для своего имени и для своей дочери даст с нею казну, как прилично великим государям».

С Делатором Иоанн отправил к Максимилиану своего посла, того же Траханиота, с докончательною союзною грамотою, в которой говорилось: «Быть нам в братстве, любви и единстве; когда будет нам надобна помощь на недругов, друг другу помогать, где будет можно. Станет Максимилиан доставать своей отчины. Венгерского королевства, а Казимир, король польский, или сын его,

чешский король, или его меньшие дети станут Венгерское королевство себе доставать, то Максимилиан должен дать знать об этом Иоанну, и тот помогает ему вправду, без хитрости. Если же Иоанн начнет доставать своей отчины, Великого княжества Киевского и других русских земель, которые держит за собою Казимир, то должен дать знать Максимилиану, и тот ему помогает». В наказе Траханиоту было написано: «Если король велит говорить о сватовстве до заключения союзного договора, то послу настаивать, чтоб прежде решено было дело о союзе; если же нельзя будет настоять на этом, то начать дело о сватовстве, требовать, чтоб дочь великокняжеская сохраняла греческий закон. Если скажут, зачем великий князь не прислал поклона и ни одного слова не велел сказать цесарю Фридриху, то отвечать: „Присылал цесарь к нашему государю посла, Николая Поппеля, и наш государь, желая с ним любви, посылал к нему своего посла; но потом цесарь к нашему государю своего посла не послал и речей к нему никаких не наказал; так зачем было нашему государю к нему посылать?“»

Траханиот возвратился с докончательною грамотою, утвержденною Максимилианом; но о сватовстве речи не было, потому что король обручился уже на княжне бретаньской. В 1491 году вторично приехал в Москву Максимилианов посол Юрий Делатор с объяснением по этому делу. «Как пошли мы впервые с Траханиотом из Любека, – говорил он, – то шло нас двадцать четыре корабля вместе, из этих кораблей пятнадцать утонуло; наш корабль носился шесть недель безвестно, каждый час ждали мы смерти. В Любек пришла весть, что корабль наш потонул, и об этом дали знать Максимилиану, который был в большом раздумье: речь о сватовстве от него сюда не дошла, послать в другой, третий раз – путь далекий и опасный, да хотя бы речь и дошла, то неизвестно, захочет ли великий князь дело делать или не захочет, а время все идет да идет. После этого пришла речь от княгини бретаньской о сватовстве, и начальные князья немецкие, подумав, сказали Максимилиану: „Дело русское миновало, а у тебя сын один, да и тот, что есть, что нет – все равно, а вот дело бретаньской княгини перед тобою: она посылает к тебе с большою любовью о сватовстве, этого нельзя тебе упустить“, на том и порешили. После, когда Максимилиан узнал, что все мы живы и здоровы, то сильно тужил и теперь молит великого князя, чтоб он на него не сердился». После этого Делатор, по смыслу договора, требовал помощи против польского короля, просил Иоанна принять в свое покровительство два Ордена, Тевтонский и Ливонский, притесняемые Казимиром, просил продлить срок перемирия с Ливониею и послать знающих и справедливых людей для прекращения пограничных споров между псковичами и подданными Ордена. Иоанн отвечал: «Мы, по своей правде, как между нами в грамотах записано, хотели своему брату, Максимилиану королю, помогать против его и своих недругов, против Казимира, короля польского, и его детей всеми своими силами, да и сами хотели на коней сесть и дело делать, сколько бы нам бог пособил; но к нам пришли вести, что на Венгерском королевстве Владислав, чешский король, сын Казимиров, а твой государь, Максимилиан, с ним помирился и вернулся от Венгерской земли на иные свои дела, за этим мы теперь и остановились. А что мы обещали, что в грамотах записано, на том стоим, хотим Максимилиану помогать против короля польского; и если Максимилиан захочет доставать Венгерское королевство, то он бы другие-то свои дела пооставил, а пристал бы к этому своему делу накрепко. Что ты нам говорил о прусском магистре и ливонском магистре, то, если они

пришлют к нам своих людей бить челом, мы, посмотря по их челобитью, для своего брата, Максимилиана короля, хотим их жаловать, принять в свое соблюдение, за них стоять и грамоту свою на то им дадим, как будет пригоже. Захочет ливонский магистр, архиепископ и епископы с Великим Новгородом и Псковом перемирья, то пусть посылают туда бить челом нашим наместникам и нашим отчинам; Новгород держат от нас великие люди и на съезд посылают честных же людей, так можно магистру с ними сноситься».

То же должен был сказать Максимилиану и русский посол Траханиот, снова отправившийся в 1492 году. В наказе ему говорится: «Узнавать, для чего Максимилиан помирился с Владиславом, Казимировым сыном, для бретаньского ли дела или для чего другого, прочно ли помирился или только заключил перемирие и хочет ли добывать Венгрию? Как его дела с французским королем насчет Бретани и как его дела с другими государями? Вотчина его, Австрийское княжество, все ли теперь за ним? Можно ли ему добыть Венгрию, хотят ли его венгерские паны, которые-нибудь 113 них живут ли у него и как живут, с вотчинами или просто одни, города венгерские есть ли за ним? Написать в списке имена панов венгерских, которые живут у Максимилиана с вотчинами и без вотчин, также имена городов венгерских, которые за ним. Если бретаньское дело не состоялось и станут опять говорить о сватовстве, то отвечать: прежде сам цесарь и Максимилиан начали было дело, и потом от них же оно не состоялось; так как теперь этому делу быть? И говорить о деле как пригоже и накрепко. Если же бретаньское дело состоялось, а станут говорить о Максимилианове сыне Филиппе, то послу говорить как пригоже; так же говорить о саксонском большом князе Фридрихе, заговаривать и о дочерях королевских и княжеских для князя Василия и Юрия». Траханиот прислал о делах Максимилиановых такие известия, из которых Иоанн мог заключить, что союз с австрийским домом совершенно бесплоден для Москвы. Максимилиан, помирившись с Владиславом Казимировичем, королем чешским, уступил ему Венгрию и, занятый делами Запада, не отправил своего посла с Траханиотом по той причине, что ему нечего было сказать московскому государю; вместо посла приехал от Максимилиана и дяди его, Сигизмунда, какой-то Снупс затем, чтобы узнать Московское государство и выучиться по-русски. Иоанн отвечал Максимилиану учтивым отказом: «Иоанн, божьею милостию государь всея Руси (следует титул), наияснейшему и величайшему другу и брату нашему возлюбленному здравие, радость и честнейшее животование! Твое величество прислал к нам Михаила Снупса, и мы для дружбы и братства с тобою приняли его ласково и держали в своем жалованье. Он просил нас, чтоб мы отпустили его в дальние земли нашего государства, которые лежат на востоке, на великой реке Оби; но мы его туда не отпустили по причине большого расстояния, дальнего пути: и наши люди, которые отправляются за данью, проходят туда с большим трудом. Потом он просил, чтоб мы отпустили его в Турцию и Польшу; но мы и туда его не отпустили из страха, чтоб не сделалось с ним там беды, а отпустили его к вам, в Немецкую землю, тем же путем, каким пришел».

После этого одиннадцать лет не было сношений с австрийским двором. Казимир умер; Иоанн без австрийской помощи успел заключить с наследником его, Александром, выгодный мир, потом вести удачную войну, заключить выгодное перемирие. Только в 1504 году явился в Москву человек

Максимилианов Гартингер с двумя грамотами: в одной король римский писал, что если Иоанн нуждается в его помощи или совете, то пусть объявит ему; но цель посылки высказана была в другой грамоте. «Наияснейший и вельможный начальник и брат любезнейший! – писал Максимилиан. – Так как у нас нет белых кречетов, то очень желаем иметь несколько таких птиц и посылаем к тебе кречетника нашего Гартингера с просьбою позволить ему привезти из ваших стран несколько белых кречетов». На первую грамоту Иоанн отвечал, что была у него война с Александром литовским и с ливонскими немцами и окончилась перемирием, если начнется опять, то пусть Максимилиан, по договору, помогает ему, а он с своей стороны готов помогать Максимилиану, если тот опять станет добывать Венгерское королевство; на вторую грамоту отвечал, что посылает белого кречета и четырех красных; кречетнику Гартингеру дали плохую шубу, на что он после жаловался великому князю; своего посла Иоанн не отправил, отговорившись тем, что ему нельзя будет проехать ни чрез Литовскую землю, ни чрез Ливонию, хотя в перемирной грамоте с Александром был выговорен путь чистый иностранным послам в Москву и московским в иностранные государства. В 1505 году тот же Гартингер прислал из Ревеля две грамоты от Максимилиана и сына его Филиппа с просьбою об освобождении ливонских пленников, взятых в последнюю войну; на подписи Филипповой грамоты Иоанн и сын его Василий были названы царями. Иоанн отвечал: «Если магистр, архиепископ и епископы и вся земля Ливонская от нашего недруга литовского отстанут, пришлют бить челом в Великий Новгород и Псков к нашим наместникам и ко всем нашим отчинам, Новгороду и Пскову, исправятся, то мы тогда для нашей братской любви, посмотря по их челобитию и исправлению, дадим пленным свободу».

Это было последнее сношение с австрийским двором в княжение Иоанново. В его же княжение начались сношения с Венециею: московский посол Иван Фрязин, ведший переговоры с папою относительно брака Иоанна на Софии Палеолог, на дороге в Рим был в Венеции, где сказался большим боярином великокняжеским; внимание венецианского правительства было тогда занято опасною борьбою с турками, против которых ему хотелось возбудить татар, но не знали, каким путем отправить посла в Орду. Прибытие московского посла в Венецию решило недоумение, и вот дож осыпал Фрязина почестями и дарами, с тем чтоб тот взял с собою в Москву венецианского посла и доставил ему средства проехать безопасно к хану. Фрязин обещался устроить дело, взял с собою посла, именем Тревизана, но, приехав в Москву, не сказал великому князю ни слова о цели его приезда, назвал его своим племянником, с тем чтоб тайно отправить его в Орду. Дело, однако, открылось: Иоанн велел заключить в тюрьму и Фрязина и Тревизана и в Венецию отправил брата Иванова, Антона Фрязина, сказать дожу: «Зачем это ты так сделал, с меня честь снял? Тайно через мою землю шлешь посла, мне не сказавши?» Антон Фрязин возвратился с извинениями от дожа и с просьбою выпустить Тревизана и отправить его в Орду, снабдив всем нужным, за что будет заплачено венецианским правительством. Иоанн исполнил просьбу и отправил в Венецию посла Толбузина для вызова мастеров; с тою же целью были отправляемы и после посольства в Венецию – в 1493 и 1499 годах.

Глава пятая

Внутреннее состояние русского общества во времена Иоанна III

Смерть и завещание Иоанна III. – Договор сыновей Иоанновых при жизни отца. – Титул Иоанна III. – Форма обращений вельмож и служилых людей к великому князю. – Печати. – Казна великокняжеская. – Богатство удельных князей. – Доходы великокняжеские. – Образ жизни великого князя. – Сравнительное положение великих князей московского и литовского. – Князья и бояре в Москве. – Крестоцеловальные записи. – Новые придворные чины. – Двор великой княгини. – Богатство князей-бояр. – Кормления. – Поместья. – Войско в Северо-Восточной и Юго-Западной России. – Приказы. – Города Юго-Западной России. – Магдебургское право. – Внешний вид русского города. – Пожары. – Сельское народонаселение. – Юрьев день. – Сельское народонаселение в литовских владениях. – Бедствия. – Торговля. – Искусства. – Почты. – Церковь. – Ересь жидовская. – Иосиф Волоцкий. – Меры к улучшению нравственности духовенства. – Заботы о грамотности. – Богорадное житие в монастырях. – Поучения. – Материальное состояние духовенства. – Вопрос: следует ли монастырям владеть населенными имениями? Связь русской церкви с восточной. – Состояние православного духовенства в литовских владениях. – Судебник Иоанна III и судебник Казимира литовского. – Народное право. – Общественная нравственность. – Литература.

27 октября 1505 года умер Иоанн III, на 67-м году от рождения, на 4-м – княжения, пережив вторую супругу, знаменитую Софию, только двумя годами и несколькими месяцами. В завещании своем Иоанн, подобно предшественникам, поделил волости между пятью сыновьями: Василием, Юрием, Димитрием, Семеном и Андреем; но старшему, Василию, дано 66 городов, и в том числе самые значительные: Москва, Новгород, Псков, Тверь, Владимир, Коломна, Переяславль, Ростов, Нижний, Суздаль, Муром, кроме того, волости князей Мезецкого, Новосильских, Одоевских, Белевских, Щетинина, Заозерье, Заволочье, Югра, Печора, Пермь Великая, князья Мордовские, вся Вятская земля с арскими князьями, жалованная вотчина князя Бельского (Лух и проч.), Корельская земля с Лопью, лешею (лесною) и дикою, Поонежье и Двинская земля, тогда как всем остальным четверым сыновьям вместе дано менее половины городов, именно только 30. Касательно отношений старшего брата к младшим повторяется обычное выражение: «Приказываю детей своих меньших, Юрия с братьею), сыну своему Василию, а их брату старшему: вы, дети мои, – Юрий, Димитрий, Семен и Андрей, держите моего сына Василия, а своего брата старшего вместо меня, своего отца, и слушайте его во всем; а ты, сын мой Василий, держи своих братьев младших в чести, без обиды». Но касательно определения отношений по владениям находим перемены против распоряжений прежних князей: Василий Темный благословил старшего сына только третью в Москве; Иоанн благословляет старшего сына двумя третями: «Сын мой Василий держит на Москве большого своего наместника по старине и как было при мне, а другого своего наместника держит на Москве, на трети князя Владимира Андреевича, которая была за братьями моими, Юрием и Андреем»; но и в остальной трети,

которую прежние удельные князья ведали по годам, теперь старший брат получил также часть: «Благословляю сына своего Василия и детей меньших – Юрия, Димитрия, Семена, Андрея – в Москве годом князя Константина Димитриевича, что был дан брату моему Юрию, да годом князя Петра Димитриевича, что был дан брату моему Андрею Меньшому, да годом князя Михаила Андреевича: держит сын мой Василий и мои дети меньшие на тех годах своих наместников, переменяя пять лет, по годам; а что дан был брату моему Борису в Москве год князя Ивана Андреевича, и тот год приходилось брата моего Бориса детям держать на шестой год вместе; но племянник мой Иван Борисович отдал свои полгода мне, а я отдаю их сыну своему Василию, пусть он держит шестой год вместе с племянником моим Федором Борисовичем». Так распорядился завещатель относительно судных пошлин московских; относительно же тамги и других пошлин старший брат обязан был из них давать младшим только по сту рублей каждому. Потом видим ограничение прав удельных князей в их собственных владениях: «Сын мой Юрий с братьями по своим уделам в Московской земле и в Тверской денег делать не велят; деньги велит делать сын мой Василий в Москве и Твери, как было при мне. Откуп знает сын мой Василий, в откуп у него мои дети Юрий с братьями не вступаются. Что я дал детям своим сельца у Москвы с дворами городскими на посадах; и дети мои на тех дворах торгов не держат, житом не велят торговать, лавок не ставят, купцов с товаром иноземных из Московской земли и из своих уделов на этих дворах не велят ставить: ставятся купцы с товаром на гостиных дворах, как было при мне, и меньшие дети мои в те дворы гостиные и в те пошлины не вступаются. Если в сельцах детей моих меньших и на их дворах городских кто станет торговать съестным товаром, то сын мой Василий этих торгов не велит сводить, но прикащик его берет с них полавочную пошлину. Если случится душегубство в сельцах и городских дворах меньших сыновей моих, то судит большой наместник сына моего Василия; суд и дань над селами в станах московских принадлежат меньшим сыновьям моим, которые ими владеют, но душегубством и поличным эти села тянут к Москве, кроме поличного, которое случится между их крестьянами таком случае судят их прикащики, но докладывают большого наместника московского. Грамоты полные и докладные пишет только ямской дьяк сына моего Василия. Города и волости, доставшиеся в уделы меньшим сыновьям моим, но прежде тянувшие душегубством к городу Москве, и теперь тянут туда же по старине». В ордынские выходы: в Крым, Казань, Астрахань, Царевичев городок (Касимов), для других царей и царевичей, которые будут в Московской земле, на послов татарских назначена тысяча рублей в год; из этой суммы 717 рублей платит великий князь, остальное доплачивают удельные. Иоанн III в своей духовной окончательно решает вопрос о выморочных уделах: «Если кто-нибудь из сыновей моих умрет, не оставив ни сына, ни внука, то удел его весь к Московской земле и Тверской сыну моему Василию; меньшие братья у него в этот удел не вступаются; если же останутся у покойного дочери, то сын мой Василий, наделив, выдает их замуж, а что покойный даст своей жене – волости, села и казну, в это сын мой Василий не вступает до ее смерти».

Новый порядок престолонаследия, по которому дядья должны были отказываться от прав на старшинство в пользу племянников от старшего брата, был подтвержден тем, что Иоанн еще при жизни своей велел старшему сыну Василию заключить договор с следующим за ним братом, Юрием; по этому

договору последний обязался держать великого князя господином и братом старшим, держать честно и грозно без обиды; здесь выражение держать господином употреблено в первый раз; в первый раз в договоре между родными братьями младший обязывается держать княжение старшего честно и грозно. Относительно главного условия Василий говорит Юрию: «Придет воля божия, возьмет бог меня, великого князя, и останутся после меня дети, то сына моего, которого я благословлю великими княжествами, тебе держать в мое место своего господина и брата старшего, великих княжеств под ним, под моею великою княгинею и под нашими детьми блюсти и не обидеть, ни вступаться, ни подыскиваться никаким способом». Любопытно, что здесь отец выговаривает себе право благословлять великими княжествами сына, которого хочет, не упоминая ни слова о старшинстве; это право, как мы видели, было ясно высказано Иоанном III в ответе его псковичам: «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжество». Хотя в княжение Иоанна III некоторые слабые удельные князья, как, например, Михаил Андреевич Верейский и сын Бориса Васильевича Волоцкого, и решились в духовных грамотах своих назвать великого князя государем, однако сам Иоанн не решился еще заставить младшего сына, Юрия, назвать государем старшего брата, Василия: так еще сильны были понятия о родовом равенстве между князьями! И хотя на деле это равенство уже исчезло, но на словах трудно было еще выразить это исчезновение; отца своего князь Юрий называет государем, но старшего брата назвать так не хочет, хотя и повторяет старинное родовое выражение, что старший брат ему вместо отца.

В грамотах Иоанна Калиты, сколько нам известно, впервые встречаем название великого князя всея Руси. Но это название не употреблялось в сношениях с литовским двором до времен Иоанна III, который после смерти Казимира впервые употребил в сношениях с Александром литовским выражение: «Иоанн (вместо прежнего Иван), божьею милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и югорский, и пермский, и болгарский, и иных». Против титула отца своего Иоанн прибавил название великого князя владимирского, псковского, тверского, вятского и болгарского, выключив название ростовского. В сношениях с Ливониею и мелкими владениями немецкими Иоанн принимает название царя всея Руси; потом на подписи грамоты эрцгерцога Филиппа, сына Максимилианова, Иоанн и сын его Василий названы царями Владимира, Москвы и проч.; то же название видим и в списке речей посла Гартингера; в грамоте датского короля Иоанн назван императором; в грамотах к крымскому жиду Захарии Иоанн называет себя царем всея Руси, также великим государем Русской земли. Митрополит в речи своей во время венчания внука Дмитрия называет Иоанна царем и самодержцем; летописец говорит, что Иоанн благословил сына своего Василия самодержцем всея Руси. Царем и самодержцем называет Иоанна митрополит Симон в послании к пермичам. Бояре и другие служилые люди в отписках своих к великому князю употребляли такое обращение: «Государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси холоп твой такой-то челом бьет». Знатнейшие люди называются в этих отписках обыкновенными именами, другие – уменьшительными; встречаем – Алексеец, Феодорец, Васюк, но не Алешка, Федька, Васька, как после. Любопытно, что служилые люди из греков употребляют более распространенные обращения в отписках к великому князю; так, Дмитрий Ларев Палеолог пишет:

«Наияснейшему и вышнейшему господу, господу Ивану Васильевичу, царю всея Руси и великому князю» (следует титул).

К договорной грамоте тверского князя Михаила Борисовича с Иоанном III, заключенной в начале княжения последнего, привешены печати: на печати великого князя московского на одной стороне изображение льва, раздирающего змею, на другой – изображение двух людей: один, с крыльями, держит венок, другой, без крыльев, держит поднятый кверху меч; на печати же тверского князя изображен всадник, скачущий с поднятым кверху мечом и попирающий дракона, что является здесь впервые. К другим грамотам Иоанна III до 1497 года привешены печати с разными изображениями, между которыми нет изображения всадника, попирающего дракона: к меновой грамоте Иоанна с племянниками, сыновьями Бориса Васильевича Волоцкого, написанной в 1497 году, привешена большая печать, на которой с одной стороны впервые видим изображение двуглавого коронованного орла с распростертыми крыльями и когтями, а на другой – изображение всадника, попирающего дракона и копьем прободающего ему горло; подпись вокруг: «Иоанн, божьею милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и угорский, и вятский, и пермский, и болгарский». Мы видели, что Иоанн первый ввел обряд царского венчания, совершенного им над внуком Димитрием.

Если выходы в Большую Орду начали уменьшаться и даже совсем прекращаться еще в княжение Василия Димитриевича и Василия Темного, то усобицы в княжение последнего и тяжкий окуп казанский должны были истощать казну великокняжескую. В других обстоятельствах находился Иоанн III. Нельзя думать, чтоб во время мирных сношений с Ахматом он посылал ему значительные выходы, ибо в противном случае хану не для чего было бы находиться в почти постоянно враждебных отношениях к Москве; расходы на Крым, Казань, Астрахань, на содержание служилых царевичей татарских, оцененные в 1000 рублей, не могли равняться с прежними выходами в пять и семь тысяч; при этом сомнительно, что вся эта тысяча выходила на татарские издержки, и если б даже выходила, то не должно забывать, какие обширные земельные приобретения сделаны были при Иоанне III. Таким образом, в княжение последнего главные расходы прежнего времени, расходы ордынские, уменьшились, а доходы вследствие приобретения обширных и богатых областей увеличились не в меру против прежнего. Отсюда понятно, что Иоанн располагал большими денежными средствами, что казна его была велика, особенно при уменьшении вместо семидесяти, при расчетливости, которая заставляла при выдаче баранов послам требовать от них шкуры назад. Иоанн в духовной своей отказывает каждому из четырех младших сыновей ларцы с казною, с какою – неизвестно, причем говорит: «А кроме того, что ни есть моей казны у казначея моего и дьяков, лалов, яхонтов, других камней, жемчугу, саженья всякого, поясов, цепей золотых, сосудов золотых, серебряных и каменных, золота, серебра, соболей и шелковой рухляди; также что ни есть в моей казне постельной, икон, крестов золотых, золота и серебра, платья и другой рухляди, что ни есть у моего дворецкого и у дьяков дворцовых моих сосудов серебряных, денег и иной рухляди; что ни есть у моего конюшего, ясельничих, дьяков, приказчиков моих денег и рухляди; что ни есть у моего дворецкого тверского и дьяков тверских и приказчиков в Новгороде

Великом, у дворецкого, казначеев, у дьяков и приказчиков моих денег и рухляди; да на Белоозере и на Вологде моя казна и где ни есть моих казен – то все сыну моему Василию». Дорогие камни, жемчуг, золото, серебро и вещи, из этих металлов сделанные, считались предметами, преимущественно и почти исключительно заслуживающими приобретения. Узнавши, что жена Менгли-Гиреева достала дорогую Тохтамышеву жемчужину, Иоанн не успокоился до тех пор, пока не получил ее от ханши; отправляя послом в Крым боярина Семена Борисовича, великий князь наказал ему: «Никак не забудь сказать от меня Хозе-Асану, что если будут у него лалы, яхонты дорогие и жемчуг добрый, то чтоб непременно приехал ко мне сам и привез их с собою». Знаем также, что для Иоанна покупались ковры на Востоке.

Из духовных грамот удельных князей узнаем также, в чем состояло княжеское богатство: оно состояло в венцах царских, челках, ожерельях, украшенных дорогими камнями и жемчугом, сорочках изукрашенных, перстнях, жиковинах, крестах, иконах, постелях, шитых шелками по камке, взголовьях, подушках, шитых золотом, ларцах – красных, желтых, дубовых, золотых, украшенных костяною работою, колпаках, пуговицах, серьгах, монистах, обручах, напалках (наперстках), мускусницах (где хранился мускус), шубах, кожухах, опашнях, летниках, кортелях, каптурах, накапках, вошвах, поясах, кружевах, одеялах, гривах, спорках с разного платья, подкладках (подволоках) из-под него же, сосудах разного рода – мисах, уксусницах, перешницах, солонках, чарках, ложках, ковшах, кубках, рогах, достоканах, мамах, сковородах серебряных. Но если богатство великого князя сильно увеличилось по известным причинам, то не было причин, по которым должно было увеличиваться богатство князей удельных; из их духовных видим, что все они оставили после себя долги: князь Юрий Васильевич оставил 752 рубля долгу, самая значительная часть которого была занята под залог разных движимых вещей; занимал он у частных лиц и у монастырей. Гораздо больше долгу оставил князь Андрей Васильевич Меньшой, задолжавший одному великому князю 30000 рублей за ордынские выходы кроме долгов частным людям; князь Михаил Верецкий оставил долгу 267 рублей. Впрочем, должно заметить, что князь Юрий и князь Андрей Меньшой Васильевичи были бездетные, у Михаила Верецкого сын был в изгнании, а дочери мимо великого князя не смел он отказать своей отчины; вот почему у них не было побуждений жить бережно; князь Андрей, например, проживал все свои доходы и не платил старшему брату выходов в зачет своего удела, который должен был достаться последнему; князь Борис Васильевич, оставляя отчину сыновьям, долгу не оставил; но сын его, умирая бездетным и завещая вотчину великому князю, оставил долгу более 600 рублей. Относительно взимания дани мы знаем, что Иоанн брал со всех волостей новгородских по полугривне с сохи со всякого, кто пашет землю, и с ключников, со старост, и с одерноватых; в 1491 году Тверская земля была описана по-московски в сохи. От времени Иоанна III дошла до нас древнейшая переписная окладная книга именно Вотской пятины Новгородской области, имеющая такое заглавие: «Книги Воцкие пятины писма Дмитрея Васильевича Китаева да Никиты Губы Семенова сына Моклокова лета семь тысяч осмаго (1499–1500). А в них писаны пригороды и волости и ряды и погосты и села и деревни великого князя и за бояры и за детми боярскими и за служылыми людьми за помещщыки и своеземцовы и купецкие деревни и

владычни и монастырские деревни и сохи по новгородскому. А в сохе по три обжи, А на пригороды, на посадки и на великого князя волости, и на села, и на деревни кладено великого князя оброка рубли и полтинами, и гривнами, и денгами новгородскими в новгородское число». За этим заглавием следует название уезда, и потом начинается описание погостов. В каждом погосте описывается прежде всего церковь погоста вместе со дворами священно- и церковнослужителей ее и с ее землею или замечается, в какой местности находится церковь погоста и где описана. Потом описываются оброчные волости, села и деревни великого князя, которые во время составления писцовой книги не были ни за кем в поместье. В начале описания каждого селения или каждой группы селений замечается, чьи были прежде эти селения; если прежде они были уже за кем в поместье, то об этом также замечается. Далее описываются волости, села и деревни великого князя, бывшие во время составления описания за разными лицами в поместье, причем замечается, чьи они были прежде. Земли каждого помещика составляют в описании особую группу. Если у какого-нибудь помещика есть земли еще в другом погосте, то об этом замечается. Затем описываются земли: 1) своеземцев и купцов; 2) владыки новгородского; 3) монастырские и церковные; 4) к описанию земель церковных присоединяется и описание земель, составляющих непосредственную собственность священно- и церковнослужителей. Замечается, в каких других погостах Вотской пятины есть еще земли владычни или земли того же монастыря и церкви. При описании каждого селения означает название его (погост, село, сельцо, деревня), собственное его имя, дворы, в нем находящиеся, с поименованием хозяев, количество коробей высеваемого жителями хлеба и количество скашиваемых копен сена, а затем число обж, в которое положена пахотная земля, доход в пользу землевладельца, старый и новый, а равно в пользу посольского или ключника, иногда корм, следующий наместнику, наконец, угодья, существующие при селении. Если жители селения занимаются не хлебопашеством, а другим промыслом, то описание сообразно этому изменяется. По описании известной группы селений, образующих одно целое, приводится итог, в котором показывается: сколько во всей этой группе по старому письму было селений, дворов, людей, обж, сох и какой по старому письму шел доход в пользу землевладельца, а равно посольского или ключника; сколько в сравнении с старым письмом прибыло или убыло по новому письму деревень, дворов, людей, обж; сколько именно по новому письму значится селений различного наименования, дворов, людей, обж и сох; какой будет идти новый доход и по каким статьям и в каком количестве он увеличился или уменьшился в сравнении с прежним временем, какие, наконец, есть угодья. Подобный итог приводится и по описании одного селения, если оно само по себе составляет особенное целое. Но по описании всех земель известного отдела, т. е. великокняжеских или монастырских и церковных, не приводится общего итога за каждый такой отдел; равно не приводится общего итога по целому погосту и по целому уезду.

Соха изменялась по соображению с различными условиями: в краях, где земледелие составляло главный промысел жителей, объем сох расширялся; в краях ремесленных или торговых сокращался; потом соха соразмерялась с качеством почвы: в этом отношении земли обыкновенно делились на добрые, средние и худые; если в соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то средней – 1000, а

худой – 1200 четвертей. Относительно посадских и слободских тяглых земель сохи измерялись не четвертями, а дворами; и здесь в одном месте в соху шло столько-то дворов, а в другом – более или менее; здесь принималось также в расчет различие средств владельцев дворов, почему сохи разделялись на сохи лучших торговых людей, на сохи средних людей (где число дворов увеличивалось вдвое против торговых) и на сохи младших людей (где число дворов было вчетверо больше против числа дворов в сохе лучших людей). Из пошлин в Иоанново время встречаются названия: померное, роговое, искусное, венцы новоженные, скатертная пошлина. От того же времени дошел до нас устав откупщикам тамги и пятна на Белоозере. Если городской человек – белозерец, или житель подгородных мест (окологородец), или житель какой-нибудь из волостей белозерских привезет товар свой, то таможенники берут со всякого товара по полуденьге с рубля да по полуденьге с саней за церковную пошлину, что берут в Москве. Если белозерец – городской человек купит себе в лавку мед, икру, рыбу, то брать у него с рубля по полуденьге порядного, если же он купит себе в лавку мех, или рогозину, или пошев соли, или бочку, кадь рыбы, или бочку сельдей, то со всего этого поодиначке (с одного) брать по полуденьге с стяга; по столько же брать с живой коровы, с десяти полотей, с двадцати гусей, с тридцати поросят, с тридцати утят, с десяти баранов, с тридцати сыров, с двадцати зайцев. Здесь любопытно также, что упоминаются зайцы, которых следовательно употребляли в пищу в XV веке. Со льну, луку, чесноку, орехов, яблок, маку, золы, дегтю брать по деньге с воза. С вывозной из Белоозера бочки, или кади, рыбы, меха, или рогожи, или пошева соли брать со всякой по полуденьге. С служилого человека, идущего без товара, пошлины не брать; если же служилый человек станет торговать, то брать с него тамгу и все пошлины, как и с торгового человека. Кто покупает человека в полное холопство (в полницу), тот дает по алтыну с головы наместнику да по алтыну с головы дьяку, который пишет полные грамоты, да по столько же таможенникам. Кто купит лошадь в рубль или меньше рубля, у того брать от пятна по деньге с лошади, столько же брать и у того, кто продаст. Все торговцы, как белозерцы, так и москвичи, тверичи и новгородцы, должны показывать свой товар таможенникам, не складывая с воза или с судна; если же кто сложит товар прежде явки таможенникам, тот протамжил, товар ему назад, и если этот товар будет стоить два рубля или больше, то взять с него протамги два рубля – рубль наместнику да рубль таможенникам; если товар стоит рубль, то брать тридцать алтын без гривны; если товар стоит больше одного рубля, но меньше двух или меньше одного рубля, то брать по расчету. Если кто купит лошадь без явки, то брать с него пропятенья два рубля – рубль наместнику и рубль пятенщикам. Если белозерец – городской человек купит что или продаст в своем городе, то с того тамги не брать; если же продаст или купит судно, то брать по полуденьге с рубля. С москвича, тверича, новгородца, жителя уделов московских брать тамгу по старине, с рубля по алтыну, да с саней по полуденьге за церковную пошлину и за гостиное. Придет кто с товаром на судне из Московской, Тверской или Новгородской земли, то, сколько у них будет людей на судне, брать со всех по деньге с головы. Кто приедет из Московской, Тверской или Новгородской земли, также из монастырей этих земель, равно как из белозерских монастырей, – всем им торговать всяким товаром и житом в городе на Белоозере, а за озеро не ездить, по монастырям и по волостям не торговать, кроме одной белозерской волости –

Углы: здесь быть торгу по старине, а тамгу брать, как берут на Белоозере. Кто ослушается этого запрета, с тех брать с купца два рубля да с продавца два рубля, товар описывать на великого князя, самих виновных отдавать на поруки и ставить перед великим князем; городским же людям – белозерцам и посадским – за озеро ездить торговать по старине. По свидетельству Иосафата Барбаро, при Иоанне III право варить мед и пиво, употреблять хмель сделалось исключительной собственностью казны.

В образе жизни Иоанна мы не видим больших перемен против образа жизни его предшественников. Мы видели, что сам он имел два имени, оба взятые из греческих святцев, – Иоанн Тимофей: Тимофеем он назван был в честь апостола Тимофея, которого память празднуется 22 января, день рождения Иоанна, последнее же имя он получил на шестой день, когда празднуется перенесение мощей св. Иоанна Златоустого. Сын его, родившийся 25 марта, в день Благовещения, получил имя Гавриила, которого память празднуется на другой день; но потом получил имя Василия, под которым и известен в истории; он был крещен через 10 дней архиепископом ростовским Вассианом и троицким игуменом Паисием в Троицком монастыре; потом Паисий крестил второго сына Иоаннова, Георгия. В княжение Иоанна III при утверждении единовластия должно было оказаться большое затруднение относительно княжеских браков; сам Иоанн в первый раз был женат на княжне тверской, но при нем же Тверь пала, и князья ее пошли в изгнание; оставались князья рязанские, зависимые на деле, равные по праву князьям московским, но они находились уже в таком близком родстве с последними, которое не допускало новых браков. Таким образом, великий князь должен был заботиться о приискании невест сыновьям и женихов дочерям среди иностранных владетельных домов; но здесь, как справедливо заметила отцу королева Елена, главное затруднение состояло в иноверии. Относительно своего второго брака и брака старшего сына Иоанна великий князь успел избежать этого затруднения, женившись сам на царевне греческой и женив сына на дочери православного воеводы молдавского; но мы знаем, какие следствия имел брак старшей дочери Иоанновой Елены, долженствовавшей оставаться православною в Литве и Польше; понятно, почему Иоанн старался отыскать в Венгрии семейство владетельных князей сербских, православных; старания его на этот счет остались безуспешны, равно как искание женихов и невест в Дании, в Германии; он принужден был уже в последний год жизни женить старшего двадцатипятилетнего сына Василия на Соломониде Сабуровой, выбранной из 1500 девиц, представленных для этого ко двору; отец Соломониды, Юрий, потомок ордынского выходца Мурзы Чета, не был даже боярином; но еще прежде великий князь выдал вторую дочь свою, Феодосию, за боярина, князя Василия Даниловича Холмского; понятно, как неприятно было Иоанну выдавать дочь за одного из служивых князей – бояр, которые уже назывались холопами великокняжескими. Неудача Иоанна в искании невесты для сына среди княжен иностранных имел важное следствие: иностранная княжна на престоле московском необходимо сближала бы и мужа и подданных с прежним отечеством своим и вообще с Западною Европою, содействовала бы сильнейшему усвоению плодов цивилизации, введению новых обычаев и как в этом, так и в других отношениях имела бы более значения, более влияния по самому высокому происхождению своему. Значение Софии Витовтовны и Софии Палеолог кроме

личного характера их много объясняется их происхождением; София Палеолог принимала иностранных послов; после нее, при великих княгинях и царицах из подданных, этого обычая не видим. Воспитанная в тереме, дочь московского боярина или менее значительного служилого человека переносила и во дворец свою теремную жизнь; великий князь, как великий князь, оставался одинок на своем престоле.

В ответе послам императорским Иоанн объявил, что в Русской земле нет обычая показывать дочерей женихам или сватам прежде окончательного решения дела. Тем же послам он отказался объявить о приданом своих дочерей, отозвавшись, что неприлично великим государям вести об этом переговоры, но прежде приказывал своему послу разведать, на сколько тысяч золотых манкупский князь давал приданого за дочерью, которую предлагал в невесты князю Иоанну Иоанновичу. При описании свадьбы дочери великокняжеской Феодосии, вышедшей за князя Холмского, говорится о тысяцком, дружке, дружке поддатном, о двух лицах, державших ковер княжой, о конюшем, при котором находились 15 человек детей боярских, о поезжанах жениховых, о священнике со крестом при постели, о лицах, находившихся у саней великой княгини Софии, с которой вместе ехала и невестка, великая княгиня Елена, о свещниках, коровайниках, фонарниках и проч.

Из иностранных источников узнаем, что вследствие известных изменений в отношениях великого князя к дружине и вообще к подданным изменилось и обращение его с ними. Венецианский посол Контарини говорит, что Иоанн имел обыкновение ежегодно объезжать разные области своих владений, и в особенности посещать одного татарина, которого содержал на жалованье на татарской границе для ее охранения.

В то время как Русь Северо-Восточная – государство Московское увеличивалось областями, соединение которых было прочно по единоплеменности и единоверию народонаселения, на западе, по недостатку нравственных и физических сил к сопротивлению на востоке, в то время владетели Руси Юго-Западной, великие князья литовские и короли польские, ослабляемые внутреннею борьбою между составными частями своих владений, не препятствовали образованию на востоке могущественного и враждебного владения, которого государь уже принял титул государя всея Руси и прямо объявил, что Русская земля, находящаяся за Литвою и Польшею искони его отчина и что он хочет ее добывать. В это решительное для всей Восточной Европы время, когда московский князь, освобождаясь окончательно от страха перед Азиею, начинал на нее наступательное движение и усиливался приобретением обширных владений, вырванных из-под рук великого князя литовского, все внимание последнего было обращено не на усиление своего государства прочными приобретениями, но на приобретение соседних престолов для своих сыновей. Иоанн приобретал Новгород, Тверь, Вятку, Пермь, часть Рязани, подчинял себе Казань; Казимир также приобретал орденские земли для Польши и целые королевства для сыновей своих – Богемию, Венгрию; но Иоанн отдал все свои приобретения одному сыну, который через это получил средства к новым приобретениям, тогда как занятие престолов Польши, Литвы, Богемии и Венгрии внуками Ягайла покрыло только мгновенным величием династию князей

литовских, не принеся никакой пользы родной стране их, историческое движение которой прекратилось со времени соединения ее с Польшею.

В то время как великий князь московский, становясь единовластителем обширной страны, становился вместе с тем и самовластителем ее, власть великого князя литовского и короля польского никла все более и более; в то время как московский государь самовластно располагал средствами своей страны, соперник его при исполнении своих намерений нуждался в помощи и согласии сеймов, у которых должен был выкупать эту помощь и согласие уступками, должен был постоянно опасаться и гордого прелата, который не преминет в торжественном собрании укорить короля за какую-нибудь меру, невыгодную для материального благосостояния духовенства и могущественного вельможи, который не преминет поднять знамя восстания при первом неудовольствии, и, наконец, собственного войска, которое своевољством своим не преминет испортить поход.

Иоанн московский объявил, что он волен в своих великих княжествах: кому хочет, тому их и отдаст; по смерти Казимира литовского сын его Александр писал князьям и панам Волынской земли, что паны Рада Великого княжества Литовского заблагорассудили оставить его, Александра, в Литве и на Руси для защиты от неприятеля на то время, пока не выберут великого князя. Приглашая волынцев на это избрание, Александр пишет им: «Вспомните, что вы поклялись отцу моему в случае его смерти признать господарем того из сыновей его, которого ваша милость изберете вместе с панами Радою Великого княжества Литовского». Об отношениях литовского великого князя к панам своим радным всего лучше может свидетельствовать письмо его к ним от 21 октября 1503 года касательно отпуска ногайских послов. «Нам кажется, – пишет Александр, – что послов должно отпустить; но мы отдаем дело на рассуждение и решение вашей милости: как признаете за лучшее – отпустить их или задержать, так и сделаете, потому что мы без совета вашей милости ничего в земских делах не делаем».

Мы говорили уже о том, какая перемена в отношениях великого князя к дружине произошла в Московском государстве в княжение Иоанна III. Замечено было также, что в два предшествовавших княжения, Василия Димитриевича и Василия Темного, вступили в службу великих князей московских многие князья, Рюриковичи и Гедиминовичи, которые сохраняли на службе первенствующее положение, именуясь прежде бояр; таким образом, старые московские боярские роды были оттеснены от первых мест княжескими родами. При Василии Темном три из последних занимали самое видное место: Патрикеевы, Ряполовские и Оболенские; то же значение сохраняют две первые фамилии и в княжение Иоанна III; к ним с самого начала присоединяется еще княжеская фамилия Холмских, тверских удельных, вступивших в службу московскую. Князь Иван Юрьевич Патрикеев, большой наместник, наивысший воевода московский, и зять его, князь Ряполовский, пали в борьбе с Софиею; но племянник Ивана Юрьевича, знаменитый ведрошский победитель, князь Даниил Васильевич Щеня, не подвергся опале вместе с дядею. После падения князя Ивана Юрьевича его место, место воеводы московского, занял князь Василий Данилович Холмской, сын знаменитого воеводы Даниила и зять великого князя; а второе по нем место занимал Даниил Васильевич Щеня. Таким образом, князья продолжают первенствовать, и только третье место занимает потомок старой знаменитой боярской фамилии Яков Захарович Кошкин, воевода коломенский, которого брата,

Юрия Захаровича, наместника новгородского, мы уже видели в сношениях с Яном Заберезским и в местническом споре с князем Щенею-Патрикеевым перед Ведрошскою битвою. Этот спор и его решение важны для нас опять как доказательство первенствующего положения княжеских фамилий перед боярскими: великий князь, решая спор в пользу князя Щени, велел напомнить Кошкину, что прежде боярин Федор Давыдович уступал также первое место князьям. Какое множество служилых князей было во время Иоанна III, видно из того, что между воеводами, участвовавшими в Ведрошской битве, упоминается одиннадцать князей и только пять имен без княжеского титула. Князья, вступивши в службу к великому князю московскому или его удельным, вошли в состав старшей дружины, боярства, и потому называются боярами. «Пожаловал я своего боярина, князя Василия Ромодановского», – говорит удельный князь Михаил Верейский в своей духовной; под духовною Иоанна III читаем: «Тут были бояре мои: князь Василий Данилович да князь Данило Васильевич». Несмотря на то, однако, князья стоят выше бояр; грамота бояр московских к панам литовским начинается так: «От князя Василия Даниловича, воеводы московского, и от князя Даниила Васильевича, воеводы Великого Новгорода, и от Якова Захарьича, воеводы коломенского, и от всех князей, и от бояр, и от окольничих, рады (думы, совета) Иоанна, божьею милостью государя всея Руси, братии и приятелям нашим, Войтеху, бискупу виленскому, и Николаю Радзивилловичу, воеводе виленскому» и проч. Из членов древних боярских родов московских кроме Кобылиных – Кошкиных в княжение Иоанна III находились на виду: из рода Акинфых – упомянутый выше боярин Федор Давыдович, потом боярин Петр Федорович Челяднин, оба двоюродные внуки знаменитого Федора Свибла от двоих братьев – Ивана Хромого и Михаила Челядни; линия же самого Свибла прекратилась по смерти бездетного сына его, Семена. Из фамилий, особенно выдавшихся при Василии Темном, продолжают иметь значение Басенок и Ощера, преимущественно последний, пользовавшийся большою доверенностью великого князя и употреблявший, по свидетельству летописца, во зло эту доверенность; одинаковому нареканию подвергается Григорий Андреевич Мамон, которого отец был можайским боярином; наконец, с важным значением являются Ховрины, потомки греческого князя Стефана, выехавшего из Тавриды, боярин Владимир Григорьевич и сыновья его – Иван Голова и Дмитрий Владимирович, казначей великокняжеский. Мы видели, что паны литовские, предполагая или желая предполагать в Москве такие же отношения, какие существовали у них, стали пересылаться о государственных делах с боярами московскими; Иоанн допустил эту пересылку, ибо видел, что иногда она может быть полезна, когда, например, нужно было, по его выражению, задрать литовское правительство насчет какого-нибудь дела; но как он смотрел на эту форму, видно из речи посла, отправленного им в стан к сыну Димитрию: «Отец твой, господин, велел тебе сказать: прислала Рада литовская к нашим боярам грамоту, и я, против той грамоты, от своих бояр написал к литовской Раде грамоту, а какову я грамоту к ним писал, и я с нее послал к тебе список, чтобы тебе та грамота была ведома».

Мы видели, как Иоанн III обошелся с князем-боярином, который решился оставить его службу и перейти к брату его, удельному князю; несмотря на то, в договоре, заключенном по его приказанию между сыновьями его, старшим Василием и вторым Юрием, внесено обычное условие: «А боярам и детям

боярским и слугам между нас вольным воля». Но еще в 1474 году употреблено было средство заставляя бояр отказываться от своего права отъезда; это средство испытано было впервые, сколько нам известно, на одном из самых знаменитых бояр-князей, Даниле Дмитриевиче Холмском, который уличен был в какой-то нам неизвестной вине (быть может, в покушении отъехать), отдан под стражу, потом прощен и принужден дать на себя крестоцеловальную запись вроде проклятых грамот, которые давались князьями во времена Темного. «Я, Данило Димитриевич Холмской, – говорится в записи, – бил челом своему господину и господарю, великому князю Ивану Васильевичу, за свою вину через своего господина Геронтия, митрополита всея Руси, и его детей и сослужбников епископов (следуют имена). Господарь мой меня, своего слугу, пожаловал, нелюбье свое отдал. А мне, князю Данилу, своему господарю и его детям служить до смерти, не отъехать ни к кому другому. Добра мне ему и его детям хотеть везде во всем, а лиха не мыслить, не хотеть никакого. А где от кого услышу о добре или о лихе государя своего и его детей, и мне то сказать вправду, по этой укрепленной грамоте, бесхитростно. А в том во всем взялся (поручился) по мне господин мой, Геронтий митрополит, с своими детьми и сослужбниками. А стану я что думать и начинать вопреки этой моей грамоте или явится какое мое лихо перед моим господарем великим князем и перед его детьми, то не будь на мне милости божьей, пречистой его матери и св. чудотворцев Петра митрополита и Леонтия, епископа Ростовского, и всех святых, также господина моего, Геронтия митрополита, и его детей, владык и архимандритов тех, которые за меня били челом, не будь на мне их благословения ни в сей век, ни в будущий, а господарь мой и его дети надо мною по моей вине в казни вольны. А для крепости я целовал крест и дал на себя эту грамоту за подписью и печатью господина своего, Геронтия, митрополита всея Руси». Но одних духовных обязательств и ручательств было недостаточно; Иван Никитич Воронцов обязался: если князь Данило отъедет или сбежит за его порукою, то он платит 250 рублей; пять свидетелей стояли при этом поручительстве; когда поручная кабала была написана и запечатана печатью Ивана Никитича, то последний, ставши перед князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым, объявил ему об этом, и Патрикеев приложил к кабале свою печать.

Название бояр введенных и путных сохраняется. От времен Иоанна III дошла до нас любопытная жалованная грамота: «Се яз, великий князь Иван Васильевич, пожаловал семь Василья Остафьевича Ознобишу санничим в путь, и вы, бояре, и слуги, и все люди того пути, чтите его и слушайте». Это известие показывает нам, какое широкое и потому так теперь сбивчивое для нас значение имело слово боярин. Известие об этих мелких боярах саннича пути показывает, что и на севере были бояре, подобные западнорусским путным боярам, хотя здесь слово путный, кажется, означает дорожный, гонца, как после и на севере путные ключники, например, значили просто: дорожные ключники; употребление слова путный в разных значениях еще более затемняет дело. О западнорусских путных боярах говорится в уставах об управлении королевских волостей 1557 – 1558 годов: «Бояре путные стародавние должны владеть двумя волоками, с которых должны платить все повинности, а на службу тяглую и в подводы ходить не обязаны; но если по приказанию нашему поедут на дорогу, то в этот год ничего не платят, а без нашей воли и указа урядники наши на дорогу их никуда не посылают». Кроме

названий придворных чинов, известных в прежнее время, встречаем названия: постельничего, сокольничего, ясельничего, дьяка постельного. После присоединения княжеств и уделов дворы прежних князей их не сливались с двором великого князя московского, и потому видим разделение служилых людей на двор великого князя и на детей боярских городовых. Великая княгиня, мать Иоанна III, имела свой двор, который во время похода присоединялся к двору великокняжескому под особым своим воеводою.

О богатстве князей-бояр во время Иоанна III можем судить только по завещанию главного из них, князя Ивана Юрьевича Патрикеева: завещатель делит между женою и двумя сыновьями недвижимое имущество, состоящее из двух слобод, 29 сел и 13 селец главных кроме селец и деревень, приписанных к селам; кроме того, луга и места городские; некоторых крепостных людей отпускает на волю, других делит между женою и сыновьями; между этими людьми находим названия: стрелка, трубника, дьяка, поваров, хлебников, портных мастеров, бронников, садовников, псарей, рыболовов, мельников, утятника, сокольника, огородника, плотника, серебряного мастера, истопника, страдников. Завещатель упоминает о своих куплях и об отцовском благословении. Относительно кормлений до нас дошли любопытные жалованные грамоты, данные Иоанном литовскому выходцу, пану Ивану Судимонту Кондратьевичу, получившему в Москве звание боярина введенного; в первой грамоте говорится: «Бил мне челом Яков Захарьевич, что вам обоим на Костроме сытым быть не с чего; и я, князь великий, Якова пожаловал городом Владимиром, а тебе придал другую половину Костромы, с правдою (с судом)». Потом Судимонт был пожалован городом Владимиром под князем Данилом Дмитриевичем Холмским. О даче поместий упоминается под 1500 годом в летописи, где сказано, что великий князь по благословию Симона митрополита взял за себя в Новгороде Великом церковные земли владычни и монастырские и роздал детям боярским в поместья; но в одной разрядной книге находим любопытное известие, что по взятии Новгорода по государеву изволению распущены были из княжеских и боярских дворов служилые люди, послужилцы, и помещены в Вотской пятине; здесь насчитывается таких новых помещиков 47 родов. В известии об окончательном покорении Вятки говорится, что великий князь земских людей – вятчан посадил в Боровске и Кременце и поместья им дал.

Таково было средство, употребленное для увеличения числа ратных людей. Кроме так называемых служилых людей, или старой дружины, бояр, детей боярских и дворян Иоанн III послал в казанский поход 1470 года московских сурожан, суконников, купчих людей и прочих всех москвичей, которых пригоже, по их силе, и поставил над ними особого воеводу, князя Оболенского. При осаде Смоленска сыном великокняжеским Димитрием видим в московской рати посошных людей, собранных с сох. Псковской летописец сообщает нам известие о наборе войска в его родной области; в 1480 году по случаю войны с ливонскими немцами выставлено было с четырех сох по коню и человеку; в 1495 году по требованию великим князем вспомогательного войска для шведской войны псковичи собрали (срубили) с десяти сох по конному человеку; в 1500 году для войны литовской они брали с 10 сох коня, с сорока рублей – коня и человека в доспехе, а бобыли составляли пеший отряд; в псковской летописи упоминается кованая рать, из иностранных известий узнаем только, что так назывались лучшие

конные полки. Мы видели, что в войнах псковитян с немцами участвовали также охочие люди (нерубленные люди, охочий человек) из Псковской волости и потом прихожие люди, приходцы из других областей. В московской рати упоминаются козаки, наконец, в состав русской рати обыкновенно входят полки татарские: кроме полков, приводимых служилыми царевичами, татары были, как видно, поселены в разных московских волостях; так, в распоряжениях об отправке посла в Крым читаем: «Ехать с Дмитрием Шеиным татарам, провожать им Дмитрия в Перекопъ, в Орду, из Ростунова, Щитова, Коломны, Левичина, Сурожика, Берендеева, Ижва». Одних из этих татар посол должен был отпустить, дать им волю, других оставить с собою «в Перекопи на лежанье» для вестей.

По свидетельству псковского летописца, число московского войска, загородившего дорогу Ахмату в первое его нашествие, простиралось до 180000, растянутых на полутораста верстах; число войска, посланного на защиту Пскова от немцев в 1481 году, простиралось до 20000; новгородской силы во время Шелонского боя было 40000; столько же было московского войска на Ведрошской битве, если верить Стрыйковскому. Войска ходили по-прежнему сухим путем и по рекам: так, в 1470 году войска, назначенные в поход на Казань, плыли из разных мест к Нижнему реками Москвою, Клязьмою, Окою и Волгою; под 1467 годом встречаем известие, что войска отправились на Черемис из Галича 6 декабря и пошли лесами, без пути в жестокие морозы. Относительно продовольствия войск во время похода встречаем следующие известия: при описании похода на Казань князя Стриги-Оболенского в 1467 году говорится, что войска возвратились без успеха, истомленные, потому что осень была холодная и дождливая, корму начало недоставать, так что многие ратные люди в постные дни ели мясо, лошади мерли с голоду; во время второго похода Иоанна III на Новгород великий князь тверской присылал сына боярского отдавать кормы по отчине своей; потом уже, находясь под Новгородом, Иоанн велел всем воеводам посылать за кормом половину людей, а другую половину оставлять у себя; наконец, до нас дошли грамоты Иоанна III, по которым запрещалось полкам, идущим в поход, останавливаться брать кормы, подводы и проводников по волостям, принадлежащим Троицкому Сергиеву монастырю. Из всего этого видим, что войска брали съестные припасы по местам, по которым проходили. Из оружия упоминается огнестрельное – пушки, тюфяки и пищали. При описании войн псковичей с немцами мы уже видели, что немцы брали верх своим нарядом или артиллерию; при осаде городов псковские пушки действовали не очень удачно: так, при осаде Нейгаузена псковичи били городок пушками, пустили в него большою пушкою, но колода у нее вся изломалась, и железа около разорвались, что заставило снять осаду. Войска по-прежнему состояли из пяти частей: большого полка, правой и левой руки, передового и сторожевого полков. Еще сохранялся старый обычай браниться перед битвою: пред началом Шелонского сражения «новгородцы по оной стране реки Шелони ездяще, и гордящися, и словеса хулные износяще на воевод великого князя, еще же окаяннии и на самого государя великого князя словеса некая хулная глаголаху, яко пси лаяху». Мы видели, что казанский поход 1469 года не удался от недостатка единства в движениях, от недостатка подчиненности. Для введения последней великий князь должен был прибегнуть к строгим мерам: когда сын его, князь Димитрий, возвратясь из Смоленского похода, пожаловался отцу, что многие дети боярские без его ведома отъезжали в волости на грабеж, его не

слушались, то Иоанн велел этих ослушников схватить, бить кнутом на торгу и многих в тюрьму бросить. Уже встречаем известие и о местничестве как явлении, препятствовавшем успеху военных действий; при описании Казанского похода архангельская летопись говорит: «А воеводы судовой рати нелюбье держали между собою, друг под другом идти не хотели». Привыкши защищаться от немцев в крепких стенах своего города и потом, после ухода неприятеля, мстить ему вторжением в его землю немногочисленными отрядами для опустошения, псковичи, как видно, не любили или не умели сражаться правильным строем; об этом можно заключить из следующего летописного рассказа: «Погнались воеводы великого князя и псковичи и нагнали немцев в Очеровах на Могильнике; немцы обоз (кош) свой поставили поодаль от себя и сказали: „Когда Русь ударится на кош, то мы воспользуемся этим и выйдем из Псковской земли; если же ударится на нас, то тут нам сложить свои головы“. Псковичи первые ударились на кош, за ними москвичи и начали между собою драться за немецкое добро, чудь, находившуюся при обозе, всю перебили; немцы в это время напали на москвичей и псковичей, и была с ними сеча, но небольшая. Князь псковский Иван Горбатый начал загонять псковичей, чтоб не ехали по одиначке, и они все по закустовью, и начали ему псковичи прозвища давать – опремом и кормихном. При осаде городов били пушками, стреляли стрелами, приметывали примет; первым делом осажденных было сжечь этот примет.

Ахмат в оба нашествия свои не заставлял Иоанна врасплох, что, вероятно, было следствием бдительности русских сторожевых отрядов, высылаемых в степи; Иоанн жаловался Казимиру, что русские люди ездили на поле оберегать христианство от бусурманства, а литовские люди напали на них из Мценска, Брянска и других мест; потом жаловался, что литовцы перебили московских сторожей на Донце, сторожей-алексинцев, сторожей на Шате.

Относительно состояния дружины, или военного служилого сословия, в Руси Юго-Западной мы узнаем, что здесь в описываемое время название дворянин, уже получает важное значение, какого в Московской Руси не имеет: так, в жалованной грамоте великого князя Александра 1499 года дворянином называется знаменитый князь Василий Глинский. От описываемого времени дошел до нас большой ряд жалованных великокняжеских грамот князьям, панам, боярам на временные владения, или на хлебокормления, и на вечные владения городскими местами и селениями; в грамотах обыкновенно говорится, что имения эти даются самому пожалованному, его жене, детям, будущим потомкам, вечно и непорушно, с пашенными землями, бортными, подлазными, с сеножатями, с озерами и реками, с бобровыми гонами, езами, перевесьями, болоньями, ловами, с данями грошовыми и медовыми, со всякими входами, приходами и платами (уплатами), с землями пустовскими, с млынами (мельницами) и с их вымалками, ставами и ставищами, с рыбниками, с речками и потоками их, с колодезями, с борами, лесами, гаями (рощами), дубравами и хворостниками, с лядами и лядищами, с данями куничными илисичными, со всяким правом и панством, с мытами, явками, капыщинами, со всеми боярами и их имениями, с слугами путными и даньниками, с слободичами, что на воле сидят, с людьми тяглыми, с куничниками, лейтами, конокормцами. В Киевской области княжата и панята, хотевшие ехать в чужие края, должны были сказаться королю или его наместнику и, когда устроят в своем имении службу так, как бы она была при них самих, тогда могут ехать, если

только земской службы не будет; но в неприятельскую землю ехать не могут. Киевлянин, по королевским грамотам, пользовался тою же честью, как литвин, ничем перед последним не понижался; волости киевские держали только киевляне, но киевлянам король раздавал городки, кому хотел; князья, паны и бояре литовские, владевшие имениями в Киевской земле, обязаны были служить с этих имений вместе с киевлянами сами, своими головами. Урядники коронные не имели права судить слуг и людей княжеских, панских и боярских. В уставной Волынской грамоте говорится, что староста не смел срамить злыми словами князей, панов и землян, не смел казнить их и сажать в башню; но если кто из них провинится, то староста извещает короля и поступает с преступником по королевскому наказу; если обвиненный потребует суда королевского, то староста отпускает его к королю, назначивши срок, когда он обязан стать перед последним; князя, пана и землянина староста или наместник один не судит, но имеет при себе князей, панов и землян.

Думают, что относительно управления при Иоанне III последовал переход от прежнего управления посредством только известных лиц к управлению посредством известных присутственных мест, или приказов; думают, что при Иоанне III несомненно должны были существовать приказы: Разрядный, Холопий, Житный, Новгородский. Но ни в одном памятнике, дошедшем до нас от княжения Иоанна III, не упоминается о приказах; и если некоторые приказы должны были явиться непременно при Иоанне III, то не понимаем, почему некоторые из них не могли явиться ранее, если уже не хотим обращать внимания на молчание источников; не знаем, почему, например, Разрядный, Холопий приказы не могли явиться ранее? По некоторым известиям, Иоанну приписывается разделение России на три части: Владимирскую, Новгородскую и Рязанскую – и образование для каждой из них отдельного приказа под названием трети. Но с этим известием мы не можем согласиться, ибо Рязанское Великое княжество не было присоединено еще при Иоанне.

В городском быте Северо-Восточной Руси произошло важное явление: главный представитель быта старых русских городов, Новгород Великий, приравнялся своим бытом к городам Низовой земли. Мы видели, как скудны были наши известия о быте Великого Новгорода, как трудно было по этим известиям составить о нем ясное, определенное понятие; посмотрим, нельзя ли будет теперь, при последнем столкновении Новгорода с великим князем, дополнить несколько наши сведения о различии между бытом Новгорода и бытом городов низовых. Иоанн III потребовал от новгородцев, чтоб государство его было такое же в Великом Новгороде, какое оно в Низовой земле, на Москве; тогда новгородцы просили, чтоб великий князь объявил, как его государству быть в Великом Новгороде, потому что Великий Новгород низовского обычая не знает, не знает, как государь держит свое государство в Низовой земле. На это Иоанн отвечал: «Наше государство таково: вечевому колоколу в Новгороде не быть, посаднику не быть, а государство все нам держать». Итак, быт Новгорода рознился от быта низовых городов тем, что в Новгороде был вечевой колокол, было вече, чего в низовых городах не было; следовательно, если мы встретим в источниках, что в том или другом низовом городе, даже в самой Москве, было вече, то это слово, означающее неопределенно всякое совещание, хотя бы даже между немногими лицами, потом означающее исключительно на северо-востоке народное восстание,

мятеж, — это слово не должно вводить нас в заблуждение, заставляя предполагать, что в низовых городах могло быть что-нибудь похожее на быт старых городов, уцелевший и, вероятно, сильнее развившийся в Новгороде. Требование Иоанна, чтоб в Новгороде вечевого колокола не было, и потом известие, что вечевой колокол действительно был взят из Новгорода и отвезен в Москву, очень важны; существование одного вечевого колокола предполагает существование одного правильного, обычного веча, созывавшегося по звону этого колокола лицами правительственными, князем, посадником, следовательно, другие веча, созываемые противниками князя или посадника по звону других колоколов, не на обычном месте, не были собственно вечами, хотя по неопределенности, обширности значения слова и называются так; в некоторых списках сказания о Тохтамышевом нашествии говорится, что и в Москве по отъезде великого князя «сотвориша вече, позвониша во все колоколы, и стаща суймом народы мятежницы, крамольницы». Ясно, следовательно, что вечей, или восстаний, в Москве на людей, хотевших бежать от татар, в Ростове на татар, в Костроме, Нижнем, Торжке на бояр, вечей, созываемых всеми колоколами, не должно, по одному тождеству названия, смешивать с вечами Новгорода и других старых городов: Смоленска, Киева, Полоцка, Ростова, где жители, по словам летописца, как на думу, на веча сходились и, что старшие решали, на то пригороды соглашались. В известиях о последних минутах вечевого быта в Новгороде мы встречаем другое, еще более важное известие о большом вече; при исчислении неисправлений новгородских к великому князю летописец говорит: «А на двор великого князя, на Городище, с большого веча присылали многих людей, а наместником его да и послу великого князя лаяли и бесчествовали» Если было большое вече, то было и малое — совет, заседание правительственных лиц в противоположность большому, всенародному вечу.

В Новгороде вечевой быт исчез; но он остался еще до времени во Пскове. И в псковской летописи вследствие частых столкновений веча с усилившейся властью великокняжескою находим в описываемое время большее число известий о вечевом быте, чем прежде. Мы видим распоряжение веча в 1463 году во время отсутствия князя-наместника; пришла весть о нападении немцев, и вот Зиновий посадник и псковичи, услышавши эту весть, поставили вече и дали на вече воеводство Максиму посаднику и двум другим лицам; немцы ушли; тогда посадники псковские и псковичи начали думать, куда идти за ними? Приехал князь-наместник, и опять встречаем известие, что псковичи дали на вече воеводство посаднику Дорофею; но, как видно, князь-наместник в это время находился в походе, ибо прежде было сказано, что он и посадники псковские начали собирать пригорожан и волостных людей, и, собравшись, псковичи с пригорожанами и со всеми людьми выступили в поход. Немцы прислали бить челом о мире воеводе великого князя, который приходил на помощь псковичам, князю-наместнику псковскому и всему Пскову; воевода, князь-наместник, посадники и весь Псков, подумавши, заключили мир, после чего немецкие послы целовали крест на вече пред воеводою великого князя и перед всем Псковом. Послы, отправленные Псковом в Москву к великому князю, по возвращении отдавали отчет в своем посольстве на вече; так, посадник Максим, возвратясь в 1464 году из Москвы, начал править на вече посольство: «Князь великий Иван Васильевич всея Руси тебе, своему наместнику, псковскому князю Ивану

Александровичу, посаднику степенному старому Юрию Тимофеевичу, и старым посадникам, и всему Пскову, отчине своей, повествует» и проч. Также на вече отдавали отчет на своем посольстве и послы, возвращавшиеся из Литвы. Мы видели, что еще Василий Темный отнял у новгородского веча право давать грамоты без участия князя, т.е. его наместника; во Пскове при Иоанне мы видим, что вече распоряжается землями в пользу той или другой церкви или монастыря, причем о князе-наместнике не говорится, хотя он находился в это время в городе; под 1471 годом читаем: «Посадники и весь Псков даша им на вече тую землю и воду, и в тыя часы бысть всему Пскову, еще и вече не поспело разойтись, скорбь и туга велика». Но в 1476 году слобожане Кокшинской волости били челом князю-наместнику Ярославу, посадникам псковским и всему Пскову, чтоб позволили им поставить город, и Псков на вече позволил и грамоту дал. Когда в 1501 году явились во Псков московские воеводы, но не хотели идти в Немецкую землю без государева приказания, то князь-наместник, посоветовавшись с посадниками, боярами и псковичами на вече, послал трех гонцов в Москву.

Таким образом, князь-наместник, посадники и вече являются во Пскове тремя нераздельными властями, к которым обращались в делах внешних и внутренних и которые решали эти дела по общему совету. Если вече избирало воевод, то князь-наместник вместе с посадниками собирал войска из пригородов и волостей. Нового князя-наместника принимали честно: духовенство со крестами, посадники и весь Псков выходили к нему навстречу и сажали на княжение в Троицком соборе, после чего он целовал на вече крест ко Пскову на суду, на пошлинных грамотах и на всех старинах псковских; не желая более оставаться во Пскове, князь-наместник выходил на вече и слагал с себя крестное целование. Касательно посадников во Пскове иногда встречаем известия об одном степенном посаднике, иногда о многих: так, под 1462 годом говорится, что заложили псковичи новый Городец при князе псковском Владимире Андреевиче и при посаднике степенном Максиме Ларионовиче; потом читаем, что в 1463 году приехал во Псков на княжение князь Иван Александрович звенигородский при посаднике степенном Зиновии Михайловиче; под следующим годом говорится, что посол, возвратившись из Москвы, правил посольство так: «Князь великий Иван Васильевич всея Руси тебе, своему наместнику, князю Ивану Александровичу, посаднику степенному старому Юрию Тимофеевичу, и старым посадникам и всему Пскову, отчине своей, повествует». Здесь, не предполагая ошибки переписчика, выражение степенному старому можно понимать так, что Юрий не в первый уже раз отправлял должность степенного посадника. Но под 1465 годом говорится, что князь-наместник и посадники степенные Леонтий Макарович и Тимофей Васильевич заложили деревянную стену, после чего постоянно говорится о посадниках степенных, обыкновенно двоих, и говорится так, что не оставляет никакого сомнения, например: «И посадники псковские и со псковичи, а в степени тогда был посадник Яков Афанасьевич Брюхатый да Василий Епимахович, и учали сильно деяти над священники». Так же ясно говорится о двоих посадниках степенных в правой грамоте Снетогорскому монастырю и в некоторых других актах. О тысяцком во Пскове не упоминается, но упоминается о соцких после посадников, например, под 1464 годом: «И целовал крест посадник Максим Ларионович, посадник Игнатий Логинович и соцкие»; или под 1472 годом, где говорится о мире Пскова с Новгородом: «А во

Пскове посадник псковской Афанасий Юрьевич, и бояре псковские, и соцкие, и судьи тогда же и льняную грамоту подрали, вынувши из ларя, и была всем христианам радость большая». Здесь между посадниками и соцкими видим бояр; кто мог достигать во Пскове боярского звания, видно из известия под 1477 годом: «Псков послал к великому князю двух посадников, а с ними два боярина, Опимаха Гладкого да Андрея Иванова, сына попова, раздьякона (т.е. расстриженного дьякона)». Встречаем известие о губских старостах, которые упоминаются после соцких. Касательно правительственного значения городских концов, отношения их к пригородам находим важное известие под 1468 годом: «Той же весне весь Псков поделиша по два пригорода на все концы, коему же концу к старым пригородом новые жеребьем делили, а имал жеребей князь Василий, князя Федора Юрьевича сын, с престола».

Об устройстве низовых городов в княжение Иоанна III мы имеем очень мало известий; упоминается о городском сотнике как чиновнике, распоряжающем городскими постройками, имеющем право тянуть окружных крестьян во все пошлины; в Судебнике упоминается староста, глава посадских людей, который вместе с лучшими горожанами присутствовал в суде. Но довольно много известий дошло до нас от описываемого времени о быте городов юго-западной Литовской Руси. В мае 1494 года великий князь Александр подтвердил киевским мещанам уставную грамоту отца своего Казимира по этой грамоте мещане не поднимали ничем послов польских, московских, валахских, молдавских, но поднимали только послов литовских и ордынских; не стерегли казны великокняжеской и воеводской, только в случае прибытия самого великого князя в Киев обязаны были содержать при нем стражу; не топили бани, не возили дров; коней, животины, овец и свиней по киевским дворам не сгоняли, сена за рекою не косили, косили только один день под борком, скошенное должны были убрать, но в город сена не возили ниоткуда; плотов не сгоняли, на берег не волочили; плотин не сыпали, кроме одной плотинки под городом; в облаву не ходили, города не рубили, не мостили городского моста, не платя, однако, слугам воеводским посекирщины; пленников не стерегли, не ездили на сторожу в поле; вольно им было ездить в бор по дрова во все стороны, также на болоньи и на островах за Днепром сено косить, чем место кормилось; если воевода поедет за две мили от замка или на охоту, то подвод ему не давали, давали только по снопу сена сокольникам воеводским; мещане и слуги городские с послами в Орду не ходили, вышегородского, черныбыльского, белгородского и глевацкого мыта не платили по всей земле Киевской. Кто из мещан захочет выселиться в другой город или место, тот должен продать недвижимое имущество, а с движимым может выехать в какие хочет области Великого княжества Литовского, только не за границу. Для торговли вольно им ездить, кроме служилых неданных (неясачных) людей; если придет весть о приближении татар, то им с места не ехать, если же поедут, то должны оставлять на свое место людей добрых, которые могут за них отправить великокняжескую службу. Кто возьмет за себя мещанку с домом, тот обязан отправлять такую же службу, которая прежде отправлялась с того дому. Кто из мещан одождает, тому вольно продать свой дом для уплаты долга, но, кто купит дом, тот обязан отправлять с него такую же службу, какая отправлялась и прежде. На войну данные (ясачные) люди не ходили. Прежде воевода брал пеню с тех, кто по ночам с огнем сиживал; но теперь эти дела были отданы в ведение войта,

который должен отвечать, если по его несмотрению сделается в городе пожар. В 1497 году киевский войт, бурмистры, радцы и все мещане били челом великому князю Александру, чтоб освободил их навсегда от мыта по всей вотчине своей, Литве, Руси и Жмуди, потому что они разорены от ежегодных нападений татарских; великий князь исполнил их просьбу. В 1499 году киевский воевода Димитрий Путятич жаловался великому князю, что мещане киевские как скоро получили немецкое право, то отняли у воевод все уряды и пошрины городские. Вследствие этой жалобы дана была киевскому войту и мещанам уставная грамота о воеводских доходах, в которой говорится: если купцы или козаки приедут в Киев и станут на подворье у какого-нибудь мещанина, то последний обязан объявить о них воеводе или наместнику, по старому обычаю; если же не объявит, то платит воеводе пеню. Если осмник, выбираемый воеводою из слуг своих, застанет христианина, мещанина или козака в безнравственном деле с женщиною, то наместнику митрополичьему идет с виновного урочная пеня, а воеводе – копа грошей; если же осмник застанет в таком деле турка, татарина или армянина, то воеводе с виноватого идет двенадцать коп грошей. Козаки, ходящие вниз по Днепру до Черкас и дальше, должны со всякой своей добычи давать воеводе десятину. Если привезут в Киев рыбу, просольную и вялую, то осмник воеводин осматривает ее и обмычивает и берет на город от бочки рыбы по шести грошей, а от вялых и свежих рыб – десятину; если же привезут осетров, то не смеют их продавать целиком, пока осмник не возьмет от каждого осетра по хребтине или от десяти осетров десятого. Перекупщики, которые сидят в рядах и торгуют хлебом и другими припасами, обязаны давать осмнику каждую субботу от товара по деньге; а который человек новый захочет сесть в рядах и торговать съестными припасами, такой должен дать осмнику куницу, двенадцать грошей. Если случится покража на берегу на реке на таком расстоянии, что можно от берега палкой докинуть, то эту покражу судит осмник; также если кто украдет белье или женщина с женщиною подерется, то такие дела судит осмник вместе с наместником митрополичьим. Если купеческий воз, выезжающий из Киева и нагруженный товаром, обломится с одной стороны по Золотые ворота, а с другой – по реку Почайну, то брать его на воеводу, потому что купцы нарочно нагружают тяжело возы свои, чтоб было их меньше и, следовательно, чтобы меньше платить пошрины. Лучники, кузнецы и сапожники должны давать воеводе луки, топоры и сапоги на Светлое воскресенье и на Рождество Христово. Из этой грамоты объясняется для нас должность осмника, которая, по всем вероятностям, была та же самая и в старину, ибо осмник упоминается и в Русской Правде, и в летописи между событиями XII века; объясняется и пошрина осмничее, которую уже мы встречали в Северо-Восточной Руси. Несмотря на то что еще в уставной грамоте 1494 года киевские мещане были освобождены от подъема послов московских и волошских, в 1503 году они подали великому князю Александру жалобу, что послов и гонцов московских, волошских, турецких, перекопских, заволжских и других ордынских поднимают, подводы под них дают, коней и казну посольскую стерегут, в Орду с великокняжескими послами ходят, под воеводских гонцов подводы дают; также от тиунов киевских терпят великие притеснения; жаловались, что в Киеве живут епископские, митрополичьи, воеводские, архимандричьи, княжеские, панские, землянские, милославчане и другие прихожие люди, также разные ремесленники, перекупщики, рыболовы, в Киеве и

поселяне торгуют, а служб городских с мещанами не служат и податей не платят. Вследствие этой жалобы великий князь писал к киевскому воеводе, чтобы мещане были освобождены от посольского подъема и вынуты из тиунских рук; также, чтоб пришлые люди участвовали во всех городских повинностях, в противном случае мещане могут их грабить.

В 1498 году Полоцк получил магдебургское право с определением войтовских доходов, а именно третьего пенязя от всех судных пошлин, половины мясных лавок, отдачи в его ведомство винных промышленников и торговцев; с освобождением мещан от подвод, сторож, от мыта по всему княжеству Литовскому; с правом построить всенародные бани и ратушу; в городе должно быть всегда двадцать радцев, которых избирает войт, половину закона римского и половину греческого; эти радцы вместе с войтом ежегодно выбирают двух бурмистров, одного закону римского, а другого греческого; бурмистры вместе с войтом управляют общиною: перенос дел от бурмистров и радцев допускается к войту, но от войта перенос дела может быть только к великому князю; войт может решить дело без бурмистров и радцев, но бурмистры и радцы без войта или лент-войта не могут ничего решить. Полоцк обязан платить ежегодно 400 коп грошей в казну великокняжескую. И в Полоцке, как в Киеве, после получения магдебургского права не обошлось без столкновения между властью войта и властью наместника королевского, так что в 1499 году великий князь Александр должен был особою грамотою точнее определить отношения этих властей; по этой грамоте тяжбы о земле между боярином, мещанином или путником судит наместник с старшими боярами полоцкими, по старому обычаю; в случае спора о границах земельных должен ехать наместник или бояр послать; если приедут послы из Новгорода, Пскова, из Лук Великих или от немцев ливонских для решения обидных дел земских, то наместник с старшими боярами, призвавши к себе войта и старших мещан (если дело будет касаться города), послов принимает и отправляет, как было в старину. Бояре имеют право спускать в Ригу по Двине собственное жито, крупу, золу и смолу, не перекупая ни у кого; золу и смолу они должны добывать в своих пущах, а не в великокняжеских и не в городских. Если мещанину или путнику будет дело до боярина или до его человека, то судит наместник в городе с боярами городским правом, а войт и мещане должны быть при суде; если же боярину, или великокняжескому человеку, или боярскому человеку будет дело до мещанина или до путников, кроме споров о земле, то судит войт в ратуше правом немецким, а наместник с великокняжеским человеком посылает судью; если великокняжеский или боярский человек будет виноват, то пеня с него идет его господарю. Люди боярские, живущие в городе и на посаде (на месте) на своих землях и занимающиеся торговлей, должны вместе с мещанами платить все подати, но войт и мещане не должны их судить и в право немецкое писать; также войт и мещане не должны принимать к себе крепостных людей боярских и судить их немецким правом: судит их наместник городским правом. В следующем году Александр почел за нужное исключить из магдебургского права сельских путников и отдать их в ведение наместника, потому что уменьшение числа пригонных людей оказалось вредным для полоцкого замка; но тут же было подтверждено, что люди, принадлежащие духовенству и боярам, также ремесленники и люди, заложившиеся за наместника, духовных лиц и бояр, принадлежат к магдебургскому праву.

В 1499 году получил и Минск магдебургское право с обязанностью платить ежегодно в казну великокняжескую по шестидесяти коп грошей; сравнив эту сумму с суммой, платимой Полоцком (400 коп), увидим всю разницу в богатстве двух городов. В 1503 году князя, бояре и слуги, войт и мещане и земля Витебская били челом великому князю Александру и объявили ему, что приходили злодеи из Великого Новгорода, покрали у них церковь Богородицы и вместе с другими вещами украли и жалованную грамоту (привилей), полученную ими от короля Казимира. Александр дал им новую жалованную грамоту, подобную прежней; по ней Александр обязался не вступаться в дома церковные, купли, безадщины и отмерщины витебские; жен силою замуж не выдавать; в духовные завещания не вступаться; на подводы коней у городских людей и у сельских путников не брать; холопу и рабе не верить; судов предков своих не посуживать; без исследования дела видблянина не казнить; своих судных приговоров не переменять; казнить по вине; челобитья у видблян принимать, не сажая их через поруку в железа и не подвергая их никакой муке; отчин у них не отнимать, в села купленные и поля не вступаться; заочному обвинению не верить; кто станет на них доносить, того имя объявить, а в заставу нигде видблян не сажать; на войну быть всем видблянам готовыми; по волости Витебской воеводе великокняжескому не ездить; поедет на охоту, то его по станам не дарить; сябров городских в пригон великокняжеский не гнать, ни в подводы, ни на охоту; в весы витебские и локоть великому князю не вступаться, а кто провинится на весах или на локте, того видблянам самим казнить по своему праву; у кого из видблян забракуют (загудят) воск в Риге и приедет он в Витебск, то видблянам самим казнить виноватого; великому князю видблян не дарить никому; они освобождаются от мыта по всем владениям литовским; воеводу давать им по старине, по их воле: который воевода будет им нелюб и обвинят они его перед великим князем, то последний дает им другого воеводу по их воле; в первый день приезда своего в Витебск воевода целует крест видблянам, что без суда не будет казнить их ни за что по наговорам. Видбляне живут в Витебске добровольно, пока хотят, а кто не захочет, того силою не удерживать, путь ему чист, куда хочет; поедет прочь в великокняжескую отчину, в Литву, не тайно, св. Благовещенью челом ударивши, объявившись воеводе и своим братьям, мужам видблянам, будучи волен во всем своем имуществе: может продать его или отказать; если видблянин, приехавши в Литву к великому князю, пожалуется на видблянина, то великий князь без истца децкого из Литвы на обвиненного не шлет, хотя бы дело шло о смертном убийстве, но дает жалобщику лист к воеводе, который судит по крестному целованию, рассмотревши дело с князьями, боярами и мещанами, а, осудивши, казнит в Витебске по тамошнему праву. Великий князь не отнимает выслуженного имущества у князей, бояр, слуг и мещан, местичей витебских из города не выводит вон. Кто из литовцев или поляков был крещен в Витебске в русскую веру и оставил потомков, тех не трогать, права их христианского ни в чем не нарушать. – Сравнивши эту грамоту с грамотами новгородскими, увидим общие черты быта городов старой Руси. При Александре же получил магдебургское право Волковыйск, Высокий, Бельск в земле Дрогочинской; войтовство в последнем городе отдано было в потомственное владение данцигскому мещанину Гоппену.

В 1500 году по просьбе старосты смоленского и всех мещан Александр освободил их от мыта на пятнадцать лет; а в 1502 освободил их на шесть лет от

серебщизны, ордынщины и других податей вследствие разорения мещан от гарнизона; встречаем разные льготные грамоты, данные и другим городам. Мы видели, как псковичи редко уживались с наместниками великого князя московского; видим и жалобы западных русских городов, имевших формы быта, подобные псковским, на наместников и других урядников великого князя литовского; так, жители Витебска жаловались на своего наместника, что когда кто-нибудь из них, купивши мед пресный, жито и рыбу, привезет в Витебск в свой дом, то слуги наместничьи, отбивая замки, силою берут эти товары на наместника и денег за них не дают, а которые хозяева брать не позволяют, тем наместник запрещает продавать эти товары на месте и таким образом разоряет их; от каждого струга, отправляющегося в Ригу, берет по десяти грошей; когда шлет свою золу в Ригу и велит там менять ее на соль, то на каждый мещанский струг накладывает по меху своей соли, а кто из мещан не захочет брать этой соли, с того берет по десяти рублей грошей. Издавна мостили мостовую – каждый человек перед своим двором с пяти топорищ; так хотя бы мостовая была и нова, слуги наместничьи, ходя ночью, вздирают мостницы и за то с каждого двора берут по грошу. Колоду новую наместник устроил, и слуги его за малые вины сажают жителей в эту колоду, а на поруки не отпускают. Мещане содержат стражу в городе: слуги наместничьи заставляют этих сторожей вместо крепости сторожить свои дома. Наместник полоцкий Станислав Глебович стал нарушать магдебургское право, данное полочанам, на том основании, что при этом праве ему нечем поживиться: присуды с мещан все отошли; великий князь запретил ему нарушать магдебургское право, но дал ему для поживы сельских путников в городской присуд.

Относительно внешнего вида русские города вообще (кроме столицы Москвы) не изменились; встречаем известие о постройке деревянных и каменных укреплений; деревянные города, или крепости, получили Владимир, Великие Луки; мы упоминали уже о построении каменной крепости Иван-города на ливонской границе; Новгород после падения своего старого быта не потерял важного значения для московского правительства, оставался вторым городом в государстве, и к 1491 году был построен в нем каменный детинец. Для псковичей опасность со стороны ливонских немцев не прекратилась, потому не прекратились и старания их укреплять границы постройкою новых городков и укреплять самый Псков постройкою новых стен, возобновлением, расширением старых. В 1462 году они заложили на спорном месте над Великим озером Новый Городец, в том же году и окончили его, строили мастера псковские с волостными людьми (волощанами) и взяли за труды 90 рублей; в том же году заложили другой город – Володимерец. Значительнее была постройка укреплений в самом Пскове: так, в 1465 году 80 человек наймитов начали строить укрепления в Кромном городе и строили три года за 175 рублей; под 1473 годом встречаем известие, что псковичи «около буя св. Николы, в Опочковском конце, камнем сделав и врата каменные изрядив, садом яблонями насадили». Благодаря дошедшей до нас переписной окладной книге мы можем иметь довольно ясное понятие о состоянии двух городов – Орешка и Корелы – и по ним судить о других. В Орешке видим дворы на посаде лучших людей своеземцев, где они живут сами; дворы городских людей лучших; дворы молодых людей городчан; всех дворов внутри города и на посаде своеземцевых и городчан лучших людей и молодых, тяглых – 139, людей в них –

189 тяглых; великокняжеского оброка положено на них 8 рублей денег; потом перечисляются на посаде и внутри города дворы своеземцевы, в которых живут дворники: таких дворов 17, а дворников в них 18 человек, тянут дворники с горожанами; далее перечисляются дворы великокняжеские поземные; дворы нетяглые, где живут священники, дьяки и сторожа церковные; дворы, где живут великого князя холопы – пищальники и воротники; наконец, дворы пустые. В Кореле на посаде дворов своеземцевых, и рядовых людей, и рыболовних лучших, и молодых тяглых – 188 дворов, а людей в них – 232 человека; оброка на них положено 10 1/2 рублей; потом перечисляются дворы детей боярских и служилых людей, помещиков, дворы духовенства, пищальников, воротников. Относительно мер общественной безопасности встречаем под 1494 годом известие об устройении в Москве по улицам решеток. В Псковской летописи под 1487 годом встречаем следующее любопытное известие: «Бысть в Пскове град велик над градом, как садовое яблоко, из тучи молнии блистанья, а взялись тучи с озера; да на Крому костер загорелся, против Лубянского всхода, что снесь блюли собакам на ядь». Можно подумать, что собаки содержались от города для общественной безопасности?

Сохранение русскими городами прежнего вида должно было вести по-прежнему к частым и опустошительным пожарам. В 1468 году погорели в Москве на посаде восемь улиц, Кремль уцелел, хотя и тяжело было внутри его; но через год погорел весь Кремль, остались целы только четыре двора. Через год после этого погорел посад, пожар начался в третьем часу ночи и длился на другой день до обеда, одних церковей сгорело 25; сам великий князь ездил с детьми боярскими, гася и разметывая. В следующем году погорел весь Кремль, едва отстояли большой двор великокняжеский, но митрополичий двор сгорел; в сентябре 1475 года погорел в Москве посад, в октябре – Кремль; загорелось в четвертый час дня; великий князь сам приехал со множеством людей, погасил пожар и поехал к себе на двор обедать, как вдруг в половину стола пожар вспыхнул снова, и сгорел чуть не весь город, едва уняли огонь в третьем часу ночи; сам великий князь являлся всюду, где было нужно, со многими людьми; в 1488 году сгорело 42 церкви на посаде; в 1493 году весною погорел весь Кремль, а летом 28 июля был страшный пожар: и в Кремле, и на посаде сгорело более 200 человек. «Летописец и старые люди сказывают, как Москва стала, такого пожара в ней не было», – записано в дошедшей до нас летописи; потом упоминается о большом пожаре в 1500 году. Мы не упоминаем о менее значительных пожарах в Москве. В 1472 и 1482 годах были большие пожары в Новгороде. В 1491 году погорел Владимир весь, и крепость и посады; и в том же году сгорело в Угличе более 500 дворов с 15 церквями; в 1493 погорели Кострома и Рязань. Псковский летописец упоминает об осьми больших пожарах в своем городе и один только раз говорит о причине пожара: поджег чухонец, подосланный немцами. В 1471 году был сильный пожар в Вильне: сгорело 400 дворов, король Казимир со всем двором и казною выбежал в поле; но Русский конец и русские церкви остались целы.

Относительно сельского народонаселения видим, что правительство заботится о строгом соблюдении срока для перехода сельчан, именно Юрьева дня осеннего: крестьян, оставивших земли ранее этого срока, переселяют назад, на прежние жилища. В договорной грамоте между рязанскими князьями переход

сельчан подтверждается вместе с переходом дружины, чего не встречаем в других грамотах. В статье Судебника Иоаннова «О крестьянском отказе» говорится: «Крестьянам отказываться из волости, из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего. За пожилые дворы платят: в полях за двор – рубль, в лесах – полтина. Если крестьянин поживет за кем год и пойдет прочь, то платит четверть двора; за два года платит полдвора; за три года – три четверти; за четыре – весь двор. По-прежнему даются льготы землевладельцам, населявшим пустые земли; землевладельцам, населившим свои пустые земли, дается право суда над поселившимися у них людьми, выключая обыкновенно суда уголовного, сами же землевладельцы подчиняются только суду князя или боярина веденого». Из переписной окладной книги Вотской пятины можно получить понятие о размещении сельского народонаселения и его отношении к землевладельцам. Сел и селец с народонаселением от 15 до 120 душ встречаем очень мало; деревень с народонаселением от 7 до 15и свыше душ также очень мало; обыкновенно деревни состоят из 1, 2, 3, 4 дворов с 1, 2, 3, 4 душами. Как мы видели уже, при каждом селении после перечисления крестьян в переписной книге показывается, что с них идет землевладельцу и его ключнику, напр.: «Деревня Вахоницы, Микулка Семенов, сын его Иванко; сеют ржи четыре коробы, а сена косят двадцать копен, обжа; доходу одна гривна и десять денег, а хлеба треть, а ключнику две лопатки бараньи, четверка ржи, четверка овса, четверка ячменя, деньга, овчина, сыр, горсть льну». Сельское народонаселение разделялось на крестьян и поземщиков: крестьянами назывались занимавшиеся земледелием, а поземщиками – занимавшиеся другими промыслами: рыболовством, звероловством и т.д. Селения, состоявшие из людей, занимавшихся хлебопашеством, назывались рядками. Относительно происхождения холопей находим статью в Судебнике Иоанновом, которая повторяет положение Русской Правды с некоторыми, впрочем, распространениями: «По полной грамоте холоп, по тиунству и по ключу сельскому холоп, с докладом и без доклада, с женою и детьми, которые у одного господина; которые же дети живут за другим господином или живут сами по себе, те не холопы; по городскому ключу не холоп; по рабе холоп, по холопе раба, по приданной записи холоп, по духовной холоп. Если холопа полонит рать татарская и он выбежит из плена, то свободен и старому господину не холоп».

Относительно быта сельского народонаселения в областях литовских видим, что некоторые волости освобождались от зависимости городского начальства: так, в 1497 году великий князь Александр писал в Торопец, чтоб дань и тиунщина в старцевой волости собирались волостным старцем, чтобы наместник торопецкий за данью и тиунщиною в эту волость не въезжал, не судил там и не рядил: судит и рядит волощан старец их или выезжай великокняжеский, который выедет к ним за данью или за каким-нибудь другим делом. В литовских владениях встречаем пожалования людьми: так, великий князь Казимир пожаловал князя Ивана Глинского в Стародубском повете четырьмя человеками с их землями пашными и бортными, сенокосами, реками, бобровыми гонами; волен князь Иван этих людей с их землями продать, подарить, променять и вообще распорядиться, как почтет для себя полезнее. Видим и переход вольных сельчан; в грамоте Александра тому же князю Глинскому на владение сельцом Смолиным сказано: на этом сельце князь Александр посадил людей вольных прихожих; так если они не захотят

служить ему, князю Ивану, то он обязан отпустить их добровольно со всем их именем. Относительно перехода крестьян Бельской области грамотою великого князя Александра узаконена важная мера: было определено, сколько дней крестьянин обязан был работать за известный участок земли; определено, сколько отходящий крестьянин обязан заплатить землевладельцу, и прибавлено: «Если бы кто-нибудь из землевладельцев (землян) с целию посадить на своей земле большее число крестьян (кметей) захотел установить в своей земле легчайшие работы и дани, к общему вреду землевладельцев, таковой за нарушение великокняжеского устава платит сто коп грошей». Видим, что к дворам великокняжеским принадлежала невольная челядь и великие князья отдают эти дворы в хлебокормление вместе с челядью невольною, житом, коньми, животиною, людьми путными и тяглыми, с конюхами, рыболовами, землями пашными и проч.

Если меры, предпринимавшиеся правительством для умножения народонаселения Северо-Восточной Руси, и в княжение Иоанна III были те же самые, что и прежде, то относительно препятствий к этому умножению, относительно бедствий политических и физических должно заметить, что для областей, доставшихся Иоанну в наследство от отца, его правление было самым спокойным, самым счастливым временем: татарские нападения касались только границ; но этих нападений было очень немного, вред, ими причиненный, очень незначителен; восстание братьев великокняжеских только напугало народ; остальные войны были наступательные со стороны Москвы: враг не показывался в пределах постоянно торжествующего государства. Новгород и его область потерпели много от двукратных походов Иоанновых, от мора, бывшего следствием осады, от страшного мора в 1467 году, когда в одном Новгороде умерло более 48000 человек, а во всех пятинах – с лишком 250000 человек. Тверская область до присоединения страдала некоторое время от обид московских; Рязанская была спокойна; Пскову по-прежнему вредили опустошительные войны с немцами. О физических бедствиях – голоде и море – в собственно московских областях летописцы упоминают два раза: под 1463 и 1464 годом; в Пскове свирепствовала жезла в продолжение двух лет, 1465 и 1466, и потом в 1487 году; здесь же видим и дурной урожай в 1485 году. От времен Иоанна III дошли до нас новые известия, новые подробности о торговле русской; узнаем, что из Москвы по рекам Москве, Оке и Волге ежегодно отправлялись суда в Астрахань за солью; что купцы из московских областей, именно из Москвы, Новгорода, Коломны, Можайска, Твери, торговали в Кафе и Цареграде, в Азове, Токате и ездили оттуда за товарами чрез литовские владения, потому что прямой путь степью был опасен и труден; товары, вывозимые русскими купцами из Кафы, были: шелк, шелковые и шерстяные материи, шелковая тесьма, ширинки кисейные, бумага хлопчатая, кушаки, сафьян, сабли, сагадаки, гребни, ожерелья, дорогие камни, губки, ковры, жемчуг, ладан, мыло, грецкие орехи чиненые, инбирь, перец, миндаль, ревень, шафран, мускус, канфора, краски. Потом купцы из московских областей ездили в литовские, торговали в Киеве, Полоцке, Вильне, Путивле и других местах, привозили сюда меха беличьи, лисьи, бобровые, горностаевые, рысьи, выдровые, воск, мед, шелковые материи, шубы, однорядки, кожухи, епанчи, колпаки, шапки, однорядки новгородские, свиты новгородские, овчины, малые овчинки, щиты, бубны соколы, москательные товары. Русские купцы ездили в Казань, казанские – в Москву; из Кафы приезжали в Москву

армяне; из Орды Волжской по-прежнему приходили купцы вместе с послами: однажды приехало 3200 купцов, которые привели на продажу 40000 лошадей. По свидетельству Контарини, в Москву во время зимы съезжалось множество купцов из Германии и Польши для покупки разных мехов, соболей, волков, горностаев, белок и рысей. И русские купцы ездили в Крым человек по 120 кроме прислуги, возили товару иногда тысяч на шестнадцать, иногда двое купцов торговали вскладчину, у обоих товар за один был, и потому назывались складниками; видим, что слово «гость» вовсе не означало именно купца, торгующего с иностранными государствами, но просто значительнейшего, богатейшего купца, ибо в числе заграничных торговцев находим и купцов: так, Иоанн III, запрещая торговцам ходить в Азов одним, без посла, пишет: «Гостям и купцам нашим». Относительно торговли псковской с немцами узнаем, что последние в мирных договорах обязывались не пускать в Псков пива и меду.

Для развития внешней восточной торговли в княжение Иоанна III важно было то, что Казань долгое время находилась в подчинении Москве; это обстоятельство было тем более важно, что с остатками Волжской Орды, с сыновьями Ахматовыми была постоянная вражда; окончательное подчинение Перми, разумеется, облегчило московским купцам торговлю со странами приуральскими. Дружба с крымским ханом и начавшиеся при его посредстве сношения с Турцией освобождали, хотя не всегда, московских купцов от притеснений во владениях султана; но мы видели, что удобный доступ в эти владения зависел от того, в каких отношениях находилась Москва к Литве, ибо прямая дорога из московских владений в Азов и Кафу, через степь, была крайне опасна по причине разбоев, производившихся так называемыми азовскими козаками, которые разбивали послов и шедших с ними купцов. Безопаснее был путь чрез литовские владения; но и здесь, как мы видели уже, московские купцы подвергались частым притеснениям в княжение Казимира: мытники, которые были обыкновенно жида, увеличивали мыты вопреки договорам; мыты брались в Киеве, Чернобыле, Чернигове, Смоленске, Дорогобуже, Вязьме, Гомеле, Колодничаях, Вильне, Новгороде Северском, Радогоще, Трубчевске, Брянске, Минске, Полоцке, Люблине. Иоанн посылал жаловаться Казимиру, что прежде брали в Вязьме по грошу с воза, а потом стали брать по деньге; в Волочке Вяземском прежде брали с судна товарного по два гроша, а потом стали брать по три; в Смоленске прежде брали один раз тридцатое с гостей, которые ехали в Киев и возвращались назад в Москву, а потом стали брать два раза; прежде в Смоленске давали рядничему с товарного человека по грошу да старосте по грошу, а потом прибавили, и с прислуги (робят людских) стали брать по грошу, притом, один ли кто приедет, сам ли десять приедет, берут на рядничего по гривенке перцу и столько же на старосту; в Колодничаях и Вильне не брали прежде ничего, а потом стали брать. Приехавши в город, купцы обязаны были относить подарки воеводе и жене его. Кроме того, мытники и владельцы, чрез земли которых купцы проезжали, грабили у них товары. Наконец, купцы терпели от разбоев. При наследнике Казимира, Александре, в то время как он не находился в войне с тестем, встречаем мало жалоб на притеснения московских купцов в Литве; узнаем, что в это время из Литвы запрещено было тамошним правительством вывозить серебро, а великий князь московский запретил ввозить в свои владения соль из Литвы, от немцев же в Новгород шла не только соль, но и мед.

При отсутствии усобиц, при кратковременной расправе Москвы с Тверью и Новгородом, после чего оба эти города с их областями присоединены были к Москве, внутренняя торговля при Иоанне III должна была развиваться сильнее, чем когда-либо прежде; встречаем известия о торгах или ярмарках; так, в 1491 году великий князь перевел торг от Троицкого монастыря в городок Радонеж; в духовном завещании своем Иоанн III говорит: «Что я свел торг с Холопья городка на Мологу, на тот торг пусть съезжаются; торговать, как было при мне; сын мой Димитрий берет пошрины, как было при мне, а лишних пошлин не прибавляет; сын же мой Василий и другие дети этого торгога на свои земли не сводят и не запрещают в своих землях на него ездить». О внутренней торговле встречаем любопытное известие в житии св. Даниила Переяславского, где говорится, что однажды святому случилось увидеть на реке Трубеже большое судно, привязанное волосяным канатом к берегу с товарами тверских купцов. По свидетельству Иосафата Барбаро, в Москве было такое изобилие в хлебе и мясе, что говядину продавали не на вес, а по глазомеру. За один марк (marchetto) можно было получить четыре фунта мяса; семьдесят кур стоили червонец, гусь – не более трех марок. Зимой привозили в Москву такое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, что за один раз можно было купить до двухсот штук. Жители для поездок своих, особенно продолжительных, избирали преимущественно зимнее время; летом же никто не отваживался в дальний путь по причине большой грязи и множества мошек, порождаемых окрестными лесами, почти вовсе необитаемыми.

По грамоте великого князя Александра литовского в Полоцке были учреждены три двухдневные ярмарки в году, во время которых рижские и другие иностранные купцы могли покупать товары, как хотели; но в обыкновенное время, кроме ярмарочного, иностранные купцы могли покупать товары только в большом количестве, например воск – штуками не менее полуберковца, меха – сороками; не имели права покупать эти товары ни в лесах, ни в борах, ни в селах, а только в Полоцке; продавать свои товары иностранные купцы опять могли только в большом количестве. Из этой грамоты Александровой мы узнаем, что отпускная торговля Полоцка состояла в воске, мехах, золе и смоле, а привозная – в сукнах, соли, пряных кореньях, миндале, топорах, пилах, железе, олове, меди, цинке, вине и пиве; по той же грамоте рижские купцы могли торговать только в Полоцке и не смели ездить ни в Витебск, ни в Смоленск; из другой грамоты Александровой узнаем, что бояре полоцкие отпускали в Ригу хлеб, крупу, золу и смолу. В 1503 году великий князь Александр по челобитью войта, бурмистров, радцев и всех мещан виленских позволил им построить у себя гостиный дом, в котором должны останавливаться гости – москвичи, новгородцы, псковичи, тверичи и другие иноземные купцы, объявив о себе наместнику воеводину, потому что прежде гости останавливались в мещанских домах, без вести приезжали, без вести и уезжали, так что между ними легко могли быть лазутчики и другие лихие люди. В Киев, по свидетельству Контарини, съезжалось множество купцов из Великой России с различными мехами, которые они отправляли в Кафу с караванами.

Благодаря торговле Новгород Великий был самым богатым, самым обширным и самым великолепным городом в Северо-Восточной Руси; Владимир, украшенный Боголюбским и Всеволодом III, был разорен татарами и после не поднимался, перестав быть местопребыванием великокняжеским; Москва начала

усиливаться не в такое время, когда можно было думать об ее украшении, и потому до времен Иоанна III представляла очень бедный вид. Но теперь обстоятельства переменились: Москва сделалась столицею обширного государства, средства великого князя увеличились, и, главное, он получил возможность в тишине, беспрепятственно употреблять эти средства для украшения своего стольного города. При вступлении на престол Иоанна в Кремле в Вознесенском монастыре, где хоронились великие княгини, виднелась недостроенная церковь: два раза две великие княгини принимались ее строить – жена Донского, Евдокия, и жена сына его, Василия, София Витовтовна, но верх еще не был сведен; после многих пожаров камень обгорел, своды повредились; мать Иоанна, великая княгиня Мария, захотела окончить начатое предшественницами своими здание, долженствовавшее служить для нее также местом погребения, и поручила дело мастеру Василию Дмитриеву Ермолину. Ермолин не стал разбирать всего старого здания, разобрал только то, что было повреждено, обложил всю церковь снаружи новым камнем да обожженным кирпичом, свел своды и окончил строение; все дивились этому необычайному делу, говорит летописец.

Но главным украшением города считался соборный храм, и Москва менее всего могла похвалиться этим украшением. Соборная церковь Успения, построенная при Калите, уже успела так обветшать, что своды тронулись, и потому принуждены были подпереть здание толстыми деревянными столпами; надобно было думать о построении другой церкви, и вот в 1472 году митрополит Филипп призвал двух мастеров – Кривцова да Мышкина – и спросил их, возьмутся ли они построить церковь такую же, как владимирский собор Богородицы. Мастера взялись, и митрополит назначил большой сбор серебра со всех священников и монастырей на церковное строение, а бояре и гости добровольно давали деньги; когда серебро было собрано, приступили к делу, разрушили старую церковь и начали строить новую; но когда на третий год стали сводить своды, здание рухнуло. Великий князь послал во Псков за тамошними мастерами, пришедшими из Немецкой земли; мастера приехали, осмотрели рухнувшее здание, похвалили гладкость работы, но похулили известь, которая растворялась жидко, не клеевито, что и было главною причиною непрочности дела. Псковским мастерам, однако, не дали поправить ошибку Кривцова и Мышкина; по всем вероятностям, София Фоминична, приехавшая незадолго перед тем в Москву, уговорила мужа вызвать из Италии более надежного художника, и великий князь, отправляя в Венецию Семена Толбузина, велел ему искать там церковного мастера. Толбузин нашел в Венеции много мастеров, но только один из них согласился ехать в Москву за десять рублей в месяц жалованья: то был болонский уроженец Аристотель Фиоравенти; и его даже насилу отпустили с Толбузиным. Аристотель привез сына Андрея и ученика Петра; осмотревши старые церковные работы, он похвалил гладкость их, но сказал, что известь не клеевита и камень не тверд, почему и объявил, что начнет все делать снова; остатки прежнего строения разбил стенобитною машиною-бараном. «Удивительное дело! – говорит летописец. – Три года делали, а он меньше чем в неделю развалил, не успевали выносить камень!» Аристотель съездил и во Владимир; осмотревши тамошнюю церковь, он похвалил ее и сказал: «Это работа каких-нибудь наших мастеров!» Печь для обжигания кирпича он

устроил за Андроньевым монастырем, делал кирпичи уже прежних, но продолговатее и тверже; чтоб разломить их, нужно было прежде в воде размачивать; известь также велел мешать густо, так что когда засохнет, то и ножом нельзя расколупать; для поднятия камней вверх Аристотель сделал колесо; чудно было смотреть, как поднимали колесом камни, прицепив их за веревку! В 1475 году начал Аристотель свои работы, в 1479-м кончил. Освящение соборной церкви Иоанн праздновал великолепно: велел раздать милостыню на весь город, угостил обедом митрополита, епископов, архимандритов и всех бояр; на следующий день митрополит и все соборы (белое духовенство) обедали у государя в средней горнице, а сам великий князь стоял перед ними и с сыном своим. Все соборы ели и пили на дворе великокняжеском семь дней. Но построением Успенского собора не ограничилась деятельность Аристотеля, ибо он был не только искусный муроль (архитектор), но умел также лить пушки и стрелять из них, лить колокола, чеканить монету. Во время осады Новгорода Аристотель построил под Городищем мост на судах; во время похода под Тверь Аристотель шел с пушками; на монетах Иоаннова времени видна надпись: Aristoteles.

Но деятельности одного Аристотеля было недостаточно для удовлетворения всем потребностям, которые начинало чувствовать новорожденное государство Московское; посылая к двору императорскому Юрия Траханиота, Иоанн дал ему наказ: «Добывать великому князю мастеров: рудника, который руду знает золотую и серебряную, да другого мастера, который умеет от земли отделять золото и серебро; если Юрий сыщет таких мастеров, то ему их выпросить, а рядить их, чтоб ехали к великому князю на наем, по сколько им в месяц давать за все про все; добывать также мастера хитрого, который бы умел к городам приступить, да другого мастера, который бы умел из пушек стрелять, да каменщика добывать хитрого, который бы умел палаты ставить, да серебряного мастера хитрого, который бы умел большие сосуды делать и кубки да чеканить бы умел и писать на сосудах». Короля Максимилиана Юрий должен был просить, чтоб послал к великому князю лекаря доброго, который бы умел лечить внутренние болезни и раны. У венгерского короля Матвея Иоанн также просил рудознатцев, архитекторов, серебряных мастеров, пушечных литейщиков. В 1490 году великокняжеские послы привезли в Москву лекаря, мастеров стенных, палатных, пушечных, серебряных и даже арганного играца, в 1494 году послы, ездившие в Венецию и Медиолан, привезли в Москву Алевиза, стенного мастера и палатного, и Петра, пушечника; наконец, под 1504 годом встречаем еще известие о привозе послами новых многих мастеров из Италии. Один из венецианских мастеров, Антон Фрязин, поставил на Москве-реке стрельницу, а под нею вывел тайник; Марко Фрязин поставил стрельницу на углу, Беклемишевскую; Петр Антон Фрязин поставил две стрельницы, одну у Боровицких ворот, другую у Константиноеленинских, и построил часть стены от Свибловской стрельницы до Боровицких ворот и провел стену до Неглинной; в 1495 году великий князь велел сносить дворы и церкви за Москвою против города и заложил стену каменную не по старой стене, возле Неглинной; между стеною и дворами велено было оставить 109 сажень пустого пространства. В последний год жизни Иоанновой разобрали старый собор Архангельский и заложили новый, неизвестно, по плану какого архитектора. Мастера, выписанные было из Пскова для строения Успенского

собора, не остались без дела и после приезда Аристотелева; они построили Троицкий собор в Сергиеве монастыре, соборные церкви в монастырях московских – Златоустовом и Сретенском, Благовещенский собор на дворе великокняжеском, церковь Ризположения на митрополичьем. В 1496 году поставлена была церковь Успения в Кириллове Белозерском монастыре, ставили пять месяцев, издержали 250 рублей; каменщиков и стенщиков было 20 мастеров, из них старший – Прохор Ростовский.

Через семь лет после построения Успенского собора, в 1487 году, великий князь велел венецианскому архитектору Марку заложить большую палату на своем дворе, где стоял терем; в 1491 году она была готова – это была так называемая Грановитая палата, которая назначалась для торжественных приемов и собраний, а жил великий князь в старом деревянном дворце. Только в следующем, 1492 году он велел разобрать этот деревянный дворец и поставить каменный за Архангельским собором, а сам во время его постройки жил в доме князя Патрикеева; но в следующем же, 1493 году этот новый дворец сгорел, так что великий князь принужден был на некоторое время перебраться в дома простых людей к Яузе, к церкви Николы в Подкопаевом; наконец, в 1499 году он велел заложить дворец каменный, а под ним погреб и ледники на старом своем дворе у Благовещения и вести стену каменную от двора своего до Боровицкой стрельницы; строителем был мастер Алевиз из Медиолана. Митрополит Геронтий в 1473 году поставил у двора своего ворота из обожженного кирпича, а в 1477 году – палату кирпичную на четырех подклетьях каменных; в 1493 году митрополит Зосима поставил три кельи каменные с подклетьями. В 1471 году купец Таракан заложил себе кирпичные палаты у Фроловских ворот; в 1485 году трое вельмож построили себе кирпичные палаты. Церкви и палаты строили художники иностранные; церковная живопись оставалась в руках русских мастеров; в 1482 году ростовский владыка Вассиан дал сто рублей мастерам-иконникам – Дионисию, попу Тимофею, Ярцу и Коню, которые написали Деисус в новую церковь Богородицы, и написали чудно вельми с праздниками; тот же Дионисий написал икону Одигитрии в Вознесенский монастырь; упоминается также иконник Далмат.

Из пушечных мастеров кроме Аристотеля известен был италианец Павлин Дебосис, который в 1488 году слил пушку большую. Мы видели, что великий князь вызывал из-за границы мастеров, умевших находить руду и отделять ее от земли: в 1491 году немцы Иван да Виктор нашли руду серебряную да медную на реке Цымле, за полднища от реки Космы и за семь дниц от реки Печоры. Мы видели также, что Иоанн вызывал и лекарей; судьба последних, сколько нам известно, была печальна в Москве. Лекарь Леон, родом немец, приехавший из Венеции, обещал вылечить сына великокняжеского, Иоанна Молодого, обрекая себя в противном случае смертной казни; больной умер, и великий князь исполнил условие: после сыновних сорочин велел отсечь голову лекарю; другой лекарь, немец Антон, которого великий князь держал в большой чести, лечил татарского князя Каракучу, принадлежавшего к дружине царевича Даныяра, и уморил его смертным зельем насмех, как говорит летописец; великий князь выдал лекаря сыну Каракучеву, который, получив его, хотел отпустить за деньги; но великий князь не согласился и велел его убить; тогда татары свели Антона на Москву-реку под мост зимою и зарезали ножом, как овцу; Аристотель, видя, какой

участи подвергаются иностранные мастера в Москве, испугался и начал проситься домой; но великий князь велел его за это схватить и, ограбив, посадить на дворе Антоновом. Вызывая лекарей из-за границы, великий князь заботился о недопущении заразных болезней из-за границы; отправляя послом в Литву Мамонова, Иоанн велел ему справиться: не приезжал ли в Вязьму из Смоленска кто-нибудь больной тою болестью, что болячки мечутся и слывет французскою и говорят, будто бы в вине ее привезли?

Наконец, говоря о материальных средствах Московского государства при Иоанне III, мы должны упомянуть о ямах, или почтах. Учреждение их мы не можем приписать Иоанну: они существовали прежде и, без сомнения, возникли сначала вследствие татарских отношений; в завещании своем Иоанн говорит: «Сын мой Василий в своем великом княжении держит ямы и подводы на дорогах по тем местам, где они были при мне». Из грамоты новгородского владыки Геннадия к митрополиту узнаем, что гонцы из Москвы в Новгород приезжали в три дня.

В нравственном состоянии русского общества и, во-первых, в сфере церковной в правление Иоанна III видим любопытные явления, относящиеся к определению отношений между властью церковною и гражданскою и к стремлению улучшить нравственное состояние духовенства и мирян. В 1464 году митрополит Феодосий оставил митрополию и удалился в Чудов монастырь; тогда великий князь послал за братьями своими, князьями удельными, за всеми епископами, архимандритами и игумнами, и когда они собрались, то изволением великого князя, братьев его и всех епископов избран был в митрополиты суздальский епископ Филипп; которые же епископы лично не присутствовали, те прислали соизволительные грамоты; таким же образом избраны были и преемники Филипповы – Геронтий и Симон; на поставлении последнего, когда совершилась божественная служба и пришло время возвести новопоставленного на митрополичье место, великий князь обратился к нему с такою речью: «Всемогущая и животворящая Святая Троица, дарующая нам государство всея Руси, подает тебе сей святой, великий престол архиерейства, митрополии всея Руси рукоположением и священством святых отцов архиепископов и епископов нашего Русского царства. Отче! Прими жезл папства и взыдь на седалище старейшинства святительского во имя господина Иисуса Христа и пречистой его матери; моли бога и пречистую его мать о нас, о наших детях, о всем православии, и да подаст тебе господь бог здравие и долгоденствие на многие лета!» Дьяки запели: «Ис полла ети деспота» митрополиту, который отвечал Иоанну: «Самодержавный владыка государь! Всемогущая и вседержащая десница вышнего да сохранит богопоставленное твое царство мирно, да будет твое государство многолетно и победительно со всеми повинующимися тебе христоролюбивыми воинствами и прочими народами; во все дни живота твоего здрав буди, добро творя на многа лета». Дьяки пропели многолетие великому князю.

В 1478 году великий князь вступился в спор, начавшийся между митрополитом Геронтием и ростовским архиепископом Вассианом по поводу Кириллова Белозерского монастыря. Монахи этого монастыря, не желая быть под управлением ростовских архиепископов, просили своего удельного князя, Михаила Андреевича Верейского, взять их под свое ведение; князь обратился с

просьбою к митрополиту, и тот дал грамоту, по которой монастырь поступал в ведение князя Михаила, а ростовский архиепископ лишался над ним всякой власти. Вассиан обратился сначала к митрополиту с просьбою, чтоб не вступался в его предел; когда же Геронтий его не послушал, то он обратился к великому князю, прося суда с митрополитом по правилам. Иоанн принял сторону архиепископа, но митрополит не послушал и его. Тогда великий князь послал взять у князя Михаила митрополичью грамоту и велел съезжаться в Москву на собор всем епископам и архимандритам. Митрополит испугался соборного суда и упросил Иоанна потушить дело: великий князь помирил его с Вассианом, грамоту изодрали, и Кириллов монастырь перешел по-прежнему в ведение ростовского архиепископа. Иначе кончился спор, возникший у великого князя с тем же митрополитом Геронтием по поводу чисто церковного дела. Нашлись люди, которые наговорили Иоанну, что митрополит во время освящения Успенского собора поступил не по правилам, ходил с крестами около церкви не по солнечному восходу. Великий князь рассердился, начал говорить, что за это бог пошлет гнев свой; начались толки, розыски; в книгах не нашли, как ходить во время освящения церкви, по солнцу или против солнца; но речей было много: одни говорили за митрополита, а другой говорил: «Я сам видел, как на Святой горе освящали церковь; там с крестами против солнца ходили», – и был спор большой, которого не решили ростовский владыка Вассиан и чудовский архимандрит Геннадий, призванные великим князем. Митрополит в доказательство своего мнения приводил, что когда диакон кадит престол в алтаре, то на правую руку ходит с кадилом, а они говорили: «Солнце праведное Христос на ад наступил, смерть связал и души освободил, для этого на Пасху исходят против солнца». Нашествие Ахмата и смерть Вассиана Ростовского прекратили на время спор; но когда все успокоилось, он опять возобновился; митрополит, негодуя, что великий князь все держится мнения его противников, выехал из Кремля в Симонов монастырь, оставив посох свой в Успенском соборе и взявши с собою только ризницу; он говорил, что если великий князь не приедет к нему, не добьет челом и спора не прекратит, то он окончательно оставит митрополию и будет жить в келье, как простой монах. Много между тем было выстроено новых церквей, которые оставались без освящения вследствие нерешенного дела о том, как ходить с крестами: все священники и книжники, иноки и миряне держали сторону митрополита, за великого князя стояли только преемник Вассиана, ростовский владыка Иоасаф, родом из князей Оболенских, да чудовский архимандрит Геннадий. Видя на своей стороне такое меньшинство, великий князь послал к митрополиту в Симонов сына своего с просьбою возвратиться; но митрополит не послушал; тогда великий князь поехал сам бить челом, объявил себя виноватым, обещал вперед во всем слушаться митрополита, и тот возвратился в Москву на свой стол. Случай скоро дал ему и другое торжество над противником его, Геннадием, архимандритом чудовским: в 1482 году крещенский сочельник пришелся в воскресенье, и Геннадий позволил братии пить богоявленскую воду, поевши. Митрополит, узнавши об этом, послал схватить Геннадия и привести к себе, тот убежал к великому князю; тогда митрополит сам пошел к великому князю с жалобами: обвинял Геннадия, во-первых, в том, что поступает самовольно, разрешает такие важные вещи, не спросясь митрополита; во-вторых, обесчестил такую священную воду. Великий князь выдал его

митрополиту, и тот велел сковать Геннадия и посадить в ледник под палату; великий князь с боярами упросил, однако, митрополита смиловаться над преступником, приводя в пример милосердие митрополита Ионы, уже теперь прославленного чудесами, над ростовским владыкою Феодосием, дерзнувшем разрешить мясо в богоявленский сочельник. Через два года после этого происшествия Геронтий заболел, решил оставить митрополию и опять уехал в Симонов монастырь; великий князь, как видно, был доволен этим и уже назначил ему в преемники Паисия, благочестивого игумена троицкого; но Геронтий, выздоровевши, захотел опять на митрополию; тщетно великий князь посылал к нему Паисия уговаривать остаться при прежнем намерении; Геронтий не соглашался и несколько раз убежал из монастыря в Москву, но его перехватывали на дороге. Соблазн был большой; великий князь начал советоваться с Паисием, можно ли взять Геронтия опять на митрополию. Паисий объявил, что можно, и объявил также, что сам никогда не согласится быть митрополитом: он по принуждению великого же князя согласился быть и троицким игуменом и скоро потом оставил игуменство, потому что не мог превратить чернецов на божий путь, на молитву, пост, воздержание; они хотели даже убить его, потому что между тамошними монахами были бояре и князья, которые не хотели повиноваться ему. Великий князь, лишившись надежды видеть Паисия на митрополии, согласился на вступление Геронтия опять в должность; а в следующем, 1485 году Геннадий Чудовской посвящен был в архиепископы Новгороду Великому.

Здесь Геннадий нашел явление, которое грозило русской церкви большею опасностью. В половине XV века, а может быть и ранее, в Киеве явилась ересь, как видно, смесь иудейства с христианским рационализмом, отвергавшая таинство св. троицы, божество Иисуса Христа, необходимость воплощения, почитание угодников божиих, икон, монашество и т.д. Глава или член общества киевских еретиков, жид Схария, приехал из Киева в Новгород вместе с князем Михаилом Олельковичем. Неизвестно, зачем, собственно, приехал он в Новгород, для распространения ли ереси или по делам торговым, неизвестно, долго ли оставался; известно только то, что он с помощью пятерых сообщников, также жидов, насадил в Новгороде свою ересь. Первыми учениками Схарии здесь были два священника, Дионисий и Алексей; как во время стригольничества, наружное благочестие первых еретиков обратило на них внимание народа и содействовало быстрому распространению ереси; еретики старались получить священнические места, чтобы успешнее действовать на своих духовных детей: если видели человека твердого в православии, перед таким и сами являлись православными; перед человеком, обличающим ересь, они и сами являлись строгими ее обличителями, проклинали еретиков; но где видели человека слабого в вере, тут были готовы на ловлю. Еретики отличались ученостию, имели книги, каких не было у православного духовенства, которое потому и не могло бороться с еретиками; Геннадий писал к ростовскому архиепископу Иоасафу: «Есть ли у вас в Кириллове монастыре, или в Ферапонтове, или на Каменном книги: Сильвестр, папа римский, Слово Козьмы пресвитера на ересь богомилов, Послание Фотия патриарха к болгарскому царю Борису, Пророчества, Бытия, Царств, Притчи, Менандр, Иисус Сирахов, Логика, Дионисий Ареопагит, потому что эти книги у еретиков все есть». Положение Новгорода во время окончательной борьбы с Москвою и непосредственно после нее не давало его церковному правительству

возможности обратить надлежащее внимание на ересь. Слава благочестивой жизни и мудрости двух главных еретиков новгородских, Дионисия и Алексея, достигла до того, что обратила на них внимание великого князя, когда он приехал в Новгород в 1480 году, и оба они взяты были в Москву: один был сделан протопопом в Успенский, другой – священником в Архангельский соборы; здесь они скоро распространили свое учение и между людьми известными, могущественными по своему влиянию; в числе принявших это учение были: симоновский архимандрит Зосима, славный своею грамотностию и способностями дьяк Федор Курицын с братом Иваном Волком, невестка великого князя Елена, мать наследника престола; Иоанн знал, что эти люди держат новое учение, но по характеру своему не спешил принять решительных мер, ждал, пока дело объяснится, особенно видя приверженность к новому учению людей, которых не мог не уважать в том или другом отношении.

Новгородский владыка Феофил, по известному нам уж положению его, не мог обратить должного внимания на еретиков в своей пастве; еще менее мог сделать это преемник Феофила Сергей; но Геннадию скоро случай открыл глаза; с распространением ереси в числе ее приверженцев, разумеется, нашлись люди, которые уже не отличались такою чистотою поведения, как первые еретики, или уже не считали более нужным притворствоваться. Геннадию донесли, что несколько священников в пьяном виде надругались над иконами; архиепископ немедленно дал знать об этом великому князю и митрополиту, нарядил следствие, обыскал еретиков и отдал их на поруки, но они убежали в Москву; Геннадий отправил туда следственное дело. 13 февраля 1488 года он получил от великого князя такую грамоту: «Писал ты ко мне и к митрополиту грамоту о ересьях, о хуле на Христа, сына божия, и на пречистую его богородицу и о поругании св. икон, что в Новгороде некоторые священники, дьяконы, дьяки и простые люди жидовскую веру величают, а нашу веру, православную Христову, хулят, и список этих ересей прислал ты к нам; я с своим отцом митрополитом, епископами и со всем собором по твоему списку рассудили, что поп Григорий семеновский, да поп Герасим никольский, да Григорья попа сын, дьяк Самсонка, по правилам царским заслужили гражданскую казнь, потому что на них есть свидетельства в твоём списке, а на Гридю, дьяка борисоглебского, в твоём списке свидетельства нет, кроме свидетельства попа Наума. Попов – Григорья, Герасима – и дьяка Самсонка я велел здесь казнить гражданской казнью (их били на торгу кнутом) и послал их к тебе: ты созови собор, обличи их ересь и дай им наставление; если не покаются, то отошли их к моим наместникам, которые казнят их гражданской казнью; Гридю дьяк к тебе же послан, обыскивай его там, обыскивай вместе с моими наместниками и других, которые написаны в твоём списке; если найдешь их достойными вашей казни церковной, то распорядись сам, как знаешь; если же будут заслуживать гражданской казни, то отошли их к моим наместникам; да велите вместе с наместниками переписать имение Григорьево, Герасимово и Самсоново». Митрополит писал к Геннадию от себя в том же смысле.

Геннадий исполнил предписание, начал обыскивать еретиков и, которые из них покалялись, на тех положил епитимью, велел во время службы стоять перед церковью, а в церковь не входить; тех же, которые не покалялись и продолжали хвалить жидовскую веру, отослал к наместникам великокняжеским для гражданской казни и обо всем деле послал подробные известия великому князю и

митрополиту. Но на эти известия он не получил никакого ответа из Москвы; митрополит Геронтий, по словам Геннадия, не хотел докучать ими великому князю. Узнавши об этом, узнавши, что в Москве еретики живут в ослабе, а новгородские еретики, покаявшиеся было и находившиеся под епитимьею, убежали в Москву, начали здесь ходить беспрепятственно в церковь и алтарь, а некоторые даже служили литургию; видя такое послабление еретикам в Москве, Геннадий обратился к человеку, который по своему характеру и нравственному значению стоил многих могущественных помощников: то был знаменитый Иосиф Волоколамский.

Мы уже видели, что нравственные недуги вызывали в свежем и крепком теле древней России сильное противодействие и что это противодействие преимущественно обнаруживалось в ряде христианских подвижников, иноков, которых дивная, строгая жизнь для людей с лучшими потребностями служила щитом против нравственной порчи. Строгое правило иноческой жизни, правило Сергия и Кирилла, на юге от Москвы поддерживалось в Боровском монастыре его игуменом и основателем Пафнутием, страшным старцем, который имел дар по лицу приближающегося к нему человека угадывать дурную страсть, дурное дело. К такому-то наставнику не усумнился прийти молодой Иван Санин, сын московского служилого человека, потомок выходца из Западной Руси. Еще не достигнув двадцатилетнего возраста, Иван уже успел испытать свои силы в безмолвной иноческой жизни, но не был доволен своим опытом, искал высшего образца, опытного подвижника – ему указали Пафнутия. Пришедши в Боровский монастырь, Иван застал игумена и братию за тяжелою работою: они носили и обтесывали бревна и потом без отдыха шли в церковь на вечернюю службу. Такова была жизнь, ожидавшая молодого человека в монастыре; но такая-то именно жизнь уже давно и прельщала его; он упал к ногам Пафнутия и просил принять его в число братьев; Пафнутий узнал, с кем имел дело, и в тот же день постриг пришлеца, который получил имя Иосифа. Строг был искус, которому подвергся Иосиф в Пафнутиевом монастыре; но это был один из тех людей, которые не утомляются никакими трудами, никакими лишениями, не останавливаются никакими препятствиями при достижении раз предназначенной цели. Когда по смерти Пафнутия Иосифа избрали игуменом Боровского монастыря, то он уже не довольствовался уставом, который был в силе во времена Пафнутия, но хотел ввести устав строжайший; когда же большинство братии не согласилось на это, Иосиф оставил Пафнутиев монастырь, посетил другие обители, присматриваясь к уставам и выбирая, какой бы был построже, наконец решил основать собственный монастырь в лесах волоколамских с самым строгим общежительным уставом; как Иосиф не любил останавливаться, доказывает то, что, запретив женщинам вход в монастырь и всякое сношение с братиею, он сам себе не позволил видеться с престарелою матерью.

Такого-то неутомимого борца вызвал Геннадий на помощь против ереси, и такой помощник был необходим, потому что ересь усиливалась все более и более. Митрополит Геронтий умер в 1489 году, и при избрании ему преемника сторона еретиков получила верх; митрополитом назначен был тайный соумышленник их, симоновский архимандрит Зосима; Геннадия Новгородского отвели от присутствия при избрании митрополита, и Зосима немедленно же оказал нерасположение свое к новгородскому владыке, потребовав от него нового

архиерейского исповедания. Оскорбленный Геннадий отвечал ему любопытным письмом, в котором жаловался, что его постоянно отводят от присутствия на соборах московских: «Когда архиепископ ростовский Иоасаф оставил владычество, то вместо того, чтоб за нами за всеми послать и собором обыск сделать, обо мне и не упомянули; а гонцы ежедневно ездят с пустыми делами из Москвы в Новгород в три дни. Хотелось мне очень быть на твоём поставлении; но вот пришел наказ от государя великого князя о его великих делах, велел мне об них хлопотать, а в Москву не велел ехать. Велишь мне писать исповедание; но я уже положил раз исповедание пред отцом моим, Геронтием митрополитом, и пред всем собором; это исповедание у вас в казне; а как я исповедался пред богом, так и стою неподвижно: в Литву грамот не посылаю, оттуда мне также не присылают грамот, и литовские ставленники не служат в моей архиепископии. Если же литовские окаянные дела прозябли в Русской земле, в Великом Новгороде, когда был в нем князь Михайла Олелькович и с ним жидовин еретик, и от этого жидовина распространилась ересь в Новгородской земле, сперва держали ее тайно, а потом спьяну начали проговариваться, то я тотчас же об этом дал знать великому князю и митрополиту Геронтию». Описавши свои действия против еретиков и послабление, которое встретили они в Москве, Геннадий требует от митрополита, чтоб он вместе с собором предал еретиков проклятию, после чего продолжает: «Стала беда с тех пор, как приехал Курицын из Венгрии и еретики из Новгорода перебежали в Москву: Курицын у еретиков главный заступник, а о государевой чести попечения не имеет. Теперь же еще беда стала земская и нечесть государская большая; церкви старые, извечные вынесены из города вон (по случаю строения новых стен), да и монастыри старые, извечные с места переставлены; но этого мало: кости мертвых вынесены в ДорогомилOVO, да на тех местах сад развели... Если же государь наш, князь великий, еретиков не обыщет и не казнит, то как ему с своей земли позор свести? Смотри, франки по своей вере какую крепость держат; сказывал мне цесарский посол про испанского короля, как он свою землю очистил, и я с его речи послал тебе список. Да поговори великому князю накрепко, чтоб велел мне быть в Москве и у тебя благословиться; потому что здесь какие бы великие дела ни были, но больше того дела нет; если это дело управится, то и здешним великим делам укрепление будет. Да жалуюсь теперь тебе на чернеца Захара, стригольника; бранит меня беспрестанно уже четвертый год, посылает грамоты в мою архиепископию, к чернецам и священникам, а что по Московской земле разослал, тому и числа нет».

Дело об еретиках получило такую гласность по всему государству, что нельзя было не заняться им: Зосима должен был созвать собор, на который представили еретиков, бежавших из Новгорода в Москву; собственноручные показания их, данные ими прежде Геннадию, служили таким очевидным доказательством, что Зосиме не было никаких средств защищать своих; еретиков проклинали, некоторых из них сослали в заточение, других – в Новгород к Геннадию. Последний велел их посадить на лошадей, лицом к хвосту, в вывороченном платье, в берестовых остроконечных шлемах, в каких изображаются бесы, с мочальными кистями, в венцах из сена и соломы, с надписью: «Се есть сатанино воинство!» В таком наряде возили их по улицам новгородским; встречающиеся плевали им в глаза и кричали: «Вот враги божии, хулители Христа!» В заключение на еретиках зажжены были шлемы.

Но этот позор в Новгороде не обессилил ереси в Москве. Дерзость еретиков особенно усилилась, когда 1492 год прошел, а чаемого с концом седьмого тысячелетия конца миру не было. «Если Христос был мессия, – говорили еретики православным, – то почему же не является он в славе, по вашим ожиданиям?» и проч. Иосиф писал против них обличительные слова, собрание которых известно под именем Просветителя, в каком состоянии находились умы в это время, видно из послания его Нифонту, епископу суздальскому. «С того времени, – писал он, – как солнце православия воссияло в земле нашей, у нас никогда не бывало такой ереси: в домах, на дорогах, на рынке все – иноки и миряне – с сомнением рассуждают о вере, основываясь не на учении пророков, апостолов и св. отцов, а на словах еретиков, отступников христианства; с ними дружатся, учатся от них жидовству. А от митрополита еретики не выходят из дому, даже спят у него». Иосиф требовал, чтоб владыки, верные православию, отказались от всякого сообщения с Зосимою, внушали бы и другим, чтоб никто не приходил к нему, не принимал от него благословения; вооружился против мнения, которое особенно защищал Зосима, что еретиков осуждать не должно. Зосима в 1494 году действительно отрекся от митрополии: оставлять в челе церкви человека, громко обвиненного в ереси и не хотевшего торжественно оправдываться, было уже слишком соблазнительно; сами еретики могли желать удаления Зосимы, как скоро он своим неблагоприятным поведением уже обличил себя и мог быть теперь более вреден, чем полезен их обществу. В невольной грамоте Геннадия на избрание преемника Зосиме, троицкого игумена Симона, читаем: «Что ми есте (епископы) прислали грамоту, возвещающую нашему смирению, что отец Зосима митрополит своей ради немощи оставил стол русской митрополии и, пришед в святую великую соборную церковь, пред всеми омофор свой на престол положил, и свидетеля на то господя бога нарицая, яко невозможно ему к тому святительская действовати, ни митрополитом нарицатися, и отойде в монастырь в смиренноиноческое жительство». В летописях же говорится, что Зосима оставил митрополию не своею волею, но был удален за страсть к вину и за нерадение о церкви. Если в Зосиме действительно открылся означенный порок, то это было достаточною причиною к его удалению как в глазах православных, так и еретиков, которым он мог сильно вредить своим поведением.

Удаление Зосимы несколько не ослабило значения еретиков в Москве; но им нужно было поднять его в Новгороде, где благодаря деятельности Геннадия ересь ослабела значительно, и вот по старанию Федора Курицына в новгородский Юрьев монастырь назначен был архимандритом монах Кассиан, державшийся ереси. В Кассиане новгородские еретики должны были найти и действительно нашли могущественную опору: в его кельях держали они свои тайные собрания. Геннадий, однако, нашел их и тут и заставил бежать в Литву и к немцам. Но в Москве могла ли ересь ослабеть, когда невестка великого князя Елена была на ее стороне, а на стороне Елены были самые могущественные вельможи, которые достигли наконец того, что Иоанн торжественно объявил сына Еленина, Димитрия, наследником стола великокняжеского. Мы видели, однако, что это торжество Елены и ее приверженцев было непродолжительно, что скоро София восторжествовала в свою очередь, казнь и пострижение были участью Ряполовских и Патрикеевых, удаление и, наконец, тесное заключение – участью Елены и ее сына. Мы не знаем, какое было значение Иосифа в этих переворотах;

но, видя тесную связь волоколамского игумена и его учеников с великим князем Василием, сыном Софии, видя в то же время сильную ненависть Курбского к этим осифлянам, «подобным великому князю Василию, скорым помощникам его и во всем потаковникам и подражателям», — как говорит Курбский, — видя такие отношения, мы необходимо должны заключить, что связь Иосифа с Василием и его матерью началась и укрепилась во время борьбы с ересью: действуя против еретиков, следовательно, против Елены, Иосиф, естественно, должен был стать на сторону Софии и ее сына. Понятно, как торжество последних облегчило Иосифу борьбу с ересью: он нашел доступ к великому князю, начал упрашивать его о принятии строгих мер против еретиков; тот обещал исполнить его желание, открыл, что знал об ереси, которую держал протопоп Алексей и Федор Курицын, что и Елена была вовлечена в ересь, раскаивался, что прежде слабо поступал с еретиками; Иосиф требовал раскаяния на деле. «Государь, — говорил он Иоанну, — подвинься только на нынешних еретиков, и за прежних тебя бог простит». Но строгие решительные меры, которые должно было употребить против еретиков по требованию Иосифа, могли заставить задуматься великого князя, слышавшего, с другой стороны, сильный ропот на ревность волоколамского игумена; Геннадий Новгородский был лишен архиепископии по причинам, о которых будет речь ниже; наконец, в это время летописцы говорят, что здоровье Иоанна начало расстраиваться после смерти Софии; все это могло содействовать замедлению собора на еретиков. Иосиф между тем не успокаивался: он обратился к духовнику великокняжескому, андрониковскому архимандриту Митрофану, с просьбою действовать на Иоанна; наконец его желание исполнилось: в конце 1504 года созван был собор на еретиков; они защищали свое учение, Иосиф был обличителем; следствием собора было то, что Волк Курицын, Димитрий Коноплев, Иван Максимов, архимандрит юрьевский Кассиан с братом и многие другие еретики были сожжены; Некрасу Рукавову сперва отрезали язык и потом сожгли в Новгороде; иных разослали в заточение, других — по монастырям. Некоторые из еретиков, приговоренных к смертной казни, объявили, что раскаиваются; но их раскаяние не было принято, ибо Иосиф представил, что раскаяние, вынужденное страхом, не есть искреннее. Удар, нанесенный ереси собором 1504 года, был силен, но не был окончательным; мы еще должны будем обратиться к этому предмету в рассказе о делах преемника Иоаннова.

Кроме важного дела о ереси жидовской церковные соборы Иоаннова времени занимались не менее важным делом улучшения нравственности духовенства. В 1468 году псковичи отлучили от службы вдовых священников и дьяконов по всей Псковской волости, не спросившись ни митрополита, ни епископов; архиепископ новгородский Иона хотел наложить на них за это неблагословение, но митрополит Феодосий запретил ему это делать. Феодосий знаменит в истории русской церкви как жертва святой ревности к улучшению нравов духовенства; он, говорит летописец, хотел священников и дьяконов силою навести на божий путь: начал их каждое воскресенье созывать и учить по святым правилам, вдовым дьяконам и священникам приказывал постригаться в монахи; у кого из них были наложницы, тех наказывал без милости, снимал с них священство, налагал пени; церковью наставили много, и вот всякий, кому не хотелось работать, шел в священники, не оставляя плотских страстей, потому что шел не богу служить, а тело свое льготить. Когда вследствие мер Феодосия недостойные священнослужители были

удалены, то многие церкви остались без священников; люди начали тужить об этом и порицать митрополита. Это так огорчило Феодосия, что он заболел, и когда выздоровел, то уже не хотел более оставаться митрополитом, удалился в Чудов монастырь, взял к себе в келью расслабленного старца, стал служить ему, омывать струпы.

Вопрос, поднятый псковичами и Феодосием в начале княжения Иоаннова, был потом возобновлен известным уже нам своею деятельностью Геннадием Новгородским, который вписал свое имя в историю русского просвещения тем, что первый начал говорить о необходимости училищ для духовных. «Бил я челом, – пишет Геннадий к митрополиту Симону, – государю великому князю, чтоб велел училища устроить: ведь я своему государю напоминаю об этом для его же чести и спасения, а нам бы простор был; когда приведут ко мне ставленника грамотного, то я велю ему ектению выучить да и ставлю его и отпускаю тотчас же, научив, как божественную службу совершать; и такие на меня не ропщут. Но вот приведут ко мне мужика: я велю ему апостол дать читать, а он и ступить не умеет, велю дать псалтирь – он и потому едва бредет; я ему откажу, а они кричат: земля, господин, такая, не можем добыть человека, кто бы грамоте умел; но ведь это всей земле позор, будто нет в земле человека, кого бы можно в попы поставить. Бьют мне челом: пожалуй, господин, вели учить! Вот я прикажу учить его ектениям, а он и к слову не может пристать: ты говоришь ему то, а он совсем другое; велю учить азбуке, а он, поучившись немного, да просится прочь, не хочет учиться; а иной и учится, но не усердно и потому живет долго. Вот такие-то меня и бранят, а мне что же делать? Не могу, не учивши их, поставить. Для того-то я и бью челом государю, чтоб велел училища устроить: его разумом и грозою, а твоим благословением это дело исправится; ты бы, господин, отец наш, государей наших великих князей просил, чтоб велели училища устроить; а мой совет таков, что учить в училище сперва азбуке, а потом псалтири с следованием накрепко; когда это выучат, то могут читать всякие книги. А вот мужики невежды учат ребят, только речь им портят: прежде выучат вечерню и за это мастеру принесет кашу да гривну денег, за заутреню то же или еще и больше, за часы особенно, да подарки еще несет кроме условной платы; а от мастера отойдет – ничего не умеет, только бредет по книге, о церковном же порядке понятия не имеет. Если государь прикажет учить и цену назначит, что брать за ученье, то учащимся будет легко, а противиться никто не посмеет; да чтоб и попов ставленных велел учить, потому что нераденье в землю вошло. Вот теперь у меня побежали четверо ставленников – Максимка, да Куземка, да Афанаська, да Емельянка мясник; этот и с неделю не поучился – побежал; православны ли такие будут! По мне таких нельзя ставить в попы; о них бог сказал чрез пророка: ты разум мой отверже, аз же отрину тебя, да не будешь мне служитель».

В 1503 году митрополит Симон вместе с Геннадием и с шестью другими епископами на соборе определили: так как найдено, что многие вдовые священники и дьяконы после жен держали у себя наложниц, не переставая священнодействовать, то вперед вдовым попам и дьяконам не служить; которые из них уличены в держании наложниц, тем наложниц отпустить, жить в миру, волос своих не растить, платье носить мирское и дань давать вместе с мирскими людьми и никаких священнических служб не отправлять; а кто из них с наложницею уйдет в дальние места и начнет служить, тех предавать гражданским судьям; на которых

же вдовых попов и дьяконов дурной молвы нет и сами говорят, что живут после жен чисто, тем стоять в церкви на крилосах, держать дома епитрахили и приобщаться св. тайн в епитрахилиях, а дьяконам – в стихарях и орарях, но не служить, а пользоваться четвертою частью всех церковных доходов. Чернецам и черницам в одном монастыре вместе не жить: в мужском монастыре служить игумену, а в женском – белому священнику. Если поп или дьякон в который день напьется пьян, то на другой день ему обедни не служить. На том же соборе было постановлено: митрополиту, архиепископам и епископам от поставления духовных лиц всяких степеней не брать ничего; также от ставленных грамот, печатнику от печати и дьяку от подписи не брать ничего; ставить в священники не раньше тридцати лет, в дьяконы – не раньше 25, в поддьяконы – не раньше 20. За нарушение этих правил собор определил лишение сана; и кто же первый был обвинен в нарушении этих правил, и кто первый подвергся наказанию, определенному собором? Геннадий Новгородский! Под следующим же, 1504 годом читаем в летописях: Геннадий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова, оставил престол свой неволею: приехавши из Москвы после собора, начал мзду брать с священников за ставление и еще больше прежнего вопреки обещанию, данному на соборе, по совету любимца своего, дьяка Михайлы Гостенкова; великий князь и митрополит, обыскавши, свели его с престола в Москву, где он был помещен в Чудове монастыре. Догадываются, что свержение Геннадия было делом еретиков.

В монастыри старались вводить общежительные уставы; общее житие в митрополичьих уставных грамотах называется богорадным; по этим грамотам архимандрит должен был иметь одну трапезу с братиею, мог иметь особую трапезу только в случае прихода великих гостей; всякий приход монастырский архимандрит ведает по слову и по совету со всею братиею; нужно будет избрать кого-нибудь из братий для ведания монастырского прихода и церковного строения, келаря, купчину, нужно будет послать кого на монастырскую службу – архимандрит избирает и поставляет с ведома всей братии, кого братья изберут и по его благословению; также иноков приходящих архимандрит принимает с согласия всей братии; без благословения архимандрита иноки не выходят из монастыря; доходы с земель монастырских делятся так: архимандриту – половина, священникам, дьяконам и чернецам – другая; последняя делится опять на две части: одна – священникам и дьяконам, другая – чернецам; таким же образом поднимаются дань митрополичья и проезды; что же касается до годовых дач или сорокоустов, вписов, молебнов, то этими доходами архимандрит делится пополам с священниками и дьяконами: одна половина – архимандриту, другая – священникам и дьяконам с просвирником и пономарем; а чернецы в эти доходы не вступаются. По завещанию преподобного Евфросина Псковского чернецы в его монастыре не должны были есть по келиям, кроме праздника или пиршества какого-нибудь, не должны были носить немецкого платья, также шуб с пухом, держать баню, позволять женщинам входить в монастырь. Иосиф Волоцкий запрещает иноку разговаривать во время службы церковной и на трапезе; на трапезе брать у брата кушанье и ставить перед ним свое; есть и пить больше других; ходить в деревню за каким-либо делом; из церкви и из трапезы брать книги без благословения пономаря; если инок увидит в книге какую-нибудь погрешность, то не смеет переписывать или вырезывать, а должен сказать

настоятельно и по другой книге исправить, а не по своему домыслению; если случится согрешить словом или делом, или помыслением, то просить прощения у настоятеля в тот же день, а не откладывать до утра. Тот же Иосиф запретил инокам своего монастыря под страхом бесчестного изгнания принимать в келию мед, вино, пиво, квас медвяный, брагу. Мы видели уже, что Иосиф прежде всего старался воскресить предание о строгости монастырской жизни. В этом отношении очень важно для нас сочинение его «Сказание о святых отцах монастырей русских», где сочинитель представляет нам борьбу хранителей древнего предания с его нарушителями и постоянно высказывает свою любимую мысль о необходимости строгих мер для поддержания строгости иноческой жизни. «Святой Сергий и другие святые, – говорит Иосиф, – такое старание имели о пастве, что не пропускали ни малейшего небрежения или преслушания; они были милостивы, где следовало, и были строги, где настояла потребность, согрешавших обличали и понуждали к добру, послушникам же не позволяли своевольничать, но отлучали их от церкви и от трапезы. Между ними господствовала такая нищета, такое отсутствие любостыжания, что в обители св. Сергия и самые книги писали не на пергамене, а на берестах; сам же св. Сергий носил такое бедное платье, что проходящие часто не узнавали его и думали, что это один из просителей. О святом же Кирилле что мне писать? По кончине его и учеников его в наше время был в его монастыре настоятель из другого монастыря и начал нарушать некоторые предания и постановления св. Кирилла; но в то же время был в монастыре старец святой, именем Досифей Неведомицын, и другие старцы, любившие предания св. Кирилла; они не стали молчать, видя нарушение древнего устава, и за это страдали от нового настоятеля, блаженный же Досифей много раз бывал бит от него. Однажды игумен, рассердившись на Досифея за увещания не развращать предания, столкнул блаженного старца с трапезного места так, что тот упал, как мертвый, на землю; выздоровевши, Досифей пришел к игумену и сказал: „Хоть убей меня до смерти, а я не перестану говорить тебе об уставе“. Этот игумен ушел; выбрали нового, также из другого монастыря, и этот опять начал нарушать некоторые предания: в церкви во время соборного пения и в трапезе за обедом любил разговаривать о бесполезных вещах. Благочестивые старцы по-прежнему стали его удерживать от этого, а он бросался на них с палкою и бил; наконец стыдно ему стало, и он ушел из монастыря. Выбрали третьего, постриженника Кириллова монастыря, но и этот оказался таким же разрушителем преданий; тогда все лучшие старцы убежали из монастыря; на этот раз князь вступился в дело, велел выгнать игумена, и старцы возвратились».

В поучениях священнослужителям, дошедших до нас от описываемого времени, находятся, между прочим, следующие наставления: «В церкви разговаривать не давай, приноса не приноси на божий жертвенник от неверных, еретиков, развратников, воров, разбойников, грабителей и властелей немилосердых, корчемников, резоимцев (рез – процент), ротников (рота – клятва), клеветников, поклепников, лжепослухов, волхвов, потворников, игрецов, злобников или кто томит челядь свою голодом и ранами и наготою. К убогим сиротам, болен ли кто-нибудь из них, или умрет, или родит, приходи, прежде чем позовут; стой на страже день и ночь с крещением, покаянием, причастием, твори достойное правило с любовью, тихо, неспеша: младенец не понимает, мертвец не чувствует; младенца крести и всякому человеку причастие давай, кроме мертвеца;

кого изгубишь ленинью или нерадением, мука их на тебе взыщется; к троеженцу не входи в дом, разве только будет на одре смертном».

Нравственное состояние недавно обращенных в христианство пермичей, как духовных, так и мирян, требовало особенной заботливости со стороны митрополита, требовало особенного поучения. В 1501 году митрополит писал к пермскому духовенству: «Слышу о вас, что о церковном исправлении и своем спасении не радите, о духовных детях не брежете и душевной пользы не ищите: сами едите и пьете не в приличное время, до обеда, а этим и новокрещенным людям послабление даете; многие новокрещенные люди, смотря на вас, соблазняются, то же делают; да и вступают в незаконные браки в родстве и другие богомерзкие дела творят». К мирянам тот же митрополит писал: «Кумирам не служите, треб их не принимайте, воипелю болвану не молитесь по древнему обычаю и всяких тризниц не творите идолам, в браки незаконные не вступайте, как слышно о вас, что у вас женятся в родстве, по ветхому и татарскому обычаю: кто у вас умрет, то второй его брат берет за себя его вдову, и третий брат так же делает; а жены ваши ходят простоволосые. Все это вы делаете не по закону христианскому».

Что касается материального благосостояния духовенства, то митрополит пользовался теми же доходами, какие имел и прежде: нерехтские соляные варницы митрополичьи и живущие в них люди были освобождены от дани, пошлин, подсудности волостелям и тиунам великой княгини Марии; в 1504 году великий князь освободил митрополичьи села и монастыри в Московском и Владимирском уездах от подсудимости своим наместникам и волостелям; обозы с шекснинскою рыбою, шедшие в Москву для митрополита, освобождены были от пошлин; митрополит отправлял слугу своего с товарами для торговли, «чтоб прибыло церкви божией в подможение»; в подорожной этому купчине митрополит просил, чтоб пошлин нигде с него не брали и в тесных местах провожали. Относительно архиерейских доходов с подчиненного духовенства в описываемое время мы узнаем некоторые новые подробности против прежнего; пошлины перечисляются так: «Дань петровская и рождественская, десятина, данская пошлина, десятинничьи пошлины, доводчичьи, заездничьи, зазывничьи, благословенная куница, явленная куница с грамотою, полоть, казенные алтыны, писчье, людское». Мы видели, что и прежде возникало сомнение, следует ли монастырям владеть селами. И митрополит Киприан решительно склонялся к отрицательному ответу; при Иоанне III вопрос возобновился: он был поднят на соборе знаменитым отшельником, основателем скитского жития Нилом Майковым, более известным под именем Сорского (по обители его на реке Соре, в 15 верстах от Кириллова Белозерского монастыря); Нил требовал, чтоб у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням и кормились рукоделием; это требование поддерживали пустынники белозерские. Но против него восстал знаменитый же подвигами иноческой жизни старец Иосиф Волоцкий. Нил смотрел на монастырь как на общество людей, отказавшихся от мира; это общество, в глазах его, было тем совершеннее, чем менее имело столкновений с миром; Иосиф же кроме этого значения монастыря предполагал еще другое; он смотрел на монастырь также как на рассадник властей церковных; Нил имел в виду отшельника, желающего укрыться от мира, от всех его отношений, в болотах и лесах белозерских; Иосиф имел в виду также и владыку,

епископа, который будет взят из монастыря. «Если у монастырей сел не будет, – говорил Иосиф, – то как честному и благородному человеку постричься? Если не будет честных старцев, то откуда взять на митрополию или архиепископа, или епископа? Если не будет честных старцев и благородных, то вера поколеблется». Вспомним, что в описываемое время обеспеченное содержание могло представляться не иначе как в виде владения земельною собственностью, служилые люди получали содержание в виде поместий; следовательно, вопрос о содержании монашествующих мог представиться только в такой форме: или владеть им селами, или кормиться подаванием и работою рук. Мнение Иосифа Волоцкого превозмогло на соборе, и митрополит Симон отвечал великому князю, что духовенство не дерзает и не благоволит отдавать церковных земель, причем ссылаясь на давний обычай греческой и русской церкви, на уставы Владимира и Ярослава, наконец, даже на пример ханов татарских, которые никогда не трогали имуществ церковных. Великий князь оставил дело, но вопрос, как увидим после, не переставал разделять русское духовенство.

Встречаем известие, что в описываемое время священники и в Москве распределялись по соборам. Касательно прав духовенства мы видим, что оно не было освобождено от телесного наказания. Кроме известий о наказаниях еретикам под 1483 годом встречаем известие, что чудовского архимандрита, князя Ухтомского и еще какого-то Хомутова били на торгу кнутом за то, что они составили подложную жалованную грамоту Спасо-Каменному монастырю от имени князя Андрея Вологодского после уже его смерти. От торговой казни духовенство не было освобождено и во Пскове, что видим из следующего известия под 1495 годом: по случаю шведской войны псковичи назначили набор ратных людей – с десяти сох конного человека; назначили сбор со священников и дьяконов; но священники нашли в правилах, что не следует брать ратников с церковных земель; тогда посадники хотели силою заставить их давать ратных людей, причем хотели двоих священников кнутом избесчестить, и те в одних сорочках стояли на вече.

В заключение мы должны упомянуть о связи русской церкви с восточною при Иоанне III. В 1464 году митрополит Феодосий писал в Новгород и Псков, прося жертвовать на искупление св. гроба от египетского султана; для сбора пожертвований хотел ехать в Москву сам иерусалимский патриарх Иоаким, но на дороге заболел и умер в Кафе, завещав свое дело Иосифу, нареченному митрополиту Кесарии Филипповой, который был поставлен на свою митрополию в Москве здешним митрополитом Феодосием по благословению и по грамотам патриарха Иоакима. В 1480 году иерусалимский патриарх Иоаким писал к митрополиту Геронтию, что один русский, именем Григорий, под видом купца нашел его в Египте и просил дать благословение и писание к московскому митрополиту в порадование и приятельство. Приходил также за милостынею из Афонской горы, из монастыря Ксиропотамона, инок Герасим; великий князь наградил его и отпустил; но на дороге старец был взят в плен и ограблен татарами, которые продали его в Астрахань, из Астрахани – в Казань, где он был выкуплен и препровожден в Москву; митрополит Симон писал окружное послание, прося пожертвований для этого Герасима. Видя, с одной стороны, в русской церкви желание не прерывать связи с греческою церковью и сочувствие к бедствиям последней – с другой, мы видим сильное отвращение к сближению с

церквию латинскою; в этом отношении любопытно письмо из Пскова от какого-то Филиппа Петрова (вероятно, наместника владычного) к новгородскому архиепископу Геннадию о споре псковских священников с латинскими монахами: «Пришли серые чернецы от немцев в Псков да стали говорить о вере; были у священников, а к тебе не захотели идти; речь их такова: соединил веру наш папа вместе с вашими на осьмом соборе, и мы и вы христиане, веруем в сына божия. Наши священники отвечали им: не у всех вера правая; если веруете в сына божия, то зачем богоубийцам-жидам последуете, поститесь в субботу и опреснок в жертву приносите? Зачем два духа беззаконно вводите, говоря: и в духа святого животворяща, от отца и сына исходящего? А что говорите нам об осьмом сонмище, об италийском скверном соборе латинском, то нам хорошо известно: это сборище окаянное на нашей памяти было, и едва убежал. кардинал Исидор от нашего государя великого князя Василия Васильевича, царя всея Руси; об этом соборе мы и слышать не хотим, потому что отринут он богом и четырьмя патриархами; будем держать семь соборов вселенских и поместные; они угодны богу, потому что сказано: „Премудрость созда себе дом и утверди столпов семь“.

Что касается состояния православного духовенства в Литовской Руси, то здесь при избрании митрополита на Киев каждый раз посылали за благословением к патриарху константинопольскому; избрание же и поставление совершалось в Руси. В 1494 году великий князь Александр подтвердил жалованную грамоту отца своего Казимира смоленскому владыке, по которой люди последнего освобождались от суда наместника великокняжеского; также владыка получил право перезывать из-за границы людей и селить их на своих церковных землях; в 1499 году тот же великий князь дал митрополиту и епископам грамоту о неприкосновенности святительского суда и церковного имущества на основании церковного устава Ярослава (свитка Ярославля). Относительно некоторых монастырей великие князья литовские имели право подаванья, так, например, в 1496 году какой-то Григорий Попович бил челом великому князю Александру, просил у него киевского Михайловского монастыря, объявляя, что этот монастырь издавна великокняжеское поданье, справившись, что объявление Григория справедливо, Александр велел отдать монастырь просителю, с тем чтоб он немедленно постригся в монахи.

Если относительно суда церковного основывались еще на уставе или свитке Ярослава, то относительно суда гражданского мы видели, что уже в уставной грамоте Василия Дмитриевича находятся новизны против Русской Правды, приписываемой тому же Ярославу. Судный устав, или Судебник, собранный при Иоанне III, в 1497 году, дьяком Владимиром Гусевым, представляет опять новое движение юридических понятий сравнительно с уставною грамотою деда Иоаннова. Судебник этот прежде всего определяет, кто должен судить: «Судить суд боярам, окольников или детям боярским, за которыми кормления с судом боярским, а на суде быть у бояр и окольников дьякам. Которого жалобника управить будет нельзя, о таком говорить великому князю или отослать его к тому, кому приказано ведать таких людей». Думают, что здесь выражение «кому приказано ведать таких людей» указывает на приказы; но это выражение вполне объясняется древними жалованными грамотами, например жалованною грамотою Дмитрия Донского новоторжцу Евсевку: «А приказал есмь его блюсти дяде своему, Василью, тысяцкому». Наместникам и волостелям, которые держат

кормления без боярского суда, также тиунам великокняжеским и боярским, за которыми кормления с судом боярским, холопа и рабы без боярского доклада не выдавать и отпускных не давать: татя и душегубца не отпускать, всякого лихого человека без доклада не продать, не казнить, не отпустить. Определяется, как судьи должны судить: боярам или детям боярским судить, а на суде у них быть дворскому, старосте и лучшим людям; посула им от суда не брать же ни на господина своего, ни на тиуна, и пошлинникам от суда посулов не просить: велеть прокликать по торгам в Москве и во всех городах Московской и Новгородской земли и заповедать по всем волостям, чтобы истец (ищца) и ответчик судьям и приставам посула не сулили в суде. Всякому судье судом не мстить, не дружить никому, жалобников от себя отсылать, а давать всем жалобникам управу во всем. Кого обвинит боярин не по суду и грамоту правую на него с дьяком даст, то эта грамота не в грамоту, взятое отдать назад, а боярину и дьяку в том пени нет, истцам же суд с головы. Уголовные преступления и наказания за них обозначаются так: если доведут на кого воровство, разбой, душегубство, ябедничество или другое какое-нибудь лихое дело и будет он ведомый лихой человек, то боярину велеть его казнить смертною казнию, а истца вознаградить из его имения; если за этим вознаграждением что останется, то идет на боярина и дьяка; если же у преступника не будет имения, чем заплатить истцу, то боярин не должен выдавать последнему преступника, но должен велеть казнить его. Убийцу своего господина, крамольника, церковного татя и головного (похитителя людей), подметчика, зажигальщика, ведомого лихого человека казнить смертною казнию. Если кого-нибудь поймают на воровстве в первый раз (кроме церковного и воровства головного), то казнить его торговою казнию, бить кнутом, потом доправить на нем вознаграждение истцу и судье продаже, если же не будет у него имения, то, бивши кнутом, выдать истцу головою на продажу, а судье не брать ничего; поймают его в другой раз на воровстве, то казнить смертию, а с имением поступать, как прежде показано. Кто съорет межу или грани ссечет в землях великокняжеских, боярских и монастырских, того бить кнутом да истцу взять на нем рубль, а в черных волостях волостель или посольский берет на виноватом два алтына да за рану, что присудят, посморя по человеку и по ране. Между селами и деревнями должны быть загородья по половинам: в случае потравы взыскать убыток с того, в чью загородь прошел скот. О землях суд: взыщет боярин на боярине, или монастырь на монастыре, или боярин на монастыре, или монастырь на боярине; взыщет черный на черном, или помещик на помещике, или черный или сельский на помещике и наоборот, то судить за три года, а дальше трех лет не судить; взыщут на боярине или на монастыре великокняжеской земли, то судить за шесть лет.

Из судебных доказательств в Судебнике означены: поличное, послушество или свидетельство, поле или судебный поединок, клятва. Велено прокликать по торгам в Москве и во всех городах Московской и Новгородской земли и по всем волостям заповедать, чтоб свидетелям, не видавши, не свидетельствовать, а, видевши, сказать правду. Если свидетель засвидетельствует лживо, не видавши, то на нем взыщется вознаграждение истцу и все убытки. На кого скажут человек пять или шесть детей боярских добрых по великого князя крестному целованию или черных человек пять-шесть добрых христиан целовальников, что он вор, а доказательства не будет, что он прежде воровал, то взять на нем вознаграждение

истцу без суда. Если приведут вора с поличным впервые и скажут на него человек пять или шесть по великого князя крестному целованию, что он вор ведомый и прежде того не один раз крал, то казнить его смертною казнию, а истцу дать вознаграждение из оставшегося имения. Если вор скажет на кого-нибудь, то этого человека обыскивать; если он заподозрен уже в каком-нибудь прежнем деле, то его пытаться; если же нет, то речам вора не верить, а дать его на поруку до обыску. Если кто купит на торгу что-нибудь новое, кроме лошади, не зная, у кого купил, при двух или трех свидетелях, людях добрых, и если после сыщется, что купленная вещь краденая, то купивший прав и присяги ему нет, когда свидетели скажут, что при них купил; если же свидетелей не будет, то купивший должен идти к присяге. Если свидетель будет уличать кого-нибудь в драке, грабеже или займе, то уличаемому отдается на волю: или идти биться с свидетелем, или, ставши у поля, положить у креста то, чего на нем ищут; тогда истец без присяги возьмет свое, ответчик же заплатит полевые пошлины; если же ответчик, не стояв у поля, положит у креста, то заплатит судьям пошлину по списку, а полевых пошлин платить не обязан. Если ответчик против свидетеля будет стар, или мал, или чем увечен, или поп, или чернец, или монахиня, или женщина, то вольно им выставить против свидетеля наемного бойца, свидетелю же нельзя нанять вместо себя другого для битвы; какие правый или его свидетель потерпит убытки, все они взыщутся на виноватом. Если послух не пойдет перед судью, есть ли за ним речи, нет ли, во всяком случае взять на нем иск, все убытки и все пошлины, а с праветчиком ему суд. Если свидетель не показывает одинаково с истцом, то последний этим обвиняется. Если истцом или свидетелем будет женщина, или ребенок, или старик, или больной, или увечный, или поп, или чернец, или монахиня, то вольно им нанять за себя бойца: они присягнут, а наемники будут биться; против этих наемников ответчик может также выставить наемного бойца, если сам не захочет биться. Если чужеземец ищет на чужеземце, то полагается на волю ответчика: хочет, отцелуется (даст присягу), что не виноват, или у креста положит то, чего на нем ищут, а истец, поцеловавши крест, возьмет.

О займах определено: если купец, идучи на торговлю, возьмет у кого-нибудь деньги или товар и на дороге этот товар или деньги изгубнут без его вины – потонут, сгорят, или рать возьмет, то после обыска должник платит заимодавцу только то, что взято, без росту. Если же, взявши для торговли, он пропьет или как-нибудь иначе погубит взятое по своей воле, то выдается истцу головою на продажу. Относительно наследства положено: если человек умрет без духовной грамоты и не будет сына, то все имущество и земля идут дочери, а не будет у него дочери, то взять ближнему от его рода. Наконец, в Судебнике несколько статей посвящено определению судебных пошлин: брать боярину и дьяку в суде от рублевого дела на виноватом – боярину два алтына, а дьяку восемь денег; а будет дело выше рубля или ниже, то боярину брать по тому же расчету и проч.

Что касается формы Судебника, то он составлен без всякого порядка, из статей, в разные времена написанных; некоторые статьи встречаются по два раза, причем одна пространнее другой; в статье о посулах и послушестве говорится: «Велеть прокликать по торгам в Москве и во всех городах Московской и Новгородской земли»; не прибавлено «Тверской», и это может вести к заключению, что статья издана до покорения Твери. Если сравним Судебник с Русскою Правдою, то найдем важное различие: месть, самоуправство не

допускается; истец вознаграждается из имущества преступника, но когда этого имущества не окажется, то правительство не отказывается от своего права казнить преступника. Важно в Судебнике определение, кому и как судить; важно постановление о наследстве, признание права на наследство дочерей и рода без различия состояний.

Кроме Судебника от времен Иоанна III дошел до нас еще любопытный юридический памятник – уставная Белозерская грамота; здесь, между прочим, встречаем следующие определения: «Поличное то, что вынут из клетки, из-за замка; а найдут где на дворе или в пустой хоромине, а не за замком, то не поличное. У кого что-нибудь признают воровское и тот сведет с себя свод, хотя бы до десятого свода и до беглого вора, наместники не берут ничего. Самосуд то, кто поймает вора с поличным да отпустит его прочь, не объявля наместникам и тиунам их, и будет в том уличен. Случится где душегубство, в городе, или в стану, или в волости, и душегубец не сыщется, то жители города, стана или волости платят вины четыре рубля. Наместникам и тиунам без соцких и без добрых людей не судить суда. Тиунам и наместничьим людям на пир и на братчину незванным не ходить; а кто придет незванный, того можно выслать вон; а кто станет пить силою и приключится какой-нибудь вред, тот должен платить без суда, а от великого князя будет в наказании».

Судебник короля Казимира, данный Литве в 1468 году, доставляет нам возможность сравнить юридические понятия в Западной и Восточной Руси. По судебнику Казимирову, если приведут вора с поличным и он будет в состоянии заплатить истцу, то пусть платит; если же не будет в состоянии заплатить, а жена его со взрослыми детьми знали о воровстве, то платить женою и детьми, самого же вора на виселицу; если же дети его будут малолетние, ниже семи лет, то они не отвечают; если жена и взрослые дети вора захотят выкупиться или господин захочет их выкупить, то могут выкупаться. Если вор не приносил покражи домой и жена с детьми ею не пользовались, то один злодей терпи, а жена, дети и дом их невиноваты, вознаграждение истцу платится из имущества вора, а женино имение остается неприкосновенным. Если преступление будет совершено крепостным человеком, а господин знал о нем или принимал участие, то и господин отвечает наравне с преступником. Кто будет держать у себя постояльца тайно, не объявивши соседям, и случится у кого-нибудь из них пропажа, то он обязан поставить своего постояльца к трем срокам, если же к последнему сроку не поставит, то должен заплатить за покраденное, а постояльца пусть ищет и, нашедши, пусть проводит на суд: то уж заплачено. Кто украдет выше полкопы денег или корову, того повесить. Кто украдет в первый раз меньше полтины, пусть оплачивается, если же больше полтины, то повесить; за покражу коня, хотя бы и в первый раз, повесить. Если кто найдет лошадь блудящую или какие-нибудь другие вещи потерянные, должен объявить околище; не найдетсся хозяин в три дня, то нашедший берет себе найденное; если же нашедший утаит найденное, то считается вором; если кто будет людей выводить или челядь невольную и поймают его с поличным, то на виселицу. Если вора станут пытать, а он знает средство против боли (а зелие знаа), то повесить чародея, хотя бы и не признался с пытки, если будут добрые на него свидетели, если будет дознано, что он прежде крал и бывал на пытке. Если тот, кому выдадут вора, не захочет его казнить, а захочет взять с него деньги и отпустить либо к себе в неволю взять, то лишается

своего права: правительство казнит преступника, потому что злодею нельзя оказывать милости. Несмотря на сходство постановлений в обоих судебныхниках, видим и различие; особенно важно постановление литовского судебногоника о семействе преступника, если оно не участвовало в преступлении: этой статьи нет в московском судебнике. В уставной грамоте великого князя Александра киевским мещанам встречаем положение, которое с разными ограничениями мы видели уже в Русской Правде: «Холопу и рабе не верить и в свидетели их не принимать; с невольным человеком суда нет». Дошло до нас от описываемого времени также несколько распоряжений великого князя литовского относительно наследства: в 1495 году дочери Мстиславского князя Ивана Юрьевича били челом великому князю Александру об отчине своей и получили такой ответ: пусть едут в Мстиславль и владеют всею отчиною своею, всеми землями, которыми владел дед и отец их, исключая тех имуществ и людей, которых король Казимир придал им: эту придачу Александр берет себе; княжны пусть живут на отчине своей до тех пор, пока бог даст им женихов-княжат, которые были бы им равны; тогда великий князь об них позаботится; в другом акте относительно Мстиславля говорится, что эта волость по смерти жены последнего князя Ивана перешла к великому князю, который отдал ее князю Жославскому (Ижеславскому, Изяславскому), женившемуся на дочери последнего мстиславского князя, княжне Ульяне. Видим распоряжения, по которым дочь вводилась во владение отцовским имуществом, приобретенным чрез пожалование великокняжеское. Относительно наследства жен после мужа встречаем такое распоряжение: князь Мосальский просил у великого князя Александра имения в Смоленском повете, говоря, что владелец этого имения, Протасьев, умер, наследников не оставил, оставил только жену; великий князь дал просителю имение с тем, чтоб он держал в нем вдову Протасьева в чести, не обижал ничем до самой ее смерти. По уставной грамоте, данной жителям Бельзской области в 1501 году, жена по смерти мужа оставляется в покое год и неделю; потом, взявши вено, которое получила она от мужа, а если б этого вена не было, то взявши свое вено или приданое, с которым выдана была замуж, вдова возвращается к родичам своим, если имеет их, братьев или сестер, и должна возратить вено родичам, которыми была выдана замуж; если же не захочет возратить, то теряет право на следующую ей долю отцовского имущества, но не материнского. Что касается наследства после изменников, то по случаю спора между князьями Бельскими о наследстве князя Федора, бежавшего в Москву, было утверждено: если кто-нибудь побежит от господаря, челом не ударивши, то имущество его нейдет к родственникам, но на господаря.

Относительно права народного княжение Иоанна III очень важно для нас, во-первых, потому, что при нем начались дипломатические сношения с такими государствами, с которыми прежде сношений не было; во-вторых, потому, что начиная с его времени дипломатические сношения дошли до нас во всех подробностях записанные. Что касается образа ведения войны, то он при Иоанне III нисколько не изменился против прежнего; видим ту же жестокость и во внешних и в междоусобных войнах: при описании войны новгородской читаем, что полки пошли к Новгороду разными дорогами, пленили, жгли; взятым в битве пленникам резали носы и губы; в походе на землю Черемисскую русские полки причинили ей много вреда, людей перебили, других в плен взяли, иных сожгли, скот, которого нельзя было взять с собою, перебили; обычай браниться перед

битвами продолжался, что видим из описания Шелонского боя; одному религиозному требованию делались уступки: так, великий князь во время новгородской войны не велел союзным татарам брать в плен людей-христиан. Касательно мирных сношений с государствами прежде всего замечаем в них различие, происходившее от различных степеней важности этих государств для Москвы. Самый большой почет в формах дипломатических сношений, даже в ущерб двору московскому, как мы видели, оказывался хану крымскому; здесь действовало кроме сознания пользы крымского союза еще предание о прежних недавних отношениях к татарским ханам; предание это было так сильно, что вело к странности: не требуя равенства в сношениях с Менгли-Гиреем, московский двор требовал полного равенства в сношениях с султаном турецким, которого Менгли-Гирей был подручником. Большим почетом пользовались в Москве послы императора германского, но с соблюдением равенства; почет оказывался им на том основании, что и нашим послам при дворе австрийском оказывались большие почести. При жизни Казимира литовского в сношениях его с Иоанном видим равенство, которое нарушается после его смерти, и нарушается в пользу Москвы: так, для заключения мира знатные послы литовские приезжают в Москву, что делается уже примером для будущего времени и правом московского двора. Касательно же других соседних держав, Швеции и Ливонии, Иоанн не допускал даже непосредственных сношений, требовал, чтобы эти державы сносились с его наместниками; в сношениях с ливонскими немцами Иоанн писался царем, а от них писалось ему челобитье.

Иоанн III высказал такое понятие о после: «Всякий посол речи говорит и лицо носит государя своего». Вследствие этого требовал также, чтоб у послов и людей посольских не смотрели их вещей, не брали с них тамги и никаких других пошлин. Но относительно обращения других государей с послами держав, ему враждебных, Иоанн обнаруживал иногда другого рода желания: в случае если б крымский хан спросил московского посла: «Посол королевский сидит у меня в заточении, и князь великий что мне приказал об нем?» – то московский посол должен был отвечать хану по наказу своего государя: «Король как тебе недруг, так и моему государю недруг; так чем недругу досаднее, тем лучше». Имея такое высокое понятие о после, как носящем лицо государя своего, Иоанн должен был заботиться не только о том, чтоб его послу оказывалась достойная честь, но также и о том, чтоб сам посол поведением своим не унижил достоинства государя своего; так, в наказе послам, отправленным в Литву, – окольникову Петру Михайловичу, дворецкому Константину Григорьевичу, сокольничему Михаилу Степановичу и дьяку Губе – читаем: «Вы бы, Константин, Михайло и Губа, Петра чтили во всем, а ты бы, Петр, их берег да также чтил бы во всем, а розни между вами не было бы ни в чем, чтобы вы своею рознью мне бесчестья не нанесли, а делу моему порухи не было бы. А как будете у короля за столом и после стола пришлет за вами король, чтоб вы шли вместе пить, то вы идите все к Петру, да чтоб между вами все было гладко и пили бы вы бережно, не допьяна; где ни случится вам пить, вы бы себя берегли, пили бы бережно, чтобы вашим небрежением нашему имени бесчестья не было; ведь что сделаете неприличное, то нам бесчестье и вам бесчестье же; так вы бы во всем себя берегли. Да что посланы с вами дети боярские – Орлов с товарищами, то на лавке от Губы садился бы Орлов, а против его на скамье – Рахманин-Тилилин, а другим детям боярским скажите, чтоб между

ними мест не было, садились бы и к руке и к чаше ходили все попеременно, чтоб между ними об этом споров не было; а кто не послушается, на того вы прикрикните да и ударьте».

Когда одна из воюющих держав обнаруживала желание кончить войну, то требовала пропускных, или опасных, грамот для послов своих; выдачу этих грамот Иоанн не хотел, однако, считать знаком прекращения военных действий; так, он писал сыну своему Димитрию, осаждавшему Смоленск: «Посылаю тебе опасную грамоту на имя великого князя Александра для его послов: отдай ее епископскому человеку, за ней приехавшему; но постарайся, чтоб он не заезжал в Смоленск и не объявлял бы городничему, что опасная грамота дана; и вы дела не откладываете, Смоленск доставайте, наше и земское дело делайте, как вас бог вразумит и как вам поможет».

Услыхав о приближении посла, посылали пристава встречать его на границе и во все продолжение пути давать ему корм с медом и вином; Максимилианову послу Снупсу велено было давать в Новгороде на день по курице, по две части говядины, по две части свинины, по два калача полуденежных, а соли, заспы, сметаны, масла, меду и вина, сколько понадобится. Потом другой пристав встречал посла в некотором расстоянии от Москвы; в день представления сановники встречали его внизу лестницы и перед палатными дверями. Вошедши в приемную палату, посол правил поклон великому князю от своего государя; великий князь, вставши, спрашивал о здоровье последнего, давал руку послу и приказывал ему садиться на скамью против себя. Посидевши немного, посол вставал и подавал верующую грамоту, а после грамоты представлял поминки, или дары. Прием происходил в присутствии сыновей великокняжеских и всех бояр; первым посол также правил поклоны (хотя и не всегда), они давали ему руки и спрашивали о здоровье. В тот же день посол обедал у государя, а после обеда великий князь посылал к нему на подворье потчивать вином и медом, или, как обыкновенно выражались, посылал поить посла, Мы видели, как Иоанн III наказывал своим послам, чтоб они при этом потчиваньи не напивались допьяна; но послы, приезжавшие в Москву из других государств, как видно, не получали подобных наказов: литовский посол Станислав Глебович, напившись пьян, вздумал говорить присланному потчивать его князю Ноздреватому о цели своего посольства, о сватовстве своего государя на дочери великого князя и т.д.; о венгерском после говорится: «Ел у великого князя, а после стола князь великий посылал поить его; посол в ту ночь пьяный расшибся и не мог быть на другой день с королевскими речами». На отпуске посла великий князь после ответа, касавшегося цели посольства, приказывал с послом поклон к его государю и благодарность за подарки. Желая оказать особенную благосклонность Максимилианову послу Юрию Делатору, великий князь на отпуске сделал его золотоносцем, дал ему цепь золотую с крестом, шубу атласную с золотом на горностоях да остроги (шпоры) серебряные вызолоченные. При отправлении русских послов в чужие государства до границы давались им подводы от яма до яма, на наем подвод за границу выдавались деньги; в подорожной грамоте Юрию Траханиоту и Василию Кулешину, отправлявшимся в послах к Максимилиану, говорилось, чтоб везде давалось каждому из них по тринадцати подвод, корму давалось бы каждому на всякой станции – туша баранья, а овчина назад, три курицы, хлеб. Значительные люди, кроме Крыма, отправлялись

послами только в важных случаях, например для подтверждения мирного договора; обыкновенный наказ послам состоял в том, чтоб они как можно более узнали о состоянии и об отношениях государства, в которое посылались, и как можно менее сказали о своем государстве.

Главнейшею целью приезда иностранных послов было заключение мира, перемирия, союза. Обряд заключения перемирия между Иоанном и Александром литовским описывается так: по написании двух грамот с обеих сторон и привешении к ним печатей бояре отнесли литовскую грамоту к великому князю, который, осмотревши посольские печати у нее, велел послам быть у себя; когда послы пришли, то он велел им сесть и послал за крестом; крест принесли на блюде с пеленою. Тогда великий князь встал, велел одному из бояр держать крест и в то же время приказал читать перемирные грамоты. Когда грамоты прочли и положили под крест, Иоанн, обратись к послам, сказал: «Паны! Мы с братом своим и зятем Александром, королем и великим князем, заключили перемирие на шесть лет и грамоты перемирные написали, и печати свои к своей грамоте привесили, а вы к королевскому слову, к той грамоте, которой у нас быть, печати свои привесили. Мы на этих грамотах крест целуем, что хотим править так, как в грамотах писано. А вы на этих грамотах целуйте крест, что как будут у нашего брата наши бояре, то брат наш и зять к своей грамоте печать свою привесит и крест поцелует пред нашими боярами, отдаст им перемирную грамоту и будет править по ней; а не станет нам править, то бог нас с ним рассудит». Великий князь и послы поцеловали крест. В перемирных грамотах выговаривалось, что если по истечении урочных лет начнется опять война, то во время разрыва не захватывать послов и купцов, которые случатся тогда в начинающих войну государствах; в перемирных же грамотах новгородцев и псковичей с Ливониею по-прежнему полагается условие, чтоб начинать военные действия не ранее четырех недель после объявления войны. О пленных высказывалось требование с литовской стороны, чтоб после заключения мира освободить их со всем взятым у них имуществом; когда венгерский посол ходатайствовал, чтоб литовским пленникам возвратили свободу, обязавши их присягою или порукою, то Иоанн велел отвечать ему: «В наших землях нет обычая отпускать пленников на присяге или на поруке, а нужды им нет никакой, всего довольно, еды, питья и платья».

Предметом дипломатических сношений между государствами после заключения мира были преимущественно, как мы видели, неприязненные столкновения порубежных жителей и притеснения торговых людей. В договорах новгородцев и псковичей с ливонскими немцами различается вольное и невольное нарушение границ: «Между Псковом и Юрьевым земли и воды по старый рубеж; в Великом озере ловить псковичам к своему берегу, а за озеро Великое, на юрьевскую сторону, им не ездить на рыболовство; если же ветром занесет псковского ловца на юрьевскую сторону, то в том пени нет; также если ветер занесет и немецкого ловца на псковскую сторону; а кто станет наступать на чужую землю или воду, того казнить смертию с обеих сторон». В тех же договорах постановлялось: если на порубежье с которой-нибудь стороны случится воровство, увод людей, грабеж, убийство, то обиженная сторона посылает три раза требовать управы, и если после этого управы не будет, то обиженная сторона может сама управиться (взять за свое на рубеже), и это не служит поводом к разрыву, посла и купца за это нельзя держать. Можно сказать, что заключение

мира не имело никакого влияния на порубежных жителей, которые находились в постоянной войне с соседями; поэтому порубежные обидные дела, как тогда выражались, составляли предмет постоянных пересылок между государствами, пересылок, почти никогда, однако, не достигавших цели; псковичи, новгородцы и немцы ливонские, как мы видели, прямо допускали самоуправство в этом случае; между литовским и московским правительствами видим постоянные жалобы на порубежные обиды и постоянные требования съездов для учинения исправы; в 1496 году посол Александра литовского говорил Иоанну: «Напоминаем тебе, чтоб ты возвратил нам и слугам нашим земли, воды и людей наших, которые забраны; а для других дел обидных, для покраж, разбоев, грабежей, наездов и для исправления старых границ, вышли немедленно своих бояр, а мы к ним своих панов вышлем: пусть они всем обидным делам управу учинят». Новгородские наместники, заключая перемирие с ливонским магистром в 1481 году, выговорили съезд для управы обидных дел; на этом съезде с обеих сторон должны были быть честные люди; если не успеют решить всех дел на одном съезде, то назначить другой, если не успеют на втором, то назначить третий, и всем трем съездам быть в продолжение двух лет; а не управятся на третьем съезде, то перемирие не в перемирие. Постоянно в договоры вносилось условие, что купцам путь чистый, могут торговать в розницу и оптом, исключая некоторых запрещенных товаров, обозначенных в договоре, и постоянно это условие подвергалось нарушениям; вносилось также в договоры, что купцов не захватывать при начатии войны, но и это условие не исполнялось; жалуясь на его неисполнение с литовской стороны, Иоанн говорит: «Наши люди торговые Московской земли, Новгородской, Псковской, Тверской зашли в Литовскую землю, и там их схватили, товары отняли, но этого нигде не водится, что купцов захватывать; хотя и полки ходят, а купцу путь не затворен, купец идет на обе стороны без всяких зацепок».

Предметом посольств бывало также извещение о вступлении нового государя на престол; видим также предметом посольств ходатайство государей за другие государства; так, литовские государи ходатайствовали у московского за воеводу молдавского, за Швецию, за немцев. Ходатайство за православных единоверцев, покровительство православным подданным чуждых государств Иоанн, как мы видели, считал постоянно своим правом: вторая литовская война началась за притеснения православных; Александр литовский признает это право, ибо оправдывается, уверяет, что он и не думал притеснять православных своих подданных. Выставляя собственное право покровительствовать единоверцам, Иоанн не допускает папского вмешательства в дела, касающиеся православия в Литве, не хочет слышать о сношениях с папою по церковным делам; в договоры с Ливонским орденом вносилось условие – не обижать русских церковей в Ливонии. Наконец, замечаем, что в сношениях с христианскими державами защита христианства от неверных обыкновенно выставляется как общий, высший интерес.

В дипломатических сношениях московского двора с литовским мы видели любопытное явление, именно сношения панов литовских с боярами московскими. Касательно языка грамот должно заметить, что в сношениях с литовским двором они писались по-русски, в Москве – на московском наречии, в Литве – на белорусском; в сношениях с другими европейскими государствами грамоты писались по-латыни: когда венгерскому послу дали ответные списки, то он просил

перевести их на латинский язык, и по приказу великого князя московские толмачи латинские перевели их вместе с писарем венгерского посольства. Отправляя послов к Максимилиану, великий князь дал им такой наказ: «Просить им грамоты dokonчальной по великокняжескому списку слово в слово и говорить королю, чтоб велел писать грамоту русским письмом, нет ли у него писца серба или словенина; а не будет у него такого писца, который бы мог писать по-русски, то писать по-латыни или по-немецки».

Относительно состояния общественной нравственности новорожденное государство должно было еще много терпеть от остатков прежнего безнарядья. Наместники и волостели продолжали смотреть на отправление своих должностей, на отправление правосудия исключительно как на средство кормиться, быть сытыми, и не считали неприличным высказывать такой взгляд прямо в просьбах своих великому князю: так, боярин Яков Захарьевич, назначенный в Кострому наместником вместе с литовским выходцем, паном Иваном Судимонтом, бил челом великому князю, что им обоим на Костроме сытым быть не с чего. После этого неудивительно читать в летописи, что Беклемишев, алексинский воевода, запросил у городских жителей посула, и когда они дали ему пять рублей, то он запросил еще шестого для жены своей. Видим жестокость казней – сожжение, отрезание языка, кнут – для людей всех сословий; но видим в то же время и преступления, объясняющие подобные казни: подложная грамота была составлена в 1488 году архимандритом и князем; видим, что и в других странах наказания не были мягче: по магдебургскому праву, данному западнорусским городам, употреблялись отсечение головы, посажение на кол, потопление. Разбойники в Тверской земле убили двоих псковских гонцов, ехавших в Москву, вместе со всеми провожатыми и побросали в реку; в каких размерах производились разбои и кем, видно также из следующего известия Псковской летописи под 1476 годом: собрались новгородские боярские ключники и ударились ночью разбоем со всею ратною приправою на псковскую волость Гостятино. Одно духовное завещание, дошедшее до нас от описываемого времени, начинается так: «Се яз, раб божий Панкрат Ченей, пишу сию грамоту душевную в конце живота; а бил мя Михайла Скобелцин большой с своими людьми, с Куземкою, да и с Ивашком с Щокотом, да брата его человек Михайлов Меньшево Дмитрок Зуй, а бил мя у своего села, а пойти ми с их рук». В житии св. Антония Сийского читаем, что однажды пришел на Двину из Новгорода сборщик архиепископской дани и, думая, что у Антония много богатства, наслал на его монастырь разбойников. Против остатков языческих обычаев и соединенной с ними нравственной порчи вооружился Елеазарова монастыря игумен Панфил в своем послании к псковским властям: «Есть еще остаток неприязни в этом городе, и не прекратилась еще здесь леть идольская, празднование кумирское; когда приходит великий праздник Рождества Предтечева, тогда в эту святую ночь мало не весь город взматется и взбесится: стучат бубны, голосят сопели, гудут струны, жены и девы плещут, пляшут и поют скверные песни; тут мужам и юношам великое прельщение и падение, женам осквернение, девам растление. Тогда же выходят мужчины и женщины, чаровники и чаровницы, бродят по лугам, болотам и дубравам, ищут смертной травы, чревоотравного зелья на пагубу людям и скоту, копают корни на безумие мужам». Мы видели, что бабы-чаровницы имели доступ и ко двору великокняжескому. Страсть к крепким напиткам продолжала господствовать;

обеда сопровождалась питьем, причем не соблюдалось умеренности: в летописи находим выражение – обедать и пить, где эти два слова необходимо связаны. Неумеренность в пирушках не сдерживалась присутствием женщин, с которыми вообще обходились не очень благосклонно. В житии св. Александра Свирского встречаем известие, что если женщина рождала одних только дочерей, то подвергалась поношению и оскорблению от посторонних людей. Один из костромских наместников, боярин Яков Захарьевич, жаловался, что когда его жена Арина пришла наперед в церковь к Пречистой, то другой наместник, Судимонт, взял ее за накапку, свел с места и поставил свою жену Аксинью. Великий князь, выговаривая Судимонту за этот поступок, пишет: «Это ты делаешь по литовскому обычаю». Из этого видно, что у народов, с которыми жители Московского государства находились в самых частых сношениях, нечего было перенимать хорошего; мы уже имели случай заметить то же самое, говоря о поведении литовского и венгерского послов в Москве. Венецианский посол Контарини пишет, что, отправившись из Житомира, он целый день ехал большим лесом, крайне опасным по причине всякого рода бродяг, его наполнявших; по его же свидетельству, жители Киева обыкновенно проводили утро, до трех часов, в занятиях, а потом отправлялись в шинки, где оставались вплоть до самой ночи и нередко, напившись допьяна, заводили между собою драки.

Но общество, несмотря на неблагоприятные обстоятельства для нравственности, оставалось обществом христианским, и потому подле известий, свидетельствующих о неудовлетворительном нравственном состоянии общества, находим известия о подвигах лиц, которые словом и делом противоборствовали нравственной порче; находим известия об обычаях, коренившихся на религиозном чувстве, на чувстве христианского милосердия; так, читаем в летописи: один человек в городе Москве ходил, по обычаю, к селу Скудельничему, которое содержат граждане на погребение странным: обычай они имеют ходить туда в четверг седьмой недели (в Семик), покупать канон, свечу и молиться об умерших, загребают старую яму, наполненную мертвецами, и выкапывают новую, все тут копают и засыпают землею бога ради, все граждане, мужчины и женщины. О св. Данииле Переяславском говорится, что он, заслышав о мертвом теле, отправлялся немедленно на место, где оно лежало, и нес его в божий дом на погребение; местом этим божедомским владел тогда какой-то Изъядинов, который приставил к скудельницам слуг своих для сбора денег с мертвых тел; негодующие переяславцы прозвали этих приставов зацеплянами. Любопытно, что жителям некоторых волостей в описываемое время дается право не пускать скоморохов играть у себя, например «князья, воеводы, дети боярские и всякие ездоки в тех селах не ставятся, кормов не берут; также и скоморохи в тех селах не играют». Следовательно, жители сел, не имевшие этих льгот, обязаны были позволять скоморохам играть у себя; мы не можем понять этих прав и обязанностей, не предположивши какого-нибудь финансового отношения скоморохов к казне.

Литература Иоаннова времени, как и литература времен предшествовавших, состоит, во-первых, из посланий духовных лиц к великому князю, к целым городам, к целым сословиям; из этих посланий, разумеется, первое место по важности содержания и по одушевлению занимает послание Вассиана на Угру. Ересь жидовская вызвала к литературной деятельности Иосифа Волоцкого, написавшего против еретиков свой знаменитый Просветитель. Это сочинение

показывает в авторе большую начитанность в св. Писании; в пример искусства его приведем доказательство таинству св. троицы из Ветхого завета, из книги Бытия: «Егда восхоте бог сотворити Адама, рече: сотворим человека по образу нашему и по подобию. Почто рече: сотворю, но сотворим? Того ради рече, яко не едино лицо божества есть, но трисоставно, а еже: по образу, а не по образам, едино существо являет св. троица. Сотворим, рече, человека. Кому глаголет? Не явственна ли есть, яко ко единородному сыну и слову своему рече и св. духу? Еретицы же отвещают: ни, но сам себе бог рекл есть, а иному никому же тогда сущу. Но что убо сих глагол безумнейши? Кий убо зодчий, или древодел, или усмарь над сосудом или над коим зданием, сидя един и никому же ему помогающу, глаголет сам к себе: сотворим себе сосуд, или сотворим себе орало, или утвердим усмы, а не паче ли молча свое дело соделает? Лжа бо есть сие, а не истина; безумного бо человека се есть обычай, а не мудрого. И паки бесстыдствует жидовин и глаголет: яко ангелом глаголет бог. Аще бы глагодал ко ангелам, то не бы писано было, яко сотвори бог человека по образу и по подобию божию сотвори его; но был бы убо человек по подобию и по образу ангельскому» и проч.

От Иосифа Волоцкого дошли до нас и другого рода сочинения, как, например, послание к одному вельможе о милости рабов: «Слух до меня, господин, дошел про твое благородство, будто велико твое немилосердие и нежалование к рабам и сиротам домашним, теснота, скудость в телесных потребах, голодом тают, наготою страждут; поэтому я, грешный, дерзнул тебе напомнить, помянувши твою веру к пречистой богородице и к нам, нищим, великое жалование твое и любовь о Христе. Хотя мне и неприлично было бы писать к тебе об этом, потому что я сам грешен, неприлично было бы мне восхищать учительский сан, не имея ума и смысла очищенного; но да ведает твое боголюбие, что эти мысли не мои, а взяты от божественного писания. Писание повелевает рабов, как братию, миловать, питать и одевать и о душах их заботиться, научать на всякие добрые дела; если же рабы и сироты у тебя в такой тесноте, то не только им добрых дел делать, но, умирая с голоду, они не могут удержаться от злых обычаев. Так ты, господин, бога ради побереги себя, потому что и малое небрежение к великим бедам приводит. Бог на тебе свою милость показал, и государь тебя князь великий пожаловал; так и тебе следует своих слуг пожаловать, милость к ним показать, пищею и одеждою удовольствовать и на благие дела наставить. Прости меня, господин, что твое жалованье и любовь сделали меня бесстыдным и дерзким; а написал я к тебе как по слухам, так и потому, что сам их нужду видел».

От времен Иоанна III дошли до нас летописи, принадлежащие разным составителям, в разных местах жившим. В рассказе о падении Новгорода слышатся голоса различных летописцев; один говорит: «Так великий князь укрепил Великий Новгород под властью московскою; написал бы я что-нибудь и еще, но не могу от сильной кручины». А другой оканчивает свой рассказ с чувством полного довольства и с чувством нерасположения к новгородцам: «Везде пособил бог и пречистая богородица государю нашему великому князю Ивану Васильевичу над новыми отступниками и над своими изменниками и над вечниками, над новгородцами». Современность летописца ясно видна из такого, например, известия: «Того же лета, месяца июня в 5 день, с субботы на неделю в 3 час нощи, преставися великого князя дьяк Василий Момырев и положен у Троицы

в Сергиеве монастыре, июня в 7, за церковью против Никонова гроба; а жил лет 60 без дву и полшестидесят день, а в диачестве был 20 лет без осми месяц, а именины его апреля 12 Василя Парийского». Внутренний признак современности летописца виден в сильном негодовании его на малодушные советы Ощеры и Мамона во время Ахматова нашествия, как мы уже заметили в своем месте; рассказ об этом событии летописец оканчивает так: «О храбрии, мужественнии сынове Русьтии! Потщитесь сохранить свое отечество, Русьскую землю, от поганых; не пощадите своих голов, да не узрят очи ваши пленения и грабления св. церквем и домом вашим, и убиения чад ваших, и поругания женам и дщерем вашим. Яко же пострадаша инии велиции славнии земли от турков, еже болгарии глаголю и рекомии Греци, и Трапизон, и Амория, и Арбанасы, и Хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа, и инии мнозии земли, иже не сташа мужественни, и погибоша, и отечество свое изгубиша, и землю, и государство, и скитаются по чужим странам бедни воистинну и странни, и много плача и слез достойни, укоряеми и поношаеми и оплеваеми, яко не мужествени; иже избегоша которые со имением многим, и с женами, и с детьми, в чужие страны, вкупе со златом души и телеса свои изгубиша и ублажают тех, иже тогда умерших, ниже скитатися по чужим странам, яко бездомкам. Тако ми бога видех своима очима грешныма великих государь, избегших от турков со имением и скитающихся, яко странни, и смерти у бога просящих, яко мздовоздаяния от таковыя беды; пощади, господи, нас, православных христиан, молитвами богородицы и всех святых. Аминь». Последние слова замечательны: летописец говорит, что он сам видел изгнанных турками владетельных лиц; этого не мог сказать москвич, видевший в своем городе из греческих изгнанников одного Андрея Фомича Палеолога, брата великой княгини Софии, во-первых, потому, что Андрей в Москве вовсе не находился в таком положении, чтоб просить смерти как избавления от беды; во-вторых, потому, что в этом случае летописец не мог придавать делу такой важности: Андрея в Москве все видели, а не один летописец, которому всего приличнее было бы обратиться ко всем и сказать: «Вы все видели изгнанника». Следовательно, должно предположить, что летописец был за границею и где-нибудь, например в Венгрии, видел изгнанных турками владетелей славянских. Любопытно, что сочинитель известной повести о Дракуле воеводе волошском, говорит, что находившись в Венгрии, в городе Будине, видел там Дракулиных сыновей, которых король Матвей привез туда. Сочинитель повести о Дракуле не есть ли и составитель нашей летописи? Так как в Венгрию к королю Матвею был послан в 1482 году знаменитый дьяк Федор Курицын, то Востоков думает, что сочинение повести о Дракуле можно приписать или самому Курицыну или кому-нибудь из его спутников. Повесть о Дракуле мог написать и сам Курицын, известный грамотей своего времени; но религиозное и православное обращение, встречаемое в летописи, конечно, нельзя приписать этому ересиарху. У одного из летописцев описываемого времени встречаем качество, какого прежде не замечали ни у кого из его собратий, именно насмешливость, иронию; так, видим это в известии о прощении князей ярославских в связи с предыдущим известием, в известиях о двукратном походе на Казань в 1468–1469 годах, в известии об алексинском воеводе Беклемишеве.

Самое видное и удачное событие в княжении Иоанна III, подчинение Новгорода, послужило предметом особенного сказания: «Словеса избранна от св.

Писания о правде и о смиренномудрии, еже сотвори благочестия делатель, благоверный великий князь Иван Васильевич всея Руси, ему же и похвала о благочестии веры; даже и о гордости величавых мужей новгородских, их же смири господь бог и покори ему под руку его, он же, благочестивый, смиловася о них, господа ради, и утеши землю их». В этом заглавии указаны содержание и форма сказания. Известный уже нам серб Пахомий продолжал и при Иоанне III служить русской церковной литературе: так, он написал два канона св. митрополиту Ионе и слово об обретении мощей его. Знаменитому архиепископу Вассиану, автору послания на Угру, принадлежит сочинение жития учителя его, св. Пафнутия Боровского. Вопрос о вдовых священнослужителях, так много занимавший общество описываемого времени, подал повод к замечательному по своей силе сочинению: «Написание вдового попа, Георгия Скрипицы, из Ростова града о вдовствующих попех»; для образца приведем несколько мест, прямо относящихся к делу: «Не оскорбляйте и не осуждайте священников, кроме богословесных вин; теми писано осужати греси их, а не собою и не своим разумом. Вы же, господа, осудили есте всех иереев и дьяконов, настоящих и будущих, смертию жен их. Господь рече ко иудеем: не на лица зря, осуждайте, но праведный суд судите. А вы, господа, всех иереев и диаконов без испытания, на лица зря, осудили: который поп имеет жену – чист, а не имеет жену – не чист. И вы, господа мои, которым прозрели духом чистых и нечистых? Чем испытали, поп свят с женою или без жены, и чернец ли свят или белец? Почему ведати человека без свидетеля? Точию дела его объявят; един бог ведает помышления человека. Вы неблагословною виною раздор в церкви священником есте; чернецем-попом – достойно служити во градех и селех, а вдовцем чистым попом – недостойно служити и в пустынях, ниже во градех, а у которого попа жена есть, достоин служити, священ убо женою. А что глаголете, господа мои: мы то сотворили, тех отлучили, благочестия деля, очищая церковь; ино, господа мои, рассудите, от кого то зло стало в нашей земле? Не от вашего ли нерадения и небрежения, что злых не казнили, не отлучали от священства? Благословно ни сами, ни священники избранными не дозираете священников, а во грады и в села не посылаете опытовати, как кто пасет церковь божию, назираете священников боляры и дворецкими, недельщиками, тиуны и доводчики, своих деля прибитков». В истории просвещения древней Руси, разумеется, не должно быть забыто имя книжника Никиты Поповича, который держал спор с легатом и заставил последнего молчать по известию летописца.

Наконец, от описываемого времени дошел до нас любопытный памятник – путешествие тверского купца Афанасия Никитина за три моря – Каспийское, Индийское и Черное. Отправившись из Нижнего в свите ширванского посла, Никитин был ограблен астраханскими татарами в устьях Волги, не захотел с пустыми руками возвращаться в Русь, где у него были долги, и решил пробраться в Индию с дорогим жеребцом, которого он надеялся выгодно продать там, и, накупивши надобных на Руси товаров, возвратиться в отечество. Но он ошибся в расчете: «Налгали мне псы бусурманы, наговорили, что всякого нашего товара там много, а вышло, что нет ничего на нашу землю, все товар белый на бусурманскую землю, перец да краски – это дешево, но зато пошлины большие да на море разбойников много». Кроме обманутых надежд относительно торговых выгод Никитин подвергался большим опасностям: «В Чунере хан взял у меня

жеребца и, узнавши, что я не бусурманин, а русский, стал говорить: „И жеребца отдам, и тысячу золотых дам, стань только в нашу веру магометанскую; а не станешь в нашу веру, то и жеребца возьму, и тысячу золотых на голове твоей возьму“ – и сроку дал 4 дни, в госпожинки на Спасов день. Но господь бог смиловался на свой честный праздник, не отнял от меня, грешного, своей милости, не повелел погибнуть в Чунере с нечестивыми; накануне Спасова дни приехал Магмет Хоросанец; я к нему с челобитьем, чтоб похлопотал обо мне, и он поехал к хану и отпросил меня, чтоб в свою веру меня не обращали, и жеребца моего у хана взял. Таково господне чудо на Спасов день! Братья русские христиане! Кто хочет идти в Индейскую землю, тот оставь веру свою на Руси, закричи: Магомет! – и ступай в Индостанскую землю». Никитин описывает роскошь южной природы, пышность владельцев и вельмож, великолепие дворцов их, бедность сельского народонаселения, легкую одежду жителей Индии, их легкие нравы. «Познакомился я со многими индейцами, – говорит Никитин, – и объявил им о своей вере, что я не бусурманин, а христианин, и они не стали от меня скрывать ни об еде своей, ни о торговле, ни о молитвах и жен своих от меня не прятали; я расспросил все об их вере, и они говорят: веруем в Адама, а Будда – это Адам и род его весь. Вер в Индии всех 84 веры, и все веруют в Будду, а вера с верою не пьет, не ест, не женится».

Тяжко стало наконец Никитину на чужой дальней стороне среди 84 вер: «О благоверные христиане! Кто во многие земли часто плавает, тот во многие грехи впадает и веры лишается христианской. Мне, рабу божию Афанасию, струстнулось по вере: уже прошло четыре Великих поста, четыре Светлых воскресенья, а я, грешный, не знаю, когда Светлое воскресенье, когда пост, когда Рождество Христово и другие праздники, ни среды, ни пятницы; книг у меня нет: когда меня пограбили, то и книги у меня взяли; я с горя пошел в Индию, потому что на Русь мне было не с чем идти, не осталось товару ничего. Уже прошло четыре Светлых воскресенья в бусурманской земле, а христианства я не оставил: дальше бог ведает, что будет. Господи боже мой! На тя уповах, спаси мя! Пути не знаю, как выйти из Индостана; везде война! А жить в Индостане – все истратишь, потому что у них все дорого: я один человек, а по два с половиною алтына в день издерживаю, вина и сыты не пью». Наконец Никитин выбрал путь – через Персию и Азиатскую Турцию к Черному морю, а последним – в Кафу.

Средства к просвещению в описываемое время были скудны, как это можно видеть из приведенного выше письма Геннадия Новгородского к ростовскому архиепископу Иоасафу. Есть также известие, сколько книг принес с собою в монастырь Иосиф Волоцкий: четыре Евангелия, Апостол, два псалтыря, сочинения Ефрема, Дорофея, Петра, Дамаскина Василия Великого, патерик азбучный, два ирмолога.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Псков

Война с Казанью. – Война с Литвою. – Глинский. – Смерть короля Александра. – Глинский вооружается против преемника его, Сигизмунда, и вступает в службу к московскому великому князю. – Вечный мир между Василием и Сигизмундом. – Вражда у Василия с Крымом. – Дела ливонские. – Падение Пскова.

Смерть помешала Иоанну отомстить подручнику своему, царю казанскому, за его кровавый разрыв с Москвою. Василий, принявши правление осенью 1505 года, дожидался весны следующего года, чтоб отправить на Магмет-Аминя войско речным путем. В апреле 1506 поплыли с пехотою на судах брат великокняжеский Димитрий Иванович и воевода, князь Федор Иванович Бельский; сухим путем пошла конная рать под начальством князя Александра Владимировича Ростовского. 22 мая судовая рать пришла под Казань, и князь Димитрий немедленно велел ратным людям высадиться из судов и идти пешком к городу в знойный день; татары выступили к ним навстречу и завязали бой, тогда как другая часть казанского войска на лошадях тайно заехала им в тыл и отрезала от судов; русские потерпели сильное поражение: много их было побито, много взято в плен, много потонуло в Поганом озере. Узнав об этом несчастий, великий князь в тот же день велел выступить к Казани князю Василью Даниловичу Холмскому с другими воеводами, а брату послал сказать, чтоб до прибытия Холмского не приступал вторично к городу. Но когда 22 июня подоспела конная рать с князем Ростовским, то Димитрий не счел нужным медлить долее и повел опять войска к городу; сначала он имел удачу, но потом потерпел новое поражение и принужден был бежать, бросивши пушки и осадные машины. Говорят, что казанцы, не надеясь одолеть русских силою, употребили хитрость: раскинули стан и бросили его, как будто пораженные страхом; русские кинулись на добычу, начали грабить; этим воспользовались казанцы и поразили их наголову. Сам князь Димитрий ушел в Нижний; другой отряд московского войска под начальством татарского царевича Джаналея и воеводы Киселева пошел к Мурому, был настигнут на дороге казанцами, но побил их и достиг благополучно Мурома.

Уже начались приготовления к походу на следующую весну, но Магмет-Аминь не стал дожидаться этого нового похода и в марте 1507 года прислал в Москву бить челом, чтоб великий князь заключил с ним мир и дружбу по старине, как было с отцом его, великим князем Иоанном, причем обязывался отпустить задержанного посла Яропкина и всех пленных, взятых на войне. Василий, поговоря с братьями и боярами, согласился на этот мир для избавления христианских душ, попавших в бусурманские руки, и для христианского устройства.

Не одни только эти причины заставляли великого князя спешить заключением мира с Казанью, довольствоваться возобновлением прежних отношений; важнейшие дела на Западе требовали всего внимания Васильева. Мы видели уже, что Александр литовский полагал большие надежды на смерть Иоаннову, тем более что в Литве считали сторону Димитрия-внука довольно еще сильною, думали, что она будет противиться утверждению Василия на столе отцовском, и усобица между дядею и племянником обещала Александру удобный

случай к возвращению земель, отнятых у Литвы Иоанном. Узнав о смерти тестя, Александр послал сказать ливонскому магистру Плеттенбергу, что теперь наступило удобное время соединенными силами ударить на неприятеля веры христианской, который причинил одинаково большой вред и Литве и Ливонии; но магистр отвечал, что хотя время действительно благоприятное, однако все же надобно дождаться конца перемирия, утвержденного крестным целованием, что нельзя так вдруг начинать войны с таким сильным врагом, надобно прежде наверное узнать, как молодые князья будут управляться в своем государстве, ибо магистр ждет между ними несогласий, которые и подадут удобный случай к начатию войны. Александр и его Рада признали справедливость этих представлений, поблагодарили магистра за добрый совет, прося его немедленно давать знать в Литву о том, что он узнает о несогласиях князей московских. Александр велел объявить также Плеттенбергу, что он приказал собирать войска, дабы пограничные московские князья и братья великого князя, живущие в малых уделах, узнавши об этих приготовлениях, тем скорее могли обратиться к Литве; просил и магистра распорядиться таким же образом в Ливонии, чтоб испугать московского князя и сделать его уступчивее.

Александр действительно начал готовить полки для войны московской, но из Москвы пришли вести, что там все спокойно. Василий княжит на столе отцовском, а Димитрий-внук по-прежнему остается в тесном заключении. Надежды на усобицы, на уступчивость Василия исчезли: когда послы Александровы, предлагая вечный мир, требовали возвращения всех взятых у Литвы при Иоанне земель, то бояре отвечали по-прежнему, что великий князь владеет только своими землями, чужих не держит и возвращать ему нечего; по-прежнему, отцовскому обычаю Василий напоминал Александру, чтоб он не принуждал Елены к латинству. Александр не мог воспользоваться смертью Иоанна, скоро умер сам (в августе 1506 года), и теперь Василий хотел воспользоваться смертью бездетного зятя для мирного соединения Литовской Руси с Московскою: он послал сказать сестре, чтоб она «пожелала и говорила бы епископу, панам, всей Раде и земским людям, чтоб пожелали иметь его, Василия, своим государем и служить бы ему пожелали; а станут опасаться за веру, то государь их в этом ни в чем не порушит, как было при короле, так все и останется, да еще хочет жаловать свыше того». К князю Войтеху, епископу виленскому, к пану Николаю Радзивиллу и ко всей Раде Василий приказывал о том же «чтоб пожелали его на государство Литовское». Елена отвечала, что Александр назначил преемником себе брата своего, Сигизмунда; но в Литве встала сильная смута и усобица, которою Василий московский хотел воспользоваться теперь в свою очередь.

Любимцем покойного короля Александра был князь Михаил Глинский, маршалок дворный, потомок татарского князя, выехавшего в Литву при Витовте. Глинский провел долгое время за границею, в Италии, Испании, при дворе императора Максимилиана, везде умел приобрести расположение, почет умом, образованностию, искусством в деле военном; неудивительно, что он затмевал собою других панов литовских и умел овладеть полною доверенностию Александра; владея обширными землями и замками, почти половиною всего государства Литовского, Глинский приобрел многочисленную толпу приверженцев, преимущественно из русских. Такое могущество возбудило в

остальных панах литовских сильную зависть и опасение, чтоб Глинский не овладел Великим княжеством Литовским и не перенес столицы в Русь; отсюда явная вражда между Глинским и другими членами литовской Рады. Ожесточение достигло высшей степени, когда Александр по просьбам Глинского отдал город Лиду клиенту последнего, Андрею Дрожжи, отнявши ее у пана Ильинича. Ильинич обратился с жалобой к литовским вельможам, уже известным нам по делам московским, – к Войтеху Табору, епископу виленскому, Николаю Радзивиллу, воеводе виленскому, Яну Заберезскому, или Забржезинскому, воеводе троцкому, к Станиславу Яновичу, старосте жмудскому, Станиславу Глебовичу, воеводе полоцкому, и Станиславу Петровичу Кишке, наместнику смоленскому, которые, возводя Александра на престол литовский, взяли с него обязательство не отнимать волости ни у кого ни в каком случае, кроме преступления, заслуживающего лишения чести и жизни. Основываясь на этом обязательстве, паны не допустили Андрея Дрожжи до старства Лидского и возвратили его Ильиничу. Александр сильно рассердился на панов; Глинский, разумеется, постарался еще больше распалить гнев королевский; говорят, будто он твердил Александру: «Пока эти паны в Литве, до тех пор не будет покою в Великом княжестве» – и довел короля до того, что тот решился вызвать панов на сейм в Брест, схватить их в замке и предать смерти; но паны, предуведомленные об опасности канцлером польским Ласким, не пошли в замок, и, таким образом, намерение короля не исполнилось; он мог отомстить только тем, что у Яна Заберезского, главного врага Глинского, отнял воеводство Троцкое, Ильинича велел схватить и посадить в тюрьму, а другим панам не велел казаться себе на глаза и только по просьбе панов польских после простил.

В таком положении находились дела, когда Александр заболел тяжкою, предсмертною болезнью. В это самое время толпы крымских татар напали на Литву и страшно пустошили ее. Александр поручил войско Глинскому, и тот одержал над крымцами блистательную победу, которая была последним делом Александрова правления. Глинский, победитель, избавитель страны от свирепых татар, стал еще страшнее панам литовским. Как только Александр умер, начался спор о месте его погребения: польский канцлер Лаский хотел везти тело в Краков, исполняя желание самого покойника, но паны литовские требовали, чтоб король был погребен в Вильне, боясь того, что, когда они будут провожать его тело в Краков, Глинский воспользуется их отсутствием и захватит Вильну с своими русскими. Опасения их были, однако, напрасны: брат Александров, Сигизмунд, прибыл немедленно в Вильну, и Глинский первый выехал к нему навстречу. Зная, что новый великий князь уже предупрежден против него, Глинский произнес пред Сигизмундом прекрасную речь, в которой очищал себя от всякого подозрения в посягательстве на престол великокняжеский и обещал верную службу. Сигизмунд отвечал ласково, благодарил за изъявление верности. Понятно, с какою радостью литовские паны поспешили признать Сигизмунда великим князем и короновать его в Вильне; вслед за этим и польская Рада провозгласила его королем.

Александр отложил войну с Москвою, сдержанный благоразумными советами Плеттенберга, спокойным утверждением Василия на столе отцовском, нападениями татар и, наконец, болезнью; Сигизмунд думал, что может ознаменовать вступление свое на престол удачною войною с московским князем, считая обстоятельства для себя благоприятными в начале 1507 года: поход

казанский кончился неудачно, и Москва должна была снова употребить большие усилия для поправления дел своих на востоке; прежние отношения Крыма к Москве переменились: хан готов был помогать своему пасынку, царю казанскому, и действовать заодно с Литвою против Москвы; и вот 2 февраля 1507 года виленский сейм определил сбор войск к Светлому воскресенью. «А для того такой короткий срок положен, – говорит сеймовое определение, – чтобы неприятель господарский, услышавши о желании нашего государя начать с ним войну и своих земель доставать, не предупредил и не вторгнулся в его государство». Сигизмунд послал сказать Плеттенбергу, что крымский хан заключил с ним союз против Москвы, что послы хана казанского просят его не пропустить удобного времени и ударить вместе с Казанью на Москву, потому что царь их четыре раза уже разбил ее войска, поразил наголову брата великокняжеского, приходившего с пятьюдесятью тысячами войска, и беспрестанно опустошает Московскую землю; что он, Сигизмунд, уже отправил своих больших послов в Крым и Казань поднимать татар на Василия и своим подданным велел быть готовыми на войну к Светлому воскресенью, ибо хочет идти на неприятеля со всеми своими силами, видя, что таких благоприятных обстоятельств для войны с Москвою еще никогда не бывало.

Распорядившись таким образом, Сигизмунд отправил послов в Москву выведывать расположение тамошнего двора. Послы известили Василия о смерти Александра, о восшествии на престол Сигизмунда и объявили от имени последнего, что у великого князя Василия Васильевича и у короля Казимира заключен был вечный мир, по которому они обязались не забирать друг у друга земель и вод, что Казимир не нарушил ни в чем договора, который нарушен с московской стороны; так как правда Казимира и Александра, королей, известна всему свету, то Сигизмунд вызывает великого князя Василия к уступке всех литовских городов, волостей, земель и вод, доставшихся его отцу во время прежних войн, также к освобождению всех пленников литовских, дабы кровь христианская не лилась, ибо король в своей правде уповает на бога: это была явная угроза, что в случае неисполнения требования будет объявлена война; наконец, послы жаловались, что московские подданные захватили четыре смоленские волости, и помещики дорогобужские притесняют литовских пограничников. Но и Сигизмунд, подобно Александру, обманулся в надежде на благоприятное время для войны с Москвою: прежде его послов явились к великому князю послы из Казани с просьбою о мире; с этой стороны, следовательно, Василий мог быть покоен и потому дал Сигизмундовым послам обычный ответ: «Мы городов, волостей, земель и вод Сигизмундовых, его отчин никаких за собою не держим, а держим с божиею волею города и волости, земли и воды, свою отчину, чем нас пожаловал и благословил отец наш, князь великий, и что нам дал бог, а от прародителей наших и вся Русская земля – наша отчина». Но этого мало: на гордый вызов Сигизмунда Василий отвечал также решительным вызовом на войну, если король не захочет мира какой угоден московскому государю; он велел сказать послам: «Как отец наш, и мы брату нашему и зятю Александру дали присягу на перемирных грамотах, так и правили ему во всем до самой его смерти; а с Сигизмундом-королем нам перемирья не было. Если же Сигизмунд, как вы говорили, хочет с нами мира и доброго согласия, то и мы хотим с ним мира, как нам будет пригоже». Потом, перечисливши обиды, нанесенные

литовцами русским, – взятие в Брянской области более ста сел и деревень, грабеж купцов козельских, алексинских, калужских, псковских, занятие волостей князя Бельского – Василий велел сказать королю, чтоб за все это было сделано надлежащее удовлетворение, а в противном случае он найдет управу. Наконец, отпуская послов, сам великий князь велел им напомнить Сигизмунду о сестре своей, королеве Елене, чтоб она ведала свой греческий закон, чтоб он, Сигизмунд, ее жаловал и берег и держал в чести, а к римскому закону не принуждал.

В марте 1507 года происходили эти переговоры, а 29 апреля московские полки уже пошли воевать Литовскую землю; ибо если Сигизмунд надеялся напасть на Москву при благоприятных для себя обстоятельствах, то теперь эти обстоятельства перешли вдруг на сторону Василия, который и спешил пользоваться ими. Мы видели, что князь Михаил Глинский был принят, по-видимому, благосклонно Сигизмундом; но если бы даже новый король и не разделял всех подозрений панов литовских относительно Глинского, то, с другой стороны, он не оказывал ему того доверия, каким Глинский пользовался при покойном Александре. Этого уже было достаточно, чтоб враги Глинского подняли головы; этого было достаточно, чтоб сам Глинский, привыкший к первенствующему положению при Александре, чувствовал себя теперь в опале, в унижении. Но Глинского не хотели оставить в удалении и в покое; в начале 1507 года Сигизмунд отнял у брата Михайлова, князя Ивана Львовича, воеводство Киевское и дал вместо него Новгородское (Новогрудекское). Напрасно в грамоте своей, данной Ивану по этому случаю, король говорил, что он эту перемену не уменьшил чести князя Ивана, который сохраняет прежний титул и получает место в Раде подле старосты жмудского: обида была явная, явно было, что Глинских продолжали подозревать в замыслах восстановить Великое княжество Русское и потому не хотели оставить в их руках Киева. Но этого мало: заклятый враг князя Михаила, Ян Заберезский, громко называл его изменником; Глинский требовал суда с ним пред королем, но Сигизмунд, будучи занят важными делами, откладывал этот соблазнительный суд, тем более что, как видно, против Глинского достаточных улик не было, и в таком случае король не хотел жертвовать Глинскому Заберезским. Но понятно, что Глинский не хотел ждать; он отправился в Венгрию к королю Владиславу, брату Сигизмундову, с просьбою вступить в дело; но и ходатайство Владислава не помогло. Тогда Глинский, сказав королю: «Ты заставляешь меня покуситься на такое дело, о котором оба мы после горько жалеть будем», уехал в свои имения и завел пересылку с великим князем московским, который обещал ему помощь на всех его неприятелей.

Глинский писал в Москву, что для его дела и для дела теперь великокняжеского самое благоприятное время, потому что в Литве войска не в сборе, а от других стран помощи нет; Василий отвечал, что немедленно шлет в Литву своих воевод и чтоб Глинский тоже не медлил. Глинский начал свое дело. С семьюстами конных ратников он переправился через Неман, явился в Гродно, подле которого жил тогда Заберезский, и ночью велел окружить двор последнего; два иностранца, находившиеся в службе Глинского, взялись быть орудиями кровавой мести своего господина: один – какой-то немец Шлейниц – ворвался в спальню к Заберезскому, другой – турок – отсек ему голову, которую на сабле поднесли Глинскому; тот велел ее нести перед собою на древке четыре мили и потом утопить в озере. Покончивши с главным врагом, Глинский разослал

конницу свою искать и бить других враждебных ему панов литовских, а сам, набирая все более и более войска, удалился в Новгород.

Тогда Сигизмунд заговорил другим языком с Москвою. Он вторично прислал сюда за миром, предлагая в посредники Менгли-Гирея крымского, и в то же время пытался возбудить против Василия брата его, дмитровского князя Юрия Ивановича: литовские послы явились к последнему с просьбою, чтоб принял на себя ходатайство о мире между Москвою и Литвою; но за этою просьбою следовали тайные речи. «Узнали мы о тебе, брате нашем, – велел сказать ему Сигизмунд, – что милостью божиею в делах своих мудро поступаешь, великим разумом их ведешь, как и прилично тебе, великого государя сыну; не малые слухи до нас дошли, что многие князья и бояре, покинувши брата твоего, великого князя Василия Ивановича, к тебе пристали, и всякие добрые слухи о тебе слышим, что нам очень приятно. Мы хотели с братом твоим, великим князем Василием Ивановичем, быть в мире и союзе на всякого недруга; но он, обрадовавшись отчинным нашим пограничным городам и волостям, землям и водам, с нами житья не захотел. Так мы, брат милый, помня житье предков наших, их братство верное и нелестное, хотим с тобою быть в любви и в крестном целованьи, приятелю твоему быть приятелем, а неприятелю – неприятелем и во всяком твоём деле хотим быть готовы тебе на помощь, готовы для тебя, брата нашего, сами своею головою на коня сесть со всеми землями и со всеми людьми нашими, хотим стараться о твоём деле, все равно как и о своём собственном. И если будет твоя добрая воля, захочешь быть с нами в братстве и приязни, то немедленно пришли к нам человека доброго, сына боярского: мы перед ним дадим клятву, что будем тебе верным братом и сердечным приятелем до конца жизни».

Неизвестно, что отвечал на это князь Юрий; но известен нам ответ великого князя Василия сестре своей Елене, которая присылала в Москву с ходатайством о мире. Оправдав поведение отца своего относительно короля Александра, Василий пишет: «Когда после зятя нашего Александра на его государствах сел брат его, Сигизмунд, то он прислал к нам своих послов; мы с ним мира хотели, но он с нами не захотел; а после того Сигизмунд-король поднимал бусурманство на христианство да посылал воевод своих многих со многими людьми на наших слуг, на князей; а мы посылали своих воевод со многими людьми, и наши воеводы от его людей отстоялись и пришли к нам благополучно. Ты пишешь, что присылал к нам бить челом князь Михайла Глинский; но к нам присылал бить челом не один князь Михаил Глинский, а многие князья русские и многие люди, которые держат греческий закон; сказывают, что теперь нужда на них пришла большая за греческий закон, принуждают их приступать к римскому закону, и они били челом, чтоб мы пожаловали их, за них стали и обороняли их. Нам кажется, что и тебе, сестре нашей, теперь неволя большая, потому что, как зять наш Александр умер, мы посылали навестить тебя и приказывали, чтоб ты нас о своём здоровьи без вести не держала, но с тех пор послы от Сигизмунда-короля у нас не один раз были, а от тебя к нам вести никакой нет. И если на Русь такая беда пришла, то мы за нее стали и обороняли ее и вперед, даст бог, будем стоять и оборонять. А ты бы, сестра, и теперь помнила бога и свою душу, отца нашего и матери наказ, от бога душою не отпала бы, от отца и матери в неблагословеньи не была бы и нашему православному закону укоризны не принесла. А что ты писала к нам, чтоб мы с Сигизмундом-королем были в любви и братстве, то, если Сигизмунд-король

захочет с нами мира и доброго согласия, мы с ним мира хотим, как нам будет пригоже» (июнь 1507 г.).

Сигизмунд обещал прислать новых больших послов в Москву, но почему-то не прислал. Мы видели, что в письме к сестре Василий говорил уже о возвращении своих воевод, ходивших на Литву; по литовским известиям, воеводы его возвратились назад, слышавши о приближении короля, который взял замок Гзыков, опустошил несколько местечек и волостей московских, но принужден был также возвратиться в Вильну от недостатка продовольствия для войска и от сильных жаров. Справедливо или нет это известие, очевидно, что военные действия 1507 года этим кончились. Весною следующего, 1508 года они возобновились с новою силою; Глинский волновал Русь, пустошил волости Слуцкие и Копыльские, овладел Туровом и Мозырем. Великий князь, уведомляя его, что посылает к нему на помощь полки под главным начальством князя Василия Ивановича Шемячича писал, чтоб он с этою помощию добывал ближайшия к себе города, а далеко с нею в королевскую землю не ходил, дело делал бы не спеша, пока подойдет другое, более многочисленное войско из Москвы. Глинский хотел, чтоб Шемячич помог ему овладеть Слуцком, который, как писал он к Василию, находился близко от его городов; пишут, что Глинскому хотелось овладеть Слуцком для того, чтоб жениться на его княгине Анастасии и тем получить право на Киев, которым прежде владели предки князей Слуцких. Но князю Шемячичу хотелось быть поближе к северу, откуда должны были подойти полки московские, и потому решено было идти под Минск, пустивши загоны в глубь Литвы, для того чтоб смутить землю и помешать сбору войска. Эти загоны были в осьми милях от Вильны, в четырех от Новгородка, заходили под самый Слоним. Две недели стоял Глинский с Шемячичем у Минска, дожидаясь вести о московских воеводах, но вести не было; это обстоятельство заставило их отступить от Минска и двинуться к Борисову. Отсюда Глинский писал к великому князю, чтоб смиловался не для его одного челобитья, но для собственной пользы и для пользы всего притесненного христианства, которое всю надежду полагает на бога да на него; велел бы своим воеводам спешить к Минску, иначе братья и приятели его, Глинского, и все христианство придут в отчаяние, города и волости, занятые с помощию великокняжескою, подвергнутся опасности и самое благоприятное время будет упущено, ибо ратное дело делается летом. Но великий князь, извещая о движении воевод своих – князей Щени из Новгорода, Якова Захарьевича из Москвы и Григория Федоровича из Великих Лук, приказывал Шемячичу и Глинскому, чтоб они шли для соединения с ними в Орше. Шемячич и Глинский двинулись к Орше, овладели на дороге Друцком; в одно время с ними пришел к Орше и князь Щеня с силою новгородскою, и начали вместе осаждать эту крепость, но осада была неудачна; третий воевода, Яков Захарьич, стоял под Дубровною. В это время пришла весть, что идет король к Орше (после 11 июня 1508 года). Тогда воеводы отошли от нее и стали на другом берегу Днепра; потом отступили далее, в Дубровну, и стояли здесь семь дней; но король за Днепр ни сам не пошел, ни людей не послал; по литовским же известиям, король переправился через Днепр после того, как его отряды отбили русских от берега; ночь развела сражающихся; Глинский упрашивал московских воевод, чтоб дали на другой день битву королю, но те не согласились и в полночь отступили; король побоялся их преследовать и возвратился в Смоленск.

Из Дубровны московские воеводы пошли на юго-восток, к Мстиславлю, где выжгли посадки, потом к Кричеву и, таким образом, разошлись с королем в противные стороны. Сигизмунд, остановившись в Смоленске, решил принять с своей стороны наступательное движение. Войсками должен был начальствовать гетман литовский, князь Константин Острожский, которому удалось перед тем убежать из Москвы. Но смута встала в Литве вследствие ссоры между двумя вельможами; поход Острожского с главным войском не мог состояться; литовские отряды успели только сжечь Белую, овладеть Торопцом и занять Дорогобуж, который сожгли сами русские, не надеясь защитить его. Но эти успехи прекратились, когда великий князь велел подвинуться войскам своим к угрожаям границам: смоленский воевода, Станислав Кишка, засевший было в Дорогобуже, бежал оттуда, слышав о приближении московского войска; литовские работники, пришедшие укреплять Дорогобуж для короля, были побиты; неприятель очистил также и Торопец, слышав приближение Щени.

Сигизмунд видел невозможность успешной борьбы с Москвою: московские воеводы, уклоняясь от решительной битвы, вышли из литовских владений, но должны были снова явиться в них при первом удобном случае; король, следовательно, должен был постоянно держать наготове многочисленную рать, а это было ему трудно, невозможно при внутреннем безнарядьи. Мы видели, что поход Острожского был остановлен смутою между двумя вельможами, и в то же время волнение, поднятое Глинским, не стихало, города, им принадлежавшие, находились по-прежнему в их руках. По выходе московских воевод из Литвы князь Михаил отправился в Москву, где вступил в службу к великому князю, который одарил его платьем, конями, доспехами, дал ему два города на приезд – Малый Ярославец и Медынь – да села под Москвою, отпустил с ним в Литву полки свои для оберегания его вотчинных городов. Сигизмунду, следовательно, нужно было кончить войну осенью, чтоб не дать Глинскому возможности действовать зимою для подкрепления своей стороны; и вот король отправил из Смоленска гонца в Москву за опасною грамотою для послов, которые приехали сюда 19 сентября и заключили вечный мир; чтобы избавиться от Глинских, возвратить их владения к Литве, Сигизмунд должен был решиться на важное пожертвование: уступить Москве в вечное владение приобретения Иоанновы; тяжелые для Литвы условия перемирия Александрова с Иоанном стали теперь условиями вечного мира между Сигизмундом и Василием, который получил желаемое, заключил мир, как ему было пригоже, доказал, что он чужим временно ничем не владеет. Оба государя обязались быть заодно на всех недругов и на татар, исключая Менгли-Гирея, царя перекопского. Глинским и их приятелям выговорен был свободный выезд из Литвы в Москву. Предчувствие князя Михаила сбылось: он затеял такое дело, о котором и король и он сам сильно должны были жалеть, потерявши много; но Глинский не отчаивался заставить короля жалеть еще больше.

Мы видели, что Сигизмунд вначале надеялся нанести Москве сильный удар с помощью татар крымских и действительно не жалел денег, чтоб порвать союз Менгли-Гирея с Москвою. В это время Крымская орда начинала обнаруживать вполне свой разбойнический характер. Прежде Менгли-Гирей сдерживался боязнию перед Ахматом и сыновьями его и потому дорожил союзом с Москвою; дорожил он им и потому еще, что боялся турок и в случае изгнания от последних

надеялся найти убежище у московского князя; наконец, слава могущества и счастья Иоаннова должна была внушать уважение варвару. Но теперь обстоятельства переменились: Менгли-Гирей не боялся более остатков Золотой Орды, не видал беспокойства со стороны Турции; в Москве вместо Иоанна господствовал молодой сын его, окруженный опасностями внутри и извне, ибо и в Крыму могли ожидать той же усобицы между сыновьями Иоанновыми, какой ожидали в Литве; притом Менгли-Гирей устарел, ослабел и был окружен толпою хищных сыновей, родственников и князей. Понятно, что эта хищная толпа с жадностью бросилась на Сигизмундовы подарки, обещая ему за них опустошать московские владения; но им еще выгоднее было брать подарки с обоих государств, Московского и Литовского, обещать свою помощь тому, кто больше даст, обещать, а на самом деле, взяв деньги с обоих, опустошать владения обоих, пользуясь их взаимною враждою. С этих пор сношения обоих государств, и Московского и Литовского, с крымцами принимают характер задаривания разбойников, которые не сдерживаются никаким договором, никакими клятвами. Сюда присоединялись еще смешные притязания на прежнее могущество, прежнее значение, которое ханы старались восстановить хотя на бумаге; но унижительнее всего было то, что король Сигизмунд решился потворствовать этим притязаниям, решился взять следующий ярлык от Менгли-Гирея: «Великия Орды великого царя Менгли-Гирея слово правой и левой руки великого улуса темникам, тысячникам, сотникам, десятникам, уланам, князьям и всем русским людям, боярам, митрополитам, попам, чернецам и всем черным людям. Даем вам ведать, что великие цари, деды наши и великий царь Ази-Гирей, отец наш, когда их кони были потны, к великому князю Витовту в Литовскую землю приезжали гостить, великую честь и ласку видали; за это пожаловали его Киевом и многие другие места дали. Великий князь Казимир с литовскими князьями и панами просили нас о том же, и мы им дали Киев, Владимир, Луцк, Смоленск, Подолию, Каменец, Браславль, Сокальск, Звенигород, Черкасы, Хаджибеев маяк (Одесса), начиная от Киева Днепром до устья... Путивль, Чернигов, Рыльск, Курск, Оскол, Стародуб, Брянск, Мценск, Любутск, Тулу., Козельск, Пронск; потом, повышая брата нашего Казимира, мы придали ему к литовскому столу Псков, Великий Новгород, Рязань; а теперь мы пожаловали Сигизмунда, брата нашего, столец в Литовской земле дали ему со всеми вышеписанными землями».

И вот, несмотря на то что Василий в начале своего княжения поспешил взять с Менгли-Гирея клятвенную грамоту в соблюдении прежнего союза, какой был у Москвы с Крымом при Иоанне III, летом 1507 года пришла весть, что идет множество татар по степи и надобно ждать их прихода на белевские, одоевские и козельские места. Великий князь немедленно выслал полки на украину; московские воеводы не успели помешать татарам набрать в ней большую добычу, но пустились за разбойниками в степь, нагнали их на Оке, поразили и отняли всю добычу (9 августа). После этого во все продолжение войны с Литвою нападений не было. Глинский с своей стороны также обратился в Крым, прося покровительства у хана, поднимая его на короля; Менгли-Гирей не отказывался от союза и с Глинским, обещал завоевать для него Киев, не переставая в то же время обещать королю, что хочет послать к нему на помощь татар своих к Киеву и даже к Вильне. Но король спешил отказаться от такой помощи, писал к Менгли-Гирею от 11 июня 1508 года, что помощь татарская уже более не нужна в Литве, которая

очищена от Глинского и московских воевод, и сам он, Сигизмунд, уже приблизился к московским границам, а просит хана послать войско на Брянск, Стародуб и Новгород Северский: «Если не захочешь сыновей послать, то пошли хотя несколько тысяч людей своих и тем покажи нам искреннее братство и верную приязнь, а мы, как тебе присягнули и слово свое дали, так и будем все исполнять до смерти, тебя одного хотим во всем тешить и мимо тебя другого приятеля искать не будем». Король обещал выслать немедленно и деньги в Крым.

Но разбойники еще помнили поражение на Оке, и хан не послал войска в другой раз к московским украинам; ему казалось безопаснее посредством клятвенного обещания союза выманить у великого князя московского как можно больше подарков, выманить также и пасынка своего, бывшего казанского царя Абдыл-Летифа, находившегося в заточении, и вовлечь Василия в войну с Астраханью, с которою у Москвы не было никаких враждебных столкновений. Требовал подарков не один хан; обыкновенно послы привозили к великому князю множество грамот от всех царевичей и царевен: все это слало тяжелые поклоны с легким поминком, а себе требовало тяжелых поминков; но кроме царевичей и царевен нужно было дарить всех мурз и князей; Менгли-Гирей писал великому князю: «Брат мой, князь великий Иван, Ямгурчей-Салтану кроме десяти (подарков) портище соболье, да 2000 белки, да 300 горностаев, не убавляя, посылавал, а нынче от тебя так не привезено. Из моих мурз и князей двадцати человекам поминка не досталось: так ты бы им прислал по сукну; а если им не пришлешь, то они скажут: шерть (присягу) с нас долой! И сильно нам станут об этом докучать: так бы нам докуки не было». Хан требовал беспошлинной торговли для своих купцов и писал великому князю: «Послал я своего торговца, и если товар, какой ему нужно купить, будет дорог, то я ему велел за хорошею белкою и в Казань идти. В каком месте он начнет товар мой продавать или в какой город пойдет, то ты своего доброго человека с ним пошли, чтоб на нем тамги не брали, чтоб силы и наступания ему никакого не было, потому что мои деньги все равно что твои деньги; так вели постеречь и поберечь. От наших отцов и дедов наших ордобазарцы в Москву и в другие города хаживали, и нигде с них тамги не брали, потому что их деньги – наши деньги и брать с них тамгу – значит надо мною насмехаться. Изначала наши ордобазарцы в кермосараях (гостиных дворах) не ставятся, ставятся, где хотят; и никто им о том слова не говорит». Хан требовал также присылки одоевской дани, как она шла в Крым при Иоанне III.

Великий князь исполнил требование хана относительно ордобазарцев: не велел брать с них тамги и ставить их на гостиных дворах, но отказался отправить войско на Астрахань: «Судов на Волге при отце моем не делывали да и теперь не делают, и народу служебного туда переслать нельзя». Великий князь не согласился также отпустить Абдыл-Летифа в Крым, но соглашался возвратить ему свободу и наделить городом; Менгли-Гиреев настаивал, чтоб Абдыл-Летифу дали Каширу, но великий князь никак на это не согласился: поместить Абдыл-Летифа так близко к степи значило передать Украину в жертву крымцам или по крайней мере дать Летифу возможность уйти из Московского государства; ему дали Юрьев, причем взяли с него клятвенную грамоту, показывающую нам тогдашние отношения так называемых служилых татарских царевичей к государству. Летиф, называя себя царем и великого князя братом, обязуется быть в приязни с его друзьями и в вражде с врагами, не мириться и не ссылаться ни с кем без его

ведома, показывать ему все грамоты, какие только будут присланы к нему от других владельцев; если великий князь пошлет его на свою службу, то ему и его войску, ходя по московским землям, не брать и не грабить своею рукою ничего, над христианами насилья никакого не делать, а кто это сделает или церковь поругает, того выдать; убьют такого преступника на месте преступления – вины нет; послы Летифа, едущие в Москву, берут корм по ямам; но торговцы его корм должны себе покупать; послов и купцов московских Летифу не хватать и не грабить, также русских пленных, которые побегут из Орды; Летиф обязывается не мыслить зла Янаю-царевичу, живущему в городке Мещерском, и Ших-Авлиару-царевичу, помещенному в Сурожики, и никакому другому царю или царевичу, которые будут в Московском государстве; не принимать от них уланов, князей и козаков, хотя бы они прежде ушли от них в Орду или Казань, и оттуда их не принимать; также не принимать татар великокняжеских, кроме четырех родов: Ширинова, Баарынова, Аргинова и Кипчакова; обязывается не воевать с Казанью без ведома великокняжеского, не выезжать из Московского государства и быть во всем послушным великому князю. С своей стороны великий князь дал Летифу на словах клятву держать его другом и братом, но в грамоту этой строки писать не велел для прежнего своего дела.

Послы московские начали подвергаться в Крыму насилиям от хищных царевичей и мурз; отпуская к Менгли-Гирею знатного посла своего, Василия Морозова, великий князь писал к хану, что если и Морозов потерпит такое же насилие и бесчестие, какое потерпел прежний посол Заболоцкий, то вперед он будет посылать к нему людей молодых, а не бояр; и Морозову был дан наказ: «Если станут у него просить какой пошлины, то ему в пошлину никому ничего не давать, кроме того, что с ним послано от великого князя в поминках». Морозов выполнил наказ; но пусть он сам расскажет нам, чего стоило ему это выполнение. «Приехал я к воротам, – доносит посол великому князю, – сошел с лошади, пошел пешком в городские ворота и вижу, что в воротах сидят все лучшие князья; они со мной карашевались (здоровались) по обычаю; но когда дошла очередь до Кудаяр-мурзы, то он со мною не карашевался, а сказал толмачу: „Скажи боярину, что он холоп!“ Толмач мне тут не сказал, а он на толмача с ножом, и толмач мне сказал у царевых дверей. Я пошел к царю и девяти (подарки) понесли за мною; тут Кудаяр-мурза отнял у подъячего шубу беличью хребтовую; как подошел я к царевым дверям, ясаулы посохи свои бросили передо мною и стали говорить толмачу: „Давай пошлины!“ Я перешагнул через посохи. „Ничего, – говорю, – не ведаю“; а мурза Аппак мне сказал: „Не потакай, ступай прямо к царю“. Царь спрашивал о твоём (великого князя) здоровье, меня жаловал, и царевичи меня жаловали и карашеваться звали; я посольство правил, царь меня жаловал чашею и остаток подал, и царевичи жаловали, остатки подавали; потом царь, немного посидевши, велел мне чашу подать, а я чашу подал царю, царевичам и князьям, но когда дошел черед до Кудаяр-мурзы, то я начал бить челом царю на него, что холопом меня назвал и шубу отнял. „Кудаяр-мурзе, – говорил я, – чашу не подам за это: холоп я твой да брата твоего, государя великого князя Василия Ивановича“. Царь начал говорить за Кудаяра (по нем покрашивать). „Мы его этим пожаловали“, – говорил царь. Я на это отвечал: „В том, государь, волен ты, вольный человек, хотя и все ему отдай“. Царь после этого меня отпустил и прислал за мною с медом, а Кудаяра, говорят, бранил и вон выслал... А царевич

Ахмат-Гирей прислал ко мне дувана своего; дуван ко мне приехал, да стал браниться, говорит: „Царевич тебе приказал сказать: не додашь мне тех поминков, что мне Заболоцкий давал, и я тебя велю на цепи к себе привести“. Я ему отвечал: „Цепи твоей не боюсь, а поминков не дам, поминков у меня нет“.

Мы видели, что и Александр и Сигизмунд, желая войны с Москвою, старались поднять на нее магистра ливонского, но уже из ответа Плеттенбергова Александру можно было усмотреть, что старания будут безуспешны. Ливония и города ганзейские хлопотали только о том, чтобы с помощью короля римского Максимилиана возвратить своих пленников и товары, захваченные при Иоанне. Известный нам Гардингер приехал осенью 1506 года в Москву с прежнею просьбой от Максимилиана об освобождении ливонских пленников; Василий велел отвечать: «Если Максимилиан, король римский, будет с нами в союзе, братской любви и дружбе, как был с отцом нашим, и если магистр, архиепископ и вся земля Ливонская от нашего недруга литовского отстанут, пришлют бить челом в Великий Новгород к нашим наместникам, исправятся нашим отчинам, Великому Новгороду и Пскову, вовремя, то мы, посмотри по их челобитью, для Максимилиана, короля римского, прикажем своим наместникам и своим отчинам, Новгороду и Пскову, с ливонцами мир заключить, как будет пригоже, и тогда пленников освободим». Ливонские послы не являлись в продолжение войны с Литвою; но когда эта война кончилась, то магистр в марте 1509 года прислал бить челом о перемирии, которое и было заключено новгородским и псковским наместниками на четырнадцать лет; по договору немцы обязались не приставать к литовскому великому князю и его преемникам, получили право торговать в Новгородской земле всяким товаром, кроме соли, с обеих сторон обязались давать послам проводников и подворья безденежно. Потом Максимилиан присылал с просьбою, чтобы позволено было ганзейским городам торговать по-прежнему с Новгородом и Псковом и чтоб отданы были товары, захваченные при Иоанне; Василий отвечал, что относительно возобновления торговли исполнит просьбу Максимилианову, если ганзейские города пришлют к новгородским и псковским наместникам о том челом попригожу, но что товаров им не отдадут.

Обезопасив себя со стороны Казани, Крыма, Литвы и Ливонии, Василий задумал порешить со Псковом, к чему подавали повод постоянные столкновения власти народной со властью наместника великокняжеского. С 1508 или 1509 года во Пскове наместником был князь Иван Михайлович Репня-Оболенский, а псковичи прозвали его Найденем, потому что, говорит их летописец, приехал он в Псков не по обычаю не будучи прошен и объявлен, нашли его псковичи на загородном дворе, потому священники навстречу к нему со крестами не ходили; и был этот князь лют до людей, прибавляет летописец. Осенью 1509 года великий князь отправился в Новгород и получил здесь от Оболенского жалобу, что псковичи держат его нечестно не так, как держали прежних наместников, и дела государские делают не по-прежнему, в суды и доходы великокняжеские вступаются и людям наместничьим от них бесчестие и насилие большое. Вслед за жалобою от наместника явились в Новгород посадники и бояре псковские, поднесли великому князю в дар полтораста рублей и били челом, что обижены от наместника, от его людей, от его наместников пригородских и от их людей. Великий князь отвечал: «Хочу отчину свою жаловать и оборонять, как отец наш и деды делали; и если придет на моего наместника много жалоб, то я его обвиню

перед вами». Отпустив посадников и бояр, Василий отправил в Псков окольного князя Петра Васильевича Великого и дьяка Далматова с приказанием выслушать князя Оболенского с псковичами порознь и помирить их. Посланные возвратились и объявили, что псковичи с наместником не мирятся, приехали опять посадники бить челом, чтоб государь дал им другого наместника, а с Репнею прожить им нельзя. Тогда великий князь велел ехать к себе в Новгород Репне и всем псковичам, у которых есть жалобы на наместника. Поехал наместник, поехал посадник Леонтий, но поехал жаловаться не на Оболенского, а на товарища своего, другого посадника, Юрия Копыла; Юрий поехал отвечать и скоро прислал из Новгорода грамоту: «Если не поедут посадники из Пскова говорить против князя Ивана Репни, то вся земля будет виновата». Тогда сердце у псковичей приуныло; поехали девять посадников да купеческие старосты всех рядов. Великий князь управы им не дал, но объявил: «Сбирайтесь жалобщики на Крещение, тогда я вам всем управу дам, а теперь вам управы никакой нет». Жалобщики возвратились домой и, когда подошел срок, отправились опять в Новгород. В самый праздник Крещения Василий велел псковичам собраться и идти на реку на водосвятие, где был и сам с крестным ходом; потом бояре объявили им: «Посадники псковские, бояре и жалобщики! Государь велел вам всем собраться на государский двор, а кто не пойдет, тот бы боялся государевой казни, потому что государь хочет дать вам всем управу». Псковичи отправились с реки на владычный двор; посадники, бояре и купцы введены были в палату, а младшие люди стояли на дворе: и вот вошли в палату московские бояре и сказали псковичам: «Пойманы вы богом и великим князем Василием Ивановичем всея Руси». Посадников посадили тут же, в палате, а младших переписали и отдали новгородцам по улицам беречь и кормить до управы. Так говорит псковский летописец; по известию же других летописцев, великий князь велел псковскому наместнику, князю Репне, с посадниками стать перед собою, выслушал и обыскал, что посадники не слушались наместника, в суды и пошлины его вступались, держали его не так, как прежних наместников; также от них и псковичам было много обид и насильств, но что более всего – государское имя презирали, нечестно держали. За это великий князь положил опалу на посадников, велел их схватить и раздать детям боярским по подворьям. Тогда посадники и другие псковичи, познав свою вину, били челом государю, чтоб пожаловал отчину свою, Псков, устроил, как ему, государю, бог известил. Великий князь велел им сказать чрез бояр своих: «Вы достойны за свои вины казни и опалы; но государь вам готов оказать милость, если вы исполните его волю, вечевою колокол свесите, чтоб впредь вече не быть, а быть в Пскове двум наместникам и по пригородам быть также наместникам; государь сам хочет быть в Пскове, помолиться св. Троице и всему указ учинить, как судить наместникам в Пскове и по пригородам; если волю государеву исполните, то государь вас жалует, в имения ваши и в земли не вступается. Если же государева жалованья не признаете и воли его не исполните, то государь будет делать свое дело, как ему бог поможет, и кровь христианская взыщется на тех, кто государево жалованье презирает и воли его не исполняет». Посадники и все псковичи отвечали боярам: «За государево жалованье мы здесь челом бьем, но велел бы государь послать во Псков с теми же речами». Они целовали крест служить Василию, его детям и наследникам до конца мира.

Псковичи узнали об участии посадников от купца своего Филиппа Поповича, который услышал весть на дороге в Новгород, бросил товар и поскакал во Псков сообщить ее гражданам. На псковичей напал страх, трепет и тоска, гортани их пересохли от печали, уста пересмякли; много раз приходили на них немцы, но такой скорби еще им не бывало, как теперь, говорит их летописец. Собрали вече, начали думать, ставить ли щит против государя, запираются ли в городе. Помянули крестное целование, что нельзя поднять рук на государя, а посадники и бояре и лучшие люди все у него. Порешивши, что сопротивляться нельзя, псковичи послали к великому князю гонца Евстафия, соцкого, бить челом со слезами: «Чтоб ты, государь, жаловал свою отчину старинную; а мы, сироты твои, прежде были и теперь неотступны от тебя и сопротивляться не хотим; бог волен да ты в своей отчине и в нас, своих людишках». С объявлением воли великокняжеской приехал в Псков дьяк Третьяк Далматов, который сказал на вече от имени Василия: «Если отчина моя хочет прожить в старине, то должна исполнить две мои воли: чтоб у вас вечера не было и колокол вечеровой был бы снят; быть у вас двум наместникам, а по пригородам наместникам не быть; в таком случае вы в старине проживете; если же этих двух волей не исполните, то как государю бог на сердце положит: много у него силы готовой, и кровопролитие взыщется на тех, кто государевой воли не сотворит; да государь велел вам еще объявить, что хочет побывать на поклон к св. Троице во Псков». Отговоривши свою речь, дьяк сел на ступени. Псковичи ударили челом в землю и не могли слова промолвить, потому что глаза у них наполнились слезами, только грудные младенцы не плакали; наконец, собравшись с духом, отвечали дьяку: «Посол государев! Подожди до завтра: мы подумаем и обо всем тебе скажем»; тут опять все горько заплакали. «Как зеницы не выпали у них вместе со слезами? Как сердце не оторвалось от корня своего?» – говорит летописец.

Думать псковичам было нечего; день прошел в плаче, рыданиях, столах; бросались друг к другу на шею и обливались слезами. Задержанные в Новгороде посадники и бояре писали к ним, что дали Василию крепкое слово своими душами за себя и за всех псковичей исполнить государево приказание; писали, что общая гибель будет следствием сопротивления великому князю, у которого многочисленное войско. На рассвете другого дня позвонили к вечу; Третьяк приехал, и псковичи сказали ему: «В летописях наших написано, с прадедами, дедами и с отцом великого князя крестное целование положено, что нам, псковичам, от государя своего, великого князя, кто бы ни был на Москве, не отойти ни в Литву, ни к немцам; отойдем в Литву или к немцам или станем жить сами собою без государя, то на нас гнев божий, голод, огонь, потоп и нашествие поганых; на государе великом князе тот же обет, какой и на нас, если не станет нас держать в старине; а теперь бог волен да государь в своей отчине, городе Пскове, и в нас, и в колоколе нашем, а мы прежней присяге своей не хотим изменять и на себя кровопролитие принимать, мы на государя рук поднять и в городе запереться не хотим; а хочет государь наш, князь великий, помолиться живоначальной Троице и побывать в своей отчине, во Пскове, то мы своему государю рады всем сердцем, что не погубил нас до конца». 13 января 1510 года сняли вечеровой колокол у св. Троицы и начали псковичи, смотря на колокол, плакать по своей старине и по своей воле, и в ту же ночь Третьяк повез вечеровой колокол к великому князю в Новгород.

За неделю до приезда великого князя приехали воеводы его с силою и повели псковичей к крестному целованию, а посадникам сказали, в какой день великий князь будет во Псков: посадники, бояре, дети боярские и посадничьи и купцы поехали в Дубровно встречать государя, который приехал во Псков 24 января. В тот же день рано приехал владыка коломенский и объявил духовенству, что великий князь не велел встречать себя далеко; духовенство осталось, а псковичи встретили его за три версты от города и ударили челом в землю; государь спросил у них о здоровье, они отвечали: «Ты бы, государь наш, князь великий, царь всея Руси, здрав был». На торгу встретил владыка коломенский с псковским духовенством; в Троицком соборе пели молебен и кликали многолетие государю; благословляя его, епископ сказал: «Бог тебя, государь, благословляет взятием Пскова»; которые псковичи были тут в церкви и слышали это, заплакали горько. «Бог волен да государь, – сказали они, – мы были исстари отчиною отцов его, дедов и прадедов». На четвертый день великий князь велел быть у себя посадникам, боярам, купцам и житым людям, чтоб пожаловать их своим жалованьем, как было им сказано. Когда они собрались, то князь Петр Васильевич Великий перекликал некоторых из них по списку и велел им идти в гридню, где их всех отдали под стражу; менее же значительным псковичам, оставшимся на дворе, князь Петр сказал: «До вас государю дела нет, а до кого государю дело, тех он к себе берет; а вас государь пожалует своею жалованною грамотою, как вам вперед жить». Лучшие псковичи вышли из гридни с приставами, отправились по своим дворам и в ту же ночь стали собираться в Москву с женами и детьми, взяли с собою только что полегче, а прочее все бросили и поехали наспех с большим плачем и рыданием; поехало всего тогда 300 семей. Отнялась слава псковская, говорит летописец; по его словам, беда постигла псковичей за самоволие и непокорение друг другу, за злые поклепы и лихие дела, за кричанье на вечах; не умели своих домов устраивать, а хотели городом управлять.

Великий князь послал боярина Петра Яковлевича Захарьина (Кошкина) поздравить Москву со взятием Пскова, а сам жил во Пскове четыре недели, устраивал новый быт: деревни сведенных бояр псковских он роздал своим боярам; в наместники назначил Григорья Морозова и Ивана Челяднина, дьяком – Мисюря Мунехина, другим ямским дьяком – Андрея Волосатого, назначил 12 городничих, 12 старост московских и 12 псковских, дал им деревни и велел сидеть в суде с наместниками и тиунами, стеречь правды; дал псковичам уставную грамоту; послал своих наместников по пригородам и велел привести пригороджан к крестному целованию; из Москвы присланы были во Псков добрые люди, гости числом 15, для установления тамги, потому что во Пскове прежде тамги не было, торговали беспошлинно, и для делания денег на новый чекан; присланы были из Москвы также пищальники казенные и воротники; а уезжая, великий князь оставил во Пскове 1000 человек детей боярских и 500 новгородских пищальников. К Троицыну дню того же года приехали купцы-москвичи на место сведенных псковских, 300 же семей из десяти городов, и начали им давать дворы в Среднем городе а псковичей всех выпроводили в Окольный город и на посад.

Летописец жалуется на первых наместников. «У наместников, – говорит он, – у тиунов их и дьяков правда, крестное целование взлетели на небо, а кривда начала между ними ходить; были они немилостивы к псковичам, а псковичи бедные не знали суда московского; наместники пригородные торговали

пригорожанами, продавали их великим и злым умышленным, подметем и поклепом; приставы наместничьи начали брать от поруки по 10, 7 и 5 рублей, а кто из псковичей сошлется на уставную грамоту великого князя, как там определено, почему брать с поруки, того они убьют; от их налогов и насильства многие разбежались по чужим городам, бросивши жен и детей; иностранцы, жившие во Пскове, и те разошлись в свои земли, одни псковичи остались, потому что земля не расступится, а вверх не взлететь». Слух о таком поведении наместников дошел до великого князя: в следующем же, 1511 году он свел Морозова и Челяднина, и на их место прислал двоих князей – Петра Великого и Семена Курбского; Петр был прежде князем во Пскове и знал всех псковичей. Новые наместники были добры до псковичей, говорит летописец, и вот горожане, которые разошлись, начали опять собираться во Псков. Наместники эти жили четыре года. Наместники сменялись; не сменялся дьяк Мисюрь Мунехин, имевший важное значение, управлявший, как видно, всем. После семнадцатилетнего пребывания во Пскове Мисюрь умер в 1528 году. Дьяки начали часто переменяться после него; по словам летописца, были дьяки мудры, а земля пуста; казна великокняжеская начала увеличиваться во Пскове, но из дьяков ни один не выехал поздорову из Пскова в Москву, потому что друг на друга воевали. Мы еще будем иметь случай упомянуть о Мисюре.

Глава вторая

Смоленск

Возобновление войны с Литвою. – Взятие Смоленска. – Измена Глинского. – Поражение русских у Орши. – Сигизмунд не пользуется победою. – Сигизмунд подущает крымцев к нападению на русские владения. – Союз Василия с Альбрехтом Бранденбургским. – Посредничество императора Максимилиана. – Посольство Герберштейна. – Союз Казани и Крыма против Москвы. – Нашествие Магмет-Гирея. – Перемирие с Литвою. – Войны с Казанью. – Сношения с Крымом, Швециею, городами ганзейскими, Даниею, Римом, Турциею. – Присоединение Рязани, княжества Северского и удела Волоцкого.

Если великому князю московскому выгодно было окончательно закрепить за собою отцовские завоевания в Литве, если Сигизмунду, с другой стороны, важно было без новых уступок освободиться от изнурительной и вследствие движений Глинского опасной войны, то, конечно, Глинскому, потерпевшему полную неудачу в своих замыслах, принужденному покинуть родную страну, не было никакой выгоды от прекращения войны между Москвою и Литвою. Понятно, что пребывание Глинского при дворе московском не могло служить ручательством в сохранении мира; понятно, что этот даровитый, энергический, знающий, бывалый человек должен был употреблять все усилия к возвращению себе прежнего положения, прежних владений; понятно, что человеку, привыкшему к великокняжескому положению в Литве, привыкшему управлять государством при Александре, нельзя было привыкнуть к положению дел в Москве, где великий

князь касательно ограничения власти боярской приводил к концу меры отцовские; понятно, что Глинский постоянно обращал беспокойные взоры на запад, прилежно следил за делами Сигизмунда, с радостью замечал, когда эти дела начинали становиться затруднительными, и употреблял все усилия, чтоб склонить великого князя московского воспользоваться стесненным положением короля для начатия новой выгодной войны. Сигизмунд понимал, что Глинский не даст ему продолжительного мира с Москвою, и потому в начале 1509 года попытался склонить Василия к выдаче ему князя Михаила. «Сестра твоя, королева Елена, – велел сказать Сигизмунд Василию, – уже извещала тебя, что изменник наш Михайло Глинский, позабывши ласки и жалованье брата нашего, господаря своего Александра, который из смерда сделал его паном, посягнув на его здоровье, своими чарами свел его в могилу; королева устно нам об этом говорила, подробно писала в письме и послов к нам за этим делом отправляла, а злодей, чуя свою вину, убежал в наше отсутствие и теперь у тебя. Напоминаем тебе, брату нашему, чтоб ты вместе с ним сочувствовал скорби, которую причинил этот злодей нам и сестре твоей, и выдал бы нам изменника и убийцу зятя твоего вместе с братьями и помощниками или бы у себя казнил его перед нашими послами. Если ты это сделаешь, то мы будем поступать точно таким же образом с твоими подданными, которые, нагрубивши тебе, уйдут к нам». Василий отвечал отказом. Конечно, такие требования не могли утешить в Глинском вражды к Сигизмунду; он завел переписку с Иоанном, королем датским, с целию вооружить его против Сигизмунда; последний, получивши от Иоанна это письмо, переслал его к Василию московскому и велел сказать ему: «Сам посмотри, гораздо ль это делается? Ты с нами в мире, а изменник наш, слуга твой, живя в твоей земле, шлет к братьям нашим, королям христианским, такие грамоты с несправедливыми словами. Казни этого злодея, чтоб он вперед так не делал». Ответа не было. Сигизмунд замолчал о Глинском, и содержанием сношений между обоими дворами до 1512 года были взаимные жалобы на пограничные обидные дела, взаимные требования высылки судей для их решения. Летом 1512 года Василий послал сказать Сигизмунду: «Дошел до нас слух, что твои паны – воеводы виленский и троцкий – сестру нашу, королеву Елену, схватили в Вильне, свезли в Троки, людей ее всех отослали, казну всю взяли; в городах ее и волостях, данных ей мужем, паны твои ни в чем не дают ей воли; державши ее три дня в Троках, свели в Биршаны. Мы к тебе не раз приказывали, чтоб нашей сестре от тебя и от твоих панов никакого бесчестья не было и к римскому закону ее не принуждали бы; и нам неизвестно, за что нашей сестре такое бесчестье и принуждение и с твоего ли ведома это сделано или без твоего? Ты бы, брат, поберег, чтоб нашей сестре от тебя и от твоих панов бесчестья и небреженья никакого не было, казну ее велел бы всю ей отдать, людям ее велел бы быть при ней по-прежнему, в города ее и волости панам своим вступаться не велел, чтоб у нас за то с тобою нежитья не было; да дай нам знать, за что нашей сестре, а твоей снохе такое бесчестье и принуждение учинено, с твоего ли ведома или нет, чтоб нам об этом знать. Посылаем к тебе в твои пограничные города, к твоим наместникам в Смоленск, Полоцк и Витебск детей боярских для решения пограничных обидных дел; эти дети боярские приедут в твои города на Дмитров день 1512 года (26 октября), а ты бы своих дворян для того же дела прислал в наши пограничные города на Николин день осенний» (6 декабря 1512 года). Сигизмунд отвечал: «Что касается

панов, воевод виленского и троцкого, то нам очень хорошо известно, что они у невестки нашей казны, людей, городов и волостей не отнимали, в Троки и Биршаны ее не увозили и бесчестья ей никакого не наносили; они только сказали ей с нашего ведома, чтоб ее милость на тот раз в Браславль не ездила, а жила бы по другим своим городам и дворам, потому что пришли слухи о небезопасности пограничных мест. Дивимся мы тому, что брат наш по речам лихих людей, не доведавшись наверное, к нам присылает и говорит о том, чего у нас и в уме не было. Мы с тех пор, как стали господарем на отчине нашей, невестку нашу держали в большом почете, к римскому закону ее не принуждали и не будем принуждать, и не только не отнимали у нее тех городов и волостей, которые дал ей брат наш, Александр, но еще несколько городов, волостей и дворов ей наших придали; и вперед, если даст бог, хотим ее милость держать в почете. А чтоб брат наш мог лучше увериться, поезжай ты, посол, к невестке нашей, королеве, и спроси ее сам; что ты от нее услышишь, то и передай брату нашему; а вперед, брат наш, лихим людям не верил бы, чтоб между нами ссоры не было. Мы с тобою пошлем к королеве писаря нашего: пусть ее милость перед тобою и перед нашим писарем скажет, вправду ли с нею так было или нет».

Слух о происшествии с Еленою, как видно из речей Василия, не был еще, по его мнению, решительною причиною к разрыву с Литвою, ибо в то же время великий князь назначал приезд литовским дворянам для решения пограничных дел на 6 декабря. Не знаем, ездил ли московский посол с королевским писарем к Елене и что она им сказала; знаем, что после московское правительство жаловалось, будто Сигизмунд не дал никакого ответа на вопрос Василия о сестрином деле; знаем также, что в ноябре и декабре 1512 года Елена распорядилась в своих жмудских волостях, принимала жалобы от обиженных, приказывала тиунам своим и наместникам об удовлетворении. Но скоро пришло в Москву другое известие. В мае месяце двое сыновей Менгли-Гиреевых с многочисленными толпами напали на Украину, на Белев, Одоев, Воротыньск, Алексин, повоевали, взяли пленных. Великий князь выслал против них воевод; но татары отступили с большою добычею, а воеводы за ними не пошли. В июне один из этих царевичей – Ахмат-Гирей – пошел было к Рязани, но возвратился, узнав, что на реках Осетре и Упе стоят московские воеводы; в октябре брат Ахматов, Бурнаш-Гирей, пришел опять к Рязани и приступал к городу; города взять не мог, но земле Рязанской много наделал вреда и ушел с добычею. После первого нападения великий князь положил опалу на Абдыл-Летифа за его неправду, отдал его под стражу и отнял удел, по летописям – Каширу, но мы видели, что Абдыл-Летиф получил не Каширу, а Юрьев; переименован ли был после удел, или ошиблись летописцы – решить не можем; не знаем также, в чем состояла неправда Летифа: в том ли, что он был действительно заодно с крымскими царевичами и при вести о их приходе обнаружил враждебные намерения относительно Москвы, или неправда его состояла только в том, что его освобождение условливалось соблюдением союзного договора со стороны крымцев, а этот договор был теперь нарушен. Осенью в Москве узнали, что неприятельские действия крымских царевичей были следствием договора, заключенного Менгли-Гиреем с Сигизмундом. Это известие уже нашли достаточною причиною к разрыву с Литвою, и великий князь послал к Сигизмунду складную грамоту, упрекая его за оскорбление Елены и за старание возбудить Менгли-Гирея против Москвы.

Обстоятельства были самые благоприятные для начатия войны: Альбрехт, маркграф бранденбургский, родной племянник Сигизмунда от сестры, ставши великим магистром Тевтонского ордена, готовился к войне с дядею, не желая уступить ему земли Поморской и Прусской и признавать себя его вассалом; Ливония, по отношениям своим к великому магистру, должна была также объявить войну Польше; император и другие немецкие владельцы поддерживали Альбрехта. Глинский, как мы видели, заботливо следил за отношениями Сигизмунда к его западным соседям; еще в 1508 году, перед заключением мира с Литвою, он убедил Василия войти в союз с императором Максимилианом, который, по его словам, думает доставать Венгерского королевства под братом и племянником Сигизмунда, следовательно, не обойдется без войны с последним; Глинский взялся доставить к Максимилиану грамоту Василиеву, в которой московский государь предлагал императору союз против короля Сигизмунда для доставления своих отчин: Максимилиану – Венгерской, а Василию – Русской земли. Как доставлена была грамота, как продолжались сношения, нам неизвестно, потому что имперские посольские дела с 1510 по 1515 год утрачены; из летописей узнаем о приезде в Москву в феврале 1514 года императорского посла Сницен-Памера, и дошел до нас союзный договор, заключенный при его посредстве между двором австрийским и московским против Сигизмунда для отнятия у последнего, с одной стороны, земель Тевтонского ордена, с другой – Киева и прочих русских городов.

Но Василий не дождался заключения этого союза для начатия военных действий против Литвы. Уже в апреле 1511 года Глинский обнадеживал орденских сановников, что мир между Литвою и Москвою не будет продолжителен. Он отправил служившего у него немца Шлейница в Силезию, Богемию и Германию, который нанял здесь многих ратных людей и отослал через Ливонию в Москву; нашлись в самой Польше люди, которые тайно брали деньги от Глинского; один из них, Лада, чех, житель краковский, схвачен был на московских границах, отослан в Краков и там казнен. 19 декабря 1512 года сам великий князь выступил в поход с двумя братьями, Юрием и Дмитрием, зятем, крещеным татарским царевичем Петром с Михаилом Глинским и с двумя московскими воеводами – князьями Данилом Щенею и Репнею-Оболенским; целию похода был Смоленск. Шесть недель стояли под городом, назначили приступ: великий князь дал псковским пищальникам три бочки меду и три бочки пива; они напились и в полночь ударили на крепость вместе с пищальниками других городов, посохи несли примет; остаток ночи и весь следующий день бились они из-за Днепра и со всех сторон, много легло их от городского наряда, наконец принуждены были отступить, и великий князь в марте 1513 года возвратился в Москву.

Летом, 14 июня, Василий вторично выступил в поход; сам остановился в Боровске, а к Смоленску послал воевод – боярина князя Репню-Оболенского и окольного Андрея Сабурова; смоленский наместник Юрий Сологуб встретил их за городским валом, дал битву, но потерпел поражение и затворился в крепости. Получивши весть о победе, Василий сам отправился под Смоленск; но на этот раз осада была неудачна: что пушки осаждающих разрушали днем, то осажденные заделывали ночью; тщетно великий князь посылал к смольнянам частые грамоты с обещаниями и угрозами; они не сдавались; удовольствовавшись опустошением окрестностей, Василий велел отступить и возвратился в Москву в ноябре месяце.

8 июня 1514 года великий князь выступил в третий раз к Смоленску с братьями Юрьем и Семеном, третий – Димитрий – стоял в Серпухове для обороны южных границ от крымцев, четвертый – Андрей – оставался в Москве. 29 июля началась осада Смоленска; действием наряда распорядился пушкарь Стефан. Когда он ударил из большой пушки по городу, то ядро попало в крепостную пушку, ту разорвало, и много осажденных было побито; через несколько часов Стефан ударил в другой раз ядрами мелкими, окованными свинцом, и еще больше народу побил; в городе была печаль большая, видели, что биться нечем, а передаться – боялись короля. Великий князь велел ударить в третий раз – пали новые толпы осажденных; тогда владыка Варсонофий вышел на мост и начал бить челом великому князю, просить срока до следующего дня; но Василий сроку не дал, а велел бить многими пушками отовсюду. Владыка со слезами возвратился в город, собрал весь причт церковный, надел ризы, взял крест, иконы и вместе с наместником Сологубом, панами и черными людьми вышел к великому князю. «Государь князь великий! – говорили смольняне. – Много крови христианской пролилось, земля пуста, твоя отчина; не погуби города, но возьми его с тихостию». Василий, подошедши к владыке под благословение, велел ему, Сологубу и знаменитым людям идти к себе в шатер, а черным людям и духовенству велел возвратиться в город, к которому приставлена была крепкая стража; владыка, Сологуб и все паны ночевали в шатре под стражею. На другой день, 30 числа, великий князь послал в Смоленск воевод своих, князя Данила Щеню с товарищами, дьяков и подьячих, велел им переписать всех жителей и привести к присяге – быть за великим князем и добра ему хотеть, за короля не думать и добра ему не хотеть; перепись и привод к присяге кончились 31 июля. 1 августа после водосвящения Василий вступил торжественно, за крестами в Смоленск вместе с владыкою и был встречен всем народом; после молебна и многолетия в соборной церкви владыка сказал ему: «Божиею милостию радуйся и здравствуй, православный царь Василий, великий князь всея Руси, самодержец, на своей отчине, городе Смоленске, на многие лета!» Принявши поздравление от братьев, бояр и воевод, Василий слушал литургию, после чего отправился на княжеский двор и сел на своем месте; тут снова бояре и воеводы московские и знатные смольняне подходили к нему по чину с обычными приветствиями; великий князь спросил их о здоровье и велел сесть. Князьям, боярам и мещанам (горожанам) смоленским Василий объявил свое жалованье, уставную грамоту, назначил им в наместники боярина князя Василия Васильевича Шуйского и позвал их обедать, после чего каждый получил дары. Королевскому наместнику Сологубу и сыну его великий князь сказал: «Хочешь мне служить, и я тебя жалую, а не хочешь, волен на все стороны». Сологуб просил позволения отправиться к королю и был отпущен; он поехал затем, чтоб сложить в Польше голову на плахе, как изменник. Всем служилым людям королевским было сделано такое же предложение; многие из них остались в службе московской и получили по два рубля денег да по сукну; которые не захотели служить, и те получили по рублю денег и отпущены к королю. Смольнянам дано было также на волю: кто из них хотел ехать жить в Москву, тому давали денег на подъем; кто хотел остаться по-прежнему в Смоленске, тот удерживал свои вотчины и поместья.

Устроившись таким образом в Смоленске, великий князь выступил в обратный поход, к Дорогобужу, пославши воевод своих к Мстиславлю: здешний

князь, Михаил Ижеславский, присягнул государю московскому, то же сделали жители Кричева и Дубровны. Для оберегания Смоленска на случай прихода Сигизмундова отправился к Орше князь Михаил Глинский; к Борисову, Минску и Друцку двинулись воеводы: двое братьев князей Булгаковых-Патрикеевых, Михаил Голица и Димитрий Ивановичи, да конюший Иван Андреевич Челяднин. Но король выступил уже к ним навстречу из Минска к Борисову: он надеялся на успех своего дела, и эту надежду всеял в него Михаил Глинский.

Иностранные известия приписывают Глинскому большое участие во взятии Смоленска; говорят, что он завел сношения с смольнянами, привлек многих из них на свою сторону, и эти-то люди заставили большинство жителей сдаться, не дожидаясь прихода королевского, в котором обнадеживал их воевода Сологуб. По известиям о взятии Смоленска, полученным в Ливонии, Глинский будто бы сказал великому князю: «Нынче я дарю тебе Смоленск, которого ты так долго желал; чем ты меня отдаришь?» Великий князь отвечал: «Я дарю тебе княжество в Литве». Это известие противоречит известию Герберштейна, будто Василий в Москве обещал Глинскому отдать ему Смоленск. Как бы то ни было, видно одно, что Глинский, хотя и не имел обещания великого князя относительно Смоленска, тем не менее надеялся, что ему отдадут этот город, считая себя главным виновником его взятия и вообще успеха войны, ибо по его старанию были вызваны из-за границы искусные ратные люди; очень вероятно, что знаменитый пушкарь Стефан был из их числа; вероятно также, что Глинский имел сношения с смольнянами, действовал на их решимость к сдаче, если мог иметь сношения с жителями Кракова, как мы видели. Но если Глинский при своем страстном желании получить независимое положение, особое княжество, думал, что имеет право надеяться Смоленского княжества, то со стороны Василия было бы большою неосторожностью выпустить из рук этот давно желанный, драгоценный Смоленск, ключ к Днепровской области, отдать его Глинскому хотя бы и с сохранением права верховного господства) отдать его Глинскому, которого характер, способность к обширным замыслам, энергия при их выполнении не могли дать московскому государю достаточного ручательства в сохранении этого важного приобретения.

Обманувшись в своих надеждах относительно Смоленска, видя (если верить приведенному известию), что ему надобно дожидаться завоевания еще другого княжества в Литве, завоевания сомнительного, ибо король уже приближался с войском, Глинский завел переговоры с Сигизмундом, обнадеженный еще прежде в милостивом приеме братом Сигизмундовым, Владиславом, королем венгерским и богемским. Сигизмунд действительно очень обрадовался предложению Глинского, придавая советам последнего большое влияние на успехи московского оружия. Глинский решился покинуть тайно московский отряд, ему вверенный, и бежать в Оршу; но один из ближних его слуг в ту же ночь прискакал к князю Михайле Голице, объявил ему об умысле Глинского и указал дорогу, по которой поедет беглец. Голица, давши знать об этом другому воеводе, Челяднину, немедленно сел на коня с своим отрядом, перенял дорогу у Глинского и схватил его ночью, когда тот ехал за версту впереди от своих дворян; на рассвете соединился с Голицею Челяднин и повезли Глинского в Дорогобуж к великому князю, который велел заковать его и отправить в Москву; королевские грамоты, вынутые у Глинского, послужили против него явною уликою. Распорядившись

насчет Глинского, великий князь велел своим воеводам двинуться против короля; тот, оставив при себе четыре тысячи войска в Борисове, остальные под начальством князя Константина Острожского отправил навстречу к московским воеводам, у которых, по иностранным известиям, было 80000 войска, тогда как у Острожского – не более 30000. После нескольких небольших стычек в конце августа Челяднин перешел на левый берег Днепра у Орши и здесь решил дожидаться неприятеля, не препятствуя ему переправляться через реку, чтоб тем полнее была победа. 8 сентября 1514 года произошел бой: русские начали нападение, и долго с обеих сторон боролись с переменным счастьем, как наконец литовцы намеренно обратились в бегство и подвели русских под свои пушки; страшный залп смял преследующих, привел их в расстройство, которое скоро сообщилось и всему войску московскому, потерпевшему страшное поражение: все воеводы попались в плен, не говоря уже об огромном количестве убитых ратников; река Кропивна (между Оршею и Дубровною) запрудилась телами москвитян, которые в бегстве бросались в нее с крутых берегов. Сигизмунд, извещая ливонского магистра об Оршинской победе, писал, что москвичи из 80000 потеряли 30000 убитыми; взяты в плен: 8 верховных воевод, 37 начальников второстепенных и 1500 дворян; но после из литовского же обстоятельного перечисления узнаем, что всех пленных, как взятых на Оршинской битве, так и в других местах, было 611 человек. По московским известиям, Острожский сначала занимал Челяднина мирными предложениями, а потом внезапно напал на его войско; первый вступил в битву князь Михайла Голица, а Челяднин из зависти не помог ему; потом литовцы напали на самого Челяднина, и тогда Голица не помог ему; наконец, неприятель напал в третий раз на Голицу, и Челяднин опять выдал последнего, побежал и тем решил судьбу битвы; но московские источники согласны с литовскими относительно страшных следствий Оршинского поражения.

Дубровна, Мстиславль, Кричев немедленно сдались королю; мстиславский владелец князь Михайла Ижеславский, узнавши о приближении королевского войска, отправил к Сигизмунду грамоту с обещаниями верности, с извинением, что только по необходимости служил некоторое время великому князю московскому. То же самое поспешил сделать и Варсонофий, епископ смоленский: отчаявшись вместе с знатнейшими смольнянами, князьями и панами в деле нового своего государя, Василия, епископ послал к Сигизмунду племянника своего с письмом такого содержания: «Если пойдешь теперь к Смоленску сам или воевод пришьешь со многими людьми, то можешь без труда взять город». Но бояре смоленские и мещане хотели остаться за Москвою и сказали об умысле владыки наместнику своему, князю Василию Шуйскому; Шуйский велел схватить Варсонофия вместе с его соумышленниками, посадил их под стражу и дал знать об этом великому князю в Дорогобуж. В это время князь Константин Острожский явился под Смоленском только с шеститысячным отрядом войска в надежде на владыку, князей и панов, но Шуйский поспешил убедить его, что на этих людей нечего больше надеяться; не дожидаясь ответа от великого князя, он велел повесить всех заговорщиков, кроме Варсонофия, на городских стенах, в виду литовского войска; который из них получил от великого князя шубу, тот был повешен в этой самой шубе; который получил ковш серебряный или чару, тому на шею привязали эти подарки и таким образом повесили. Тщетно после того

Острожский посылал к смолянам грамоты с увещаниями передаться Сигизмунду, тщетно делал приступы к городу: доброжелателей королевских не существовало более, и остальные граждане бились крепко; Острожский должен был отступить от Смоленска, московские ратные люди и горожане преследовали его и взяли много возов. Великий князь одобрил поведение Шуйского, прибавил ему войска и выступил из Дорогобужа в Москву.

Упомянувши о нечаянном нападении псковского наместника Сабурова на Рославль, летописцы надолго прекращают рассказ о военных действиях между Москвою и Литвою. Понятно, что первая должна была отдохнуть после Оршинской битвы; но вредные следствия этой битвы для Москвы ограничились только потерей людей, потому что король не мог извлечь из нее для себя никакой пользы, не мог даже возвратит себе Смоленска, приобретение и удержание которого для Василия служили достаточным вознаграждением за все потери. Письмо киевского воеводы Андрея Немировича литовской Раде объяснит нам эту невозможность для Сигизмунда вести деятельную успешную войну, пользоваться своими победами. «Крымский царевич Алп-Салтан, сын Магмет-Гиреев, прислал ко мне с известием, – пишет Немирович, – что он со всеми людьми своими уже на этой стороне реки Тясмина, и требовал, чтоб я садился на коня и шел бы вместе с ним на землю Московскую, в противном случае он один не пойдет на нее. Я писал к вашей милости не раз, чтоб вы меня научили, как мне делать? Но до сих пор вы мне не отвечали; постарайтесь немедленно прислать мне наказ. Писал я к старостам и ко всем боярам киевским, чтоб ехали со мною на службу господарскую; но никто из них не хочет ехать; пожалуйста, напишите им, чтоб они поспешили за мною на службу господарскую».

Таким образом, и помощь крымских разбойников не приносила всей пользы королю, хотя последний не жалел денег для того, чтоб подущать их против Москвы. Весною 1515 года умер старый Менгли-Гирей; сын его и наследник, Магмет-Гирей, прислал в Москву с упреком, что великий князь нарушил договор, не давши знать в Крым о своем походе под Смоленск: «Ты нашему другу королю недружбу учинил: город, который мы ему пожаловали (Смоленск), ты взял от нас тайком; этот город Смоленск к литовскому юрту отец наш пожаловал, а другие города, которые к нам тянут, – Брянск, Стародуб, Почап, Новгород Северский, Рыльск, Путивль, Карачев, Радогощ – отец наш, великий царь, твоему отцу дал. Если хочешь быть с нами в дружбе и в братстве, то ты эти города отдай нам назад, потому что мы их королю дали... Если хочешь быть с нами в дружбе и в братстве, то помоги нам казною, пришли нам казны побольше». Кроме казны хан требовал кречетов и разных дорогих вещей; требовал, чтоб великий князь отпустил в Крым Абдыл-Летифа. В грамотах к великому князю московскому сохранялись еще приличные формы; так, хан писал: «Брату моему поклон» или «Много, много поклон»; но вот как начиналась ханская грамота к великому князю рязанскому: «Великия Орды великого царя Махмет-Гиреево цареве слово другу моему и становитину, рязанскому Ивану, князю, ведомо было... Мы, великий царь и государь твой».

Преданный Москве вельможа крымский, Аппак-мурза, писал великому князю: «У тебя хан просит восемь городов, и если ты ему их отдашь, то другом ему будешь, а не отдашь, то тебе другом ему не бывать; разве пришлешь ему столько же казны, сколько король присылает, тогда он тебе города эти уступит. А с

королем им друзьями как не быть? И летом, и зимою казна от короля, как река, беспрестанно так и течет, и малому и великому – всем уноровил». Послу великокняжескому, Мамонову, тот же Аппак говорил: «Ты приехал нынче между великим князем и царем дело делать, так ты делай дело умеючи: чего у тебя царь ни попросит, ты ни за что не стой, тешь его. А не захочешь царю дать добром, так тебе без дела назад ехать; ведь царь у тебя силою возьмет все, что захочет; так ты бы царю не стоял ни за что, чего у тебя ни попросит добром, а позора бы тебе не дожидаться». Аппак жаловался Мамонову, что и ему великий князь мало прислал. «Абдыр-Рахмановою службою, – говорил он, – литовский царю нашему посылает пятнадцать тысяч золотых кроме платья, сукон и запросов; а царицам, царевичам, сеитам, уланам, князьям, мурзам особенно король посылает, всем довольно; никто на короля царю за поминки не жалуется; Абдыр-Рахману же от короля идет две тысячи золотых кроме платья и сукон; на людей Абдыр-Рахману еще казну, которую Абдыр-Рахман раздает от себя царевичам, уланам, князьям и мурзам добрым для королевского дела. Так королевскому делу как не делаться? А ко мне сколько раз король приказывал: отстань от московского, служи мне и приказывай, чего от меня хочешь: все тебе дам. Но у всякого человека слов много, а душа одна; ты, король, познакомился с Абдыр-Рахманом и живи с ним».

Мамонов доносил, что когда он шел к хану с поминками, то сторожа загородили ему дорогу посохом: «И было мне у посоха много истомы не на малый час; все требовали у меня посошной пошлины; но я их не послушал. Когда я назад хотел идти, то меня не пустили. Аппак же меня не выручал: дважды он к царю вверх ходил; но, туда идучи и оттуда, все меня бранил, что я не плачу посошной пошлины; однако я не послушался, не заплатил. Потом пришел ко мне Аппак-князь и стал царским именем просить у меня тридцать шуб беличьих да тридцать однорядок для раздачи тем людям, которым великий князь мало поминков прислал, потому что они не хотят великокняжеского дела делать». Мамонов отказал, тогда у него схватили двоих людей; приехал к нему татарин и стал просить поминки; Мамонов не дал, тогда татарин стал за ним на лошади с плетью гоняться, лошадью его топтать, потом с ножом в избу вломился, наконец силою взяли у Мамонова все то, чего требовал хан. Этот поступок Магмет-Гирей так оправдывал в письме своем к великому князю: «Ты многим людям не прислал подарков, и нам много от них докуки было, да и посол твой много докуки видел; и вот я, для того чтоб между нами дружбы и братство прибывало, неволею взял у твоего посла, да и роздал моим людям – иному шубу, другому однорядку». При этом хан приложил список людей, которым великий князь должен был вперед посылать поминки.

В Москве довольствовались подобными объяснениями; в ответе своем хану Василий не упоминал об оскорблениях, нанесенных послу, и требовал одного – шертной грамоты. Мамонов обратился с тем же требованием к сыну Магмет-Гирееву, царевичу Богатырю; тот отвечал: «Кто меня больше почитит, король или великий князь, о том я и буду больше хлопотать». Мамонов отправился к брату ханскому, Ахмат-Гирею; Ахмат отвечал: «Видишь сам, какой царь мой брат; когда был отец наш царем, то мы его слушались; а нынче брат наш царем, сын у него царь же, князья у него цари же, водят им, куда хотят». Посол обратился к старшей ханше; та смотрела на поведение Магмет-Гирея с своей

точки зрения и отвечала: «Великокняжеские и королевы поминки хан пропивает с своими любимыми женами».

Богатырь-царевич обещал хлопотать о том, кто его больше почитит; король, как видно, почитил его больше, и Богатырь в 1516 году опустошил рязанскую Украину. Когда посол жаловался на это доброхоту московскому, мурзе Аппаку, тот отвечал: «Все это делается великому князю самому от себя: говорил я, чтоб великий князь столько же присылал, сколько король присылает». А сам хан писал Василию: «Что сын мой Богатырь без моего ведома на Рязань ходил, то князь бы Василий лихим людям не потакал, кто станет говорить, чтоб ему за то со мною раздружиться». Хан обещал идти на Литву, но требовал, чтоб великий князь помог ему взять Астрахань: «Как возьмем Астрахань, то в ней великого же князя людям сидеть, тысячах в трех или четырех, с пушками и пищалями; рыба, соль – все это пойдет брату же моему, великому князю, а моя только бы слава была, что город мой. А что наши люди Мещеру воевали, то я не ручаюсь, что вперед этого не будет, хотя я с братом своим, великим князем, буду в дружбе и братстве; людей своих мне не унять: пришли на меня всею землею, говорят, что не будут меня в этом слушаться; а Ширины мимо меня вздумали воевать Мещеру, потому что нынче на Мещере наш недруг, а из старины этот юрт наш. Нынче брат мой, князь великий, зачем не просит у меня на Мещеру брата или сына? Когда наш род был на Мещере, то смел ли кто из наших смотреть на нее?»

Великий князь велел своему послу предложить Мещеру брату Магметову, Ахмат-Гирею; обещал хану помощь на Астрахань – все в надежде добиться шертной грамоты и отвлечь крымцев от союза литовского, но король действовал деньгами, и летом 1517 года 20000 татар явилось в тульских окрестностях. Князья Одоевский и Воротынский распорядились очень удачно: пешие ратники обошли татар и засекали им дороги в лесах, где много их побили, а конные стали преследовать разбойников по дорогам, по бродам, потопили много их в реках, много взяли в плен, так что из 20000 очень мало их возвратилось в Крым, и те пришли пеши, босы и наги; с другой стороны, князь Василий Шемячич поразил за Сулою татарский отряд, приходивший грабить путивльские места. Тогда великий князь созвал на думу братьев и бояр и спросил их: нужно ли после этого продолжать сношения с Крымом, посылать козаков к хану с грамотами? Приговорили, что нужно продолжать сношения, чтоб хан прямо не отстал от Москвы.

Сигизмунд действовал в Крыму; Василий по единству выгод должен был вступить в союз с Альбрехтом Бранденбургским, великим магистром Тевтонского ордена. Мы видели, что литовские немцы были ревностными союзниками Александра литовского в войне его с Иоанном московским; Сигизмунду хотелось поднять их и на Василия; ливонские пань радные, извещая магистра Плеттенберга о нападении великого князя московского на их землю, писали: «Если он успеет завладеть нашими крепостями – Смоленском, Полоцком, Витебском, Мстиславлем и Оршею, то вы не можете быть безопасны, тем более что, по мнению полочан, пределы страны их простирались по Двине вплоть до самого моря, что ваш город Рига построен на их земле». Плеттенбергу не нужно было напоминать об опасности, которая грозила Ливонии от Москвы, о правах России на Ливонию; он сам очень хорошо знал эти права, эту опасность, ненавидел Москву, готов был немедленно начать войну с нею в союзе с Литвою и

Польшею, но сдерживался своим бессилием и враждебными отношениями к Польше великого магистра тевтонского. Последний не только не разделял вражды Плеттенберга к Москве, напротив, старался о союзе с великим князем для общего действия против Сигизмунда. Московские послы, возвращавшиеся от императора чрез Пруссию, донесли великому князю о просьбе магистра: «Чтоб великий государь меня жаловал и берег и учинил меня с собою в союзе, а я за этим хочу послать к великому государю своего человека». Великий князь приказал сказать магистру, что жаловать и беречь его хочет, и вот в 1517 году явился в Москву посол Альбрехтов, Шонберг, для заключения союза. Союз был заключен; договорная грамота любопытна для нас по формам, показывающим отношения, в каких находились друг к другу оба договаривавшиеся государя: «По божией воле и по нашему жалованью мы, великий государь Василий, божиего милостию царь и государь всея России и великий князь владимирский и проч. (следует титул), дали есьмы сию свою грамоту Альбрехту, немецкого чина высокому магистру прусскому, на то, что к нам прислал своих послов бить челом о том, чтобы нам его жаловать и беречь и на своего бы недруга, на короля польского и великого князя литовского. И мы (титул) пожаловали, во единачестве есьмы его с собою учинили и за него и за его землю хотим стоять и оборонять его от своего недруга, от короля польского». Кроме обещания действовать против короля заодно с магистром великий князь обещал последнему также денежную помощь; Альбрехт просил ежемесячно по 40000 золотых рейнских на содержание 10000 пехоты, по четыре золотых каждому ратнику и по 20000 золотых на содержание 2000 конницы, по 10 золотых на каждого всадника с конем, кроме того, что понадобится еще на артиллерию (что пристойит к хитрецам и к пушкам); великий князь обещал отправить эти деньги в Пруссию тогда, когда магистр возьмет свои города, находившиеся за Сигизмундом, и двинется на Польшу, к Кракову. Шонберг просил, чтоб великий князь дал это обещание письменно, ибо иначе среди важных дел он мог забыть о нем, но получил отказ; послу, отправленному из Москвы к магистру, было предписано: если магистр потребует от него клятвы в том, что великий князь даст обещанные деньги, то отговариваться накрепко, если же нельзя будет отговориться, то дать требуемую клятву. Чрез второго посла Альбрехт просил, чтоб великий князь распорядился отправкою в Псков 50000 гривенок серебра чистого, дабы в случае, если он, магистр, захочет начать войну, серебро это привезено было в Кенигсберг и там, при русских приставниках, выкована будет денга, двадцать которых равнялось бы золотому рейнскому. Василий отвечал, что серебро готово, но что немцы должны прежде начать войну.

Альбрехт только еще собирался начать войну с Сигизмундом; но другой союзник Василиев, император Максимилиан, уже перестал собираться, а предлагал себя в посредники мира между Москвою и Литвою. Василий был несколько не прочь от мира: главная цель достигнута, Смоленск взят, на дальнейшие завоевания без союзников мало надежды. Оршинская битва заставляла более чем когда-либо остерегаться решительных действий; родовое предание внушало действовать не вдруг, но мало-помалу, пользуясь удобными случаями. Вот почему и в переговорах с послом Альбрехтовым Василий не хотел дать обязательства не мириться с Сигизмундом до отнятия у него всех прусских и русских городов; вот почему Василий принял и посредничество императора. Для окончательного улажения дела в апреле 1517 года приехал в Москву посол

императорский, Сигизмунд Герберштейн. «Всеи вселенной известно, – говорил посол, – что много лет христианские правители междуособными бранями и раздорами себя озлобляли и много христианской крови проливали, а никакой от того христианству пользы не произошло, потому что неверные и враги христианского имени, т.е. турки и татары, от того смелее и выгоднее дела свои делать могли, много людей в плен побрали, много царств и городов завоевали; все это произошло единственно от несогласия правителей христианских. Правители христианские должны всегда держать в мысли, что правление вручено им от бога для умножения веры и чести его, для обороны общих людей, овец христовых. Римский цезарь Максимилиан изначала это держит в мысли, многие войны вел он не из властолюбия, но для утверждения общего мира в христианстве. И бог его благословил: наивысший римский архиерей со всею Итальянскою землею теперь с ним в дружбе; внук его Карл, сын Филиппов, спокойно правит испанскими королевствами, которых числом двадцать шесть; король португальский – родня ему; король английский и ирландский давно приятель; король датский, шведский и норвежский женат на его внучке, сам телом своим и королевствами своими теперь в руках цесарского величества; король польский во всех несогласиях своих положился на него же; о твоей наиясности нечего много говорить; сам знаешь, что между вами братская любовь; наконец, даже король французский и Венеция, которые всегда свое особое дело предпочитали общему христианскому, – и те теперь мир заключили. Обозрит ныне человек вселенную, от востока до запада, от юга до севера и не найдет ни одного правителя христианского, который бы не был с цесарским величеством в родстве, братстве или мирном докончании, и нет нигде несогласия, только идет война между твоею наиясностью и Сигизмундом, королем польским; если эта война будет прекращена, то его цесарское величество достигнет вполне своей цели. За этим-то император и послал меня сюда, напомнить вашей наиясности, что мир будет прежде всего служить к чести вседержителя бога и его непорочной матери, к пользам всего христианства; напомнить, сколько выгод земля и люди твои получают от мира, сколько зла от войны, напомнить, как сомнительны бранные случаи. Будучи в Вильне у короля польского, видел я там турецкого посла, который объявил, что султан его победил султана египетского, Дамаск, Иерусалим и все его государства завоевал; если турки и без того были уже так сильны, то чего не задумают они теперь, после таких завоеваний?»

Великий князь велел боярам своим отвечать Герберштейну: «Брату нашему, цесарю римскому, известно, что война между нами и Сигизмундом началась не с нашей стороны, а с королевской; а мы всегда просим бога, чтоб христианство пребывало в тишине. И прежде брат наш, цесарь римский, писал к нам, чтоб мы с королем помирились, и мы отвечали: захочет наш недруг, Сигизмунд-король, с нами мира, и он бы прислал к нам своих послов, как прежде присылал; когда его послы приедут, то мы для брата нашего, Максимилиана, с Сигизмундом-королем миру хотим, как будет пригоже». Герберштейн объявил на это, что прежде император предлагал великому князю отправить послов к датскому королю, куда съедутся также послы императорские и польские для мирных переговоров, но что великий князь на это не согласился; отправляя его, Герберштейна, император дал ему наказ уговорить обе враждующие стороны к посольскому съезду на границах, но он своими глазами видел, что пограничные города выжжены и разорены,

съезду быть негде, и потому просит великого князя отправить послов в Ригу. Великий князь велел отвечать: «И прежде мы брату своему приказывали не один раз, что нам послов своих к датскому королю и никуда не посылать, а захочет Сигизмунд-король мира, то пусть шлет своих послов к нам в Москву. Рассуди ты сам: хорошо ли король делает, что не хочет прислать послов в Москву и таким образом вводит новизны, а старины не помнит, как прежде бывало?» Герберштейн настаивал, чтоб послы съехали на границе, но понапрасну. Тогда он просил позволения отправить своего племянника к королю, с тем чтоб тот прислал послов своих в Москву. Племянник был отправлен и возвратился с ответом, что король готов мириться, но не хочет признавать обычая, по которому послы всегда обязаны были бы ездить в Москву для мирных переговоров. Сообщая этот ответ боярам, словоохотливый Герберштейн опять говорил длинную речь о том, что людям как существам разумным должно жить в добром согласии друг с другом; превозносил умеренность Филиппа Македонского, даровавшего мир афинянам после победы, ставил его гораздо выше сына Александра, завоевателя ненасытного; прославлял своего государя Максимилиана за умеренность и великодушие, за то, что возвратил Верону венецианам; указывал на Ксеркса, побежденного Фемистоклом, на Пирра, в один час лишенного плодов всех своих побед. Вся эта речь клонилась к тому, чтоб убедить великого князя отправить послов своих на границу; но оратор получил прежний ответ: «Нам своих послов на границы и никуда в другое место посылать непригоже; а захочет Сигизмунд-король мира, и он бы послал к нам своих послов; а прежних нам своих обычаев не рушить, как повелось от прародителей наших, как было при отце нашем и при нас; что нам бог дал, мы того не хотим умалять, а с божиею волею хотим повышать сколько нам милосердный бог поможет. И нам своих послов на границы и никуда посылать непригоже. А что польский король собрался с своим войском и стоит наготове, то и мы против своего недруга стоим наготове и дело свое с ним хотим делать, сколько нам бог поможет».

После долгих бесполезных переговоров Герберштейн объявил, что, как он понимает ответ королевский, Сигизмунд не отказывается отправить своих послов в Москву, но только не хочет признать прав московского государя на это; он объявил также, что хочет вторично отправить племянника своего к королю с требованием отправления послов в Москву и написать красную ложь, будто Максимилиан прислал трех гонцов и наказал непременно привести дело к окончанию. Герберштейн чувствовал неловкость своего положения: государь его заключил с государем московским союз против польского короля, клялся действовать заодно против общего недруга, а теперь вместо военной помощи предлагает только свое посредничество к миру. Чтоб оправдать как-нибудь Максимилиана, Герберштейн объявил боярам, будто прежний посол императорский, Сницен-Памер, переступил свой наказ, поспешивши заключить союз между императором и великим князем на короля, что так поступать неприлично христианским правителям, которые должны прежде начала войны испытать все мирные пути к соглашению, что Максимилиан поклялся выполнять статьи договора только из братской любви к великому князю, прежде засвидетельствовав, однако, что не хочет преступать обычая христианского, тем более что он занимает первое место между государями христианскими. Но если король польский не согласится на мир, то император готов начать с ним войну

заодно с великим князем. Если угодно будет вашему наияснейшему царю, заключил Герберштейн, то я назначу польскому королю срок, когда он должен прислать своих послов; если не пришлет, то мне здесь нечего больше делать, ибо это будет знаком, что миру не быть. Бояре отвечали, что Сницен-Памер уговорился и все дело сделал так, как обыкновенно послы между государями дело делают, по приказу государей своих; заключенный таким образом договор великий князь исполнял и хочет всегда исполнять; если до сих пор Максимилиан на Сигизмунда-короля войною еще не поднялся, а подвинул его миром на доброе согласие, то это в великом князе не произвело никакого сомнения; если Максимилиан хочет быть на всех недругов заодно с великим князем, то он делает хорошо, что свою клятву и договор помнит. Великий князь с своей стороны для просьбы императорской с Сигизмундом-королем мира хочет, как будет пригоже. Если Сигизмунд помирится, то пусть Максимилиан будет на всех прочих недругов с великим князем заодно; если же не помирится, то пусть, по договору, объявит и королю войну. После этого объяснения Герберштейн отправил к королю опасные грамоты на его послов.

Послы явились в сентябре 1517 года – маршалки Ян Щит и Богуш; но, промедливши три года после Оршинского дела, Сигизмунд вздумал начать наступательные неприятельские действия против Москвы в то самое время, когда отправил туда послов за миром. Остановившись в Полоцке, король отправил гетмана князя Константина Острожского с большим войском к псковскому пригороду Опочке; но сильный приступ был отбит заместником великокняжеским Васильем Михайловичем Салтыковым-Морозовым с большим уроном для осаждающих; несмотря на это, Острожский все держался под Опочкою, от 6 октября до 18-го, разославши отряды под другие пригородки псковские – Воронач, Велье, Красный. Но московские войска с разных сторон спешили к Опочке и в трех местах одержали верх над неприятелем, а воевода Иван Ляцкий поразил наголову литовский отряд, шедший к Острожскому, отнял у него пушки и пищали. Гетман принужден был снять осаду Опочки и выйти из московских владений.

Когда в одно время узнали в Москве и о приближении послов королевских и о вторжении Острожского, то великий князь не велел послам въезжать в Москву, но ждал в Дорогомилове, послав сказать Герберштейну: «Сигизмунд-король к нам послов своих отправил. Но как прежде умышлял неправые дела, так и теперь умыслил неправое же дело; к нам отправил своих послов, а воеводу своего большого, Константина Острожского, послал на наши украины. Воеводы наши против неприятельских людей пошли и хотят с ними дело делать, и, пока воеводы наши с неприятелем не переведаются, до тех пор Сигизмундовым послам у нас быть непригоже; но так как мы дали опасную грамоту на послов, то велим честь им оказывать и корм давать, бесчестья им никакого не будет». Герберштейн был сильно недоволен этим решением, долго хлопотал, чтоб послы были допущены немедленно к переговорам, наконец 18 октября объявил письменно, что долее конца этого месяца ждать не станет, выедет из Москвы; ему отвечали прежнее, что, пока воеводы великокняжеские не переведаются с королевскими, до тех пор литовским послам у государя быть непригоже. Но в тот самый день, когда Герберштейн послал последнюю записку, 18 октября, Острожский ушел от Опочки, и великий князь, получивши об этом известие 25-го числа, послал сказать Герберштейну: «Наши воеводы с литовскими людьми переведались, как то

милосердному богу было угодно, праведный владыка и нелицемерный судья судил праведно, и мы литовским послам назначали у себя быть 29 октября, а ты хочешь или не хочешь быть у нас с ними вместе – это в твоей воле».

29 октября послы были приняты великим князем; Герберштейн объявил, что хочет усердно быть у дела, и 1 ноября переговоры начались. Мы видели, что уже Иоанн III объявил Киев и все русские города своею отчиною; теперь бояре сына его начинают переговоры требованием от Сигизмунда прародительской отчины их государя – Киева, Полоцка, Витебска и других городов, которые король держит за собою неправдою; с этих пор это требование сделалось обычным, сделалось необходимою формою при всех переговорах с Литвою; форма эта имеет важное историческое значение: она показывает характер борьбы между двумя государями, из которых один назывался великим князем литовским и русским, а другой – великим князем всея Руси; чем бы ни кончились переговоры, на каких бы условиях на этот раз ни заключены были мир или перемирие, в Москве считали необходимым всякий раз наперед предъявить права великого князя или царя, потомка св. Владимира, на все русские земли, принадлежавшие последнему, опасаясь умолчанием об этих правах дать повод думать, что московский государь позабыл о них, отказывается от них; в этом обычае, введенном государями московскими, ясно виден также характер последних: раз назначивши себе какую-нибудь цель, никогда не упускать ее из виду, постоянно напоминать о ней себе и другим, видна необыкновенная верность преданию отцовскому и дедовскому, верность, которая преимущественно помогла Московскому государству достигнуть своей цели – сделаться Всероссийскою империей: что раз усвоил себе отец, от того сын не отказывался; при Иоанне литовские послы вели переговоры в Москве, и Герберштейн напрасно старается склонить Василия к тому, чтоб он отправил своих послов на границы.

Кроме означенных городов московские бояре требовали: наказания панам, поступившим непочтительно с великою княгинею Еленою, уступки всех городов и волостей, которыми владела Елена в Литве, уступки ее движимого имущества, казны. Литовские послы с своей стороны потребовали сначала половины Новгорода Великого, Твери, Вязьмы, Дорогобужа, Путивля и всей северной страны. После этих объявлений Герберштейн был позван один во дворец, и бояре сказали ему: «Сницен-Памер заключил договор, чтоб императору и великому князю быть заодно на короля Сигизмунда и великому князю доставать своей отчины, русских городов: Киева, Полоцка, Витебска и других, а императору доставать прусских городов. Так ты размысли, хорошо ли это королевские послы говорят, будто великий князь держит за собою королевские города, а король будто за собой государевой отчины не держит?» Герберштейн мог отделаться от этого трудного для него вопроса только тем средством, которое он заранее поспешил выставить; он опять объявил боярам, что Сницен-Памер переступил наказ императорский: ему было приказано только говорить о союзе, а не заключать его; но что если уже союз заключен, то император будет исполнять его условия. О своем посредничестве Герберштейн сказал: «Делал бы я, да не умею: среднего пути не знаю; вы говорите высоко, и королевские послы также высоко говорят, а среднего пути не знаю. Если бы я знал, что между государями дело сделается, то я бы здесь еще пожил; а не будет между государями доброго дела, то государь отпустил бы меня прочь к моему государю».

Литовские послы дали знать Герберштейну, что они говорили высоко, приноравливаясь к требованиям боярским: если бояре отстанут от своих требований, то и они ограничатся настоящими условиями, на которых им велено заключить мир. Когда вследствие этого объявления начались опять переговоры, то литовские послы сказали, что король их полагается во всем на императора; тогда Герберштейн должен был принять роль посредника и начал ходить между боярами и послами, сообщая взаимные требования их. Послы объявили, что король хочет мира на тех условиях, на каких был заключен мир между Иоанном III и королем Александром. Бояре отвечали, что после этого было уже новое перемирие между Иоанном и Александром и мир между Василием и Сигизмундом на новых условиях; они исчислили все неправды литовского правительства: когда Ахмат приходил к Угре, то проводниками у него были королевские люди – Савва Карпов и другие; Александр навел на Москву хана Ших-Ахмата, в проводниках у которого был дворянин литовский Халецкий; Сигизмунд навел Магмет-Гирея, у которого проводником был королевский дворянин Якуб Ивашенцов; после мира Сигизмунд опять навел крымцев, обещавшись давать им ежегодную подать по 30000 золотых; подробно изложили дело об Елене, как знали о нем в Москве; после отсылки Елены в Бирштаны паны – воевода виленский, Николай Радзивилл, Григорий Остиков, Ключко, тиун виленский Бутрим и казначей земский Аврам – умыслили над королевою такое дело, каких в христианских государствах не бывает, послали к ней королевского человека, волынца Гитовта, потом вызвали его к себе в Вильну, дали ему зелье и отпустили опять к королеве, написавши ее слугам – Димитрию Феодорову и ключнику Димитрию Иванову, чтоб верили во всем Гитовту и дело панское делали бы так, как он их научит. И вот эти трое злодеев – Гитовт, Димитрий Феодоров и Димитрий Иванов, приготовивши лихое зелье, дали королеве испить в меду, и в тот же день ее не стало. С вестью об этом поскакал в Вильну к панам Димитрий Иванов и получил в награду имение.

После долгих переговоров дело остановилось на Смоленске: послы требовали его возвращения, бояре никак на это не соглашались. Герберштейн принял сторону послов и в длинной витиеватой записке убеждал великого князя уступить королю Смоленск, опять толковал о великодушии Пирра, отославшего римлянам их пленных, и Максимилиана, возвратившего венецианам Верону; но при этом оказались и следствия продолжительного пребывания Герберштейнова в Москве, где он изучал не только современное состояние государства но и его историю что видно из знаменитых его Комментарий; к Пирру и Максимилиану Герберштейн прибавил Иоанна III, который, завоевав Казань, отдал ее туземным ханам. «Если уступишь Смоленск королю, – писал Герберштейн Василию, – то превзойдешь щедростью и честью родителя своего, который татарам неверным царство Казанское отдал, ибо щедрость окажешь не неверным, а христианам, не королю, недругу твоему, но всему христианству; всякий человек будет тебя провозглашать прибавителем делу христианскому, и щедрость твоя обнаружит ту любовь, которую питаешь к цесарскому величеству». Василий велел отвечать ему: «Говорил ты, что брат наш Максимилиан Верону город венецианам отдал: брат наш сам знает, каким обычаем он венецианам Верону отдал, а мы того в обычае не имеем и вперед иметь не хотим, чтоб нам свои отчины отдавать». Переговоры прекратились, послы литовские и Герберштейн уехали; последний обещал уговорить Сигизмунда к перемирию на год, на два или на три, в

продолжение которых император опять через своих послов будет стараться о вечном мире между Москвою и Литвою; на отпуске Герберштейн от имени Максимилианова ходатайствовал об освобождении князя Михаила Глинского, которого император воспитал при своем дворе и который служил верную службу родственнику его, Альберту, курфюрсту саксонскому; Герберштейн представлял, что если Глинский виноват, то уже довольно наказан заключением и что если великий князь согласится отпустить его к императору на службу, то Максимилиан свяжет его тяжелою клятвою не замышлять ничего против Москвы. Великий князь велел отвечать: «Глинский по своим делам заслуживал великого наказания, и мы велели уже его казнить; но он, вспомнивши, что отец и мать его были греческого закона, а он, учась в Италии, по молодости отстал от греческого закона и пристал к римскому, бил челом митрополиту, чтоб ему опять быть в греческом законе. Митрополит взял его у нас от казни и допытывается, не поневоле ли он приступает к нашей вере, уговаривает его, чтоб подумал хорошенько. Ни в чем другом мы брату нашему не отказали бы, но Глинского нам к нему отпустить нельзя». Герберштейн сказал на это: «Государь мой потому приказывал о Глинском, что ему у великого князя служить нельзя и у короля нельзя же; так государь мой просил его затем, чтоб отослать ко внуку своему Карлу. Но если государской воли на то нет, то государь освободил бы его теперь, чтоб я видел его свободным». Ответа не последовало.

Вместе с Герберштейном великий князь отправил к императору посла своего, дьяка Племянникова, который привез с собою новых послов Максимилиановых – Франциска да Колло и Антония де Конти. И Франциск да Колло, подобно Герберштейну, витиеватою речью старался склонить великого князя к миру, преимущественно выставляя ему на вид опасность со стороны турок для всей Европы, и особенно для России по соседству ее с татарами, имеющими одинакую веру и одинакие обычаи с турками. Но когда приступили к делу, то встретили те же самые затруднения: опять императорский посол настаивал на том, чтоб великий князь уступил королю Смоленск, опять бояре объявили, что Василий никогда этого не сделает. Не успевши относительно вечного мира, послы объявили, что так как император со всеми королями и князьями установили между собою перемирие на пять лет для общего дела, против христианского врага – турок, то не угодно ли будет и великому князю заключить с польским королем перемирие на пять лет. Великий князь соглашался на это перемирие, с тем чтоб каждый остался при том, чем владел до сих пор, и чтоб пленным была свобода на обе стороны; но король никак не согласился на последнее условие, имея в руках своих много знатных пленных, взятых на Оршинском бою. Таким образом, и вторые императорские послы уехали из Москвы, ничего не сделав; великий князь отправил к Максимилиану посла, дьяка Борисова, с предложением прекратить военные действия от Рождества Христова 1518 до Рождества 1519 года, чтоб тем временем продолжать переговоры; но смерть Максимилиана прервала сношения. И при Василии союзный договор с австрийским домом остался так же бесполезен, как и при Иоанне III; Максимилиан не только не исполнил главного условия договора – действовать против Сигизмунда заодно с Василием, но даже, принявши на себя роль посредника, явно держал сторону Сигизмунда. Причину такого поведения он высказал в письме своем к великому магистру Альбрехту: «Не хорошо, если король будет низложен, а царь русский усилится».

Долго сдерживаемый императором, который и его манил все надеждою мирного решения распри, Альбрехт решился наконец приняться за оружие, послал сказать Максимилиану, что не может терпеть дальнейшей отсрочки, а в Москву отправил вторично Шонберга с просьбою о безотлагательной высылке денег, необходимых для начатия войны. Великий князь приговорил с братьями и боярами, что нужно помочь магистру казною, и послал во Псков деньги на 1000 человек пехоты, распорядившись, однако, так, что деньги эти тогда только могли быть отправлены к магистру, когда последний действительно начнет войну с Польшею. Магистр просил также, чтоб великий князь известил короля французского о союзе своем с Пруссией; Василий согласился, и написана была такая грамота, первая из Москвы во Францию: «Наияснейшему и светлейшему великому королю галлийскому. Присылал к нам Альбрехт, маркграф бранденбургский, высокий магистр, князь прусский, бил челом о том, чтоб мы изъявили тебе, как мы его жалуем. И мы даем тебе знать об этом нашею грамотою, что мы магистра жалуем, за него и за его землю стоим и вперед его жаловать хотим, за него и за его землю хотим стоять и оборонять его от своего недруга, Сигизмунда, короля польского; а которые прусские земли, города наш недруг, Сигизмунд-король, держит за собой неправдою, мы хотим, чтоб, дал бог, нашим жалованьем и нашею помощию те города были за прусским магистром по старине. Объявил нам также высокий магистр прусский, что предки твои тот чин (орден) великим жалованьем жаловали: и ты б теперь, вспомнив своих предков жалованье, магистра жаловал, за него и за его землю против нашего недруга, Сигизмунда-короля, стоял и оборонял с нами заодно». Эти переговоры шли весною 1518 года. С известием о решении великого князя помочь Ордену при самом начале войны поехал в Кенигсберг московский посол Елизар Сергеев, которого Альбрехт просил поклониться великому князю до земли, не головою только, но и всем телом. Однако этот Елизар, возвращаясь из Пруссии, дал знать во Пскове, чтоб денег магистру не отправляли, потому что он войны еще не начинал. И действительно, в ноябре 1518 года магистр прислал великому князю грамоту с уведомлением, что у государей христианских идут переговоры о мире, об общем союзе против неверных, но что он не приступит ни к каким соглашениям без воли государя московского; а в марте 1519 года приехал в Москву в третий раз Дидрих Шонберг с объявлением, что явился новый посредник, папа, которого легат Николай Шонберг старается склонить всех государей христианских к союзу против турок, что Альбрехту папа предлагает предводительство над союзным христианским войском, которое должно действовать против неверных в Венгрии, и что поэтому ему было бы очень выгодно заключить мир с Польшею, но что он полагается во всем на волю великого князя и в ожидании ответа из Москвы не отмоливил папе и не объявил своего согласия, но отвечал, что отправит в Рим своих послов. Альбрехт предлагал великому князю заключить с королем перемирие на пять лет; впрочем, если великий князь предпочтет продолжать войну, то он, магистр, останется его верным союзником и начнет с своей стороны войну с Польшею, но в таком случае Шонберг должен взять у великого князя обещанные деньги и уговориться, каким образом вести войну. Шонберг выпросил новую грамоту к французскому королю в более учтивых выражениях и дал образец, как написать ее; выпросил также грамоту к курфюрстам и князьям Империи с изъявлением желания, чтоб новый

император, которого изберут они на место Максимилиана, соблюдал договор предшественника своего с московским государем и покровительствовал ордену Тевтонскому, учрежденному для защиты германского народа; наконец, выпросил позволение послать одного из подданных магистра в Новгород или Псков, чтоб у кого-нибудь из тамошних священников выучиться русскому языку и грамоте.

С ответом на третье Шонбергово посольство отправился к магистру московский посол Замыцкий. Великий князь велел сказать Альбрехту, что он готов заключить перемирие на приличных условиях, но чтоб магистр во всяком случае не забывал своей клятвы. Замыцкий так описывал своей прием: «Магистр принял меня с великою честью, сам ко мне пришел и речей слушал, сам меня к себе к столу провожал и шел от меня по левую сторону, за столом посадил на своем месте». Альбрехт дал знать великому князю, что общее вооружение против турок не состоялось, следовательно, незачем заключать перемирие с Сигизмундом; что он, магистр, в июле или августе непременно начнет войну и пойдет на Данциг, для чего просил о немедленной высылке денег. После неоднократного повторения этой просьбы великий князь велел отправить деньги в сентябре 1519 года. Когда великий магистр дал знать магистру ливонскому, чтоб он велел проводить московского посла с деньгами, то Плеттенберг отвечал: «Я к московскому государю живу поближе прусского магистра и русский обычай знаю: на словах сулят, а на деле не исполняют». Когда же ему сказали, что московский посол действительно приехал в Ригу с деньгами, то Плеттенберг встал с места и, подняв руки к святым, сказал: «Слава тебе, господи, что великий государь царь всея Руси такое жалованье великому магистру оказал: надобно нам за его жалованье головами своими служить!»

Альбрехт начал войну с Польшею; узнавши об этом, великий князь послал ему денег еще для найма 1000 человек пехоты; но с одною этою помощью ослабевший Орден не мог противиться Сигизмунду. Стесненный последним, Альбрехт должен был войти с ним в мирные соглашения, вследствие которых получил орденские земли в наследственное владение, но с вассальными обязанностями к Польше. Так рушился окончательно знаменитый Тевтонский орден, имевший по отношениям своим к Литве такое важное значение в нашей истории.

Союз с Альбрехтом был по крайней мере полезен тем для Московского государства, что развлекал силы неприятеля: после нападения на Опочку литовские войска не являлись более в русских пределах, но московские входили несколько раз в Литву. В 1518 году князь Василий Шуйский с новгородскою силою и большим нарядом, а брат его, Иван Шуйский, с псковскою силою выступили в поход к Полоцку. Подошедши к городу, начали ставить туры и бить пушками стены; на помощь к ним пришел московский отряд под начальством князя Михаила Кислицы; но полочане из посада, из-за острожья сильно отбивались, и скоро в стане осаждающих сделался голод, колпак сухарей стоил алтын и больше, конский корм также вздорожал; к большому несчастью, неприятель овладел стругами, на которых отряд детей боярских переправился на другой берег Двины за добычею; преследуемые литовским воеводою Волынцем, эти дети боярские бросились назад, к Двине, но перевезтись было не на чем, и много их потонуло в реке; Шуйские принуждены были отступить от Полоцка без всякого успеха. В следующем году князь Михайло Кислица с новгородцами и

псковичами пошел опять в Литву, под Молодечно и другие городки, и «вышли назад, к Смоленску, все сохранены богом», по выражению летописца. Значительнее был в том же году поход князя Василия Васильевича Шуйского от Смоленска, князя Михайла Горбатого от границ новгородских и псковских, князя Семена Курбского из страны Северской: воеводы эти ходили к Орше, Могилеву, Минску, воевали и пленили по самую Вильну. Пятеро знатнейших панов литовских вышли было к ним навстречу, но, видя поражение своих передовых полков, отступили в глубь страны; московские воеводы не преследовали их туда и возвратились к своим границам, удовольствовавшись страшным опустошением неприятельских областей. Другие воеводы ходили к Витебску и Полоцку.

Эти походы были предприняты с целью побудить Сигизмунда к миру, которого сильно желали в Москве: шестилетняя война была очень тяжела для государства при тогдашнем положении его ратных сил и финансов; мы видели, что после взятия Смоленска и Оршинской битвы в продолжение нескольких лет важных действий не было, но сильные рати должны были постоянно сторожить границы. После упомянутых походов, в конце 1519 года, великий князь созвал на думу братьев и бояр и говорил им: «Теперь мы литовскому сильно недружбу свою оказали, землю его воевали чуть-чуть не до самой Вильны, крови христианской много льется, а король и не думает прийти на согласие, помириться с нами; так чем бы его позадрать, чтоб он захотел с нами мира?» И приговорил великий князь послать от какого-нибудь боярина к какому-нибудь пану, задрать их. Вследствие этого приговора в январе 1520 года боярин Григорий Федорович отправил своего слугу к виленскому воеводе пану Николаю Радзивиллу, с тем что если король хочет мира, то пусть присылает своих послов в Москву; в марте Радзивилл отвечал, чтоб великий князь дал опасную грамоту на послов; опасная грамота отправлена с Радзивилловым же человеком, и в августе приехали послы литовские Януш Костевич и Богуш Боговитинович. Начались переговоры: бояре требовали опять прежнего, требовали и вознаграждения за бесчестье, нанесенное королеве Елене; послы отвечали: «Этого никогда не бывало; какие-то лихие люди государю вашему об этом сказали; но государь ваш верил бы государю нашему, брату своему Сигизмунду-королю, а не лихим людям». Понятно, что подобные ответы не могли никого удовлетворить и считались наравне с молчанием. Насчет мирных условий по-прежнему не сошлись: Смоленск служил непреодолимым препятствием. Послы предложили перемирие, с тем чтоб Смоленск оставался за Москвою, но чтоб пленных не возвращать; великий князь настаивал на возвращении пленных; послы не согласились, и порешили на том, что король пришлет великих послов на Великое заговенье 1521 года, т.е. через шесть месяцев, в продолжение которых войне не быть. Но Сигизмунд на означенный срок послов не прислал: обстоятельства переменились в его пользу; он одолел великого магистра, а между тем на востоке исполнилось то, чего он с таким нетерпением дожидался в начале своего царствования: две татарские орды, Казанская и Крымская, заключили союз против Москвы.

Мы оставили Казань в 1506 году, когда хан ее, Магмет-Аминь, несмотря на неудачи великокняжеского войска, просил мира и заключил его на прежних условиях, как было при Иоанне. В 1512 году Магмет-Аминь возобновил клятву в верности; мало того, прислал просить великого князя, чтоб тот отпустил к нему верного человека, именно боярина Ивана Андреевича Челяднина, перед которым

он хочет исповедаться в прежнем своем дурном поступке. Челяднин был отправлен, и хан, по словам летописца, тайну свою исповедал перед ним чисто и снова поклялся быть в вечном мире, дружбе и любви с великим князем. В 1516 году явилось новое посольство из Казани с известием, что Магмет-Аминь опасно болен, и с просьбою от имени больного хана и всех казанцев, чтоб великий князь простил Абдыл-Летифа, находившегося опять в заточении за набеги крымцев, и назначил бы его ханом в Казань в случае смерти Аминевой; Василий согласился исполнить их просьбы и отправил в Казань окольничего Тучкова, который взял с хана и всей земли клятву, что они не возьмут на Казань никакого царя и царевича без ведома великого князя; вследствие этих соглашений Летиф был выпущен на свободу и получил Каширу, где он теперь не мог быть опасен, имея в виду Казань.

Но Летиф умер еще за год до смерти Магмет-Аминевой, последовавшей в декабре 1518 года, и снова рождался вопрос, кому быть царем на Казани. Вопрос важный и трудный по отношениям к Крыму, ибо Магмет-Гирей сильно хлопотал о том, чтоб все татарские владения находились в руках одного рода Гиреев, чему, разумеется, Москва должна была препятствовать всеми силами. Имея надобность в помощи великого князя относительно Астрахани и Казани, Магмет-Гирей прислал ему шертную грамоту, в которой обязывался быть заодно на Литву, с тем чтоб великий князь был с ним заодно на детей Ахматовых; обязывался прекратить всякого рода грабежи, не требовать никаких пошлин, не затруднять московских послов, не бесчестить их. Эту грамоту привез известный нам Аппак-мурза; он был еще в Москве, когда великий князь по смерти Магмет-Аминя назначил последнему в преемники родового неприятеля Гиреев, Шиг-Алея, внука Ахматова, который выехал в Россию с отцом своим из Астрахани и владел до сих пор Мещерским городком. Аппак возражал против этого назначения; но ему отвечали, что оно сделано по непременному требованию самих казанцев, которые в случае отказа могли выбрать кого-нибудь еще более враждебного для Гиреев. Хан молчал: силою вдруг нельзя было ему отнять Казани у Москвы и Шиг-Алея; надобно было действовать другим образом. Скоро Шиг-Алей возбудил к себе нерасположение казанцев тем, что во всем предпочитал выгоды московского князя их собственным, опираясь на воеводу московского, при нем находившегося. Вследствие такого положения дел внушения из Крыма находили легкий доступ, вельможи составили заговор, и когда весною 1521 года брат Магмет-Гиреев, Саип, явился с крымским войском у Казани, то город сдался ему без сопротивления, Шиг-Алею и воеводе великокняжескому дана была свобода выехать в Москву, но посол и купцы русские были ограблены и задержаны. У великого князя в Азове были доброжелатели, извещавшие его о движениях крымского хана и получавшие, разумеется, за это хорошие поминки; между ними был сам кадий. 10 мая великий князь получил от них известие, что Магмет-Гирей готов со всею силою идти к Москве, что мимо Азова прошли казанские татары к царю просить на Казань царевича и царь им царевича дал, а с ним пошло триста человек. Из Азова же получено было известие, что приходил посол из Крыма к астраханскому хану и говорил ему так от имени Магмет-Гиреева: «Между собою мы братья; был я в дружбе с московским, он мне изменил: Казань была юрт наш, а теперь он посадил там султана из своей руки; Казанская земля этого не хотела, кроме одного сеита (главы духовенства), да и прислала ко мне человека просить у меня султана; я им султана и отпустил на Казань, а сам иду на московского со всею своею силою.

Хочешь со мною дружбы и братства, так сам пойдешь на московского или султанов пошли». Но астраханский царь и князья и земские люди с московским государем недружбы не захотели. Вести эти пришли поздно: Магмет-Гирей уже стремился к берегам Оки; московский отряд, высланный сюда под начальством князя Дмитрия Бельского и брата великокняжеского, Андрея Иоанновича, был опрокинут превосходными силами неприятеля, который, не касаясь городов, рассеялся для грабежа на пространстве от Коломны до самой Москвы; а с другой стороны, новый казанский хан, Саип-Гирей, опустошивши области Нижегородскую и Владимирскую, соединился с братом. Давно уже Москва отвыкла видеть неприятеля под своими стенами: начавшиеся в княжение Василия набеги крымцев касались только украины, да и здесь были отражаемы постоянно с успехом; особенно теперь не ждали нападения Магмет-Гиреева, после заключения с ним клятвенного договора чрез посредство Аппака, не ждали и опасности со стороны Казани в правление Шиг-Алеева. Василий нашелся в тех же самых обстоятельствах, в каких находился Дмитрий Донской во время нападения Тохтамышева, Василий Дмитриевич во время нападения Едигеева, в потому должен был употребить те же самые меры: он оставил Москву и отправился на Волок собирать полки. Сам хан остановился на реке Северке; но отряды его подходили близко к Москве, опустошил села Остров, Воробьево, монастырь Угрешский. Со всех сторон беглецы спешили в Кремль, в воротах давили друг друга; от страшной тесноты заразился воздух и если б такое положение продолжалось еще три или четыре дня, то язва начала бы свирепствовать, тем более что это было в жаркое время, в последних числах июля; когда начали думать о защите, о пушках, то нашли, что пороху было недостаточно. В таких обстоятельствах оставленный начальствовать в Москве крещеный татарский царевич Петр и бояре решились вступить в переговоры с ханом, который и не думал брать Москвы приступом, не имея для этого ни средств, ни охоты, и сбирался бежать при первом известии о приближении войск великокняжеских; однако и Москва, как мы видели, не могла долго оставаться в описанном положении. Магмет-Гирей соглашался немедленно удалиться из Московской области, если ему пришьют письменное обязательство, что великий князь будет платить ему дань. Это обязательство было дано, и хан отступил к Рязани, где начальствовал окольный Хабар Симский. С Магмет-Гиреем вместе приходил на Москву известный уже нам Евстафий Дашкович, который при Иоанне III отъехал из Литвы в Москву, при Василии опять убежал в Литву и теперь с днепровскими козаками находился в стане крымском. Дашковичу хотелось взять Рязань хитростию; для этого он предложил ее жителям покупать пленных, чтобы, уловив случай, вместе с покупателями пробраться в городские ворота; с своей стороны хан для вернейшего успеха в предприятии хотел заманить к себе воеводу Хабара и послал ему, как холопу своего данника, приказ явиться к себе в стан; но Хабар велел отвечать ему, что он еще не знает, в самом ли деле великий князь обязался быть данником и подручником хана, просил, чтоб ему дали на это доказательства, — и хан в доказательство послал ему грамоту, написанную в Москве. В это самое время Дашкович, не оставляя своего намерения, все более и более приближался к Рязани; он дал нарочно некоторым пленникам возможность убежать из стана в город; толпы татар погнались за беглецами и требовали их выдачи; рязанцы выдали пленных, но, несмотря на то, толпы татар сгущались все

более и более под стенами города, как вдруг раздался залп из городских пушек, которыми распоряжался немец Иоганн Иордан; татары рассеялись в ужасе; хан послал требовать выдачи Иордана, но Хабар отвергнул это требование. Магмет-Гирей, как мы видели, пришел не за тем, чтоб брать города силою; не успевши взять Рязань хитростию и побуждаемый известием о неприятельских движениях астраханцев, он ушел и оставил в руках Хабарова грамоту, содержащую в себе обязательство великого князя платить ему дань. Тем не менее следствия Магмет-Гиреева нашествия были страшные; молва преувеличила число пленных, выведенных крымцами и казанцами из Московского государства, простирая это число до 800000; но самое это преувеличение уже показывает сильное опустошение; крымцы продавали своих пленников в Кафе, казанцы – в Астрахани. Такая добыча разлакомила Магмет-Гирея; возвратившись домой, он велел три раза прокликать по торгам в Перекопе, Крыме-городе и Кафе, чтоб князья, мурзы и все татары были готовы сами и коней откармливали для осеннего похода в Московскую землю. Этот осенний поход не состоялся, а на весну 1522 года великий князь приготовился встретить хана, выступил сам к Оке с многочисленным войском и с пушками. Хан не пришел и весною; но его нужно было постоянно сторожить, со стороны Казани нужно было также ожидать беспрестанно нападений, и нельзя было долго оставлять в ней царствовать брата Магмет-Гиреева. Это заставило спешить заключением перемирия с Литвою. В августе 1521 года, тотчас по уходе Магмет-Гирея, возобновилась пересылка с Сигизмундом. В марте 1522 года приехал из Литвы Станислав Долгирдов (Довкирдович) и объявил, что король тогда только пришлет в Москву своих великих послов, когда великий князь объявит, хочет ли он вечного мира или перемирия без отпуска пленных. С ответом был послан Василий Поликарпов, который должен был сказать королю, чтоб он присылал своих великих послов, панов радных, что великий князь мира и перемирия хочет, как будет пригоже, а пленным свобода на обе стороны. Но Поликарпову дан был еще наказ, что если в Литве не согласятся на это и станут его отпускать, то он должен сказать: «Государь наш с Сигизмундом-королем вечного мира хочет, но и перемирия хочет и без отпуска пленных». Вследствие этого последнего объявления в августе приехали в Москву великие послы литовские – полоцкий воевода Петр Станиславович и подскарбий Богуш Боговитинович – и заключили перемирие на пять лет без отпуска пленных; Смоленск остался за Москвою; положено было в эти пять лет сноситься для заключения вечного мира. В 1526 году переговоры действительно начались опять при посредничестве послов императора Карла V и опять кончились ничем, продолжено было только перемирие до 1533 года, потом продолжено еще на год. Смоленск служил постоянно препятствием для заключения вечного мира: король никак не хотел уступить его навеки Москве, а великий князь также ни за что не соглашался отказаться от своей отчины, возвращение которой составляло славу его княжения; какие меры употреблял он для укрепления Смоленска за Москвою, видно из следующего наказа послу Загрязскому, отправлявшемуся в Литву: «Если спросят (в Литве): для чего великий князь смольнян в Москву перевел? – то отвечать: которые люди пригожи государю нашему на Москве, тем государь велел на Москву ехать; а которые пригожи ему в Смоленске тем велел оставаться в Смоленске. А которым людям государь велел ехать в Москву, тех пожаловал, дал им в Москве дворы и лавки, также дал им

поместья». Смоленск остался за Москвою: пленники великой битвы (так называли Оршинскую битву в Литве) остались у Сигизмунда; многие из них в 1525 году не были уже в живых, живые терпели большую нужду; в списке их, составленном для короля, читаем, что прежде давали им столько-то съестных припасов, а теперь не дают и они жалуются, что помирают с голоду; о некоторых сказано: «Оброку им ничего не дают, кормятся тем, что сами Христа ради выпросят; все сидят покованы, стража к ним приставлена очень крепкая».

Перемирие с Литвою давало великому князю возможность обратить все свое внимание на восток. Магмет-Гирей, доставивши брату Казань, наведши страх на Москву, спешил исполнить давнее свое желание – овладеть Астраханью. И это ему удалось: соединившись с ногайским князем Мамаем, он успел овладеть Астраханью в то время, когда хан ее, Усеин, по единству выгод вел переговоры о тесном союзе с князем московским. Но торжество Магмет-Гирея не было продолжительно: союзники его, ногайские князья, догадались, что им грозит большая опасность от усиления Гиреев, напали нечаянно на крымский стан, убили хана, перерезали множество крымцев, по следам бегущих сыновей Магмет-Гиреевых вторгнулись в Крым и опустошили его, в то время как с другой стороны опустошал его также союзник Магмет-Гиреев, Евстафий Дашкович, с своими козаками. Место убитого хана заступил брат его, Сайдат-Гирей, первым делом которого было обратиться к великому князю с требованием 60000 алтын и мира для Саип-Гирея казанского; под этими двумя условиями он обещал свой союз. Но великий князь не был намерен ни посылать денег в опустошенный и потому неопасный Крым, ни оставлять в покое Саип-Гирея казанского, тем более что последний, узнав о торжестве брата своего в Астрахани, велел убить посла и купцов московских, попавшихся в плен при изгнании Шиг-Алея. Послу, отправленному в Крым, был дан наказ: В пошлину никому ничего ни под каким видом не давать, кроме того, что послано к хану в подарках или что посол от себя кому даст за его добро, а не в пошлину. В пошлину ни под каким видом ни царю, ни царевичам, ни князьям, ни царевым людям никак ничего не давать. Если бросят перед послом батоги и станут просить пошлины у батога – не давать, а идти прямо к царю через батоги; если у дверей царевых станут просить пошлины – и тут ничего не давать; пусть посол всякий позор над собою вытерпит, а в пошлину ничего не должен дать. Не напишется царь в шертной грамоте братом великому князю, то грамоты не брать; не писать в договорную грамоту, чтоб быть заодно с царем на Астрахань и ногаев; ведь написано, что быть на всех недругов заодно – и довольно. Если царь потребует, чтоб великий князь помирился с казанским царем Саипом, то говорить: помирился нельзя, во-первых, потому, что Саип стал царем без ведома великого князя; во-вторых, потому, что посла московского и торговых людей велел убить, чего ни в одном государстве не ведется: и рати между государями ходят, а послов и гостей не убивают».

Летом 1523 года великий князь сам отправился в Нижний, откуда отпустил на Казань хана Шиг-Алея с судовою ратью по Волге, а других воевод – с конною ратью сухим путем, велел пленить казанские места; воеводы возвратились благополучно и привели с собою много черемисских пленников, но поход этим не ограничился: на устье Суры, в земле Казанской, срубили город Васильсурск; в Москве митрополит Даниил очень хвалил за это великого князя, говорил, что новопостроенным городом он всю землю Казанскую возьмет; действительно, в

этом деле высказывалось намерение стать твердою ногою на земле Казанской, положить начало ее полному покорению, ибо подручные отношения, клятвы царей казанских и народа уже два раза оказывались ручательствами недостаточными; Василий, построив Васильсурск, сделал первый шаг к совершенному покорению Казанского царства; сын его, Иоанн, как увидим, построением Свияжска сделает второй; третьим будет взятие самой Казани.

Летом 1524 года отправилась опять под Казань многочисленная рать, которую полагают во 150000 и более, под главным начальством князя Ивана Бельского. Саип-Гирей испугался и, оставив в Казани тринадцатилетнего племянника Сафа-Гирея, убежал в Крым, обещая казанцам возвратиться с войском турецким. Казанцы, провозгласивши царем молодого Сафа-Гирея, приготовились выдерживать осаду. Князь Бельский отправился из Нижнего Волгою на судах; Хабар Симский с конницею шел сухим путем; князь Палецкий, нагрузивши на суда наряд и съестные припасы, должен был плыть Волгою за главным войском. 7 июля Бельский вышел на берег, расположился станом в виду Казани у Гостиного острова и двадцать дней дождался конницы – она не приходила; а между тем загорелась стена в деревянной казанской крепости; московские полки не двинулись ни для того, чтоб воспользоваться пожаром и овладеть крепостью, ни для того, чтобы мешать казанцам в строении новой стены. 28 июля Бельский перенес стан на берег Казанки; недалеко отсюда стоял и Сафа-Гирей и несколько раз покушался тревожить русский стан пешею черемисою, но понапрасну. Время шло; ни конница, ни судовая рать с пушками и съестными припасами не приближались; начал сказываться голод, потому что черемисы опустошили все вокруг, засели на всех дорогах, не позволяя русским отрядам добывать кормов прервали все сообщения, так что нельзя было дать вести в Москву о состоянии войска. В это время, когда рать Бельского начала упадать духом от голоду, разнесся слух, что конное войско потерпело поражение от татар; ужас напал на воевод; стали думать об отступлении; скоро узнали, однако, что слух был ложный: потерпел поражение один только небольшой отряд конницы, главная же рать, шедшая под начальством Симского, в двух встречах с татарами на Свияге одержала верх. Но если конница счастливо преодолела все опасности, то не могла преодолеть их судовая рать, шедшая с Палецким: в узких местах между островами черемисы загородили дорогу камнями и деревьями, а с берега осыпали русских стрелами и бросали бревна; только немногие суда могли спастись и с воеводою достигли главной рати. Несмотря, однако, на это несчастье, когда пришла конница, Бельский 15 августа обложил Казань. Под защитою конницы, сдерживавшей натиски казанской конницы, осадные машины были придвинуты к стенам; казанцы отстреливались, но скоро они потеряли своего пушечного мастера, который один только и был в городе. Это обстоятельство заставило их просить мира с обязательством отправить в Москву послов с челобитьем. Бельский обрадовался и снял осаду, потому что войско не могло долее выдерживать голод. Послы действительно явились в Москву бить челом от всей земли Казанской за свою вину и просить, чтоб великий князь утвердил царем Сафа-Гирея. Василий согласился на их просьбу, но против воли: не для того посылал он такую многочисленную рать против казанцев, чтоб оставить у них царем Гирея; поход не удался, не оправдал ожиданий, и вот, как обыкновенно бывает, слышались обвинения против главного воеводы, Бельского, обвинения

не только в неискusstве, робости, но даже в измене, в том, что он отступил от Казани, будучи подкуплен ее жителями. Самое основательное, по-видимому, обвинение против Бельского состояло в том, зачем он терял время у Гостиного острова, зачем не воспользовался пожаром в крепости и позволил казанцам беспрепятственно возобновить стену. Но последующий рассказ об осаде объясняет удовлетворительно поведение Бельского: он не мог ничего предпринять без конницы, которая должна была защищать главную рать от нападений казанской конницы, от черемис, рассеявшихся всюду и не дававших сделать ни малейшего движения. Бельского оправдывает в наших глазах рассказ о последней казанской осаде, когда царь Иоанн Васильевич находился точно в таком же положении: войско его не имело времени отдыхать и томилось голодом, потому что было постоянно беспокоивоваемо татарскою конницею князя Япанчи, и наконец царь нашелся принужденным разделить войско: одну часть оставить при себе а другую назначить для действий против Япанчи.

В продолжение четырех лет после описанных событий источники не упоминают о делах казанских. В 1529 году приехали от Сафа-Гирея послы в Москву и объявили, что царь их хочет во всем исправиться перед великим князем, дать клятву в верности и отправляет в Москву больших послов. Для взятия клятвы с Сафа-Гирея великий князь послал в Казань Андрея Пильемова, а для наблюдения за исполнением присяги – князя Ивана Палецкого, вслед за Пильемовым. Но, приехавши в Нижний, Палецкий узнал, что Сафа-Гирей уже успел нарушить клятву и нанес сильные оскорбления Пильемову. Опять, следовательно, нужно было прибегнуть к силе, и летом 1530 года пошла под Казань большая рать судовая и конная: в первой начальствовал по-прежнему князь Иван Бельский, во второй – знаменитый князь Михайло Львович Глинский, освобожденный перед тем из заточения. Отразивши с успехом несколько нападений неприятеля, Глинский перевезся через Волгу и соединился с судовой ратю. 10 июля произошел сильный бой, в котором русские полки одержали победу, после чего взяли острог и начали добывать самую крепость. Тогда трое знатных казанцев выехали к воеводам и били челом о прекращении осады, обещаясь исполнить волю великого князя. Воеводы, взявши со всех казанцев присягу не изменять великому князю, не брать себе царя иначе, как из его руки, отступили от города и вместе с послами казанскими возвратились в Москву. В некоторых летописях прибавлено, что воеводы, взявши острог, едва было не взяли и самого города (крепости), который стоял часа три без людей: люди все из города выбежали, и ворота все остались отворены; но в это время воевода пешей рати Бельский и воевода конной рати Глинский завели спор о местах: кому первому въехать в город; между тем нашла грозная туча, полился сильный дождь, посошные и стрельцы, которые привезли на телегах наряд к городу, испугавшись дождя, бросили этот наряд в жертву казанцам. Не отвергая этого известия, мы, однако, думаем, что в нем недостает некоторых объяснительных подробностей.

Послы казанские приложили в Москве свои печати к клятвенным грамотам, на которых потом Сафа-Гирей и все казанцы должны были присягнуть перед великокняжеским сыном боярским Иваном Полевым; Полев должен был взять в Казани всех пленных русских и пищали, захваченные казанцами в последнюю войну; послы казанские должны были ждать его возвращения в Москве. Но скоро Полев дал знать великому князю, что Сафа-Гирей не присягает и пищалей не

отдает; в то же самое время хан прислал грамоту, в которой требовал, чтоб великий князь отпустил его послов и с ними вместе отправил бы в Казань своего большого посла, чтоб прислал также пушки и пищали и пленников казанских, взятых московским войском, и, когда все это будет прислано, тогда он, Сафа-Гирей, даст клятву в соблюдении договора и отпустит Ивана Полева. Великий князь, получивши эту грамоту, велел сказать послам казанским: «Вы клялись, что царь и вся земля Казанская будут нам во всем послушны а теперь вот какое их послушание!» Послы отвечали: «Гонец царский сказывал нам, что в Казань пришла весть о посылке ратных людей из Москвы под Казань, и оттого дело не случилось; но известно, что теперь в Казани людей добрых мало, все люди мелкие, землю укрепить нечем, все люди врозь, в страхе. Государь князь великий сам промыслит о своей земле; волен бог да государь в своей земле; земля Казанская божия да государева: как он хочет, так и сделает. А мы, холопы божии да государевы, посланы к великому князю бить челом от царя и от всех людей с правдою, а не с лестью; на чем мы добились государю челом, на том царь не устоял; пристали к нему крымцы, да ногаи, да тутошние лихие люди, а земля с ними не вместе, земля ждет государева жалованья, Сафа-Гирею ли быть царем на Казани, или другого пришлет государь». Великий князь велел им сказать на это: «Только бы Сафа-Гирей был нам послушен да была бы в нем правда, то мне отчего не хотеть его на Казани? Но видите сами, что он не прям». Послы отвечали: «Видим сами, что царь не прям, клятву преступил, дело свое презрел, нас забыл: какому в нем добру быть! А теперь ведает бог да государь, как своею землею Казанскою промыслить; мы холопы государевы, а царя какого нам государь пожалует, тот нам и люб». После этого они били челом, чтоб государь дал им опять Шиг-Алея, потому что Шиг-Алей, говорили они, земли Казанской не грабил ничего, а не взлюбили его лихие люди; пусть государь отпустит его на Казань и даст наказ, как его дело беречь и тамошних людей жаловать; послы просили, чтоб государь отпустил Шиг-Алея, их и всех пленных казанцев к Васильсурску; отсюда обещались разослать грамоты в Казань, к черемисе горной и луговой, к арским князьям, что государь хочет их жаловать и беречь. Великий князь велел спросить их: «Как вы поехали к нам, был ли вам наказ от князей и от земли просить у нас в цари Шиг-Алея?» Послы отвечали: «Такого наказа нам не было: за каким делом нас послали, о том деле мы и били челом; а теперь бьем челом, чтоб государь нас пожаловал, велел нам ему служить, а Сафа-Гирею служить не хотим: Сафа-Гиреем мы умерли, а государевым жалованьем ожили. Сафа-Гирей послал нас за великими делами; но что мы здесь ни сделали, он все это презрел, от нас отступился; а если мы ему не надобны, так и он нам не надобен. А в Казани у нас родня есть, братья и друзья, а которые попали в руки людям великокняжеским, у тех у всех отцы и братья, родственники и друзья в Казани. Как только мы придем к Васильсурску и пошлем к ним грамоты, так они за нас станут».

Великий князь, поговорив с боярами, послал в Казань гонца Посника Головина как будто с ответом к Сафа-Гирею, а между тем наказал ему поговорить с двумя казанскими вельможами и разузнать, как они думают. Гонец возвратился, как видно, с благоприятным ответом, потому что великий князь после вторичного совета с боярами отпустил Шиг-Алея и послов, но только не в Васильсурск, а в Нижний, что было безопаснее, ибо ближе к Москве. Сафа-Гирей, узнавши об этих движениях, хотел убить московского посла Полева и начать снова открытую войну

с великим князем; но как скоро пришли в Казань грамоты от послов из Нижнего, то вельможи и все казанцы выгнали Сафа-Гирея, советников его, крымцев и ногайцев перебили, жену его отослали к отцу ее, ногайскому князю Мамаю, а к великому князю послали бить челом, чтоб дал им в цари не Шиг-Алея, которого они боятся, но младшего брата его, Еналея, владевшего городком Мещерским. Великий князь согласился на их просьбу, отпустил Еналея в Казань, а Шиг-Алею дал Каширу и Серпухов; но последний не был доволен, стал пересылаться с Казанью и другими местами без ведома великокняжеского, чем нарушил свою присягу, за что его свели с Каширы и Серпухова и послали в заточение на Белоозеро. Еналеем были довольны в Москве: когда он и вся земля Казанская прислали бить челом, чтоб великий князь пожаловал, не брал из Казани пищалей, потому что у Казанской земли друзей много, но недруги есть, то Василий пожаловал брата и сына своего, царя Еналея, исполнил его просьбу; вздумавши жениться на дочери одного казанского мурзы, Еналей испросил прежде согласия великого князя на этот брак; видим также, что такие-то и другие дела казанские земские решались в Москве (1531 г.).

Казань была усмирена, но Крым не давал покою. Осенью 1527 года, когда послы Сайдет-Гирея были в Москве, племянник его, Ислам-Гирей, явился на берегах Оки; но здесь уже были московские воеводы и не пустили татар переправиться на другой берег; Ислам должен был поспешно возвратиться, потеряв много татар, убитых преследовавшими его детьми боярскими. Когда разнеслась весть о нашествии Ислама, то великий князь велел утопить Сайдет-Гиреевых послов. Сайдет-Гирей был изгнан, его место занял Саип-Гирей, бывший прежде в Казани. В августе 1533 года великий князь получил весть, что двое племянников ханских – Ислам– и Сафа-Гирей – идут к московским украинам. Василий немедленно стал снаряжаться в поход, послал за братьями – Юрием и Андреем, отпустил воевод на Коломну к Оке и сам выступил 15 августа в село Коломенское, отслушавши обедню у праздника в Успенском соборе; в Кремле без себя велел расставлять пушки и пищали и посадским людям перевозить имение в город. В тот самый день татары подошли к Рязани, выжгли посады и рассеялись по волостям – бить, грабить и брать в плен. Великий князь велел воеводам отправить за Оку отряды для добывания языков; начальник одного из этих отрядов, князь Димитрий Палецкий, разбил толпу татар в 10 верстах от Николы Зараского; начальник другого отряда, князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский разбил другую толпу и, преследуя ее, наткнулся на большое татарское войско; враги растолкнули Оболенского с его ратниками, некоторых взяли в плен, но ничего не предпринимали более и вышли из московских пределов, боясь встретиться с главным войском великокняжеским; воеводы двинулись было за ними, но не могли догнать.

А между тем с Крымом происходили постоянные сношения; все толковалось о союзах, о шертных грамотах, но разбойники больше всего толковали о поминках, жаловались, что этих поминков мало присылается из Москвы, говорили, что им выгоднее быть в войне с великим князем, чем в мире. Василий не хотел посылать им денег даром и приказывал отвечать хану на его жалобы: «Если ты покажешь нам на деле свою дружбу, то мы также покажем тебе свою дружбу: о чем к нам прикажешь, что у нас будет, мы ни за что не постоим; но уроком поминков мы ни к кому не посылавали. Хочешь быть с нами в дружбе, так

вели написать грамоту шертную». Хан продолжал свое: «Мне ты девять поминков прислал, а мы к тебе прежде посылали дефтерь, и в нем написано 120 человек, а ты только пятнадцати человекам поминки прислал; но ведь ты нашу землю хорошо знаешь: наша земля войною живет». Саип просил не одних кречетов и мехов, он просил также, чтоб великий князь прислал ему хорошего хлебника и повара. Василий не потакал его жадности; переменил и прежние слишком учтивые формы в сношениях с ханами: так, вместо челобитья в грамотах начали писать переводное татарское выражение: «Много-много поклон». С гонцами ханскими не стали обходиться так почтительно, как прежде, и хан по этому поводу писал великому князю: «Наши гонцы сказывают, что их по старому обычаю не чтить, и ты бы их чтил: кто господина захочет почтить, тот и собаке его кость бросит».

Но Сигизмунд литовский продолжал обязываться платежом в Крым ежегодно по 7500 червонных и на такую же сумму сукон, выговаривая, что эти деньги и сукна будут посылаться только в те года, когда крымцы не будут нападать на литовские владения. Хан Саип-Гирей был этим недоволен. «Значит, – писал он королю, – ты не хочешь со мною вечного мира; если бы ты хотел вечного мира, то прислал бы нам 15000 червонных, как прежде брату моему, Магмет-Гирею, посылавал». Хан жаловался также королю на козаков малороссийских, которые не упускали случая покорыстоваться на счет татар и вместе с московскими, путивльскими козаками проводывали о движениях крымцев на Москву. Для покрытия крымских издержек литовские города продолжали платить подать, известную под именем ордынщины.

Таковы были важнейшие внешние отношения при Василии, отношения к Литве и к ордам татарским; происходили сношения и с другими государствами европейскими и азиатскими, имеющими меньшую важность. С Швециею мирный договор на 60 лет, заключенный в 1508 году, был подтвержден два раза – в 1513 и 1524 годах. С Ливониею заключены были перемирные договоры в 1509, 1521 и 1531 годах. В 1514 году заключено было десятилетнее перемирие с семьюдесятью городами ганзейскими: «с сей стороны поморья и с оной стороны заморья»; взаимная свободная торговля этих городов с Новгородом восстанавливалась по-прежнему, церковь и места дворовые старые в Новгороде возвращались немецким купцам; немцы с своей стороны обязались очистить и не обижать русские церкви и концы в своих городах, обязались также не приступать к Литве. В 1511 году был заключен союзный договор с датским королем Иоанном, в 1517 – с Христианом; по просьбе последнего позволено было датским купцам выстроить дворы и на дворах – церкви в Новгороде и в Иван-городе. Папа Лев X завязал сношения с Москвою чрез посредство великого магистра Альбрехта; посол Альбрехтов, известный нам Шонберг, говорил великому князю следующее от имени папы: «Папа хочет великого князя и всех людей Русской земли принять в единение с римскою церковью, не умаляя и не переменяя их добрых обычаев и законов, хочет только подкрепить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь греческая не имеет главы; патриарх константинопольский в турецких руках; папа, зная, что на Москве есть духовнейший митрополит хочет его возвысить, сделать патриархом, как был прежде константинопольский, а наияснейшего царя всея Руси хочет короновать христианским царем. При этом папа не желает себе никакого прибитка, хочет

только хвалы божией и соединения христиан. Известно, что Литву не надобно оружием воевать: время ее воюет, потому что король Сигизмунд не имеет наследника, после его смерти Литва никак не захочет иметь над собою государя из поляков, а поляки не захотят литвина, и оттого оба государства разорятся. А если великий князь захочет стоять за свою отчину константинопольскую, то теперь ему для этого дорога и помощь готовы». Папа разумел здесь союз всех христианских государей против турок, к которому приглашал и великого князя, желая, чтоб он помирился с королем Сигизмундом. Посол московский отвечал на это Альбрехту так: «Государь наш с папою хочет быть в дружбе и согласии; но как прежде государь наш с божиею волею от прародителей своих закон греческий держал крепко, так и теперь с божиею волею закон свой держать крепко хочет». После этого послы папские бывали в Москве, великокняжеские – в Риме; но сношения эти не имели никаких важных следствий; мы видели, как великий князь отвечал на предложение папы соединиться с римскою церковию; на предложение же союза против турок ответ был такой: «Мы с божиею волею против неверных, за христианство стоять будем. А с вами и с другими христианскими государями хотим быть в любви и докончании, чтоб послы наши ходили с обеих сторон наше здоровье видеть».

Более важное значение придавали в Москве сношениям с Турциею, хотя, несмотря на все старания московского правительства, и эти сношения кончились ничем, как и при Иоанне; непосредственного враждебного столкновения между этими государствами еще быть не могло по самым географическим условиям: степи разделяли их, и турки не думали искать завоеваний в холодных странах Северной Европы; с другой стороны, между ними быть не могло и общих высших интересов, которые повели бы к тесному союзу: борьба Московского государства с царствами татарскими, мусульманскими оканчивалась видимо не в пользу последних, рано или поздно султан должен был принять в ней участие; пока оставались общими интересы низшего рода, выгоды торговые и султан готов был поддерживать для их соблюдения приязнь с Москвою. Но великий князь хотел большего. В 1513 году отправился из Москвы в Константинополь посол Алексеев для возобновления между Василием и Селимом дружеских сношений, какие существовали между отцами их; Алексееву дан был наказ: «Поклониться султану, руки пригнув к себе выше пояса, по их обычаю, а на колени ему не становиться и в землю челом не бить». Султан отвечал грамотою, написанною на сербском языке, в которой изъявлял желание, чтоб между ним и великим князем люди благополучно ходили и торговцы торговали; в другой грамоте просил об отпуске в Крым хана Летифа; в третьей просил помогать послу его, Камалу, при покупке редких товаров. Этот Камал объявил: «Послал меня государь мой к великому князю сказать ему, что он в дружбе и в братстве с ним быть хочет, и спросить, хочет ли великий князь быть с нашим государем в дружбе и в братстве. Но грамот писать мне государь мой не приказал». В 1515 году великий князь отправил снова в Константинополь посла своего Коробова, который должен был стараться заключить с султаном союз против Литвы и Крыма; также стараться, чтоб не было зауморщин, т.е. чтоб турецкие начальства не забирали пожитки умиравших у них русских купцов. Но Коробов возвратился с грамотою, в которой султан давал удовлетворительный ответ только относительно зауморщин; он обещал также прислать нового посла в Москву, но обещание не было исполнено. В 1517 году

великий князь говорил с боярами, что у него после возвращения Коробова не было никакой вести от турецкого султана, надобно бы послать к нему спросить о здоровье; отправлен был дворянин Голохвастов и возвратился опять с одним обещанием безопасной торговли. Уклоняясь от заключения союза с Василием, султан, однако, запрещал крымскому хану тревожить московские владения. Понятно, как это запрещение должно было не нравиться хану. Московские благоприятели писали из Азова, что султан прислал сказать хану: «Слышал я, что хочешь идти на Московскую землю; так береги свою голову, не смей ходить на московского, потому что он мне друг великий; а пойдешь на московского, так я пойду на твою землю». Хан сильно осердился, потому что рать его была уже собрана. Чтоб не получать вперед таких запрещений, хан должен был возбуждать неудовольствие султана на великого князя; а последний, чтоб сдерживать крымцев турками, должен был стараться о продолжении дружеских сношений с султаном. Вот почему, узнавши о смерти Селима, великий князь в 1521 году отправил в Константинополь посла Губина поздравить нового султана Солимана с восшествием на престол и жаловаться на Магмет-Гирея крымского. Губин также должен был хлопотать о заключении союза, и так как этому делу прежде всего препятствовало неудобство сообщений через степи, то Губин должен был уговориться с турецким правительством насчет выбора места в придонских степях, где бы вооруженные проводники посольские съезжались с обеих сторон, с московской и турецкой, и сдавали друг другу послов. Надобно было назначить это место на Дону; справились у рязанских козаков, и те объявили, что на полдороге от Азова к московским границам находится переволока; на этой переволоке (между Доном и Волгою) прибой людям астраханским, и тут посольским провожатым сходитья нельзя; надобно быть съезду на Медведице, которая ближе к великого князя украине, но всего лучше назначить съезд на Хопре. Вследствие этого показания Губин должен был хлопотать, чтоб турки назначили съезд на Хопре или по крайней мере на Медведице. Относительно наговоров ханских Губин должен был говорить в Константинополе: «В Москве идет слух, что Магмет-Гирей писал к султану, будто Казанская земля – юрт крымский, будто государь наш велел там мечети разорить и свои христианские церкви поставить и колокола повесить; но как прежде крымцы неправыми своими умышлениями вставляли неправые слова, так и теперь не отстают от лживых слов». Губин должен был рассказать по порядку казанские дела и уверить, что мечетей не разрушают. Между тем московские благоприятели, или норовники, продолжали извещать великого князя о наговорах ханских: так, по их известиям, хан дал знать султану, что Василий в союзе с персидским шахом, послал ему оружие, 30000 пищалей; когда султан опять послал в Крым запрещение воевать с Москвою, то хан отвечал ему: «Не велишь мне идти ни на московского, ни на волошского, так чем же мне быть сыту и одету? А московский князь стоит на тебя заодно с Кизылбашем (персидским ханом)».

Губин привез с собою турецкого посла Скиндера, князя манкупского, который объявил, что если великий князь хочет быть с султаном в дружбе и братстве, то прислал бы к нему доброго человека для заключения крепкой дружбы и братства. Вследствие этого объявления отправлен был в Турцию Иван Семенович Морозов; но и этот добрый человек не успел в своем поручении, не привез союзной грамоты от султана, не привез и доброго человека для заключения

этого союза в Москве, но привез некоторые любопытные известия, например: приходил к нему Андриан Грек от казначея султана Аббисалом и говорил: «Велел тебе Аббисалом говорить: наша пошлинка есть, и ты б, господин, нас не забыл, а прежние послы нам пошлину давали, так и ты бы, господин, нас не покинул. Следует тебе оказать честь Аббисалому, потому что он у султана ближний человек и дела государские большие на нем лежат; а не почтишь его, так и дел не сделаться». Посол отвечал: «Я от своего государя послан не пошлины устанавливать: делают государские дела приказные люди не для посулов; будет нам Аббисаломова дружба и раденье, то мы против них за себя не стоим, а для государского дела мне незачем посулы давать». Андриан сказал на это: «Аббисалом говорит: если меня посол почтит, то я ему от султана выберу поминки добрые, а не почтит, так я ему выберу поминки худые». Посол отвечал: «Я прислан для государского дела, а не для поминков и за поминки посулов не дам». После Андриана пришел пристав и сказал: «Велел тебе султан говорить: Аббисалом у меня человек ближний, дьяк, казначей и зять, так ты для меня его почти, пошли ему что-нибудь». Посол отвечал: «Если государь говорит, то мы для государя пошлем, что у нас случится» – и послал казначею горностаевую шубу. Сношения продолжались, ограничиваясь по-прежнему делами торговыми, хотя уже можно было предвидеть, что не далеки враждебные столкновения между обоими государствами. Скиндер, приезжавший в другой раз, объявил, что Саип-Гирей казанский заложился за султана, и потому Казань – юрт султанов. Ему отвечали, что Казань изначала юрт московский. Поехал Скиндер назад, на Путивль, на Крым; просился Доном, но великий князь его не пустил: прозябло слово от Скиндеровых людей и со стороны, что Скиндер послан высмотреть удобное место на Дону для построения турецкого города. Скиндер приезжал в третий раз в Москву для торговых дел, несмотря на то что показывал явную вражду и грозился поссорить султана с великим князем. По смерти его, случившейся в Москве, между бумагами его нашли приготовленные донесения султану, что когда пришел в Москву пленный из Азова и объявил о победе венгерского короля над турками, то будто великий князь очень обрадовался и велел звонить в колокола. В сношениях с этим Скиндером обвинялся известный Грек Максим. Целью сношений с князьями ногайскими и с индейским ханом Бабуром были дела торговые; сношения с Молдавиею и Астраханью не имели никаких следствий.

Упомянув об этих сношениях, подробно рассказывая о войнах с Литвою, с Крымом, о взятии Смоленска, Пскова, летописцы едва мимоходом упоминают о присоединении к Москве Великого княжества Рязанского и княжеств Северских. Мы видели, что удельный рязанский князь Федор, умирая бездетным, отказал свой удел Иоанну III; таким образом, часть самого города Рязани и место Старая Рязань принадлежали к Москве еще при Иоанне III, и сын его Василий еще прежде окончательного присоединения Великого княжества Рязанского уже назывался рязанским. Мы видели, как Иоанн III распорядился Рязанью во время малолетства великого князя ее Ивана Ивановича; Василий продолжал распорядиться таким же образом. Когда великий князь рязанский вырос, то увидал себя не больше как наместником великого князя московского; ему оставалось на выбор: или добровольно снизить на степень служебного князя, или отчаянными средствами попытаться возвратить прежнее значение; он

решился на последнее. Василию московскому дали знать, что великий князь рязанский вошел в частые сношения с крымским ханом Магмет-Гиреем и даже хочет жениться на его дочери. Василий послал звать рязанского князя в Москву; тот сначала не хотел ехать, предвидя участь, его ожидавшую; но что случилось с князьями нижегородским и тверским, то же самое случилось теперь и с рязанским: приближенный боярин его Семен Крубин (Коробьин?) предался на сторону Василия и уговорил своего князя отправиться в Москву, где его схватили и посадили под стражу, а мать его заключили в монастырь. Это было в 1517 году; в 1521 году, пользуясь нашествием Магмет-Гирея, рязанский князь успел убежать из Москвы и скрыться в Литву. Магмет-Гирей отправил к Сигизмунду послов с требованием, чтоб король отпустил с ними рязанского князя в Крым. Сигизмунд отвечал: «Великий князь рязанский приехал к нам по опасной нашей грамоте, по обещанию нашему, что он может свободно к нам приехать, свободно и уехать. Мы ему говорили и советовали, чтоб он ехал к тебе, и от своего имени обещали ему, что ты посадишь его на Великом княжестве Рязанском, но он никак не хотел к тебе ехать. Потом мы призывали его к себе в другой раз и говорили, что ты добудешь ему отчину по своему письменному обещанию, которое дал нам, а иначе без тебя он никаким образом не будет в состоянии возвратить себе стола. Мы советовали ему это в той мысли, что если ты посадишь его на Рязани, то один приобретешь добрую славу; если он будет в твоих руках и узнают о том его подданные – рязанцы, то они и без твоей сабли сами со всею землею тебе поддадутся; ты сделаешь его своим слугою, а чрез его землю можешь и того общего нашего неприятеля, московского, привести к себе в такую же повинность, в какой предки его находились к твоим предкам. Наконец мы рязанского князя уговорили: он объявил согласие свое ехать к тебе, но только с условием, чтоб ты дал ему залог (заставу); если ты его на Рязани не посадишь, то должен отпустить, и когда отпустишь, тогда и залог твой к тебе возвратится. Подумай об этом и объяви нам немедленно, на что решишься». С рязанцами, которые отличались смелым, непреклонным характером, было поступлено так же, как с новгородцами и псковичами: многочисленными толпами переселяли их в другие области.

Вслед за Рязанью пала другая отчина Святославова рода – княжество Северское. Но в это время здесь уже не было Ольговичей: их волости держали потомки Иоанна Калиты московского, два Василия – один Семенович, внук Можайского, князь Стародубский, другой Иванович, внук Шемяки, князь Новгорода Северского. Эти князья давно уже питали друг к другу непримиримую ненависть и, не смея затевать явных усобиц, обносили друг друга пред великим князем московским. Шемячич, по некоторым известиям, уже сгубил несколько князей своими наветами; с другой стороны, еще отец стародубского князя, Семен, обговаривал Шемячича Иоанну III; Василий продолжал отцовские обговоры; ненависть его к Шемячичу была так велика, что он говорил: «Одному чему-нибудь быть: или уморю князя Василья Ивановича, или подпаду гневу государеву». Вместе с князем Пронским он прислал в Москву обвинение против Шемячича; последний, узнав об этом, отправил в Москву своего посланца умолять великого князя, чтоб позволил ему приехать к себе и оправдаться. Тон записи, по которой должен был говорить великому князю посланец Шемячича, очень любопытен: он показывает, на какую низкую степень сошли владетельные князья перед московскими государями всея Руси. «Ты б, государь, – пишет Шемячич великому

князю, – смиловался, пожаловал, велел мне, своему холопу, у себя быть, бить челом о том, чтоб стать мне пред тобою, государем, очи на очи с теми, кого брат мой, князь Василий Семенович, к тебе, государю, на меня прислал с нелепицами. Обыщешь, государь, мою вину, то волен бог да ты, государь мой, голова моя готова пред богом да перед тобою; а не обыщешь, государь, моей вины, и ты б смиловался, пожаловал, от брата моего, князя Василия Семеновича, оборонил, как тебе государю бог положит по сердцу, потому что брат мой прежде этого сколько раз меня обговаривал тебе, государю, такими же нелепицами, желая меня у тебя, государя, уморить, чтоб я не был тебе слугою». Что были искушения со стороны Литвы, заставлявшие московское правительство обращать строгое внимание на поведение северских князей, видно из следующих слов Шемячича: «Да и то тебе, государю, известно же, сколько прежде ко мне из Литвы присылок ни бывало, я от отца твоего, великого князя, и от тебя, государя, ничего не утаивал». Вот почему, отправляя к Шемячичу опасную грамоту для приезда в Москву великий князь наказал посланным: «Заезжайте к князю Василью Семеновичу, скажите ему от нас речь о береженье да похвальную речь ему скажите». Шемячич оправдался в Москве; великий князь велел сказать ему: «Мы у слуги своего, князя Василия, на тебя речей никаких не слушали. Мы, как прежде нелепым речам не потакали, так и теперь не потакаем, а тебя, слугу своего, как прежде жаловали, так и теперь жалуем и вперед жаловать хотим; обыскали мы, что речи на тебя нелепые, и мы им теперь не верим». Один из обвинителей был выдан обвиненному головою; когда же Шемячич просил выдачи и другого обвинителя, человека князя Стародубского, то великий князь велел отвечать ему: «Этот человек был в Литве в плену и слышал о тебе речи в Литве, так как же ему было нам не сказать? Нам этого человека выдать тебе нельзя».

Шемячич был отпущен с честью из Москвы в свое княжество; это было в 1517 году. Но в 1523-м он был опять позван в Москву и заключен в темницу. Шел слух, что причиною заключения было письмо его к намертнику киевскому, где он предлагал службу свою королю Сигизмунду. Говорят, будто во время заключения Шемячича какой-то юродивый ходил по Москве с метлою в руках и на вопрос проходящих, зачем он взял метлу, отвечал: «Государство не совсем еще очищено: пришло удобное время вымести последний сор». Волость Стародубская присоединена была еще прежде к Москве, при посредстве Шемячича, который выгнал своего врага из отчины. При Василии же присоединен и удел Волоцкий, ибо князь Федор Борисович умер в 1513 году бездетным.

Глава третья

Дела внутренние

Отношения великого князя к братьям. – Развод Василия и новый брак. – Болезнь и кончина Василия. – Характер покойного. – Его образ жизни, семейные отношения. – Отношения к вельможам. – Титул, доходы великих князей московского и литовского. – Обычаи московского двора. – Состав двора. – Войско. – Приказы. – Жалованные грамоты. – Вельможество и войско в Западной России. – Козаки. – Города. – Сельское народонаселение. – Свойства страны по

иностранным описаниям. – Промыслы. – Торговля. – Искусства. – Церковные события. – Иосиф Волоцкий и Максим Грек. – Вассиан Косой. – Быт монастырей. – Сношения с восточными церквами. – Состояние западнорусской церкви. – Законодательство. – Народное право. – Нравы и обычаи. – Литература.

Мы видели, с каким нетерпением враги Московского государства ждали смерти Иоанновой, думая, что следствием ее будут междоусобия между Василием и племянником Димитрием, которого многочисленные приверженцы успеют освободить. Но они обманулись в своей надежде: сторона Димитрия не тронулась, и этот князь умер в тесном заключении в 1509 году. Мы видели также, что, обманувшись в надежде на Димитрия, Сигизмунд литовский попытался было поднять против Василия родного брата его, – и эта попытка осталась без успеха. Неуспех здесь, однако, происходил от бессилия удельных князей, а не от нежелания их высвободиться от тех отношений, в которые новый порядок вещей ставил их к старшему брату, к великому князю. В 1511 году великий князь узнал, что брат его, Семен калужский, хочет бежать в Литву. Василий велел ему явиться в Москву; Семен, видя, что умысел его открыт, предугадывая, что готовится ему в Москве, начал просить старшего брата о помиловании посредством митрополита, владык и других братьев. Великий князь простил Семена, но переменял у него всех бояр и детей боярских. Семен умер в 1518 году.

Касательно отношений Василия к другому его брату, князю Димитрию Ивановичу, до нас дошел любопытный памятник-наказные речи Ивану Шигоне, как тот должен был говорить Димитрию от имени великого князя наедине: «Брат! Сам рассуди, хорошо ли ты делаешь? Помнишь, как нам отец наш приказал между собою жить? Я приказывал тебе, чтоб ты удовлетворил нас в козельских делах и в деле Ушатого; а ты не только не исполнил нашего требования, но еще опять посылал на землю Ушатого, велел его деревни грабить, а нам с нашими детьми боярскими ответ прислал не такой, какой следовало тебе прислать. А на ту грамоту, что мы послали к тебе с Федором Борисовым, ты и вовсе нам никакого ответа не дал; теперь же еще хуже того с нами поступил: прислал к нам такого паробка, какого тебе не следовало к нам присылать, и прислал его с грамотою, в которой говорится о великих делах. Не знаю, какое я тебе бесчестие, какую обиду нанес? А ты ко мне так отвечал с нашими детьми боярскими и в грамоте своей так к нам писал: разве так отцу отвечают и в грамоте пишут?» Здесь великий князь, вооружаясь против старинных притязаний удельных князей, хочет сам опереться на старину, по которой младшие братья должны были считать старшего отцом. Димитрий умер в 1521 году.

Об отношениях великого князя Василия к брату его Юрию Ивановичу мы получаем некоторые сведения из челобитной Ивана Яганова, посланного в Дмитров для наблюдения за поступками князя Юрия; из этой челобитной узнаем, что при дворе Юрия были дети боярские, которые чрез Яганова давали знать великому князю о замыслах его брата. В начале княжения Иоанна IV Яганов был заключен в оковы за ложные вести и по этому случаю писал свою челобитную. «Прежде, – пишет Яганов, – служил я, государь, отцу твоему, великому князю Василию: что слышал о лихе и о добре, то все государю сказывал, а которые дети

боярские князя Юрья Ивановича приказывали к отцу твоему со мною великие, страшные, смертоносные дела, и я обо всех этих делах государю объявлял, и отец твой меня за то взялся жаловать своим жалованьем, а ковать меня и мучить за то не приказывал; велел он мне своего дела везде искать, и я, ищучи государева дела и земского, с дмитровцами кой-что из именишка своего истерял. А что я слышал у тех же детей боярских на попойке жестокую речь вместе с Яковом, ту речь я и Яков сказали твоим боярам; я не знаю, спяну ли они говорили или по глупости; мне было в те поры уши свои не смолою забить, я что слышал, то и сказал, точно так же как прежде отцу твоему служил и сказывал; а если б я не сказал этих речей, жестоких речей, и кто бы другой их мимо меня сказал, то меня бы казнили. Не сказали жестоких речей на Якова Дмитриева отцу твоему Башмак Литомин да Губа Дедков, и отец твой хотел их казнить. А в записи твоей целовальной написано: слышав о лихе и о добре, сказать тебе, государю, и твоим боярам. Так тот ли добрый человек, кто что слышал да не скажет? А не хотел бы я тебе, государю, служить, так я бы и у князя Юрия выслужил. Отец твой, какую речь кто ему скажет, будет сойдется, и он ее ставил в дело, а будет не сойдется на дело, и он пускал мимо ушей; а кто скажет, того не наказывал и суда ему не давал в своем деле. Я, государь, тебя и твою мать, благоверную великую княгиню Елену, от нескольких смертоносных напастей избавлял; я же нынче за тебя кончаю в муках живот свой». Из жития св. Иосифа Волоцкого узнаем, что однажды великому князю Василию донесли на брата Юрия, будто он собирается отъехать в Литву; по просьбе Юрия Иосиф вступился в дело, отправил в Москву двух иноков своего монастыря – Кассиана и Иону – ходатайствовать пред великим князем за Юрия, и ходатайство было успешно.

Этому-то брату Юрию великий князь должен был оставить престол за неимением собственных детей: великая княгиня Соломония была бесплодна. Тщетно несчастная княгиня употребляла все средства, которые ей предписывались знахарями и знахарками того времени, – детей не было, исчезала и любовь мужа. Однажды, говорит летописец, великий князь, едуци за городом и увидав на дереве птичье гнездо, залился слезами и начал горько жаловаться на свою судьбу. «Горе мне! – говорил он. – На кого я похож? И на птиц небесных не похож, потому что и они плодовиты; и на зверей земных не похож, потому что и они плодовиты; и на воды не похож, потому что и воды плодовиты: волны их утешают, рыбы веселят». Взглянувши на землю, сказал: «Господи! Не похож я и на землю, потому что и земля приносит плоды свои во всякое время, и благословляют они тебя, господи!» Вскоре после этого он начал думать с боярами, с плачем говорил им: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать? Но они и своих уделов устроить не умеют». На этот вопрос послышался ответ между боярами: «Государь князь великий! Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда». Так думали бояре, которые действительно могли бояться за будущность государства, если б оно досталось князю, не умевшему распорядиться и малым уделом; так думали люди, приверженные к Василию и к установленному при нем порядку вещей, люди сильные при Василии, надеявшиеся сохранить свое положение при сыне его и боявшиеся злой участи при брате, который нерасположение свое к старшему брату должен был распространить и на всех верных слуг последнего. Разумеется, первый голос в этом деле принадлежал митрополиту; преемник Симона митрополит Варлаам

вследствие неприятностей с великим князем оставил митрополию и был заточен в один из северных монастырей; на его место был избран Даниил, игумен Иосифова Волоцкого монастыря и верный преданию этого монастыря, которое состояло в беспредельной приверженности к великому князю Василию; Даниил одобрил развод. Но были люди, смотревшие иначе на дело: одни смотрели на него как на дело чисто церковное и по религиозной совестливости боялись, будет ли законна уступка интересу государственному; другие, потомки князей литовских и русских, могли не одобрять развода по особым причинам: им не нравилось утверждение власти государей московских, которым они принуждены были служить наравне с другими, им не нравились внушения Софии Палеолог, которой они приписывали новые отношения, для них неприятные; они боролись против Софии, не хотели допустить к престолу ее сына, но София восторжествовала, и сын ее, Василий, успел довершить дело отца своего, явился монархом, каким не был ни один монарх на всем земном шаре, эти люди должны были с удовольствием видеть, что престол твердого, верного родительским преданиям и потому сильно нелюбимого ими Василия достается князю слабому, не умевшему распоряжаться и собственным уделом, при котором, следовательно, будет больше простора старинным притязаниям княжеским и дружинным. Главным противником развода явилось лицо, уже нам известное: мы видели, что вследствие торжества Софии и сына ее, Василия, над противною им партией главы этой партии, князья Патрикеевы и Ряполовские, подверглись опале: Ряполовские были казнены, Патрикеевы-отец Иван Юрьевич с сыном Василием Косым – пострижены в монахи; князь Василий Патрикеев, в монашестве Вассиан, в княжение Василия был переведен из Кириллова Белозерского монастыря в московский Симонов; великий князь оказывал ему большое уважение за ум, образованность, позволил ему иметь сильное влияние на дела церковные; но теперь, когда возник важный вопрос о разводе, Вассиан вооружился против него всем своим новым значением, как старец опытный в делах церковных; вместе с Вассианом Патрикеевым вооружился против развода князь Семен Курбский, которого внук, знаменитый князь Андрей, явился впоследствии таким жарким защитником старых княжеских и дружинных прав, таким злым порицателем Софии и ее сына; мнение Курбского и Патрикеева поддерживал и знаменитый Максим Грек.

Несмотря, однако, на это сопротивление, в ноябре 1525 года был объявлен развод великого князя с Соломониею, которую постригли под именем Софьи в Рождественском девичьем монастыре и потом отослали в суздальский Покровский монастырь. Так как на это дело смотрели с разных точек зрения, то неудивительно, что до нас дошли о нем противоречивые известия: в одних говорится, что развод и пострижение последовали согласно с желанием самой Соломонии, даже по ее просьбе и настоянию; в других, наоборот, пострижение ее представляется делом насилия; распустили даже слухи, что скоро после второго брака великого князя у Соломонии родился сын Георгий. В январе следующего 1526 года Василий женился на Елене, дочери умершего князя Василия Львовича Глинского, родной племяннице знаменитого князя Михаила; выбор замечательный, ибо действительно Елена, воспитанная иначе, чем тогдашние московские боярышни, имела более средств нравиться. Через три года, 25 августа 1530, Елена родила первого сына, Иоанна, потом через год и несколько месяцев – второго сына, Георгия.

Но едва минуло старшему малютке, Иоанну, три года, как отец его, великий князь Василий, занемог предсмертною болезнию. После выхода крымцев из московских областей, в сентябре 1533 года, Василий с женою и с детьми отправился в Троицкий монастырь к 25 числу, к празднику чудотворца Сергия; от Троицы поехал на Волок-Ламский, чтоб потешиться любимую своею забавою, охотою, и на дороге, в селе Озерецком, заболел: на левом стегне на сгибе показалась багровая болячка с булавочную головку. В первых числах октября великий князь приехал в Волоколамск уже в большом изнеможении; в тот же день он еще мог быть на пиру у одного из любимцев своих, тверского дворецкого Ивана Юрьевича Шигоны Поджогина; но на другой день с большою нуждою дошел до бани и за столом сидел в постельных хоробах также с нуждою. На следующий день была превосходная для охоты погода – великий князь не утерпел, послал за ловчими и поехал в село свое Колпь; дорогою охота была неудачна, и Василий все жаловался на боль. Приехавши в Колпь, он сел за стол, но сидел с нуждою; несмотря, однако, на это, послал к брату Андрею Ивановичу звать его на охоту и, когда тот приехал, отправился в поле с собаками, но ездил немного, не далее двух верст от села; возвратившись с охоты в Колпь, обедал вместе с братом и тут в последний раз сидел за столом; с этих пор он принимал немного пищи уже в постели. Видя усиление болезни, он послал за князем Михаилом Львовичем Глинским и за двумя лекарями своими, иностранцами Николаем и Феофилом. По совету с князем Глинским, который, как видно, был во всем опытен, лекаря начали прикладывать к болячке пшеничную муку с пресным медом и лук печеный; от этого болячка начала рдеть и загниваться. Прожив две недели в Колпи, великий князь захотел возвратиться в Волок; на лошади ехать он не мог, боярские дети и княжата несли его пешком на руках. В Волоке великий князь велел прикладывать мазь; стало выходить много гною, боль увеличилась, в груди начала чувствоваться тягость; лекаря дали ему чистительное, но это средство не помогло, аппетит пропал. Тогда великий князь послал стряпчего своего Мансурова и дьяка Меньшого Путятину тайно в Москву за духовною грамотою отца своего и за своею, которую написал перед отъездом в Новгород и Псков, в Москве не велел об этом сказывать никому, ни митрополиту, ни боярам. Когда грамоты были привезены, Василий велел прочитать их себе тайно от братьев, бояр и от князя Глинского, после чего свою духовную велел сжечь. Потом велел Путятину опять принести духовные грамоты, призвал Шигону Поджогина и советовался с ним и с Путятиным, кого из бояр допустить в думу о духовной и «кому приказать свой государев приказ»; из бояр на Волоке были тогда с великим князем: князь Димитрий Федорович Бельский князь Иван Васильевич Шуйский, князь Михайло Львович Глинский да двое дворецких-князь Кубенский и Шигона. Приехал брат Василиев, князь Юрий Иванович; но великий князь скрывал от него свою болезнь и не хотел, чтоб он долго оставался в Волоке, несмотря на все желание Юрия остаться; младший же брат, князь Андрей Иванович, остался при больном. Между тем из болячки вышло гною больше таза, вышел стержень больше полторы пяди, но не весь; великий князь обрадовался, думал, что получит облегчение от болезни; начали прикладывать к болячке обыкновенную мазь, и опухоль опала. Когда приехал из Москвы боярин Михайло Юрьевич Захарьин, за которым посылали, то великий князь начал думать с боярами и с дьяками, как ему ехать в Москву, и приговорил ехать с Волока в любимый его Иосифов монастырь; поехал он в

каптане, где была постлана постель; в каптане сидели с ним князь Шкурлятев и князь Палецкий, которые переворачивали его со стороны на сторону, потому что сам он двигаться не мог. Когда приехали в Иосифов монастырь, Шкурлятев и Палецкий взяли великого князя под руки и повели в церковь; здесь дьякон, начавши читать ектению за государя, не мог продолжать от слез, игумен и вся братия горько плакали и молились, великая княгиня с детьми, бояре и все люди рыдали. Когда начали обедню, великий князь вышел и лег на одре на паперти, где и слушал службу. Переночевав в монастыре, Василий поехал в Москву, а брата Андрея отпустил в его удел; решено было, что больной въедет в Москву тайно, потому что в это время здесь было много иноземцев и послов. 21 ноября великий князь приехал в подмосковное свое село Воробьево и пробыл здесь два дня, страдая от жестокой болезни; митрополит, владыки, бояре, дети боярские приезжали навещать его. Василий приказал наводить мост на Москве-реке под Воробьевым, против Новодевичьего монастыря, потому что река еще не крепко стала, и на третий день выехал из Воробьева в каптане, запряженной двумя санниками (лошадьми, приученными ходить в санях), но, как скоро лошади начали входить на мост, мост обломился, каптану же дети боярские успели удержать от падения, обрезав гужи у санников. Больной должен был возвратиться назад, посердился на городничих, смотревших за строением моста, но опалы на них не положил; потом он уже въехал в Москву на пароме под Дорогомилуком. В тот же самый день приехал брат его, князь Андрей Иванович.

Расположившись в дворце, великий князь призвал к себе бояр – князя Василия Васильевича Шуйского, Михайлу Юрьевича Захарьина, Михайлу Семеновича Воронцова, казначея Петра Ивановича Головина, дворецкого Шигону-и велел при них писать духовную грамоту дьякам своим-Меньшому Путятину и Федору Мишуруину; потом в думу о духовной грамоте к прежним боярам прибавил еще князя Ивана Васильевича Шуйского, Михайлу Васильевича Тучкова и князя Михайлу Львовича Глинского; последнего, поговоря с боярами, прибавил он потому, что он был родной дядя великой княгине Елене; в это же время приехал в Москву князь Юрий Иванович. По написании духовной Василий начал думать с митрополитом Даниилом, владыкою коломенским Вассианом и духовником своим, протопопом Алексеем, о пострижении, потому что давно была у него эта мысль; еще на Волоке он говорил духовнику и старцу Мисаилу Сукину: «Смотрите, не положите меня в белом платье; хотя и выздоровлю – нужды нет, мысль моя и сердечное желание обращены к иночеству»; и платье с Волока велел взять с собою в дорогу готовое; на пути приказывал Шигоне и Путятину то же самое, чтоб не положили его в белом платье. Тогда же великий князь тайно приобщался и маслом соборовался, а в субботу перед Николиным днем соборовался уже явно; на другой день в воскресенье велел приготовить себе служебные дары; когда дали знать, что их несут, встал с постели, опираясь на боярина Михайлу Юрьевича Захарьина, и сел в кресла; когда же вошел духовник с дарами, Василий стал на ноги, приобщился со слезами и лег в постель, после чего, призвав к себе митрополита, братьев Юрия и Андрея, всех бояр, начал говорить: «Приказываю своего сына, великого князя Ивана, богу, пречистой богородице, святым чудотворцам и тебе, отцу своему, Даниилу, митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которым меня благословил отец мой; а вы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, стойте крепко в своем слове, на чем вы мне

крест целовали, о земском строении и о ратных делах против недругов моего сына и своих стойте сообща, чтоб православных христиан рука была высока над бусурманством; а вы, бояре, боярские дети и княжата, как служили нам, так служите и сыну моему, Ивану, на недругов все будьте заодно, христианство от недругов берегите, служите сыну моему прямо и неподвижно». Отпустивши братьев и митрополита, умирающий стал говорить боярам: «Знаете и сами, что государство наше ведется от великого князя Владимира киевского, мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре: так постойте, братья, крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государем, чтоб была в земле правда и в вас розни никакой не было; приказываю вам Михайлу Львовича Глинского, человек он к нам приезжий; но вы не говорите, что он приезжий, держите его за здешнего уроженца, потому что он мне прямой слуга; будьте все сообща, дело земское и сына моего дело берегите и делайте заодно; а ты бы, князь Михайло Глинский, за сына моего Ивана, и за жену мою, и за сына моего князя Юрья кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал».

Великий князь очень скорбел и изнемогал, но боли не чувствовал; рана не увеличивалась, только дух от нее был тяжек. Василий призвал князя Михайлу Глинского, двоих лекарей своих, Николая и Феофила, и спрашивал у них, чего бы прикладывать к болячке или что бы такое пустить в рану, чтоб духу не было. Боярин Михайло Юрьевич Захарьин, утешая его, начал говорить: «Государь князь великий! Обождавши день-другой, когда тебе немного полегчает, пустить бы водки в рану». Больной обратился к лекарю Николаю и сказал ему: «Брат Николай! Видел ты мое великое жалованье к себе: можно ли что-нибудь такое сделать, мазь или другое что, чтоб облегчить мою болезнь?» Николай отвечал: «Видел я, государь, к себе жалованье твое великое; если б можно, тело бы свое раздробил для тебя, но не вижу никакого средства, кроме помощи божией». Тогда великий князь сказал детям боярским и стряпчим своим: «Братья! Николай узнал мою болезнь: неизлечимая! Надобно братья, промышлять, чтоб душа не погибла навеки». Стряпчие и дети боярские заплакали горько, тихо для него, но, вышедши вон, громко зарыдали и были как мертвые. Больной забылся, во сне вдруг запел: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже!», потом, проснувшись, начал говорить: «Как господу угодно, так пусть и будет, буди имя господне благословенно отныне и до века». 3 декабря, со вторника на среду, приказал духовнику держать наготове запасные дары. В это время пришел игумен троицкий Иоасаф, и великий князь сказал ему: «Помолись, отец, о земском строении и о сыне моем Иване и о моем согрешении: дал бог и великий чудотворец Сергей мне вашим молением и прошением сына Ивана; я крестил его у чудотворца, вручил его чудотворцу и на раку чудотворцеву его положил, вам сына своего на руки отдал; так молитесь бога, пречистую его мать и великих чудотворцев о Иване, сыне моем, и жене горемычной; а ты, игумен, прочь не ездь, из города вон не выезжай». В среду опять приобщился, с постели при этом встать уже не мог, но под плечи подняли его; после причастия поел немного. Потом призвал бояр-князей Василья и Ивана Шуйских, Воронцова, Михайлу Юрьевича, Тучкова, князя Михайлу Глинского, Шигону, Головкина, дьяков-Путятину и Мишурина, и были они у него от третьего часа до седьмого, все наказывал им о сыне, о устройении земском, как быть и править государством; когда все другие бояре ушли, остались трое: Михаил Юрьев, Глинский и Шигона-и были у него до самой ночи; им приказывал о

великой княгине Елене, как ей без него быть, как к ней боярам ходить, и о всем им приказал, как без него царству строиться. Пришли братья-Юрий и Андрей-и начали принуждать больного, чтоб чего-нибудь поел; он велел подать миндальной каши и только к губам поднес. Братья вышли, но Андрея великий князь велел воротить и начал говорить ему, Юрьеву, Глинскому и Шигоне: «Вижу сам, что скоро должен умереть, хочу послать за сыном Иваном, благословить его крестом Петра-чудотворца, да хочу послать за женою, наказать ей, как ей быть после меня; но нет, не хочу посылать за сыном, мал он, а я лежу в такой болезни-испугается». Князь Андрей и бояре стали уговаривать его: «Государь князь великий! Пошли за сыном, благослови его и за великой княгиней пошли». Больной согласился. Брат великой княгини, князь Иван Глинский, принес ребенка на руках, за ним шла мама Аграфена Васильевна; великий князь благословил сына и наказал маме: «Смотри, Аграфена, от сына моего Ивана не отступай ни пяди!» Когда ребенка вынесли, ввели великую княгиню: едва могли удерживать ее брат великокняжеский Андрей Иванович и боярин Челяднин, билась и плакала горько. Великий князь утешал ее, говорил: «Жена! Перестань, не плачь, мне легче, не болит у меня ничего но благодарю бога»; и в самом деле он уже не чувствовал никакой боли. Когда Елена немного утихла, то начала говорить: «Государь князь великий! На кого меня оставляешь, кому детей приказываешь?» Василий отвечал: «Благословил я сына своего Ивана государством и великим княжением, а тебе написал в духовной грамоте, как писалось в прежних грамотах отцов наших и прародителей, как следует, как прежним великим княгиням шло». Елена просила, чтоб великий князь благословил и младшего сына-Юрия; Василий согласился, благословил его крестом Паисиевским, о вотчине же сказал: «Приказал я и в духовной грамоте написал, как следует». Хотел он поговорить с женою, как ей жить после него, но от ее крика не успел ни одного слова сказать; она не хотела выходить из комнаты, но от крика Василий принужден был насильно велеть ее вывести, поцеловавшись с нею в последний раз. После этого великий князь послал за владыкою коломенским Вассианом и старцем Мисаилом; спросил о кирилловском игумене, потому что прежде он думал постричься в Кирилловом монастыре, но ему сказали, что кирилловского игумена нет в Москве; тогда послал за троицким игуменом Иоасафом. В это время пришел к больному Даниил-митрополит, братья, все бояре и дети боярские; митрополит и владыка Вассиан стали говорить, чтоб великий князь послал за образом Владимирской богородицы и св. Николая Гостунского; образа принесли; великий князь послал Шигону к духовнику, чтоб тот принес из церкви дары служебные, и велел его спросить: «Бывал ли он при том, когда душа разлучается от тела?» Протопоп отвечал, что мало бывал. Тогда великий князь велел ему войти в комнату и стать против него, а стряпчему Федору Кучецкому велел стать с протопопом рядом, потому что Федор видел преставление отца его, великого князя Ивана; дьяку крестовому Данилу велел петь канон мученице Екатерине да канон на исход души и отходную велел себе говорить. Когда дьяк запел канон, больной немного забылся, потом проснулся и начал говорить, как будто видя видение: «Великая Христова мученица Екатерина, пора царствовать; так, госпожа, царствовать»; очнувшись совершенно, взял образ великомученицы Екатерины, приложился к нему и к мощам той же святой, которые принесли ему тогда; подозвал к себе боярина Михайлу Семеновича Воронцова, поцеловался с ним и простил его. Долго еще он лежал после того;

духовник подошел, хотел ему дать причастие, но он сказал ему: «Видишь сам, что лежу болен, а в своем разуме; но когда станет душа от тела разлучаться, тогда мне дай дары; смотри же рассудительно, не пропусти времени». Потом, подождавши еще немного, подозвал к себе брата Юрия и сказал ему: «Помнишь, брат, как отца нашего великого князя Ивана не стало на другой день Дмитрова дни, в понедельник, немощь его томила день и ночь? И мне, брат, также смертный час и конец приближается». Подождавши еще немного, подозвал Даниила митрополита, владыку коломенского Вассиара, братьев, бояр и сказал: «Видите сами, что я изнемог и к концу приблизился, а желание мое давно было постричься; постригите меня». Митрополит и боярин Михаил Юрьевич хвалили это желание; но другое говорили князь Андрей Иванович, Михайло Семенович Воронцов и Шигона: «Князь великий Владимир киевский умер не в чернецах, а не сподобился ли праведного покоя? И иные великие князья не в чернецах преставились, а не с праведными ли обрели покой?» И был между ними спор большой. Великий князь подозвал к себе митрополита и сказал ему: «Исповедал я тебе, отец, всю свою тайну, что хочу монашества; чего так долежать? Сподоби меня облещись в монашеский чин, постриги меня». Потом, еще немного подождав, сказал: «Так ли мне, господин митрополит, лежать?» Начал креститься и говорить: «Аллилуия, аллилуия, слава тебе, боже!» Говорил также из икосов, слова выбирая. Конец его приближался, язык стал отниматься, но умирающий все просил пострижения, брал простыню и целовал ее; правая рука уже не могла подниматься, боярин Михаил Юрьевич поднимал ее ему, и Василий не переставал творить на лице крестное знамение, смотря вверх направо, на образ богородицы, висевший передним на стене. Тогда Даниил-митрополит послал старца Мисаила, велел принести монашеское платье в комнату; отрицание же великий князь исповедал митрополиту еще в то время, когда приобщался в воскресенье, тогда еще сказал: «Если не дадут меня постричь, то на мертвого положите монашеское платье, потому что это давнее мое желание». Когда старец Мисаил пришел с платьем, то больной уже приближался к концу; митрополит, взявши епитрахиль, подал через великого князя троицкому игумену Иоасафу. Но князь Андрей Иванович и боярин Воронцов стали и тут противиться пострижению; тогда митрополит сказал князю: «Не будь на тебе нашего благословения ни в сей век, ни в будущий; хорош сосуд серебряный, а лучше позолоченный». Великий князь отходил; спешили совершить пострижение; близ умирающего стоял Шигона, который потом рассказывал, как дух вышел из него в виде тонкого облака.

Так скончался великий князь Василий, в монашестве Варлаам, 3 декабря 1533 года, с середины на четверг, в 12-й час ночи. Поднялся плач и рыдание неутешное во всех людях; митрополит и бояре унимали людей от плача, но голосов их было не слышать; великая княгиня еще не знала о кончине мужа, потому-то бояре унимали людей от громкого плача, чтоб не было слышно в хоробах у Елены; митрополит, отведши братьев великого князя, Юрия и Андрея, в переднюю избу, взял с них присягу служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери, великой княгине Елене, жить в своих уделах, стоять в правде, на чем целовали крест великому князю Василию, а государства под великим князем Иваном не хотеть и людей от него. не отзывать, против недругов, латинства и бусурменства стоять прямо, сообща, заодно; взята была также присяга с бояр, боярских детей и княжат. Исполнивши это дело, митрополит с удельными князьями и боярами

отправился к великой княгине утешать ее, но Елена, увидав их, упала замертво и часа с два лежала без чувств.

У тела Васильева оставались в это время игумен троицкий Иоасаф и старец Мисаил Сукин; монахи Иосифова монастыря одевали покойника по иноческому образу, положили под него постель черную, тафтяную, принесли из Чудова монастыря одр и положили на него тело. Когда великий князь преставился, то дьяки его крестовые с протопопом начали служить заутреню, часы, каноны, как было при живом; по совершении этих служб пущен был народ прощаться: боярские дети, княжата, гости и всякие люди, и был плач большой между всеми. Утром на другой день, в четверг, митрополит велел звонить в большой колокол; бояре велели выкопать для покойного могилу подле отца и привезли гроб каменный; когда все было готово, монахи троицкие и иосифовские вынесли на головах тело при пении: «Святый боже». Когда снесли на площадь, то вопль народный заглушил звон колоколов; великую княгиню Елену вынесли в санях на себе дети боярские; подле нее шли двое князей Шуйских, Иван и Василий, боярин Воронцов, князь Михаил Глинский и боярыня княгиня Мстиславская.

Старую духовную грамоту великий князь сжег, как мы видели: она была написана еще до развода с первою женою; новая, предсмертная, также не дошла до нас; дошел только договор Василия с братом Юрием, написанный совершенно в старых формах, точно так же как был написан договор между ними еще при жизни отца, Иоанна III; Юрий по-прежнему обязался держать племянника Иоанна старшим братом и господином. Из приведенного рассказа о кончине Василия ясно можно усмотреть, однако, недоверчивость, которую питал великий князь к брату Юрию и которая объясняется просьбою Яганова и взаимно объясняет ее. Гораздо дружественнее были отношения великого князя к другому брату, Андрею; это могло зависеть как от характера Андрея, так преимущественно и от того, что он был младший и при жизни Юрия не мог и не имел выгоды предпринимать что-нибудь против великого князя и его сына, следовательно, не мог возбуждать такой подозрительности, как старший, Юрий, которому труднее было отказаться от недавних прав дядей пред племянниками; мы знаем о неприятных столкновениях великого князя с братьями Юрием, Димитрием, Семеном, но не знаем ничего о неприятностях с Андреем. Правление Василия обыкновенно называют продолжением правления Иоаннова-отзыв справедливый в том смысле, в каком правление Иоанна можно назвать продолжением правления князей предшествовавших. Издавна одно предание, одни стремления и цели передавались друг другу всеми князьями московскими и даже вообще всеми князьями Северной Руси; мало того, что эти князья имели одинакие цели, они употребляли обыкновенно одинакие средства для их достижения. Отсюда все эти князья поразительно похожи друг на друга, сливаются в один образ, являются для историка как один человек. Действительно ли было так, действительно ли все они были так похожи друг на друга? Ничто не мешает нам предполагать основного родового сходства в их характерах: кроме кровной передачи на образование одинаких характеров имела могущественное влияние самая одинаковость положения, одинаковость среды, в которой они все обращались, под впечатлениями которой они вырастали и скреплялись. Для каждого из них с самого нежного возраста выдвигались на первый план одни и те же, немногие, но важные предметы, на которых сосредоточивалось всеобщее внимание, о которых

все говорило и при обращении с которыми издавна употреблялись одинакие приемы; в этих приемах заключалась единственная наука для молодых-мудрость дедов и отцов, переходившая по завещанию. Мы замечаем, что родовое сходство резко выражается в членах тех фамилий, которые сознают важность своего общественного положения, стараются сохранить эту важность, имеют известные, определенные нравственные и политические взгляды и начала, по которым стараются постоянно действовать. Итак, во всех князьях московских могло быть общее родовое сходство в характерах; хотя, с другой стороны, мы не имеем права отрицать и различия: при одинаковости общих взглядов и стремлений один князь мог при этих стремлениях обнаружить более смысла и решительности, другой – менее; но по характеру наших источников исторических мы не имеем достаточно средств подметить эти различия и определить характеры главных действующих лиц, правителей, ибо в памятниках редко исторические лица представляются мыслящими, чувствующими, говорящими перед нами-одним словом, живыми людьми; сами эти лица действуют большею частию молча, а другие люди, к ним близкие, знавшие их хорошо, ничего нам об них не говорят.

Признавая все важное значение деятельности Иоанна III, мы, однако, не сочли себя вправе резко отделять эту деятельность от деятельности предков Иоанновых, уменьшать в пользу одного князя заслуги целого ряда предшествовавших князей. В XVIII веке, при первых попытках обработки отечественной истории, легко было увлечься некоторыми громкими явлениями и смешать следствие с причиною, отсюда понятно, почему в XVIII веке могло образоваться мнение, что Иоанн III соединил до него раздробленную Россию в одно целое и свергнул татарское иго; но мы, зная, что соединение Северо-Восточной Руси началось с усиления Москвы, т.е. с Иоанна Калиты или, вернее, с брата его, Юрия Даниловича, и почти кончилось при Василии Темном, ибо при нем было последнее княжеское междоусобие; зная, что Иоанну III потому было так легко подчинить себе Новгород, что последний не мог получить помощи ни от одного уже князя Северо-Восточной Руси; зная все это, мы не можем уже сказать, что соединение раздробленной России есть дело Иоанна III; зная, что Димитрий Донской разбил Мамаю и принужден был заплатить тяжелую дань Тохтамышу; зная в то же время, что Иоанн III не разбивал Ахмата, по смерти которого, однако, татары с Волги не приходили к Москве заданью, мы необходимо должны заключить о внутреннем постепенном ослаблении татар, должны заключить, что Димитрий Донской имел дело хотя с потрясенным, но еще довольно сильным телом, а Иоанн III имел дело с одною уже тенью. Событие остается по-прежнему на своем месте, зависимость от татар вполне прекратилась действительно в княжение Иоанна III; но мы не можем уже смешивать следствия с причиною: мы видим, что обширные размеры, в которых является деятельность Иоанна III, суть следствие деятельности его предшественников, что основания величия России были положены прежде Иоанна, но что за последним остается важная заслуга-уменьше продолжать дело предшественников при новых условиях.

Не возвышая значения Иоанна III в ущерб значению предшественников его, мы не считаем себя также вправе возвышать или уменьшать значения Василия Иоанновича относительно значения отца его. Видим одно предание и один характер; все согласны, что Василий не был так счастлив, как Иоанн; это, разумеется, не может отнять достоинства у сына, ибо, чем больше препятствий,

тем выше заслуга. Как господствующие черты характера замечаем в Василии необыкновенное постоянство, твердость в достижении раз предположенной цели, терпение, с каким он истощал все средства при достижении цели, важность которой он признал. Это видно в войнах казанских, в постоянстве усилия для овладения Смоленском, в постоянстве искания союза крымского и турецкого; верность раз принятым началам видна особенно в том, что как ни дорожил он приязнию крымского хана, однако ни за что не соглашался обязываться срочную посылкою определенной суммы денег в Крым, ибо это имело бы вид дани. Что же касается до ближайшего знакомства с характером Василия, то для этого мы имеем только один памятник; к сожалению, этот драгоценный памятник, изображающий нам Василия как живого человека, есть изображение Василия умирающего, изображение его предсмертных дней, которое мы привели во всей подробности. Само собою разумеется, что поведение человека в последние дни его жизни и именно при сознании, что это последние дни, как то было с Василием, не может дать нам вполне верного понятия о прежнем поведении человека; но мы должны воспользоваться тем, что у нас есть.

Василий занемог, едучи с богомолья из Троицкого, монастыря на охоту в Волок-Ламский: это были две постоянные цели поездок великого князя. В характере Василия замечаем более живости, более склонности к движению, к перемене мест, чему отца его, Иоанна, который, по словам знаменитого его современника, Стефана молдавского, любил сидеть спокойно на одном месте, а между тем владения его увеличивались со всех сторон. Василий, кроме Троицкого монастыря, ездил на богомолье в Переяславль, Юрьев, Владимир, Ростов, к Николе на Угрешу, в Тихвин, Ярославль, Вологду, Кириллов монастырь, к Николе Заразскому. Другую целью поездок была охота, к которой Василий был страстен: занемогши трудною болезнию, он, однако, не утерпел, когда наступила благоприятная для охоты погода, и выехала поле с собаками; любимым местом для охоты был у него Волок-Ламский, который, однако, он стал посещать не ранее 1515 года, то есть года два спустя по смерти последнего волоцкого князя Федора Борисовича; в 1519 он пробыл в Волоке от 14 сентября до 26 октября; ездил на потеху также в Можайск; лето Василий любил проводить за городом; любимыми подмосковными местами его были: Остров, Воробьеве и Воронцове; в 1519 году, в мае, он выехал из Москвы к Николе на Угрешу, оттуда в Остров, где жил до Петровок, а потом все лето провел в Воронцове. Отношения Василия к Иосифову монастырю живо выставляются в рассказе, что дьякон, начавши молиться за великого князя, не мог продолжать от слез, игумен и братия также плакали; князь Курбский лучше всего объясняет нам эту картину, близко соединяя в своей вражде Василия с монахами Иосифова монастыря, говоря, что эти монахи были подобны Василию. Видим в Василии живое сочувствие к господствующему интересу времени, интересу религиозному, сочувствие к монастырю, который имел для лучших людей неотразимую привлекательность, как лучшее, избранное общество, занимавшееся высшими вопросами жизни: сюда люди более живые, более развитые, более способные обращать внимание на любопытные вопросы жизни, шли за разрешением этих вопросов, за умною беседою вообще; здесь они могли всегда узнать что-нибудь для них важное, ибо здесь собирались книги, здесь сосредоточивалось тогдашнее просвещение, здесь складывалось духовное,

умственное оружие, необходимость которого в важных борьбах и тогда хорошо понимали.

Три монастыря пользовались особенным расположением Василия: Иосифов Волоцкий был ему близок по отношениям к основателю, находился под его особенным покровительством, отличался приверженностью к его лицу; но самая эта близость отношений и недавняя знаменитость монастыря не могли внушить великому князю такого высокого уважения, какое он питал к монастырям Кириллову Белозерскому и Сергиеву Троицкому; иноческая жизнь в первом особенно его прельщала, так что он выражал желание постричься здесь; Троицкий монастырь по святости и государственному значению основателя не переставал пользоваться всеобщим великим уважением. «Вашиими молитвами, – говорил Василий троицкому игумену, – дал мне бог сына, я крестил его у чудотворца, поручил его ему, положил ребенка на раку преподобного; вам, отец, я своего сына на руки отдал». Прежде, обращаясь к митрополиту, братьям и боярам, великий князь сказал: «Приказываю сына богу, богородице, святым чудотворцам и тебе, отцу своему, Даниилу, митрополиту всея Руси»; не прибавил, что приказывает братьям, к которым обратился только с напоминанием о их обязанностях к племяннику, о клятве, ими данной. Мысль о малолетстве сына, о возможности смут по этому случаю сильно беспокоила умирающего. «Молись, отец, о земском строении», – говорил он троицкому игумену.

Жены и сына не было долго у постели больного; причина вскрывается: он боялся своим изнеможенным видом сокрушить жену, испугать сына; пока еще оставалась надежда на выздоровление, он не хотел с ними видаться, дожидаясь возможности сказать жене утешительное слово, показаться не в столь страшном виде. Будучи здоров, он желал нравиться молодой жене и для этого даже обрил себе бороду. Когда надежда на выздоровление исчезла, больной решился благословить старшего сына крестом Петра-чудотворца, соединяя с этим действием особенную силу, которой не хотел лишить своего наследника; но и тут было раздумал, боясь испугать своим видом малютку; все заботы, все мысли о будущем сосредоточивались у больного на одном старшем сыне, великом князе, наследнике престола; но если для отца-государя мысль о старшем сыне была преобладающею, то мать не могла забыть и о младшем сыне, настояла, чтоб отец благословил и этого малютку. Высказавшиеся здесь семейные отношения Василия дополняются немногими дошедшими до нас письмами его к Елене. В одном письме великий князь заботливо спрашивает у жены о ее здоровье: «От великого князя Василья Ивановича всея Руси жене моей Елене. Я здесь, дал бог, милостию божиею и пречистыя его матери и чудотворца Николы жив до божьей воли; здоров совсем, не болит у меня, дал бог, ничто. А ты б ко мне и вперед о своем здоровье отписывала, и о своем здоровье без вести меня не держала, и о своей болезни отписывала, как тебя там бог милует, чтоб мне про то было ведомо. А теперь я послал к митрополиту да и к тебе Юшка Шеина, а с ним послал к тебе образ – Преображенье господа нашего Иисуса Христа; да послал к тебе в этой грамоте запись свою руку; и ты б эту запись прочла да держала ее у себя. А я, если даст бог, сам, как мне бог поможет, непременно к Крещенью буду на Москву. Писал у меня эту грамоту дяк мой Труфанец, и запечатал я ее своим перстнем». Собственноручная записка великого князя, к сожалению, не дошла до нас. Второе письмо великого князя к Елене есть ответное на уведомление ее, что у маленького

Иоанна показался на шее веред: «Ты мне прежде об этом зачем не писала? И ты б ко мне теперь отписала, как Ивана-сына бог милует и что у него такое на шее явилось, и каким образом явилось, и как давно, и как теперь. Да поговори с княгинями и боярынями, что это такое у Ивана-сына явилось и бывает ли это у детей малых? Если бывает, то отчего бывает? С роду ли или от иного чего? О всем бы об этом ты с боярынями поговорила и их выспросила да ко мне отписала подлинно, чтоб мне все знать. Да и вперед чего ждать, что они придумают, – и об этом дай мне знать; и как ныне тебя бог милует и сына Ивана как бог милует, обо всем отпиши». Елена отвечала, что веред прорвался; Василий писал к ней опять: «И ты б ко мне отписала, теперь что идет у сына Ивана из больного места или ничего не идет? И каково у него это больное место, поопало или еще не опало, и каково теперь? Да и о том ко мне отпиши, как тебя бог милует и как бог милует сына Ивана. Да побаливает у тебя полголовы, и ухо, и сторона: так ты бы ко мне отписала, как тебя бог миловал, побаливало ли у тебя полголовы, и ухо, и сторона, и как тебя ныне бог милует? Обо всем этом отпиши ко мне подлинно». Четвертое письмо-ответное на уведомление Елены о болезни второго сына Юрия: «Ты б и вперед о своем здоровье и о здоровье сына Ивана без вести меня не держала и о Юрье сыне ко мне подробно отписывай, как его станет вперед бог миловать». В пятом письме пишет: «Да и о кушанье сына Ивана вперед ко мне отписывай: что Иван сын покушает, чтоб мне было ведомо».

Мы видели, что, по свидетельству Герберштейна, Василия кончил то, что начато было отцом его, вследствие чего властью своею над подданными он превосходил всех монархов в целом свете, имел неограниченную власть над жизнью, имуществом людей, как светских, так и духовных; из советников его, бояр, никто не смел противоречить или противиться его приказанию; по известию Герберштейна, русские торжественно провозглашали, что воля государева есть воля божия, что государь есть исполнитель воли божией; о деле неизвестном говорили: «Знает то бог да великий князь». Когда Герберштейн спросил седого старика, бывшего великокняжеским послом в Испании, зачем он так суетился во время приема послов, то он отвечал: «Сигизмунд! Мы служим своему государю не по-вашему». Когда боярин Берсень Беклемишев позволил себе противоречить Василиеву мнению относительно Смоленска, то великий князь сказал ему: «Ступай, смерд, прочь, не надобен ты мне». Встречаем известия, что в важных делах великий князь рассуждал в думе с братьями и боярами, но в то же время встречаем известие, что Василий о важных делах рассуждал, запершись сам-третей с любимцами, приближенными к себе людьми. К объяснению этих известий служит тот же драгоценный памятник-повествование о кончине Василия; здесь мы видим, что самым приближенным к великому князю человеком был тверской дворецкий Шигона Поджогин, потом доверенностию его пользовались дьяки Мансуров, Путятин, Цыплятев, Курицын, Раков, Мишурин; то же расположение к дьякам мы увидим после и у сына Васильева, Иоанна IV; Мансуров и Путятин посланы были тайно за духовными грамотами; тайно от братьев и от бояр великий князь велел сжечь эти прежние духовные, о чем знали только Шигона и Путятин; потом, начавши думать о новой духовной, Василий, сказано, пустил к себе в думу Шигону и Путятину, следовательно, думал сам-третей; с этими двумя приближенными людьми он стал думать, кого бы еще пустить в думу о духовных грамотах. Имеем право заключать, что так бывало и в

других случаях: братья великокняжеские и бояре, все или некоторые, допускались к рассуждению о делах на предварительном совещании великого князя с доверенными людьми. Когда по приезде уже в Москву Василий решил приступить к предсмертным распоряжениям, то призвал бояр-князя Василия Васильевича Шуйского, Михаила Юрьевича, Михаила Семеновича Воронцова, казначея Петра Головина, Шигону, дьяков Путятину и Мишурина; потом прибавлены были в думу боярекнязь Иван Васильевич Шуйский, Михайло Васильевич Тучков, и, наконец, после совещания с этими боярами был присоединен князь Михайло Глинский по родству с великою княгинею. Таким образом, мы видим здесь всех вельмож двора Василиева, которых великий князь считал нужным призвать к совещанию о будущих судьбах государства; здесь, как ясно видно, поставлены они по степени их знатности, и первое место занимает князь Шуйский. Мы видели, что в княжение предшественников Василиевых долго первенствовала фамилия князей Гедиминова рода-Патрикеевых; старшая линия пала при Иоанне III, младшая осталась; первое место после князя Ивана Юрьевича Патрикеева с званием воеводы московского занял князь Василий Данилович Холмской, зять великого князя, второе место – князь Данило Васильевич Щеня-Патрикеев. Но Холмского скоро постигла участь Патрикеевых: летом 1508 года летописец упоминает о походе князя Василия Даниловича к Брянску против литовцев, а осенью говорит о его заточении в тюрьму и о смерти. Причин не знаем; видим только, с какою опасностью сопряжено было в это время первое место – место воеводы московского. Звание Холмского принял следовавший за ним князь Данило Васильевич Щеня, о котором упоминается в последний раз в 1515 году. На втором после Щени месте видим князя Димитрия Владимировича Ростовского на третьем-князя Василия Васильевича Шуйского, на четвертом – сына старика Щени, князя Михайлу Даниловича Щенятева. Кто носил звание воеводы московского по смерти старика Щени, с точностью не знаем; при конце княжения Василиева в числе приближенных к нему бояр на первом месте видим князя Василия Васильевича Шуйского, который прежде занимал третье место; по всем вероятностям, он носил звание воеводы московского. Шуйские, потомки князей суздальских-нижегородских, так долго отстаивавших свою самостоятельность от князей московских, Шуйские, один из которых, князь Василий Гребенка, был последним воеводою вольного Новгорода, после других Рюриковичей вступили в службу московских князей и были в тени при Иоанне III; только в княжение сына его они добиваются первенствующего положения. Второе место после Шуйского занимает не князь, но потомок одной из древнейших московских боярских фамилий, Михаил Юрьевич Кошкин. Мы видели, что, несмотря на сильный приплыв княжеских фамилий Рюриковичей и Гедиминовичей к московскому двору, Кошкины успешнее других боярских родов сдерживали этот напор, не позволяли себе слишком удаляться от первых мест и были, таким образом, представителями древних московских боярских фамилий, имевших такое важное значение в истории собирания Русской земли. Мы видели, что Яков Захарьевич Кошкин занимал третье место в думе Иоанна III, после князя Холмского и Щени; теперь племянник его, сын Юрия Захарьевича, не хотевшего уступать князю Щене-Патрикееву, Михаил Юрьевич, занимает уже второе место в ближней думе великого князя Василия. Что Михаил Юрьевич был из числа самых близких и приверженных людей к Василию, это ясно видно из рассказа о кончине

великого князя: последний послал за ним, когда еще находился в Волоколамске; Михаил Юрьевич заботливо ухаживает за больным, утешает его надеждою, что через день или два получит облегчение; Михаил Юрьевич вместе с Шигоною присутствует при благословении сыновей, при прощании с женою; Михаил Юрьевич держит сторону митрополита, одобряет намерение великого князя постричься перед смертью; Михаил Юрьевич поднимает ослабевшую руку умирающего для крестного знамения.

После Михаила Юрьевича Кошкина, на третьем месте, видим потомка другой древней и знаменитой боярской фамилии – Михаила Семеновича Воронцова, происходившего от Федора Воронцова-Вельяминова, брата последнего тысяцкого; как видно, между великим князем и Воронцовым были какие-то неприятности, ибо сказано, что умирающий подозвал Воронцова к себе, поцеловался с ним и простил его. Казначей Петр Иванович Головин удерживал место отца своего, известного нам боярина Иоаннова, Ивана Владимировича Головы-Ховрина; наконец, видим Михаила Васильевича Тучкова происходившего из рода Морозовых. Это были члены ближней думы, люди более доверенные; но были члены других княжеских и боярских фамилий, не менее знаменитых, но пользовавшиеся меньшим доверием; так, после совещания с поименованными приближенными лицами великий князь призвал к себе всех остальных бояр, князя Димитрия Бельского с братьями, Шуйских-Горбатых (суздальских, родственников Шуйским), Поплевиных (Морозовых).

Мы видели, что еще Иоанн III взял с князя Холмского клятвенную грамоту-не отъезжать; от времени Василия дошло до нас несколько таких грамот-знак, что при усилении нового порядка вещей приверженцы старины крепко держались за обветшалое право отъезда и, не имея возможности отъезжать к русским князьям, считали для себя дозволенным отъезд в Литву. Князь Василий Васильевич Шуйский дал запись: «От своего государя и от его детей из их земли в Литву, также к его братьям и никуда не отъехать до самой смерти». Такие же записи взяты были с князей Димитрия и Ивана Федоровича Бельских и с князя Воротынского. Число князей Гедиминовичей при московском дворе умножил в княжение Василия знатный выходец, князь Федор Михайлович Мстиславский, отъехавший из Литвы в 1526 году; как вел себя Мстиславский в новом отечестве, видно из его клятвенной записи: «Я, князь Федор Михайлович Мстиславский, присылал из Литвы к великому князю Василию, государю всея Руси, бить челом, чтоб государь пожаловал, велел мне ехать к себе служить; и великий государь меня, холопа своего, пожаловал, прислал ко мне воевод своих и велел мне к себе ехать. Как я приехал, государь меня пожаловал, велел мне себе служить и жалованьем своим пожаловал. После того сказали государю, что я думаю ехать к Сигизмунду-королю; государь меня и тут пожаловал, опалы своей на меня не положил, а я государю ввел порукою по себе Даниила митрополита и все духовенство, целовал крест у гроба чудотворца Петра и дал на себя грамоту за митрополичью печатью, что мне к королю Сигизмунду, к братьям великокняжеским, их детям и ни к кому другому не отъехать, а служить мне государю своему, великому князю Василию, и добра ему хотеть; государь меня пожаловал великим своим жалованьем, отдал за меня свою племянницу, княжну Настасью. И я, князь Федор, преступивши крестное целование, позабывши, что ввел по себе порукою Даниила митрополита, позабывши жалованье государя,

хотел ехать к его недругу, Сигизмунду королю; государь по моей вине опалу свою на меня положил. Я за свою вину бил челом государю чрез Даниила митрополита и владык; государь по прошенью и челобитью митрополита, архиепископов, епископов и всего духовенства меня, своего холопа, пожаловал, вину мне отдал». Мстиславский обязывается в своей новой грамоте: «Думы государя и сына его, князя Ивана, не проносить никому: судить суд всякий в правду, дело государей своих беречь и делать его прямо, без всякой хитрости». Но М. А. Плещеев, которого также великий князь простил по ходатайству митрополита, обязуется в своей записи: «Если кто-нибудь станет мне говорить какие речи на лицо моего государя, о его великой княгине Елене и их детях, станет говорить о лихом зелье, чтоб дать его им, или какое-нибудь другое злое дело захочет сделать, то мне к лиходеям государя своего не приставать, с ними не говорить и не думать и не делать мне того самому» и проч. И Василий по примеру отца не довольствовался одною порукою духовенства, но требовал денежного ручательства: так, князя Глинского выручили трое вельмож в 5000 рублям, и за этих поручников поручились еще 47 человек; двойная же порука была и за Шуйских. Таковы были меры против отъездов; строгие меры предпринимались также против людей, которые толковали о другом дружинном праве, праве совета: мы видели, что Берсень Беклемишев подвергся опале за то, что смел противоречить великому князю; недовольный боярин жаловался на перемены, произведенные Софиею и ее сыном; жалобы эти имели следствием то, что Берсеню отрубили голову; дьяк Федор Жареный, который осмелился также жаловаться, был бит кнутом и лишился языка. Строго наказывалась и отговорка от службы: дьяк Третьяк Далматов, которому велено было ехать послом к императору Максимилиану, объявил, что не имеет средств к этой поездке; его схватили и заточили навеки на Белоозеро, имение отобрали в казну.

Титул Василия был следующий: «Великий государь Василий, божиею милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, смоленский, тверский, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода Низовской земли и черниговский, и рязанский, и волоцкий, и ржевский, и бельский, и ростовский, и ярославский, и белозерский, и удорский, и обдорский, и кондинский, и иных». Титул царя употреблялся в тех же случаях, как и при Иоанне III. В письмах к великому князю от людей незначительных со времени Василия попадаются уменьшительные уничижительные имена: так, великий князь приговорил однажды с боярами отправить в Крым послом незначительного человека, среднего, и послали Илью Челищева, который в грамотах своих к великому князю подписывался: «Холоп твой, Илейка Челищев, челом бьет», тогда как другой посол, сын боярский Шадрин, подписывался: «Васюк»; в грамотах от великого князя к ним обоим писали так: «Нашему сыну боярскому, Василью Иванову, сыну Шадрина, да ближнему нашему человеку Илейке Челищеву».

Мы видели, что Иоанн III в завещании своем постановил, чтоб монета чеканилась только во владениях великого князя, в Москве и Твери, а не в уделах.

Источники доходов для казны великокняжеской вообще были те же самые, как и прежде; упоминается пошлина, не встречавшаяся прежде, — туковые деньги. Что касается Руси Литовской, то из грамоты короля Сигизмунда 1507 года получаем понятие о сборе серебщизны, король пишет, что для великой потребности

государевой и земской на Городенском сейме наложили на всю землю, как на духовных, так и на светских людей, серебщизну: от каждой сохи волевой – по 15 грошей, от конской – по 7 1/2 грошей от человека, который сох не имеет, от земли – по шести грошей, от огородника-по три гроша; о государевых доходах в Литовской Руси можно получить также понятие из уставных грамот короля Сигизмунда, данных Могилеву и Гродну; во-первых, государский приход: 300 коп широких грошей, четыре рубля грошей бобровщины, четыре рубля грошей яловщины; три рубля грошей восковых, от старца серебряного – 15 коп грошей широких, от медового старца-0 коп, скотного серебра на третий год – 20 рублей грошей, тиунщины – 80 коп грошей, за корчмы могилевские – 104 копы; серебщизна дается на третий год, сколько положит государь; державца королевский берет каждый год: въездного – 50 коп грошей, полюдованья (полюдья), если в волость не поедет, – 50 коп грошей, тиунщины из королевской суммы берет половину. В Гродненской грамоте читаем: «Когда по дворам гродненским жито будет сжато, то староста должен отдать челяди нашей невольной месячину на весь год, а потом с жита и ярового всякого хлеба берем на себя две части, а на старосту идет третья часть; две части, которые берем на себя, должны быть поставлены в наших гумнах и без нашего ведома не могут быть тронуты; озера все в повете Гродненском и езы по рекам принадлежат нам; тиун гродненский по всей волости должен собирать на нас лен по старине». О хозяйстве в землях королевских и доходах с них можем иметь понятие из уставной грамоты державцам и урядникам королевских волостей, приписных к виленскому и троицкому замкам, 1529 года: немедленно после жатвы из полученного жита прежде всего должно заплатить церковные десятины там, где они постановлены; потом должно отложить на сторону то жито, которое должно пойти на посев будущего года; далее, должно быть отложено количество хлеба для раздачи месячины челяди невольной; потом из того, что останется, две части на короля, а третью на державца; из ярового хлеба державцы берут себе четвертую часть, отложивши три королю, на посев и на раздачу; жито, оставшееся на гумнах дворов королевских, весною должно продаваться; в небытность короля огородными овощами пользуются державцы, когда же сам король приедет, то овощи идут на его кухню; льну должно сеять такое количество, чтоб каждая женщина, получающая месячину, давала ежегодно постав полотна в 50 локтей и проч.; челяди невольной противопоставляются подданные, люди тяглые, которые обязаны летом работать с весны, когда начинают пахать под яровое, до дня св. Симона Иуды; а от этого срока на зиму державцы, оставивши часть работников для дворовых надобностей, остальных сажают на оброк, который состоит или в бочке пшеницы, или в ведре; бояре путные и осочники, которые издавна обязаны ходить на войну и косить сено, также рыболовы, бортники, кузнецы и другие подданные дворов королевских, которые тяглой службы не служат, обязаны отправлять полевые работы двенадцать дней в лето. Пустые земли державцы обязаны отдавать в наймы за деньги или за меду; рыба, ловимая в озерах, продается: две трети вырученных за нее денег идет в казну королевскую, треть-державцу; произведения лесов – смола, зола и проч. – сполна принадлежат казне королевской; мыты речные, перевозки, капщизны, мельницы, куничное, пошлины с варки пива и меду идут на короля, торговое и поборное, мясное и другие – на державца; державец обязан заботиться о стадах и платить, если по его

недосмотру случится ущерб; обязан выбирать добрых и верных урядников дворных-заказников, старцев, тиунов, приставов, сорочников, гуменников. Жители Жмудской земли по уставной грамоте 1529 года обязаны были платить ежегодно куницы, за каждую куницу – по 12 грошей, а державцам и тиунам, которые будут собирать куничные деньги, обязаны давать по три пенязя; кроме того, обязаны платить в казну ежегодно от каждой сохи волевой по полукопью (30 грошей), а от конской сохи – по 15 грошей; а у кого не будет сох ни волевых, ни конских, а только земли, те обязаны давать по 10 грошей с каждой службы; потом должны давать за бочку овса шесть грошей, за воз сена – два гроша; в королевский проезд обязаны поставлять для короля живность, овес, сено, мед, пиво.

Из обычаев московского двора времен великого князя Василия мы имеем описание посольского приема и торжественного обеда во дворце. В день представления значительных послов запирались все лавки и мастерские, жители толпились на дороге, по которой проезжали послы; толпы увеличивались еще дворовыми людьми боярскими и ратными людьми, которых собирали по этому случаю из окрестных волостей; это делалось для того, чтоб дать послам высокое понятие о многочисленности народонаселения, о могуществе великого князя. Послы должны были сходить с лошадей в некотором расстоянии от лестницы, ибо сходить с коня у самой лестницы мог один только великий князь. Начиная с середины лестницы выходили навстречу к послам вельможи, все более и более значительные, которые подавали руки и целовались с послами. При входе послов в палату, где сидел великий князь с знатнейшими боярами, последние вставали (если присутствовали братья великокняжеские, то они не вставали, но сидели с непокрытыми головами, а бояре – в шапках), и один из бояр докладывал великому князю о послах, говоря: «Такой-то и такой-то (имена послов) челом бьет». Великий князь сидел на возвышенном месте с открытою головою; на стене висел образ в богатой ризе, с правой стороны на скамье лежала шапка, с левой – посох, украшенный крестом. Толмач переводил посольские речи; при имени государей, от которых правилось посольство, великий князь вставал и по окончании речей спрашивал о здоровье их, после чего послы подходили к руке; великий князь спрашивал их, хорошо ли доехали, и приказывал им садиться, для чего приготавлилась скамья против великого князя; послы, поклонившись великому князю и потом на все стороны (ибо бояре все это время стояли), садились. Если послы и члены их свиты привозили подарки (поминки), то после описанных обрядов боярин, представлявший послов, вставал и, обратившись к великому князю, громким голосом говорил, что такой-то посол челом бьет таким-то поминком, и между тем дьяк записывал подарки и имена дарителей. Посидевши немного, великий князь обращался к послам с приглашением к обеду, и этим обряд представления оканчивался. При входе в обеденную палату послы заставляли великого князя и бояр уже сидящими за столом; при входе послов бояре вставали, послы кланялись на все стороны и занимали назначенное для них место, на которое сам великий князь указывал им рукою. Столы были накрыты кругом, в середине находился поставец, наполненный золотыми и серебряными бокалами. На столе, за которым сидел великий князь, по обе стороны столько было оставляемо пустого места, сколько мог занять великий князь распростертыми руками; если братья великокняжеские присутствовали за обедом, то старший

садился по правую, младший-по левую сторону; ниже удельных князей сидели князья служилые и бояре; но между удельными князьями и служилыми оставлялось также пустое место, еще несколько шире, чем между великим князем и его братьями; против великого князя на особом столе садились послы; ниже, опять чрез известной величины промежутков, помещалась их свита; далее сидели те чиновники, которые ездили за послами на подворье, наконец, люди незнатные, приглашенные по особенной милости великого князя. По столам были расставлены уксусницы, перечницы, солонки. При начале обеда великий князь из своих рук посылал послам хлеб, причем и послы и все присутствующие вставали, кроме братьев великокняжеских; послы кланялись великому князю и на все стороны. Высшая почесть состояла в том, если великий князь кому-нибудь из присутствующих пошлет соли, ибо посылка хлеба означает только благосклонность, посылка же соли – любовь. В знак благосклонности кроме хлеба великий князь посылал от себя и другие кушанья, причем нужно было каждый раз вставать и кланяться на все стороны – это брало много времени и утомляло не привыкших к такому обычаю послов. Из кушаньев упоминаются жаркие лебеди, которых ели с уксусом, перцем, солью, сметаной, солеными огурцами; из напитков-мальвазия, греческое вино и разные меды; сосуды, как большие, так и малые, были из чистого золота. Великий князь очень ласково разговаривал за обедом с послами, потчивал их, предлагал разные вопросы. Иногда для показания особенной дружбы к государю, от которого были послы, великий князь после стола пил за его здоровье. Обед продолжался три и четыре часа; после обеда великий князь не занимался уже никакими важными делами.

15 августа, в день Успения, Герберштейн видел великого князя в соборной церкви: он стоял у стены подле двери на правой стороне, опирался на посох, в правой руке держал шапку.

Дошло до нас описание свадьбы великого князя Василия. В средней палате наряжены были два места, покрытые бархатом и камками, положены были на них изголовья шитые, на изголовьях-по сороку соболей, а третьим сороком опахивали жениха и невесту; подле поставлен был стол, накрытый скатертью, на нем были калачи и соль. Невеста шла из своих хором в среднюю палату с женою тысяцкого, двумя свахами и боярынями, перед княжною шли бояре, за боярами несли две свечи и каравай, на котором лежали деньги. Пришедши в среднюю палату, княжну Елену посадили на место, а на место великого князя посадили ее младшую сестру; провожатые все сели также по своим местам. Тогда послали сказать жениху, что все готово; прежде его явился брат его, князь Юрий Иванович, чтоб рассказать бояр и детей боярских; распорядившись этим, Юрий послал сказать жениху: «Время тебе, государю, идти к своему делу». Великий князь, вошедши в палату с тысяцким и со всем поездом, поклонился святым, свел с своего места невестину сестру, сел на него и, посидевши немного, велел священнику говорить молитву, причем жена тысяцкого стала жениху и невесте чесать голову, в то же время богоявленскими свечами зажгли свечи женихову и невестину, положили на них обручи и обогнули соболями. Причесавши головы жениху и невесте, надевши невесте на голову кичу и навесивши покров, жена тысяцкого начала осыпать жениха и невесту хмелем, а потом соболями опахивать; великого князя дружка, благословясь, резал перепечу и сыры, ставил на блюдах перед женихом и невестою, перед гостями и посылал в рассылку, а невестин дружка раздавал

ширинки. После этого, посидевши немного, жених и невеста отправились в соборную Успенскую церковь венчаться, свечи и караваи несли перед санями. Когда митрополит, совершавший венчание, подал жениху и невесте вино, то великий князь, допивши вино, ударил сткляницу о землю и растоптал ногою; стекла подобрали и кинули в реку, как прежде велось; после венчания молодые сели у столба, где принимали поздравления от митрополита, братьев, бояр и детей боярских, а певчие дьяки на обоих клиросах пели новобрачным многолетие. Возвратившись из Успенского собора, великий князь ездил по монастырям и церквам, после чего сел за стол; перед новобрачными поставили печеную курицу, которую дружка отнес к постели. Во время стола споры о местах между присутствовавшими были запрещены. Когда новобрачные пришли в спальню, жена тысяцкого, надев на себя две шубы, одну как должно, а другую навыворот, осыпала великого князя и княгиню хмелем, а свахи и дружки кормили их курицею. Постель была постлана на тридевяти ржаных снопах, подле нее в головах в кадке с пшеницею стояли свечи и караваи; в продолжение стола и во всю ночь конюший с саблею наголо ездил кругом подклета; на другой день, после бани, новобрачных кормили у постели кашею.

С такими же обрядами была совершена и свадьба младшего брата великокняжеского, князя Андрея Ивановича, женившегося на дочери князя Андрея Хованского; разница была в том, что здесь великий князь, как старший брат, заступал место отца и все делалось с его благословения. Князь Андрей бил челом великому князю о позволении жениться; Василий, давши позволение, за неделю до свадьбы пошел к обедне в Успенский собор, а оттуда отправился к митрополиту и, объявив ему о намерении брата, просил благословения. К князю Юрию послал сказать: «Хотим Андрея брата женить, и ты б, брат наш, поехал ко мне и к Андрею брату на свадьбу». Передавая брату молодую жену, великий князь говорил ему: «Андрей брат! Божиим велением и нашим жалованьем велел бог тебе жениться, взять княжну Евфросинью; и ты, братец Андрей, свою жену, княгиню Евфросинью, держи так, как бог устроил».

Мы видели, как при новом порядке вещей, при утверждении единовластия, затруднительна стала выдача замуж дочерей великокняжеских; на руках Василия после отцовской смерти осталась незамужняя сестра Евдокия; скоро, в 1506 году, представился случай выдать ее замуж не за боярина; пленный казанский царевич Кудайкул, сын Ибрагимов, брат Алегамов, изъявил желание принять христианство, был окрещен торжественно в Москве-реке, назван Петром, а через месяц был обвенчан на Евдокии; мы видели, что дочь его от этого брака, племянница великого князя, была выдана за выезджего князя Мстиславского. Петр дал клятву в верной службе великому князю и детям его и, как царевич, занимал постоянно важное место, наперед всех князей и бояр.

Что касается состава двора великокняжеского московского при Василии, то мы встречаем по-прежнему бояр и бояр-окольничих, из чего ясно, что последнее слово было вначале прилагательное к существительному «боярин»; встречаем и другую форму: боярин и окольничий такой-то; в описании переговоров с императорскими послами находим любопытное замещение слова «бояре» словом советники, после которых непосредственно следуют окольничие: «Которые будут с вами речи явные от Максимилиана, и вы те речи говорили на посольстве самому государю; а которые с вами речи тайные, и государь наш вышлет к вам советников

своих и окольных, и вы тайные речи скажите советникам и окольным государским». Герберштейн так говорит о значении окольного: «Окольный занимает должность претора, или судьи, от великого князя назначенного, иначе это-верховный советник (*supremus consiliarius*), который всегда находится подле великого князя». Мы не должны признать этого свидетельства вполне справедливым, ибо на основании русских известий не можем видеть в окольном верховного советника; но мы можем догадаться, почему Герберштейн приписывает ему такое значение, если это был действительно человек, постоянно находившийся при великом князе, непосредственный исполнитель его приказаний, если великий князь являлся не иначе как в сопровождении окольных или окольных, если во время похода, поездов великого князя окольные ехали вперед по станам, всем распоряжались. Переводя на наш язык, мы не можем назвать окольных иначе как свитою великого князя. Пред смертью своею Василий в такой форме обращается ко двору своему: «Вы, бояре и боярские дети и княжата! Как служили нам, так теперь и вперед служили бы сыну моему». При дворе Василия встречаем оружничего, ловчего, крайчего, стряпчих, рынд, подрынд, ясельничего. Из лиц правительственных встречаем городничих, которых в Москве было несколько: на их ответственности, как мы видели, было построение моста через Москву-реку для проезда больного великого князя. Видим, что бояре выезжали в поход с своим двором, своими дворянами. Встречаем в разрядных книгах местнические случаи, к сожалению, без подробностей, без означения причин, почему известные лица не хотели быть вместе с другими; например, в 1519 году был суд окольному Андрею Никитичу Бутурлину с Андреем Микулиным, сыном Ярова, на Волоке-Ламском; по суду князь великий окольного Бутурлина оправил, Андрея Ярова обвинил и правую грамоту на него пожаловал, дал; или писал князь Михаил Васильевич Горбатый, что быть ему непригоже для князя Федора Оболенского-Лопаты да для боярина Ивана Бутурлина, и князю Михаилу писано, что был на службе и служба эта ему без мест; такой же ответ получил князь Михайла Курбский, писавший против тех же самых лиц, и Андрей Бутурлин, писавший против Курбского.

По одним иностранным свидетельствам, число московского войска при Василии простиралось до 400000 человек, преимущественно конницы, по другим – превышало 150000. Каждые два или три года служилые люди, дети боярские, подвергались пересмотру по областям, дабы правительство могло знать их число и сколько каждый из них мог выставить служителей и лошадей; лошади у них мелкие, мерины; немногие имеют шпоры, большая часть употребляет нагайки. Обыкновенное оружие состоит из луков, стрел, секир и кистеней; мечи имеют только знатные и богатые; употребляют также длинные кинжалы наподобие ножей; хотя в одно и то же время держат в руках повода, лук, меч, стрелы и нагайку, однако ловко управляют со всеми этими вещами; употребляли также и копьё. Знатнейшие имеют кольчуги, латы, нагрудники и шлемы. Пехоту и артиллерию никогда не употребляют в битвах, потому что все движения войска совершаются необыкновенно быстро. Великий князь Василий в первый раз вывел в поле пехоту и артиллерию, когда после нашествия Магмет-Гиреева выступил в поход для воспрепятствования татарам вторично переправиться за Оку; прежде у него было 1500 человек пехоты, набранной из Литвы и других пришельцев. Состоя преимущественно из конницы, московское войско должно было носить

характер восточных конных ополчений: смело нападало, но недолго выдерживало; по словам Герберштейна, оно как будто говорило врагам: «Бегите, или мы побежим». Города редко брали приступами или действиями осадных орудий; обыкновенно принуждали к сдаче долгими осадами. По словам Герберштейна, татарин, свергнутый с коня, лишенный оружия, тяжело раненный, все еще обороняется до последнего издыхания руками, ногами, зубами, чем только может; турок, видя себя в безнадежном положении, начинает смиренно умолять врага о помиловании; московский ратник не обороняется и не просит помилования. Для лагерей выбирали обширное место, где знатнейшие раскидывали палатки, другие же строили себе шалаши из прутьев и крыли их войлоками; лагеря не укреплялись ни рвами, ни чем другим, разве сама местность защищала их лесом, рекою, болотом. Герберштейн с удивлением говорит о том, как мало нужно московскому ратнику в походе. Кто имеет шесть или более лошадей, на одной уместит все жизненные припасы, которые состоят в небольшом количестве толокна, ветчины и соли, у богатых к этому присоединяется еще перец; этою пищею довольствуется и господин и слуги, последние иногда по два или по три дня остаются без пищи. Понятно, что это относилось к тем случаям, когда негде и нечего было взять. Вступая в битву, говорит Герберштейн, московские полки более надеются на многочисленность, чем на искусство; особенно стараются окружать неприятеля, заходить ему в тыл. В полках много было музыкантов: когда все они начинали дуть в трубы по старому отцовскому обычаю, то слышался странный концерт; употребляли еще другой инструмент-сурны. На знамени великокняжеском изображался Иисус Навин, останавливающий солнце.

Из русских известий о войске замечателен рассказ псковского летописца об участии его земляков во втором Смоленском походе: приехал великий князь под Смоленск со всеми своими силами, а с городов были пищальники, и на псковичей накинули 1000 пищальников, а псковичам этот рубеж (набор, от рубить – набирать войско) необычен, и было им очень тяжело. Приехали пищальники псковские под Смоленск да и земцы (землевладельцы) псковские, которые еще не были сведены тогда с своих отчин; великий князь воеводами к псковским пищальникам и земцам приставил прежних посадников псковских, выведенных из Пскова. Пищальники псковские и других городов пошли на приступ, а посоха понесли примет. Из этого рассказа видим, что городское народонаселение продолжало участвовать в походах, поставляя пищальников; сельское народонаселение участвовало, поставляя посошных, или посоху, и видим значение этих посошных, видим, что они употреблялись для работ: когда пищальники и земцы пошли на приступ, посошные понесли примет; наконец, видим, что спустя довольно долгое время после покорения Пскова последовал вывод тамошних земцев с их отчин, которые, без сомнения, отданы были в поместья московским служилым людям.

Как из иностранных, так и из своих свидетельств видим, что наряд (артиллерия) находился в ведении иностранцев: в Казанском походе упоминаются трое иностранных пушкарей; один из них-италианец Бартоломей принял православие и пользовался особенным расположением великого князя. При нападении Магмет-Гирея в Москве упоминается немецкий пушкарь Никлас, в Рязани-Иордан; неизвестно, какого происхождения был пушкарь Стефан, действовавший при осаде Смоленска.

При Василии в первый раз встречаем известие о приказах: именно в грамоте Успенскому Владимирскому монастырю 1512 года. По-прежнему видим раздачу волостей и городов в кормление с правом ведать и судить жителей; кормление давалось с правдою и без правды. Видим жалованье сел и деревень в поместья с правом суда, кроме душегубства и разбоя с поличным; в случае суда смежного великокняжеские наместники и тиуны судят вместе с помещиком или его приказчиком; в случае иска на самом помещике или его приказчике судит их сам великий князь или боярин введенный. Видим пожалованье сел и деревень впрок, в вотчину и детям с правом дарить, продать, променять, в закуп и по душе отдать. Встречаем пожалование дикими лесами с правом ставить в них себе дворы и перезывать посельников, которые освобождаются на 15 лет от пошлин. Дошла до нас грамота брата великокняжеского, Юрия Ивановича Дмитровского, содержащая позволение дворецкому его Вельяминову купить деревни с правом продавать, дарить и менять; необходимость такого позволения объясняется отношениями дворецких, ключников к князьям; вспомним прежние распоряжения о деревнях, купленных ключниками за ключом княжеским. В 1524 году Наум Кобель с товарищами били челом, что нашли они в Двинском уезде ключи соляные на лесу черном, дворов и пашней на тех местах не бывало никогда, от волости они за двадцать верст со всех сторон и никаких волостей угодья не пришли к тем местам; великий князь дал им право чистить соляные ключи, лес рубить, дворы ставить, пашни пахать, пожни чистить и людей к себе звать нетяглых и неписьменных (не переписанных), добрых, а не ябедников, не воров, не разбойников, которые из городов и из волостей выбиты. Иностранцы, вступавшие в службу великого князя, получали также поместья.

Относительно состояния служилого сословия в Западной Руси любопытна пожалованная грамота великого князя Василия жителям Смоленска, данная в 1514 году, когда еще все оставалось здесь по-прежнему, как было при литовском владычестве; о сохранении этой старины, сказано в грамоте, били челом владыка, Смоленской земли урядники, окольные, князья, бояре, мещане и черные люди. Здесь окольный является урядником, правительственным лицом, занимающим второе место после наместника: «Наши наместники и окольные и их люди, куда им случится ехать на свое дело или куда им случится послать: и им у мещан и у черных людей подвод не брать. От ябедников нашему наместнику и нашим окольным бояр, мещан и черных людей беречь. А кто человека держит в деньгах, и он того своего человека судит сам, а окольные в то у него по вступаются». Мы видели, что при дворе великого князя литовского слово бояре потеряло свое важное значение и заменилось словом паны, паны радные; отсюда бояре старых русских княжеств, подчинившихся литовским князьям, удержавши это название и оставшись в прежних областях, в своих отчинах, нисходили на степень областных служилых людей, тогда как слово окольный удержалось в значении правительственной должности, уряда; отсюда понятно, почему окольные, как урядники, занимают место выше бояр. Если таково было положение бояр в княжествах Смоленском, Полоцком, то понятно, до какой степени должны были низойти бояре мелких волостей, дружины мелких князей, которые сами низошли на очень низкую ступень, и мы не должны удивляться, если под именем бояр, бояр путных встретим служню при королевских замках, в имениях княжеских, панских и шляхетских.

В статуте своем король Сигизмунд на основании земских привилегий предшественников, Казимира и Александра, дал обещание оберегать Великое княжество Литовское и панов рад от всякого понижения; владений Великого княжества не только не уменьшать, но и возратить ему то, что несправедливо отнято; земель и должностей не раздавать чужеземцам; по заочному обвинению должностей не отнимать; старых прав шляхты и мещан не нарушать. Княжата, паны, шляхта и бояре могут выезжать из Великого княжества на службу в другие государства, кроме неприязненных, с тем, однако, чтоб от этого отъезда не терпела служба королевская. По смерти отцов сыновья и дочери имуществ отцовских и дедовских не лишаются. Простых людей над шляхтою король обещал не повышать. За побои, нанесенные шляхтичем шляхтичу, виновный платит двенадцать рублей грошей; если же виновный будет низшего сословия, то наказывается отсечением руки.

О военной службе в Литовской Руси можем иметь понятие из постановлений Виленского сейма в 1507 году: паны, княжата, земляне, вдовы и вся шляхта должны в имениях своих переписать всех своих людей и списки эти отдать под присягою королю, чтоб он знал, кто как будет с своего имения служить. Кто не выйдет на войну в положенный срок и в назначенное место, тот обязан заплатить за вину королю сто рублей грошей, если же кто, надеясь на свое богатство, и после сроку не приедет и не представит важной причины своему отсутствию, тот лишается жизни. Вдова платит также сто рублей пени, если опоздает прислать на войну слуг своих; если же и после сроку не пришлет по нерадению, то выгоняется из имения своего, которое переходит к ее детям или родственникам, если детей не будет. Кто уйдет с войны без ведома королевского или гетманского, тот казнится смертию. Принимая во внимание прежнее нерадение, вошедшее в обычай, что к назначенному сроку половина земли придет, а другая не придет, и всех не пришедших казнить смертию было бы очень жестоко, казнить же двух-трех, а других помиловать было бы крайне несправедливо; принимая это во внимание, сейм постановил: кто не приедет в назначенный срок, платит сто рублей; кто не приедет через неделю после сроку, казнится смертию. В 1507 году издана была окружная королевская грамота о власти и правах гетмана во время похода; гетман имел право казнить ратников смертию за грабеж, нанесение раны, утайку найденной вещи ценою выше полукопья, посечение дерева с пчелами, за побег. На Виленском сейме 1528 года положено было, что каждый владелец населенного имения обязан ставить с осьми человек (с каждых осьми служб людей) одного ратника на добром коне и в полном вооружении. В следующем году на Виленском же сейме издан был подробнейший устав: кто имеет семьсот служб, тот обязан выставить сто ратников (пахолков) добрых, конно и збройно; у кого четыреста служб, тот выставляет 50 пахолков; у кого только восемь служб, тот обязан сам ехать на службу; у кого меньше 8 служб, тот обязан сам ехать, только не на таком коне и не в таком вооружении, каких требует устав, а смотря по средствам своим. Слуги путные, данники, службы подляшские водочные сообща с людьми тяглыми обязаны также земскою службою. Освобождаются от нее места княжеские, панские и шляхетские, бояре их, шляхта и слуги дворные, также и огородники их. Убогие шляхтичи, не имеющие ни одного своего человека, обязаны ехать сами на службу, смотря по средствам своим. Статут 1529 года говорит, чтоб все подданные собирались под хоругвию поветовую в том повете, где имеют жительство; кто же

служит какому-нибудь пану, тот обязан этому пану выставить вместо себя кого-нибудь другого, не обязанного военной службою, а сам должен явиться под хоругвь поветовую, в противном случае лишается имения своего. Лицо духовное, держащее закупное имение, обязано само явиться на службу господарскую и земскую; если же будет владеть имением дедичным, то обязано выставлять с него людей на службу. Только доказанное болезненное состояние освобождает от службы; но отец может вместо себя выставить сына не моложе осьмнадцати лет и неотделенного, если только гетман признает молодого человека годным на военную службу.

Известия о козаках становятся все чаще и чаще в обеих половинах Руси. Мы видели, что одним из господствующих явлений древней русской жизни была колонизация-постепенное население пустынных пространств Восточной Европы и потом Северной Азии. Как обыкновенно бывает в странах колонизирующихся, усевшаяся часть народонаселения, предавшаяся постоянному труду земледельческому, выделяет из себя людей, которых характер и разные другие обстоятельства, находящиеся в большей или меньшей связи с их характером, заставляют выходить из общества и стремиться в новые, незанятые страны. Понятно, что эти люди, предпочитающие новое старому, неизвестное известному, составляют самую отважную, самую воинственную часть народонаселения; в истории колонизации они имеют великое значение как проводники колонизации, пролагатели путей к новым селищам. Отвага, нужная человеку, решившемуся или принужденному оставить родину, идти в степь, в неведомую страну, эта отвага поддерживается в нем жизнью в степи, где он предоставлен одним собственным силам, должен постоянно стоять настороже против степных хищников. Отсюда эти люди должны соединяться в братства, общины, для которых война служит главным занятием. Так границы государства населялись козаками. Происхождение последних всего лучше объясняется нам теми памятниками, в которых говорится о заселении пустынных пространств, — льготными грамотами, которые правительство давало населителям, например приведенная выше грамота Науму Кобелю с товарищами: «Имеет Наум право людей к себе звать на те места, нетяглых и неписьменных, добрых и не ябедников, не воров и не разбойников, которые из городов и волостей выбиты». Во-первых, мы видим, что заселителям земель можно было всегда найти таких людей, нетяглых и неписьменных, людей, не имеющих собственной земли, собственного хозяйства и долженствующих потому кормиться работою на чужих землях, при чужих хозяйствах, при чужих промыслах; а такие-то бездомовные люди именно назывались у нас козаками. Но понятно, что между этими людьми находилось много и таких, которые не хотели жить на чужих землях, в зависимости от чужих людей и предпочитали вести воинственную, опасную, но более привольную, разгульную жизнь в степи, на границах и далее, за границами государства; куда должны были деваться люди, выбывшие из городов и волостей, которых населители земель не имели права принимать к себе? Существование козаков как пограничного воинственного народонаселения было естественно и необходимо по географическому положению древней Руси, по открытости границ со всех сторон; на всех границах должныствовали быть и действительно были козаки, но преимущественно были они необходимы и многочисленны на степных границах, подвергавшихся постоянным и беспощадным нападениям кочевых хищников, где, следовательно,

никто не смел селиться, не имея характера воина, готового всегда отражать нападение, сторожить врага. Границы запаслись козаками, которые находились в большей или меньшей зависимости от государства, более или менее подчинялись его распоряжениям, смотря по тому, жили ли они на самых границах, так сказать под руками правительства, или углублялись все более и более в степи, удаляясь таким образом от надзора и влияния государства.

Понятно, почему в наших летописях прежде всего являются известия о козаках рязанских: юго-восточная, рязанская украинна более других стран подвергалась нападениям степных орд. В княжение Василия Иоанновича Московское государство употребляло этих козаков с пользою в сношениях с застепными народами – крымцами, турками. Когда правительство хлопотало об установлении безопасных сношений с Турциею, то спрашивали у рязанских козаков, в каком месте лучше сходитья ратным людям для передачи послов с рук на руки, и козаки, знавшие хорошо степь, указали это место. В описании посольства Морозова в Константинополь читаем: «Посланы с Иваном Морозовым козаки-рязанцы десять станиц, и список ему дан именной, где кого из них оставить: в Азове-четыре станицы, в Кафе-четыре станицы, в Царь-город с собою взять две станицы; которых козаков оставить в Азове и Кафе, и ему тем козакам приказать: если крымский царь захочет идти на великого князя украину, то станица ехала бы к великому князю, а другие оставались бы и ждали новых вестей, и какие еще вести будут, ехали бы к великому князю по станицам же, чтоб великий князь без вестей не был». Любопытно, что против наших русских козаков мусульманский мир от противоположной степной украинны выставлял также своих козаков; со времен Иоанна III азовские татарские козаки упоминаются как злые разбойники; Василий Иоаннович требовал от султана, чтоб тот запретил азовским и белгородским козакам подавать помощь Литве. Когда русский посол Коробов требовал, чтоб ему дали провожатых из Азова, то ему отвечали, что в Азове нет азовских козаков и дать ему некого. Известно, что у татар под именем козаков разумелся третий, самый низший отдел войска, состоявшего из уланов, князей и козаков.

На границах литовских в княжение Василия упоминаются козаки смоленские: король Сигизмунд не раз жаловался великому князю, что они нападали на литовские владения.

Если вследствие означенных причин явились козаки на границах, или украиннах, Московского государства, то не могли не явиться они на степной украинне Западной Руси, на украинне днепровской, тем более что здесь еще во время самостоятельного существования Руси видим много разноименных народцев, полукучевых, полуседлых, с воинственным характером, признающих власть князей русских, видим торков, берендеев, коуев, турпеев, которые носили общее название черных клобуков; летописец же говорит, что это название тождественно с названием черкас, которым малороссийские козаки постоянно называются в московских памятниках. Но если упомянутые народцы действительно составили зерно малороссийского козачества, то, с другой стороны, в Литовской Руси не было также недостатка в причинах, по которым к этому зерну присоединились многочисленные толпы козаков чисто русского происхождения, ибо днепровская украинна по географическому положению своему должна была быть издавна странюю военных поселений. От описываемого времени дошли до

нас любопытные известия о козаках малороссийских; хан Саип-Гирей так жаловался на них королю Сигизмунду: «Приходят козаки черкасские и каневские, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям; я много раз посылал к вашей милости, чтоб вы их остановили, но вы их остановить не хотели; я шел на московского: тридцать человек за болезнь вернулись от моего войска, козаки поранили их и коней побрали. Хорошо ли это: я иду на твоего неприятеля, а твои козаки из моего войска коней уведут? Я приязни братской и присяги сломать не хочу, но на те замки, Черкасы и Канев, хочу послать свою рать. А это знак ли доброй приязни братской? Черкасские и каневские властели пускают козаков вместе с козаками неприятеля твоего и моего (великого князя московского), вместе с козаками путивльскими по Днепру под наши улусы и, что только в нашем панстве узнают, дают весть в Москву; в Черкасах старосты ваши путивльских людей у себя на вестях держат; так на Москву из Черкас пришла весть за пятнадцать дней перед нашим приходом». Малороссийские козаки находились под ведомством старосты черкасского и каневского, а эту должность в описываемое время занимал известный Евстафий Дашкович.

Город в московских областях не изменил своего значения и внешнего вида в княжение Василия; по-прежнему он оставался местом убежища для окружного народонаселения в случае нашествия неприятельского; дворы, которые имели в городах окрестные землевладельцы и монастыри, назывались дворами осадными: так, от описываемого времени дошла до нас великокняжеская грамота к тверскому городскому прикащику и ключнику об отводе места Иосифову Волоколамскому монастырю под осадный двор. В 1508 году великий князь велел мастеру Алевизу Фрязину вокруг города Москвы обкладывать ров камнем и кирпичом и пруды копать. Иностранцы так описывают Москву времен Василиевых: «Город Москва деревянный и довольно обширный, но издали кажется еще обширнее, чем на самом деле, потому что большие сады и дворы при каждом доме увеличивают пространство города; кроме того, на конце его находятся жилища кузнецов и других мастеров, для которых необходим огонь, и между этими жилищами находятся целые луга и поля. Великий князь Василий выстроил для своих телохранителей за рекою новый город Нали (Nali, Наливки), что по-русски значит *infunde* (наливай), потому что им одним позволено пить мед и пиво, когда хотят; поэтому они и удалены за реку, чтоб не заражали других своим примером. Около города находятся монастыри, из которых каждый издали кажется городом. Обширность города не позволяет определить между и устроить достаточные укрепления. Улицы в некоторых местах загорожены рогатками, при которых находятся сторожа, имеющие обязанность наблюдать, чтоб никто не ходил ночью после урочного часа; если кого поймают в запрещенное время, то бьют, грабят или сажают в тюрьму, исключая людей известных и почетных, которых сторожа провожают до дому. Такие сторожа помещаются там, где лежит свободный вход в город, ибо остальную часть его обтекает Москва-река, в которую под самым городом впадает Яуза, а чрез эту реку трудно переправляться по высоте берегов; на Яузе построено много мельниц. Этими-то реками ограждается город, который, кроме немногих каменных домов, церквей и монастырей, весь деревянный. Число церквей в нем показывают едва вероятное; говорят, что их более 41500. Обширный город этот очень грязен, почему на разных, более других посещаемых местах находятся мосты. Крепость, построенная из кирпича, с одной стороны

омывается рекою Москвою, а с другой-Неглинною. Последняя подле верхней части крепости является в виде пруда; вытекая из него, наполняет крепостные рвы, в которых находятся мельницы. Крепость кроме обширных и великолепных палат великокняжеских заключает в себе дом митрополичий, дома братьев великого князя, вельмож и разных других лиц, все большие и деревянные; кроме того, много в ней церквей». На литовской границе приобретена была крепость первой важности по тому времени-Смоленск; на этой стороне ограничили ее да укреплением Пскова; в 1517 году здесь пало стены 40 сажен; мастер Иван Фрязин надделал эти 40 сажен, камень возили священники, псковичи носили песок и сеяли решетом; несмотря на то, постройка обошлась великому князю в 700 рублей. Более старались укреплять города на южной и восточной украине от крымцев и казанцев: в 1509 году построили в Туле город деревянный, в 1520-каменный; в 1525 построен в Коломне город каменный; в Чернигове и Кашире построены города деревянные в 1531 году, а на реке Осетре-каменный; на востоке укреплен каменным городом Нижний еще в 1508 году, строил город мастер Петр Фрязин; мы упоминали уже о построении нового деревянного города Васильсурска. В 1508 году великий князь прислал в Новгород боярина, велел ему урядить здесь торги, ряды и размерить по-московски улицы; в 1531 году прислал туда же дьяков, приказал им на Софийской стороне размерить улицы; они начали размерять Великую улицу от Владимирских ворот прямо в конец, и все улицы от поля прямо в берег, и места по всему пожару; дьяки приказали также поставить решетки по всему городу и учредить пожарных сторожей (огневщиков); с 1 октября начали стоять сторожа у решеток; эта мера оказалась благодетельною: прежде было в городе много злых людей, грабежей, воровства, убийства, с этих же пор начала быть тишина по всему городу; многие злые люди от такой крепости городской побежали прочь, а другие исправились и привыкли к честному труду. Значительные пожары были редки в Москве в княжение Василия: в 1508 году погорел посад и торг от панского двора; в 1531 году загорелся порох на Успенском враге, на дворе иностранного мастера Алевиза, где его делали: в один час сгорело работников больше 200 человек. В Новгороде Великом был большой пожар в 1508 году, тогда погибло более 5000 человек; в Новгороде Нижнем-в 1531 году; раза два упоминаются пожары во Пскове; сгорел весь Изборск.

В Западной Руси города продолжают получать новые грамоты на магдебургское право и подтверждения старых. Жители городов поднепровских и задвинских били челом королю Сигизмунду, что терпели они большие притеснения от его писарей, посылаемых для сбора недоимок: слуги этих писарей безвыездно круглый год живут в волостях на счет последних, судят и рядят жителей и берут большие пошрины; да и сами писаря обируют их непомерно, отчего многие жители разошлись, а которые остались, те не только всех даней, но и половины заплатить не могут. Поэтому они просили, чтоб король позволил им, как бывало прежде, при Витовте и Сигизмунде, собирать дань самим, грошовую, бобры, куницы, и относить в казну, а мед пресный-к ключнику. Король исполнил их просьбу. И в Западной Руси, желая населить какое-нибудь место, правительство освобождало новоселенцев от податей на несколько лет: так, король Сигизмунд поручил виленскому воеводе Радзивиллу населить место при Клещелязях, на земле Бельзского повета; людей поселилось уже немало, но когда воевода вздумал присоединить их к дворной пашне клещелязской, то многие из них ушли прочь.

Видя это, новый воевода Гастольд по приказу королевскому дал поселенцам хелмское право: двор королевский клещелязский не имел права судить их и рядить; судил и рядил их войт с бурмистрами и радцами; при войте два бурмистра: один дворный, которого двор выбирает из тех же мещан клещелязских, его обязанность-смотреть за доходами, собираемыми для двора; а другой бурмистр-от места; оба выбираются ежегодно. Жители места обязаны давать с каждой волоки по полукопью грошей да по бочке овса; кто пиво варит, тот платит столько же; от судных штрафов два пенязя идут на двор королевский, а третий – на войта; кто занимается торговлею, должен давать по грошу на год; мясники должны давать с каждого торгу по плечу мяса бараньего на двор королевский; корчмы винные должны быть на короля, а кто будет вином шинковать, тот дает по десяти грошей. Люди вольные, хотящие селиться в месте Клещелязском на сыром корню, а не на обработанных уже участках (не на проробках), свободны на десять лет от платы полукопья с волоки и бочки овса; кто же сядет на участках обработанных (на волоках проробленных), те свободны на два года от упомянутых податей. Быт городов с магдебургским правом по-прежнему не был мирен, по-прежнему встречаем жалобы горожан на воевод, князей, панов и бояр; в 1527 году король Сигизмунд должен был писать полоцкому воеводе Петру Кишке, чтоб он не нарушал магдебургского права, данного городу; в грамоте говорится, что войт, бурмистры, радцы и все мещане не раз жаловались королю на убийства, побои, грабежи, которые они терпели от урядников и слуг воеводских; что король не раз писал воеводе с увещанием прекратить эти насилия, но воевода еще больше начинал притеснять горожан; жаловались полочане не на одного воеводу, но на князей, панов, бояр полоцких, на игуменью и на монахов бернардинских: мещан, которые купят земли у бояр и у путных людей, воевода велит ставить перед собою и судит их; многих ремесленных людей за себя забрал и приказывает им на себя работать; принимает за себя мещан, которые нарочно выходят из магдебургского права, чтоб не платить серебщизны, ордынщины и других городских податей; также многие мещане задаются за владыку, князей и бояр полоцких, а те их принимают; установлены новые мыты по рекам; многие бояре и слуги воеводские женились на мещанках, взяли за ними дома и земли городские, а городские повинности нести и магдебургскому праву послушны быть не хотят; которые мещане в селах живут или в замке дворы имеют, тех воевода судит городским правом и проч. В Вильне были смуты между самими горожанами и начальством их, бурмистрами и радцами; горожане были недовольны старым уставом и требовали некоторых новых статей, но король не согласился на это требование, подтвердил старый устав во всей силе; зато подтвердил, чтоб вильняне и подати, серебщизну и ордынщину, платили по старине, без новых прибавок. Мы видели, что при великом князе Александре Бельское войтовство дано было в потомственное владение Гоппену; но Гоппен, как видно, продал его какому-то Русину, и этот продал его виленскому воеводе Николаю Радзивиллу; у сына и наследника Радзивиллова, Яна Николаевича, купил его бельский мещанин Иван Сегеневич в пожизненное владение за 300 коп грошей; но в 1526 году бурмистры, радцы и все мещане бельские били челом королю Сигизмунду, чтоб позволил это войтовство выкупить у Радзивилла целому городу Бельску на общие деньги и вперед войта выбирать мещанам: король согласился. Из любопытной записки, поданной королю

Сигизмунду от всей Киевской земли, мы узнаем, что поправка киевской крепости производилась обыкновенно всеми поднепровскими волостями, а после сожжения Киева ханом Менгли-Гиреем при короле Казимире в поправке участвовали кроме приднепровских волостей волости задвинские и торопецкие; более 20000 топоров было в деле; пан, наблюдавший за городскими постройками, назывался городничим.

Жидаи одно время были выгнаны из Литвы, но скоро опять возвращены с правом взять во владение свои прежние дома и земли, которыми во время их изгнания владели христиане; сперва заставили было жидаев выставлять на войну 1000 коней, но потом освободили от военной службы во всех видах; наконец, в 1533 году снова подтверждены были все их прежние права.

Относительно сельского народонаселения в Московском государстве от времен Василия дошла до нас уставная грамота крестьянам Артемовского стана в Переяславском уезде. Здесь прежде всего определяется количество поборов, которые шли с крестьян волостелю, его тиуну, праветчику и доводчику три раза в год: на Рождество Христово, на Светлое воскресенье и на Петров день; при вступлении волостеля в должность (на въезд) он берет у крестьян то, что каждый добровольно ему принесет. С починков (новоначатых поселений), записанных, но непашенных, и с новых починков, явившихся после переписи (письма), волостель, его тиун, праветчик и доводчик поборов не берут до урочных лет; когда же насельники отсидят свои урочные годы, то платят такие же поборы, какие идут и с старых деревень. Волостель тиуна, праветчика и доводчика ранее году не переменяет. Без старосты и без лучших людей волостель и его тиун суда не судят. Случится в волости душегубство и душегубца не сыщут, то крестьяне обязаны заплатить наместникам за голову четыре рубля виры и платят эту виру целою волостью; если же сыщут душегубца, то выдают его наместникам и их тиунам и тогда ничего не платят; при смертном случае, в котором никто не виноват (например, если кто утонет и проч.), крестьяне также ничего не платят. Волостелинские, и тиунские, и боярские люди, и никто другой на пиры и на братчины к крестьянам незваные не входят, а кто придет пить незваный, того выплют безнаказанно; если же не пойдет вон, станет пить силою и причинится тут крестьянам какой-нибудь вред, то незваный гость платит вдвое без суда и исправы, а от великого князя быть ему в казни и продаже. Попрошатаям у них по волости просить не ездить. Кто в одной волости выдаст дочь замуж, тот дает волостелю за новоженный убрус 4 деньги; а кто выдаст дочь замуж из волости в волость, тот дает за выводную куницу два алтына. Скоморохам у них в волости не играть. С лошадиного пятна волостель берет по деньге с купца и продавца. Князья, бояре, воеводы ратные и всякие ездоки насильно в волости не ставятся, кормов, проводников, подвод у крестьян не берут, а если где останутся, покупают корм по вольной цене. — Такого же содержания уставная грамота, данная удельным дмитровским князем Юрием Иоанновичем Каменного стана бобровникам, которые находились в ведении ловчего; права последнего определены одинаково с правами волостеля в предыдущей грамоте; но, кроме того, определен способ раскладки повинностей; кормы ловчего, тиунов и доводчиков, побор дворский, бобровники с десятскими и добрыми людьми между собою мечут со столца по дани и по пашне: которая деревня больше пашнею и угодем, на ту больше корму и поборов положат; собрав эти кормы, староста с

десятскими платят ловчому, его тиуну и доводчику побор в городе Дмитрове по праздникам; а тиуну и доводчику по деревням самим не ездить, кормов и побору не брать. Кто повезет к себе тиуна и доводчика пить на пир или на братчину, то они, пивши, тут не ночуют, ночуют в другой деревне, и насадок (побор пивом или другого рода хмельным напитком) с пиров и братчин не берут. Относительно ссор и драк на пиру определено сходно с двинскою грамотою великого князя Василия Дмитриевича: «В пиру или братчине побранятся или побьются и, не выходя с пиру, помирятся, то ловчому и его тиуну за то нет ничего; если же помирятся, вышедши с пиру, за приставом, то ловчому и его тиуну также нет ничего, кроме хоженного». Но в обеих грамотах, и в двинской, и в бобровничей, нет указания на судебное значение братчин, которое выражается в Псковской Судной грамоте: «Братчина судит как судьи». Доводчик ездит по деревням дважды в год-о Рождестве Христовом и о Петрове дне, ездит сам-друг с паробком на тройке: где доводчик обедает, тут ему не ночевать, где ночует, тут ему не обедать. Относительно быта зависимого народонаселения в описываемое время замечательна заемная и закладная грамота Власа Фрязинова, данная им вместе с людьми его, поименованными в грамоте: «А в деньгах есми с своими людьми един человек, кой нас в лицах на том деньги».

Из уставных королевских грамот видно, что сельское народонаселение в Западной Руси разделялось на подданных, или тяглых людей, и на челядь невольную; в одной из уставных грамот читаем: «Если мужик вопреки приказу державцы или его урядника не выйдет на работу один день или будет непослушен, то взять с него за это не более барана; если окажет большее упорство, то подлежит наказанью плетью или бичом».

Из физических бедствий в княжение Василия упоминается три раза о неурожае-в 1512, 1515 и 1525 годах; о сильных дождях, вследствие которых реки разлились и прервали сообщение в 1518 году; о сильных засухах в 1525 и 1533; мор свирепствовал не раз в Новгороде и Пскове: в первом-от 1507 до 1509 года, во втором-в 1521 и 1532, но жители срединных областей не испытывали этого бедствия и начинали забывать о страшных язвах XIV и XV веков, так что в иностранных описаниях Московского государства Василиева времени читаем: «Климат в Московской области так здоров, что народ не помнит, когда была чума. Бывает, впрочем, здесь иногда болезнь, похожая на чуму, которую называют жаром (salog); болезнь эта поражает внутренность и голову, занемогшие в несколько дней умирают».

По описаниям иностранцев, область Московского государства представляла обширную равнину, покрытую лесами и пересекаемую во всех направлениях большими реками, обильными рыбою. Реки эти, разливаясь от тающего весною снега и льда, во многих местах превращают поля в болота, а дороги покрывают стоячею водою и глубокою грязью, не просыхающею до новой зимы, когда лютый мороз опять постелет по болотам ледяные мосты и сделает дорогу по ним безопасною. Главные произведения страны-хлеб, лес, мед, воск и меха. Сосны в лесах московских величины невероятной; дуб и клен гораздо лучше, чем в Западной Европе; пчелы кладут мед на деревьях без всякого присмотра. Рассказывали, как один крестьянин, опустившись в дупло огромного дерева, увяз в меду по самое горло; тщетно ожидая помощи в продолжение двух дней, питался только одним медом и наконец выведен был из этого отчаянного положения

медведем, который спустился задними лапами в то же дупло: крестьянин ухватился за него руками и закричал так громко, что испуганный зверь выскочил из дупла и вытащил его вместе с собою. Пушного зверя в лесах московских множество; собольи меха ценятся по черноте, длине и густоте волоса; цена увеличивается еще смотря по тому, в какое время пойман зверь. Около Углича и в Двинской области соболи попадаются очень редко; около Печоры попадаются чаще и лучше; в Москве собольи меха продаются по 3 и 4 деньги; лисьи меха, особенно черные, стоят дорого: десяток продается иногда по 15 золотых; бобровые меха также очень ценны; беличьи привозятся из разных мест, больше всего из Сибири; лучшие, впрочем, добываются недалеко от Казани; потом привозятся из Перми, Вятки, Устюга и Вологды; привозятся обыкновенно в связках, из которых в каждой по 10 шкурок; из них две самые лучшие, три похуже, четыре еще хуже и одна, последняя, самая дурная; добываются также меха рысьи, волчьи, песцовые. В лесах водятся также лоси, медведи, большие и черные волки; в западной части государства водятся туры; в стране югров и вогуличей на высоких горах добывают превосходных соколов и кречетов.

Поля покрыты пшеницею, просом и другими хлебными растениями, также всякого рода зеленью; область собственно Московского княжества неплодоносна; песчаный грунт земли убивает жатву при малейшем излишестве сухости или влаги; сюда присоединяются еще холода, которые иногда препятствуют зрению посеянного. Что вся страна не так давно была покрыта лесами, показывают пни огромных деревьев, до сих пор еще повсюду видные. Области Владимирская и Нижегородская очень плодоносны: из одной меры хлеба выходит иногда 20, иногда 30 мер. Рязанская область превосходит плодоношением все остальные: лошади не могут проехать чрез ее густые нивы; великое множество здесь меду, рыбы, птиц и зверей; древесные плоды гораздо лучше московских. Кроме хлебопашества, звероловства, рыболовства и пчеловодства иностранные писатели указывают на добывание железа около Серпухова, на добывание соли в Старой Русе, в Соловках, около Переяславля Залесского, около Нижнего Новгорода; по их известиям, на перелет стрелы от Белоозера есть другое озеро, производящее серу, которая выносятся рекою, из него вытекающею; но туземцы не умеют пользоваться этим даром природы. Из промышленности первоначальной иностранцы упоминают об искусном выделывании в Калуге резных деревянных чарок и другой деревянной посуды, которая вывозилась на продажу в Москву, Литву и другие соседние страны.

Русские известия указывают нам рыболовов, расположенных целыми слободами в удобных для их промысла местах, например на озерах Галицком, Переяславском; переяславские рыбаки находились в ведении волостеля стольничего пути, которого права в уставной грамоте были определены точно так же, как права волостеля Артемонского стана в приведенной выше уставной грамоте. Дошла до нас также грамота великого князя Василия сокольникам сокольничья пути, жившим в Переяславле на посаде: они были освобождены из-под ведения наместников и тиунов, не тянули с переяславцами ни в какие проторы и разметы, кроме яма, городского дела (постройки городских укреплений) и посошной службы; судил их сам князь великий или его сокольничий; давали эти сокольники, двадцать человек, оброку полтора рубля в год; в числе этих двадцати сокольников упоминаются четыре вдовы, два сапожных

мастера, один седельник, одна хлебница. Касательно звериной ловли в пользу князя мы имеем грамоту удельного князя Семена Ивановича Троицкому монастырю, по которой крестьяне последнего, жившие в Бежецком Верху, обязаны были посылать на княжескую ловлю, на медведей, лосей и оленей по пяти человек с сохи; надобно заметить, что это определение является здесь как льгота.

По иностранным известиям, жители Московского государства производили обширную торговлю сырыми произведениями своей страны: все количество смолы и воска, потребляемое в Европе, равно как дорогие меха, привозилось чрез Ливонию из московских владений; мы должны заметить, что не из одних московских владений, ибо большое количество смолы и воска шло за границу также из Западной, Литовской Руси; кроме того, из Московского государства отпускались за границу на западе лес, лучший лен, конопля, воловьей кожи. В Литву и Турцию вывозились кожи, меха и моржовые зубы; к татарам шли седла, узды, сукна, кожи, полотно, ножи, топоры, стрелы, зеркала, кошельки. Привозимые товары большею частию были: серебро в слитках, сукна, шелк, шелковые ткани и парчи, дорогие камни, жемчуг, сученое золото, перец, шафран, вино; купцы чагатайские доставляли шелковые ткани, татарские-лошадей и превосходные белые материи, не тканые, а сваленные из шерсти, из которых делались япанчи, красивые и защищавшие от дождя. Из ярмарок славилась в Холмогорском городе на реке Мологе; ко времени Василиева же княжения относится начало знаменитой Макарьевской ярмарки; в 1524 году великий князь, желая нанести вред враждебной Казани, запретил русским купцам ездить на ярмарку, бывшую подле Казани, на так называемом Купеческом острове, а назначил место для ярмарки в Нижегородской области; но чрез эту меру сначала не меньше вреда потерпело и Московское государство, почувствовало сильный недостаток в товарах, шедших Волгою из Каспийского моря, из Персии и Армении, особенно же чувствителен был недостаток в соленой рыбе, привозимой с низовьев Волги. Иностранные писатели указывают и торговые пути: так, они говорят о судоходстве по Москве-реке, затрудняемом извилинами, особенно между Москвою и Коломною; говорят, что в 24 германских милях от Рязани находится место Донков на Дону: здесь купцы, отправляющиеся в Азов, Кафу и Константинополь, нагружают свои суда, что делается обыкновенно осенью, в дождливое время года, ибо в другое время Дон так мелок, что не может поднимать судов. Под Вязмою течет река того же имени, впадающая в Днепр: отсюда нагруженные товарами суда спускаются обыкновенно в Днепр и обратно вверх по Днепру идут суда до Вязьмы. Дмитров лежит на реке Яхроме, впадающей в Сестру, а Сестра впадает в Дубну, приток Волги; вследствие такого течения рек здесь производится обширная торговля. Любопытны известия иностранцев о немой торговле, еще производившейся в XVI веке; такая торговля производилась с лапландцами в северных пределах европейской России и за Уралом, в области Оби. По договору с семьюдесятью ганзейскими городами 1514 года купцам их позволено было торговать в Новгороде всяким товаром без вывета, солью, серебром, оловом, медью, свинцом, серою, а новгородские купцы получили право торговать в Немецкой земле также всяким товаром без вывета и воском. Купит немец у новгородца воск и воск окажется нечист, то новгородец обязан его обменять. Будет новгородец в немецких городах покупать или продавать что в

ласт, то весчего не платит, а начнет продавать или покупать в вес, то брать с него весчее; также и немец в Новгороде, если станет продавать соль, сельди и мед в ласт, то не платит весчего; если же в вес, то платит; даст немец за какой-нибудь товар серебро, и окажется оно нечисто, то ему это серебро обменять. У Герберштейна находим известие о ростах, которые простирались от десяти до двадцати со ста. Мы не знаем, с какою скоростью тогдашние пути сообщения позволяли купцам перевозить товары; но Герберштейн оставил нам известие о ямской гоньбе: когда я, говорит Герберштейн, ехал из Новгорода в Москву, то ямщик выставлял заблаговременно по 30, 40 и 50 лошадей, тогда как мне нужно было не более 12; каждый из нас, таким образом, выбирал себе любую лошадь. Всякому позволено пользоваться почтовыми лошадьми; если на дороге лошадь утомится или падет, то вольно взять другую из первого дома или у первого встретившегося проезжего, исключая гонца великокняжеского; ямщик обязан отыскать лошадь, брошенную на дороге, также доставить взятую лошадь хозяину и заплатить ему прогоны: за 10 или 20 верст платится обыкновенно 6 денег. Слуга Герберштейна проехал 600 верст из Новгорода в Москву в 72 часа; такая скорость езды, заключает наш автор, тем удивительнее, что лошади очень мелки и содержатся гораздо хуже, чем у нас. Из русских известий о ямах дошла до нас великокняжеская грамота о починке ветхого строения на Ергольском яму: «Сказывали ергольские ямщики, что на яму хоромы, избы, сенники и конюшни погнили и тын обвалился: велеть их построить крестьянам белозерскими сохами, всеми без исключения, чей кто ни будь, а с сохи брать по два человека; теми же сохами велеть крестьянам от Ергольского яма до Напорожского дороги почистить, мосты по рекам, болотам и грязям починить; вместо сгнивших мостов новые наместить, на реках мосты мостить на клетках, чтоб их вешняя вода не сносила. Отмерить земли к яму ямщикам на пашню, сенокос и ямским лошадям на выпуск, и этой земли межи назначить, ямы покопать и драни покласть». Название ямов произошло не от этих межевых ям, которые употреблялись везде, но или от русского слова емлю – беру, или, что еще вероятнее, от татарского ям – дорога.

В Западной Руси король Сигизмунд дал в 1511 году жителям Вильны право, по которому приезжие в их город купцы могли торговать только с ними, исключая ярмарки, когда приезжие купцы могли торговать и с купцами иностранными. Относительно искусства при Василии замечательно известие летописи о поновлении старых икон греческого письма, икон спасителя и богородицы, которые были принесены для этого из Владимира в Москву в 1518 году, торжественно встречены митрополитом Варлаамом и всем народом. Поновляли их в митрополичьих палатах, и сам митрополит, сказано, много раз своими руками трудился в этом деле; по обновлении и украшении иконы были отпущены назад во Владимир также с большим торжеством. В 1531 году также для поновления принесли в Москву две иконы из Ржевы: одна изображала преподобную Параскевию, а другая-мученицу Параскевию. Стенною церковною живописью славился русский мастер Федор Едикеев; упоминается также иконописец Алексей Псковитин Малый. Замечательнейшим из строительных памятников Василиева княжения остался для нас Новодевичий монастырь в Москве, основанный в благодарность за взятие Смоленска. Мы уже имели случай заметить, что вызов иностранных художников и медиков продолжался и при Василии; в 1534 году по приказанию великого князя слит был колокол в 1000 пуд, лил его Николай немец;

одиннадцать каменных церквей были построены при Василии в Москве мастером Алевизом Фрязиным; Ивановскую колокольню построил Бон Фрязин. Кроме упомянутых при описании болезни Василиевой двоих немецких лекарей, Николая Булева и Феофила, был еще третий, родом грек, именем Марко.

Но в то время как плоды европейской гражданственности принимались, хотя медленно и слабо, в Московском государстве, русские люди, двигаясь по-прежнему на северо-восток, продолжали полагать среди здешних лесов, среди дикого их народонаселения основу гражданственности-христианство, и Герберштейн, который так часто смотрит с черной стороны на Московию, не мог, однако, не заметить, что и в его время русские иноки отправлялись в разные страны на север и восток, преодолевая на пути величайшие трудности, терпя голод, подвергая опасности жизнь, — все это с одною целию-распространить христианство. Описывая Пермь, тот же Герберштейн говорит, что здесь и после Стефановой проповеди остается в лесах еще много язычников; но монахи, туда отправляющиеся, не перестают отрывать их от прежних заблуждений. Пустынный Феодорит крестил кольских лопарей; Трифон распространял христианство у лопарей, живших на реке Печенге.

В истории русской церкви времен Василиевых сосредоточивают на себе наше внимание два знаменитых лица: одно уже известное нам-Иосиф Волоколамский, другое-Максим Грек. Восшествие на престол Василия обеспечивало для Иосифа торжество над ересью и обещало постоянное покровительство верховной власти. Мы уже видели, что Иосиф был еще более муж дела, чем слова, был достойный преемник тех знаменитых подвижников, которые собственным примером поддерживали христианскую деятельность в областях Московского государства. Нуждался ли крестьянин в семенах для посева, терял домашний скот, земледельческие орудия-приходил к Иосифу, и тот снабжал его всем нужным. Во время голода в Волоколамской области поселяне стекались в монастырь к Иосифу, который кормил около семисот человек кроме детей, построил подле монастыря странноприимницу с церковью, велел здесь покоить больных, кормить бедных, поставил особого строителя. Когда истощились собственные средства монастыря, Иосиф делал займы и кормил бедных; увещевал и дмитровского князя Юрия Ивановича позаботиться о людях, страдавших от голода: «Бога ради и пречистой богородицы, пожалуй, государь, попейся о православном христианстве, о своем отечестве, подобно древним православным царям и князьям, которые заботились о своих подданных во время голода: который государь имел у себя много хлеба, раздавал его неимущим или приказывал продавать недорого, устанавливал цену, поговоривши с боярами, как надобно, полагал запрет страшный на ослушников, как и теперь сделал брат твой великий князь Василий Иванович всея Руси. Если ты распорядишься так в своем государстве, то оживишь нищих людей, потому что уже многие теперь люди мрут с голоду, а, кроме тебя, некому этой беде пособить; никто другой не может ничего сделать, если ты не позаботишься и не установишь цены своим государским повелением».

Но одною этою деятельностью не мог ограничиться Иосиф; и в княжение Василия он должен был вести сильную борьбу с своими врагами. Мы видели, что при Иоанне III, во время борьбы с ересью жидовствующих, Иосиф, провозглашая необходимость строгих мер против еретиков, навлек на себя ненависть многих и сильных людей. Вопрос об этих мерах продолжался и при Василии: противники

их, в челе которых находился инок Вассиан Косой, т.е. князь Василий Патрикеев, начали опять настаивать, что кающихся еретиков должно выпустить из заточения; Иосиф твердо стоял при прежнем своем мнении и, выставляя примеры строгости к виновным из Ветхого и Нового заветов, писал великому князю: «Молим тебя, государь, чтоб ты своим царским судом искоренил тот злой плевел еретический вконец». Старцы Кириллова и всех вологодских монастырей написали колкое опровержение этому мнению, и церковные историки догадываются, что опровержение написано Вассианом. Великий князь принял мнение Иосифа; однако враги последнего не были низложены окончательно; Вассиан переехал в Москву, приблизился опять ко двору и действовал иногда с успехом против Иосифа.

Вассиан, по свидетельству одного из современников, враждовал много на Иосифа и хотел разорить монастырь его. Вассиан хотел этого вследствие старинной борьбы, вследствие противоположности убеждений; по другим побуждениям хотел разорить Иосифов монастырь удельный князь Федор Борисович волоколамский. Но пусть сам Иосиф расскажет нам о притеснениях, которые монастырь его терпел от удельного князя: «Князь Федор Борисович во все вступается: что бог пошлет нам, в том воли не дает; иное даром просит, другое в полцены берет; если его не послушаем, то хочет кнутом бить чернецов, а на меня бранится. И мы боялись его, давали ему все, что благочестивые люди дарили монастырю, – коней, доспехи, платье; но он захотел еще денег и начал присылать за ними-мы ему послали шестьдесят рублей; прислал просить еще-послали еще сорок рублей, и эти деньги уже десять лет за ним; мы вздумали было послать попросить их назад, а он нашего посланца, монаха Герасима Черного, хотел кнутом высечь да денег не отдал. Все, что ни пришлют на милостыню или на помин по усопших, все хочет, чтоб у него было; прислал князь Семен Бельский полтора ста коп грошей на помин родителей, и князь Федор сейчас же прислал к нам просить этих грошей; купили мы на полтора ста рублей жемчугу на ризы и на епитрахиль-и князь Федор прислал жемчугу просить. К чернецам нашим подсылал говорить: „Которые из них хотят идти от Иосифа в мою отчину, тех берусь покоить; а которые не хотят и заодно с Иосифом, от тех оборонюсь; голову Павла если не изобью кнутом, то не буду я сын князя Бориса Васильевича“. И вот некоторые чернецы побежали из монастыря. Увидавши, что князь Федор решился разорить монастырь, я хотел было уже бежать из него и объявил об этом братии; но братия стала мне говорить: „Бог взыщет на твоей душе, если церковь Пречистая и монастырь будут пусты, потому что монастырь Пречистая устроила, а не князь Федор; мы отдали все имение свое Пречистой да тебе в надежде, что будешь нас покоить до смерти, а по смерти поминать; сколько было у нас силы, и мы ее истожили в монастырских работах; а теперь, как нет больше ни имения, ни сил, ты нас хочешь покинуть! Тебе известно, что нам у князя Федора жить нельзя, он и при тебе нас хочет грабить и кнутом бить; знаешь сам хорошо, как князь Федор на Возмище, в Селижарове и в Левкиеве монастыре не оставил ничего денег в казне, и у нас ничего же не оставит; но в тех монастырях чернецы, постригаясь, оставляют имение при себе и тем живут; а мы, постригшись, отдали все Пречистой да тебе“. Я побоялся осуждения от бога и не посмел покинуть монастырь, предать его на расхищение. Мы били челом самым сильным у князя людям, чтоб просили его жаловать нас, а не грабить; но они отвечали: волен

государь в своих монастырях: хочет жалуется, хочет грабит. Тогда я бил челом государю православному самодержцу великому князю всея Руси, чтоб пожаловал монастырь Пречистыя, избавил от насильств князя Федора; а не пожалует государь, то всем пойти розно, и монастырю запустеть. Государь князь великий не просто дело сделал, думал с князьями и боярами и, поговоря с преосвященным Симоном митрополитом и со всем освященным собором, по благословению и по совету всех их монастырь и меня грешного с братиею взял в великое свое государство и не велел князю Федору ни во что вступаться. После этого жили мы в покое и в тишине два года». По прошествии этих двух лет гроза поднялась снова, потому что князь Федор не хотел отказаться от надежды получить в свои руки опять Иосифов монастырь; с тремя приближенными к себе людьми он придумал, что нет для этого другого средства, как действовать чрез архиепископа новгородского, к епархии которого, по старинному политическому разделению, принадлежала Волоколамская область; и вот по внушениям князя Федора новгородский владыка Серапион послал на Иосифа отлучительную от священства грамоту в самый великий пост. Поступок этот произвел сильное волнение; при дворе волоцкого князя торжествовали, начали говорить: «Достали мы Иосифов монастырь: владыка наш замел не одним Иосифом, замел и Москвою». Но в Москве спешили показать, что ее трудно замести уделом: Серапион новгородский был вызван в Москву, лишен епархии и сослан в Троицкий монастырь за то, что без обсылки с великим князем и митрополитом отлучил Иосифа, который перешел от волоцкого князя по согласию великого князя и митрополита. Дело это произвело сильное впечатление, стало предметом толков; у Иосифа было много врагов, и ему дали знать, что на Москве многие люди говорят: лучше было бы Иосифу оставить монастырь и пойти прочь, чем бить челом великому князю; вследствие этого Иосиф счел за нужное написать длинное оправдательное послание с подробным изложением всего дела; ученик его, Нил Полев, также писал в защиту учителя.

Иосиф умер в 1515 году; Вассиан Косой пережил его и продолжал борьбу с его преданиями. К этой старинной борьбе, ведущей начало из времен Иоанна III, присоединяется при Василии дело знаменитого Максима Грека. В год смерти Иосифа великий князь Василий отправил Василья Копыла на Афонскую гору с грамотою к проту и всем игуменам и монахам 18 монастырей святогорских с просьбою прислать на время в Москву из Ватопедского монастыря старца Савву, переводчика книжного. Игумен этого монастыря отвечал, что Савва не может отправиться по старости и болезни в ноги, но что вместо него Ватопед посылает другого инока, Максима, искусного и годного к толкованию и переводу всяких книг церковных и так называемых еллинских. Максим, албанский грек из города Арты, прежде пострижения своего на Ватопеде путешествовал по Европе, учился в Париже, Флоренции, Венеции. В такие-то руки досталось богатое собрание греческих рукописей, хранившееся в московской великокняжеской библиотеке и остававшееся без употребления по недостатку сведущих людей. К сожалению, Максим, зная основательно языки-греческий и латинский, не мог в той же степени владеть славяно-русским, которым начал заниматься уже по отправлении своем в Москву; несмотря на то, однако, он успел оказать важные услуги русскому просвещению в XVI веке. Прежде всего он занялся переводом толкования на псалтирь; он переводил его с греческого на латинский язык, а уже с латинского на

славянский переводили двое русских толмачей. После этого перевода Максиму поручено было исправление богослужебных книг, наполненных грубыми ошибками переписчиков; потом он перевел толкования Златоуста на евангелие св. Матфея и Иоанна, толкования на книгу деяний апостольских; впоследствии он перевел псалтирь с греческого на русский язык. Но этим не ограничивались труды Максима: мы видели, как в предшествовавшее время умножились сочинения апокрифические, жадно принимаемые людьми, хотящими получить подробнейшие известия о предметах первой важности, предметах религиозных, но не имеющих средств отличать истинное от ложного, верующих всему, что написано; отсюда Максим должен был вооружиться против апокрифических сочинений и против разных суеверий, распространявшихся из книг и устно при отсутствии просвещения: так, он писал опровержение Папиева повествования о Иуде-предателе; сказание к глаголющим, яко во всю светлую неделю солнце, не заходя, стояло; опровержение Афродитиановой повести о Рождестве Христовом; здесь в начале разбора Максим выставляет три правила для проверки книг: 1) написана ли книга писателем благоверным и известным в церкви? 2) согласна ли она с богодухновенным писанием? 3) согласна ли во всем сама с собою? Максим написал также слово «На безумную прелесть и богомерзкую мудрствующим, яко погребения для утопленного и убитого бывают плодотворители и стужи земных прозябений»; наконец, Максим должен был более всего вооружиться против распространившейся в его время страсти к астрологии, против веры в судьбу, или колесо фортуны; Максим утверждает, что все устроивается промыслом Божиим, а не звездами, не звездодвижным колесом счастья. О степени просвещения современников Максима лучше всего свидетельствует сочинение последнего о смысле слов, обыкновенно помещаемых на иконах Богородицы; он должен был толковать, что эти греческие слова значат: мать Божия, а не Марфа, не Мирфу, «якоже нецыи всуе непщуют».

Нет ничего удивительного, что ученый греческий инок должен был сойтись с иноком русским, который славился также своим относительным просвещением, — с знаменитым князем Патрикеевым, Вассианом Косым. Иоанн III обвинял Патрикеева в высокоумии: действительно, он позволял себе смелые отзывы о явлениях, которые ему не нравились; обвиняя современное ему общество в невежестве, он осмеливался не признавать правильными его приговоры относительно нравственного достоинства известных лиц, не хотел признавать высокого нравственного и религиозного значения в человеке, если он, по его мнению, был необразован и низкого происхождения. Таков был опасный союзник Максима! Вассиан и Максим сошлись во мнении о важном вопросе, разделявшем русское духовенство, — в вопросе, прилично ли владеть монастырями селами. Будучи учеником Нила Сорского, Вассиан настаивал на отрицательном решении этого вопроса. До нас дошло сочинение, по всем вероятностям принадлежащее Вассиану; здесь говорится: «Где в евангельских, апостольских и отеческих преданиях велено инокам села многонародные приобретать и поработать крестьян братии, с них неправедно серебро и золото собирать. Вшедши в монастырь, не перестаем чужое себе присваивать всяческим образом, села, имения то с бесстыдным ласкательством выпрашиваем у вельмож, то покупаем. Вместо того чтоб безмолвствовать и рукоделием питаться, беспрестанно разъезжаем по городам; смотрим в руки богачей, ласкаем, раболепно угождаем

им, чтоб выманить или деревнишку, или серебришко. Господь повелевает раздавать милостыню нищим, а мы братьев наших убогих, живущих в селах наших, различным образом оскорбляем, если не могут заплатить-коровку и лошадку отнимаем, самих же с женами и детьми, как оскверненных, далеко от своих пределов отгоняем, некоторых же, светской власти предавши, доводим до конечного истребления, обижаем, грабим, продаем христиан, нашу братью, бичом их истязуем без милости как зверей диких. Считающие себя чудотворцами повелевают нещадно мучить крестьян, не отдающих монастырских долгов, только не внутри монастыря, а перед воротами: думают, что вне монастыря не грех казнить христианина!.. Не развращаю я христоролюбивых князей словом Божиим, но преступники заповедей Божиих, последующие человеческим преданиям и языческим обычаям, те соблазняют и смущают людей Божиих. Вы говорите, что я один заступаюсь за еретиков незаконно; но если бы был у вас здравый разум и суд праведный, то уразумели бы, что не еретическую злобу защищаю, но о спасительной заповеди и правильном учении побораю, ибо утверждаю, что надобно наказывать еретиков, но не казнить смертью. Скажите нам, которого из древних еретиков или мечом убили, или огнем сожгли, или в глубине утопили? Не всех ли святые отцы собором анафеме предавали, а благочестивые цари заточали?»

Максим также настаивал на незаконности владения монастырей селами в сочинениях своих: «Повесть страшна и достопамятна», где приводил в пример убожество иноков картузианских, и в «Беседе актимона (нестяжательного) с филоктимоном (любостяжательным)».

Вассиан и Максим не могли дать торжества своему мнению: сопротивление разводу великого князя лишило их его благосклонности, после чего они были обвинены в церковных преступлениях. В переводах Максимовых нашли неправильные выражения и осудили переводчика; сперва заточили его в Иосифов Волоколамский монастырь, где он терпел большую нужду, потом в Тверской Отроч, где он имел возможность читать и писать. Одним из обвинений на Максима было то, что он укорял русские монастыри за владение селами; другим, что укорял московских митрополитов, зачем они поставляются без благословения патриарха константинопольского. В суде над Вассианом первый укор составлял главное содержание обвинения. Максим три раза повергался пред судившим его собором, умоляя о помиловании ради милости Божией, ради немощей человеческих, со слезами просил простить ему ошибки, вкравшиеся в его книги. Иначе вел себя на соборе Вассиан, который не признал ошибочным ни одного из своих мнений; его также заточили в Иосифов Волоколамский монастырь.

Таким образом, мнение Иосифа Волоцкого продолжало торжествовать: монастыри продолжали владеть землями и отдавать их в поместья и в оброчное содержание разным лицам. Касательно содержания монастырей любопытна грамота великого князя Василия женскому Успенскому Владимирскому монастырю: игуменья, старицы, пять священников и два диакона били челом, что у них во владении волость да село, но доходу с них мало, прожить нечем, так великий князь купил бы у них эту волость и село, а деньги велел бы отдать в рост (денги велети им водити в людех в ростех). Великий князь купил волость и село за 2142 рубля; эти деньги велел своим дьякам давать в рост по гривне с рубля и ростовые деньги отдавать в монастырь: игуменье – 10 рублей денег, 50 четвертей

ржи, 50 четвертей овса, 10 пудов соли; каждой старице-по полтора рубля денег, по 12 четвертей ржи, по 12 четвертей овса, по три пуда соли; священнику-по 10 рублей денег, по 30 четвертей ржи, по столько же четвертей овса и по 10 пудов соли; дьякону-по 6 рублей, по 20 четвертей ржи, по столько же овса и по 6 пудов соли. Относительно быта монастырей во времена Василия замечательна уставная грамота новгородского архиепископа Макария Духовскому монастырю: владыка предписывает держать в монастыре священника и дьякона черных да десять братьев; кроме обычных служб в воскресенье, понедельник, среду, пятницу и в праздничные дни петь молебны о здравии и спасении великого князя и великой княгини, чтоб им господь бог послал детей, также об устройении земском и о всем православном христианстве, братии быть всей у молебнов. По понедельникам, средам и пятницам после вечерни петь панихиды за усопших. В келии игумен у себя не ест и гостей не кормит и не пирует с ними: кормить ему и потчивать гостей в трапезе или в келарской; игумен снабжает братию одеждою, обувью и всякими келейными вещами, по преданиям общежительным; держит келаря, казначея да братьев трех или четырех соборных и с ними всякий чин исполняет, о прочих братиях вседумно печется, всякие доходы и расходы ведает, мятежников церковных и бесчинников монастырских наказывает. Без игуменского благословения брат из монастыря не выходит; мирские люди к старцам в келии не ходят; игумен держит у себя келейника-чернеца или двух, мирянина держать не может; молодым людям у игумена и старцев не жить, слуг держать за монастырем. Епископы доносили о состоянии монастырей митрополиту и великому князю; до нас дошло подобное донесение новгородского владыки, замечательное по обращению к великому князю: «Благородному и христоролюбивому и вседержавному царю и государю великому князю, всея Руси самодержцу: занеже, государь, от вышней божией десницы поставлен ты самодержцем и государем всея Руси, тебя, государя, бог вместо себя избрал на земле и на свой престол, вознесши, посадил, тебе поручил милость и живот всего великого православия, то нам следует по царскому твоему остроумию и богопреданной премудрости обращаться к тебе как государю и самодержцу царю». Архиепископу Макарию большинство новгородских монастырей были обязаны введением общего жития; до него, говорит летопись, общины были только в больших монастырях, а в прочих каждый монах жил особо в своей келье и «был одержим всякими житейскими печальями»; в лучших монастырях было чернецов по шести или по семи, а в других-по два и по три. Но когда Макарий ввел общее житие, то братия начала умножаться: где было прежде два или три монаха, там явилось их по 12 и 15; где прежде было шесть или семь, там стало по 20, 30, 40. Только два значительных монастыря в Новгороде отказались учредить у себя общину, и владыка сказал их игумнам: «По делам вашим мзду примете от бога». Важно было также распоряжение Макария насчет женских монастырей: он вывел из них игуменов и дал игуменей для благочиния. В княжение Василия была перепись духовенства для взимания митрополичьей дани: митрополит Даниил приговорил с великим князем послать во всю митрополию детей боярских митрополичьих и велеть им переписать у всех церквей приходы, сколько у какой церкви в приходе детей боярских, людей их и крестьянских вытей; которые церкви приходом скудны, у таких священникам полегчить, а которые окажутся приходом обильны, у тех на священников дани прибавить.

При Василии видим более частые сношения с восточными церквами, чем при отце его: в 1515 году великий князь дал позволение 18 афонским монастырям присылать в Московское государство за милостынею. В 1518 году константинопольский патриарх Феопит прислал в Москву за милостынею; в послании он называет великого князя наивысшим и кротчайшим царем и великим кралем всей православной земли великой Руси. Потом прислал за тем же александрийский патриарх Иоаким, из послания которого видим, что в Москву приходили с востока за милостынею не только монахи, но и монахини; приходили иноки Синайской горы. Касательно вспомоществований, доставлявшихся от русских архиереев бедствовавшим собратиям их на Востоке, замечательна грамота тверского епископа Нила к Василью Андреевичу Коробову, отправлявшемуся в Константинополь. Эта грамота содержит перечисление вещей, посылаемых Нилом патриарху византийскому Пахомию; из нее можем получить сведения о некоторых отраслях тогдашнего искусства и о средствах русских владык того времени: «От Нила, владыки тверского, сыну и господину Василию Андреевичу. Дать ся рухлядь государю моему и брату Пахомью, патриарху: три деисусы, один большой деисус стоячей в десть большой бумаги, резан рыбой зуб, над ним 16 праздников, резаны на Синопое (?), а вверху над праздники пророцы, резан рыбой же зуб; а другой деисус стоячей же и в полдесть резан рыбой же зуб, а над ним резаны праздники рыбой же зуб; а третий деисус стоячей же в четверть резан рыбой же зуб, а над ним резаны праздники рыбой же зуб. Да икона в четверть на золоте писана мелким писмом, шестодневник, да деисус на золоте, да икона бела мамонтова кость в полладони, а резано 12 празников; да двои ризы комчаты, у одних ожерелье шиты празники золотом да серебром, напреди стоит София в премудрости и назад в тылу Преображенье Спасово, а на правой стороне-вход в Иерусалим да Рождество Христово, а на левой стороне-Воскресение Христово да богоявление; да кружево ширина на три перста шито золотом, а сажено жемчугом мелким. Да патрахели, камка синя шита золотом да серебром, да вверху Спас, да под тем Пречистая, да Иоанн Предтеча, а под ними Михаил, да Гавриил, да 12 апостолов; в трех местах шиты по обе стороны, да святители также шиты в трех местах по обе стороны. Да сорок соболей, да 5 соболей одинцов, да 740 горностаев, да рыба зуб болших 15, а средних и менших рыба зуб полпятадесять; да чара серебряна, а тянет в ней семь гривенок; да кубок гладкой на трех яблоках стати серебрян с покрешкою, а тянет в нем 600 аспир атманских; да чарка же серебряна, внутри позолочена, а писана внутри волова голова; да 5 скатертей шитых, да шестая скатерть ноугородская с ручки шита; да часы немецкие 24 часы с колоколом и с гирями; да шуба соболья под черным бархатом, да 9 шуб бельи хребтовых, да 8 шуб бельи черевьи, да 2 шубы бельи облячны, да два сатына-один черн, а другой багров, да ширинок русских, да утиральников русских, да 120 гребений, да 2000 белок деланых, да 440 хамяков, да 43 ножев рыба зуб, пять гребеней рыба зуб с золотом резаны, на них звери; да 94 ножа простых, да десять юфтей, да десять шапок лисьих, да три ставы калужских, да три ставы тверских, да 20 пугвиц серебряных».

В Западной Руси в 1511 году король Сигизмунд по просьбе митрополита Иосифа и князя Константина Острожского подтвердил грамоты предков своих, Витовта, Казимира и Александра, данные русскому духовенству на свободное

отправление церковного суда, на беспрепятственное пользование доходами церковными. Избранием епископов, переводом их из одной епархии в другую распоряжался король: так, владимирский епископ Пафнутий бил челом королю, чтоб он назначил его епископом луцким, – король исполнил его просьбу, тем более что за Пафнутия просили князь Константин Острожский и пан Юрий Радзивилл. Король же в 1511 году решил спор между двумя епископами-полоцким и владимирским, кому из них занимать высшее место. В 1522 году били челом королю архимандрит Киево-Печерского монастыря, крылошане, застолпники и вся братия о восстановлении у них общины, которая пала вследствие обнищания монастыря после татарских нашествий, – король исполнил их просьбу. При этом они жаловались, что по смерти архимандритов воеводы киевские прибирают монастырь к своим рукам и держат до тех пор, пока король не назначит нового архимандрита, берут себе не только имущество покойного, но даже книги и другие церковные вещи; король определил, что вперед, по смерти архимандрита, старцы печерские берут имущество покойного на монастырь, потом вместе с князьями, панами и землянами земли Киевской выбирают архимандрита и просят короля о его утверждении, и до прихода этого утверждения управляют монастырем старцы; за это при каждом избрании архимандрита они дают королю по пятидесяти золотых. Монахи били также челом, что киевские воеводы часто приезжают в монастырь, архимандрит и старцы должны их угощать и дарить, а это им очень убыточно: король постановил, что воевода может приезжать в монастырь только раз или два в год, когда монахи сами его позовут, причем они его угощают, но даров никаких не дают. Король освободил также монастыри от обязанности давать подводы и кормы послам и гонцам татарским. В случае войны монастырь был обязан выставлять на службу десять человек конных и вооруженных. Дошли до нас также королевские грамоты о возобновлении монастырей Межигорского и Златоверхого Михайловского, об установлении в них общин; король берет эти монастыри в свое ведение, дает им право выбирать себе архимандритов. Монастыри продолжают владеть населенными землями.

В 1509 году киевский митрополит Иосиф созвал в Вильне собор из епископов, архимандритов и протопопов; собор прежде всего вооружился против тех, которые еще при жизни епископа уже подкупаются на его епископию и берут ее, у короля без совета и воли митрополита, епископов, князей и панов православных. Положено ставить в священники только людей достойных, недостойного же не ставить, если даже и король будет этого требовать; в последнем случае все епископы с митрополитом идут к королю и объявляют ему недостойность его избранника. Положено не принимать священников из одной епархии в другую без отпускной грамоты от епископа; не допускать неженатых священников до священнодействия: если хотят священствовать, то пусть идут в монахи, в противном случае причисляются к мирянам; таким образом, и в Западной Руси последовали примеру Руси Восточной. Определено, что князья и паны в своих владениях не имеют прав отнимать церкви у священника без объявления вины его епископу и без соборного суда над ним по этому обвинению; если же князь или боярин отнимает у священника церковь без вины и без ведома святительского, то епископ не ставит к церкви другого священника до тех пор, пока не будет оказана справедливость первому. Если князь или боярин в своем имени будет держать церковь без священника в продолжение трех месяцев, то

епископ сам посылает к ней священника. Если князь или боярин отнимет что-нибудь у церкви без суда митрополичьего, то будет отлучен. Если священник по приказанию князя или боярина станет священствовать без епископского благословения, то будет лишен сана. Если король или кто-нибудь из вельмож пришлет к митрополиту или епископу с требованием нарушения хотя одной статьи, постановленной на соборе, то никто на это да не дерзает, но все должны съехаться к митрополиту и вместе бить челом королю и стоять непоколебимо за принятые правила. Ясно, что постановлениями этого Виленского собора православное духовенство хотело противодействовать вредному влиянию иноверных властей.

Мы видели, что в Судебнике отца Василиева было постановлено: без дворского, и без старосты, и без лучших людей наместникам и волостелям суда не судить; мы видели также, что это постановление было внесено и великим князем Василием в его уставные грамоты; под 1508 годом летописец говорит: «Пожаловал государь великий князь: слыша, что в Великом Новгороде наместники и тиуны их судят по мзде, велел своему дворецкому и дворцовым дьякам выбрать из улицы лучших людей 46 человек и привести их к целованию; с тех пор поставили судить с наместниками старосту купецкого, а с тиунами определили судить целовальникам по четыре на каждый месяц». Отдаленные лопари жаловались, что ездят за ними приставы новгородских наместников, а за ними ездят ябедники новгородские, человек по тридцати и больше, от поруки берут рублей по 10 и больше, сроки явиться к суду назначают в деловую пору. Вследствие этой жалобы великий князь велел новгородским своим дьякам беречь лопарей от наместников; наместники и тиуны их не судят лопарей, судят и ведают их дьяки; подьячие, посылаемые дьяками к ним за данью, назначают и судный срок кому следует, этот срок – 25 марта; подьячие медов и вин к ним с собою не возят, сзывов не делают и от поруки и за данью лишков не берут. Касательно третейского суда от описываемого времени дошла до нас замечательная запись старца Иова, уполномоченного Солотчинским монастырем (в Рязанской области), и Федора Замятнина, ведшего с монастырем спор о сече и лесе. «Мы, – говорят Иов и Замятнин в записи, – в том лесу меж собою зарядили третьих, детей боярских Кондырева и Кашкалдеева: быть им у нас на той спорной сече в лесу, как мы им побьем челом. Как станем мы на той спорной сече и лесу с своими старожильцами, то наши третьи спросят наших старожильцев по крестному целованью, и когда старожильцы укажут третьим между, то третьи велят старожильцам бросить жребий: если вынется жребий монастырских старожильцев, то им идти с иконой, и, где они будут указывать между, туда Замятнину идти с своими старожильцами копать ямы и грани класть, и как отведут, то нам и межа. Если же вынется жребий замятнинских старожильцев, то они идут с иконою и указывают между. Третьих нам обоим истцам слушать и если вместо двоих явится один третий, то слушать и одного». В одном из актов, относящихся к описываемому времени, находим любопытный случай касательно поля, или судебного поединка; перед великокняжеским нижегородским писцом (переписчиком земель) тягался о земле Иван Машков со старцем Павлом, уполномоченным от Печерского монастыря; но обычаю, обе стороны выставили свидетелей-старожильцев: Машков выставил троих детей боярских и троих великокняжеских крестьян: старец Павел выставил шестерых монастырских

крестьян; последние потребовали поля с свидетелями Машкова, но трое детей боярских отвечали: «Мы с ними на поле биться не лезем, а поставят против нас детей боярских, то мы против детей боярских на поле лезем»; крестьяне же согласились биться. Несмотря на то, судья решил дело в пользу монастыря, потому что половина свидетелей Машкова отказалась от поля, – решение явно несправедливое, потому что дети боярские отказались биться с крестьянами, требуя равных себе противников-детей же боярских. От времени великого князя Василия дошли до нас две любопытные духовные: одна-Ивана Алферьева, в которой завещатель отказывает имущество своему сыну и внуку поровну с условием, что ни тот, ни другой не может без обоюдного согласия располагать своим участком, ни продать, ни променять, ни в приданое, ни по душе отдать, ни в аренду, ни в наймы. Вторая духовная-Петра Молечкина, который, не имея детей, отказывает свое недвижимое монастырям и родственникам, потом говорит: «Если после меня родится у моей жены сын, то отчина моя вся сыну моему, с тем чтоб он роздал по моей душе 50 рублей по церквам; если ж родится дочь, то ей дать 80 рублей из моего имения; благословляю жену мою за ее приданое своими вотчинными землями (следует перечисление), которые она вольна променять, продать, по душе дать; а не пойдет жена моя замуж, станет сидеть, то жить ей на селе Молечкине до смерти, после чего оно отходит к монастырям-Троицкому и Иосифову Волоколамскому». По смерти завещателя великий князь велел сначала вотчину его взять на себя, а долги платить из казны, но потом велел отдать вотчину жене покойного с обязательством платить долги и с правом продать эту вотчину и по душе отдать. Касательно понятий о наследстве приведем также слова великого князя Василия Герберштейну; Василий требовал от Сигизмунда литовского городов, которые принадлежали великой княгине Елене; Герберштейн возражал, что московский государь не имеет никакого права на эти города; тогда Василий велел сказать ему: «Чаем, что и брату нашему Максимилиану, и иным государем ведомо, что во многих государствах тот обычай не токмо в великих государех, но и в меньших государех и в молодых людех и в правилех святых отец писано: то идет по наследствию: будет у которого отрод, ино тот возьмет вотчину и казну, а не будет у которого отроду, ино взяти ближнему в роду». Это совершенно согласно с положением Судебника Иоанна III: «А которой человек умрет без духовные грамоты и не будет у него сына, ино статок весь и земли дочери, а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода». Но в завещании Молечкина мы видели, как пересиливали еще старинные понятия, что дочь не наследница, а имеет право только на приданое для выхода замуж, и Молечкин дает единственной дочери только 80 рублей. Это всего лучше объясняет нам статью Русской Правды о ненаследовании дочерей после смерда.

В 1522 году на Виленском сейме король Сигизмунд объявил, что так как до сих пор в Литве нет никаких письменных статутов и суд производится по обычаям и по произволу судей, отчего проистекают частые жалобы, то он, король, вознамерился изданием общего для всех статута прекратить этот беспорядок. Статут был написан на русском языке, утвержден в 1529 году и начал действовать с 1 января 1530 года. Он состоит из тринадцати отделов: в первом отделе (о персоне господарской) повторяется давнее постановление, что никто не наказывается по заочному обвинению и несправедливый обвинитель терпит то же самое наказание, какое готовил обвиненному. Еще в 1509 году король приговорил

с панами радами: если отец изменит, то имущество его идет на государя; захочет ли государь что дать детям изменника или не захочет-это зависит от его милости. Если будет несколько братьев неразделившихся и один из них изменит, то теряет долю, которая ему приходилась, в остальном же имении волен государь, захочет ли оставить его во владении других братьев или нет; если же братья были разделены, то изменник теряет свою долю, другие же братья удерживают свои. В статуте говорится, что имущество изменника, родовое, выслуженное и купленное, – все идет на короля, а не отдается ни детям, ни ближним; если отец уйдет в землю неприятельскую, оставив на родине детей неотделенных, то имение идет на короля; отделенные же дети или братья изменника удерживают свое имущество, если будет доказано, что они не участвовали в измене. Составители ложных бумаг и печатей королевских сжигаются огнем. За насилие уряднику королевскому, при отпращивании его должности причиненное, – смертная казнь. Повторяется прежнее постановление, что родственники и слуги преступника не терпят никакого наказания. Все подданные королевские без различия состояний и богатства судятся одним судом. Король, находясь в Польше, не раздаёт литовских имений и не подтверждает прежних пожалований; раздача эта и подтверждение происходят тогда только, когда король находится в Литве вместе с панами радами, на общем сейме. В исках по имуществам полагается десятилетняя давность. Второй отдел заключает в себе постановления о земской обороне, третий-о шляхетских правах, четвертый-о семейных отношениях. Касательно имущества жен и их состояния по смерти мужей развиваются древние положения, которые мы видим в обеих половинах Руси, или ограничиваются вследствие требований государственного интереса. Если муж захочет жене своей записать вено, то должен оценить все свое имущество и записать вено в третью часть цены, за приданое, принесенное женою (противко внесения); сравним слова нашего Молечкина, который в своей духовной благословляет жену вотчинами своими за ее приданое. Когда после этого муж умрет, оставит детей, а жена пойдет за другого мужа, то дети могут выкупить у нее записанное отцом их вено, заплативши ей ту сумму денег, в какую оно было оценено; если же дети не захотят выкупать вена, будут дожидаться смерти матери своей, то наследуют после нее это вено, но обязаны по ее смерти отдать приданные ей деньги тому, кому она в духовной их откажет, вено же свое она не может никому отказать; если детей не будет, то родственники мужа поступают точно так же. Муж волен отказать жене всю свою движимость (рухомыя речи), золото, серебро и проч., кроме оружия; из стад, рабов и скота может отказать только третью часть, потому что это не считается движимым, но состоящим при имении. Кто, выдавая дочь замуж, хочет дать за нею деньги, тот прежде всего пусть смотрит, третья часть зятнина имения стоит ли точно денег, которые он дает за дочерью; если не стоит, то пусть отец на эти деньги купит имение и даст его дочери. Жена, получившая от мужа вено, по смерти его не вступившая в другой брак, имеющая взрослых сыновей, пользуется только своим веном, а сыновья владеют всем имуществом отцовским, с которого отправляют земскую службу; но если жена не имеет вена, то пользуется равной частью имущества с сыновьями; если же пойдет замуж, то часть свою должна оставить детям и без всякого вознаграждения. Принимая во внимание вред, причиняемый государству бездетными вдовами, которые владеют всем имением мужей своих, тратят его в ущерб мужним наследникам, и службы с этих имений

при женском управлении отправляются не так, как следует, король постановил: бездетная вдова получает только вено; если же вена не имеет, то пользуется третьею частью имущества до своей смерти или до замужества, в каких случаях и эта третья часть переходит к родственникам мужа. Если муж, умирая, поручит детей своих и имущество кому-нибудь из своих приятелей, хотя бы чужому человеку, тогда последний опекает детей и имущество, а жена умершего пользуется только своим венном. Если же кто умрет, не поручивши детей своих никому, то жена заботится о детях и управляет всем имуществом до совершеннолетия детей; когда дети вырастут, то мать пользуется равною с ними частью имущества; если же будет иметь одного сына, то ему уступает две части, а сама остается при третьей. Если жена, будучи опекуншею детей, пойдет замуж, то опека переходит к родственникам покойного мужа. Дурное управление имуществом детским, доказанное на суде, также лишает ее права оставаться опекуншею; если нет родственников, то король или паны назначают чужого доброго человека опекуном. Если родители, выдавши одну дочь замуж, умрут, оставя других дочерей в девицах, то последние получают точно такое же приданое, какое получила сестра их; если родители в духовном завещании определили количество приданого за дочерьми, то завещание имеет силу; если же завещания нет, то все имущество оценивается, и цена четвертой части его отдается дочерям; если даже будет одна дочь при многих братьях, то она получает цену всей четвертой части, и наоборот, если будет много сестер при одном брате, то все они получают одну четвертую часть, разделивши ее поровну. Подданная Великого княжества Литовского, вышедшая замуж в чужую землю, в Польшу или Мазовию, не может наследовать недвижимого имущества во владениях литовских. Девушка, вышедшая замуж без воли отцовской или материнской, лишается наследства, если бы даже была одна дочь у отца: имение переходит к родственникам. Если девица-сирота, несовершеннолетняя, выйдет замуж без согласия дядей или братьев, то лишается имения родительского; если бы она была совершеннолетняя, а братья или дядья нарочно не позволяли ей выходить замуж, то она должна обратиться с жалобою к другим родственникам или к правительству, с их разрешения выходит замуж и не теряет своей доли имущества; без согласия же родственников и правительства, хотя и совершеннолетняя выйдет замуж, лишается своего участка. После брата в отцовском имуществе наследуют только братья, в материнском же и сестра имеет равную с ними долю. За непочтительное обращение родители имеют право лишать детей наследства, но не иначе как давши знать об этом правительству и представив законные причины; отец, лишивший наследства сына и не имеющий других детей, должен две части имущества оставить родным, а третьего может распорядиться по произволу. Вдова, вышедшая замуж с венном от первого мужа, от второго уже не может иметь вена, но по смерти его пользуется одинаковою с детьми частью имущества; если же нет детей, тогда пользуется до смерти своей третьею частью имущества. Король дает обещание не выдавать вдов и девиц насильно замуж. Пятый отдел статута заключает статьи об опеке: ответственность опекуна определяется согласно с древними положениями, которые встречаются в Русской Правде; в том же отделе говорится, что всякий может распорядиться в завещании имением купленным или движимым; не могут делать завещания несовершеннолетние, монахи, дети, от отцов не отделенные, люди, в чужой власти находящиеся,

преступники, помешанные. Здесь важное различие между Западной и Восточной Русью, ибо в последней начиная с договора Олега с греками наследство по завещанию предшествует наследству по закону, последнее открывается только тогда, когда умерший не оставит после себя завещания, и завещатель в своей духовной распоряжается одинаково произвольно имуществом наследственным и благоприобретенным. В литовском же законодательстве мы видим, что можно было завещать только благоприобретенные и движимые имущества. Думают, что все славяне, а по примеру их и литовцы всегда отвергали завещания, которые явились вследствие влияния римского начала, вследствие влияния канонического права. Но положим, что даже завещания и в Олеговом договоре могли явиться вследствие влияния римского начала, ибо говорится о руси, живущей в Империи, служащей у императора; почему же восточные славяне так легко уступили влиянию канонического права, а западные поддались ему с таким трудом? По нашему мнению, ограничение завещания у западных славян и в Литве явилось вследствие раннего преобладания сословного и государственного интереса над личным произволом отца-завещателя, чего не было в Руси Московской. В шестом отделе говорится о судопроизводстве: воевода, староста или державец королевский должен в своем повете выбрать двух землянинов, людей добрых и веры достойных, и привести их к присяге, и когда ему самому нельзя будет судить, то эти присяжные вместе с его наместником судят по законам, данным всей земле. В суде никто не смеет отказаться отвечать и требовать переноса дела к королю или к сейму; если же после решения дела которая-нибудь сторона чувствует себя обиженной, то может требовать переноса дела на суд королевский или в отсутствие короля на суд сеймовый; паны радные для этого суда обязаны съезжаться в Вильну два раза в год. В седьмом отделе говорится о насилиях, причиненных шляхте: за наезд на дом с целью убийства виновный казнится смертью, из имения его платится головщина ближним убитого, кроме пени, следующей в казну королевскую; если б даже хозяин дома не был убит, спасся бегством, то наездник казнится смертью, а за наезд платится из его имения. Если наездник или помощник его будут убиты обороняющимся хозяином, то последний не только не отвечает, но еще получает вознаграждение из имения убитого наездника; таким образом, законодательство XVI века твердо держится постановления Русской Правды. За насилие, совершенное над женщиною или девицею, преступник казнится смертью, но обиженная может спасти ему жизнь, объявив желание выйти за него замуж; за убийство отца, матери, брата, сестры-смертная казнь; за разбой на дороге также; за убийство шляхтича из имения преступника платится родным убитого сто коп грошей да в казну королевскую сто коп. Кто укрывает преступников и помогает им, наказывается точно так же, как и они сами. Отделы осьмой и девятый говорят о решении споров по землевладению; здесь, между прочим, определено, что свидетелями не могут быть ни жида, ни татары, а только христиане исповедания латинского или греческого, но и между христианами к свидетельству допускаются только те, которые исповедаются и приобщаются каждый год и пользуются хорошою славою. В отделе десятом говорится об имуществах, которые в долгах, и о залогах. В отделе одиннадцатом определяется, что должно платить за убийство простых людей и за раны, им нанесенные; здесь же постановлено, что жид и татарин не могут иметь рабов-христиан; но татары держат ту челядь, которая дана

им вместе с дворами от предков королевских; вольный человек ни за какое преступление не может быть обращен в рабство; если во время голода господин выгоняет от себя челядь невольную, не желая ее кормить, и она сама себя прокормит, то становится вольною; происхождение невольников четвероякое: 1) стародавнее невольничество и происхождение от невольных родителей; 2) плен; 3) если кто будет выдан другому на смерть и будет просить неволи вместо смерти; 4) женитьба на невольной женщине и выход замуж за невольника. В двенадцатом и тринадцатом отделах говорится о воровстве: если шляхтич в первый раз будет обвинен в воровстве без поличного, то обвиненный должен очистить себя присягою; если будет обвинен в другой раз также без поличного, тогда присяга одного его уже недостаточна; с ним вместе должны присягнуть два шляхтича, пользующиеся доброю славою; при третьем обвинении должны присягать с обвиненным шесть шляхтичей; а при четвертом обвинении обвиненного вешают. Вора с поличным пытаются три раза в один день, и если он с пытки не повинится, то обвинитель должен заплатить ему за каждую муку по полтине грошей; если же он умрет на пытке, не повинившись, то обвинитель платит за него головщину, смотря по званию умершего; если обвиненный в силу чародейства не чувствует мук на пытке, то обвинитель присягает и получает от обвиненного вознаграждение за покраденные вещи. Гораздо прежде издания статута король Сигизмунд с панами радами постановил о пересуде: если кто на ком что-нибудь ищет и не доищется, тот, на ком искали, не платит пересуда; но если кто на ком ищет и доищется, то выигравший дело платит пересуд: от рубля-десять грошей, от десяти рублей-рубли грошей, от ста рублей – десять рублей грошей.

Касательно народного права замечателен договор новгородских и псковских наместников с ливонскими немцами в 1509 году; прежде, сказано в договоре, когда ехал новгородский посол к магистру, то магистров проводник в Нарве брал с него по рублю; точно так же и новгородский проводник брал с магистра посла в Иван-городе по рублю; теперь этого рубля не брать с обеих сторон, давать проводника безденежно; так же в Новгороде до сих пор брали с магистра посла и в ливонских городах с новгородского посла подворное; вперед послам с обеих сторон давать подворье даром. В договоре 1521 года определено: если будет тяжба у Новгорода с немцем в каком-нибудь ливонском городе, то тут же дело решается, если предмет спора не выше десяти рублей; если же иск больше чем в десяти рублях, то новгородца с немцем в ливонских городах не судить, но отдать ответчика-новгородца на поруки или держать под стражею и дать знать об этом наместникам новгородским, которые положат срок, когда обоим тяжущимся стать на съезде, на реке Нарове, на общем острове; к этому сроку оба правительства высылают судей; так же поступать и в уголовных случаях: немца в Новгороде, а новгородца в Немецкой земле не казнить, а ставить на съезде перед общими судьями. Если на общем суде присудят крестное целованье, то целовать ответчику. В договоре с ганзейскими городами 1514 года определено: потерпят новгородские купцы на море какой-нибудь вред от лихих людей и эти лихие люди будут из 70 городов ганзейских, то 70 городов ищут лихих людей и, нашедши, казнят смертью, а товар новгородский отдают новгородским купцам; если лихие люди будут не из 70 городов, то ищет правительство новгородское; потерпит вред немецкий купец на земле и воде новгородской, то наместники новгородские ищут лихих людей и, сыскавши, казнят их смертию, а товары отдают купцам.

Услышавши о таких случаях, о разбоях, купцов новгородских не сажать в тюрьму в семидесяти городах, а немецких купцов не сажать в тюрьму в новгородских городах. Положит новгородец с немцем товар на одно судно и случится с этим товаром беда на море, то оставшимся товаром делиться новгородцу с немцем без хитрости, по крестному целованию; прибудет новгородское судно ветром к немецкому берегу или немецкое судно к новгородскому берегу, то суда эти, обыскав, отдавать на обе стороны, а брать с них перейма от десяти рублей по рублю. В переговорах с императорским послом Герберштейном великий князь велел высказать такое положение относительно безопасности послов: «В обычае меж великих государей послы ездят и дела меж их делают по сговору на обе стороны, а силы над ними некоторые не живет. От прародителей наших, и при отце нашем, и при нас от королей польских послы ездили и дела великие делывались на обе стороны, уговоря. Да как придет на добрый конец, и они, дела сделав, без зацепки прочь пойдут; а которые дела не придут на доброе согласие, и они и, не сделав дела, прочь пойдут безо всякие ж зацепки». Но в отношении к татарам это правило, как мы видели, не соблюдалось.

Заметим некоторые случаи Василиева княжения, которые могут дать нам понятие о нравах и обычаях времени. В летописях записаны подробно церковные торжества, в которых великий князь принимал самое деятельное участие. Так, при описании отпуска святых икон во Владимир после их возобновления говорится, что великий князь праздновал тот день светло и радостно с высшим духовенством, князьями и боярами, пир устроил большой, милостыню священникам и нищим роздал на город. В 1531 году великий князь по обещанию построил церковь Иоанна Предтечи на старом Ваганькове: сам первый начал работать, за ним плотники; церковь выстроили в один день и в тот же самый день освятили; великий князь присутствовал с семейством, боярами и множеством народа, вероятно, Василий исполнил этим обет свой, данный пред рождением сына Иоанна. Освящение церкви в селе Коломенском великий князь праздновал три дня, дарил митрополита и братьев своих. В памятниках все чаще и чаще встречаются известия о братчинах, или складчинных пирах, по случаю праздников. В своем месте было замечено, что происхождение этого обычая надобно искать во временах дохристианских. По особым условиям, о которых будет речь ниже, братчины или братства в Юго-Западной Руси получили после особенное развитие и значение.

В 1525 году судил суд великий князь Василий; тягались из Юрьева новой слободки митрополичьи крестьяне, Клишко Насонов и товарищи его с людьми Акинфа Чудинова-Козлом, Сухим, Хромым и другими; Клишко жаловался: «Козел с товарищами загнали у нас с поля животину, четыре коровы да двадцать овец, к себе в деревню; и я, Клишко, с товарищами приехали к тому Козлу бить челом, чтоб нам животину нашу отдали, но Козел с товарищами начали нас бить и собаками травить; я, Клишко, с двумя товарищами поутекали, но третьего товарища, Добрынку Андреева, Козел и его товарищи убили до смерти и неведомо где дели, а всего грабежу у Добрынки и с нашею животиною взяли на четыре рубли и на шестнадцать алтын». Ответчики и господин их Акинф Чудинов запирались и хотели с своей стороны обвинить истцов, но обвинений своих не могли доказать, почему великий князь их обвинил и велел на Козле с товарищами взыскать 4 рубли 16 алтын да за Добрынку убитую голову четыре рубли, да за

долг, который остался на Добрынке, и судебные убытки и отдать Климку с товарищами. – В 1513 году великий князь дал такой приказ в Белозерские волости старостам, десяцким и всем крестьянам: «Били мне челом старцы Ниловой пустыни, чтоб мне велеть их беречь от воров и от разбойников: и вы бы их берегли от лихих людей, от воров и от разбойников, накрепко, чтоб им не было обиды ни от какого человека. А который старец начнет жить у них в их пустыне бесчинно, не по их уставу, и я им велел того старца выслать вон; а не послушает их старец, от них вои не пойдет по моему приказу, и велят вам старцы того чернеца выслать вон, вы бы его выкинули вон, чтоб у них не жил». – Из жития св. Даниила Переяславского узнаем, что на дороге между Москвою и Переяславлем происходили сильные разбои, разбойничал какой-то Симон Воронов.

По смерти известного псковского дьяка Мисюря Мунехина нашли в его казне тетради, в которых было записано, кому что на Москве дал-боярам, дьякам, детям боярским; все это великий князь велел взыскать на себя; родственники Мисюря были вызваны в Москву, любимый подьячий его, Артюша Псковитин, был на пытке.

Со времен великого князя Василия начинается ряд подробнейших описаний Московского государства, принадлежащих иностранным путешественникам, преимущественно послам; этот ряд открывается знаменитыми комментариями Герберштейна. По иностранным известиям, браки у жителей Московского государства устраивались родителями жениха и невесты; молодые люди высших сословий обыкновенно до самого брака не видывали невест своих, потому что для женщин высших сословий считалось делом приличия вести затворническую жизнь. Очень редко посещали они церкви, еще реже показывались гостям-мужчинам, разве только старикам, которых нельзя было подозревать в излишней любезности. Впрочем, в известные праздничные дни позволялось женщинам и девушкам собираться на луга, качаться на качелях, петь песни с прихлопыванием в ладоши. Здесь нас останавливает известие, что женщины очень редко ходили в церковь; если принимать это известие, то оно объяснится тем, что почти у каждого сколько-нибудь богатого человека была своя домовая церковь, вследствие чего знатные женщины действительно могли очень редко ездить на богомолье в соборные, монастырские и другими всеми посещаемые церкви. Герберштейн первый пустил в ход рассказ, что русские женщины упрекали в холодности мужей, если те их не били; то же самое говорит он и о слугах, которые думали, что господа сердятся, если не бьют их. Герберштейн жалуется также на лень и спесь значительнейших людей, не умевших при этом в известных случаях поддерживать собственное достоинство. Будучи умеренны в пище, они не были умеренны в питье. Богатые люди вели жизнь сидячую; ходить пешком считалось неприличным.

Знатные люди имели многочисленную служню из рабов и свободных. И свободный служитель проводил обыкновенно всю жизнь у одного господина, потому что если он оставит последнего против его желания, то никто другой не возьмет его; но и господин, дурно обращающийся с хорошим слугою, приобретает дурную славу, и никто из свободных людей не пойдет к нему в услужение. Перед смертью господа обыкновенно отпускают рабов на волю; но те, освободившись, тотчас закабаливаются в холопство другим господам, взявши с них деньги. Отец может закабалить своего сына; если последний получит свободу, то отец может

закабалить его в другой, третий и четвертый раз, после же четвертого раза кабалить не может. Казнить смертью как свободных, так и несвободных людей может один великий князь. Случаи смертной казни вообще бывали редки, ибо за воровство редко казнили смертью, даже за убийство редко, если только оно не было совершено для грабежа; употреблялись пытки-битье по пятам, обливание холодною водою, вколачивание деревянных гвоздей под пятки. Взятки были в явном употреблении. Герберштейн жалуется на хитрости жителей Московского государства в торговле, на их страсть торговаться, тянуть дело и особенно обвиняет в этом жителей собственно Московской области, хваля псковичей за противоположный обычай. Он оставил описание боев, которыми в его время потешались молодые люди в Москве: на обширной площади сходились они и начинали биться на кулачки, стараясь ударять противника в самые чувствительные места, так что часто выносили мертвых из толпы. В праздничные дни рабочее народонаселение, отслушав обедню, возвращалось к своим обычным занятиям, потому что простому народу запрещено употребление пива и меда, исключая самых главных праздников-Светлого воскресенья, Рождества Христова, Троицына дня и некоторых других.

Герберштейн оставил нам описание русской одежды XVI века, в которой нам легко узнать кафтан, подпоясанный под живот кушаком, красные короткие сапоги не доходили до колен. Из русских памятников довольно подробное перечисление одежд и украшений женских и мужских находим в духовном завещании удельного князя Димитрия Ивановича: накладки женские, саженье жемчугом, запущье подволочное сажено жемчугом на бели на камке червчатой, саженье шубы женской, сажено жемчугом с дробницею на бели, монисто золотое, цаты с яхонтами и жемчугом, чело кичное с тем же украшением, переперы кичные серебряные золоченые, ожерелье на цках золотых, серьги, жиковины женские – все это, украшенное жемчугом и камнями дорогими, монисто с крестами, иконами и пронизками, запонки с переперами, чичаки золотые; мужское саженье платье: ментени атласные с кружевом, а кружево сажено жемчугом, однорядки скорлатные, колпаки-столбуны с жемчугом, чоботы, саженье жемчугом. Упоминаются также в духовной сосуды золоченые через грань, на крышах у которых были разные изображения: у одного – городок, у другого-птица; кубки золоченые и незолоченые с пупышами, травами и достокановым делом, сосуды в виде вола, лодки, петуха, рога, чары, ковши с литыми зверями и узорами, мисы, блюда, блюдо лебяжье, блюдо гусиное, рассольники, горчишники, тарели, ложки, ставцы, солонки, перечницы, уксусницы, сковороды золоченые. Из завещаний можно иметь понятие только об одежде и столовом серебре, в описании кончины Василиевой упоминается о креслах, на которых больной великий князь сидел подле постели.

Мы видели вещи, поименованные в завещании княжеском; теперь взглянем на завещание богатого купца, на вещи, которые в нем поименованы: «Благословляю дочь свою Ульяну иконою Благовещения на золоте да другую иконою складною 12 праздников, серебром обложенною; да Ульяне же даю торлоп куний, летник камчатный, шубку зеленую, ожерелье бобровое наметное, летник новый мухояровый червчатый, летник изуфрянный, кортел хребтовый белый. Другую дочь, Анну, благословляю тремя иконами на золоте; даю ей лахань медную, рукомойник, три котла поваренных, куб винный с трубою. Меньшую

дочь, Прасковью, благословляю пятью образами на золоте. Даю всем трем дочерям своим восемь оловянных и кружек и мушором, да оловяничек медный, да судки столовые оловянные, да четыре сковородки медные белые; теще своей дал шубу кунью ветхую; дочерям-шубу кунью, шубу белью, однорядку лазоревую брюкишную, охабень багровый, два ларца, коробью новгородскую, 9 блюд оловянных, четыре шандана железных стальных да два шандана стоячих медных; дочери Прасковье-котел медный пивной; дочери Анне – чарку серебряную, и цена чарке два рубля». Герберштейн оставил нам краткое описание домов, которые, по его словам, имели обширные и высокие сени, но низкие двери, так что входить нужно было, непременно нагнувшись. В каждой комнате в переднем углу находились изображения святых, или писанные, или литые.

В Западной Руси начальство препятствовало церковному суду, укрывая от него преступников, и тем вредило нравственности. Назначенный митрополит Иосиф жаловался королю, что многие из русских людей живут незаконно, женятся, не венчаясь, детей крестить не хотят, на исповедь не ходят, а когда он посылает за ними слуг своих, то войты, бурмистры, радцы, мещане не выдают их на суд; король разослал грамоту, чтоб вперед этого не было. В уставных грамотах державцам и тиунам жмудских волостей король говорит, что подданным его в этих волостях урядники причиняют великие неправды и непомерные тяжести, так что многие люди с земель своих прочь разошлись и земель пустых много осталось. Относительно обычаев в Западной Руси дошла до нас запись (лист) знаменитого гетмана литовского, князя Константина Острожского, данная пред вступлением его во второй брак с княжною Александрою Слуцкою. Принужденный отложить свадьбу по причине похода к Минску, князь Константин обязывается вступить в брак немедленно по возвращении с королевской службы, если только тому не воспрепятствуют болезнь или новое назначение от короля. Родственники невесты обязаны дать за нею наличными деньгами тысячу золотых червонных венгерских да приданое, приличное ее знатному происхождению, стоящее не менее трех тысяч коп грошей литовской монеты. Князь Константин с своей стороны обязывается, взявши деньги, записать жене вено на своих отчинах, которыми прежде записания этого вена не может распоряжаться-другому записывать их, продавать, дарить; вено должно состоять из третьей части всех вотчин княжеских. Детей от второго брака князь Константин обязывается держать так же, как и сына от первого-Илью: по смерти отца они получают равную долю наследства с этим старшим братом. При исполнении этих обязательств сторона неисполнившая обязана заплатить 8 тысяч коп грошей: 4000-другой стороне и 4000-королю.

Литература продолжала быть по преимуществу церковною, а мы уже видели, какие вопросы занимали русскую церковь в княжение Василия, видели главных деятелей при решении этих вопросов и труды их. В 1508 году преставился знаменитый отшельник Нил Сорский, поднявший при Иоанне III вопрос о монастырских имениях. Постриженник Кириллова Белозерского монастыря, Нил провел несколько лет на Афонской горе и в монастырях константинопольских, изучил здесь творения св. отцов пустынных, руководствующие к созерцательной жизни, и, возвратившись в отечество, старался ввести эту жизнь среди русских иноков; предание Нила ученикам дошло до нас; выпишем из него несколько мест, из которых ясно будет видно направление учителя.

«Сие же от св. отец опасне предано есть нам, – говорит Нил, – яко да от праведных трудов своего рукоделия и работы, дневную пищу и прочие нужные потребности себе приобретаем. Делати же дела подобает под кровом бывающая. Аще ли же не удовлимся в потребах наших от делания своего, то взимати мало милостыни от христороубцев, нужная, а не излишняя. Стяжания же, яже по насилию от чужих трудов собираема, вносити отнюдь несть нам на пользу. Како бо можем сохранить заповеди господни, сия имеюще: хотя7щему с тобою судитися и одежду твою взяти, отдаждь ему и срачицу, и прочая елико таковая, страстни суще и немощни; но должны есмы, яко яд смертоносен, стревати и отгоняти. В купли же потреб наших и продаянии рукоделий подобает не отщетевати (не убытчить) брата, паче же самим тщету приимати. Излишняя же не подобает нам имети. А еже просящим даяти и заемлющих не отвращати, сие на лукавых повелено есть, глаголет великий Василий. Не имея излише нужные потребности, не должен есть таковой даяния даяти; и аще речет: не имам, несть солгал, глаголет великий Варсонофий. Явлен бо есть инок он, иже не подлежит творити милостыню; той бо откровенным лицом может рещи: се мы оставихом вся и в след тебе идохом. Пишет же св. Исаак: нестяжание вышши есть таковых подаяний. Сосуды златы и серебряны и самые священные не подобает нам имети, такожде и прочая украшения излишняя, но точию потребная церкви приносить. – Наипаче во время молитвы подобает подвизатися поставити ум глух и нем, якоже рече Нил Синайский, и имети сердце безмолствующе от всякого помысла, аще и отнюдь благ является, глаголет Исихий Иерусалимский. И понеже речено есть, яко благим помыслом последующе, лукавии входят в нас: того ради подобает понуждатися молчати мыслию и от мнящихся помысл десных, и зрети присно в глубину сердечную, и глаголати: господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй мя. И тако глаголи прилежно, аще стоя, или седя, или лежа, и ум в сердце затворяя, и дыхание держа, елико мощно, да не часто дышеши, якоже глаголет Симеон, новый богослов. А еже рекоша сии святии держати дыхание, еже не часто дыхати, и искус вскоре научит, яко зело пользует к собранию умному. О сущих в предъуспешии и доспевших в просвещение рече (св. Григорий Синаит): сиа не требуют глаголати псалмы, но молчание и неоскудную молитву и видение. Святой же Исаак о сицевых высочайшая пища, поведает тако: егда бывает им неизреченная иная радость, и молитву от уст отсекает, престанут бо тогда, рече, уста и язык и сердце, иже помыслом хранитель, и ум, чувством кормчий, и мысль, скоролетящая птица и бесстудная; и не к тому имать мысль молитву, ни движение, ни самовластие, но постановлением наставляется силою иною, а не наставляет, и пленением содержится в час оный, и бывает в непостижных вещех, иде же не весть».

Не раз упоминали мы о великокняжеском дьяке Мисюре Мунехине, который долгое время заведовал делами Пскова. Как все Лучшие, грамотные люди того времени, Мунехин питал сильную склонность к монастырской жизни; в 40 верстах от Пскова, на немецком рубеже, отыскал он убогий, никем не знаемый монастырь Печерский, стал о нем заботиться, ездить туда по праздникам со многими людьми и кормить братию, распространил, обстроил монастырь, который с тех пор, по словам летописца, стал славен не только на Руси, но и в Латыне, т. е. в Немецкой земле, до самого моря Варяжского. К этому-то Мисюрю обращался со своими любопытными посланиями Филофей, инок Елизарова

монастыря; в одном из них Филофей касается вопросов, которые особенно занимали тогда грамотных людей. Мы видели, что и Максим Грек должен был вооружиться против веры во влияние звезд; Филофей вооружается против того же: звезды, говорит он, не имеют влияния на судьбу мира и людей; если бог сотворил злые дни и часы, то за что же злые люди будут подвержены мучению? Не виноваты они, что родились в злые часы; надобно уповать на вседающего бога, а звезды не помогут ни в чем, ни придадут, ни отнимут; Филофей утверждает также, что нет разности считать годы от сотворения мира или от Рождества Христова; вооружается против латинов; наконец касается значения Московского государства: два Рима пали, третий есть Москва, четвертому не быть. Другое послание Филофея к Мисюрю касается мер, которые умный дьяк употреблял против распространения моровой язвы, а именно: он загораживал дороги, печатал дома, мертвые тела приказывал хоронить в отдалении от города.

Владыки по-прежнему поучали, народ; летописец, описывая приезд архиепископа Макария в Новгород, говорит: «Просветившись силою божиею, он начал беседовать к пароду повестями многими, и все чудились, как от бога дана была ему мудрость в божественном писании, так что все разумели, что он говорил». Митрополит Даниил в послании к одному епископу определяет, в чем должно было состоять пастырское поучение: «Не о себе учить или от своего разума составлять что, но от свидетельства божественных писаний». Впрочем, по свидетельству иностранцев, проповедь не была в употреблении; причиною тому было опасение, чтоб проповедник не сказал чего-нибудь еретического. Об этом свидетельствует и приведенное наставление митрополита Даниила, который в собственных поучениях остается верен предложенному правилу: поучения эти обыкновенно наполнены выписками из сочинений св. отцов. Зная отношения Даниила, как осифлянина, к Вассиану Косому, мы не удивимся, встретивши в одном поучении митрополита увещание к правительству действовать против еретиков: «Подобает божиим слугам многое попечение иметь о божественных законах и соблюдать род человеческий невредимо от волков душепагубных и не давати воли людям, зло творящим. Осуждаются воры, разбойники и другие злодеи; казнят людей, поправших и оплевавших образ земного царя; тем большею ненавистию должно возненавидеть хулящих сына божия, бога и пречистую богородицу. Блюдись от волков, блюдиись от псов, блюдиись от свиней, блюдиись от злых делателей, блюдиись, да не разобьют и не съедят стада Христова, о чем не малый дашь ответ на страшном суде Христове. Блюдись, чтоб, угождая людям, не погубить себя и других». Любопытны в поучениях Даниила указания на некоторые обычаи времени, например: «Великий подвиг творишь, угождая блудницам, платье переменяешь, сапоги у тебя яркого красного цвета, чрезвычайно узкие, так что сильно жмут ноги, блистаешь, скачешь, ржешь, как жеребец, волосы не только бритвою вместе с телом сбрываешь, но и щипцами с корнем исторгаешь, позавидовавши женщинам, мужское свое лицо на женское претворяешь, моешься, румянишься, душишься, как женщина... Какая тебе нужда носить сапоги, шелком шитые, перстни на пальцы надевать? Какая тебе выгода тратить время над птицами? Какая нужда множество псов иметь? Какая похвала на позорища ходить? Мы не только носим шитые шелком сапоги, но даже под рубашкою, где никто не видит, некоторые носят дорогие пояса с золотом и серебром».

Шестой том

Глава первая

Правление великой княгини Елены

Право Елены на правление. – Смуты. – Заключение удельного князя Юрия. – Торжество Телепнева-Оболенского и заключение Глинского. – Бегство вельмож в Литву. – Бегство удельного князя Андрея из Старицы, приезд его в Москву и заключение. – Война литовская, переговоры и перемирие. – Дела крымские. – Происки Бельского в Константинополе. – Вмешательство Гиреев в дела казанские. – Мирный договор с Швецией и сношения с другими государствами. – Построение городов; вызов поселенцев из-за границы. – Меры против поддельных и резаных денег. – Дети боярские, живущие в Думе. – Онежская уставная грамота; грамота владимирским бобровникам. – Могущество Телепнева-Оболенского. – Смерть Елены.

Уже в Русской Правде находим, что по смерти отца опека над малолетними детьми, распоряжение имуществом их принадлежат матери; не говоря о древней Ольге, в позднейшее время мы видели важное значение матери семейства княжеского, ее влияние на дела не только при малолетних, но даже и при возрастных сыновьях; следовательно, по смерти Василия опека над малолетним Иоанном и управление великим княжеством, естественно, принадлежали великой княгине – вдове Елене. Это делалось по обычаю, всеми признанному, подразумевавшемуся, и потому в подробном описании кончины Василия среди подробных известий о последних словах его и распоряжениях не говорится прямо о том, чтоб великий князь назначил жену свою правительницею; говорится только, что трем приближенным лицам – Михаилу Юрьеву, князю Михаилу Глинскому и Шигоне – Василий приказал о великой княгине Елене, как ей без него быть, как к ней боярам ходить. Последние слова о боярском хождении мы должны принимать как прямо относящиеся к правительственному значению Елены, должны видеть здесь хождение с докладами. В одной летописи говорится о возведении малолетнего Иоанна на престол таким образом: начали государя ставить на великое княжение в соборной церкви Пречистой богородицы митрополит Даниил и весь причет церковный, князья, бояре и все православное христианство; благословил его митрополит крестом и сказал громким голосом: «Бог благословляет тебя, государь, князь великий Иван Васильевич, владимирский, московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, пермский, болгарский, смоленский и иных земель многих, царь и государь всея Руси! Добр здоров будь на великом княжении, на столе отца своего». Новому государю пропели многолетие, и пошли к нему князья и бояре, понесли дары многие; после этого

отправили по всем городам детей боярских приводить к присяге жителей городских и сельских.

Умиравший Василий имел много причин беспокоиться о судьбе малолетнего сына: при малютке осталось двое дядей, которые хотя отказались от прав своих на старшинство, однако могли при первом удобном случае, отговорясь невольною присягою, возобновить старые притязания; эти притязания тем более были опасны, что вельможи, потомки князей, также толковали о старых правах своих и тяготились новым порядком вещей, введенным при Василии и отце его. «Вы бы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем мы крест целовали», – говорил умирающий братьям; боярам он счел нужным напомнить о происхождении своем от Владимира киевского, напомнить, что он и сын его – прирожденные государи; Василий знал, что в случае усобицы и торжества братьев должны повториться те же явления, какие происходили при деде его, Василии Темном, что тогда малюткам – детям его нельзя ждать пощады от победителя; и вот он обращается к человеку, по близкому родству обязанному и по способностям могущему блюсти за сохранением семьи великокняжеской: «А ты бы, князь Михайло Глинский, за моего сына, великого князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына, князя Юрья, кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал».

Опасения умирающего сбылись: тотчас после похорон Василия вдове его донесли уже о крамоле. Летописцы оставили нам об этом деле разные свидетельства: по одним, двое князей Шуйских, Иван и Андрей Михайловичи, еще при великом князе Василии отъезжали к удельному князю Юрию; Василий отправил к брату с требованием их выдачи, и тот беспрекословно исполнил это требование; Василий велел оковать отъезжиков и разослать их по разным городам; но великая княгиня Елена, ставши правительницею, приказала освободить их по ходатайству митрополита и бояр. Первым делом Андрея Шуйского по возвращении в Москву была новая крамола: он начал подговаривать князя Бориса Горбатого к отъезду, объявил, что князь Юрий зовет его, Андрея, к себе и он хочет к нему ехать. «Поедем со мною вместе, – говорил он Горбатову, – а здесь служить – ничего не выслужишь: князь великий еще молод, и слухи носят о князе Юрии; если князь Юрий сядет на государстве, а мы к нему раньше других отъедем, то мы у него этим выслужимся». Горбатый не только сам не согласился отъехать, но и Шуйскому отсоветовал; тогда последний, видя неудачу и опасаясь последствий своей откровенности с Горбатым, решился предупредить его: явился к великой княгине и объявил, что князь Борис зовет его отъехать к князю Юрию, который также присылал и к нему с приглашением; но правда открылась, и князя Шуйского посадили опять под стражу. При этом бояре сказали правительнице, что надобно схватить и князя Юрия; Елена отвечала им: «Как будет лучше, так и делайте». Бояре сочли за лучшее отделаться заблаговременно от удельного князя, и Юрий вместе с своими боярами посажен был под стражу в той самой палате, где прежде сидел племянник его, несчастный Димитрий, внук Иоанна III.

По второму известию, князь Юрий прислал дьяка своего, Третьяка Тишкова, к князю Андрею Шуйскому звать его к себе на службу. Шуйский сказал дьяку: «Князь ваш вчера крест целовал великому князю, клялся добра ему хотеть, а теперь от него людей зовет!» Третьяк отвечал на это: «Князя Юрия бояре приводили заперши к целованию, а сами ему за великого князя присяги не дали:

так что это за целование? Это невольное целование!» Андрей Шуйский сказал об этом князю Горбатову, последний сказал боярам, а бояре – великой княгине. Елена отвечала им: «Вчера вы крест целовали сыну моему на том, что будете ему служить и во всем добра хотеть; так вы по тому и делайте: если является зло, то не давайте ему усилиться». И по приказанию великой княгини Юрий был захвачен.

Какое же из этих двух известий мы должны предпочесть? Автор первого старается оправдать князя Юрия и обвинить во всем бояр и князя Андрея Шуйского; по его словам, «дьявол вложил мысль недобрую: только не схватить князя Юрия Ивановича, то великого князя государству крепку быть нельзя, потому что государь молод, а Юрий совершенный человек и людей приучить умеет; как люди к нему пойдут, то он станет под великим князем подыскивать государства. Дьявол вложил эту мысль, зная, что если князь Юрий не будет схвачен, то не так совершится воля его (дьявола) в граблении, продажах, убийствах». Последние слова показывают нам, что известие составлено в то время, когда уже бояре возбудили против себя всеобщее негодование граблениями, продажами и убийствами. Когда бояре, по словам того же известия, еще только думали, как сказать великой княгине о необходимости схватить Юрия, дьявол, видя, что мысль его хочет сбыться, вошел в князя Шуйского и побудил его, злодея, замыслить отъезд; у князя Юрия и на мысли этого не было, потому что он крест целовал великому князю: как было ему изменить? Князь Андрей Шуйский одинпомышлял зло. Многие рассказывали, что дети боярские и даже бояре говорили князю Юрию, чтоб ехал поскорей в Дмитров: «Поедешь в Дмитров, то на тебя никто и посмотреть не посмеет; а будешь здесь жить, то уже ходят слухи, что тебя непременно схватят». Юрий отвечал им: «Приехал я к государю, великому князю Василию, а государь, по грехам, болен; я ему целовал крест, да и сыну его, великому князю Ивану: так как же мне крестное целование преступить? Я готов на своей правде и умереть!» Автор известия мог быть убежден в невинности князя Юрия, но, к сожалению, он не приводит ясных доказательств этой невинности; что князь Юрий крест целовал – это еще не доказательство, ибо и Андрей Шуйский также крест целовал; рассказы многих об ответе Юрия своим боярам и детям боярским также не имеют сильной убедительности. Второе известие имеет за себя обстоятельность рассказа: автор его знает, кого именно князь Юрий присылал к Андрею Шуйскому – дьяка Третьяка Тишкова; знает, чем дьяк оправдывал своего князя в нарушении присяги. Против этого известия приводят то обстоятельство, что Андрей Шуйский действительно был признан виновным и содержался под стражею до самой смерти Елены; но из второго известия нельзя нисколько заключать о невинности Шуйского; первое его возражение насчет недавней присяги Юрия нисколько еще не ведет к заключению, что он после не мог согласиться с доводом Тишкова, не убедился в выгоде отъехать к князю Юрию и не обратился с тем же предложением к Горбатову; в этом отношении второе известие нисколько не противоречит первому: имея в виду только рассказать причину заключения князя Юрия, оно опускает подробности, относящиеся к другому лицу. Но в приведенных известиях есть еще одно обстоятельство: оба полагают взятие Юрия под стражу 11 декабря; но во втором известии Андрей Шуйский возражает дьяку Тишкову: «Ваш князь вчера крест целовал»; Елена говорит боярам: «Вчера вы крест целовали сыну моему»; но мы знаем, что это крестоцелование происходило немедленно по смерти Василия, т.е. не позднее утра

4 числа (Василий умер вечером с 3 на 4 число), и, следовательно, Юрий присылал к Шуйскому или Шуйский стал подговаривать Горбатого, и дело дошло до Елены 5 числа; как же в такое короткое время Елена успела отдать приказ освободить князей Шуйских, содержавшихся по разным городам, и они успели приехать в Москву, где, побыв мало, как говорит первое известие, Андрей затеял новый отъезд? Если мы даже предположим неверность второго известия относительно 5 числа, то и тут останется сомнительным рассказ первого известия, что Андрей Шуйский находился с братом в заточении и только по смерти Василия получил свободу: в такое короткое время, от 4 числа до 11, Елена успела простить Шуйских, гонец с известием об этом прощении успел съездить в тот город, где был заточен князь Андрей, тогда как мы не имеем никакого права полагать, что он был заточен в ближний от Москвы город, Андрей успел собраться и возвратиться в Москву, где, побыв мало, успел завести крамолу!

По той же самой причине, т.е. по краткости времени, протекшего от смерти Василия до заключения Юрия, нельзя думать, чтоб донос известного нам Яганова относился к замыслам князя Юрия в то время, когда еще последний был на свободе; гораздо вероятнее, что Яганов донес на дмитровских детей боярских князя Юрия, объявил, что они жалеют о своем князе, порицают московское правительство и т.п.; вот как он рассказывает о своем деле в челобитной: «Приказал ко мне князя Юрия Ивановича сын боярский Яков Мещеринов, который прежде некоторыми делами отцу твоему, государь, служил, чтоб я ехал к нему в деревню для некоторого твоего государева дела; я сказал об этом Ивану Юрьевичу Шигоне, и Шигона мне отвечал: ступай к Якову, и если у него какое-нибудь дело государево поновилось, то ты вместе с Яковым пораньше приезжай в Москву: я об нем и об его службе представлю государю. Я приехал к Якову, и, что он мне сказал, я тотчас послал об этом грамоту с моим человеком к князю Михаилу (Глинскому) и к Шигоне, а сам остался у Якова, чтоб доведаться полных вестей о деле. Иван Шигона моего человека к нам отпустил с приказом ехать нам в Москву, а ты, государь, прислал за нами своих детей боярских и велел нас к Москве взять. Здесь, перед твоими боярами, Яков то дело с меня снял, что он мне сказывал, а слышал, говорит, у княж Юрьевых детей боярских; а которые речи Яков мне сказывал о дмитровских делах, тех речей список я подал твоим боярам; Яков и те речи с меня снял. А что я слышал у тех же детей боярских на попойке жестокою речью с Яковым вместе и мы ту речью сказали твоим боярам, того я не знаю, спьяна ли они говорили или вздурясь: мне в ту пору уши свои не смолою было забить». Донос оказался ложным, и Яганова заключили в оковы; это наказание за ложный донос показывает нам, что правительство не было расположено верить всякому слуху относительно удельных князей и что если оно решилось заключить Юрия, то имело на то основания.

Из челобитной Яганова видно, кто были самые доверенные, самые влиятельные люди при дворе в первое время по смерти Василия; то были князь Михаил Глинский и Шигона Поджогин: к ним двоим обращался Яганов с известиями о государевых делах. Таким образом, Глинский и в Москве достиг почти такого же положения, какое имел в Литве при Александре; но скоро явился ему опасный соперник – то был князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, умевший приобрести особенное расположение великой княгини, сблизившейся с ним, вероятно, посредством сестры его Аграфены Челядниной, мамки великого

князя. Оболенскому и Глинскому стало тесно друг с другом, и Елена должна была выбирать между ними; она выбрала Оболенского. Глинский был обвинен в том, что захотел держать государство вместе с единомышленником своим, Михаилом Семеновичем Воронцовым; это обвинение понятно для нас, ибо прежняя деятельность Глинского обличала в нем человека, не умевшего умерять свое честолюбие и выбирать средства для достижения своих целей; мы имеем право смотреть на борьбу его с Оболенским как на следствие честолюбивых стремлений, а не нравственных побуждений только, но для современников нужно было еще другое обвинение: и Глинского в Москве обвиняли в том, что он отравил великого князя Василия, точно так как в Литве обвиняли его в отравлении великого князя Александра; оба обвинения явно несправедливы; но мог ли жаловаться на них Глинский, мог ли оправдываться в них убийца пана Заберезинского? Что же касается до соумышленника Глинского, Воронцова, то это тот самый вельможа, с которым великий князь Василий помирился перед смертью.

В августе 1534 года был схвачен Глинский и посажен в той самой палате, где прежде сидел при Василии; он скоро умер. В том же августе, но еще прежде, двое людей из самых знатных родов: князь Семен Бельский и Иван Ляцкий – последний из рода Кошкиных – убежали в Литву; за соумышленничество с ними правительница велела схватить брата Семенова, князя Ивана Федоровича Бельского, и князя Ивана Михайловича Воротынского с детьми, князя Дмитрия Бельского не тронули, и это обстоятельство отнимает у нас право предполагать, что Иван Бельский и Воротынский были схвачены без основания. Бегство Семена Бельского и Ляцкого, заключение Ивана Бельского, Воротынского, Глинского и Воронцова, случившиеся в одно время, в одном месяце, могут навести на мысль, что все это было следствием общего негодования вельмож на Елену и ее любимца Оболенского, – негодования, которого мы увидим сильные следы. В первые минуты по смерти Василия, когда правление твердого государя сменилось правлением слабой женщины, каждый при этой смене видел возможность для осуществления своих честолюбивых замыслов, и потому все охотно согласилось на скорые и решительные меры против замыслов удельного князя Юрия; но когда по прошествии некоторого времени отношения определились, когда увидели Телепнева-Оболенского облеченным полною доверенностью правительницы, занимающим первое место в управлении, когда, следовательно, многие обманулись в своих честолюбивых надеждах, то негодование и обнаружилось.

При заключении князя Юрия источники выставляют на первый план бояр, на решение которых Елена отдала это дело; при заключении второго дяди Иоаннова, князя Андрея Ивановича, мы видим действующими саму Елену и князя Телепнева-Оболенского. Князь Андрей не был нисколько заподозрен в соумышленничестве с братом своим Юрием и спокойно жил в Москве до сорочин по великом князе Василии; но, собравшись после этого ехать в удел, стал припрашивать у Елены городов к своей отчине; в городах ему отказали, а дали по обыкновению на память о покойном шубы, кубки, копей, иноходцев в седлах. Андрей уехал с неудовольствием в Старицу; нашлись люди, которые передали об этом неудовольствии в Москву; нашлись также люди, которые сказали Андрею, что в Москве хотят его схватить. Елена отправила в Старицу князя Ивана Васильевича Шуйского и дьяка Меньшого Путятину внушить Андрею, что это

слух ложный. Андрей не удовольствовался этим, но требовал от Елены письменного удостоверения и, получив его, приехал в Москву для личных объяснений с правительницею, причем митрополит Даниил был посредником; Андрей начал с того, что до него дошел слух, будто великий князь и она, Елена, хотят положить на него опалу; Елена отвечала: «Нам про тебя также слух доходит, что ты на нас сердишься; и ты б в своей правде стоял крепко, а лихих людей не слушал, да объявил бы нам, что это за люди, чтоб вперед между нами ничего дурного не было». Князь Андрей не назвал никого, сказал, что ему так самому показалось. Елена повторила ему, что она ничего против него не имеет. Как видно, в это время взята была с Андрея запись, в которой он клялся исполнить договор, заключенный им прежде с племянником, обязался не утаивать ничего, что ни услышит о великом князе и его матери от брата своего, от князей, бояр, дьяков великокняжеских или от своих бояр и дьяков, ссорщиков не слушать и объявлять о их речах великому князю и его матери. Эта запись особенно замечательна тем, что в ней впервые встречаем ограничение или, лучше сказать, уничтожение права удельных князей принимать к себе служивых князей, бояр и слуг вольных, права, как мы видели, нарушавшегося при отце и деде Иоанна, но не перестававшего вноситься в договоры великих князей с удельными; Андрей обязался не принимать князей, бояр, дьяков, детей боярских и никого другого, если они отъедут от великого князя на его лихо. Но при всяком почти отъезде предполагалось неудовольствие отъехавшего, ибо какие выгоды могли заставить отъехать от великого князя к удельному? Почему великий князь мог знать, что боярин отъехал к дяде на его лихо или нет? При всяком отъезде он мог подозревать, что на лихо, и требовать выдачи отъехавшего.

По возвращении из Москвы в Старицу Андрей подозрения и страха не отложил и продолжал сердиться на Елену, зачем не прибавила городов к его уделу. В Москву опять начали доносить, что Андрей собирается бежать. Елена, по свидетельству летописи, не поверила этим доносам и послала звать Андрея на совет по случаю войны казанской; Андрей отвечал, что не может приехать по причине болезни, и просил прислать лекаря. Правительница послала к нему известного нам Феофила, который, возвратившись, донес ей, что у Андрея болезнь легкая, говорит, что на стегне болячка, а лежит на постели. Тогда Еленою овладело подозрение: почему Андрей не приехал на совет о важном деле казанском? Она послала опять к Андрею осведомиться о его здоровье, а между тем велела тайно разузнать, нет ли какого о нем слуха и почему он в Москву не поехал. Посланные донесли, что у старицкого князя есть лишние люди, которых обыкновенно у него не бывает, и эти люди говорить ничего не смеют; но по словам других людей, Андрей затем притворился больным, что не смеет ехать в Москву, Елена послала вторично звать его в Москву, и вторично та же отговорка болезнию; послали в третий раз с требованием непременно приехать в каком бы ни было положении. С ответом Андрей отправил в Москву князя Федора Пронского, и этот ответ дошел до нас; здесь дядя государев, удельный князь, называет себя холопом великого князя; несмотря, однако, на такой униженный тон, удельный князь не может удержаться, чтоб не напомнить племяннику старины, он велит сказать ему: «Ты, государь, приказал к нам с великим запрещением, чтоб нам непременно у тебя быть, как ни есть; нам, государь, скорбь и кручина большая, что ты не веришь нашей болезни и за нами посылаешь

неотложно; а прежде, государь, того не бывало, чтоб нас к вам, государям, на носилках волочили. И я от болезни и от беды, с кручины отбыл ума и мысли. Так ты бы, государь, пожаловал, показал милость, согрел сердце и живот холопу своему своим жалованьем, чтобы холопу твоему вперед было можно и надежно твоим жалованьем быть бескорбно и без кручины, как тебе бог положит на сердце».

Но не успел еще Пронский доехать до Москвы, как один из детей боярских Андреевых, князь Голубой-Ростовский, тайно ночью прислал к князю Телепневу-Оболенскому с вестию, что князь Андрей непременно побежит из своего удела на другой день. Тогда Елена отправила к Андрею трех духовных особ: крутицкого владыку, симоновского архимандрита и спасского протопопа, которые должны были сказать удельному князю от имени митрополита: «Слух до нас дошел, что ты хочешь оставить благословение отца своего, гробы родительские, святое отечество, жалованье и береженье государя своего, великого князя Василия и сына его; я благословляю тебя и молю жить вместе с государем своим и соблюдать присягу без всякой хитрости; да ехал бы ты к государю и к государыне без всякого сомнения, и мы тебя благословляем и берем на свои руки». В случае если Андрей не послушает митрополичьих увещаний, посланные должны были наложить на него проклятие. Не полагаясь, однако, на действительность церковных увещаний и угроз, московское правительство выслало к Волоку сильные полки под начальством двоих князей Оболенских – князя Никиты Хромого и князя Ивана Овчины-Телепнева. Посланника Андреева, князя Пронского, перехватили на дороге; но в то время как брали Пронского, одному из его провожатых, сыну боярскому Сатину, удалось убежать; он прискакал в Старицу и объявил своему князю, что Пронский схвачен и великокняжеские войска идут схватить самого его, Андрея; с Волока пришли вести, что московские полки уже тут. Тогда Андрей не стал более медлить и 2 мая 1537 года выехал из Старицы. Неизвестно, имел ли он прежде намерение броситься к Новгороду и поднять здесь недовольных: смотря по характеру всех действий Андрея, должно думать, что это намерение завести непосредственную, открытую борьбу с племянником в самых областях Московского государства было слишком смело для него; по всем вероятностям, единственным средством спасения в крайности представлялось для него бегство в Литву. Но теперь, при известии, что московские полки уже находятся в Волоке с целию отрезать ему дорогу к юго-западу, к литовским границам, Андрею не оставалось ничего более, как двинуться прямо на север, в новгородские области, причем он велел писать грамоты к помещикам, детям боярским и в погосты: «Князь великий молод, держат государство бояре, и вам у кого служить? Я же вас рад жаловать». Многие помещики из погостов действительно приехали к нему служить, но зато в собственных полках Андреевых открылась измена: с третьего стану, на Цне, побежало несколько детей боярских; одного из них успели перехватить и привели к князю, который отдал его под присмотр своему дворянину Каше; Каша велел связать руки и ноги перебежчику, посадить его в озеро в одной сорочке, выставя только голову на берег, чтоб не захлебнулся, и таким образом пытал, кто еще хотел бежать с ним вместе. Перебежчик назвал так много соумышленников, что князь Андрей велел потушить дело, потому что нельзя же было их всех перевешать, как говорит летописец. Зато редкою по тогдашним отношениям верною отличился

воевода Андреев, князь Юрий Оболенский: еще прежде, заподозрив старицкого князя во враждебных замыслах и желая ослабить его, Елена потребовала, чтоб он послал на Коломну воеводу, князя Юрия Оболенского, с большим отрядом детей боярских. Узнавши о бегстве своего князя, Оболенский, по выражению летописца, начал богу молиться и, утаясь от воевод великокняжеских, выехал из Коломны, перевезся через Волгу под Дегулиным, потопил суда, чтоб не достались преследователям, и соединился с Андреем на речке Березне, не доезжая немного Едровского яма. В пяти верстах от Заячьего яма, в Тухоле, настиг Андрея другой Оболенский, князь Иван Овчина-Телепнев, товарищ которого, князь Никита, отправился укреплять Новгород. Здесь известия начинают разногласить, потому что одни летописцы держали сторону московского правительства, другие – сторону удельного князя. По московским известиям, когда оба войска выстроились для бою, князь Андрей не захотел сражаться, завел переговоры с князем Оболенским, обещал бросить оружие, если тот даст ему клятву, что великий князь и Елена не схватят его и большой опалы на него не положат. Оболенский, не обославшись с Еленою, дал Андрею требуемую клятву и вместе с ним отправился в Москву; но Елена сделала ему строгий выговор, зачем без ее приказанья дал клятву князю Андрею, велела схватить последнего и заключить в оковы, чтоб вперед такой смуты и волнения не было, ибо многие люди московские поколебались. По другим известиям, Оболенские получили в Москве от правительницы наказ звать князя Андрея, чтоб шел в Москву, а князь великий его пожалует и вотчин ему придаст. При встрече с московскими войсками князь Андрей хотел биться, но Оболенский первый стал посылать к нему с предложениями, чтоб не проливал крови, и с обещанием свободного возвращения в отчину; Андрей приехал в Москву в четверг, а схвачен был в субботу, следовательно, с ведома или без ведома правительницы Оболенский дал клятву, в Москве не вдруг решились ее нарушить. Одинакой участи с Андреем подверглась жена его и сын Владимир. Бояре его – князь Пронский, двое Оболенских, Иван и Юрий Андреевичи Пенинские, князь Палецкий, также князья и дети боярские, которые были в избе у Андрея и его думу знали, – были пытаны, казнены торговою казнию и заключены в оковы; тридцать человек помещиков новгородских, которые передались на сторону Андрея, были биты в Москве кнутом и потом повешены по новгородской дороге, в известном расстоянии друг от друга, вплоть до Новгорода. Андрей не более полугода прожил в неволе.

Должно было ожидать, что смутами и неудовольствиями во время малолетства московского великого князя прежде всего захотят воспользоваться в Литве. Мы видели, что здесь ошиблись в расчетах на смуты при восшествии на престол Василия и должны были закрепить за сыном Иоанна III не только все приобретения последнего, но даже уступить Смоленск. Срок перемирия исходил, и престарелому Сигизмунду вовсе не хотелось начинать войны с Василием; его папы радные, по обычаю, отправили посланника Клиновского к двоим боярам московским – князю Дмитрию Федоровичу Бельскому и Михаилу Юрьевичу Захарьину – с просьбою уговорить великого князя прежде истечения перемирия отправить к королю великих послов для заключения вечного мира или нового перемирия; если же великий князь не согласится отправить послов своих к королю, то пусть пришлет в Литву гонца с опасною грамотою на послов королевских, как исстари водилось. Клиновский не застал уже в живых Василия, и

новое правительство распорядилось, чтоб бояре отправили к панам своего посланника с опасною грамотою на больших послов литовских. В то же самое время новый великий князь отправил к Сигизмунду сына боярского Заболоцкого с извещением о смерти отцовою и о своем восшествии на престол. Заболоцкому дан был, между прочим, такой наказ: «Если спросят про великого князя братьев, князя Юрия и князя Андрея Ивановичей, где теперь князь Юрий и князь Андрей, то отвечать: князь Андрей Иванович на Москве у государя, а князь Юрий Иванович государю нашему тотчас по смерти отца его начал делать великие неправды через крестное целование, и государь наш на него опалу свою положил, велел его заключить». Заболоцкому велено было проведать: королю в Вильне долго ли быть, и послов своих к великому князю хочет он отправить или не хочет? В Москве имели причины беспокоиться насчет решения последнего вопроса, ибо известие о смерти Василия и восшествии малолетнего сына его, обещавшем внутренние беспокойства и слабость правительства, возбудило надежды короля и его Рады, и вместо того, чтоб прислать своих великих послов по опасной грамоте, Сигизмунд прислал свою опасную грамоту на послов московских, велел сказать Заболоцкому: «Хочу быть с великим князем в братстве и приязни точно так же, как отец наш, Казимир король, был с дедом его, великим князем Иваном Васильевичем. И если он на этих условиях захочет быть с нами в братстве и приязни, то пусть шлет к нам своих великих послов, да чтоб не медлил». То же самое и паны радные отвечали боярам московским.

Великому князю опасная королевская грамота не понравилась, потому что он к королю об ней не приказывал и послов своих, к королю отправлять не хотел. Перемирие истекло, сношения прекратились, и летом 1534 года гетман Юрий Радзивилл вместе с татарами опустошил окрестности Чернигова, Новгорода Северского, Радогоща, Стародуба, Брянска. Королю доносит, что в Москве господствует сильное несогласие между боярами и несколько раз едва дело не доходило между ними до ножей; во Пскове нет войска, одни только купцы, переведенные из Москвы, да черные люди-псковичи; но черные люди часто сходятся на вече; наместники и дьяки это им запрещают, не зная, что они там думают. Всего важнее был для короля приезд таких знатных беглецов, как князь Семен Бельский и Иван Ляцкий; королю писали, что если он хорошо примет этих беглецов, то многие московские князья и знатные дети боярские последуют их примеру; Сигизмунд послушался и богато наградил Бельского и Ляцкого. Осенью гетман Радзивилл отрядил в Северскую страну киевского воеводу Андрея Немировича и конюшого дворного Василья Чижа; они сожгли Радогощ, но с уроном должны были отступить от Стародуба и Чернигова; такую ж неудачу потерпел и князь Александр Вишневецкий под Смоленском.

Встречая сопротивление под городами, литовские воеводы не встречали московских полков в поле. В Москве боялись крымского хана больше, чем Литвы, и рать стояла под Серпуховом; кроме того, мешали сбору и движению войск внутренние смуты, бегство Семена Бельского и Ляцкого, опала Ивана Бельского, Воротынского, Глинского. Только в сентябре, как видно, правительственные отношения определились окончательно и явилась возможность действовать решительнее. Не ранее конца октября московская рать двинулась в Литву: большой полк вели князя Михайло Горбатый-Суздальский и Никита Оболенский; передовой полк – боярин конюший, князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский; из

Новгорода вел полки князь Борис Горбатый для соединения с князем Михаилом. В свою очередь московские войска не встретили теперь королевских в поле и безнаказанно опустошили области литовские, не дошедши только 50 или 40 верст до Вильны; с другой стороны, князь Федор Овчина-Телепнев-Оболенский ходил из Стародуба до самого Новгорода литовского.

На другой год, узнавши о сильных приготовлениях короля к походу, из Москвы выступила рать: большой полк под начальством князя Василья Васильевича Шуйского и передовой – опять под начальством князя Ивана Телепнева-Оболенского. Эта рать имела целью добыть Мстиславль, а с другой стороны, дворецкий новгородский Бутурлин с псковичами должен был поставить город в Литовской земле, на озере Себеже. Но литовское войско под начальством гетмана Юрия Радзивилла, Андрея Немировича, польского гетмана Тарновского и московского беглеца Семена Бельского вторглось опять в Северскую область, взяло Гомель без сопротивления и осадило Стародуб; здесь воевода князь Федор Телепнев-Оболенский оборонялся мужественно, но литовцы тайно подвели подкоп, взорвали город, и воевода со многими людьми взят был в плен, причем погибло 13000 человек жителей; Почеп был покинут и сожжен самими русскими. Литовские воеводы удовольствовались взятием Гомеля и Стародуба, не пошли дальше; у них было много наемных иностранных ратников, пушкарей, пищальников и подкопщиков; у московских воевод не было подобных мастеров, и потому они, сожегши посад Мстиславский, не могли взять самого города и удовольствовались опустошением окрестностей; Бутурлин успел построить и укрепить новый город – Себеж. В начале 1536 года литовский воевода Андрей Немирович явился под ним; но пушки его действовали плохо, не причинили никакого вреда городу, били своих, а под конец осажденные сделали вылазку и нанесли сильное поражение литовцам, под которыми подломился лед на озере. После этого успеха московские воеводы ходили воевать Литовскую землю под Любеч, сожгли посад Витебска, много волостей и сел повоевали, много людей в плен побрали, много богатства у литовских людей взяли и пришли домой все целы и здоровы. Кроме Себежа построены были на литовском рубеже Заволочье в Ржевском и Велиж в Торопецком уездах; Стародуб и Почеп, покинутые литовцами, были возобновлены.

Не такой войны ждали в Литве, где надеялись на внутренние смуты и совершенное бессилие правительства в малолетство сына Василиева. Сигизмунд обманулся в своих расчетах точно так же, как обманулся брат его Александр по смерти Иоанна III, и хотел прекратить бесполезную борьбу. Еще в сентябре 1535 года приехал в Москву к князю Ивану Телепневу-Оболенскому Андрей Горбатый, человек брата его, князя Федора, находившегося в литовском плену; Горбатый объявил, что гетман Юрий Радзивилл говорил ему о желании короля быть в мире и братстве с великим князем и поручил ему говорить об этом в Москве всем боярам и дьякам; что то же самое говорили ему и другие паны. Бояре приговорили, что надобно Горбатого отпустить к князю Федору, к которому князь Иван пошлет свою грамоту. В этой грамоте Оболенский писал к брату, что, как ему хорошо известно, война начата не с московской стороны, что великий князь посылал к королю Тимофея Заболоцкого для мира и братства, а король с ним нашему государю прислал ответ жестокий и затем вместо посла отправил рать свою на государеву землю. А государь наш, как есть истинный христианский

государь, и прежде не хотел и теперь не хочет, чтоб кровь христианская лилась, а бусурманская рука высилась; хочет наш государь того, чтоб христианство в тишине и покое было. Так если король желает того же и пришлет к нашему государю, то пересылками между государей добрые дела становятся.

Прошло четыре месяца. В начале февраля 1536 года в Москву дали знать из Смоленска, что к князю Оболенскому идет посол от гетмана Радзивилла, человек его Гайка. Посол подал опасную грамоту королевскую для проезда московских послов в Литву, а в грамоте к Оболенскому Радзивилл писал, будто пленник князь Федор Овчина-Оболенский бил челом, чтобы паны ходатайствовали у короля о мире, и король по их ходатайству посылает теперь опасную грамоту. Эта опасная грамота опять не понравилась в Думе великокняжеской; здесь рассуждали: «Пишут на князя Федора, что им князь Федор бьет челом; а князь Федор у них в руках, что хотят, то на него пишут»; приговорили, чтоб Оболенский послал к Радзивиллу вместе с его человеком своего человека с гра мотую, написал бы, что князю Федору бить челом непригоже; приговорили также послать по прежним обычаям свою опасную грамоту на королевских послов; князю же Оболенскому потому нужно было послать своего человека, чтобы дело не порвалось.

В тот самый день, как Оболенский отпустил Гайку из Москвы, именно 27 февраля, литовские войска потерпели поражение под Себежом. В Литве понимали, что это событие не заставит московское правительство исполнить требование короля и отправить своих послов в Литву, и потому придумали новое средство согласить требования обеих сторон. В мае Радзивилл прислал к Оболенскому новую грамоту, в которой писал: «Ты пишешь, чтобы наш господарь отправил своих послов к вашему господарю; но рассудите сами, кому приличнее отправить своих послов – нашему ли господарю, который в таких преклонных летах, или вашему, который так еще молод? Прилично вашему господарю послать к нашему, как к отцу своему. Но если б ваш господарь и отправил своих послов к нашему господарю, давши им полный наказ и запретивши выступать из него, то может легко случиться, что наш господарь не примет этих условий и послы возвратятся, ничего не сделавши; то же самое может случиться, если и наш господарь пришлет к вам в Москву своих послов. Для избежания этого посоветуй с братьею своею, князьями и боярами, господарю своему, чтоб он отправил послов своих великих на границы, давши им полномочие; а король пошлет с своей стороны также великих послов с полномочием, так чтоб, не заключивши мира или перемирия, они не могли разъехаться».

Но это средство не помогло, особенно после себежского дела; великий князь говорил с матерью своею и с боярами, что отправлять к королю послов своих ему непригоже: прежде отец его никогда не посылавал; и на съезд ему послов своих отправить также непригоже; много о том бывало речей от папы и от цезаря, чтоб послам быть на съезде, и князь великий Василий всегда отговаривал. С этим решением Оболенский опять отправил человека своего к Радзивиллу; в грамоте своей он дал ему знать, что государи в сношениях своих друг с другом должны поддерживать достоинство государств своих, а не считаться летами: «Ведомо вам гораздо, что с божиею волею от прародителей своих государи наши государства свои держат; отец государя нашего, великий государь Василий, был на государствах отца своего и на своих; теперь сын его на тех же государствах деда и отца своего; государь наш теперь в молодых летах, а милостию божиею

государствами своими в совершенных летах. А что ты писал о съезде посольском на границах, то это кто-нибудь, не желая между государями доброго согласия, такие новизны выдумывает; от предков наших государей повелось, что от королей к ним послы ходили и дела у них делали».

Король сделал еще шаг вперед: в июле месяце прислал уже прямо от себя к Иоанну кревского наместника Никодима Техановского с прежним требованием присылки великих послов в Литву и с опасною грамотою на них. В Думе решили: Никодима отпустить, а к королю послать сына боярского доброго, для того чтоб с королем дела не порвать; а не послать к королю человека, то вперед задрать о мире будет тяжело. И отправили в Литву сына боярского Хлуденева с опасною грамотою на королевских послов. Хлуденев возвратился уже в ноябре и объявил, что к Рождеству будут в Москву великие литовские послы – полоцкий воевода Ян Юрьевич Глебович с товарищами; Хлуденев сказывал также, что по дороге честь ему была велика, кормы давали вдоволь и чтили его. Ян Глебович явился к назначенному сроку, и переговоры открылись; они начались спором о том, кто первый начал войну – литовцы или русские. Говорили бояре с послами о том многие речи; бояре говорили: королевы люди начали, а послы говорили: великого князя люди начали – и долго о том говорили. Послы говорили, что король посылал гетмана на северские города, потому что эти города его; король Казимир отдал их Шемякину и Можайскому, и те изменили и передали их Москве. Бояре отвечали, что северские города были к Киеву, а Киев – отчина великому князю; и о том речей спорных и бранных много говорили. Когда эти споры наскучили, послы сказали, что не для чего говорить о старине, а надобно найти доброе дело, как бы между государями мир устроить. Когда бояре согласились говорить о настоящем деле, то начался спор, кому первому излагать свои условия; бояре настояли, чтобы первые говорили послы, и те начали требованием Новгорода и Пскова. Бояре отвечали: «И прежде о том бывали речи, да плода не было и не будет. Зачем говорить нелепости, от которых плода никакого нет? Где Новгород, где Псков? И конца тому нет, откуда идут ваши речи». После многих спорных речей послы сказали: «Много поговоривши, как бы к концу приговориться» – и стали требовать мира, какой был между Казимиром и Василием Темным. Бояре назвали и это бесплодными речами. Послы стали говорить о мире Иоанна III с Александром, Василия с Сигизмундом; бояре, разбранившись с ними, пошли прочь, и великий князь велел послам ехать на подворье.

Во второе совещание послы приехали и долго сидели молча; наскучив их молчанием, боярин Михаил Юрьевич сказал: «Паны! Хотя бы теперь дни были и большие, то молчаньем ничего не сделать; а теперь дни короткие, и говорить будете, так все мало времени». Послы отвечали: «Мы уже говорим два дня и все по приказу господаря своего спускаем, а вы ни одного слова не спустите; скажите нам, как ваш государь с нашим господарем в вечном мире быть хочет?» Бояре отвечали, что вечный мир может быть заключен только на тех условиях, на каких было перемирие между Сигизмундом и покойным великим князем Василием, т.е. чтоб Смоленск навеки был уступлен Москве; а которые дела случились уже при Иоанне, о тех вперед будет разговор (говоря). Послы сказали на это: «Положите на своем разуме: для чего господарю нашему своей отчины отступиться и в полную писать?» Бояре опять разбранились с послами, и те уехали на подворье. Третье совещание началось так же, как окончилось второе, многими спорными речами;

наконец один из послов сказал: «Много говорим речей, а к концу не приговоримся; поискать бы нам среднего пути: господарю нашему Смоленска уступить на голые слова нельзя». Бояре спросили: «Что значит „голые слова“?» Посол отвечал: «Если государь ваш Смоленска отдать не хочет, то пусть даст господарю нашему другой какой-нибудь город, равный Смоленску величиною и богатством». Бояре с этим предложением пошли к великому князю и, возвратившись, отвечали именем Иоанна: «Отец наш ту свою отчину с божьею волею достал и благословил ею нас; мы ее держим за собою и королю никак не уступим; а другой город за нее для чего нам давать? Смоленск – наша отчина изначала, от предков, и если наши предки случайно ее потеряли, то нам опять дал ее бог, и мы ее не уступим». Видя, что нет возможности заключить вечный мир, послы предложили перемирие. Великий князь говорил с боярами: «Пригоже ли с королем взять перемирье на время?» И приговорил, что «пригоже для иных сторон недружных: Крым неведом, с царем Саип-Гиреем крепости еще нет никакой, и Ислам-Гирей – человек шаткий, нестойательный; а казанские люди изменили, и с ними еще дела никакого не сделано; для этого пригоже с королем взять перемирье, чтоб с теми сторонами поуправиться». В переговорах о перемирии главное затруднение состояло в том, что бояре требовали назад Гомель и свободы пленных, на что послы никак не соглашались, желая, чтобы война кончилась хотя каким-нибудь приобретением для Литвы; относительно же пленных представляли опять на вид, как и во времена Василиевы, что у короля в руках знатные пленники московские и ему невыгодно променять их на незнатных литовских; бояре говорили: «Какая прибыль пленных не отпустить и своих не взять? Ведь они люди, и если люди, так смертны; были, да не будут – и в том какая прибыль? А Гомель – отчина государя нашего, и королю за собою зачем чужое держать? У вашего господаря в плену добрые люди, а у нашего – молодые, да зато их много: так бы на большинство натянуть, меньших людей больше взять. В больших душа и в меньших душа же, обои погибнут – и в том какая прибыль для обеих сторон!» Послы никак не соглашались и требовали также, чтоб великий князь разорил городки, поставленные им во время войны на своей и на Литовской земле. Согласились, что пленным свободы не будет, что Гомель останется за королем, а новые городки, Заволочье и Себеж, – за великим князем; но после этого начались споры относительно границ волостям; тут уладиться не могли, переговоры рушились, послы уже откланялись великому князю, но перед самым отъездом сказали приставу: «Захотят бояре еще делать, и мы с ними хотим делать; а государевым здоровьем у нас хоромы теплы и кормов много, можно нам мешкать за государевыми делами, только бы дал бог дело сделалось». Пристав сказал об этом боярам, послов опять позвали на совещание, и наконец уладилось, заключили перемирие на пять лет, от Благовещеньева дня 1537 до Благовещеньева дня 1542 года.

В Думе прямо объявили о необходимости заключить перемирие с королем, чтоб иметь возможность поуправиться с Казанью и Крымом. Одним из первых распоряжений правительства по смерти Василия было отправление сына боярского Челищева в Крым с известием о восшествии на престол Иоанна. Челищев должен был бить челом Саип-Гирею, чтоб пожаловал нового великого князя, учинил его себе впрок братом и другом, как великий князь Василий был с Менгли-Гиреем; посол должен был также сказать хану: «Если дашь шертную

грамоту, то большой посол, князь Стригин-Оболенский, уже ждет в Путивле с большими поминками и немедленно пойдет к тебе». Но, суля неопределенно большие поминки за шертную грамоту, Челищев по-прежнему не должен был ничего давать в пошлину, не должен был давать клятвы, что великий князь будет присылать хану поминки уроком.

В генваре отправлен был Челищев в Крым, а в мае татары уже разоряли русские места по реке Проне, но были прогнаны. Скоро, однако, в самом Крыму встала усобица между ханом Саип-Гиреем и старшим по нем из Гиреев-Исламом; Орда разделилась между соперниками, и это разделение было очень полезно для Москвы, ибо хотя оба хана следовали прежним разбойничьим привычкам и ни от одного из них нельзя было надеяться прочного союза, однако силы разбойников были разделены. Ислам дал обещание королю стоять с ним заодно на всех неприятелей, следовательно, и на московского великого князя и в то же время прислал в Москву с предложением союза; но разумеется, главная цель посылки была требование казны: «Которую казну ты к Саип-Гирею послал, ту казну пришли мне: меня царем учинил турецкий султан, так ему надобно послать много поминков». В Москве действительно сочли за лучшее послать казну к Исламу, потому что нерасположение Саипа было слишком явно: он пограбил Челищева и всех его людей. Князь Стригин-Оболенский получил вследствие этого приказ ехать из Путивля в Крым к Исламу с большими поминками; очень вероятно, что Оболенский не хотел ехать в Крым, зная, что обыкновенно терпели там московские послы, и он искал всякого рода отговорок, но та, которую он нашел, очень любопытна для нас; он писал великому князю: «Ислам отправил к тебе послом Темеша; по этого Темеша в Крыму не знают и имени ему не ведают; в том бог волен да ты, государь: опалу на меня положить или казнить меня велишь, а мне против этого Исламова посла, Темеша, нельзя идти». Великий князь положил на Оболенского опалу и вместо его велел идти в Крым князю Мезецкому. Начались пересылки с обычным характером: московское правительство требовало от Ислама шертной грамоты, деятельного союза против Литвы; Ислам требовал денег, жаловался, что великий князь не исполнил отцовского завещания, по которому будто бы Василий в знак дружбы отказал ему, Исламу, половину казны своей. В августе 1535 года, когда полки московские шли на защиту Северной стороны от литовцев, крымцы напали на берега Оки, были отражены, но отвлекли московские силы от Северной стороны и облегчили королевскому войску взятие Гомеля и Стародуба. Исламовых послов задержали за это в Москве, но хан отговорился, что воевал московские области не он, а Саип, и послов выпустили. С московскими людьми в Крыму поступали по-прежнему; посол Наумов писал к великому князю: «Приехали к Исламу твои козаки, и вот князя и уланы начали с них платье снимать, просят соболей; я послал сказать об этом Исламу, а князя и уланы пришли на Ислама с бранью: ты у нас отнимаешь, не велишь великому князю нам поминков присылать; а Ислам говорил: какое наше братство! Нарочно великий князь не шлет к нам поминков, не хотя со мною в дружбе и в братстве быть; а князьям сказал: делайте, как вам любо! И они все хотят козаков твоих продать». В Москве, наоборот, старались избегать всякого повода к жалобе со стороны хана: так, когда в Новгороде Северском крымского посла в ссоре покололи рогатиною, то виновники были отосланы головою в Крым к хану. Крымского посла при представлении два раза дарили платьем, сам великий князь

подавал ему и товарищам его мед, но требовалось, чтоб посол против государева жалованья на колени становился и колпак снимал.

Скоро сношения с Крымом получили для Москвы новое значение. Московский отъезжик, князь Семен Бельский, видя, что дела Сигизмундовы с Москвою идут вовсе не так хорошо, как ему хотелось и как он обещал в Литве, отпросился у короля в Иерусалим, будто бы для исполнения обета, но вместо того стал хлопотать в Константинополе, как бы поднять султана и крымцев на Москву в союзе с Литвою: с помощью турок и Литвы ему хотелось восстановить для себя не только независимое княжество Бельское, но и Рязанское, потому что он считал себя по матери, княжне рязанской (племяннице Иоанна III), единственным наследником этого княжества по пресечении мужеской линии князей рязанских. По заключении уже мира с Москвою Сигизмунд получил от Бельского письмо с уведомлением, что султан взялся помогать ему, приказал Саип-Гирею крымскому и двоим пашам, силистрийскому и кафинскому, выступить с ним в поход, что у пашей этих может быть более 40000 войска, кроме Саип-Гирея, людей его и козаков белгородских; писал, чтоб и Сигизмунд высылал своих великих гетманов со всеми войсками в Московскую землю; просил также короля, чтоб дал ему лист, за которым бы мог безопасно приехать в Литву для своих дел и безопасно отъехать, и чтоб король позволил людям, живущим в имениях его, Бельского, в Литве, ехать к нему в Перекоп.

Королю это письмо было вовсе не ко времени, ибо война с Москвою уже прекратилась; он отвечал Бельскому: «Ты отпросился у нас в Иерусалим для исполнения обета, а не сказал ни слова, что хочешь ехать к турецкому султану; когда сам к нам приедешь и грамоту султанову к нам привезешь, тогда и сделаем, как будет пригоже. Ты просишь у нас грамоты для свободного проезда в Литву, но ведь ты наш слуга, имение у тебя в нашем государстве есть, так нет тебе никакой нужды в проездной грамоте: все наши княжата и панята свободно к нам приезжают; слуг же твоих мы немедленно велели к тебе отпустить».

В Москву о происках Бельского дал знать Ислам-Гирей, выставляя при этом свое доброхотство к великому князю; он писал, будто Саип-Гирей известил султана, что Ислам более не существует, и вследствие этой вести начались приготовления к походу с князем Бельским, собрано было 100000 войска, но когда Бельский, приехав в Белгород, узнал здесь, что Ислам жив, и дал знать об этом султану, то последний сказал: «Если только Ислам жив, то нашему делу стать нельзя». Бельский присылал человека к Исламу с просьбою дать ему дорогу и быть ему товарищем, но Ислам не согласился. «И ты ведай, – писал Ислам великому князю, – что оттоманы – люди лихие; султан начинает это дело вовсе не для князя Бельского; он не думает о том, пригоже ли Бельскому княжение или непригоже, лишь бы только камень о камень ударил, лишь бы ему при этом что-нибудь к себе приволочь. Султан и нашей земле покоя не дает, с таким устремлением живет, не рассуждая, кто ему земли достает, от холопа или от рабы родился – ему все равно, лишь бы земли доставал».

Московское правительство благодарило Ислама за дружбу и послало ему дары с просьбою, чтоб выдал или убил Бельского; в то же время решились и на другое средство, чтоб только отвлечь Бельского от опасных замыслов: человек Бельского объявил московскому послу в Крыму, Наумову, что господин его возвратится в Москву, если великая княгиня его простит и даст ему опасную

грамоту. На основании этого объявления послана была Бельскому опасная грамота такого содержания: «Мы тебя жаловать хотим и гнев свой отложим; вины твоей, которую ты сделал по молодости, памятовать не хотим, а еще и больше прежнего пожалуем тебя нашим великим жалованьем. Ведаешь и сам, что и прежде некоторые наши слуги ездили от нас к нашим неприятелям, опять назад приезжали и этим отечества своего не теряли, предки наши их жаловали и опять их в отечестве (в родовой чести) восстанавливали. И ты б ныне поехал к нам без всякого опасения».

Но Бельский почему-то не ехал, и московское правительство продолжало вести о нем переговоры и с Исламом, и с Саип-Гиреем, которому от времени до времени также отправляло посольства. Со стороны Саип-Гирея целию присылок в Москву были, разумеется, запросы: «Прислал бы ты нам платье, три шубы собольи, три шубы лисьи, три кречета да и сокольников бы прислал; а мы, сколько будет пригоже, братству твоему готовы; да прислал бы пять лисиц черных да пять черных зубов рыбьих». Сын Саипов писал: «Сколько прошенья нашего ни будет, ты б нам ни за что не стоял, чтоб тебе с отцом нашим в добром братстве быть». Гонцу отвечали от имени великого князя: «Когда будет у нас от брата нашего большой посол добрый человек, тогда мы с ним вместе отпустим своего большого посла, и, что у нас случится, то мы брату своему и пошлем; а что ты нам от царя говорил о нашем холопе Бельском, называл его Саип-Гирей нашим другом, то разве царь по незнанию о нем так приказал, назвал его нашим другом? Бельский – холоп наш, а не друг; и если брат наш захочет нам дружбу свою показать, то он бы его к нам прислал или велел бы его там убить; это была б нам от него первая дружба». Гонец отвечал: «Приехал Бельский от турецкого султана к хану, привез грамоту и рать подвигает на московскую Украину; государю вашему другом и братом называет себя; и которые люди бывали на Москве и его знали, что он великого князя холоп, те его бранят и в глаза ему плюют; а которые люди молодые этого не знают, те к нему пристают и идти с ним хотят; ведь Орда, и в ней люди разные, один говорит одно, а другой – другое, а государь наш для людей так молвил: а он и сам знает, что Бельский – холоп». В одно время с гонцом Саиповым отпускали и гонцов Исламовых; последние сказали боярам: «Некоторые бояре говорят, чтоб князь великий был в дружбе и братстве с Саип-Гиреем царем, а Ислама оставил: ведомое дело, помирится князь великий с царем, то государю нашему Ислам-салтану плохо будет, но и великому князю добра никакого не прибудет же, так великий князь не потакал бы этим речам». Им отвечали, что великий князь Ислама оставить не хочет и у бояр об этом ни у кого ничего не слыхал и слышать не хочет.

Ислама не хотели оставить в Москве; Ислам был нужен: он обещал выдать Бельского. Но ему не удалось исполнить этого обещания: один из ногайских князей, друг Саип-Гиреев, нечаянно напал на Ислама и убил его, захватив в то же время и Бельского, которого Саип выкупил у него по приказанию султана. Ставши одним ханом в Крыму, Саип послал сказать великому князю московскому: «Если пришлешь мне, что посылали вы всегда нам по обычаю, то хорошо, и мы по дружбе стоим; а не придут поминки к нам всю зиму, станешь волочить и откладывать до весны, то мы, надеясь на бога, сами искать пойдем, и если найдем, то ты уже потом не гневайся. Не жди от нас посла, за этим дела не откладывай, а станешь медлить, то от нас добра не жди. Теперь не по-старому, с голою ратью

татарскую, пойдем: кроме собственного моего наряду пушечного будет со мною счастливого хана (султана турецкого) сто тысяч конных людей; я не так буду, как Магмет-Гирей, с голою ратью, не думай, побольше его силы идет со мною. Казанская земля – мой юрт, и Сафа-Гирей – царь – брат мне; так ты б с этого дня на Казанскую землю войной больше не ходил, а пойдешь на нее войною, то меня на Москве смотри».

Опять с единовластием Саипа началось вмешательство крымских ханов в дела казанские, ибо мысль об освобождении Казани от русских и соединении всех татарских орд в одну или по крайней мере под одним владеющим родом была постоянною мыслию Гиреев, которую они высказывали, к осуществлению которой стремились при первом удобном случае. Мы видели, что в последнее время жизни великого князя Василия Казань спокойно повиновалась Москве в лице хана своего Еналея. Еналей перенес свои подручные отношения и к наследнику Василиеву: по-прежнему остался верен Москве. Но вследствие перемены ханов, вследствие разных влияний – русского, крымского – в Казани уже давно успели образоваться стороны, из которых каждая ждала удобного случая низложить сторону противную. В тяжелой войне Москвы с Литвою крымская сторона в Казани увидела удобный случай свергнуть московского подручника: составился заговор осенью 1535 года под руководством царевны, сестры Магмет-Аминя и князя Булата. Еналей был убит, и царем провозглашен Сафа-Гирей крымский. Но это было торжество одной стороны, другая оставалась; в Москву приехали с Волги козаки, городецкие татары, и сказывали, что к ним на остров приезжали казанские князья, мурзы и козаки, человек 60, объявили об убийстве Еналея и прибавили: «Нас в заговоре князей и мурз с 500 человек; помня жалование великих князей Василия и Ивана и свою присягу, хотим государю великому князю служить прямо, а государь бы нас пожаловал, простил царя Шиг-Алея и велел ему быть в Москву; и когда Шиг-Алей будет у великого князя в Москве, то мы соединимся с своими советниками, и крымскому царю в Казани не быть». Получив эти вести, великая княгиня решила с боярами, что надобно Шиг-Алея освободить из заключения. В декабре Шиг-Алея привезли с Белоозера и представили великому князю; хан стал на колени и говорил: «Отец твой, великий князь Василий, взял меня, детинку малого, и жаловал, как отец сына, посадил царем в Казани; но, по грехам моим, в Казани пришла в князьях ив людях несогласица, и я опять к отцу твоему пришел на Москву. Отец твой меня пожаловал в своей земле, дал мне города; а я, грехом своим, перед государем провинился гордостным своим умом и лукавым помыслом. Тогда бог меня выдал, и отец твой меня за мое преступление наказал, опалу свою положил, смиряя меня; а теперь ты, государь, помня отца своего ко мне жалованье, надо мною милость показал».

Великий князь велел царю встать, позвал его к себе поздороваться (карашеваться) и велел ему сесть с правой руки на другой лавке, потом подарил ему шубу и отпустил на подворье. Но Шиг-Алей бил челом, чтоб позволено ему было представиться и великой княгине. Елена держала совет с боярами, прилично ли быть у нее царю; бояре решили, что прилично, потому что великий князь мал и все правление государством лежит на ней. 9 января 1536 года был прием Шиг-Алея у Елены. У саней встретили его бояре – князь Василий Васильевич Шуйский и князь Иван Федорович Телепнев-Оболенский с двумя дьяками; в сенях

встретил его сам великий князь с боярами. Елену окружали боярыни; бояре сидели по обе стороны, как обыкновенно водилось при посольских представлениях. Шиг-Алей, войдя, ударил челом в землю и сказал: «Государыня великая княгиня Елена! Взял меня государь мой, князь Василий Иванович, молодого, пожаловал меня, вскормил, как щенка, и жалованьем своим великим жаловал меня, как отец сына, и на Казани меня царем посадил. По грехам моим, казанские люди меня с Казани сослали, и я опять к государю своему пришел: государь меня пожаловал, города дал в своей земле, а я ему изменил и во всех своих делах перед государем виноват. Вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, проступку мне отдали, меня, холопа своего, пощадили и очи свои государские дали мне видеть. А я, холоп ваш, как вам теперь клятву дал, так по этой своей присяге до смерти своей хочу крепко стоять и умереть за ваше государское жалованье; так же хочу умереть, как брат мой умер, чтоб вину свою загладить». Елена приказала ему отвечать: «Царь Шиг-Алей! Великий князь Василий Иванович опалу свою на тебя положил, а сын наш и мы пожаловали тебя, милость свою показали и очи свои дали тебе видеть. Так ты теперь прежнее свое забывай и вперед делай так, как обещался, а мы будем великое жалованье и бережение к тебе держать». Царь ударил челом в землю великому князю и великой княгине, его опять одарили и отпустили на подворье. Жена его, Фатма-салтан, била также челом, чтоб дали ей посмотреть очи государские; Елена приняла ее; у саней и по лестнице встречали ханшу боярыни; в сенях встретила великая княгиня, поздоровалась и ввела в палату, куда скоро вошел и великий князь; при его входе царица встала и с места своего сступила; маленький Иван сказал ей: «Табуг салам», и карашевался, после чего сел на своем месте у матери, а у царицы с правой руки, бояре с ним по обе стороны, а около великой княгини-боярыни. В тот же день царица обедала у великой княгини; Иван с боярами обедал также в материнской избе; после обеда Елена подавала ханше чашу и дарила ее.

Но в то время как в Москве угощали и дарили Шиг-Алея, чтоб дать в нем опору противной крымцам стороне в Казани, война уже началась с Сафа-Гиреем. Московские воеводы дурно действовали наступательно; татары успели сжечь села около Нижнего, но отбиты были от Бала хны, не имели удачи и в нападениях на другие места. Потом казанцы вторглись в костромские волости; стоявший здесь для защиты князь Засекин, не собравшись с людьми, ударил на татар, был разбит и убит; но приближение больших воевод московских заставило татар удалиться. Мы видели, что казанские дела, шедшие довольно плохо, преимущественно заставили московское правительство спешить заключением перемирия с Литвою. Успокоивши этим перемирием западные границы, правительство в начале 1537 года двинуло войска к востоку, во Владимир и Мещеру; Сафа-Гирей явился под Муромом, сжег предместья, но города взять не мог и ушел, слышав о движении воевод из Владимира и Мещеры, и таком положении находились дела, когда единовластие Саип-Гирея дало новое препятствие к успешному наступлению на Казань. Угрозы крымского хана произвели впечатление в Москве: послу отвечали, что хотя царь в грамоте писал многие непригожие речи, однако требования его будут уважены и если Сафа-Гирей казанский пришлет к государю и захочет мира, то государь с ним мира хочет, как пригоже. Саип-Гирей повторял: «Ты б к нам прислал большого своего посла, доброго человека, князя Василия Шуйского или Овчину, и казну б свою большую к нам прислал, а с Казанью помирился и оброков

своих с казанских мест брать не велел; а пошлешь на Казань рать свою, и ты к нам посла не отправляй, недруг я твой тогда». В Думе рассуждали: «Не послушать царя, послать рать свою на Казань, и царь пойдет на наши украины, то с двух сторон христианству будет дурно, от Крыма и от Казани». Приговорили: рати на Казань не посылать, Саип-Гиреева человека отпустить в Казань и с ним вместе послать сына боярского к Сафа-Гирею с грамотою; а в ответной грамоте Саип-Гирею великий князь писал: «Для тебя, брата моего, и для твоего прошенья я удержал рать и послал своего человека к Сафа-Гирею: захочет он с нами мира, то пусть пришлет к нам добрых людей, а мы хотим держать его так, как дед и отец наш держали прежних казанских царей. А что ты писал к нам, что Казанская земля-юрт твой, то посмотри в старые твои летописцы: не того ли земля будет, кто ее взял? Ты помнишь, как цари, потерявши свои ордынские юрты, приходили на Казанский юрт и брали его войнами, неправдами, а как дед наш милостию божиею Казань взял и царя свел, того ты не помнишь! Так ты бы, брат наш, помня свою старину, и нашей не забывал».

Таковы были важнейшие внешние отношения в правление Елены. Кроме того, в 1537 году заключен был мирный договор с Швециею, по которому Густав Ваза обязался не помогать ни Литве, ни Ливонскому ордену в войне с Москвою; утверждена была взаимная свободная торговля и выдача беглецов с обеих сторон. Подтверждены прежние договоры с Ливониею. Продолжались сношения с Империею-неизвестно, впрочем, в чем они состояли. По отношениям к Польше поддерживалась пересылками приязнь молдавского воеводы Петра Степановича, врага Сигизмундова. Султан турецкий по-прежнему присылал грека в Москву для закупки разных товаров.

Внутри первым делом правительства было построение городов или крепостей; опасные нападения с трех сторон делали это необходимым. Уже упомянуто было о построении городов на литовских границах, даже на Литовской земле, о возобновлении старых, пострадавших во время войны. В 1535 году построен был город в Перми, на месте сгоревшего старого; в том же году поставлен деревянный город в Мещере, на реке Мокше, на месте, называемом Мурунза, для того, сказано в летописи, что в тех местах нет городов вблизи; в 1536 году били челом великому князю и его матери Костромского уезда волости: Корега, Ликурги, Залесье, Борок Железный, чтоб государь пожаловал, велел поставить город для того, что там волостей много, а от городов далеко; вследствие этой челобитной поставлен был Буйгород; на Балахне, у Соли, сделан город земляной для того, что посад велик, а людей много; поставлен город на Проне; сделан город Устюг, деревянный весь, новый; город Ярославль сгорел весь: в том месяце велено на старом месте ставить новый город; во Владимире большой пожар также повредил городскую стену; ее немедленно починили; так же поступлено и в Твери после больших пожаров; сделаны новые укрепления в Новгороде Великом и Вологде; в Москве, по мысли великого князя Василия, обведено каменными стенами место, получившее название Китая или Среднего города; строитель был Петр Малый Фрязин; закладка каменной стены происходила 16 мая 1535 года. По-прежнему заботились об умножении народонаселения выходцами из чужих стран: в 1535 году выехали из Литвы на государево слово триста семей.

Уже в последнее время княжения Василиева обнаружилось важное зло-обрез и подмесь в деньгах: из гривенки должно было выделять 250 денег новгородских, или в московское число два рубля шесть гривен, но искажение дошло до того, что у каждой деньги отрезывали по половине и в гривенку шло таких искаженных денег по 500 и больше, отсюда при каждой торговой сделке крики, брань, клятвы. В сентябре 1533 года, незадолго до смерти великого князя Василия, казнили в Москве за порчу денег многих людей: москвичей, смолян, костромичей, вологжан, ярославцев и из других городов, лили олово в рот, руки секли. В марте 1535 года Елена запретила обращение поддельных и резаных денег, приказала их переделывать и вновь чеканить из гривенки уже по три рубля, или по 300 денег новгородских, а прибавлено было в гривенку новых денег для того, говорит летописец, чтоб людям был невелик убыток от испорченных денег. При великом князе Василии изображался на деньгах великий князь на коне с мечом в руке, а теперь стал изображаться с копьём в руке, и деньги оттого стали называться копейными (копейками).

Кроме этих распоряжений, выставляемых летописями, мы должны остановиться еще на некоторых явлениях, о которых впервые встречаем известие в правление Елены. Так, например, у нас утвердилось мнение, что до Иоанна IV присутствовали в Думе только бояре и окольные и что только этот государь из противоборства влиянию знатных людей ввел в Думу третий, низший разряд членов, так называемых думных дворян; но при описании приема польского посла Никодима Техановского в правление Елены читаем: «Князь великий сидел в брусняной избе, а у него бояре, и окольные, и дворецкие, и дети боярские, которые живут в Думе, и дети боярские прибыльные, которые не живут в Думе». Если под именем Думы мы будем здесь разуметь совет великокняжеский и слову жить придадим обыкновенное значение существования или присутствия, то должны будем признать, что еще прежде самостоятельного правления Иоанна IV были введены в Думу дети боярские. Конечно, мы никак не решимся утверждать, что это введение последовало именно в правление Елены, а не ранее. О значении окольных как собственно придворных бояр, распоряжающихся придворными делами и церемониями, встречаем известие также при описании переговоров с польскими послами: «Велел князь великий приставу Федору Невежину от окольных сказать послам, чтоб они были на дворе». Дети боярские, назначенные приставами к послу Техановскому, встретив его при въезде в Москву, сказали ему: «Великого государя окольные велели нам у тебя быть и подворье тебе указать». Когда посол был поставлен на подворье, то корм велено ему давать с яму, из дворца великокняжеского, а писан корм у дьяков, которые ямы ведают.

В 1536 году дана была уставная грамота старостам и всем людям Онежской земли, сходная с уставною грамотою Белозерскою Иоанна III и уставною артемоновским крестьянам Василия Иоанновича. В Белозерской говорится: наместнику, тиунам и доводчикам побора в стану не брать, брать им свой побор у соцкого в городе; в Онежской – поборов своих самим по деревням не брать, брать свой побор у старост на стану; кормы наместничьи и тиунские и доводчиковы поборы старосты берут по деревням да платят наместнику, его тиуну и доводчику на стану. Как в Белозерской, так и в Онежской грамоте говорится: «Если будет волостным людям и становым от наместника, тиуна, доводчика, от других наместничьих людей или посторонних какая обида, то они на обидчиков сами

срок намечивают, когда им стать перед великим князем»; этого нет в Артемоновской грамоте. Согласно с Белозерскою, в Онежской грамоте говорится: ездить доводчику в волости без паробка и без простой лошади. В Белозерской говорится: тиунам и наместничьим людям на пир и на братчину незванным не ходить; в Онежской – тиуну и другим наместничьим людям на пир и на братчины незванным не ездить, кроме доводчика. Онежанам дано право не пропускать к морю за солью белозерцев и вологжан, отнимающих у них промысел, пусть белозерцы и вологжане торгуют с ними в Каргополе. В 1537 году дана была уставная грамота владимирским бобровникам, в существенных частях сходная с известною нам грамотою удельного князя дмитровского Юрия; но есть и различия, например в Юриевой грамоте: доводчику у них проехать по деревням на весь год дважды, сам-друг с паробком, а лошадей с ним три; в Иоанновой – доводчику ездить по бобровным деревням одному, на одной лошади, без паробка и без простых лошадей. В грамоте владимирским бобровникам говорится: «Ведать этим бобровникам мою великокняжескую службу, бобровую ловлю, ловить им бобров в реке Клязьме от речки Оржавки до реки Судогды, реку Судогду всю и Колакшу всю; что добудут бобров, возить их им шерстью в мою казну; а не добудут бобров, и им давать оброком ежегодно полтретья рубля денег. Когда они пойдут на бобровую ловлю с бобровою снастью, то мыта с них не берут; также не берут с них мыта и задних колачей, когда они поедут в Москву с бобрами или с оброком, человека два или три».

Грамоты давались от имени великого князя Иоанна; при описании посольских сношений говорится, что великий князь рассуждал с боярами и решал дела; но это все выражения форменные; после этих выражений встречаем известия, что все правление было положено на великой княгине Елене; видим также, кто был главным ее советником: желая мира, литовский гетман Радзивилл отправлял послов к боярину конюшему, князю Овчине-Телепневу-Оболенскому; гонец, казанский, желая отправить татарина домой, бил челом тому же боярину конюшему, чтоб печаловался об этом великому князю и его матери. После опалы Глинского, Бельского и Воронцова у Оболенского не было явных врагов и соперников; но могли ли равнодушно сносить первенствующее положение Оболенского люди, считавшие за собой более прав на такое положение? Пока жива была Елена, перемены нельзя было ожидать. 3 апреля 1538 года Елена умерла. Герберштейн говорит утвердительно, что ее отравили.

Глава вторая

Правление боярское

Характер князя Василия Шуйского. – Гибель Телепнева-Оболенского. Ссора Шуйского с Бельским и заключение последнего; казнь дьяка Мишурина. – Правление Ивана Шуйского. – Свержение митрополита Даниила и возведение Иоасафа. – Освобождение Ивана Бельского; правление его и митрополита Иоасафа. – Освобождение князя Владимира Андреевича Старицкого. – Торжество Шуйских. – Гибель Бельского. – Свержение митрополита Иоасафа и возведение Макария. – Правление Андрея Шуйского. Удаление любимца

государева – Воронцова. – Воспитание Иоанна и образование его характера. – Гибель Андрея Шуйского. – Опалы. – Принятие царского титула и женитьба Иоанна на Анастасии Романовне. – Пожары, в Москве. – Обвинения Глинских в волшебстве; восстание на них народа. Сильвестр и Адашев. – Созвание выборных и речь царя на Лобном месте. – Значение правления боярского. – Дела литовские, крымские и казанские в это правление. – Бедствия от врагов внешних и внутренних. – Губные грамоты. – Новое известие о детях боярских, живущих в Думе. – Бегство Петра Фрязина.

Кто же из бояр более других должен был негодовать на первенствующее положение Оболенского, кто должен был, имел право явиться на первом месте, на которое только случайность возвела Оболенского? Мы видели, что в последнее время княжения Василия и, следовательно, в начале княжения сына его первое место между боярами занимал князь Василий Васильевич Шуйский. Мы видели, что этот Шуйский энергической мерой успел удержать Смоленск за Москву после Оршинской битвы; энергическая мера состояла в перевешании в виду литовского войска всех знатных смолян, державших сторону королевскую. Эта черта уже несколько знакомит нас с человеком и заставляет ожидать от него подобных же мер и при достижении собственных, личных целей. В седьмой день по кончине Елены схвачены были конюший – боярин князь Овчина-Телепнев-Оболенский и сестра его Аграфена, мамка великого князя, по совету князя Василия Шуйского, брата его Ивана и других. Оболенский умер в заключении от недостатка в пище и тяжести оков; сестру его сослали в Каргополь и постригли. Заключенные в правление Елены князь Иван Бельский и князь Андрей Шуйский были освобождены.

Освобождение Бельского не могло обещать Шуйским долговременного первенства. Бельские, Гедиминовичи, подобно Патрикеевым, не менее последних гордились своим происхождением и стремились к первенству; женитьба князя Федора Бельского на княжне рязанской, родной племяннице Иоанна III, конечно, не могла содействовать ослаблению этих притязаний. Старший сын князя Федора, Димитрий, несмотря на видное положение свое, оставался в стороне при всех движениях и переворотах, но не таковы были братья его – Иван и Семен. Мы познакомились с первым во время походов казанских при великом князе Василии; характер Семена обнаружился в его беспокойных движениях по смерти Василия: мы видели, как он мечтал не только о княжестве Бельском, но даже и о Рязанском, как для возвращения себе этих отчин хлопотал в Литве, Константинополе, Крыму. Князь Иван подвергся опале вследствие бегства брата своего и, конечно, не потому только, что был братом изменника, ибо князь Димитрий оставался в покое. Теперь, освободившись из заключения, Бельский не хочет оставаться спокойным зрителем распоряжений Шуйского, хочет сам также распоряжаться. Так как главною заботой первенствующего боярина, Шуйского, и добивавшегося первенства Бельского было усиление своей стороны, повышение своих доброжелателей и преимущественно, разумеется, родственников, то первое столкновение между Шуйским и Бельским необходимо должно было произойти отсюда; встала вражда, говорит летописец, между великого князя боярами: князь Василий да князь Иван Васильевич Шуйские стали враждовать на князя Ивана

Федоровича Бельского да на Михаила Васильевича Тучкова за то, что Бельский и Тучков советовали великому князю пожаловать боярством князя Юрия Михайловича Голицына (Патрикеева), а Ивана Ивановича Хабарова – окольничеством, князья же Шуйские этого не хотели; и многие были между ними вражды за корысти и за родственников: всякий о своих делах печется, а не о государских, не о земских. На стороне Бельского был митрополит Даниил и дьяк Федор Мишурина. Но сторона Шуйских была сильнее: Бельского снова посадили в заключение, советников его разослали до деревням. Знатные враги Шуйских подверглись только заключению или ссылке, зато горькая участь постигла дьяка Мишурина. Мы видели этого дьяка в числе самых приближенных людей к великому князю Василию; ловкость его и важное значение доказываются уже тем, что летопись указывает на него рядом с митрополитом Даниилом, Бельским и Тучковым как на лицо, навлекшее на себя ненависть Шуйских. Шуйские захватили Мишурина на своем дворе, велели княжатам, боярским детям и дворянам ободрать его, нагого велели положить на плаху и отрубить голову у тюрем без государева приказанья. Василий Шуйский скоро умер; брат его, Иван, наследовал его значение и продолжал тот же образ действия; Василий из врагов своего рода оставил нетронутым митрополита Даниила, Иван свергнул Даниила, на место которого был возведен игумен Троицкого Сергиева монастыря Иоасаф Скрыпицын в феврале 1539 года. Но Иоасаф недолго оставался на стороне Шуйского: в июле 1540 года он выхлопотал у великого князя приказание освободить Бельского, который и явился во дворец. Шуйский и его сторона были застигнуты врасплох; в сердцах князь Иван перестал ездить к государю и советоваться с боярами. Правление перешло к Бельскому и митрополиту Иоасафу. Ходатайству митрополита и бояр летописи приписывают освобождение из темницы семейства удельного князя Андрея Ивановича – жены Евфросинии и сына Владимира; сперва им позволено было только жить в Москве на дворе князя Андрея, а потом, в праздник Рождества Христова, 25 декабря 1541 года, им позволили приехать во дворец видеться с великим князем, возвратили Владимиру отцовский удел, дали бояр и детей боярских, но не отцовских. В то время как освободили князя Владимировича и мать его из темницы, оказали милость и другому удельному князю, Димитрию, сыну Андрея Ивановича углецкого, племяннику Иоанна III, сидевшему около 50 лет в оковах: оковы были сняты, но темница не отворилась для несчастного. Неравенство милости объясняется тем, что у Владимира Андреевича было много доброхотов, тогда как участь Димитрия никого уже не занимала.

И вторая милость князю Владимиру Старицкому была оказана по печалованию митрополита Иоасафа и бояр, говорят летописи; здесь под боярами надобно разуметь князя Бельского и его приятелей. Но в то самое время, как Бельский и митрополит обнаруживали свое влияние, возвращая удел опальному князю, против них составлялся страшный заговор: бояре, говорит летописец, вознегодовали на князя Бельского и на митрополита за то, что великий князь держал их у себя в приближении. Эти бояре были: князья Михайла и Иван Кубенские, князь Димитрий Палецкий, казначей Иван Третьяков, с ними княжата, дворяне и дети боярские многие и новгородцы Великого Новгорода – всем городом. Эти люди, или принадлежа к стороне Шуйского и желая восстановить его влияние, или считая необходимым действовать во имя этого могущественного

боярина, начали пересылаться с ним. Шуйский находился в это время во Владимире, оберегая восточные области от набега казанцев. Имя Шуйского может объяснить нам, почему в заговоре участвовали новгородцы всем городом: один из Шуйских был последним воеводою вольного Новгорода; и мы увидим, что новгородцы останутся навсегда преданы этой фамилии. Московские заговорщики назначали Ивану Шуйскому и его советникам срок – 3 января 1542 года, чтоб быть в этот день в Москву из Владимира; Шуйский привел к присяге многих детей боярских – действовать с ним заодно – и ночью на 3 января приехал в Москву с своими советниками без приказания великокняжеского; прежде его приехал сын его, князь Петр, да Иван Большой Шереметев с 300 человек дружины. В ту же ночь, со 2 на 3 число, Бельский был схвачен на своем дворе, и утром на другой день отослан на Белоозеро в заточение; но живой он был страшен и на Белоозере, и потому в мае месяце трое преданных Шуйским людей отправились на Белоозеро и умертвили Бельского в тюрьме. Двоих главных советников Бельского разослали по городам: князя Петра Щенятева – в Ярославль, Ивана Хабарова – в Тверь; Щенятева взяли у государя из комнаты задними дверями. Митрополит Иоасаф был разбужен камнями, которые заговорщики бросали к нему в келью; он кинулся во дворец; заговорщики ворвались за ним с шумом в спальню великого князя, разбудили последнего за три часа до свету; не найдя безопасности во дворце, подле великого князя, приведенного в ужас, Иоасаф уехал на Троицкое подворье, но туда за ним прислали детей боярских, новгородцев с неподобными речами; новгородцы не удовольствовались одними ругательствами, но чуть-чуть не убили митрополита, только троицкий игумен Алексей именем св. Сергия да боярин князь Димитрий Палецкий успели удержать их от убийства; Иоасафа взяли наконец и сослали в Кириллов Белозерский монастырь, на его место возведен был в митрополиты новгородский архиепископ Макарий; мы видели, что новгородцы всем городом участвовали в низвержении Бельского и Иоасафа; видно также, что Макарий и прежде имел связь с Шуйским. Иван Шуйский недолго жил после этого; власть перешла в руки троих его родственников – князя Ивана и Андрея Михайловичей Шуйских и князя Федора Ивановича Скопина-Шуйского; между ними первенствовал князь Андрей, уже известный нам по своим сношениям с удельным князем Юрием. По свержении и смерти Бельского у Шуйских не могло быть соперника, сильного по собственным средствам; но опасность являлась с другой стороны: великий князь вырастал и могли выступить на сцену люди, страшные не собственными силами, но доверенностию государя, теперь уже не младенца; и вот Шуйские сведали, что расположением Иоанна успел овладеть Федор Семенович Воронцов – брат известного уже нам Михаила Семеновича. 9 сентября 1543 года трое Шуйских и советники их – князь Шкурлятев, князья Пронские, Кубенские, Палецкий и Алексей Басманов – взволновались в присутствии великого князя и митрополита в столовой избе у государя на совете, схватили Воронцова, били его по щекам, оборвали платье и хотели убить до смерти; Иоанн послал митрополита и бояр Морозовых уговорить их, чтоб не убивали Воронцова, и они не убили, но повели с дворцовых сеней с позором, били, толкали и отдали под стражу. Государь прислал опять митрополита и бояр к Шуйским сказать им, что если уже Воронцову и сыну его нельзя оставаться в Москве, то пусть пошлют их на службу в Коломну. Но Шуйским показалось это очень близко и опасно; они сослали Воронцовых в

Кострому. «И когда, – говорит летописец, – митрополит ходил от государя к Шуйским, Фома Головин у него на мантию наступал и разодрал ее».

Иоанну исполнилось уже тогда 13 лет. Ребенок родился с блестящими дарованиями; быть может, он родился также с восприимчивою, легко увлекающеюся, страстною природою, но, без сомнения, эта восприимчивость, страстность, раздражительность если не были произведены, то по крайней мере были развиты до высшей степени воспитанием, обстоятельствами детства его. Известно, что ребенок даровитый, предоставленный с раннего детства самому себе и поставленный при этом в затруднительное, неприятное положение, развивается быстро, преждевременно во всех отношениях. По смерти матери Иоанн был окружен людьми, которые заботились только о собственных выгодах, которые употребляли его только орудием для своих корыстных целей; среди эгоистических стремлений людей, окружавших его, Иоанн был совершенно предоставлен самому себе, своему собственному эгоизму. При жизни отца он долго бы находился в удалении от дел; под бдительным надзором, в тишине характер его спокойно мог бы сложиться, окрепнуть, но Иоанн трех лет был уже великим князем, и хотя не мог править государством на деле, однако самые формы, которые соблюдать было необходимо, например посольские приемы и прочее, должны были беспрестанно напоминать ему его положение; необходимо стоял он в средоточии государственной деятельности, в средоточии важных вопросов, хотя и был молчаливым зрителем, молчаливым исполнителем форм. Перед его глазами происходила борьба сторон: людей к нему близких, которых он любил, у него отнимали, перед ним наглым, зверским образом влекли их в заточение, несмотря на его просьбы, потом слышал он о их насильственной смерти; в то же время он ясно понимал свое верховное положение, ибо те же самые люди, которые не обращали на него никакого внимания, которые при нем били, обрывали людей к нему близких, при посольских приемах и других церемониях стояли пред ним как покорные слуги; видел он, как все преклонялось пред ним, как все делалось его именем и, следовательно, должно было так делаться; да и было около него много людей, которые из собственных выгод, из ненависти к осилившей стороне твердили, что поступки последней незаконны, оскорбительны для него. Таким образом, ребенок видел перед собою врагов, похитителей его прав, но бороться с ними на деле не мог; вся борьба должна была сосредоточиться у него в голове и в сердце – самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для человека борьба, особенно в том возрасте! Голова ребенка была постоянно занята мыслию об этой борьбе, о своих правах, о бесправии врагов, о том, как дать силу своим правам, доказать бесправие противников, обвинить их. Пытливый ум ребенка требовал пищи: он с жадностию прочел все, что мог прочесть, изучил священную, церковную, римскую историю, русские летописи, творения святых отцов, но во всем, что ни читал, он искал доказательств в свою пользу; занятый постоянно борьбою, искал средств выйти победителем из этой борьбы, искал везде, преимущественно в Священном писании, доказательств в пользу своей власти, против незаконных слуг, отнимавших ее у него. Отсюда будут понятны нам последующие стремления Иоанна, стремления, так рано обнаружившиеся, – принятие царского титула, желание быть тем же на московском престоле, чем Давид и Соломон были на иерусалимском, Август, Константин и Феодосий – на римском; Иоанн IV был

первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый сознал вполне все значение царской власти, первый, так сказать, составил себе ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически.

Но в то время как ум был занят мыслию о правах, дерзко нарушаемых, о средствах, как бы дать окончательное освящение этим правам, дать им совершенную недосыгаемость, сердце волновалось страшными чувствами: окруженный людьми, которые в своих стремлениях не обращали на него никакого внимания, оскорбляли его, в своих борьбах не щадили друг друга, позволяли себе в его глазах насильственные поступки, Иоанн привык не обращать внимания на интересы других, привык не уважать человеческого достоинства, не уважать жизни человека. Пренебрегали развитием хороших склонностей ребенка, подавлением дурных, позволяли ему предаваться чувственным, животным стремлениям, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и в то же время, когда дело доходило до личных интересов боярских, молодого князя оскорбляли, наносили ему удары в самые нежные, чувствительные места, оскорбляя память его родителей, позоря, умерщвляя людей, к которым он был привязан, – оскорбляли, таким образом, вдвойне Иоанна: оскорбляли как государя, потому что не слушали его приказаний, оскорбляли как человека, потому что не слушали его просьб; от этого сочетания потворств, ласкательств и оскорблений в Иоанне развивались два чувства: презрение к рабам-ласкателям и ненависть к врагам, ненависть к строптивым вельможам, беззаконно похитившим его права, и ненависть личная за личные оскорбления Иоанн в ответном письме к Курбскому так говорит о впечатлениях своего детства: «По смерти матери нашей, Елены, остались мы с братом Георгием круглыми сиротами; подданные наши хотение свое улучили, нашли царство без правителя: об нас, государях своих, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобретении богатства и славы, начали враждовать друг с другом. И сколько зла они наделали! Сколько бояр и воевод, доброхотов отца нашего, умертвили! Дворы, села и имения дядей наших взяли себе и водворились в них! Казну матери нашей перенесли в большую казну, причем неистово ногами пихали ее вещи и спицами кололи, иное и себе побрали; а сделал это дед твой – Михайла Тучков». Описавши поведение князей Шуйских относительно дьяка Мишурина, князя Ивана Бельского, двоих митрополитов, Иоанн продолжает: «Нас с братом Георгием начали воспитывать как иностранцев или как нищих. Какой нужды ни натерпелись мы в одежде и в пище: ни в чем нам воли не было, ни в чем не поступали с нами так, как следует поступать с детьми. Одно припомню: бывало, мы играем, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись о постель нашего отца, ногу на нее положив. Что сказать о казне родительской? Все расхитили лукавым умыслом, будто детям боярским на жалованье, а между тем все себе взяли; и детей боярских жаловали не за дело, верстали не по достоинству; из казны отца нашего и деда наковали себе сосудов золотых и серебряных и написали на них имена своих родителей, как будто бы это было наследственное добро; а всем людям ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая, зеленая, на куницах, да и те ветхи; так если б у них было отцовское богатство, то, чем посуду ковать, лучше б шубу переменить. Потом на города и села наскочили и без милости пограбили жителей, а какие напасти от них были соседям, исчислить нельзя; подчиненных всех

сделали себе рабами, а рабов своих сделали вельможами; думали, что правят и строят, а вместо того везде были только неправды и нестроения, мзду безмерную отовсюду брали, все говорили и делали по мзде».

По словам Курбского, Иоанна воспитывали великие и гордые бояре на свою и на детей своих беду, стараясь друг перед другом угождать ему во всяком наслаждении и сладострастии. Когда он начал приходить в возраст, был лет двенадцати, то стал прежде всего проливать кровь бессловесных, бросая их на землю с высоких теремов, а пестуны позволяли ему это и даже хвалили, уча отрока на свою беду. Когда начал приближаться к пятнадцатому году, то принялся и за людей: собрал около себя толпу знатной молодежи и начал с нею скакать верхом по улицам и площадям, бить, грабить встречавшихся мужчин и женщин, поистине в самых разбойнических делах упражнялся, а ласкатели все это хвалили, говоря: «О! Храбр будет этот царь и мужествен!»

Если признать верность показаний Курбского, признать, что Иоанн действительно с 12 лет начал обнаруживать дурные наклонности, от которых пестуны не удерживали его, то этот возраст совпадает с правлением Андрея Шуйского и товарищей его.

Прежде, когда Иоанн был еще очень мал, то Шуйские считали ненужным обращать на него большое внимание: князь Иван в его присутствии клал ногу на постель его отца, Тучков пихал ногами вещи его матери, позабывши, что ребенок такие явления помнит лучше, чем взрослый; в это время многое делалось и не так, как хотел ребенок: и платье ему давали дурное и не давали долго есть. Но когда ребенок стал вырастать, то окружающие переменили обращение с ним; стали готовить в нем себе будущего милостивца, вдруг перестали видеть в нем ребенка, которого еще должно было воспитывать, и начали смотреть на него как на великого князя, которому должно было угождать. Воронцов счел для себя выгодным приобрести расположение тринадцатилетнего государя, и это расположение Шуйские и товарищи их сочли для себя опасным; по всем вероятностям, и сами Шуйские обходились теперь с Иоанном не так, как прежде их старшие: с их ведома пестуны Иоанновы позволяли себе те поблажки, о которых говорит Курбский. Новое положение Иоанна в тринадцатилетнем возрасте видно уже из того, что при описании свержения князя Бельского и митрополита Иоасафа об Иоанне сказано только, что он сильно испугался; при описании же происшествия с Воронцовым говорится, что Иоанн уже ходатайствовал у Шуйских за своего любимца. Поступок Шуйских с Воронцовым был последним боярским самовольством; неизвестно, как, вследствие особенно чьих внушений и ободрений, вследствие каких приготовлений тринадцатилетний Иоанн решился напасть на Шуйского – иначе нельзя выразить тогдашних отношений. Молодой великий князь должен был начать свою деятельность нападением на первого вельможу в государстве; понятно, что это нападение будет такое, к каким приучили его Шуйские: 29 декабря 1543 года Иоанн велел схватить первосоветника боярского, князя Андрея Шуйского, и отдать его псарям; псари убили его, волоча к тюрьмам; советников его – князя Федора Шуйского, князя Юрия Темкина, Фому Головина, который позволил себе известный нам поступок с митрополитом, и других – разослали.

Нападение было удачное, враги застигнуты врасплох, напуганы; с тех пор, говорит летопись, начали бояре от государя страх иметь и послушание. Прошел

год. Иоанну было уже четырнадцать лет, и опала постигла князя Ивана Кубенского: его сослали в Переяславль и посадили под стражу. Князь Иван Кубенский с братом Михайлом были главами заговора против Бельского и митрополита Иоасафа, в пользу Шуйского; Иван же Кубенский упоминается в числе бояр, бросившихся на Воронцова с Шуйскими. 16 декабря 1544 года был схвачен Кубенский, в мае 1545 был освобожден. 10 сентября Афанасию Бутурлину отрезали язык за невежливые слова; но в следующем месяце – опять опала на князя Ивана Кубенского, князя Петра Шуйского, князя Александра Горбатого, князя Дмитрия Палецкого и на Федора Воронцова. Нам неудивительно, что не могли остаться в покое или не умели сдержать своего неудовольствия Шуйские и главные их советники, так много потерявшие при новом порядке вещей, – князь Петр Шуйский, сын прежнего правителя, князь Ивана, князь Кубенский, князь Палецкий, которого имя стоит рядом с именем Кубенского при описании заговора против Бельского и Воронцова; но поражает нас среди этих имен имя Федора Воронцова, подвергшегося опале вместе с заклятыми врагами своими. К счастью, на этот раз летописец объясняет нам дело, и совершенно удовлетворительно. После казни Андрея Шуйского первым делом великого князя было возвращение из ссылки Воронцова, который ничего не потерял из прежнего его расположения; возвратившись к двору с торжеством, блистательно отомщенный, Воронцов стал думать, как бы самому занять место Андрея Шуйского, одному управлять всем, одному раздавать все милости именем еще несовершеннолетнего государя: кого государь пожалует без Федорова ведома, и Федору досадно, говорит летописец; сам ли Иоанн заметил эти досады, или другие, которым было тесно с Воронцовым, например князя Михаил и Юрий Глинские, дядья государевы, указали ему в Воронцове другого Шуйского, только Воронцов подвергся опале вместе с прежними своими врагами. Но и на этот раз опала продолжалась не более двух месяцев: в декабре 1545 года для отца своего, Макария-митрополита, великий князь пожаловал бояр своих.

Этих колебаний, опал, налагаемых на одни и те же лица, прощений их в продолжение 13, 15 и 16 года Иоанновой жизни нельзя оставить без внимания: странно было бы предположить, что молодой Иоанн только по старой неприязни к родственникам и друзьям Шуйских, безо всякого повода бросался на них и потом прощал; трудно предположить, чтобы могущественная сторона Шуйских так была поражена казнью князя Андрея, что отказалась совершенно от борьбы; но кто боролся с нею именем Иоанна – летописи молчат. Можно указывать вначале на Воронцова, можно указывать на князей Глинских, которых могущество обнаруживается во всеобщей ненависти вельмож к ним. Но окончательно Кубенский и Воронцов были погублены не Глинскими; на это есть определенное свидетельство источников. В мае 1546 великий князь отправился с войском в Коломну по вестям, что крымский хан идет к этим местам. Однажды Иоанн, выехавши погулять за город, был остановлен новгородскими пищальниками, которые стали о чем-то бить ему челом; он не расположен был их слушать и велел отослать. Летописец не говорит, как посланные великим князем исполнили его приказание, говорит только, что пищальники начали бросать в них колпаками и грязью; видя это, Иоанн отправил отряд дворян своих для отсылки пищальников, но последние стали сопротивляться и дворянам; те вздумали употребить силу, тогда пищальники стали на бой, начали биться ослопами, из пищалей стрелять, а

дворяне дрались из луков и саблями; с обеих сторон осталось на месте человек по пяти или по шести; великого князя не пропустили проехать прямо к его стану, он должен был пробираться окольной дорогою. Легко понять, какое впечатление должно было произвести это происшествие на Иоанна, напуганного в детстве подобными сценами и сохранившего на всю жизнь следствия этого испуга. Но он привык видеть врагов своих, дерзких ослушников своей власти, не в рядах простых ратных людей, и потому сейчас же им овладело подозрение: он велел проведать, по чьей науке пищальники осмелились так поступить, потому что без науки этого случиться не могло. Разузнать об этом он поручил не знатному человеку, но дьяку своему, Василию Захарову, который был у него в приближении; мы видим, следовательно, что Иоанн, подобно отцу, уже начал приближать к себе людей новых, без родовых преданий и притязаний, дьяков. Захаров донес, что пищальников подучили бояре, князь Кубенский и двое Воронцовых, Федор и Василий Михайловичи. Великий князь поверил дьяку и в великой ярости велел казнить Кубенского и двоих Воронцовых как вследствие нового обвинения, так и по прежним их преступлениям, за мздоимство во многих государских и земских делах; людей близких к ним разослали в ссылку. Летописцы говорят, что дьяк оклеветал бояр. Курбский относит к тем же временам и другие казни.

Так проводил Иоанн шестнадцатый год своего возраста; на семнадцатом, 13 декабря 1546 года, он позвал к себе митрополита и объявил, что хочет жениться; на другой день митрополит отслужил молебен в Успенском соборе, пригласил к себе всех бояр, даже и опальных, и со всеми отправился к великому князю, который сказал Макарию: «Милостию божиею и пречистой его матери, молитвами и милостию великих чудотворцев, Петра, Алексея, Ионы, Сергия и всех русских чудотворцев, положил я на них упование, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслил жениться. Сперва думал я жениться в иностранных государствах у какого-нибудь короля или царя; но потом я эту мысль отложил, не хочу жениться в чужих государствах, потому что я после отца своего и матери остался мал; если я приведу себе жену из чужой земли и в нравах мы не сойдемся, то между нами дурное житье будет; поэтому я хочу жениться в своем государстве, у кого бог благословит, по твоему благословению». Митрополит и бояре, говорит летописец, заплакали от радости, видя, что государь так молод, а между тем ни с кем не советуется. Но молодой Иоанн тут же удивил их еще другою речью: «По твоему, отца своего митрополита, благословению и с вашего боярского совета хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов, как наши прародители, цари и великие князья, и сродник наш великий князь Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжение сядились; и я также этот чин хочу исполнить и на царство, на великое княжение сесть». Бояре обрадовались, что государь в таком еще младенчестве, а прародительских чинов искал. Но конечно, всего более удивились они (а некоторые, как увидим из писем Курбского, не очень обрадовались) тому, что шестнадцатилетний великий князь с этих пор внутри и вне государства принял титул, которого не решались принять ни отец, ни дед его, – титул царя. 16 января 1547 года совершено было царское венчание, подобное венчанию Димитрия-внука при Иоанне III. Между тем еще в декабре разосланы были по областям, к князьям и детям боярским грамоты: «Когда к вам эта наша грамота придет и у которых будут из вас дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр, а

дочерей девок у себя ни под каким видом не таили б. Кто же из вас дочь девку утаит и к наместникам нашим не повезет, тому от меня быть в великой опале и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу». Выбор пал на девушку из одного из самых знатных и древних московских боярских родов, который при наплыве родов княжеских успел удержать за собою близкое к престолу место, – выбор пал на Анастасию, дочь умершего окольного Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, племянницу боярина Михаила Юрьевича, близкого, как мы видели, человека к великому князю Василию; быть может, и эти отношения не были без влияния на выбор; надобно заметить, что представитель рода по смерти боярина Михаила, другой дядя Анастасии, Григорий Юрьевич Захарьин, не принадлежал к стороне Шуйских, не упоминается ни в каких боярских смутах детства Иоаннова.

3 февраля была царская свадьба; 12 апреля вспыхнул сильный пожар в Москве; 20 числа – другой; 3 июня упал большой колокол – благовестник; 21 – новый страшный пожар, какого еще никогда не бывало в Москве; загорелась церковь Воздвижения на Арбате при сильной буре; огонь потек, как молния, спалил на запад все, вплоть до Москвы-реки у Семчинского сельца; потом буря обратилась на Кремль, вспыхнул верх Успенского собора, крыши на царском дворе, казенный двор, Благовещенский собор; сгорела Оружейная палата с оружием, Постельная палата с казною, двор митрополичий, по каменным церквям сгорели иконостасы и людское добро, которое продолжали и в это время прятать по церквям. В Успенском соборе уцелел иконостас и все сосуды церковные; митрополит Макарий едва не задохся от дыма в соборе, он вышел из него, неся образ богородицы, написанный митрополитом Петром, за ним шел протопоп и нес церковные правила. Макарий ушел было сначала на городскую стену, на тайник, проведенный к Москве-реке, но здесь не мог долго оставаться от дыма; его стали спускать с тайника на канате на взруб к реке, канат оборвался, и митрополит сильно расшибся, едва мог прийти в себя и был отвезен в Новоспасский монастырь. Кремлевские монастыри – Чудов и Вознесенский – сгорели; в Китае сгорели все лавки с товарами и все дворы, за городом – большой посад по Неглинной, Рождественка – до Никольского Драчевского монастыря; по Мясницкой пожар шел до церкви святого Флора, на Покровке – до церкви святого Василия, народу сгорело 1700 человек. Великий князь с женою, братом и боярами уехал в село Воробьево.

На другой день он поехал с боярами в Новоспасский монастырь навестить митрополита. Здесь царский духовник, благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин князь Федор Скопин-Шуйский, Иван Петрович Челяднин начали говорить, что Москва сгорела волшебством: чародеи вынимали сердца человеческие, мочили их в воде, водою этою кропили по улицам – от этого Москва и сгорела. Царь велел разыскать дело; розыск произвели таким образом: 26 числа, в воскресенье, на пятый день после пожара, бояре приехали в Кремль, на площадь к Успенскому собору, собрали черных людей и начали спрашивать: кто зажигал Москву? В толпе закричали: «Княгиня Анна Глинская с своими детьми волхвовала: вынимала сердца человеческие, да клала в воду, да тою водою, ездя по Москве, кропила, оттого Москва и выгорела!» Черные люди говорили это потому, что Глинские были у государя в приближении и жаловании, от людей их черным людям насильство и грабеж, а Глинские людей своих не унимали. Конюший

боярин, князь Михайла Васильевич Глинский, родной дядя царский, был в это время с матерью во Ржеве, полученном от царя в кормление; но брат его, князь Юрий, был в Москве и стоял вместе с боярами на Кремлевской площади. Услыхавши о себе и о матери своей такие речи в народе, он понял, что его может постигнуть, и ушел в Успенский собор, но бояре, злобясь на Глинских как на временщиков, напустили чернь: та бросилась в Успенский собор, убила Глинского, выволокла труп его из Кремля и положила перед торгом, где казнят преступников. Умертвивши Глинского, чернь бросилась на людей его, перебила их множество, разграбила двор; много погибло тут и неизвестных детей боярских из Северной страны, которых приняли за людей Глинского. Но одного Глинского было мало; на третий день после убиения князя Юрия толпы черни явились в селе Воробьева у дворца царского с криком, чтоб государь выдал им бабку свою, княгиню Анну Глинскую, и сына ее, князя Михаила, которые будто спрятаны у него в покоях; Иоанн в ответ велел схватить крикунов и казнить; на остальных напал страх, и они разбежались по городам. Виновниками восстания против Глинских, главными наустителями черни летописец называет благовещенского протопопа Федора Бармина, князя Федора Шуйского-Скопина, князя Юрия Темкина, Ивана Петровича Челяднина, Григория Юрьевича Захарьина, Федора Нагого. В малолетство Иоанна Шуйские и приятели их сами управлялись с людьми, себе враждебными; но когда Иоанн вырос, когда казнь Андрея Шуйского, Кубенского, Воронцова показала им невозможность дальнейшего самоуправства, то они начали действовать против приближенных к царю людей – Глинских не непосредственно, а посредством народа. В восстании против Глинских мы видим главных советников Андрея Шуйского, которые после казни его были сосланы, но потом возвращены в Москву: князя Федора Шуйского-Скопина, князя Юрия Темкина; но они теперь уже так слабы, что не могут действовать одни и действуют в союзе с приближенными к Иоанну людьми, которые враждебно столкнулись с Глинскими в борьбе за влияние на волю молодого царя: Шуйский и Темкин действуют вместе с духовником царским, Барминым, и дядею царицы, Григорием Захарьиним.

Виновники событий 26 июня умели закрыть себя и достигли своей цели относительно Глинских: оставшийся в живых князь Михайла Васильевич Глинский не только потерял надежду восторжествовать над своими врагами, но даже отчаялся в собственной безопасности и вместе с приятелем своим, князем Турунтаем-Пронским, побегал в Литву; но беглецы были захвачены князем Петром Шуйским, посидели немного под стражею и были прощены, отданы на поруки, потому что вздумали бежать по неразумию, испугавшись судьбы князя Юрия Глинского. Могущество Глинских рушилось, но его не наследовали знатные, враги их: полною доверенностию Иоанна, могущественным влиянием на внутренние дела начинают пользоваться простой священник Благовещенского собора Сильвестр и ложничий царский Алексей Федоров Адашев, человек очень незначительного происхождения.

Сильные волнения, досады, побряжки чувственным, животным стремлениям и дурные примеры, которые видел Иоанн в детстве, бесспорно, имели пагубное влияние на его характер, произвели в нем, между прочим, раздражительность. Но эта самая раздражительность, впечатлительность, женственность природы Иоанна делали его способным и к скорому принятию доброго влияния, если это влияние

шло от лица, имеющего нравственное достоинство, религиозное значение и неподозрительного для Иоанна. Пожар московский произвел на молодого царя сильное впечатление. Вот что сам царь писал об этом впечатлении собору, созванному для устройства церковного: «Нельзя ни описать, ни языком человеческим пересказать всего того, что я сделал дурного по грехам молодости моей. Прежде всего смирил меня бог, отнял у меня отца, а у вас пастыря и заступника; бояре и вельможи, показывая вид, что мне доброхотствуют, а на самом деле доискиваясь самовластия, в помрачении ума своего дерзнули схватить и умертвить братьев отца моего. По смерти матери моей бояре самовластно владели царством; по моим грехам, сиротству и молодости много людей погибло в междоусобной брани, а я возрастал в небрежении, без наставлений, навывок злокозненным обычаям боярским и с того времени до сих пор сколько согрешил я перед богом и сколько казней послал на нас бог! Мы не раз покушались отомстить врагам своим, но все безуспешно; не понимал я, что господь наказывает меня великими казнями, и не покаялся, но сам угнетал бедных христиан всяким насилием. Господь наказывал меня за грехи то потопом, то мором, и все я не каялся, наконец бог наслал великие пожары, и вошел страх в душу мою и трепет в кости мои, смирился дух мой, умилился я и познал свои согрешения: выпросив прощенье у духовенства, дал прощение князьям и боярам». Курбский говорит, что во время народного возмущения против Глинских бог подал руку помощи земле христианской таким образом: пришел к Иоанну один муж, чином пресвитер, именем Сильвестр, пришлец из Новгорода Великого, стал претить ему от бога священными писаниями и строго заклинять его страшным Божиим именем; кроме того, поведал ему о чудесах, о явлениях, как бы от бога происшедших; не знаю, прибавляет Курбский, правду ли он говорил о чудесах или выдумал, чтоб только напугать Иоанна для детских неистовых его нравов, и достиг своей цели: душу его исцелил и очистил, развращенный ум исправил с помощью Алексея Адашева, митрополита Макария и всех преподобных мужей, пресвитерством почтенных.

Из слов Курбского мы не имеем никакого права заключать, что Сильвестр явился только тут внезапно пред Иоанном, не будучи вовсе известен ему прежде. По всем вероятностям, Сильвестр уже давно переселился из Новгорода в Москву и был одним из священников придворного Благовещенского собора, по этому самому был давно на глазах Иоанна, обратил на себя его внимание своими достоинствами, но теперь его внушение, его влияние получили большую силу. Царственная книга говорит, что Сильвестр был очень дружен с удельным князем Владимиром Андреевичем и его матерью, что по его старанию они были выпущены из заключения – свидетельство чрезвычайно важное, ибо мы знаем, что князь Владимир Андреевич был заключен вместе с отцом и освобожден из заключения во время правления князя Бельского и митрополита Иоасафа; о вторичном заключении его мы не находим нигде известия. Следовательно, не допуская невероятного предположения, что все летописцы, говоря об опалах и казнях боярских, пропустили известие о заключении двоюродного брата царского, и принимая, что Царственная книга говорит о единственном освобождении князя Владимира при Бельском, мы должны заключить, что Сильвестр уже тогда имел важное значение. Для объяснения нравственного переворота в Иоанне, для объяснения при этом Сильвестрова значения припомним события, встречаемые нами в конце шестнадцатого и на семнадцатом году возраста Иоаннова: казнь

Кубенского и Воронцова, бывшая следствием убеждения в неисправимости бояр; сильная по летам степень развития ума и воли, обнаружившаяся в Иоанне намерением венчаться на царство и принять титул царский; нравственный переворот, долженствовавший произойти вследствие брака шестнадцатилетнего юноши, наконец, пожары, народное восстание против лиц, которым молодой царь доверял более всех по единству интересов, по близкому родству и которые раздражили народ безнаказанными насилиями слуг своих, – все это заставляло Иоанна порешить окончательно с князьями и боярами, искать опоры в лицах другого происхождения и в лицах испытанной нравственности.

Но если на семнадцатом году возраста вследствие означенных причин и влияний произошел в Иоанне важный нравственный переворот, то не ранее двадцатого года вследствие естественного развития молодой царь нашел в себе силы окончательно порешить с прошедшим, которое сильно тяготило его. Естественным следствием живости, страстности природы в Иоанне было неумение сдерживать свои мысли и чувства, необходимость высказываться; ни один государь нашей древней истории не отличался такою охотою и таким умением поговорить, поспорить, устно или письменно, на площади народной, на церковном соборе, с отъехавшим боярином или с послами иностранными, отчего получил прозвание в словесной премудрости ритор. Несчастное положение Иоанна с самого детства заставляло его постоянно защищать себя в собственных глазах и пред другими людьми – отсюда его речи и письма обыкновенно или защитительные, в свою пользу, или обвинительные, против врагов своих. Раздражительная, страстная природа и несчастные обстоятельства увлекли его к страшным крайностям, но при этом сознание своего падения никогда не умирало в нем – отсюда это постоянное желание защитить себя, обвинить других в собственном падении.

Теперь он хотел защитить себя пред народом, сложить вину всего прошедшего зла на людей, которых он не переставал называть своими врагами, как мы видели из речи его на соборе. Прежде он хотел мстить им опалами и казнями; теперь, при новом настроении, он хочет торжественно объявить их вину. На двадцатом году возраста своего, видя государство в великой тоске и печали от насилия сильных и от неправд, умыслил царь привести всех в любовь. Посоветовавшись с митрополитом, как бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, приказал он собрать свое государство из городов всякого чина. Когда выборные съехались, Иоанн в воскресный день вышел с крестами на Лобное место и после молебна начал говорить митрополиту: «Молю тебя, святой владыко! Будь мне помощник и любви поборник; знаю, что ты добрых дел и любви желатель. Знаешь сам, что я после отца своего остался четырех лет, после матери – осьми; родственники о мне не брегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мне не радели и самовластны были, сами себе саны и почести похитили моим именем и во многих корыстях, хищениях и обидах упражнялись, аз же яко глух и не слышах и не имый в устах своих обличения по молодости моей и беспомощности, а они властвовали. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите нам ответ, что многие слезы воздвигли на себя? Я же чист от крови сей, ожидайте воздаяния своего». Поклонившись на все стороны, Иоанн продолжал: «Люди божии и нам дарованные богом! Молю вашу веру к богу и к нам любовь. Теперь нам ваших

обид, разорений и налогов исправить нельзя вследствие продолжительного моего несовершеннолетия, пустоты и беспомощности, вследствие неправд бояр моих и властей, бессудства несправедливого, лихоимства и сребролюбия; молю вас, оставьте друг другу вражды и тягости, кроме разве очень больших дел: в этих делах и в новых я сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать». В это время расположение царя к Алексею Адашеву достигло высшей степени: в тот самый день, в который говорена была речь к народу, Иоанн пожаловал Адашева в окольные и при этом сказал ему: «Алексей! Взял я тебя из нищих и самых незначительных людей. Слышал я о твоих добрых делах и теперь взыскал тебя выше меры твоей для помощи души моей; хотя твоего желания и нет на это, но я тебя пожелал и не одного тебя, но и других таких же, кто б печаль мою утолил и на людей, врученных мне богом, призрел. Поручаю тебе принимать челобитные от бедных и обиженных и разбирать их внимательно. Не бойся сильных и славных, похитивших почести и губящих своим насилием бедных и немощных; не смотри и на ложные слезы бедного, клеветующего на богатых, ложными слезами хотящего быть правым, но все рассматривай внимательно и приноси к нам истину, боясь суда божия; избери судей правдивых от бояр и вельмож». Говорил он это с прощением, прибавляет известие, и с тех пор начал сам судить многие суды и разыскивать праведно. Так кончилось правление боярское.

В это правление решен был чрезвычайно важный вопрос для государственной жизни России. Северо-Восточная Русь объединилась, образовалось государство благодаря деятельности князей московских; но около этих князей, ставших теперь государями всея Руси, собрались в виде слуг нового государства потомки князей великих и удельных, лишенных отчин своих потомками Калиты; они примкнули к московской дружине, к московскому боярству, члены которого должны были теперь по требованиям нового порядка вещей переменить свои отношения к главе государства. Вокруг великого князя московского, представителя нового порядка, находившего свой главный интерес в его утверждении и развитии, собрались люди, которые жили в прошедшем всеми лучшими воспоминаниями своими, которые не могли сочувствовать новому, которым самое их первенствующее положение, самый их титул указывали на более блестящее положение, более высокое значение в недавней, очень хорошо всем известной старине. При таком сопоставлении двух начал, из которых одно стремилось к дальнейшему, полному развитию, а другое хотело удержать его при этом стремлении, удержать во имя старины, во имя старых, исчезнувших отношений, необходимо было столкновение. Это столкновение видим в княжение Иоанна III и сына его, столкновение, выражающееся в судьбе Патрикеевых, Рязанских, Холмского, Берсеня и других; необходимы были стремления со стороны великих князей освободиться от людей, живущих стариною и во имя этой старины мешающих новому; необходимы были стремления выдвигать людей новых, которые бы не оглядывались назад, смотрели бы только вперед и поэтому были бы покорными слугами нового, от которого получили свое значение, свое общественное бытие. Но вот великому князю Василию Иоанновичу наследует малолетный сын его Иоанн, который остается все еще малолетным и по смерти матери своей, правившей государством; в челе управления становятся люди, не сочувствовавшие стремлениям государей московских; как же поступят теперь эти

люди, у которых развязались руки, которые получили полную возможность действовать в свою пользу, по своим понятиям? Оправдают ли они свое противоборство новому порядку вещей делами благими, делами пользы государственной? Уразумеют ли, что бессмысленно вызывать навсегда исчезнувшую удельную старину, навсегда исчезнувшие отношения, что этим вызовом можно вызвать только тени, лишённые действительного существования? Сумеют ли признать необходимость нового порядка? Но, не отказываясь при этом от старины, сумеют ли заключить сделку между старым и новым во благо, в укрепление государству? Сумеют ли показать, что от старины остались крепкие начала, которые при искусном соединении с новым могут упрочить благосостояние государства? Мы видели, как Шуйские с товарищами воспользовались благоприятным для себя временем. В стремлении к личным целям они разрознили свои интересы с интересом государственным, не сумели даже возвыситься до сознания сословного интереса. Своим поведением они окончательно упрочили силу того начала, которому думали противодействовать во имя старых прав своих; и без того уже связь, соединявшая их с землёю, была очень слаба: мы видим, что действуют на первом плане, борются, торжествуют, гибнут князья, потомки Рюрика, князья суздальские, ростовские, ярославские, смоленские; но где сочувствие к ним в этих областях? Не говорится, что за Шуйских стояли суздальцы и нижегородцы всем городом, как за потомков своих прежних князей, а сказано, что за Шуйских стояли новгородцы Великого Новгорода всем городом: вот одно только чувствительное место, которое отзывается на новые движения во имя старых отношений! Понятно, что ещё меньше могли найти сочувствия князья Бельские и Глинские, литовские выходцы. Сочувствие могло быть возбуждено к этим людям, если бы они тесно соединили свой интерес с интересами земли но вместо того народ увидал в них людей, которые остались совершенно преданы старине и в том отношении, что считали прирожденным правом своим кормиться на счет вверенного им народонаселения, и кормиться как можно сытнее. Понятно, что земля всеми своими сочувствиями обратилась к началу, которое одно могло защитить ее от этих людей, положить границу их своекорыстным стремлениям, — и вот молодой царь пользуется ошибками людей, в которых видит врагов своих, и с Лобного места во услышание всей земли говорит, что власть князей и бояр, лихоимцев, сребролюбцев, судей неправедных кончилась, что он сам будет теперь судья и оборона и разбор просьб поручает человеку, которого взял из среды бедных и незначительных людей; на месте Шуйских, Бельских, Глинских видим Адашева; Исав продал право первородства младшему брату за лакомое блюдо.

Важно было во время боярского правления то обстоятельство, что трудная война с Литвою уже прекратилась. Престарелый Сигизмунд сам не думал уже начинать новой войны и хлопотал только о том, чтоб быть наготове в случае, если по истечении перемирия сама Москва вздумает напасть на Литву. В сентябре 1538 года Сигизмунд послал сказать Литовской раде, что до истечения перемирия с Москвою остается только три года и потому надобно думать, как быть в случае новой войны. «Что касается до начатия войны с нашим неприятелем московским, то это дело важное, которое требует достаточного размышления. Не думаю, чтоб жители Великого княжества Литовского могли одни оборонить свою землю, без помощи наемного войска. Вам, Раде нашей, известно, что первую войну начали

мы скоро без приготовлений, и хотя земские поборы давались, но так как заранее казна не была снабжена деньгами, то к чему наконец привела эта война? Когда денег не стало, мы принуждены были мириться, какую же пользу мы от этого получили? Если теперь мы не позаботимся, то по истечении перемирия неприятель наш московский, видя ваше нерадение, к войне неготовность, замки пограничные в опущении, может послать свое войско в наше государство и причинить ему вред. Так, имея в виду войну с Москвою, объявляем вашей милости волю нашу, чтоб в остающиеся три года перемирных на каждый год был установлен побор: на первый год серебщизна по 15 грошей с сохи, на второй – по 12, на третий – по 10; чтоб эти деньги были собираемы и складываемы в казну нашу и не могли быть употреблены ни на какое другое дело, кроме жалованья наемным войскам».

Но когда перемирие вышло, в марте 1542 года приехали в Москву литовские послы: Ян Глебович, воевода полоцкий, и Никодим Техановский. Приставам, которые должны были провожать послов, дан был наказ: «Послов встретить на рубеже и ночевать с ними, не доезжая до Смоленска верст 10, а в Смоленске с послами ни под каким видом не ночевать и ехать с послами мимо Смоленска бережно, чтоб с смольнянами они не говорили ничего». Смоленск по-прежнему сделал бесплодными все толки о вечном мире; по-прежнему ничем кончились толки и об освобождении пленных, которого добивались московские бояре; послы требовали за пленных Чернигова и шести других городов, они говорили боярам: «Людей государю нашему наголо никак не отдать; знаете и сами: государь наш король тех людей у государя вашего взял саблю, а государя нашего вотчину изменники предали; вы хотите и того и другого – и Смоленск вам, и людей вам же». Бояре отвечали, что великий князь Василий взял Смоленск с божиею волею. Могли согласиться только на продолжение перемирия еще на семь лет, причем возник спор о границах; по этому делу отправлен был в Литву Сукин, которому, между прочим, дан был такой наказ: «Если станут говорить про великого князя, не думает ли государь жениться, то отвечать: „С божиею волею он уже помышляет принять брачный закон; мы слышали, что государь не в одно место послал искать себе невесты. И откуда к государю нашему будет присылка, и будет его воля, то он хочет это свое дело делать“. Что станут в ответ на это говорить, то записывать и, приехав, сказать государю великому князю». Но в Литве не спросили о женитьбе малолетнего Иоанна.

Готовясь на всякий случай к войне с Москвою, Сигизмунд не переставал сноситься с Крымом, где за него, против Москвы действовал Семен Бельский. Осенью 1540 года Бельский писал королю, что он успел отвратить поход крымцев на Литву и взял с хана клятву, что весною пойдет на Москву. Король благодарил за это своего верного и доброго слугу и послал ему сто коп грошей, да королева от себя – некоторую сумму денег. В июле 1541 года Бельский писал Сигизмунду: «Весною рано хан не мог идти на Москву, потому что захворал; когда, выздоровевши, хотел выехать, пришли все князья и уланы и начали говорить, чтоб царь не ездил на Москву, потому что там собрано большое войско. Услышавши это, я взял с собою троих вельмож, которые вашей милости служат, и просил царя, чтоб ехал на неприятеля вашей милости. Я, слуга вашей милости, призывая бога на помощь, царя и войско взял на свою шею, не жалея горла своего, чтоб только оказать услугу вашей королевской милости. А перед выездом нашим приехали к

нам послы от великого князя московского, от братьев моих, и от митрополита, и от всей Рады и листы присяжные привезли с немалыми подарками, прося нас, чтоб мы не поднимали царя на Москву, а князь великий и вся земля отдаются во всем в нашу волю и опеку, пока великий князь не придет в совершенные лета. Но мы, помня слово свое, которое дали вашей милости, не вошли ни в какие сношения с великим князем московским». Понятно, какое впечатление должно было произвести это хвастовство на умного Сигизмунда. Бельский узнал, что при дворе королевском смеются над опекуном великого князя московского, и писал опять к Сигизмунду, вычисляя свои услуги, писал, что три раза поднимал ногаев на Москву, поднял крымского хана и повоёвал Московское государство, выпленил, выпалил, вывел людей, вынес добро, вред большой наделал, города побрал, выпалил, выграбил, пушки побрал, на двух местах войско московское поразил, великого князя московского и его бояр из Москвы выгнал.

Мы видели, что единовластие Саип-Гирея и угрозы его поставили московское правительство в затруднительное положение. Чтобы не вести войны с двух сторон, оно соглашалось терпеть Сафа-Гирея в Казани, лишь бы он сохранил прежние подручные отношения к Москве. Нов Крыму именно добивались уничтожения этих отношений, и, получивши от Иоанна грамоту с изложением прав московских государей на Казань, Саип задержал великокняжеского гонца, отправленного к молдавскому господарю, и писал к Иоанну: «Государского обычая не держал твой отец, ни один государь того не делывал, что он: наших людей у себя побил. После, два года тому назад, посылал я в Казань своих людей; твои люди на дороге их перехватили да к себе привели, и твоя мать велела их побить. У меня больше ста тысяч рати: если возьму в твоей земле по одной голове, то сколько твоей земле убытка будет и сколько моей казне прироста? Вот я иду, ты будь готов; я украдкою найду. Твою землю возьму, а ты захочешь мне зло сделать – в моей земле не будешь». Бояре определили послать в Крым окольного Злобина с хорошими поминками, чтоб склонить хана к принятию прежних условий относительно Казани, т.е. что великий князь не будет трогать Казани, но чтоб Сафа-Гирей оставался московским подручником.

Узнавши об этом, хан прислал в Москву большого посла, Дивия-мурзу, и писал в грамоте: «Что ты отправил к нам большого своего посла, Степана Злобина, с добрыми поминками, то помоги тебе бог, мы этого от тебя и ждали». Хан требовал, чтоб великий князь наперед дал клятву в соблюдении союза перед Дивием-мурзою, а потом прислал бы своего большого посла взять шерт с него, хана; мир Москвы с Казанью поставлен был необходимым условием союзного договора. В другой грамоте хан писал, кому надобно присылать поминки: «Карачей своих я написал с братьею и детьми, а кроме этих наших уланов и князей написал еще по человеку от каждого рода, сто двадцать четыре человека, которые при нас, да Калгиных пятьдесят человек: пятьдесят человек немного, вели дать им поминки – и земля твоя в покое будет, и самому тебе не кручинно будет».

Злобин взял у хана шертную грамоту, но когда ее привезли в Москву, то бояре увидели, что она написана не так, именно: в ней было обозначено, какие поминки великий князь постоянно должен был присылать в Крым, на что московское правительство, как мы видели, никогда не хотело согласиться, ибо это было бы все равно, что обязаться данью. Для окончательного решения дела в Москву был

прислан большой посол, Сулеш-мурза, сын Магмедина, племянник Аппака, родовой доброжелатель московский. Сулеш согласился, чтоб грамота была переписана в том виде, в каком хотели ее бояре, и отправлена к хану с требованием новой шерти» Хан в ответ прислал грамоту с непригожими словами, писал, что великий князь молод, в несовершенном разуме; вследствие этого, когда Сулеш стал проситься домой, то бояре велели отвечать ему: «Положи на своем разуме, с чем тебя государю отпустить! царь такие непригожие речи к государю писал в своей грамоте; и государю что к царю приказать: бить ли челом или браниться? Государь наш хочет быть с ним в дружбе и в братстве, но поневоле за такие слова будет воевать». Хан не довольствовался одними непригожими речами: крымцы опустошили каширские и ростовские места. Когда в Москве узнали об этом, то у Сулеша взяли лошадей и приставили к нему стражу, а гонца ханского Егупа с товарищами роздали по гостям; но когда языки, взятые у татар, объявили, что хан нарочно послал рать, чтоб великий князь положил опалу на Сулеша, на которого Саип сердился за согласие переписать шертную грамоту с выпуском статьи о поминках, то великий князь приговорил с боярами пожаловать Сулеша, тем более что он был сын и племянник всегдашних московских доброжелателей.

Между тем казанцы, надеясь на защиту Крыма, начали опустошать пограничные области московские. В 1539 году они подходили к Мурому и Костроме; в упорном бою, происходившем ниже Костромы, убили четверых московских воевод, но сами принуждены были бежать и потерпели поражение от царя Шиг-Алея и князя Федора Михайловича Мстиславского. В декабре 1540 года Сафа-Гирей с казанцами, крымцами и ногаями подступил к Мурому, но, узнав о движении владимирских воевод и царя Шиг-Алея из Касимова, ушел назад. Сафа-Гирей был обязан казанским престолом князю Булату, но существовала сторона, противная крымской, как мы видели. Сначала эта сторона была слаба и не могла надеяться на деятельные движения со стороны Москвы, но чрез несколько лет обстоятельства переменились: Сафа-Гирей окружил себя крымцами, им одним доверял, их обогащал. Это оттолкнуло от него и тех вельмож, которые прежде были на стороне крымской; Булат теперь стал в челе недовольных и от имени всей Казанской земли прислал в Москву с просьбою, чтоб великий князь простил их и прислал под Казань воевод своих: «А мы великому князю послужим, царя убьем или схватим да выдадим воеводам; от царя теперь казанским людям очень тяжело: у многих князей ясаки отнимал да крымцам отдал; земских людей грабит; копит казну да в Крым посылает» (1541 г.).

Великий князь отвечал Булату и всей земле, что прощает их и посылает к ним воевод. Действительно, бывший перед тем правитель, боярин князь Иван Васильевич Шуйский, с другими воеводами и многими людьми, дворцовыми и городскими из 17 городов, отправился во Владимир с поручением наблюдать за ходом дел казанских, пересылаться с недовольными. Зная, что война с Казанью, с Сафа-Гиреем есть вместе и война с Крымом, правительство, т.е. князь Иван Бельский и митрополит Иоасаф, отправили войска и в Коломну для наблюдения за южными границами. Их предусмотрительность оправдалась: прибежали в Москву из Крыма двое пленных и сказали, что Сафа-Гирей сведал о движении русского войска и дал знать об этом Саип-Гирею. Последний начал наряжаться на Русь, повел с собою всю Орду, оставил в Крыму только старого да малого. С ним вместе шел князь Семен Бельский, турецкого султана люди с пушками и пищальями,

ногаи, кафинцы, астраханцы, азовцы, белгородцы, аккерманцы). Пошел хан на Русь с великою похвальбою. По этим вестям отправлен был приказ путивльскому наместнику, чтоб выслал станицу на поле, поперек дороги. Станичник ездил и объявил, что наехал на поле сакмы (следы) великие, шли многие люди к Руси, тысяч со сто и больше. Тогда двинулся из Москвы боярин князь Дмитрий Федорович Бельский; ему и воеводам, стоявшим на Коломне, велено стать на берегу Оки, там, где и прежде становились воеводы против ханов. Князь Юрий Михайлович Булгаков-Голицын с одним из татарских царевичей должен был стать на Пахре. Но боялись в то же время нападения царя казанского, и потому царю Шиг-Алею из Касимова и костромским воеводам велено было стягиваться ко Владимиру на помощь князю Шуйскому. В июле приехал с поля станичник и сказал великому князю, что видел на этой стороне Дона много людей: шли весь день полки, и конца им не дождался. 28 июля Саип-Гирей подошел к городу Осетру; воевода Глебов бился с неприятелем в посадах, много татар побил и девять человек живых прислал в Москву. Тогда князь Булгаков с Пахры был передвинут на Оку же, а на его место отправились другие воеводы. Между тем в Москве великий князь с братом ходил в Успенский собор, молился у образа Владимирской богородицы, у гроба Петра-чудотворца и потом спрашивал у митрополита Иоасафа и у бояр, оставаться ли ему в Москве или ехать в другие города. Одни бояре говорили, что прежде, когда цари под городом Москвою стаивали, тогда государи наши были не малые дети, истому великую могли поднять и о себе промыслить и земле пособлять; а когда Едигей приходил и под Москвою стоял, то князь великий Василий Дмитриевич в городе оставил князя Владимира Андреевича да двоих родных братьев своих, а сам уехал в Кострому; Едигей послал за ним в погоню, и едва великого князя бог помиловал, что в руки татарам не попал. А нынче государь мал, брат его еще меньше, скорой езды и истомы никакой не могут поднять, а с малыми детьми как скоро ездить? Митрополит говорил: «В которые города государи отступали в прежние приходы татарские, те города теперь не мирны с Казанью; в Новгород и Псков государи не отступали никогда по близости рубежей литовского и немецкого, а чудотворцев и Москву на кого оставить? Великие князья с Москвы съезжали, а в городе для обороны братьев своих оставляли; князь великий Димитрий с Москвы съехал, брата своего и крепких воевод не оставил, и над Москвою что случилось? Господи, защити и помилуй от такой беды! А съезжали великие князья с Москвы для того, чтоб, собравшись с людьми, Москве пособлять и иным городам. А теперь у великого князя много людей, есть кому его дело беречь и Москве пособлять. Поручить лучше великого князя богу, пречистой его матери, и чудотворцам Петру и Алексею: они о Русской земле и о наших государях попечение имеют. Князь великий Василий этим чудотворцам сына своего и на руки отдал». Все бояре сошли на одну речь, что быть великому князю в городе. Тогда призвали прикащиков городских, велели запасы городские запасать, пушки и пищали по местам ставить, по воротам, по стрельницам и по стенам людей расписать и у посада по улицам надолбы делать. Городские люди начали усердно работать и обещали друг другу за великого князя и за свои дома крепко стоять и головы свои класть. Пришли вести, что хан уже на берегу Оки и хочет перевозиться. Великий князь писал к воеводам, чтобы между ними розни не было и, когда царь переправится за реку, чтоб за святые церкви и за православное христианство

крепко пострадали, с царем дело делали, а он, великий князь, рад жаловать не только их, но и детей их; которого же бог возьмет, того велит в помянник записать, а жен и детей будет жаловать. Воеводы, прочтя грамоту, стали говорить со слезами: «Укрепимся, братья, любовию, помянем жалование великого князя Василия; государю нашему великому князю Ивану еще не пришло время самому вооружиться, еще мал. Послужим государю малому и от большого честь примем, а после нас и дети наши; постраждем за государя и за веру христианскую; если бог желание наше исполнит, то мы не только здесь, но и в дальних странах славу получим. Смертные мы люди: кому случится за веру и за государя до смерти пострадать, то у бога незабвенно будет, а детям нашим от государя воздаяние будет». У которых воевод между собою были распри, и те начали со смирением и со слезами друг у друга прощения просить. Когда же князь Димитрий Бельский и другие воеводы стали говорить приказ великокняжеский всему войску, то ратные люди отвечали: «Рады государю служить и за христианство головы положить, хотим с татарами смертную чашу пить».

30 июля утром пришел Саип-Гирей к Оке на берег и стал на горе; татары готовились переправляться; передовой русский полк под начальством князя Ивана Турунтая-Пронского начал с ними перестрелку. Хан велел палить из пушек и стрелять из пищалей, чтоб отбить русских от берега и дать своим возможность переправиться; передовой полк Пронского дрогнуло было, но к нему на помощь подоспели князья Микулинский и Серебряный-Оболенский, а за ними начали показываться князь Курбский, Иван Михайлович Шуйский и наконец князь Димитрий Бельский. Хан удивился, призвал князя Семена Бельского, своих князей и начал им говорить с сердцем: «Вы мне говорили, что великого князя люди в Казань пошли, что мне и встречи не будет, а я столько нарядных людей в одном месте никогда и не видывал». Саип удалился в свой стан и был в большом раздумье; но когда услышал, что к русским пришли пушки, то уж не стал более раздумывать, отступил от берега и пошел по той же дороге, по какой пришел; двое воевод, князья Микулинский и Серебряный, отправились вслед за ним, били отсталых татар, брали в плен. Пленные рассказывали, будто царь жаловался своим князьям на бесчестие, какое он получил: привел с собою много людей, а Русской земле ничего не сделал. Князья напомнили ему о Тамерлане, что приходил на Русь с большими силами и взял только один Елец; царь сказал на это: «Есть у великого князя город на поле, именем Пронск, близко нашего пути; возьмем его и сделаем с ним то же, что Тамерлан сделал с Ельцом; пусть не говорят, что царь приходил на Русь и ничего ей не сделал». 3 августа пришли татары под Пронск, где воеводами были Василий Жулебин, из рода Свибловых, да Александр Кобяков, из рязанских бояр. Целый день бились татары с осажденными; князья и мурзы подъезжали к городу, говорили Жулебину: «Сдай город – царь покажет милость; а не взявши города, царю прочь нейти». Жулебин отвечал: «Божиим велением город ставится, а без божия веления кто может его взять? Пусть царь немного подождет великого князя воевод, они за ним идут». Царь велел всем своим людям туры делать и градобитные приступы припасать, хотел со всех сторон приступать к городу, а воеводы пронские всеми людьми и женским полом начали город крепить, велели носить на стены колья, камни, воду. В это время приехали в Пронск семь человек детей боярских от воевод Микулинского и Серебряного с вестью, «чтоб сидели в городе крепко, а мы идем к городу наспех со многими людьми и хотим с царем

дело делать, сколько нам бог поможет». Жители Пронска сильно обрадовались, а хан, узнав от пленника об этой радости, велел сжечь туры и пошел прочь от города. Воеводы, не заставши его у Пронска, пошли за ним дальше к Дону, но, приблизившись к берегам этой реки, увидали, что татары уже перевезлись. Тогда, отпустив за царем небольшой отряд, воеводы возвратились в Москву, и была здесь радость большая: государь бояр и воевод пожаловал великим жалованьем, шубами и кубками.

Весною следующего же, 1542 года старший сын Саипов, Имин-Гирей, напал на Северскую область, но был разбит воеводами; в августе того же года крымцы явились в Рязанской области, но, увидав пред собою русские полки под начальством князя Петра Пронского, дрогнули, пошли назад; воеводы из разных украинских городов провожали их до Мечи, причем на Куликовом поле русские сторожа побии татарских. Счастливей был Имин-Гирей в нападении своем на белевские и одоевские места в декабре 1544 года: тут его татары ушли с большим полоном, потому что трое воевод – князя Щенятев, Шкурлятев и Воротынский – рассорились за места и не пошли против крымцев. Хан писал великому князю: «Король дает мне по 15000 золотых ежегодно, а ты даешь меньше того; если по нашей мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, захочешь заратиться – и то в твоих же руках; до сих пор был ты молод, а теперь уже в разум вошел, можешь рассудить, что тебе прибыльнее и что убыточнее?» Иоанн рассудил, что нет никакой прибыли продолжать сношения с разбойниками, и приговорил: своего посла в Крым не посылать, а на крымских послов опалу положить, потому что крымский царь посланного к нему подьячего Ляпуна опозорил: нос и уши ему зашивали и, обнажа, по базару водили, на гонцах тридевять поминков берут и теперь московских людей 55 человек себе похолопили.

Нечего было надеяться на какой-нибудь успех в переговорах с Крымом и потому, что с Казанью надобно было покончить во что бы то ни стало. После неудачного похода Саип-Гиреева в Казани хотели мира. Здесь Булат помирился с Сафа-Гиреем и писал к боярам, чтоб просили великого князя о мире; царевна Горшадна писала о том же самому Иоанну. Но эта присылка не имела дальнейших следствий, и мы не встречаем никаких известий о казанских делах до весны 1545 года; внутреннее состояние Московского государства, свержение Бельского, правление Шуйских, колебания нового правительства после казни Андрея Шуйского могут объяснить нам это молчание. Первым важным делом Иоаннова правления с того времени, как бояре начали страх иметь перед молодым великим князем, был поход на Казань, объявленный в апреле 1545 года, неизвестно, по какому поводу. Князь Семен Пунков, Иван Шереметев и князь Давид Палецкий отправились к Казани легким делом на стругах, с Вятки пошел князь Василий Серебряный, из Перми – воевода Львов. Идучи Вяткою и Камою, Серебряный побил много неприятелей и сошелся с Пунковым у Казани в один день и час, как будто пошли из одного двора. Сошедшись, воеводы побии много казанцев и пожгли ханские кабаки, посылали детей боярских на Свягу и там побии много людей. После этих незначительных подвигов они возвратились назад и были щедро награждены: кто из воевод и детей боярских ни бил о чем челом, все получили по челобитью – так обрадовался молодой великий князь, что дело началось удачно, два ополчения возвратились благополучно. Не такова была судьба третьего: Львов с пермичами пришел поздно, не застал под Казанью

русского войска, был окружен казанцами, разбит и убит. Но поход, совершенный с таким сомнительным успехом, имел, однако, благоприятные последствия, усилил внутреннее безнарядье в Казани, борьбу сторон: хан начал подозревать князей. «Вы, – говорил он, – приводили воевод московских», – и стал убивать князей. Тогда многие из них поехали в Москву к великому князю, а другие разъехались по иным землям, и 29 июля двое вельмож, Кадыш-князь да Чура Нарыков, прислали в Москву с просьбою, чтоб великий князь послал рать свою к Казани, а они Сафа-Гирея и его крымцев 30 человек выдадут. Иоанн отвечал им, чтоб они царя схватили и держали, а он к ним рать свою пошлет. В декабре великий князь сам отправился во Владимир, вероятно, для того, чтоб получать скорее вести из Казани; действительно, 17 января 1546 года дали ему знать, что Сафа-Гирей выгнан из Казани и много крымцев его побито. Казанцы били челом государю, чтоб их пожаловал, гнев свой отложил и дал им в цари Шиг-Алея. В июне боярин князь Дмитрий Бельский посадил Шиг-Алея в Казани. Но изгнание Сафа-Гирея и посадение Шиг-Алея было делом только одной стороны, и едва князь Бельский успел возвратиться из Казани, как оттуда пришла весть, что казанцы привели Сафа-Гирея на Каму, великому князю и царю Шиг-Алею изменили; и Шиг-Алей убежал из Казани, на Волге взял он лошадей у городецких татар и поехал степью, где встретился с русскими людьми, высланными к нему великим князем.

Крымская сторона восторжествовала, и первым делом Сафа-Гирея было убиение предводителей стороны противной: убиты были князья Чура, Кадыш и другие; братья Чуры и еще человек семьдесят московских или Шиг-Алеевых доброжелателей успели спастись бегством в Москву. Чрез несколько месяцев прислала горная черемиса бить челом великому князю, чтоб послал рать на Казань, а они хотят служить государю, пойдут вместе с воеводами. Вследствие этого челобитья отправился князь Александр Борисович Горбатый и воевал до Свияжского устья, привел в Москву сто человек черемисы. В конце 1547 года новый царь московский решился сам выступить в поход против Казани: в декабре он выехал во Владимир, приказавши везти туда за собою пушки; они были отправлены уже в начале января 1548 года с большим трудом, потому что зима была теплая, вместо снега шел все дождь. Когда в феврале сам Иоанн выступил из Нижнего и остановился на острове Роботке, то наступила сильная оттепель, лед на Волге покрылся водою, много пушек и пищалей провалилось в реку, много людей потонуло в продушинах, которых не видно было под водою. Три дня стоял царь на острове Роботке, ожидая пути, но пути не было; тогда, отпустивши к Казани князя Дмитрия Федоровича Бельского и приказавши ему соединиться с Шиг-Алеем в устье Цивильском, Иоанн возвратился в Москву в больших слезах, что не сподобил его бог совершить похода. Эти слезы замечательны: они не были следствием только семнадцатилетнего возраста; они были следствием природы Иоанна, раздражительной, страстной, впечатлительной. Бельский соединился с Шиг-Алеем, и вместе подошли к Казани; на Арском поле встретил их Сафа-Гирей, но был втоптан в город передовым полком, находившимся под начальством князя Семена Микулинского. Семь дней после того стояли воеводы подле Казани, опустошая окрестности, и возвратились, потерявши из знатных людей убитым Григория Васильевича Шереметева. Осенью казанцы напали на Галицкую волость под начальством Арака-Богатыря, но костромской наместник Яковлев поразил их

наголову и убил Арака. В марте 1549 года пришла весть в Москву о смерти Сафа-Гирея.

Медленность московского правительства в войне с Казанью во время малолетства Иоаннова, медленность, происходившая главным образом от страха перед ханом крымским, дорого стоила пограничным областям, сильно опустошенным казанцами. Не менее, по свидетельству современников, были опустошены и внутренние области государства в боярское правление. Из слов царя, сказанных на Лобном месте, можем заключить вообще о состоянии правосудия в Московском государстве; летописец псковский сообщает нам подробности воеводских насилий в его родном городе. В правление Елены псковичи были обрадованы выводом от них дьяка Колтыря Ракова, установившего многие новые пошлины. Но радость их была непродолжительна: в первое правление Шуйских наместниками в Псков были отправлены известный уже нам князь Андрей Михайлович Шуйский и князь Василий Иванович Репнин-Оболенский; были эти наместники, говорит летописец, свирепы, как львы, а люди их, как звери, дикие до христиан, и начали поклепцы добрых людей клепать, и разбежались добрые люди по иным городам, а игумены честные из монастырей убежали в Новгород, Князь Шуйский был злодей, дела его злы на пригородах, на волостях, поднимал он старые дела, правил на людях по сту рублей и больше, а во Пскове мастеровые люди все делали на него даром, большие же люди давали ему подарки. Любопытно, что игумены, по словам летописца, бежали в Новгород, значит, там было лучше; вспомним, что новгородцы всем городом стояли за Шуйских.

Смена Шуйских Бельским и митрополитом Иоасафом повлекла за собою перемену в Пскове и, вероятно, в других городах, терпевших при прежнем правлении. Смена верховного правителя необходимо вела за собою смену его родственников и приятелей в областях: жалобам на них давалась вера. Мы видели, как могущественна была сторона Шуйских, сколько знатных родов входило в нее, как живуча была она, даже лишенная глав своих; но мы не можем сказать этого о стороне Бельских, и потому естественно было князю Ивану и митрополиту Иоасафу стараться приобрести народное расположение переменами к лучшему, опираться на это расположение в борьбе с могущественными соперниками; притом если мы из предыдущих поступков Бельского не можем вывести выгодного заключения о его благонамеренности, то не должно забывать, что рядом с ним в челе управления стоял митрополит Иоасаф, которого и видим печальником за опальных. Как бы то ни было, в правление Бельского и Иоасафа начали давать грамоты всем городам большим, пригородам и волостям; по этим грамотам жители получали право сами обыскивать лихих людей по крестному целованию и казнить их смертною казнию, неводя к наместникам и к их тиунам. Псковичи взяли такую грамоту, и начали псковские целовальники и соцкие судить лихих людей на княжьем дворе, в суднице над Великою рекою, и смертною казнию их казнить. Князь Андрей Шуйский сведен был в Москву, остался один князь Репнин-Оболенский, и была ему, говорит летописец, нелюбка большая на псковичей, что у них, как зеркало, государева грамота. И была христианам радость и льгота большая от лихих людей, от поклепцов, от наместников, от их недельщиков и ездовых, которые по волостям ездят, и начали псковичи за государя бога молить. Злые люди разбежались, стала тишина, но ненадолго: опять

наместники взяли силу. Значит, с падением Бельского и митрополита Иоасафа приверженцы Шуйских повторили прежнее поведение в областях. Есть известие, что князь Андрей Шуйский разорял землевладельцев, заставляя их силою за малую цену продавать ему свои отчины; крестьян разорял требованием большого числа подвод для своих людей, едущих к нему из его деревень и обратно; каждый его слуга, каждый крестьянин под защитою имени своего господина позволял себе всякого рода насилия. Насилия наместников во Пскове питались и усиливались враждою между большими и меньшими людьми. Мы видели, как сильна была эта вражда и в Новгороде во время его прежнего быта, но во Пскове в описываемое время вражда эта имела еще другое основание: старые лучшие люди, псковичи, были выведены при великом князе Василии и заменены москвичами; следовательно, к вражде сословной присоединялась теперь вражда туземцев, меньших граждан, к пришельцам незванным. Под 1544 годом летописец говорит: вражда была большая во Пскове большим людям с меньшими, поездки частые в Москву и трата денег большая. В конце 1546 года, в одну из любимых поездок своих по монастырям, Иоанн заехал на короткое время во Псков: Печерскому монастырю дал много деревень, но свою отчину Псков не управил ни в чем, говорит летописец, только все гонял на ямских и христианам много убытка причинил. Летом 1547 года 70 человек псковичей поехали в Москву жаловаться на наместника; поступок с ними молодого царя показывает привычку Иоанна давать волю своему сердцу: жалобщики нашли Иоанна в селе Островке; неизвестно, чем они рассердили его, только он начал обливать их горячим вином, палил бороды, зажигал волосы свечою и велел покласть их нагих на землю; дело могло кончиться для них очень дурно, как вдруг пришла весть, что в Москве упал большой колокол; царь поехал тотчас в Москву, и жалобщики остались целы.

Но если мы, приняв свидетельство псковского летописца, что в правление князя Бельского Пскову было больше облегчения от насилий наместников, распространим это известие и на другие области, если положим, что и везде злоупотребления уменьшились, то мы не должны, однако, думать, что губные грамоты, о которых говорит псковский летописец и которым он приписывает такую силу, начали даваться только в правление Бельского; до нас дошло несколько губных грамот от времени первого правления князей Шуйских; так, в октябре 1539 года даны были губные грамоты белозерцам и каргопольцам: «Князьям и детям боярским, отчинникам и помещикам, и всем служилым людям, и старостам, и соцким, и десяцким, и всем крестьянам моим, великого князя, митрополичьим, владычным, княжим, боярским, помещиковым, монастырским, черным, псарям, осочникам, перевестникам, бортникам, рыболовам, бобровникам, оброчникам и всем без исключения. Били вы нам челом, что у вас в волостях многие села и деревни разбойники разбивают, имение ваше грабят, села и деревни жгут, на дорогах много людей грабят и разбивают и убивают многих людей до смерти. А иные многие люди разбойников у себя держат, а к иным людям разбойники с разбоем приезжают и разбойную рухлядь к ним привозят. Мы к вам посылали обыщиков своих, но вы жалуетесь, что от наших обыщиков и недельщиков большие вам убытки, и вы с нашими обыщиками лихих людей разбойников не ловите, потому что вам волокита большая, а сами разбойников обыскивать и ловить без нашего ведома не смеете. Так вы бы, между собою свестясь, все вместе поставили себе в головах детей боярских, в волости человека

три или четыре, которые бы грамоте умели и которые годятся, да с ними старост, да десяцких и лучших людей крестьян человек пять или шесть и между собою, в станах и волостях, лихих людей разбойников сами обыскивали бы по нашему крестному целованью, в правду, без хитрости. Где сыщете разбойников или тех, кто их у себя держит и разбойную рухлядь принимает, то вы таких людей пытайте накрепко, а допытавшись и бивши кнутом, казните смертью. Я положил это на ваших душах, а вам от меня опалы в том нет и от наших наместников и от волостей продажи вам нет. Если разбойник с пытки объявит о своих товарищах в других городах, то вы об них пишете грамоты в те города к детям боярским, которые там поставлены в головах для этих дел, и обсылались бы между собою немедленно. Кого поймаете в разбое, доведете, казните, кто разбойников поймал, в каких делах они уличены – все это пишете на список подлинно, а которые из вас грамоте умеют, то прикладывали бы к спискам руки. По недружбе друг другу не мстите, без вины не берите и не казните никого, но обыскивайте накрепко. А не станете разбойников обыскивать и брать или не станете за разбойниками ездить, хватать их и казнить, или станете разбойников отпускать и им потакать, то я велю на вас на всех взыскивать по жалобам тех людей, кого в ваших волостях разобьют без суда, вдвое, а самим вам от меня быть в казни и в продаже. А которых разбойников ведомых поймаете и, обыскав, казните, тех имение и подворья отдавайте людям, которых поставите у себя в головах, они же пусть отдадут тем людям, которых казненные разбойники разбивали, смотря по их искам; сколько у какого разбойника возьмете и раздадите истцам, записывайте все на списки; а что после этой раздачи останется, перепишите и положите, где пригоже, и отпишите об этом в Москву, к нашим боярам, которым разбойные дела приказаны».

В правление Бельского дана была губная грамота галичанам в такой форме: «Поставьте между собою у десяти дворов десяцкого, у пятидесяти – пятидесяцкого, у ста – соцкого; и в которые дворы какие люди с чем-нибудь приедут, покупать ли соль или проезжие люди, объявляйте этих людей десяцким, те пусть объявляют их пятидесяцким, а пятидесяцкие соцким, соцкие с пятидесяцкими и десяцкими пусть этих людей осматривают и записывают. Остановятся на дворах люди проезжие незнакомые и станут сказываться не по именам и непутно, таких людей брать и приводить к городovým прикащикам и с городowymi прикащиками обыскивать вправду, без хитрости, какие они люди. Обыщете, что они люди добрые, то перепишите их и отпустите без задержки. Если же окажутся лихие люди, то пытайте их накрепко с городowymi прикащиками, а у пытки пусть стоит дворский, да целовальники, да лучшие люди; а что будут говорить с пытки, те речи пусть записывает дьяк земский, а вы прикладываете к ним руки; уличенного разбойника, бив кнутом по всем торгам, казните смертью». В такой же форме в 1541 году даны были губные грамоты селам и деревням Троицкого Сергиева монастыря по просьбе игумена Алексея: крестьяне должны были поставить себе прикащика в головах и выбрать соцких, пятидесяцких, десяцких. В 1549 году дан был губной наказ селам Кириллова монастыря: «Я, царь и великий князь, по их челобитью пожаловал, велел у них быть в разбойных делах в губных старостах, в выборных головах, детям боярским (имена), да с ними целовальникам, тех же сел крестьянам (имена)». Здесь против прежних грамот встречаются уже подробности управы: «Поймают татя в первой татьбе, то доправить на нем истцевы иски, а в продаже он наместнику, и

волостелям, и их тиунам; как скоро наместники, волостели и их тиуны продажу свою на тате возьмут, то вы, старосты губные, велите его бить кнутом и потом выбить из земли вон. За второе воровство бить кнутом, отсекай руку и выбивать вон из земли; за третье воровство вешать. Дела небольшие выборным головам можно решать и не всем вместе; но для больших они должны съезжаться из всех станом и волостей в город на Белоозеро, и, чего не смогут управить, пусть пишут к боярам, которым приказаны разбойные дела. В суды наместничьи губные старосты не должны вступаться, а наместники – в суды губных старост. Посулов и поминков старостам губным и целовальникам в разбойных и воровских делах не брать ни под каким видом и друг за другом смотреть, чтоб не брали».

Еще в правление Елены мы встретили упоминание о детях боярских, которые живут в Думе. Во время боярского правления встречаем такое же известие с любопытным дополнением: при описании приема литовских послов, Глебовича и Техановского, говорится: «Стояли у великого князя для береженья на правой стороне боярин князь М. И. Кубенский, а на левой – окольный И. С. Воронцов. А сидели у великого князя на правой стороне боярин князь Дмитрий Федорович Бельский и иные бояре, а на левой стороне – боярин князь Иван Васильевич Шуйский и иные бояре. Да в избе же были князья и дети боярские, которые в Думе живут и которые в Думе не живут. А вот князья и дети боярские, которые в Думе не живут, а при послах в избе были: князь Одоевский, Трубецкой, Воротынские, Оболенские, ростовские, ярославские, суздальские, стародубские, Москва (Ласкирев, Морозов, Шеины), Переяславль (кн. Куракин, Бутурлин и др.), Юрьев, Волок (кн. Хованские), Можайск (кн. Ногтев), Вязьма (Годунов), двор тверской (кн. Микулинские и др.), Калуга, Дмитров (кн. Охлябинин), Старица (Умный Колычев), ловчие (Нагой, Дятлов)».

Безнарядье, последовавшее за смертью великой княгини Елены, заставило бежать из Москвы известного архитектора, италианца Петра (Петра Фрязина), который выехал из Рима при великом князе Василии, принял православие, женился в Москве, получил поместья. В 1539 году, будучи послан укреплять новый город Себеж, Петр воспользовался этим случаем, чтоб пробраться за границу, в Ливонию. На вопрос дерптского епископа, что заставило его бежать из Москвы, Петр отвечал: «Великого князя и великой княгини не стало, государь нынешний мал остался, а бояре живут по своей воле, и от них великое насилие, управы в земле никому нет, между боярами самими вражда, и уехал я от великого мятежа и безгосударства».

Глава третья

Казань, Астрахань, Ливония

Неудачный поход на Казань 1550 года. – Основание Свияжска; подчинение окрестных племен и самой Казани. – Ненависть в Казани к царю Шиг-Алею, подручнику московскому. – Просьба казанцев дать им в наместники боярина московского вместо Шиг-Алея. – Государь соглашается, но казанцы не пускают к себе бояр. – Поход под Казань 1552 года. – Нашествие крымского хана. – Осада и взятие Казани. – Возвращение царя в Москву. – Значение казанского взятия. –

Борьба с пятью казанскими народами. – Отношение Москвы к ногайцам. – Покорение Астрахани. – Отношение к народам прикавказским. – Борьба с Крымом. – Война и мир с Швецией. – Война Ливонская. – Сношения с Швецией, Даниею и Литвою. – Начало сношений с Англиею.

Смерть Сафа-Гирея, расстраивая крымскую сторону, усиливая внутренние волнения в Казани, была как нельзя более выгодна для предприятий московского царя. Крымцы и казанцы, их приверженцы, поспешили провозгласить ханом двухлетнего сына Сафа-Гиреева, Утемиша; но этим самым Казань теперь менялась своим положением с Москвою: долгое время она могла поддерживать свою независимость благодаря малолетству Иоаннову; теперь, когда Иоанн возмужал и обнаружил намерение решительно действовать против Казани, в последней явился царь-младенец. Казанцы понимали невыгоду своего положения и потому отправили послов в Крым просить помощи у взрослого царя, но московские козаки побили этих послов и ярлыки их переслали в Москву. В июле 1549 года казанцы прислали к Иоанну грамоту, писали от имени Утемиш-Гирея о мире; царь отвечал, чтоб прислали для переговоров добрых людей. Добрые люди не являлись, и 24 ноября сам Иоанн с родным братом Юрием выступил в поход, оставив оберегать Москву двоюродного, Владимира Андреевича; во Владимире сделаны были все распоряжения; любопытно, что при этих распоряжениях царь считал нужным присутствие митрополита; Макарий по его вызову ездил во Владимир, где увещевал воевод отложить на время похода местнические счеты и считаться по окончании войны. Под Казань пришел царь уже в феврале 1550 года; приступ к городу не удался, множество людей было побито с обеих сторон, а потом настала оттепель, подули сильные ветры, полился дождь, малые речки попортило, а иные прошли. Простоявши 11 дней под Казанью, Иоанн принужден был возвратиться назад. Это был уже второй поход, предпринятый им лично и кончившийся неудачно. На этот раз, впрочем, Иоанн не хотел возвратиться ни с чем в Москву: по примеру отца, основавшего Васильсурск, он заложил на устье Свяги Свяжск; дьяк Иван Выродков отправился с детьми боярскими на Волгу, в Углицкий уезд, в отчину князей Ушатых, рубить лес для церквей и стен городских и везти его на судах вниз по Волге; а для поставления города отправились весною на судах царь Шиг-Алей с двумя главными воеводами – князем Юрием Булгаковым (Голицыным-Патрикеевым) и Данилою Романовичем Юрьевым, братом царицыным; туда же поехали с войском и казанские выходцы, которых было тогда в Москве 500 человек. Князю Петру Серебряному из Нижнего велено было идти изгоном на казанский посад; козаки стали по всем перевозам по Каме, Волге и Вятке, чтоб воинские люди из Казани и в Казань не ездили. Серебряный в точности исполнил приказ: явился внезапно перед казанским посадом, побил много людей и живых побрал и полону русского много отполонил.

24 мая пришел Шиг-Алей с воеводами на Свягу; тотчас начали очищать от лесу место, где быть городу; очистивши гору, пели молебен, освятили воду и обошли с крестами по стенному месту; потом обложили город и заложили церковь во имя Рождества богородицы и чудотворца Сергия. Леса, который привезли сверху по Волге, стало только на половину горы; другую половину сделали тотчас же воеводы и дети боярские своими людьми, и все окончили в четыре недели.

Следствия построения Свияжска оказались немедленны: горные черемисы, увидав, что русский город стал в их земле, начали приезжать к Шиг-Алею и воеводам с челобитьем, чтоб государь их пожаловал, простил, велел им быть у Свияжского города, а воевать бы их не велел, а пожаловал бы их государь, облегчил в ясаке и дал им свою грамоту жалованную, как им вперед быть. Государь их пожаловал, дал грамоту с золотою печатью и ясак им отдал на три года. Шиг-Алею и воеводам Иоанн послал золотые в награду и приказ – привести всю Горную сторону к присяге и послать черемис войною на казанские места, а с ними отправить детей боярских и казанских князей смотреть: прямо ли станут служить государю. Воеводы привели к присяге черемис, чуваш, мордву и сказали им: «Вы государю присягнули, так ступайте покажите свою правду государю, воюйте его недруга». Те собрались большими толпами, перевезлись на Луговую сторону и пришли к городу на Арское поле. Казанцы и крымцы вышли к ним навстречу и бились крепко; когда же из города вывезли пушки и пищали и начали стрелять, то черемисы и чуваш дрогнули и побежали. Казанцы убили у них человек со 100 да с 50 живых взяли. Воеводы увидали, что горные люди служат прямо, и велели их опять перевезти на их сторону. Показавши верную службу, горные начали ездить через все лето в Москву человек по пяти– и по шестисот. Государь их жаловал, князей, мурз и сотных козаков кормил и поил у себя за столом, дарил шубами, доспехами, конями, деньгами.

Построение Свияжска и отпадение Горной стороны скоро отозвались в Казани, усилив сторону, противную крымцам: начали розниться казанцы с крымцами, говорит летопись; арские чуваш пришли даже с оружием на крымцев, крича: «Отчего не бить челом государю?» – пришли и на царев двор, но крымцы – Улан Кащак с товарищами – побили их; эта удача, однако, не поправила дела Гиреев, потому что казанские князья и мурзы один за другим перебежали к русским. Тогда крымцы, видя, что при первом нападении московских воевод казанцы их выдадут, собрались, пограбили все, что было можно, и побежали из Казани в числе 300 человек, побросав жен и детей; они бежали вверх по Каме и вошли в Вятку, но тут вятский воевода Зюзин поразил их наголову и потопил; 46 человек пленных, и в том числе Улан Кащак, были отосланы в Москву и там казнены смертию за их жестокосердие, говорит летописец. Бегство крымцев отдало Казань в руки русской стороне; тотчас явились оттуда послы с челобитьем, чтоб государь пожаловал, пленить их не велел, дал бы им на государство царя Шиг-Алея, а царя Утемиш-Гирея с матерью Сююнбекою взял бы к себе. Иоанн отвечал, что хочет землю Казанскую пожаловать, если они царя, царицу, остальных крымцев и детей их выдадут и всех русских пленников освободят. Алексей Адашев отправился в Свияжск объявить Шиг-Алею, что государь жалует ему Казанское царство с Луговою стороною и Арскою, но Горная сторона отойдет к Свияжску, потому что государь саблю взял ее до челобитья казанцев. Это условие сильно оскорбило Шиг-Алея, но бояре прямо объявили ему, что решение ни под каким видом изменено не будет; то же было объявлено и вельможам казанским, когда они начали было говорить, что землю разделить нельзя. В августе Шиг-Алей посажен был в Казани и, согласно условиям, освободил русских пленников, которых насчиталось 60000 человек.

Господство, насилия крымцев поддерживали прежде русскую сторону; тяжелые условия, наложенные теперь русским царем, возбуждали большое

неудовольствие, усилили сторону противную; хану, вельможам нестерпимо было отрезание Горной стороны; простые люди терпели большой убыток чрез освобождение русских пленников. Оставленные при новом хане боярин Хабаров и дьяк Выродков уже в сентябре уведомили государя, что пленные освобождены не все, что Шиг-Алей знает это, но смотрит сквозь пальцы, боясь волнения. В Москве не могли отказаться от предписанных условий, не могли терпеть, чтоб русские люди томились в плену в подчиненном государстве и чтоб русский город Свияжск был островом среди чужой земли; надеялись кроткими мерами, ласкою заставить Шиг-Алея и казанцев забыть свои лишения. В Казань поехали боярин князь Димитрий Палецкий и дьяк Клобуков; они повезли платье, сосуды, деньги хану, ханше, князьям казанским и городецким, повезли царю и земле Казанской жалованное слово за службу; но при этом они должны были требовать освобождения всех пленных, в противном случае объявить, что государь, видя христианство в неволе, терпеть этого не будет. Шиг-Алею должны были сказать, чтоб он помнил жалованье царя и отца его, великого князя Василия, прямил по шертным грамотам, русских пленников всех освободил и укрепил бы Казань крепко государю и себе, как Касимов городок, чтоб при нем и после него было неподвижно и кровь перестала бы литься навеки. Палецкий с этим наказом поехал в Казань, а из Казани в Москву приехали большие послы с челобитьем от Шиг-Алея, чтоб государь пожаловал. Горную сторону царю уступил, если же не хочет уступить всей стороны, то пусть даст хотя несколько ясаков с нее; да пожаловал бы государь, дал клятву царю и земле Казанской в соблюдении мира. Иоанн велел отвечать, что с Горной стороны не уступит Казани ни одной деньги, а клятву даст тогда, когда в Казани освободят русских пленных всех до одного человека. Тогда же возвратились из Казани боярин Хабаров и дьяк Выродков и сказали, что казанцы мало освобождают пленных, куют их и прячут по ямам, а Шиг-Алей не казнит тех, у кого найдут пленников, оправдывает себя тем, что боится волнения: доносят ему, что князья казанские ссылаются с ногами; он об этом разведывает и даст знать государю. Действительно, в ноябре Шиг-Алей и князь Палецкий дали знать, что казанские князья ссылаются с ногами, хотели убить Шиг-Алея и князя Палецкого. Хан узнал о заговоре, перехватил грамоты и велел перебить заговорщиков у себя на пиру числом 70 человек, а другие разбежались; он просил, чтоб государь не отпускал из Москвы больших казанских послов, потому что они также в числе заговорщиков.

Это известие заставляло царя подумать о новом шаге вперед относительно Казани. Отправился туда Алексей Адашев с такими словами к Шиг-Алею: «Сам он видит измену казанцев, изначала лгут государям московским, брата его, Еналея, убили, его самого несколько раз изгоняли и теперь хотели убить: нужно непременно, чтоб он укрепил город русскими людьми». Шиг-Алей отвечал на это: «Прожить мне в Казани нельзя: сильно я раздосадовал казанцев; обещал я им у царя и великого князя Горную сторону выпросить. Если меня государь пожалует, Горную сторону даст, то мне в Казани жить можно, и, пока я жив, до тех пор Казань государю крепка будет. Если же у меня Горной стороны не будет, то мне бежать к государю». Князь Палецкий и Адашев говорили ему на это: «Если тебе к государю бежать, так укрепи город русскими людьми». Алей не соглашался на это. «Я бусурман, – говорил он, – не хочу на свою веру стать и государю изменить не хочу же, ехать мне некуда, кроме государя; дай мне, князь Дмитрий, клятву, что

великий князь меня не убьет и придаст к Касимову, что пригоже, так я здесь лихих людей еще изведу, пушки, пищали и порох перепорчу; государь, приходи сам да промышляй». Палецкий и Адашев отправились в Москву, оставя в Казани Ивана Черемисинова с отрядом стрельцов беречь Алея от казанцев и не держать государя без вести. Когда Палецкий приехал на Свиягу, то жившие здесь князья Чапкун и Бурнаш сказали ему, что в народе ходят слухи: придет весна, и казанцы изменят государю, а Шиг-Алея не любят; так государь бы своим делом промышлял, как ему крепче, а мы, говорили князья, государю дали правду и по правде к нему приказываем. что казанцы непременно изменят, тогда и горных не удержим.

Так прошел 1551 год. Дело приближалось к развязке. Казань не могла оставаться долго в таком положении; после кровавого пира ненависть к Алею достигла высшей степени; поддерживать долее силою ненавистного хана было бы очень неблагоприятно; двинуть большие полки к Казани, не дожидаясь первого движения со стороны ее жителей, значило ускорить кровавую развязку, подвергнуть явной опасности жизнь Алея и находившихся при нем русских стрельцов и дать казанцам полное право к восстанию; захватить город внезапно, без ведома хана, было нельзя, а хан не хотел изменить бусурманству. Но казанцы сами пошли навстречу намерениям московского царя: ненависть к Алею и в то же время невозможность избавиться от него, невозможность борьбы с Москвою привели их к мысли предложить Иоанну полное подданство, лишь бы только он вывел от них Алея. Мы видели, что в числе главных врагов последнего были вельможи, отправленные послами в Москву, и только это посольство избавило их от участи, постигшей товарищей их на пиру ханском; но погибли не все, оставались еще лихие люди, которых Алей также обещал извести. Понятно, что эти люди, трепеща каждую минуту за свою жизнь, должны были желать смены Алея каким бы то ни было способом, и понятно, что они в этом желании должны были прежде всего сойтись с послами, задержанными в Москве, и действовать через них. В январе 1552 года эти послы явились к Иоанну и объявили, что им есть приказ от Казанской земли бить челом государю, чтоб царя Шиг-Алея свел, дал бы им в наместники боярина своего и держал бы их, как в Свияжском городе; если же государь не пожалует, то казанцы изменят, будут добывать себе государя из других земель. Иоанн велел поговорить с ними боярину Ивану Васильевичу Шереметеву, за что царя не любят в Казани, как его оттуда свести, как быть у них наместнику и как им в том верить. Послы отвечали, что Алей побивает их и грабит, жен и дочерей берет силою; если государь пожалует землю и хана сведет, то теперь здесь, в Москве, уланов, князей, мурз и козаков человек с триста, один из них поедет в Казань, и казанцы все государю дадут правду, наместников его в город пустят и город весь государю сдадут; кому велит жить в городе, кому на посаде, тем там и жить, а другим всем по селам; царские доходы будут собираться на государя, имения побитых бездетных князей государь раздаст кому хочет, и все люди в его воле – кого чем пожалует. Если же казанцы так не сделают, то пусть государь велит нас всех здесь побить; если же Алей не захочет ехать из Казани, то государю стоит только взять у него стрельцов, и он сам побежит.

В феврале отправился опять Алексей Адашев в Казань, чтоб свести Алея, и с ним татарин от послов с грамотою к казанцам, в которой описывалось, как они условились в Москве с государем. Адашев объявил Алею, чтоб пустил московских людей в город, а сам пусть просит у государя чего хочет, все получит. Алей

отвечал по-прежнему, что бусурманского юрта не нарушит, но съедет в Свияжск, потому что в Казани ему жить нельзя, казанцы уже послали к ногаям просить другого царя. Заколотив несколько пушек и отправив в Свияжск пищали и порох, 6 марта Шиг-Алей выехал из Казани на озеро ловить рыбу, взял с собою многих князей, мурз, горожан и всех пятьсот стрельцов московских; выехавши за город, он стал говорить казанцам: «Хотели вы меня убить и били челом на меня царю и великому князю, чтоб меня свел, что я над вами лихо делаю, и дал бы вам наместника; царь и великий князь велел мне из Казани выехать, и я к нему еду, а вас с собою к нему же веду, там управимся». Этих князей и мурз, приведенных Алеем в Свияжск, было восемьдесят четыре человека. В тот же день боярин князь Семен Иванович Микулинский послал в Казань двух козаков с грамотами, что по челобитью казанских князей государь-царь Шиг-Алея свел и дал им в наместники его, князя Семена, чтоб они ехали в Свияжск присягать, и, когда присягнут, тогда он к ним поедет. Казанцы отвечали, что государеву жалованью рады, хотят во всем исполнить волю государеву, только бы боярин прислал к ним князей Чапкуна и Бурнаша, на чьи руки им даваться. Чапкун и Бурнаш отправились на другой день в Казань вместе с Черемисиновым, и тот дал знать Микулянскому, что вся земля Казанская охотно присягает государю и лучшие люди едут в Свияжск. Лучшие люди действительно приехали на другой день вместе с Чапкуном и Бурнашом и присягнули, взявши с Микулинского и товарищей его также клятву, что они будут жаловать добрых казанских людей. После этого Микулинский отправил в Казань Черемисинова с толмачом приводить к присяге остальных людей и смотреть, нет ли какого лиха; для того же отправил Чапкуна, еще одного князя казанского и восемь человек детей боярских; они должны были занять дворы, которые князья обещались очистить, и смотреть, чтоб все было тихо, когда русские полки будут вступать в город. Ночью Черемисинов дал знать Микулинскому, что все спокойно; царский двор опоражнивают, и сельские люди, давши присягу, разъезжаются по селам. Черемисинов писал, чтоб наместник уже отправлял в Казань свой легкий обоз с съестным и прислал козаков с сотню, потому что они на цареве дворе пригодятся на всякое дело, и по этой присылке наместник отпустил обоз с семьюдесятью козаками, у которых было 72 пищали.

Скоро двинулись к Казани и бояре: князь Семен Микулинский, Иван Васильевич Шереметев, князь Петр Серебряный; сторожевой полк вел князь Ромодановский; у него были все те казанцы, которых вывел царь Шиг-Алей. По дороге встречали их разные князья, били челом боярам, чтоб ехали в город, а они все холопы государевы, все в его воле; в Казань и из Казани ездили к воеводам дети боярские и сказывали, что все люди государеву жалованью рады и что Иван Черемисинов продолжает приводить к присяге. Все шло как нельзя лучше до тех пор, пока не отпросились у воевод в Казань двое князей. Ислам и Кебяк, и мурза Аликей, брат известного Чуры. Приехавши в Казань, они затворили город и объявили жителям, что русские непременно истребят их всех, что об этом говорят городские татары, да и сам Шиг-Алей говорит то же. Когда бояре подъехали к Казани, то встретил их на Булаке Иван Черемисинов с князем Кулалеем и объявил: «До сих пор лиха мы никакого не видали; но теперь, как прибежали от вас князья и стали говорить лихие слова, то люди замешались; с нами выехали к вам из города все князья, один Чапкун в городе остался». Бояре подъехали к царевым воротам: ворота растворены, а люди бегут на стены. Тут приехали к воеводам улан

Кудайкул, князь Лиман и другие князья и стали бить челом, чтоб не кручинились: возмутили землю лихие люди; подождите, пока утихнут. Бояре отправили в город улана Кудайкула и князя Бурнаша сказать жителям: «Зачем вы изменили? Вчера и даже сегодня еще присягали, и вдруг изменили! А мы клятву свою держим, ничего дурного вам не делаем». Действительно, русские ратные люди не обидели ничем посадских людей, которые спокойно оставались в домах своих со всем имуществом. Посланные возвратились с ответом: «Люди боятся побою, а нас не слушают». Много было ссылок и речей, но все понапрасну, и бояре, видя, что доброго дела нет, велели перехватать Кудайкула, Лимана и всех князей и козаков, которых вывел Шиг-Алей, а казанцы задержали у себя детей боярских, которые наперед были отправлены с обозами воеводскими. Простоявши полтора дня под Казанью, воеводы пошли назад, к Свияжску; посада казанского не велели трогать, чтоб не нарушить с своей стороны ни в чем крестного целования; а казанцы, послав к ногаям просить царя, немедленно начали войну, стали приходиться на Горную сторону, отводить ее жителей от Москвы; но горные побили их отряд, взяли в плен двух князей и привели к воеводам; те велели казнить пленников.

Иоанн получил весть об этих событиях 24 марта и немедленно отправил на помощь к воеводам в Свияжск шурина своего, Данила Романовича Захарьина-Юрьева, а царю Шиг-Алею велел ехать в свой городок Касимов. В апреле царь созвал совет насчет решительного похода на Казань; в совете было предложено много разных мнений: говорили, чтоб государь послал воевод под Казань, а сам остался бы в Москве, потому что война будет не с одними казанцами, и с ногаями, и с Крымом. Но опыт показал, как нерешительны бывали воеводские походы под Казань: Иоанн объявил, что непременно сам хочет отправиться в поход. Решено было отпустить водою рать, наряд большой, запасы для царя и для всего войска, а самому государю, как приспеет время, идти позем.

В том же месяце пришли из Свияжска дурные вести: князь Микулинский писал, что горные люди волнуются, многие из них ссылаются с казанцами, да и во всех мало правды, непослушание большое; но что хуже всего, в русском войске открылась цинга, много уже померло, много лежит больных, детей боярских, стрельцов и козаков. Царь по этим вестям велел князьям Александру Борисовичу Горбатову и Петру Ивановичу Шуйскому немедленно двинуться в Свияжск. Князья скоро достигли этого города, но вести, присланные ими оттуда к Иоанну, были еще менее утешительны: горные люди изменили все, сложились с Казанью и приходили к Свияжску на воеводские стада; воеводы посылали на них козаков, но казанцы козаков разбили, убили 70 человек и пищали взяли, а болезнь не ослабевает, мрет много людей. От князя Михайлы Глинского из Камы ехали козаки в судах на Свиягу за кормом; и тех козаков казанцы всех перебили, пленным пощады не дали, перебили и всех детей боярских, которые приехали наперед в Казань с воеводскими обозами и были захвачены там жителями; казанцы уже получили царя от ногаев – астраханского царевича Едигера Магмета. Но от этих вестей в Москве не пришли в уныние: положено было прежде всего поднять дух в свияжском войске средствами религиозными, тем более что к болезни физической там присоединилась нравственная – сильный разврат. Из Благовещенского собора перенесены были в Успенский мощи святых отцов, с них освящена была вода и отправлена в Свияжск с архангельским протопопом Тимофеем – «мужем изрядным, наученным богодухновенному писанию»; вместе с

водою Тимофей повез также поучение к войску от митрополита Макария. В это время приехал из Касимова царь Шиг-Алей и начал говорить, чтоб Иоанн не выступал в поход до зимы, потому что летом должно ожидать прихода других недругов и потому что Казанская земля сильно укреплена природою, лежит в лесах, озерах, болотах, зимою легче ее воевать. Иоанн отвечал ему, что уже воеводы со многими ратными людьми отпущены на судах с большим нарядом и со всеми запасами, а что у казанцев леса и воды – крепости великие, то бог и непроходимые места проходимыми делает, и острые пути в гладкие претворяет.

Поручив царице заниматься делами благотворения, освобождать из-под царской опалы, выпускать из темниц, Иоанн выступил 16 июня на свое дело в Коломну; обедал в селе Коломенском, откуда отправился ночевать в Остров, но на дороге встретил гонца, станичника из Путивля, с вестию, что идут многие люди крымские к украине, неизвестно, царь ли сам идет или царевич, а уже Донец Северский перешли. Царь, нимало не смутясь, продолжал путь в Коломну и пришел туда 19 числа; тут приехал новый гонец с вестию, что идут многие люди крымские, ждут их к Рязани и к Коломне. Государь послал полки на берег: большому полку велел стать под Колычевом, передовому – под Ростиславлем, левой руке – под Голутвиным монастырем; при этом было объявлено, что если придет царь крымский, то государь умыслил делать с ним прямое дело. 21 июня пригнал гонец из Тулы: пришли крымцы к Туле, как видно, царевич, и не со многими людьми. Государь послал к Туле князей Щенятева, Курбского, Пронского, Хилкова, Воротынского, собрался и сам выступить на другой день утром, как получил весть, что приходило к Туле татар немного, тысяч семь, повоевали окрестности и поворотили назад. Иоанн по этим вестям отпустил только воевод, а сам приостановился; но 23 числа, когда он сидел за столом, пригнал гонец из Тулы с вестию, что сам царь пришел и приступает к городу, с ним наряд большой и янычары турецкие. Иоанн велел поскорее служить вечерню, потому что никогда не нарушал церковного правила, всем воеводам велел поскорее перевозиться через Оку и сам спешил к Кашире, где назначено было перевозиться; но тут прискакал новый гонец и объявил, что хана уже нет у Тулы: 22 июня пришли крымцы к Туле и приступали целый день, били по городу из пушек огненными ядрами, и, когда во многих местах в городе дворы загорелись, хан велел янычарам идти на приступ; но воевода, князь Григорий Темкин, несмотря на то что с ним было немного людей в Туле, отбил приступ; на другой день утром хан велел уже готовиться к новому приступу, как пришла весть, что русский царь идет к городу; туляне с городских стен увидели столпы пыли, закричали: «Боже милостивый! Помогите нам! Царь православный идет!» – и бросились на татар; вышли из города не только ратные люди и все мужчины, но даже женщины и дети бросились за ними; татар много было побито в этой вылазке, и между ними – шурин ханский. Хан побежал в степь, и три часа спустя явились под городом воеводы, отправленные Иоанном; они погнались за татарами, разбили их на речке Шивороне, отполонили много своих пленников, взяли телеги и верблюдов ханских. Татары, взятые в плен, рассказывали: царь потому пошел на Русь, что в Крыму сказали, будто великий князь со всеми людьми у Казани. У Рязани перехватили мы станичников, и те сказали, что великий князь на Коломне, ждет царя и хочет с ним прямое дело делать, царь тогда же хотел возвратиться в Крым, но князья начали ему говорить: если хочешь

покрыть свой стыд, то есть у великого князя город Тула на поле, а от Коломны далеко, за великими крепостями – за лесами. Царь их совета послушал и пошел к Туле.

Иоанн, получив эти вести, возвратился в Коломну, куда 1 июня пришли к нему воеводы с тульского дела; они говорили, что, по словам станичников, хан идет чрезвычайно поспешно, верст по 60 и по 70 на день, и лошадей бросает много. Избавившись так счастливо от крымцев, царь начал думать с князем Владимиром Андреевичем, боярами и всеми воеводами, как идти к Казани, на какие места. Приговорили идти двумя дорогами: самому государю идти на Владимир и Муром, воевод отпустить на Рязань и Мещеру, чтоб они могли заслонить царя от внезапного нападения ногаев, а сходиться на поле за Алатырем. Но когда надобно было выступать в поход, боярские дети новгородцы начали бить челом, что им нельзя больше оставаться при войске: с весны были они на службе в Коломне; иные за татарами ходили и на боях бывали, а теперь еще идти в такой долгий путь и там стоять многое время! Государю была немалая скорбь от этого челобитья, которое останавливало дело в самом начале; наконец он придумал средство, оказавшееся очень действительным: он велел переписать служилых людей и повестить: кто хочет идти с государем, тех государь хочет жаловать и будет под Казанью кормить, а кому нельзя идти, те пусть остаются в Коломне. Услыхав эту повестку, все отвечали в один голос: «Готовы идти с государем: он наш промышленник и здесь и там, промыслит нами, как ему бог известит».

3 июля Иоанн выехал из Коломны с двоюродным братом, князем Владимиром Андреевичем; во Владимире получил он приятную весть из Свияжска, что цинга там прекратилась; в Муроме получил другую радостную весть, что воеводы, князь Микулинский и боярин Данила Романович, ходили на горных людей и разбили их, вследствие чего горные люди по Свиягу-реку вниз и по Волге снова присягнули государю. 20 июля царь выступил из Мурома, шел частым лесом и чистым полем, и везде войско находило обильную пищу: было много всякого овощу, лоси, по словам летописца, как будто бы сами приходили на убой, в реках множество рыбы, в лесу множество птиц. Черемисы и мордва, испуганные походом многочисленного войска, приходили к царю, отдаваясь в его волю, и приносили хлеб, мед, мясо; что дарили, что продавали, кроме того, мосты на реках делали. На реке Суре встретили государя посланцы от свияжских воевод и горных людей и объявили, что ходили бояре князь Петр Иванович Шуйский и Данила Романович на остальных горных людей и теперь уже все горные люди добились челом и приложились к Свияжскому городу. Иоанн позвал на обед посланцев от горных людей, объявил, что прощает их народу прежнюю измену, и приказал мостить мосты по рекам и чистить тесные места по дороге. За Сурою соединился государь с воеводами, шедшими через Рязань и Мещеру, и 13 августа достиг Свияжска, куда воеводы пришли, как в свой дом, из долгого и трудного пути: дичь, рыба и черемисский хлеб им очень наскучили, а в Свияжске почти каждого из них ожидали домашние запасы, привезенные на судах, кроме того, множество купцов наехало сюда с разными товарами, так что можно было все достать. Ставши под городом на лугу в шатре, царь советовался с князем Владимиром Андреевичем, с царем Шиг-Алеем, с боярами и воеводами, как ему, государю, своим делом промышленять, и приговорил идти к Казани не мешкая, а к

казанцам послать грамоты, что если захотят без крови бить челом государю, то государь их пожалует. Шиг-Алей должен был писать к родственнику своему, новому казанскому царю Едигеру, чтоб выехал из города к государю, не опасаясь ничего, и государь его пожалует; сам Иоанн послал грамоты к главному мулле и всей земле Казанской, чтоб били челом и он их простит. 16 августа войска начали уже перевозиться чрез Волгу и становиться на Казанской стороне, 18 – сам царь переправился за Волгу, 20 – за Казанку и здесь получил ответ от Едигера: в нем заключалось ругательство на христианство, на Иоанна, на Шиг-Алея и вызов на брань. Иоанн велел вынимать из судов пушки и все устраивать, как идти к городу; тут приехал к нему служить Камай-мурза с семьей козаками и рассказывал, что их поехало человек с двести служить государю, но казанцы, узнав об этом, почти всех перехватили; про Казань рассказывал, что царь Едигер и вельможи бить челом государю не хотят и всю землю на лихо наводят, запасов в городе много, остальное войско, которое не в городе, собрано под начальством князя Япанчи в Арской засеке, чтоб не пропускать русских людей на Арское поле.

Царь созвал совет, рассказал Камаевы речи и рассуждал, как идти к городу. Приговорили: самому государю и князю Владимиру Андреевичу стать на Царском лугу, царю Шиг-Алею – за Булаком; на Арском поле стать большому полку, передовому и удельной дружине князя Владимира Андреевича; правой руке с козаками – за Казанкою; сторожевому полку – на устье Булака, а левой руке – выше его. Приказано было, чтоб во всей рати приготовили на 10 человек туру да чтоб всякий человек приготовил по бревну на тын; приказано было также настрого, чтоб без царского повеления, а в полках без воеводского повеления никто не смел бросаться к городу. 23 августа полки заняли назначенные им места; как вышел царь на луг против города, то велел развернуть свое знамя: на знамени был нерукотворенный образ, а наверху – крест, который был у великого князя Дмитрия на Дону; когда отслужили молебен, царь позвал князя Владимира Андреевича, бояр, воевод, ратных людей своего полка и говорил им: «Приспело время нашему подвигу! Потщитесь единодушно пострадать за благочестие, за святые церкви, за православную веру христианскую, за единокровную нашу братию, православных христиан, терпящих долгий плен, страдающих от этих безбожных казанцев; вспомним слово Христово, что нет ничего больше, как полагать души за други свои; припадем чистыми сердцами к создателю нашему Христу, попросим у него избавления бедным христианам, да не предаст нас в руки врагам нашим. Не пощадите голов своих за благочестие; если умрем, то не смерть это, а жизнь; если не теперь умрем, то умрем же после, а от этих безбожных как вперед избавимся? Я с вами сам пришел: лучше мне здесь умереть, нежели жить и видеть за свои грехи Христа хулимого и порученных мне от бога христиан, мучимых от безбожных казанцев! Если милосердый бог милость свою нам пошлет, подаст помощь, то я рад вас жаловать великим жалованьем; а кому случится до смерти пострадать, рад я жен и детей их вечно жаловать». Князь Владимир Андреевич отвечал: «Видим тебя, государь, тверда в истинном законе, за православие себя не щадящего и нас на то утверждающего, и потому должны мы все единодушно помереть с безбожными этими агарянами. Дерзай, царь, на дела, за которыми пришел! Да сбудется на тебе Христово слово: всяк просиявший приемлет и толкущему отверзется». Тогда Иоанн, взглянув на образ Иисусов,

сказал громким голосом, чтоб все слышали: «Владыко! О твоём имени движемся!»

150000 войска со 150 пушками обложили Казань, защищенную только деревянными стенами, но за этими стенами скрывалось 30000 отборного войска. 23 же числа начались сшибки с осажденными; при этих сшибках, обыкновенно удачных для русского войска, особенно удивлялись небывалому порядку: бились только те, которым было приказано; из других полков никто не смел двинуться.

В самом начале осады твердость Иоанна выдержала сильное испытание: страшная буря сломила шатры, и в том числе царский, на Волге разбило много судов, много запасов погибло; войско уныло, но не унывал царь: он послал приказ двинуть новые запасы из Свияжска, из Москвы, объявляя твердое намерение зимовать под Казанью; ездил днем и ночью кругом города, рассматривая места, где удобнее делать укрепления. Осадные работы шли безостановочно: ставили туры, снабжали их пушками; где нельзя было ставить тур, там ставили тын, так что Казань со всех сторон была окружена русскими укреплениями: ни в город, ни из города не могла пройти весть. Казанцы беспрестанно делали вылазки, бились отчаянно с защитниками тур, бились, схватываясь за руки, но были постоянно втоптываемы в город. От непрерывной пальбы по городу гибло в нем много людей; стрельцы и козаки, закопавшись во рвах перед турами, также не давали казанцам входить на стены, снимали их оттуда меткими выстрелами. Но скоро внимание осаждающих было развлечено: из леса на Арское поле высыпал неприятель многочисленными толпами, напал на русские полки и хотя был отражен с уроном, однако не меньший урон был и на стороне осаждающих; пленники объявили, что это приходит князь Япанча из засеки, о которой говорил прежде Камай-мурза. После этого Япанча не давал покоя русским: явится на самой высокой городской башне большое знамя, и вот Япанча по этому условному знаку нападает на русских из лесу, а казанцы изо всех ворот бросаются на их укрепления. Войско истомилось от беспрестанных вылазок из города, от наездов из лесу и от скудости в пище: съестные припасы вздоржали, но и сухого хлеба ратнику было некогда поесть досыта; кроме того, почти все ночи он должен был проводить без сна, охраняя пушки, жизнь и честь свою. Для истребления лесных наездников отправились 30 августа князь Александр Борисович Горбатый и Петр Семенович Серебряный; войско Япанчи, конное и пешее, высыпало к ним навстречу из лесу и потерпело решительное поражение; победители преследовали его на расстоянии 15 верст, потом собрались и очистили лес, в котором скрывались беглецы; 340 человек пленных было привелено к Иоанну. Он послал одного из них в Казань с грамотами, писал, чтоб казанцы били челом и он их пожалует; если же не станут бить челом, то велит умертвить всех пленников; казанцы не дали ответа, и пленники были умерщвлены перед городом.

На другой день, 31 августа, царь призвал размысла (инженера), немца, искусного в разорении городов, и велел ему сделать подкоп под Казань. Потом призвал Камай-мурзу и русских пленных, выбежавших из Казани, и спросил, откуда казанцы берут воду, потому что реку Казанку давно уже у них отняли. Те сказали, что есть тайник, ключ, в берегу реки Казанки у Муралеевых ворот, а ходят к нему подземным путем. Царь сперва приказал воеводам сторожевого полка, князю Василию Серебряному и Семену Шереметеву, уничтожить тайник, но воеводы отвечали, что этого сделать нельзя, а можно подкопаться под тайник

от каменной Даировой башни, занятой уже давно русскими козаками; царь послал для этого Алексея Адашева и размысла, но последнему велел для подкапывания тайника отрядить учеников, а самому надзирать за большим подкопом под город. День и ночь работали над подкопом под тайник, наконец подкопались под мост, куда ходят за водою; сам князь Серебряный с товарищами вошел в подкоп и, услышав над собою голоса людей, едущих с водою, дал знать государю; царь велел поставить под тайник 11 бочек пороху, и 4 сентября тайник взлетел на воздух вместе с казанцами, шедшими за водой, поднялась на воздух часть стены, и множество казанцев в городе было побито камнями и бревнами, падавшими с огромной высоты; русские воспользовались этим, ворвались в город и много перебили и попленили татар. Только после этого несчастья осажденными овладело уныние; обнаружилось разногласие: одни хотели бить челом государю, но другие не соглашались, начали искать воды, нашли один смрадный поток и довольствовались им до самого взятия города, хотя от гнилой воды заболели, пухли и умирали. 6 сентября с большим кровопролитием взят был острог, построенный казанцами в 15 верстах от города, на Арском поле, на горе между болотами. Взавши острог, воеводы пошли к Арскому городищу, воюя и пожигая села; от Арского городища возвратились другою дорогою к Казани, повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, жен и детей в плен взяли, а христиан многих из плена освободили; воевали они на 150 верст поперек, а в длину до самой Камы; выжгли села, множество скота пригнали к Казани в полки.

Между тем осадные работы продолжались: дьяк Иван Выродков поставил против Царевых ворот башню в шесть саженой вышиною; внесли на нее много наряду, пищали полуторные и затинные; стрельцы начали стрелять с башни в город и побивали много народу. Осажденные укрывались в ямах, копали рвы под городскими воротами, под стенами и рыли норы под тарасами: у всяких ворот за рвами были у них большие тарасы, насыпанные землею; выползая из нор, как змеи, бились они беспрестанно, день и ночь, с осаждающими, особенно жестоко бились они, не давая придвинуть туры ко рву. Несмотря на то, князь Михайла Воротынский успел придвинуть туры к самому рву, против Арской башни и Царевых ворот, так что между городскими стенами и русскими турами оставался один ров в три сажени шириною и в семь глубиною». Придвинув туры ко рву, осаждающие разошлись обедать, оставив немногих людей подле укреплений; увидавши эту оплошность, казанцы вылезли из всех нор, из-за тарасов и внезапно напали на туры; защитники их дрогнули и побежали; но воеводы успели выстроить полки и ударили на казанцев, которые были сбиты во рвы; русские били их и тут, но они норами убегали в город. Дело было кровопролитное, и хотя туры были спасены, но это спасение дорого стоило осаждающим, потерявшим много убитыми и ранеными; сам князь Воротынский получил несколько ран и спасся только благодаря крепости своего доспеха. В то время как ожесточенный бой кипел против Арской башни, ногаи и казанцы сделали вылазку из Збойлевых ворот на туры передового полка и ертоула; здесь воеводы были готовы, подпустили неприятеля к турам, ударили на него со всех сторон и поразили безо всякого для себя урона.

Видя, что русский огонь не причиняет большого вреда осажденным, скрывающимся за тарасами, царь велел подкопать эти тарасы и, как взорвет их, придвинуть туры к самым воротам, Арским и Царевым. 30 сентября тарасы

взлетели на воздух с людьми; бревна побили множество народа в городе, остальные обеспамятели от ужаса и долго оставались в бездействии; стрелы перестали летать из Казани. Пользуясь этим временем, воеводы утвердили туры подле ворот Царевых, Арских и Аталыковых. Наконец казанцы опомнились, выскочили изо всех ворот и с ожесточением напали на русских. В это время Иоанн сам показался у города; увидав его, русские с новым рвением ударили на неприятеля, схватились с ним в воротах, на мостах, у стен, бились копьями и саблями, схватывались за руки; дым от пушечной и пищальной пальбы покрыл город и сражающихся; наконец осаждающие одолели, взобрались на стены, заняли Арскую башню, втеснились в самый город; князь Михайла Воротынский послал сказать Иоанну, что надобно пользоваться удачею и вести общий приступ; но остальные полки не были приготовлены к этому дню, и по царскому указанию воинов вывели насильно из города. Стены, ворота и мосты были зажжены, в Арской башне утвердились русские люди; мосты и стена горели целую ночь, из стены сыпалась земля; русские воеводы велели своим ратникам на занятых местах заставить крепкими щитами, а туры засыпать землею; татары также работали: ставили срубы против пробитых мест и насыпали землею.

На другой день, 1 октября, царь велел наполнить рвы лесом и землею, устроить мосты и бить из пушек беспрестанно; били весь день и сбили до основания городскую стену. Общий приступ был назначен на другой день, в воскресенье, 2 октября; во всех полках велено было ратным людям исповедоваться и приобщаться.

Но прежде решительного приступа царь хотел в последний раз испытать действие мирных переговоров; к городу был отправлен мурза Камай с предложением, чтобы казанцы били челом государю; если отдадутся в его волю и выдадут изменников, то государь простит их. Казанцы отвечали единогласно: «Не бьем челом! На стенах русь, на башне русь – ничего: мы другую стену поставим и все помрем или отсидимся». Тогда царь велел готовиться к приступу; по дорогам велел расставить также полки, чтоб не пропускать казанцев, если вздумают бежать из города.

В ночь с первого числа на второе, с субботы на воскресенье, Иоанн, проведши несколько времени наедине с духовником, начал вооружаться; князь Михайла Воротынский прислал сказать ему, что размысл подставил уже порох под городские стены, что казанцы заметили его и потому нельзя мешкать. Царь послал повестить во все полки, чтоб готовились немедленно к делу, а сам пошел в церковь, где велел поскорее совершать правило; на рассвете, отпустив свой полк к городу и велев ему дожидаться себя в назначенном месте, пошел к обедне; здесь, когда дьякон оканчивал Евангелие словами: «И будет едино стадо и един пастырь», раздался сильный гром, земля дрогнула: царь выступил из церковных дверей и увидел, что городская стена взорвана, бревна и люди летят на высоту; вскоре после этого, когда дьякон читал на ектении молитву о царе и вымолвил слова: «Покорити под нозе его всякого врага и супостата», последовал второй взрыв, сильнее прежнего, множество казанцев виднелось на воздухе, одни перерванные пополам, другие с оторванными руками и ногами. Тогда русское войско, воскликнув: «С нами бог!» – пошло на приступ; казанцы встретили его криком: «Магомет! Все помрем за юрт!» В воротах и на стенах началась страшная сеча Шуйск. Один из ближних людей вошел в церковь и сказал царю: «Государь!

Время тебе ехать; полки ждут тебя». Иоанн отвечал: «Если до конца отслушаем службу, то и совершенную милость от Христа получим». Приехал второй вестник и сказал: «Непременно нужно ехать царю, надобно подкрепить войско». Иоанн вздохнул глубоко, слезы полились из глаз, он начал молиться: «Не остави мене, господи боже мой! Не отступи от мене, вонми в помощь мою!» Обедня уже оканчивалась, Иоанн приложился к образу чудотворца Сергия, выпил святой воды, съел кусок просфоры, артоса, принял благословение духовника, сказал духовенству: «Простите меня и благословите пострадать за православие, помогайте нам молитвою!» – вышел из церкви, сел на коня и поскакал к своему полку.

Когда Иоанн подъехал к городу, знамена русские развевались уже на стенах; присутствие царя придало ратникам новые силы; князь Воротынский прислал сказать, что русские люди уже в городе, чтоб царь помог им своим полком; Иоанн велел своему полку спешиться и идти на помощь, потому что на лошадях в городские улицы въехать было нельзя по причине страшной тесноты. Татары оказывали отчаянное сопротивление; несколько часов русские не могли сделать ни шага вперед, наконец им удалось взобраться на крыши домов и оттуда бить неприятеля. Но в эту решительную минуту многие ратники, прельстившись добычею, перестали биться и бросились на грабеж; казанцы начали одолевать остальных. Воеводы дали знать об этом царю, тот послал новую помощь, которая и успела поправить дело. Русские пробились к мечети, и здесь загорелась самая жаркая битва, в которой погиб главный мулла. С другой стороны царь Едигер затворился в своем дворе и крепко оборонялся; наконец, видя невозможность дальнейшего сопротивления, ринулся в нижнюю часть города к воротам; спереди не давал ему проходу небольшой русский отряд, бывший под начальством князя Курбского, а сзади напирало главное войско. По трупам своих, лежавшим наравне с стеною, татары взобрались на башню и закричали, что хотят вступить в переговоры; русские перестали биться, и татары начали говорить: «Пока стоял юрт и место главное, где престол царский был, до тех пор мы бились до смерти за царя и за юрт; теперь отдаем вам царя живого и здорового; ведите его к своему царю! А мы выйдем на широкое поле испить с вами последнюю чашу». Выдавши царя вместе с тремя приближенными к нему вельможами, татары бросились прямо со стены на берег Казанки, хотели пробиться прямо к реке, но, встреченные залпом 113 русских пушек, поворотили налево вниз, бросили доспехи, разулись и перебрали реку в числе 6000; двое князей Курбских, Андрей и Роман, обскакали неприятеля, врезались в его ряды и были смяты; но троим другим воеводам – князьям Микулинскому, Глинскому и Шереметеву – удалось нанести казанцам окончательное поражение; только немногие успели убежать в лес, и то раненые. В Казани не осталось в живых ни одного из ее защитников, потому что Иоанн велел побивать всех вооруженных, а брать в плен только женщин и детей.

Узнавши, что Казань в руках его войска, царь велел служить молебен под своим знаменем, собственными руками вместе с духовником водрузил крест и велел поставить церковь во имя нерукотворенного образа на том месте, где стояло царское знамя во время взятия города. После молебна князь Владимир Андреевич, все бояре и воеводы поздравляли государя, князь Владимир говорил: «Радуйся, царь православный, божиею благодатию победивший супостатов! Будь здоров на многие лета на богом дарованном тебе царстве Казанском! Ты по боге наш

заступник от безбожных агарян; тобою теперь бедные христиане освобождаются навеки и нечестивое место освящается благодатию. И вперед у бога милости просим, чтоб умножил лет живота твоего и покорил всех супостатов под ноги твои и дал бы тебе сыновей – наследников царству твоему, чтоб нам пожить в тишине и покое». Царь отвечал: «Бог это совершил твоим, князь Владимир Андреевич, попечением, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвою; буди воля господня!» Приехал и Шиг-Алей с поздравлением. Татарскому царю, поздравляющему с разрушением Татарского царства, Иоанн счел приличным отвечать оправданием этого разрушения. «Царь господин! – сказал он. – Тебе, брату нашему, ведомо: много я к ним посылал, чтоб захотели покою; тебе упорство их ведомо, каким злым ухищрением много лет лгали; теперь милосердый бог праведный суд свой показал, отомстил им за кровь христианскую». Иоанн велел очистить от мертвых одну улицу от Муралеевых ворот к цареву двору и въехал в город; впереди ехали воеводы и дворяне, сзади князь Владимир Андреевич и Шиг-Алей. Царь был встречен русскими пленниками, освобожденными от неволи; увидавши государя, они пали на землю со слезами и кричали: «Избавитель наш! Из ада ты нас вывел; для нас, сирот своих, головы своей не пощадил!» Царь велел отвести их в свой стан и кормить, потом распорядиться отсылкою по домам. Въехавши в город, Иоанн велел воеводам гасить пожар; все сокровища, взятые в Казани, и пленников, женщин и детей, он отдал войску, а себе взял только царя Едигера, знамена царские и пушки городские. Побыв несколько времени на царевом дворе, возвратился назад в стан, где прежде всего пошел в церковь св. Сергия принести благодарную молитву чудотворцу; потом отправился к столу, утешив все войско благодарными словами и обещанием жаловать.

Казань была взята, но надобно было распорядиться насчет дикого, воинственного народонаселения, жившего в ее области: Иоанн разослал по всем улусам черным ясачным людям жалованные грамоты, писал, чтоб шли к нему без страха, он их пожалует, а они бы платили ему ясак, как и прежним казанским царям; арские люди и луговая черемиса прислали с челобитьем. 4 октября вся Казань была очищена от трупов; царь поехал в нее в другой раз, выбрал среди города место, водрузил на нем своими руками крест и заложил церковь во имя Благовещения богородицы; отслужили молебен, освятили воду и с крестами ходили по городским стенам. На третий день, 6 октября, заложенная церковь Благовещения уже была готова и освящена. В тот же день царь назначил наместником в Казань большого боярина князя Александра Борисовича Горбатого и боярина князя Василия Семеновича Серебряного, оставил с ними дворян своих больших, много детей боярских, стрельцов и козаков, 11 октября Иоанн выступил в обратный путь: сам государь поехал Волгою в судах, а конная рать пошла берегом на Васильсурск с князем Воротынским. В Нижнем Новгороде царь встретил посланных с поздравлением от царицы, от князя Юрия Васильевича и от митрополита; тут он вышел из судов и поехал сухим путем на Балахну во Владимир. Здесь ждала его новая радость; прискакал боярин Траханиот с вестью о рождении первого сына, Димитрия. Из Владимира чрез Суздаль и Юрьев царь поехал в Троицкий монастырь, где прежний митрополит Иоасаф, игумен и братия встретили его с крестами; в селе Тайнинском он встречен был братом Юрием, под Москвою – кликами бесчисленного множества народа: «Многая лета царю

благочестивому, победителю варваров, избавителю христианскому!» У Сретенского монастыря встречен был митрополитом с крестами; благословившись у митрополита, Иоанн говорил ему речь, которая оканчивалась так: «А тебе, отцу своему и богомольцу, и всему освященному собору вместе с князем Владимиром Андреевичем и со всем войском за ваши труды и молитвы, потому что вашими молитвами бог соделал такие великие чудеса, много челом бьем». Тут царь, князь Владимир и все войско поклонились в землю, после чего Иоанн продолжал: «И теперь вам челом бью, чтоб пожаловали, потщились молитвою к богу о нашем согрешении и о строении земском, чтоб вашими святыми молитвами милосердый бог милость нам свою послал и порученную нам паству, православных христиан, сохранил во всяком благоверии и чистоте, поставил бы нас на путь спасения, от врагов невидимых соблюл, новопросвещенный град Казанский, по воле его святой нам данный, сохранил во имя святое свое и утвердил бы в нем благоверие, истинный закон христианский, и неверных бы обратил к нему, чтоб и они вместе с нами славили великое имя святых троицы, отца, сына и святого духа ныне, и присно, и во веки веков, аминь». Митрополит отвечал также речью, в которой прославлял милость Божию и подвиги царя, сравнивал его с Константином Великим, Владимиром Святым, Димитрием Донским, Александром Невским; по окончании речи митрополит и все духовенство пали также на землю пред царем, благодаря его за труды. Здесь, у Сретенского монастыря, Иоанн переделся: снял воинские доспехи и надел одежду царскую – на голову надел шапку Мономахову, на плечи бармы, на грудь крест – и пошел пешком за крестами в Успенский собор, а оттуда во дворец. 8, 9, 10 ноября были столы у царя для знатного духовенства и вельмож, и три дня раздавались дары митрополиту, владыкам и награды воеводам и воинам, начиная с князя Владимира Андреевича до последнего сына боярского; кроме вотчин, поместий и кормлений роздано было деньгами, платьем, сосудами, доспехами, конями 48000 рублей.

Награды соответствовали подвигу, соответствовали понятию, которое современники имели о нем. В конце XIV века русские одержали впервые победу над татарами, пришедшими напомнить им времена Батыея; русские решились защищаться от татар, отражать их нападения, но долго еще не решались вести с ними войны наступательной; Иоанну III вследствие внутренних смут в Казани удалось утвердить здесь свое влияние, посадить хана из своей руки, но этот хан под конец жизни Иоанновой свергнул с себя зависимость от Москвы; в княжение Василия Иоанновича мы видели ряд походов на Казань для восстановления прежних отношений; в малолетство же Иоанна IV Казань не только свергла с себя зависимость от Москвы, но даже приняла наступательный образ действия, и соседние области терпели сильные опустошения. И вот благодаря великодушным усилиям молодого государя Казань взята, присоединена окончательно к Московскому государству, завоевано Татарское царство. Надобно перенестись в XVI век, чтоб понять всю силу впечатления, какое производили на современников эти слова: завоевано Татарское царство! Только несколько лет назад молодой великий князь решился принять этот страшный титул царя, означавший до сих пор преимущество татарских ханов, верховных повелителей, перед которыми преклонялись наши князья; вспомним, что Иоанн III, требовавший равенства с императором германским и султаном, не думал о равенстве с царем крымским и

бил ему челом. И вот царство Татарское завоевано, и завоевано с необыкновенными усилиями, которые соответствовали усилиям Северо-Восточной Руси для отражения Мамаю в 1380 году; но следствия усилий были совершенно различны: следствием усилий Донского было только отражение страшного царя, следствием усилий Иоанна IV было завоевание царства. В тумане самой отдаленной древности представлялись первые князья русские, эти герои, завоевывавшие чуждые страны; давно миновались эти счастливые времена и заменились временами усобиц и нападений поганых, несших розно Русскую землю. Недавно Русская земля начала опять собираться, но о приобретениях чуждых земель не думали, ибо на присоединение областей литовских смотрели как на возвращение своего. Завоевание Казанского царства было, следовательно, первым завоеванием, и, что всего важнее, завоеванием Татарского царства: после многих веков страдания и унижения явился наконец царь на Руси, который возвратил ей счастливое время первых князей-завоевателей; понятно отсюда, почему Иоанн IV стал так высоко над своими предшественниками, почему для русских людей XVII века это был самый величественный образ в русской истории, загораживающий собою все другие образы, именно такой, каким для русских людей двух последних веков был образ Петра Великого; но имеем право сказать, что относительно всей массы русского народонаселения впечатление, произведенное подвигами Иоанна IV, было сильнее впечатления, произведенного на современников подвигами Петра, ибо деятельность преобразовательная, касавшаяся преимущественно высших слоев общества, подвиги Северной войны, Полтавская победа не могли возбуждать в целой массе народонаселения такого сильного сочувствия, какое в русских людях XVI века возбуждено было завоеванием Татарского царства. Притом завоевание это не было вовсе следствием личного славолюбия молодого государя и не было следствием стремлений великих, но не для всех понятных, каково, например, было стремление к завоеванию прибалтийских областей; завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека; подвиг этот совершался для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских. Наконец, впечатление усиливалось еще рассказами о необыкновенных трудностях подвига, ибо все прежние походы под города, поход новгородский, даже смоленский, не могли идти в сравнение с этим последним походом, казанским.

В истории Восточной Европы взятие Казани, водружение креста на берегах ее рек имеет важное значение. Преобладание азиатских орд здесь было поколеблено в XIV веке и начало никнуть пред новым, европейским, христианским государством, образовавшимся в области Верхней Волги. Во второй половине XV века Золотая Орда рушилась, но расторгнутые члены чудовища не переставали двигаться; явились три царства татарских; из них Астраханское, образовавшееся в устьях Волги, было самое безопасное для христианских государств Восточной Европы; Крымское скоро обнаружило свой разбойничий характер в отношении к Руси и Польше, но широкая степь отдаляла Московское государство от Крыма. Ничто не отдаляло его от третьего царства – Казанского, основанного на Средней Волге и Нижней Каме, в том важном месте, где новая Северо-Восточная Русь необходимо должна была сталкиваться с Азией в своем

естественном стремлении – вниз по Волге. Издавна Азия, и Азия магометанская, устроила здесь притон, притон не для кочевых орд, но для цивилизации своей; издавна утвердился здесь торговый и промышленный народ – болгары; издавна, когда еще русский славянин не начинал строить на Оке церквей христианских, не занимал еще этих мест во имя европейской гражданственности, болгарин слушал уже коран на берегах Волги и Камы. Здесь впервые в Северо-Восточной Европе христианство столкнулось с бусурманством. Это столкновение было необходимо, как скоро новая Русь основалась в области Верхней Волги, как скоро славянская колонизация нашла себе путь вниз по этой реке; первые князья новой, Северо-Восточной Руси – Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод III, Юрий II – ведут войны с болгарам и доводят границы своих владений до устья Оки в Волгу, где закрепляют их Нижним Новгородом. Болгарам трудно было бы защищать Азию и магометанство с этой стороны от напора Руси, но вот Азия высылает татар, и движение Руси на восток по течению Волги остановлено надолго. С ослаблением татарского владычества это движение снова начинается, но тут Азия, татары собирают последние силы и утверждают в опасном месте, основывается Казань. До тех пор пока существовала Казань, до тех пор дальнейшее движение русской колонизации на восток по Волге, наступательное движение Европы на Азию было невозможно. Страшное ожесточение, с каким татары, эти жители степей и кибиток, способные к нападению, но неспособные к защите, защищали, однако, Казань, это страшное ожесточение заслуживает внимания историка: здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского. Пала Казань, и вся Волга стала рекою Московского государства; завоевание Астрахани было скорым, неминуемым следствием завоевания Казани. Мы видели, что до сих пор колонизация русская брала северо-восточное направление: юго-восточная часть великой равнины не была ей доступна по причине господства здесь кочевых орд; но с падением Казани, т.е. со взятием всей Волги во владение Московским государством, русские поселения получили возможность распространяться и на юго-восток, в богатые страны, орошаемые западными притоками Волги и восточными – Дона.

Около Казани сосредоточивались и укрепляли ее разные дикие народы, жившие в привольных для первобытного человека местах по обеим сторонам Волги, западной и восточной, горной и луговой: черемисы, мордва, чуваша, вотяки, башкиры. Мы видели, как народонаселение Горной стороны – горные люди после разных колебаний должны были подчиниться Москве вследствие основания Свияжска; мы видели также, что первым делом Иоанна по взятии Казани была посылка к этим народцам с приглашением вступить в подданство московское, войти к Москве в те же отношения, в каких находились они к Казани. Они согласились, и дело казалось конченным. Курбский пишет, что в Думе, созванной для рассуждения об устройстве новозавоеванной земли, некоторые бояре советовали царю остаться в Казани до весны со всем войском для окончательного искоренения бусурманского воинства, потому что кроме татар в земле Казанской обитали еще пять различных народов; но царь не принял этого совета, а принял совет шурьев своих и некоторых других вельмож, также священников и решился возвратиться в Москву. Мы не знаем, что именно представляли ему те и другие советники в пользу своих мнений; вероятно, люди,

советовавшие возвратиться, представляли, что странно держать целое войско под Казанью из одного только опасения восстаний луговых или горных людей, что войска, оставленного с казанскими наместниками, достаточно для защиты города и что в случае опасности можно двинуть другие полки, что неблагоприятно обнаруживать враждебные намерения и таким образом вооружить против себя людей, присылающих с челобитьем, готовых платить ясак, но, главное, мы не должны забывать состава и характера тогдашнего русского войска, не должны забывать, что служилые люди еще в Коломне отказывались от дальнейшего похода, объявляя себя утомленными. Курбский же пишет, что оставшиеся князя казанские, какие – неизвестно, соединившись с черемисами и другими народцами, подняли войну против русских. Летописец складывает вину на бояр, которым царь поручил промышлять казанским делом: по его словам, они заботились только о кормлениях, а казанское строение поотложили. Как бы то ни было, не прошло еще двух месяцев по возвращении царя в Москву, как 20 декабря воеводы васьсурские прислали весть, что луговые и горные люди побили на Волге гонцов, купцов и боярских людей, возвращавшихся с запасами из-под Казани. Царь послал приказание свияжскому наместнику, князю Петру Шуйскому, разыскать между горными людьми, кто из них разбойничал. Шуйский отправил для розыску воеводу Бориса Солтыкова; тот перехватал разбойников, числом 74 человека; одних повесили на месте, других – у Свияжска, имение их отдали истцам. Казанский наместник, князь Горбатый, доносил, что он также перевешал 38 человек казанцев и вотяков, замышлявших было дурное дело, что ясак собирается успешно. В конце 1552 и в два первые месяца 1553 года насчет Казани, следовательно, могли быть спокойны в Москве; но 10 марта пришла дурная весть: князь Горбатый писал, что луговые люди изменили, ясаков не дали, сборщиков ясака убили, прошли на Арское поле, стали все заодно и утвердились на высокой горе у засеки; воеводы послали на них козаков и стрельцов, те разошлись по разным дорогам и побиты были наголову; стрельцы потеряли 350, а козаки – 450 человек, после чего мятежники поставили себе город на реке Меше, в 70 верстах от Казани, землю стену насыпали и положили тут отсиживаться от русских. Через две недели пришла другая весть из Свияжска, еще хуже: мятежники, черемисы и вотяки, пришли войною на Горную сторону; князь Шуйский отпустил против них известного уже нам Бориса Солтыкова с детьми боярскими и горными людьми, но Солтыков потерпел поражение, был взят в плен; кроме него русские потеряли 250 человек убитыми и 200 пленными. По этим вестям из Москвы отправился с детьми боярскими в Вятку Данила Федорович Адашев, родной брат Алексея; ему велено было искать изменников по рекам Каме и Вятке; сверху по Волге шли на помощь Адашеву козаки. Адашев все лето ходил по трем рекам – Каме, Вятке и Волге, на перевозах во многих местах бил казанцев и ногаев и переслал в Казань 240 человек пленных. В сентябре отправились из Москвы воеводы: князь Семен Микулинский, Петр Морозов, Иван Шереметев и князь Андрей Курбский; зимою 1554 года начали они военные действия, сожгли город на Меше, который построили мятежники, били их при всякой встрече, воевали четыре недели, страшно опустошили всю страну, вверх по Каме ходили на 250 верст, взяли в плен 6000 мужчин, 15000 женщин и детей, следствием чего было то, что арские и побережные (прикамские?) люди дали клятву быть неотступными от Казани и давать дань государю. Но летом взволновались луговые люди; воеводы

попробовали послать против них двух казанских князей с арскими, побережными и горными людьми, чтоб испытать верность последних; опыт не удался: казанцы не пошли на изменников, соединились с ними, побили тех арских и горных людей, которые оставались верны, на Каме побили рыбаков и начали приходить к самой Казани на сенокос. Против них отправился князь Иван Федорович Мстиславский; в две недели были опустошены 22 волости, мятежники, напавшие на сторожевой полк, были разбиты наголову. Толпы луговых явились на Арской стороне; но арские люди поделали остроги и отбились от них с помощью московских стрельцов, которые стрельбою из пищалей наносили много вреда нападавшим; также остались верны и горные люди: они внезапно напали на Луговую сторону и повоевали ее; двое князей казанских, отправленные воеводами вместе с стрельцами и новокрещеными народами, поразили войско мятежников и привели в Казань пленными многих князей и мурз, которые были все казнены. Арские люди и побережные продолжали отличать верностью: побили в одну эту осень 1560 мятежников всяких званий. Государь послал воеводам и верным татарам жалованье – золотые. Но если арские и побережные люди все были верны и заплатили ясак исправно, то луговые сотники – Мамич-Бердей с товарищами – не пошли в Казань и по-прежнему разбойничали по Волге, разбивая суда. Против них отправились князь Иван Мстиславский и боярин Данила Романович. В чем состояли их действия, мы не знаем; только весной 1556 года князь Петр Иванович Шуйский дал знать из Казани, что арские люди и побережные опять изменили, стоявших у них стрельцов побили и ссылаются с главным мятежником Мамич-Бердеем, который взял уже себе царевича от ногаев. К счастью, горные люди оставались по-прежнему верными и оказали важную услугу Москве, освободив ее от Мамич-Бердея; с 2000 человек подступил он к их острогу, опустошив окрестные места; горные люди завели с ним переговоры, обещались действовать заодно против царского войска и в знак союза позвали его к себе на пир; Мамич-Бердей пришел к ним с двумястами своих, но эта стража была перебита на пиру, Мамич-Бердей схвачен живой и отвезен в Москву. Государь пожаловал за это горных людей великим своим жалованьем и сбавил им ясака. Мамич-Бердей объявил в Москве, что он уже убил призванного им царя из ногаев, потому что от него не было никакой пользы. Черемисы взоткнули голову убитого на высокий кол и приговаривали: «Мы было взяли тебя на царство, для того чтоб ты с своим двором оборонял нас, а вместо того ты и твои люди помощи не дали никакой, а только волов и коров наших поели; так пусть голова твоя царствует теперь на высоком коле».

Мятежники, лишившись ногайской помощи, потеряв Мамич-Бердея, должны были выдержать нападения боярина Петра Морозова; последний весной 1556 года с детьми боярскими, козаками, стрельцами, новокрещеными инородцами выступил к Чалымскому городку и сжег его, повоевавши и побивши многих людей, которые встретили его на реке Меше и потерпели совершенное поражение; после этого Морозов воевал десять дней, опустошил все арские места, побил многих людей, пленных вывел бесчисленное множество. Это было в мае; в июне Морозов вместе с воеводою Феодором Солтыковым выступил в новый поход, за 50 верст только не дошел до Вятки; ратники его брали в плен одних женщин и детей, мужчин всех побивали. Кроме того, князь Петр Шуйский из Казани отпускал еще другие отряды, вследствие чего Арская и Побережная стороны

опустошены были вконец; спасшиеся от меча и плена пришли в Казань и добились челом. Весною следующего года князь Петр Шуйский велел арским и побережным людям поставить на Каме город Лаишев, который должен был служить обороною против ногаев; в городе посажены были новокрещены и стрельцы, у которых головами были дети боярские; новокрещенам воевода велел тут пашню пахать, также у Казани по пустым селам велел всем пахать пашни – и русским людям и новокрещенам. Но в то же самое время луговые люди продолжали волноваться: под начальством богатыря Ахметека они напали на Горную сторону, но были поражены князем Ковровым, и Ахметек попался в плен; другие толпы луговых, приходившие на арские места, были также побиты, а между тем из Казани, Свияжска и Чебоксар ежедневно выходили русские отряды опустошать Луговую сторону. Наконец в мае государь получил известие, что луговые прислали бить челом о своих винах; Иоанн послал в Казань и на Свиягу стряпчего Ярцева приводить луговых к присяге. Ярцев возвратился с известием, что вся Казанская земля успокоилась.

Таким образом, после взятия Казани нужно было еще пять лет опустошительной войны, чтоб усмирить все народы, от нее прежде зависевшие. В борьбе этих народов против Москвы, так же как и в последней борьбе самой Казани, принимают деятельное участие ногаи, с которыми до тех пор не было у Москвы явно враждебных столкновений. Послы и купцы ногайские часто приезжали в Москву, приводя с собою на продажу большие табуны лошадей, станы этих кочевников раскидывались под Симоновым на берегу и в других подгородных местах. Купцы ногайские при удобном случае не могли удержаться от хищных привычек, из людей торговых становились разбойниками; так, московское правительство жаловалось князьям ногайским, что гости их, идя по русским украинам, много вреда наделали, деревни грабили, жгли, людей головами брали и в плен вели. Надобно было поддерживать дружеские сношения с ногайскими князьями, посылать им подарки, чтоб они не мешались в дела казанские, не соединялись с Крымом. Нам не нужно следить в подробности за сношениями московского правительства с ногайскими князьями по однообразию этих сношений: потомки Едигея обыкновенно так писали к белому князю московскому: «Ты бы прислал нам те деньги, которые обещал; доведешь нам свою правду – и мы Казани не пособляем, а от Крыма бережем, потому что крымский хан – нам недруг. Деньги пришли, а не пришлешь, то правда на твоей шее. Большого моего посла ты сухо отпустил, а меньшому послу мало поминков дал; и если бы ты нам друг был, то ты так ли бы делал? Ты всякий год нам лжешь. Если назовешь нас себе друзьями, то пришли те куны, которые посулил. А казанский царь ежедневно присылает нас звать, чтоб мы с ним Москву воевали». Иоанн приказывал отвечать на это: «В грамоте к нам писал ты многие непригожие слова, и за такими словами непригоже в дружбе быть. Если же вперед станешь к нам дружбу свою делать, то пришлешь к нам большого посла, а мы с ним пошлем к тебе своего боярина, и что у нас случится, то мы к тебе пошлем». Хотя за непригожие слова и не следовало быть в дружбе, однако вражда была опасна, и обещались подарки, если придет большой посол. За подарки ногаи готовы были писать Иоанну: «Я твой козак и твоих ворот человек; братству моему знамя то: захотят младшие мои братья или дети в вашу сторону войною идти, то я, если смогу их унять, уйму; если же не смогу их унять, то к тебе весть пошлю». Но мы

видели, какое важное значение имела Казань для всей Средней Азии и для всего магометанского мира, который теперь благодаря турецкому оружию был не менее могуществен, как и во времена первых калифов. Еще при отце Иоанновом крымский хан обратил внимание султана на унижение, какому подвергается магометанский мир, оставляя Казань в зависимости от христианских государей Москвы; еще при отце Иоанновом посол турецкий объявлял в Москве, что Казань есть юрт султанов; в малолетство Иоанново крымский хан необходимым условием мира поставлял то, чтоб Москва отказалась от притязаний своих на Казань. Когда Иоанн, возмужав, показал ясно, что нисколько не думает отказаться от этих притязаний, в Бакчисарае и Стамбуле не могли оставаться равнодушными: крымскому хану по причине отдаления и неудобства сообщений нельзя было непосредственно помогать Казани, защищать ее от русских; он мог только нападением на московские уклады отвлекать царя от Казани, что он и попытался сделать; поэтому султан писал к ногайским князьям, чтоб они, заключив союз с крымским ханом, защищали Казань. По донесениям наших послов, султан так писал к ногайским князьям: «В наших бусурманских книгах пишется, что русского царя Ивана лета пришли, рука его над бусурманами высока. Уже и мне от него обиды великие: поле все и реки у меня поотнимал, Дон у меня отнял, в Азове поотнимал всю волю, козаки его с Азова оброк берут, воды из Дону пить не дадут. А крымскому царю также обиду делают великую: Перекоп воевали. Русские же козаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюют; как вы за это стоять не умеете? Казань теперь как воюют! А в Казани ведь наша же вера, бусурманская. И мы все, бусурманы, сговорились: станем от русского царя бороться заодно». Ногаи исполнили султанову волю – посадили в Казани царем астраханского царевича Едигера; защищали ее сколько могли, боролись с русскими и после ее падения. Но главною причиною слабости их при этой борьбе, главною причиною успеха русских в Казани с самого начала, потом в Астрахани и между самими ногаями была постоянная усобица владетелей; усилится один из них и обнаружит враждебное расположение к Москве – Москва могла быть уверена, что найдет себе союзников и даже подданных в других князьях, враждебных ему родичах. В то время как один астраханский царевич Едигер бился с русскими насмерть в Казани, родственник его, также астраханский царевич, Шиг-Алей находился в русском стане, другой царевич, Куйбула, владел Юрьевом, изгнанный из Астрахани царь Дербыш-Алей жил в Звенигороде. Незадолго перед тем преемник Дербыша, астраханский царь Ямгурчей, присылал в Москву бить челом государю, чтоб пожаловал, велел ему себе служить и с юртом; когда же вследствие похода Иоаннова на Казань началось между магометанами движение для ее защиты, то Ямгурчею трудно было держаться в Астрахани в качестве союзника московского, и он обнаружил свою вражду к Иоанну тем, что ограбил его посла. Один ногайский князь, Юсуф, тесть Сафа-Гирея, не ладил с Москвою и благоприятно слушал предложения султана, ограбил в 1551 году московского посла, много делал ему докук и бесчестья, много слов говорил жестоких и хвастливых, но другой князь, Измаил, постоянно держался Москвы и говорил Юсуфу: «Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвою, то и самому мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет саванов шить». Этот Измаил еще до взятия Казани предлагал царю овладеть Астраханью, выгнать оттуда Ямгурчея и на его

место посадить Дербыша; после взятия Казани предложение возобновилось. В октябре 1553 года пришли к Иоанну послы от ногаев, от мурзы Измаила и других мурз с челобитьем, чтоб царь и великий князь пожаловал их, оборонил от астраханского царя Ямгурчей, послал бы рать свою на него и посадил бы в Астрахани на его место царя Дербыша, а Измаил и другие мурзы будут исполнять государеву волю. Царь велел Адашеву расспросить хорошенько ногайских послов, чего они хотят, и уговориться, как действовать вместе с ними против Астрахани. Уговорились, что царь пошлет к Астрахани воевод Волгою на судах с пушками, а Измаил будет помогать им сухим путем или детей и племянников своих пришлет к Астрахани; если воеводы Астраханский юрт возьмут, то посадят здесь царем Дербыша, Измаил же после этого должен идти войною на брата своего, князя Юсуфа, который царю и великому князю не прямит, послов его бесчестит.

Предложение Измаила было как нельзя выгоднее для Москвы, которая получала возможность утвердить свою власть над Астраханью, всегда столь важною для русской торговли, и, кроме того, могла обессилить враждебных ногайских князей, столь опасных теперь для нее по союзу с казанскими мятежниками. Но любопытно, как в летописи выставлены причины, которые заставили Иоанна вооружиться против Астрахани: он вооружился, во-первых, за свою обиду, потому что Ямгурчей-царь присылал сначала послов бить челом, а потом изменил и царского посла ограбил. При этом вспомнил царь о своем древнем отечестве: когда святой Владимир делил волости детям своим, то эту, Астрахань, называвшуюся тогда Тмутараканом, отдал сыну своему Мстиславу, здесь был построен храм Пречистыя, здесь владели многие государи христианские, потомки святого Владимира, сродники царя Ивана Васильевича, а потом вследствие междоусобных браней русских государей перешла Астрахань в руки царей нечестивых ордынских. И умыслил царь и великий князь послать рать свою на Астрахань.

Весною 1554 года, как прошел лед, 30000 русского войска под начальством князя Юрья Ивановича Пронского-Шемякина поплыли Волгою под Астрахань; туда же отправились вятские служилые люди под начальством князя Александра Вяземского. 29 августа, когда царь, по обычаю, праздновал в селе Коломенском свои именины с духовенством и боярами, прискакал гонец от князя Пронского с вестию о взятии Астрахани. 29 июня, писал Пронский, пришли они на Переволоку, что между Волгою и Доном, и отпустили наперед князя Александра Вяземского и Данилу Чулкова с детьми боярскими и козаками астраханских людей поискать и языков добыть. Князь Александр встретился с астраханцами выше Черного острова, напал на них и разбил наголову: ни один человек не спасся. Пленные сказали воеводам, что их послал Ямгурчей-царь проведовать про войско московское, а сам Ямгурчей стоит ниже Астрахани в пяти верстах, в городе людей мало, все люди сидят по островам. Пронский, оставя большие суда, пошел наспех к Астрахани, князя Вяземского отпустил на Ямгурчьев стан, а сам пошел к городу, куда прибыл 2 июля; высадившись в двух местах, русские двинулись на крепость и заняли ее без малейшего сопротивления, потому что защитники ее побежали при первом виде врага. То же самое случилось и с князем Вяземским, который, приблизившись к царскому стану, не нашел там никого: Ямгурчей ускакал к Азову, отпустивши жен и детей на судах к морю; царицы с царевичами и царевнами были перехвачены, но царя тщетно искали по всем углам и дорогам. 7 июля достигнуты

были толпы астраханцев, спасавшихся бегством: часть их была побита, другие взяты в плен, причем освобождено было много русских невольников. Тогда остальные астраханцы прислали с челобитьем к воеводам, чтобы государь их пожаловал, побивать и разводить не велел, а велел бы служить себе и царю Дербыш-Алею. Воеводы согласились на их челобитье с условием, чтоб они выдали всех русских невольников, в какой бы Орде ни были куплены; новый царь Дербыш-Алей также их пожаловал, лучшим людям велел жить у себя в городе, а черных отпустил по улусам; во всех улусах нашлось князей и мурз 500 человек да черных людей 7000; после еще перехватывали по дорогам беглецов и привели в Астрахань 3000 человек. Давши царю Дербыш-Алею город и наловивши ему подданных, Пронский обязал его клятвою давать московскому государю каждый год по 40000 алтын да по 3000 рыб; рыболовам русским царским ловить рыбу в Волге от Казани до Астрахани и до самого моря безданно и безъявочно, астраханским же рыболовам ловить с ними вместе безобидно. Если умрет царь Дербыш-Алей, то астраханцы не должны тогда искать себе другого царя, а должны бить челом государю и его детям; кого им государь на Астрахань пожалует, тот и будет им люб. По утверждении этих условий шертною грамотою, воеводы отправились в Москву, отпустивши всех астраханских пленников, взяли с собою только цариц с детьми да русских невольников.

В феврале 1555 года пришла весть, что союзник московский, князь Измаил, убил брата своего, Юсуфа, и многих мурз, а детей Юсуфовых и племянников всех выгнал. Измаил писал Иоанну, что теперь вся Ногайская орда смотрит на него и на союзных ему мурз, а что они неотступны будут от царя и великого князя до смерти, просил, чтоб государь дал им вольный торг в Москве, Казани и Астрахани. Служилый татарин, отправленный из Москвы послом к Юсуфу, задержанный последним и освобожденный теперь Измаилом, рассказывал в Москве, что братья, Измаил и Юсуф, резались в продолжение нескольких дней, пока Измаил не одолел окончательно Юсуфа; ногайцев с обеих сторон пало множество: как орда Ногайская стала, такого падежа над ними не бывало. Так дорезывали кочевники друг друга в степях приволжских, приготавливая окончательное торжество Московскому государству! Измаил просил государя послать стрельцов и козаков на Волгу по перевозам для оберегания на случай прихода Юсуфовых детей; просьба была немедленно исполнена: стрелецкий голова Кафтырев и козачий атаман Павлов отправились на Волгу. Победитель Измаил должен был хлопотать о русской помощи, ибо при степной войне он не мог быть покоен ни одного дня, пока был жив хотя один из сыновей убитого Юсуфа. Положение Дербыша было также незавидное: в постоянном ожидании нападений от Ямгурчя, во вражде с крымским ханом, что еще важнее, во вражде с главою исламизма – султаном турецким, с тяжелым значением данника московского, посаженного на царство вопреки желанию астраханцев. Вот почему он бросился на сторону Крыма и сыновей Юсуфовых, как только те дали обещание избавить его от Ямгурчя. В апреле 1555 года он дал знать в Москву, что приходил к Астрахани царь Ямгурчя с сыновьями Юсуфа, крымцами и янычарами и приступал к городу, но что он, Дербыш, с астраханцами и русские козаки, оставленные Пронским, отразили неприятелей. Здесь хан утаил самое важное. В мае оставленный в Астрахани начальник русского отряда Тургенев дал знать также о приходе Ямгурчя и сыновей Юсуфовых, но при этом извещал, что

Дербыш вошел в переговоры с последними, которые побили Ямгурчея с братьею, а Дербыш за это перевез их на другую сторону Волги и таким образом дал им возможность действовать против Измаила, что только и было им нужно: они напали врасплох на дядю и выгнали его. Сам Тургенев встретился с Кафтыревым на Волге и сказал, что Дербыш отпустил его из Астрахани, но послов своих к государю не отправил и ссылается с крымским ханом; Кафтырев воротил Тургенева и с ним вместе поплыл в Астрахань со всеми стрельцами и козаками. Приехавши в Астрахань, Кафтырев нашел город пустым: все астраханцы разбежались, испуганные слухом, что московский царь послал на них свою рать и велел всех их побить; а между тем из Крыма пришли уже к ним три царевича с пушками и пищальями. Кафтырев повестил Дербышу и всем астраханцам, что царь и великий князь вовсе не хочет воевать их, а, напротив, отправляет к ним посла своего Мансурова с милостями: отсылает назад к ним некоторых пленных царич, о которых просил Дербыш, отпускает их послов, новых Дербышевых и старых Ямгурчевых, и дарит им годовую дань. По этой повестке Дербыш и астраханцы возвратились в город. Тогда же была получена весть, что Измаил, собравшись с людьми, опять выгнал племянников и владеет всеми ногаями. Осенью сам Измаил прислал послов с жалобою на Дербыша, что тот царю и великому князю не прямит, им, ногаям, наделал много дурного, чтоб государь их от Дербыша оборонил, взял бы и Астрахань в свое полное владение, как Казань; таким образом, и здесь сами ордынцы потребовали от Москвы уничтожения другого Татарского царства. За себя Измаил и все мурзы прислали шертную грамоту, в которой клялись: куда их царь и великий князь пошлет – всюду ходить и на всех недругов быть заодно. Измаил вздумал было писать себя отцом царю московскому и требовать, чтоб ему платили ежегодно с Казани двадцать сот рублей. Иоанн отвечал ему: «Мы для тебя велели свое астраханское дело делать накрепко. И если астраханское дело сделается и понадобится тебе самому или женам и детям твоим жить в Астрахани, то мы велели держать вас здесь с немногими людьми, как можно вас прокормить, и беречь вас велели от ваших недругов. А если астраханское дело не сделается, то вам и в Казань приезд и отъезд вольный с немногими людьми, с пятидесятью или шестидесятью, как бы можно было их в Казани прокормить. А что писал ты к нам в своих грамотах многие слова невежливые, и мы на тебя погневались, потому что тебе наше государство и прежние дела ведомы, как прежние князья ногайские и мурзы к отцу нашему и к нам писали. И ты б вперед бездельных слов не писал. А мы ныне гнев свой отложили для того, что на тебя от твоих недругов многие кручины пришли, и мы хотим за прежнюю твою дружбу тебе помогать». Измаил после этого уже не писался отцом Иоанну, а писал: «Всего христианства государю, белому царю много-много поклон»; просьбы были прежние: «Пришли мне трех птиц, кречета, сокола и ястреба, да олова много, да шафрану много, да красок много, да бумаги много, да 500000 гвоздей». В марте 1556 года Измаил опять дал знать в Москву, что Дербыш изменил окончательно: соединился с крымским ханом и Юсуфовыми детьми и московского посла Мансурова выбил из Астрахани, что он, Измаил, пошел уже под Астрахань, чтоб и государь посылал туда же рать свою. В то же самое время пришла из Казани весть о восстании Мамич-Бердея и о приходе к нему царевича от ногаев; это заставляет думать, что движение казанское было в связи с астраханским, а толчок оба движения, разумеется, получили из Крыма.

Через несколько дней пришла весть и от самого Мансурова: посол извещал, что Дербыш изменил побил князей, которые служили прямо царю и великому князю, к нему, Мансурову, приступал три дня со всеми людьми, но он отбился от астраханцев в Малом городе у Волги, пошел на судах вверх по реке и теперь у козаков на Переволоке; из 500 человек народу у него осталось только 308: иные побиты, иные потонули, другие с голоду на дороге померли. Государь немедленно в том же месяце отправил к Измаилу 50 козаков с пищалями и писал к нему, что отпускает рать свою Волгою на Астрахань, а полем послал для него, Измаила, и для астраханского дела 500 козаков с атаманом Ляпуном Филимоновым.

Волгою отправились под Астрахань стрельцы с своими головами Черемисиновым и Тетериным, козаки с атаманом Колупаевым и вятчане с главным головою Писемским. Атаман Ляпун Филимонов предупредил их, напал на Дербыша, побил у него много людей, много взял в плен и стал дожидаться Черемисинова с товарищами. Языки сказывали, что крымский хан прислал в Астрахань 700 татар и 300 янычар с пушками и пищалями. В сентябре, когда царь по обыкновению был у Троицы для празднования дня святого Сергия (25 числа), пришло донесение от Черемисинова: приехал он в Астрахань, а город пуст: царь и люди выбежали, разогнанные атаманом Ляпуном; головы сели в Астрахани, город укрепили и пошли к морю, нашли суда все астраханские, посекали их и пожгли, а людей не нашли: люди скрылись далеко на берегу. Пошли в другой раз Писемский и Тетерин, нашли царя от берега верст с 20, напали на него ночью и побили многих людей; наутро собрался царь Дербыш с мурзами ногайскими и крымскими и со всеми астраханцами; русские пошли назад. Дербыш преследовал их и бился, идучи весь день до Волги. После этого Дербыш начал пересылаться с Черемисиновым, бил челом, что изменил государю неволею, чтоб государь ему милость показал; вместе со всеми астраханцами поклялся, что поедут в город и будут служить государю. Головы в ожидании прихода астраханцев укрепились в городе, чтобы можно было сидеть бесстрашно, по Волге козаков и стрельцов расставили, отняли всю волю у ногаев, у астраханцев отняли все рыбные ловли и перевозки. Дербыш не приходил в город по обещанию, клятве своей изменил, отводил его от государя крымский воевода, присланный от Девлет-Гирея, да Юсуфовы дети. Но последние недолго оставались на крымской стороне: началась опять резня между ногаями, три дня бились друг с другом два рода – Юсуфовы дети с Шиг-Мамаевыми детьми, и следствием было то, что Юсуфовы дети помирились с дядею Измаилом, убийцею отца их, и прислали бить челом к русским головам, что хотят служить государю, как служит ему дядя их Измаил, будут кочевать у Астрахани, а дурного ничего делать не будут; головы приняли их челобитье, дали им суда, на чем ехать к Измаилу и на чем кормиться на Волге. Вследствие такого переворота в степной политике судьба Астрахани решилась так, что московскому стрельцу, сидевшему в астраханском кремле, не нужно было заряжать своей пищали: Юсуфовы дети бросились на старого союзника своего Дербыша и прогнали его, отняли крымские пушки и прислали их к Черемисинову в Астрахань; Дербыш побежал к Азову и не возвращался более; черные люди астраханцы начали после этого приходиться к головам, присягать и бить челом, чтоб государь пожаловал, велел жить по-старому у Астрахани и дань давать, казнить бы их не велел: они люди черные, водил их царь и князья неволею; много астраханцев развели также ногаи в то время, как те бегали от русского войска.

Так устья Волги окончательно закрепились за Москвою. Из астраханского кремля московский стрелецкий голова легко наблюдал за ногаями, которые просили только позволения кочевать безопасно под Астраханью, ловить рыбу на Волге и торговать беспрепятственно. Государь велел козацкому атаману Ляпуну Филимонову утвердиться на Волге у переволоки, а сотскому Кобелеву – на реке Иргызе для оберегания ногаев от русских и крымских козаков, также для перевозки послов. Усобицы, не перестававшие между кочевниками, ручались и за будущую безопасность этих застепных русских владений: сыновья Юсуфа недолго нажили в мире с дядею Измаилом; осенью 1557 года они согнали его с княжения, но это событие не повело ни к какой перемене в отношениях ногаев к русскому правительству: старший из Юсуфовых детей, ставши князем, поклялся в верности государю и объявил: укрепитя он на княжении – будет служить царю и великому князю; сгонят ли его – все же он государев холоп, и другой надежды у него нет ни на кого; а за то бы государь на него не сердился, что он разбранился с Измаилом: у них прошла кровь, Измаил отца у них убил.

Причина, почему ногаи так боялись Москвы, известна; в стане у сыновей Юсуфовых говорили: «Если государь царь даст Измаилу пищальников, то ногаи все пропали; государь взял всю Волгу до самого моря, скоро возьмет и Сарайчик, возьмет весь Яик, Шамаху, Дербент, и нам всем быть от него взятым. Наши книги говорят, что все бусурманские государи русскому государю поработают». Русские посланцы доносили: «Ногаи изводятся; людей у них мало добрых, и те голодны необычно и пеши; не верят друг другу и родные братья; земля их пропала, друг друга грабят». Измаил, который прежде хотел писаться отцом Иоанну, теперь должен быть согласиться писать Иоанна государем; вместе с московским послом убеждали его к этому собственные его люди, бывавшие в Москве послами и знавшие могущество царя; они говорили Измаилу: «Не стыдись, князь Измаил! Пиши белого царя государем: немцы посильнее тебя, да и у них государь все города побрал». Измаил опять осилил племянников, но старший из них, Юнус, отъехал на службу в Москву; русский посол доносил: «Ногаи все пропали, немного их с Измаилом осталось, да и те в розни: Измаил сильно боится Юнуса, потому что все улусные люди Юнуса очень любят и желают видеть его на юрте, а, кроме Юнуса, юрта держать некому. Измаил не юртный человек, да и стар уже; улусы у него мнутя, грозят ему, хотят в Крым бежать». В 1562 году Измаил писал царю: «Прежде братство и дружба твоя к нам была; прежде ты нам говорил, что если возьмешь Казань, то нам ее отдашь; ты Казань взял, а нам ее не отдал. Потом Астрахань взял, хотел и ее также нам отдать и не отдал. Волга пала в море бб-ю устьями, и этими реками всеми ты владеешь: бью челом, дай мне одну из них, Бузан! Станут говорить: у друга своего, белого царя, одной реки не мог выпросить! И твоему и моему имени добрая ли то слава? Твоим жалованьем держу у себя слуг своих. Голодны мы и в нужде большой, неоткуда нам деньгу взять: пожаловал бы ты, прислал 400 рублей». Царь отвечал: «Того слова не бывало, что будто мы хотели тебе Астрахань отдать. А о Бузане мы сыскивали и нашли, что исстари по Бузан был рубеж астраханский; и ты б велел людям своим кочевать по своей стороне Бузана, а за Бузан не переходить». Измаил просил, чтоб царь вывел из Астрахани враждебных ему князей; Иоанн отвечал: «Этих князей скоро нам вывести нельзя потому: как взяли мы Астрахань, то астраханским князьям свое жалованное слово молвили, чтоб они от нас разводу и убийства не

боялись. Так чтоб в других землях не стали говорить: вера вере недруг и для того христианский государь мусульман изводит. А у нас в книгах христианских писано: не велено силою приводить к нашей вере. Бог судит в будущем веке, кто верует право или неправо, а людям того судить не дано».

Утверждение в устьях Волги открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Прикавказье: князья их ссорились друг с другом, терпели от крымцев и потому, как скоро увидали у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые – с предложением подданства и таким образом незаметно, волею-неволею затягивали Московское государство все далее и далее на восток, к Кавказу и за него. Тотчас после падения Казани, в ноябре 1552 года, приехали в Москву двое черкасских князей с просьбою, чтоб государь вступился за них и взял их себе в холопы. В августе 1555 года приехали в Москву князья черкасские жаженские Сибок с братом Ацымгуком да Тутарык, в сопровождении 150 человек. Били они челом от всей земли Черкасской, чтоб государь дал им помощь на турецкого и крымского царей, а они холопы царя и великого князя с женами и детьми вовеки. Государь пожаловал их своим великим жалованьем, насчет же турецкого царя велел им отомолвить, что турецкий султан в миру с царем и великим князем, Шуйск а от крымского государя хочет их беречь, как только можно. Князь Сибок просил, чтоб государь велел окрестить сына его, а Тутарык просил, чтоб окрестили его самого. Летом 1557 года приезжали в Москву другие черкасские князья. Тогда же двое князей черкасских кабардинских, Темрюк и Тизрют, прислали бить челом, чтоб государь велел им себе служить и велел бы астраханским воеводам дать им помощь на шамхала Тарковского; посол говорил: только государь их пожалует, как пожаловал жаженских князей, и поможет на недругов, то князь грузинский и вся земля Грузинская будут также бить челом государю в службу, потому что грузинский князь в союзе с кабардинскими князьями. С другой стороны, из владений шамхала и князя тюменского (с берегов Терека) пришли послы с челобитьем, чтоб государь велел им быть в своем имени, приказал бы астраханским воеводам беречь их со всех сторон, а торговым людям дал бы дорогу чистую: что государь велит себе прислать, то будут присылать каждый год. Черкасские князья просили помощи на шамхала, шамхал просил помощи на черкасских князей; тюменский мурза просил помощи на дядю своего, тюменского князя: посадил бы государь его на Тюмене, а он холоп государев; подданные шамхала просили, чтоб государь дал им другого владельца, а они всею землею холопы государевы; ханы хивинский и бухарский присылали с великим челобитьем, чтоб государь дал дорогу купцам их в Астрахань.

Легко понять, как смотрели на все это в Крыму. Попытка отвлечь Иоанна от Казани нападением на московские уклады не удалась; деятельно помогать Казани и Астрахани, сильными полками вести оборонительную войну без надежды на грабеж не нравилось разбойникам: они умели только раздувать восстания на Волге и не умели их поддерживать, вследствие чего Казань и Астрахань стали московскими городами. По возвращении Иоанна из-под Казани Девлет-Гирей завел опять пересылку с Москвою, осенью 1553 года прислал даже шертную грамоту, написанную точно так, как требовал царь, только без царского титула; прописано было даже, что если московский посол потерпит бесчестие в Крыму, то государь московский имеет право подвергнуть такому же бесчестию

крымского посла у себя. По-прежнему хан жаловался, что Иоанн присылает ему мало поминков, а если придет больше, то он и помирится крепче. Иоанн велел отвечать, что дружбы подарками не покупает, и, чтоб мир с ханом был крепче, велел строить город Дедилов в степи против Тулы. Летом 1555 года, поднявши Дербыш-Алея в Астрахани против русских, Девлет-Гирей вздумал опять попытаться напасть врасплох на московские украины. По обычаю – в одну сторону лук натянуть, а в другую стрелять – хан распустил слух, что идет на Черкасов. Обязавшись защищать этих новых подданных, Иоанн первый из московских государей решился предпринять наступательное движение на Крым и отправил боярина Ивана Васильевича Шереметева с 13000 войска к Перекопи в Мамаевы луга промыслить там над стадами крымскими и отвлечь хана от черкас. Шереметев двинулся, но на дороге получил весть, что хан вместо черкас идет с 60000 войска к рязанским или тульским украинам. Шереметев дал знать об этом в Москву, и царь, отправив тотчас же воевод, князя Ивана Федоровича Мстиславского с товарищами, в поход, сам выступил за ними на третий день с князем Владимиром Андреевичем в Коломну. Здесь дали ему знать, что хан идет к Туле; Иоанн двинулся туда же; хан, узнавши, что сам царь идет к нему навстречу, поворотил назад. Между тем Шереметев шел за ханом с намерением хватать малочисленные татарские отряды, когда они рассеются для грабежа по украине, и прежде всего отправил треть своего войска на крымский обоз, который с половиною лошадей татары обыкновенно оставляли назади, в расстоянии пяти или шести дней пути от главного войска, чтоб лошади и верблюды могли удобнее прокормиться. Русские взяли обоз, при котором нашли 60000 лошадей, 200 аргамаков, 80 верблюдов, и прислали Шереметеву 20 языков, которые сказали ему, что хан идет к Туле; Шереметев продолжал идти за ним следом, но в это время хан уже узнал о царском походе и возвратился назад. В 150 верстах от Тулы, на Судбищах, встретился он с отрядом Шереметева, который, несмотря на малочисленность своего войска, ослабленного уходом трети ратных людей на крымский обоз и еще не возвратившихся, вступил в битву, бился с полудня до ночи, потоптал передовой полк, правую и левую руку, взял знамя князей Ширинских. Но татары не ушли; надобно было приготовляться к новой битве на другой день, и Шереметев послал гонцов к тому отряду, который ходил на обоз, чтобы спешил к нему на помощь, но из этого отряда прискакали к утру только немногие, остальные с добычею отправились в ближайшие русские города, кто в Рязань, кто в Мценск. Между тем хан ночью пытал двоих русских пленников: хотелось ему дознаться о числе войска, так храбро бившегося с ним днем; один из пленников не вытерпел мук и рассказал, что у Шереметева людей мало и тех целая треть отпущена на татарский обоз. Ободренный этим известием, хан на рассвете возобновил битву; бились до полудня; сначала и тут русские успели разогнать крымцев и около хана оставались только янычары, но воевода Шереметев был тяжело ранен и сбит раненым конем; русские замешались без воеводы и потерпели сильное поражение, только двум воеводам, Басманову и Сидорову, удалось собрать около себя тысяч с пять или шесть ратных людей и засесть в лесном овраге; три раза приступал к ним хан со всем войском и всякий раз без успеха; наступил вечер; хан, боясь приближения русского войска, оставил Басманова и Сидорова в покое и поспешил переправиться за Сосну; русские потеряли в Судбищенской битве 320 детей боярских и 34 стрельца. Царь

переправился уже чрез Оку и приближался к Туле, когда ему дали знать, что Шереметев поражен и хан идет к Туле; мнения разделились между воеводами: одни говорили, что надобно идти назад, за Оку, и оттуда к Москве, другие говорили, что не должно обращать тыла перед врагом и помрачать прежнюю славу: хотя хан и одержал победу над Шереметевым, однако войско его утомилось, потеряло много убитыми и ранеными, потому что битва была упорная, двухдневная. Царь принял последнее мнение и продолжал поход к Туле, но, пришедши туда, узнал, что хан спешит в Крым, делает по 70 верст в день и догнать его нельзя, потому что между ним и царем уже четыре дня пути. Простоявши в Туле два дня, дождавшись сбора всех своих ратных людей, Иоанн возвратился в Москву.

В марте следующего, 1556 года ему дали знать, что хан опять собирается со всеми людьми, хочет быть рано весною на московскую Украину. Царь послал дьяка Ржевского с козаками из Путивля на Днепр, велел ему идти Днепром под крымские улусы, добывать языков, проведовать про царя. Ржевский пришел на реку Псел, построил здесь суда, выплыл в Днепр и пошел по наказу; в то же время вниз по Дону отправился другой отряд для наблюдений. В мае выбежал пленник из Крыма и принес весть, что хан вышел и велел брать запасов на все лето. Тогда царь приговорил с братьями и боярами идти в Серпухов, здесь собраться с людьми и идти на Тулу, из Тулы выйти на поле, дожидаться хана и делать с ним прямое дело, как бог поможет. В Серпухов пришел к царю гонец от Чулкова, начальника того отряда, который плыл Доном для вестей; Чулков писал, что встретил близ Азова 200 человек крымцев, побил их наголову и узнал от пленных, что хан в самом деле собрался на московские Украины, но получил весть, что царь готов его встретить, и пошел было на черкас, как прислали к нему на Миус весть из Крыма, что много русских людей показалось на Днепре у Ислам-Керменя, и хан поспешил возвратиться. Эти русские люди были ратники Ржевского, к которому пристали на Днепре 300 козаков малороссийских из Канева. Получив эти подкрепления, Ржевский пошел под Ислам-Кермень; люди выбежали отсюда, заслышав о приходе небывалых гостей, и русским удалось только отогнать лошадей и скот; от Ислам-Керменя Ржевский поплыл дальше к Очакову, здесь взял острог, побил турок и татар и поплыл назад; турки преследовали его; он засел в засаду в тростнике у Днепра, побил у неприятеля из пищалей много людей, а сам отошел благополучно. У Ислам-Керменя встретил старшего крымского царевича (калгу) со всем Крымом, с князьями и мурзами, стал против него на острове, перестреливался из пищалей шесть дней, ночью отогнал у татар конские стада, перевез к себе на остров, потом переправился на западную, литовскую сторону Днепра и разошелся с крымцами благополучно. Ржевский прислал сказать государю, что хан уже больше не пойдет к московским украинам и потому, что боится царского войска, и потому, что в Крыму моровое поветрие.

Поход Ржевского произвел сильное движение в литовской Украине между козаками малороссийскими; неслыханное дело: московские люди явились на Днепре и ходили вниз, искали татар и турок в их собственных владениях! Мы видели, что 300 малороссийских козаков не утерпели, чтоб не проводить московского дьяка в его прогулке на бусурманов. Когда прогулка удалась, не утерпел начальник всей Украины, староста каневский, князь Дмитрий Вишневецкий, истый козак по природе, достойный преемник Евстафия

Дашковича. В сентябре 1556 года в Москву явился один из атаманов, провожавших Ржевского под Очаков, и привез царю челобитье от Вишневецкого, чтоб государь пожаловал, велел себе служить, а что он, князь Дмитрий Иванович, от короля из Литвы отъехал и на Днепре, на Хортицком острове, город поставил против Конских вод, у крымских кочевий. Царь послал к нему двоих детей боярских с опасною грамотою и с жалованьем. Вишневецкий отвечал с ними, что он, холоп государев, дал клятву приехать в Москву, но прежде обещал идти воевать крымские улусы и Ислам-Кермень, чтоб показать свою службу царю и великому князю. Об этой службе узнал царь в декабре прямо из Крыма: приехал гонец от Девлет-Гирея с известием, что хан отпускает на окуп всех пленников, взятых им на бою с Шереметевым; в грамоте хан писал, что уже всю безлепицу оставляет и хочет крепкого мира, для утверждения которого надобно с обеих сторон отправить добрых послов. Посол московский Загрязский, живший, по обычаю, все это время в Крыму, писал, что хан провел все лето в тревоге, ожидая царского прихода в Крым, посылал к султану, чтоб тот спас его от беды; что первого октября Вишневецкий взял Ислам-Кермень, людей побил, пушки вывез на Днепр в свой Хортицкий город; с другой стороны пятигорские черкесы, двое князей, бывших в Москве, взяли два города – Темрюк и Тамань; что хан хочет мириться и отправляет больших послов. Царь отвечал, что если хан хочет быть с ним в крепкой дружбе, то пусть поклянется в ней перед Загрязским и пришлет в Москву добрых послов. Но хану прежде всего хотелось выгнать Вишневецкого с Хортицкого острова: весною 1557 года он приходил туда со всеми своими людьми, приступал к городку 24 дня, но принужден был отступить с большим стыдом и уроном. Вишневецкий, извещая об этом царя, писал, что, пока он будет на Хортице, крымцам ходить войною никуда нельзя. Но если таково было значение Хортицы, то Вишневецкий должен был понимать, что крымцы и турки не оставят его здесь в покое; осенью того же года пришла от него в Москву иная весть: он писал, что, услышав о приближении войска крымского, турецкого и волошского к его городку, он покинул его по недостатку съестных припасов, отчего козаки его разошлись; что теперь он в прежних своих городах, Черкасах и Каневе, и ждет царских приказаний. Иоанн велел ему сдать Черкасы и Канев королю, потому что он с ним в перемирье, а самому ехать в Москву; здесь Вишневецкий получил в отчину Белев со всеми волостями и селами да в других областях несколько сел.

Хан ободрился уходом Вишневецкого с Хортицкого острова и писал к царю, что если он будет присылать ему поминки большие и ту дань, какую литовский король дает, то правда в правду и дружба будет; если же царь этого не захочет, то пусть разменяется послами. Иоанн отвечал, что ханские требования к дружбе не ведут, и в начале 1558 года отправил князя Вишневецкого на Днепр с пятитысячным отрядом, приказавши черкесам помогать ему с другой стороны. Хан боялся Иоанна, хотел помириться с ним, но ему хотелось выторговать что-нибудь; зная, что даром ничего теперь не получит из Москвы, он решился опустошать Литву, чтоб и покормить свою орду, и вместе получить награду из Москвы. Посол Загрязский возвратился в Москву с известием, что Девлет-Гирей присягнул царю в дружбе и братстве и сына своего отпустил на Литву; но, давая шерть, хан выговаривал, чтоб царь прислал ему казну, какая посылалась к Магмет-Гирею: тогда и дружба в дружбу, а не пришлет, то и шерть не в шерть; и потом, когда хан повоюет короля, то царю присылать в Крым такую же дань,

какую король дает. Но и это предложение в Москве не было принято: царь приговорил, что хан поминки берет и клятву дает, но всегда изменяет, и потому нового посла в Крым не отправил, а послал гонца с грамотою, в которой писал, что захочет хан добра, то безлепицу и большие запросы оставил бы. В мае пришло известие от Вишневецкого, что он ходил к Перекопи, но не встретил ни одного татарина на Днепре; улусов также не застал, потому что король дал знать хану о приближении русских и хан забил все улусы за Перекоп, а сам сел в осаде. Вишневецкий хотел провести лето в Ислам-Кермени, но государь велел ему быть в Москву, а на Днепре оставить небольшие отряды детей боярских, стрельцов и козаков. Крымцы пытались малыми толпами, человек в 300, во 100, пробираться на Волгу, нападать на рыболовов, но не имели нигде успеха: одни были побиты горными, другие – русскими людьми. Лето и осень прошли, хан не явился: он ждал удобного времени; зимою в конце 1558 года какие-то татары дали ему знать из Москвы, что здесь нет никого, что царь со всеми своими силами отправился в Ливонию, к Риге. Девлет-Гирею так хотелось отомстить Иоанну за Ржевского, Вишневецкого и особенно за то, что давно уже не получал поминков из Москвы, что он решился даже на зимний поход, лишь бы воспользоваться случаем и напасть врасплох на беззащитные украины. Собравши тысяч до ста войска, хан отпустил его тремя отрядами – на Рязань, Тулу и Каширу; но на реке Мече царевич Магмет-Гирей, предводительствовавший главным отрядом, узнал, что Иоанн в Москве, спросил, где князь Вишневецкий и боярин Иван Шереметев, два человека, более других знакомые и страшные крымцам, и, узнав, что первый в Белеве, а другой в Рязани, поворотил назад и благодаря зиме переморил лошадей и людей. Это нашествие зимою показывало, однако, что хан готов на самые решительные меры, чтоб только повредить Москве, и потому государь принял с своей стороны меры на 1559 год. В начале года отправлены были князь Вишневецкий с 5000 на Дон и окольный Данила Адашев с 8000 в городок на Пселе, чтоб оттуда выплыть на Днепр и промышлять над Крымом. Весною Вишневецкий близ Азова разбил 250 крымцев, пробиравшихся в Казанскую область; Адашев сделал больше: выплывши на лодках в устье Днепра, взял два турецких корабля, высадился в Крыму, опустошил улусы, освободил русских пленников, московских и литовских. На татар, застигнутых врасплох, напал ужас, так что они не скоро могли опомниться и собраться вокруг хана, который потому и не успел напасть на Адашева в Крыму, преследовал его вверх по Днепру до Монастырки, мыса близ Ненасытицкого порога, но и здесь не решился на него напасть и ушел назад. В Москве все лето ждали хана, делали приготовления к его приему: царь распоряжал полки, намереваясь сам выступить в поле при первой вести; но хан не приходил, приходили только два небольшие отряды крымцев воевать украины. Крымцам доставалось больше: с одной стороны козаки малороссийские (черкасы) и донские громили их улусы, с другой – ходили на них ногаи и астраханцы; в самом Крыму свирепствовал голод. Хан прислал с мирными предложениями, с жалобами на нападение со всех сторон; царь отвечал ему, чтоб он оставил безлепицы; когда будут добрые дела между ними, тогда никто не будет нападать на Крым; царь отдавал на его рассуждение, что лучше – вражда или мир с Москвою? И грозил, что русские люди узнали дорогу в Крым и полем, и морем.

Изведенная при наступательном движении на Крым слабость его жителей, храбрых только при грабеже беззащитных сельчан и между тем постоянно опасных государству своими внезапными нападениями, заставляющими постоянно держать наготове полки, что при тогдашнем состоянии военного устройства московского было крайне затруднительно, побуждала приближенных к Иоанну людей советовать ему покончить и с Крымом точно так же, как он покончил с Казанью и Астраханью. Иоанн не принял их советов, и, конечно, история должна в этом случае вполне оправдать его. Походы под Казань были легки, потому что населенные области ее соприкасались с населенными областями Московского государства; даже большие пустынные или редко населенные пространства представляли в лесах и реках своих обильную пищу для многочисленного войска; кроме того, реки Москва, Ока и Волга представляли другой удобнейший путь; Волга же привязывала и Астрахань к Московскому государству после покорения Казани. Но Крым от московских укреплений отделен был обширною степью, начинавшеюся под Тулою и Пронском. Легко было ничтожным отрядам Ржевского, Вишневецкого, Адашева староваряжским или новокозацким обычаем спускаться на легких лодках вниз по Днепру, но не могло идти таким путем громадное ополчение, нужное для завоевания Крыма: бедственные походы Голицына в конце XVII века, когда уже Малороссия была соединена с Москвою, и не менее бедственные относительно потери людей, хотя и блистательные, походы фельдмаршала Миниха в XVIII веке доказывают очевидным образом невозможность больших походов в Крым для Москвы XVI века и вполне оправдывают Иоанна. Но если бы даже завоевание Крыма и было возможно в половине XVI века, то возможно ли было его сохранение? Сколько нужно было усилий, чтоб подчинить окончательно племена, обитавшие подле Казани, какую истребительную войну нужно было вести для этого? Новые восстания, после того уже как все казалось успокоенным, привели в отчаяние некоторых вельмож, так что они советовали бросить навсегда эту несчастную страну; мы поймем это отчаяние, когда вспомним, что постоянного войска не было или если было, то в зародыше. Казанские народцы были предоставлены самим себе в восстаниях против Москвы: ногаи не могли доставить им сильной помощи, крымцы – еще менее. Но крымского хана в походах его на московские укрепленья провожали янычары турецкие; турецкое войско должно было защищать его в Крыму как магометанского владельца и как подручника султана; следовательно, деятельная, наступательная война с Крымом влекла необходимо к войне с Турциею, которая была тогда на самой высокой степени могущества, пред которою трепетала Европа; могло ли Московское государство при тогдашних средствах своих бороться с нею, вырвать из рук ее Крым и защитить потом от нее это заступное завоевание? Иоанн видел невозможность этого: Адашев, взявши в плен несколько турок во время своего нападения на Крым, отослал их к очаковским пашам, велел сказать им, что царь воюет с врагом своим Девлет-Гиреем, а не с султаном, с которым хочет быть в вечной дружбе.

Московское государство могло с успехом вступить в окончательную борьбу с магометанским Востоком, с Турциею не прежде, как по прошествии двухсот лет, когда уже оно явилось Российской империею и обладало всеми средствами европейского государства. Теперь, следовательно, в XVI веке, внимание правительства его должно было обращаться главным образом на приобретение

этих средств, должно было для этого обращаться к Западу, где могло найти их; и вот Иоанн, как скоро успокоил свои восточные границы взятием Казани, обращает внимание на Запад. Здесь сначала занимала его война с Швециею, начавшаяся в 1554 году вследствие пограничных ссор; ссоры эти могли бы уладиться и мирными средствами, но шведского короля раздражал обычай московского двора, который не хотел непосредственно сноситься с ним, а предоставлял эти сношения новгородским наместникам, что король считал для себя унижением. Шведы безуспешно осаждали Орешек, русские – Выборг, но окрестности последнего были страшно опустошены: русские продавали пленного мужчину за гривну, девку – за пять алтын; Густав Ваза начал войну, обнадеженный в помощи польской и ливонской, но помощь эта не приходила, и престарелый король принужден был искать мира в Москве и заключить его, как угодно было царю. Королевская грамота к Иоанну начиналась так: «Мы, Густав, божиею милостию свейский, готский и вендский король, челом бью твоему велеможнейшеству князю, государю Ивану Васильевичу, о твоей милости. Великий князь и царь всея Русския земли!» Иоанн отвечал: «Мы для королевского челобитья разлитие крови христианской велим унять. Если король свои гордостные мысли оставит и за свое крестопреступление и за все свои неправды станет нам бить челом покорно своими большими послами, то мы челобитье его примем и велим наместникам своим новгородским подкрепить с ним перемирие по старым грамотам, также и рубежи велим очистить по старым перемирным грамотам; мы не захотим нигде взять его земли через старые рубежи, потому что по своей государственной справедливости мы довольны своими землями, которые нам бог дал из старины. Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему с нашими наместниками новгородскими не ссылатся, то он бы к нам и послов не отправлял, потому что старые обычаи порушиться не могут. Если сам король не знает, то купцов своих пусть спросит: новгородские пригородки Псков, Устюг, чай, знают, скольким каждый из них больше Стекольны (Стокгольма)?». Большие послы приехали и опять начали просить о непосредственных сношениях между государями; говорили: «Наместники новгородские – люди великие, но холоп государю не брат». Им отвечали: «Наместники новгородские – люди великие: князь Федор Даирович – внук казанского царя Ибрагима; князь Михайло Кисло и князь Борис Горбатый – суздальские князья от корня государей русских; князь Булгаков – литовскому королю брат в четвертом колене; теперь князь Михайла Васильевич Глинский – деда его, князя Михаила Львовича, в немецких землях знали многие; Плещеев – известный государский боярин родов за тридцать и больше. А про вашего государя в рассуд вам скажем, а не в укор, какого он рода и как животиною торговал и в Шведскую землю пришел: это делалось недавно, всем ведомо». Послы отвечали боярам: «Пожалуйста, не кручиньтесь: мы эти слова припомняли на разговор, а не в спор; от государя нашего нам приказано делать по желанию вашего государя». Определено было, что шведы своих пленных выкупят, а русских возвратят безденежно; король будет сноситься с новгородскими наместниками; границы останутся по старине. Послы били челом, чтоб государь не велел вставлять в грамоту, что мир нарушен был Королевым клятвopреступлением; Иоанн согласился. Послы благодарили за такое великое государское жалованье и сказали: «У нас такого государского жалованья и на мысли не было». Однако в грамоте остались подобные выражения: «И за

нарушение перемирия благоверный царь и великий князь положил было гнев на Густава-короля и на всю землю Шведскую». В утвержденной грамоте постановлено было о взаимной свободной торговле между обоими государствами и о свободном проезде через них в другие земли: «Шведским купцам в отчину великого государя, в Великий Новгород, в Москву, в Казань и Астрахань ездить вольно, ям и послам шведским ездить во всякие государства в Индию и Китай». Это условие царь велел внести потому, что «гости и купцы отчин великого государя из многих городов говорят, чтоб им в торговых делах была воля, которые захотят торговать в Шведской земле, и те б торговали в Шведской земле, а которые захотят идти из Шведской земли в Любок и в Антроп (Любек и Антверпен), в Испанскую землю, Англию, Францию – тем была бы воля и береженье, и корабли были бы им готовы».

Так высказывалось стремление начать деятельные торговые связи с Западной Европой; но эти связи должны были зависеть от произвола соседних приморских государств, обыкновенно враждебных: своих гаваней на Балтийском море не было. Эта замкнутость была тем более нестерпима, что чувствовалась сильная потребность в усвоении плодов европейской гражданственности, а людей, могущих принести в Москву эти плоды, ученых и художников, не пропускали враждебные соседи, справедливо опасавшиеся, что страшное материальными силами государство Московское будет непобедимо, если приобретет еще науку, могущество духовное. Более других могущества Москвы должно было бояться самое слабое из соседних государств – Ливонское: действительно, при сильной потребности иметь непосредственное сообщение с Западной Европой, иметь гавани на Балтийском море взоры московского царя необходимо обращались на Ливонию, добычу легкую по ее внутреннему бессилию, увеличенному еще переменою исповедания католического на протестантское, и вместе добычу, на которую имелись старые права. Мы видели, что еще в правление отца Иоаннова польское правительство страдало ливонцев этими правами. Понятно, что ливонцы более других хлопотали о том, чтоб знания не проникали в Москву; но этими поступками они, разумеется, усиливали только в московском правительстве желание приобрести балтийские берега и ускоряли, следовательно, падение своего государства. В 1539 году, когда бежавший из Москвы Петр Фрязин был представлен дерптскому епископу, тот спросил его: знает ли он в Москве немца Александра? Петр отвечал: «Знаю, я жил с ним на одной улице; этот Александр сказывал в Москве боярам, что у него есть товарищ в Дерпте, который умеет пушки лить и стрелять из них и думает ехать в Москву, служить великому князю». Услыхав это, епископ допытался об этом немце и сослал его неведомо куда. В 1547 году семнадцатилетний Иоанн отправил в Германию саксонца Шлитте с поручением набрать там как можно более ученых и ремесленников. Шлитте выпросил на это позволение у императора Карла V, набрал 123 человека и привез уже их в Любек, как ливонское правительство представило императору опасность, какая может произойти от этого для Ливонии и других соседних стран, и достигло того, что Карл дал магистру полномочие не пропускать в Москву ни одного ученого и художника. Вследствие этого Шлитте был задержан в Любеке и посажен в тюрьму, а набранные им люди рассеялись; один из них, мейстер Ганс, попытался было пробраться в Москву, был схвачен, посажен в тюрьму,

освободился и отправился опять в Москву, но был опять схвачен в двух милях от русской границы и казнен смертью.

Мы видели, что в первой дошедшей до нас договорной грамоте русских с епископом дерптским уже говорится о дани, которую последний должен был платить великому князю, и говорится как о старине. В Плеттенберговом договоре, заключенном в 1503 году, условие о дани с Дерпта было подтверждено, но не было исполняемо 50 лет: Василию Иоанновичу, занятому делами литовскими, особенно казанскими и крымскими, находившемуся в союзе с великим магистром, нельзя было думать о разрыве с Ливониею из-за дерптской дани; нельзя было думать об этом и в малолетство Иоанново; но обстоятельства были не те, когда в 1554 году явились в Москву ливонские послы с просьбою о продолжении перемирия. Высланный к ним окольный Алексей Адашев объявил, что немцы уже давно не платят дани с Юрьевской волости, купцов обижают, церкви и концы русские за себя завели; за это неисправление государь положил свой гнев на магистра, епископа и на всю землю Ливонскую и наместникам своим перемирия не велел давать. Послы отвечали, что не знают, о какой дани говорит окольный: в старых грамотах своих они нигде не находили, чтоб платилась с их земель дань великому князю. Адашев сказал им на это: «Удивительно, как это вы не хотите знать, что ваши предки пришли в Ливонию из-за моря, вторгнулись в отчину великих князей русских, за что много крови проливалось; не желая видеть разлития крови христианской, предки государевы позволили немцам жить в занятой ими стране с условием, чтоб они платили дань великим князьям; но они обещание свое нарушили, дани не платили, так теперь должны заплатить все недоимки». Послы согласились написать перемирную грамоту, по которой дерптский епископ обязывался платить с своей области дань в Москву по гривне немецкой с каждого человека, исключая людей церковных, и в три года заплатить недоимки за 50 лет; церкви русские и концы очистить и русским людям во всем учинить управу безволокитно; русским гостям и купцам с литовскими и иностранными купцами дозволить свободную торговлю всяким товаром, кроме панцирей, пропускать в Москву всех иностранцев, которые придут из-за моря служить царю, не помогать польскому королю и великому князю литовскому против Москвы. Но послы выговорили, что так как они согласились на дань без ведома магистра и епископа, то последние имеют право и не согласиться на эти условия. Касательно церковей русских сам ливонский летописец свидетельствует, что они были разграблены в Дерпте, Ревеле, Риге и во многих других местах протестантскими фанатиками; летописец ливонский приводит по этому случаю и письмо московского государя к правительству Ордена: «Необузданные ливонцы, противящиеся богу и законному правительству! Вы переменили веру, свергнули иго императора и папы римского; если они могут сносить от вас презрение и спокойно видеть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мне и моему богу. Бог посылает во мне вам мстителя, долженствующего привести вас в послушание». Летописец прибавляет, что царь вместе с этим письмом послал правителям Ливонии бич как символ исправления. Известие любопытное, показывающее нам взгляд тех ливонцев, которые жалели о ниспровержении прежнего порядка вещей и в войне московской, в падении Ливонии видели следствия нового порядка.

Для окончательного скрепления договора отправился в Дерпт царский посол келарь Терпигорев, который потребовал от епископа, чтоб тот без отлагательства исполнил обычную форму: при скреплении договоров отрезал у грамоты посольские печати и вместо них привесил печати свою и магистрову. Епископ собрал совет: что отвечать послу? Дело было трудное, а Терпигорев не хотел дожидаться. Старый советник, Яков Краббе, говорил: «Если мы скрепим грамоту, то ведь это будет значить, что мы с женами и детьми вступим в подданство к великому князю. Мы должны или платить дань, или видеть опустошение земли своей; что великий князь собрал против нас все свои силы, это я знаю наверное». Все сидели в глубоком унынии. Тут встал епископский канцлер Голтшюр и сказал: «Дело трудное, и мы должны хлопотать о том, как бы по крайней мере протянуть время. Позовем царского посла и скажем ему, что мы с своей стороны согласны скрепить договор и скрепляем, но он не будет иметь силы без согласия римского императора, верховного господина страны». Мнение Голтшюра было принято, и гонец поскакал к императору с просьбою, чтоб тот отправил посольство в Москву ходатайствовать у царя о сложении дани. Терпигорев был позван в совет: в присутствии двух нотариусов договор был скреплен новыми печатями, старые посольские отрезали, после чего нотариусы начали писать протест от имени императора. Терпигорев спросил у Краббе: «Что это они такое еще пишут?» Когда Краббе объяснил, в чем дело, то посол резко отвечал: «Какое дело моему государю до цесаря? Дайте мне только грамоту, а не принесете государю дани, так он ее возьмет». Пришедши домой, он угостил провожавших его гофюнкеров водкой, вынул из пазухи договор, приказал слуге завернуть его в шелковый платок и сказал: «Смотри береги мне и откармливай этого теленка, чтоб он вырос и разжирел».

Епископ обязался в три года выплатить все недоимки; три года прошло, и в феврале 1557 явились в Москву ливонские послы без денег с просьбою, чтоб дань была сложена. Адашев отвечал им, что так как магистр, архиепископ рижский и епископ дерптский нарушили договор, то государь будет сам искать на магистре и на всей Ливонской земле. Иоанн не допустил к себе послов, и они без дела уехали в марте месяце, а в апреле царь отправил князя Шестунова строить город и гавань (корабельное пристанище) при устье реки Нарвы, ниже Ивангорода; велел также положить заповедь в Новгороде, Пскове и Ивангороде, чтоб никто к немцам с товарами не ездил; если же приедут немцы в царскую отчину, то с ними торговать безо всякой зацепки. В ноябре выступило в поход к ливонским границам сорокатысячное войско под начальством царя Шиг-Алея, и воевод – князя Михаила Васильевича Глинского, царицына брата Данила Романовича и других; подле русских полков шли татары, черемисы, мордва, черкесы пятигорские. Немцы прислали за опасною грамотою, и в декабре явились их послы, били челом, чтоб государь оставил поголовную дань по гривне с человека, а взял бы единовременно за прошлые недоимки и за настоящие военные издержки 45000 ефимков (18000 рублей по московскому счету), да ежегодно Юрьев будет платить по 1000 золотых венгерских. Когда переговоры кончились, царь потребовал денег, но у послов денег не было; тогда раздраженный Иоанн, видя только желание немцев обмануть его и протянуть время, велел послам ехать назад, а войску своему двинуться в Ливонию. Немецкие летописцы говорят, что послы отправились в Москву без денег, понадеявшись на обещания московских купцов,

торговавших с Ливониею, что если мир будет заключен, то они дадут послам денег займы под вексель; но царь под смертною казнию запретил купцам давать послам денег займы. Послы просили, чтоб оставили их самих в Москве заложниками, пока придут деньги из Ливонии, но царь и на это не согласился. Один из немецких же летописцев рассказывает, что перед отъездом позвали послов к царскому столу и подали им пустые блюда.

В январе 1558 года вступило русское войско из Пскова в Ливонию и страшно опустошило ее на пространстве 200 верст, везде побивая немецкие отряды, выходившие к нему навстречу. Погостивши месяц, с огромною добычею возвратились ратные люди назад. Курбский, находившийся в числе воевод, говорит: «Земля была богатая, а жители в ней гордые: отступили они от веры христианской, от обычаев и дел добрых праотеческих, ринулись все на широкий и пространный путь, на пьянство, невоздержание, на долгое спанье, лень, на неправды и кровопролитие междоусобное». По словам ливонских летописцев, разврат в их стране в это время дошел до такой степени, что его не стыдились, но гордились им, правители подавали пример подчиненным.

Оставивши Ливонию, царь Шиг-Алей, царевичи, бояре и воеводы послали к магистру грамоту, в которой писали: «За ваше неисправление и клятвопреступление государь послал на вас войну; кровь пролилась от вас; если же хотите пред государем исправиться и кровь унять, то присылайте к государю с челобитьем, а мы все станем за вас просить». Магистр прислал за опасною грамотою для послов и получил ее; царь велел прекратить войну. Но жители Нарвы не хотели прекратить ее и продолжали стрелять на соседний, только рекою Нарвою отделяемый от них Ивангород. Воеводы новгородские дали знать об этом царю и послали сказать жителям Нарвы, что они нарушают перемирие; те отвечали: «Князец стреляет, нам его не унять». Получивши от царя приказ начать неприятельские действия, воеводы с Ивангорода открыли сильную пальбу: Нарва не могла ее выдержать более недели, и 9 апреля, в Великую субботу, выехали нарвские начальники и били челом воеводам, чтоб государь показал милость, взял их в свое имя, от магистра и всей земли Ливонской они отстали и за князьца не стоят: воровал он на свою голову. Они дали воеводам заложников, двоих лучших людей, а в Москву послали депутатов. Когда последние явились во дворец, то Алексей Адашев спросил их, о чем они приехали бить челом, какое государево жалованье хотят на себе видеть? Депутаты отвечали, что они приехали просить позволения не отставать от магистра, а в прочем чем их государь пожалует. Адашев сказал им на это: «Вы через опасную грамоту стреляли на государев город и по людям; потом, видя беду, били челом, что от магистра отстали и хотите быть во всей государевой воле; воля государева такова: выдайте князьца, который у вас начальствует крепостью, а крепость сдайте нашим воеводам; тогда государь вас пожалует, из домов не разведет, старины вашей и торгу не порушит, а будут владеть и Вышгородом (кремлем) и Нарвою царские воеводы, как владели магистр и князец; иначе тому делу не бывать». Депутаты согласились и присягнули за всю землю Нарвскую. Но когда ивангородские воеводы послали сказать об этом в Нарву, тамошние жители отвечали, что они не за тем посылали депутатов в Москву, чтоб отстать от магистра: дело объяснилось тем, что они получили помощь от последнего. Но эта помощь не спасла Нарвы: 11 мая, воспользовавшись сильным пожаром, вспыхнувшим в городе, русские, несмотря

на жестокое сопротивление жителей, овладели нижним городом и приступили к кремлю (Вышгороду), к которому приступали до вечера, стреляя из пушек ивангородских и взятых в нижнем городе или собственной Нарве. Наконец из Вышгорода прислали бить челом, чтоб воеводы пожаловали, приняли крепость со всем нарядом, но чтоб князец с новоприбывшими ратными людьми мог свободно из нее выйти. Воеводы согласились; ратные люди и лучшие граждане вышли, только без имущества, а черные присягнули быть в подданстве у царя и детей его вовеки. Иоанн очень обрадовался приобретению этого важного места; послал тотчас из Новгорода архимандрита и протопопа, велел ставить церкви в Нарве, очищать ее от веры латинской и люторской; пожаловал воевод и детей боярских; дал жалованную грамоту и жителям Нарвы, даже велел отыскать всех прежде взятых пленников родом из Нарвы и возвратить в отечество.

Еще прежде взятия Нарвы приехали в Москву большие послы ливонские, во главе которых был родной брат магистра Федор Фюрстенберг. Они привезли 60000 талеров за недоимки и военные издержки; касательно же дани с Дерптской области просили, чтоб царь не требовал теперь ее, потому что эта область опустошена вконец и в несколько лет не поправится и потому что царское войско взяло на войне гораздо больше условленной суммы. Сначала Иоанн не хотел слышать об этих условиях, но потом купцы московские, желавшие мира с Ливониею, не пожалели богатых подарков для бояр, и переговоры начали было подвигаться вперед, как пришло известие о взятии Нарвы. Адашев объявил послам, что немцы, взявши опасную грамоту, несмотря на то, две недели стреляли по Ивангороду и били людей; государь велел промышлять над Нарвою, и воеводы взяли ее; теперь государь велел промышлять над другими городами, а верить немцам нельзя: клятв своих не исполняют. Если же они хотят мира, то магистр, архиепископ рижский и епископ дерптский должны сделать то же, что сделали цари казанский, астраханский и Шиг-Алей: должны сами явиться пред государем с данью со всей земли Ливонской, ударить ему челом и впредь во всем исполнять его волю, а города завоеванные останутся за Москвою Шуйск. Послы уехали, и война продолжалась. Некоторые города сдавались без сопротивления; воеводы строили в них православные церкви, приводили жителей – латышей и немцев – к присяге московскому царю. С большим трудом взят был Нейгауз; магистр Фюрстенберг не помог ему: он не смел вступить в битву с русскими войсками, имея не с большим только 8000 ратных людей. По взятии Нейгауза он едва ушел от русских к Валку; здесь по старости он сложил с себя достоинство магистра, и на его место был выбран феллинский командор Готгард Кетлер. Но и молодой магистр так же мало был способен помочь Ордену, как и старый: нравственные силы народонаселения были истощены. Тщетно раздавался благородный голос дерптского бургомистра Тиле, который говорил, что нечего ждать помощи извне, что надобно пожертвовать всем богатством для спасения родной страны, встать всем, как один человек, и соединенными силами дать отпор врагу, а не дожидаться каждому месту своей очереди. Никто не слушал его, никто не хотел жертвовать своим добром добру общему, и те, которые прежде кричали, что скорее пожертвуют 100 рейхсталеров на войну с Москвою, чем один талер для дани царю, на покупку мира, те теперь, когда беда пришла, не хотели жертвовать ничем ни для мира, ни для войны.

В июле русское войско под начальством князя Петра Ивановича Шуйского обложило Дерпт, где затворился епископ Герман Вейланд с гражданами и двумя тысячами наемных заморских немцев; большая часть дворян, узнав о приближении неприятеля, ночью покинула город. Осажденные сначала защищались мужественно, отстреливались, делали частые вылазки, как следует рыцарским мужам, по выражению Курбского, но осаждающие придвигались все ближе и ближе, от стрельбы их рушились стены, гибло много людей, остальные были измучены трудами при защите города; послали к магистру с просьбою о помощи; посланный возвратился с ответом, что магистр порицает поступок дворянства, хвалит мужество епископа и граждан, желает, чтоб они защитили город, но сам не в состоянии противиться такому сильному неприятелю и употребляет все старания, чтоб увеличить свое войско; а московский воевода объявил милость царскую, если осажденные сдадутся; в противном случае грозил, что не оставит в живых и малого ребенка. Осажденные выпросили два дня сроку для размышления, потом выпросили еще один день, на четвертый объявили, что сдадутся на следующих условиях: 1) епископ получает для жительства своего монастырь Фалькенау в двух милях от Дерпта со всеми принадлежащими ему землями, людьми и пошлинами; под его ведомством остаются латинское духовенство и церкви с их имуществом. 2) Дворяне, желающие остаться под властью государя, удерживают свои земли и людей, находятся под ведомством епископа и не могут быть выведены в Россию. 3) Граждане дерптские остаются при своей религии аугсбургского исповедания безо всяких перемен и не будут принуждаемы отступить от нее; церкви их со всеми принадлежностями остаются как были, равно как и школы их. 4) Городовое управление остается по старине. 5) Браки с заморскими немцами дозволяются. 6) Все горожане и обитатели Дерпта при его сдаче могут выехать в течение 8 дней из города со всем своим имением, и чего не смогут взять с собою, то могут оставить у своих приятелей или в своих домах и взять после при удобном случае. 7) Если потом они сами или дети их захотят опять переселиться в Дерпт и жить под властью государя, то могут это сделать. 8) Ратные люди могут выйти из города с имением и оружием. 9) Иностранные купцы, немецкие и русские, не могут торговать в Дерпте непосредственно друг с другом, а только с дерптскими горожанами. 10) Русские ратные люди не будут становиться в домах обывательских. 11) Государь не будет выводить горожан или обывателей из Дерпта в Россию или другие места. 12) Все преступления, даже против государя, судятся городовым судом. 13) Право гражданства дается по старине городовым управлением; новый гражданин должен присягать государю и городовому управлению. 14) Городовое управление желает, чтоб на его судные приговоры могла быть апелляция к рижскому городовому управлению.

18 июля уполномоченные от епископа, дворянства, капитула, от городского совета и общины отправились с этими условиями к князю Петру Ивановичу Шуйскому, который должен был скрепить их. Шуйский скрепил их в надежде, что они будут утверждены и государем. Уполномоченные просили воеводу, чтоб русское войско не вторгалось в дома граждан, не пугало их жен и детей. Это было обещано, и обещание строго исполнено. Епископ, ратные люди и те горожане, которые хотели выехать с семействами из города, выехали под прикрытием русских отрядов, чтоб с ними не случилось ни малейшей неприятности. По

вступлении своем в город Шуйский повестил, чтоб ратные люди не смели обижать жителей под страхом жестокого наказания, а жители чтоб не смели продавать ратным людям крепких напитков. По свидетельству современника и очевидца, немца, порядок был сохранен, нарушители его действительно подверглись строгим наказаниям; боярские дети ежедневно объезжали город, забирали всех пьяных и дурно ведших себя людей; жители не терпели никакого насилия и утешали себя этим в несчастьи; Шуйский объявил, что его дом и уши будут отворены для каждого, кто придет с жалобою на русских ратных людей. Совет и община послали ему в подарок вина, пива и разных съестных припасов, а Шуйский чрез несколько дней угостил членов совета и лучших людей хорошим обедом в замке. 6 сентября царь дал жителям Дерпта жалованную грамоту, в которой некоторые из условий были дополнены, некоторые изменены: например, в городском суде должен был заседать и русский чиновник (Drost) для охранения русских людей; апелляции к рижскому городскому суду не были позволены; вместо них поставлена была апелляция к дерптскому воеводе; дела же, которых и воевода решить не мог, отсылались к царю; на монете должен быть с одной стороны герб царский, на другой – городской; на городской печати должен быть царский герб. В случае нужды ратные люди могут стоять в домах черных людей. Дерптские жители могут торговать беспошлинно в Новгороде, Пскове, Ивангороде и Нарве, но если поедут с торгом в Казань, Астрахань или другие области московские, то должны платить пошлины наравне с русскими купцами; свободно могут они отъезжать за море и торговать всякими товарами; если не захотят жить в Дерпте, могут свободно выехать за границу со всем имуществом, заплатив с него десятую деньгу в царскую казну. Если кто из дерптских жителей дойдет по своей вине смертной казни, то имущество его идет в казну, которая платит его долги. Если преступник уйдет за море, то имущество его отбирается в казну, которая из него платит его заимодавцам; если же он убежит со всем своим движимым имением, то недвижимое все идет в казну, которая ничего не платит заимодавцам: зачем они не обращают внимания на таких людей? Дерптские жители могут свободно покупать дома и сады и жить в них в Новгороде, Пскове, Ивангороде, Нарве и во всех других русских областях, равно как новгородцы, псковичи, ивангородцы, нарвцы и всякие русские люди могут покупать дома и сады в Дерпте во всех местах.

Такие льготы, данные покорившемуся городу, показывали ясно намерение царя завоевать Ливонию и удержать навсегда за собою это завоевание; детям боярским розданы были земли в покоренных областях; князь Шуйский послал в Ревель с требованием, чтоб он последовал примеру Дерпта, что в таком случае государь даст ему большие привилегии, чем те, которыми он пользовался прежде; в противном же случае да страшится царского гнева. Ревель не покорился, но покорилось несколько других городов, число которых с прежде завоеванными дошло к осени уже до 20. Совершивши такой блистательный поход, воеводы, по тогдашнему обычаю, отправились в Москву в сентябре, оставив гарнизоны в завоеванных городах. Этим удалением воспользовался магистр Кетлер: собравши более 10000 войска, он осадил Ринген и взял его приступом, потерявши, как шел слух, 2000 человек Шуйск. Воеводы, остававшиеся в Ливонии, не могли собрать более 2000 человек, не могли потому выдержать натиска немцев и при встрече с магистром обратились в бегство, могли только бить отдельные отряды немцев,

посылаемые за сбором кормов; немцы пробрались и в собственно русские владения, сожгли посад у псковского пригорода Красного, были и под Себежом, сожгли монастырь святого Николая. Взятием Рингена, впрочем, магистр должен был удовольствоваться: с таким небольшим войском, какое было у него, он не мог предпринять осады более значительных городов и ушел назад в конце октября. Во время осады Рингена все мужчины были выведены из Дерпта во Псков и оставались там до тех пор, пока магистр ушел назад в Ригу, тогда их возвратили к семействам, которым в их отсутствие не было сделано ни малейшего вреда, по свидетельству немецкого летописца; эта мера объясняется известием русских летописей, что дерптские немцы ссылались с магистром, звали его к своему городу, где по их словам, у русских было мало войска.

Кетлер накликал месть своим походом; в генваре 1559 года вступило в Ливонию большое московское войско (130000 – по немецким известиям), разбило немцев при Тирзене и без сопротивления уже целый месяц пустошило всю землю с одной стороны до моря, с другой – до границ прусских и литовских, не щадя младенцев во чреве матерей.

Ливонское правительство обратилось к сыну Густава Вазы шведского, герцогу Иоанну, правителю Финляндии, с просьбою ссудить 200000 рейхсталеров и войско, предлагая в залог несколько земель в Ливонии. Молодой принц, желая распространения своих владений на счет этой страны, был не прочь вступить в переговоры, но старик отец посоветовал ему не вступаться никаким образом в дело, ибо тогда нужно будет поссориться не с одною Москвою, но также с императором, королями польским и датским, которые все объявляют свои притязания на Ливонию. Когда ревельские суда напали в шведских водах при Биорке и Ниланде на лодки русских купцов и овладели ими, перебив людей, то ревельцев захватили за это в Выборге, и король отправил в Финский залив вооруженные суда для безопасности русских купцов, о чем дал знать в Москву. Иоанн так отвечал ему на это: «Ты писал к нам о неправдах колыванских людей (ревельцев) и о своей отписке, которую послал в Колывань: мы твою грамоту выслушали и твое исправление уразумели. Ты делаешь гораздо, что свое дело исправляешь; нам твое дело полюбилось, и мы за это твою старость хвалим; и вперед ты бы к нам свою службу исполнял и нашим губителям недружбу делал». Орден отправил послов и прямо в Стокгольм к Густаву с просьбою о помощи; послы представили старому королю, что они ждут также сильной помощи от императора, немецких князей и короля польского, что, следовательно, ему вместе с такими союзниками нечего бояться Москвы. Густав отвечал им, что на помощь немцев и поляков полагаться нечего: императору и немецким князьям впору отбиваться от турок, а польский король обещал и ему помощь в войне московской и обманул; точно так же поступил с ним и Орден; но он не хочет помнить зла и будет просить царя за Ливонию. Эта просьба, впрочем, была не очень усильна; Густав писал Иоанну: «Мы просим вас за ливонцев собственно не для них (потому что они и с нами не очень хорошо поступили), но чтоб угодить императору, который нам приказывал и просил об этом. Да будет вам известно, что мы немедленно хотим отправить посланника к ливонцам, велим спросить у них, хотят ли они пасть вам в ноги и все исполнить как следует. Мы дадим вам знать, какой ответ получим от них». Шведский посол говорил в Москве: «Его величество, государь мой, стоит теперь с тяжким оружием, со многими кораблями

и не хочет пропускать ни датских, ни немецких людей, которые захотят идти на помощь ливонцам». Иоанн отвечал Густаву: «Мы прежде думали, что ты от себя хлопочешь за ливонцев, что так тебе надобно, а теперь ты пишешь, что делаешь это для императора: так если ливонское дело тебе не очень надобно, то ты бы к ливонцам и не посылал, чтоб они били мне челом».

Ревельцы, не ожидая ниоткуда бескорыстной помощи, обратились к датскому королю Христиану III прямо с просьбою принять их в свое подданство, так как некогда Эстония и Ревель были под властью Дании. Но и Христиан III, подобно Густаву Вазе, был старик, приближавшийся к гробу; он объявил послам ревельским, что не может принять в подданство их страны, потому что не имеет сил защищать ее в таком отдалении и от такого сильного врага; он взялся только ходатайствовать за них в Москве; назначил послов, но умер, не отправив их, и послы эти явились в Москве уже от имени наследника Христианова, Фридриха II. Король в очень вежливых выражениях просил, чтоб царь запретил войскам своим входить в Эстонию, как принадлежащую Дании. Иоанн отвечал: «Мы короля от своей любви не отставим: как ему пригоже быть с нами в союзном приятельстве, так мы его особою в приятельстве и союзной любви учинить хотим. Тому уже 600 лет, как великий государь русский Георгий Владимирович, называемый Ярославом, взял землю Ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, в Риге и Колывани церкви русские и дворы поставил и на всех ливонских людей дани наложил. После, вследствие некоторых невзгод, тайно от наших прародителей взяли было они из королевства Датского двух королевичей; но наши прародители за то на ливонских людей гнев положили, многих мечу и огню предали, а тех королевичей датских из своей Ливонской земли вон выслали. Так Фридрих-король в наш город Колывань не вступался бы». На просьбу не притеснять ливонцев царь велел отвечать послам: «Все ливонцы от прародителей наших извечные наши данники; как мы остались после отца своего трех лет, то наши неприятели пограничные, видя то, наступили на наши земли, а люди Ливонской земли, смотря на наши невзгоды, перестали платить дань, и в Риге церковь нашу во имя Николы чудотворца, гридни и палаты отдали литовским попам и купцам; в Колывани русские гридни и палаты колыванские люди за себя взяли, в Юрьеве церковь Николы-чудотворца разорили, конюшню на том месте поставили, а улицами русскими, палатами и погребями юрьевцы сами завладели». Однако, желая, как видно, иметь все войска свои на южных границах для действия против крымцев, царь дал датским послам опасную грамоту на имя ливонских правителей; в грамоте говорилось, что для короля Фридриха царь жалует перемирие Ордену от мая до ноября 1559 года; чтоб в это время или сам магистр ударил ему челом в Москве, или прислал бы самых знатных людей для заключения вечного мира. Но Кетлер понимал, что челобитьем нельзя получить выгодного мира; видя, что нет помощи ни от Швеции, ни от Дании, он обратился к третьему соседнему государю, который имел больше побуждений вступить за Ливонию, чтоб не дать Москве усилиться на ее счет, – Кетлер обратился к королю польскому.

В 1545 году старик Сигизмунд сдал управление Литвою сыну своему, Сигизмунду-Августу, о чем последний и дал знать Иоанну московскому. В 1548 году умер Сигизмунд Старый; срок перемирия исходил, но из Литвы не было никакой вести; это, впрочем, происходило не оттого, что новый король замышлял

войну: войны меньше всего можно было бояться со стороны Сигизмунда-Августа, литовского Сарданапала: 1548 год он провел в борьбе за жену свою, Варвару, урожденную Радзивилл, на которой он женился тайно от отца, матери и вельмож польских; теперь последние требовали развода; но когда дело шло о любимой женщине, то Сигизмунд-Август обнаруживал большую твердость – он отстоял Варвару. В то время как на престол Польши и Литвы вошел государь с таким характером, молодой государь московский, принявши царский титул, надевши венец Мономахов, думал о том, как бы возвратить себе отчину Мономахову, Древнюю Русь, Киев. Но прежде всего и московскому потомку надлежало совершить те же подвиги, которыми прославился киевский предок, т. е. надлежало защитить Русь от поганых. Замышляя окончательное низложение Казани, зная, что борьба с Казанью есть вместе и борьба с Крымом, Иоанн не мог желать возобновления войны с Литвою, и бояре написали к епископу и воеводе виленским, чтоб они с другими панами Радою наводили короля на мир. Вследствие этой задирки, как тогда выражались, в январе 1549 года приехали в Москву литовские великие послы: Станислав Кишка, воевода витебский, и Ян Камаевский, маршалок. О вечном мире думать было нечего: Литва не хотела мириться без Смоленска; послы твердили: «Без отдачи Смоленска не мириться»; бояре отвечали им: «Ни одной драницы из Смоленска государь наш не уступит». Но если Сигизмунд-Август не хотел вечного мира без Смоленска, то Иоанн не хотел его и с Смоленском, он говорил боярам: «За королем наша вотчина извечная – Киев, Волынская земля, Полоцк, Витебск и многие другие города русские, а Гомель отец его взял у нас во время нашего малолетства: так пригоже ли с королем теперь вечный мир заключить? Если теперь заключить мир вечный, то вперед уже через крестное целование своих вотчин искать нельзя, потому что крестного целования никак нигде нарушить не хочу». И приговорил государь с боярами вечного мира с королем не заключать для того, чтоб можно было доставать своих старинных вотчин, а взять с королем перемирие на время, чтоб дать людям поотдохнуть и с иными недругами управиться. Так если послы начнут допытываться у бояр, как государь хочет вечного мира, то требовать уступки Гомеля, Полоцка и Витебска: Полоцка и Витебска требовать для того, чтоб вечный мир не состоялся, потому что если они отступятся от Гомеля, Смоленска, Себежа и Заволочья, то от вечного мира уже тогда отговориться будет непригоже. Заключили перемирие на пять лет, но при написании грамоты встретилось новое затруднение: Иоанн хотел написаться с новым своим титулом, титулом царским, послы никак не согласились, говоря, что прежде этого не бывало; бояре отвечали: прежде не бывало потому, что Иоанн на царство еще не венчался, а теперь венчался по примеру Владимира Мономаха. Но это не убедило послов; они потребовали отпуска. Иоанн долго рассуждал с боярами, можно ли уступить послам и написать грамоту без царского титула? Бояре говорили, что теперь, имея в виду двух недругов, казанского и крымского, можно написать грамоту и без царского титула. Царь приговорил: «Написать полный титул в своей грамоте, потому что эта грамота будет у короля за его печатью; а в другой грамоте, которая будет писаться от имени короля и останется у государя в Москве, написать титул по старине, без царского имени. Надобно так сделать потому, что теперь крымский царь в большой недружбе и казанский также: если с королем разорвать из-за одного слова в титуле, то против троих недругов стоять будет истомно, и

если кровь христианская прольется за одно имя, а не за землю, то не было бы греха перед богом. А начнет бог миловать, с крымским дело поделается и с Казанью государь переведается, то вперед за царский титул крепко стоять, и без него с королем дела никакого не делать». Относительно послов определено было: если не согласятся на титул, отпустить их и на отпуске приказать с ними поклон к королю, а руки им не давать, потому что в ответе на них слово положено гневное. Если после отпуска они не начнут сами опять говорить о деле и станут просить позволения уехать назад в Литву, то велеть приставу задрать их, чтоб повидались опять с боярами, и, как приедут на двор видеться с боярами, говорить им опять накрепко о титуле; и если никак не согласятся, то сделать, как было положено, т.е. написать царский титул только водной своей грамоте. После отпуска Кишка и Камаевский сами потребовали новых переговоров, но и тут не соглашались на титул, а просили, чтоб им дали на письме о царском поставлении, каким образом государь на царство венчался и откуда предки его царское имя взяли. Царь приговорил с боярами, что такой записки им не давать, потому что они составят на нее свои ответы и тогда в речах будет говорить о том тяжело. Послы распростились и уже сели в сани, но тут их воротили и позволили им написать грамоту от королевского имени без царского титула.

Для взятия присяги с короля в ненарушении перемирия отправился в Литву боярин окольничий Михайла Яковлевич Морозов; он должен был также требовать царского титула для Иоанна, получившего этот титул от предков своих, именно от великого князя киевского Владимира Мономаха. Король велел отвечать Морозову, что прежде ни сам Иоанн, ни отец, ни дед его этого титула не употребляли; что же касается до великого князя киевского Мономаха, то, во-первых, это дела давние, во-вторых, стол киевский есть и будет в руках его, короля, следовательно, если уже кто имеет право называться царем киевским, то, конечно, он, король, а не великий князь московский, но так как этот титул не может принести королю никакой славы и выгоды, то он его и не употребляет, тем более что все государи христианские называют царем только императора римско-германского; если же король и великий князь московский называют царями хана крымского и других татарских и ногайских господарей, то это ведется из старины, давно уже на славянском языке начали их так называть, а сами они на своем языке так себя не величают. Мы видели, как Иоанн объявил, что крестного целования никак нигде нарушить не захочет. В этом отношении лежало у него на совести, что в перемирных грамотах вставлялось условие: беглецов выдавать на обе стороны – и условие это вместе с другими скреплялось крестным целованием, а между тем на деле никогда не исполнялось. «И ты, брат наш, порассуди, – велел сказать царь Сигизмунду-Августу, чтоб это неисполнение на наших душах не лежало: или вычеркнем условие из грамоты, или уже будем исполнять его, станем выдавать всех беглецов». Король не согласился уничтожить условие; касательно же исполнения его отвечал неопределенно, что он ничего не делает вопреки перемирной грамоте. Король защищался стариною, обычаем против новых требований Иоанновых; Морозов должен был также напомнить ему грозную старину: «Если польется кровь, то она взыщется на тех, которые покою христианского не хотели, а тому образцы были: Александр-король деда государя нашего не хотел писать государем всея Руси, а бог на чем поставил? Александр-король к этому еще много и своего придал. А ныне тот же бог». Король

не исполнил и третьего требования Иоаннова – освободить двух пленных вельмож московских – князей Михайла Голицу и Федора Оболенского-Овчину – за 2000 рублей; вместо денег он просил за них городов и волостей: Чернигова, Мглина, Дрокова, Поповой горы, Себежа и Заволочья, на что, разумеется, Иоанн не мог согласиться.

Во время перемирия происходили ссылки между двумя дворами о разных делах. В 1550 году приезжал в Москву посол Станислав Едровский, через которого король велел сказать Иоанну: «Докучают нам подданные наши, жида, купцы государства нашего, что прежде изначала при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей земле твоей с товарами ходить и торговать; а теперь ты жидам не позволяешь с товарами в государство свое въезжать». Иоанн отвечал: «Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравные зелья к нам привозили и пакости многие нашим людям делали; так тебе бы, брату нашему, не годилось и писать об них много, слыша их такие злые дела». Еще при жизни Сигизмунда Старого жида брестские были выгнаны из Москвы и товары их сожжены за то, что они привозили продавать мумею. Важнее для обоих государств было требование Иоанна от короля: «Я послал грамоты всем своим порубежным наместникам, чтоб на наших землях позволяли твоим сторожам стеречь прихода татарского, и велел своим наместникам беречь твоих сторожей, чтоб им от наших людей обид никаких не было. И ты бы также в Каневе и в Черкасах своим наместникам приказал накрепко, чтоб они на своих землях нашим сторожам места дали, и какие вести у твоих наместников про татар будут, и они б наших наместников без вести не держали». Король показал было большую учтивость: без окупа освободил из плена старого воеводу, князя Михайлу Булгакова-Голицу, и прислал его в Москву. Царь принял старика очень ласково, к руке звал, о здоровье спросил, велел ему сесть, пожаловал шубою и звал обедать; Голица бил челом, что он истомился, и царь велел ему ехать на подворье, а от стола своего послал к нему с кушаньем. Но и этот поступок не повел к большой приязни между двумя государями, потому что непризнание царского титула со стороны короля постоянно раздражало Иоанна; в наказе послу Астафьеву, отправлявшемуся в Литву, читаем: «Станут говорить: прежде московские писались всегда великими князьями, а теперь государь по какой причине пишется царем? Отвечать: государь наш учинился на царстве по прежнему обычаю, как прародитель его великий князь Владимир Мономах венчан в царство Русское, когда ходил ратью на царя греческого Константина Мономаха, и царь Константин Мономах тогда добил ему челом и прислал ему дары: венец царский и диадему – с митрополитом Ефесским, кир Неофитом, и на царство его митрополит Неофит венчал, и с этого времени назывался царь и великий князь Владимир Мономах. А государя нашего венчал на царство Русское тем же венцом отец его Макарий митрополит, потому что теперь землю всю Русскою владеет государь наш один». Эти объяснения не помогали: король не называл Иоанна царем в своих грамотах, за это Иоанн в ответных грамотах не писал Сигизмунда-Августа королем, гонцы не брали таких грамот и уезжали с пустыми руками.

Так было до Казанского похода; после взятия Казани, в ноябре 1552 года, приехал в Москву Ян Гайко, присланный от виленского епископа и двоих Радзивиллов (Николая Черного и Николая Рыжего), самых могущественных

вельмож в Литве, к митрополиту Макарию и боярам – князю Ивану Михайловичу Шуйскому и Даниилу Романовичу Юрьеву. Гайко был принят Макарием и двумя этими боярами в митрополичьем доме, причем присутствовали трое владык, архимандриты и игумены. Митрополит спрашивал о здоровье посланных сидя, а бояре – вставши; митрополит звал Гайку к руке, и посол целовал его руку; но когда бояре позвали его к руке и спросили о здоровье, то он, отступя, ударил им челом; после приема посол обедал у митрополита. В грамоте, посланной с Гайком, епископ и Радзивиллы писали, чтоб митрополит и бояре наводили государя на вечный мир и чтоб для его заключения московские послы приехали в Литву. Митрополит по царскому приказанию отвечал Гайку, что он привез грамоту о государских делах, а не о церковных, государские же земские дела до митрополита не касаются, о них ответ дадут епископу и панам государские бояре; он же митрополит, если бог даст, по времени господину и сыну своему царю и великому князю Ивану станет напоминать и на то его наводить, чтоб разлития крови христианской не было. Бояре отвечали панам, что вся вражда между государями пошла и ссылки прекратились оттого, что король не дает Иоанну царского титула, а царь за это не называет Сигизмунда-Августа королем. «Мы думаем, – писали бояре, – что в Великом княжестве Литовском старые паны радные еще есть и того не забыли, что никогда наши государи наперед послов своих не посылали; великий князь Василий, несмотря на просьбы императора и папы, даже и на границу послов своих не отправил для переговоров с литовскими послами; отец короля Сигизмунда не добился этого и в малолетство Иоанна, а теперь государь уже не малолетный и врагов своих победил, Казань взял. Мы не только государю, но даже своим дядьям и братьям грамоты вашей показать не смели».

В 1553 году приехали послы от короля – Довойна и Волович. Царь не позвал их к руке, не пригласил к обеду и верующую грамоту велел отдать им назад, потому что царского имени в ней не было. Послы говорили, что прежде толков о титуле нужно заключить вечный мир, для которого Иоанн должен уступить королю все завоеванные прежде у Литвы земли; после этого уже можно начать дело о титуле, на который король не прежде может согласиться, как получив согласие императора и папы. Бояре отвечали, что император и папа давно называют московских государей царями и что прежде решения о титуле никакого дела делать не станут. Послы уехали. Тогда царь созвал бояр и говорил им: «Нам следовало бы за свое имя стоять крепко; но теперь казанские люди еще не поукрепились совершенно, и мне кажется, что для казанского дела надобно заключить с королем перемирие на год или на два, чтоб в это время можно было Казань укрепить, а после этого будем стоять за свое имя крепко». Бояре отвечали, что надобно заключить перемирие именно для казанского дела; послов воротили с дороги, и заключили перемирие на два года. Мы видели, что до сих пор для оправдания принятого им царского титула Иоанн указывал только на Владимира Мономаха; теперь нашлись другие оправдания, и московским послам, отправленным в Литву для подтверждения двухлетнего перемирия, дан был такой наказ: «Когда спросят: почему великий князь называется царем? Отвечать: прародитель его, великий князь Владимир Святославович, как крестился сам и землю Русскую крестил, так царь греческий и патриарх венчали его на царство Русское, и он писался царем, а как преставился, то и образ его на иконах пишут

царем; потом говорить о Мономахе; наконец, сказать, что царство Казанское взято и потому Иоанн сделался царем».

Скоро взято было и другое царство – Астраханское. Иоанн послал объявить об этом королю. Посланному, между прочим, дан был наказ: «Спросят: черкесы почему государя вашего холопы? Отвечать: черкесы – государей наших старинные холопы, потому что бежали из Рязани». Поздравить Иоанна со взятием Астрахани король послал дворянина своего, пана Тишкевича. Тишкевич был русский, православного исповедания и потому просил, чтоб ему было позволено принять благословение у митрополита. Царь назначил день, когда быть Тишкевичу у Макария, и послал сказать последнему, чтоб велел убрать у себя палату Столовую, где будет принимать посла, и чтоб на дворе у него было все прибрано, а во время приема были бы у него владыки и архимандриты все, которые в Москве, и было бы у него все порядочно (чиповно). Митрополит принял Тишкевича по-царски, как царь принимал обыкновенно послов, спросил у него, какого он закона, и, когда Тишкевич отвечал, что греческого, дал ему наставление о вере и благословил. Тишкевич говорил наедине митрополиту, что по рубежам литовским живут все христиане греческого закона, которые скорбят, что между государями вражда, и по всему видно, что скоро наступит кровопролитие. Тишкевич просил, чтоб митрополит уговорил Иоанна отправить к королю послов для заключения вечного мира, но прибавил, что он говорит это от себя, потому что, как слышал он от литовских панов, польские паны всею Радою беспрестанно толкуют королю, чтоб он начал войну с московским государем, о христианстве же польские паны не заботятся; они определили, чтоб королю послов своих в Москву не отправлять. А литовские паны все скорбят, что между государями гнев воздвигается, и о христианстве жалеют. Митрополит отвечал, что так как Тишкевич говорил это от себя и приказа и письма с ним ни от кого нет, то бить челом государю нельзя; вражда же между государями идет за одно государское имя.

Перемирие исходило. Виленский епископ Павел и виленский воевода Радзивилл прислали виленского купца Дементия с грамотою к митрополиту и князю Ивану Михайловичу Шуйскому, просили, чтоб они постарались о продлении перемирия. Дементий, подобно Тишкевичу, объявил, что это посылка тайная, потому что польская Рада хочет войны. Митрополит отвечал, что, хотя это и не его дело, однако, видя раденье епископа и Радзивилла, как пастырь добрый, берется склонить бояр и царя к миру. Иоанн, занятой войною шведскою, дал опасную грамоту на послов литовских, причем отправлены были также списки с грамот императора Максимилиана и султана Солимана, где московский государь называется царем. В 1556 году приехал посол, князь Збаражский, и заключил перемирие на шесть лет; о титуле не сговорились. Боярин Воронцов и казначей Сукин, отправленные в Литву для подтверждения перемирия, должны были повторить королю о праве Иоанна на царский титул с новыми прибавлениями, а именно: выставлено уже происхождение Рюрика от императора Августа; в заключение сказано: «А теперь не только на Русском господарстве бог нас учинил с этим титулом, но и Казанского и Астраханского государств титулы царские бог на нас положил».

Мы видели, что Иоанн не хотел заключать вечного мира с Литвою, желая непременно возратить от нее свою отчину – Киев и другие русские города; несогласие короля признать царский титул московского государя должно было

ускорить разрыв; несмотря на то, перемирие продолжалось – сперва для казанского дела, потом для шведской войны; наконец Иоанн обратил все свое внимание на Ливонию; побережье Балтийское явилось в его глазах важнее Приднепровья; война с Литвою отлагалась, таким образом, опять на неопределенное время; между тем должно было действовать и против крымского хана, отвлекать его от нападений на московские уклады, а с успехом действовать против Крыма можно было только в союзе с Литвою, владевшей низовьями Днепра. В феврале 1558 года пришла в Москву весть, что крымский царевич повоевал в Литовской земле и на Подолье многие места и досаду Литовской земле учинил многую. Царь созвал бояр и говорил им: «С крымским мы оставили дело о дружбе; он был в дружбе с королем, а теперь и королю сделал досаду большую; так теперь, пока они не помирились, задраить короля о дружбе, чтоб отвести его от крымского». Приговорили послать к королю с грамотою Романа Алферьева, предложить Литве союз против Крыма. Алферьев, возвратившись из Литвы, сказывал, что присылка царская королю и всей Раде была за большую честь, все люди его приезду были рады и честь ему была большая; только паны опасаются одного, что турецкий султан за крымского хана вступится, а царь в своем слове не устоит и, когда Литва будет воевать с турками, возьмет у нее города. Королевский посол Василий Тишкевич спросил Алексея Адашева, высланного к нему для переговоров, на каких условиях хочет Иоанн заключить вечный мир. В ответе Адашева высказалось ясно, как Иоанн, занявшись с обычною своею страстию делами ливонскими, переменил мысли относительно Литвы. «Прежние дела должно все отложить, – сказал Адашев, – и делать между государями доброе дело на избаву христианам; если же станем говорить по прежнему обычаю, станем просить у вас Кракова, Киева, Волынской земли, Подолья, Полоцка, Витебска и все города русские станем звать готовою вотчиною своего государя, а вы станете просить Смоленска, Северской страны, Новгорода Великого, то такими нелепыми речами дело сделается ли?» Адашев требовал, чтоб вечный мир заключен был по перемирной грамоте, но Тишкевич отвечал, что так мириться нельзя, что Москва должна возвратить Литве все завоевания отца и деда Иоаннова. «Пишет Златоуст в Златоструе, – говорил Тишкевич, – что у одного человека на дворе была змея, съела у него детей и жену, да еще захотела с ним вместе жить; мир, какого вы хотите, похож на это: съевши жену и детей, змея съест и самого человека. Нынешний государь ваш, конечно, не таков, и видим, что он всякие дела по боге делает, христианство исправляет и утверждает, по всей его державе христианство и церкви христианские цветут, как в старину в Иерусалиме при равноапостольном царе Константине. Но нашему государю, не взявши своих отчин, мириться нельзя; какой это мир – взявши, да не отдать!» Адашев отвечал: «Паны! Положите вы на своем разуме: как говорить то, чего и во сне не пригрезится? Как тому взойти, что гнило посеяно? – Только понапрасну истому принимать». Тишкевич объявил последнее слово: без возвращения Смоленска миру вечному не быть, причем очень откровенно высказал опасения литовских панов: «В условия вечного мира будет внесено, что стоять на крымского заодно; но крымский – присяжник турецкого, турецкий за крымского наступит на нашего государя, ваш государь нашему тогда не поможет, и наш до конца свою отчину погубит». Адашев этот страх отговаривал, утверждал, что царь будет заодно с королем на всех врагов, но Тишкевич не оставлял своих сомнений и говорил: «Если бы образцов не было, а

то образцы живые: отец и дед вашего государя что сделали с Литвою? Избавившись от крымского, вам не на кого больше броситься, как на нас. Миру вечному теперь быть нельзя, а доброе перемирие чем не мир?» Тишкевич просил, чтоб перемирие, заключенное на шесть лет князем Збаражским, продлить еще на несколько лет, но царь не согласился. В заключение переговоров посол просил Иоанна от имени королевского помириться с ливонцами; Иоанн отвечал: «Ливонцы, извечные наши данщики, церкви божие разорили, образам Божиим поругались и нам в наших данях не исправились; за такие свои дела от нас наказание и приняли; сумеют к богу исправиться и своим челобитьем наш гнев утолить, тогда мы их пожалуем».

Литовское правительство откровенно призналось, что не хочет союза с Москвою против татар, потому что Москва опаснее для нее, чем Крым! Чего прежде не было, московские ратные люди плавали по Днепру, иногда, воюя с крымцами, переходили на западную его сторону, сторожа московские стояли по Днепру. В Москве старались предупредить жалобы на это; послу Ивову, отправленному к королю с исчислением обид, нанесенных литовцами купцам московским и порубежникам, был дан такой приказ: «Станут говорить: та ли государя вашего правда, что в отчину нашего государя, в Днепр, вступается и людей своих на Днепре ставит, вотчины черкасские люди его пустошат и рыболовов грабят? Отвечать: государь наш в королевские земли и воды не вступается ничем, рыболовов наши люди не грабят и вотчин черкасских не пустошат; а стоят наши люди на Днепре, берегут христианство от татар, и от этого стоянья их на Днепре не одним нашим людям оборона, но и королевской земле всей защита; бывал ли хотя один татарин за Днепр с тех пор, как наши люди начали стоять на Днепре? За такую христианскую оборону надобно было вам наших людей чтить, а вместо того королевские козаки беспрестанно крадут у них лошадей. Мы дел государских не знаем, как между государями о Днепре написано. А если о Днепре между государями и письма нет, не положено, в чьей он стороне, так он божий! Кто захочет, тот на нем и стоит. До сих пор мы не слыхали, что против Крыма Днепр королевский; нам кажется, что Днепр наш, потому что течет из земли нашего государя». Но в Литве дело шло не о Днепре.

Дела ливонские заставляли Иоанна желать вечного мира и союза с Литвою; но эти дела не только не могли повести к вечному миру, а ускорили еще разрыв. 16 сентября 1559 года между ливонским правительством и Сигизмундом-Августом заключен был в Вильне договор, по которому король обязался защищать орденские владения от Москвы; за это архиепископ и магистр отдали ему 9 волостей под залог с условием, что если они захотят их после выкупить, то должны заплатить 700000 польских гульденов. Сигизмунд-Август обязался прежде всего отправить посла в Москву с требованием, чтоб царь не вступался в Ливонию, потому что она отдалась под покровительство королевское. С этим требованием приехал в Москву в январе 1560 года Мартин Володков. Отдавши королевскую грамоту, он просил повидаться с Адашевым и говорил ему: «Поляки всею землею хотят того, чтоб государь наш с вашим государем начал войну; но воевода виленский Николай Радзивилл и писарь литовский Волович стоят крепко, чтоб король с государем вашим был в любви. Поляки с Радзивиллом сильно бранятся, говорят, что воевода за подарки помогает русскому государю, говорят: нам Ливонской земли нельзя выдать, и не станет король за Ливонскую землю, то

мы не станем его за короля держать; и приговорили накрепко, что королю к вашему государю посланника не отправлять. Так вы бы государя своего на то наводили, чтоб он отправил к нашему государю своего посланника, чтоб о Ливонской земле сговориться; тут уж непременно Радзивилл вступится в дело и приведет его к миру». Адашев отвечал, что государю к королю отправлять посла не годится, потому что король вступился в Ливонскую данную землю, и когда посол усумнился, точно ли Ливония должна платить дань государю московскому, то ему показали последнюю договорную грамоту с обязательством дерптского епископа платить по гривне с человека. На требование королевское не вступаться в Ливонию Иоанн отвечал: «Тебе очень хорошо известно, что Ливонская земля от предков наших по сие время не принадлежала никакому другому государству, кроме нашего, платила нам дань, а от Римского государства избирала себе духовных мужей и магистров для своего закона по утвержденным грамотам наших прародителей. Ты пишешь, что когда ты вздумал идти войною на Ливонскую землю, то я за нее не вступался и тем показал, что это не моя земля; знай, что по всемогущего бога воле начиная от великого государя русского Рюрика до сих пор держим Русское государство и, как в зеркале смотря на поведение прародителей своих, о безделье писать и говорить не хотим. Шел ты и стоял на своих землях, а на наши данные земли не наступал и вреда им никакого не делал; так зачем было нам к тебе писать о твоих землях? Как хотел, так на них и стоял; если какую им истому сделал, то сам знаешь. А если магистр и вся Ливонская земля вопреки крестному целованию и утвержденным грамотам к тебе приезжали и церкви наши русские разорили, то за эти их неправды огонь, меч и расхищение на них не перестанут, пока не обратятся и не исправятся». Король отвечал: «Ты называешь Ливонию своею; но как же при деде твоём была лютая война у Москвы с ливонцами и прекращена перемирием? Какой государь с своими подданными перемирие заключает?» Но все это остроумие, желание доказать друг другу свои права на Ливонию ни к чему не могли повести: дело могло решиться только оружием.

В то время как Московское государство, чувствуя необходимость сообщения с Западною Европою, с такими усилиями старалось овладеть берегами Балтийского моря, морские государства Западной Европы чувствовали столь же сильное стремление в противоположную сторону – к богатому Востоку, и следствием этого стремления было заведение торговых сношений России с Англиею на пустынных берегах Белого моря, которые долго должны были заменять для Московского государства заветные берега балтийские. В половине XVI века английские купцы заметили, что запрос на их товары в дальних и ближних странах уменьшается, цены их понизились, несмотря на то что английские купцы сами отвозили их в иностранные гавани, между тем как требования на иностранные товары увеличились, цены их возвысились чрезмерно. Это обстоятельство заставило сильно задуматься лучших граждан лондонских; они стали искать средств, как помочь горю, и остановились на том же самом, которое обогатило португальцев и испанцев – именно на открытии новых стран, новых торговых путей. После долгих совещаний с знаменитым мореплавателем Себастианом Каботою они решились отправить три корабля для открытия северных частей света и новых рынков для сбыта английских товаров. Составилась компания, каждый член которой должен был внести 25 фунтов

стерлингов; этим средством собрали 6000 фунтов, купили три корабля и отправили их в северные моря под начальством Гюга Уилльоуби и Ричарда Ченслера. Экспедиция отправилась 20 мая 1553 года; буря разнесла флот, и Ченслер на своем корабле «Edward Bonaventure» один достиг Вардегуза в Норвегии – места, где он условился соединиться с Уилльоуби. Но, потерявши семь дней в напрасном ожидании, он решился ехать далее и благодаря постоянному дню, царствовавшему в это время в полярных странах, скоро (24 августа) достиг большого залива, в котором заметил несколько рыбацких лодок; рыбаки, испуганные появлением большого, никогда не виданного ими прежде судна, хотели было убежать, но были схвачены и приведены пред Ченслера, который ободрил их ласковым приемом; после этого окрестные жители начали приезжать с предложением съестных припасов. Англичане узнали от них, что страна называется Россиею или Московиею и управляется царем Иваном Васильевичем, под властью которого находятся обширные земли. Русские в свою очередь спросили у англичан, откуда они. Те отвечали, что они посланы королем Эдуардом VI, должны доставить от него некоторые вещи царю, ищут они только дружбы государя русского и позволения торговать с его народом, от чего будет большая выгода и для русских, и для англичан. Между тем местное начальство – выборные головы холмогорские отписали к царю о прибытии иностранцев, спрашивая, что с ними делать. Царь отвечал, чтоб пригласили англичан приехать к нему в Москву, если же они не согласятся на такое долгое и трудное путешествие, то могут торговать с русскими. Но Ченслер не испугался долгого и трудного пути и отправился в Москву еще до прихода ответной грамоты царской; тщетно выборные головы откладывали день за днем его поездку под разными предлогами, все дожидаясь вестей из Москвы, Ченслер объявил им решительно, что если они не отпустят его в Москву, то он отплывет тотчас же назад в свою землю.

Прожив 13 дней в Москве, Ченслер позван был к государю, которого увидел сидящим на троне, с золотою короною на голове, в золотом платье, с богатым скипетром в руке; в наружности Иоанна Ченслер нашел величие, сообразное с его высоким положением. Прием и угощение Ченслера последовали по обычному церемониалу приема и угощения послов. Получив от Иоанна грамоту, содержащую благоприятный ответ на грамоту Эдуарда, в которой король просил у всех государей покровительства капитану Уилльоуби, Ченслер отправился в Англию, где уже не нашел в живых Эдуарда; наместо его царствовала Мария. От имени новой королевы и мужа ее, Филиппа Испанского, Ченслер явился снова послом в Москве в 1555 году; с ним приехали и двое агентов компании, составлявшейся для торговли с Россиею. Ченслер и товарищи его были приняты милостиво царем, после чего приступили к переговорам с дьяком Висковатовым и лучшими купцами московскими насчет будущей деятельности компании. Переговоры кончились тем, что англичане получили следующую льготную грамоту: 1) члены, агенты и служители компании имеют свободный путь всюду, везде имеют право останавливаться и торговать со всеми беспрепятственно и беспошлинно, также отъезжать во всякие другие страны; 2) ни люди, ни товары не могут быть нигде задержаны ни за какой долг или поруку, если сами англичане не суть главные должники или поручники, ни за какое преступление, если не сами англичане его совершили; в случае преступления англичанина дело выслушивает и решает сам царь; 3) англичане имеют полную свободу нанимать себе разного

рода работников, брать с них клятву в точном исполнении обязанностей, при нарушении клятвы наказывать и отсылать их, нанимать других на их место; 4) главный фактор, назначенный компаниею в Россию, управляет всеми англичанами, находящимися здесь, чинит между ними суд и расправу; 5) если кто-нибудь из англичан ослушается фактора, то русские, как правительственные лица, так и простые люди обязаны помогать ему приводить ослушника в повиновение; 6) обещается строгое и скорое правосудие английским купцам при их жалобах на русских людей; 7) если кто-нибудь из англичан будет ранен или убит в России, то обещается строгий и немедленный сыск, и преступник получит должное и скорое наказание в пример другим. Если случится, что служители купцов английских будут подвергнуты за какое-нибудь преступление смертной казни или другому наказанию, то имущество и товары хозяев их не могут быть отобраны в казну; 8) если англичанин будет арестован за долг, то пристав не может вести его в тюрьму, прежде нежели узнает, главный фактор или депутаты будут ли поручиками за арестованного? Если будут, то арестованный освобождается.

Ченслер отправился в Англию с русским послом Осипом Непеею; страшная буря застигла их у шотландских берегов; Ченслер утонул, но Непея спасся и достиг Лондона, где был принят с большим почетом королем, королевою и русскою компаниею. Филипп и Мария в благодарность за льготы, данные англичанам в Московском государстве, дали и русским купцам право свободно и беспошлинно торговать во всех местах своих владений, гуртом и в розницу, обещались, что возьмут их и имущество их под свое особенное покровительство, что им отведены будут в Лондоне приличные дома для складки товаров, также и в других городах английских, где окажется для них удобнее; если корабли их разбиты будут бурей, то товары спасаются в пользу владельцев без расхищения; русские купцы будут судиться верховным канцлером. Наконец, король и королева изъявили согласие на свободный выезд из Англии в Россию художников и ремесленников, вследствие чего Непея уже вывез многих мастеров, медиков, рудознатцев и других.

Глава четвертая

Опричнина

Причины неудовольствия между царем и Сильвестром. – Болезнь Иоанна и поведение некоторых вельмож во время ее. – Поездка в Кириллов монастырь. – Максим Грек. – Вассиан Топорков. – Бегство князя Семена Ростовского. – Разбор свидетельств об удалении Сильвестра и Адашева. – Казни. – Нравственная порча Иоанна. – Ссылка князей Курлятева и Боратынского. – Поручные записи. – Бегство Курбского в Литву и переписка его с Иоанном. – Впечатление, произведенное отъездом Курбского на царя. – Отъезд Иоанна из Москвы. – Учреждение опричнины. – Митрополит Филипп. – Гибель князя Владимира Андреевича. – Казни новгородские. – Сыскное изменное дело. – Духовное завещание Иоанна 1572 года. – Великий князь Симеон.

Прежде чем приступим к описанию развязки борьбы, начавшейся в Ливонии, мы должны обратить внимание на внутренние перемены, происшедшие при дворе московском, в отношениях царя к близким к нему людям.

Мы видели, какое сильное впечатление на восприимчивую, страстную природу Иоанна произвело страшное бедствие, постигшее Москву в 1547 году; сильная набожность, которая заметна в Иоанне во все продолжение его жизни, содействовала тому, что он так легко принял религиозные внушения от лица духовного, священника Сильвестра; с другой стороны, ненависть к вельможам, которою он напился во время малолетства, облегчала доступ к нему человеку, не принадлежавшему по происхождению своему и сану к вельможам; сам Иоанн говорит, что это именно побуждение заставило его приблизить к себе Сильвестра, то же побуждение заставило его облечь полную доверенностью и Адашева, человека относительно низкого происхождения. Привыкнув советоваться и слушаться Сильвестра в делах религиозных и нравственных, питая к нему доверенность неограниченную, царь не мог не советоваться с ним и в делах политических; но здесь-то, уже мимо всяких других отношений, необходимо было неприязненное столкновение между ними. Привыкнув требовать исполнения своих религиозных и нравственных советов от Иоанна как от частного человека, Сильвестр требовал исполнения и своих политических советов, тогда как царь не хотел своих государственных мыслей приносить в жертву тому уважению, которое питал к нравственным достоинствам Сильвестра; отсюда тягость, которую начал чувствовать Иоанн от притязаний последнего: например, Иоанн принял твердое намерение покорить Ливонию, это было намерение, которое сделалось после того постоянным, господствующим стремлением Иоанновых преемников, намерение, за которое Петр Великий так благоговел пред Иоанном, но против этого намерения восстали бояре и особенно Сильвестр; вместо покорения Ливонии они советовали царю покорить Крым; но мы говорили уже о неудобоисполнимости этого намерения. Иоанн отвергнул его и продолжал войну Ливонскую. Как же поступил Сильвестр в этом случае? Он стал внушать Иоанну, что все неприятности, которые после того его постигали, – болезни его самого, жены, детей – суть божие наказания за то, что он не слушался его советов, продолжал воевать с ливонцами. Бесспорно, что Сильвестр был вообще человек благонамеренный, муж строгого благочестия, что особенно и давало ему власть над набожным Иоанном; без сомнения, и против войны Ливонской он выставлял благовидные причины: вместо того, чтоб воевать с христианами, слабыми, безвредными, лучше воевать с неверными, беспрестанно опустошающими границы государства и т.п.; но в то же время как из знаменитого Домостроя его, так и из других известий мы видим, что это был человек, иногда предававшийся мелочам: так, взявшись управлять совестью, нравственным поведением молодого царя, он входил в этом отношении в ненужные подробности, что должно было также раздражать Иоанна. Природа последнего, бесспорно, требовала сильного сдерживания, но при этом сдерживании нужна была большая осторожность, нужна была мера.

Несмотря, однако, на неприятные столкновения по причине разности взглядов на дела политические, Иоанн, без сомнения, не поколебался бы в своей доверенности и привязанности к Сильвестру и Адашеву, если б продолжал верить в полную привязанность их к своей особе и к своему семейству. Но несчастный

случай заставил Иоанна потерять эту веру. В 1553 году, вскоре после возвращения из казанского похода, он опасно занемог; ему предложили (вероятно, братья царицы) написать духовную и взять клятву в верности сыну своему, младенцу Димитрию, с двоюродного брата, князя Владимира Андреевича Старицкого, и бояр. Удельный князь не замедлил выставить права свои на престол по смерти Иоанна, мимо племянника Димитрия, вопреки новому обычаю престолонаследия, за который так стояли все московские князья. Когда некоторые верные Иоанну и его семейству люди вооружились за это против Владимира, Сильвестр принял сторону последнего, а отец другого любимца Иоаннова, окольный Федор Адашев, прямо объявил себя против Димитрия, в пользу Владимира. Для объяснения этого явления припомним, что Сильвестр и Адашев, пользуясь неограниченной доверенностью царя в выборе людей, необходимо, если бы даже и не хотели того, должны были составить при дворе и во всех частях управления многочисленную и сильную партию людей, которые, будучи обязаны им своим возвышением, своими должностями, разделяли с ними их стремления: так, известно, что Иоанн, избирая какого-нибудь сановника духовного, посылал Сильвестра поговорить с ним, изведать его ум и нравы; в делах военных и гражданских такое же влияние на выбор людей имел Алексей Адашев. Многие из вельмож, князей, видя невозможность действовать самостоятельно при решительном отвращении к ним Иоанна, примкнули к числу советников Сильвестра и Адашева; быть может, последние сами пошли к ним навстречу, чтоб иметь для себя опору в этих все же стоявших на первом плане людях; очень вероятно, что Сильвестр и Адашев действовали тут по прежним отношениям, прежним связям: летописец прямо говорит о давней и тесной дружбе Сильвестра с удельным князем Владимиром Андреевичем; Иоанн в переписке своей с Курбским главным единомышленником Сильвестра называет князя Димитрия Курлятева, или Шкурлятева, которого мы видели прежде в числе соумышленников Шуйского; с него летописец начинает исчисление вельмож, восставших против Воронцова; любопытно также, что скоро после московских пожаров, когда влияние Сильвестра особенно усилилось, Иоанн женил родного брата своего, князя Юрия, на дочери князя Димитрия Палецкого, также одного из главных советников Шуйского и подвергавшегося за это прежде опале. Влияние Сильвестра и советников его могло встретить препятствие только в одном близком к царю семействе – Захарьиных-Юрьевых; отсюда ненависть советников Сильвестровых к царице Анастасии и ее братьям, ненависть, могшая вызвать и со стороны последних подобное же чувство. Советники Сильвестра сравнивали Анастасию с Евдокией, женою византийского императора Аркадия, гонительницею Златоуста, разумея под Златоустом Сильвестра; Курбский называет Захарьиных-Юрьевых клеветниками и нечестивыми губителями всего Русского царства. И вот в случае смерти царя и во время малолетства сына его правительницею будет Анастасия, которая, разумеется, даст большое влияние своим братьям; советники Сильвестра объявляют решительно, что они не хотят повиноваться Романовым и потому признают наследником престола князя Владимира Андреевича.

Оставшийся верным Иоанну князь Владимир Воротынский и дьяк Иван Михайлович Висковатый начали говорить удельному князю, чтоб не упрявился, государя бы послушал и крест целовал племяннику; князь Владимир Андреевич

сильно рассердился и сказал Воротынскому: «Ты б со мною не бранился и не указывал и против меня не говорил». Воротынский отвечал ему: «Я дал душу государю своему, царю и великому князю Ивану Васильевичу, и сыну его, царевичу князю Димитрию, что мне служить им во всем вправду; с тобою они ж, государи мои, велели мне говорить: служу им, государям своим, а тебе служить не хочу; за них с тобою говорю, а где доведется, по их приказанию и драться с тобою готов». И была между боярами брань большая, крик, шум. Больной царь начал им говорить: «Если вы сыну моему Димитрию креста не целуете, то, значит, у вас другой государь есть; а ведь вы целовали мне крест не один раз, что мимо нас других государей вам не искать. Я вас привожу к крестному целованию, велю вам служить сыну моему Димитрию, а не Захарьиным; я с вами говорить не могу много; вы души свои забыли, нам и детям нашим служить не хотите, в чем нам крест целовали, того не помните; а кто не хочет служить государю-младенцу, тот и большому не захочет служить; и если мы вам не надобны, то это на ваших душах». На это отозвался князь Иван Михайлович Шуйский; он придумал отговорку: «Нам нельзя целовать крест не перед государем; перед кем нам целовать, когда государя тут нет?» Прямее высказался окольный Федор Адашев, отец царского любимца; что было у него на душе больше, чем у других, то и вылилось: «Тебе, государю, и сыну твоему, царевичу князю Димитрию, крест целуем, а Захарьиным, Даниле с братьею, нам не служить; сын твой еще в пеленках, а владеть нами будут Захарьины, Данила с братьею; а мы уж от бояр в твое малолетство беды видали многие». И был мятеж большой, шум и речи многие во всех боярах: не хотят младенцу служить. Но к вечеру поцеловали крест Димитрию следующие бояре: князь Иван Федорович Мстиславский, князь Владимир Иванович Воротынский, Иван Васильевич Шереметев, Михайла Яковлевич Морозов, князь Дмитрий Палецкий, дьяк Иван Михайлович Висковатый; тут же поцеловали крест и Захарьины – Данило Романович и Василий Михайлович. Но трое князей – Петр Щенятев-Патрикеев, Семен Ростовский и Иван Турунтай-Пронский (сперва советник Шуйских, восстававший с ними вместе на Воронцова, потом отъезжик вместе с Глинским), – трое этих князей продолжали говорить: «Ведь нами владеть Захарьиным; и чем нами владеть Захарьиным и служить нам государю молодому, так мы лучше станем служить старому князю Владимиру Андреевичу». Окольный Солтыков донес, что князь Дмитрий Немого, едучи с ним по площади, говорил: «Бог знает, что делается! Нас бояре приводят к присяге, а сами креста не целовали, а как служить малому мимо старого? А ведь нами владеть Захарьиным». Царь велел написать целовальную запись, по которой приводить к присяге князя Владимира Андреевича; эта запись замечательна тем, что в ней право отъезда совершенно уничтожено: «Князей служебных с вотчинами и бояр ваших мне не принимать, также и всяких ваших служебных людей без вашего приказания не принимать никого». Когда князь Владимир пришел к Иоанну, то ему подали запись, и царь сказал ему, чтоб он дал на ней присягу; Владимир прямо отрекся целовать крест; тогда Иоанн сказал ему: «Знаешь сам, что станется на твоей душе, если не хочешь креста целовать; мне до того дела нет». Потом, обратившись к боярам, поцеловавшим крест, Иоанн сказал: «Бояре! Я болен, мне уж не до того; а вы, на чем мне и сыну моему Димитрию крест целовали, по тому и делайте». Бояре, поцеловавшие крест, начали уговаривать к тому же и других; но те отвечали им

жестокою бранью, «Вы хотите владеть, а мы вам должны будем служить; не хотим вашего владенья!» – кричали они. А между тем князь Владимир Андреевич и его мать собирали своих детей боярских и раздавали им жалованье. Присягнувшие бояре стали говорить Владимиру, что он и его мать поступают неприлично: государь болен, а они людям своим деньги раздают; Владимир сильно рассердился за это на бояр, а те стали его беречься, не стали часто пускать к больному государю. Тут услышали и Сильвестра, молчавшего до тех пор; он стал говорить присягнувшим боярам: «Зачем вы не пускаете князя Владимира к государю? Он государю добра хочет!» Бояре отвечали: «Мы дали присягу государю и сыну его, по этой присяге и делаем так, как бы их государству было крепче». С этих пор пошла вражда у присягнувших бояр с Сильвестром и его советниками.

На другой день Иоанн призвал всех бояр и начал им говорить, чтоб они присягали сыну его, царевичу Димитрию, и присягали бы в передней избе, потому что он очень болен и приводить их к присяге при себе ему очень тяжело; вместо себя он велел присутствовать при крестном целовании боярам – князьям Мстиславскому и Воротынскому с товарищами; присягнувшим боярам Иоанн сказал: «Вы дали мне и сыну моему душу на том, что будете нам служить, а другие бояре сына моего на государстве не хотят видеть; так если станется надо мною воля божия, умру я, то вы, пожалуйста, не забудьте, на чем мне и сыну моему крест целовали: не дайте боярам сына моего извести, но бегите с ним в чужую землю, куда бог вам укажет; а вы, Захарьины! Чего испугались? Или думаете, что бояре вас пощадят? Вы от них будете первые мертвецы; так вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали». Из последних слов видно, что Захарьины испугались сильного сопротивления враждебной стороны и царь должен был напомнить им, что их судьба тесно связана с судьбою царицы и царевича, что если они поддадутся требованиям противной стороны и признают царем Владимира вместо Димитрия, то и в таком случае пощажены не будут. Слова Иоанна о будущей судьбе своего семейства, когда Владимир сделается царем, испугали бояр, увидавших, какие мысли на душе у больного и к чему могут повести такие мысли, если больной выздоровеет. Испугавшись этих жестких слов, по выражению летописи, бояре пошли в переднюю избу целовать крест. Подошел князь Иван Турунтай-Пронский и, увидавши, что у креста стоит князь Воротынский, не удержался и поспешил выместить на нем то неприятное чувство, с каким давал присягу. «Твой отец, – сказал он Воротынскому, – да и ты сам после великого князя Василия первый изменник, а теперь к кресту приводишь!» Воротынский нашелся, что отвечать: «Я изменник, а тебя привожу к крестному целованию, чтобы ты служил государю нашему и сыну его, царевичу Димитрию; ты прямой человек, а государю и сыну его креста не целуешь и служить им не хочешь». Турунтай смутился, не нашел, что сказать на это, и молча присягнул. После всех присягнули князь Курлятев и казначей Фуников под предлогом болезни; но шли слухи, что они пересылались с князем Владимиром и его матерью, хотели возвести его на престол. Но как некоторые из присягнувших хотели выполнять свою присягу, показал князь Дмитрий Палецкий: присягнувши Димитрию прежде других, вместе с князьями Мстиславским и Воротынским, на лецкий, несмотря на то, послал сказать князю Владимиру Андреевичу и матери его, что если они дадут зятю его, царскому брату князю Юрию (не могшему по состоянию умственных способностей чем-либо

управлять), и жене его удел, назначенный в завещании великого князя Василия, то он, Палецкий, не будет противиться возведению князя Владимира на престол и готов ему служить. По известию одной летописи, бояре насильно заставили присягнуть князя Владимира Андреевича, объявивши ему, что иначе не выпустят из дворца; к матери его посылали трижды с требованием, чтоб и она привесила свою печать к крестоприводной записи. «И много она бранных речей говорила. И с тех пор пошла вражда, между боярами смута, а царству во всем скудость», – говорит летопись.

Иоанн выздоровел. Мы видели, какие чувства к боярам вынес он из своего малолетства; эти чувства высказываются ясно везде, при каждом удобном случае: в речи к собору архиерейскому, в речи к народу с Лобного места; сам Иоанн признается, что нерасположение к боярам заставило его приблизить к себе Адашева; Курбский говорит, что на третий день после взятия Казани, рассердившись на одного из воевод, Иоанн сказал: «Теперь оборонил меня господь бог от вас». Понятно, как должно было усилиться это враждебное чувство после болезни. Но всего более должны были поразить Иоанна бездействие, молчаливая присяга Алексея Адашева, явное сопротивление отца его Федора, явное заступничество Сильвестра за князя Владимира, слова, что последний добра хочет государю, подозрительное отсутствие князя Курлятева, самого приближенного к Сильвестру и Адашеву человека. Питая враждебное чувство к вельможам, не доверяя им, Иоанн приблизил к себе двоих людей, обязанных ему всем, на благодарность которых, следовательно, он мог положиться, и, что всего важнее, эти люди овладели его доверенностью не вследствие ласкательств, угождений: он не любил этих людей только как приятных слуг, он уважал их как людей высоконравственных, смотрел на них не как на слуг, но как на друзей, одного считал отцом. И эти-то люди из вражды к жене его и к ее братьям, не желая видеть их господства, соединяются с его врагами, не хотят видеть на престоле сына его, обращаются к удельному князю, двоюродному брату. Но Иоанн очень хорошо знал, какая участь ожидает его семейство при воцарении Владимира, который должен будет смотреть на маленького Димитрия, сына старшего брата и царя, как на самого опасного для себя соперника, а известно было, как московские князья, предки Иоанновы, отделялись от своих опасных соперников, от князей-родичей; у Владимира перед глазами была участь его отца и родного дяди, понятно, следовательно, почему Иоанн умолял верных бояр бежать с его женою и ребенком в чужие земли, умолял Захарьиных положить головы свои прежде, чем дать жену его на поругание боярам. Понятно, как Иоанн должен был смотреть на людей, ведших семейство его прямо к гибели, а в числе этих людей он видел Сильвестра и Адашева! Летопись справедливо говорит, что с тех пор пошла вражда, но летописец не говорит нам о непосредственном выражении этой вражды, о скорой мести: тяжелые чувства затаились пока на дне души, выздоровление, неожиданное, чудесное избавление от страшной опасности, располагало к чувству иному; радость, благодарность к богу противодействовали чувству мести к людям. С другой стороны, надобно было начать дело тяжелое, порвать все установившиеся уже отношения; тронуть одного значило тронуть всех, тронуть одного из приятелей Сильвестра и Адашева значило тронуть их самих, а это по прежним отношениям было очень трудно, к этому вовсе не были приготовлены; трудно было начать борьбу против вождей многочисленной

стороны, обступившей престол, не имея людей, которых можно было бы противопоставить ей, на которых можно было бы опереться; наконец, при явном, решительном действии что можно было выставить против Сильвестра и Адашева? Они не подавали голоса против Димитрия, в пользу Владимира Андреевича.

Иоанн дал обет во время болезни – по выздоровлении ехать на богомолье в Кириллов Белозерский монастырь и действительно в начале весны отправился в путь вместе с женою и сыном; но малютка на дороге умер. Один из самых значительных членов Сильвестровой стороны, Курбский, оставил нам любопытные известия об этой кирилловской поездке: здесь являются на сцену лица Василиева княжения, является Максим Грек, с одной стороны, и монах Иосифова Волоцкого монастыря – с другой, воскресают прежние отношения, прежняя борьба, ведшая начало от времен Иоанна III и Софии Палеолог. По свидетельству хранителей предания Патрикеевых и Ряполовских, молодой внук Софии для начатия последней кровавой борьбы с ними нуждался в совете ученика Иосифова, тогда как друг Вассиана Косого и жертва сына Софиина, Максим Грек, старался оказать единомышленникам Вассиана последнюю услугу, отвращая Иоанна от поездки в Кириллов монастырь, от свидания с учеником Иосифа Волоцкого. Мы несколько не ручаемся за достоверность известий князя Курбского, но эти известия драгоценны для нас как выражение сознания современников о живой связи между событиями и лицами.

Мы видели, что Максим Грек из Иосифова Волоцкого монастыря был переведен в Тверской Отроч, где с ним обходились лучше, но все ему, как еретику, не позволяли приобщаться святых таин; князь Петр Иванович Шуйский посетил Максима в его нужде, беседовал с ним; это заставило изгнанника обратиться к нему с письменною просьбою. «Я уже не прошу, писал Максим, – чтоб меня отпустили в честную и всем православным многожелаемую Святую гору: знаю сам, что такое прошение вам нелюбезно; одного прошу, чтоб сподобили меня приобщения святых таин». Потом в этом же послании Максим просит, чтоб ему прислали книг греческих, прибавляя, чтоб исполнили его просьбу для упокоения души великого князя Василия. Просьба эта осталась без исполнения. Максим обратился с нею к митрополиту Макарию; но, прося о святом причастии, Максим просит и о возвращении на Афон. Макарий разрешил ему ходить в церковь и приобщаться святых таин, для чего Максим написал два отвещательных слова, где очищал себя от обвинений в ереси; в заключение первого слова он говорит: «Если я прав, то покажите мне милость, избавьте от страданий, которые терплю я столько лет, да сподоблюсь молиться о благоверном самодержце великом князе Иване Васильевиче и о всех вас; если же не прав, то отпустите меня на Святую гору». Но на Святую гору его не отпустили, несмотря на просьбы об этом двух патриархов – константинопольского и александрийского. Максим сильно тосковал по духовной своей родине, по Афону: почти везде в сочинениях его, относящихся к этому времени, слышны жалобы на задержку, просьбы о возвращении. В поучении к молодому царю он писал: «Царь есть образ живой и видимый царя небесного; но царь небесный весь естеством благ, весь правда, весь милость, щедро всем. Цари греческие унижены были за их преступления, за то, что похищали имена подручников своих... Благовернейший царь! Молю преславную державу благоверия твоего, прости меня, что откровенно говорю полезное к утверждению богохранимой державы твоей и всех твоих светлейших вельмож. Должен я это

делать, с одной стороны, боясь участи ленивого раба, скрывшего талант господина своего, с другой – за многие милости и честь, которыми в продолжении 9 лет удостоивал меня, государь мой, приснопамятный отец твой, князь великий и самодержец всея Руси Василий Иванович; он удостоил бы меня и большей чести, если бы, по грехам моим, не поклепали ему меня некоторые небратолюбцы... Приняв слово мое с обычною тихостию твоею, даруй мне, рабу твоему и нищему богомольцу, возвращение на Святую гору!» В другом месте он обращается к Иоанну с такими словами: «Истинный царь и самодержец тот, кто правдою и благозаконием старается устроить житейские дела подручников своих, старается победить бессловесные страсти и похоти души своей, т.е. ярость, гнев напрасный... Разум не велит очи блудно наслаждаться чужими красотами и приклонять слух к песням непристойным и к клеветам, по зависти творимым...» Максим уже не говорит против обычая владеть духовенству селами, но вооружается на духовных, которые употребляют свое имение не на прокормление бедных, а на свое довольство и обогащение племянников и сродников; Максим увещевает царя прекратить это; в том же поучении говорит: «Да не прельщаем себя, думая одною долгою молитвою получить свыше помощь». Оканчивает намеком на свою судьбу: «Царь должен быть страннлюбив, заботиться, чтоб иностранцам, приходящим к нему, было хорошо». Беспорядки, бывшие во время малолетства Иоаннова, побудили Максима написать слово о Василии: «Шествую по пути жестокому и многих бед исполненному, нашел я жену, сидящую при пути, с преклоненною к коленам головою, горько стнящую и плачущую». Эта жена была Василия (власть, царство). «Владеющие мною, – говорила Василия Максиму, – должны быть крепостию и утверждением для сущих под рукою их людей, а не на губою и смятением беспрестанным». И в этом сочинении видим намек на судьбу автора: Максим хвалит Мельхиседека за страннлюбие.

Такова была деятельность Максима при Иоанне: гонения не заставили его переменить характер этой деятельности, скрыть талант господина своего, по его собственным словам, по-прежнему он обличал и поучал. По просьбам троицкого игумена Артемия Максим был переведен из Твери в Троицкий монастырь; здесь нашел его Иоанн, отправляясь на Белоозеро. Максим стал уговаривать его не ездить в такой далекий путь, особенно с женою и новорожденным ребенком: «Если ты и дал обещание ехать в Кириллов монастырь, чтоб подвигнуть святого Кирилла на молитву к богу, то обеты такие с разумом несогласны, и вот почему: во время казанской осады на ло много храбрых воинов христианских; вдовы их, сироты, матери обесчадевшие в слезах и скорби пребывают; так гораздо тебе лучше пожаловать их и устроить, утешить их в беде, собравши в свой царствующий город, чем исполнить неразумное обещание. Бог вездесущ, все исполняет и всюду зрит недремлющим оком; также и святые не на известных местах молитвам нашим внимают, не по доброй нашей воле и по власти над собою. Если послушаешься меня, то будешь здоров и многолетен с женою и ребенком». Но Иоанн никак не хотел оставить своего намерения. Тогда Максим чрез четырех приближенных к Иоанну людей, духовника Андрея, князя Ивана Мстиславского, Алексея Адашева и князя Курбского, автора рассказа, велел сказать ему: «Если не послушаешься меня, по боге тебе советуемого, забудешь кровь мучеников, избитых погаными за христианство презришь слезы сирот и вдовиц и поедешь с упрямством, то знай, что сын твой умрет на дороге».

Что касается слов Максима Иоанну о путешествии, то надобно заметить, что они вполне согласны со взглядом Максима, выраженным в его сочинениях. Как бы то ни было, Иоанн не послушался: из Троицкого монастыря поехал в Дмитров, а оттуда – в Песношский монастырь, где нашел другого заточенника. Вассиан Топорков, монах Иосифова Волоколамского монастыря, вследствие особенного расположения великого князя Василия к этому монастырю и лично к Вассиану был в 1525 году возведен на коломенскую епископию, оставался верен преданию своего монастыря, действовал заодно с митрополитом Даниилом, возбудил против себя ненависть людей, думавших одинаково с Патрикеевыми и Курбскими, и в 1542 году, тотчас после вторичного торжества Шуйских, должен был оставить епископию и удалиться в Песношский монастырь. Иоанн, помня, что Топорков был любим отцом его, зашел к нему в келью и спросил: «Как я должен царствовать, чтоб вельмож своих держать в послушании?» Вассиан прошептал ему на ухо такой ответ: «Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех; если так будешь поступать, то будешь тверд на царстве и все будешь иметь в руках своих. Если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им». Царь поцеловал его руку и сказал: «Если бы и отец мой был жив, то и он такого полезного совета не подал бы мне!» Так, по мнению Курбского с товарищами, должен был говорить монах Иосифова монастыря, любимец великого князя Василия, единомышленник митрополита Даниила; и догадка их могла быть справедлива; говорим – догадка, ибо шепчут на ухо не для того, чтоб другие слышали.

Курбский говорит, что от сатанинского силлогизма Топоркова произошла вся беда, то есть перемена в поведении Иоанна; но мы видим, что летописец более беспристрастный указывает начало беды в событиях, происходивших во время болезни Иоанновой, тогда как Курбский заблагорассудил умолчать об этих событиях. Оба показания, впрочем, могут быть легко соединены: Иоанн под впечатлением событий, происходивших во время болезни его, мог именно желать свидания с Вассианом, приверженцем отца его и противником вельмож, и теперь с особенным удовольствием мог слушать его беседы, которые, конечно, не могли клониться в пользу советников Сильвестровых. Но как бы то ни было, и Курбский не указывает на немедленные следствия совета Вассианова, сам говорит, что Иоанн и после свидания с Вассианом немало лет царствовал хорошо, хотя, с другой стороны, уже в 1554 году мы видим довольно значительное движение недовольных: в числе князей, не хотевших присягать Димитрию, был князь Семен Ростовский; в июле 1554 года побегал в Литву князь Никита Ростовский, был схвачен в Торопце и в допросе показал, что отпустил его в Литву боярин князь Семен Ростовский объявить королю, что он сам едет к нему с братьями и племянниками. Князь Семен был схвачен и показал, что хотел бежать от убожества и малоумства, скуден он разумом и добрыми делами, по-пустому изъедает царское жалованье и отцовское наследство. Люди его, призванные к допросу, показали, что он сносился с литовским послом Довойною, когда тот был в Москве, сам дважды виделся с ним, рассказывал ему, что говорилось в Думе насчет мира с Литвою, поносил государя, уговорился с Довойною и послал человека своего к королю за опасною грамотою. Князь Семен подтвердил все эти показания, утверждая, что все это делал от малоумства и что с ним хотели бежать

родственники его, князя Лобановы и Приимковы. Царь с боярами осудили его за дела и слова на смертную казнь и послали на позор вместе с товарищами, но митрополит с владыками и архимандритами отпросили его от смертной казни, и он сослан был на Белоозеро в тюрьму, а людей его распустили. Сам князь Семен извинялся малоумством, летописцы также не говорят о побуждениях его к отъезду, но само правительство объясняет эти причины в наказе послу, отправленному в Литву: «Если станут его спрашивать о деле князя Семена Ростовского, то говорить: пожаловал его государь боярством для отечества, а сам он недороден, в разуме прост и на службу не годится; однако захотел, чтоб государь пожаловал его наравне с дородными; государь его так не пожаловал, а он, рассердившись по малоумству, начал со всякими иноземцами говорить непригожие речи про государя и про землю, чтоб государю досадить; государь вины его сыскал, что он государя с многими землями ссорил, и за то велел его казнить. А станут говорить: с князем Семеном хотели отъехать многие бояре и дворяне? Отвечать: к такому дураку добрый кто пристанет? С ним хотели отъехать только родственники его, такие же дураки».

Иоанн жалуется в письме к Курбскому, что после этого Сильвестр с своими советниками держал князя Семена в великом береженье, помогал ему всякими благами, и не только ему, но и всему роду его. В 1560 году видим удаление Сильвестра и Адашева от двора. И удаление Сильвестра не много более уяснено в памятниках, как и появление его при Иоанне; о последнем свидетельствует Курбский, и свидетельствует, как мы видели, очень неудовлетворительно; о причинах удаления говорит он же и потом сам Иоанн в ответном письме к нему. Мы должны рассмотреть подробно оба эти свидетельства.

Когда царь, говорит Курбский, оборонился храбрыми воеводами своими от врагов окрестных, то платит оборонителям злом за добро. Как же он это начинает? Вот как: прежде всего отгоняет от себя двух преждепоименованных мужей, Сильвестра-пресвитера и Адашева, ни в чем перед ним не виноватых, отворивши оба уха презлым ласкателям своим, шурьям и другим с ними, которые заочно клеветали ему на этих святых мужей. Зачем же они это делали? Затем, да не будет обличена злость их, и да невозбранно будет им всеми нами владеть, суд неправедный судить, посулы брать и другие злости плодить, пожитки свои умножать. Что же они клеветают и шепчут на ухо? Тогда умерла у царя жена; вот они и сказали, что извели ее те мужи, Сильвестр и Адашев. Царь поверил. Услыхав об этом, Сильвестр и Адашев начали умолять то чрез письма, то чрез митрополита, чтобы дана была им очная ставка с клеветниками. «Не отрицаемся, – писали они, – и смерти, если будем обличены; но да будет суд явственный пред тобою и перед всею Думою твоею». Что же умышляют клеветники? Писем не допускают до царя, митрополиту запрещают и грозят, царю говорят: «Если допустишь их к себе на очи, то очаруют они тебя и детей твоих; притом все войско и народ любит их больше, чем тебя самого, побьют тебя и нас камнями. Но если даже этого и не будет, то свяжут тебя опять и покорят себе в неволю. Так они тебя до сих пор держали в оковах, по их приказу ты пил и ел и с женою жил, не давали они тебе ни в чем воли, ни в большом, ни в малом, не давали тебе ни людей своих миловать, ни царством своим владеть. Если б не они были при тебе и тебя не держали, как уздою, то ты бы уже мало не всею вселенною обладал. Теперь, когда ты отогнал их от себя, то пришел в свой разум,

отворил себе очи, смотришь свободно на все твое царство и сам един управляешь им». Царь хвалит совет, начинает любить советников, связывает себя и их клятвами, вооружаясь, как на врагов, на мужей неповинных и на всех добрых, добра хотящих ему и души за него полагающих. И что ж прежде всего делает? Собирает собор из бояр и духовенства, присоединяет прелюкавых некоторых монахов, Мисаила Сукина, издавна знаменитого злобою, Вассиана неистового и других, исполненных лицемерия и бесстыдства, сажает их близ себя, с благодарностию слушает их, клеветующих на святых. Что же делают на этом соборе? Читают вины вышесказанных мужей заочно. Митрополит говорит: «Надобно привести обвиненных сюда, чтоб выслушать, что они будут отвечать на обвинения». Все добрые были согласны с ним, но ласкатели вместе с царем завопили: «Нельзя этого сделать, потому что они ведомые злодеи и волшебники великие, очаруют царя и нас погубят, если придут». Итак, осудили их заочно. Сильвестра заточили на остров, что на Ледовитом море, в монастырь Соловецкий, лежащий на краю Корельского языка, в Лопи дикой. Адашев отгоняется от очей царских без суда в нововзятый город в Ливонии, назначается туда воеводою, но ненадолго: когда враги его услышали, что и там бог помогает ему, потому что многие города ливонские хотели поддаться ему по причине его доброты, то прилагают клеветы к клеветам, и царь приказывает перевести его в Дерпт и держать под стражею; через два месяца он занемог здесь горячкою и умер; тогда клеветники возопили к царю: «Изменник твой отравился». А Сильвестр-пресвитер еще прежде, чем изгнан был, – увидавши, что царь не по боге всякие вещи начинает, претил ему и наставлял много, но он отнюдь не внимал и к ласкателям ум и уши приклонил; тогда пресвитер, видя, что царь уже отвратил от него свое лицо, отошел в монастырь, во ста милях от Москвы лежащий, и там, постригшись в монахи, провоздал чистое житие. Но клеветники, услышав, что монахи тамошние держат его в чести, из зависти и из боязни, чтоб царь, услышав об этом, не возвратил его к себе, схвативши его оттуда, завели на Соловки, хвалясь, что собором осудили его.

Итак, по рассказу Курбского, сперва выходит, что дело началось отгнанием Сильвестра и Адашева, что это отгнание последовало по смерти царицы Анастасии вследствие клеветы в отраве; а потом вдруг узнаем, что Сильвестр еще прежде сам удалился и постригся в Кириллове Белозерском монастыре, что враги его потом из зависти и страха составили клевету, осудили заочно и отправили в Соловки; следовательно, дело началось не клеветою в отраве, а прежде: Сильвестр ушел, увидав, что царь отвратил от него лицо свое; что же заставило Иоанна отвратить лицо от Сильвестра, об этом Курбский не говорит и, перемешавши порядок событий как бы намеренно, поставивши позади то, что должно быть наперед, чтоб замять дело, обмануть читателя, удовлетворить его одною причиною, тогда как надобно было выставить две, лишил себя доверенности, показал, что или не умел, или не хотел объяснить причины нерасположения царя к Сильвестру, которое заставило последнего удалиться. Об Адашеве Курбский говорит, что он отгоняется от очей царских без суда, назначается в Феллин воеводою уже после смерти царицы Анастасии; но известно, что Адашев еще в мае 1560 года отправлен был в поход на Ливонию в третьих воеводах в большом полку.

Посмотрим, рассказ царя Иоанна не будет ли удовлетворительнее, причем прежде всего заметим, что царь, оправдывая свои жестокости, никогда не отрицает их; следовательно, мы имеем право полагаться на его слова. Вот что говорит он в письме к Курбскому, перечисляя вины Сильвестра и Адашева: «Видя измены от вельмож, мы взяли вашего начальника, Алексея Адашева, от гноища и сравнивали его с вельможами, ожидая от него прямой службы. Какими почестями и богатствами осыпали мы его самого и род его! Потом для духовного совета и спасения души взял я попа Сильвестра, думая, что он, предстоя у престола владычного, побережет души своей; он начал хорошо, и я ему для духовного совета повиновался; но потом он восхитился властью и начал совокупляться в дружбу (составлять себе партию), подобно мирским. Подружился он с Адашевым, и начали советоваться тайком от нас, считая нас слабоумными, мало-помалу начали они всех вас, бояр, в свою волю приводить, снимая с нас власть, частью равняя вас с нами, а молодых детей боярских приравнивая к вам; начали причитать вас к вотчинам, городам и селам, которые по уложению деда нашего отобраны у вас; они это уложение разрушили, чем многих людей к себе привязали. Единомышленника своего, князя Димитрия Курлятева, ввели к нам в синклитию и начали злой совет свой утверждать: ни одной волости не оставили, где бы своих угодников не посадили; втроем с Курлятевым начали решать и местнические дела; не докладывали нам ни о каких делах, как будто бы нас и не было; наши мнения и разумные они отвергали, а их и дурные советы были хороши. Так было во внешних делах; во внутренних же мне не было ни в чем воли: сколько спать, как одеваться – все было ими определено, а я был как младенец. Но разве это противно разуму, что в летах совершенных не захотел я быть младенцем? Потом вошло в обычай: я не смею слова сказать ни одному из самых последних его советников; а советники его могли говорить мне, что им было угодно, обращались со мною не как со владыкою или даже с братом, но как с низшим; кто нас послушается, сделает по-нашему, тому гонение и мука; кто раздражит нас, тому богатство, слава и честь, попробую прекословить – и вот мне кричат, что и душа-то моя погибнет, и царство-то разорится. И такое утеснение увеличивалось не день ото дня, но час от часу. Когда мы с христианскою хоругвиею двинулись на безбожный язык Казанский, получили над ним победу и возвращались домой, то какое доброхотство оказали нам люди, которых ты называешь мучениками? Как пленника, посадивши в судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и неверную землю! Когда по возвращении в Москву я занемог, то доброхоты эти восшатались, как пьяные, с Сильвестром и Адашевым, думая, что нас уже нет, забыв благодеяния наши и свои души, потому что отцу нашему целовали крест и нам, что, кроме наших детей, другого государя себе не искать; хотели воцарить далекого от нас в колене князя Владимира, а младенца нашего погубить, воцарив князя Владимира. Если при жизни нашей мы от своих подвластных насладились такого доброхотства, то что будет после нас? Когда мы выздоровели, Сильвестр и Адашев не переменили своего поведения: на доброжелателей наших под разными видами умышляли гонения, князю Владимиру во всем потакали, на царицу нашу Анастасию сильную ненависть воздвигли, уподобляя ее всем нечестивым царицам, а про детей наших тяжело им было и вспомнить. Когда князь Семен Ростовский изменил и мы наказали его с милостию, то Сильвестр с вами, злыми советниками своими, начал его держать в великом бережении и помогать ему

всяким добром, и не только ему, но и всему роду его. Таким образом, изменникам нашим было хорошо, а мы терпели притеснение; в одном из этих притеснений и ты участвовал: известно, что вы хотели судить нас с Курлятевым за Сицкого. Началась война с ливонцами; Сильвестр с вами, своими советниками, жестоко на нас за нее восставал: заболел ли я, или царица, или дети – все это, по вашим словам, было наказание божие за наше непослушание к вам. Как вспомню этот тяжкий обратный путь из Можайска с больною царицею Анастасиею? Единого ради малого слова непотребна. Молитвы, путешествия по святым местам, приношения и обеты ко святыне о душевном спасении и телесном здравии – всего этого мы были лишены лукавым умышленным; о человеческих же средствах, о лекарствах во время болезни и помину никогда не было. Пребывая в таких жестоких скорбях, не будучи в состоянии сносить такой тягости, превышающей силы человеческие, и сыскав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, мы наказали их милостиво: смертною казнию не казнили никого, но по разным местам разослали. Поп Сильвестр, видя своих советников в опале, ушел по своей воле, и мы его отпустили не потому, чтобы устыдились его, но потому, что не хотели судить его здесь: хочу судиться с ним в будущем веке, пред агнцем Божиим; а сын его и до сих пор в благоденствии пребывает, только лица нашего не видит. А мирских людей мы наказали по их измене: сначала смертною казнию не казнили никого; но всем приказано было отстать от Сильвестра и Адашева, не иметь с ними сообщения, в чем и взята была со всех присяга; но советники их, которых ты называешь мучениками, приказ наш и крестное целование вменили ни во что, не только не отстали от изменников, но и больше начали им помогать и всячески промышлять, чтобы их в первый чин возвратить и составить на нас лютейшее умышление, и так как злоба обнаружилась неутолимая, то виновные по своей вине суд и приняли».

В этом рассказе нас не останавливает никакая запутанность или противоречие: причина и постепенность действия ясны. Иоанн сам объявляет, что нерасположение к вельможам заставило его приблизить к себе Адашева, человека относительно низкого происхождения; для совета духовного, для нравственного руководства приближен был священник Сильвестр, более всех других к тому способный; относительно внутренней, нравственной жизни подчинение Сильвестру было полное; но Сильвестр, соединясь с Адашевым, составив себе многочисленную и сильную партию, захотел полного подчинения во всем: несогласие Иоанна с Сильвестром и его советниками выставлялось как непослушание велениям Божиим, за которым непосредственно следуют наказания; во время болезни царя Сильвестр, отец Адашева и приятели их действовали так, что заставили Иоанна разувериться в их расположении к нему и его семейству, возбудили или усилили нерасположение к себе царицы и ее братьев и сами не скрывали своего нерасположения к ним. Последнее столкновение, на котором остановился Иоанн при перечислении своих оскорблений, поместил он во время обратного пути из Можайска с больною Анастасиею: «Како же убо воспомяну я же во царствующий град с нашею царицею Анастасиею, с немощною, от Можайска немилостивное путное прохождение? Единого ради малого слова непотребна». Известие это, лишенное подробностей, для нас темно, как известие о деле с Курлятевым и Сицким и многие другие намеки, делаемые Иоанном в переписке его с Курбским; но последнее выражение ясно указывает на

столкновение Сильвестра и Адашева или советников их с Анастасиею: «За одно малое слово с ее стороны явилась она им негодна; за одно малое слово ее они рассердились». Это столкновение, как видно, было последним, решительным в борьбе; время путешествия Иоанна с больною женою нам известно: это было в ноябре 1559 года, весною видим уже Адашева в почетной ссылке при войске, отправлявшемся в Ливонию; в это же время должен был удалиться и Сильвестр. Любопытно и тут видеть остаток того нравственного влияния, которым пользовался Сильвестр над Иоанном, последний выставляет более виновным Адашева: «Сыскав измены собаки Алексея Адашева со всеми его советники». Сильвестр удаляется добровольно; Иоанн повторяет, что он не сделал ему никакого зла, что не хочет судить его, а будет судиться с ним перед судом Христовым; невоздержный на бранные выражения, Иоанн в переписке с Курбским позволяет себе только одно бранное выражение насчет Сильвестра: помня столкновения свои с последним в совете о делах политических, позволяет себе называть Сильвестра невеждою. Очень важно известие, находимое у Иоанна, – известие о постепенности в опалах: сперва удаление некоторых; взятие с оставшихся клятвы не сообщаться с удаленными; но клятва не соблюдается, советники Сильвестра и Адашева стараются возратить им прежнее значение, и следуют казни. Действительно, трудно предположить, чтоб многочисленная и сильная сторона Сильвестра и Адашева осталась спокойною зрительницею своего падения, не старалась возратить себе прежнего положения, чего могла достигнуть только чрез возвращение Сильвестру и Адашеву их прежнего значения. Это известие тем вероятнее, что объяснения перевода Адашева из Феллина в Дерпт и Сильвестра из Кириллова в Соловецкий монастырь, объяснения, которые сообщает нам Курбский, очень невероятны: Адашеву хотели сдаваться ливонские города, Сильвестра кирилловские монахи держали в большом почете – и это возбудило зависть, опасения во врагах их! Наконец, очень важно, что Иоанн при исчислении вин Сильвестра и Адашева ни слова не упоминает об обвинении в отраве Анастасии и тем опять подрывает достоверность известия Курбского, будто обвинение в отраве царицы, которое придумали враги Сильвестра и Адашева и которому поверил Иоанн, было началом опалы. Если б Иоанн действительно поверил отраве, если б это был главный пункт обвинения, то что могло помешать ему выставить его в послании к Курбскому? Только во втором послании, желая ответить на упрек в потере нравственной чистоты, Иоанн обращается к Курбскому с вопросом: «А зачем вы разлучили меня с женою? Если б вы не отняли у меня мою юницу, то Кроновых жертв и не было бы. Только бы на меня с попом не стали, то ничего бы и не было: все учинилось от вашего самовольства». Таким образом, то, что у Курбского является на первом плане, о том сам Иоанн вовсе сначала не упоминает, а потом упоминает мимоходом, в очень неопределенных выражениях, чтоб только чем-нибудь оправдаться в упреке за нравственные беспорядки; это различие легко объясняется тем, что Иоанн не считал для себя нужным скрывать главные причины событий – борьбы с Сильвестром, Адашевым и советниками их за власть, что повело к удалению этих лиц, и потом движение стороны Сильвестра и Адашева для возвращения своим вождям прежнего значения, что повело к дальнейшим опалам и казням, тогда как Курбскому хотелось скрыть обе причины;

для этого он перемешал события: что нужно было поставить впереди, поставил сзади, и выставил причину ненастоящую.

Иоанн не отрицает казней, последовавших за открытием движения советников Сильвестра и Адашева в пользу последних. Следовательно, имеем право принять показание Курбского о казни одной вдовы, Марии Магдалины, с пятью сыновьями; вдова эта была родом полька и приняла в Москве православие; по словам Курбского, ее обвиняли в связи с Адашевым и в чародействе; Курбский превозносит ее христианскую жизнь; тогда же казнены были родственники Адашева: брат Данила с двенадцатилетним сыном и тестем Туровым, трое братьев Сатиных, которых сестра была за Алексеем Адашевым, наконец, родственники Адашевых – Иван Шишкин с женою и детьми. Мы не можем только ручаться за известия Курбского во всей их полноте: например, не знаем, действительно ли Данила Адашев был казнен вместе с двенадцатилетним сыном. На основании признаний самого Иоанна имеем право принять известие Курбского и других современников о порче нравственности Иоанновой, происшедшей в это время; мы видели, как начало порчи положено было в молодых годах его; брак, впечатление, произведенное пожарами, влияние Сильвестра и Адашева повели к успокоению страстей, к очищению души, но скоро Иоанн опять стал волноваться подозрением и гневом вследствие поведения Сильвестра и советников его во время болезни своей, вследствие образования при дворе двух сторон, вследствие вражды Сильвестра и стороны его к Анастасии; наконец Сильвестр и Адашев удалились, но советники их оставались и действовали для возвращения себе прежнего значения; надобно было действовать против них, употреблять наказания, опять возвращалась страшная эпоха Шуйских, Кубенских и Воронцовых; около Иоанна образовалась пустота: люди, к которым он привык, которых любил и, что всего важнее, которых уважал, исчезли или, что еще хуже, стали поодаль, во враждебном положении, с укором на устах и во взорах; к новым людям, занявшим их место, не чувствовалось уважения; в это время новый удар: Иоанн овдовел, остался совершенно одинок, остался один на один с своими страстями, требовавшими немедленного удовлетворения, а природа Иоанна мешала ему останавливаться при удовлетворении страстей; при впечатлительности, страстности, увлекательности природы Иоанновой переходы от зла к добру и от добра ко злу были очень скоры. Как следствия порчи нравственной выставляют две казни: казнь князя Михайлы Репнина и князя Дмитрия Овчинина. Иоанн, по словам Курбского, призвал Репнина на пир, желая привязать его к себе; когда все общество, развеселившись, надело маски и начало плясать, Репнин стал со слезами говорить Иоанну, что христианскому царю неприлично это делать; Иоанн в ответ надел на него маску, говоря: «Веселись, играй с нами!» Репнин сорвал маску, растоптал ее и сказал: «Чтоб я, боярин, стал так безумствовать и бесчинствовать!» Иоанн рассердился и прогнал его, а чрез несколько дней велел убить его в церкви подле алтаря, во время чтения евангельского; в ту же ночь велел убить князя Юрия Кашина, когда тот шел в церковь к заутрене: убили его на самой церковной паперти. Причины этого последнего убийства Курбский не объявляет. Мы сочли себя вправе упомянуть здесь об этих казнях потому, что Курбский в первом послании своем к царю уже говорит: «Зачем ты святую кровь воевод своих в церквах божиих пролил, зачем мученическою их кровью пороги церковные обагрил?» Иоанн в ответе, не отрицая казней, говорит, однако: «Крови

в церквах никакой мы не проливали и порогов церковных кровью не обагрjali». Молодой князь Дмитрий Оболенский-Овчинин, племянник любимца великой княгини Елены, казнен был по одному известию за то, что поссорился с молодым Федором Басмановым, любимцем Иоанна, и сказал ему: «Я и предки мои служили всегда с пользою государю, а ты служишь гнусною содомиєю». Но молчание Курбского о причине казни Овчинина заподозривает приведенное известие; Курбский также противоречит его автору относительно того, как убит был Овчинин.

Самым близким человеком к Сильвестру и Адашеву из бояр был князь Дмитрий Курлятев; его с женою и дочерью сослали в монастырь. Курбский говорит, что их всех постригли насильно, дочерей-младенцев, а через несколько лет удавили. Князь Михайла Воротынский с семейством сослан был на Белоозеро; до нас дошли известия, как содержались эти опальные вельможи; в конце 1564 года приставы, отправленные при Воротынских, писали, что в прошлом году не дослано было ссыльным двух осетров свежих, двух севрюг свежих, полпуда ягод винных, полпуда изюму, трех ведер слив; велено было дослать; князь Михаил бил челом, что ему не прислали государева жалованья: ведра романей, ведра рейнского вина, ведра бастру, 200 лимонов, десяти гривенок перцу, гривенки шафрану, двух гривенок гвоздики, пуда воску, двух труб левашных, пяти лососей свежих; деньгами шло князю, княгине и княжне 50 рублей в год, людям их, которых было 12 человек, 48 рублей 27 алтын. Мы не знаем, в чем обвинялись эти лица, подвергшиеся смертной казни или заключению, но знаем, в чем обвинялись некоторые вельможи, подвергшиеся было опале, но прощенные. В 1561 году взято письменное обещание не отъезжать с князя Василия Михайловича Глинского, который проступил. В 1562 году 29 человек поручились по князе Иване Дмитриевиче Бельском, что ему не отъехать ни в какие государства, ни в уделы, и за этих поручников поручилось еще 120 человек; но в том же году тот же Иван Дмитриевич Бельский уже снова бил челом за свою вину, что «преступил крестное целование и, забыв жалованье государя своего, изменил, с королем Сигизмундом-Августом ссылался, грамоту от него себе опасную взял и хотел бежать от государя своего». Несмотря на это, государь «холопа своего пожаловал, вины ему отдал». В записи Бельский обещается: «Служить мне государю своему и потом сыну его большому, который на государстве будет. А которые дети государя моего на уделах будут, мне к ним не отъехать; также мне к удельным князьям ни к кому не отъехать». В следующем, 1563 году Бельский с шестью другими боярами выручал другого отъезжика, князя Александра Ивановича Воротынского; за поручников поручилось по обыкновению еще 56 человек. В следующем, 1564 году выручен был Иван Васильевич Шереметев также двойным ручательством. Курбский пишет, что Иоанн мучил Шереметева, допытываясь, где его богатство. Шереметев отвечал, что «оно руками нищих перенесено в небесное сокровище, ко Христу». Иоанн умилился, велел снять с него тяжелые оковы и перевести в тюрьму более сносную, но в тот же день велел удавить брата его Никиту. Но известие, особенно о смерти Никиты Шереметева, сомнительно; что же касается до Ивана Шереметева, то известно, что, давши запись, он долго оставался на прежнем месте и потом постригся в Кириллово-Белозерском монастыре; мы видели его советником Шуйских, деятельным участником в свержении князя Ивана Бельского.

Вельможам, находившимся в Москве, трудно было отъехать; легче было сделать это воеводам, находившимся на границах, в Ливонии; этим удобством воспользовался один из самых знаменитых воевод, князь Андрей Михайлович Курбский, и отъехал в Литву, к королю Сигизмунду-Августу, который принял его с честью. Курбский был в числе самых близких советников Сильвестра и Адашева, но, как видно из его собственных показаний, до конца 1559 года пользовался особенным расположением Иоанна; отправляя его в это время вторично в Ливонию, царь говорил ему: «Я принужден или сам идти против ливонцев, или тебя, любимого моего, послать: иди и послужи мне верно». Но эти отношения Курбского к царю должны были скоро перемениться вследствие удаления Сильвестра и Адашева, потом опал и казней родственников и друзей их. По некоторым известиям, неудачная битва Курбского с литовцами под Невелем заставила его опасаться гнева Иоаннова и отъехать. Курбский в письме к Иоанну так говорит о причинах отъезда: «Какого зла и гонения от тебя не претерпел я! Каких бед и напастей на меня не воздвиг ты? Каких презлых лжесплетеней не взвел ты на меня! Приключившихся мне от тебя различных бед нельзя рассказать по порядку за множеством их. Не упрощил я тебя умиленными словами, не умолил я тебя многослезным рыданием, не исходатайствовал от тебя никакой милости архиерейскими чинами». Иоанн отвечает ему: «Зачем ты за тело продал душу? Побоялся смерти по ложному слову своих друзей? От этих бесовских слухов наполнился ты на меня яростию! Ты за одно слово мое гневное душу свою погубил». Но в другом месте Иоанн пишет: «Зла и гонений без причины от меня ты не принял, бед и напастей на тебя я не воздвигал; а какое наказание малое и бывало на тебе, так это за твое преступление, потому что ты согласился с нашими изменниками; а ложных обвинений, измен, в которых ты не виноват, я на тебя не взводил, а которые ты проступки делал, мы по тем твоим винам и наказание чинили. Если ты наших опал за множеством их не можешь перечесать, то как вся вселенная может исписать ваши измены?» и проч. Из этого уже видно, что дело пошло не из-за одного слова гневного, что Курбский действительно подвергся опале, претерпел наказание за свою связь с Сильвестром и Адашевым: «потому что ты согласился с нашими изменниками»; в чем могло состоять наказание воеводе неотозванному, продолжавшему начальствовать войсками? Быть может, в отобрании части имущества. Наконец, гневное слово за Невельскую битву могло быть решительным побуждением для Курбского к бегству, ибо из слов Иоанновых видно, что приятели Курбского дали знать ему об этом гневе и дали знать в том смысле, что ему грозит смерть. Из подробностей о бегстве Курбского мы знаем, что он получил два письма: одно – от короля Сигизмунда-Августа, другое – от сенаторов, Николая Радзивилла, гетмана литовского, и Евстафия Воловича, подканцлера литовского. В этих письмах король, гетман и подканцлер приглашали Курбского оставить Московское государство и приехать в Литву. Потом Курбский получил еще от короля и Радзивилла грамоты: король обещал ему свои милости, Радзивилл уверял, что ему дано будет приличное содержание. Курбский отправился в Литву, когда получил от короля опасную грамоту и когда сенаторы присягнули, что король исполнит данные ему обещания. Известный литовский ученый Волан, восхваляя своего благодетеля гетмана Радзивилла, между другими важными заслугами его приводит и то, что по его стараниям Курбский из врага Литвы стал ее знатным обывателем.

Курбский принадлежал к числу образованнейших, начитаннейших людей своего времени, не уступал в этом отношении Иоанну: быть может, одинакая начитанность, одинакая страсть к книгам и служила прежде самой сильной связью между ними. Курбский не хотел отъехать молча, молча расстаться с Иоанном: он вызвал его на словесный поединок; Иоанн по природе своей не мог удержаться и отвечал. Началась драгоценная для истории переписка, ибо в ней высказались не одни только личные современные отношения противников, в ней высказались родовые предания, в ней вскрылась историческая связь явлений. Кроме писем к Иоанну Курбский в Литве написал еще сочинение о современных событиях с целью оправдать, возвеличить свою сторону и обвинить во всем Иоанна; сочинение это имеет для нас такое же значение, как и переписка с царем.

Мы видели, что главное неудовольствие князей и потомков прежней дружины на новый порядок вещей состояло в том, что московские государи перестали соблюдать древний обычай ничего не делать без совета с дружиною. За это негодовали особенно на великого князя Василия Иоанновича; советник последнего, епископ Вассиан Топорков, советует то же самое и сыну Василиеву, Иоанну. Рассказав о передаче этого правила, этого предания отцовского и дедовского чрез Вассиана Иоанну, Курбский восклицает: «О глас воистину дьявольский, всякие злости, презорства и забвения исполненный! Ты забыл, епископ! Что написано во второй книге Царств; когда Давид советовался с своими вельможами, желая исчислить народ израильский, и все вельможи советовали не считать, а царь не послушал советников своих, ты забыл, : какую беду навел бог за непослушание синклитскому совету? Чуть весь Израиль не погиб! Ты забыл, что принесли безумному Ровоаму гордость и совет юных и презрение совета старших?» Приведши многие другие места Св. Писания в подтверждение этой мысли, Курбский выражает ее так: «Если царь и почтен царством, но так как он не может получить от бога всех дарований, то должен искать доброго и полезного совета не только у советников своих, но и у простых людей, потому что дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной; не зрит бог на могущество и гордость, но на правость сердечную и дает дары, сколько кто вместит добрым произволением». Потом Курбский хвалит Иоанна III, который совершил великие подвиги только потому, что слушался советников своих; в другом месте Курбский называет Иоанна III злым тираном, истребителем родственников и дружины; но ни Курбский, ни Иоанн IV не обращали внимания на такие противоречия, очень естественные у людей, пишущих под влиянием страсти и стремящихся во что бы то ни стало защищать свою основную мысль. Курбский не забывал, что он потомок князей ярославских и смоленских: говоря о вельможах, на дших жертвами Иоанна IV, отца его и деда, Курбский не преминет прибавить их родословную, не преминет сказать, что то были благородные княжата, потомки таких-то и таких-то князей; в одном из писем к царю Курбский говорит: «Не знаю, чего еще у нас хочешь? Не только единоплеменных князей, потомков Владимира Великого, ты различными смертями поморил и отнял имущества движимые и недвижимые, чего еще дед и отец твои не успели разграбить, по могу сказать, что и последних срациц твоему прегордому и царскому величеству мы не возбранили». Из этих слов видно, что в уме Курбского деятельность Иоанна IV представлялась окончанием деятельности отца и деда, окончанием борьбы государей московских с князьями единоплеменными; из этих

же слов видно, что потомкам князей не нравился новый титул царя, принятый Иоанном, потому что этот титул выделял московского государя из среды остальных князей единоплеменных; Курбский сопоставляет слова так: «Твоему прегордому и царскому величеству». Но всего лучше выражаются чувства, которые потомки князей питали к государям московским, в следующих словах Курбского; оправдываясь в обвинении, что участвовал в отравлении царицы Анастасии и в умысле возвести на престол удельного князя Владимира Андреевича, Курбский пишет: «Хотя я много грешен и недостойн, однако рожден от благородных родителей, от племени великого князя смоленского Федора Ростиславича; а князя этого племени не привыкли свою плоть есть и кровь братий своих пить, как у некоторых издавна ведется обычай: первый дерзнул Юрий московский в Орде на святого великого князя Михаила тверского, а за ним и прочие; еще у всех на свежей памяти, что сделано с углицкими и с ярославскими и другими единокровными, как они всеродно были истреблены – слышать тяжело, ужасно! От груди материнской оторвавши, в мрачных темницах затворили и поморили; а внуку тому блаженному и присновенчанному (Димитрию) что сделано? А твоя царица мне, убогому, ближняя родственница. Вспоминаешь о Владимире-брате, будто мы его хотели на царство: я об этом и не думал, потому что он был недостойн, но я еще тогда угадал грядущее твое мнение на меня, когда ты насильно взял сестру мою за этого своего брата в этот ваш издавна кровопийственный род».

Мы видели, что московские великие князья, начиная с Иоанна III, признавая даже право отъезда за боярами и слугами вольными, старались, однако, удержать их от пользования этим правом посредством клятвенных записей и поручительств. Как смотрели сами князья и потомки старых дружинников на эти «проклятыя» грамоты, которыми они принуждались отречься от своего драгоценного права, видно из следующих слов Курбского: «Ты называешь нас изменниками, потому что мы принуждены были от тебя поневоле крест целовать, как там, есть у вас обычай, а если кто не присягнет, тот умирает горькою смертию; на это тебе мой ответ: все мудрецы согласны в том, что если кто присягнет поневоле, то не на том грех, кто крест целует, но преимущественно на том, кто принуждает, если б даже и гонения не было; если же кто во время прелютото гонения не бегаёт, тот сам себе убийца, противящийся слову господню: „Аще гонят вас во граде, бегайте в другой“; образ тому господь бог наш показал верным своим, бегая не только от смерти, но и от зависти богоборных жидов». Мы видели, что Иоанн, с малолетства озлобленный на вельмож, доверял более дьякам, как людям новым, без старинных преданий и притязаний; при нем дьяки заведовали не только письменными и правительственными делами, но являются даже воеводами, как, например, Выродков и Ржевский; конечно, это не могло нравиться Курбскому, и он вот что говорит о дьяках: «Князь великий очень верит писарям, которых выбирает не из шляхетского рода, не из благородных, а преимущественно из поповичей или из простого всенародства, а делает это из ненависти к вельможам своим». Но касательно отъезда и дьяков, кроме Курбского, мы имеем еще свидетельство двоих других отъезжиков: это письмо стрелецкого головы Тимофея Тетерина и Марка Сарыгозина к дерптскому наместнику Морозову. Тетерин, подпавший опале, постриженный в монахи, убежал из монастыря в Литву; на укорительное письмо воеводы Морозова к князю Полубенскому Тетерин и Сарыгозин отвечали

следующее: «Называешь ты нас изменниками несправедливо; мы бы и сами, подобясь собаке, умели напротив лаять, да не хотим так безумствовать. Были бы мы изменниками, если бы, не претерпевши малые скорби, побежали от государева жалованья, а то и так виноваты, что долго не исполняли Христова слова и апостольского и не бежали от гонителя, а побежали уже от многих нестерпимых мук и от поругания ангельского образа. Ты, господин, бойся бога больше, чем гонителя, и не зови православных христиан, без правды мучимых и прогнанных, изменниками. Твое честное Юрьевское наместничество не лучше моего Тимохина чернечества: был ты пять лет наместником в Смоленске, а теперь тебя государь пожаловал наместничеством Юрьевским с пригородами, жену у тебя взял в заклад, а доходу тебе не сказал ни пула; велел тебе две тысячи проесть, занявши, а Полукашину заплатить нечем; невежливо молвить: чай, не очень тебе и верят! Есть у великого князя (и Тетерин не хочет называть Иоанна царем) новые доверенные люди – дьяки, которые его половиною кормят, а большую себе берут, которых отцы вашим отцам в холопы не годились, а теперь не только землею владеют, но и головами вашими торгуют. Бог за грехи у вас ум отнял, что вы над женами и детками своими и над вотчинами головы кладете да и их губите. Смеем, государь, спросить: каково тем женам и деткам, у которых мужей и отцов различными смертями побили без правды?»

Теперь обратимся к ответам Иоанна IV. Прежде всего он говорит о своем праве на самодержавный престол, праве древнем, неизменном, неутраченном: «Самодержавства нашего начало от святого Владимира: мы родились на царстве, а не чужое похитили». Это право свое он противопоставляет устарелому, утраченному праву Курбского на княжество Ярославское. Так как основное положение Курбского состоит в том, что царь должен советоваться с боярами, что при Иоанне и прежде тогда только было все хорошо, когда слушались этих советов, и все пошло дурно, когда Иоанн удалил советников и стал управлять сам, то, наоборот, основное положение Иоанна – царь не должен находиться ни под чьим влиянием: «Эта ли совесть прокаженная – свое царство в своей руке держать, а подданным своим владеть не давать? Это ли противно разуму – не хотеть быть обладаемому подвластными? Это ли православие пресветлое – быть обладаемому рабами? Русские самодержцы изначала сами владеют всем царством, а не бояре и вельможи». Как защитник нового порядка вещей, как потомок государей московских, Иоанн в ответ потомку ярославских князей высказывает цель своего правления и превосходство нового порядка вещей. Приводя слова апостола Павла, царь сравнивает старую и новую Русь с Ветхим и Новым заветом: «Как тогда вместо креста было потребно обрезание, так и вам вместо царского владения потребно самовольство. Тщуся с усердием людей на истину и на свет наставить, да познают единого истинного бога, в троице славимого, и от бога данного им государя, а от междоусобных браней и строптивного жития да престанут, которыми царство растлевается. Ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобные брани не прекратятся. Неужели это сладко и свет – от добра удалиться и зло творить междоусобными бранями и самовольством?» Таким образом, Иоанн дошел до самого высокого понятия о царской власти: «Истина и свет для народа – в познании бога и от бога данного ему государя». Этому понятию он дает историческую опору: междоусобия, терзавшие землю, прекратились с утверждением единовластия и самодержавия; следствия

неповиновения – усобицы. При таком высоком понятии о значении царя Иоанн чувствовал, что ответ его на письмо Курбского, изменившего подданного, есть недостойная царя слабость; но он был человек чувства и потому не выдержал, отвечал; раскаяние в этой слабости видно из некоторых слов: «До сих пор русские владетели не давали отчета никому, вольны были подвластных своих жаловать и казнить, не судились с ними ни перед кем; и хотя неприлично говорить о винах их, но выше было сказано». На обвинение в жестокости царь отвечает: «Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их также вольны». На обвинение в облыгании своих подданных изменою отвечает: «Если уж я облыгаю, то от кого же другого ждать правды? Для чего я стану облыгать? Из желания ли власти подданных своих или рублища их худого, или мне припала охота есть их?»

Курбский принадлежал к стороне Сильвестра, укорял Иоанна особенно за удаление последнего. Иоанн отвечает на этот укор: «Ты считаешь светлостию благочестивою, когда царство обладаетя попом-невеждою? Но всякое царство, обладаемое попом, разоряется. Тебе чего хотелось? Того же, что случилось в Греции? Эту погибель и нам советуешь?» Курбский, защищая свое мнение о необходимости совета, выбирал примеры из Св. Писания; Иоанн не менее Курбского изучил этот источник примеров и отвечает своему сопернику: «Вспомни, что бог, изводя Израиля из работы, поставил не священника владеть людьми и не многих правителей, но одного Моисея, как царя, поставил над ними; и священствовать ему не повелел, Аарону, брату его, повелел священствовать, а в людское устройство не мешаться; когда же Аарон стал заведовать людским устройением, то от бога людей отвел: смотри, как священникам не подобает брать на себя царские дела! Также Дафан и Авирон захотели похитить себе власть, но и сами погибли, и какую Израилю погибель навели, что вам, боярам, прилично! После был судьего Израилю Иисус Навин, а священником – Елеазар; с тех пор до Илии жреца обладали судьи и спасали Израиль; когда же Илия жрец принял на себя священство и царство, то хотя сам был праведен и добр, но за дурное поведение сыновей сам с ними злою смертью погиб, и весь Израиль побежден был до дней царя Давида». Имея такое высокое понятие о своем значении, Иоанн сильно оскорблен был грубым тоном князя Курбского, помнившего свое происхождение от одного родоначальника с царем и противопоставившего доблестный род смоленских Ростиславичей «издавна кровопийственному роду» князей московских; в гневных выражениях Иоанн напоминает Курбскому о должном уважении к особе царя примером из византийской истории: «Ты, собака, и того не рассудишь, как три патриарха собрались со множеством святителей к нечестивому царю Феофилу и многосложный свиток написали, но все таких хулений, как ты, не написали, хотя и нечестив был царь Феофил». Если в письмах Курбского высказался потомок лишенных владения князей, то Иоанн в своих письмах не раз обнаруживает, какое сильное впечатление произвело на него поведение вельмож во время его болезни. Оправдываясь в казни вельмож, царь говорит, что они превзошли всех изменников древней истории, говорит, что император Константин казнил родного сына, Феодор Ростиславич, предок Курбских, пролил в Смоленске множество крови в самую Пасху, Давид казнил своих изменников, и, следовательно, московские бояре должны быть также казнимы, потому что они «богом им данного и родившегося у них на царстве, преступивши крестную клятву, отвергли и, сколько могли зла сделать, сделали,

всячески, словом, и делом, и тайными умышлениями, и почему же они менее тех заслужили злых казней?» В другом месте царь говорит: «Как во Израиле некоторые, согласившись с Авимелехом, от наложницы Гедеоновой рожденным, перебили в один день семьдесят законных сыновей Гедеоновых и воцарили Авимелеха, так и вы собацким изменным обычаем хотели в царстве царей достойных истребить и воцарить дальнего родственника, хотя и не от наложницы рожденного. Так-то вы доброхотны, так-то вы душу за меня полагаете, что, подобно Ироду, грудного младенца хотели погубить, смертью света сего лишить и воцарить вместо его чужого? Так-то вы за меня душу полагаете и доброхотствуете?» Если Курбский, боярин и потомок ярославских князей, ведет новый порядок вещей, начало зла, по его взгляду, от Иоанна III, если он называет кровопийственным весь род московских князей, то Иоанн IV знает также старину, знает, когда и как началась борьба, которую ему суждено было довести до такой ужасной крайности; если Курбский называет Иоанна «лютоостию, рожденною в законопреступлении и сладострастии», то Иоанн с своей стороны считает себя вправе называть Курбского рождением исчадия ехидного, изменником прирожденным. «Вы привыкли, – говорит царь, – от прародителей своих измену чинить: как дед твой, князь Михайла Карамыш, с князем Андреем углицким на деда нашего, великого государя Ивана, умышлял изменные обычаи, так и отец твой, князь Михайла, с великим князем Димитрием-внуком на отца нашего, Василия, многие пагубные смерти умышляли; также и матери твоей дед Василий и Иван Тучко многие пакостные и укоризненные слова деду нашему, великому государю Ивану, износили; также и дед твой, Михайла Тучков, при кончине матери нашей, великой царицы Елены, дьяку нашему, Цыплятеву, многие надменные слова изрек; и так как ты рождение исчадия ехидного, то поэтому так и яд отрываешь». Мы видели, что Курбский и подобные ему отъезжники считали присягу недействительною, как вынужденную; Иоанн с своей стороны утверждает, что отъезжники нарушением присяги губят не только свои, но и прародителей своих души: «Как ты не постыдишься раба твоего Васьки Шибанова (который подал Иоанну письмо от своего господина)? Он благочестие свое соблюл: пред царем и пред всем народом, при смертных вратах стоя, ради крестного целования тебя не отвергся, но хвалил тебя и был готов за тебя умереть. А ты такому благочестию не поревновал: от одного слова моего гневного не только свою собственную душу, но и всех прародителей души погубил, потому что деду нашему бог поручил их в работу и они, дав свои души, до смерти своей служили и вам, своим детям, приказали служить деда нашего детям и внучатам».

Отъезд Курбского и переписка с ним дорого стоили Иоанну. Приверженцы падшей стороны Сильвестра и Адашева не захотели беспрекословно сносить гонения, воздвигнутого на них царем: один из самых знаменитых между ними, один из самых близких прежде людей к Иоанну отъехал к враждебному государю, мало этого, явился предводителем его полков в войне с Москвою, но, что всего хуже, осмелился прислать царю грамоту, наполненную укоризнами и воплями о мщении; потомок князя Федора Ростиславича Смоленского-Ярославского, срывая свое сердце в грамоте к Иоанну, укоряя его в убиении, заточении и разогнании сильных во Израили, позабыл, чему он подвергает людей, равных ему по происхождению и прежнему положению, которых он явился представителем, тех сильных во Израили, князей и воевод, которые не были казнены, заточены и

прогнаны и продолжали наполнять двор царя московского! Курбский в глазах Иоанна не был простым отъезжиком, оставившим отечество из страха только личной опалы: Курбский был представителем целой стороны; он упрекал Иоанна не за одного себя, но за многих, грозил ему небесною местию за многих. Иоанн знал, как велика была сторона Сильвестра и Адашева, как многочислен был сонм людей, издавна считавших своим правом советовать и при первом неудовольствии отъезжать. Он затронул теперь эту враждебную сторону, этот сонм, и вот он высказал свои стремления в лице одного из главных представителей своих. К чему послужат теперь клятвенные записи, поручительства? Если еще можно удержать вельмож от отъезда в Москве, во внутренних областях государства, то как удержать их на границе? Кого послать с войском? Но и внутри если они уже так ожесточены и так их много, то где безопасность? Понятно, к каким чувствам такие мысли должны были повести человека страстного, восприимчивого, напуганного. Мысль: «Врагов много, я не в безопасности, нужно принять меры для спасения себя и своего семейства, в случае неудачи нужно приготовить убежище на чужбине», – эта мысль стала теперь господствующею в голове Иоанна.

Он стал готовиться к борьбе; прежде всего нужно было испытать силы противников, узнать, найдут ли они защиту в народе, или предаст их народ. 3 декабря 1564 года, в воскресенье царь со всем семейством своим выехал из Москвы в село Коломенское, где праздновал праздник Николая-чудотворца. Выезд этот был не похож на прежние, когда выезжал он на богомолье или на какие-нибудь потехи свои: теперь он взял с собою иконы и кресты, золотом и камнями дорогими украшенные, сосуды золотые и серебряные, платье, деньги и всю свою казну; которым боярам, дворянам, ближним и приказным людям велел с собою ехать, тем велел взять с собою жен и детей; а дворянам и детям боярским, которых государь прибрал выбором изо всех городов, тем велел ехать с людьми, конями и со всем служебным порядком. Непогода и дурные дороги задержали его в Коломенском две недели. Как реки стали, он поехал в село Тайнинское, из Тайнинского – к Троице, от Троицы – в Александровскую слободу. В Москве митрополит Афанасий, новгородский архиепископ Пимен, ростовский – Никандр, бояре, окольничие и все приказные люди были в недоумении и унынии от такого государского великого, необычного подъема. Ровно через месяц, 3 января 1565 года, их недоумение разрешилось: царь прислал из слободы к митрополиту список, в котором исписаны были измены боярские, воеводские и всяких приказных людей, какие измены и убытки государству они делали до его совершеннолетия. Царь гнев свой положил на богомольцев своих – архиепископов, епископов и все духовенство, на бояр своих, на дворецкого и на конюшего, на окольничих, казначеев, дьяков, детей боярских и на всех приказных людей за то, что после отца его бояре и все приказные люди его государства людям много убытков делали и казны его государские расхитили, а прибытков казне его государской никакой не прибавляли. Бояре и воеводы земли его государские себе разобрали, друзьям своим и родственникам роздали; держа за собою поместья и вотчины великие, получая жалованья государские, кормления, собравши себе великие богатства, о государе, государстве и о всем православном христианстве не желая радеть и от недругов оборонять, вместо того христиан притесняли и сами от службы начали удаляться. А захочет государь бояр своих

или приказных, или служивых людей понаказать, духовенство, сложась с боярами, дворянами и со всеми приказными людьми, государю по них же покрывает. И царь от великой жалости сердца, не могши их многих изменных дел терпеть, оставил свое государство и поехал где-нибудь поселиться, где его бог наставит. К гостям же, и к купцам, и ко всему православному христианству города Москвы царь прислал грамоту и велел ее перед ними прочесть; в ней царь писал, чтоб они себе никакого сомнения не держали, гнева на них и опалы никакой нет. Когда эти грамоты были прочтены, между боярами и народом раздалось рыдания и вопли: «Увы, горе! Согрешили мы перед богом, прогневали государя своего многими перед ним согрешениями и милость его великую превратили на гнев и на ярость! Теперь к кому прибегнем, кто нас помилует и кто избавит от нашествия иноплеменных? Как могут быть овцы без пастырей? Увидавши овец без пастыря, волки расхитят их!» Все начали упрашивать митрополита, чтоб он с остальным духовенством умилиствовал государя, упросил его не оставлять государства, владел бы им и правил, как ему угодно; а государских лиходеев, виноватых в измене, ведает бог да государь, в животе и в казни его государская воля, «а мы все своими головами идем за тобою, святителем, бить челом государю и плакаться». Гости и все горожане говорили то же: «Чтоб государь государства не оставлял и их на расхищение волкам не отдавал, особенно избавлял бы их от рук сильных людей; а за государских лиходеев и изменников они не стоят и сами их истребят».

Духовенство и бояре явились в Александровскую слободу и объявили Иоанну общее решение, общую мольбу: пусть правит, как ему угодно, только бы принял снова в руки правление. Иоанн челобитье их принял с тем, что ему на всех изменников и ослушников опалы класть, а иных казнить, имение их брать в казну и учредить себе на своем государстве опричнину: двор и весь свой обиход сделать особый; бояр, окольных, дворецких, казначеев, дьяков, всяких приказных людей, дворян, детей боярских, стольников, стряпчих и жильцов назначить особых; во дворцах – Сытном, Кормовом и Хлебном – назначить особых ключников, подключников, сытников, поваров, хлебников, всяких мастеров, конюхов, псарей и всяких дворовых людей на всякий обиход; наконец, стрельцов назначить себе особых же. Назначены были города и волости, с которых доходы шли на государский обиход, из этих же доходов шло жалованье боярам, дворянам и всяким дворовым людям, которые будут в опричнине; а если этих доходов неостанет, то брать другие города и волости; в опричнину собрать князей, дворян и детей боярских, дворовых и городских 1000 человек; поместья им будут розданы в тех городах, которые взяты в опричнину, а вотчинников и помещиков, которым не быть в опричнине, из этих городов вывезть и дать им земли в других городах. Также в самой Москве взяты были в опричнину некоторые улицы и слободы, и в них ведено было жить только тем боярам, дворянам и приказным людям, которые были отобраны в опричнину, а прежние обыватели переведены на другие улицы. Государство Московское, воинство, суд, управу и всякие земские дела приказал государь ведать боярам своим, которым велел быть в земских; князю Ивану Дмитриевичу Бельскому, князю Ивану Федоровичу Мстиславскому и остальным, конюшему, дворецкому, казначеям, дьякам и всем приказным людям велел быть по своим приказам и чинить управу по старине, а с большими делами приходиться к боярам; если же будут ратные вести или земские великие дела, то боярам с ними приходиться к государю. За подъем свой приговорил государь взять

из земского приказа 100000 рублей; а которые бояре, воеводы и приказные люди заслужили за великие измены смертную казнь, а иные опалу, у тех именье отобрать в казну; духовенству же, боярам и приказным людям все это положить на государской воле.

Вследствие этой воли как советники Курбского, умышлявшие с ним на государя, жену и детей его всякие лихие дела, были казнены: князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский с молодым сыном Петром, родственники их, двое Ховриных, князь Иван Сухой-Кашин, князь Дмитрий Шевырев и князь Петр Горенский, последний был пойман на отъезде; о других, кроме неопределенного обвинения в соумышленничестве с Курбским, ничего не знаем; не знаем о вине князей Ивана Куракина и Дмитрия Немого: о последнем знаем только, что во время болезни Иоанна он был обвинен в расположении посадить на престол князя Владимира Андреевича; у других дворян и детей боярских отобрали имение, иных сослали в Казань; боярин Иван Петрович Яковлев бил челом за проступку и прощен за поручительством; князь Василий Семенович Серебряный выручен с сыном из-под опалы. Лев Матвеевич Солтыков выручен с двумя сыновьями. В следующем году бил челом за проступку и за двойным ручательством возвращен из ссылки с Белоозера князь Михайла Иванович Воротынский; в том же году выручены были князя Иван Петрович Охлябинин, боярин Очин-Плещеев: первый обещался никуда не отъехать и в чернецы не постригаться. Чего стоили самому Иоанну отъезд Курбского и переписка с ним, собственный отъезд в слободу, тревожное ожидание последствий, какие будет иметь посылка грамот в Москву, чего стоило ему все это, видно из того, что когда он возвратился в Москву, то нельзя было узнать его: волосы с головы и с бороды исчезли.

Страшному состоянию души Иоанновой соответствовало и средство, им придуманное или им принятое, ибо, по некоторым известиям, план опричнины принадлежал Василию Юрьеву и Алексею Басманову с некоторыми другими. Напуганный отъездом Курбского и протестом, который тот подал от имени всех своих собратий, Иоанн заподозрил всех бояр своих и схватился за средство, которое освобождало его от них, освобождало от необходимости постоянного, ежедневного сообщения с ними. Положить на них на всех опалу без улики, без обвинения, заточить, сослать всех, лишить должностей, санов, лишить голоса в Думе и на их место набрать людей новых, незначительных, молодых, как тогда называли, – это было невозможно: прежнего любимца своего, Алексея Адашева, Иоанн не мог провести дальше окольного, не мог далеко вести он и новых своих любимцев. Если нельзя было прогнать от себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство – самому уйти от него; Иоанн так и сделал. Дума, бояре распоряжались всем, только при вестях ратных и в делах чрезвычайной важности докладывали государю. Старые вельможи остались при своих старых придворных должностях; но Иоанн не хотел видеть их подле себя и потому потребовал для себя особого двора, особых бояр, окольных и т.д.; но он не мог бы совершенно освободиться от старого вельможества, если б остался жить в старом дворце, и вот Иоанн требует нового дворца; он не мог не встречаться со старыми вельможами при торжественных выходах и т.п., если б оставался в Москве, и вот Иоанн покидает Москву, удаляется на житье в Александровскую слободу. Но легко понять все губительные следствия такого удаления главы государства от государства, или земли, как тогда называли: напрасно Иоанн уверял гостей и

простых горожан московских, что он против них ничего не имеет, чтоб они оставались спокойны; эти гости и простые люди очень хорошо понимали, однако, что правителями над ними, к которым они должны обращаться во всех делах, остаются прежние вельможи, и в то же время слышали, что царь торжественно называет этих вельмож своими недоброхотами, изменниками, удаляется от них, окружает себя толпою новых людей, видели, что верховная власть отказывается от собственных своих орудий, через которые должна действовать, объявляет их негодными для себя и в то же время признает годными для государства, ибо оставляет их при прежнем действии и таким образом расторгает связь между государем и государством: объявляя себя против правителей земли, необходимо объявляет себя и против самой земли. Несмотря на обнадеживание в милости, эта вражда к самой земле необходимо должна была обнаружиться если не прямо через особу царя, то через его новую дружину, через этих опричников. Как произведение вражды, опричина, разумеется, не могла иметь благого, умиряющего влияния. Опричина была учреждена потому, что царь заподозрил вельмож в неприязни к себе и хотел иметь при себе людей, вполне преданных ему; чтобы быть угодным царю, опричник должен был враждовать к старым вельможам и для поддержания своего значения, своих выгод должен был поддерживать, поджигать эту вражду к старым вельможам в самом царе. Но этого мало: можно ли было поручиться, что в таком количестве людей если не все, то по крайней мере очень многие не захотят воспользоваться выгодами своего положения, именно безнаказанностию; кто из земских правителей, заподозренных, опальных, мог в суде решить дело не в пользу опричника? Кто из заподозренных, опальных мог решиться принести жалобу на человека приближенного, доверенного, который имел всегда возможность уверить подозрительного, гневливого царя, что жалоба ложная, что она подана вследствие ненависти к опричникам, из желания вооружить против них государя, которому они преданы, которого защищают от врагов; если не все опричники были одинаково приближены, пользовались одинакою доверенностию, то все они, от большого до малого, считали своею первою обязанностию друг за друга заступаться. Целая многочисленная толпа, целая дружина временщиков! После этого неудивительно встретить нам от современников сильные жалобы на опричину. Опричина с своей стороны не оставалась, как видно, безгласною: говорили против бояр, что они крест целуют да изменяют; держа города и волости, от слез и от крови богатеют, ленивеют; что в Московском государстве нет правды; что люди приближаются к царю вельможеством, а не по воинским заслугам и не по какой другой мудрости и такие люди суть чародеи и еретики, которых надобно предавать жестоким казням; что государь должен собирать со всего царства доходы в одну свою казну и из казны воинам сердце веселить, к себе их припускать близко и во всем верить.

Неудовольствием, возбужденным опричиною, хотели воспользоваться враги Москвы, и неудавшиеся попытки их повели к новым казням, содействовали еще более утверждению опричины. Какой-то Козлов, родом из московских областей, поселился в Литве, женился здесь, отправлен был гонцом от Сигизмунда-Августа к Иоанну и дал знать королю, что успел склонить всех вельмож московских к измене; отправленный вторично в Москву, Козлов вручил от имени короля и гетмана Ходкевича грамоты князьям Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому и

конюшему боярину Ивану Петровичу Челяднину с приглашением перейти на сторону короля. Грамоты были перехвачены; Иоанн велел написать или, вернее, сам написал от имени означенных бояр бранчивые ответы королю и гетману, которые и были отправлены с Козловым. Бельский, Мстиславский, Воротынский успели выпутаться из беды; не успел старик Челяднин и был казнен вместе с женою и соумышленниками: князем Иваном Куракиным-Булгаковым, Дмитрием Ряполовским, троими князьями ростовскими, Петром Щенятевым, Турунтаем-Пронским, казначеем Тютиним. Мы видели, что этот Челяднин участвовал в возмущении народа против Глинских после пожара; князья ростовские возбудили против себя гнев Иоанна с тех пор, как хотели всем родом отъехать в Литву после болезни царя; во время этой болезни князья Петр Щенятев и Турунтай-Пронский выказали себя явными приверженцами князя Владимира Андреевича (1568 г.).

Мы видели, как духовенство русское могущественно содействовало утверждению единовластия; но когда московские единовластители вступили в последнюю борьбу с остатками старины, с притязаниями князей и дружины, то духовенство приняло на себя священную обязанность – среди этой борьбы сдерживать насилие, не допускать торжествующее начало употреблять во зло свою победу; усердно помогая московскому государю сломить притязания князей и членов дружины, духовенство в то же время брало этих князей и членов дружины под свой покров, блюло над их жизнью как членов церкви; так утвердился обычай, что митрополит и вообще духовенство печаловались за опальных и брали их на поруку. Митрополит Макарий, получивший митрополию вследствие торжества Шуйских, являлся по просьбе молодого Иоанна ходатаем пред Шуйскими за Воронцова, причем подвергался оскорблениям; он пережил Шуйских, пережил волнения, последовавшие за их падением, умел не сталкиваться с Сильвестром и, если верить Курбскому, защищал последнего при его на дении, видел возобновление казней и умер в 1563 году; он хотел несколько раз оставить митрополию, но был удерживаем царем и владыками. Преемником Макария был монах Чудова монастыря Афанасий» бывший прежде духовником государевым. Выговаривая себе неограниченное право казнить своих лиходеев, учреждая опричнину, Иоанн жаловался на духовенство, что оно покрывало виновных, и требовал у него отречения от обычая печаловаться. Афанасий был свидетелем учреждения опричнины, получил позволение отпечаловать боярина Яковлева, князя Воротынского и в 1566 году оставил митрополию по болезни. В преемники Афанасию был назначен Герман, архиепископ казанский; но беседы его, по словам Курбского, не понравились любимцам Иоанновым; Германа отстранили и вызвали соловецкого игумена Филиппа, сына боярина Колычева; Филипп объявил, что он согласится быть митрополитом только под условием уничтожения опричнины; Иоанн рассердился; наконец Филипп уступил убеждениям, что его обязанность нейти прямо против царской воли, но утолять гнев государя при каждом удобном случае. Филипп дал запись: «В опричнину ему и в царский домовый обиход не вступаться, а после поставленья за опричнину и за царский домовый обиход митрополии не оставлять». Но, отказавшись от вмешательства в опричнину, Филипп не отказался от права печаловаться. Начались казни вследствие дела Козлова; опричнина буйствовала; вельможи, народ умоляли митрополита вступить в дело; он знал, что народ привык видеть

в митрополите печальника, и не хотел молчать. Тщетно Иоанн избегал свиданий с митрополитом, боясь печалований; встречи были необходимы в церквах, и здесь-то происходили страшные сцены заклинаний. «Только молчи, одно тебе говорю: молчи, отец святой! – говорил Иоанн, сдерживая дух гнева, который владел им. – Молчи и благослови нас!» Филипп: «Наше молчание грех на душу твою налагает и смерть наносит». Иоанн: «Ближние мои встали на меня, ищут мне зла; какое дело тебе до наших царских советов?» Филипп: «Я пастырь стада Христова!» Иоанн: «Филипп! Не прекословь державе нашей, чтоб не постиг тебя гнев мой, или лучше оставь митрополию!» Филипп: «Я не просил, не искал чрез других, не подкупом действовал для получения сана: зачем ты лишил меня пустыни?» Царь выходил из церкви в большом раздумье, это раздумье было страшно опричникам; они решили погубить Филиппа и нашли сообщников между духовными, во владыках новгородском, суздальском, рязанском, благовещенском протопопе, духовнике царском; последний явно и тайно носил речи неподобные Иоанну на Филиппа; отправились в Соловецкий монастырь, привезли оттуда преемника Филиппова, игумена Паисия, доносы которого легли в основание обвинений на суде соборном; защитников Филиппу не было, все молчало. 8 ноября 1568 года опричники с бесчестьем вывели Филиппа из Успенского собора, народ бежал за ним со слезами. Местом изгнания для Филиппа назначен был Тверской Отроч монастырь. В 1,369 году, проезжая Тверь на походе на Новгород, Иоанн заслал к Филиппу одного из самых приближенных опричников, Малюту Скуратова, взять благословение; но Филипп не дал его, говоря, что благословляют только добрых и на доброе; опричник задушил его. Так пал непобежденным великий пастырь русской церкви, мученик за священный обычай печалования. На место Филиппа возведен был троицкий архимандрит Кирилл.

В 1569 году дошел черед и до того, за приверженность к которому уже многие погибли, дошел черед до двоюродного брата царского, князя Владимира Андреевича. Мы упоминали о клятвенной записи, насильно взятой с Владимира в 1553 году; в следующем, 1554 году, после рождения другого царевича, Ивана, государь взял с двоюродного брата другую запись: держать этого Ивана вместо царя в случае смерти последнего. До какой степени уже Иоанн не доверял брату после своей болезни, доказывает следующее обещание Владимира: «Жить мне в Москве на своем дворе; а держать мне у себя на дворе своих людей всяких... (число людей стерто), а больше того мне людей у себя на дворе не держать, а всех своих служилых людей держать в своей отчине». Иоанн определил поведение Владимира и в том случае, если начнутся междоусобия между молодым царем и родным его братом; Владимир обязывается: «Если который брат родной станет недругом сыну твоему, царевичу Ивану, и отступит от него, то мне с этим его братом в дружбе не быть и не ссылаться с ним; а пошлет меня сын твой, царевич Иван, на этого своего брата, то мне на него идти и делать над ним всякое дело без хитрости, по приказу сына твоего, царевича Ивана. Князей служебных с вотчинами, бояр, дьяков, детей боярских и всяких людей сына твоего мне никак к себе не принимать. Которые бояре, дьяки ваши и всякие люди нагубили мне чем-нибудь при тебе, царе Иване, и мне за те их грубости не мстить им никому. Без бояр сына твоего, которые написаны в твоей духовной грамоте, мне никакого дела не делать и, не сказавши сыну твоему и его матери, мне никакого дела не решать. Если мать моя, княгиня Евфросинья, станет получать меня против сына

твоего, царевича Ивана, или против его матери, то мне матеря своей не слушать, а пересказать ее речи сыну твоему, царевичу Ивану, и его матери вправду, без хитрости. Если узнаю, что мать моя, не говоря мне, сама станет умышлять какое-нибудь зло над сыном твоим, царевичем Иваном, над его матерью, над его боярами и дьяками, которые в твоей духовной грамоте написаны, то мне объявить об этом сыну твоему и его матери вправду, без хитрости; не утайт мне этого никак, по крестному целованию. А возьмет бог и сына твоего, царевича Ивана, и других детей твоих не останется, то мне твой приказ весь исправить твоей царице, великой княгине Анастасии, по твоей духовной грамоте и по моему крестному целованию». В следующем месяце того же года взята была со Владимира третья запись с некоторыми против прежней дополнениями; удельный князь обязался не держать у себя на московском дворе более 108 человек. В 1563 году, говорит летопись, государь положил гнев свой на княгиню Евфросинию и на сына ее: прислал к царю в слободу служивший у князя Владимира Андреевича дьяк Савлук Иванов бумагу, в которой писал многие государские дела, что княгиня Евфросинья и сын ее многие неправды к царю чинят и для того держат его, Савлука, в оковах в тюрьме; царь велел Савлука к себе прислать, по его словам многие сыски были, неисправления их сысканы, и пред митрополитом и владыками царь княгине Евфросинье и сыну ее неправды их известил. После этого Евфросинья постриглась; у Владимира были переменены все бояре и слуги; мы видели, что и отец Иоанна употребил то же средство в отношении к одному из братьев своих. В 1566 году царь переменял брату удел: вместо Старицы и Вереи дал ему Дмитров и Звенигород. По одному иностранному известию, в 1568 году князь Владимир Андреевич замышлял поддаться Сигизмунду-Августу; в январе 1569 он погиб.

Страшный огонь жег внутренность Иоанна, и для этого огня не было недостатка в пище: летом 1569 года явился к царю какой-то Петр, родом волынец, и донес, что новгородцы хотят предаться польскому королю, что у них уже написана и грамота об этом и положена в Софийском соборе за образом богоматери. Иоанн отправил в Новгород вместе с волынцем доверенного человека, который действительно отыскал грамоту за образом и привез к государю; подписи – архиепископа Пимена и других лучших граждан – оказались верными; говорят, что этот Петр, бродяга, наказанный новгородцами из желания отомстить им, сам сочинил грамоту и необыкновенно искусно подписался под руку архиепископа и других граждан. Иоанн решился разгромить Новгород. В декабре 1569 года он двинулся туда из Александровской слободы и начал разгром с границ тверских владений, с Клина; по всей дороге, от Клина до Новгорода, производились опустошения, особенно много пострадала Тверь. 2 января 1570 года явился в Новгород передовой отряд царской дружины, которому велено было устроить крепкие заставы вокруг всего города, чтоб ни один человек не убежал; бояре и дети боярские из того же передового полка бросились на подгородные монастыри, запечатали монастырские казны; игуменов и монахов, числом более 500, взяли в Новгород и поставили на правез до государева приезда; другие дети боярские собрали ото всех новгородских церквей священников и дьяконов и отдали их на соблюдение приставам, по десяти человек каждому приставу; их держали в железных оковах и каждый день с утра до вечера били на правезе, правили по 20 рублей; подцерковные и домовные палаты у всех приходских

церквей и кладовые именитых людей были перепечатаны; гостей, приказных и торговых людей перехватывали и отдали приставам, дома, имущества их были опечатаны, жен и детей держали под стражею. в числа приехал сам царь с сыном Иваном, со всем двором и с 1500 стрельцами, стал на торговой стороне, на Городище. На другой день вышло первое повеление: игуменов и монахов, которые стояли на правее, бить на лками до смерти и трупы развозить по монастырям для погребения. На третий день, в воскресенье, Иоанн отправился в кремль к св. Софии к обедне; на Волховском мосту встретил его, по обычаю, владыка Пимен и хотел осенить крестом; но царь ко кресту не пошел и сказал архиепископу: «Ты, злочестивый, держишь в руке не крест животворящий, а оружие и этим оружием хочешь уязвить наше сердце: с своими единомышленниками, здешними горожанами, хочешь нашу отчину, этот великий богоспасаемый Новгород, предать иноплеменникам, литовскому королю Сигизмунду-Августу; с этих пор ты не пастырь и не учитель, но волк, хищник, губитель, изменник, нашей царской багрянице и венцу досадитель». Проговоривши это, царь велел Пимену идти с крестами в Софийский собор и служить обедню, у которой был сам со всеми своими, после обедни пошел к архиепископу в Столовую палату обедать, сел за стол, начал есть и вдруг дал знак своим князьям и боярам, по обычаю, страшным криком; по этому знаку начали грабить казну архиепископа и весь его двор, бояр и слуг его перехватывали, самого владыку, ограбив, отдали под стражу, давали ему на корм ежедневно по две деньги. Дворецкий Лев Солтыков и духовник протопоп Евстафий с боярами пошли в Софийский собор, забрали там ризницу и все церковные вещи, то же было сделано по всем церквам и монастырям. Между тем Иоанн с сыном отправился из архиепископского дома к себе на Городище, где начался суд: к нему приводили новгородцев, содержавшихся под стражею, и пытали, жгли их какою-то «составною мудростию огненною», которую летописец называет поджаром; обвиненных привязывали к саням, волокли к Волховскому мосту и оттуда бросали в реку; жен и детей их бросали туда же с высокого места, связавши им руки и ноги, младенцев, привязавши к матерям; чтоб никто не мог спастись, дети боярские и стрельцы ездили на маленьких лодках по Волхову с рогатинами, копьями, баграми, топорами и, кто всплывает наверх, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали в глубину; так делалось каждый день в продолжение пяти недель. По окончании суда и расправы Иоанн начал ездить около Новгорода по монастырям и там приказывал грабить кельи, служебные дома, жечь в житницах и на скирдах хлеб, бить скот; приехавши из монастырей, велел по всему Новгороду, по торговым рядам и улицам товары грабить, анбары, лавки рассекать и до основания рассыпать; потом начал ездить по посадам, велел грабить все дома, всех жителей без исключения, мужчин и женщин, дворы и хоромы ломать, окна и ворота высекать; в то же время вооруженные толпы отправлены были во все четыре стороны, в пятины, по станам и волостям, верст за 200 и за 250, с приказанием везде пустошить и грабить. Весь этот разгром продолжался шесть недель. Наконец 13 февраля утром государь велел выбрать из каждой улицы по лучшему человеку и поставить перед собою. Они стали перед ним с трепетом, изможденные, унылые, как мертвецы, но царь взглянул на них милостивым и кротким оком и сказал: «Жители Великого Новгорода, оставшиеся в живых! Молите господа бога, пречистую его мать и всех святых о нашем благочестивом царском державстве, о детях моих

благоверных, царевичах Иване и Федоре, о всем нашем христоролюбивом воинстве, чтобы господь бог даровал нам победу и одоление на всех видимых и невидимых врагов, а судит бог общему изменнику моему и вашему, владыке Пимену, его злым советникам и единомышленникам: вся эта кровь взыщется на них, изменниках; вы об этом теперь не скорбите, живите в Новгороде благодарно, я вам вместо себя оставлю правителем боярина своего и воеводу, князя Петра Даниловича Пронского». В тот же день Иоанн выехал из Новгорода по дороге в Псков; владыку Пимена, священников и дьяконов, которые не откупились от правежа, и опальных новгородцев, которых дело еще не было решено, отослали с приставами в Александровскую слободу. Какое впечатление произвел на новгородцев погром, всего лучше видно из следующего известия: 25 мая 1571 года в церкви св. Параскевы на торговой стороне у обедни было много народа; когда после службы стали звонить в колокола, вдруг на всех напал таинственный ужас, все побежали в разные стороны, мужчины, женщины, дети, толкали друг друга, не зная, куда бегут, купцы пометали лавки, отдавали товары собственными руками первому попавшемуся. Точно такое же известие о пополохе встречаем в летописях под 1239 годом, после Батыева погрома.

Из Новгорода Иоанн направил путь ко Пскову; псковичи боялись участи новгородцев; по распоряжению воеводы, князя Токмакова, они встретили Иоанна каждый перед своим домом с женами и детьми, держа в руках хлеб и соль; увидев царя, все падали на колена. Иоанн недолго прожил во Пскове, велел грабить имение у граждан, кроме церковного причта взял также казну монастырскую и церковную, иконы, кресты, пелены, сосуды, книги, колокола. Но дело не кончилось Новгородом и Псковом: по возвращении царя в Москву началось следствие о сношениях новгородского архиепископа Пимена и новгородских приказных людей с боярами – Алексеем Басмановым и сыном его Федором, с казначеем Фуниковым, печатником Висковатовым, Семеном Яковлевым, с дьяком Васильем Степановым, с Андреем Васильевым, с князем Афанасием Вяземским; сношения происходили о том, чтоб сдать Новгород и Псков литовскому королю, царя Иоанна извести, на государство посадить князя Владимира Андреевича. Это сыскное изменное дело до нас не дошло, а потому историк не имеет права произнести свое суждение о событии. Известны следствия: казнены были князь Петр Оболенский-Серебряный, Висковатый, Фуников, Очин-Плещеев, Иван Воронцов, сын известного нам Федора, и многие другие, 180 человек прощено; всего удивительнее встретить между осужденными имена главных любимцев Иоанновых – Басмановых и Вяземского; Вяземский умер от пыток, Алексей Басманов, как говорят, был убит сыном Федором по приказанию Иоанна. Владыка Пимен Новгородский сослан был в Венев.

Известно нам и состояние души Иоанна, образ его мыслей после рассказанных событий; к 1572 году относится единственное дошедшее до нас духовное завещание его. В этой духовной царь высказывает убеждение, что он и семейство его непрочно на московском престоле, что он изгнанник, ведущий борьбу с своими врагами, что этой борьбе не видать близкого конца, и потому Иоанн дает наставление сыновьям, как им жить до окончания борьбы. Завещание начинается исповедью Иоанна, в которой замечательны следующие слова: «Тело изнемогло, болезнует дух, струпы душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы меня исцелил; ждал я, кто бы со мною поскорбел, – и нет никого,

утешающих я не сыскал, воздали мне злом за добро, ненавистию за любовь». Наставление детям начинается словами Христа: «Се завещаю вам, да любите друг друга... Сами живите в любви и военному делу сколько возможно навывайте. Как людей держать и жаловать, и от них беречься, и во всем уметь их к себе присвоивать, вы бы и этому навывали же: людей, которые вам прямо служат, жалуйте и любите, от всех берегите, чтоб им притеснения ни от кого не было, тогда они прямее служат; а которые лихи, и вы б на тех опалы клали не скоро, по рассуждению, не яростию. Всякому делу навывайте, божественному, священному, иноческому, ратному, судейскому, московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу, как которые чины ведутся здесь и в иных государствах, и здешнее государство с иными государствами что имеет, то бы вы сами знали. Также и во всяких обиходах, как кто живет, и как кому пригоже быть, и в какой мере кто держится – всему этому выучитесь; так вам люди и не будут указывать, вы станете людям указывать; а если сами чего не знаете, то вы не сами станете своими государствами владеть, а люди. А что по множеству беззаконий моих распростерся божий гнев, изгнан я от бояр, ради их самовольства, от своего достоинства и скитаюсь по странам, и вам моими грехами многие беды нанесены: то бога ради не изнемогайте в скорбях... Пока вас бог не помилует, не освободит от бед, до тех пор вы ни в чем не разделяйтесь: и люди бы у вас заодно служили, и земля была бы заодно, и казна у обоих одна – так вам будет прибыльнее. А ты, Иван сын, береги сына Федора и своего брата, как себя, чтобы ему ни в каком обиходе нужды не было, всем был бы доволен, чтоб ему на тебя не в досаду, что не дашь ему ни удела, ни казны. А ты, Федор сын, у Ивана сына, а своего брата старшего, пока устроитесь, удела и казны не проси, живи в своем обиходе, смекаясь, как бы Ивану сыну тебя без убытка можно было прокормить, оба живите заодно и во всем устраивайте, как бы прибыточнее. Ты бы, сын Иван, моего сына Федора, а своего брата младшего держал и берег, и любил, и жаловал, и добра ему хотел во всем, как самому себе, и на его лихо ни с кем бы не ссылался, везде был бы с ним один человек, и в худе и в добре; а если в чем перед тобою провинится, то ты бы его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял; а ссоркам бы отнюдь не верил, потому что Каин Авеля убил, а сам не наследовал же. А даст бог, будешь ты на государстве и брат твой Федор на уделе, то ты удела его под ним не подыскивай, на его лихо ни с кем не ссылайся; а где по рубежам сошлась твоя земля с его землею, ты его береги и накрепко смотри правды, а напрасно его не задирай и людским вракам не потакай, потому что если кто и множество земли и богатства приобретет, но трилокотного гроба не может избежать, и тогда все останется. А ты, сын мой Федор, держи сына моего Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем, как меня, и покорен будь ему во всем и добра желай ему, как мне, родителю своему, ни в чем ему не прекословь, во всем живи из его слова, как теперь живешь из моего. Если, даст бог, будет он на государстве, а ты на уделе, то ты государства его под ним не подыскивай, на его лихо не ссылайся ни с кем, везде будь с ним один человек и в лихе, и в добре: а пока, по грехам, Иван сын государства не достигнет, а ты удела своего, то ты с сыном Иваном вместе будь, за один, с его изменниками и лиходеями никак не ссылайся, если станут прельщать тебя славою, богатством, честью, станут давать тебе города, или право какое будут тебе уступать мимо сына Ивана, или станут на государство звать, то ты отнюдь их не слушай, из Ивановой воли не выходи, как

Иван сын тебе велит, так и будь и ничем не прельщайся; а где Иван сын пошлет тебя на свою службу или людей твоих велит тебе на свою службу послать, то ты на его службу ходи и людей своих посылай, как сын мой Иван велит; а где порубежная Иванова земля сошлась с твоею землею, и ты береги накрепко, смотри правды, а напрасно не задирайся и людским вракам не потакай, потому что если кто и множество богатства и земли приобретет, но трилокотного гроба не может избежать... И ты б, сын Федор, сыну моему Ивану, а твоему брату старшему во всем покорен был и добра ему хотел, как мне и себе; и во всем в воле его будь до крови и до смерти, ни в чем ему не прекословь; если даже Иван сын на тебя и разгневается или обидит как-нибудь, то и тут старшему брату не прекословь, рати не поднимай и сам собою не обороняйся; бей ему челом, чтоб тебя пожаловал, гнев сложить изволил и жаловал тебя во всем по моему приказу; а в чем будет твоя вина, и ты ему добей челом, как ему любо; послушает твоего челобитья – хорошо, а не послушает – и ты сам собою не обороняйся же».

В этом наказе наше внимание останавливается, во-первых, на желании царя, чтоб дети его не разделялись до тех пор, пока старший из них, Иван, не сломит всех крамол и не утвердится на престоле: ибо в противном случае удельный князь будет самым верным орудием в руках недовольных. Во-вторых, в своем завещании Иоанн не довольствуется уже, подобно предшественникам, одним неопределенным приказом младшему сыну держать старшего вместо отца; он определяет, в чем должно состоять это сыновнее повиновение: младший должен быть в воле старшего до крови и до смерти, ни в чем не прекословить, а в случае обиды от старшего не сметь поднимать против него оружие, не сметь обороняться; этим приказом Иоанн уничтожает законность междоусобий в царском семействе, ставит младшего брата в совершенно подданнические отношения к старшему; теперь уже младшие братья не могут сказать старшему, подобно древним Ольговичам: «Ты нам брат старший; но если не дашь, то мы сами будем искать». Этим приказом Иоанн дорушивает родовые отношения между князьями.

Что Иоанн не был уверен в счастливом для своего семейства окончании борьбы, свидетельствуют следующие слова завещания: «Нас, родителей своих и прародителей, нетолько что в государствующем граде Москве или где будете в другом месте, но если даже в гонении и в изгнании будете, в божественных литургиях, панихидах и литиях, в милостынях к нищим и препитаниях, сколько возможно, не забывайте».

Иоанн благословляет старшего сына «царством Русским (достоинством), шапкою Мономаховою и всем чином царским, что прислал прародителю нашему царю и великому князю Владимиру Мономаху царь Константин Мономах из Царяграда; да сына же своего Ивана благословляю всеми шапками царскими и чином царским, что я примыслил, посохами и скатертью, а по-немецки центурь. Сына же своего Ивана благословляю своим царством Русским (областью), чем меня благословил отец мой, князь великий Василий, и что мне бог дал». Здесь встречаем важную отмену против распоряжения прежних государей: удельный Федор не получает никакой части в городе Москве. Ему в удел дано 14 городов, из которых главный – Суздаль; но показывается, что удельный князь не должен думать ни о какой самостоятельности: «Удел сына моего Федора ему же (царю Иоанну) к великому государству». Наконец, относительно опричнины Иоанн

говорит так сыновьям в завещании: «Что я учредил опричнину, то на воле детей моих, Ивана и Федора; как им прибыльнее, так пусть и делают, а образец им готов».

Детям своим Иоанн давал на волю продолжать опричнину или уничтожить; но в его собственное царствование трудно было ожидать ее прекращения, ибо зло вызывало другое зло; в 1571 году князь Иван Мстиславский дал следующую запись: «Я, князь Иван Мстиславский, богу, святым Божиим церквям и всему православному христианству веры своей не соблюл, государю своему, его детям и его землям, всему православному христианству и всей Русской земле изменил, навел с моими товарищами безбожного крымского Девлет-Гирея царя». По ходатайству митрополита Кирилла и 24 других духовных особ царь простил Мстиславского, взявши с него означенную грамоту за поручительством троих бояр, которые обязались в случае отъезда Мстиславского внести в казну 20000 рублей; за поручников поручилось еще 285 человек. Через 10 лет после этого Мстиславский опять бил челом с двумя сыновьями, что они пред государем во многих винах виноваты. Подобные грамоты могли привести к вопросу, можно ли по-прежнему доверять правление земщиною Мстиславскому с товарищами, и если сам царь не хочет по-прежнему сближаться с земщиною, то не должно ли поставить в челе ее человека, который бы по титулу своему и происхождению мог стать выше князей и бояр и между тем не имел бы с ними ничего общего, мог бы быть вернее их. И вот в одной летописи под 1574 годом находим следующее известие: «Казнил царь на Москве, у Пречистой, на площади в Кремле многих бояр, архимандрита чудовского, протопопа и всяких чинов людей много, а головы метали под двор Мстиславского. В то же время производил царь Иван Васильевич и посадил царем на Москве Симеона Бекбулатовича (крещеного татарина, касимовского хана) и царским венцом его венчал, а сам назвался Иваном Московским и вышел из города, жил на Петровке; весь свой чин царский отдал Симеону, а сам ездил просто, как боярин, в оглоблях, и как приедет к царю Симеону, ссаживается от царева места далеко, вместе с боярами». Действительно, до нас дошли грамоты, в которых от имени великого князя Симеона вся Русь делается разного рода земские распоряжения как от имени царя, царь же Иоанн называется государем князем московским. Симеон, впрочем, не более двух лет процарствовал в Москве; по словам летописи, он был сослан отсюда Иоанном, который дал ему Тверь и Торжок. Разделение на опричнину и земщину оставалось; но имя опричнины возбуждало такую ненависть, что царь счел за нужное вывести его из употребления: вместо названий «опричнина» и «земщина» видим названия: двор и земщина; вместо: города и воеводы опричные и земские – видим: города и воеводы дворовые и земские. Между тем казни продолжались по разным поводам: по поводу нашествия крымского хана, когда Мстиславский признался, что он с товарищами привел его; по поводу болезни и смерти невесты царской; погибли старые бояре – знаменитый воевода князь Михайла Воротынский, которого мы видели уже прежде в заточении в Кириллове Белозерском монастыре, князь Никита Одоевский, Михайла Яковлевич Морозов, князь Петр Куракин и другие менее значительные лица. Курбский говорит, что Воротынский был подвергнут пыткам по доносу раба, обвинявшего его в чародействе и в злых умыслах против Иоанна; измученного пытками старика повезли в заточение опять на Белоозеро, но на дороге он умер.

Современные русские свидетельства говорят, что Иоанн до конца жизни оставался с одинаким настроением духа, одинаково скор на гнев и на опалы, однако в последние восемь лет его жизни мы не встречаем известий о казнях.

Глава пятая

Полоцк

Успехи русских в Ливонии; ее распадение. – Мысль Иоанна жениться на сестре короля польского. – Взятие Полоцка. – Переговоры о мире с Литвою. – Собор в Москве по поводу этих переговоров. – Возобновление военных действий. – Прекращение их по причине болезни короля. – Мысль об избрании Иоанна ему в преемники. – Царь делает датского принца Магнуса вассальным королем Ливонии. – Сношения с Швециею. – Неудачные действия Магнуса против Ревеля. – Важность прибалтийских берегов для России по отзывам врагов ее. – Дела крымские. – Неудачный поход турецкого войска к Астрахани. – Нашествие крымского хана и сожжение Москвы. – Вторичное нашествие хана и отражение его князем Воротынским.

Мы видели, что магистр Кетлер, отчаявшись собственными средствами спасти Ливонию, заключил тесный союз с Сигизмундом-Августом. Обнадеженный этим союзом и получивши помощь людьми и деньгами из Германии, от герцога прусского, от жителей Риги и Ревеля, Кетлер начал наступательное движение, разбил под Дерптом московского воеводу Захара Плещеева и осадил Дерпт; осажденные сделали не очень удачную вылазку, но успехи немцев этим и ограничились: приближалась зима, союзный отряд, приведенный герцогом Христофом Мекленбургским, ушел; Кетлер с своими ливонцами хотел по крайней мере овладеть Лаисом, но два раза приступ его был отбит гарнизоном, находившимся под начальством стрелецкого головы Кашкарова; таким образом, по словам немецкого летописца, Кетлер вследствие храброго сопротивления неприятеля ничего не сделал, со стыдом и уроном должен был уйти в Оберпален, куда достиг с большими трудностями, везя тяжелый наряд по дурным дорогам; здесь ратные люди, в досаде на неудачу и не получая жалованья, стали бунтовать и с трудом были усмирены и разведены по зимним квартирам, а тяжелый наряд отправлен в Феллин. Но бесснежная зима не остановила русских: князя Мстиславский, Петр Шуйский, Серебряный повоевали землю до Рижского залива, не встречая нигде сопротивления, и взяли Мариенбург; весною отправился отряд русских в Эстонию, разбил немцев под Верпелем; с другой стороны опустошали Ливонию псковские сторонники, или вольница, пленников и скота из земли гоняли много, а некоторых немцы побивали. Весною же пришел князь Курбский в Ливонию, поразил старого магистра Фюрстенберга под Вейссенштейном и Феллином; взятие последней крепости было целию похода большой, шестидесятитысячной московской рати под начальством князя Мстиславского и Петра Шуйского; 12000 войска под начальством князя Барбашина отправились в обход к морю по слухам, что

Фюрстенберг хочет отправить богатую казну в Габзаль; лучший из воевод ливонских, ландмаршал Филипп Белль, с 500 ратных решился напасть врасплох на Барбашина в надежде, что нечаянность уравниет силы, но обманулся: весь отряд его был истреблен, сам Белль, последний защитник и последняя надежда лифляндского народа, по выражению Курбского, с одиннадцатью командорами и ста двадцатью рыцарями попался в плен. Курбский с большим уважением говорит о храбрости, остроте разума, доброй памяти и красноречии Белля; русские воеводы обходились с ним по-товарищески, сажали вместе с собою за стол и услаждались его речами, разумом растворенными; из речей этих Курбский сохранил одну, в которой Белль рассказывал историю Ордена и объяснял причины его падения. «Когда мы, – говорил Белль, – пребывали в католической вере, жили умеренно и целомудренно, тогда господь везде нас покрывал от врагов наших и помогал нам во всем. А теперь, когда мы отступили от веры церковной, дерзнули ниспровергнуть законы и уставы святые, приняли веру новоизобретенную, вдалились в невоздержание, уклонились к широкому и пространному пути, вводящему в погибель, теперь явственно обличает нас господь за грехи наши и казнит нас за беззакония наши, предал нас в руки вам, врагам нашим; не трудившись, больших издержек не делая, вы овладели градами высокими, местами твердыми, палатами и дворами пресветлыми, от праотцев наших сооруженными; не насадивши, наслаждаетесь садами и виноградниками нашими. Но что мне говорить о вас? Вы мечем взяли! А другие без меча вошли даром в наши богатства и стяжания, нисколько не трудившись, обещая нам помощь и оборону. Хороша их помощь: стоим перед врагами связанные! Но не думайте, что вы силою своею покорили нас: бог за преступление наше предал нас в руки врагам!» Тут Белль горько заплакал и привел в слезы всех русских воевод; потом, утерши слезы, Белль прибавил с радостным лицом: «Впрочем, благодарю бога и радуюсь, что пленен и страдаю за любимое отечество; если за него и умереть случится, то любезна будет мне смерть». Отсылая Белля в Москву, воеводы просили царя, чтоб не лишал его жизни; но на суровые вопросы Иоанна пленник отвечал сурово и, между прочим, сказал: «Ты неправдою и кровопийством овладеваешь нашим отечеством, не так, как прилично царю христианскому». Иоанн рассердился и велел отрубить ему голову. Воеводы осадили Феллин; немцы оборонялись храбро, даже когда и внешние стены были уже разбиты; но когда русские стали стрелять огненными ядрами и зажгли город, то осажденные вступили в переговоры, хотя у них оставалась еще главная, необыкновенно твердая, почти неприступная крепость с тремя другими побочными укреплениями, 18 больших стенобитных орудий и 450 средних и малых, всякого рода запасов множество; по немецким известиям, дело объясняется тем, что гарнизон, не получая уже несколько месяцев жалованья, не хотел более служить. Тщетно старый Фюрстенберг предлагал ему все свое имущество; гарнизон сдал город русским, выговорив себе свободный выход из него; но Фюрстенберг должен был отправиться в Москву, причем воеводы обещали ему царскую милость; обещание было исполнено: старику дали в кормление местечко Любим в Костромской области, где он и умер спокойно. Немецкие летописцы говорят, что когда Фюрстенберга и других ливонских пленников в торжестве водили по московским улицам на показ народу, то один из пленных татарских ханов сказал: «Поделом вам, немцы! Вы дали великому князю в руки розги, которыми он

сначала нас высек, а теперь сечет и вас самих». Татарин разумел под розгами оружие, которое русские заимствовали у немцев.

Несколько других городов последовали примеру Феллина; русское войско беспрепятственно опустошало страну, разбивая везде малочисленные немецкие отряды, осмеливавшиеся выходить к нему навстречу; но князь Мстиславский не мог взять Вейссенштейна; этою неудачною попыткою кончился поход 1560 года.

Несмотря на успехи русских войск, завоевание орденовских владений было еще далеко до окончания, но удары, нанесенные Иоанном Ордену, ускорили его распадение: эзельский епископ Меннигаузен вошел с датским королем Фридрихом III в тайные сношения, продал ему свои владения Эзель и Пильтен за 20000 рейхсталеров и уехал с этими деньгами в Германию, несмотря на то что по обязательствам своим не мог располагать означенными землями без ведома и согласия орденовских властей. Датский король, обязанный по отцовскому завещанию уступить брату своему, Магнусу, несколько земель в Голштинии, вместо их отдал ему новую свою покупку, и Магнус весной 1560 года явился в Аренбурге, где вступило к нему в службу много дворян, в надежде, что Дания не оставит его без помощи. Появление этого нового лица в Остзейском краю было причиною новых смут: когда земские чины собрались в Пернау и приехал Магнус в качестве эзельского администратора, то вместо каких-нибудь полезных для земли решений сейм был свидетелем сильной ссоры между Магнусом и магистром Кетлером за земли, которыми Магнус хотел также завладеть; едва дело не дошло до войны между ними, а между тем русские взяли Феллин. По удалении их из-под Вейссенштейна междоусобная война действительно началась, только не между Магнусом и Кетлером: встали крестьяне, объявили, что так как дворяне в мирное время отягощают их страшными поборами, а в военное не защищают от неприятеля, то они не хотят им повиноваться; стали жечь замки, бить дворян, но при осаде замка Лоде потерпели поражение и усмирились. Ревельцы, видя, что московские ратные люди под самыми стенами их уведут не только скот, но и людей, так что никому нельзя выйти из города, отправили послов к шведскому королю Ерику, сыну и наследнику Густава Вазы, попросить у него денег займы и узнать, чего они могут ожидать от него в случае, если московские войска осадят их город. Ерик отвечал, что денег он по-пустому не даст, но если ревельцы захотят отдаться под его покровительство, то он не из властолюбия, а из христианской любви и для избежания московского невыносимого соседства готов принять их, утвердить за ними все их прежние права и защищать их всеми средствами. Ревельцы стали думать: от императора и Римской империи нечего надеяться помощи, от магистра также; Польша далеко, из нее также в надлежащее время помощь не придет, притом же у них с поляками разные обычаи, язык, вера; по дальности расстояния нет у них, как у рижан, торговли с поляками и Литвою, покормиться от них нечем; следовательно, от соединения с Польшею нет никакой выгоды, скорее конечное разорение; Дания уже прежде отвергла их предложение, и притом соединение с Швециею выгоднее по единству религии и по близости: по открытому морю легко получить помощь, легко торговать. Подумавши таким образом, ревельцы в июне 1561 года присягнули в верности шведскому королю с сохранением всех своих прав.

Уже из побуждений, заставивших ревельцев присоединиться к Швеции, легко было понять, что Ливония захочет примкнуть к Польше. «Мы, – говорили

ревельцы, – не кормимся от Польши и Литвы, как рижане»; следовательно, рижане привязывались торговыми интересами, Двиною к Литве; дворянство ливонское не менее рижских купцов желало соединения с Польшею, ибо ни в одной другой стране не видало более лестного положения своих собратий, и вот Кетлер завел сношения с виленским воеводою Николаем Радзивиллом насчет присоединения Ливонии к Польше; в ноябре 1561 года дело было кончено: Ливония с сохранением всех своих прав отошла к Польше, а магистр Кетлер получил Курляндию и Семигалию с титулом герцога и с подручными обязанностями к Польше. До нас дошло любопытное изложение причин, по которым в Польше считали необходимым присоединение Ливонии: «Ни в одной части государства нет такого количества городов, крепостей и замков, как в Пруссии, но Ливония богатством крепких мест превосходит Пруссию или по крайней уже мере равняется ей. Государство же Польское особенно нуждается в укрепленных местах, потому что с севера и востока окружено дикими и варварскими народами. Ливония знаменита своим приморским положением, обилием гаваней; если эта страна будет принадлежать королю, то ему будет принадлежать и владычество над морем. О пользе иметь гавани в государстве засвидетельствуют все знатные фамилии в Польше: необыкновенно увеличилось благосостояние частных людей с тех пор, как королевство получило во владение прусские гавани, и теперь народ наш не многим европейским народам уступит в роскоши относительно одежды и украшений, в обилии золота и серебра; обогатится и казна королевская взиманием податей торговых. Кроме этого как увеличатся могущество, силы королевства чрез присоединение такой обширной страны! Как легко будет тогда управляться с Москвою, как легко будет сдерживать неприятеля, если у короля будет столько крепостей! Но главная причина, заставляющая нас принять Ливонию, состоит в том, что если мы ее отвергнем, то эта славная своими гаванями, городами, крепостями, судоходными реками, плодородием страна перейдет к опасному соседу. Или надобно вести войну против Москвы с постоянством, всеми силами, или заключить честный и выгодный мир; но условия мира не могут назваться ни честными, ни выгодными, если мы уступим ей Ливонию. Но если мы должны непременно выгнать москвитян из Ливонии, то с какой стати нам не брать Ливонии себе, с какой стати отвергать награду за победу? Вместе с москвитянами должны быть изгнаны и шведы, которых могущество также опасно для нас; но прежде надобно покончить с Москвою».

Это изложение причин, почему Польша должна была овладеть Ливониею, показывало, почему и Москва стремилась к тому же; но у Польши были прусские гавани на Балтийском море, тогда как у Москвы не было никаких; вот почему Иоанн даже не хотел поделиться Ливониею с Сигизмундом-Августом, удержавши только свои завоевания в этой стране, ибо завоевания его, за исключением Нарвы, ограничились внутренними областями, не имевшими для него важного значения. Если в Польше хотели прежде покончить с Москвою, а потом уже обратить свои силы против Швеции, то и в Москве не хотели также иметь дела с двумя врагами вместе, и в начавшихся переговорах с Швецией царь не упоминал о Ревеле. Переговоры эти были не очень дружественны по другой причине: молодой король Ерик никак не мог равнодушно подчиняться унижительному обычаю, по которому он был обязан сноситься не прямо с царем, а с наместниками новгородскими. В

1560 году Ерик прислал послов с требованием, чтоб перемирные грамоты, написанные при отце его и скрепленные только печатями новгородских наместников, были скреплены печатью царскою, чтобы вперед ссылаться ему прямо с царем и чтоб в прежних грамотах уничтожить условие, по которому шведский король обязывался не помогать королю польскому и магистру ливонскому против Москвы. Чтоб испугать Иоанна, сделать его сговорчивее, шведские послы объявили, что император, короли польский и датский уговаривают Ерика к союзу против царя, за Ливонию. Но им отвечали: «Того себе в мыслях не держите, что государю нашему прародительские старинные обычаи порушить, грамоты перемирные переиначить; Густав-король таким же гордостным обычаем, как и государь ваш теперь, с молодости помыслил, захотел было того же, чтоб ему ссылаться с государем нашим, и за эту гордость свою сколько невинной крови людей своих пролил и сколько земле своей запустенья причинил? Да, то был человек разумный: грехом проступил и за свою проступку великими своими и разумными людьми мог и челом добить; а вашего разума рассудить не можем: с чего это в такую высоту начали? Знаете и сами: за неправду ливонских людей быстро лихое дело началось. а теперь укротить его кто может? А в Казанской и Астраханской земле? И не такие места великие государства гордостью было поднялись и в старинах своих быть не захотели, тем государя нашего гнев на себя подвигли; и за их неправды что с ними случилось, сами знаете. А вашего государя, Ерика короля, видим: не прибыло у него ниоткуда ничего, на старой своей земле. Нам кажется, что или король у вас очень молод, или старые люди все извелись и советуется он с молодыми – по такому совету такие и слова». Когда послы сказали, что царю не может быть тяжело самому ссылаться с королем, то бояре отвечали: «Тяжелее всего на свете прародительскую старину порушить». Старина не была нарушена: для подтверждения перемирия отправлены были в Швецию послы от имени новгородских наместников: по наговору толмача шведского посольства, который жаловался королю, что им в Новгороде и Москве было большое бесчестье, и московских послов приняли очень дурно в шведских владениях, причем Ерик был рад сорвать свое сердце; послы писали в Москву: «От короля нам было великое бесчестье и убыток: в Выборге нас речами бесчестили и бранили, корму не дали и своих запасов из судов взять не дали ж, весь день сидели мы взаперти, не евши». По приезде в Швецию отвели им комнаты без печей и лавок, к королю заставили идти пешком; позвавши на обед, король велел поставить перед ними мясные кушанья в Петров пост, зная, что они у приставов брали пищу постную; против поклона от наместников новгородских король с места не двинулся и шляпы не приподнял; три раза послов звали к королю и три раза ворочали с дороги.

Но эти неприятности не имели последствий, ибо все внимание царя было обращено теперь на Литву. И здесь Иоанн хотел было сначала решить дело мирным образом, посредством женитьбы своей на одной из сестер королевских; кроме возможности действовать чрез это родство на мирное соглашение относительно Ливонии у Иоанна могла быть тут другая цель: бездетным Сигизмундом-Августом прекращался дом Ягеллонов в Литве, и сестра последнего из Ягеллонов переносила в Москву права свои на это государство; о Польше же, как увидим, Иоанн мало думал. Он спросил митрополита, можно ли ему жениться на королевской сестре при известной степени свойства между ними вследствие

брака тетки его Елены с невестиным дядею Александром? Митрополит отвечал, что можно, и в Москве уже решили, как встречать королевну, где ей жить до перехода в православие; определили, что боярам на сговоре с панами о крещении не поминать, а начнут сами паны говорить, чтоб королевне оставаться в римском законе, то отговаривать, приводя прежние примеры – пример Софьи Витовтовны и сестры Олгердовой, которые были крещены в греческий закон; если же паны не согласятся, то и дела не делать; Федору Сукину, отправленному в Литву с предложением, дан был такой наказ: «Едучи дорогою до Вильны, разузнавать накрепко про сестер королевских, сколько им лет, каковы ростом, как тельны, какова которая обычаем и которая лучше? Которая из них будет лучше, о той ему именно и говорить королю. Если большая королевна будет так же хороша, как и меньшая, но будет ей больше 25 лет, то о ней не говорить, а говорить о меньшей; разведывать накрепко, чтоб была не больна и не очень суха; будет которая больна, или очень суха, или с каким-нибудь другим дурным обычаем, то об ней не говорить – говорить о той, которая будет здорова, и не суха, и без порока. Хотя бы старшей было и больше 25 лет, но если она будет лучше меньшей, то говорить о ней. Если нельзя будет доведаться, которая лучше, то говорить о королевнах безымянно; и если согласятся выдать их за царя и великого князя, то Сукину непременно их видеть, лица их написать и привести к государю. Если же не захотят показать ему королевен, то просить парсон (портретов) их написанных». Сукин допытался, что младшая королевна, Екатерина, лучше, и потому сделал королю предложение выдать ее за царя. Паны от имени Сигизмундова отвечали, что отец король, умирая, приказал семейство свое императору, и потому король хочет это дело делать так, как отец его дельвал, обослаться с императором и с иными королями, своими приятелями и родственниками – зятем, герцогом Брауншвейгским, и с племянником, королевичем венгерским. Притом теперь при короле нет польской Рады; король должен обослаться с нею, потому что королевны родились в Польше и приданое их там. Посол отвечал: «Мы видим из ваших слов нежелание вашего государя приступить к делу, если он такое великое дело откладывает в даль». Так кончились первые переговоры. Когда послы были призваны в другой раз, то Сигизмунд объявил им, что согласен выдать сестру Екатерину за царя; послы просили позволения ударить ей челом, но паны отвечали: «И между молодыми (т. е. незнатными) людьми не ведется, чтоб, решивши дело, сестер своих или дочерей давать смотреть». Послы говорили: «Не выдавши нам государыни королевны Катерины и челом ей не ударивши, что, приехав, государю своему сказать? Кажется нам, что у государя вашего нет желания выдать сестру за нашего государя!» Им отвечали, что нельзя видеть королевну явно, потому что у ней все придворные – поляки; они расскажут своим, что московские послы королевну видели, и у польской Рады с королем будет за это брань большая; а если послы хотят ее видеть, то пусть смотрят тайно, как пойдет в костел. Послы сперва не соглашались, но потом согласились.

Дело, однако, кончилось ничем: король хотел согласиться на брак своей сестры с Иоанном только в том случае, если б брак этот доставил ему выгодный мир; посол его Шимкович явился в Москву с требованием, чтоб прежде дела о сватовстве заключен был мир, для переговоров о котором вельможи с обеих сторон должны съехаться на границы, и до этого съезда Ливонии не воевать, Сигизмунд хотел пользоваться своим положением, как прежде пользовался

подобным же положением Иоанн III московский, когда Александр литовский искал руки его дочери Елены; Иоанн III также прежде дела о сватовстве требовал заключения мира; но если искательство родственного союза явилось теперь со стороны московского государя, то Иоанн IV, однако, вовсе не находился в положении Александра, которому во что бы то ни стало нужно было заключить мир и скрепить его женитьбою на Елене; царь не согласился на порубежные переговоры; мы видели, что в Москве считали тяжелее всего на свете нарушать прародительские обычаи, а эти обычаи требовали, чтоб мирные переговоры велись в Москве. Военные действия начались наступательным движением литовского гетмана Радзивилла на русских в Ливонии: после пятидневной осады он взял Тарваст в сентябре 1561 года; русские воеводы разбили литовцев под Пернау и разорили Тарваст, оставленный литовцами. 1562 год прошел в опустошительных набегах с обеих сторон; а между тем не прерывались и сношения между обоими дворами: Сигизмунд не имел ни средств, ни желания вести деятельную войну, ему хотелось длить время переговорами. Посол Корсак приезжал от него в Москву в начале 1562 года с жалобами, что Иоанн обижает короля и мира не хочет, хлопотал, чтоб военные действия были прекращены с обеих сторон впредь до ссылки; Иоанн отвечал Сигизмунду: «Во всем твоём писанье не нашли мы ни одного такого дела, которое было бы прямо написано: писал ты все дела ложные, складывая на нас неправду... Прежде этого ты послал к нам Яна Шимковича, а к Перекопскому писал, что Шимкович послан не делать дело, а разодрать его; и прежде посылал ты к Перекопскому свою грамоту, укорял в ней нас многими неподобными словами. И если уже так, то нам от тебя больше чего ждать? Всю неправду в тебе мы достаточно высмотрели».

Упреки Иоанна были справедливы: Сигизмунд не переставал поднимать хана на Москву, писал ему, что Иоанн, несмотря на перемирие с Литвою, воюет Ливонию, находящуюся под защитою королевскою; что он, Сигизмунд, не хочет нарушить клятвы и начать войну с Москвою до истечения перемирных лет, но что хану теперь самое удобное время напасть на Москву, потому что почти все полки ее находятся в Ливонии. Паны литовские по старому обычаю писали к митрополиту и боярам, чтоб они склоняли государя к миру и к уступке Ливонии, которая искони принадлежала королям польским и великим князьям литовским. Митрополит отвечал по царскому наказу: «И прежде бискуп и воевода виленский посланников и гонцов своих к нам присылали не один раз, и мы им отвечали, что мы люди церковные и нам до тех дел дела нет; также и теперь нам до тех дел дела нет, то ведают боговенчанного самодержца царя государя бояре и с панами ссылаются. И мы, как пастыри христианские, благовенчанному самодержцу напоминаем, чтоб он с пограничными своими соседями имел мир и тишину. Мы били челом государю, и он нашего челобитья не презрил, послал на литовских послов опасную грамоту». Бояре отвечали: «Только вспомнить старину, каким образом гетманы литовские Рогволодовичей Данила да Мовколда на Литовское княжество взяли и каким образом великому государю Мстиславу Владимировичу Монамашу к Киеву дань давали, то не только что Русская земля вся, но и Литовская земля вся – вотчина государя нашего, потому что начиная от великого государя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, до нынешнего великого государя нашего наши государи-самодержцы никем не посажены на своих государствах, а ваши государи – посаженные государи: так

который крепче – вотчинный ли государь или посаженный? – сами рассудите. Но такими речами, сколько их ни говорить на обе стороны, доброе дело не станется, а скорее к разлитию крови христианской придет; мы напомнили вам о Литве только для того, что вы в своей грамоте писали непригоже, задираясь за искони вечную вотчину государя нашего... Как Ливонская земля повиновалась прежде нашему государю, о том не только нам, но и многим землям известно; что нам о том и говорить, как Ягайло на дядю своего Кестутья нанимал ливонских немцев – вам это хорошо известно; посмотрите в ваших хрониках – найдете; и как Витовт, бегая от Ягайла, ливонских немцев нанимал – и то вам известно же; и как Ягайло и Витовт ходили в Немецкую землю к Марьину городку (Мариенбургу), и сколько у них немцы побили людей, и как литовские немцы с Ягайлом и Витовтом помирились на своей воле».

Доброго дела нельзя было достигнуть ни такими и никакими другими речами, а только делом, и в начале 1563 года сам Иоанн с большим войском и нарядом двинулся к литовским границам; целию похода был Полоцк – город, важный сам по себе и особенно по отношению к Ливонии, по торговой связи его через Двину с Ригою. 31 января город был осажден, 7 февраля взят был острог, а 15 февраля, после того как 300 сажен стены было выжжено, город сдался; воевода полоцкий Довойна, один из самых приближенных людей к королю, и епископ отосланы были в Москву, имение их, казна королевская, имение панов и купцов богатых, много золота и серебра отобрано было на царя; жида потоплены в Двине; но наемные воины королевские одарены шубами и отпущены числом больше 500 человек, дана им воля, вступить ли в царскую службу, ехать ли к королю или в другие земли, потому что они пришельцы из чужих земель. Уведомляя митрополита о взятии Полоцка, Иоанн велел ему сказать: «Исполнилось пророчество русского угодника, чудотворца Петра-митрополита о городе Москве, что взыдут руки его на плечи врагов его: бог несказанную свою милость изливал на нас, недостойных, вотчину нашу, город Полоцк, нам в руки дал». Царь возвратился в Москву так же торжественно, как из-под Казани: в Иосифовом монастыре встретил его старший сын, царевич Иван; на последнем ночлеге к Москве, в селе Крылатском, встретили его младший сын, царевич Феодор, брат Юрий, ростовский архиепископ Никандр с другими епископами, архимандритами, игуменами. Митрополит со всем духовенством московским встретил у церкви Бориса и Глеба на Арбате; Иоанн бил им челом, что милостию пречистой богородицы, молитвами великих чудотворцев и их молитвами господь бог милосердие свое свыше послал, вотчину его, город Полоцк, в руки дал. Духовенство государю многолетствовало на его вотчине, благодарение великое и похвалы воздавало, что своим великим подвигом церкви святые от иконоборцев-люторей очистил и остальных христиан в православие собрал. В Полоцке оставлены были трое воевод – князя Петр Иванович Шуйский, Василий и Петр Семеновичи Серебряные-Оболенские – с таким наказом: «Укреплять город наспех, не мешкая, чтоб было бесстрашно; где будет нужно, рвы старые вычистить и новые покопать, чтоб были рвы глубокие и крутые; и в остроге, которое место выгорело, велеть заделать накрепко, стены в три или четыре. Литовских людей в город (т.е. в крепость), приезжих и тутошних детей боярских, землян и черных людей ни под каким видом не пускать, а в какой-нибудь день торжественный, в великий праздник, попросятся в Софийский собор литовские

люди, бурмистры и земские люди, то пустить их в город понемногу, учинивши в это время береженье большое, прибавя во все места голов; и ни под каким бы видом без боярского ведома и без приставов ни один человек, ни шляхтич, ни посадский, в город не входил, в городе должны жить одни попы у церквей с своими семьями, а лишние люди у попов не жили бы. В городе сделать светлицу, и ночевать в ней каждую ночь воеводам с своими полками поочередно; с фонарем ходить по городу беспрестанно. Управу давать литовским людям, расспроси про здешние всякие обиходы как у них обычаи ведутся, по их обычаям и судить; судебню сделать за городом в остроге; выбрать голов добрых из дворян, кому можно верить, и приказать им судить в судебне всякие дела безволочитно и к присяге их привести, чтоб судили прямо, посулов и поминков не брали, а записывать у них земским дьякам, выбрав из земских людей; на суде быть с ними бурмистрам. Кто из детей боярских, шляхты и посадских людей останется жить на посаде, у тех бы не было никакого ратного оружия. Если в ком-нибудь из них воеводы приметят шатость, таких людей, не вдруг, затеявши какое-нибудь дело, ссылать во Псков, в Новгород, в Луки Великие, а оттуда в Москву».

Король, узнавши о взятии Полоцка, послал к хану крымскому с выговорами, зачем тот уверил его, что пойдет зимою на Москву, и не пошел, а между тем Иоанн, безопасный с этой стороны, пришел со всею своею землей в Литву и взял Полоцк; королевская же Рада прислала к боярам просить, чтоб московские войска удержались от дальнейших неприятельских действий, что послы литовские будут к Успеневу дню в Москве. Иоанн велел унять войну; пересылки продолжались. В это время князь Дмитрий Вишневецкий оставил московскую службу по неизвестным причинам и перешел опять в Литву, но с тем, чтоб и здесь недолго оставаться. Гонцу Клобукову, отправленному в Литву, дан был наказ: «Если спросят о Вишневецком, то отвечать: притек он к государю нашему, как собака, и потек от государя, как собака же, а государю нашему и земле убытка никакого не учинил». Но на деле в Москве не были равнодушны к бегству удалого козака, который оказал так много услуг царю против Крыма и мог оказывать теперь услуги королю против царя; Клобукову наказано было разведывать: «Как приехал князь Дмитрий Вишневецкий на королевское имя, то король ему жалованье дали, и живет при короле ли, и в какой версте держит его у себя король? Да разведывать про Черкасских – Алексея и Гаврилу: каков их приезд был к королю и чем их король пожаловал? Если Алешка Черкасский пришлет к гонцу и объявит, что хочет опять ехать к государю, то отвечать ему, что челобитье его будет донесено до государя».

Король по-прежнему старался только протянуть время, чтоб иметь возможность собраться с силами и поднять хана: теперь, по взятии Полоцка, он менее чем когда-либо мог надеяться на заключение выгодного мира или даже перемирия. Он прислал гонца с предложением продлить перемирие вместо Успеняго дня до Благовещенья, но царь не согласился и продлил срок только до 6 декабря того же 1563 года. Уведомив об этом хана, король велел сказать ему, что переговоры с Москвою будут ведены только для освобождения пленных, взятых в Полоцке, а мир заключен не будет, чтоб он, хан, поэтому шел непременно зимою на Москву, которой все силы тогда будут устремлены на Литву, что если и заключено будет перемирие, то не далее, как только до июля месяца; посол королевский должен был спросить у хана, надобно ли королю послать к султану,

чтоб поднять и его на Иоанна. Эти сношения остались тайною для Москвы, но обнаружались другие, и когда приехали в Москву послы литовские – крайчий Ходкевич и маршалок Волович, то бояре встретили их упреками, что троцкий воевода присылал в Тарваст к боярскому сыну князю Кропоткину с грамотою, в которой звал его отъехать к королю, выставляя на вид жестокости Иоанновы; перехвачены были грамоты Сигизмунда-Августа к королю шведскому, в которых он старался уговорить последнего к войне с Москвою; Иоанн велел сказать послам: «Это ли брата нашего правда, что ссылается с шведским на нас; а что он не бережет своей чести, пишется шведскому братом равным, то это его дело, хотя бы и водовозу своему назвался братом – в том его воля. А то брата нашего правда ли? К нам пишет, что Лифляндская земля – его вотчина, а к шведскому пишет, что он вступился за убогих людей, за повоенную и опустошенную землю; значит, это уже не его земля! Нас называет беззаконником, а какие в его земле безбожные беззакония совершаются, о том не думает (Иоанн разумел здесь распространение протестантизма в Сигизмундовых владениях). Брат наш к шведскому, пригоже ли такое укорительное слово, пишет, что москвичи – христианские враги, что с ними нельзя постоянного мира, дружбы и союза иметь? Потом епископы и паны оказали неподобную гордость: прежде они назывались братьями и грамотами ссылались с нашими боярами, а теперь затеяли ссылаться с митрополитом, тогда как митрополит у нас в такой же чести, как наши братья: так пригоже ли подданным нашим митрополиту братьями писаться?» Послы сказали на это, что митрополит должен сноситься с епископом виленским, а не с панами и братство у него с епископом; бояре отвечали, что епископ митрополиту не ровня: над епископом есть еще архиепископ, а потом уже митрополит. Бояре упрекали послов и в нарушении последнего перемирия: ротмистр князь Михайла Вишневецкий с белгородскими татарами приходил на московские украины; приходил к Новгороду Северскому с козаками черкасскими и литовскими и белгородскими татарами.

Когда начались переговоры о мире, то бояре потребовали Волыни, Подолии и Галича; послы отвечали, что это земли польские, а не литовские и они, как литовские послы, о чужих землях говорить не могут, говорить о них должны польские послы. Потом начались уступки: Иоанн сначала уступил Подольскую землю, потом Волынскую, потом Киев с днепровскими городами. Дело остановилось на Полоцком повете и на орденских владениях, потому что послы, уступая Полоцк, как занятый русскими войсками, не уступали его повета и орденских владений. Иоанн из последних уступил еще Курляндию, назначил Двину границею между своими и королевскими владениями и на этом условии хотел заключить перемирие лет на 10 или на 15, но послы не согласились. Тогда Иоанн, повинувшись требованиям своей природы, нарушил обычай, велел позвать послов к себе и стал сам с ними говорить: «Я, государь христианский, презрел свою царскую честь, с вами, брата своего слугами, изустно говорю; что надобно было боярам нашим с вами говорить, то я сам с вами говорю: если у вас есть от брата нашего указ о любви и добром согласии, как между нами доброе дело постановить, то вы нам скажите». Ходкевич отвечал: «Милостивый государь великий князь! Позволь перед собою говорить нашему писарю (Гарабурде), потому что я рос при государе своем короле от молодых дней и язык мой русский помешался в пословицах с польским языком, так что речей моих и не узнать, что

стану говорить». Иоанн отвечал: «Юрий! Говори перед нами безо всякого сомнения, если что и по-польски скажешь, мы пойдем. Вы говорите, что мы припоминали и те города, которые в Польше, но мы припомнили не новое дело: Киев был прародителя нашего, великого князя Владимира, а те все города были к Киеву; от великого князя Владимира прародителя наши, великие государи, великие князья русские, теми городами и землями владели, а зашли эти земли и города за предков государя вашего невзгодами прародителей наших, как приходил Батый на Русскую землю, и мы припоминаем брату нашему не о чужом, припоминаем о своей искони вечной вотчине. Мы у брата своего чести никакой не убавляем; а брат наш описывает наше царское имя не сполна, отнимает, что нам бог дал; изобрели мы свое, а не чужое; наше имя пишут полным именованьем все государи, которые и повыше будут вашего государя; и если он имя наше сполна описывать не хочет, то его воля, сам он про то знает. А прародители наши ведут свое происхождение от Августа-кесаря, так и мы от своих прародителей на своих государствах государи, и что нам бог дал, то кто у нас возьмет? Мы свое имя в грамотах описываем, как нам бог дал; а если брат наш не пишет нас в своих грамотах полным наименованием, то нам его списывание не нужно». Бояре в разговоре с послами вывели так генеалогию государей московских: Август-кесарь, обладающий всею вселенною, поставил брата своего, Пруса, на берегах Вислы-реки по реку, называемую Неман, и до сего года по имени его зовется Прусская земля, а от Пруса четырнадцатое колено до великого государя Рюрика.

Но хотя Иоанн и объявил, что не нуждается в царском титуле от короля, хотя таким образом одно из препятствий к миру было отстранено, однако теперь было другое препятствие, важнейшее – Ливония; Ходкевич не мог согласиться на царские условия и уехал ни с чем. Военные действия открывались неудачей москвитян: в несчастных для московского войска местах, недалеко от Орши, на реке Уле, гетман Радзивилл разбил князя Петра Ивановича Шуйского; последний лишился жизни вместе с двумя князьями Палецкими; двое воевод – Захар Плещеев и князь Иван Охлябинин – были взяты в плен; из детей боярских было убито немного, все разбежались, потому что дело было к ночи. Но и этого, второю, Оршинскою битвою литовское войско так же мало воспользовалось, как и первую; отъезд Курбского не увлек других воевод: начальствовавший в Полоцке князь Петр Щенятев не принял предложений Радзивилла и не сдал вверенного ему города; русские взяли Озерище, отразили литовцев от Чернигова; действия Курбского в Великолуцкой области состояли только в опустошениях открытых мест; в Ливонии дела шли с переменным счастьем.

Начались опять переговоры; опять приехал гонец от епископа и панов к митрополиту и боярам для задирки, но согласно с прежним объявлением, что митрополиту непригоже сноситься с епископом, гонца к митрополиту не пустили, представлялся он только боярам, которые отвечали, что государь мира хочет и неприятельские действия прекращает. Опасную грамоту на литовских послов царь отправил с гонцом Желнинским, которому дан был такой наказ: «Если спросят про Андрея Курбского, для чего он от государя побегал, то отвечать: государь было его пожаловал великим жалованьем, а он стал государю делать изменные дела; государь хотел было его понаказать, а он государю изменил; но это не диво; езжали из государства и не в Курбского версту, да и те изменники государству

Московскому не сделали ничего; Божиим милосердием и государя нашего здоровьем Московское государство не без людей; Курбский государю нашему изменил, собакою потек, собацки и пропадет. А если спросят о дерптских немцах, для чего их царь из Дерпта велел перевести в московские города, отвечать: перевести немцев государь велел для того, что они ссылались с магистром ливонским, велели ему прийти под их город со многими людьми и хотели государю изменить. Если спросят: зимою государь ваш куда ездил из Москвы и опалу на многих людей для чего клал, отвечать: государь зимою был в слободе и положил опалу на бояр и дворян, которые ему изменные великие дела делали, и за великие измены велел их казнить». Желнинскому при встрече с Курбским и другими изменниками запрещено было с ними говорить. Когда приехал литовский гонец Юрьяга в Москву, то приставу дан был также наказ, как с ним говорить: «Если спросит: что это теперь у государя вашего слывет опричина, отвечать: у государя никакой опричины нет, живет государь на своем царском дворе, и, которые дворяне служат ему правдою, те при государе и живут близко, а которые делали неправды, те живут от государя подальше; а что мужичье, не зная, зовет опричиной, то мужичьим речам верить нечего; волен государь, где хочет дворы и хоромы ставить, там и ставит; от кого государю отделяться?»

Юрьяга приезжал с известием о больших послах, Ходкевиче и Тишкевиче; когда они приехали в Москву, приставам был дан наказ: «Если спросят послы о князе Михайле Воротынском, про его опалу, то отвечать: бог один без греха, а государю холоп без вины не живет; князь Михайла государю погрубил, и государь на него опалу было положил; а теперь государь его пожаловал по-старому, вотчину его старую, город Одоев и Новосиль, совсем ему отдал, и больше старого Послы о вечном мире не стоворились: начали толковать о перемирии, уступали Полоцк и в Ливонии все земли, занятые московским войском. Царь не согласился, требовал Риги и других городов, уступая королю Курляндию и несколько городов по его сторону Двины. Послы не согласились и объявили, что всего легче мир может быть заключен при личном свидании государя с королем на границах. Иоанн охотно согласился на это предложение, но требовал чтоб послы тут же положили, как быть съезду и всем церемониям; послы отказались решить такое важное дело и требовали сроку для приезда новых послов. Но государь приговорил с боярами, что о съезде с послами не говорить, потому что этими переговорами дело только затянется, а угадать нельзя, захочет ли король сам быть на съезде или не захочет. Он только время будет проволакивать. Лучше отправить к королю своих послов для переговоров о Ливонской земле и Полоцком повете; они проведуют на короле, как он хочет с государем о Ливонской земле порешить. Да проведать бы послам в Литве про все литовские вести: как король с императором и с поляками, в согласии ли? Какое его вперед умышление? А в то время как государские послы будут у короля, государь велит готовиться к своему большому походу на Ливонскую землю, велит всякого запаса и наряду прибавить.

Согласие короля на уступку всех городов и земель, занятых московскими войсками, заставило Иоанна задуматься; ему, естественно, представлялся вопрос, следует ли продолжать тяжелую войну, успехи которой были очень сомнительны. Оршинское поражение, отъезд Курбского подавали мало надежды; перемирие с удержанием всех завоеваний, и каких завоеваний – Юрьева, Полоцка, – такое перемирие было славно; притом король слаб здоровьем, бездетен: вся Литва без

войны может соединиться с Москвою! Но с другой стороны, отказаться от морских берегов, отказаться, следовательно, от главной цели войны, позволить литовскому королю удержать за собою Ригу и другие важные города ливонские, взятые даром благодаря русскому же оружию, было тяжело, досадно для Иоанна. Он не хотел решить этого вопроса один; но ему было недостаточно мнения опальных бояр, мнения людей, которых он подозревал в неискренности, в злоумышлениях; ему хотелось знать, что думают другие сословия о войне; но узнать об этом, по его мнению, было нельзя ни чрез опричников, стоявших враждебно к остальному народонаселению, ни чрез бояр земских, от которых он не ожидал правды; обращаться ко всей земле в виде выборных не было новостью для Иоанна: мы видели, как он в молодости своей созывал выборных к Лобному месту, чтоб торжественно очистить себя от обвинения в прежних бедствиях народных и сложить вину их на бояр. Летом 1566 года царь велел собрать духовенство, бояр, окольных, казначеев, государевых дьяков, дворян первой статьи, дворян и детей боярских второй статьи, помещиков с западных, литовских границ, торопецких и луцких, как людей, которым более других знакомы местные отношения, дьяков и приказных людей, гостей, лучших купцов московских и смолян, предложил им условия, на которых хочет помириться с королем, и спрашивал их совета. Духовенство – девять архиереев, четырнадцать архимандритов и игуменов, девять старцев – совет учинили такой: «Велико смирение государское! Во всем он уступает, уступает королю пять городов в Полоцком повете, по Задвинью уступает верст на 60 и на 70 на сторону, город Озерище, волость Усвятскую в Ливонской земле, в Курской земле (Курляндии) за Двиною 16 городов, да по ею сторону Двины 15 городов ливонских с их уездами и угодьями, пленных полочан отпускает без окупы и без размены, а своих пленных выкупает: государская перед королем правда великая! Больше ничего уступить нельзя, пригоже стоять за те города ливонские, которые король взял в обереганье, – Ригу, Венден, Вольмар, Ранненбург, Кокенгаузен и другие города, которые к государским порубежным городам, псковским и юрьевским, подошли; если же не стоять государю за эти города, то они укрепятся за королем, и вперед из них будет разорение церквам, которые за государем в ливонских городах; да не только Юрьеву, другим городам ливонским и Пскову будет большая теснота, Великому Новгороду и другим городов торговым людям торговля затворится. А в ливонские города король вступился и держит их за собою не по правде, потому что, когда государь наш на Ливонскую землю наступил за ее неисправление, магистра, епископа и многих людей пленом свел, города ливонские побрал и православием просветил, церкви в них поставил, тогда остальные немцы, видя свое изнеможение, заложились за короля с своими городами. А когда государь наш на Ливонскую землю не наступал, то король мог ли хотя один город ливонский взять? А Ливонская земля от прародителей, от великого государя Ярослава Владимировича, принадлежит нашему государю. А и то королева, правда ли? Будучи с государем нашим в перемирье, королевские люди пришли да взяли наш город Тарваст и людей свели. И наш совет, что государю нашему от тех городов ливонских, которые король взял в обереганье, отступить непригоже, а пригоже за них стоять. А как государю за них стоять, в том его государская воля, как его бог вразумит; а нам должно за него, государя, бога молить; а советовать о том нам непригоже. А что королевы послы дают к Полоцку земли по сю сторону вверх по

Двине на 15 верст, а вниз на 5 верст, а за Двину земли не дают, рубежом Двину станоят, то можно ли, чтоб городу быть без уезда? И села и деревни без полей и без угодий не живут, а городу как быть без уезда?»

Бояре, окольные и приказные люди говорили: «Ведает бог да государь, как ему, государю, бог известит; а нам кажется, что нельзя немецких городов королю уступить и Полоцк учинить в осаде. Если у Полоцка заречье уступить, то и посады заречные полоцкие будут в королевой стороне; по сю сторону Двины в Полоцком повете все худые места, а лучшие места все за Двиною. И если в перемирные лета литовские люди за Двиною поставят город, то, как перемирье выйдет, Полоцку не простоять; а если в ливонских городах у короля придёт рати, тогда и Пскову будет нужда, не только Юрьеву с товарищами. Так чем давать королю свою рать пополнять, лучше государю теперь с ним на таком его высоком безмерье не мириться. Государь наш много сходил ко всякому добру христианскому и на себя поступал; а литовские послы ни на какое доброе дело не сошли: как замерыли великим безмерием, так больше того и не говорят, потому лучше теперь, прося у бога милости, государю промышлять с королем по своей правде; король над государем верха не взял: еще к государю божия милость больше прежнего. О съезде у бояр, окольных и приказных людей такая мысль: литовским послам о съезде отказать; боярам с панами на рубеже быть непригоже и прежде того не бывало; если же король захочет с государем нашим съехаться и договор учинить, то в этом государи вольны для покоя христианского. Известно, послы литовские все говорят о съезде для того, чтоб немного поманить, а между тем с людьми пособратиться, с поляками утвердиться, Ливонскую землю укрепить, рати в ней прибавить; а по всем вестям, королю недосуг, с цесарем у него брань, и если Польша будет в войне с цесарем, то Литовской земле помощи от поляков нечего надеяться. По всем этим государским делам мириться с королем непригоже; а нам всем за государя головы свои класть, видя королеву высоту, и надежду на бога держать: бог гордым противится; во всем ведает бог да государь; а нам как показалось, так мы и изъявляем государю свою мысль». Печатник Висковатый сказал свою мысль отдельно, что можно заключить перемирие с королем и не требуя уступки ливонских городов, но только чтоб король вывел из них свои войска и не мешал государю их добывать, обязался бы также не помогать им даже и после истечения перемирных лет. Дворяне и дети боярские говорили согласно с духовенством и боярами; торопецкие помещики сказали: «Мы, холопы государевы, за одну десятину земли Полоцкого и Озерицкого поветов головы положим, чем нам в Полоцке помереть запертым; мы, холопы государские, теперь на конях сидим и за государя с коня помрем. Государя нашего перед королем правда; как государь наш Ливонской земли не воевал, тогда король не умел вступаться, а теперь вступается. По-нашему, за ливонские города государю стоять крепко, а мы, холопы его, на государево дело готовы». Остальные отвечали в том же смысле.

Отбравши такие мнения, Иоанн отправил в Литву боярина Умнога-Колычова с наказом – не заключать перемирия не только без Ливонии, но даже если король откажется давать ему титул царя и ливонского и не согласится выдать Курбского; в наказе было также написано: «Если литовские паны станут говорить, чтоб царь дал им на государство царевича Ивана, то отвечать: с нами о том наказу никакого нет, и нам о таком великом деле без наказа как говорить?»

Если это дело надобно государю вашему или вам, панам, то отправляйте к государю нашему послов: волен бог да государь наш, как захочет делать. Если кто станет спрашивать: для чего государь ваш велел поставить себе двор за городом, отвечать: для своего государского прохладу; а если кто станет говорить, что государь ставит дворы для раздела или для того, что положил опалу на бояр, то отвечать: государю нашему для этого дворов ставить нечего: волен государь в своих людях – добрых жалует, а лихих казнит; а делиться государю с кем? Кто станет говорить, что государь немилостив, казнит людей, и станут говорить про князя Василия Рыбина и про Ивана Карамышева, то отвечать: государь милостив, а лихих везде казнят; и про этих государь сыскал, что они мыслили над ним и над его землею лихо. Если паны Рада спросят: вы говорили нашему государю на посольстве, чтоб он отдал вашему государю князя Андрея Курбского и других детей боярских, которые к нашему государю приехали, но прежде ни при которых государях не бывало, чтоб таких людей назад отдавать, отвечать: государь наш приказал об этих изменниках для того, что они между государями ссоры делают и на большее кровопролитие христианское поднимают. А если спросят: какие от князя Андрея государю вашему измены, отвечать: над государем, царицею Анастасиею и их детьми умышлял всякое лихое дело; начал называться отчимем ярославским, хотел на Ярославле государить».

Колычев уведомил Иоанна, что предложения его отвергнуты, что посольству московскому оказано в Литве большое бесчестье, кормов не давали, что король отправил в Москву гонца Быковского с разметом, т.е. с объявлением войны. Быковский встретил Иоанна на дороге в Новгород; царь принял его в шатре, вооруженный, все окружавшие были также в доспехах; после жалоб на дурное обращение с Колычевым Иоанн сказал гонцу: «Ты не дивись, что мы сидим в воинской приправе; пришел ты к нам от брата нашего, Сигизмунда-Августа, с стрелами, и мы потому так и сидим». Быковский отвечал жалобою что послы, Колычев с товарищами, ничего доброго не сделали; когда у них решено было с павами не начинать войны до 1 октября 1567 года и начали писать грамоту, то послы не захотели взять этой грамоты, потому что в ней Ходкевич был назван администратором ливонским. Свидетельствуясь богом, что не от него начинается война, король объявлял ее чрез Быковского с обещанием, однако, принять московского посла. Царь и сын его, царевич Иоанн, выслушавши королевскую грамоту, приговорили с боярами задержать Быковского за то, что в грамоте, им привезенной, писаны супротивные слова; имение Быковского и товары пришедших с ним купцов были описаны в казну. Иоанн отправился в Новгород, оттуда выступил было в поход, но на совете с воеводами решил ограничиться оборонительною войною. В начале 1568 года гетман Ходкевич осадил московскую крепость Улу, но принужден был снять осаду по причинам, о которых он так доносил королю: «Прибывши под неприятельскую крепость Улу, я стоял под нею недели три, промышляя над нею всякими средствами. Видя, что наши простые ратные люди и десятники их трусят, боятся смерти, я велел им идти на приступ ночью, чтоб они не могли видеть, как товарищей их будут убивать, и не боялись бы, но и это не помогло. Другие ротмистры шли хотя и нескоро, однако кое-как волоклись; но простые ратные люди их все попрятались по лесу, по рвам и по берегу речному; несмотря на призыв, увещания, побои (дошло до того, что я собственные руки окровавил), никак не хотели идти к крепости и, чем больше их

гнали, тем больше крылись и убегали, вследствие чего ночь и утро прошли безо всякой пользы. Также и нанятые мною козаки только что дошли до рва – и бросились бежать. Тогда я отрядил немцев, пушкарей и слуг моих (между ними был и Орел-москвич, который перебежал ко мне из крепости): они сделали к стене примет и запалили крепость; но наши ратные люди несколько им не помогли и даже стрельбою не мешали осажденным гасить огонь. Видя это, я сам сошел с коня и отправился к тому месту, откуда приказал ратным людям двинуться к примету: хотел я им придать духу, хотел или отслужить службу вашей королевской милости, или голову свою отдать, но, к несчастью моему, ни того, ни другого не случилось. После долгих напоминаний, просьб, угроз, побоев, когда ничто не помогло, велел я татарским обычаем кидать примет, дерево за деревом. Дело пошло было удачно, но храбрость москвичей и робость наших всему помешали: несколько москвичей выскочили из крепости и, к стыду нашему, зажгли примет, а наши не только не защитили его, но и разу выстрелить не смели, а потом побежали от шанцев. Когда я приехал к пушкам, то не только в передних шанцах, но и во вторых и в третьих не нашел пехоты, кроме нескольких ротмистров, так что принужден был спешить четыре конные роты и заставить стеречь пушки ибо на пехоту не было никакой надежды».

Возвратившись в Александровскую слободу, Иоанн оттуда писал к боярам в Москву, велел им поговорить о литовском деле и отписать к нему в слободу, мириться ли с королем или не мириться. И в то же время велел обходиться лучше с Быковским. Бояре отвечали, что надобно Быковского отпустить к королю и с ним в грамоте отписать королевские неправды, что король государевых послов, Колычева с товарищами, задерживал не по прежним обычаям, бесчестил их, и иные неправды короля припомнить, а после в той же грамоте королю написать поглаже, для того чтоб сношений с ним не порвать, и если король захочет прислать гонца или посланника, то дать ему чистую дорогу; а рухлядь Быковскому и купцам отдать или заплатить деньгами, чего стоит. Царь на это отвечал вторым запросом: мириться или не мириться, и если мириться, то на чем? Бояре отвечали, что, когда король возобновит сношения, тогда и рассуждать, смотря по его присылке; Ливонской земли не уступать по прежнему приговору. Иоанн велел боярам сделать так, как они думают; но Быковскому и купцам всего имения их не отдали, и когда гонец на отпуску жаловался на это, то Иоанн отвечал ему: «Чем мы тебя пожаловали, что велели тебе дать из своей казны, с тем и поезжай: пришел ты к нам с разметом, так довольно с тебя и того, что мы крови твоей пролить не велели; а если будет между нами и братом нашим, Сигизмундом-королем, ссылка о добром деле, то твое и вперед не уйдет». В грамоте к королю Иоанн писал, что он за грубую его грамоту хотел было идти на него войною, но моровое поветрие помешало; задержка Быковского объяснялась так: «Исстари велось: которые приедут с разметом, тем живота не давали».

В Литве очень обрадовались возвращению Быковского, возобновлению сношений, потому что состояние королевского здоровья заставляло думать о важных переменах: в Москву приехал гонец с просьбою об опасной грамоте на больших послов и в поклоне от короля назвал Иоанна царем, Иоанн велел печатнику спросить у гонца в разговоре, что значит эта новость? Гонец отвечал, что велели ему это сделать пань радные, чтоб почесть оказать государю. Следствием такой почести было то, что гонцу отдали задержанное имение

Быковского; опасная грамота также была дана. Но уже по отъезде гонца пришла весть, что литовские воеводы, князя Полубенские, из Вольмара овладели нечаянно Изборском; царь послал своим воеводам приказ отнять Изборск у Литвы, и приказ был исполнен. С жалобой на Полубенских и с требованием отпуска пленного воеводы изборского отправлен был в Литву сын боярский Мясоедов, которому поручено было разведать: «Которым обычаем слово в Литве и Польше носится, что хотят взять на Великое княжество Литовское и на Польшу царевича Ивана, и почему это слово в люди пущено? Обманом или вправду того хотят, и все ли люди того хотят, и почему то слово делом не объявится, а в людях носится?» Мясоедову дан был также наказ: «Станет с ним говорить князь Андрей Курбский или иной который государев изменник, то отвечать: с изменником что говорить? Вы своею изменою сколько ни лукавствуете бесовским обычаем, а бог государю свыше подает на врагов победу и вашу измену разрушает; больше того не говорить ничего и пойти прочь; а с простым изменником итога не говорить: выбрав его, плюнуть в глаза, да и пойти прочь».

В 1570 году приехали большие послы литовские Ян Кротошевский и Николай Тавлош. При переговорах начались опять споры о полоцких границах, насчет которых никак не могли согласиться. Тогда послы, чтоб облегчить дело, попросили позволения переговорить с самим царем и объявили, что ему особенно выгодно заключить мир; когда Иоанн спросил, почему, то послы отвечали: «Рада государя нашего Короны Польской и Великого княжества Литовского советовались вместе о том, что у государя нашего детей нет, и если господь бог государя нашего с этого света возьмет, то обе рады не думают, что им государя себе взять от бусурманских или от иных земель, а желают избрать себе государя от славянского рода, по воле, а не в неволю, и склоняются к тебе, великому государю, и к твоему потомству». Царь отвечал: «И прежде эти слухи у нас были; у нас божиим милосердием и прародителей наших молитвами наше государство и без того полно, и нам вашего для чего хотеть? Но если вы нас хотите, то вам пригоже нас не раздражать, а делать так, как мы велели боярам своим с вами говорить, чтоб христианство было в покое». Иоанн в длинной речи (занимающей 44 страницы в посольской книге) рассказывал послам по порядку историю отношений Москвы к Литве в его царствование и заключил, что война не от него, а от короля. Когда Иоанн кончил, то послы сказали, что они некоторых речей вполне не поняли, потому что иных русских слов не знают, и потому государь велел бы им дать речь свою на письме; Иоанн отвечал, что писарь их все слышал и понял и может им рассказать; писарь испугался и сказал: «Милостивый государь! Таких великих дел запомнить невозможно: твой государский от бога дарованный разум выше человеческого разума».

Заключено было перемирие на три года с оставлением всего, как было, с тем чтоб в эти три года переговаривать о мире. Для подтверждения перемирия отправлены были в Литву князя Канбаров и Мещерский, которым дан был такой наказ: «Если станут говорить: государь ваш в Новгороде, Пскове и Москве многих людей казнил, отвечать: разве вам это известно? Если скажут, что известно, то говорить: если вам это известно, то нам нечего вам и рассказывать: о котором лихом деле вы с государскими изменниками лазучеством ссылались, бог ту измену государю нашему объявил, потому над изменниками так и случилось: нелепо было это и затевать; когда князь Семен Лугвений и князь Михайла Олелькович в

Новгороде были, и тогда Литва Новгорода не умела удержать; а чего удержать не умеем, зачем на то и посягать? Если спросят: зачем государь ваш казнил казначея Фуникова, печатника Висковатого, дьяков, детей боярских и подьячих многих, отвечать: о чем государский изменник Курбский и вы, паны радные, с этими государскими изменниками ссылались, о том бог нашему государю объявил; потому они и казнены, и кровь их взыщется на тех, которые такие дела лукавством делали, а Новгороду и Пскову за Литвою быть непригоже». Дан был наказ, как поступать послам в случае смерти Сигизмунда и избрания нового короля: «Если король умер и на его место посадят государя из иного государства, то с ним перемирия не подтверждать, а требовать, чтоб он отправил послов в Москву. А если на королевстве сядет кто-нибудь из панов радных, то послам на двор не ездить; а если силою заставят ехать и велят быть в посольстве, то послам, вошедши в избу, сесть, а поклона и посольства не править, сказать: это наш брат; к такому мы не присланы; государю нашему с холопом, с нашим братом, не приходится через нас, великих послов, ссылатся». Послы присылали в Москву приятные донесения: «Из Вильны все дела король вывез; не прочит вперед себе Вильны, говорит: куда пошел Полоцк, туда и Вильне ехать за ним; Вильна местом и приступом Полоцка не крепче, а московские люди, к чему приступятся, от того не отступятся. Обе рады хотят на королевство царя или царевича; у турецкого брать не хотят, потому что мусульманин и будет от турок утеснение; у цесаря взять – обороны не будет, и за свое плохо стоит; а царь – государь воинственный и сильный, может от турецкого султана и от всех земель оборонять и прибавление государством своим сделать. Хотели уже послать бить челом царю о царевиче, да отговорил один Евстафий Волович по королевскому темному совету, потому что король придумал вместо себя посадить племянника своего, венгерского королевича, но королевич умер. В Варшаве говорят, что, кроме московского государя, другого государя не искать; говорят, что паны уже и платье заказывают по московскому обычаю и многие уже носят, а в королевнину казну собирают бархаты и камки на платье по московскому же обычаю; королевне очень хочется быть за государем царем».

Но Иоанна мало прельщало это избрание в короли его самого или сына его: и человеку менее его разумному оно не могло казаться очень вероятным; по-прежнему его занимала одна задушевная мысль – приобрести Ливонию. Он соглашался наконец отдать и Полоцк Литве за Ливонию, но мог ли король согласиться на это? Если бы даже Сигизмунд-Август и сейм согласились предать вверившиеся им города, то последние могли найти других защитников, как, например, Ревель был уже во власти шведов, да и без защитников приморские города могли долго держаться против войска московского. Одним словом, для достижения непосредственного владычества над Ливониею требовалось еще много крови, много времени; и вот Иоанн напал на мысль о владычестве посредственном, на мысль дать Ливонии немецкого правителя, который бы вошел в подручные отношения к государю московскому, как герцог курляндский к польскому королю. В 1564 году Иоанн предложил пленнику своему, старому магистру Фюрстенбергу, возвратиться в Ливонию и господствовать над нею, если согласится, от имени всех чинов и городов ливонских, присягнуть ему и потомкам его в верности как своим наследственным верховным государям; но Фюрстенберг отказался от предложения, не соглашаясь изменить клятве, данной им Римской

империи. Так рассказывают ливонские летописцы; но другие вести были получены при дворе польском в конце 1564 года: сюда писали из Москвы, что посол от великого магистра Немецкого ордена, восстановленного по имени в Германии, исходатайствовал у царя свободу Фюрстенбергу на следующих пяти условиях: 1) по возвращении в Ливонию Фюрстенберг обязан восстановить все греческие церкви; 2) все главные крепости Ливонии остаются в руках московских; 3) в совете магистра будут всегда заседать шесть московских чиновников, без которых он не может решать ничего; 4) если магистр будет иметь нужду в войске, то должен обращаться с просьбою о нем только в Москву, а не к другим государствам, разве получит на то согласие царское; 5) по смерти Фюрстенберга царь назначает ему преемника. Весть об этой сделке с Фюрстенбергом сильно беспокоила короля Сигизмунда-Августа; но в январе 1565 года пришло другое известие, что Фюрстенберг, собираясь отправиться в Ливонию, умер. В это время особенною благосклонностию царя пользовались двое пленных ливонских дворян – Иоган Таубе и Елерт Крузе; они не переставали утверждать Иоанна в мысли дать Ливонии особого владетеля с вассальными обязанностями к московскому государю и по смерти Фюрстенберга указывали ему на двух людей, способных заменить его, именно на преемника Фюрстенберга – Кетлера, теперь герцога курляндского, и на датского принца Магнуса, владетеля эзельского. Чтоб вести дело успешнее на месте, Таубе и Крузе отправились в Дерпт и оттуда написали сперва к Кетлеру; тот отказался; тогда они обратились к Магнусу, который принял предложение и в 1570 году приехал в Москву, где Иоанн объявил его королем ливонским и женихом племянницы своей Евфимии, дочери Владимира Андреевича; жителям Дерпта позволено было возвратиться в отечество; Магнус дал присягу в верности на следующих условиях: 1) если царь сам выступит в поход и позовет с собою короля Магнуса, то последний обязан привести с собою 1500 конницы и столько же пехоты; если же царь сам не выступит в поход, то и Магнус не обязан выступать; войско Магнусово получает содержание из казны царской; если Магнус поведет свое войско отдельно от царя, то считается выше всех воевод московских; если же Магнус не захочет сам участвовать в походе, то обязан внести в казну царскую за каждого всадника по три талера, а за каждого пехотинца – по полтора. Если сам царь лично не ведет своих войск, то Магнус не обязан присылать ни людей, ни денег до тех пор, пока вся Ливония совершенно будет успокоена; 2) если Магнус будет вести войну в Ливонии и царь пришлет туда же московских воевод, то король имеет верховное начальство над войском, советуясь с воеводами; 3) Магнусу, его наследникам и всем жителям Ливонии даруются все прежние права, вольности, суды, обычаи; 4) сохраняют они свою религию аугсбургского исповедания; 5) города ливонские торгуют в московских областях беспошлинно и без всяких зацепок. Наоборот, король Магнус дает путь чистый в московские области всем заморским купцам с всяким товаром, также всяким художникам, ремесленникам и военным людям; 6) если Рига, Ревель и другие города ливонские не признают Магнуса своим королем, то царь обязывается помогать ему против всех городов и против всякого неприятеля; 7) по смерти Магнуса и потомков его преемник избирается по общему согласию всех ливонцев.

Перемирие, заключенное между Иоанном и Сигизмундом-Августом, не позволяло новому ливонскому королю действовать против городов, занятых

польскими гарнизонами; но второй по значительности, по богатству город в Магнусовом королевстве, Ревель, был занят шведами. Мы видели, что, желая обратить все свои силы против неприятеля опаснейшего, против Литвы, Иоанн желал сохранить мир с Швециею, несмотря на захвачение Ревеля; в 1563 году Иоанн заключил с королем Ериком новое перемирие на семь лет; Ерик опять настаивал на том, чтоб ему сноситься прямо с царем, и опять получил решительный отказ; царь велел отписать к Ерику о безлепостном и неудовольственном его писании, писал к нему в своей грамоте многие странные и подсмеятельные слова на укоризну его безумия, да и то написал: когда его царское величество будет с своим двором витать на шведских островах, тогда королевское повеление крепко будет; написал, что требование королевское – сноситься прямо с царем – так отстоит от меры, как небо от земли. Но скоро между обоими государями завязались очень дружественные, непосредственные сношения. Мы должны несколько остановиться на характере Ерика, потому что он в некоторых чертах может служить нам объяснением характера Иоаннова. Густав Ваза оставил четверых сыновей: старший, Ерик, получил королевское достоинство, трое остальных – герцогства: Иоанн – Финляндское, Магнус – Остерготландское, Карл – Зедерманландское. В каких понятиях о своем положении утверждался Ерик, всего лучше видно из разговора его с любимцем своим Персоном. «Покойный батюшка, – сказал однажды король, – поставил меня в тяжелое положение, раздавши герцогства братьям». «Покойный король, – возразил Персон, – извинялся тем, что было бы гораздо хуже, если б ваши братья были менее могущественны, чем вельможи; усобицу между королем и могущественными братьями предпочел он изгнанию королевского дома из государства и возвращению чуждого владычества; он хорошо знал, что в случае усобицы между братьями Швеция все же останется за его родом, но будет отнята у него, если власть вельмож усилится, чему стоящий над ними могущественный герцог легко может воспрепятствовать». Отсюда Ериком, как Иоанном, овладела боярбоязнь, победить которую они оба были не в состоянии, но понятно, что подозрение, боязнь относительно вельмож нисколько не исключали в Ерике подозрения, боязни относительно братьев, и скоро поведение Иоанна, герцога финляндского, дало повод к усилению этих чувств. Занятие Ревеля влекло Швецию и к войне с Польшею, ибо Сигизмунд-Август, подобно Иоанну московскому, объявлял притязания на все орденские владения; война началась действительно: шведский генерал Горн взял у поляков Пернау и Виттенштейн. В это время Иоанн финляндский объявил себя на стороне Польши, стал советовать брату заключить союз с нею против Москвы и уступить Сигизмунду-Августу все занятые шведами места в Ливонии; мало того, Иоанн женился на сестре Сигизмунда-Августа, Екатерине, за которую, как мы видели, безуспешно сватался царь, дал шурина значительную сумму денег и в залог взял несколько мест в Ливонии; условия брачного договора остались тайною для Ерика, но рассказывали, что Иоанн в нем обещался вести себя как свободный и самостоятельный государь. Ерик приказал финляндскому дворянству двинуться в Ливонию против поляков, а Иоанну явиться в Стокгольм пред суд за союз с врагами государства. Иоанн отвечал тем, что заключил в темницу посланцев королевских, призвал финнов к оружию, потребовал от них присяги себе как отдельному владельцу и обратился с просьбою о помощи в Польшу и Пруссию. Шведские государственные чины

приговорили его к смерти; осажденный королевским войском в Або и не получая ниоткуда помощи, он после двух месяцев принужден был сдаться, отвезен в Швецию и заключен в Грипсгольмском замке вместе с женою, которая отказалась разлучиться с ним. Ерик не казнил брата вопреки совету Персона и все остальное время колебался между страхом и раскаянием: удалился от вельмож, окружил себя любимцами низкого происхождения, которые для собственных выгод все более и более укрепляли в нем подозрительность, сделали его мрачным, суровым и наконец довели до припадков сумасшествия и бешенства. Следствием этого было то, что в 1562 году в Швеции состоялся только один смертный приговор, а в 1563 – пятьдесят, из них тридцать два – по делу герцога Иоанна; всего до октября 1567 года осуждено было на смерть 232 человека; слова, знаки причислялись к государственным преступлениям. В то же время даже в припадках сумасшествия Ерик обнаруживал сильную умственную деятельность: никто не писал так много и так скоро, как он. Находясь в войне с Польшею и Даниею, Ерик, естественно, должен был желать сближения с царем московским; сближение это произошло вследствие того, что Ерик обязался выдать Иоанну невестку свою, Екатерину, жену заключенного герцога финляндского, за что царь уступал ему Эстонию, обещался помогать в войне с Сигизмундом, доставить мир с Даниею и ганзейскими городами. После Иоанн оправдывал свое желание иметь в руках Екатерину тем, что будто бы Ерик сам предложил ее выдать, объявивши о смерти мужа ее, что он, Иоанн, вовсе не хотел жениться на ней или держать ее наложницею, но хотел иметь ее в своих руках в досаду брату ее, польскому королю, врагу своему, хотел чрез это вынудить у него выгодный для себя мир; московские послы явились в Швецию, чтоб, по обычаю, взять с короля присягу в исполнении договора, но Ерик не мог исполнить его: он освободил брата Иоанна из заключения; в припадке сумасшествия ему казалось, что он сам уже в заключении, а брат царствует; московские послы ждали целый год; приходили к ним вельможи с объяснением, что нельзя исполнить желание царя и выдать ему Екатерину, что это – богопротивное дело и бесславное для самого царя; послы отвечали: «Государь наш берет у вашего государя сестру польского короля Екатерину для своей царской чести, желая повышенья над своим недругом и над недругом вашего государя, польским королем». Когда хотели перевезти послов из Стокгольма в село под предлогом лучшего помещения, то они объявили, что по своей воле не переедут, а пусть король делает, что хочет, их вины перед ним нет, послов в село отсылают за вину. Наконец их допустили к королю, который сказал им: «Мы не дали вам до сих пор ответа потому, что здесь начались дурные дела от дьявола и от злых людей и, кроме того, датская война нам мешала». Потом Ерик, убеждаясь в необходимости схватить вторично брата, приказывал сказать послам, что выдаст им Екатерину. Однажды пришел к послам «детинка молод, королевский жилец»: известно, что Ерик, боясь вельмож, брал из школ молодых людей и давал им разные поручения; молодой детинка объявил, что прислал его король и велел говорить, чтоб послы короля с собою на Русь взяли: боится он бояр своих и воли ему ни в чем нет. 29 сентября 1568 года вспыхнуло восстание против Ерика, который призвал московских послов и объявил им об этом; послы спросили: «Как давно дело началось?» Ерик отвечал: «С тех пор, как от вас из Руси послы мои пришли. Я был тогда в Упсале; у них начала быть тайная измена, и я был у них заперт; если бы не пришли в мою землю датские люди, то мне бы

еще на своей воле не быть; но как датские люди пришли, то меня выпустили для того, что некому землю оборонять, и с тех пор стало мне лучше. Если брат Яган (Иоанн) меня убьет или в плен возьмет, то царь бы Ягана королем не держал». Об Екатерине Ерик сказал: «Я велел то дело посулить в случае, если Ягана в живых не будет; я с братьями, и с польским королем, и с другими пограничными государями со всеми в недружбе за это дело. А другим чем всем я рад государю вашему дружить и служить: надежда у меня вся на бога да на вашего государя; а тому как статья, что у живого мужа жену взять?» Восстание кончилось низложением Ерика с престола и возведением брата его Иоанна; при этом восстании солдаты ворвались к московским послам и ограбили их. Новый король прислал в Москву просить опасной грамоты для своих послов; опасную грамоту дали, но когда шведские послы приехали, то их ограбили и объявили им: «Яган-король присылал к царю и великому князю бить челом, чтоб велел государь дать опасную грамоту на его послов и велел своим новгородским наместникам с ним мир и соседство учинить по прежним обычаям. По этой грамоте царь и великий князь к Ягану-королю писал и опасную грамоту ему послал. Но Яган-король, не рассмотрев той отписки и опасной государевой грамоты, прислал послов своих с бездельем не по опасной грамоте. Яган пишет, чтоб заключить с ним мир на тех же условиях, как царское величество пожаловал было брата его, Ерика-короля, принял в dokonчание для сестры польского короля Екатерины. Если Яган-король и теперь польского короля сестру, Екатерину-королеву, к царскому величеству пришлет, то государь и с ним заключит мир по тому приговору, как делалось с Ериком-королем: с вами о королевне Екатерине приказ есть ли?» Послы отвечали: «Мы о Ягановой присылке не знаем, что он к царю писал; а приехали мы от своего государя не браниться, приехали мы с тем, чтоб государю нашему с царем мир и соседство сделать, и, что с нами государь наш наказал, то мы и говорим». Послам объявили, что их сошлют в Муром; они стали бить челом боярам, чтоб царь с них опалу снял и велел новгородскому наместнику заключить мир с их королем по старине, но с тем, чтоб в королеву сторону написаны были те города ливонские, которые царь уступил Ерику. Но тут явился в Москву герцог Магнус, который, по уверению шведских послов, много наделал им вреда, сильно раздражив против них царя. Бояре приговорили, что шведских послов надобно задержать, а государю делать бы теперь ливонское дело и выслушать челобитье датского королевича Магнуса, каким образом тому делу быть пригоже; и как те дела повершатся, тогда б государю шведским делом промышлять. Царь, выслушав приговор, приказал шведских послов отпустить в Муром, и 21 августа 1570 года Магнус подошел к Ревелю с 25000 русского войска и с большим отрядом из немцев, потому что к нему пристало много дворян и городских жителей. Увещательная грамота, посланная к ревельцам, не подействовала, и Магнус повел осаду; принудить жителей к сдаче голодом не было никакой возможности, потому что шведские корабли снабдили их всем нужным; обстреливание города также не причинило ему большого вреда; Магнус отправил в Ревель своего придворного проповедника увещевать осажденных к сдаче, но и это не помогло. Тогда Магнус, видя неудачу, сорвал сердце на Таубе и Крузе, сложил на них всю вину, что они своими обещаниями привели его под Ревель, и, простоявши 30 недель под этим городом, 16 марта 1571 года зажег лагерь и отступил. Русские войска отправились по дороге к Нарве; немцы хотели было взять Виттенштейн, но и это не удалось,

после чего Магнус удалился в Оберпален, Таубе и Крузе, боясь ответственности за неудачу перед царем, которому они также обещали легкий успех относительно Ревеля, уехали в Дерпт и оттуда завели сношение с королем польским, обещая овладеть Дерптом в его пользу, если он примет их милостиво и даст те же выгоды, какими пользовались они в Москве. Сигизмунд-Август принял предложение, и они подговорили Розена, начальника немецкой дружины, находившейся в русской службе в Дерпте, напасть врасплох на русских в воскресный день, в послеобеденное время, когда те по обыкновению своему будут спать. Сначала заговорщики имели было успех, перебили стражу, отворили тюрьмы, выпустили заключенных, которые взяли оружие убитых и стали помогать заговорщикам; но когда последние обратились к жителям, призывая их к оружию, то те в ужасе заперлись в домах; русские дети боярские и стрельцы, составлявшие гарнизон, заперлись также в домах и вооружились, к ним на помощь подоспели из посада расположенные там стрельцы, также русские купцы с оружием всякого рода и заставили отряд Розена очистить город, причем раздраженные победители не пощадили жителей, подозревая их в соумышленничестве с заговорщиками. Таубе и Крузе еще прежде вывезли свои семейства и пожитки из Дерпта и теперь, видя неудачу заговора, отправились к польскому королю, который принял их очень благосклонно. Магнус, узнавши о дерптских событиях, испугался царского гнева: отправив к Иоанну грамоту с уверениями, что ничего не знал о заговоре, он счел за нужное выехать из Оберпалена и отправился в прежнее свое владение, на остров Эзель. Но Иоанн спешил успокоить Магнуса и, когда невеста его, Евфимия, умерла, предложил ему руку младшей сестры ее – Марии; Магнус согласился, и прежние отношения восстановились.

Упорство Иоанна относительно приобретения прибалтийских областей всего лучше понимали и оправдывали враги его. Так, Сигизмунд-Август, старавшийся прекратить торговлю с Нарвою, писал по этому поводу к Елисавете, королеве английской: «Московский государь ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву: ибо сюда привозятся нетолько товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, привозятся не только произведения художеств, но приезжают и сами художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех. Вашему величеству небезызвестны силы этого врага и власть, какую он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности, не знал искусств. Но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет ему неизвестно?» Английское правительство не обращало внимания на эти опасения соседей Иоанновых и продолжало сношения с Москвою, стараясь доставить здесь своим подданным как можно более торговых выгод; но царь при дружелюбных сношениях своих с Елисаветою имел в виду еще и другое, кроме торговли. Если приятель его, Ерик шведский, просил московских послов, чтоб взяли его в Русь, то Иоанн просил Елисавету дать ему убежище в Англии, если будет изгнан из отечества; Елисавета отвечала, что если когда-либо ее дорогой брат, великий император и великий князь, будет принужден оставить свою страну вследствие ли заговора или нападения внешнего врага, то она примет его, жену его и детей с почестями, подобающими такому великому государю, что он будет проводить жизнь в полной свободе и спокойствии со всеми теми, кого привезет с собою, и будет пользоваться полною свободою относительно веры; будет отведено ему

удобное место, где он и может жить на своем содержании, сколько времени ему будет угодно.

Обративши все внимание свое на Ливонию, Иоанн хотел быть спокоен со стороны Крыма. Он думал, что после действий Вишневецкого, Ржевского, Адашева и после взятия Полоцка хан мог убедиться в бесполезности вражды с могущественною Москвою и союза с слабою Литвою. Чтоб попытаться, нельзя ли склонить Девлет-Гирея к миру, отправился в Крым большой посол Афанасий Нагой. Завоеватель Казани и Астрахани в грамоте своей к крымскому хану не хотел употреблять прежних почтительных выражений, писать челобитье; Иоанн писал: «Божиею милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, московского, новгородского, казанского, астраханского, немецкого и иных – Великие Орды великому царю, брату моему Девлет-Гирею царю с поклоном слово». И в Крыму переменили прежнее поведение относительно московских послов: Нагой писал, что когда он шел к хану и от хана, то зацепки ему не было никакой: встречники и придверники о пошлинах не поминали. Посол так говорил хану именем своего государя: «Изначала дед наш, великий государь Иван, с твоим дедом, Менгли-Гиреем царем, дружбу и любовь держали великую, и кому из них над недругом бог помощь подаст, друг ко другу сеунчей (вестников победы) посылавали, сами тому радовались, людей между собою жаловали и богатели, недруги их под их ногами были, а друзья их, то слыша, радовались. Этою зимою ходили мы недруга своего короля воевать, седши сами на конь и со всеми ратями своими многих земель, в королеву землю пришли и, слава богу, город Полоцк взяли. Мы было хотели и к Вильне идти, но Рада королева большая к нашим боярам прислала бить челом, чтоб бояре упростили нас из земли воротиться, а государь их король сейчас же пришлет к нам послов своих бить челом о своем неисправлении. Бояре наши били челом брату нашему, князю Владимиру Андреевичу, и, вместе с ним падши к нашим ногам, говорили: великий государь! Вера у вас с королем одна, больше кровь зачем проливать! Недруга своего землю ты воевал, рати твои богатством и пленом наполнились, город у него лучший ты взял, недруг твой прислал к тебе бить челом и в твоей воле хочет быть! И мы, не хотя братнего и боярского челобитья оскорбить, на свое государство пришли». В наказе Нагому было написано: «Если станут спрашивать о Казани, то отвечать: о Казани что и говорить! Казань во всей государской воле, церкви в городе и по уездам многие поставлены, в городе и на посаде все русские люди живут, и многие земли роздал государь княжатам и детям боярским в поместья; этою зимою было на государской службе в Литовской земле одних казанских людей с 50000 кроме русских людей; астраханских людей было тысячи с две; а в дальние походы государь астраханских людей не берет, потому что им ходить далеко, а велел им государь ходить на тамошние службы – в Шавкалы, в Юргенч, в Дербент и в иные места, куда государские воеводы пошлют. Если вспомнят при каком-нибудь случае о великом князе Иване Даниловиче Калите и о царе Узбеке и если сам царь начнет говорить, то послу отвечать, что он еще молод, тех дел не слышал, то ведает бог да вы, государи; а если станут об этом говорить без царя князья, то отвечать, что такие разговоры к доброму делу нейдут, то дело было невзгодною государя нашего прародителей, а теперь божиею волею Узбеков юрт у кого в руках, сами знаете; известно, от кого на том юрте посланники и воеводы сидят, и по Узбекову юрту кому к кому следует поминки посылать-знаете; Узбек и

князь великий Иван уже минулися, а что теперь, то всеми видимо, и что видимо, то минувшего крепче; во всех государствах бог сегодня то повысит, а завтра иное».

На речи Нагого хан отвечал: «Король мне дает казну ежегодно, а государь ваш со мною бранится и казны и поминков, как было при прежних царях, не посылает; если государь ваш хочет со мною дружбы, то давай мне казну, как давал Саип-Гирею царю, да и ту мне казну давай же, что мне король дает, да и сверх королевой казны поминки дай; а если не даст мне казны и поминков, то мне с государем вашим для чего мириться и королеву казну из чего потерять?» Нагой отвечал: «Государю моему казны к тебе не присылывать, и в пошлину государь наш никому не дает ничего, государь наш дружбы не покупает: станется между вами доброе дело, так государь наш тебе за поминки не постоит». Хан жаловался, что Иоанн велел схватить в Путивле посла его и держать в Москве под стражею; Нагой отвечал, что это сделалось по распоряжению изменников, которые были в приближении у государя, но что теперь эти люди в опале. Один из князей говорил Нагому: «Татарин любит того, кто ему больше даст, тот ему и друг». Мирные предложения со стороны Иоанна дали хану случай торговаться с королем: когда последний прислал ему казну, 36 телег со всякою рухлядью, то хан велел сказать ему, чтоб присылал вдвое, иначе он помирится с московским и будет с ним вместе Литву воевать. Взявши казну от короля, хан дожидался богатых поминков из Москвы, чтоб помириться и с нею и потом смотреть, кто будет щедрее; новый посол царский, Ржевский, привез хану такие поминки, которые ему очень понравились: он оказал обоим послам, Ржевскому и Нагому, большие почести, даже обдарил их, чего прежде не бывало, и дал шертную грамоту царю.

Крымские ханы по разбойничьему характеру своей Орды не могли постоянно и долго иметь в виду высших интересов: напуганный Ржевским, Вишневецким, Адашевым, прельщенный богатыми подарками, Девлет-Гирей позабыл на время о Казани и Астрахани; но мысль об них, мысль о том, что христианские церкви поставлены в древнем убежище мусульманства, беспокоили другого владельца, который считал себя главою мусульманского мира, – султана турецкого. Отдаленность и другие заботы помешали Солиману II непосредственно заступиться за Казань и Астрахань; он поручил это дело крымцам и ногаям, но мы видели, как они исполнили его поручение. Теперь, управившись с делами и слыша жалобы магометан, Солиман решился заняться севером и отправить войско для завоевания Астрахани. Но этого намерения прежде всего испугался крымский хан: зависимость от турок сильно тяготила его; боясь более всего увеличения турецкого могущества на северных берегах Черного моря, на Дону и на Волге, он всеми силами начал отвращать султана от похода на Астрахань; притом он знал, что вся тяжесть этого похода должна пасть на него: крымцы любили только предпринимать опустошительные набеги с верною надеждою на добычу, а теперь заставят их предпринять трудный поход, успех которого был очень сомнителен, заставят осаждать город, биться с русскими, которые нелегко поддаются, и в случае даже успеха грабить своих татар им не дадут, а московские пленники достанутся туркам. Нагой дал знать Иоанну, что в сентябре 1563 года турецкий хункер (султан) прислал к Девлет-Гирею чауша с приказанием к весне запас готовить и лошадей кормить, а на весну идти на Астрахань; с ханом турецкий посылает своих царевичей, с ними многих людей и янычар; велел турецкий хану

приготовить тысячу телег под наряд; пойдут турки с большим нарядом на судах Доном до речки Иловли, на устье Иловли класть им наряд и телеги в малые суда, и плыть Иловлею вверх до речки Черепахи, до которой от Иловли будет у них переволоки (в нынешней Качалинской станице) верст с семь, и речкою Черепахою идти им вниз до Волги; за Волгу возиться им против Черепашского устья на Ногайскую сторону и идти к Астрахани сухим путем. Присылали к турецкому бить челом черкесы, также астраханские, ногайские и казанские люди, чтоб турецкий послал людей на Астрахань, а они с ними все готовы вместе промышлять; астраханские татары ждут только приходу турецких людей, хотят город взять. Большая досада турецкому на государя за то, что когда бусурманы с Прикавказья и из других государств поедут на Астрахань к Магометову гробу, то московские воеводы в Астрахани их не пропускают. Девлет-Гирей отпустил чауша с тем, что государь московский с ним мирится, и послал своего человека к турецкому отговорить, чтоб к Астрахани людей не посылал: «И возьмешь теперь Астрахань у великого князя, все же ее тебе не удержать: опять ее великий князь возьмет; только людей потеряешь, а корысти не получишь». Нагой заключает свое донесение следующим известием: «Обедал у Ржевского ага янычарский, который у хана живет с янычарами, мы и стали его для вестей поить, и как он опьянел, то начал нам сказывать, что турецкий на весну к Астрахани непременно посылает многих людей и хану велит идти, что у турецкого наряд и для подкопов буравы, заступы, топоры, лопаты и корыта – к весне все готово; но хан к Астрахани идти не хочет и турецкому отговаривает». С такими же вестями присылал сам хан в Москву; по словам его гонца, султан приказал на переволоке город поставить, а другой город – против переволоки на Волге, и между этими двумя городами переволоку прокопать и воду пропустить, чтоб можно было этим местом наряд везти, а пришедши к Астрахани, поставить там третий город и Астрахань покорить султану. Но вместе с этим хан извещал, что султан послушался его и отложил поход.

Довольный поведением хана и шертною грамотою, Иоанн отправил к нему третьего посла, Писемского, с поминками, причем писал ему: «В котором платье мы тебе, брату своему, клятву дали, и мы то платье с своих плеч тебе, брату своему, послали; и ты б, брат наш, то платье и носил на здоровье; а из которой чары мы пили, и мы ту чару с черпалкою послали к тебе же, и ты б из нее пил на здоровье». Но долго жить в согласии с ханом было нельзя: Нагой обещал Девлет-Гирею, что царь будет присылать ему такие же поминки, какие присылались Саип-Гирею; хан согласился, но татары его не соглашались, требовали таких поминков, какие отец Иоаннов присылал Магмет-Гирею; наконец все согласились на Саип-Гиреевых поминках, и Нагой собирался уже выехать из Крыма, как приехал гонец литовский с известием, что король посылает двойную казну и берется присылать Саип-Гиреевские поминки, которые обещает царь, если только хан разорвет с Москвою. Это дало хану повод торговаться с московским послом; он послал спросить Нагого, ручается ли он, что царь пришлет ему Магмет-Гиреевские поминки. Нагой отвечал, что не ручается, и тогда хан решил, что королева дружба выгоднее, и выступил к московским украинам, ибо король писал ему, что все царские войска на ливонской границе. Действительно, вследствие шертной грамоты Девлет-Гиреевой Украина была обнажена от войск, в Рязани не было ни одного ратника; несмотря на то, рязанцы под

предводительством любимца Иоаннова, Алексея Басманова, и сына его, Федора, отбили все приступы татар, и хан, услышав о приближении московских воевод, не стал их дожидаться и ушел назад, потерпев значительный урон в людях, потому что отдельные отряды его, рассеявшиеся для грабежа, были побиты.

Опять, следовательно, Иоанну нужно было не спускать глаз с южной украины или тягаться с королем на крымском аукционе, надавать поминки разбойникам. Хан не отступался от своих требований: чтоб заставить царя согласиться на Мегмет-Гиреевские поминки, он стал требовать Казани и Астрахани, требовать, чтоб Иоанн посадил в Казани сына его, Адыл-Гирея. Нагой отвечал на это требование: «Как тому статья? В Казани, в городе и на посаде, и по селам государь наш поставил церкви, навел русских людей, села и волости раздавал детям боярским в поместья; а больших и средних казанских людей, татар всех вывел, подавал им в поместья села и волости в московских городах, а иным – в новгородских и псковских; да в Казанской же земле государь поставил семь городов: на Свияге, на Чебоксаре, на Суре, на Алатыре, на Курмыше, в Арске и город Лаишев». В Москве гонцам ханским, присланным с требованием Казани и Астрахани, дан был ответ, что это требование к доброму делу нейдет. Гонцам за столом даны были, по обычаю, шубы, но полегче тех, которые давались прежде; один из гонцов стал жаловаться на это; в ответ сам царь сказал ему: «За то ли вас нам жаловать, что царь ваш нарушил клятву, Рязань повоевал, а теперь Казани да Астрахани просит? Города и земли за чашею да за хлебом не берутся». Быть может, сам хан и позабыл бы о Казани и Астрахани, если б ему не напоминали о них. Нагой писал в Москву: «Пришли в Крым от ногаев послы за миром, чтоб с ними хан помирился, и если он захочет воевать Казань и Астрахань, то они с ним готовы идти. Вместе с ногайскими послами пришел в Крым казанец, Коштивлей-улан, и говорит, что был с ногаями в Москве, где виделся с двумя луговыми черемисинами, Лаишем и Ламбердеем; они приказали с ним к хану, чтоб шел к Казани или послал царевичей, а они все ждут его приходу; как придет, все ему передадутся и станут промышлять заодно над Казанью. С другой стороны, черкесы прислали говорить хану, что царь Иван ставит на Тереке город и если он город поставит, то не только им пропасть, но и Тюмен и Шевкал будут за Москвою». Хан отвечал черкесам, что у него нет силы помешать царю ставить город; у него была сила только нападать врасплох на московские украины, и осенью 1565 года он подступил с пушками к Волхову; но там были воеводы с людьми ратными, они сделали удачную вылазку, не дали татарам даже сжечь посада, а между тем двое воевод, князя Бельский и Мстиславский, уже приближались с большим войском; хан по обыкновению бежал назад.

И после этого нападения хан прислал в Москву гонцов с требованиями Казани и Астрахани для вечного мира, богатых даров для перемирия; царь отвечал им: «Мы, государи великие, бездельных речей говорить и слушать не хотим». Царь не позволял также хану возобновлять прежнее поведение относительно послов московских; так, в наказе послу Алябьеву читаем: «Если станет хан говорить: посылаю я к брату своему, великому князю, гонца Мустафу с добрым делом, а князь великий велел его ограбить Андрею Щепотьеву за то, что у Андрея Сулеш взял имение в зачет наших поминков, так я велю этот грабеж Мустафе взять на тебе, – отвечать: которые поминки государь наш послал к тебе с Андреем Щепотьевым, эти поминки Андрей до тебя и довез; а Сулеш у Андрея взял

рухлядь силою, Андрей бил тебе челом на Сулеша, а ты управы не дал; Андрей бил челом нашему государю, и государь велел ему за тот грабеж взять на твоём гонце; если же на мне велишь взять что силою, то государь мой велит мне взять вдвое на твоём после и вперед к тебе за то посла не пришлет никакого». Нагой уже давно жил в Крыму и не хотел выехать оттуда без окончательного договора о мире и без посла ханского. Однажды хан попросил у него шубы беличьей для одного князя, Нагой не дал; тогда мурзы сказали ему: «Ты шубы не дал, так царь наш наложил на тебя опалу, высылает тебя вон, а что наш посол задержан в Москве, то Крым пуст не будет, много у нашего царя таких холопей, какие на Москве померли». Нагой отвечал: «Если царь ваш отправит послов и нас отпустит, то мы ехать ради, а станет высылать без послов и без дела, то мы не поедем; лучше нам в Крыму помереть, чем ехать без посла». Пребывание Нагого в Крыму было необходимо для вестей, которые становились все важнее и важнее вследствие неудовольствий, обнаруживавшихся в Казани и Астрахани, и замыслов в Константинополе. Так, Нагой доносил царю, что писали к хану из Казани двое знатных людей и вся луговая черемиса, просили прислать к ним сына с воинскими людьми; и как к ним царевич придет, то они от московского государя отступят и станут промыслять над казанским острогом; а по всем селам московские служилые люди будут их; и в сборе у них луговой черемисы 60000. Ногайские князья также приказывали хану: «Пока мы были наги и бесконны, до тех пор мы дружили царю и великому князю, а теперь мы конны и одеты: так если ты царевича в Казань с войском отпустишь, то дай нам знать, мы сыну твоему готовы на помощь». Хан не был в состоянии отнять Казань у царя, но помириться ему с Москвою было трудно: разбойники понимали, какая опасность грозит им от ее усиления. «Была, – пишет Нагой, – дума у царевичей: думали царевичи, карачеи, уланы, князья, мурзы и вся земля и придумали мириться с королем; поехали к царю и говорили ему, чтоб помириться с королем, а с тобою, государем, не мириться; помириться тебе с московским, говорили они хану, – это значит короля выдать; московский короля извоюет, Киев возьмет, станет по Днепру города ставить, и нам от него не пробывать. Взял он два юрта бусурманских; взял немцев; теперь он тебе поминки дает, чтоб короля извоюет, а когда короля извоюет, то нашему юрту от него не пробывать; он и казанцам шубы давал, но вы этим шубам не радуйтесь: после того он Казань взял». Хан согласился с их мнением, велел сказать Нагому, что не хочет быть в мире с его государем. Нагой добился, однако, свидания с ханом, который сказал ему: «Ко мне пришла весть, что государь ваш хочет на Тереке город ставить; если государь ваш хочет быть со мною в дружбе и братстве, то он бы города на Тереке не ставил, дал бы мне поминки Магмет-Гиреевские, тогда я с ним помирюсь. Если же он будет на Тереке город ставить, то, хотя давай мне гору золотую, мне с ним не помириться, потому что побрал он юрты бусурманские, Казань да Астрахань, а теперь на Тереке город ставит и несется к нам в соседи». В том же смысле хан послал грамоту самому Иоанну; царь приговорил с боярами: отвечать, что Казани и Астрахани не отдаст; на Тереке город построен для безопасности князя Темрюка, тестя государева; а хочет хан, пусть пришлет царевича: государь выдаст за него дочь Шиг-Алееву и даст ему Касимов; Магмет-Гиреевских поминков не пошлет. Царь приговорил послать поминков на триста рублей, чтоб с ханом дела не порвать.

На предложение посадить сына в Касимове хан велел отвечать Нагому: «Просил я у вашего государя Казани и Астрахани, государь ваш мне этого не дает, а, что мне дает и на Касимов царевича просит, того мне не надобно: сыну моему и у меня есть что есть; а не даст мне государь ваш Астрахани, так турецкий возьмет же ее». Султан Селим, наследник Солимана, действительно задумал опять о завоевании Астрахани; Нагой доносил: «Прислал турецкий весною (1567 года) к хану с грамотою: были у турецкого из Хивы послы да из Бухар, которые шли к Мекке на Астрахань, и били челом турецкому, что государь московский побрал юрты бусурманские, взял Казань да Астрахань, разорил бусурманство, а учинил христианство, воюет и другие многие бусурманские юрты; а в Астрахань из многих земель кораблям с торгом приход великий, доходит ему в Астрахани тамги на день по тысяче золотых. И турецкий писал к хану, чтоб шел с сыновьями этою весною к Астрахани, а он, султан, от себя отпускает туда же Крым-Гирея, царевича, да Касима, князя, и людей с нарядом, чтоб Астрахань взяли и посадили там царем Крым-Гирея, царевича». Сам хан сказал Нагому: «Я бы с государем вашим, побранившись, и помирился, да теперь на государя вашего поднимается человек тяжелый, турецкий царь, и меня на Астрахань посылает; да и все бусурманские государства на государя вашего поднимаются за то, что государь ваш побрал бусурманские юрты». Нагой отвечал: «Астрахань государю нашему дал бог, и стоит за нее бог же да государь наш; ведаешь и сам, что государь наш сидит на своем коне и недругам свою недружбу мстит». Хан сказал на это: «Оно так, государю вашему эти юрты бог поручил, но ведь и мы надеемся на бога же». Нагой отвечал: «Век свой между собою государи ссылаются поминками, а царствами государи не ссужаются: этому статья нельзя».

Хан по-прежнему боялся турецкого соседства более, чем московского; он писал султану, что этим летом к Астрахани идти нельзя, потому что безводных мест много, а зимою к Астрахани идти – турки стужи не поднимут, к тому же в Крыму голод большой, запасами подняться нельзя; идти надобно ему с сыновьями к Астрахани на весну раньше и промышлять над городом; если Астрахань не возьмут, то город поставить на Крымской стороне, на старом городище, и из него промышлять над Астраханью. Потом хан старался вовсе отклонить султана от похода на Астрахань. «У меня, – писал он, – верная весть, что московский государь послал в Астрахань 60000 войска; если Астрахани не возьмем, то бесчестие будет тебе, а не мне; а захочешь с московским воевать, то вели своим людям идти вместе со мною на московские украины: если которых городов и не возьмем, то по крайней мере землю повоюем и досаду учиним». Хан прислал гонца в Москву известить о походе турецкого войска под Астрахань и требовать, чтоб царь отдал ему Астрахань лучше добром. «Мы, – велел сказать хан, – не захотели турецким людям на наш юрт дорогу проложить и потому послали к тебе объявить о том». Иоанн отвечал: «Когда то ведется, чтоб, взявши города, опять отдавать их?»

Весною 1569 года пришло в Кафу 17000 турецкого войска, с которыми кафинский паша Касим должен был идти к Переволоке, каналом соединить Дон с Волгою и потом взять Астрахань или по крайней мере основать вблизи ее крепость; хан с 50000 своих татар также выступил в поход; суда с пушками под прикрытием 500 ратников плыли от Азова Доном. На одном из судов в числе других пленных, служивших гребцами, находился Семен Мальцев, отправленный

из Москвы послом к ногаям и захваченный азовскими козаками. «Каких бед и скорбей не потерпел я от Кафы до Переволоки! – пишет Мальцев. – Жизнь свою на каторге мучил, а государское имя возносил выше великого царя Константина. Шли каторги (суда) до Переволоки пять недель, шли турки с великим страхом и живот свой отчаяли; которые были янычары из христиан, греки и волохи, дивились, что государевых людей и козаков на Дону не было; если бы такими реками турки ходили по Фряжской и Венгерской земле, то все были бы побиты, хотя бы козаков было 2000, и они бы нас руками побрали: такие на Дону крепости (природные укрепления, удобные для засад) и мели». Достигши Переволоки в половине августа, турки начали рыть канал; но продолжать работу не было никакой возможности; Касим велел тащить суда по земле; хан советовал уже возвратиться; татары по его наказу разглашали между турками, что и в случае успеха предприятия им придется плохо: ибо в северных странах зима продолжается девять месяцев, а летом ночи длятся не более трех часов, следовательно, турки должны будут или не спать всю ночь, или пренебрегать своими религиозными обязанностями, по которым они должны молиться два часа спустя по захождении солнца и потом опять на рассвете. Ропот между турками усилился, но в это время явились послы от астраханцев и убедили пашу в бесполезности брать с собою суда, обещаясь доставить их, сколько было нужно, лишь бы только турки шли поскорее к Астрахани и отняли ее у русских. Но сделать это было не очень легко: приблизясь к Астрахани в половине сентября, Касим не решился приступить к ней и, остановившись ниже города, на старом городище, решился строить тут крепость и зимовать, а хана отпустить назад в Крым. Но когда в войске узнали об этом намерении паша, то вспыхнуло возмущение; пришли турки на пашу (рассказывает Мальцев) с великою бранью, кричали: нам зимовать здесь нельзя, помереть нам с голоду, государь наш всякий запас дал нам на три года, а ты нам из Азова велел взять только на сорок дней корму, астраханским же людям нас прокормить нельзя; янычары все отказали: все с царем крымским прочь идем; ты государя взманил, и он по твоей мане не послушался Девлет-Гирея царя, а царь что ни писал к государю, и нам что ни говорил, и тебе перед нами на Переволоке что ни говорил – все вышло правда. Но Мальцев не довольствовался только тем, что подмечал происходившее в стане турецком: «Взяли турки в плен под Астраханью никольского келаря Арсения да игумнова человека и посадили этого человека со мною на одной цепи, и вот я его стал изучать, велел говорить: слышал он от игумена, что князь Петр Серебряный, а с ним 30000 судовой рати будет сейчас под Астрахань, а полем государь под Астрахань отпустил князя Ивана Дмитриевича Бельского, а с ним 100000 войска, да и ногаи с ним будут, а кизилбашский (персидский) шах присылал к нашему царю бить челом: турецкие люди мимо Астрахани дороги ко мне ищут, а ты бы, великий царь, сильною своею рукою помог мне на турецкого; и государь наш шаха пожаловал, послал к нему посла своего, Алексея Хозникова, а с ним 100 пушек да 500 пищалей». На другую ночь действительно туркам дали знать о приходе московских воевод, князя Петра Серебряного и Замятни Сабурова, с большим войском; извещали, что русские перехватили уже ногаев, передавших на турецкую сторону, и что, по выражению Мальцева, все около Астрахани трепещет царя-государя, единого под солнцем страшила бусурманов и латинов. Вследствие этих вестей Касим 20 сентября зажег свои деревянные укрепления и побежал

вместе с ханом от Астрахани; в 60 верстах встретился ему гонец от султана: Селим писал, чтоб Касим оставался зимовать под Астраханью, что весною получит он сильное подкрепление и для отвлечения московских сил пойдет на Русь крымский хан и турецкий паша, зять султанов. Но Касим продолжал бегство; месяц шли турки до Азова; хан вел их мимо черкесов, Кабардинскою дорогою, по безводным местам; турки, терпя нужду, называли Селима несчастным, потому что после вступления на престол впервые отпустил рать свою в поход и так неудачно: мы и с больших боев, говорили они, в такой истоме не прихаживали, а если бы еще на нас неприятели пришли, то ни один бы из нас не возвратился.

Хан достиг своей цели: турки потеряли охоту восстанавливать мусульманские царства на Волге; но он находился в затруднительном положении относительно Москвы: прежде он все страшал царя султаном, но предприятие султаново не удалось. Призвавши князя Сулеша, московского доброжелателя, хан говорил ему: «С чем мне послать теперь в Москву? Не знаю, чего просить. Астраханским походом я турок истомил; пришедши под Астрахань, я за реку не переправился и к городу не приступал; я так делал и для московского царя, и для себя тут же: мне не хотелось, чтоб Астрахань была за турецким, хотел я себе помочь, чтоб турецкого люди на Крым не ходили». Хан прислал наконец гонца в Москву с грамотою, в которой просил Казани и Астрахани, требовал размена послов – Нагого на Ямболдуя, давно уже задержанного в Москве, тысячи рублей денег, шуб, кречетов. Иоанн ждал второго нашествия турок, видел, что хан может быть ему полезен в этом случае, и потому отвечал очень ласково; отказавши насчет Казани и Астрахани, писал: «Мы бы тебе, брату своему, за Магмет-Гиреевские поминки не постояли, но в Москве был пожар большой, и книги, в которых те поминки значились, потерялись; а который ты нам счет прислал Магмет-Гиреевским поминкам, то здесь старые люди говорят, что столько никогда не посылавалось, и ты бы, брат наш, этот счет пересмотрел и дал нам знать, как тебе с нами вперед в дружбе и братстве быть».

Но главная опасность грозила из Константинополя: если тяжело было при войне Ливонской и при отсутствии постоянного войска держать рать на берегах Оки против хана, то еще тяжелее было держать другие многочисленные полки в отдаленной Астрахани; Иоанн знал, что султан на весну замышлял новый поход к этому городу, а хан в то же время должен был идти к Москве, причем малейший успех турок в низовьях Волги служил знаком к восстанию недовольных казанских. Имея глаза постоянно обращенными к берегам Балтийского моря, готовясь к важным событиям в Литве и Польше, считая себя небезопасным внутри государства, Иоанн должен был употребить все средства, решиться на важные пожертвования, чтоб только склонить к миру хана и султана. Соглашаясь давать Магмет-Гиреевские поминки первому, царь в 1570 году отправил посла Новосильцева в Константинополь под предлогом поздравления Селима с восшествием на престол: посол должен был напомнить султану о прежних приятельских отношениях предшественников его к предшественникам Иоанновым и, главное, внушить, что магометанство не терпит никакого притеснения в новых владениях московских, завоеванных у татар; рассказавши о казанских делах при Иоанне III, Василии, Иоанне IV, Новосильцев говорил султану: «Государь наш за такие их неправды ходил на них ратью, и за их неправды бог над ними так и учинил. А которые казанские люди государю нашему

правдою служат, те и теперь в государском жалованьи по своим местам живут, а от веры государь их не отводит, мольбищ их не рушит: вот теперь государь наш посадил в Касимове городке царевича Саип-Булата, мизгити (мечети) и кишени (кладбища) велел устроить, как ведется в бусурманском законе, и ни в чем у него воли государь наш не отнял; а если б государь наш бусурманский закон разорял, то не велел бы Саип-Булата среди своей земли в бусурманском законе устраивать». Султан в грамоте, присланной с Новосильцевым, требовал, чтоб Астраханскую дорогу отпереть, русский город, поставленный в Кабардинской земле, покинуть и отовсюду людей проезжих пропускать. В марте 1571 года отправлен был в Константинополь новый посол, Кузминский; царь в грамоте, с ним отправленной, писал к султану: «Желая быть с тобою вперед в братстве и любви, мы показали братской любви знамя: город с Терека-реки, из Кабардинской земли, велели снести и людей своих оттуда свести в Астрахань; а что ты писал к нам о дороге, то она была заперта для того, что многие люди ходили воровским обычаем, измены многие и убытки нашему городу Астрахани делали; но теперь для тебя, брата нашего, дорогу мы отпереть велели всяким проезжим людям». Кузминскому было наказано: «Если станут говорить, что в Астрахани кишени разорили и мертвецов грабили, то отвечать: это делали без государского ведома воры, боярские холопы и козаки». Кузминский должен был говорить от царского имени любимцу султанову, Магмет-паше: «Захочешь нашего жалованья и любви, то послужи нам, введи нас с своим государем в любовь, чтоб брат наш, Селим-султан, был с нами в братстве и любви и заодно был бы на цесаря римского, и на польского короля, и на чешского, и на французского, и на иных королей, и на всех государей италийских» (западноевропейских). Но благоприятного ответа не было: султан требовал Казани, Астрахани и даже подручничества, а между тем вести о неприязненных намерениях султана и хана продолжали приходиться в Москву; все лето 1570 года прошло в тревогах, в ожиданиях татарского нашествия, войско стояло на Оке, сам Иоанн два раза выезжал к нему по вестям о приближении хана; но вести оказались ложными, являлись малочисленные толпы татар, которые легко были прогоняемы, и в конце сентября бояре приговорили, что станичники, показывая большое неприятельское войско, солгали, что государю самому стоять в Серпухове не для чего, а постоят по берегу воеводы с неделю после 1 октября и потом разъедутся по домам. Весною 1571 года тревога возобновилась; воеводы – князь Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский, Михайла Иванович Воротынский, Иван Андреевич Шуйский, Иван Петрович Шуйский – с 50000 войска отправились к Оке; царь выступил с опричиною в Серпухов. На этот раз тревога не была мнимая; хан, собравши 120000 войска, пошел к московским украинам; в степи прибежали к нему дети боярские – двое из Белева, двое из Калуги, один из Каширы, один из Серпухова – и сказали, что «во всех городах московских два года сряду был большой голод и мор, много людей померло, а много других государь в опале побил, остальные воинские люди и татары все в Немецкой земле; государя ждут в Серпухове с опричиною, но людей с ним мало; ты ступай прямо к Москве: мы проведем тебя чрез Оку, и если тебе до самой Москвы встретится какое-нибудь войско, то вели нас казнить». Потом прибежали к хану двое новокрещеных татар и сказали ему то же самое. Хан пошел по указанию изменников и неизвестно где переправился через Оку; станичники, которые

прошлого года в своих известиях даже преувеличивали опасность, теперь, должно быть, молчали; Иоанн, отрезанный от главного войска, поспешил отступить из Серпухова в Бронницы, оттуда – в Александровскую слободу и из слободы – в Ростов, как то делывали в подобных случаях и предшественники его, Димитрий Донской, Василий Димитриевич; он говорил об измене, говорил, что бояре послали к хану детей боярских провести его беспрепятственно через Оку; князь Мстиславский признался после в приведенной выше грамоте, что он навел хана, – вот все, что мы имеем для объяснения этого дела! Как бы то ни было, воеводы, узнавши, что хан за Окон), предупредили его, пришли в Москву 23 мая и расположились в ее предместьях, чтоб защищать город. Татары явились на другой день, 24 мая, в день Вознесенья, и успели зажечь предместья: в ясный день при сильном ветре в три часа пожар истребил сухую громаду деревянных строений, один только Кремль уцелел; по иностранным известиям, войска и народу погибло до 800000; допустив преувеличение при невозможности верного счета, вспомним, однако, что при вести о татарах в Москву сбежалось много народу из окрестностей, что во время пожара бежать было некуда: в поле – татары, в Кремль – не пускали; всего более, говорят, погибло тех, которые хотели пройти в самые дальние от неприятеля ворота: здесь, собравшись в огромную толпу и перебивая друг у друга дорогу, они так стеснились в воротах и прилежавших к ним улицах, что в три ряда шли по головам друг у друга и верхние давили нижних. По русским известиям, людей погорело бесчисленное множество; митрополит с духовенством просидели в соборной церкви Успения; первый боярин, князь Иван Дмитриевич Бельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребке, других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет? Москва-река мертвых не пронесла: нарочно поставлены были люди спускать трупы вниз по реке; хоронили только тех, у которых были приятели.

Пожар помешал татарам грабить в предместьях; осаждать Кремль хан не решился и ушел с множеством пленных – по некоторым известиям, до 150000, – услышав о приближении большого русского войска. Когда Иоанн возвращался в Москву, то в селе Братовщине, на Троицкой дороге, представили ему гонцов Девлет-Гиреевых, которые подали царю такую грамоту от хана: «Жгу и пустошу все из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество божие. Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца твоего и головы; но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь! Были бы в тебе стыд и дородство, так ты б пришел против нас и стоял. Захочешь с нами душевною мыслию в дружбе быть, так отдай наши юрты – Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесветное богатство нам давать – ненадобно; желание наше – Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и опознал». Мы видели, как тяжела, опасна, несвоевременна была для Иоанна борьба с Турциею и Крымом за Астрахань, как он прежде готов был на важные уступки, чтоб только избавиться от этой борьбы. Теперь гибельное нашествие Девлет-Гирея и особенно обстоятельства этого нашествия должны были еще более встревожить царя; успех надмевал хана; нужно было ждать скоро нового нападения, и Девлет-Гирей действительно готовился к нему. Надобно было как можно долее не допускать его до этого, задержать переговорами, новыми уступками: Иоанн возобновил прежние учтивости, в ответной грамоте написал челобитье хану. «Ты в грамоте пишешь о войне, – отвечает царь, – и если я об

этом же стану писать, то к доброму делу не придем. Если ты сердишься за отказ к Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить, только теперь скоро этому делу статься нельзя: для него должны быть у нас твои послы, а гонцами такого великого дела сделать невозможно; до тех бы пор ты пожаловал, дал сроки и земли нашей не воевал». Нагому писал Иоанн, чтоб и он говорил то же самое хану и вельможам его: «А разговаривал бы ты с князьями и мурзами в разговоре без противоречия (не встречно), гладко да челобитьем; проведовал бы ты о том накрепко: если мы уступим хану Астрахань, то как он на ней посадит царя? Нельзя ли так сделать: чтоб хан посадил в Астрахани сына своего, а при нем был бы наш боярин, как в Касимове, а нашим людям, которые в Астрахани, насильства никакого не было бы, и дорога в наше государство изо всех земель не затворилась бы, и нельзя ли нам из своей руки посадить в Астрахани ханского сына?» Большую уступку против принятого обычая находим и в наказе гонцу, отправленному с этими грамотами в Крым: «Если гонца без пошлины к хану не пустят и государеву делу из-за этих пошлин станут делать поруху, то гонцу дать немного, что у него случится, и за этим от хана не ходить назад, а говорить обо всем смирно, с челобитьем, не в раздор, чтоб от каких-нибудь речей гнева не было».

На предложение Астрахани хан отвечал: «Что нам Астрахань даешь, а Казани не даешь, и нам то непригоже кажется: одной и той же реки верховье у тебя будет, а устью у меня как быть?!» В другой грамоте хан писал: «Теперь у меня дочери две-три на выданье, да у меня же сыновьям моим, царевичам, двоим-троим обрезанье, их радость будет, для этого нам рухлядь и товар надобен; чтоб купить эту рухлядь, мы у тебя просим две тысячи рублей; учини дружбу, не отнетываясь, дай». Мы видели, как хан в первой грамоте своей, написанной после сожжения Москвы, притворился бескорыстным, объявил, что не хочет богатства всего света, хочет только юртов бусурманских, воюет за веру; недолго, однако, он мог выдерживать и запросил опять денег; но Иоанн помнил хорошо первую грамоту и не упустил удобного случая поймать хана на словах, что очень любил; он отвечал гонцу ханскому: «Брат наш, Девлет-Гирей царь, на то не надеялся бы, что землю нашу воевал; сабля сечет временем, а если станет часто сечь, то притупеет, а иногда и острие у нее изломается; просит он у нас Казани и Астрахани; но без договора и без послов как такому великому делу статься? А что писал он к нам о великих запросах, то нам для чего ему запросы давать? Землю нашу он вывоевал, и земля наша от его войны стала пуста, и взять ни с кого ничего нельзя». В грамоте же к хану Иоанн писал: «Ты в своей грамоте писал к нам, что в твоих глазах казны и богатства праху уподобились, и нам вопреки твоей грамоте как можно посылать такие великие запросы? Что у нас случилось, двести рублей, то мы и послали к тебе». Иоанн рассчитывал на характер татар, которые при виде больших денег забывают обо всяких высших интересах, и потому послал наказ Нагому – хлопотать у хана и царевичей, чтоб дело о Казани и Астрахани оставили, и в таком случае обещать не только Магмет-Гиреевские поминки, но и такие, какие посылает король польский, даже обещать и Магмет-Гиреевские и королевские поминки вместе.

Но хан понял намерение Иоанна длить время, мало надеялся на переговоры, и летом 1572 года с 120000 войска двинулся опять к Оке. Иоанн был в Новгороде; но на Оке, у Серпухова, стояло русское войско под начальством князя Михаила

Ивановича Воротынского; хан, оставя тут двухтысячный отряд травиться с русскими и занимать их, с главным войском ночью перешел Оку; Воротынский погнался за ним и настиг в 50 верстах от Москвы, на берегу Лопасни, в Молодях; здесь в последних числах июля и в первых августа происходило несколько сильных схваток, которые все окончились неудачно для хана, и он принужден был бежать назад, потерявши много войска. После этого хан переменил тон и прислал сказать Иоанну: «Мне ведомо, что у царя и великого князя земля велика и людей много: в длину земли его ход девять месяцев, поперек – шесть месяцев, а мне не дает Казани и Астрахани! Если он мне эти города отдаст, то у него и кроме них еще много городов останется. Не даст Казани и Астрахани, то хотя бы дал одну Астрахань, потому что мне срам от турецкого: с царем и великим князем воюет, а ни Казани, ни Астрахани не возьмет и ничего с ним не сделает! Только царь даст мне Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану; а голоден я не буду: с левой стороны у меня литовский, а с правой – черкесы, стану их воевать и от них еще сытей буду; ходу мне в те земли только два месяца взад и вперед». Но Иоанн также переменил тон: он отвечал хану, что не надеется на его обещание довольствоваться только Литовскою да Черкесскою землею. «Теперь, – писал он, – против нас одна сабля – Крым; а тогда Казань будет вторая сабля, Астрахань – третья, ногаи – четвертая». Гонцу, отправленному в Крым, опять настрого было запрещено давать поминки, хотя в грамотах продолжалось писаться челобитье. Иоанн не переставал колоть хана за первую его величавую грамоту о Казани и Астрахани. «Поминки я тебе послал легкие, – писал царь, – добрых поминков не послал: ты писал, что тебе ненадобны деньги, что богатство для тебя с прахом равно».

Глава шестая

Стефан Баторий

Состояние Польши и Литвы при последнем Ягеллоне. – Смерть Сигизмунда-Августа и вопрос об избрании нового короля. – Переговоры с Иоанном по этому случаю. – Избрание Генриха Анжуйского. – Его бегство из Польши. – Новые выборы. – Избрание Стефана Батория. – Сношения Иоанна с Швециею и война в Эстонии и Ливонии. – Наступательное движение Батория. – Причины его успехов. – Взятие Полоцка, Сокола и других крепостей Баторием; нападение шведов с другой стороны. – Второй поход Батория. – Переговоры. – Третий поход Батория и осада Пскова. – Иезуит Поссевин. – Запольское перемирие. – Разговор царя с Поссевином о вере. – Перемирие с Швециею. – Сношение с Англиею о союзе. – Сношения с императором и Даниею. – Волнения черемисские.

В то время как отношения Иоанна к крымскому хану поправились благодаря стойкости воевод московских на берегах Лопасни, на западе, в Литве и Польше, происходили события, которые должны были иметь великое влияние и на судьбы Московского государства, и на судьбы всей Восточной Европы: в июле 1572 года

умер Сигизмунд-Август, последний из Ягеллонов. Следя изначально за отношениями Польши и Литвы к Руси, мы видели происхождение и развитие польской аристократии, видели возникновение шляхетской демократии, видели и следствия этих явлений для внутреннего состояния и для внешних отношений Польши и Литвы при Казимире Ягеллоновиче и детях его. Царствование Сигизмунда I ознаменовалось борьбой между вельможами и шляхтою, и эту борьбу раздувала королева Бона, единоземка Екатерины Медичи и следовавшая в своем поведении одинаким с нею правилам. Вельможи, чтоб выделиться из шляхты, стремившейся к уравниванию себя с ними, стали употреблять разные средства; в Польше не был известен княжеский титул, ибо потомство Пяста прекратилось все; князья были только в Литве вследствие сильного разветвления рода Рюрикова и Гедиминова; в 1518 году могущественная вельможеская, но не княжеская литовская фамилия Радзивиллов получила княжеский титул от немецкого императора; по примеру Радзивиллов многие вельможи начали приобретать титул графов Немецкой империи; другие установили майорат в своих фамилиях. Неудовольствие шляхты высказалось, когда Сигизмунд по делам валахским объявил всеобщее ополчение служилого сословия (посполитое рушение); шляхта в числе 150000 собралась под стенами Львова и после сильных волнений составила грамоту (рокош), в которой прописала все свои обиды и просьбы. Старый король не мог ее успокоить и принужден был распустить. Это событие получило насмешливое прозвание петушиной войны. Если вельможи хотели выделиться из шляхты, то шляхта с своей стороны объявила, что имеет право жизни и смерти над подвластным ей сельским народонаселением; старосты и палатины позволяли себе всякого рода насилия относительно городских жителей; представители последних были выгоняемы с сейма шляхтою, которая, с другой стороны, восставала против духовенства.

В таком положении находились дела, когда вступил на престол Сигизмунд-Август. Мать, королева Бона, воспитала его согласно с своими правилами и целями: она ослабила его душевные силы, держа его постоянно среди женщин, не допуская ни до каких серьезных занятий. Такое воспитание отразилось на поведении короля во время его правления, и он был прозван король-завтра по привычке откладывать и медлить; мы видели, как эта привычка была выгодна для Иоанна IV. Сигизмунд-Август три раза был женат: первая и третья жена, обе из австрийского дома, не могли привязать его к себе; вторая, любимая жена, Варвара, вдова Гастольд, урожденная Радзивилл, которую он так мужественно отстоял против сената и сейма, требовавших развода, скоро умерла после своей победы и коронации; последнее время жизни Сигизмунд-Август провел окруженный наложницами, которые его грабили, колдуньями, которых он призывал для восстановления сил, потерянных от невоздержности; когда у него спрашивали, отчего он не займется нужными делами, то он отвечал: «Для этих соколов (так он называл женщин) ни за что взяться не могу». Когда король умер, то в казне его не нашлось денег, чтоб заплатить за похороны, не нашлось ни одной золотой цепи, ни одного кольца, которые должно было надеть на покойника. Но не от характера Сигизмунда-Августа только зависело внутреннее расстройство его владений, медленность в отправлениях государственной жизни: жажда покоя, изнеженность, роскошь овладели высшим сословием; и эта жажда покоя, отвращение от войны оправдывались политическим расчетом – не давать

посредством войны усиливаться королевскому значению, причем забыто было положение Польши, государства континентального, окруженного со всех сторон могущественными соседями. Кардинал Коммендоне, посол папский, желая побудить поляков к войне с турками, так говорил в Сенате: «Не похожи вы стали на предков ваших: они не на пирах за чашами распространили государство, а сидя на конях, трудными подвигами воинскими; они спорили не о том, кто больше осушит покалов, но о том, кто кого превзойдет в искусстве военном». Тот же упадок нравственных сил в польских вельможах, ту же страсть к материальным наслаждениям заметил и московский выходец, князь Курбский. «Здесьшний король, – пишет он, – думает не о том, как бы воевать с неверными, а только о плясках да о маскарадах; также и вельможи знают только пить да есть сладко; пьяные они очень храбры: берут и Москву и Константинополь, и если бы даже на небо забился турок, то и оттуда готовы его снять. А когда лягут на постели между толстыми перинами, то едва к полудню проспятся, встанут чуть живы, с головною болью. Вельможи и княжата так робки и истомлены своими женами, что, послышав варварское нахождение, забьются в претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол, за кубки и болтают с своими пьяными бабами, из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут издалека за врагом и, походивши дня два или три, возвращаются домой и, что бедные жители успели спасти от татар в лесах, какое-нибудь имение или скот, все поедят и последнее разграбят». Но грабежом не ограничивались; Курбский не говорит нам того, что говорят современные польские писатели: когда, по их свидетельству, шляхтич убьет хлопа, то говорит, что убил собаку, ибо шляхта считает кметов и всех сельчан за собак.

Последнему из Ягеллонов удалось довершить дело, бывшее историческою задачею его династии: склонить Литву к вечному соединению с Польшею. При Сигизмунде I стремление Литвы к особности продолжало резко высказываться; в 1526 году послы от вельмож литовских так говорили королю: «Посол папский, отправлявшийся в Москву, говорил здесь, что едет для склонения государя московского к принятию католической веры, и в случае если великий князь согласится на это, то папа даст ему королевский титул; но если отец святой хочет дать королевское достоинство неприятелю вашему, то лучше бы он дал его сыну вашей милости, пану нашему, великому князю литовскому, за важные услуги ваши и предков ваших, оказанные вере. Император и папа послали было королевскую корону дяде вашему, Витовту, но он умер, не дождавшись короны, которую задержали поляки и до сих пор отдать не хотят, не желая, чтоб отчинное панство вашей милости получило такую честь. Удивительно нам, что братья наши, поляки, не хотят нам, братьям своим, дать того, чего теперь не запрещают взять Москве. Они хотят, чтобы панство вашей милости, Великое княжество Литовское, было всегда в унижении, чтоб было присоединено к Короне Польской, о чем они уже давно хлопчут. Покорно просим вашу милость не допускать до того, чтобы прирожденные слуги ваши стали подданными Короны Польской. Об этом ваша милость должны стараться для потомков своих: выгоднее будет потомкам вашим, если отчинное панство ваше будет отдельно от Короны Польской; так и теперь паны литовские охотно сына вашего выбрали на государство и присягнули ему, чего паны поляки и до сих пор сделать не хотят; а если бы Великое княжество Литовское было присоединено к Короне Польской, то сын ваш еще не был бы

великим князем. Покорно просим приказать сенаторам польским прислать сюда королевскую корону, назначенную для Витовта, чтобы сын ваш мог быть коронован королем еще при жизни вашей, потому что когда Великое княжество Литовское будет королевством, то уже не может быть присоединено к Короне Польской, ибо корона в корону внесена быть не может. Если же поляки не согласятся прислать сюда короны, то ваша милость постаралась бы выпросить другую у папы и цесаря, и, чего будет это стоить, мы охотно поднимем и ничего не пожалеем».

Бездетность Сигизмунда-Августа заставляла ускорить решение вопроса о вечном соединении Литвы с Польшею, ибо до сих пор связью между ними служила только Ягеллонова династия. Для приведения к концу дела надобно было преодолеть большие затруднения: в Литве господствовала аристократия, боявшаяся тесного соединения с государством, где брала перевес шляхетская демократия; сюда присоединялось давнее соперничество двух народов: для заключения договора о вечном соединении литовцы не хотели ехать в Польшу, а поляки – в Литву. Наконец умер Николай Черный Радзивилл, самый могущественный из вельмож литовских и самый сильный противник соединения, и в 1569 году созван был сейм в Люблине. Литовцы сначала и тут сильно упорствовали, но потом должны были согласиться на соединение (унию), когда увидели, что не поддерживаются русскими; а русским было все равно, быть ли в соединении с Литвою или с Польшею, ибо литовские вельможи вели себя в отношении к русскому народонаселению вовсе не так, чтоб могли заслужить его привязанность. Соединение последовало явно в ущерб Литве, которая должна была уступить Польше Подляхию, Волынь и княжество Киевское; Ливония объявлена общему принадлежностию обоих государств; положено, что король избирается на общем сейме; в Сенате заседают члены из обоих народов; на сеймах также происходят совещания сообща.

Но в то время как, по-видимому, дело соединения Литвы с Польшею было окончено, когда коренные русские области были непосредственно соединены с королевством Польским, в областях Польши и Литвы все более и более усиливалось движение, которое должно было повести к отторжению русских областей от Польши: распространялся протестантизм; это распространение вызвало католическое противодействие; на помощь католицизму явились иезуиты, раздули фанатизм в католиках; борьбою с протестантизмом не ограничились, начата была борьба с православием, которая окончилась отторжением Малороссии, присоединением ее к России Великой, или Московскому государству. Так отозвалось в Восточной Европе общее европейское движение, которым начинается новая история, – движение религиозное.

Протестантизм начал распространяться в Польше и Литве еще при Сигизмунде I. Соседние страны, которые имели наиболее торговых и политических сношений с Польшею и Литвою, Пруссия и Ливония, приняли торжественно протестантизм, отсюда он скоро распространился в среднем городском сословии Польши и Литвы; но и высшее их сословие не могло долго оставаться нетронутым: богатые вельможи польские, литовские и русские путешествовали по всей Европе, женились на иностранках протестантского исповедания, посылали сыновей своих в немецкие школы, где они напивались новым учением, привозили с собою книги, его содержащие. Сигизмунд I

враждебно встретил протестантизм: он подтвердил право епископов наблюдать за поступками отпадших от католицизма, увещевать еретиков и наказывать их; издал постановление, по которому всякий заразившийся ересью терял дворянство; запретил вызывать учителей из Германии и молодым людям посещать университеты и школы немецкие. Иначе пошли дела при Сигизмунде-Августе, который был совершенно равнодушен к вере или по крайней мере к различным ее исповеданиям, склонялся то к тому, то к другому из них, смотря по политическим и разным другим отношениям. Мы видели, что любимую женою его была вторая, Варвара, вдова Гастольд, урожденная Радзивилл. Представителем могущественной фамилии Радзивиллов в Литве был двоюродный брат королевы Варвары, Николай Черный Радзивилл, князь олицкий и несвижский, воевода виленский, великий маршал и канцлер литовский, и этот-то первый вельможа, имевший по родству с королевою и личным достоинствам могущественное влияние на Сигизмунда-Августа, был ревностный протестант, употреблявший все свои могущественные средства для распространения нового учения в Литве. Он ввел его в свои обширные вотчины и поместья, вызвал из Польши самых знаменитых протестантских проповедников, принимал под свое покровительство всех отступивших от католицизма; простой народ привлекал угощениями и подарками, шляхту – королевскими милостями, и таким образом почти все высшее сословие приняло протестантизм; не с меньшим успехом распространился он и в городах; только большинство сельского народонаселения оставалось при прежнем исповедании, особенно в русских православных областях. Радзивиллу нужно было сделать решительный шаг, показать торжественно, что и король на стороне протестантизма; для этого он уговорил Сигизмунда-Августа в Вильне поехать на богослужение в протестантскую церковь, построенную против католической церкви св. Иоанна. Но к чему один с сильною волею человек мог склонить Сигизмунда-Августа, от того другой решительный человек мог отратить его; узнавши, что король поедет в протестантскую церковь, доминиканец Киприан, епископ литопенский, суффраган виленский, вышел к нему навстречу, схватил за узду лошадь и сказал: «Предки вашего величества ездили на молитву не этою дорогою, а тою». Сигизмунд-Август растерялся и принужден был последовать за Киприаном в католическую церковь.

Первым тяжелым ударом, который потерпел протестантизм в Литве, была смерть Николая Черного Радзивилла, последовавшая в 1565 году; во главе рода Радзивиллов и во главе протестантизма стал двоюродный брат покойного, Николай Рыжий Радзивилл, но этот уже не имел такого значения. Вторым бедствием для протестантизма было внутреннее разъединение вследствие усиления ариан или социниан. Между тем папа Пий V, слыша об усилении протестантизма в Польше и Литве, отправил ко двору Сигизмунда-Августа посла своего Коммендоне. Последний нашел дела католицизма в Польше и Литве в жалком состоянии: во время борьбы с таким опасным врагом, как протестантизм, между епископами католическими господствовала вражда, зависть; двое главных епископов, Яков Уханский, архиепископ гнезненский, и Филипп Падневский, епископ краковский, находились в открытой вражде друг с другом, притом Уханский оказывал явную склонность к протестантизму в надежде, что при торжестве последнего, при разрыве с Римом, но при сохранении иерархии он, как архиепископ, будет независимым главою польского духовенства. Коммендоне,

выведавши состояние дел, характеры и отношения короля и главных действующих лиц, начал в тихих беседах внушать Сигизмунду-Августу, как он жалеет об его судьбе и судьбе целого государства, потому что когда разноверцы возьмут верх, то в буйстве своем не пощадят ничего, ниспровергнут все учреждения, божеские и человеческие, все права и обычаи, потрясут, наконец, и самый трон; приводил ему пример современной Франции и Германии, обуреваемых религиозными войнами вследствие того, что государи в самом начале не подавили еретических учений. Король, который всего более боялся междоусобных войн, принял к сердцу внушения Коммендоне и охладел к протестантизму; этому охлаждению способствовало и поведение протестантов, которые, желая приобрести расположение шляхты, противились королевским требованиям насчет больших поборов, необходимых для успешного ведения войны с Москвою. С другой стороны, на помощь католицизму явилась дружина, с которою верна была победа над разделенным и потому ослабевшим протестантизмом, – эта дружина была иезуиты. Валериан Проташевич, епископ виленский, думая о средствах, как помочь своему делу в борьбе с ересью, обратился за советом к кардиналу Гозиушу, епископу варминскому в Пруссии, знаменитому председателю Тридентинского собора, считавшемуся одним из главных столпов католицизма неводной Польше, но и во всей Европе. Гозиуш, советуя всем польским епископам вводить в свои епархии иезуитов, присоветовал то же самое и Проташевичу. Тот исполнил совет, и в Вильне был основан иезуитский коллегиум под управлением Станислава Варшевицкого. Сначала иезуитские школы мало наполнялись: православные и протестанты не пускали в них детей своих; виленский капитул запрещал и католикам отдавать детей к иезуитам, боясь, чтоб его кафедральное училище не упало; но Варшевицкий не унывал, искал всюду средства доставить своему коллегиуму уважение и силу, действовал неутомимо, учил в школах, говорил проповеди, проникал в дома значительных иноверцев для обращения их к католицизму, и старания его начали приносить пользу.

В таком состоянии находилась Польша и Литва, когда умер Сигизмунд-Август и надобно было думать об избрании ему преемника; легко понять, какое важное влияние при этом избрании должно было иметь религиозное движение. Протестанты, сильные в Сенате и между шляхтою, хотели выбрать короля-протестанта или по крайней мере такого, который дал бы им полную свободу в отправлении их богослужения. Коммендоне видел эту опасность для католицизма и тем более был встревожен, что между католиками замечал совершенное равнодушие; многие из них смотрели на протестантов не как на еретиков, противников истинного учения церкви, но как на людей, желающих только ограничить чрезмерное могущество духовенства. Для достижения своей цели, т.е. для того, чтоб новый король был католик и выбран католиками, Коммендоне нашел единственное средство в личных и родовых отношениях между вельможами, причем он старался утушать вражду между католиками и поджигать ее между протестантами. В челе польского вельможества стояли тогда Петр Зборовский, воевода сандомирский, и Ян Фирлей, маршалок великий коронный и воевода краковский, – оба протестанты. Краковское воеводство, полученное недавно Фирлеем, было причиною злой вражды между этими обоими вельможами, ибо и Зборовский также его добивался, но король Сигизмунд-Август по просьбам любовницы предпочел Фирлея. Этою враждою между Зборовским и

Фирлеем воспользовался Коммендоне: он стал внушать Зборовскому, что в доме Фирлея сходятся паны и идет там дело о том, чтоб Фирлея выбрать в короли. Зборовский поверил, ненависть превозмогла над привязанностью к вере, и он дал слово, что хотя он и сам протестант, однако не позволит, чтоб престол достался протестанту. Между вельможами-католиками первое место занимал Алберт Лаский, знаменитый своим воинственным духом и потому любимый молодежью; его-то особенно постарался Коммендоне привлечь на свою сторону и составил из него, из Андрея Зборовского и Николая Паца, епископа киевского, триумвират, в котором католическая сторона нашла для себя сильную опору и руководство.

Уладивши таким образом дело в Польше, Коммендоне обратился к Литве; здесь самые сильные фамилии были – Радзивиллов и Ходкевичей, из соперничества находившиеся во вражде друг с другом. Мы видели, что могущество Радзивиллов и вместе дело протестантизма в Литве поникли вследствие смерти Николая Черного Радзивилла, ибо брат его, Николай Рыжий Радзивилл, не наследовал его значения; у Черного осталось несколько сыновей; старшего из них, Николая Кристофа, который известен под прозвищем Сиротка, отец отправил в Германию, для того чтоб молодой человек окреп там в протестантском учении; но когда по смерти отца Николай Кристоф отправился в Италию, в Рим, то прежнее германское влияние не могло устоять перед италианским, и Радзивилл возвратился в Литву католиком; младшие братья последовали примеру старшего; но Николай Рыжий и его потомство остались верны протестантизму; таким образом, род Радзивиллов разделился на две линии – католическую и протестантскую. Ян Ходкевич, бывший прежде протестантом, также вследствие иезуитского противодействия и стараний Коммендоне обратился в католицизм. Коммендоне теперь нужно было только помирить Сиротку Радзивилла с Ходкевичем, что было сделать легко, ибо личной вражды между ними, как у Фирлея со Зборовским, не было. Приготовивши сильные средства для избрания короля-католика в Польше и Литве, Коммендоне начал внушать, что всего лучше выбрать одного из сыновей императора Максимилиана в Литве, и Радзивилл и Ходкевич были согласны на это: Радзивилл – по давней связи своего рода с австрийским домом, Ходкевич – из боязни, чтоб выбор не пал на царя московского, к которому он питал сильное нерасположение, предводительствуя постоянно литовскими войсками, действовавшими против Москвы. Но Радзивилл и Ходкевич одни не могли помешать избранию царя или царевича московского: еще в 1564 году Коммендоне доносил в Рим, что все жители Киева благоприятствуют московскому государю по причине веры; по смерти Сигизмунда-Августа он доносил также о движении православного народонаселения в Литве в пользу царя московского; до нас дошла любопытная статья, составленная аббатом Джиованнини, в которой исчисляются все побуждения к избранию московского царя и все препятствия к этому: препятствует избранию царя, во-первых, то, что он постоянно враждовал с Короною Польскою и оскорблял ее тем, что завоевал два княжества в Литве; вторым препятствием служит греческая вера, им исповедуемая; третьим – суровость нрава, жестокое обращение с боярами; будут препятствовать ему также император германский и султан турецкий; каждый из них боится иметь его в соседстве, особенно турок, который не захочет иметь в соседстве государя могущественного и воинственного и, что всего опаснее, государя греческой веры,

способного, следовательно, возбуждать греческое народонаселение к восстанию против турок; наконец, препятствует выбору царя у поляков мысль, что средоточие и величество целого государства перенесутся в Москву. Напротив, к выбору царя побуждают: его могущество, возможность доставить безопасность и спокойствие Литве; сходство языка и обычаев; одни враги – татары и Германская империя; пример Ягайла, великого князя литовского, который, будучи избран в короли, из врага Польши и язычника стал другом и христианином. Пример того же Ягайла заставляет надеяться, что царь более будет жить в Польше, чем в Москве, ибо северные жители всегда стремятся к южным странам; притом же стремление расширить или охранить свои пределы на юго-западе, в стороне Турции или Германской империи, заставит царя жить более в Польше; можно обязать его клятвою не нарушать законов и прав польской шляхты, как было сделано с Ягайлом. Что же касается до греческой веры, то протестанты не обращают на это никакого внимания; притом же государь московский хотел некогда соединиться с латинскою церковью. Наконец, у него много денег, посредством которых он может приобрести себе много доброжелателей.

Так думали сначала в Польше, но потом согласнее были на выбор царевича Феодора, чем самого царя; этим выбором удовлетворялось православное народонаселение; он не был противен протестантам; Литва приобретала безопасность со стороны Москвы, а между тем избавлялась от непосредственных отношений к Иоанну, которого характер был известен в Польше, еще известнее – в Литве. Давши знать царю чрез гонца Воропая о смерти Сигизмунда-Августа, польская и литовская рады тут же объявили ему о желании своем видеть царевича Феодора королем польским и великим князем литовским. Иоанн, по обычаю, сам отвечал Воропаю длинною речью: «Пришел ты ко мне от панов своих польских и литовских и принес мне от них грамоту с извещением, что брат мой, Сигизмунд-Август, умер, о чем я и прежде слышал, да не верил, потому что нас, государей христианских, часто морят, а мы все, до воли божией, живем. Но теперь уже я верю и жалею о смерти брата моего; особенно же жалею о том, что отошел он к господу богу, не оставивши по себе ни брата, ни сына, который бы позаботился об его душе и о теле по королевскому достоинству. Ваши паны польские и литовские теперь без главы, потому что хотя в Короне Польской и Великом княжестве Литовском и много голов, однако одной доброй головы нет, которая бы всеми управляла, к которой бы все вы могли прибегать, как потоки или воды к морю стекают. Не малое время были мы с братом своим, Сигизмундом-Августом, в ссоре, но потом дело начало было клониться и к доброй приязни между нами. Прежде чем приязнь эта окончательно утвердилась, господь бог взял его к себе; за нашим несогласием бусурманская рука высится, а христианская низится, и кровь разливается. Если ваши паны, будучи теперь без государя, захотят меня взять в государи, то увидят, какого получают во мне защитника и доброго государя, сила ногайская тогда высится не будет; да не только поганство, Рим и ни одно королевство против нас не устоит, когда земли ваши будут одно с нашими. В вашей земле многие говорят, что я зол: правда, я зол и гневлив, не хвалясь, однако пусть спросят меня, на кого я зол? Я отвечу, что, кто против меня зол, на того и я зол, а кто добр, тому не пожалею отдать и эту цепь с себя, и это платье». Тут Малюта Скуратов прервал его. «Царь и государь преславный! – сказал он. – Казна твоя не убога, в ней найдешь, кого чем

подарить». Иоанн продолжал: «Паны польские и литовские знают о богатстве деда и отца моего, но я вдвое богаче их казною и землями. Неудивительно, что ваши паны людей своих любят, потому что и те панов своих любят; а мои люди подвели меня к крымским татарам, которых было 40000, а со мною только 6000: ровно ли это? Притом же я ничего не знал: хотя передо мною и шли шестеро воевод с большими силами, но они не дали мне знать о татарах; хотя бы моим воеводам и трудно было одолеть такого многочисленного неприятеля, однако пусть бы, потерявши несколько тысяч своих людей, принесли ко мне хотя бич или плеть татарскую; я и то с благодарностию бы принял. Я не силы татарской боялся, но видел измену своих людей и потому своротил немного на сторону от татар. В это время татары вторглись в Москву, которую можно было бы оборонить и с тысячью человек; но когда большие люди оборонять не хотели, то меньшим как было это сделать? Москву уже сожгли, а я ничего об этом не знал. Так разумеи, какова была измена моих людей против меня! Если кто и был после этого казнен, то казнен за свою вину. Спрашиваю тебя: у вас изменника казнят или милуют? Думаю, что казнят. Вот у вас в Вильне Викторин, который ко мне писал, но я ему не отвечал. Взвели на меня, будто я этого Викторина подучал извести брата моего; но бог – свидетель, что я об этом не думал и Викторину не приказывал, а если он ко мне и писал об этом, то письмо его до меня не дошло; Викторина схватили и казнили; видишь, что и в ваших землях изменников не милуют. Так скажи панам польским и литовским, чтоб, посоветовавшись между собою обо всем и уговорившись, отправляли скорее ко мне послов. А если богу будет угодно, чтоб я был их государем, то наперед обещаю богу и им, что сохраню все их права и вольности и, смотря по надобности, дам большие. Я о своей доброте или злости говорить не хочу; если бы паны польские и литовские ко мне или к детям моим своих сыновей на службу присылали, то узнали бы, как я зол и как я добр. Пусть не дивятся тому, что изменники мои говорят обо мне: у них уже такой обычай говорить о государях своих дурно; как бы я их не учестил и не обдарил, они все не перестанут говорить обо мне дурно. Есть люди, которые приехали из моей земли в вашу, надобно бояться, чтоб не ушли они в другую землю, в Орду или в Турцию, если почуют, что паны польские и литовские хотят взять меня в государи. Пусть паны ваши постараются задержать их, а я, клянусь богом, не буду им мстить. Курбский к вам приехал; он отнял у него (указывая на старшего сына) мать, а у меня жену; а я, свидетельствуюсь богом, не думал его казнить, хотел только посбавить у него чинов, уряды отобрать и потом помиловать; а он, испугавшись, отъехал в Литву. Пусть паны ваши отнимут у него уряды и смотрят, чтоб он куда-нибудь не ушел. Что касается до Ливонии, то, когда буду вашим государем, Ливония, Москва, Новгород и Псков одно будут. А если меня в государи взять не захотят, то пусть приезжают ко мне великие послы для доброго постановления. Я за Полоцк не стою и со всеми его пригородами уступлю и свое Московское, пусть только уступят мне Ливонию по Двину, и заключим мы вечный мир с Литвою; я и на детей своих наложу клятву, чтоб не вели войны с Литвою, пока род наш не прекратится. А если папы хотят взять себе в государи кого-нибудь из сыновей моих, то их у меня только два, как два глаза у головы; отдать которого-нибудь из них все равно, что из человека сердце вырвать. Есть в вашей земле польские и литовские люди веры Мартына Лютера, которые образа истребляют; им не хочется иметь меня государем. Но я об них ничего не буду говорить, потому что

Священное Писание дано не на брань и не на гнев, а на тихость и покорность. Не забудь сказать панам своим польским и литовским, чтоб отправляли сюда послов своих немедленно, людей добрых, чтоб из доброго постановления не вышло дурного».

Из этих слов Иоанна прежде всего оказывается, что он в это время хотел быть избранным в короли; отсюда старание отклонить от себя упрек в бегстве пред ханом, оправдать жестокость свою относительно бояр. В Польше и Литве при жизни еще Сигизмунда-Августа и тотчас по смерти его многие могли также желать избрания Иоанна в короли, рассуждали при этом о полезных и вредных следствиях такого избрания, взвешивали их; находя важные препятствия в характере Иоанна, в трудности соединить интересы двух самостоятельных государств при управлении одним государем, обращались к одному из сыновей Иоанновых, но при этом упустили из внимания главное: невозможность согласить выгоды обоих государств при самом соединении; рассуждая о выборе Иоанна или сына его, смотрели на Москву и Литву как на государства, не имевшие до сих пор никаких столкновений между собою, или думали, что Иоанн, прельщенный честью видеть себя или одного из сыновей своих на польском престоле, согласится на все уступки в пользу Литвы; естественно было и самому Иоанну в начале смотреть на дело таким же образом: главное препятствие к избранию он находил в своем характере, в поведении относительно бояр, которое должно было прежде всего беспокоить вельмож польских и литовских, привыкших к совершенно иному порядку вещей; он думал, что обещанием сохранить ненарушимо и даже распространять права и вольности панов и шляхты и извинением своей гневливости боярскою изменою он отстранит самые важные препятствия к избранию, и упустил из виду главное: соглашение выгод Москвы и Литвы, или думал, что Польша и Литва, прельщенные выгодами иметь королем такого могущественного государя, как он, согласятся на его требования, тем более что он старался по возможности умерять эти требования. Но скоро обнаружилось, что было главное в деле, что преимущественно препятствовало избранию. То же, что было непреодолимым препятствием к заключению вечного мира между Москвою и Литвою: спорные земли, число которых увеличилось теперь Ливониею. Иоанн хотел сам быть королем: здесь прельщала его мысль о возможности вечного тесного соединения трех держав; но рады польская и литовская преимущественно указывали ему на сына его; избрание же последнего не могло ничем прельстить Иоанна, ибо кто мог поручиться, что по смерти его война между родными братьями не вспыхнула бы гораздо сильнее, чем между государями, совершенно чуждыми друг другу. От приезда Воропая до приезда нового посла литовского, Гарабурды, прошло месяцев шесть: Иоанн имел время подумать о деле, которое и представилось ему уже в ином виде. Избрание сына представлялось ему столь же невыгодным, как и прежде; собственное избрание представило ему новые трудности: он должен был управлять двумя самостоятельными государствами, переезжать из одного в другое; и у себя, в Московском государстве, боялся он измены боярской, окружил себя опричниною, а теперь должен будет ехать в Польшу, отдать себя в руки своевольным панам и шляхте, под конец жизни подчиниться тому, что противоречило стремлениям всей его жизни. Отсюда, естественно, должно было у него родиться желание быть избранным только в великие князья литовские, отдельно от Польши. Здесь

уничтожалось главное препятствие относительно сопоставления двух государств, из которых ни одно не хотело уступить первенства другому, ибо Литва, привыкнув занимать второстепенное положение при Польше, легко могла занять такое же при соединении с царством Московским; притом в Литве преобладал элемент русский; большую часть Великого княжества составляли земли, которые Иоанн считал своими отчинами; по многочисленности православного народонаселения дать здесь господство православию было легко; вследствие близости и второстепенного положения Литвы управлять ею и ладить с панам было легче.

Но если дело избрания самому Иоанну представлялось уже иначе, то в Польше и Литве желание видеть его королем не могло усиливаться: другие государи, желавшие избрания, отправили в Польшу послов, которые и поддерживали их дело; мы видели, как действовал Коммендоне для того, чтоб был избран король-католик; но Иоанн ждал к себе послов польских и литовских и никак не хотел унижаться до искательства и просьб. Православное народонаселение Литвы желало видеть королем Иоанна, но оно не могло иметь перевеса на сейме, притом же в это время религиозный интерес православного народонаселения не был затронут и потому не стоял на первом плане; другие интересы преобладали.

Иоанн, как мы видели, наказывал Воропаю, чтоб рады польская и литовская немедленно прислали к нему уполномоченных для окончательных переговоров; литовская Рада тотчас же дала знать польской об этом требовании царя с просьбою удовлетворить ему как можно скорее, потому что замедление может грозить большою опасностью для Литвы. Но прошел 1572 год, и польские уполномоченные не являлись; в начале 1573 литовская Рада принуждена была отправить к Иоанну от одной себя посла Михаила Гарабурду. Последний оправдывал медленность панов моровым поветрием, распространившимся в Польше и Литве, которое помешало им съезжаться; объявил, что литовские паны сами хотят и польских панов будут приводить на то, чтоб избран был или сам царь, или сын его Феодор, и потому просил Иоанна дать решительный ответ, сам ли он хочет быть избран в короли или дать сына; в обоих случаях необходимо обязательство в ненарушении прав и вольностей шляхетских; при определении границ между государствами Иоанн должен уступить Литве четыре города – Смоленск, Полоцк, Усвят и Озерище; если же царевич Феодор будет избран в короли, то отец должен дать ему еще несколько городов и волостей. Иоанну не понравились речи Гарабурды; он отвечал ему: «Ты говорил, что паны радные так долго не присылали к нам по причине морового поветрия – это воля божия; а надобно было бы панам подумать, чтоб дело поскорее уладить, потому что без государя земле быть невыгодно. Паны радные литовские не хотят выбирать себе государя без Короны Польской – на то их воля. Ты говорил о подтверждении прав и вольностей: дело известное, что, в каких землях какие обычаи есть, отменять их не годится. Ты говорил, чтоб мы возвратили Литве Смоленск и Полоцк, Усвят и Озерище. Это пустое: для чего нам уменьшать свое государство? Хорошо государства увеличивать, а не уменьшать. Для чего я вам дам сына своего, князя Феодора, к убытку для своего государства? Хотят, чтоб я дал сыну еще другие города и волости; но и без наших городов и волостей в Короне Польской и Великом княжестве Литовском много есть городов и волостей, доходами с которых мы и сын наш можем содержать свой двор. И то, по-нашему, не годится,

что по смерти государя государство не принадлежит потомкам его, что Корона Польская и Великое княжество Литовское не будут в соединении с государством Московским; так нельзя, так мы сына своего, Феодора, не дадим. Знаем, что цесарь и король французский прислали к вам; но нам это не пример, потому что, кроме нас да турецкого султана, ни в одном государстве нет государя, которого бы род царствовал непрерывно через двести лет; потому они и выпрашивают себе почести; а мы от государства господари, начавши от Августа кесаря из начала веков, и всем людям это известно. Корона Польская и Великое княжество Литовское – государства не голые, пробыть на них можно, а наш сын не девка, чтоб за ним еще приданое давать. Если паны радные польские и литовские хотят нашей приязни, то прежде всего пусть пишут титул наш сполна, потому что мы наше царское имя получили от предков своих, а не у чужих взяли. Во-вторых, если бог возьмет сына нашего Феодора с этого света и останутся у него дети, то чтобы Корона Польская и Великое княжество Литовское мимо детей сына нашего другого государя не искали; а не будет у нашего сына детей, то Польша и Литва от нашего рода не отрывались бы; и если кто из нашего рода умрет, тело его привозить для погребения сюда. А наши дети и потомки, кто будет на Короне Польской и в Великом княжестве Литовском, прав и вольностей их ни в чем нарушать не будут; и пусть Польша и Литва соединятся с нашим государством, и в титуле нашем писалось бы наперед королевство Московское, потом Корона Польская и Великое княжество Литовское; стоять и обороняться от всех неприятелей им заодно, а Киев для нашего царского именованья уступить нашему государству. Что прежде наша отчина была по реку Березыню, того мы для покою христианского отступаемся, но Полоцк со всеми пригородами и вся земля Ливонская в нашу сторону, к государству Московскому, и без этих условий сына нашего, Феодора, отпустить к вам на государство нельзя; к тому же он несовершеннолетний, против неприятелей стоять не может. Что же касается до вечного мира, то мы хотим его на таких условиях: Полоцк со всеми пригородами и Курляндия – к Литве, а Ливония – к Москве; Двина будет границею, а Полоцку и его пригородам с нашими землями граница будет по старым межам; и быть бы всем трем государствам на всех неприятелей заодно, а в короли выбрать цесарского сына, который должен быть с нами в братстве и подтвердить вечный мир; мы готовы жить с цесарским сыном точно так же, как бы жили с своим сыном Феодором, если б дали его вам в господари. Знаю, что некоторые из поляков и из ваших хотят выбрать меня самого в короли, а не сына моего, и гораздо лучше, если б я сам был вашим государем». Гарабурда отвечал на это, «что паны и шляхты рады выбрать его в господари, но чтобы он объявил, как этому стать? Он должен будет беспрестанно переезжать из одного государства в другое и все по отдаленности не будет в состоянии надлежащим образом оборонять свои государства; большое будет затруднение и относительно суда королевского; наконец, без принятия римской веры он не может быть коронован». Царь велел ему приезжать за ответом на другой день и, когда посол явился, стал опять ему говорить: «Мы на Московском королевстве, в Польше и Литве государем быть хотим и управлять всеми этими государствами можем и, приезжая, по несколько времени оставаться в каждом. Причины, тобою приведенные, делу не мешают; в титуле нашем стоять прежде королевству Московскому, потом Польше и Литве, а для имени написать к Московскому государству Киев один, без пригородов;

Полоцк с пригородами и Курляндию – к Литве, а Ливонию – к нашему государству Московскому; полный титул будет такой: божиею милостию государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, киевский, владимирский, московский, король польский и великий князь литовский и великий князь русский, Великого Новгорода, царь казанский, царь астраханский, а потом расписать области русские, польские и литовские по старшинству. Вере нашей быть в почете; церкви в наших замках, волостях и дворах, каменные и деревянные, вольно нам ставить; митрополитов и владык почитать нам по нашему обычаю; прав и вольностей панских и шляхетских не нарушать, а увеличивать. Вольно нам будет в старости отойти в монастырь, и тогда паны и вся земля выбирают себе в государи из наших сыновей, который им будет люб; а сам я неугодного им назначать не буду. А если бы Великое княжество Литовское захотело нашего государствования одно, без Короны Польской, то нам еще приятнее. Мы на Великом княжестве Литовском быть хотим: хотим держать государство Московское и Великое княжество Литовское заодно, как были прежде Польша и Литва; титул наш будет, как прежде было сказано; а которые земли литовские забраны к Короне Польской, те будем отыскивать и присоединим их к Литве, кроме одного Киева, который должен отойти к Москве. Еще надобно уговориться о дворовых людях, без которых я не могу ехать в Польшу и Литву: этих людей немного (опричина). И то еще тебе объявляю, что буду ездить в Польшу и Литву не один, а с детьми, потому что они по летам своим еще не могут без нас оставаться; доходят до нас слухи из ваших сторон, что поляки и литовцы хотят взять у нас сына обманом, чтоб отдать его турецкому. Не знаю, правда ли это, или злые люди выдумали, только я должен тебе об этом объявить, потому что теперь хочу все высказать. Особенно объявляю тебе то, что я уже старею, и в такие три обширные государства ездить мне для управления трудно, так лучше было бы, если бы Польша и Литва взяли в государи цесарского сына, а с нами заключили вечный мир на условиях, какие я уже сказал, – и нам это было бы спокойнее, да и землям также. Но если Польша и Литва не хотят цесарского сына, а хотят нас, то мы согласны быть их государем; только паны должны дать присягу и грамоту, что им над нами и над нашими детьми ничего дурного не делать и ни одного государя против нас не подводить, ни в какое государство нас не выдать и никакой хитрости не замышлять, чтоб нам и детям нашим можно было беспечно приезжать для разных дел в Польшу и Литву, как в свою землю. А если и одно Великое княжество Литовское, без Польши, захочет нашего государствования, то это нам еще приятнее. Скажи панам радным, чтоб не выбирали в короли француза, потому что он будет больше желать добра турецкому, чем христианству; а если возьмете француза, то вы, литва, знайте, что мне над вами промышлять. Еще объявляю тебе: из ваших земель многие писали ко мне, чтоб я шел с войском к Полоцку, и тогда вы будете нам бить челом, чтоб, не пустоша земли, был я вашим государем. Другие писали такие вещи, которые к делу нейдут, иные просили у нас денег и соболей, за что обещали хлопотать, чтоб сын наш был выбран в короли; скажи это панам радным». Когда Гарабурда уже совсем был готов отправиться в обратный путь, пришли к нему окольный Умный-Колычов, думный дворянин Плещеев, дьяки Андрей и Василий Щелкаловы и сказали от имени Иоанна: «Если Великое княжество Литовское хочет видеть его своим государем, то он на это согласен; и будьте покойны, Польши не бойтесь: государь

помирит с нею Литву». Потом из Новгорода присланы были пункты (главизны), о которых статья писарю Гарабурде не изъявлено: 1) Короноваться и ставиться на Корону Польскую и В¹ к² Литовское государю нашему по христианскому обычаю, от архиепископов и епископов, и римского закона бискупам по римскому закону в то время не действовать, а быть бискупам в своем чину с панами радными. 2) Божьим судом царское величество и его сын царевич Иван Иванович не имеют у себя супруг, а царевич князь Феодор Иванович приближается к тому возрасту, когда жениться надобно; так паны радные волю бы дали царскому величеству в Русском царстве, в Короне Польской и В³ к⁴ Литовском выбирать и высматривать из подданных, кого пригоже по их государскому чину. А у государей жениться царскому величеству нейдет, к пожитью несхоже, потому что так высмотреть наперед нельзя. А если выйдет такой случай, что можно будет жениться и на государской дочери, то царское величество будет говорить о том с панами радными. А у государей наших издавна ведется, что выбирают и высматривают себе в супруги из подданных своих. 3) Когда государь приедет с своими детьми на Корону Польскую, и учинится мятеж между государем и землею, и помириться нельзя будет, то паны должны отпустить царя и детей его безо всякой зацепки.

Речи Иоанна Гарабурде, высказавшееся в них колебание, желание и нежелание быть выбранным, условия выбора, предложенные царем, явное нежелание дать сына в короли – все это не могло усилить московскую сторону на сейме; послы московские не являлись с льстивыми словами, обещаниями и подарками для панов, и Ходкевичу легко было заглушить голос приверженцев царя. Сторона, хотевшая императора Максимилиана или сына его Эрнеста, также не могла осилить: причиною неуспеха была, во-первых, медленность Максимилиана; и он думал сначала, что не он поляков, но поляки будут просить его принять их корону; потом когда были им высланы великие послы Розенберг и Перштейн, то они уже не могли поправить дела и, кроме того, не хотели: оба посла были чехи, свита их состояла также из чехов; подружившись с поляками на частых пирушках, чехи стали вспоминать, что и они прежде пользовались такими же вольностями, какие теперь в Польше, но дом Австрийский отнял их у них и утесняет их поборами, хочет истребить их язык, и, как братья, предостерегали поляков, чтоб они береглись австрийского ига. Послы от князей имперских, явно хлопоча за Эрнеста, сына Максимилианова, тайно советовали полякам совершенно иное; к этому присоединилось еще извечное нерасположение поляков к Австрийскому дому. При таких обстоятельствах нетрудно было французскому послу Монлюку составить многочисленную и сильную сторону для Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. В публичной речи своей Монлюк не щадил лести полякам, называл государство их оградю христианства, хвалил их обычаи, утверждал, что французы и поляки похожи друг на друга более всех других народов, не был скуп и на обещания: по его словам, Генрих заведет флот, посредством которого всего скорее

1 еликое

2 няжество

3 еликом

4 няжестве

воспрепятствует нарвской торговле; приведет в цветущее состояние Краковскую академию, снабдивши ее учеными людьми; отправит на свой счет в Париж сто польских шляхтичей для занятия науками; наберет для польской службы отряд гасконских стрелков. Начались совещания; послышались голоса в пользу избрания одного из своих; но против этого избрания вооружился славный своими талантами, красноречием, ученостию Ян Замойский, староста бельзский, приверженец шляхетского равенства, приверженец французского принца. При подаче голосов большинство оказалось за Генрихом; Монлюк поспешил присягнуть за него в сохранении условий, знаменитых Pacta Conventa; волновались протестанты под предводительством Фирлея: им, разумеется, не хотелось иметь королем брата Карла IX и ждать повторения Варфоломеевской ночи в Кракове или Варшаве, но Монлюк успокоил и протестантов, давши за Генриха присягу в сохранении всех их прав и вольностей. В августе 1573 года двадцать польских послов в сопровождении 150 человек шляхты приехали в Париж за Генрихом. Начали говорить об условиях: поляки потребовали, чтоб не только Генрих подтвердил права протестантов польских, но чтоб и французские гугеноты получили свободу вероисповедания, ибо таково было обещание Монлюка; спросили последнего, как он мог мимо наказа давать подобные обещания. Монлюк отвечал, что действительно не имел об этом наказа, но принужден был обещать, чтоб заградить уста неприятелям Франции, чтоб успокоить протестантов, взволнованных вестями о Варфоломеевской резне; другие послы, желая помешать избранию Генриха, разглашали, что он принимал участие в убийствах; он, Монлюк, отвергал это, уверяя, что резня произошла случайно. «Но если она произошла без ведома королевского, – возражали польские протестанты, – то король обязан наказать ее виновников и дать французским протестантам обеспечение их прав». «Я не знал, что отвечать им, – говорил Монлюк, – и, боясь, чтоб это обстоятельство не помешало избранию, дал требуемую присягу; но так как это не касалось Польши, то король не обязан исполнять обещание». Польские послы, однако, не переставали требовать исполнения обещания; тогда Лавро, папский нунций, взялся уладить дело: в худом платье ночью пробирался он к польским послам из католиков, к епископу познанскому и Алберту Ласкому, которые сначала не очень склонялись на его требования; наконец угрозами католикам, обещаниями протестантам ему удалось достигнуть того, что послы перестали настаивать на исполнении Монлюкова обещания. Это известие всего лучше показывает нам, как сильна была в это время протестантская сторона в Польше и Литве и как у самих католиков не было еще религиозной нетерпимости.

В начале 1574 года Генрих приехал в Польшу; протестанты требовали, чтоб он повторил присягу в сохранении их прав; король уклонялся; они криками своими прервали коронационный обряд, волновали сейм. Партии боролись, Генрих, оказывая явное пристрастие к Зборовским, поджигал еще более эту борьбу; отсюда крики против короля, пасквили, ссоры с французами; редкий день проходил без убийства, совершенного тою или другою стороною; наконец явно была высказана угроза, что Генрих будет свергнут с престола, если не станет лучше исполнять своих обязанностей. Генрих не привык к этим обязанностям во Франции и жаловался, что поляки из королей хотят низвести его до звания парламентского судьи; кроме лени, страсти к пустым забавам Генриху было

трудно заниматься делами еще и потому, что он не знал ни по-польски, ни по-латыни; кроме своего языка знал только немного по-италиански и потому сидел как немой в Сенате и думал только о том, как бы скорее вырваться из него; целые ночи проводил без сна в пирушках и в карточной игре, проводил все время с своими французами, убегая от поляков; щедрости и расточительности своей не знал меры, во дворце был такой беспорядок, такая бедность, что иногда нечего было приготовить к обеду, нечем накрыть стол. В таком положении находился Генрих, когда получил весть о смерти брата, Карла IX, причем мать, Екатерина Медичи, требовала, чтоб он как можно скорее возвращался во Францию. Не успевши затаить этого известия, король объявил об нем сенаторам; те отвечали, что надобно созвать сейм, который один может позволить ему выехать из государства; но Генрих знал, как медленно собирается сейм, не надеялся даже получить его согласия на отъезд, слышал о враждебных ему движениях во Франции и тайно ночью убежал за границу.

По отъезде Генриха в Польше не знали, что делать: объявлять ли бескорольеве или нет? Решили бескорольевя не объявлять, но дать знать Генриху, что если через девять месяцев он не возвратится в Польшу, то сейм приступит к избранию нового короля. В Москву поспешили отправить от имени Генриха послов с известием о восшествии его на престол и вместе с известием об отъезде во Францию, причем будто бы он поручил панам радным сноситься с иностранными государями. Иоанн отвечал, что уже отправил в Польшу гонца своего Ельчанинова с требованием опасной грамоты для послов, которые должны ехать к Генриху поздравлять его с восшествием на престол; что Ельчанинов будет дожидаться возвращения короля, а у панов радных не будет: государь ссылается только с государем, а паны – с боярами; если же прежде была ссылка между ним, Иоанном, и панами, то потому, что у них не было короля и они присылали бить челом, прося его или сына его на господарство, но теперь есть у них король, мимо которого с панами ссылаться непригоже. Ельчанинову долго было дожидаться Генриха; он дождался сейма, во время которого пришел к нему тайно ночью литовский пан, староста жмудский, и говорил: «Чтобы государь прислал к нам в Литву посланника своего доброго, а писал бы к нам грамоты порознь с жаловальным словом: к воеводе виленскому грамоту, другую – ко мне, третью – к пану Троцкому, четвертую – к маршалку Сиротке Радзивиллову, пятую – ко всему рыцарству, прислал бы посланника тотчас, не мешкая; а королю Генриху у нас не бывать. Я своей вины пред государем не ведаю ни в чем, а государь ко мне не отпишет ни о каких делах и себе служить не велит; нам безмерно досадно, что мимо нас хотят поляки государя на государство просить, а наша вера лучше с московскою сошлась, и мы все, литва, государя желаем к себе на государство. Если мы умолим бога, а государя упросим, что будет у нас в Литве на государстве, то поляки все придут к государю головами своими бить челом; а государю известно, что когда у нас прежде был король Витовт, то он всегда жил в Вильне; и теперь нам хочется того же, чтоб у нас король был в Вильне, а в Краков бы ездил на время; но государь как будто через пень колоду валит». Далее староста говорил, что Литва, согласно царскому желанию, хочет избрать императорского сына, но поляки хотят выбрать приятеля султанова; говорил, что им трудно принять условие относительно наследственности короны в потомстве царя; но если они милость и ласку государскую познают, то от потомства его никогда не отступят,

хотя бы и другой народ не согласился; потом еще жестоко людям кажется то, что государь говорит о Киеве и Волынской земле и что венчать его на царство будет митрополит московский. Из поляков Яков Уханский, епископ гнезненский, прислал Ельчанинову образцы грамот, какие царь должен прислать к духовенству, панам, ко всему рыцарству и к каждому пану в особенности; в общих грамотах Иоанн должен был просить об избрании, обозначить в грамоте, что он не еретик, а христианин, крещен во имя св. троицы, что поляки и русские, будучи одного племени, славянского или сарматского, должны, как братья, иметь одного государя. Замечательны образцы грамот к некоторым вельможам; например, к одному царь должен был написать: «Ты меня знаешь, и я тебя знаю, что у тебя большая сума (калита); я не калиты твоей хочу, хочу тебя иметь своим приятелем, потому что ты умный человек на всякие дела, умеешь советовать так, что не только калита, но и сундуки будут».

Иоанн находился в затруднительном положении: с одной стороны, тяжело ему было унизиться до искательства, неверен был успех и затруднительно положение в случае успеха; с другой – неприятно было и видеть себя обойденным, особенно когда выбор падет на человека нежеланного, с которым надобно будет опять начинать войну за Ливонию. Выслушавши донесение Ельчанинова, царь приговорил послать гонца Бастанова к панам с требованием опасной грамоты для больших послов. Бастанов доносил, что, по всем слухам, литовская Рада хочет выбирать московского государя; папский нунций доносил в Рим, что вельможи ни под каким видом не хотят московского царя, но народ показывает к нему расположение; в другом письме доносил, что московского государя желает все мелкое дворянство, как польское, так и литовское, в надежде чрез его избрание высвободиться из-под власти вельмож. Узнавши от Бастанова о возможности успеха, Иоанн велел немедленно отпустить в Польшу посланника Новосильцева с грамотами к Уханскому, к краковскому архиепископу и светским панам; в грамоте к Уханскому царь уверял, что веры и почестей духовенства не порушит, самому Уханскому обещал большие награды, если его старанием будет избран в короли: «Мы тебя за твою службу почестями и казною наградим; дай нам знать, какого от нас жалованья хочешь, и мы станем к тебе свое великое жалованье держать». Но одних обещаний частным лицам было мало; Иоанн ни слова не говорил, отказывается ли он от прежних своих условий, а на сейме не хотели слышать ни о каких других условиях, кроме тех, на которых был избран прежде Генрих; кроме того, Новосильцев был посланником легким и потому не мог так действовать, как действовали уполномоченные других соискателей. Эти обстоятельства опять произвели то, что сторона московская, особенно между поляками, упала и выдвинулись вперед две стороны: сторона вельмож, которые хотели избрать императора Максимилиана, и сторона шляхты, хотевшей избрать Пяста, т.е. кого-нибудь из природных поляков или по крайней мере не австрийца, не кандидата стороны вельможеской.

В ноябре 1575 года начался избирательный сейм; приступили прежде всего к выслушанию послов иностранных. Послы императорские от имени своего государя предлагали в короли сына его, эрцгерцога Эрнеста, превозносили достоинства этого князя, говорили, что вследствие частого обращения с чехами он легко понимает их язык, легко поэтому может научиться и по-польски, а прежде чем научиться, будет употреблять язык латинский, которым владеет совершенно

свободно и который у поляков во всеобщем употреблении; выставляли на вид выгоды Эрнестова избрания, вследствие которого Польша вступит в союз с Австрийским домом, владетелями германскими, италийскими, королем испанским и, наконец, с царем московским. После императорских говорили послы брата Максимилиана, эрцгерцога Фердинанда, также превозносили достоинства своего государя, его военное искусство, знание чешского языка, обещали, что Фердинанд будет вносить в Польшу большую часть доходов своих, именно 150000 талеров ежегодно, и еще 50000 талеров на поправку и постройку пограничных крепостей, приведет и сильные полки немецкой пехоты для отражения неприятеля. Посол шведский начал свою речь увещаниями сейму употребить все усилия для войны с Москвою, обещая, что шведский король с своей стороны употребит для этой цели третью часть податей; для прекращения же споров за Ливонию между Польшею и Швециею предлагал, чтоб поляки уступили Швеции свою часть Ливонии, а король шведский откажется за это от всех своих претензий: от денег, которые польское правительство взяло у него займы и уже четырнадцать лет не платит, от приданого своей жены, не отданного еще ей, от денег и земель, следующих ей по наследству; или пусть Польша отдаст свою часть Ливонии навеки в ленное владение шведскому королевичу Сигизмунду, которому отец отдаст и свою часть этой страны. Потом посол приступил к главному вопросу: предлагал избрать или короля своего, Иоанна, или, что для последнего будет одинаково приятно, избрать в королевы сестру покойного Сигизмунда-Августа, Анну; приводил в пример англичан, которые, поручив правление королеве Елисавете, достигли наивысшей степени благоденствия; говорил, что только одним этим способом уладятся дела польские и шведские, ливонские и московские; будет крепкий союз между двумя соседними государствами, будет у них мир с турками, татарами и Германиею, москвитяне будут изгнаны из Ливонии, нарвская торговля, столь вредная для Польши и столь выгодная для Москвы, прекратится; королева Анна, зная язык и обычаи народные, могла бы выслушивать каждого и всякому оказывать справедливость, не была бы из числа тех, которые сидят на троне глухими и немыми и презирают обычаи польские (намек на Генриха); все права и привилегии были бы подтверждены. А если бы тут же сейм назначил наследником королевы Анны единственного сына шведского короля и по матери единственную отрасль Ягеллонова рода, Сигизмунда, знающего в совершенстве языки польский и шведский и достаточно латинский, италийский и немецкий, тогда король и королева шведские ничего не пожалели бы для сына своего, который явился бы в Польшу с значительною суммою денег для шляхты. Еще прежде, в 1574 году, после бегства Генриха, султан присылал грамоту с требованием, чтоб поляки не выбирали австрийца, который необходимо вовлечет их в войну с Портою; пусть выберут кого-нибудь из своих, например Яна Костку, воеводу сендомирского; а если хотят из чужих, то короля шведского или Стефана Батория, князя седмиградского. Посол от Батория явился на сейм и после обычного исчисления доблестей своего князя приступил к обещаниям: сохранять ненарушимо права панов и шляхты, сообразоваться во всем с их волею; заплатить все долги королевские; обратно завоевать все отнятое Москвою, для чего приведет свое войско; сохранять мир с турками и татарами; лично предводительствовать войсками; прислать 800000 злотых на военные издержки, выкупить пленную шляхту из земель русских, захваченную в последнее

татарское нашествие. Наконец, выступил посол от Альфонса II, герцога феррарского, который, между прочим, обещал снабдить Краковскую академию людьми учеными, привести в Польшу художников и содержать их на своем жалованьи, воспитывать в Италии на свой счет пятьдесят молодых шляхтичей польских. Московских послов не было – никто не восхвалял достоинств Иоанна, никто не говорил о его обещаниях.

Раздвоение, соперничество, господствовавшие между вельможами и шляхтою в Польше, выразились на сейме; 12 декабря австрийская партия, состоявшая преимущественно из вельмож, провозгласила королем императора Максимилиана, а 14 шляхта провозгласила королеву Анну, с тем чтобы она вышла замуж за Стефана Батория. Австрийская сторона имела большие надежды восторжествовать над стороною противною, потому что Литва и Пруссия преимущественно держались Максимилиана; но в начале сам император повредил своему успеху медленностию: когда явились к нему послы польские от стороны, его избравшей, с известием об избрании, то он стал толковать с ними о перемене условий, на которых был избран, условий Генриховых, требовал, чтоб в эти условия по крайней мере внесены были два слова: по возможности (*pro posse*), говорил, что некоторые статьи касаются не одного его, но всей Империи и что так как вследствие двойного избрания он не может без помощи оружия сделаться королем польским, то не может ни на что решиться один; предлагал, чтоб для примирения обеих сторон королевою оставалась Анна, но мужем ее и королем был назначен сын его, эрцгерцог Эрнест, вместо Батория. По всему было видно, что старик Максимилиан, и в молодости не отличавшийся большою энергиею, охладел к желанию получить польский престол, когда видел, что надобно добывать его оружием. Так же медленно вел он и переговоры с Москвою, которой интересы были теперь тесно связаны с интересами Австрийского дома. Мы видели что союзы, заключенные между Москвою и Австриею против Польши при Иоанне III и сыне его Василии, кончились ничем; при Иоанне IV сношения возобновились по поводу дел ливонских: в 1559 году император Фердинанд I писал Иоанну, чтоб он не воевал Ливонии, принадлежащей к Священной Римской империи, и возвратил завоеванные уже места; Иоанн отвечал, что если цесарь захочет быть с ним в любви и братстве, то пусть пришлет великих послов, с которыми обо всех делах договор учинится. Великие послы не приезжали, и, несмотря на то, мы видели, что Иоанн требовал от поляков и Литвы избрания австрийского эрцгерцога в короли; это требование царя объясняется требованием султана не выбирать императора или его сына; враждебные отношения Австрии к Турции обеспечивали Московское государство в том, что между Польшею и Турциею не будет заключено союза и что польский король из Австрийского дома, опасаясь постоянно Турции, будет искать московского союза, для которого не пожалует Ливонии. В июле 1573 года приехал в Москву императорский гонец Павел Магнус с грамотою, в которой Максимилиан II предлагал Иоанну соединенными силами противиться возведению на польский престол Генриха французского; гонец рассказывал о Варфоломеевской ночи, которая очень опечалила его государя: «Король французский воевал с королем наваррским и умыслил злодейским обычаем, чтоб с ним помириться; помирившись, сговорил сестру свою за наваррского короля, и тот приехал на свадьбу, и с ним много больших людей приехало; тут король французский зятя своего, наваррского

короля, схватил и посадил в тюрьму, и теперь сидит в тюрьме, а людей его, всех до одного, с женами и детьми, в ту же ночь побил и сказал, что побил их за веру, что они не его веры; побил и своих людей, которые одной веры с королем наваррским: всего в то время побил до 100000. Всем христианским государям пригоже о том жалеть и кручиниться, а с тем злодеем французским не знаться. А вот теперь французский король брата своего отпускает на Польское королевство по ссылке с турецким султаном, и от того цесарю кручина. Цесарю хотелось, чтоб на Короне Польской был или сын его, или государь московский и у них была бы по старине любовь и братство; а приговорил цесарь, чтоб государство поделить: Польскую Корону – к цесарю, а Литовское Великое княжество – к Московскому государству – и стоять бы им заодно против турецкого и против всех татарских государей. А если королевич французский будет на Короне Польской, то с турецким у них будет союз, а христианству будет большая невзгода и пагуба». Иоанн отправил в Вену гонца Скобельцына выразить императору всю готовность свою стараться о том, чтоб Польша и Литва не отошли от их государства; о Варфоломеевской ночи писал: «Ты, брат наш дражайший, скорбишь о кровопролитии, что у французского короля в его королевстве несколько тысяч перебито вместе и с грудными младенцами: христианским государям пригоже скорбеть, что такое бесчеловечие французский король над стольким народом учинил и столько крови без ума пролил». Скобельцын возвратился безо всякого ответа, с жалобами на дурное обхождение с ним гонца императорского Павла Магнуса; скоро приехал и последний с жалобами на Скобельцына, обвинял его в том, что он не хотел взять цесаревой грамоты, о самом цесаре говорил невежливо: «На языке-то у него сладко, а у сердца горько», вел себя неприлично. Царь велел позвать Скобельцына к ответу, и тот во всем оправдывался: например, грамоты императорской он не захотел взять потому, что в ней Иоанн не был назван царем. Иоанн отписал императору, что вследствие его жалоб он положил опалу на Скобельцына, но при этом дал понять, что вина последнего и правота Павла Магнуса вовсе в его глазах не доказаны: «Мы велели ближним своим людям Скобельцына расспросить перед твоим гонцом Павлом, и Скобельцын сказывал, что Павел взял у него в долг 400 ефимков, а отдал только 138 и много бесчестья ему делал, а потому и взводит на него такие дела. Нашим гонцам на обе стороны пригоже таких дел вперед не делать и до нас кручин не доносить, чтоб от их бездельных врак между нами братской любви порухи не было». Потом приезжали в Москву другие гонцы с извинениями, что Максимилиан за большими недосугами не мог условиться с царем насчет дел польских; эти извинения очень сердили Иоанна; сердило его и то, что вместо послов являлись от императора купцы, хотевшие выгодно поторговать в Москве. Наконец в декабре 1575 года явились великие послы Иоган Кобенцель и Даниил Принц. Пристав, провожавший их, доносил государю о речах толмачей посольских, взятых в Польше: «Литовским людям не хотелось послов чрез свою землю пропускать, но, боясь цесаря, пропустили, а слово об них в Литве такое: идут послы от цесаря к московскому государю на совет, чтоб им заодно промыслить и Литовскую землю между собою разделить». Иоанн хотел дать понять послам, как поздно они приехали, как неприлично было императору в продолжение столь долгого времени, при столь важных взаимных интересах, присылать одних гонцов да купцов; он велел остановить послов в Дорогобуже, куда явились боярин Никита Романович Юрьев, князь Сицкий и дьяк Андрей

Щелкалов с таким наказом от царя: «Приехавши в Дорогобуж, устроить съезжий двор и, сославшись с цесаревыми послами, съехаться с ними на этом дворе и спросить их от имени государя, за каким делом присланы они от цесаря? Если послы откажутся объявить, зачем они присланы то понуждать их к тому, несколько раз с ними съезжаться и говорить им: „Не дивитесь, что государь велел вас на дороге спрашивать, не давая вам своих очей видеть, всякое дело живет по случаю: прежде не бывало, чтоб послов на дороге спрашивали о деле, но не бывало прежде и того, чтоб такие ближние люди ездили так далеко говорить с послами о деле; случилось так потому, что от государя вашего, цесаря Максимилиана, приезжали к государю нашему торговые люди, а сказывались посланниками и гонцами; государь наш велит им почесть оказывать как пригоже посланникам и гонцам, а посмотрят – так это гости, торговые люди! Вот почему теперь государь и послал нас, ближних своих людей, спросить вас, какие вы люди у цесаря и по прежнему ли обычаю приехали?“ Послы отвечали, что такие речи им очень прискорбны и что они не могут передать цесаревых речей никому другому, кроме самого великого государя; если торговые люди назывались посланниками и гонцами, то цесарь велит их за то казнить, а они, послы, ближние люди у цесаря и приехали за тем, чтоб подтвердить прежний союз, уговориться и о литовском деле, и о всяком христианском прибытке. Максимилиан прежде писал, что ему нельзя вступить в переговоры с московским государем за великими недосугами; Иоанн, узнавши об ответе Кобенцеля и Принца, послал им такую грамоту: „Вы бы о том не поскорбели, что мы вам теперь очей своих вскоре видеть не велели, потому что у нас много дела, были мы в отъезде; а как приедем в Можайск, то сейчас же велим вам быть у нас“.

Содержанием посольских речей были два требования, чтоб Иоанн содействовал избранию эрцгерцога Эрнеста в короли польские и великие князья литовские и чтоб оставил в покое Ливонию. «Избрание Эрнеста в короли, – говорили послы, – будет очень выгодно твоему величеству: ты, Эрнест, цесарь, король испанский папа римский и другие христианские государи вместе на сухом пути и на море нападете на главного недруга вашего, султана турецкого, и в короткое время выгоните неверных в Азию; тогда по воле цесаря, папы, короля испанского, эрцгерцога Эрнеста, князей имперских и всех орденов все цесарство Греческое восточное будет уступлено твоему величеству и ваша пресветлость будете провозглашены восточным цесарем». Иоанн велел сказать послам, что на основании прежних предложений со стороны императора на престол польский должен быть возведен эрцгерцог Эрнест, но Литва должна отойти к Московскому государству. Послы отвечали, что этому стать нельзя, ибо у Короны Польской с Великим княжеством Литовским крепкое утверждение, чтоб друг от друга не отстать и быть под одним государем; что же касается до Киева, то эрцгерцог Эрнест, как будет избран в короли, для братской любви уступит его вместе с другими немногими местами царю, ибо и цесарю известно, что Киев искони царская отчина; о Ливонии же цесарь велел нам только помянуть а много о ней не велел говорить; просим только, чтоб государь ваш не велел воевать Ливонии до приезда других больших послов императорских князей удельных и великих людей. Иоанн велел отвечать послам, и в ответе этом высказалось сомнение относительно цесаревых обещаний: «Если между государями такое дело начинается о союзе, вечном братстве и дружбе, то надобно, чтоб это было крепко

и неподвижно. У нашего государя в обычае: кому слово молвит о братстве и о любви, и то живет крепко и неподвижно, иначе слово его не живет; не так бы случилось, как с Владиславом, королем венгерским; заключил он союз с цесарем и со многими немецкими государями, захотели стоять против турецкого султана, а как на него пришел турецкий, то цесарь и немецкие государи ему не пособили, выдали его, и турки рать его побили и самого убили. Пусть бы все союзные Максимилиану государи, папа римский, короли испанский, датский, герцоги, графы и всякие начальники прислали к нашему государю послов вместе с цесаревыми и утвердили бы докончанье – стоять всем на всех недругов заодно». Послы отвечали, что цесарь скорее кровь на себе увидит или государства своего лишится, чем слову своему изменит. После этих переговоров Иоанн отпустил послов с такими речами к императору: «Хотим, чтоб брата нашего дражайшего сын, Эрнест, князь австрийский, был на Короне Польской, а Литовское Великое княжество с Киевом было бы к нашему государству Московскому; Ливонская же земля изначала была наша вотчина, и нашим прародителям ливонские немцы дань давали, да, забыв правду, от нас отступили, и потому над ними так и случилось; Ливонской земле и Курской (Курляндии) всей быть к нашему государству, да и потому Ливонской земле надобно быть за нами, что мы уже посадили в ней королем голдовника (подручника, вассала) своего Магнуса: так брат бы наш дражайший, Максимилиан цесарь, в Ливонскую землю не вступался и этим бы нам любовь свою показал; а мы Ливонской земли достаем и вперед хотим искать. К панам польским пошлем, чтоб они выбрали в короли Эрнеста князя, а к литовским – чтоб оставались за нами; если Литва не согласится отстать от Польши, то пусть и она выбирает Эрнеста; если же и Польша и Литва не согласятся иметь государем ни нас, ни Эрнеста, то нам с цесарем Максимилианом над ними промышлять сообща и в неволю приводить». То же самое должен был говорить Максимилиану и отправленный к нему царский посол князь Сугорский, о Ливонии же должен был прибавить: «Государю ни за что так не стоять, как за свою вотчину, Лифляндскую землю».

Но Кобенцель и Принц вели переговоры с московскими боярами, когда владения Ягеллонов поделались уже, только не между Иоанном и Эрнестом, а между Максимилианом и Баторием. С вестию об избрании Максимилиана и Батория приехал к царю из Литвы московский гонец Бастанов; но он доносил что в Литве многие не надеются, чтоб кто-нибудь из избранных утвердился на престоле, а думают, что царь еще может взять верх над обоими; так, приходил к Бастанову каштелян минский Ян Глебович и говорил: «Чтоб государю послать раньше, не мешкая, к панам радным и к рыцарству? А тем у нас не бывать ни одному на королевстве, вся земля хочет государя царя». То же самое говорил ему и молодой Радзивилл, сын воеводы виленского. Литовская Рада отправила посольство к Иоанну с объявлением, что избран Максимилиан по приказу царскому; возвратился Новосильцев; он тоже доносил, что царь мог бы иметь успех, если б действовал скорее и решительнее; когда он отдал царскую грамоту с жалованным словом Яну Ходкевичу, то последний сказал ему: «Только бы государь такие грамоты прежде к нам прислал, то давно был бы избран. Государь домогался от нас опасных грамот на своих послов; но я приказывал с Ельчаниновым, чтоб государь отправлял послов скорее и без опасных грамот: опасные грамоты потому не посланы, что к ним все паны радные прикладывают

свои печати, но из панов одни служат вашему государю, а другие его не хотят и потому опасными грамотами волочат, печатей своих не прикладывают; услышавши о гонце Бастанове, я думал, что он едет к нам с грамотами, с жалованным словом и указом, но он приехал ни с чем; мы уже поневоле выбрали Максимилиана; Максимилиан-цесарь стар и болен, и мы тебя затем держим, что ждем от цесаря присылки, думаем, что он откажется от престола; ляхи обирают на государство Обатуру (Батория) и к нам уже в другой раз присылают, чтоб мы его выбрали; но нам ни под каким видом Обатуру на государство не брать. Обатура – турецкий посаженник, и как нам отдать христианское государство бусурманам в руки? Ты едешь к полякам, так сам увидишь польскую правду: они ни за что не пошлют с тобою опасной грамоты на государевых послов, а я царю-государю рад служить всею своею душою, только бы государь у нас вольностей наших не отнял, потому что мы люди вольные». То же говорил и Николай Радзивилл на тайном свидании с Новосильцевым, а шляхтич Голубь говорил: «Паны за посулы выбирают цесаря и Обатуру, но рыцарство всею землею их не хочет, а хочет царя; паны радные увязли в посулах и сами не знают, как быть».

Паны действительно находились в затруднительном положении, выбравши двух королей; их вывели из этого затруднения медленность Максимилиана и быстрое движение Батория, который, подтвердивши все предложенные ему условия, 18 апреля 1576 года уже имел торжественный въезд в Краков, а 1 мая короновался. Максимилиан в апреле 1576 года писал к царю: «Думаем, ты давно уже знаешь, что мы в прошлом декабре с великою славою и честью выбраны на королевство Польское и Великое княжество Литовское, думаем, что вашему пресветлейшеству то будет не в кручину». Иоанн отвечал: «Мы твоему избранию порадовались; но после узнали, что паны мимо тебя выбрали на королевство Стефана Батория, воеводу седмиградского, который уже приехал в Краков, короновался и женился на королевне Анне, и все паны, кроме троих, поехали к нему. Мы такому непостоянному разуму у панов удивляемся; чему верить, если слову и душе не верить? Так ты бы, брат наш дражайший, промышлял о том деле поскорее, пока Стефан Баторий на тех государствах крепко не утвердился; и к нам отпиши с скорым гончиком, с легким, как нам своим и твоим делом над Польшею и Литвою промышлять, чтоб те государства мимо нас не прошли и Баторий на них не утвердился. А тебе самому хорошо известно: если Баторий на них утвердится из рук мусульманских, то нам, всем христианским государям, будет к великому убытку». Но Максимилиан, вместо того чтоб промышлять вместе с царем над Польшею, сердил только его просьбами не трогать убогой Ливонии, тогда как Иоанн, наоборот, видя, что в Польше сделалось не так, как он желал, решился во что бы то ни стало покончить с Ливониею.

Мы видели, что здесь кроме поляков Иоанн должен был воевать и с шведами, занявшими Ревель. После неудачной осады этого города Иоанн в конце 1571 года сам приехал в Новгород, приказавши полкам собираться в Орешке и в Дерпте для войны со шведами в Эстонии и Финляндии. Но прежде ему хотелось попробовать, не согласятся ли шведы, испуганные его приготовлениями, уступить без войны Эстонию. Для этого он призвал шведских послов и предложил им не начинать войны до весны будущего года, если король Иоанн пришлет других послов в Новгород, с ними 10000 ефимков за обиду прежних московских послов, ограбленных во время восстания на Эрика, 200 конных воинов, снаряженных по

немецкому обычаю, пришлет также рудознатцев, обяжется свободно пропускать в Россию медь, олово, свинец, нефть, также лекарей, художников и ратных людей. Послы подписали эту грамоту; говорили, что король во всем исправится и добьет челом; необходимым условием мира Иоанн поставил отречение короля от Эстонии; кроме того, требовал, чтоб король заключил с ним союз против Литвы и Дании и в случае войны давал ему 1000 конных и 500 пеших ратников; наконец, требовал, чтоб король включил в царский титул название шведского и прислал свой герб для помещения его в герб московский; царь оправдывал себя пред послами относительно требования королевы Екатерины от Эрика: «Мы просили у Эрика сестры польского короля, Екатерины, для того чтоб нам было к повышению над недругом нашим, польским королем: чрез нее хотели мы с ним доброе дело постановить; а про Иоанна нам сказали, что он умер и детей у него не осталось». Все эти требования относительно титула и герба были не иное что, как запросы, считавшиеся необходимыми в то время; от них запрашивающий легко отказывался, смотря по большей или меньшей твердости, оказываемой противною стороною; тон этих запросов, разумеется, соответствовал значению тех государств, к которым обращались с запросами; мы видели, какие формы допускались в сношениях с Швециею и Даниею: челобитья, пожалование и т.п. Но эти формы давно уже оскорбляли королей шведских; понятно, как должен был оскорбиться король Иоанн запросами царя, особенно при сильной личной ненависти его за дело о Екатерине. Он не отправил новых послов для заключения мира; мало этого, орешковский наместник, князь Путятин, доносил государю, что выборгский королевский наместник писал ему непригоже, будто бы сам царь просил мира у шведских послов. Иоанн отвечал на это королю такую грамотою: «Скипетродержателя Российского царства грозное повеление с великосильною заповедию: послы твои уродственным обычаем нашей степени величество раздражили; хотел я за твое недоуметельство гнев свой на твою землю простреть, но гнев отложил на время, и мы послали к тебе повеление, как тебе нашей степени величество умолить. Мы думали, что ты и Шведская земля в своих глупостях сознались уже; а ты точно обезумел, до сих пор от тебя никакого ответа нет, да еще выборгский твой прикащик пишет, будто нашей степени величество сами просили мира у ваших послов! Увидишь нашего порога степени величества прощенье этою зимою; не такое оно будет, как той зимы! Или думаешь, что по-прежнему воровать Шведской земле, как отец твой через перемирье Орешек воевал? Что тогда доспелось Шведской земле? А как брат твой обманом хотел отдать нам жену твою, а его самого с королевства сослал! Осенью сказали, что ты умер, а весною сказали, что тебя сбили с государства. Сказывают, что сидишь ты в Стекольне (Стокгольме) в осаде, а брат твой, Эрик, к тебе приступает. И то уже ваше воровство все наружи: опрометываетесь, точно гад, разными видами. Земли своей и людей тебе не жаль; надеешься на деньги, что богат. Мы много писать не хотим, положили упование на бога. А что крымскому без нас от наших воевод приключилось, о том спроси, узнаешь. Мы теперь поехали в свое царство на Москву и опять будем в своей отчине, в Великом Новгороде, в декабре месяце, и ты тогда посмотришь, как мы и люди наши станем у тебя мира просить».

Король отвечал на это бранным же письмом, писал не по пригожу. Тогда Иоанн в конце 1572 года вступил в Эстонию с 80000 войска; Виттенштейн был взят приступом, при котором пал любимец царский, Малюта Скуратов Бельский;

пленные шведы и немцы, по известиям ливонских летописцев, были сожжены. Овладевши Виттенштейном, Иоанн возвратился в Новгород, а к шведскому королю отправил новое письмо: «Что в твоей грамоте написана брань (лая), на то ответ после; а теперь своим государским высокодостоинейшие чести величества обычаем подлинный ответ со смирением даем: во-первых, ты пишешь свое имя впереди нашего – это непригоже, потому что нам цесарь римский – брат и другие великие государи; а тебе им братом назваться невозможно, потому что Шведская земля тех государств честию ниже. Ты говоришь, что Шведская земля – вотчина отца твоего; так дай нам знать, чей сын отец твой, Густав, и как деда твоего звали, и на королевстве был ли, и с которыми государями ему братство и дружба была, укажи нам это именно и грамоты пришли. То правда истинная, что ты мужичьего рода. Мы просили жены твоей Екатерины затем, что хотели отдать ее брату ее, польскому королю, а у него взять Лифляндскую землю без крови; нам сказали, что ты умер, а детей после тебя не осталось; если б мы этой вашей лжи не поверили, то жены твоей и не просили; мы тебя об этом подлинно известили, а много говорить об этом не нужно: жена твоя у тебя, никто ее не хватает, и так ты для одного слова жены своей крови много пролил напрасно; и вперед об этой безлепице говорить много не нужно, а станешь говорить, то мы тебя не будем слушать. А что ты писал нам о брате своем, Эрике, что мы для него с тобою воюем, так это смешно: брат твой, Эрик, нам не нужен, ведь мы к тебе о нем ни с кем не приказывали и за него не говаривали; ты безделье говоришь и пишешь, никто тебя не трогает с женою и с братом, ведайся себе с ними, как хочешь. Спаси с нашей стороны никакой нет, писали мы по своему самодержавству, как пригоже». Приведя из договорных грамот с Густавом Вазою место: «Архиепископу упсальскому на том руку дать за все королевство Шведское», Иоанн продолжает: «Если б у вас совершенное королевство было, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля в товарищах не были бы; землю к великим государям не приписывают; послы не от одного отца твоего, но от всего королевства Шведского, а отец твой в головах, точно староста в волости. О печати мы к тебе для того писали, что тебе хочется мимо наместников с нами самими ссылаться, но даром тебе этого не видать; а если хочешь из-за этого кровь проливать, про то ты знаешь. Твоего титула и печати мы так запросто не хотим: если хочешь с нами ссылаться мимо наместников, то ты нам покорись и поддайся и почти нас, чем пригоже; тогда мы тебя пожалуем, от наместников отведем, а даром тебе с нами ссылаться непригоже и по государству, и по отечеству; без твоего ж покорения титула твоего и печати не хотим. В прежних хрониках и летописцах писано, что с великим государем самодержцем Георгием Ярославом на многих битвах бывали варяги; а варяги – немцы, и если его слушали, то его подданные были. А что просишь нашего титула и печати, хочешь нашего покорения, так это безумие; хотя бы ты назвался и всей вселенной государем, но кто же тебя послушает!»

Русские воеводы продолжали военные действия в Эстонии: взяли Нейгоф и Каркус; но в чистом поле, как почти всегда, по недостатку военного искусства они не могли с успехом бороться против шведов, хотя и малочисленных: близ Лоды они потерпели поражение от шведского генерала Клауса Акесона Тотта. Весть об этом поражении и о восстании черемис в Казанской области заставила Иоанна снова предложить мир королю шведскому. С этим предложением отправлен был

гонца Чихачев. Король, думая, что привезенная им царская грамота написана в прежнем тоне, не хотел брать ее от гонца, велел прежде взять ее вельможам и прочесть. Но в наказе послам прежде всего говорилось, чтоб не отдавать грамоту никому, кроме самого государя, вследствие чего произошли сильные споры между Чихачевым и шведами. «Приехал ты в нашего государя землю, так и должен исполнять нашу волю, что нам надобно», – говорили шведы. «Приехал я в вашего государя землю, а волю мне исполнять царского величества, своего государя, а не вашего», – отвечал Чихачев. Шведы грозили, что не дадут ему съестных припасов; гонец отвечал: «Пусть умру с голоду: одним мною у государя не будет ни людно, ни безлюдно». Шведы говорили ему: «Ты это сделал негораздо, что ехал без королевской опасной грамоты; сам знаешь, что государь твой нашему государю большой недруг, такой, какого еще не бывает; государя вашего короля хотел известить, государыню нашу королеву хотел к себе взять, землю повоевал, два города взял, послов наших бесчестил да писал к нашему государю грамоту неподобную, такую, что нельзя слышать и простому человеку; и над тобою государь наш сделает то же, если не отдашь нам грамоты своего государя». Чихачев не дал. Тогда один из шведов ударил гонца в грудь, примахивал к шее обухом и топором, кричал: «Отсеку голову!» – и бранил непристойными словами. Чихачев сказал ему: «Если б я, царского величества холоп, сидел теперь на своем коне, то ты бы меня, мужик, так не бесчестил, умел бы я тебе ответ дать; а я сюда не драться приехал». Стали гонца и людей его обыскивать, раздевали, разували, все искали царской грамоты, но не нашли; перешарили все вещи, разломали сундуки с образами, образа раскидали по лавкам и, уходя, пригрозили гонцу: «Уже быть тебе на огне, если грамоты не отдашь». Но угроза не подействовала, и король принял Чихачева, сам взял от него грамоту; после приема вельможи приехали потчевать гонца и говорили: «Теперь грамоту государь твой написал не по-старому, можно между государями делу стать, а король думал, что письмо будет по-старому». Чихачев был задержан; король писал Иоанну, что он задержал гонца и не отпустит его до тех пор, пока царь не отпустит двоих шведских толмачей, задержанных им от прежнего посольства; писал, что не пришлет великих послов, опасаясь, чтоб и с ними не поступлено было так же, как с прежними, а что послы от обеих государей должны съехаться на границе для мирного постановления. Иоанн отвечал, чтоб король присылал великих послов, потому что на рубеже послам ни о чем нельзя уговориться: «А нашего гонца тебе держать было незачем: толмачей мы оставили в своем государстве поучить учеников, и один умер, а другой учит двоих учеников шведскому языку и живет без всякой нужды; прежде ваши толмачи русской грамоте в нашем государстве учивались, и только что толмач твой отделается, мы его к тебе и отпустим». Король отвечал прежнее: «Не хотим к тебе великих послов посылать, потому что ты, мимо опасной грамоты, дурно обошелся с нашими послами; ты разрушил мир, ты и должен отправить к нам послов, а не хочешь, вышли их на границу. Ты пишешь, что толмачи учат твоих русских ребят, но мы отправили их с нашими послами для нашего дела по нашему наказу, а не у подданных твоих детей учить; если хочешь русских детей учить шведскому языку, то, как будет мир, договорись об этом с нашими наместниками выборгскими, а против всякой правды не задерживай наших слуг». Толмач отослан был на размен, и князь Сицкий отправился на рубеж, на реку Сестру, куда с шведской стороны приехал адмирал

Флеминг. Начали спор, где послам вести переговоры; Флеминг требовал, чтоб вести их на мосту, в шатрах; Сицкий отвечал, что таких великих дел на мосту не делают, и настоял, чтоб швед перешел на русский берег реки. Мира заключить не могли; царь требовал Эстонии и присылки 200 человек шведов нарядных для войны с Крымом и за это уступал королю право сноситься прямо с ним; но король требовал последнего безо всяких уступок с своей стороны; заключили только перемирие на два года (от 20 июля 1575 до 20 июля 1577 года) между Финляндиею и Новгородскою областью, дело же об Эстонии должно было решиться оружием, если король не поспешит отправить своих великих послов в Москву для заключения мира; в договорной грамоте употреблены были прежние выражения: король бил челом царю.

Это странное перемирие объясняется желанием Иоанна сосредоточить все свои силы в Ливонии, не развлекаясь войною в других местах. Он не оставлял прежнего плана – сделать из Ливонии вассальное королевство, выдал племянницу свою, Марию Владимировну, за Магнуса, но дал последнему только городок Каркус и не дал вовсе назначенных в приданое за Мариєю денег, потому что измена четверых иностранцев, находившихся в русской службе и пользовавшихся особенным расположением Иоанна, – Таубе, Крузе, Фаренсбаха и Вахтмейстера – сделала царя подозрительным: он боялся, чтоб Магнус на русские деньги не нанял войска, с которым стал бы действовать против русских. Немедленно по заключении мира со шведами московские войска явились под Пернау и овладели им, потерявши на приступах 7000 человек, по известиям ливонских летописцев; воевода Никита Романович Юрьев обошелся очень милостиво с жителями Пернау, позволил им со всем добром выйти из города и, чего не могли тут захватить с собою, то взять после. Гелмет, Ермис, Руэн, Пуркель сдались русским тотчас по завоевании Пернау. В начале 1576 года 6000 русских вторглись снова в Эстонию; Леаль, Лоде, Фикель, Габсаль сдались им без выстрела; жители Габсаля вечером после сдачи затеяли пиры, танцы; русские удивлялись этому и говорили: «Что за странный народ немцы! Если бы мы, русские, сдали без нужды такой город, то не посмели бы поднять глаз на честного человека, а царь наш не знал бы, какую казнию нас казнить». Эзель был опустошен; Падис сдан после однодневной осады; шведы тщетно покушались взять его снова.

В январе 1577 года 50000 русского войска явилось под Ревелем и расположилось здесь пятью лагерями; у осаждающих было три орудия, стрелявшие ядрами от 52 до 55 фунтов; 6 орудий стреляли ядрами от 20 до 30 фунтов; четыре стенобитных орудия бросали каменные массы в 225 фунтов; из 15 орудий стреляли ядрами от 6 до 12 фунтов; при каждой орудии находилось по 700 ядер; но если по тогдашнему времени этот наряд и считался значительным, то в Ревеле было его в пять раз больше, притом осажденные приняли все меры против пожаров, которые должны были произойти от стрельбы осаждающих; удалены были все удобовозгорающиеся предметы; кроме того, что каждый житель должен был сторожить свой дом днем и ночью, отряды беспрестанно разъезжали по ночам, смотрели, не упало ли где раскаленное ядро; составлен был отряд из 400 крестьян под предводительством Иво Шенкенберга, прозванного Аннибалом, сына ревельского монетчика; эти храбрецы вместе с шведскими и немецкими ландскнехтами делали днем и ночью беспрестанные вылазки. После полуторамесячного безуспешного обстреливания русские сняли осаду и

удалились. По уходе московских войск в Ревеле объявлена была свобода всем ратным людям идти опустошать русские владения в Ливонии, и вот поднялись все уличные бродяги, даже калеки, на добычу; ограбленные крестьяне присоединились к толпам грабителей, чтоб грабить свою же братью.

Летом сам царь выступил в поход из Новгорода, но вместо того, чтоб идти к Ревелю, как думали, направил путь в польскую Ливонию; правитель Ливонии Ходкевич не решился с своим малочисленным войском противиться Иоанну и удалился. Город за городом сдавались царю и его воеводам, с одной стороны, королю Магнусу – с другой. Но скоро между ними возникло неудовольствие: Магнус стал требовать, что уже время ему, названному королю ливонскому, войти во владение всеми местами, которые заняты были русскими; но до Иоанна доходили уже вести о сношении Магнуса с польским королем и герцогом Курляндским, и потому на требование Магнуса он отвечал: «Хочешь брать у нас города – бери: мы здесь от тебя близко, ты об этих городах не заботься: их и без тебя берегут. Приставов в твои городки, сколько бог помощи подаст, пошлем, а деньги у нас – сухари, какие случились. Если не захочешь нас слушать, то мы готовы, а тебе от нас нашу отчину отводить не следовало. Если тебе нечем на Кеси жить, то ступай в свою землю за море, а еще лучше сослать тебя в Казань если поедешь за море, то мы свою вотчину, Лифляндскую землю, и без тебя очистим». Велев своим воеводам занять города, которыми овладел Магнус, и приблизившись к Вендену, где находился сам ливонский король, Иоанн приказал ему явиться к себе; Магнус отправил к нему сперва двоих послов, но Иоанн велел их высечь и отослать назад в Венден. Жители этого города умоляли Магнуса, чтоб не раздражал царя дальнейшим бесполезным сопротивлением, ехал бы к нему сам и умолил за себя и за них. Магнус поехал в царский стан, впусивши прежде русских ратных людей в город, но замок не был сдан. Увидавши Иоанна, Магнус бросился перед ним на колени и просил о помиловании. «Если б ты не был королевским сыном, – отвечал ему Иоанн, – то я бы научил тебя, как мне противиться и забирать мои города». Магнуса отдали под стражу. В это время немцы, укрывшиеся в Венденском замке начали стрелять; одно ядро чуть-чуть не задело самого царя; тогда Иоанн поклялся, что не оставит в живых ни одного немца в Вендене. Уже три дня продолжалась осада замка; осажденных видели, что далее защищаться нельзя, и решились взорвать себя на воздух, чтоб не ждать мучительной смерти и не видать, как татары будут бесчестить их жен и дочерей. Духовенство одобрило это решение, и 300 человек, большею частию благородного происхождения, заперлись в комнате, под которую подкатили четыре бочки пороха; приобщившись святых таин, зажгли порох и взлетели на воздух. Жители города испытали то, от чего осажденные в крепости избавились добровольною смертию.

Овладевши еще несколькими местами, Иоанн окончил поход, в Дерпте он простил Магнуса, опять дал ему несколько городов в Ливонии и право называться королем ее; Магнус отправился в Каркус к жене, Иоанн – через Псков в Александровскую слободу. Но с отбытием царя дела пошли иначе в Ливонии. Шведы напали на Нарву, поляки явились в южной Ливонии и брали здесь город за городом, взяли даже Венден, несмотря на отчаянное сопротивление русских; Магнус передался полякам. Осенью 1578 года русские воеводы осадили Венден, но после трех неудачных приступов сняли осаду, заслышав о приближении

неприятельского войска. Поляки напали на них вместе со шведами; татарская конница не выдержала и обратилась в бегство, русские отступили в свой лагерь и отстреливались там до самой ночи; четверо воевод – князь Иван Голицын, Федор Шереметев, князь Андрей Палецкий и дьяк Андрей Щелкалов, воспользовавшись ночью темнотою, убежали с конницею из стана; но воеводы, которым вверен был наряд, не захотели покинуть его и были захвачены на другое утро неприятелем; пушкари не отдались в плен: видя, что неприятель уже в стане, они повесились на своих орудиях. При этом поражении погибло четверо воевод, четверо было взято в плен; всего, по счету ливонских летописцев, русских погибло 6022 человека из 18000. Следующий, 1579 год долженствовал быть решительным для Ливонии; Иоанн готовился к новому походу; в Псков уже привезли тяжелый наряд, назначенный для осады Ревеля, но этот наряд получил другое назначение: враг явился на русской почве.

Мы видели, как Стефан Баторий быстрым движением предупредил медленного Максимилиана и короновался в Кракове; Литва, Пруссия, державшиеся Максимилиана, не видя со стороны его ни малейшего движения, должны были признать королем Стефана; упорно стоял за Максимилиана только один Данциг по особенным причинам: в конце царствования Сигизмунда-Августа жители Данцига были оскорблены распоряжениями польского правительства, нарушавшими их права и выгоды; лица, наиболее участвовавшие в этих распоряжениях, были самыми сильными приверженцами короля Стефана, отсюда нерасположение жителей Данцига к последнему, от которого они не надеялись ничего для себя хорошего; они объявили, что до тех пор не признают Стефана королем, пока не будут подтверждены их права и пока не будет сделано какого-нибудь соглашения с императором. Известие о смерти последнего привело их в большое затруднение; но, надеясь на проволоочки сеймов, они решились продолжать борьбу уже теперь во имя одних своих прав, стали нападать на смежные с их городом шляхетские земли, разорять католические церкви. Дело могло быть решено только оружием, и Баторий осадил Данциг. Волнения противной стороны, неприятности на сейме, наконец, осада Данцига заставляли Батория до времени не разрывать с Москвою. В июле 1576 года он отправил к Иоанну послов Груденского и Буховецкого с предложением не нарушать перемирия и прислать опасную грамоту на великих послов; о том же писали и паны радные к боярам. Бояре отвечали панам: «Мы удивились, что государь ваш не называет нашего государя царем и великим князем смоленским и полоцким и отчину нашего государя, землю Лифляндскую, написал в своем титуле. Государь ваш пришел на королевство Польское с небольшого места, с воеводства Седмиградского, которое подчинено было Венгерскому государству; а нашего государя все его братья, великие господа, главные на своих королевствах, называют царем: так вам бы, паны, пригоже было советовать Стефану-королю, чтоб вперед таких дел не начинал, которые к разлитию христианской крови приводят». Послов не позвали обедать за то, что они не объявили о родстве Батория, но опасную грамоту на великих послов дали. Узнавши о походе Иоанна в Ливонию в 1577 году, о взятии там городов у поляков, Баторий писал Иоанну с упреком, что, пославши опасную грамоту и не объявивши войны, забирает у него города. Иоанн отвечал: «Мы с божиею волею отчину свою, Лифляндскую землю, очистили, и ты бы свою досаду отложил. Тебе было в Лифляндскую землю

вступаться непригоже, потому что тебя взяли с Седмиградского княжества на Корону Польскую и на Великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю; о Лифляндской земле с Польшею и Литвою что велось, то делалось до тебя: и тебе было тех дел, которые делались до тебя, перед себя брать непригоже. От нашего похода в Лифляндскую землю наша опасная грамота не порушилась; неприязни мы тебе никакой не оказали, искали мы своего, а не твоего, Литовского Великого княжества и литовских людей ничем не зацепили. Так ты бы кручину и досаду отложил и послов своих отправлял к нам не мешкая». Эти послы – воевода мазовецкий Станислав Крыйский и воевода минский Николай Сапега – приехали в Москву в январе 1578 года. Начали говорить о вечном мире; но с обеих сторон предложили такие условия, которые давно уже делали вечный мир невозможным: кроме Ливонии, Курляндии и Полоцка царь требовал Киева, Канева, Витебска и в оправдание своих требований вывел родословную литовских князей от полоцких Рогволодовичей. «Эти князья (Гедиминовичи), – говорил он, – были славные великие государи, наши братья, во всей вселенной ведомые, и по родству (по коленству) нам братья, поэтому Корона Польская и Великое княжество Литовское – наши вотчины, ибо 113 этого княжеского рода не осталось никого, а сестра королевская государству не отчич. Князья и короли польские были в равенстве, в дружбе и любви с князьями галицкими и другими в той украине, о Седмиградском же государстве нигде не слыхали; и государю вашему, Стефану, в равном братстве с нами быть непригоже, а захочет с нами братства и любви, так он бы нам почет оказал». Послы оскорбились и указывали на царя Давида, избранного из низкого звания; Иоанн велел отвечать им на это: «Давида-царя бог избрал, а не люди; слышите Соломона, духом святым глаголющего: „Горе дому, им же жена обладает, и горе граду, им же мнози обладают“. В том ваша воля: мятежом человеческим хотя бы кого и хуже родом выбрали – то вам государь; а нам с кем пригоже быть в братстве, тот нам и брат, а с кем непригоже, тот нам и не брат. Здесь слухи были, что вы хотели посадить на королевство и Яна Костку; и воевода виленский Николай Радзивилл хотел также на государство; так неужели по вашему избранью и этих нам надобно считать братьями? Вы говорите, что мы вашего государя укоряем, но мы его не укоряем, пишем про него правду; можно было бы нам про него и хуже писать, да не хотим для христианства. Государь ваш сам себя укоряет, да и вы его укоряете; во всех грамотах пишете, что бог его безмерным своим милосердием помиловал, вы его на государство взяли, хвалитесь, что по великому божию милосердию полюбили его; из этого ясно, что он такого великого государства был недостоин, но бог его помиловал, да вы его полюбили не по достоинству».

Согласились продолжить перемирие еще на три года от 25 марта 1578; в грамоте, написанной от имени царя, внесено было условие: «Тебе, соседу (а не брату) нашему, Стефану королю в нашей отчине, Лифляндской и Курляндской земле, в наши города, мызы, пристанища морские, острова и во всякие угоды не вступаться, не воевать, городов не заседать, новых городов не ставить, из Лифляндии и Курляндии людей и городов к себе не принимать до перемирного срока». Но в польской грамоте, написанной послами от имени Стефана, этого условия не было. Московские послы Карпов и Головин поехали к Стефану, чтоб присутствовать при его присяге в сохранении перемирия: но Баторий уже не хотел мириться: в конце 1577 года жители Данцига присягнули ему на довольно

выгодных для себя условиях; король оказал им снисхождение, ибо все внимание его было обращено на восток. В феврале 1578 года созван был сейм в Варшаве, где рассуждали, с которым из двух неприятелей должно начать сперва войну – с ханом крымским или царем московским? Татары во время похода под Данциг нападали на польские границы: следовало бы им отомстить; но какой добычи можно надеяться от народа бедного, кочевого? Притом надобно бояться, чтоб война татарская не возбудила турок против Польши, ибо хан – подручник турецкий. Силы московские огромны, но чем могущественнее неприятель, тем славнее победа над ним, а наградой будет Ливония – край богатый и по приморскому положению своему могущий принести большие выгоды. Положено было вести войну наступательную; вычислено, сколько нужно войска для нее, сколько денег для войска, назначены поборы. Для всех этих приготовлений нужно было время, а потому Баторий в марте 1578 года писал царю, чтоб тот не предпринимал военных действий в Ливонии до возвращения послов своих из Литвы, с которыми паны будут вести переговоры об этой стране. Царь почти целый год держал гонца Баториева и медлил ответом, дожидаясь следствий похода воевод своих в Ливонию; Баторий поступал таким же образом с послами московскими: их задерживали на дороге, спорили о титуле государей, наконец представили королю в Кракове; принимая их, Баторий не хотел, вставши, спросить о здоровье царя, как водилось прежде; послы, видя нарушение старого обычая, не хотели править посольство; тогда Волович, подканцлер литовский, сказал, им: «Пришли вы не с обычаем к обычаю; вашего приказа здесь не будут слушать; как здесь вам скажут, так и делайте; если за вами есть дело, то ступайте к руке королевской и правьте посольство, а государь наш, Стефан-король, не встанет, потому что ваш государь против его поклона не встал». Послы отвечали, что король царю не ровня, да и потому еще царь не встал, что тогда неизвестно было, чего хочет король, мира или войны, а теперь заключено перемирие. Им отвечали, что они могут ехать назад; послы уехали назад ни с чем и были еще задержаны в Литве.

Иоанн, обеспокоенный дурным оборотом своих дел в Ливонии и задержкою послов в Литве, писал к Стефану: «Ты, сосед наш, мимо прежнего обычая послов наших задержал; дело, которое по договору послов твоих крестным целованием утверждено, до сих пор еще не довершено, чего никогда прежде ни при каких государях не бывало, да и ни в каких землях христианских не ведется; а послам нашим с твоими панами о Лифляндской земле говорить нечего, потому что с ними об этом наказа нет; то дело особенное, а ты для него шли к нам своих великих послов немедленно». Между тем еще в декабре 1578 года царь приговорил с боярами, как ему, прося у бога милости, идти на свое государство и земское дело на Немецкую и Литовскую землю; распорядив полки, он в июле 1579 года выехал в Новгород, куда явились к нему послы Карпов и Головин с известием, что Баторий идет к московским границам; вместе с этим они доносили, что из литовской шляхты идут с Баторием немногие охочие люди, которые захотели идти на своих грошах, а которые не захотели, те нейдут; из польских панов и шляхты никто нейдет, кроме наемных людей. Говорил король панам и шляхте, чтоб шли с ним всею землею к Смоленску или Полоцку; но паны радные королю отговаривают, чтоб он от литовских границ войны не начинал. Король говорил им: если вы сами со мною идти не хотите, то дайте людей, я и без вас пойду; но паны

ему отговаривают, чтоб к Полоцку и Смоленску никак не ходил, а стоял бы за Ливонию. Король говорил панам, чтоб шли с ним всею землею в Ливонию достигать тех городов, которые Москва захватила, но паны ему отговаривают, чтоб он сам и в Ливонию не ходил, а послал бы наемных людей защищать те города, которые за ним, а над другими промышлять; паны большие людей королю посулили, а шляхта людей дать не хочет, говорит: ведь с нас деньги на наемных людей уже взяты! Паны, желая потешить короля, начали уговаривать шляхту, чтоб шла с ним в Ливонию; но немного нашлось охотников и до сих пор у короля еще не улажено, куда ему идти. А во всей земле: в Польше и Литве, у шляхты и у черных людей – у всех одно слово, что у них Стефану королю на королевстве не быть, а пока у них Стефан король на королевстве будет, до тех пор ни в чем добру не бывать, а сколько им себе государей ни выбирать, кроме сыновей московского государя или датского короля, никого им не выбрать; а больше говорят во всей земле всякие люди, чтоб у них быть на государстве московского государя сыну.

Донесения послов были справедливы: Баторий находился не в завидном положении пред началом московской войны. Отвращение к войне, как мы видели, уже давно овладело поляками и литовцами; частные выгоды преобладали над общим делом: литовцы боялись подвергнуть опасности свои пределы и требовали, чтоб король перенес войну в Ливонию. Но величие Батория оказалось именно в том, что он успел преодолеть все эти препятствия. Как полководец Баторий в Восточной Европе произвел тот переворот в способе ведения войны, какой уже давно произведен был на Западе. Как в Московском государстве, так в Польше и Литве почти не было постоянного войска: служилое, или дворянское, сословие собиралось под знамена по призыву государей и составляло конницу; о пехоте же польской можем иметь ясное понятие из приведенного выше донесения гетмана Ходкевича об осаде Улы. Таким образом, войско в Восточной Европе сохраняло еще прежний, средневековый, или, лучше сказать, азиатский, характер: в нем преобладала конница, тогда как на Западе этот характер уже изменился: здесь конница, видимо, уступала первое место пехоте, здесь государи давно уже убедились в необходимости иметь под руками постоянное войско, состоявшее первоначально из наемных ратников. Мы видели характер наших войн не только до Иоанна III, но при нем, при сыне и внуке его войн с Литвою: ратные толпы входили в неприятельскую землю, страшно опустошали ее, редко брали города и возвращались назад, хвалясь тем, что пришли поздорову с большою добычею; литовцы платили тем же; но движения с их стороны были слабее вследствие указанных уже прежде причин, и потому Москва выходила постоянно с выгодами из войн с Литвою. Несмотря, однако, на это, даже и в войсках литовских, или, лучше сказать, между вождями литовскими, не говоря уже о шведах, легко было заметить большую степень военного искусства, чем в войсках или воеводах московских: это было видно из того, что во всех почти значительных столкновениях с западными неприятелями в чистом поле московские войска терпели поражение: так было в битвах при Орше, при Уле, в битве при Лоде, при Вендене. Неприятели Московского государства понимали это очень хорошо и потому старались всеми силами не допускать в него искусства, при котором оно было бы непобедимо, не пропускать в него искусных ратных людей, мастеров, не пропускать снарядов военных. И в Москве понимали это также очень хорошо; отсюда осторожность московских воевод, нежелание вступать в битвы с войсками,

на стороне которых виделось большее искусство; мы должны отдать честь московским воеводам за то, что они не полагались на многочисленность своих войск, сознавая превосходство качества над количеством, превосходство искусства над материальной силой. Понимал это очень хорошо, если не лучше всех, сам царь Иоанн – отсюда господствующее, неодолимое в нем желание овладеть Ливониею, овладеть путями, ведущими к образованным народам; отсюда желание иметь в своей службе искусных в ратном деле иностранцев, каков был Фаренсбах и другие; отсюда домогательство, чтоб шведский король прислал ему отряд ратных людей, обученных, вооруженных по-европейски; отсюда осторожность, уклончивость, робость, происходившие в нем от отсутствия надежды на успех без особенных счастливых обстоятельств, в соединении с родовыми, от предков заимствованными осторожностью и уклончивостью. И вот в это-то время, когда московское правительство так хорошо сознавало у себя недостаток военного искусства и потому так мало надеялось на успех в решительной войне с искусным, деятельным полководцем, на престоле Польши и Литвы явился государь энергический, славолюбивый, полководец искусный, понявший, какими средствами он может победить соперника, располагавшего большими, но только одними материальными средствами. Средства Батория были: искусная, закалившаяся в боях наемная пехота, венгерская и немецкая, исправная артиллерия, быстрое наступательное движение, которое давало ему огромное преимущество над врагом, принужденным растянуть свои полки по границам, над врагом, не знающим, откуда ждать нападения. Вот главные причины успеха Баториева, причины недеятельности московских воевод, робости Иоанна; мы не можем согласиться с Курбским и писателями, слепо ему следовавшими, что причина неуспеха заключалась исключительно в поведении Иоанна, истребившего храбрых, искусных воевод своих, ибо странно было бы говорить об искусстве воевод московских, назначавшихся не по военным способностям, а по месту, которое они занимали в Думе, когда важный боярин, как боярин, был в то же время и воеводою, хотя бы не имел ни малейших военных способностей; да и где было узнать эти способности? В битвах с казанцами и крымцами? Князь Петр Шуйский считался знаменитым воеводою, но что он сделал в битве при Уле (второй Оршинской)? Отец Иоаннов не истреблял воевод своих, но как вели они себя при наступательном движении Сигизмунда I, которое окончилось первою Оршинскою битвою? Видим то же отступление, ту же страшную неудачу, как и в войне с Баторием; разница только в том, что Сигизмунд с князем Острожским не имели средств воспользоваться своим успехом, какие приготовил себе Баторий с Замойским. Наконец, мы привыкли думать, что Иоанн располагал громадными войсками, которые, однако, вследствие робости его оставались в бездействии; но о числе войск московских во время войны с Баторием мы не имеем достоверных показаний, на свидетельство же псковского летописца в этом отношении менее всего можно полагаться.

Приготовившись к войне, Баторий в июне 1579 года отправил в Москву гонца с ее объявлением; причиною разрыва выставлял он вступление Иоанна в Ливонию, несмотря на перемирие с Литвою. В июле, собравши войско под Свирем, король держал совет, в какую сторону лучше предпринять поход. Литовские паны по-прежнему советовали идти через Ливонию ко Пскову, потому что взятие этого богатого города может вознаградить войско за труды, а взять его

нетрудно, потому что по отдаленности от театра войны им мало занимались в последнее время, прежние же стены должны быть уже ветхи. Но король был противного мнения: так как, говорил он, война предпринимается для освобождения Ливонии, то странно было бы перенести войну в край, и без того уже опустошенный; притом Ливония усеяна городами и замками, осада которых повела бы к большому замедлению; наконец, переведши все войска в Ливонию, надобно было бы оставить Литву без прикрытия. Можно не чрез Ливонию, а чрез неприятельскую землю пуститься ко Пскову, но тогда в тылу останется много неприятельских крепостей и, углубившись так далеко в неприятельскую землю, трудно было бы возвратиться, трудно было бы получить подкрепления. Лучше всего взять прежде Полоцк: чрез это обеспечится и Ливония и Литва, от которой войско не удалится, потому что Полоцк, лежащий над Двиною, служит одинаково ключом к этим обеим странам, кроме того, взятием Полоцка обеспечится судоходство по Двине, важное для Литвы и Ливонии, особенно для города Риги. Иоанн не знал об этом мнении Батория, думал, что война, предпринятая за Ливонию, будет ведена в Ливонии, знал, что таково мнение большинства в Польше и Литве, и потому отправил большое войско за Двину в Курляндию; войско это ограничилось, по обычаю, опустошением страны и должно было скоро вернуться назад, ибо неприятель явился там, где его не ждали: в начале августа Баторий осадил Полоцк. Осажденные воеводы, князь Василий Телятевский, Петр Волынский, князь Дмитрий Щербатый и дьяк Ржевский, держались в дубовой крепости более трех недель с необыкновенным мужеством; жители, старики и женщины, бросались всюду, где вспыхивал пожар, и тушили его, на веревках спускались со стен, брали воду и подавали в крепость для гашения огня; множество при этом падало их от неприятельских выстрелов, но на место убитых сейчас же являлись новые работники. Нелегко было и осаждающим: с большим трудом могли они добывать съестные припасы в стране малолюдной, лесистой и притом еще опустошенной недавнею войною; царь, узнавши об осаде Полоцка, двинул туда передовые отряды под начальством окольных Бориса Шеина и Федора Шереметева, но эти воеводы, увидав, что все дороги к Полоцку были загорожены войсками Батория, заняли крепость Сокол и оттуда препятствовали подвозу съестных припасов к осаждающим, избегая столкновения в чистом поле с высланными против них полками под начальством Христофа Радзивилла и Яна Глебовича. Кроме того, погода стояла дождливая, дороги испортились, обозные лошади падали, ратники не могли найти сухого места под шатрами; особенно страдали немцы, привыкшие вести войну в странах богатых, густо населенных; в противоположность им венгры отличались терпеливостью и неумоимостью.

В таких затруднительных обстоятельствах король созвал военный совет; большая часть воевод была того мнения, что надобно идти на приступ, но король не согласился. «Если приступ не удастся, – говорил он, – то что тогда останется делать? Отступить со стыдом!» Обещанием больших наград он уговорил венгров подобраться к стенам крепости и зажечь их со всех сторон. Выбравши ясный день, 29 августа, венгры бросились к стенам и зажгли их; пламя быстро распространилось, и осажденные не могли потушить пожара в продолжение целого дня; а между тем король с большею частию войска стоял на дороге к Соколу, боясь, чтоб тамошние воеводы, увидя зарево, не явились на помощь к Полоцку. Помощь, однако, не приходила, и осажденные начали думать о сдаче;

десятеро русских спустились со стен к осаждающим для переговоров, но венгры умертвили их: они не хотели допускать до переговоров, хотели взять город приступом, ибо в таком случае они получили бы право разграбить его; особенно прельщала их церковь св. Софии, о богатствах которой наслышались. С этою целию венгры без приказа королевского кинулись в город сквозь пылавшие стены, за ними – польская пехота; но осажденные уже успели выкопать ров в том месте, где прогорела стена, встретили нападающих залпом из пушек и прогнали их. На другой день пожар и напор осаждающих возобновились; тогда стрельцы с воеводою Волынским выслали переговорщиков, и город был сдан с условием свободного выхода всем ратным людям: некоторые из них вступили в службу королевскую, большая часть предпочла возвратиться в отечество; но владыка Киприан и другие воеводы, кроме Волынского, никак не хотели соглашаться на сдачу; они уже давно замыслили взорвать крепость, но не были допускаемы до этого ратными людьми, и, когда последние уже сдали город, владыка и воеводы заперлись в церкви св. Софии и объявили, что только силою можно будет их взять оттуда, что и было исполнено со стороны неприятеля. Добыча, найденная в Полоцке, обманула ожидание осаждающих; самую драгоценную ее часть составляла библиотека, содержащая в себе много летописей и творений святых отцов греческих в славянском переводе, – все это погибло. Те из русских, которые решились переселиться в Литву, были не очень щедро награждены Баторием; до нас дошла грамота его к дворному конюшему литовскому такого содержания: «Многие стрельцы и другие люди московские после взятия Полоцка и прочих крепостей русских поддались нам, и мы их наделили пустыми участками земли в старостве Гродненском, но им нечем обрабатывать этих участков. Так приказываем тебе взять у подданных наших в Литве кляч самых негодных и мелких штук с полтораста и поделить их между этими москвичами».

25 сентября был зажжен и взят Сокол с страшною резнею: старый полковник Вейер, служивший у Батория, говорил, что бывал на многих битвах, но нигде не видал такого множества трупов, лежавших на одном месте. Взято было и несколько других близлежащих крепостей; с другой стороны князь Константин Острожский опустошил область Северскую до Стародуба и Почепа, а староста оршанский Кмита – Смоленскую; шведы опустошали Карелию и землю Ижорскую, осаждали Нарву, но были от нее прогнаны.

Поход 1579 года был кончен Баторием; он возвратился в Вильну. Еще в половине сентября он отправил к царю грамоту, в которой писал, что по восшествии на престол главным старанием его было сохранить мир со всеми соседями и везде он успел в этом; один только царь прислал ему гордую грамоту, в которой требовал Ливонии и Курляндии. «Так как нам не годилось, – заключает король, – исполнить это требование, то мы сели на коня и пошли под отчинный наш город Полоцк, который господь бог нам и возвратил: следовательно, кровь христианская проливается от тебя». Иоанн отвечал: «Другие господа, твои соседи, согласились с тобою жить в мире, потому что им так годилось; а нам как было пригоже, так мы с тобою и сделали; тебе это не полюбилось; а гордым обычаем грамоты мы к тебе не писывали и не дельвали ничего. О Лифляндской же земле и о том, что ты взял Полоцк, теперь говорить нечего; а захочешь узнать наш ответ, то для христианского покоя присылай к нам послов великих, которые бы доброе дело между нами попригожу постановить могли. Мы с тобою хотим

доброй приязни и братства и по всем своим границам запретили вести войну; распорядись и ты также по всем своим границам, пока послы великие между нами братство и добрую приязнь поставят; бояре наши били нам челом, чтоб мы кровопролития в христианстве не желали, и велели им обослаться с твоими панами; мы на просьбу их согласились». Царь по требованию Батория отпустил гонца его, Лопатинского, который был задержан за то, что привез объявление войны; при отпуске царь велел сказать ему: «Пришел ты к нам от своего государя с грамотою, в которой Стефан король многие укоризненные слова нам писал и нашу перемирную грамоту с тобою к нам прислал; людей, которые с такими грамотами приезжают, везде казнят, но мы, как господарь христианский, твоей убогой крови не хотим и по христианскому обычаю тебя отпускаем». С Лопатинским отправлен был особый гонец, который должен был требовать освобождения пленных на размен и на выкуп. Это было в январе 1580 года; в марте Стефан отвечал: «Мы к тебе послов своих посылали, но ты отправил их с необычным и к доброй приязни непригожим постановлением а твои послы, бывшие у нас, ничего доброго не постановили: так после этого теперь нам посылать к тебе послов своих непригоже; присылай ты своих к нам, и присылай немедленно. А что пишешь об освобождении пленных, то сам рассуди, приличное ли теперь к тому время? А нужды им у нас никакой нет». Паны прислали боярам опасную грамоту на московских послов. Царь приговорил послать от бояр к панам с ответом, что они прислали опасную грамоту не по-пригожу, высоко, мимо прежнего обычая; пусть лучше наводят государя своего на то, чтоб отправлял своих послов в Москву немедленно. Иоанн отправил ответ свой Баторию с дворянином Нащокиным. «Мы послов твоих, – писал царь, – приняли и отпустили по прежним обычаям, по неволе они ничего не делали бесчестья и нужды им никакой не было. А наши послы у тебя ничего не постановили потому, что ты не хотел подтвердить постановленного твоими послами у нас, вставил новое дело, наших послов обесчестил, принял их не по прежним обычаям и без дела к нам отослал, а потом прислал к нам гонца Лопатинского с грамотою, и какие речи написал ты в этой грамоте – сам знаешь. Если нам теперь все эти дела между собою поминать, то никогда христианство покоя не получит, так лучше нам позабыть те слова, которые прошли между нами в кручине и в гневе; ты бы, как господарь христианский, дело гневное оставил, а пожелал бы с нами братской приязни и любви; а мы с своей стороны все дела гневные оставили, и ты бы» по обычаю отправил к нам своих послов». В случае нужды Нащокин должен был согласиться на отправление царских послов в Литву; касательно поведения своего московские гонцы получали в это время такой наказ: «Будет в чем нужда, то они должны приставам говорить об этом слегка, а не браниться и не грозить; если позволят покупать съестные припасы то покупать, а не позволят – терпеть; если король о царском здоровье не спросит и против царского поклона не встанет, то пропустить это без внимания, ничего не говорить; если станут бесчестить, теснить, досаждать, бранить то жаловаться на это приставу слегка а прятко об этом не говорить, терпеть».

Баторий отвечал что он уже садится на коня и выступает с войсками своими туда, куда господь бог укажет дорогу впрочем будет ждать московских послов пять недель, считая от 14 июня. Иоанн отвечал на это, что уже назначил послов – стольника князя Ивана Сицкого-Ярославского и думного дворянина Романа

Пивова, но что в такой короткий срок, как назначил король, им не поспеть и на границы, не только в Вильну. Баторий отвечал, что все эти отсрочки ведут только к упущению удобного времени для войны, что он выступает в поход, но что выступление нисколько не препятствует московским послам приехать к нему для переговоров туда, где он будет находиться с войском. Ясно было, что Баторий пересылался с царем только для того, чтоб выиграть время, чтоб собраться с силами, достаточными для успешного похода. Для этого ему нужен был почти целый год: вместо благодарности многие встретили его с упреками, упреки эти были опровергнуты на сейме благодаря искусству и красноречию знаменитого канцлера Замойского; но нельзя было скоро действовать при недостатке денег, при медленности, с какою собирались войска. Деньги король кое-как собрал, пожертвовал свои, занял у частных людей, причем также много помог ему Замойский; брат Батория, князь седмиградский, прислал опять значительный отряд венгров; но все еще было мало пехоты; шляхта никак не хотела служить в ней; надобно было набирать ее из городских жителей, но последние не были так привычны к военной службе, были изнежены спокойным пребыванием в городах; придумали средство составить пехоту из людей крепких, способных к перенесению трудов и лишений: положили в королевских имениях из 20 крестьян выбирать одного которого по выслуге срочного времени освободить навсегда самого и все потомство от всех крестьянских повинностей. В Москве также не теряли времени, собирали деньги и войско, но здесь не было искусных в военном деле иностранных дружин, здесь не было полководцев, которые бы могли равняться с Баторием. Не зная ничего о намерениях последнего, Иоанн должен был опять растянуть свои войска, послать полки и к Новгороду, и ко Пскову, к Кокенгаузену и к Смоленску сильные полки должны были оставаться также на южных границах, где мог явиться хан; на северо-западе надобно было отбиваться от шведов. При отправлении к литовским границам крещеного татарского царевича, великого князя Симеона Бекбулатовича и боярина князя Ивана Федоровича Мстиславского в разряде читаем: «То дело государь положил на бже, на великом князе Симеоне и боярине И. Ф. Мстиславском с товарищами: как их бог вразумит и как будет пригоже государева и земского дела беречь и делать». По монастырям отправлены были грамоты: «Здесь на нас идет недруг наш, литовский король, со многими силами; мы к нему посылали о мире с покорением, но он с нами мириться не хочет и на нашу землю идет ратью. И вы б пожаловали, молили господа бога и пречистую богородицу и всех святых, чтоб господь бог отвратил праведный свой гнев, движущийся на ны, и православного христианства державу сохранил мирну и целу, недвижиму и непоколебиму, а православному бы христианству победы дал на всех видимых и невидимых врагов».

Баторий решил двинуться к Великим Лукам, но, чтобы скрыть это от неприятеля, приказал войску собраться под Часниками; место это расположено над рекою Улою таким образом, что находится в равном расстоянии и от Великих Лук, и от Смоленска, вследствие чего до последней минуты оставалось неизвестным, к которому из этих городов король направит путь. Он выступил к Великим Лукам с 50000 войска, в числе которого находилось 21000 пехоты. Деревянная крепость Велиж была зажжена калеными ядрами и сдалась, Усвят последовал ее примеру. Баторий стоял уже у Великих Лук, как явились к нему в стан послы московские – князь Сицкий и Пивов; от самой границы их уже

встречали неприятностями, дерзостями: посланный к ним навстречу на рубеж от оршанского воеводы Филона Кмиты назвал последнего воеводою смоленским; послы сказали на это: «Филон затевает нелепость, называя себя воеводою смоленским; он еще не тот Филон, который был у Александра Македонского; Смоленск – вотчина государя нашего; у государя нашего Филонов много по острожным воротам». Когда послы поехали к королю в стан, то гайдуки начали стрелять из ружниц возле лошадей посольских, и пыжи падали на послов. Король, принимая их, против государева имени и поклона не встал, шапки не снял, о здоровье государевом не спросил. Послы требовали, чтоб Баторий снял осаду Лук, и тогда они станут править ему посольство, ибо им наказано править посольство в земле королевской, а не под государевыми городами. На это им паны отвечали: «Ступайте на подворье!», а виленский воевода говорил им вслед: «Ступайте на подворье! Пришли с бездельем, с бездельем и пойдете». Послы просили, чтоб король отошел по крайней мере от Лук на то время, когда они станут править посольство, – не согласились; просили, чтоб не велел в это время промыслять над городом, – не согласились и на это; послы начали править посольство, уступали королю Полоцк, Курляндию, 24 города в Ливонии, но король требовал всей Ливонии, Великих Лук, Смоленска, Пскова, Новгорода. Послы просили позволения отправить гонца в Москву за новым наказом; гонец был отправлен, но Баторий не дожидался его возвращения: после долгих стараний Замойскому удалось, наконец, зажечь крепость; осажденные начали переговоры о сдаче, но венгры, боясь лишиться добычи, самовольно ворвались в город и начали резать всех, кто ни попадался. Поляки последовали их примеру; Замойскому удалось спасти только двоих воевод. Князь Збаражский с польскою, венгерскою и немецкою конницею разбил князя Хилкова под Торопцом; Невель, как скоро был зажжен, сдался; Озерище сдалось еще прежде пожара; крепкое Заволочье отбило первый приступ, но потом также принуждено было поддаться Замойскому. Не так счастлив был оршанский воевода Филон Кмита: с 9000 литвы он подошел к Смоленску, с тем чтоб сжечь посады; но в деревне Настасьине пришли на него царские воеводы, Иван Михайлович Бутурлин с товарищами, и сбили с станов; Кмита вечером стал в крепком месте в обозе, а ночью ушел из него; Бутурлин на другой день погнался за неприятелем, настиг его в 40 верстах от Смоленска, на Спасских лугах, и разбил, взял знамена, шатры, 10 пушек, 50 затинных пищалей и 370 пленных. Баторий взятием Лук кончил свой поход 1580 года, но военные действия на этот раз продолжались и зимою: в феврале 1581 года литовцы пришли ночью к Холму, взяли его и оставили за собою, выжгли Старую Русу, в Ливонии взяли замок Шмильтен и вместе с Магнусом опустошили Дерптскую область до Нейгаузена, до границ русских. С другой стороны, шведский полководец Понтус Делагарди вошел в Карелию, в ноябре 1580 взял Кексгольм, причем, по известиям ливонских летописцев, было истреблено 2000 русских. В Эстонии шведы осадили Падис (в 6 милях от Ревеля); осажденные под начальством воеводы Чихачева терпели страшный голод, 13 недель не отведали хлеба, переели всех лошадей, собак, кошек, сено, солому, кожи, некоторые тайно отведали, как пишут, и человеческого мяса; наконец в декабре неприятель взял город вторым приступом. В начале 1581 года Делагарди оставил Карелию и неожиданно явился в Ливонии под Везенбергом, который после сильного обстреливания сдался в марте под условием свободного выхода осажденным. В том же месяце московские воеводы,

по старому обычаю, ходили из Можайска опустошать литовские земли, были у Дубровны, Орши, Могилева, под Шкловым, имели удачную битву с литовскими войсками и возвратились благополучно в Смоленск.

А между тем Баторий хлопотал о третьем походе, занял деньги у герцога прусского, курфюрстов саксонского и бранденбургского. На сейме, собранном в феврале 1581 года, объявил, что мало радоваться успехам военным, надобно пользоваться ими; если не желают или не надеются покорения целого Московского государства, то по крайней мере не должны полагать оружия до тех пор, пока не закрепят за собою всей Ливонии. Потом объяснял, как вредно каждый год отрываться от войска и спешить на сейм для вытребования денежных поборов, что от этого собственное войско ослабевает, а неприятелю дается время восстанавливать свои силы, что запоздалое собирание денег заставляет терять самое удобное для военных действий время, что единственное средство для избежания этих невыгод – двухлетний побор. Сейм сначала противился королевскому предложению, потом согласился. Но при конце сейма земские послы просили короля, чтоб следующим, третьим походом постарался окончить войну, ибо шляхта и особенно ее крестьяне совершенно изнурены поборами и далее выносить их не в состоянии. Король отвечал чрез Замойского что он не длит нарочно войны, предпринятой для общего спокойствия и выгоды: неприятель теперь в таком положении, что легко довести его до последней крайности, продля хотя немного войну; что, исполняя желание земли, он не будет препятствовать заключению мира, как скоро принудит неприятеля уступить ему всю Ливонию.

Переговоры о мире продолжались во все это время; Сицкий и Пивов ехали за Баторием от Великих Лук до Варшавы; приставы, державши долго послов, повели их за королем к Полоцку; на дороге литовские люди послов бесчестили, посольских людей били, грабили, корму людского и конского послам не давали, отчего много лошадей у них попадало. В недостатке корма, впрочем, после пред послами объяснились и извинились, и Баторий старался вознаградить послов за прежние нужды, даря их винами иностранными и медом старым. Но потом опять послы начали терпеть нужду, и пристав на их жалобы отвечал: «Вам все корм давай! Ведь доброму делу не бывать; те гроши, что было вам на корм давать, надобны еще на другие дела». В Варшаве паны радные польские говорили послам великие задорные речи и непригожие слова, да и, в Раде сидя, говорили высокие и задорные слова, а гладко и склонно никто ничего не говорил; послы против их разговоров молчали, а отговаривали им без брани, слегка, по государеву наказу. Послы предлагали заключить перемирие на том условии, что каждому владеть, чем владеет, но паны с этим предложением и к королю не пошли. Царь прислал к королю гонца с требованием опасной грамоты на новых послов. «Этим послам, – писал Иоанн, – мы велели договориться подробно насчет Лифляндской земли, как делу пригоже статься; тогда по договору и людей из Лифляндской земли велим вывести, а до тех пор ты бы» брат наш, людей не собирал и убытка казне своей не делал». Гонцу было наказано: «Если король о царском здоровье не спросит и против царского поклона не встанет, то об этом ничего не говорить». Послами были отправлены думные дворяне Пушкин и Писемский; им дан был такой наказ: «Послы не должны отдавать верющей грамоты никому, кроме короля; должны требовать, чтоб их непременно представили Баторию, а если станут их укорять, или бесчестить, или бранить, или бить, то на укоризну, бесчестье и брань отвечать,

смотря по делу, что будет пригоже и как их бог вразумит, слегка а не браниться, против побоев терпеть и стоять накрепко, чтоб их отпустили к королю, а, пока у короля не будут, до тех пор грамоты верующей никому не давать и посольства ни перед кем не править. Если король не встанет и велит о государевом здоровье спрашивать панам, то и за этим не останавливаться, о государевом здоровье говорить, грамоту верующую подавать, посольство править; если будут их на посольстве бранить или бить – говорить одно, чтоб дали посольство исправить и ни за чем не останавливаться, самим не задирать и невежливых слов королю не говорить. Если паны станут говорить, чтоб государя царем не писать, и за этим дело остановится, то послам отвечать: государю нашему царское имя бог дал, и кто у него отнимет его? Государи наши не со вчерашнего дня государи, извечные государи; а если государь ваш не велел нашего государя царем писать, то государь наш для покоя христианского не велел себя царем писать; все равно, как его ни напиши, во всех землях ведают, какой он государь. Если же станут спрашивать, кто же это со вчерашнего дня государь, отвечать: мы говорим про то, что нам государь не со вчерашнего дня государь, а кто со вчерашнего дня государь, тот сам себя знает. Если не захотят писать государя братом королю, то отвечать: государи наши извечные государи; государю нашему братья турецкий цезарь и другие великие государи, и то нашему государю не важно, что с вашим государем пишется братом, и если государь ваш этого не хочет, то мы просто напишем без братства, что взяли перемирье государь с государем. А если станут говорить, чтоб в перемирной грамоте написать так от имени короля: учинили мы тебя (царя) в братстве и в дружбе, и в любви, – то и за этим дело не останавливать; если король не согласится писать царя смоленским, то согласиться и на это». Любопытно, что, соглашаясь на все, приказывая послам терпеть все, Иоанн не может отказать себе в удовольствии уколоть Батория, что он со вчерашнего дня государь.

Послы приехали с предложением королю всей Ливонии, за исключением только четырех городов; но король не только по-прежнему требовал всей Ливонии, но прибавил еще новые требования: потребовал уступки Себежа и уплаты 400000 золотых венгерских за военные издержки. Это вывело из терпения Иоанна. Послы отказались продолжать переговоры, просили дозволения послать к своему государю за новым наказом. Есть также известие, что послы дали знать ему о затруднительном положении Батория, который потерял брата, князя седмиградского, и мог быть вовлечен по этому случаю в большие хлопоты. Когда явился гонец Баториев с требованием нового наказа послам, то царь против королевского имени не встал, о здоровье королевском не спросил, потому что и король этого не делал; гонцу не было поставлено скамьи, поминков у него не взяли, обедать не позвали, потому что Стефан король на кровопролитие христианское стоит беспрестанно. Иоанн отправил с гонцом к Стефану грамоту, начинавшуюся такими словами: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси, по божиему изволению, а не по многмятежному человеческому хотению». Изложивши условия мира, предложенные послам, царь пишет: «Мы такого превозношенья не слышали нигде и дивимся, что ты мириться хочешь, а паны твои такое безмерье говорят. Они говорили нашим послам, что те приехали торговать Лифляндскою землею: наши послы торгуют Лифляндскою землею, и это нехорошо; а это хорошо, что паны твои нами и нашими государствами играют и в гордости своей хотят того, чему нельзя статься: это не торговля, разговор!

Когда на вашем государстве были прежние государи христианские, благочестивые, которые о кровопролитии христианском жалели, тогда паны-рада с нашими послами разговорные речи говаривали и многие приговоры дельвали чтоб на обе стороны любо было. Съезжаются, бывало, много раз, и побранятся, и опять помиряются, делают долго, не в один час. А теперь видим и слышим, что в твоей земле христианство умалается, потому твои паны-рада, не жалея христианской крови, делают скоро». Укорив Батория в нарушении перемирия, заключенного его послами в Москве, Иоанн продолжает: «Никогда этого не бывало; и если ты прежних государей польских пишешь предками своими, то зачем по их уложению не ходишь? Ты пришел со многими землями и с нашими изменниками, Курбским, Заболоцким, Тетериным и другими; наши воеводы и люди против тебя худо бились, город Полоцк изменою тебе отдали; а ты, идучи к Полоцку, грамоту писал ко всем нашим людям, чтоб они нам изменяли, а тебе с городами поддавались, нас за наших изменников карать хвалился; надеешься не на воинство – на измену! Мы, не желая чрез крестное целование начинать с тобою войну, сами против тебя не пошли и людей больших не послали, а послали в Сокол немногих людей проведать про тебя. Но твой воевода виленский, пришедши под Сокол со многими людьми, город сжег новым умышленьем, людей побил и мертвыми поругался беззаконно, чего и у неверных не слыхано. Называешься государем христианским, а дела при тебе делаются не по христианскому обычаю. Христианское ли то дело, что твои паны крови христианской не жалеют, а издержек жалеют: если тебе убыток, так ты бы Заволочья не брал, кто тебе об этом челом бил? Что это за мир: казну у нас взявши, обогатившись, нас изубытчивши, на нашу же казну людей нанявши, землю нашу Лифляндскую взявши, наполнивши ее своими людьми, да немного погодя, собравшись еще сильнее прежнего, нас же воевать и остальное отнять! Ясно, что хочешь беспрестанно воевать, а не мира ищешь. Мы бы тебе и всю Лифляндию уступили, да ведь тебя этим не утетишь; и после ты все равно будешь кровь проливать. Вот и теперь у прежних послов просил одного, а у нынешних просишь уже другого, Себежа; дай тебе это, ты станешь просить еще и ни в чем меры себе не поставишь. Мы ищем того, как бы кровь христианскую унять, а ты ищешь того, как бы воевать; так зачем же нам с тобою мириться? И без миру то же самое будет». Послам отправлен был наказ уступить королю завоеванные им русские города, но зато требовать в Ливонии Нарвы, Юрьева и 36 других замков и на таких только условиях заключить перемирие на шесть или на семь лет. Паны возразили, что эти условия новые; послы отвечали, что так как король переменял прежние условия, то и царь сделал то же, что другого им наказа нет, и уехали на свое подворье. Переговоры кончились; Баторий выступил в поход, а к Иоанну послал грамоту, наполненную ругательствами, называл его фараоном московским, волком, вторгнувшимся к овцам, человеком, исполненным яда, ничтожным, грубым. «Для чего ты к нам не приехал с своими войсками, – пишет, между прочим, Баторий, – для чего своих подданных не оборонял? И бедная курица перед ястребом и орлом птенцов своих крыльями покрывает, а ты, орел двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!» Наконец Баторий вызывает Иоанна на поединок. Гонца, привезшего эту грамоту, государь обедать не звал и корму вместо стола дать ему не велел.

Перед выступлением в поход Баторий созвал военный совет и спрашивал, куда направить путь. Почти все были того мнения, что надобно идти ко Пскову, ибо овладение этим городом предаст в руки королю всю Ливонию, за которую и ведется, собственно, война. Король и с ним некоторые воеводы были не прочь идти прямо к Новгороду, ибо оттуда приходили вести, что служилые люди готовы отложиться от Иоанна; но с другой стороны, было опасно, идя к Новгороду, оставить за собой такой крепкий город, как Псков, где сосредоточены были почти все силы неприятеля. Это соображение заставило Батория согласиться с большинством и выступить ко Пскову. Каменные стены крепости Острова не устояли против стрельбы, и крепость сдалась. 26 августа польские войска подошли ко Пскову, где начальствовали двое бояр князей Шуйских, Василий Федорович Скопин и Иван Петрович, сын известного воеводы Петра и внук Ивана, знаменитого правителя в малолетство Иоанново; Псков славился как первая крепость в Московском государстве: в продолжение целых столетий главною заботою псковичей было укрепление своего города, подверженного беспрестанным нападениям немцев; теперь обветшавшие укрепления были возобновлены и город снабжен многочисленным нарядом (артиллериею); войска, по иностранным неприятельским показаниям, было во Пскове до 7000 конницы и до 50000 пехоты, включая сюда тех обывателей, которые несли воинскую службу; число осаждающих простиралось до 100000. Король, обзревши город и узнавши от пленных о его средствах, увидал свою ошибку, увидал, что сведения, полученные им прежде о состоянии Пскова, были неверны. Он увидел прежде всего, что у него мало пехоты, что для приступа надобно было иметь ее втрое более, чем сколько было в самом деле, и пороховых запасов для осады такого города было недостаточно. 1 сентября осаждающие начали свои работы, копали борозды (вели траншеи); 7 сентября открыли пальбу, 8 – проббили стену и пошли на приступ, который сначала был удачен: неприятель ворвался в проломы занял две башни – Покровскую и Свиную – и распустил на них свои знамена; осажденные потеряли дух и начали уже отступать но воевода, князь Иван Петрович Шуйский, второй по месту и первый по мужеству, угрозами, просьбами и слезами успел удержать их с одной стороны, а с другой – сделал то же печерский игумен Тихон, вышедший к ним навстречу с иконами и мощами. Соппротивление возобновилось с новою силою: осажденные взорвали Свиную башню, занятую поляками, и согнали венгров с Покровской. Приступ был отбит; осажденные потеряли 863 человека убитыми, 1626 человек ранеными; осаждающие же – более 5000 человек убитыми, и в том числе Гавриила Бекеша, искусного предводителя венгерского. После этого осаждающие долго не могли ничего предпринять, ибо не было пороху; послали за ним к герцогу курляндскому в Ригу; порох привезли, но и тут попытки овладеть городом остались тщетными: не удалась даже попытка овладеть Печерским монастырем; а между тем начались морозы, войско терпело большую нужду и волновалось, требовало прекращения войны; но снять осаду Пскова и возвратиться на зиму домой значило погубить дело, и Баторий во что бы то ни стало решил оставить войско зимовать под Псковом. Дело было чрезвычайно трудное, но у короля был Замойский! Главною заботою последнего было введение дисциплины в войске, причем самое сильное препятствие встречал он в молодых панах и шляхте, привыкших к своеволию, но Замойский не смотрел ни на что: чем знатнее был преступник, тем, по его

мнению, строже долженствовало быть наказание; так, он держал в оковах дворянина королевского, поступившего вопреки воинскому уставу, и не выпускал его, несмотря на просьбы целого войска; пред целым войском выставлял на позор своевольных шляхтичей, в нужных случаях наказывал телесно, вешал преступников, строго наказывал также женщин, осмеливавшихся пробираться в обоз. Легко понять, какую ненависть возбудил против себя Замоиский таким поведением; кричали: «Он с молодых лет знал только, что за книгами сидел, в италианских школах учился, военного дела не смыслит, советует королю упорно держаться под Псковом и этим советом все войско стубит!» Бессмысленная шляхта укоряла Замоиского за ученость, а сам Замоиский признавался, что наука сделала его тем, чем он был, повторяя с гордостью: «*Patavium virum me fecit*» (Падуа, т.е. Падуанский университет, сделал меня человеком). Кричали, что Замоиский покинет войско под Псковом на жертву голоду и холоду, а сам уедет с королем на сейм под предлогом исполнения канцлерских обязанностей; король уехал, но Замоиский остался при войске. Кроме Пскова военные действия происходили на Верхней Волге, в Ливонии, в Новгородской области. К Волге пробрались Христоф Радзивилл, Филон Кмита и Гарабурда, но далеко не пошли, боясь сильных полков царских; важнее были наступательные движения шведов: они взяли Лоде, Фиккель, Леаль, Габзель, Нарву, где пало 7000 русских, Виттенштейн; наконец Делагарди перенес войну и на русскую почву, взял Иван-город, Ям, Копорье. В таком положении находились дела, когда царь решился начать снова мирные переговоры с Баторием, причем посредником явился папский посол, иезуит Антоний Поссевин.

В 1550 году Шлитт, которого Иоанн отправил в Германию для вызова ученых и художников, самовольно возбудил в императоре и папе надежду на присоединение Московского государства к римской церкви, и папа Юлий III назначил было уже посольство к царю с предложением королевского титула, за что царь должен был поклясться в повиновении апостольскому престолу. В 1561 году папа Пий IV предлагал Иоанну отправить послов своих на Тридентский собор. На все эти предложения не обращалось внимания в Москве, но когда Баторий стал грозить опасною войною, то Иоанн отправил к папе Григорию XIII посла с грамотою, в которой жаловался на Батория, посаженника султанова, и объявлял желание быть с папою и императором в любви и согласии на всех недругов. Григорий воспользовался случаем и отправил в Москву иезуита Антония Поссевина, в наказе которому говорилось: «Приобретя расположение и доверенность государя московского, приступайте к делу, внушайте как можно искуснее мысль о необходимости принять католическую религию, признать главою церкви первосвященника римского, признаваемого таковым от всех государей христианских; наводите царя на мысль, как неприлично такому великому государю признавать митрополита константинопольского, который не есть законный пастырь, но симониан и раб турок; что гораздо лучше и славнее для него будет, если он вместе с другими государями христианскими признает главою церкви первосвященника римского; с этою целию возьмите с собой изложение веры, составленное на Тридентском соборе, в греческом переводе. Так как, быть может, монахи или священники московские частию по грубости своей и отвращению к латинской церкви, частию из опасения потерять свое значение будут противиться нашему благочестивому намерению и употребят все усилия,

чтоб не допустить государя оставить греческую веру, то старайтесь всеми силами приобрести их расположение; более всего старайтесь приобрести сведения обо всем, касающемся веры этого народа. Внушайте государю, какие великие следствия будет иметь союз христианских государств против турок, внушайте, что на его долю достанется большая часть славы и выгод, что ему, как соседнему и могущественнейшему владельцу, должны будут достаться многие страны турецкие; вы должны узнать подробно о количестве и качестве военных сил московских, сколько пехоты, конницы, с какой стороны государь московский думает лучше напасть на турок, нет ли какого соседнего народа, с которым бы можно было вступить в союз. Но после всех этих разговоров, воспламенивши желания государя к славным подвигам, вы обратитесь опять к главному – к духовному союзу. Если встретите затруднения, не теряйте духа, делайте что можете, употребите все средства, чтоб получить от вашего посольства хотя какой-нибудь плод; вы должны испросить позволение на постройку одной или нескольких католических церквей в Москве для тех католиков, которые будут приезжать по торговым делам; объясните, что иначе никогда не установятся торговые сношения с католическими народами». Другого рода наказ дан был царем приставу, который отправлялся встретить и провожать Поссевина: «Если посол станет задирать и говорить о вере, греческой или римской, то приставу отвечать: грамоте не учивался, – да не говорить ничего про веру».

18 августа приехал Поссевин к Иоанну в Старицу. Между прочими дарами папа прислал царю с Антонием книгу о Флорентийском соборе и писал: «Посылаю твоему величеству книгу о Флорентийском соборе печатную; прошу, чтоб ты ее сам читал и своим докторам приказал читать: великую от того божию милость и мудрость, и разум получишь; а я от тебя только одного хочу, чтоб святая и апостольская церковь с тобою в одной вере была, а все прочее твоему величеству от нас и от всех христианских государей будет готово». Поссевин, заезжавший к Баторию, объявил, что последний не хочет мириться безо всей Ливонии; пересказывал собственные слова Батория. «Если государь московский, – говорил король, – не хочет уступить мне малых городков ливонских, то я пойду к которому-нибудь большому его городу, ко Пскову или к Новгороду, и только возьму один который-нибудь большой город, то все немецкие города будут мои». «И я, – говорил Поссевин, – какие речи у короля слышал, те государю и объявляю, а что государь мне объявит, то я Стефану королю объявлю, а хочу свою душу и голову отдать за государскую милость». Исполняя наказ, Антоний просил, чтоб позволено было построить в Москве католическую церковь для купцов венецианских; говорил о необходимости союза всех христианских государей против турок, но давал знать, что союз этот не может быть крепок, если все государи не будут принадлежать к одному исповеданию; уговаривая Иоанна к соединению с Римом, Поссевин говорил: «К царствам и богатствам, которых у тебя много, к славе той, которую ты приобрел расширением земли своей, прибавь славу единения с верою апостольскою и тогда великое множество небесного благословения получишь». Царь отвечал: «Мы никогда не желали и не хотим, чтоб кровопролитие в христианстве было; и Божиим милосердием от младенчества нашего чрез много лет кровопролитие в христианстве не велось. Но ненавидящий добра враг с своими сосудами ввел в Литовской земле новую веру, что называется Лютер Мартын; в ваших странах эта вера сильно распространилась; и как это

учение утвердилось, так в христианстве и кровопролитие началось, а как и которым обычаем началось и почему между нами и Стефаном королем недружба стала, мы тебе об этом после скажем; а теперь извещаем тебе, как нам быть в дружбе и в любви с папою и цесарем Рудольфом. Что наивышний папа Григорий хочет между всеми нами, государями христианскими, мирное постановление утвердить, то нам приятно и любительно. Его пресветлейшему опасную грамоту даем, что послам его к нам приехать и отъехать добровольно; а дети наши в нашей воле: Иван, сын, еще государским именем не почтен, а Феодор еще не в том возрасте, чтоб мог с нами государством править, и потому их в опасную грамоту писать не нужно, тем более что наше слово ни от кого превратно не будет, у нас не так, как в других государствах: дети, братья и вельможи превращают слово государево. Венецианам в наше государство приезжать вольно с попами и со всякими товарами, а церквам римским в нашем государстве быть непригоже, потому что до нас этого обычая здесь не бывало, и мы хотим по старине держать». Затем Иоанн приступил к главному делу: отпуская Поссевина быть посредником между ним и Баторием, Иоанн объявил ему условия, на которых может помириться с королем: царь уступал последнему 66 городов в Ливонии, кроме того, русские города – Великие Луки, Заволочье, Невель, Велиж, Холм, а за собою оставлял 35 городов ливонских. Объясняя свои права на Ливонию, Иоанн говорил: «Паны радные говорят, что если б Ливония была исстари нашею, то предки наши с нею перемирия не заключали бы: эта земля была особная, а у нас была вотчиною в прикладе, жили в ней все немецкие люди, а писали перемирные грамоты с нашими вотчинами, Новгородом и Псковом, по нашему жалованью, как мы им велим, точно так, как мужики волостные между собою записи пишут, как им торговать, а не так, как государи между собою перемирные грамоты пишут; Лифляндия была нашею прикладною вотчиною точно так, как у Стефана короля Пруссия: пишется он прусским, а в Пруссии свой князь. Ты говоришь, чтоб нам обратить все свои силы на турецкого; но как нам это сделать, пока между нами и Стефаном королем не будет мира? Мы велели послам своим поступаться, но он ни в чем меры не знает. Он просит у нас денег за убытки: он же нас воюет, нам же ему убытки платить; так не ведется и в бусурманских государствах; а кто его заставлял убытчиться? Удивляемся, как это Стефан король делает, что ни в каких государствах не ведется; уцепится за которое дело, да и хочет на своем поставить. Стефан король тебе говорил, что не хочет с нами мириться до тех пор, пока не отдам ему обещанной земли, но этому как статья? Хотя бы ему и уступили Ливонию, но вперед миру не будет же! Он и так на нас всю Италию (т. е. Западную Европу) поднял. Недавно к нам привели пленника, французского человека: ясно, что он на нас всю Италию поднял. Тут которому миру быть, что на одну сторону высоко, а на другую низко? Добро то мир, чтоб на обе стороны ровно было. Да и потому нам нельзя уступить королю всей Лифляндской земли: если нам ее всю уступить, то нам не будет ссылки ни с папою, ни с цесарем, ни с какими другими государями италийскими и с поморскими местами, разве только когда король польский захочет пропустить наших послов. Король называет меня фараоном и просит у меня 400000 червонцев; но фараон египетский никому дани не давал».

Касательно соединения с римскою церковию Иоанн отвечал Поссевину: «Мы тебя теперь отпускаем к Стефану королю за важными делами наскоро, а как

будешь у нас от короля Стефана, тогда мы тебе дадим знать о вере». Но для Поссевина самым важным делом было дело о соединении церквей, а потому, получив такой неудовлетворительный для себя ответ, мало надеясь от будущего свидания и переговоров с царем уже по решительному отказу насчет построения католической церкви, Поссевин не мог быть беспристрастным посредником при мирных переговорах: он видел явную выгоду для римской церкви в том, чтоб вся Ливония была за королем польским, ибо при помощи последнего легко было восстановить здесь падший католицизм; в одной из записок Поссевина, хранящейся в Ватиканском архиве, говорится: «Есть надежда, что при помощи божией, оказанной католичнейшему королю, вся Ливония скоро отойдет к Польше, и тогда не должно упускать случая к восстановлению здесь католической религии при короле, который среди забот военных не оставляет святых мыслей о поддержании и распространении истинной веры. Кроме того, на Руси, в Подоле, Волыни, Литве и Самогитии жители упорно держатся греческого исповедания, хотя имеют господ-католиков. Сенат и особенно король, подозревающий их верность, желают обратить их в католицизм, ибо найдено, что жители этих областей по приверженности к своим единоверцам-москвичам публично молятся о даровании им победы над поляками». Вот почему главным старанием Поссевина по приезде к королю было убедить Иоанна, что Стефан, несмотря на неудачу под Псковом, решился во что бы то ни стало овладеть этим городом, если царь не поспешит заключить мир с уступкою всей Ливонии. Тогда Иоанн с сыном и боярами приговорил: «Теперь по конечной неволе, смотря по нынешнему времени, что литовский король со многими землями и шведский король стоят заодно, с литовским бы королем помириться на том: ливонские бы города, которые за государем, королю уступить, а Луки Великие и другие города, что король взял, пусть он уступит государю; а помирившись с королем Стефаном, стать на шведского, для чего тех городов, которые шведский взял, а также и Ревель не писать в перемирные грамоты с королем Стефаном». Уполномоченными для ведения переговоров назначены были князь Елецкий и печатник Алферьев; им дан был наказ держаться за Ливонию до последней крайности; чтоб склонить Поссевина на свою сторону, они должны были сказать ему: «Если государь наш уступит всю Ливонию и не будет у него пристаней морских, то ему нельзя будет ссылаться с папою, цесарем и другими поморскими государями, нельзя будет ему войти с ними в союз против бусурманских государей; какой же это мир?» Послы должны были заключить перемирие на 12 лет; если же литовские послы никак не согласятся на перемирие, то заключить вечный мир.

В декабре 1581 года в деревне Киверова Гора, в 15 верстах от Запольского Яма, начались мирные переговоры; со стороны короля уполномоченными были Януш Збаражский, князь Альбрехт Радзивилл и секретарь Великого княжества Литовского Гарабурда. Когда московские послы начали требовать части Ливонии, то паны отвечали им: «Что вы ни говорите, а государю нашему без Лифляндской земли не мириться; вы, как видно, присланы говорить, а не делать; мы не хотим торговать Лифляндскою землею; нам государь велел все окончить в три дня, и потому вы с нами говорите раньше, а нам безо всей Лифляндской земли не мириться, ни одной пяди не уступим». Они, пишут послы, хотели разъехаться и прервать переговоры, но Антоний их уговаривал и ворочал не один раз. Заключили перемирие на 10 лет от 6 генваря 1582 года на условиях, на которые,

как мы видели, решился царь в совете с сыном и боярами. Сделавши главное дело, стали спорить о титулах и выражениях в договорной грамоте. Московские послы хотели писать своего государя царем; Поссевин возражал, что король не может дать ему этого титула без повеления папы. «Уговорить панов и Антония никак было нельзя, – пишут послы, – Антоний стоит с панами заодно». Вследствие чего положили написать Иоанна царем, государем лифляндским и смоленским только в московской грамоте. В договоре упоминалось о Поссевине как после папы Григория XIII; Поссевин, услышав это выражение папы Григория XIII, закричал с сердцем: «Государь ваш пишет папу как простого попа, а цесарь и все государи христианские пишут папу наместником Христовым и учителем всего христианства». Когда московские послы хотели написать, что царь уступает королю Курляндию и Ливонию, то Поссевин опять стал кричать: «Вы пришли воровать, а не посольствовать!» У Алферьева вырвал из рук грамоту, кинул ее в двери, князя Елецкого взял за воротник, за шубу, перевернул, пуговицы оборвал и кричал: «Подите от меня из избы вон, я с вами не стану ничего говорить!» После этой сцены послам дали знать, чтоб они сбирались домой, что переговоры кончились; тогда они по конечной неволе согласились написать, что царь уступает те города в Ливонии, которые еще за ним, а не те, которые уже завоеваны поляками.

Узнавши о заключении перемирия, царь велел отпустить королевского гонца, который привез упомянутую бранчивую грамоту; сначала было этому гонцу дали ответную грамоту, также бранчивую; но теперь ее у него взяли и дали другую, в которой царь писал: «Прислал ты к нам грамоту и в ней писал многие укорительные и жестокие слова; слова бранные между нами были прежде, а теперь между нами мирное постановление, и нам, государям великим, о таких делах бранных, которые гнев воздвигают, писать непригоже». В июне 1582 года приехали в Москву литовские послы, князь Збаражский с товарищами, для подтверждения перемирного договора и вытребовали новое обязательство, чтоб царь не воевал Эстонии в продолжение десяти лет. Приставам посольским давался такой наказ: «Если послы станут хвалиться, что король у государя много городов взял и королевские люди землю государеву во многих местах воевали, а нигде королю и его людям от государя встречи не было, то отвечать: вы на ту уступчивость не смотрите, сколько городов государь наш уступил Стефану королю в своей вотчине, в Лифляндской земле; а вам этим хвастаться нечего, то дело божие, на одной мере не стоит, а безмерного и гордого бог смиряет, на смиренного же призирает. Нам об этом теперь говорить не надобно, то все в божией руке; нам теперь о том говорить пригоже, чтоб между государями были братство и любовь и христианству покой, а такое безмерие пригоже оставлять». Между тем неприязненные действия по границам продолжались: витебский воевода Пац поставил город в Велижской волости, на устье реки Межи, на важном месте, где искони шел водный путь из Смоленска и Белой к Лукам и Торопцу. Царь послал жаловаться на это королю, впрочем, наказал послам: если король захочет разорвать мир из-за Велижской волости, то стоять за нее накрепко, но в конечной неволе уступить всю Велижскую волость в королевскую сторону. Король велел сломать городок, поставленный Пацом, и вообще принимал московских послов очень ласково. Причиною тому были неприятности, встреченные на сейме, враждебные столкновения с Швециею за Эстонию,

наконец, угрозы крымского хана и султана, озлобленных нападениями малороссийских козаков. Антоний Поссевин, приехавши в Москву по заключении мира, говорил Иоанну: «Король Стефан велел тебе сказать, что он желает Московской земле прибытка, а не завладеть ею хочет; он хочет, чтоб всяким московским торговым людям был вольный проезд чрез его земли, а литовским людям точно так же во все московские земли, чтоб оба государства всякими прибытками наполнились. Король Стефан хочет идти на Перекопского, чтоб тот вперед христианской крови не разливал, говорит: Перекопский с обоих нас, государей, берет деньги, а наши земли воюет беспрестанно. Стефан король пойдет на него с одной стороны, а с другой – пошел бы на него государь московский или рать свою послал. Когда король пойдет сам на Перекопского, то государь прислал бы к нему в обоз человека доброго посмотреть, как он пойдет против Перекопского мстить за кровь христианскую. А что мы теперь с обеих сторон даем Перекопскому деньги, то лучше эти деньги отдать своим людям и защитить христианство от бусурман. Королевским бы людям ходить против Перекопского чрез государеву землю, как по своей земле, а государевым людям ходить чрез королевскую землю, по воде и по суху, как по своей земле, чтобы между государями было все заодно. Король говорил также Антонию, что он, Стефан, на государстве пришлец, ни поляк, ни литвин, родом венгерец, пришел он на то, чтоб правду и любовь сыскать, а христианство освободить от бусурман, чтоб при его государствовании не было от Перекопского разлития крови христианской». Иоанн отвечал: «Нам теперь нельзя послать рать свою на Перекопского, потому что наши люди истомилися от войны с королем Стефаном, да и потому, что послы наши писали из Крыма о мире, который они заключили с ханом. Мы не знаем еще, на каких условиях заключен этот мир, и если король хочет стоять с нами заодно на бусурман, то он бы приказал об этом с своими послами».

После этого Поссевин стал просить позволения говорить с царем наедине о вере; Иоанн отвечал: «Мы с тобою говорить готовы, только не наедине: нам без ближних людей в это время как быть? Да и то порассуди: ты по наказу наивышнего папы и своею службою между нами и Стефаном королем мирное постановление заключил, и теперь между нами, дал бог, христианство в покое; а если мы станем говорить о вере, то каждый по своей вере ревнитель, каждый свою веру будет хвалить, пойдет спор, и мы боимся, чтоб от того вражда не воздвиглась». Антоний настаивал, говорил, что брани быть не может при разговоре о вере: «Ты государь великий, а мне, наименьшему вашему подданному, как бранные слова говорить? Папа Григорий XIII, сопрестольник Петра и Павла, хочет с тобою, великим государем, быть в соединении веры, а вера римская с греческою одна. Папа хочет, чтоб во всем мире была одна церковь: мы бы ходили в греческую, а славяне греческой веры приходили бы в наши церкви. Если греческие книги не сполна в твоём государстве переведены, то у нас есть подлинные греческие книги, Иоанна Златоустого собственноручные и других великих святителей. Ты будешь с папою, цесарем и другими государями в любви и будешь не только на прародительской вотчине, на Киеве, но и в Цареграде государем будешь; папа, цесарь и все государи о том будут стараться». Иоанн говорил: «Нам с вами не сойтись о вере: наша вера христианская с издавних лет была сама по себе, а римская церковь сама по себе; мы в христианской вере родились и божию благодатию дошли до совершенного возраста, нам уже

пятьдесят лет с годом, нам уже не для чего переменяться и на большое государство хотеть; мы хотим в будущем принять малое, а в здешнем мире и целой вселенной не хотим, потому что это к греху поползновение; нам, мимо своей веры истинной, христианской, другой веры хотеть нечего. Ты говоришь, что ваша вера римская с греческою одна, но мы держим веру истинную, христианскую, а не греческую; греческая слывет потому, что еще пророк Давид пророчествовал: от Ефиопии предварит рука ее к богу, а Ефиопия все равно что Византия, Византия же просияла в христианстве, потому и греческая слывет вера; а мы веру истинную, христианскую исповедуем, и с нашею верою христианскою римская вера во многом не сойдется, но мы об этом говорить не хотим, чтоб не было сопротивных слов. Да нам на такое великое дело и дерзнуть нельзя без благословения отца нашего и богомольца митрополита и всего освященного собора. Ты, Антоний, хочешь говорить; но ты затем от папы прислан, и сам ты поп, так ты и смело говоришь».

Поссевин продолжал настаивать и уверять, что брани никакой не будет. Иоанн начал опять говорить: «Мы о больших делах говорить с тобою не хотим, чтоб тебе не было досадно; а вот малое дело: у тебя борода подсечена, а бороды подсекать и подбривать не велено не только попу, но и мирским людям; ты в римской вере поп, а бороду сечешь; и ты нам скажи, от кого ты это взял, из которого ученья?» Поссевин отвечал, что он бороды не сечет, не бреет. Иоанн продолжал: «Сказывал нам наш парбок, который был послан в Рим, что папу Григория носят на престоле, а на сапоге у папы крест, и вот первое, в чем нашей вере христианской с римскою будет разница: в нашей вере крест Христов на врагов победа, чтим его, у нас не водится крест ниже пояса носить». Поссевин отвечал: «Папу достойно величать: он глава христиан, учитель всех государей, сопрестольник апостола Петра, Христова сопрестольника. Вот и ты, государь великий, и прародитель твой был на Киеве великий князь Владимир: и вас, государей, как нам не величать, и не славить, и в ноги не припадать». Тут Поссевин поклонился царю в ноги низко. Но это не произвело благоприятного впечатления; Иоанн отвечал: «Говоришь про Григория папу слова хвастливые, что он сопрестольник Христу и Петру апостолу, говоришь это, мудрствуя о себе, а не по заповедям господним: вы же не нарицайтесь учителями и проч. Нас пригоже почитать по царскому величеству, а святителям всем, апостольским ученикам, должно смиренье показывать, а не возноситься превыше царей гордостью. Папа не Христос; престол, на котором его носят, не облако; те, которые его носят, не ангелы; папе Григорию не следует Христу уподобляться и сопрестольником ему быть, да и Петра-апостола равнять Христу не следует же. Который папа по Христову учению, по преданию апостолов и прежних пап – от Сильвестра до Адриана – ходит, тот папа – сопрестольник этим великим папам и апостолам; а который папа не по Христову учению и не по апостольскому преданию станет жить, тот папа – волк, а не пастырь». Поссевин сказал на это: «Если уже папа – волк, то мне нечего больше говорить» – и замолчал.

Видя неудачу в главном намерении, иезуит хотел по крайней мере достигнуть двух целей, могших, по его мнению, содействовать мало-помалу сближению русских с западною церковью: он настаивал, чтоб католикам позволено было иметь свою церковь в Москве и чтоб царь отпустил несколько молодых русских людей в Рим для изучения латинского языка. Но и этого достигнуть не мог; царь

отвечал: «Теперь вскорости таких людей собрать нельзя, которые бы к этому делу были годны; а как, даст бог, наши приказные люди таких людей наберут, то мы их к папе пришлем. А что ты говорил о вепецианах, то им вольно приезжать в наше государство и попам их с ними, только бы они учения своего между русскими людьми не плодили и костелов не ставили: пусть каждый остается в своей вере; в нашем государстве много разных вер; мы ни у кого воли не отымаем, живут все по своей воле, как кто хочет, а церковей иноверных до сих пор еще в нашем государстве не ставливали». Поссевин выехал из Москвы вместе с царским гонцом; в грамоте, отправленной к папе, Иоанн писал: «Мы грамоту твою радостно приняли и любительно выслушали; посла твоего, Антония, с великою любовью приняли; мы хотим быть в братстве с тобою, цесарем и с другими христианскими государями, чтоб христианство было освобождено из рук мусульманских и пребывало в покое. Когда ты обошлешься с цесарем и со всеми христианскими государями и когда ваши послы у нас будут, то мы велим своим боярам договор учинить, как пригоже. Прислал ты к нам с Антонием книгу о Флорентийском соборе, и мы ту книгу у посла твоего велели взять; а что ты писал к нам и посол твой устно говорил нам о вере, то мы об этом с Антонием говорили». Гонцу было наказано: «Если папа или его советники станут говорить: государь ваш папу назвал волком и хищником, то отвечать, что им слышать этого не случилось».

Мы видели, что Иоанн решил на боярском совете помириться с Баторием для того, чтоб свободнее можно было наступить на шведа, отнять у него завоеванные им города и Ревель, следовательно, в Эстонии вознаградить себя за потерю Ливонии. Русские войска имели успех в одном деле с шведами, двукратный приступ последних к Орешку был отбит; но когда в начале 1583 года Делагарди приготовился опять вступить в русские владения, новгородские воеводы предложили ему мир; уполномоченные для переговоров съехались на реку Плюсу в мае месяце и заключили перемирие только на два месяца, потом съехались снова в августе и заключили его на три года с условием, чтоб у обоих государств осталось то, чем владели до сих пор; вследствие этого за шведами остались русские города: Ям, Иван-город, Копорье. Это поспешное заключение перемирия со шведами объясняют непрочностию перемирия с Польшею и особенно опасным восстанием луговой черемисы в Казанской области. Но, принимая в соображение и эти причины, можно, однако, с достоверностию положить, что главною причиною была потеря в Иоанне надежды получить какой-либо успех в войне с европейскими народами до тех пор, пока русские не сравняются с ними в искусстве ратном; защита Орешка не могла внушить царю надежды, что легко будет взять у шведов Нарву и Ревель; притом он обязался уже перед Баторием не воевать Эстонии.

Что Иоанн не оставлял мысли о возвращении прибалтийских берегов, но был убежден, что достигнуть этого можно было только в союзе с каким-нибудь европейским государством, которое бы снабдило Россию плодами западного искусства, — это всего яснее видно из переговоров Иоанна с Елисаветою, королевою английскою. Еще в 1569 году Иоанн тайным образом, чрез английского агента Дженкинсона, переслал Елисавете следующие предложения: царь требует, чтоб королева была другом его друзей и врагом его врагов, и, наоборот, царь обязывается этим же самым относительно королевы. Англия и Россия должны

быть во всех делах заодно. Король польский – недруг царю и королеве: прошлым летом был захвачен лазутчик его с письмами на имя английских купцов в России, где написано: «Я, Сигизмунд, король польский, прошу вас, английских купцов, слуг моих верных, помогать подателю этого письма и оказывать помощь русским моим друзьям как деньгами, так и всякими другими способами». Царь сначала был этим сильно оскорблен, но потом лазутчик признался, что письма были подсланы нарочно для возбуждения негодования царя против англичан и разорвания дружбы между ним и королевою и также для заподозрения сановников царских в измене. Вследствие этого царь просит королеву соединиться с ним заодно против поляков и запретить своему народу торговать с подданными короля польского. Царь просит, чтоб королева позволила приезжать к нему мастеровым, умеющим строить корабли и управлять ими, позволила вывозить из Англии в Россию всякого рода артиллерию и вещи, необходимые для войны. Царь просит убедительно, чтобы между ним и королевою учинено было клятвенное обещание такого рода: если бы кто-нибудь из них по несчастю принужден был оставить свою землю, то имеет право приехать в сторону другого для спасения своей жизни, будет принят с почетом и может жить там без страха и опасности, пока беда минует и бог переменит дела. Это обязательство должно хранить в величайшей тайне.

Елисавете, разумеется, не было никакой выгоды входить в такой тесный союз с царем и втягиваться в его войны с соседями; она длила время и наконец отвечала уклончиво и неопределенно, что не будет позволять, чтоб какое-нибудь лицо или государь вредили Иоанну или его владениям, не будет позволять этого в той мере, как по возможности или справедливости ей можно будет благоразумно этому воспрепятствовать, но против общих врагов обязывалась действовать оборонительно и наступательно. Принятие царя и семейства его в Англии и содержание с почетом было обещано. Иоанн рассердился и велел написать Елисавете грамоту (в октябре 1570 года): «Ты то дело отложила на сторону, а делали с нашим послом твои бояре все о торговых делах. И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибьтка. И мы потому такие дела и хотели с тобой делать. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших государских головах, и о честях, и о землях прибьтка не смотрят, а ищут своих торговых прибьтков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая (обыкновенная) девица. И коли уж так, и мы те дела отставим на сторону. А мужики торговые, которые отставили наши государские головы и нашу государскую честь и нашим землям прибьток, а смотрят своих торговых дел, и они посмотрят, как учнут торговати. А Московское государство покамест без английских товаров не скудно было. А грамоту б еси, которую есмя к тебе послали о торговом деле (льготная грамота английским купцам), прислала к нам. Хотя к нам тое грамоты и не пришлешь, и нам по той грамоте не велети делати ничего. Да и все наши грамоты, которые есмя давали о торговых делах по сей день, не в грамоты».

В угоду «торговым мужикам» Елисавета отправила в Россию любимого Иоанном Дженкинсона с грамотою, в которой писала: «Дженкинсон правдиво расскажет вашему пресветлейшеству, что никакие купцы не управляют у нас государством и нашими делами, а мы сами печемся о ведении дел, как прилично

деве и королеве, поставленной богом, и что подданные наши оказывают нам такое повиновение, каким не пользуется ни один государь. Чтоб снискать ваше благоволение, подданные наши вывозили в ваше государство всякого рода предметы, каких мы не позволяем вывозить ни к каким другим государям на всем земном шаре. Можем вас уверить, что многие государи писали к нам, прося прекратить с вами дружбу, но никакие письма не могли нас побудить к исполнению их просьбы». Иоанн смягчился, возвратил английским купцам прежние льготы, хотя и не все, но не переставал упрекать Елисавету, что она не хочет заключить с ним союза; выражал неудовольствие и на то, что королева, обещая ему принять его в Англии, не выговаривала для себя такого же приема в России: здесь царь видел гордость Елисаветы и собственное уничижение. «А похочешь нашей к себе любви и дружбы большей, – писал ей царь, – и ты б о том себе помыслила и учинила, которым делом тебе к нам любовь своя умножити. А чтоб еси велела к нам своим людем привозити доспеху и ратного оружья, и меди, и олова, и свинцу, и серы горячей на продажу».

Елисавета исполняла последнее желание, присылала и людей, нужных царю. Приславши к нему медика Роберта Якоби, аптекарей и цирюльников, Елисавета в письме своем старалась показать, какое важное пожертвование сделала она этим для царя, писала, что Якоби нужен был ей самой, аптекарей же и цирюльников послала неволею, сама себя ими оскудила. У этого Якоби Иоанн спросил, нет ли в Англии ему невесты, вдовы или девицы. Якоби отвечал, что есть, именно Мария Гастингс, дочь графа Гонтингдона, племянница королеве по матери. Любопытно, что расспросить доктора о девке, как тогда выражались, Иоанн поручил Богдану Бельскому и Афанасию Нагому, брату своей жены. В августе 1582 года отправился в Англию дворянин Федор Писемский с наказом договориться о союзе России с Англиею против Польши и начать дело о сватовстве; он должен был сказать Елисавете от имени Иоанна: «Ты бы, сестра наша любительная, Елисавета королевна, ту свою племянницу нашему послу Федору показать велела и парсону б ее (портрет) к нам прислала на доске и на бумаге для того: будет она пригодится к нашему государскому чину, то мы с тобою, королевною, то дело станем делать, как будет пригоже». Писемский должен был взять портрет и меру роста, рассмотреть хорошенько, дородна ли невеста, бела или смугла, узнать, каких она лет, как приходится королеве в родстве, кто ее отец, есть ли у нее братья и сестры. Если скажут, что Иоанн женат, то отвечать: «Государь наш по многим государствам посылал, чтоб по себе приискать невесту, да не случилось, и государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь не по себе; и если королевнина племянница дородна и такого великого дела достойна, то государь наш, свою отставя, сговорит за королевнину племянницу». Писемский должен был объявить, что Мария должна принять греческую веру, равно как те бояре и боярыни, которые приедут с нею и захотят у государя жить на дворе, а которые не захотят креститься, тем на дворе жить нельзя; им вольно жить у государя в его жалованьи: только некрещеным жить у государя и у государыни на дворе ни в каких чинах непригоже. Посол должен был объявить также, что наследником государства будет царевич Феодор, а детям, которые родятся от Марии, даны будут уделы, иначе делу статья нельзя.

4 ноября Писемский представился королеве в Виндзоре; когда он отговорил свои речи, то Елисавета с веселою улыбкою отвечала: «Я брата своего и вашего

государя братской любви и приязни рада и желаю, чтоб велел бог мне брата своего, вашего государя, в очи видеть». Посол сказал: «У нашего государя со многими царями и королями ссылка, а ни с одним такой любви нет, как с тобою, ты у него сестра любительная, и любит он тебя не словом, а всею душою, вправду». Елисавета: «Я брату своему на его любви челом бью, рада быть с ним в братской любви и докончании и на всех недругов стоять заодно. Земля ваша Русская и государство Московское по-старому ли, и нет ли в вашем государстве между людьми какого волнения (шатости)?» Посол: «Земля наша и государство Московское, дал бог, по-старому, а люди у государя нашего в его твердой руке; в которых людях была шатость, и те, вины своя узнав, били государю челом, просили милости; государь им свою милость показал, и теперь все люди государю служат прямо, а государь их жалует». Потом королева спросила у посла, как ему показалась Английская земля. Писемский отвечал: «Земля Английская очень людна и угожа и всем изобильна».

После первого приема прошло много времени; посол начал скучать. Когда вельможи от имени королевы предложили ему ехать охотиться на заповедные острова, бить оленей, то он отвечал: «На королевине жалованье много челом бью, а гулять ездить теперь не годится, потому присланы мы от своего государя к королевне по их великим делам; мы у королевны на посольстве были, а государеву делу до сих пор и почину нет; да нынче же у нас пост, мяса мы не едим, и нам оленина к чему пригодится?» Англичане отвечали: «Мы мясо едим, а если не поедете с нами на охоту, то королевне будет на вас досадно». Посол поехал на острова. В половине декабря в селе Гриниче Писемский имел первое совещание с английскими министрами, объявил, что король польский, союзник папы и цесаря, враждует с царем, что Иоанн хочет заключить с Елисаветою тесный союз, дабы иметь одних друзей и врагов, помогать друг другу людьми, а где нельзя людьми, то казною, чтоб королева велела пропускать к государю снаряд огнестрельный, доспехи, серу, нефть, медь, олово, свинец, велела пропускать мастеров всяких, ратных и рукодельных людей, а государь за это всякие товары велит пропускать в Англию без вывета. Английские министры соглашались на союз, однако с условием, что прежде объявления войны врагу царскому королева будет стараться помирить его с Иоанном; за это посредничество они требовали исключительной торговли. Писемский отвечал: «Пусть советники королевнины сами рассудят: можно ли Английской земле пробить с одним русским торгом, а с другими землями не торговать и к себе других купцов не пускать ни с какими товарами? Но если Английской земле с одним русским торгом быть нельзя, то и русским людям об одном английском торгу пробить нельзя же». Положили для окончательных переговоров отправить с Писемским в Москву посла от королевы. За обедом после переговоров министры сказали Писемскому: «Папа хвалится, что помирил царя с Баторием». Посол отвечал: «Воля папе, что хочет, то говорит заочно; а если бы он государя нашего с королем помирил, то государь бы наш литовского короля себе недругом не называл».

После переговоров с министрами Писемский повел дело с королевою о сватовстве. Елисавета отвечала ему: «Любя брата своего, вашего государя, я рада быть с ним в свойстве; но я слышала, что государь ваш любит красивых девиц, а моя племянница некрасива, и государь ваш навряд ее полюбит. Я государю вашему челом бью, что, любя меня, хочет быть со мною в свойстве, но мне стыдно

списать портрет с племянницы и послать его к царю, потому что она некрасива, да и больна, лежала в оспе, лицо у нее теперь красное, ямоватое; как она теперь есть, нельзя с нее списывать портрета, хотя давай мне богатства всего света». Писемский согласился ждать несколько месяцев, пока Мария совершенно оправится. Между тем в Англии узнали, что у царя от Марии Нагой родился сын (Димитрий); Писемский послал сказать министрам, чтоб королевна таким ссорным речам не верила: лихие люди ссорят, не хотят видеть доброго дела между нею и государем. Наконец в мае месяце 1583 года Писемскому показали невесту в саду, для того чтоб посол мог ее хорошенько разглядеть на открытом месте. Мария Гастингс, доносил Писемский царю, ростом высока, тонка, лицом бела; глаза у нея серые, волосы русые, нос прямой, пальцы на руках тонкие и длинные. Увидавши Писемского после смотра, Елисавета опять сказала ему: «Думаю, что государь ваш племянницы моей не полюбит, да и тебе, я думаю, она не понравилась?» Посол отвечал: «Мне показалось, что племянница твоя красива; а ведь дело это становится судом Божиим».

Окончив дела, Писемский отправился в Россию с грамотами от Елисаветы к царю; королева изъявляла желание лично повидаться с Иоанном, писала: «Наша воля и хотенье, чтоб все наши царства и области всегда были для тебя отворены; ты приедешь к своему истинному приятелю и любимой сестре». Вместе с Писемским отправился в Москву английский посол Боус. Последний принял на себя очень трудное и неприятное поручение: он должен был домогаться, чтоб английские купцы получили право исключительной и беспошлинной торговли в России, и в то же время должен был отклонить союз Елисаветы с Иоанном против врагов его, ибо союз этот не приносил никакой пользы, не имел смысла для Англии, и потом отклонить брак царя на Марии Гастингс, потому что, несмотря на все желание пожилой девушки пристроиться, невеста была напугана известиями о характере жениха. Отсюда понятна неловкость Боуса и раздражительность, происходившая от затруднительности его положения.

В переговорах с боярами Боус объявил, что королева его не прежде может начать войну с врагом царским, как попытавшись помирить его с царем. Бояре отвечали на это: «Это условие как написать в договор? Если обсылаться с недругом, то недруг в это время изготовится: и как его извоевать, если он готов будет?» Боус возражал: «У нас так не ведется, что не обославшись с недругом, да идти на него ратью». Потом Боус начал требовать исключительной торговли для англичан; бояре отвечали: «Что это за любовь к государю нашему от королевны Елисаветы, что всех государей хочет отогнать от нашей земли и ни одного гостя не хочет пропустить к государю нашему в его землю? От этого будет прибыль только одной королевне, а государю нашему убыток будет». Боус говорил: «Дорогу к Белому морю нашли гости нашей государыни, так они одни пусть и ходят этою дорогою». Бояре донесли о переговорах Иоанну, и тот велел писать в грамоту: Елисавета должна послать к Баторию с требованием, чтоб он помирился с царем, возвратил ему Полоцк и Ливонию, а не отдаст, то пусть Елисавета рать свою на него пошлет. Боус, услышавши об этом условии, сказал: «Это дело новое, мне с ним к королевне ехать нельзя, меня королевна дураком назовет». Царь соглашался, чтоб одни англичане входили в пристани Корельскую, Воргузскую, Мезенскую, Печенгскую и Шумскую, но Пудожерская останется для испанского гостя, Ивана Белоборода, а Кольская – для французских гостей. Посол говорил, что по прежней

льготной грамоте одни англичане входили во все северные гавани; ему отвечали, что прежде у Московского государства было морское пристанище – Нарва; но шведы стали этому пристанищу помешку делать и вместе с шведскими пленными при этом пойманы и английские наемные люди, за что первая и вторая льготные грамоты англичанам уничтожены, а дана третья – полегче; бояре говорили: «Вот теперь к государю нашему прислал французский король к морскому пристанищу к Коле, просит любви и братства; мы слышали, что Елисавета королевна с французским королем в дружбе и с Нидерландами тоже: так как нам их не пускать – сам рассуди?» Боус на все отвечал одно: «Мне ничего другого говорить нельзя, чего мне от королевны не наказано: пусть государь посылает к королевне своих послов». Бояре продолжали: «К Пудожерскому устью пожаловал государь, велел приходить Испанской земли гостю из Антропа-города (Антверпена) Ивану Белобороду: Иван Белобород и ходит, и к его царскому величеству всякие узорочные многие товары привозит». Боус говорил, что английские купцы государю служат больше других; бояре отвечали на это, что английские гости начали воровать с недругами государевыми – шведским и датским, ссылались грамотами, также посылают в свою землю грамоты укорительные про московских людей и про государство, будто московские люди ничего хорошего не знают и потому, чтоб присылали из Англии товар худой и гнилой: московские люди толку не знают! Сукна англичане вывозят рядовые, которые старых гораздо хуже. Боус отвечал: «Я в сукнах толку не знаю; прежний гость Томас был точно вор; а что вы говорили, что вместе со шведами пойманы были и англичане, то английским воинским людям везде вольно наниматься». Приступили к другим условиям: потерявши прибалтийские области, царь хотел, чтоб иностранные послы ездили к нему чрез Англию, Северный океан и Белое море; Елисавета соглашалась, но требовала, чтоб не проезжали в Россию через Англию папские послы, послы государей католических и тех, которые с нею не в докончании, Иоанн уступал относительно папских послов, но не хотел уступить относительно всех других; бояре говорили: «Вера дружбе не помеха: вот ваша государыня и не одной веры с нашим государем, а государь наш хочет быть с нею в любви и братстве мимо всех государей».

Наконец дело дошло до сватовства; на вопрос Иоанна, согласна ли Елисавета выдать за него племянницу, Боус отвечал: «Племянница королевнина княжна Марья, по грехам, больна; болезнь в ней великая, да думаю, что и от своей веры она не откажется: вера ведь одна – христианская». Иоанн сказал на это: «Вижу что ты приехал не дело делать а отказывать; мы больше с тобою от этом деле и говорить не станем; дело это началось от задора доктора Роберта». Посол испугался неудовольствия Иоаннова, которое могло помешать главному для англичан делу, и потому начал говорить: «Эта племянница королевне всех племянниц дальше в родстве да и некрасива а есть у королевны девиц с десять ближе ее в родстве». Царь спросил: «Кто же это такие?» Боус отвечал: «Мне об этом наказа нет, а без наказа я не могу объявить их имена». «Что же тебе наказано? – говорил царь. – Заключить договор, как хочет Елисавета королевна, нам нельзя». Посла отпустили; он велел сказать чрез Якоби что хочет говорить с царем наедине; Иоанн велел позвать его к себе и спросил, что он хочет сказать. Посол отвечал: «За мною приказа никакого нет; о чем ты, государь спросишь то королевна велела мне слушать да те речи ей сказать». Царь сказал ему на это: «Ты

наши государские обычаи мало знаешь: так говорить может посол только с боярами, бояре с послами и спорят, кому наперед говорить, а ты ведь не с боярами говоришь; нам с тобою не спорить, кому наперед говорить? Вот если бы ваша государыня к нам приехала, то она бы могла так говорить. Ты много говоришь, а к делу ничего не приговоришь. Говоришь одно, что тебе не наказано, а нам вчера объявил доктор Роберт что ты хотел с нами говорить наедине: так говори, что ты хотел сказать!» Боус: «Я доктору этого не говорил; а у которых государей я бывал в послых прежде, – у французского и у других государей, и я с ними говорил о всяких делах наедине». Иоанн: «Что с тобою сестра наша наказала про сватовство, то ты и говори, а нам не образец французское государство; у нас не водится, чтоб нам самим с послами говорить». Боус: «Я слышал, что государыня наша Елисавета королевна мимо всех государей хочет любовь держать к тебе; а я тебе хочу служить и службу свою являть». Иоанн: «Ты скажи именно, кто племянницы у королевы, девицы, и я отправлю своего посла их посмотреть и портреты снять». Боус: «Я тебе в этом службу свою покажу и портреты сам посмотрю, чтоб прямо их написали».

Не добившись ничего сам от посла, Иоанн велел боярам продолжать с ним переговоры; когда бояре спросили его опять, кто именно девицы, родственницы Елисаветы, то посол, которому сильно наскучил этот вопрос, отвечал: «Я про девиц пред государем не говорил ничего»; когда же бояре уличили его в заpiresательстве, то он сказал: «Я говорил о девицах, только со мною об этом приказу нет; государю я служить рад, только еще моей службе время не пришло». И бояре должны были прекратить разговоры о сватовстве; стали говорить о другом, чтоб Елисавета велела пропустить чрез Английскую землю царского гонца, отправляющегося к французскому королю Генриху. Боус отвечал на это: «Половина Французской земли от своего короля отложилась и била челом нашей государыне, которая и дала ей помощь; я гонца государева повезу и думаю, что государыня наша его пропустит». После этого царь позвал опять Боуса и спросил решительно, какой же дан ему наказ. Боус отвечал, что ничего не наказано. Тогда Иоанн сказал ему: «Неученый ты человек! Как к нам пришел, то посольского дела ничего не делал. Нам главные недруги – литовский да шведский, а ты нам решительно не отвечаешь, станет ли королевна с нами вместе на этих недругов. Говоришь одно, что она прежде хочет с ними обсылатся, объявлять им об этом, по ведь это значит им на нас весть подавать! И поэтому по первому нам с королевною быть в дружбе нельзя. Говорил ты о морских пристанищах, чтоб к ним приезжали одни английские гости. Но такую великую тягость как нам на свою землю наложить? Давать дань не было бы так убыточно. Вот и по другому нам с королевною быть в дружбе нельзя, а ведь нам у нее мира не выкупать стать. Говорил ты о сватовстве: одну девицу исхулил, о другой ничего не сказал; но безмянно кто сватается?» Вместо ответа посол начал жаловаться на дьяка Щелкалова, что корм ему дает дурной: вместо кур и баранов дает ветчину, а он к такой пище не привык. Царь велел исследовать дело – дьяка Щелкалова удалили от сношений с послом; кормовщиков посадили в тюрьму. Царь послал также боярина Богдана Бельского объясниться с Боусом, почему он назвал его неученым, смягчить впечатление, которое должно было произвести на посла это слово; Боус в свою очередь оправдывался, что ничем не заслужил гнева царского: говорил он только то, что ему приказано; о девице сказал он так, как она на самом деле; о

других девицах сказал, как ему приказала королева говорить; в условиях договора волен бог да государь; если государь хочет с королевой любви и кровной связи, то пусть отправляет еще послов в Англию. После этого разговора царь опять позвал к себе Боуса и объявил, что не может согласиться на прошение королевы об исключительной торговле, что он даст англичанам известные пристанища, но на Печору и на Обь пускать их не может: это страны дальние, пристанищ морских там нет; водятся там соболи да кречеты, и только такие дорогие товары пойдут в Английскую землю, то нашему государству как без того быть? Боус отвечал: «В том волен бог да ты, государь, а королевне будет это нелюбо; что же говоришь про соболей, то соболи в наше государство нейдут, да и не носит их никто». Иоанн продолжал: «Моя просьба в том, чтоб королева стояла заодно со мною на литовского, шведского и датского; литовский и шведский – мои главные недруги, а с датским можно и помириться: тот мне не самый недруг». Боус отвечал: «Если дашь английским гостям прежнюю грамоту, то королева будет с тобою заодно на литовского и шведского; отправь к ней за этим послов, которые вместе и девиц посмотрят». Иоанн велел спросить у посла: «Если государь все морские пристанища уступит англичанам, то он напишет ли в договорной грамоте, что королевне быть с государем на литовского и шведского заодно?» Боус отказался за неимением наказа, причем сказал: «Государь хочет, чтоб королева была с ним заодно на литовского, чтоб Ливонию взять; но королева набожна: она не взяла ни Нидерландов, ни Франции, которые ей отдавались; Ливония истари ли вотчина государева?» Иоанн оскорбился этим сомнением в справедливости его требований и отвечал, что он сестру свою, Елисавету королеву, не в судьи просит между собою и литовским королем; хочет он того, чтоб она была с ним заодно против тех, которые его вотчину, Ливонскую землю, завоевали.

На этом прекратились переговоры с английским послом; из них мы видим, что Иоанн готов уступить англичанам право исключительной торговли, что, по его собственным словам, было тяжелее дани, лишь бы только приобрести деятельный союз европейского государства против главных своих недругов, отнявших у него Ливонию. Понятно, что он искал союза и с Австрийским домом против Батория, но и в этом искании он не имел никакого успеха. Сын и наследник Максимилиана II, Рудольф II, прислал известить царя о смерти отцовской, изъявляя надежду, что Иоанн не убавит к нему и двору Австрийскому того верного, доброго, прямого, родственного расположения, какое оказывал к Максимилиану; но тут же обращался с просьбою, чтоб царь не велел бедных ливонцев войною обижать. Царь отправил к Рудольфу посланника Квашнина с объявлением, что хочет быть с ним в таком же братстве и любви, как и с отцом его, и стоять на всех недругов заодно. Рудольф отвечал: «Надеемся, что мы с вами будем в любви; а до приезда наших послов вы бы на убогую Ливонскую землю меча и огня не посылали». Когда война с Баторием приняла невыгодный оборот царь весною 1580 года отправил к Рудольфу с гонцом грамоту, в которой писал: «Послы твои, брата нашего дражайшего и любезнейшего, к нам до сих пор, неизвестно почему, не бывали. Ты бы к нам отписал, для чего послы твои позамешкались, и послов своих к нам отправил бы не мешкая и договор бы с нами утвердить велел, чтоб стоять нам на всякого недруга заодно». Гонцу был дан наказ: «Если спросят, как теперь царь с литовским королем, отвечать: как я поехал от своего государя, гонец

литовский был у него и отпущен в Литву, а государя нашего гонец к королю Стефану поехал; дел больших я не знаю, я паробок у государя своего молодой, большие дела между государей как мне знать можно? А если спросят про Полоцк, каким образом король литовский у государя вашего Полоцк взял, то отвечать: были у государя послы литовские и перемирие заключили на три года, и государь наш, на то оплошась, больших прибылых людей в Полоцке не держал; если крестное целование не крепость, то чему верить? Король к Полоцку пришел нечаянно, через крестное целование, да и взял; но кто через правду и крестное целование что сделает, когда крепко бывает?» В августе того же года, когда Баторий подошел к Лукам, царь послал нового гонца к императору и в грамоте писал: «Послы твои, брата нашего дражайшего и любезнейшего, к нам до сих пор, неизвестно, по какому случаю, не бывали. А Стефан Баторий, воевода седмиградский, теперь на Короне Польской и на Великом княжестве Литовском укрепился по присылке султана турецкого и, сложась с ним и с другими мусульманскими государями вместе, кровь христианскую разливает и вперед разливать хочет. А стоят все мусульманские государи и посаженник турецкого султана Стефан Баторий на наше государство и на нас за то, что мы с твоим отцом и с тобою пересылались, желали всем христианским государям прибытка, хотели, чтоб, кроме вас, никто в Польше и Литве государем не был. И ты бы, брат наш, нам против них способствовал и братскую любовь с нами утвердил; а к Стефану королю отписал бы о таком его безмерстве, и о разлитии крови христианской, и о складке с султаном турецким, чтоб Стефан-король таких дел вперед не делал. Писали к нам из Любека бурмистры и ратманы, что ты не велел в наше государство возить на кораблях товары разные: медь, свинец и олово; не желая ли нас с тобою поссорить, распускают такие слухи? Ибо я никак не думаю, чтоб ты такой приказ дал». Рудольф отвечал с первым гонцом: «До сих пор мы все прилежно помышляли, как бы отправить к вам послов для убогих лифляндцев, но люди, которые были для этого посольства назначены, одни померли, а другие больны. А Ливонская земля принадлежит Священной Римской империи; в нынешнем вашем письме о ней ни слова не сказано». Императорские придворные утешали московского гонца тем, что Баторию скоро нечего будет платить своим наемным войскам. С другим гонцом Рудольф отвечал: «Послы не отправлены потому что еще не было совещания с имперскими чинами насчет Ливонии, которая принадлежит империи; царь покажет свою дружбу к имперским чинам, если не будет вступаться в остальные ливонские города; возить в Московское государство медь, свинец и олово он, Рудольф, не запрещал, а запрещен вывоз из империи оружия и всего относящегося к ратному делу еще при императоре Карле V, и потом это запрещение подтверждено при императоре Максимилиане II: и ваша бы любовь себе то поразумели, меня в этом любительно очистили и на меня не сердились». По окончании войны с Баторием царь вместе с Поссевином отправил одного посланника, Якова Молвянинова, и к папе, и к императору; в грамоте к последнему изъявлял готовность приступить к союзу христианских государей против мусульманских, для чего император и все союзники должны отправить послов в Москву; и так как дело идет о союзе всех христианских государей, то император должен отменить запрещение вывозить оружие в Московское государство.

Мы видели, что Иоанн в разговоре с английским послом назвал и датского короля Фридриха своим недругом. В 1578 году последний прислал в Москву Якова Ульфельда решить дело об Эстонии, на часть которой Дания предъявляла свои права. Но царь не хотел признать этих прав, и Ульфельд принужден был заключить пятнадцатилетнее перемирие на следующих условиях: король признал права Иоанна на всю Ливонию и Курляндию, за что царь уступал ему остров Эзель; король обязался не помогать Польше и Швеции в войне их с Московским государством; обязался не задерживать немецких художников, которые поедут в Москву чрез его владения. Фридрих не был доволен этим договором, осердился на Ульфельда и начал обнаруживать вражду свою к Москве тем, что требовал пошлин с английских купцов на пути их к Белому морю, объявлял свои притязания на некоторые пограничные с Норвегиею места.

Мы видели также, как московские силы в войне с Баторием развлекались постоянным опасением крымских нашествий. Тщетно посол московский оказывал учтивости хану, бил ему челом, обещал ежегодные подарки – хан без Астрахани не хотел давать шерти; и если не было слышно о крымцах во все продолжение войны с Баторием, то этим Москва обязана была войне турок с персами, в которой и хан должен был участвовать. Истомленный этою войною, хан мог вредить Москве, только поджигая волнения между черемисами. «Тридцать один год прошел от покорения Казани, – говорит летописец, – и окаянные бусурманы не захотели жить под государевою рукою, воздвигли рать, пленили много городов. Царь, видя их суровость, послал в Казань бояр и воевод с приказом пленить их. Но поганые, как звери дикие, сопротивлялись рати московской, побивали московских людей то на станах, то на походах бояре и воеводы не могли их усмирить».

Глава седьмая

Строгановы и Ермак

Первые сношения с Сибирью. – Непрочность ее зависимости от Москвы. – Первые известия о Строгановых. – Григорий Строганов получает земли по Каме и строит городки. – Строгановы получают право заводить селения и за Уральскими горами. – Усиление козачества на Дону. – Враждебные столкновения его с государством. – Козацкий атаман Ермак у Строгановых и отправляется ими за Уральские горы. – Гнев царский на Строгановых за это. – Успешные действия Ермака в Сибири. – Он извещает об них Иоанна. – Отправление царских воевод для принятия сибирских городов у козаков. – Преждевременная дряхлость Иоанна; причины ее. – Браки царские. – Убийство сына. – Болезнь и смерть Иоанна. – Объяснение его характера и деятельности.

В то время как на Средней Волге и Нижней Каме дикие народцы делали последние отчаянные усилия, чтоб высвободиться из-под русского подданства, в то время как на Западе Польша и Швеция благодаря личным достоинствам Батория успели соединенными силами оттолкнуть Московское государство от

моря, успели отнять у него возможность ближайшего, непосредственного сообщения с Западною Европою, возможность пользоваться плодами ее образованности, необходимыми для скорейшего и окончательного торжества над Азиею, – в то время движение русского народонаселения на северо-восток не только не прекращалось, но усиливалось все более и более, и русский человек перешел наконец через Уральские горы.

Мы видели, как после завоевания Казани князья ногайские сами предложили московскому царю овладеть Астраханью, как потом мелкие владельцы прикавказские стали обращаться в Москву с просьбою о помощи друг против друга, просились в подданство, чтоб иметь сильного покровителя и надежную помощь. Точно так же поступил и владелец Сибири, татарского юрта, лежавшего в середине нынешней Тобольской губернии, юрта очень незначительного самого по себе, но значительного в той пустынной стране, где на громадных пространствах редко разбросаны были малочисленные роды разноплеменных и разнообразных жителей. В январе 1555 года пришли говорит летопись послы к царю от сибирского князя Едигера и от всей земли Сибирской, поздравили государя с царством Казанским и Астраханским и били челом, чтоб государь князя их и всю землю Сибирскую взял в свое имя и от всех неприятелей заступил, дань свою на них положил и человека своего прислал, кому дань собирать. Государь пожаловал, взял князя сибирского и всю землю в свою волю и под свою руку и дань на них положить велел; послы обязались за князя и за всю землю, что будут давать с каждого черного человека по соболю и по белке сибирской, а черных людей у себя сказали 30700 человек. Царь отправил в Сибирь посла и дорогу (сборщика дани) Дмитрия Курова, который возвратился в Москву в конце 1556 года вместе с сибирским послом Бояндою. Дани Едигер прислал только 700 соболей, об остальной же посол объявил, что воевал их шибанский царевич и взял в плен много людей, отчего и мехов собрать не с кого. Но Куров говорил, что дань было можно собрать сполна, да не захотели, вследствие чего царь положил опалу на Боянду, велел взять у него все имение, самого посадить под стражу, а в Сибирь отправил служивых татар с грамотою, чтоб во всем исправились. В сентябре 1557 года посланные татары возвратились с новыми послами сибирскими, которые привезли 1000 соболей да дорожской пошлыны 106 соболей за белку; привезли и грамоту шертную с княжею печатью, в которой Едигер обязывался быть у царя в холопстве и платить каждый год всю дань беспереводно. Но такая зависимость Сибирского юрта от Москвы была непрочна: Едигер поддался с целью иметь помощь от русского царя против своих недругов или по крайней мере сдерживать их страхом пред могущественным покровителем своим; но помощь трудно было получить ему по самому отдалению его владений от областей московских, и та же отдаленность отнимала страх у врагов его, которые надеялись безнаказанно овладеть Сибирским юртом и потом в случае нужды умоливать московского царя обязательством платить ему такую же дань, какую платил прежний князь. В Сибири понимали хорошо свое положение, характер отношений своих к Москве; так, сибирский князь говорил одному из русских людей: «Теперь собираю дань, к господарю вашему послов отправлю; теперь у меня война с козацким царем (киргиз-кайсацким); одолеет меня царь козацкий, сядет на Сибири, но и он господарю дань станет же давать». Действительно, мы видим в Сибири перемены: князья изгоняют, губят друг друга; Москва, не принимая никакого участия в этих

переменах, требует одного – дани; князья то соглашались платить ее, то отказывались, надеясь на безнаказанность вследствие той же отдаленности; так, последний князь или царь, утвердившийся в Сибири, Кучум, обязался было платить дань Иоанну, а потом убил московского посла. Прочное подданство Зауралья Москве могло утвердиться только вследствие известного движения русского народонаселения на северо-восток, когда русские промышленные люди приблизили свои селища к Каменному Поясу и потом задумали перейти и через него.

В истории этого движения на северо-восток, в истории колонизации Северо-Восточной Европы с важным значением является род Строгановых. Мы видели, как ошибочно было так долго господствовавшее у нас мнение, что вся обширная область, известная под именем Двинской земли, принадлежала Новгороду Великому; мы видели, что здесь с новгородскими владениями были перемешаны владения ростовских, а потом московских князей. От второй половины XV века, когда Иоанн III получил возможность разделить с новгородцами в Двинской земле, отобрать от них земли, принадлежавшие прежде ему и ростовским князьям, дошла до нас выпись из судебных списков о двинских землях, где обозначены отобранные у новгородцев земли, как принадлежавшие ростовским князьям, так и великому князю московскому. При исчислении этих земель говорится, что их искали такие-то люди на таких-то новгородцах, несправедливо эти земли захвативших; при исчислении земель, долженствующих принадлежать московскому великому князю, говорится, что искал их на новгородцах Лука Строганов; также при исчислении некоторых земель, принадлежавших князю Константину Владимировичу ростовскому, истцом обозначен тот же Лука Строганов. Искал ли Лука Строганов этих земель потому, что они находились у него в оброчном содержании, или потому, что был уполномочен искать их от князей московского и ростовского как известный, богатый, искусный в делах и знающий старину уроженец тех стран, – из приведенного акта решить нельзя; мы видим, что земли ростовских князей кроме Строганова отыскиваются разными лицами, между прочим Федором Василисовым, старостою васильским и пеженским; искал этот Федор на троих новгородцах, которые отвечали вместо владыки Ионы; следовательно, и Строганов с товарищами мог искать вместо князей московского и ростовских. На богатство Строгановых при Василии Темном есть любопытное указание в грамоте царя Василия Иоанновича Шуйского, который, уговаривая в 1610 году Строгановых ссудить его значительною суммою денег, пишет к ним: «Припомните, когда вы в прежние времена выкупили из плена великого князя Василия Васильевича, какой великой чести сподобились». Мы видели, как охотно князья уступали обширные земельные участки людям, бравшимся населить их, какие льготы давали этим населителям: освобождение на несколько лет от всех податей, издержек на проезжих чиновников, право суда над поселенными людьми, кроме душегубства и суда смесного, и т.п. Строгановы по своим обширным средствам являются главными населителями пустынных земель на северо-востоке: при великом князе Василии Иоанновиче внуки упомянутого Луки Строганова получили право населить пустынный участок в Устюжском уезде, в Вондокурской волости. В царствование Иоанна IV Строгановы обратили свою промышленную деятельность далее на восток, в область Камы; в 1558 году

Григорий Аникиев Строганов бил царю челом и сказывал: в осьмидесяти осьми верстах ниже Великой Перми, по реке Каме, по обе ее стороны, до реки Чусовой, лежат места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые, и всего пустого места здесь сто сорок шесть верст; до сих пор на этом месте пашни не паханы, дворы не ставили и в царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому, в писцовых книгах, в купчих и правожных не написаны ни у кого. Григорий Строганов бил челом, что хочет на этом месте городок поставить, город пушками и пищальями снабдить, пушкарей, пищальников и воротников прибрать для береженья от ногайских людей и от иных орд; по речкам до самых вершин и по озерам лес рубить, расчистя место, пашню пахать, дворы ставить, людей называть неписьменных и нетяглых, рассолу искать, а где найдется рассол, варницы ставить и соль варить. Царские казначеи расспрашивали про эти места пермича Кодаула, который приезжал из Перми с данью, и Кодаул сказал, что эти места искони вечно лежат впусе и доходу с них нет никакого и у пермичей там нет угодий никаких. Тогда царь Григория Строганова пожаловал, отдал ему эти земли, с тем чтоб он из других городов людей тяглых и письменных к себе не называл и не принимал, также чтоб не принимал воров, людей боярских, беглых с имением, татей и разбойников; если приедут к нему из других городов люди тяглые с именами и детьми, а наместники, волостели или выборные головы станут требовать их назад, то Григорий обязан высылать их на прежние места жительства. Купцы, которые приедут в городок, построенный Строгановым, торгуют в нем беспошлинно; варницы ставить, соль варить, по рекам и озерам рыбу ловить Строганову безоборочно; а где найдет руду серебряную, или медную, или оловянную, то дает знать об этом царским казначеям, а самому ему тех руд не разрабатывать без царского ведома. Льготы Строганову дано на двадцать лет: какие неписьменные и нетяглые люди придут к нему жить в город и на посад и около города на пашни, на деревни и на починки, с тех в продолжение двадцати лет не надобно никакой дани, ни ямских и селитряных денег, ни посошной службы, ни городского дела, ни другой какой-либо подати, ни оброка с соли и рыбных ловель в тех местах. Которые люди поедут мимо того городка из Московского ли государства, или из иных земель, с товарами или без товару, с тех пошлины не брать никакой, торгуют ли они тут или не торгуют; но если сам Строганов повезет или пошлет соль или рыбу по другим городам, то ему с соли и с рыбы всякую пошлину давать, как с других торговых людей пошлины берутся. Поселившихся у Строганова людей пермские наместники и тиуны их не судят ни в чем, праветчики и доводчики в его городок и деревни не въезжают ни за чем, на поруки его людей не дают и не присылают к ним ни за чем: ведает и судит своих слобожан сам Григорий Строганов во всем. Если же людям из других городов будет дело до Строганова, то они в Москве берут управные грамоты, и по этим грамотам истцы и ответчики без приставов становятся в Москве перед царскими казначеями на Благовещеньев день. Когда урочные двадцать лет отойдут, Григорий Строганов обязан будет возить все подати в царскую казну в Москву на Благовещеньев день. Если царские послы поедут из Москвы в Сибирь и обратно или из Казани в Пермь и обратно мимо нового городка, то Строганову и его слобожанам подвод, проводников и корму посланникам в продолжение двадцати льготных лет не давать; хлеб, соль и всякий запас торговые люди в городе держат и послам, гонцам, проезжим и дорожным

людям продают по цене, как между собою покупают и продают; также проезжие люди нанимают полюбовно подводы, суда, гребцов и кормщиков. До урочных двадцати лет Строганов с пермичами никакого тягла не тянет в счету с ними не держит ни в чем. Если же окажется, что Григорий Строганов бил царю челом ложно, или станет он не по этой грамоте ходить, или станет противозаконно поступать (воровать), то эта грамота не в грамоту.

Таким образом, грамота, которою давалось право на заселение пустынных прикамских пространств, будучи сходна вообще с грамотами, которые давались населителям пустынных пространств во всех частях государства, должна была и различаться от них: Прикамская сторона была крайна, на которую нападали дикие зауральские и приуральские народцы; правительство не могло защищать от них насельника, он должен был защищаться сам, своими средствами, должен был строить городки или острожки, снабжать их нарядом (артиллерию), содержать ратных людей. Понятно, что к этому могли быть способны только насельники, обладавшие обширными средствами: отсюда уясняется важное значение Строгановых, которые одни, по своим средствам, могли заселить Прикамскую страну, приблизить русские селища к Уралу и чрез это дать возможность распространить их и за Урал. Понятно также, что Строгановы могли совершить этот подвиг на пользу России и гражданственности не вследствие только своих обширных материальных средств; нужна была необыкновенная смелость, энергия, ловкость, чтоб завести поселения в пустынной стране, подверженной нападениям дикарей, пахать пашни и рассол искать с ружьем в руке, сделать вызов дикарю, раздражить его, положивши пред его глазами основы гражданственности мирными промыслами. Для наряда для пушек и пищалей в своем новом городке Строганов нуждался в селитре; царь по его челобитной позволил ему на Вычегодском посаде и в Усольском уезде сварить селитры, но не больше тридцати пудов, причем писал старостам тех мест: «Берегите накрепко, чтоб при этой селитряной варке от Григорья Строганова крестьянам обид не было ни под каким видом, чтоб на дворах из-под изб и хором он у вас сору и земли не копал и хором не портил; да берегите накрепко, чтоб он селитры не продавал никому». Строганов построил городок, назвал его Канкором, но через пять лет одного городка оказалось мало; в 1564 году Строганов бил челом, чтоб царь позволил ему поставить другой городок, в двадцати верстах от Канкора: нашли тут рассол, варницы ставят и соль варить хотят, но без городка люди жить не смеют, и слух дошел от пленников и от вогуличей, что хвалятся сибирский салтан и шибаны идти на Пермь войною, а прежде они Соликамск дважды брали. Царь исполнил и эту просьбу, и явился новый городок – Кергедан с стенами в тридцать сажен, а с приступной стороны, для низкого места, закладен он был вместо глины камнем. В 1566 году брат Григория, Яков, от имени отца своего, Аникия Федорова, бил челом, чтоб государь пожаловал, взял их городки Канкор и Кергедан и все их промыслы в опричину, – и эта просьба была исполнена. В 1568 году тот же Яков бил челом, чтоб додано было ему земли еще на двадцать верст к прежнему пожалованию, причем также обязывался построить крепости на свой счет с городовым нарядом скорострельным, – земля была ему дана с такими же условиями, как и прежде, но поселенцы освобождались от податей только на 10 лет.

До 1572 года в прикамских областях все было тихо, но в этом году пермский воевода донес царю, что сорок человек возмущившихся черемис вместе с остяками, башкирами и буинцами приходили войною на Каму, побили здесь пермичей, торговых людей и ваташиков 87 человек. Иоанн по этим вестям послал Строгановым грамоту, в которой писал: «Вы бы жили с великим береженьем, выбрали у себя голову доброго да с ним охочих козаков, сколько приберется, с всяким оружием, ручницами и саадаками; велели бы прибрать также остяков и вогуличей, которые нам прямят, а женам и детям их велели бы жить в остроге. Этих голов с охочими людьми, стрельцами, козаками, остяками и вогуличами посылайте войною ходить и воевать наших изменников – черемису, остяков, вотяков, ногаев, которые нам изменили. А которые будут черемисы или остяки добрые, захотят к своим товарищам приказывать, чтоб они от воров отстали и нам прямили, таких вы не убивайте и берегите их, и мы их пожалуем; а которые прежде воровали, а теперь захотят нам прямить и правду свою покажут, таким велите говорить наше жалованное слово, что мы их не накажем и во всем облегчим, пусть только собираются и вместе с охочими людьми ходят воевать наших изменников, и которых повоюют, тех имение, жен и детей пусть берут себе, и вы бы у них этого имения и пленников отнимать никому не велели». Строгановы исполнили приказ: выбранный ими голова с охочими людьми ходил на государевых изменников – одних побил, других привел к шерти, что будут вперед прямить государю.

Утвердившись по ею сторону Урала, Строгановы, естественно, должны были обратить внимание и на земли зауральские, обещавшие им еще более выгод, чем страны прикамские. Случай к испрошению себе права на отыскание новых земель за Уралом скоро представился Строгановым. Новый сибирский салтан Кучум действовал враждебно против Московского государства: бил, брал в плен остяков, плативших дань в Москву; в июле 1573 года сибирский царевич Маметкул приходил с войском на реку Чусовую проведовать дороги, как бы ему пройти к Строгановским городкам и в Пермь Великую, причем побил много остяков, московских данщиков, жен и детей их в плен повел, государева посланника, шедшего в Киргиз-Кайсацкую орду, убил. Не доходя пяти верст до Строгановских городков, Маметкул возвратился назад, испуганный рассказами пленников, что в городках этих собралось много ратных людей. Строгановы, уведомивши царя о нападениях сибирского салтана и царевича, били челом, что они своих наемных козаков за сибирскою ратью без царского ведома послать не смеют, между тем как зауральские остяки просят, чтоб государь оборонял их от сибирского салтана, а они будут платить дань в Москву; для этого бы государь пожаловал их, Якова и Григорья Строгановых, позволил между тахчелями, на реке Тоболе и по рекам, которые в Тобол впадают, до вершин их, на усторожливом месте крепости делать, сторожей нанимать и огненный наряд держать на свой счет, железо вырабатывать, пашни пахать и угодыями владеть. Предложение перенести русские владения за Урал, приобрести там новых данщиков и оборонять их без всяких издержек и хлопот со стороны правительства не могло не понравиться Иоанну; он дал Строгановым право укрепляться и за Уралом на тех же условиях, на каких они завели селения по Каме и Чусовой, с обязанностию надзирать и за другими промышленниками, которые вздумают поселиться по Тоболу и другим рекам сибирским. «Где Строгановы найдут руду железную, – говорит царская грамота, –

то ее разрабатывают; медную руду, оловянную, свинцовую, серную также разрабатывают на испытание. А кто другой захочет то же дело делать, позволять ему да и пооброчить его промысел, чтоб нашей казне была прибыль; если кто-нибудь за этот промысел возьмется, отписать к нам, как дело станет делаться, во что какой руды в деле пуд будет становиться и сколько на кого положить оброку – все это нам отписать, и мы об этом указ свой учиним. Льготы на землю тахчеев и на Тобол-реку с другими реками и озерами до вершин, на пашни, дали мы на 20 лет: в эти годы пришлые люди не платят никакой дани. Которые остяки, вогуличи и югричи от сибирского салтана отстанут, а начнут нам дань давать, тех людей с данью посылать к нашей казне самих. Остяков, вогуличей и югричей с женами их и детьми от прихода ратных людей-сибирцев беречь Якову и Григорью у своих крепостей, а на сибирского салтана Якову и Григорью собирать охочих людей – остяков, вогуличей, югричей, самоедов и посылать их воевать вместе с наемными козаками и с нарядом, брать сибирцев в плен и в дань за нас приводить. Станут к Якову и Григорью в те новые места приходиться торговые люди бухарцы и киргизы и из других земель с лошадьми и со всякими товарами, в Москву которые не ходят, то торговать им у них всякими товарами вольно, беспошлинно. Также пожаловали мы Якова и Григорья: на Иртыше, и на Оби, и на других реках, где пригодится, для обереганья и охочим людям для отдыха строить крепости, держать сторожей с огненным нарядом, ловить рыбу и зверя безоброчно до исхода урочных двадцати лет». Таким образом, Строгановы получили право завести промыслы и за Уралом вместе с необходимым правом или обязанностью не только построить острожки для оберегания этих промыслов, не только вести оборонительную войну, но также и наступательную – посылать войско на сибирского салтана, брать сибирцев в плен и в дань приводить за царя; эта наступательная война была необходима: за Уралом, прежде чем взять землю в свое владение, завести на пей промыслы, надобно было ее очистить от сибирского салтана, который считал ее своею собственностью. Строгановы обязывались вести эту войну на свой счет, должны были иметь свое войско; из кого же могли они составить его? На охочих инородцев – остяков, вогуличей, югричей, самоедов – была плохая надежда; мирные промышленники нуждались в передовых людях колонизации, которые вовсе не имеют мирного промышленного характера, нуждались в отыскивателях путей, новых земель, нуждались в козаках.

Мы видели уже, как вследствие географического положения древней России, открытости границ со всех сторон, соприкосновенности их с степями и пустынными пространствами, как вследствие одного из господствующих явлений древней русской жизни – колонизации – общество должно было постоянно выделять из себя толпы людей, искавших приволья в степи, составлявших передовые дружины колонизации, по имени зависевших от государства, на деле мало обращавших внимания на его интересы и по первоначальному характеру своему, и по одичалости в степях, и по безнаказанности, которая условливалась отдаленностью от государства и слабостью последнего. Мы видели, что уже при Василии Иоанновиче рязанские козаки хорошо знали места по Дону; при сыне Василия они здесь утверждаются, принимают от места название донских и становятся страшны ногаям, крымцам, азовцам. На жалобы одного ногайского мурзы, что русские козаки грабят его людей, московское правительство отвечало: «Вам гораздо ведомо: лихих людей где нет? На поле ходят козаки многие,

казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни козаки; и из наших украин, с ними же смешавшись, ходят; и те люди как вам тати, так и нам тати и разбойники; на лихо никто их не учит; а учинив какое-нибудь лихо, они разъезжаются по своим землям». Не из одних, впрочем, жителей Рязанской области составлялись толпы донских казаков: на Дон шли и севруки – жители Северной Украины, подобно рязанцам, издавна славившиеся своею отвагою. Ногайский князь Юсуф писал в Москву в 1549 году: «Наши люди ходили в Москву с торгом, и, как шли назад, ваши козаки и севруки, которые на Дону стоят, их побили». Видим, что козаки городовые, находившиеся под ближайшим надзором государства, сделавши что-нибудь противное его интересам, уходили на Дон; так, путивльские козаки, замешанные в деле о грабеже крымского гонца, Левон Бут с товарищами, сказывали: было их на поле шесть человек и весновали на Донце, потом пошли было в Путивль, но на Муравском шляху встретились с ними черкасские (малороссийские) козаки, 90 человек, взяли их с собою и крымского гонца пограбили; после грабежа Левон Бут сам-четверт пришел в Путивль, а двое товарищей его отстали, пошли на Дон. Русский гонец доносил: «Шли мы Волгою из Казани в Астрахань, и, как поравнялись с Иргызским устьем, пришел на нас в стругах князь Василий Мещерский да козак Личюга Хромой, путивлец, и взяли у нас судно царя Ямгурчя; я у них просил его назад, но они мне его не отдали и меня позорили». На жалобы Юсуфа ногайского царь отвечал опять: «Эти разбойники живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы и прежде посылали не один раз, чтоб их переловить, по люди паши добыть их не могут. Мы и теперь посылаем добывать этих разбойников, и, которых добудем, тех казним. А вы бы от себя велели их добывать и, переловивши, к нам присылали. А гости ваши дорогою береглись бы сами, потому что сам знаешь хорошо: на поле всегда всяких людей много из разных государств. И этих людей кому можно знать? Кто ограбит, тот имени своего не скажет. А нам гостей наших на поле беречь нельзя, бережем и жалуем их в своих государствах». Но Юсуф не переставал жаловаться. «Холопы твои, – писал он царю, – какой-то Сары-Азман слывет, с товарищами, на Дону в трех и четырех местах города поделали да наших послов и людей стерегут и разбивают. Какая же это твоя дружба! Захочешь с нами дружбы и братства, то ты этих своих холопей оттуда сведи». Мы видели, как султан жаловался на донских казаков, приписывал им такие подвиги, о которых из других источников мы не знаем, например что они Перекоп воевали, Астрахань взяли. Вражда была постоянная между азовскими турецкими козаками и донскими русскими: московский посол Нагой писал к государю, что ему нельзя послать вести в Москву, «потому что азовские козаки с твоими государевыми козаками не в миру». Козаки были нужны московскому правительству в этих пустынных странах не для одного противодействия хищным азиатцам: отпуская в Константинополь посла Новосильцева через Рыльск и Азов, государь велел послать проводить его до донских зимовищ донского атамана Мишку Черкашенина (прозвище это показывает, что Мишка был малороссийский козак), а с ним его прибору атаманов и казаков 50 человек. Новосильцев должен был донским атаманам и козакам говорить государевым словом, чтоб они государю послужили, его, посла, в государевых делах слушали. На Донец Северский атаманам и козакам, всем без отмены, послана была царская грамота, чтоб они Новосильцева слушались во всех государевых делах, ходили бы, куда станет посылать. «Тем бы вы нам

послужили, – писал царь, – а мы вас за вашу службу жаловать хотим». Как важна была помощь козаков в степи русским послам и к какой жизни должны были привыкнуть здесь козаки, всего лучше видно из донесений послов о их многотрудном пути. Новосильцев, например, писал из Рыльска от 10 марта: «Снега на поле очень велики и осеренило их с великого мясоеда, отчего с лошадьми идти вперед нельзя, серень не поднимает: мы думаем взять салазки, а сами пойдем на ртах к Северскому Донцу. Мишкина прибора козак помещный Сила Нозрунов на твою государеву службу не пошел, воротился из Рыльска к себе в вотчину Рыльскую». Потом Новосильцев писал: «Шли мы до Донца на ртах пешком, а твою государеву казну и свой запасишка везли на салазках сами. Как пришли мы на Донец первого апреля, я велел делать суда, на которых нам идти водяным путем к Азову, и за этими судами жили мы на Донце неделю; а у Мишки Черкашенина, у атаманов и козаков не у всех были суда готовые старые на Донце, и они делали себе каюки». О возвратном пути своем из Азова Новосильцев доносил: «Как мы пошли из Азова, пришла ко мне весть, что за нами пошли из Азова полем козацьи атаманы, Сенка Ложник с товарищами, 80 человек, да с ними же прибираются Казыевы татары да два атамана крымских, а с ними человек с 300, и хотят нас на Дону или на Украине громить с обеих сторон; а со мною донских атаманов и козаков идет для береженья немного: иные атаманы и козаки со мною не пошли и твоей грамоты не послушали». Любопытно, что азовский козачий атаман называется Сенка Ложник, а русский донской атаман называется Сары-Азман. Как упомянутый Мишка Черкашенин отомстил за своего сына, взятого в плен крымцами и казненного, видно из следующего донесения из Крыма в Москву: «Прислал турецкий царь чауша к крымскому царю и писал к нему: зачем ты казнил сына Мишки Черкашенина? Теперь у меня донские козаки за сына Мишкина Азов взяли, лучших людей из Азова побрали 20 человек да шурина моего Усеина кроме черных людей».

Донские козаки, надеясь на безнаказанность вдали от государства, не ограничивались тем, что не исполняли царских и посольских приказаний или исполняли их вполонину; они нападали не на одних ногаев, азовцев и крымцев, но, разъезжая по Волге, грабили суда царские, били людей, разбивали персидских и бухарских послов, русских торговых людей. Царь принужден был выслать против них воевод с большим числом ратных людей; козаков казнили и ловили, другие разбежались, как волки, по выражению летописца, и одна толпа их отправилась вверх по Волге, где получила приглашение от Строгановых вступить к ним в службу и согласилась с радостью. Это предложение пришло не ранее весны 1579 года, хотя, собственно, можно было ожидать, что Строгановы станут прибирать охочих козаков гораздо ранее, именно с 1574 года, когда они получили царскую грамоту, дававшую им право распространять свои промыслы и по ту сторону Уральских гор. Но эта медленность объясняется легко событиями в роде Строгановых. Яков и Григорий Аникиевы умерли; остался третий брат, Семен, с двумя племянниками, Максимом, сыном Якова, и Никитою, сыном Григория, причем, как видно, Никита не жил в большом согласии с дядею Семеном и двоюродным братом Максимом. Козаки явились к Строгановым в числе 540 человек под главным начальством атамана Ермака Тимофеева; другие атаманы были: Иван Кольцо (который, по словам царской грамоты к ногаям, был присужден к смертной казни), Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк.

Они пришли в Чусовские городки в конце июня 1579 года и оставались здесь до сентября 1581 года. В это время, по словам летописца, они помогали Строгановым защищать их городки от нападения дикарей: в июле 1581 года 680 вогуличей под начальством мурзы Бегбелія Агтакова напали нечаянно на строгановские владения и начали жечь деревни, забирая в плен людей, но ратные люди из городков с успехом напали на них и взяли в плен самого мурзу Бегбелія. Из слов же царской грамоты 1582 года оказывается, что Строгановы не довольствовались только обороною своих городков, но посылали отряды воевать вогуличей, вотяков и пелымцев. После поражения Бегбелія Строгановы решились отпустить козаков, Ермака с товарищами, за Уральские горы для достижения той цели, с какою отцы их испросили царскую грамоту в 1574 году. По словам летописи, 1 сентября 1581 года Строгановы, Семен, Максим и Никита, отпустили на сибирского салтана козаков, Ермака Тимофеева с товарищами, придавши к ним ратных людей из городков своих – литовцев, немцев (пленных), татар и русских, всего 300 человек, а в целом отряде с козаками было 840 человек; Строгановы дали им жалованье, снабдили съестными запасами одеждою, оружием, пушечками и пищалями, дали проводников знающих сибирский путь, и толмачей, знающих бусурманский язык.

Но в тот самый день, первого сентября, когда Ермак с своею дружиною пошел на очищение Сибирской земли, толпы дикарей, собранных пелымским князем, напали на пермские места, на Чердынь и на строгановские владения. Семен и Максим отправили в Москву грамоту с жалобою, что вогуличи поняли их слободки и деревни, усольские варницы и мельницы, хлеб всякий и сено, крестьян с женами и детьми в плен взяли, и просили, чтоб царь велел им дать на помощь ратных людей с ружьем. Иоанн велел пермскому наместнику князю Елецкому распорядиться, чтоб земские старосты и целовальники собрали с пермских волостей и Соли-Камской ратных людей со всяким оружием, человек 200; в головах были бы у них земские же люди; пусть ратных людей пермичи и усольцы собирают сами между собою, чтоб им от наместника убытков не было; собранное таким образом ополчение должно было помогать Семенову и Максиму острогу; если же вогуличи придут на пермские и усольские места, то строгановские люди должны помогать этим местам. Царь писал и Никите Строганову, чтоб он помогал своим родственникам.

Но в следующем году чердынский воевода Пелепелицын, вероятно не поладивший с Строгановыми, донес царю, что в то самое время, как пелымский князь напал на Пермь, Строгановы, вместо того чтоб защищать эту область, отправили своих козаков воевать сибирского салтана. Вследствие этого донесения царь велел отправить к Строгановым такую грамоту: «Писал к нам из Перми Василий Пелепелицын, что вы из своих острогов послали волжских атаманов и козаков, Ермака с товарищами, воевать вотяков и вогуличей, пелымские и сибирские места 1 сентября и в тот же самый день пелымский князь, собравшись с сибирскими людьми и вогуличами, приходил войною на наши пермские места, к городу Чердыни, к острогу приступал, наших людей побил и много убытков нашим людям наделал. Это случилось по вашей измене: вы вогуличей, вотяков и пелымцев от нашего жалованья отвели, их задирали, войною на них приходили, этим задором ссорили нас с сибирским салтаном; потом, призвавши к себе волжских атаманов, воров, наняли их в свои остроги без нашего указа, а эти атаманы и козаки и прежде ссорили нас с Ногайскою ордою послов ногайских на

Волге, на перевозах, побивали, ордобазарцев грабили и побивали и нашим людям много грабежей и убытков чинили. Им было вины свои покрыть тем, что нашу Пермскую землю оберегать, а они вместе с вами сделали точно так же, как на Волге: в тот самый день, в который приходили к Чердыни вогуличи 1 сентября от тебя из острогов Ермак с товарищами пошли воевать вогуличей, а Перми ничем не пособили. Все это сделалось вашим воровством и изменою: если бы вы нам служили, то вы бы козаков в это время на войну не посылали, а послали бы их и своих людей из острогов Пермскую землю оберегать. Мы послали в Пермь Воина Оничкова, велели ему этих козаков, Ермака с товарищами, взять и отвести в Пермь и в Камское Усолье, тут велели им стоять, разделясь, и зимою на нартах ходить на пелымского князя вместе с пермичами и вятчанами; а вы, обославшись с Пелепелицыным и Оничковым, посылали бы от себя воевать вогуличей и остяков. Непременно по этой нашей грамоте отошлите в Чердынь всех козаков, как только они к вам с войны возвратятся, у себя их не держите; а если для неприятельского прихода вам в остроге пробыть нельзя, то оставьте у себя немного людей, человек до ста, с каким-нибудь атаманом, остальных же всех вышлите в Чердынь непременно тотчас. А не вышлете из острогов своих в Пермь волжских козаков, атамана Ермака Тимофеева с товарищами, станете держать их у себя и пермских мест не будете оберегать и если такую вашу изменою что вперед случится над пермскими местами от вогуличей, пелымцев и от сибирского салтана, то мы за то на вас опалу свою положим большую, атаманов же и козаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешать».

Ясно, что выражения грамоты: «Вы вогуличей, вотяков и пелымцев от нашего жалованья отвели, их задирали, войною на них приходили» – никак не могут относиться к знаменитому походу Ермака на Сибирь 1 сентября 1581 года; не могут относиться уже грамматически, по многократным формам; не могут относиться и потому, что известие о призыве Ермака помещено после, без связи с прежними нападениями Строгановых на вогуличей, вотяков и пелымцев; наконец, Ермак своим последним походом не мог возбудить пелымского князя, который не знал об этом походе, а когда узнал, то ушел назад; следовательно, прежде посылки Ермака 1 сентября 1581 года Строгановы уже пользовались царскою грамотою и предпринимали наступательные движения на сибирских народцев. Царь обнаруживает неудовольствие, зачем Строгановы призвали к себе волжских козаков без его указу; но это неудовольствие выражено несильно, да и гнев царский на козаков за их прежние дела на Волге выражен также несильно; непосредственно следуют слова, в которых выражается, что козаки совершенно покрыли бы свою вину, если бы защищали Пермскую землю от сибирских дикарей, и сейчас следуют распоряжения об употреблении козаков для этой защиты, причем и Строгановым позволяется удержать часть их в своих острожках. Царь выражает гнев свой не за то, следовательно, что Строгановы призвали волжских охочих козаков, и не за то, что послали их за Уральские горы, на что имели полное право по прежней грамоте; он сердится за то, что они предпочли, по его мнению, свои выгоды выгодам царским; нападениями раздражили дикарей, и, в то время как эти дикари напали на Пермскую землю и на владения Строгановых, у последних не оказалось средств для защиты своих земель и для помощи царским воеводам, потому что войско, необходимое для защиты, они отослали для завоеваний в Сибири; царь грозит Строгановым большою опалою только в том

случае, когда они будут продолжать подобное поведение, продолжать заботиться только о своих выгодах, грозит перевешать козаков только в том случае, когда они будут предпочитать службу частным людям службе царской, слушать Строгановых и служить им, а царскую землю выдавать.

Отправленный царем Оничков не мог исполнить его приказаний: Ермак с товарищами не возвратился к Строгановым из своего похода. Четыре дня шел он вверх по Чусовой до устья реки Серебряной; по Серебряной плыли два дня до Сибирской дороги; здесь высадились и поставили земляной городок, назвавши его Ермаковым Кокуем-городом; с этого места шли волоком до реки Жаровли; Жаровлю выплыли в Туру, где и начиналась Сибирская страна. Плывя вниз по Туре, козаки повоевали много татарских городков и улусов; на реке Тавде схватили несколько татар, и в том числе одного из живших при Кучуме, именем Таузак, который рассказал козакам подробно о своем салтане и его приближенных. Ермак отпустил этого пленника к Кучуму, чтоб он рассказами своими о козаках настрашал хана. Таузак, по словам летописца, так говорил Кучуму: «Русские воины сильны: когда стреляют из луков своих, то огонь пышет, дым выходит и гром раздается, стрел не видать, а уязвляют ранами и до смерти побивают; ущититься от них никакими ратными сбруями нельзя: все навывлет пробивают». Эти рассказы нагнали печаль на хана и раздумье; он собрал войско, выслал с ним родственника своего, Маметкула, встретить русских, а сам укрепился подле реки Иртыша, под горою Чувашью. Маметкул встретил Ермака на берегу Тобола, при урочище Бабасан, и был разбит: ружье восторжествовало над луком. Недалеко от Иртыша один из вельмож, или карачей, защищал свой улус: козаки разгромили его, взяли мед и богатство царское; неприятели настигли их на Иртыше, завязалась новая битва, и опять Кучумово войско было разбито; козаки поплатились за свою победу несколькими убитыми и все были переранены. К ночи козаки взяли город Атик-мурзы и засели в нем; на другой день должна была решиться их участь, надобно было вытеснить Кучума из его засеки. Козаки собрали круг и стали рассуждать, идти ли назад или вперед. Осилили те, которые хотели вперед во что бы то ни стало. «Братцы! – говорили они. – Куда нам бежать? Время уже осеннее в реках лед смерзается; не побежим, худой славы не примем, укоризны на себя не положим, но будем надеяться на бога: он и беспомощным поможет. Вспомним, братцы, обещание, которое мы дали честным людям (Строгановым)! Назад со стыдом возвратиться нам нельзя. Если бог нам поможет, то и по смерти память наша не оскудеет в тех странах, и слава наша вечна будет». На рассвете 23 октября козаки вышли из города и начали приступать к засеке; осажденные, путивши тучи стрел на нападавших, проломил сами засеку свою в трех местах и сделали вылазку. После упорного рукопашного боя козаки победили: царевич Маметкул был ранен; остяцкие князья, видя неудачу, бросили Кучума и разошлись по своим местам. Тогда и старый хан оставил засеку, прибежал в свой город Сибирь, забрал здесь сколько мог пожитков и бежал дальше. Козаки вошли в пустую Сибирь 26 октября. На четвертый день пришел к Ермаку один остяцкий князь с дружиною, привез много даров и запасов; потом стали приходиться татары с женами и детьми и селиться в прежних своих юртах.

Козаки владели в стольном городе Кучумовом, но Маметкул был недалеко. Однажды, в декабре месяце, несколько из них отправились на Абалацкое озеро ловить рыбу; Маметкул подкрался и перебил их всех. Ермак, услышавши об этом,

пошел мстить за товарищей, настиг поганых при Абалаке, бился с ними до ночи; ночью они разбежались, и Ермак возвратился в Сибирь. Весною, по водополью, пришел в город татарин и сказал, что Маметкул стоит на реке Вагае; Ермак отрядил часть козаков, которые ночью напали на стан царевича, много поганых побили, самого Маметкула взяли в плен и привели к Ермаку в Сибирь. Плен храброго Маметкула был страшным ударом для Кучума, стоявшего тогда на реке Ишиме. Но одна дурная весть шла за другою: скоро дали знать старому хану, что идет на него князь Сейдек, сын убитого им прежде князя Бекбулата; затем покинул его карача с своими людьми. Горько плакал старик Кучум. «Кого бог не милует, – говорил он, – тому и честь на бесчестье приходит того и любимые друзья оставляют».

Лето 1582 года Ермак употребил на покорение городков и улусов татарских по рекам Иртышу и Оби; взял остяцкий город Назым, пленил его князя, но в этом походе потерял атамана Никиту Пана сего дружиною. Возвратившись в Сибирь, Ермак дал знать Строгановым о своих успехах, что он Кучума-салтана одолел, стольный город его взял и царевича Маметкула пленил. Строгановы дали знать об этом царю, который за их службу и раденье пожаловал Семена городами – Солью Большою на Волге и Солью Малою, а Максиму и Никите дал право в городках и острожках их производить беспошлинную торговлю как им самим, так и всяким приезжим людям. Козаки от себя прямо послали несколько товарищей своих в Москву известить царя об усмирении Сибирской земли. Иоанн пожаловал этих козаков великим своим жалованьем – деньгами, сукнами, камками; оставшимся в Сибири государь послал свое полное большое жалованье; а для принятия у них сибирских городов отправил воевод – князя Семена Болховского и Ивана Глухова. Касательно отправления этих воевод в Сибирь до нас дошла царская грамота к Строгановым от 7 января 1584 года: «По нашему указу велено было князю Семену Болховскому взять у вас, с ваших острожков, на нашу службу, в сибирский зимний поход, пятьдесят человек на конях. Но теперь дошел до нас слух, что в Сибирь зимним путем на конях пройти нельзя, и мы князю Семену теперь из Перми зимним путем в Сибирь ходить не велели до весны, до полой воды, и ратных людей брать у вас также не велели. Весною же велели взять у вас под нашу рать и под запас пятнадцать стругов со всем струговым запасом, чтоб струги подняли по двадцати человек с запасом; а людей ратных, подвод и проводников брать у вас не велели и обиды вашим людям и крестьянам никакой делать не велели. Так вы бы тотчас велели изготовить к весне струги чтоб за ними воеводам в ваших острожках и часу не мешкать. А не дадите судов тотчас и нашему делу учинится поруха, то вам от нас быть в великой опале». Это распоряжение Иоанна относительно Сибири было последнее: он не дождался вестей ни о судьбе Болховского, ни о судьбе Ермака.

Еще будучи только 43 лет, в 1573 году Иоанн говорил литовскому послу Гарабурде, что он уже стар. Действительно, такая страшная жизнь, какую вел Иоанн, такая страшная болезнь, которою страдал он, должны были состарить его преждевременно. Несчастливая война с Баторием, потеря Ливонии, унижение, претерпенное Иоанном, должны были также разрушительно подействовать на его здоровье. Наконец, сюда присоединилось невоздержание всякого рода против чего не могло устоять и самое крепкое телосложение. Мы видели, что по смерти Анастасии Иоанн сватался к сестре польского короля, но сватовство это не имело

успеха; Иоанн обратился в сторону противоположную, на Восток, и в 1561 году женился на дочери черкесского князя Темрюка, которой при крещении в Москве дали имя Марии. Выгода жениться не на русской особенно при тогдашних обстоятельствах, и красота черкешенки могли прельстить Иоанна; но легко понять, что он мог выиграть в нравственном отношении от союза с дикаркою. Мария умерла в 1569 году. В 1571 году Иоанн решился вступить в третий брак и выбрал в невесты Марфу Собакину, дочь купца новгородского; но молодая царица не жила и месяца. Иоанн не любил сдерживаться никакими препятствиями и в начале 1572 года вопреки уставу церковному женился в четвертый раз, на Анне Колтовской: он призвал архиереев, архимандритов, игуменов на свой царский духовный совет и молил о прощении и разрешении четвертого брака, потому что дерзнул на него по следующим причинам: женился он первым браком на Анастасии, дочери Романа Юрьевича, и жил с нею тринадцать лет с половиною, но вражиим наветом и злых людей чародейством и отравами царицу Анастасию извели. Совокупился вторым браком, взял за себя из черкес пятигорских девицу и жил с нею восемь лет, но и та вражиим коварством отравлена была. Подождав немало времени, захотел вступить в третий брак, с одной стороны, для нужды телесной, с другой – для детей, совершенного возраста не достигших, поэтому идти в монахи не мог, а без супружества в мире жить соблазнительно; избрал себе невесту, Марфу, дочь Василия Собакина, но враг воздвиг ближних многих людей враждовать на царицу Марфу; и они отравили ее, еще когда она была в девицах; царь положил упование на всецелое существо божие и взял за себя царицу Марфу в надежде, что она исцелее; но была она за ним только две недели и преставилась еще до разрешения девства. Царь много скорбел и хотел облечься в иноческий образ; но, видя христианство расплываемо и погубляемо, детей несовершеннолетних, дерзнул вступить в четвертый брак. Царские богомольцы, архиепископы и епископы, видя такое царево смирение и моление, много слез испустили и на милосердие преклонились. Собравшись в соборной церкви Успения, они положили: простить и разрешить царя ради теплого умиления и покаяния и положить ему заповедь не входить в церковь до Пасхи; на Пасху в церковь войти, меньшую дору и пасху вкусить, потом стоять год с припадающими; по прошествии года ходить к меньшей и к большой доре; потом год стоять с верными и, как год пройдет, на Пасху причаститься святых тайн; с следующего же, 1573 года разрешили царю по праздникам владычным и богородичным вкушать богородичный хлеб, святую воду и чудотворцевы меды; милостыню государь будет подавать, сколько захочет. Если государь пойдет против своих неверных недругов за святые божии церкви и за православную веру, то ему епитимию разрешить: архиереи и весь освященный собор возьмут ее тогда на себя. Прочие же, от царского синклита до простых людей, да не дерзнут на четвертый брак; если же кто по гордости и неразумию вступит в него, тот будет проклят. Но Иоанн жил в четвертом браке не более трех лет: Колтовская заключилась в монастыре. Не имеем права двух наложниц царя, Анну Васильчикову и Василису Мелетьеву, называть царицами, ибо он не венчался с ними, и в современных памятниках они царицами не называются в пятый и последний раз Иоанн венчался в 1580 году с Мариєю Федоровною Нагою, от которой имел сына Димитрия; но мы видели, что он считал делом легким расторгнуть этот брак и сватался к англичанке. Во время пребывания Поссевина в

Москве Иоанн исповедовался, но не приобщался вследствие того, что был женат на пятой жене.

Привычка давать волю гневу и рукам не осталась без страшного наказания: в ноябре 1581 года, рассердившись за что-то на старшего сына своего, Иоанна, царь ударил его – и удар был смертельный. Мы сказали: за что-то, ибо относительно причины гнева свидетельства разноречат; у псковского летописца читаем: «Говорят, что сына своего, царевича Ивана, за то поколол жезлом, что тот стал говорить ему об обязанности выручить Псков (от Батория)»; то же самое повторяют некоторые иностранные писатели; но Поссевин, бывший в Москве спустя только три месяца после события, рассказывает, что убийство произошло вследствие семейной ссоры: царевич вступился за беременную жену свою, которую отец его прибил. По свидетельству того же Поссевина, убийца был в отчаянии, вскакивал по ночам и вопил; собрал бояр, объявил, что он убил сына, не хочет более царствовать, и так как оставшийся царевич Феодор не способен править государством, то пусть подумают, кто из бояр достоин занять престол царский. Бояре, опасаясь, чтоб это предложение не было хитростью, объявили, что они не хотят видеть на престоле никого, кроме сына царского, и упрашивали самого Иоанна не покидать правления.

Не с большим два года прожил Иоанн по смерти сына; в начале 1584 года обнаружилась в нем страшная болезнь – следствие страшной жизни: гниение внутри, опухоль снаружи. В марте разосланы были по монастырям грамоты: «В великую и пречестную обитель, святым и преподобным инокам, священникам, дьяконам, старцам соборным, служебникам, клирошанам, лежням и по кельям всему братству: преподобию ног ваших касаясь, князь великий Иван Васильевич челом бьет, молясь и припадая преподобию вашему, чтоб вы пожаловали, о моем окаянстве соборно и по кельям молили бога и пречистую богородицу, чтоб господь бог и пречистая богородица ваших ради святых молитв моему окаянству отпущение грехов даровали, от настоящие смертные болезни свободили и здравие дали; и в чем мы перед вами виноваты, в том бы вы нас пожаловали, простили, а вы в чем перед нами виноваты, и вас во всем бог простит». Говорят, что больной распорядился судьбою царства, ласково обращался к боярам, убеждал сына Феодора царствовать благочестиво, с любовью и милостию, избегать войны с христианскими государствами; завещал уменьшение налогов, освобождение заключенных и пленных; в припадках все звал убитого сына Ивана. Говорят также, что испорченная природа до конца не переставала выставлять своих требований... Смертный удар застиг Иоанна 18 марта, когда, почувствовав облегчение, он собирался играть в шашки. Над полумертвым совершили обряд пострижения, назвали его Ионою.

Долго Иоанн Грозный был загадочным лицом в нашей истории, долго его характер, его дела были предметом спора. Причина недоумений и споров заключалась в незрелости науки, в непривычке обращать внимание на связь, преемство явлений. Иоанн IV не был понят, потому что был отделен от отца, деда и прадедов своих. Одно уже название Грозный, которое мы привыкли соединять с именем Иоанна IV, указывает достаточно на связь этого исторического лица с предшественниками его, ибо и деда, Иоанна III, называли также Грозным. Мы жаловались на сухость, безжизненность наших источников в Северной Руси до половины XVI века; жаловались, что исторические лица действуют молча, не

высказывают нам своих побуждений, своих сочувствий и неприязней. Но во второй половине XVI века борьба старого с новым, раздражительность при этой борьбе доходят до такой степени, что участвующие в ней не могут более оставаться молчаливыми, высказываются; явно усилившаяся в Москве с половины XV века начитанность, грамотность помогают этому высказыванию, этому ведению борьбы словом, и являются двое борцов – внук Иоанна III и Софии Палеолог Иоанн IV и потомок удельных ярославских князей, московский боярин, князь Андрей Курбский. Курбский указывает нам начало неприязни в самом собрании земли, в подчинении всех княжеств Северной Руси княжеству Московскому; как боярин и князь, Курбский указывает перемену в отношениях московских великих князей к дружине их, начало борьбы при Иоанне III, указывает на Софию Палеолог как на главную виновницу перемены, еще сильнее вооружается он против сына Иоанна III и Софии, Василия, и в Иоанне IV видит достойного наследника отцовского и дедовского, достойного продолжателя их стремлений. Слова Курбского вполне объясняют нам эти стремления Иоанна IV, стремления, обнаружившиеся очень рано, высказывавшиеся постоянно и сознательно. Нам понятно становится это поспешное принятие царского титула, желание сохранить его, желание связать себя и с Августом-кесарем и с царем Владимиром Мономахом, желание выделить себя, возвыситься на высоту недостижимую; понятно становится нам презрение к королю шведскому, к которому приписывается земля, к Стефану Баторию, многоятежным сеймом избранному, объявление, что нет им равенства с царем московским.

Мы видели, вследствие чего Иоанн дошел до раннего сознания борьбы, которую он должен был вести, до сознания начал, которые он должен был защищать от начал противоположных. Последним во время его малолетства дана была возможность вполне обнаружиться, и это обнаружение вызвало противодействие, усиленное еще новыми, известными нам обстоятельствами, характером главного деятеля, образовавшимся также под влиянием борьбы. В борьбе этой обнаружилось значение и средства той и другой стороны; она бросила яркий свет и на прежние отношения, на древнюю историю Руси. Чтоб уяснить себе характер отношений между нашими древними князьями, нам стоило только спросить у летописцев, как эти князья звали друг друга и как звали их подданные. Встречаем ли мы в древних летописях названия: князь киевский, черниговский, переяславский, туровский, полоцкий? Нет, мы этих названий не встречаем; встречаем одни собственные имена княжеские, которые приводят обыкновенно в такое затруднение людей, начинающих заниматься древнею русскою историею. Чего нет в древних памятниках, того не должны мы искать в древнем обществе: князья не титулуются по имени своих владений, следовательно, владения эти не имели для них первенствующего значения, и действительно видим, что они их меняли; видим, что они называют друг друга братьями, считаются, ведут споры о старшинстве по родовой лестнице; заключаем, что господствующие отношения между ними были родовые, а не по владениям. Обратимся с тем же вопросом и к дружине княжеской, к боярам, спросим, как их зовут. При именах вельмож Западной Европы мы привыкли встречать частицы фон, де с собственными именами земельных участков, замков. Если б исчезли все известия о происхождении западноевропейского высшего сословия, то из одних фамильных имен мы заключили бы «что имеем дело с землевладельцами, что владение

землею положено в основу сословного значения. Но обратимся к нашим боярам, к их именам: что встретим? „Данило Романович Юрьевича Захарьина, Иван Петрович Федоровича“. Как у древних князей, так и у бояр нет следа отношения к земельной собственности, и одно явление объясняет другое: если князья не имели постоянных волостей, меняли их по родовым счетам, то и дружина их меняла также волости вместе с ними, не могла усесться на одних местах, глубоко пустить корни в землю, приобрести чрез землевладение самостоятельное земское значение, зависела, получала средства существования и значение от князя или от целого рода княжеского, ибо дружинники переходили от одного князя к другому. Какой был главный интерес русского боярина, это выражается в его имени: к имени, полученному при рождении или при крещении, он прибавляет имя отца деда и прадеда, носит с собою свое родословие и крепко стоит за то, чтоб роду не было порухи, унижения; отсюда понятно становится нам явление местничества – интерес родовой господствует. Когда князей было много, когда можно было переходить от одного из них к другому, выгодное положение дружинника обеспечивалось вполне этою возможностью; когда же эта возможность с установлением единовластия исчезла, дружинник должен был принять то положение, какое угодно было назначить для него единовластителю; сословные отличия и преимущества не выработались, не определились законом: мы видели, что когда на поле или судебный поединок являлись, с одной стороны, дети боярские, а с другой – крестьяне и дети боярские по сословным требованиям отказывались биться с крестьянами, то судья обвинял их, ибо закон молчал о сословных различиях. В отношениях княжеских в Северной России произошла перемена; здесь родовая связь рушилась, волости обособились, и когда подчинились все Москве, то князья их явились сюда с волостными наименованиями. Но князья, отстранив от первых мест, заехав, по тогдашнему выражению, старинные роды боярские, не долго удерживают за собою первенствующее положение, кроме титула, скоро ничем более не отличаются от остальных членов служилого сословия, и многие из них даже забывают свои наименования по волостям и сохраняют только имена, от личных прозвищ происходящие. Все это объясняет нам, почему в малолетство Иоанна IV мы видим только борьбу известных отдельных родов за первенство, почему служилое сословие так долго и упорно держалось за обычай местничества: в глубине жизни народной коренилось начало родовое; изгонится оно из одной сферы – с большею силою и упругостию обнаружится в другой.

Древнее начало было сильно, вело упорную борьбу; но уже государству пошел седьмой век, оно объединилось, старое с новым начало сводить последние счеты: не мудрено, что появилось много важных вопросов, важных требований. Вторая половина XVI века, царствование Иоанна IV, характеризуется преимущественно этим поднятием важных вопросов в государственной жизни, наибольшую выставкою этих вопросов, если начали подниматься они и прежде, ибо в истории ничто не делается вдруг. Так, опричнина, с одной стороны, была следствием враждебного отношения царя к своим старым боярам, по, с другой стороны, в этом учреждении высказался вопрос об отношении старых служилых родов, ревниво берегущих свою родовую честь и вместе свою исключительность посредством местничества, к многочисленному служилому сословию, день ото дня увеличивавшемуся вследствие государственных требований и вследствие

свободного доступа в него отовсюду; подле личных стремлений Иоанна видим стремления целого разряда людей, которым было выгодно враждебное отношение царя к старшей дружине. Мы видели, что сам Иоанн в завещании сыновьям смотрел на опричнину как на вопрос, как на первый опыт. После мы увидим, как будет решаться этот важный вопрос об отношениях младшей дружины к старшей. Государство складывалось, новое сводило счеты со старым; понятно, что должен был явиться и громко высказаться вопрос о необходимых переменах в управлении о недостаточности прежних средств, о злоупотреблениях, от них происходящих, являются попытки к решению вопроса – губные грамоты, новое положение дьяков относительно воевод и т.д. Понятно, что в то же время должен был возникнуть вопрос первой важности – вопрос о необходимости приобретения средств государственного благосостояния, которыми обладали другие европейские народы; и вот видим первую попытку относительно Ливонии. Век задавал важные вопросы, а во главе государства стоял человек, по характеру своему способный приступать немедленно к их решению.

К сказанному прежде об этом характере, о его образовании и постепенном развитии нам не нужно было бы прибавлять ничего более, если б в нашей исторической литературе не высказывались об нем мнения, совершенно противоположные. В то время как одни, преклоняясь пред его величием, старались оправдать Иоанна в тех поступках, которые назывались и должны называться своими очень нелестными именами, другие хотели отнять у него всякое участие в событиях, которые дают его царствованию бесспорно важное значение. Эти два противоположных мнения проистекли из обычного стремления дать единство характерам исторических лиц; ум человеческий не любит живого многообразия, ибо трудно ему при этом многообразии уловить и указать единство, да и сердце человеческое не любит находить недостатков в предмете любимом, достоинств в предмете, возбуждившем отвращение. Прославилось известное историческое лицо добром, и вот повествователи о делах его не хотят допустить ни одного поступка, который бы нарушал это господствующее представление об историческом лице; если источники указывают на подобный поступок, то повествователи стараются во что бы то ни стало оправдать своего героя; и наоборот, в лице, оставившем по себе дурную славу, не хотят признать никакого достоинства.

Так случилось и с Иоанном IV: явилось мнение, по которому у Иоанна должна быть отнята вся слава важных дел, совершенных в его царствование, ибо при их совершении царь был только слепым, бессознательным орудием в руках мудрых советников своих – Сильвестра и Адашева. Мнение это основывается на тех местах в переписке с Курбским, где Иоанн, по-видимому, сам признается, что при Сильвестре он не имел никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, как Иоанн, так и Курбский, пишут под влиянием страсти и потому оба преувеличивают, впадают в противоречия. Если основная мысль Курбского состоит в том, что царь должен слушаться советников, то основная мысль Иоанна состоит в том, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться к подчинению царской воли воле собственной; такое стремление в глазах Иоанна есть величайшее из преступлений, и всю тяжесть его он хочет обременить Сильвестра и его приверженцев; вот почему он приписывает им самое преступное злоупотребление его доверенностью,

самовольство, самоуправство, говорит, что вместо него они владели царством, тогда как он сам облек их неограниченную своею доверенностью; вот эти знаменитые места: «Вы ль растленны или я? Что я хотел вами владеть, а вы не хотели под моею властью быть, и я за то на вас гневался? Больше вы растленны, что не только не хотели быть мне повинны и послушны, но и мною владели и всю власть с меня сняли; я был государь только на словах, а на деле ничем не владел». В другом месте Иоанн, щеголявший остроумием, ловкостью в словопрении, низлагает Курбского следующею уверткою, не думая, что после можно будет употребить его адвокатскую тонкость против него же самого: «Ты говоришь, что для военных отлучек мало видал мать свою, мало жил с женою, отечество покидал, всегда в городах против врагов ополчался, претерпевал естественные болезни и ранами покрывался от варварских рук и сокрушенно уже ранами все тело имеешь, но все это случилось с тобою тогда, когда вы с попом и Алексеем владели. Если это вам было не угодно, то зачем же так делали? Если же делали, то зачем, своею властью сделавши, на нас вину вскладываете!» Приводят еще третье место в доказательство, что поход на Казань предпринят не Иоанном, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: «Когда мы с крестonosною хоругвию всего православного христианского воинства двинулись на безбожный язык казанский и, получив неизреченным Божиим милосердием победу, возвращались домой, то какое доброхотство к себе испытали мы от людей, которых ты называешь мучениками? Как пленника, посадивши в судно, везли с ничтожным отрядом чрез безбожную и неверную землю». Но здесь нет ни малейшего указания на невольный поход, ибо Иоанн прямо говорит: «Когда мы двинулись»; потом Иоанн говорит ясно, что не заботились о его безопасности, везли, как пленника, уже на возвратном пути, по взятии Казани. Курбский обвиняет Иоанна в недостатке храбрости во время казанского похода, в желании поскорее возвратиться в Москву; Иоанн возвращает ему все эти обвинения и так описывает свое поведение и поведение бояр в казанских войнах: «Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микулинского, с товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали их в опале своей, желая их казнить, а не для своего дела! Неужели это храбрость счужбу ставить в опалу? Так ли покоряются прегордые царства! Сколько потом ни было походов в Казанскую землю, когда вы ходили без понуждения, охотно? Когда бог покорил христианству этот варварский народ, и тогда вы не хотели воевать, и тогда с нами не было больше пятнадцати тысяч по вашему нехотению. Во время осады всегда вы подавали дурные советы: когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотели домой возвратиться! Никогда не хотели вы подождать благоприятного времени; вам и голов своих не было жаль, и о победе мало заботились; победить или потерпеть поражение только бы поскорее домой возвратиться. Для этого скорого возвращения войну вы оставили, и от этого после много было пролития христианской крови. На приступе если б я вас не удержал, то вы хотели погубить православное воинство, начавши дело не вовремя». Как согласить эти слова: «Я посылаю, если б я вас не удержал» – со словами: «Вы государились, а я ничем не владел»? Эти несогласия показывают нам ясно, с какого рода памятником мы имеем дело и как мы им должны пользоваться.

Важное значение Сильвестра и Адашева, проистекавшее из полной доверенности к ним Иоанна в известное время, бесспорно, явственно из всех

источников; но вместе явно также, что Иоанн никогда не был слепым орудием в руках этих близких к нему людей. Война Ливонская была предпринята вопреки их советам, они советовали покорить Крым. После взятия Казани, говорит Курбский, все мудрые и разумные (т.е. сторона Сильвестра) советовали царю остаться еще несколько времени в Казани, дабы совершенно окончить покорение страны; но царь «совета мудрых воевод своих не послушал, послушал совета шурей своих». Следовательно, Иоанн имел полную свободу поступать по совету тех или других, не находясь под исключительным влиянием какой-нибудь одной стороны. Когда в 1555 году царь выступил против крымского хана и пришла к нему весть, что один русский отряд уже разбит татарами, то многие советовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на том, чтоб встретить татар, и царь склонился на совет последних, т.е. на совет приверженцев Сильвестра, потому что когда Курбский хвалит, то хвалит своих. Таким образом, мы видим, что Иоанн в одном случае действует по совету одних, в другом – других, в некоторых же случаях следует независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу с советниками. О могущественном влиянии Сильвестра говорят единогласно все источники; но мы имеем возможность не преувеличивать этого влияния, установить для него настоящую меру, ибо до нас дошел любопытный памятник, в котором очень ясно можно видеть отношения Сильвестра и к митрополиту и к царю. Это послание Сильвестра к митрополиту Макарию по поводу дела о ереси Башкина: «Государю преосвященному Макарию, митрополиту всея Руси, и всему освященному собору благовещенский поп Селивестришко челом бьет. Писал тебе, государю, Иван Висковатый: Башкин с Артемьем и Семеном в совете, а поп Семен Башкину отец духовный и дела их хвалит; да писал, что я, Сильвестр, из Благовещенья образа старинные выносил, а новые, своего мудрования поставил; государь святой митрополит! Священник Семен про Матюшу мне сказывал в Петров пост на заутрени; пришел на меня сын духовный необычен и многие вопросы мне предлагает недоуменные. И как государь из Кириллова приехал, то я с Семеном царю-государю все сказали про Башкина; Андрей-протопоп и Алексей Адашев то слышали ж. Да Семен же сказывал, что Матюша спрашивает толкованья многих вещей в Апостоле и сам толкует, только не по существу, развратно, и мы то государю сказали ж. И государь велел Семену говорить Матюше, чтоб он все свои речи в Апостоле изметил; но тогда царь и государь скоро в Коломну поехал и то дело позалеглось. А про Артемья, бывшего троицкого игумена, сказывает Иван, что мне с ним совет был; но до троицкого игуменства я его вовсе не знал; а как избирали к Троице игумена, то Артемья привезли из пустыни; государь велел ему побыть в Чудове, а мне велел к нему приходить и к себе велел его призывать и смотреть в нем всякого нрава и духовной пользы. В то же время ученик его Порфирий приходил к благовещенскому священнику Семену и вел с ним многие беседы пользы ради; Семен мне пересказывал все, что с ним говорил Порфирий; я усумнился, позвал Порфирия к себе, дважды, трижды беседовал с ним довольно о пользе духовной и все пересказал царю-государю. Тогда царь-государь богом дарованным своим разумом и богорассудным смыслом ошибочное Порфириево учение и в учителе его, Артемии, начал примечать». Здесь, с одной стороны, видна высокая степень доверия, которою пользовался Сильвестр: его посылал царь к Артемию испытать, годится ли последний занять место троицкого игумена; но, с другой стороны, ясно видно, что Сильвестр должен был обо всем

докладывать Иоанну и тот сам распоряжался, как вести дело, сам вникал в него и своим разумом и смыслом подмечал то, чего не мог заметить Сильвестр; когда Иоанн уезжал из Москвы, дела останавливались. Как же после этого можно буквально принимать слова Иоанна и думать, что Сильвестр владел государством, оставляя ему одно имя царя? Всего страннее предполагать, чтоб человека с таким характером, какой был у Иоанна, можно было держать в удалении от дел! Наконец, мы считаем за нужное сказать несколько слов о поведении Иоанна относительно крымского хана после сожжения Москвы Девлет-Гиреем, потом относительно короля шведского и особенно относительно Батория; неприятно поражает нас этот скорый переход от гордости к унижению; мы готовы и по своим понятиям иметь право видеть здесь робость. Но мы не должны забывать разности понятий, в каких воспитываемся мы и в каких воспитывались предки наши XVI века; мы не должны забывать, как воспитание в известных правилах, образованность укрепляют нас теперь, не позволяют нам обнаруживать этих резких переходов, хотя бы они и происходили внутри нас. Но люди веков предшествовавших не знали этих искусственных укреплений и сдерживаний и потому не стыдились резких переходов от одного чувства к другому, противоположному; эту резкость переходов мы легко можем подметить и теперь в людях, которые по степени образования своего более приближаются к предкам. Притом относительно Иоанна IV мы не должны забывать, что это был внук Иоанна III, потомок Всеволода III; если некоторые историки заблагорассудили представить его вначале героем, покорителем царств, а потом человеком постыдно робким, то он несколько в этом не виноват. Он предпринял поход под Казань по убеждению в его необходимости, подкреплялся в своем намерении религиозным одушевлением, сознанием, что поход предпринят для избавления христиан от неверных, но вовсе не вел себя Ахиллесом: сцена в церкви на рассвете, когда уже войска пошли на приступ, сцена, так просто и подробно рассказанная летописцем, дает самое верное понятие об Иоанне, который является здесь вовсе не героем. Иоанн сам предпринимал поход под Казань, потом под Полоцк, в Ливонию по убеждению в необходимости этих походов, в возможности счастливого их окончания, и тот же самый Иоанн спешил как можно скорее прекратить войну с Баторием, ибо видел недостаточность своих средств для ее успешного ведения: точно так как дед его, Иоанн III, сам ходил с войском под Новгород, под Тверь, рассчитывая на успех предприятия, и обнаружил сильное нежелание сразиться с Ахматом, потому что успех был вовсе неверен. Таковы были все эти московские или вообще северные князья-хозяева, собиратели земли.

Но если, с одной стороны, странно желание некоторых отнять у Иоанна значение важного самостоятельного деятеля в нашей истории; если, с другой стороны, странно выставить Иоанна героем в начале его поприща и человеком постыдно робким в конце, то более чем странно желание некоторых оправдать Иоанна; более чем странно смешение исторического объяснения явлений с нравственным их оправданием. Характер, способ действий Иоанновых исторически объясняются борьбою старого с новым, событиями, происходившими в малолетство царя, во время его болезни и после; но могут ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событиями? Можно ли оправдать человека нравственною слабостию, неумением устоять против искушений, неумением совладать с порочными наклонностями своей природы?

Бесспорно, что в Иоанне гнездилась страшная болезнь, но зачем же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаем глубокое сочувствие, уважение к падшим в борьбе, но когда мы знаем, что они пали, истощив все зависевшие от них средства к защите; в Иоанне же этой борьбы с самим собою, с своими страстями мы вовсе не видим. Мы видим в нем сознание своего падения. «Я знаю, что я зол», – говорил он; но это сознание есть обвинение, а не оправдание ему; мы не можем не уступить ему больших дарований и большой, возможной в то время начитанности но эти дарования, эта начитанность не оправдание, а обвинение ему. Его жестокости хотят оправдать суровостию нравов времени; действительно, нравственное состояние общества во времена Иоанна IV представляется нам вовсе не в привлекательном виде; мы видели, что борьба между старым и новым шла уже давно и давно уже она приняла такой характер, который не мог содействовать умягчению нравов, не мог приучить к осторожному обхождению с жизнью и честью человека; действительно, жесткость нравов выражается и в письменных памятниках того времени: требуя установления наряда, прекращения злоупотреблений, указывали на жестокие средства как на единственно способные прекратить зло; так, например, в очень распространенном в древности сказании Ивана Пересветова «О царе турецком Магмете, како хотел сожещи книги греческия» строгий суд и жестокие казни султана прославляются как достойные подражания: «Магмет-салтан учал говорити: аще не такую грозою великий народ угрозити, ино и правду в землю не ввести». Но возможность найти объяснение в современном обществе не есть оправдание для исторического лица; да и не смеем мы сложить вину дел Грозного на русское общество XVI века потому: оно было основано на другом начале, чем то общество, которым управлял Магмет-султан; оно было способно выставить человека, который указал Иоанну требования этого основного начала; русское общество, выставив св. Филиппа, провозгласив устами этого пастыря требования своего основного начала, высказав свое неодобрение образу действий Грозного, показав, что имело закон и пророка, очистилось, оправдалось пред историею, вследствие чего Иоанн, не послушавшийся увещаний Филипповых, оправдан быть не может. Иоанн сознавал ясно высоту своего положения, свои права, которые берег так ревниво; но он не сознал одного из самых высоких прав своих – права быть верховным наставником, воспитателем своего народа: как в воспитании частном и общественном, так и в воспитании всенародном могущественное влияние имеет пример наставника, человека, вверху стоящего, могущественное влияние имеет дух слов и дел его. Нравы народа были суровы, привыкли к мерам жестоким и кровавым; надобно было отучать от этого; но что сделал Иоанн? Человек плоти и крови, он не сознал нравственных, духовных средств для установления правды и наряда или, что еще хуже, сознавши, забыл о них; вместо целения он усилил болезнь, приучил еще более к пыткам, кострам и плахам; он сеял страшными семенами, и страшна была жатва – собственноручное убийство старшего сына, убийство младшего в Угличе, самозванство, ужасы Смутного времени! Не произнесет историк слово оправдания такому человеку; он может произнести только слово сожаления, если, взглядываясь внимательно в страшный образ, под мрачными чертами мучителя подмечает скорбные черты жертвы; ибо и здесь, как везде, историк обязан указать на связь явлений: своекорыстием, презрением общего блага, презрением жизни и чести ближнего сеяли Шуйские с товарищами – вырос Грозный.

Подобно деду своему, Иоанну III, Иоанн IV был очень высокого роста, хорошо сложен, с высокими плечами, широкою грудью; по иностранным свидетельствам, он был полон, а по русским – сухощав, глаза у него были маленькие и живые, нос выгнутый, усы длинные. Привычки, приобретенные им во вторую половину жизни, дали лицу его мрачное, недовольное выражение, хотя смех беспрестанно выходил из уст его. Он имел обширную память, обнаруживал большую деятельность; сам рассматривал все просьбы; всякому можно было обращаться прямо к нему с жалобами на областных правителей. Подобно отцу, любил монастырскую жизнь, но по живости природы своей не довольствовался одним посещением монастырей, созерцанием тамошнего быта: в Александровской слободе завел монастырские обычаи, сам был игуменом, опричники – братиею. По русским и иностранным свидетельствам, в первую половину жизни Иоанн мало занимался охотою, посвящая все свое время делам правления; когда Баторий по окончании войны прислал просить у царя красных кречетов, то Иоанн велел ему отвечать, что послал за ними на Двину и Поморье нарочно; были у него кречеты добрые, да поизвелись, давно уже он мало охотится, потому что пришли на него кручины большие. Баторий в благодарность за кречетов спрашивал, какие вещи особенно любит царь, чтоб прислать их ему; Иоанн отвечал, что он охотник до аргамаков, до жеребцов добрых, до шапок хороших железных с наводом пищалей ручных чтоб были добры цельны и легки.

Дополнения

I. Заметка относительно завоевания Сибири

Мы не можем оставить нашего рассказа о покорении Сибири Ермаком без некоторых объяснений, потому что в источниках этого рассказа находятся разноречия, составляющие предмет спора. Карамзин достовернейшею из летописей, повествующих о покорении Сибири, признает ту летопись, которую мы знаем в печати по изданию г. Спасского (1821 года), и полагает составление ее около 1600 года: «Автор (говорит Карамзин) имел в руках своих грамоты Иоанновы, данные Строгановым, и пишет основательно, просто: буду называть сию действительно историческую повесть Строгановскою летописью. В 1849 году г. Небольсин в сочинении своем „Покорение Сибири“ вооружился против показаний Строгановской летописи (будем называть ее так по примеру Карамзина) и старался дать преимущество другой летописи, Есипова, названной так по имени своего составителя; г. Небольсин говорит: „Летопись Есипова, несмотря на риторику и фразерство, – кратчайшая. Она излагает происшествия просто, внятно, без претензий на ученость, без особенных увлечений в чью-либо личную пользу; она заключает в себе обстоятельства, которые служили поводом к ее осуществлению, поименовывает автора, указывает время составления и не скрывает, что летописец распространил тот подлинник, которым он сам руководствовался. Из этого следует заключить, что Есипов худо ли, хорошо ли, но действовал не без критики и описываемые им происшествия соображал с хронологическим их порядком и с местными обстоятельствами. Здесь про

Строгановых, пермских купцов, ничего особенного не говорится, и на первом плане стоит один только „онный велемудрый ритор Ермак“ с своими людьми. Есипов выкинул даже из первообраза своей летописи ссылку на другую летопись: „Инии же поведают летописцы, яко призваша их (Ермака с товарищи) с Волги Строгановы и даша им имения“ и проч. Есипов понимал, что здесь каждое слово-вещь невозможная, и потому просто пишет, что Ермак с товарищами сам пришел с Волги в Сибирь. Другая летопись неизвестного автора. Она повторяет многое, что есть у Есипова, но еще более, чем Есиповская летопись, округляет периоды, увеличивает их объем вставочными предложениями и всюду блестит цветами красноречия, употребляя обороты и выражения, которые обличают составление ее в позднейшее время, чем летопись Есипова, не говоря уже про промахи против грамматики славяно-церковного языка, под который составитель летописи очень старался подделаться. Все эти обстоятельства заставляют не давать ей той веры, которую внушает к себе летопись Есипова, а кой-какие особенности усугубляют это недоверие и возлагают обязанность подвергнуть ее строгой критике. Занявшись с самого начала ознакомлением читателя с важностью значения именитых пермских солеваров в государственном быту, задолго до появления Ермака на сцене, летопись неизвестного автора выпускает из царских грамот все те выражения, которые могут навести на след к правде, и всеми силами старается выставить Ермаковых казаков существами, непохожими на обыкновенных людей этого разряда: его казаки не воры (в тогдашнем значении этого слова), а сладенькие витязи, всегда готовые плакать от умиления; они не обыкновенные смертные, которых неприятель может при случае разбить в битве и одолеть силою, а почти всюду победоносные герои; автор так и хлопчет, чтоб отстранить какую-нибудь неделикатность со стороны покорителей, и каждому поступку их придает вид самого строгого приличия, хотя бы для этого нужно было переиначить события. Подобного рода пристрастия повели за собой и другого рода ошибки: автор выводит события, не подтверждаемые никакими официальными актами, и прибавляет, где только возможно, то, что может дать важный блеск имени Строгановых. Карамзин в 670 примечании к IX тому своей Истории и Есиповскую и Строгановскую летописи-обе называет древнейшими и достоверными; в 664 примечании к тому же тому он безусловно объясняет, что следует Строгановской летописи, а почему он именно ей следует, этого он не заблагорассудил открыть нам, а в 644 примечании к IX же тому Строгановскую летопись он называет достовернейшею всех иных и сочиненною, вероятно, около 1600 года. Эти слова не заслуживают никакого вероятия уже потому, что Строгановская летопись в самом начале говорит о Сибирской архиепископии, тогда как первая архиепископия учреждена там не ранее 1621 года, и в самом конце говорит о строении городов и церквей, об очищении „всей Сибирския земли“, о проповеди евангельской во всех концах Сибири и о распространении христианства между инородцами, что и заставляет нас относить эту летопись по крайней мере ко второй половине XVII столетия; может быть, даже она и еще позже составлена“.

Всякий, сравнивавший летописи Есипова и Строгановскую, согласится с нами, что отзыв о способе изложения событий в обеих, отзыв, который мы находим в исследовании г. Небольсина, мог произойти не иначе как вследствие какого-нибудь случайного смешения автором обеих летописей, принятия одной

вместо другой: иначе невозможно объяснить, как, например, автор позволил себе сказать, что летопись Есипова излагает происшествия просто, внятно, без претензий на ученость! Стоит только заглянуть в главу III, VI, VIII, чтоб прийти к высказанному нами предположению о смешении автором обеих летописей: неужели это не претензия на ученость, говоря о Сибири, толковать об Италии, говоря о Кучуме, наполнять целую главу толками о Моисее? И можно ли найти что-нибудь подобное в Строгановской летописи? Перед нами две летописи: составитель одной обнаруживает явное пристрастие к своему герою Ермаку, для чего умалчивает о призвании его Строгановыми; составитель другой рассказывает события на основании источников несомненных, именно царских грамот, и приводит вполне эти грамоты-которого из двоих мы должны предпочесть? Неужели мы должны обличать последнего в пристрастии к Строгановым за то только, что он упоминает об участии их в деле Ермака, основываясь на царских грамотах, прямо говорящих об этом участии? Следовательно, Строгановская летопись должна быть предпочтена всем другим известным летописям сибирским по своим источникам, по согласию известий своих с источниками, неоспоримо достоверными. Но если бы даже мы и не знали значения источников Строгановской летописи, то и тогда мы должны были бы предпочесть ее Есиповской, ибо Строгановская объясняет нам явление вполне удовлетворительным образом, указывая на постепенный ход, связь событий: колонизируется страна, соседняя с Сибирью; колонизаторам по обыкновению даются большие права; по особенным условиям новонаселенной страны богатые колонизаторы должны взять на себя обязанность защищать собственными средствами свои поселения, строить острожки, содержать ратных людей; само правительство в грамотах своих указывает им, откуда они могут набрать ратных людей – из охочих козаков; эти козаки особенно становятся им нужны, когда они намереваются перенести свои промыслы и за Уральские горы, во владения сибирского салтана, для чего у них есть царская грамота, и вот они призывают толпу охочих козаков с Волги и отправляют их в Сибирь. Что может быть для историка удовлетворительнее этого повествования? А нас хотят уверить, что гораздо удовлетворительнее, сообразнее с делом отвергнуть свидетельство царских грамот об участии Строгановых в покорении Сибири и признать, что толпа козаков сама по себе бросилась с Волги за Уральские горы и покорила Сибирь! Но, основываясь на источниках достоверных, на царских грамотах, составитель Строгановской летописи, быть может, действительно увлекся, обнаружил явное пристрастие к Строгановым и тем дал право исследователю заподозрить повествование? Действительно, г. Небольсин упрекает составителя Строгановской летописи, что он выпускает из царских грамот все те выражения, которые могут навести на след к правде; г. Небольсин не заблагорассудил подтвердить справедливость своего упрека, не привел ни одного такого выпуска; причина ясна: их нет! Г. Небольсин упрекает также нашего летописца в искажении характера Ермаковых козаков, которые будто бы представлены сладенькими витязями, всегда готовыми плакать от умиления; но во всей летописи встречаем только раз известие, что Ермак пред решительным делом, когда многие козаки были испуганы, со слезами увещевал их молиться богу; но если б даже летописец и несколько раз заставлял козаков своих плакать, то разве г. Небольсин не знает, что наши крепкие предки плакали гораздо чаще, чем мы, слабые их

потомки? Поэтому и Мономах был сладенький витязь, ибо часто плакал? Но, главное, зачем приписывать летописцу то, чего у него нет? Зачем упрекать летописца за то, будто у него козаки являются почти всюду победоносными героями, когда этот летописец говорит нам, что козаки испугались, когда увидели, что засека Кучумова защищается множеством народа, говорит, в каких случаях козацкие отряды были истребляемы; а что козаки действительно должны были более побеждать, чем терпеть поражение, свидетельствует само дело-покорение Сибири; и разве в других летописях г. Небольсин нашел больше известий о поражениях козаков? Разве в его собственном рассказе больше этих известий? Наконец, г. Небольсин упрекает составителя Строгановской летописи в том, будто он так и хлопчет, чтоб отстранить какую-нибудь неделикатность со стороны козаков; но разве в других летописях мы находим известия о том, что г. Небольсин называет неделикатностями? Только тогда можно было бы упрекнуть летописца в пристрастии, если б он скрывал то, что находится в других источниках; но в Строгановском летописце, как нарочно, нет ничего в похвалу нравственности Ермака и его товарищей, нет известия, что козаки наложили на себя обет целомудрия. Г. Небольсин предполагает совершенно иное поведение козаков, выводит на сцену добрых татарок; но это – предположение г. Небольсина, составленное наперекор известиям некоторых летописей, но не Строгановской; за что же г. Небольсин именно вооружается против последней? Г. Небольсин вооружается против Карамзина, зачем тот относит составление Строгановской летописи к началу XVII века; по мнению самого г. Небольсина, ее составление должно относить по крайней мере ко второй половине XVII века, ибо в начале ее упоминается о Сибирской архиепископии, а в конце говорится о проповеди евангельской во всех концах Сибири. Но об архиепископии говорится не в начале летописи, а в заглавии ее, которое, ясно, написано не составителем ее, а позднейшим переписчиком; в самой же летописи, в конце, где следует ожидать известий об архиепископии, их нет; в конце читаем: «Изложена же бысть сия повесть о поставлении городов и острогов в сибирских землях и об отпущении в Сибирь атаманов и козаков Ермака Тимофеева с товарищи, и о походе их козачьем в сибирских странах, и о победе царя Кучума, и о взятии сына его, царевича Маметкула, и о владении Сибирской земли государевых людей русских, сия словеса о сем преходят в конец сей повести, всяк бо чтый да разумеет и дела толикия вещи не забывает: на воспоминание сие писание написах, да незабвенной будет толикия вещи труд». Вот настоящее заглавие памятника написанное самим составителем и измененное позднейшим переписчиком. Что же касается до известия о распространении евангельского учения во всех концах Сибирской земли, то это очень можно было сказать в начале XVII века: под Сибирскою землею разумелось не то, что мы теперь называем Сибирью, пространство от Уральских гор до Восточного океана, но Сибирь в тесном смысле – царство Кучумово.

Составитель Строгановской летописи основывает свои известия на царских грамотах, данных Строгановым, и потому г. Небольсин для проведения своей мысли, что Строгановы не участвовали в деле Ермака, должен был обратиться к рассмотрению этих грамот. Он упрекает ученых, писавших прежде него о Сибири и о Строгановых, в том, что они не так, как должно, понимали эти грамоты, и прежде всего высказывает любопытное мнение, что земли, данные Строгановым,

были даны им не в вотчину, а в посессию, аренду, кортому! Но спрашиваем: в какой грамоте г. Небольсин нашел определение срока пользования данными землями, что было бы необходимо, если бы они даны были в посессию, аренду, кортому? Ошибка г. Небольсина тем важнее, что ведет к неправильному пониманию древних отношений: пустые пространства, которые давались для обработки и населения, не имели никакой ценности в глазах правительства; не могли они даваться на время тому, кто своим трудом, издержками делал их ценными способными приносить правительству доход по истечении льготных лет. Когда московские послы, говоря об избрании царя Феодора Иоанновича в польские короли, упомянули между прочими выгодами, которые получит Польша от этого избрания, и то, что царь будет раздавать бедной шляхте земли по Дону и Донцу, то паны отвечали: «В таких пустых землях что им прибытку будет? У нас за Киевом таких и своих земель много; как вам не сором таких земель и в артикулах писать? Будет ли государь давать нашим людям земли в Московском государстве, в смоленских и северских городах?» (Моск. арх. мин. ин. д. Дела Польские, э 18). Такой же точно сором было бы написать в жалованных грамотах на пустые земли, что они даются на время. «Почему они (Строгановы) сделались вотчинниками Чусовских земель впоследствии времени-это другой вопрос», – говорит г. Небольсин. Нет, не другой вопрос, а тот же самый, и так легко нельзя отделяться от важных, непреодолимых возражений: если Строгановы не получили при Иоанне IV земель в вечное владение, если молчание грамот о сроке владения не указывает на эту вечность, то спрашивается, когда они получили право на вечное владение?

В 1574 году Строгановы выпросили себе жалованную грамоту селиться и заводить промыслы на сибирских реках, и потом видим, что Строгановы, признавши козаков, посылают их за Уральские горы для очищения тех мест, на которые взята грамота, – дело ясно для каждого. Но г. Небольсину надобно было доказать, что Строгановы не имели участия в походе Ермака; с этою целию он делает такое заключение: прошло много лет от взятия Строгановыми грамоты на Сибирь до похода Ермака, следовательно, они не имели видов на Сибирь, да и не могли иметь по недостаточности средств; но спрашивается, зачем же они взяли грамоту на Сибирь, когда не имели видов на эту страну и не могли иметь их по недостаточности средств? Разумеется, что на этот вопрос г. Небольсин не дает ответа. Потом г. Небольсин пытается отвергнуть возможность призыва козаков Строгановыми и говорит: «Могли ли честные, набожные люди Строгановы, усердные слуги царя, к обреченным судьей-государем смерти вора́м посылать ласковую грамоту? Могла ли умным промышленникам Строгановым прийти в голову мысль приглашать к себе целую ватагу, целую армию грабителей, которые их же самих, в дальней глуши, легко могли ограбить? Да и к какой стати Строгановым, стяжавшим себе общее уважение, было нужно решаться действовать вопреки воле благодетельствовавшего им государя?» Все это написано по взглядам XIX века, без обращения малейшего внимания на понятия XVI века: что Строгановы могли призвать волжских козаков, это всего лучше объясняется гневною царскою грамотою к ним, присланною вследствие донесения Пелепелицына; здесь хотя козакам и делается упрек за их прежнее поведение на Волге, однако они принимаются в царскую службу, велено им идти на защиту Пермского края, часть их позволяется Строгановым удержать у себя в службе;

казнью грозит царь козакам только в том случае, когда они будут продолжать служить одним Строгановым, не обращая внимания на царские интересы; надобно вспомнить, с какою легкостью давалось в то время и после прощение козакам, которые «отставали от воровства», а Ермак с товарищами, соглашаясь не промышлять более на Волге, а служить у Строгановых, тем самым отставал от воровства. Наконец, должно заметить, что из всех атаманов, товарищей Ермака, один только Кольцо был обречен на смерть за прежние разбои.

«Говорят, опираясь на Строгановскую летопись, – продолжает г. Небольсин, – что Строгановы послали к Ермаку и ко всем козакам призывную, ласковую грамоту, подписанную 6 числом апреля 1579 года, и что Ермак с 500 козаками явился к Строгановым 21 июня того же 1579 года, два года укрывался у них и готовился к войне с Кучумом и 1 сентября 1581 года пошел завоевывать Сибирь. Рассмотрим же, есть ли хотя какая-нибудь логика в этом известии? Есть ли тут хотя тень правды? Посыльный с Строгановской грамотою мог ехать из Пермской земли на Волгу не ранее вскрытия вод; ему надобно было прибыть на Волгу, разузнавать там втихомолку, под рукой, о месте пребывания Ермака, достичь до этой цели; потом тайком от местных властей уметь найти его, согласить его и других атаманов и всю шайку этих грабителей последовать приглашению Строгановых и дать им срок собраться всем на сборном месте. Ермак должен был раздумать о предложении, которое будто бы делали ему Строгановы, сговорить свою артель и артели других атаманов; убедиться чем-нибудь видимым в выгоды этого зова и, решившись на поход, запастись провиантом хоть на дорогу, сложить его на суда, совершить свое путешествие по двум большим рекам против течения воды и проплыть таким образом не одну тысячу верст, беспрестанно укрываясь от преследований в местах более населенных. В 75 суток, если даже предположить, что вскрытие рек последовало действительно 6 апреля, все это начать, устроить и покончить не было физической возможности!» Не было физической возможности сделать это по трудностям, придуманным г. Небольсиным, но которых в самом деле не было. Строгановскому посланному не нужно было, прибыв на Волгу, разузнавать там втихомолку, под рукой, о месте пребывания Ермака: Строгановы могли узнать прежде от своих приказчиков и рассыльных о месте зимовки козаков; посланному не нужно было тайком от местных властей находить Ермака; ясно, что г. Небольсин, пиша о событии XVI века, представлял себе Приволжскую и Прикамскую сторону в том состоянии, в каком она находится теперь, в половине XIX века; отсюда являются у него на сцену местные власти, от которых надобно было скрываться; из описания волжского пути во второй половине XVI века мы знаем, что от самого казанского устья начиналась уже пустыня. Что Ермак должен был долго думать о предложении Строгановых-это предположение г. Небольсина, неизвестно на чем основанное; летопись говорит, что козакам нечего было долго думать, что они обрадовались предложению и пошли вскоре, и у нас нет никаких оснований усомниться в справедливости этого известия. Не знаем, сколько времени думает г. Небольсин назначить козакам для нагружения на суда провианта, который, по собственным словам его (стр. 72), состоял из небольшого количества толочна, крупы и соли. Г. Небольсин предполагает путешествие Ермака по двум большим рекам; это очень неопределенно, ибо неизвестно место, где зимовал Ермак, где нашел его посланный от Строгановых.

«Ермак, – говорит далее г. Небольсин, – с своею шайкою и другие атаманы не могли жить два года у Строгановых: два года кормить пятьсот человек не земледельцев, а людей и бесполезных и вредных при тогдашнем населении Строгановских аренд было и невозможно и несообразно с здравым рассудком; два года держать такую ватагу людей, не заявив по крайней мере пермским властям, или скрывать ее таким образом, чтобы правительство само не проведало об этом, тоже было невозможно». Это рассуждение отзывается опять понятиями XIX века и обличает очень легкое внимание к источникам; с какой стати Строгановы стали бы заявлять пермским властям своих козаков, когда они находились в полной независимости от этих властей, когда им позволено было прибирать разных людей, охочих козаков и употреблять их как для войны оборонительной, так и наступательной? Г. Небольсин считает невозможным для первых богачей в государстве кормить два года 500 человек; неужели он не знает, сколько дворни держали в это время в Москве бояре и окольные, у которых было гораздо менее средств, чем у Строгановых? Но всего страннее, что люди, необходимые Строгановым и для войны оборонительной, и для наступательной называются бесполезными и вредными!

«Козаки, – говорит г. Небольсин, – и с ними Кольцо, не могли прийти на Чусовую к Строгановым в 1579 году, потому что имя неразлучного и доверенного товарища Ермака-Ивана Кольца-встречается в официальных документах 1581 года при описании волжских набегов 1580 года». Упомянутое об Иване Кольце в 1581 году показывает только, что он не был пойман, а не был пойман известно почему: он укрылся у Строгановых.

«С самого начала 1581 года вогуло-остяцкие племена теснили владения Строгановых и угрожали Перми. Если б Ермак весну и лето этого года действительно был уже на Чусовой и был наемником и нахлебником Строгановых, то прямым следствием этого пребывания было бы то, что его или Строгановы, или земская власть заставили бы защищать русские пределы: Строгановым в 1581 году нельзя было посылать Ермака бог знает куда в такое время, когда беда висела над головой и когда всякая помощь на месте была спасением целого края от будущих разорений. Строгановы, должно быть, даже вовсе не знали о походе к ним Ермака, иначе надо допустить, что (в начале 1581 года), прося у царя ратных людей в защиту своих слободок, а вместе с тем жалуюсь ему на Никиту Строганова, что он не дает им подмоги, они дерзнули скрыть от государя, что у них есть много людей Ермаковой шайки, и таким образом, посредством лжи, довели царя к понуждению и Никиты, и пермских властей грамотою от 6 ноября 1581 года». Непонятно, каким образом г. Небольсин позволяет себе употреблять эти бы относительно деятельности Ермака у Строгановых, когда летопись прямо говорит, что эта деятельность именно состояла в битвах с безбожными агарянами, с мурзою Бегбелием. Строгановым можно было послать Ермака в Сибирь именно в сентябре 1581 года, ибо перед этим временем нападение Бегбелия было ими отражено, сам мурза взят в плен; они не могли ожидать еще нового нападения и решились воспользоваться остающимся до зимы временем для сибирского похода. Не понимаем также, как мог г. Небольсин написать, будто Строгановы просили у царя помощи в начале 1581 года, когда в грамоте своей Строгановы именно упоминают о нападении пелымского князя 1 сентября этого года: «В нынешнем-де, в 90 году, о Семене

дни». В это время им нечего уже было говорить об Ермаке, ибо они его отправили в Сибирь.

Здесь мы должны остановиться, ибо дальнейшие предположения и объяснения г. Небольсина, касающиеся самого похода Ермака в Сибирь, не идут к нашему делу: наша цель была опровергнуть возражения, направленные против источника которым мы пользовались при нашем рассказе.

II. О мире с Баторием

Поссевин был встречен подозрительно и недоброжелательно в польском лагере. Подозревали, что он держит сторону царя в надежде обратить его в католицизм, и смеялись над такою претензией. В переписке Замойского с разными лицами нередко встречаем выходки против иезуита. Так, в письме его к Збаражскому читаем: «Я было думал, что по окончании мирных переговоров Москва уверует в Поссевина и образ его поставит подле Николы или Пречистой в Пещерах, но они и в перемирном листе писать его не хотят». В одном письме к королю Замойский говорит: «Есть люди, которые всех иезуитов называют плутами, – это, конечно, несправедливо; но, кто этого одного так назовет, тот, к несчастью, пожалуй не ошибется». Замойский обвиняет Поссевина, что тот посредством общих выражений, умалчиваний в договоре о разных уступаемых с обеих сторон местностях дружил московскому царю. Но если бы Поссевин дружил царю, то ему стоило бы только отписать в Москву о печальном состоянии польского войска под Псковом. 15 января Замойский писал комиссарам, ведшим переговоры о мире, чтоб поскорей оканчивали дело, потому что более осьми дней не может ни удерживать войско под Псковом, ни вести дальше в землю неприятельскую, а принужден будет отступить назад со стыдом и большою потерю, потому что венгры все опустошили и войско на обратном пути будет помирать с голоду. Замойский сильно боялся войны со шведами и даже советовал королю в случае этой войны заключить союз с Москвою и уступить ей морской берег в устьях Невы (Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию, изд. М. Коялович, 1867 года **Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581–1582 гг.), изд. М. Коялович. СПб, 1867.**).